

Российская академия наук
Институт славяноведения

Андрей Ганин

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922 гг.

Том II

Научный редактор:

В.И. Голдин, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки России, президент Ассоциации исследователей Гражданской войны в России

Рецензенты:

Р.Г. Гагкуев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Н.С. Кирмель, доктор исторических наук,

действительный член Академии военных наук Российской Федерации

М.И. Мельтюхов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела

Е.П. Серапионова, доктор исторических наук, заведующая отделом
Института славяноведения РАН

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(протокол № 2 заседания Ученого совета Института славяноведения РАН
от 28 февраля 2023 г.)

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

Издание подготовлено при финансовой
поддержке Фонда «История Отечества»

DOI: 10.31168/907589-29-2

А.В. Ганин

Г19 Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М. : Кучково поле Музеон, 2023. Т. 2. — 968 с.

ISBN 978-5-907589-29-2

ISBN 978-5-907589-52-0 (Т. 2)

Монография доктора исторических наук А.В. Ганина посвящена комплексному исследованию роли военной элиты — специалистов Генерального штаба (прежде всего, выпускников Николаевской военной академии) в событиях Гражданской войны в России 1917–1922 гг. В работе на основе широкого круга документальных материалов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются сложные процессы вовлечения офицеров-генштабистов в революцию, раскол Генерального штаба, роль этих специалистов в создании и укреплении противоборствующих армий — Красной, белых и национальных, участие в политической борьбе, в работе подпольных организаций, проявления корпоративной солидарности, поведенческие стратегии, включая переходы из одного лагеря в другой, подготовка новых кадров Генштаба, а также последствия втягивания военной элиты в братоубийственную войну. В монографии использованы документы 53 архивов 14 стран: России, Азербайджана, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Польши, США, Украины, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Эстонии, в том числе архивы спецслужб и материалы семейных архивов потомков офицеров. Исследование предназначено для всех интересующихся военно-политической историей России и сопредельных государств первой четверти XX в.

ISBN 978-5-907589-29-2

ISBN 978-5-907589-52-0 (Т. 2)

© Ганин А.В., текст, 2023

© ООО «Кучково поле Музеон»,
оригинал-макет, издание, 2023

Оглавление

ГЛАВА VI. КОРПОРАТИВИЗМ ГЕНШТАБИСТОВ	7
§ 1. Организации «лиц Генштаба» выпуска 1917 г.	7
§ 2. Корпоративизм курсовиков 3-й очереди	52
§ 3. Объединения слушателей Академии Генштаба РККА	55
§ 4. Корпоративизм генштабистов антибольшевистских армий	71
§ 5. Униформа и знаки генштабистов как корпоративные символы	77
ГЛАВА VII. ГЕНШТАБИСТЫ МЕЖДУ ФРОНТАМИ: ПЕРЕХОДЫ И ПЛЕН	89
§ 1. Переходы «лиц Генштаба» РККА на сторону противника и плен	89
§ 2. Политика антибольшевистских сил в отношении выпускников академии – перебежчиков и пленных	127
§ 3. Пленные генштабисты в Советской России	154
ГЛАВА VIII. ГЕНШТАБИСТЫ И БОРЬБА СПЕЦСЛУЖБ	217
§ 1. Генштабисты на разведывательной и контрразведывательной работе	217
§ 2. Генштабисты в антибольшевистском подполье	259
§ 3. Генштабисты и террор	300
ГЛАВА IX. ОСОБЕННОСТИ СЛУЖБЫ И РЕАЛИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГЕНШТАБИСТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	372
§ 1. Режим работы	372
§ 2. Награды и поощрения, карьеры	391
§ 3. Злоупотребления, должностные преступления и проступки	415
§ 4. Материальное положение, социальное обеспечение и повседневность	435
§ 5. Питание	490
§ 6. Жилищные условия и имущество	501
§ 7. Досуг	517
§ 8. Заболеваемость	529
ГЛАВА X. ПОДГОТОВКА КАДРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В 1917–1922 гг.	539
§ 1. Николаевская военная академия в 1917–1922 гг.	539
§ 2. Академия Генерального штаба РККА в 1918–1922 гг.	574
§ 3. Подготовка младших штабных работников на курсах и в школах Советской России	613
§ 4. Подготовка кадров Генштаба на военном факультете Туркестанского государственного университета	631
§ 5. Подготовка кадров Генштаба в национальных государственных образованиях в 1917–1922 гг.	637

ГЛАВА XI. КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	
И ИТОГИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	661
§ 1. Генштабисты в операциях заключительного этапа конфликта (1920–1922 гг.)	661
§ 2. Специалисты Генерального штаба в командном составе РККА в 1920–1922 гг.	686
§ 3. Положение военспецов-генштабистов в СССР	711
§ 4. Эмиграция генштабистов из России, возвращенцы	785
§ 5. Потери и судьбы	798
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	804
ПРИЛОЖЕНИЯ	824
Приложение 1. Сведения о распределении лиц Генерального штаба и слушателей старой и красной академии Генштаба и академии Сибирского правительства по фронтам и тыловым учреждениям к 1 января 1921 г.	824
Приложение 2. Описания подвигов слушателей и выпускников Николаевской военной академии, награжденных в 1919–1924 гг. орденом Красного Знамени РСФСР и Почетным революционным оружием	829
Приложение 3. В. А. Замбржицкий. Градация офицеров Генерального штаба. 1928 г.	846
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, АББРЕВИАТУР И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	853
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	857
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	940

Глава VI.

Корпоративизм генштабистов

§ 1. Организации «лиц Генштаба» выпуска 1917 г.

События революции и Гражданской войны в России делали человека беззащитным перед произволом и ущемлением его прав буквально со всех сторон. Именно поэтому в период Русской Смуты в целях самозащиты особенно обострились корпоративное чувство единства и взаимопомощь у многих социальных и профессиональных групп. Особую значимость приобретали горизонтальные связи и самоорганизация. Не стали исключением и офицеры Генерального штаба.

Полковник Д. Н. Тихобразов вспоминал, что корпоративный дух старого Генерального штаба «был не поколеблен новыми веяниями» и что даже в советских условиях действовала взаимовыручка генштабистов¹. Один из советских военных деятелей якобы говорил в 1920 г.: «Эти генштабисты, вы ведь знаете, одна семья. Их мало, они друг друга знают»². Во многом так и было. Многие офицеры были связаны друг с другом как общностью по выпускам из академии, так и прежней службой, а некоторые и родственными узами. Все это позволяло посредством связей и социального капитала преодолевать некоторые сложности, возникавшие из-за Гражданской войны. Это подтверждается разнообразными примерами. Так, подполковник З. А. Алферов, впоследствии ставший видным деятелем Белого движения на Юге России, в начале 1918 г. получил из военного комиссариата в Петрограде при посредстве своих сослуживцев полковников А. В. Станиславского и В. И. Шишкина удостоверение об отставке и проездные документы на Дон³. Характерна цитата из воспоминаний генерала П. С. Махрова, проживавшего в 1918 г. на Украине: «Я отправился в гетманский штаб, чтобы чрез знакомых офицеров Генерального штаба выяснить обстановку»⁴. Т. е. посторонний офицер в военное время мог прийти в штаб армии и, благодаря корпоративной общности с прежними знакомыми, узнать все необходимое в довольно опасной для обывателей обстановке.

Контакты между генштабистами в некоторых случаях поддерживались и через линию фронта, и даже нахождение в противоборствующих армиях этому не препятствовало. Например, донской атаман П. Н. Краснов, узнав, что в РККА

¹ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XIV. С. 2 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

² Савченко И. Г. В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016. С. 188.

³ Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 116–117.

⁴ Махров П. С. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 7. С. 630 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

на руководящем посту служит его знакомый генерал Я. Д. Юзефович, написал тому письмо в Москву с вопросом, как такое могло произойти. Позднее выяснилось, что у красных служил другой генерал с похожей фамилией — Ф. Д. Иозефович¹, а письмо Краснова, не достигнув адресата, оказалось перехвачено.

Более ярким представляется другой пример. Начальник штаба командующего войсками Северо-Западного района Донской армии белых генерал В. А. Замбржицкий в 1918 г. поддерживал через линию фронта связь со своим товарищем — бывшим генералом-генштабистом РККА. Как утверждал начальник Замбржицкого, уже упоминавшийся З. А. Алферов, «Замбржицкий получал от этого генерала нужные нам сведения и сообщал ему второстепенные [мелкие] сведения о нас, те сведения, выдача которых нам не могла повредить. Путь весьма скользкий!»² По утверждению Алферова, речь шла о служившем в Воронеже начальнике штаба армии с немецкой фамилией Ратцель³. Генерала с такой фамилией или начальника штаба армии в РККА не было. Однако документально известно, что начальником военных сообщений при Воронежском округе путей сообщения с 22 июля 1918 г. являлся бывший полковник И. И. Раттэль. С 11 сентября 1918 г. он же занимал пост начальника военных сообщений советского Южного фронта⁴. Более того, он являлся товарищем Замбржицкого по выпуску из академии в 1911 г. Очевидно, Замбржицкий поддерживал связь именно с ним. Интересно, что никто из участников этого обмена информацией, по-видимому, не считал себя агентом противника.

Положение выпускников академии в те годы было предельно сложным. В отличие от основной массы офицерства генштабисты в силу их относительной немногочисленности находились на виду, а сделанный ими выбор в неясной обстановке Гражданской войны мог радикально повлиять на всю их будущую службу. Тем более что противоборствующие стороны очень быстро перешли к проведению в жизнь лозунга «Кто не с нами — тот против нас!» и наложению различных ограничений на перспективы продвижения по службе тех офицеров, которые к ним сразу не присоединились или же служили во враждебном лагере.

Во многих случаях речь шла о товарищеской взаимовыручке генштабистов. Например, о заступничестве в связи с арестом или помощи в уклонении от такового. В письме председателю РВСР Л. Д. Троцкому из Стокгольма от 19 октября 1918 г. полпред СНК в Скандинавии В. В. Воровский сообщал: «С неделю тому назад в нашу миссию попал по недоразумению некто Георгий Гиссер, в свое время назначенный Вами военным атташе в Швецию. Г. Гиссер был направлен бывшим военным атташе [Д. Л.] Кандауровым в старое русское консульство, помещавшееся раньше рядом с нашей теперешней квартирой. Не подозревая, что он попал в среду агентов правительства, которое он призван был также представлять здесь, г[осподин] Гиссер разоткровенничался и заявил, что, когда он находился в Петрограде и работал при Генеральном штабе, большевики подозревали его в контрреволюционности и в сношениях с Алексеевым

¹ Алферов З. А. Воспоминания. С. 253.

² Там же. С. 245.

³ Там же.

⁴ Список Генерального штаба. Составлен по сведениям, имеющимся в Организационном управлении Всероссийского главного штаба к 15 июля 1919 года // РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1609. Л. 33об.

и, таким образом, его свободе, а может быть, и жизни угрожала опасность. Чтобы спасти его от большевистского преследования, начальник Генерального штаба^I фиктивно назначил его военным атташе в Швеции. По приезде сюда он немедленно отправился к Кандаурову и по совещании с ним послал в штаб заявление о своей отставке. На мой повторный вопрос: “Следовательно, начальник штаба сознательно помог Вам уйти из России”, г[осподин] Гиссер ответил утвердительно.

Сообщаю этот факт для характеристики той преданности, которая, по-видимому, царит в Генеральном штабе^{II}. Речь шла о бывшем генерал-майоре Г.Г. Гиссере и, по-видимому, бывшем генерал-лейтенанте Н.М. Потапове, исполнявшем обязанности начальника Генерального штаба и добросовестно служившем новой власти. Известны и другие примеры подобного рода. Так, генерал П.И. Аверьянов вспоминал, что смог эвакуироваться из Новороссийска и попасть на пароход только благодаря помощи своего ученика по академии^{III}. Есть данные и о том, что в Академии Генштаба РККА поссорившиеся преподаватели бывшие генералы А.А. Свечин и С.Г. Лукирский для разбора конфликта организовали суд чести под председательством бывшего генерала А.Е. Снесарева^{IV}.

Это частные случаи товарищеской взаимовыручки и взаимодействия. Но в период 1917–1922 гг. генштабисты образовали целый ряд формальных и неформальных объединений, в которых группировались по признаку корпоративной принадлежности к академии Генштаба или к тому или иному из ее выпусков. По одному из определений, неформальное объединение — это спонтанно сложившаяся система социальных связей, норм, действий, являющихся продуктом длительного межличностного и внутригруппового общения.

Невероятно, но возникший до революции фонд взаимопомощи офицеров Генерального штаба по инерции просуществовал, по крайней мере, до конца 1918 г. при Организационном управлении ВГШ. По данным на конец ноября 1918 г., средства фонда хранились у казначея отдела по устройству и боевой подготовке войск ВГШ^V. Наличие такого фонда оставляет необычное впечатление того, что революционные потрясения совершенно не затронули некоторые стороны службы генштабистов. Единственное, что изменилось — офицеры Генерального штаба в названии фонда стали именоваться бывшими офицерами^{VI}.

Значение фонда в советский период многократно возросло, поскольку положение семей генштабистов резко ухудшилось, а многие оказались просто на грани выживания. Характерно сообщение генштабиста Б.А. Левицкого в Организационное управление ВГШ от 11 ноября 1918 г.: «Вчера, 10 ноября с.г., я встретил на улице одиноко стоящего, оборванного старика, из разговора с которым выяснилось, что он отец покойного ныне генштаба В.В. Макухина, который являлся его единственной опорой в жизни. Старику 72 года, он нищий. Я помог ему, чем мог,

^I Подчеркнуто красным карандашом.

^{II} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 56.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 251.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 53об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 79.

^{VI} Там же. Л. 119. В Советской России в августе 1918 г. также существовал союз окончивших Интендантскую академию (РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 114).

но сам едва свожу концы с концами...»^I Начальник общего отделения Оперативного управления ВГШ генштабист Б.М. Иванов просил помочь деньгами на операцию жене, так как находился в тяжелом материальном положении, будучи обременен семьей, и был вынужден влезть в долг^{II}. Для таких людей поддержка фонда могла стать спасительной, хотя материальную помощь старались оказывать лишь семьям умерших генштабистов.

К 9 ноября 1918 г. в фонде имелось 6425 руб. 10 коп., которые хранились, судя по всему, в отделении по службе Генштаба ВГШ^{III}. Фонд сыграл немалую роль в деле поддержки семей генштабистов и исправно выдавал пособия нуждавшимся, что было особенно важно в катастрофических жизненных условиях революционной эпохи. Существование такого фонда в Советской России было важным показателем высокого корпоративного духа бывших офицеров-генштабистов.

В годы Гражданской войны корпоративизм генштабистов усилился. В РККА он поддерживался специальным учетом кадров Генерального штаба, их особым положением, сохранением приставки «Генерального штаба» перед их фамилиями в документах. У генштабистов РККА существовали и свои организации. Особенно отличились в их создании курсовики. Это были молодые амбициозные офицеры, стремившиеся утвердиться в Генштабе, несмотря на непродолжительное время обучения в академии. Курсовикам приходилось отстаивать свои позиции в борьбе со старым Генштабом.

Отход от прежней жесткой субординации, предопределявшейся упраздненными чинами, проникновение курсовиков на высокие посты в Красной армии укрепили корпоративный дух выпускников курсов и подготовили почву для их коллективной борьбы за свое положение в новой армии.

Из всех трех очередей ускоренных курсов Военной академии, завершивших обучение к 1918 г. включительно, наибольшую общественную активность и корпоративную солидарность проявляли выпускники курсов 2-й очереди. Курсовики 3-й очереди в основном оказались на Восточном антибольшевистском фронте, где господствовала традиционная для старой армии иерархия с определяющим значением старшинства в чинах и по выпуску из академии, а объединение молодежи мало что давало для продвижения по службе. Курсовики 1-й очереди были разбросаны по разным лагерям Гражданской войны и по своему духу были ближе к довоенным выпускникам академии (многие окончили младший класс академии еще в 1914 г., а на ускоренных курсах доучивались). Лишь курсовики 2-й очереди практически в полном составе попали в Красную армию, где создали довольно крупную группировку военспецов. Их многочисленность в среде специалистов Генерального штаба РККА позволяла им активнее бороться за свои права. У некоторых генштабистов довоенных выпусков складывалось впечатление, что курсовики 2-й очереди составили едва ли не треть всего красного Генштаба периода Гражданской войны^{IV}. На самом деле это была иллюзия. Так, на март 1919 г. в РККА служили не менее 671 выпускника старой академии, в том числе не менее

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 75.

^{II} Там же. Л. 115, 116.

^{III} Там же. Л. 116.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 15.

103 выпускников курсов 2-й очереди. В 1919 г. активная борьба курсовиков за групповые интересы и корпоративное единство привели к арестам целого ряда представителей этой категории военспецов.

Организованные формы корпоративного единства сложились у курсовиков еще в период их обучения в академии. Это были порожденные событиями 1917 г. комитеты¹. Известно, что летом 1917 г. функционировал исполнительный комитет офицеров выпуска 1916 г. под председательством капитана В.Д. Песоцкого (товарищ председателя и секретарь капитан С.Н. Колегов)².

Курсовик В.М. Цейтлин писал в дневнике 9 октября 1917 г. о значимости комитета курса в жизни слушателей: «Наш исполнительный комитет сыграл в общем большую роль, и хорошо, что мы успели сорганизоваться. Среди нынешних порядков без марки исполнительного комитета не проживешь»³.

На заседании комитета старшего класса Военной академии 13 марта 1918 г. было принято решение в связи с окончанием курсовиками 2-й очереди академии переименовать комитет старшего класса в комитет выпуска 1917 г. Председателем комитета был А.Л. Симонов, товарищем председателя – Н.П. Величкин, секретарем – С.Н. Голубев, казначеем – Смирнов. В качестве членов в комитете состояли Е.М. Гарабурда, Н.Н. Доможиров, Г.Я. Кутырев, В.Н. Маслов, М.В. Молочанов, Г.И. Теодори, К.С. Хитрово и И.Д. Чинтулов. Запасными членами значились Г.Б. Салимов, М.А. Поликарпов и Ф.Н. Боровский⁴. Полномочия прежнего комитета считались перешедшими с 12 марта к аналогичному комитету из слушателей подготовительных курсов 3-й очереди под председательством подполковника И.М. Витоля при секретаре Федорове⁵.

Разъехавшись по стране, бывшие выпускники ускоренных курсов 2-й очереди не прекратили поддерживать связь друг с другом. Причем речь идет не о частных дружеских взаимоотношениях бывших сокурсников. Наоборот, связь всего выпуска была централизована через комитет выпуска и осуществлялась посредством циркулярной рассылки почтотелеграмм. В архиве академии удалось обнаружить три пронумерованные почтотелеграммы (№ 1 от 24 марта 1918 г., № 2 от 7 апреля и № 3 от 19 апреля⁶), которые рассылались председателем комитета выпуска А.Л. Симоновым своим однокашникам и руководству академии с информацией

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1362. Л. 346.

² РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

³ АВИМАИВИВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 248; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 291.

⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 117об.

⁵ Организация комитетов для руководства внутренней жизнью академии была одним из требований большевистского руководства. Так, согласно приказу народного комиссара по военным делам № 316 от 3 мая 1918 г. об открытии ускоренных курсов академии, управлением внутренней жизнью академии ведал комитет из трех представителей преподавательского состава, трех слушателей старшего и трех слушателей младшего курсов, комиссара, начальника академии и правителя дел с правом совещательного голоса (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.). Комитет имел право отчислять слушателей из академии. От профессорско-преподавательского состава в комитет вошли А. Ф. Матковский, А. П. Слижилов и Г. В. Леонов, от слушателей старшего курса – Н. Г. Сабельников (староста курса), Г. А. Армадеров и Д. П. Артынов (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 16. Л. 18об., 49). Впрочем, приказом по академии № 87 от 5 мая 1918 г. комитеты, за исключением хозяйственного, ликвидировались, а специальная комиссия в составе профессора М. А. Иностранцева, штатного преподавателя П. Ф. Рябикова, заведующих слушателями Б. П. Богословского и И. И. Сторожева должна была разработать вопрос о новых формах представительства слушателей (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 197; Д. 16. Л. 2).

⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 109об., 111об., 118об.

о наиболее важных новостях выпуска и о распределении выпускников по местам службы. В почтотелеграммах указывалось, какие денежные суммы и на какие цели выпускники должны были сдавать, а также приводились отчеты о движении денежных средств. Симонов просил информировать о содержании почтотелеграмм тех выпускников, которые их не получали, так как всему выпуску такие информационные сообщения высланы быть не могли^I. Рекомендовалось поддерживать связь через штабы военных советов районов и военных округов^{II}.

Положение курсовиков в советской военной иерархии в то время было еще очень неопределенным, в том числе и в вопросе назначений. Старые генштабисты предпочитали набирать себе в штабы своих опытных коллег, а не молодежь. В благоприятном разрешении этой проблемы свою роль сыграл и корпоративизм курсовиков. В почтотелеграмме № 3, рассылавшейся для информирования выпуска 2-й очереди о текущих событиях, об этом сообщалось следующее: «Очень много труда требует обеспечение выпуска штатными местами. Помимо трений, связанных вообще с получением места теперь (приказ о том, что выпуск нужен, что без его работы обойтись нельзя — оказался без почвы, ибо как только появляется офицер Генштаба или лицо, лично знакомое начальнику, то начинается “выжимание”), возникает еще много недоразумений, имеющих причиной свойства личного характера командированного на открывшуюся должность»^{III}.

Приказ по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. за подписью и.о. начальника Генштаба Н.М. Потапова гласил: «Поименованные в прилагаемом при сем списке слушателей Николаевской военной академии, успешно окончившие старший класс академии 2-й очереди в 1918 году, на основании пункта 34-го положения об ускоренной подготовке в упомянутой академии, объявленного в приказе по военному ведомству 1916 г. за № 627, причисляются к Генеральному штабу, с тем, что для перевода в Генеральный штаб они должны в определенный срок выдержать экзамены по предметам старшего класса, выполнить работы по съемкам и сдать все темы дополнительного курса.

Неудовлетворительное исполнение какого-либо из всех этих условий должно повлечь отчисление не выполнившего от Генерального штаба, тем самым прерывая дальнейшее выполнение указанных испытаний. Также подлежат отчислению от Генерального штаба те из причисляемых, которые по выполнении всех условий получают в окончательном среднем менее 10 баллов.

Перевод в Генеральный штаб ныне причисляемых лиц может последовать лишь при наличии штатных должностей Генерального штаба»^{IV}.

Таким образом, выпускники ускоренных курсов 2-й очереди были причислены к Генеральному штабу. В тот период они рассматривали несколько вариантов своего вхождения в корпорацию генштабистов. Некоторая часть стремилась продолжить обучение в дополнительном классе академии, если такой предполагалось

^I Там же. Л. 111.

^{II} Там же. Л. 110об.

^{III} Там же. Л. 109об.

^{IV} Там же. Л. 115об.

открыть. Впрочем, этот вариант считался маловероятным¹. Наиболее оптимальным был вариант перевода в Генштаб без дополнительного обучения. Между тем из приказа от 23 марта не было ясно, в какие сроки академия даст выпуску законченное образование или переведет его в Генштаб. Основной задачей выпускников было получение полноценного образования и вхождение в корпорацию генштабистов без каких-либо старорежимных условностей и ограничений, которые сопровождали службу курсовиков в 1917–1918 гг. и также проявились в приказе от 23 марта. После этого важнейшим этапом корпоративной борьбы молодых выпускников ускоренных курсов, причисленных к Генеральному штабу, стало пробивание своего перевода в Генштаб.

Фактически сразу после окончания старшего класса выпускники были направлены на срочную работу по формированию Красной армии в связи с угрозой германского наступления. 3 марта конференция академии признала слушателей окончившими курс и ходатайствовала об их причислении к Генштабу. Однако 10 марта 1918 г. занятия в академии были неожиданно прерваны до экзаменов, поскольку начальник академии получил распоряжение военного руководителя ВВС М.Д. Бонч-Бруевича о закрытии академии и об отправке слушателей в штабы военных советов Петроградского и Московского районов. Помимо этого неделей ранее из старшего класса забрали 18 слушателей в Кавказскую армию, 12 – на укомплектование полевых штабов, 3 – в распоряжение начальника артиллерии Петроградского района и 6 – в распоряжение начальника инженеров того же района².

Неопределенность положения выпускников курсов породила сильное недовольство в их среде. Выпускников уже активно использовали в новой армии, но прав полноценных генштабистов не давали. Некоторые патентованные генштабисты смотрели на них снисходительно и с предубеждением. Курсовики – боевые офицеры, прошедшие горнило мировой войны, обоснованно воспринимали подобное отношение как унижительное и несправедливое. Угроза оказаться на второстепенных ролях в зарождавшейся Красной армии способствовала укреплению корпоративной сплоченности курсовиков.

Активную работу вел Г.И. Теодори, который готовил различные доклады по поводу ущемления прав выпуска. В частности, 23 марта и 6 апреля 1918 г. он составил доклады о тяжелом материальном положении своих однокашников³.

Курсовики проводили общие собрания в Петрограде и Москве, на которых обсуждали свои проблемы. 29 марта 1918 г. причисленные к Генштабу офицеры Московского военного района провели общее собрание и составили резолюцию, в которой отмечали факт прерывания занятий в академии перед самым началом экзаменов не по воле слушателей. Однако на основании большого практического опыта слушателей, а также в связи с тем, что они прослушали в полном объеме лекции младшего и старшего курсов, конференция академии и Высший военный совет признали их вполне подготовленными для занятия

¹ Там же. Л. 61об.

² Там же. Л. 105об.

³ Там же. Л. 23–24. Документы опубликованы в: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 247–248.

ответственных должностей. Тем не менее был отдан неопределенный приказ от 23 марта.

В резолюции отмечалось: «Когда неясный и хаотический период формирования новой армии, в котором мы приняли с первых же минут самое живейшее участие, стал более ясным и определенным, то стали являться с предложением своих услуг офицеры Генштаба прежних выпусков и, заняв высшие или равные с нами должности и не видя нашей работы, не задумываются, в общем, отстранять нас от занимаемых нами штатных должностей или препятствуют к занятию таковых, объясняя такой странный образ действий тем, что мы недоучки ускоренных выпусков, не держали экзаменов, мало опытные, не Генштаба, а только причисленные и т.п.»¹. Если выпускников считали неопытными, то они требовали дать им возможность доучиться. Если же опыт их признавался достаточным, требовали предоставить права, аналогичные выпускникам курсов 1-й очереди. Резолюция была разослана всем выпускникам с просьбой прислать свои суждения к 15 апреля.

Ситуация осложнялась тем, что одновременно с окончанием академии курсовики должны были сделать выбор, с кем быть в разворачивавшейся Гражданской войне. Неопределенными были и многие вопросы, связанные с устройством зарождавшейся Красной армии. Разъясняет характер событий частное письмо председателю комитета выпуска А.Л. Симонову, написанное, по всей видимости, Г.Я. Кутыревым:

«На приказ № 22 собрание реагировало резолюцией. Копия прилагается. Чтобы понять истинный смысл пункта “б” этой резолюции, необходимо ввести Вас в самый курс дела.

Прежде всего, из числа назначенных в Москву приехало сразу лишь 36 человек, а не 55. Часть еще из Петрограда взяла направление на свои дома. Приехавшие офицеры были встречены через меня хорошо. Начштаба приказал их распределить по районам, которые к этому времени уже наметились. Но с первых же шагов они стали вносить старую, стадную, бестолковую атмосферу своей аудиторией! Ко мне, как ближе к ним стоящему”, они стали приставать довольно настойчиво с такими вопросами: “А скоро ли нам дадут денег?” — “А скоро мы поедем на места?” — “А скоро ли будут назначены начальники районов?” — “Мы ждать не можем, мы не желаем быть в неопределенности” и т.п. Приходилось чуть ли не каждому разъяснять, что нужно терпение, что нужно подождать, что сейчас только идет творческая работа по созданию определенных форм вашей службы, что нужно отрешиться от старых отживших форм, когда вы, являясь в штабы, в сущности приезжали на все готовое, что теперь вам самим нужно быть творцами чего-то нового, а не требовать от кого-то и чего-то и т.п. Одним словом, та же старая, нудная картина, которая лишь лишний раз подчеркнула полное непонимание сущности современной обстановки, требующей прежде всего только гибкости, т.е. если она требует выжидать — выжидай, если требует колоссальной энергии — дай ее, если трудно выяснить политическую обстановку — жди, наблюдай и делай выводы. Многие не поняли или не хотели понять этого, уперлись и,

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 106об.

² В документе несогласованно — стоящих.

несмотря на всякие разъяснения, уехали. Ставился, например, остро вопрос: “Нужно ли идти в армию, в штабы ее, когда во главе стоят большевики?”

На такой вопрос, вопрос внутреннего голоса, твоего мирозерцания, твоего убеждения — думаю, никто, кроме спрашивающего, не мог ответить. Отсюда вывод: некоторые не могли как духовно, так и умственно подняться на историческую точку зрения в этом вопросе, решить его самостоятельно и сказать — “да” или “нет”. Узкость¹ взгляда, привычка получать указания сверху сказались здесь. В результате долгих и многих указаний и разъяснений, а иногда уговоров остались и заняли места. Отмечу еще одну данную. Некоторые заняли прямо неприемлемую позицию в отношении мест службы. Упрямство Цейтлина, Тюренкова² прямо поразительны. И тот и другой хотели попасть в Рязань, а места не было. Выручил случай: Тюренков уехал домой, тогда место его занял Цейтлин. Относительно отъезда домой ставились тяжелые положения, вытекающие опять из непонимания современной обстановки. Многие хотели уехать, но сохраняя за собой места, мотивируя тем, что ничего-де, пусть, когда руководители еще не назначены. Действительно, руководителей еще не было, но они собирались Баиовым, т.к. все нужно было создавать заново.

Отсюда вывод: нужно было подождать и все выяснится. И действительно, теперь уже окончательно распределены роли, руководители приехали, получили задания и даже некоторые разъехались на места. В период такого кипения был получен приказ № 22. Тогда всплыл на сцену новый сложный вопрос, что-де старый Генштаб ставит им всякие препятствия, третирует нас и т.п., и все это подтверждалось фактами. Один руководитель, некто Алянчиков, устранил [Е.П.] Ильина. Вызвано это было резкостью самого Ильина. Другой, некто Суворов, действительно выказал некоторую резкость, когда ему было сказано, что к нему в штаб назначены такие-то причисленные. Но когда ему [В.Э.] Томме в определенной форме заявил, что в таких-де случаях все уйдут от него, то он смягчился и теперь все причисленные служат с ним. От таких отрицательных явлений не освободишься, они всегда были и будут. В общем же, считаю долгом сказать, что отношение благожелательное. Тот же Алянчиков назначал даже Томме на должность н[ачальни]ка штаба к себе в отряд и упорно его просил к себе, [В.В.] Хрулева долго уговаривал занять место. Тот в конце концов согласился.

Одним словом, обычное явление подбора себе сотрудников более приятных хотя бы (если лично не знали) по наружности. В частности, в личном со мною разговоре с н[ачальни]ком Западного участка Егорьевым он прямо мне сказал: “Мне [К.П.] Тераевич не нравится. Я его не знаю, каков он в работе, но наружность его говорит не в его пользу”. Впоследствии он его передал нам.

Сама работа их введет сильные коррективы в их служебные отношения: кто работник, тот завоюет себе твердое положение. В силу этого я прошу Вас, когда будете докладывать нач[альнику] акад[емии], то обрисуйте ту психологическую обстановку, в которую вылился пункт б “Резолюции”.

Со своей стороны скажу, что крайне желательно вообще собрать нас, чтобы окончательно закончить свое образование. И если Андогский пойдет навстречу

¹ Так в документе.

² Имеются в виду выпускники ускоренных курсов 2-й очереди В. М. Цейтлин и Б. Н. Тюренков.

этому и соберет нас в Екатеринбурге, то будет хорошо. Нужно иметь в виду, что, выждав некоторое время, когда многие устроятся, в академию пойдут лишь те, кто действительно хочет служить в Генштабе»¹.

13 апреля аналогичное общее собрание провели причисленные к Генштабу Петроградского района. На собрании присутствовали лично или прислали представителей 74 выпускника. При обсуждении было отмечено, что к Генштабу обычно причисляли после экзаменов, а здесь причисление произошло до них, но не было окончательным, поскольку обставлялось рядом дополнительных условий. Перевод осуществлялся по удостоению начальства и при наличии вакансий. Таким образом, выпускники считали себя лишенными полноценного причисления к Генштабу и перевода в него. Обида усугублялась тем, что часть слушателей сдали экзамены в академию еще до Первой мировой войны, затем от полугода до двух лет прослужили в строю в годы войны и полтора-два года на должностях Генштаба до уровня начальников штабов дивизий включительно. Сравнивая себя с выпускниками предыдущих лет, курсовики отмечали, что так называемый выпуск 1915 г., например, для полноценного вхождения в Генштаб должен был только сдать темы дополнительного курса.

7 апреля 1918 г. председатель комитета выпуска Симонов писал начальнику академии А.И. Андогскому: «Если обратиться к условиям, поставленным для перевода в Генштаб, то обязательство выполнить работы по съемкам является необъяснимым, ибо совершенно не учтены силы, которые прошли через старший класс 2-й очереди. Ведь достаточно указать, что каждый из выпуска за 1½–2 года войны и в самый ее тяжелый период отбыл такой строевой и боевой ценз, столько сделал рекогносцировок и собственными ногами и головой исследовал поля Галиции, Польши, Восточной Пруссии, Белоруссии и Курляндии, пустыни Месопотамии и горы Армении, — рекогносцировок, на основании коих в штабах (да будут мне свидетелями боевые члены Конференции^{II}) разрабатывались операции целых армий. Призванные из строя на службу Генерального штаба, кроме Румынского и Юго-Западного фронтов, наши армии перешли к позиционной войне, выпуск [19]17 года продолжал честно нести службу Генштаба, часто без руководства лиц с законченным военным образованием.

Можно смело сказать, что едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошел такую боевую школу^{III}». Эти суждения, несмотря на немалый апломб генштабовской молодежи, были в значительной степени справедливы.

Симонов обращал внимание руководства академии на то, что многие доведенные требования учебного курса изжили себя применительно к боевым опытным офицерам. По его мнению, курсовиков не нужно было заставлять заниматься съемками или полевыми работами, которые отнимают много времени. Все это слушатели ускоренных курсов 2-й очереди уже прошли на практике в годы Первой мировой войны. Их практический опыт штабной работы на фронте был гораздо ценнее учебных академических задач. Если бы не война, многие курсовики

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 13–14об.

^{II} Имеется в виду конференция Военной академии — ее коллегиальный руководящий орган.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108–108об.

уже бы закончили полноценный курс академии, некоторые были к 1918 г. в штаб-офицерских чинах.

Далее Симонов отмечал: «Если обратиться к обстановке, в которой теперь работает выпуск [19]17 года, то становится необъяснимым то предубежденное отношение, которым встречается труд причисленных к Генштабу. Особенно, если вспомнить слова военного руководителя Высшего военного совета Бонч-Бруевича, переданные нам с кафедры вр.и.д. нач[альника] академии за Ваше отсутствие, о том, что выпуск – ценный материал, что расход его обуславливается исключительно тем обстоятельством, что патентованного Генерального штаба для работы в теперешней обстановке найти не могут, что выпуск – это последний резерв»¹. Впрочем, эти слова М.Д. Бонч-Бруевича противоречат его позднейшей позиции стойкого противника молодых генштабистов.

Один из первых серьезных конфликтов молодых курсовиков 2-й очереди с выпускниками довоенной академии произошел весной 1918 г. и связан с именем бывшего капитана Г.И. Теодори, качества которого сделали его одним из лидеров курсовиков 2-й очереди («выпуск 1917 г.»), окончивших академию в начале 1918 г.² Детальный анализ этого инцидента позволяет увидеть, в каких условиях и в связи с какими событиями формировалось и укреплялось корпоративное единство молодых выпускников академии.

В распоряжение главного руководителя работ 4-го участка военного строительства Петроградского района военного инженера Н.И. Флоринского прибыли недавние выпускники ускоренных курсов Т.С. Косач и В.Ф. Тарасов. Но 22 апреля Флоринский выразил недовольство их подготовкой³.

После этого служивший в штабе Петроградского района В.А. Брендель отметил в своем докладе, подписанном также начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы Б.В. Геруа в апреле 1918 г., что «Главный руководитель работ 4[-го] В[оенного] С[троительства] П[етроградского] р[айона] военный инженер Флоринский сношением № 400 считает командирование для производства рекогносцировок будущих позиций чинов, причисленных к Генеральному штабу последних выпусков, не отвечающим пользе дела, как обладающих малым служебным опытом, и просит командировать опытных офицеров Генерального штаба.

Нельзя не разделять безусловно желательность не только для рекогносцировок, но главное вообще для дела строительства новой армии привлечь опытный Генеральный штаб, много работавший в штабах и в поле. В этом отношении дело обстоит очень печально. Приток желающих опытных офицеров Генерального штаба очень незначителен, и причины тому следующие: 1) нет уверенности, что новое дело может пойти с пользой для родины, 2) нет никаких притягательных причин, делающих службу заманчивой, особенно для офицеров Генерального штаба, которые, обладая всесторонним знанием и опытом, свободно находят частную службу, 3) то незначительное содержание, которое назначается,

¹ Там же. Л. 108об.

² Кратко и с рядом неточностей эта история изложена в: Кавтарадзе А. Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 33–34.

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 46.

теперь уже выплачивается далеко не аккуратно (до сих пор чины штаба не получали жалования).

Исходя из доложенных положений и считая совершенно необходимым широко привлечь к формированию новой армии опытный Генеральный штаб, полагаю единственным возможным в настоящее время провести следующие меры: 1) чинам Генерального штаба, вообще как специалистам, платить больше других в виде или назначения добавочного содержания за специальность в размере 50 % установленных штатами окладов, или изменения вообще нормы окладов; 2) при специальных командировках выдавать суточные не менее 40 рублей в сутки, ибо в настоящее время жить на два дома на жалование невозможно и никто на командировку из опытных добровольцев не пойдет. Кроме того, для специальных командировок, как, н[а]п[ример], в инженерные строительные партии, установить выдачу подъемных в размере 800 руб. для покупки болотных сапог, непромокаемой одежды и т.д.

Указанные меры, являясь материальным интересом, могут привлечь настоящих технически подготовленных работников»¹.

Генштабовская молодежь была возмущена тем, что ее называли неопытной (как в действительности и было). Начальник оперативного отделения оперативного отдела штаба Северного участка и Петроградского района завесы Г.И. Теодори 25–26 апреля 1918 г. подготовил доклад (одна из редакций датирована 25 апреля) в защиту выпускников ускоренных курсов Военной академии, которых Генштаба В.А. Брендель и военный инженер Н.И. Флоринский считали малоопытными. В результате на свет появился нижеследующий документ, который интересно воспроизвести в полном объеме:

«Военный инженер Флоринский в сношении своем за № 400 на имя начальника Оперативного отдела пишет, что командировка причисленных к Генштабу специалистов не дает ему уверенности в правильном выборе и рекогносцировке позиций. Дальше инженер Флоринский, совершенно не знакомый с работой двух командированных в его распоряжение специалистов Генштаба, просит о назначении двух других более опытных “офицеров Генштаба”.

Доклад по этому поводу Генштаба Бренделя подчеркивает “малую служебную опытность” командированных специалистов Генштаба и указывает, что нельзя не разделять, безусловно, желательность не только для рекогносцировок, но и т.д. привлечь опытный Генштаб, много работавший в штабах и в поле.

Путь, на который стали Флоринский и Брендель, — путь скользкий.

Какой боевой опыт у Флоринского и Бренделя. С каких пор поле стало ценнее боевого опыта вообще, штабного (штабы дивизий и корпусов) на войне в частности.

Косач, Тарасов и т.д.” — все эти лица, кроме строевой и боевой работы в первые 1½ года войны, вынесли на своих плечах в течение 2-х остальных лет всю тяжесть боевой работы в штабах дивизий и корпусов. Иначе говоря, вели ту работу, которая особенно ценна и сейчас при рекогносцировках рубежей и позиций. Ведь нельзя же считать боевым цензом службу в штабах армии, фронтов и в более глубоком тылу. Точно так же нельзя считать и опытными работниками лиц,

¹ Там же. Л. 45–45об.

² Выпускники ускоренных курсов.

поступивших в академию через 3–4 года службы и во время войны проскочивших в штаб-офицеры и т.д.

Наконец, кто дал право инженеру Флоринскому и Генштаба Бренделю оценивать единолично боевой опыт и опыт службы по Генштабу лиц, коих они не знают, лиц, которые пришли в академию с законченным образованием и отличными боевыми аттестациями от представителей Генерального штаба, действительно в боях и боевых штабах работавших. Уже первый выпад, допущенный профессором [С.А.] Ильяшевым, без всякого повода с чьей-либо стороны, заставил многих из нас недоумевать. Новый выпад Флоринского, поддержанный докладом Бренделя, явно пристрастный, подтверждает мысль о правильно организованной против последних выпусков травле.

Что сказали бы инженер Флоринский и Генштаба Брендель, если бы мы начали так же, с налета, легкомысленно, им давать оценку. Выиграло бы от этого общее дело строительства армии и т.д. Быть может, Генштаба Брендель вспомнит свои первые шаги по работе в штабе военного руководителя.

Чувство долга и любовь к родине и родному делу дает мне право сказать следующее:

1) крах военной системы вызывает крах государства. Не мы — молодые выпуски — ее создавали, не мы беспринципно, без общего плана, с апломбом и без всякого опыта решали вопросы каждое ведомство отдельно от другого.

2) 2-месячная работа в штабе сразу же поставила нас в орбиту трений, тесным клубком охватывающих¹ оперативное отделение и отделение связи, отсутствие общего плана работы, бессистемность этой работы, канцелярские отписки, а главное настойчивое проведение инженерныхстроек, минуя оперативные задания при полном отсутствии боевой силы с определенно, неуклонно проводимой тенденцией — изолировать участие в этих работах действительно сведущих лиц (каковыми только и могут быть лица с боевым опытом строя и строевых штабов, а не штабов армий и выше) — приводят к печальному и тяжелому выводу:

а) или группа лиц преследует исключительно свои личные <своекорыстные> цели

б) [что прямо невероятно,] в штабе <уже> работает группа <немецкой ориентации> [лиц], которая [по трудно понятным причинам, стремится так или иначе убрать] <так или иначе стремится убрать “не мытьем, так катаньем”,> всех, честно и добросовестно работающих опытных специалистов Генштаба.

Все вышеизложенное приводит меня к необходимости просить: 1) положить конец келейным докладам и бестактным выпадам [отдельных лиц], так как дальнейшая их работа в этом направлении дает право вынести <эту борьбу> [эти вопросы] в печать для анкетного [их] выяснения <вопросов>, 2) предупредить, что важность занимаемых постов отнюдь не является гарантией безнаказанного издевательства над целой группой лиц, чем в данном случае вышеуказанные лица и пользовались.

Причисленный к Генштабу Теодори^{II}.

¹ В документе ошибочно — охватывающими.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 42–43. Машинописный подлинник. В угловых скобках — текст, изъятый в смягченном варианте документа, в квадратных — добавленный текст (Л. 44).

Фактически это был прямой донос с тяжелым обвинением противников генштабовской молодежи в государственной измене. Кроме того, документ разжигал излишние страсти между представителями старого и молодого Генштаба. Думается, свой отпечаток на содержание документа наложили и личные качества его автора – курсовика Теодори, человека крайне самолюбивого и амбициозного. Анализ служебного пути Теодори показал, что на каком бы месте службы этот человек ни находился, он умудрялся везде создавать вокруг себя атмосферу скандала. Причем из-за своего скандального характера Теодори неоднократно испытывал серьезные жизненные и служебные неприятности.

Товарищи по выпуску присоединились к этому докладу: на экземпляре Теодори расписались 24 причисленных к Генштабу, тем самым нарушив сложившийся еще в старой армии запрет на коллективные жалобы. Доклад вызвал бурю. Будучи подан 26 апреля, на следующий день он обсуждался курсовиками Симоновым, Чинтуловым, Доможировым и Теодори с военным руководителем Новгородского участка отрядов завесы И.Г. Пехливановым – представителем старого Генштаба¹. Пехливанов по просьбе начальника оперативного отдела штаба Ф.И. Балабина попытался примирить стороны. По итогам встречи было сделано предупреждение, что при повторении выпадов докладу дадут ход. Балабин был благодарен Пехливанову за то, что тот смог уладить вопрос. Однако, как оказалось, этим дело не кончилось. Как ни странно, Балабин, ратовавший за то, чтобы исчерпать инцидент, передал доклад начальнику штаба Северного участка и Петроградского района Б.В. Геруа, что возымело последствия

28 апреля Балабин просил Теодори отказаться от обвинения в адрес старого Генштаба и взять доклад обратно, но Теодори на это не согласился и просил переговорить с Геруа. Впрочем, в качестве некоторой уступки он заменил последнюю страницу доклада с обвинениями своих противников в шпионаже другим вариантом (выше воспроизведены оба варианта). Обвинение, что в штабе работает пронемецкая группа лиц, пытающаяся устранить честных генштабистов, было крайне тяжелым. В разных редакциях оно изложено по-разному. В конечном итоге под давлением Балабина Теодори убрал обвинения в немецкой ориентации оппонентов. Тем не менее забрать доклад было уже невозможно, так как на него 27 апреля была наложена резолюция начальника штаба Северного участка и Петроградского района Б.В. Геруа, причем последний посчитал документ личным выпадом молодежи и против самого себя.

Конфликт набирал обороты. 29 апреля доклад Теодори обсуждался на заседании Военного совета, отказавшегося принять измененную третью страницу документа и постановившего удалить Теодори с должности начальника оперативного отделения. Интересно, что еще 16 апреля Геруа отметил, что Теодори «хотя и молодой, но большой энергии и зарекомендовавший себя с отличной стороны»², а теперь он был в числе инициаторов увольнения своего подчиненного.

Если недавно Теодори поддержал своих однокашников, то теперь последние выступили в поддержку своего неформального лидера. 30 апреля курсовики провели общее собрание (заседание причисленных к Генеральному штабу, находящихся

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 47.

² Там же. Л. 63.

на службе в штабе Северного участка и Петроградского района). На заседании присутствовало не менее 18 человек¹.

Обсуждали доклад Теодори и дело Флоринского. Было заявлено, что доклад Теодори не был выпадом против Геруа. Курсовики требовали, чтобы Военный совет рассмотрел заключение их собрания, а также выслушал объяснение Теодори, отчисление которого от должности последовало до дачи им объяснений, вопреки резолюции Геруа от 27 апреля. В отношении заявлений военного инженера профессора С.А. Ильяшева, инженера Н.И. Флоринского и генштабиста В.А. Бренделя в адрес курсовиков собрание высказалось против тенденции высокомерного отношения к выпуску. Тем более что некоторые резкие заявления предшествовали знакомству с работой курсовиков, не учитывали их строевой и штабной служебный стаж. Собрание постановило признать необходимым «повлиять на “верхи и окрестности”, дабы не было выпадов против выпуска, признав за ним право на работу наряду со всеми офицерами Генштаба, а значит, ходатайствовать о переводе в Генштаб»². Как вариант предлагалось командировать выпуск на дополнительный курс академии. Заключение планировалось представить Геруа и Балабину с просьбой осветить возникшие вопросы.

Краткие строки протокола, местами сбивающегося на стенограмму, сохранили до наших дней фрагмент этого заседания, который дает наглядное представление о накале страстей и содержании дискуссии:

«Чинтулов: 29^{то}, когда узнал о резолюции, был у комиссаров для выяснения освещения, которое было дано докладу на заседании Военного совета. Результатом чего и был вызов Теодори к комиссару Смильге. Теперь назначается расследование.

Теодори: Подал рапорт о сдаче отделения с просьбой о расследовании. Резолюция: “Дать объяснения Военсовету в присутствии Сысоева, Хитрово и Доможирова”.

Работа с комиссарами. Доверие. Пропуски выдает Доможиров. Денежный вопрос. Положение “молодых” и “старых”. Случай с [Н.И.] Кадниковым, [П.М.] Беда-ревым, [Е.И.] Исаевым, [Е.В.] Сысоевым и [К.С.] Хитрово – сильно подняли фонд выпуска. Работа у инженеров. Работа отделения связи.

Андриевский³ – “недоноски”. Инцидент у [Ф.В.] Костяева с Сысоевым и Тарасовым (Вл.Ив.). Случай со [П.А.] Сверчковым и [Ю.И.] Григорьевым. Доклад о содержании причисленных к Генштабу. Доклад Андриевского у комиссаров. Отказ Бренделя ехать в Псков; вспышки [Б.П.] Богословского. До сих пор разведывательное отделение не дает никаких сведений оперативному. Личная почва. Полная изоляция. Разговор с Балабиным о занятии Петрограда. Гибель докладов.

Чинтулов: Теодори защищает не себя, а права выпуска.

Григорьев: Здесь вопрос борьбы старого и молодого. Дело не в личностях, когда борьба 2[-х] начал. Нам предстоит или насильно войти в ту среду, которая к нам

¹ Председательствовал А. Л. Симонов. Присутствовали: П. М. Бедарев, Н. Н. Доможиров, А. Ф. Ефремов, В. Г. Зиверт, Г. К. Иванов, Е. И. Исаев, В. Н. Маслов, П. А. Мей, М. А. Поликарпов, П. А. Сверчков, Б. Н. Скворцов, В. Ю. Стульба, Е. В. Сысоев, Г. И. Теодори, В. В. Трофимов, К. С. Хитрово, И. Д. Чинтулов (Там же. Л. 47). Также упоминается Н. В. Энглер.

² Там же. Л. 47об.

³ Речь идет о Д. И. Андриевском – выпускнике академии 1901 г., который назвал курсовиков «недоносками». Происхождение этого прозвища курсовиков связано с тем, что продолжительность ускоренных курсов составляла восемь месяцев.

относится недоброжелательно, или свалить всю корпорацию и самим взять всю работу в свои руки. Первое — мало приятного; второе — сможем ли мы исполнить всю работу, которую делают старшие.

Мей: Балабин сознался, что в беспорядке по канцелярии он виноват. На уход из-за того, что моя фамилия была среди 24 фамилий, подписавших редакцию доклада, посмотрим так: комиссия будет считаться только с подписавшими доклад.

Хитрово: Нет фактических доказательств о германской ориентации целой корпорации. Надо бить личности, а не всю корпорацию»¹.

Эта краткая запись содержит фамилии тех курсовиков, которые проявили среди прочих выпускников наибольшую общественную активность, сильнее прочих были готовы отстаивать права выпуска. Это Г.И. Теодори, И.Д. Чинтулов, П.А. Мей, Ю.И. Григорьев, К.С. Хитрово. Некоторые из них в 1919–1921 гг. поплатились за свою чрезмерную активность, попав под маховик репрессий.

В своей речи Теодори перечислил все известные ему случаи столкновений старых генштабистов с молодыми выпускниками. И хотя упреки в неподготовленности были для генштабовской молодежи обидны, сам Теодори, обвинив оппонентов в шпионаже, перегнул палку.

Обращают на себя внимание амбициозные и агрессивные заявления и намерения молодых курсовиков «свалить всю корпорацию» либо насильно влиться в среду генштабистов. По сути, речь шла о том, чтобы изгнать из зарождавшейся Красной армии наиболее квалифицированных специалистов Генерального штаба, окончивших полный трехлетний курс академии до Первой мировой войны. И это при том, что продолжительность подготовки курсовиков составляла лишь несколько месяцев и не шла ни в какое сравнение с аналогичным показателем у их старших коллег. Неудивительны сомнения курсовика Ю.И. Григорьева относительно способности курсовиков принять на себя всю эту работу. Интересно, что молодые генштабисты при этом никак не учитывали свое отнюдь не главенствующее положение в Советской России. Между тем большевистское военно-политическое руководство полагалось тогда на квалификацию старых спецов, например М.Д. Бонч-Бруевича, Н.М. Потапова и др. Руководствуясь пользой дела, большевистские лидеры никогда бы не допустили разрастания внутрикорпоративного конфликта между выпускниками академии до того, чтобы одна часть выпускников попыталась изгнать из армии другую. Тем не менее не будем сбрасывать со счетов то, что некоторые (быть может, отдельные) выпускники ускоренных курсов 2-й очереди об этом мечтали.

На собрании было решено считать случай Теодори общим делом всего выпуска. 10 участников заседания поддержали это, против был только Н.В. Энглер. Письменную защиту Теодори решили отложить до конца расследования и до заседания Военного совета, на котором Теодори в присутствии Сысоева, Доможирова и Хитрово будет давать объяснения. За это также проголосовали 10 против одного².

Впрочем, не все однокурсники разделяли радикальные взгляды Теодори, понимая, что ничем хорошим это не кончится. Особое мнение высказал В.Г. Зиверт:

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 48.

² Там же. Л. 48об.

«1) Взгляды, высказанные Теодори, не разделяю. Выдвинутые им положения носят резко выраженный характер полемики и не всегда “удачно” подтверждаются фактами.

2) Всецело лишь присоединяюсь к той части его доклада, где он протестует против травли, направленной по адресу последних выпусков, и голословного, необоснованного обвинения в научной неподготовленности и в служебной неопытности.

3) Категорически протестую против взглядов, высказанных воен[ным] инж[енером] Флоринским в его отнош[ении] за № 400. Считаю, что воен[ный] инж[енер], как по своей научной, так и тактической подготовке, не может являться судьей офицера, прич[исленного] к Генштабу, притом обладающего громадным боевым опытом. Усматривая в его отношении резко выраженное тенденциозное стремление опорочить доброе имя наших боевых товарищей по выпуску, полагал бы возбудить ходатайство о привлечении автора к законной ответственности.

4) Решительно восстаю против выступления отдельных лиц, как и групп по вопросам, имеющим то или иное отношение к нашему выпуску in corpore.

Полагал бы, что подобные выступления должны подчиняться строгой внутренней дисциплине и производиться в соответствии строгой продуманности и планомерности.

Прич[исленный] к Генштабу
Вл. Зиверт
Петроград
30/IV-[19]18 г.¹

Первоначально комиссары И. Т. Смилга и М. М. Лашевич собирались удалить из штаба самого Теодори, так как решили, что речь идет о личном инциденте между ним и Флоринским. Теодори вызывали для объяснений к Смилге в гостиницу «Астория». На 3 мая было назначено заседание Военного совета, но вместо этого военный руководитель Северного участка и Петроградского района завесы бывший генерал-лейтенант, профессор А. В. фон Шварц вызвал Теодори и высказал ему свое возмущение тем, что ему не докладывали о произошедшем. Теодори же сообщал обо всем только своему начальнику Балабину.

Между тем сам Теодори 2 мая подготовил новый, еще более внушительный по своему объему, доклад № 18, адресованный Военному совету, в котором изложил всю историю конфликта. Вполне возможно, этот документ был положен в основу его выступления на заседании Военного совета. Думается, он немаловажен для характеристики нарождавшегося мощнейшего корпоративного духа молодых курсовиков, лидера выпуска Теодори и той обстановки, которая привела к большому сплочению курсовиков. Сознывая немалый объем документа, приведем его целиком:

«Первые шаги в штабе, начиная с 15 марта, поставили выпуск в несколько странное положение.

Генштаба Андриевский в общем отделении, не заметив в группе лиц представителей выпуска, довольно громко заметил своему товарищу, что в штабе для работы приглашены “недоноски”. Нельзя, конечно, назвать это поощрением работы.

¹ Там же. Л. 49–49об.

17 марта Генштаба Брендель, получив утром приказание начштаба профессора Геруа отправиться установить демаркационную линию, в 16 час. 35 мин., т.е. за 25 мин. до отхода поезда, обратился ко мне с заявлением об отказе поехать. Я просил доложить от этом Генштаба Богословскому, так как об этой командировке не знал, но принужден был тотчас же готовить предписание причисленному к Генштабу Бедареву, который должен был за 25 минут собраться и поспеть к поезду. Считаю необходимым отметить, что в тот период достать пропуск было исключительно трудно.

Причины отказа Бренделя: “Стыдно старшему офицеру Генштаба ехать на такое тягостное дело”.

Отказ от серьезного поручения, да еще в такой форме, отказ за 25 минут до отхода поезда, полное налицо сознание, что командированное лицо может не поспеть в назначенный немцами ультимативный срок, — вызвали в нашей душе глубокое возмущение. К счастью, причисленный к Генштабу Бедарев поспел вовремя и успешно выполнил свою задачу.

Невзирая на такой прием и исключительно странное к нам и [к] делу отношение, встречая полное сочувствие и поддержку начальника отдела Генштаба Богословского, с 16 марта отделение уже работало.

Все трения, выпады и самые неожиданные заявления хотя бы Генштаба Андриевского (особенно в запросах содержания прикомандированным причисленным), пока был начальником отдела Генштаба Богословский, проходили мимо нас. Работа по всем вопросам шла полным темпом, дружно, и уже к 27 марта военрук мог отвезти в Москву доклад о формировании почти всех отделов штаба и налаженном объединении работ всех отрядов.

30 марта комиссары [А.И.] Ковригин и [П.П.] Торгушин отказались подписать предписание трем причисленным к Генштабу, командированным в распоряжение начальника инженерного отдела для производства рекогносцировок намеченных рубежей. Комиссар Ковригин сказал, что он не подписывает потому, что Военно-технический комитет против постоянного прикомандирования специалистов Генштаба по вопросам оперативного характера, так как участие таких необязательно.

На мой доклад об этом Генштаба Богословскому последний приказал мне составить доклад о необходимости участия специалистов Генштаба, базируясь на опыте и практике текущей войны.

Между прочим, Генштаба Богословский два-три раза просил лично профессора Ильяшева, и я, в свою очередь, также, сообщать нам о всех заседаниях Военно-технического комитета, в которых разбирались вопросы оперативного характера.

1 апреля мною подан был по этому поводу совершенно объективный доклад, никого не задевающий. Считаю необходимым отметить, что профессор Ильяшев пользовался особым вниманием и уважением в оперативном отделении, которое всегда шло ему навстречу и делилось всеми имеющимися в отделении данными. На докладе была сделана приписка Генштаба Богословского о том, что и в период укреплений должны быть представители Генштаба, и резолюция профессора Геруа “с самого начала настаивал на этом. Прошу провести в жизнь”. Таким образом, если и был какой-либо намек на инженеров, то в резолюции “цензового Генштаба Богословского”. Профессор Ильяшев при личной встрече со мной

в резкой форме заговорил о скороспелых суждениях и т.д. и что “я вам заготовил отповедь, вы у меня повертитесь”. Ознакомление с докладом профессора Ильяшева вызвало полное недоумение. Профессор инженерной академии, всеми нами уважаемое лицо, резко, бранчиво, без всякого повода набросился на стрелочника; – результаты:

1) Подлинный доклад с резолюциями Генштаба Богословского и профессора Геруа больше в дело не вернулся: профессор Геруа оставил его у себя.

2) Командируемые специалисты Генштаба насторожились, стали замкнутыми. Их давила “непогрешимость” и “связи” инженеров. Исчезновение из дела доклада с подлинными резолюциями начальника штаба и холодок, ставший стеной между начштабом и мною в лице нового начальника отдела, солидарного с инженерами, создал убеждение в безнаказанности выпадов против нас. Тотчас же уехали в четырехмесячный отпуск в Сибирь [М.А.] Михайлов и [И.И.] Попов (без объяснения причин).

С 4 апреля началась работа по расширению штаба отделения и всего оперативного отдела. Она до сих пор не закончена. Осталось в силе временное прикомандирование, введенное Генштаба Богословским.

Разработка отдела, веденная мною, была отобрана у меня и передана Генштаба Бренделю. Последний, говоря о распределении работы, намекнул о пристрастном распределении Генштаба Богословским служащих. Но я, зная всю работу Генштаба Богословского, доложил суть так, как она была, т.е. сознательное введение Генштаба Бренделем в заблуждение бывшего начальника отдела о числе служащих, результатом чего мы получили часть служащих без проверки их знаний.

9 апреля Генштаба Балабин при напоминании ему об отсутствии данных о противнике и полном отсутствии агентурных сведений о немцах, что важно в связи с их работой в Финляндии, сказал: “Приход немцев невероятен, ибо им важно быть в дружбе с нами. Но если они придут, то в этом нет ничего ужасного. Нам, представителям Генштаба, это неприятно, но для русской действительности это полезно”. Генштаба Балабин не мог остаться довольным моим ответом и по существу, и по тону и на другой день заговорил о малом опыте и выдержке молодых работников.

10 апреля Генштаба Балабин в присутствии Генштаба Бренделя сделал мне замечание и притом в резком тоне по поводу моего напоминания о задержке бумаг и об отсутствии охраны. Я доложил, что вопрос об охране оперативного отделения и о порядке получения телеграмм и их исполнения так серьезен, что я обязан докладывать об этом даже ежедневно.

11 апреля из доклада не вернулась часть телеграмм, к тому же не записанные в журнальной части. Я вновь доложил, что снимаю с себя всякую ответственность.

Шифр, полученный секретно, также не вернулся сразу. Через несколько дней Генштаба Балабин вернул его мне, сказав, что дома хранить трудно. С большим трудом я добыл ключ для своего стола, так как часть бумаг исчезла. Двери всюду брошены. Лишь оперативное отделение закрывалось и запечатывалось лично мною.

Вызвал раздраженный и повышенный тон разговор об установлении связи с [К.С.] Еремеевым. В результате моей настойчивости и после разговоров с комиссарами был послан для связи причисленный к Генштабу Энгер. Если это было бы сделано раньше, дело формирования и согласования работ

подвинулось бы значительно скорее. Кабинетный характер работы в форме отписок, докладов и телеграмм (например, со штабом округа, находящимся в 20–30 шагах).

Стиль бумаг “испрашивается”, “докладывается”, указание краткого содержания сбоку и так далее – возвращение к делопроизводству, отмененному еще в 1910 году. Что же удивительного, если комкору [А.П.] Буковскому предписание и удостоверение были даны лишь на 4-й день, Генштаба Костяев ходил четыре дня, Генштаба [П.Д.] Тележников семь дней, а Генштаба [В.И.] Шишкину такое же предписание в тот же день. Телеграмма оперативного характера задерживалась 3–4 дня, редко исполнялась на второй день.

О 534 орудиях, находящихся на заводах и арсеналах, я узнал случайно от товарища своего [Б.И.] Кузнецова, работавшего с инженером [Н.И.] Кохановым, – о них я докладывал 3 раза, сведения о Койвисто¹ и Инно² узнавались из газет раньше, чем получались у нас. О числе белогвардейцев, о их движениях и силах я получал сведения от приезжающих из Финляндии. Где же работа разведывательного отделения. Кто направлял оперативно-строевую работу оперативного отдела. К счастью, вопрос о Койвисто и командировка причисленного к Генштабу Энглера сдвинули с мертвой точки вопрос о взаимоотношениях. Жизнь подтвердила мой доклад: “Право на жизнеспособность штаба надо завоевать, надо тянуть к нему фактической работой, а не горой бумаг”.

Упорство в желании проводить свою личную точку зрения на работу, нежелание настоять на более энергичной и деятельной работе разведывательного отделения Генштаба Бренделя, затягивание решения всех животрепещущих вопросов заставляло нас задумываться, “рутина” ли это, “халатность” или сознательно “мертвый ход” в работе. Последнее обстоятельство преследовало определенную цель – указать на нашу неработоспособность.

14 апреля у дорожной карты при докладе об оперативном значении постройки дороги Лихославль – Кашин – Калязин – Ярославль Генштаба Балабин опять коснулся германской оккупации, заявив “что если немцы не займут Петроград, то порядочному человеку остается только застрелиться”. Мой ответ – “дело взглядов”.

15 апреля новый серьезный разговор по поводу директивы 665/0134 и 666/0135 о числе и порядках формирования дивизий и корпусов:

1) Мой доклад: “Разрабатываются вопросы без разработки оперативным отделением данных за неделю и без статистических данных”. Ответ: “Это не существенно”.

Жизнь подтвердила правильность моего взгляда: до сих пор начальники участков не могут точно размежеваться (Парский, Буковской и [П.Н.] Буров). При искреннем желании формировать, да и притом спешно, пока есть время, доклад мой, как начальника оперативного отделения, имел бы значение.

¹ Койвисто – ныне Приморск Ленинградской области. Место высадки немецкого десанта в апреле 1918 г.

² Инно (Ино) – форт Кронштадтской крепости на подступах к Петрограду. Подлежал передаче финнами Советской России в обмен на область Петсамо с незамерзающим портом. В апреле 1918 г. немцы силами своего десанта попытались захватить форт с его мощной артиллерией. Форт был блокирован финскими и немецкими войсками. Руководство Советской России опасалось, что конфликт вокруг форта приведет к расторжению Брестского мира. По решению коменданта Кронштадтской крепости 14 мая 1918 г. форт был взорван.

2) Тут же я доложил, что не указан срок по п. 4 о размере месячного жалования.
Ответ: “Сделаем дополнительно, это не так спешно”.

Через 4 дня сначала Генштаба Пехливанов, а потом Генштаба Костяев стали запрашивать об этом. При искреннем желании создавать армию – поправка моя тотчас же была принята.

3) Непосредственно за этим доложил о посылке всем Совдепам директивы № 666/0135 о формировании, чтобы своевременной ориентировкой их заранее устранить трения по вопросам формирований.

Ответ: “Не надо. Надо обходиться без них”.

Мой доклад: “Пока дело у Совдепов, надо исполнить хотя [бы] просьбу Генштаба Пехливанова о посылке директивы Лужскому и Новгородскому Совдепам”.

Ответ: “Зачем, впрочем, пошлите”.

Мой доклад: “Полагаю все же необходимым для пользы дела послать всем”.

Ответ: “Георгий Иванович, разрешите мне устанавливать порядок в отделениях”.

Результат: Совдепы отказывают начдивам и комкорам в использовании материальной части бывших войсковых частей и т.п. Начдивы и комкоры обращаются к начальнику снабжений, последний к нам, и лишь 2 мая вопрос этот дан в разработку на стол № 4 (новое название специалистов) В.Ю. Стульбе. Где же здесь искреннее желание формировать и строить армию.

19 апреля. Случай с инженером Малевановым, пожелавшим ускорить эвакуацию орудий. Инженер Малеванов ушел взволнованный от Генштаба Балабина, возмущенный и его приемом, и его канцелярским отношением к вопросу столь огромной важности. После переговоров со мною инженер Малеванов успокоился и решил этот вопрос с бывшим генералом [В.Л.] Драке самостоятельно. Так оперативный отдел отклонил этот важный вопрос, непосредственно с ним связанный.

Начали постепенно специалисты Генштаба последнего выпуска уходить (Попов, Михайлов, Колесников, Сверчков, Григорьев, [В.Ф.] Тарасов 1-й – последний в Москву).

На доклад мой, что трения не по существу гонят со службы наиболее ценный по боевому и строевому опыту и сохранивший энергию и бодрость состав, получил ответ: “Чем больше вы будете отстаивать последние выпуски, тем большего противника вы во мне встретите”.

С 6 по 28 апреля все вопросы оперативного характера задерживались, перечкивались, возвращались с новыми заявлениями. Важные доклады о рубежах, путях сообщения и использовании судов Балтийского флота переделывались, а последний был возвращен даже без пометок. Такое отношение к делу начало вызывать у моих помощников и у меня полную апатию и желание уйти, так как это была работа “мертвого хода”.

Ведь жизненные доклады как бы умышленно переделывались часто даже из-за заголовка и порядка пометок названий. Многие не вернулись совсем. Утром давался один план работы, вечером другой, а на следующий день третий. Приход инженера Федорова рождал четвертый вариант и т.д. в течение 22 дней.

Чем объяснить такие явления. Какое дать им разумное объяснение.

То же с фортом Ино. То же со снятием замков с тяжелых орудий. То же с вывозом этих орудий. Вопрос о разграничительных линиях в таком запущенном виде. Вопрос о формированиях сосредоточен в отделении формирований, часть работы

у нас и наоборот, но приказа или распоряжения о составе комиссии из боевых, опытных и компетентных лиц из всех родов войск не читал. Все поправки – по заявлениям случайных лиц, не объединенных общей идеей. Пришел Генштаба Шишкин – посоветовал. Принято. Пришло одно, другое, третье лицо и т.д. в том же духе. Импровизация отдельных лиц, имитирующих работу.

А мы пришли для организации и притом продуманной, вымученной строем, боем, опытом и жизнью.

22 апреля пришел доклад инженера Флоринского о причисленных к Генштабу Косаче и Тарасове 1[-м]. Считаю необходимым доложить, что эти специалисты в момент подачи сношения инженером Флоринским только представились ему, рекогносцировку по его заданиям не производили. Уже 23 апреля один из причисленных к Генштабу взволнованно сообщил мне об этом новом выпаде. Я ответил – не читал, сомневаюсь.

24 апреля получаю: сношение Флоринского, доклад по нем[y] Генштаба Бренделя, резолюцию Генштаба Балабина, ведомость окладов в связи с этим докладом и после этого просьбу ко мне – Генштаба Балабина высказать свое мнение по изложенному. Это был прямой вызов. Доклад мой обсуждался. Подписей 24 и мая.

Получив мой доклад, Генштаба Балабин 27 апреля просит Генштаба Пехливанова убедить нас взять доклад (о чем я узнал спустя час от Генштаба Балабина же).

Генштаба Пехливанов убедил нас взять доклад, указывая, что общее дело так велико, что лучше обойти эти выпад. При мне же Генштаба Балабин благодарит его за это. По резолюции, оказывается, в этот день доклад уже был доложен профессору Геруа. В то же время Генштаба Балабин благодарит и меня и принимает к сведению просьбу улучшить условия работы.

28 апреля Генштаба Балабин срочно заканчивает с нами все доклады, а причисленному к Генштабу Хитрову с пафосом высказывает невозможность захвата немцами Петрограда.

После этого в 17 часов Генштаба Балабин просит пояснить слова “немецкая ориентация”, я пояснил, что все, что сейчас мешает работе (сознательно или бессознательно), работает на немцев. Попросил письменно. Переговорил с некоторыми из подписавших и написал новую страницу. Опять просьба – отказаться от мнения, что в штабе работает по форме. Ответил, что так есть и взять обратно написанное не могу. Угроза стукнуть. Я прекратил говорить. Снова вызывает и просит дать согласие на частный доклад нашего доклада начштабу. Я ответил, что либо целиком, либо так, как сказал Генштаба Пехливанов.

По датам на резолюции – 28 апреля в это время доклад уже был сдан Военному совету.

29 апреля я просил говорить с начштабом, из холодного, если не сказать больше, разговора с которым понял, что мы спровоцированы.

Вечером узнал о резолюции на докладе и о решении отчислить. Таким образом, была ведена двойная игра.

Итак, вне сомнения преследовались: 1) группой инженеров свои цели (какие, им лучше знать) – отдельными представителями Генштаба – свои цели (Генштаба Балабин, Брендель и скрытые лица), конечно, своекорыстные, раз во вред делу устраивались свои люди, а дело умышленно устранялось под видом нашей неопытности, и 2) все, что в такую исключительно важную минуту занималось

интригами и т.п., сознательным оттягиванием дел, небрежным отношением к вопросам государственной важности, напр[имер], до сих пор, несмотря на напоминание, не доложен весьма важный доклад коменданта Выборгской крепости за № 415 от 20 апреля, вопросы о вывозе орудий, о формировании — все это не могло считаться русской ориентацией; и в моих глазах, как и в глазах подписавших, носят определенное название.

Самое отчисление от должности до дачи объяснений, предложение 1 мая уехать на рекогносцировку по Волхову — все подчеркивает наличие травли против нас вообще, а против меня в частности, как лица, упорно отстаивающего тех скромных работников, кои выполнили всю первую тяжелую, подготовительную — черную работу.

Резолюцию об угрозе считаю натяжкой. Разве можно считать угрозой право военнослужащего выяснить почетным^I (и к тому же анкетным) путем вопросы о строевом, боевом и полевом опытах, равно как и право просить о предупреждении, что важность занимаемых постов не служит гарантией безнаказанности выпадов и травли против целой группы лиц.

Какими мотивами может быть объяснена такая перемена в оценке качеств подчиненного профессором Геруа, еще 16 апреля предназначавшего причисленного к Генштабу Теодори на весьма ответственную должность и давшего^{II} ему отличную аттестацию (с личного согласия подлинная телеграмма профессору Геруа осталась у меня).

Чем вызвалась полная изоляция оперативного отделения в разработке вопросов строевого и оперативного характера. Отсюда невольно следует вывод: оценка моей работы и всех причисленных была предопределена, задачи распределены и разыграны как по нотам: 1) полная связь с лестным, но отклоненным мною предложением, 2) оставление меня на должности, несмотря на заявленное желание уйти, 3) доклад Флоринского, 4) разработка его Генштаба Бренделем, 5) оценка оплаты работы Генштаба Балабиным и 6) предложение Генштаба Балабина дать мое заключение по вопросам, затронутым в пунктах 3, 4 и 5, в то время, как на полях уже имелась резолюция “воспользоваться докладом, как мыслью”.

Наконец — достаточно хотя бы такого факта, как назначение моим заместителем не одного [из] моих помощников (что наиболее соответствовало бы интересам дела), но нового лица, приглашенного лично Балабиным Генштаба [Н.К.] Боровского.

Несомненно можно прийти к выводу, что устраняются все не подходящие Генштаба Балабину лица с тем, чтобы предоставить все места исключительно своим по возможности знакомым.

Причисленный к Генштабу Теодори»^{III}.

В своем докладе Теодори показал нелояльность старых генштабистов большевистскому режиму, саботирование ими вопроса об установлении демаркационной линии (генштабист Брендель), враждебный характер ряда высказываний военспецов старшего поколения (генштабист Балабин), небрежность (текст

^I Так в документе, вероятно, печатным.

^{II} В документе ошибочно — давшую.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 64–68об.

доклада подразумевает, что это могло быть намеренно предательским поведением) хранения ими оперативных документов. Теодори поставил под сомнение искренность желания старых генштабистов участвовать в создании Красной армии.

Как и предыдущий документ, этот доклад также был прямым доносом Теодори на своих сослуживцев. Особенно в тех местах, где Теодори приводил высказывания, например, генштабиста Балабина о пользе прихода немцев. Ведь если эти слова не были измышлением самого Теодори с целью убрать своего противника, Балабин должен был говорить о такого рода вещах только в доверительной беседе, которую Теодори выставлял на всеобщее обозрение. Впрочем, донос, как всегда, ставил под угрозу исключительно положение старых генштабистов. Теодори приводил факты случайной или намеренной задержки выполнения предписаний старыми генштабистами, высмеивал их косность и бюрократизм.

Теодори изложил подробности работы штаба Северного участка и Петроградского района. Он показал, какую роль играли личные взаимоотношения в работе штаба, по каким признакам создавались группировки штабных работников, как протекала подковерная борьба. Разумеется, автор доклада не удержался от соблазна выпятить свою роль в решении всех вопросов — от демаркации границы до более надежного хранения шифров. Показательно и то, что Теодори говорил не только от своего имени, но и от имени однокурсников. По мнению Теодори, под предлогом неопытности курсовиков велась борьба вообще с их активной деятельностью. Некоторые заявления выдавали степень его возмущения старшими: «А мы пришли для организации и притом продуманной, вымученной строем, боем, опытом и жизнью»^I. Таким образом, если верить Теодори, генштабовская молодежь стремилась к более эффективной организации работы штабов на новых условиях, чему, по их мнению, препятствовали нежелание и неспособность старых генштабистов.

Позднее Теодори вспоминал, что с Балабиным у него произошел «крупнейший инцидент»^{II}. По мнению Теодори, «с первых же шагов мы (курсовики. — А.Г.) честно и искренно стали на работу, сразу же вызвавшую ряд трений с кругами прежнего Генштаба и лиц, их поддерживающих»^{III}. Шварц, Геруа и Балабин, по оценке Теодори, якобы «вели отрицательную работу»^{IV}.

Исходя из этого, можно подумать, что противники генштабовской молодежи были людьми косными и только вредили делу. На самом деле это далеко не так. Шварц был выдающимся военным инженером, обладавшим немалым служебным опытом. Опытным и талантливым генштабистом был и Геруа. Наименее известен из них Балабин, поэтому приведем характеристику, которую ему дал в своих мемуарах Генштаба полковник Б.В. Никитин: «Умный, энергичный, решительный, со стальными нервами, Балабин прекрасно разбирается в обстановке»^V. Другое дело, что Балабин в 1917 г. был близким сотрудником генерала Л.Г. Корнилова

^I Там же. Л. 67.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9об.

^{III} Там же.

^{IV} Там же.

^V Никитин Б. В. Роковые годы: Новые показания участника. М., 2007. С. 46.

в штабе Петроградского военного округа и даже в мае — июле 1917 г. занимал пост начальника штаба округа. В период, когда непосредственно в Петрограде вершилась большая политика, эта должность приобретала заметный политический оттенок. В этом смысле критика Теодори больше относилась к политическим взглядам офицеров, чем к их профессионализму.

Показательны судьбы оппонентов Теодори в период Гражданской войны. Упомянутые им как недоброжелатели молодых курсовиков Д.И. Андриевский, Н.К. Боровский, В.А. Брендель, Б.В. Геруа вскоре перешли на сторону антибольшевистских сил. Шварц также бежал из Красной армии. Впрочем, Ф.И. Балабин в рядах РККА удержался. Думается, это не было случайностью. Сам Теодори не преминул упомянуть об этом в своем заявлении на имя Ф.Э. Дзержинского от 30 декабря 1919 г.¹

Очевидно, молодые курсовики с большим воодушевлением относились к своей службе в РККА, чем их старшие сослуживцы. Вполне возможно, это было связано с карьерными мотивами и амбициями, которые сильнее в молодом возрасте. Новая армия при условии устранения старых генштабистов казалась генштабовской молодежи неплохой стартовой площадкой. Однако для укрепления своего положения молодым курсовикам надо было действовать сплоченно, что и происходило на протяжении 1918 — первой половины 1919 г., до тех пор, пока их сплоченность не стала вызывать явное неудовольствие и опасения большевистского руководства.

Поскольку комиссары Смилга и Лашевич не стремились становиться на точку зрения Теодори, он был вынужден искать новое место службы. По приглашению С.И. Аралова, этим местом стал оперативный отдел Наркомата по военным делам в Москве, в который Теодори поступил 27 мая.

Представляется во многом справедливой характеристика, данная Теодори и его однокашникам Ф.И. Балабиным в январе 1931 г. во время допроса по делу «Весна»: «Молодые генштабисты, окончившие ускоренный курс академии в 1917 году, мало знающие, мало опытные, [с] сильно развитым духом критики в отношении старых генштабистов, особенно **Теодори**, демагогические выпады которого ясно показывали на стремление сделать быструю карьеру, самолюбивый, настойчивый, он являлся безусловным идеологом сплоченной группы своих товарищей, подчеркивал эту сплоченность и, когда это считал нужным, выступал с протестами от сомкнутого фронта своих товарищей-единомышленников. По полит[ическим] убеждениям все они, как кажется, примыкали к эсерам... С **Теодори** встретился лишь один раз на военной игре в штабе округа в 1927 или 1928 году. Держал он себя ревностнейшим службистом, рассказывал, что служит в Москве, в уставной комиссии, недвусмысленно подчеркнул, что почти вся работа уставной комиссии держится на нем, мимоходом сообщил, что за что-то сидел в тюрьме, которая, однако, не сломила его твердости»².

На заседании Военного совета 4 мая (по другим данным — 3 мая) Теодори изложил свое видение проблемных моментов работы штаба. Курсовиков, помимо

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9об.

² Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 329–330.

него, представляли Н.Н. Доможиров, Е.В. Сысоев и К.С. Хитрово. По итогам заседания было постановлено произвести расследование¹.

3 и 9 мая провели свои заседания и молодые курсовики. Дело затягивалось.

11 мая курсовик А.Л. Симонов написал подробное письмо своему знакомому, некоему Гавриилу Ивановичу, идентифицировать личность которого пока не удалось². Это письмо детально излагает суть конфликта и борьбу курсовиков за место в советской военной иерархии. Приведем его целиком.

Симонов писал: «Глубокоуважаемый Гавриил Иванович!

Давно от Вас не получал писем. Из разговоров с нач[альником] академии, когда он вернулся из Москвы, знаю, что, с одной стороны, Военный комиссариат считает излишней нашу командировку на дополнительный класс, оценивая нашу работу и невозможность нас кем-либо заменить сейчас; с другой стороны — Главное управление Генштаба, опираясь на мертвую букву формалистики и доказывая о перепроизводстве в корпусе Генштаба (однако на работе что-то не видно работников, фактически-то ведь всю работу несет только выпуск), не желает сделать логического вывода из создавшейся обстановки, т.е. не желает нас переводить в Генштаб, хотя бы с теми же ограничениями, как и выпуски 1915 и 1916 годов.

Между тем жизнь требует разрешения этого вопроса.

Раз нас заменить сейчас нельзя (а это сейчас может продолжаться еще очень долго), то нужно перевести в Генштаб. Ведь надо же отрешиться от устаревших норм, от рутины. Жизнь этого требует. Мы, горячо принявшие за работу в настоящее время, право, заслужили этого маленького поощрения.

Правда, нам придется считаться с тем, что мы насильно врываемся в ту среду, которая нас сейчас принимать не желает, но и тут приходится отбрасывать старые условности. Работа требует живых, смелых людей, а не отживающую форму. Если впоследствии мы будем иметь возможность, выполняя форму, закончить наше теоретическое образование, так кто же от этого откажется. Наоборот, чем скорее обстановка нам позволит это сделать, тем лучше.

Вы ближе к солнцу, Вам это деликатное дело легче сделать, поэтому, не теряя времени, принимайтесь горячо за хлопоты.

Наша жизнь в штабе течет не совсем гладко. Вторичный выпад в сторону инженеро-вых вызвал резкий отпор с[о] стороны нас. Дело в том, что тут много было привходящих причин и следствий, в которых виноваты были определенные лица Генерального штаба. Правда — доклад Теодори, хотя и подписанный на черновике (подлинник пошел за подписью только Теодори) 24 причисленными к Генштабу, — резок. Но не в этом дело. На заседании Военного совета он получил совершенно неверное освещение заинтересованными лицами, почему совершенно без дачи объяснений Теодори был отчислен от должности. Вот тут-то и началась история. Результат — комиссары потребовали задержки Теодори до полного выяснения всех деталей доклада и дачи показаний в Военном совете. Результат — сейчас ведется

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 44об.

² А. Г. Кавтарадзе посчитал таковым Г. Я. Кутырева (Кавтарадзе А. Г. «Советское рабоче-крестьянское правительство...»... С. 34). В нашей базе данных генштабистов — участников Гражданской войны офицер с именем-отчеством «Гавриил Иванович» не значится.

расследование целой комиссией. В результате, думаю, многим очень не поздоровится, не нам, а противному лагерю.

Эта история – борьба нового, живого с рутиной, архаизмами. Жизнь – на нашей стороне.

Если же смотреть с точки зрения Генерального штаба, то эта история нам может повредить, т.е. затруднить перевод в Генеральный штаб. Получается проклятый круг. Начинается Генеральный штаб и им же и кончается...

До Вас, вероятно, уже дошел экземпляр доклада Теодори.

Во всяком случае – история эта едва ли сыграет нам на пользу. Ну ничего – ошибка. Так и запишем.

А как у Вас, какое настроение.

Я полагаю, что сейчас ни чины, ни годы роли не играют, сейчас идет творческая работа. Ничего и никто вам давать готовое не будет и не сможет. Каждый должен работой творить настоящее, а значит и будущее. Каждый сам себе голова. Нужно засучить рукава и приняться за черную работу. Что сделает, то твое. А из маленьких кусочков выйдет большое целое. И вот мне кажется, что работа в большом штабе, оперирование на бумаге, оно не даст результата того, который получится, если мы, испытанные, научившиеся приспособляться, обжаты жизнью, образованные и объединенные одной общей идеей, пойдем ближе к формируемым массам, а может быть и встанем во главе их, – то дело создания армии пойдет куда быстрее. Как Вы думаете[?]

У нас с комиссарами отличные отношения. Оба – очень серьезные люди. Они говорят, что работать могут только с молодым офицерством, что мы показали не только свое желание работать, но и отличные способности; тогда как старики, что естественно, оказались малопригодны. Ведь дело в том, что жизнь настолько прыгнула вперед, что каждый из нас вырос значительно.

Крепко жму Вашу руку. Напишите результаты окончательные наших совместных резолюций.

Ваш, глубокоуважающий Вас

А. Симонов

P.S.¹ Голубев говорил мне, что он нашел записки Гиссера. Возьму у него и при первой возможности Вам пошлю. Григорьев просит включить его в число кандидатов по военно-учебной дороге.

11 мая 1918 г.»².

Итак, молодые курсовики считали себя центром советской военной машины, на котором все держится, пользовались благосклонностью комиссаров, так как были ближе им по взглядам и социальному происхождению, чем старое кастовое офицерство, наконец, они пытались добиваться решения своих проблем через неформальные связи в руководстве Советской России. Видимо, отсутствие «Гавриила Ивановича» среди генштабистов не случайно, так как, скорее всего, он был одним из руководящих советских работников. Это следует из фразы Симонова о том, что адресат письма «ближе к солнцу».

¹ В документе – P.C.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 60–60об.

Период начала 1918 г. вообще был не простым для бывших офицеров на территории Советской России, где развернулся стихийный антиофицерский террор. Сама жизнь вынуждала офицеров объединяться, способствовала укреплению их корпоративного единства. Так, сразу множество выпускников ускоренных курсов присоединились к обращению, адресованному военному руководителю Московского района К.К. Баиову и другим военрукам. Обращение это было следующим:

«Копия.

Военному руководителю Московского района.

Копия военным руководителям отрядов Тульского, Калужского, Ржевского, Брянского и Тверского.

В номере газеты “Наше слово” от 21 апреля помещена речь Зиновьева на заседании общегородской конференции петроградских красноармейцев-большевиков. Не вдаваясь в оценку и правильность оснований речи Зиновьева, мы протестуем против выражений “прогнать”, “поступают на должности наших денщиков”, а также против угроз в печати беспощадными наказаниями и расстрелами за малейшие проступки.

На речь Зиновьева можно было бы не обращать совершенно внимания, если бы она не появилась в печати и не могла бы быть истолкована бессознательной темной массой совершенно иначе и послужить только во вред и без того крайне медленно налаживающемуся делу создания новой армии.

Мы с открытою душою пошли на зов советской власти организовать армию для борьбы с наглым врагом, занимающим церемониальным маршем города нашей Родины; подрывая своею речью окончательно наше и без того шаткое положение, Зиновьев больше всего играет в руку немцам.

Работа при таких условиях является невозможной.

Категорически протестуем против помещения подобных речей в газетах и просим Вашего ходатайства об этом перед Советом народных комиссаров и Высшим военным советом.

Подлинную подписали: Генерального штаба [П.В.] Чеснаков¹, причисленные к Генеральному штабу В. Цейтлин, [С.К.] Сидоровнин, [А.П.] Панкратьев, [Н.Я.] Забегалов, [А.В.] Кирпичников.

С подлинным верно: Начальник отделения В. Цейтлин.

Председателю выпуска 1917 года Николаевской академии

А.Л. Симонову.

Для сведения.

В. Цейтлин.

23 апреля 1918 года.

г. Рязань

Штаб военного руководителя Рязанского отряда

Бывший дом губернатора»².

Имелась в виду одна из пафосных обличительных речей большевика Г.Е. Зиновьева, направленная против офицерства, в которой среди прочего говорилось,

¹ В документе — Чесноков.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 53.

что после использования офицеров можно выбросить как «выжатый лимон»¹. По мере рассылки документа к заявлению курсовиков присоединялись все новые и новые подписанты, иногда целыми коллективами.

Конфликты курсовиков с представителями старого Генштаба не прекращались и в дальнейшем. 20 мая 1918 г. датировано «Открытое письмо причисленным к Генеральному штабу выпуска 1917 года»². В документе подробно описан один из таких конфликтов, возникший в штабе Рязанского отряда завесы между помощником военного руководителя отряда бывшим генералом П.В. Чеснаковым и выпускниками курсов 2-й очереди Н.Я. Забегаловым, А.В. Кирпичниковым, А.П. Панкратьевым, С.К. Сидоровниным и В.М. Цейтлиным. Кирпичников и Сидоровнин в штабе Рязанского отряда занимали должности для особых поручений, а Забегалов, Панкратьев и Цейтлин значились начальниками отделений³.

Истоки инцидента восходят ко времени полевой поездки военспецов по рекогносцировке позиций для обороны железнодорожных узлов Рязанского района, проходившей под руководством бывшего генерала С.М. Шейдемана 27 апреля — 4 мая 1918 г. По итогам поездки был составлен краткий доклад военному руководителю Московского района. В ответ 8 мая было получено предписание представить через неделю план оборудования позиций со сметой. Однако для этого требовалось провести новую рекогносцировку, причем намечена она была позднее требуемых сроков выполнения задания.

Выполненная Цейтлиным работа не устроила помощника военрука бывшего генерала П.В. Чеснакова, который даже не взял доклад и потребовал его переделать. Возмущенный Цейтлин это сделать отказался. В результате было решено отчислить его от должности. История так бы и осталась заурядным конфликтом, если бы товарищи Цейтлина по службе и по академии не вступились за него. Ими было подготовлено открытое письмо к своему выпуску, в котором подробно описан инцидент.

В документе давалась уничтожающая характеристика помощнику военрука Рязанского отряда Чеснакову, который некорректно вел себя по отношению к курсовикам, не верил в успех создания Красной армии и, вполне возможно, был саботажником. Последующие события подтвердили справедливость подозрений. Чеснаков осенью 1918 г. уволился из РККА, а позднее бежал к белым и уже в 1919–1920 гг. служил в антибольшевистских формированиях на Юге России.

В конце документа делался вывод о том, что во главе РККА среди старых спецов присутствуют рутинеры, травящие генштабовскую молодежь. Документ подписали Забегалов, Кирпичников, Панкратьев и Сидоровнин. Интересно, что последний, как и генерал Чеснаков, также позднее бежал из Советской России и далее служил в белом лагере. Цейтлин как заинтересованное лицо документ, естественно, не подписывал. В 1919 г. Забегалов и Панкратьев были арестованы в связи с делом ПШ РВСР в рамках ликвидации неформального корпоративного объединения бывших курсовиков 2-й очереди, однако вскоре вышли на свободу.

¹ Кораблев Ю. И. Советская власть и военные специалисты // Гражданская война в России: События, мнения, оценки: Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М., 2002. С. 312.

² АВИМАИВИС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 24–25; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 335–338.

³ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 79. Л. 115; Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 28.

Сам факт появления открытого коллективного письма группы военспецов с критикой старого Генштаба вполне характеризует атмосферу той эпохи, изменившей представления о границах возможного даже у кадровых боевых офицеров, какими были молодые выпускники курсов академии. Фактически это был публичный донос на представителя старого Генштаба. Попади такой документ в руки чекистов, бывший генерал Чеснаков вполне мог попасть под маховик репрессий, особенно с учетом того, что в 1918 г. с подозреваемыми в контрреволюции не церемонились.

Подобные письма в дальнейшем стали одним из основных методов борьбы курсовиков за свои права. В то время серьезное наказание следовало и за куда более безобидные поступки бывших офицеров, которым новые власти обособленно не доверяли. Нельзя забывать и про стихийный и организованный антиофицерский террор, прокатившийся по стране в 1918 г. Даже будучи обращенным к товарищам, такое письмо могло возбуждать подозрения и опасения. Коллективные письма работали и в отношении начальства из военспецов. Однако последующие попытки курсовиков давить коллективным мнением не только на бывших офицеров, но и на большевистское руководство закончились для подписантов коллективных петиций плачевно. В 1919 г. целая группа курсовиков подверглась арестам, а о своем корпоративизме выпускникам курсов академии 2-й очереди на некоторое время пришлось забыть.

В июне 1918 г. курсовики смогли добиться важного для них решения – перевода 133 выпускников в Генштаб, что было проведено приказом ВГШ № 18 от 27 июня¹. По-видимому, важную роль в этом сыграли лоббистские способности лидера выпуска Г.И. Теодори. Помимо Теодори этого добивался в большевистских верхах председатель комитета выпуска ускоренных курсов 2-й очереди бывший капитан А.Л. Симонов. Противниками перевода курсовиков в Генштаб выступили начальник академии А.И. Андогский, военный руководитель ВВС М.Д. Бонч-Бруевич и начальник отделения по службе Генштаба ВГШ А.С. Белой, но выпускники сумели заручиться поддержкой начальника ВГШ Н.Н. Стогова. Кроме того, слушатели направили Н.Н. Доможирова (вскоре его в связи с отъездом по делам службы в Петроград сменил В.И. Самуйлов), Г.Я. Кутырева и Теодори в качестве ходатаев по этому вопросу к народному комиссару Л.Д. Троцкому, который, как и Стогов, поддержал предложение. В специальном докладе Теодори и Доможиров отметили, что «настал такой момент, когда ясно обнаружилось, что высшие представители Генштаба смотрят вполне отрицательно на наши просьбы и что обстановка потребовала разрешения этого вопроса не в плоскости “Генштаба”, а в плоскости советской власти²». Поддержка Троцкого и Стогова, несмотря на сопротивление традиционалистов из бывших офицеров Генштаба, привела к благоприятному для курсовиков решению данного вопроса³.

Советский главком И.И. Вацетис впоследствии вспоминал, что «выпуск 1917 г. состоял из лучшего бывшего офицерства старой армии, из людей, отличившихся в боях и успевших приобрести большой боевой опыт. Эти молодые академики

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 23–25. Документ опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534.

² РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 24. Л. 556об.

³ Там же. Л. 556–557. Публикацию доклада об этом см.: Войтиков С. С. Генштабисты 1917 года на защите революции // Военно-исторический архив. 2011. № 11 (143). С. 83–86.

с охотой пошли на войну, начавшуюся на востоке. Не было поэтому налицо никаких причин отказывать им в переводе в Генеральный штаб^I.

Как уже отмечалось, выпуск 1917 г. имел свой комитет (позднее — коллегия), а также отдельный капитал взаимопомощи, который контролировался комитетом выпуска. Капитал выпуска был образован 16 марта 1918 г. на заседании комитета. Интересно, что этот капитал свободно существовал в условиях большевистского режима. Средства хранились при академии, а ответственным за капитал считался начальник академии. На 15 апреля 1918 г. в капитале взаимопомощи Генерального штаба выпуска 1917 г. имелось 534 руб. 17 коп. К 15 июня 1918 г. в капитале имелось 413 руб. 92 коп. Годовой взнос с каждого выпускника составлял 6 руб., кроме того, 9 руб. вносилось на содержание причта Суворовской церкви, перевезенной из села Кончанского^{II}. В других документах указывается, что с 20 марта взнос на причт составил 1 руб. в месяц^{III}. Интересно, что многие выпускники весной 1918 г. внесли деньги на содержание причта вплоть до конца года. Кроме того, в капитал были включены суммы, ранее собранные комитетом старшего класса 2-й очереди — т.е. теми же лицами только в бытность их слушателями академии. Помимо этого поощрялись единовременные взносы. Так, было установлено, что за единовременное внесение не менее 100 руб. предоставлялось право пожизненного членства в капитале с освобождением от обязательных ежегодных взносов. Ежегодный отчет о движении сумм предполагалось составлять в первой половине января^{IV}.

Из капитала взаимопомощи по решению председателя выпуска и при наличии 6 подписей членов комитета выдавались ссуды нуждавшимся выпускникам. Так, например, 7 мая 1918 г. на заседании комитета выпуска 1917 г. было постановлено выдать ссуду бывшему капитану Б.Н. Скворцову в 350 руб. с обязательством ежемесячного погашения по 50 руб.^V Существовал и кооператив академии. В нем имелось 772 пая (в том числе пай слушателей младшего и старшего классов, а также профессуры)^{VI}. Свой вклад в улучшение материального обеспечения выпускников внес Г.И. Теодори. В частности, именно он к началу апреля 1918 г. добился выплаты выпускникам жалованья в размере 400 руб. в месяц, а также суточных за командировки по 20 руб.^{VII}

14 октября 1918 г. путем ассигнования советским правительством 20 000 руб. был образован теперь уже фонд взаимопомощи «лиц Генерального штаба» выпуска 1917 г.^{VIII} Эти средства были выданы одному из неформальных лидеров выпуска и члену его коллегии бывшему капитану Г.И. Теодори по докладу РВСР об исключительно тяжелом положении выпуска. Предписывалось, однако, выработать порядок выдачи пособия. Порядок был разработан, доложен главному и утвержден. Деньги хранились у Теодори^{IX}.

^I РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178–179.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 90.

^{III} Там же. Л. 118об.

^{IV} Там же. Л. 117об.

^V Там же. Л. 98об.

^{VI} Там же. Л. 102об.

^{VII} Там же. Л. 109об.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 72.

^{IX} Там же. Л. 74.

Пока неясно, зачем понадобилось вновь образовывать уже существовавший ранее фонд (возможно, прежние средства оказались вместе со старой академией у противников большевиков), как военспецам удалось добиться выделения средств и почему власти решили материально поддержать именно молодых генштабистов. Скорее всего, это решение пролоббировал Теодори. Кроме того, к осени 1918 г. так называемый выпуск ускоренных курсов 1917 г. мог считаться единственным выпуском академии Генштаба, осуществленным непосредственно в Советской России. Соответственно, к этому выпуску было особое отношение.

Со временем суммы взносов увеличились. На 15 октября 1918 г. единовременный взнос составлял 20 руб., добавочный единовременный взнос — 100 руб., взнос за три месяца с 1 октября 1918 по 1 января 1919 г. — 15 руб., а взнос за период с 1 января по 1 июля 1919 г. — 60 руб. Итого каждый должен был внести 195 руб.¹ Сбор взносов осуществляла коллегия выпуска при ПШ РВСР. Единство выпускников поддерживалось не только выгодой взаимного страхования, но в не меньшей степени и необходимостью бороться с неприязнью к курсовикам со стороны генштабистов, окончивших академию до 1914 г., потребностью отстаивать права выпуска в других вопросах.

Фонд взаимопомощи выпуска 1917 г. не имел отношения к фонду взаимопомощи офицеров Генштаба. Таким образом, курсовики и здесь противопоставили себя старым генштабистам. Что касается пользования капиталом, курсовики в своих интересах применяли двойные стандарты. Если выпуск 1917 г. помимо своего фонда взаимопомощи мог пользоваться финансовой поддержкой общего фонда взаимопомощи офицеров Генштаба, то генштабисты других выпусков не могли воспользоваться средствами фонда выпуска 1917 г. Например, курсовик Н.Н. Долинский, оказавшийся в 1918–1919 гг. парализованным, осенью 1918 г. получил пособие сразу из двух фондов, кроме того, ему лично помог главком И.И. Вацетис. В общей сложности семья Долинского получила тогда 700 руб.²

На протяжении 1918–1919 гг. курсовики 2-й очереди активно вели обмен информацией и пытались проводить политику протекционизма по отношению к своим однокашникам. Курсовики добивались назначения своих товарищей на важные посты, противостояли ущемлению прав товарищей и различным репрессивным действиям властей. Характер таких вмешательств в кадровую политику военного ведомства поясняет телеграмма Г.И. Теодори Э.М. Склянскому и Л.Д. Троцкому от 21 августа 1918 г., отправленная для важности с грифом «оперативная»: «Считаю необходимым обратить ваше внимание как наркомвоен, что со штабов участков снимаются только представители моего выпуска. Остальные генштабы почему-то задерживаются [в] центре и на пассивных участках. Считаю это сознательным перекладыванием работы на людей, и без того перегруженных и несущих все тяготы боевой и военной политической жизни уже пятый год. Неся ответственность перед выпуском, в настоящем и будущем не могу допустить его изолированности в смысле ответственности

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 905. Л. 12.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 93, 94, 96, 97.

и отдыха. Поэтому прошу распоряжения: снимать целиком штабы одновременно с войсками»^I.

В разговоре Г.И. Теодори и Н.Н. Доможирова 11 февраля 1919 г. речь шла о необходимости лоббировать назначения из своей среды^{II}. Огромную роль в объединении выпускников играл сам Теодори, который, по словам его однокашника В.В. Трофимова, «неоднократно назначал товарищей по выпуску на должности, помогал, выхлопывая пособия, ориентировал товар[ищей] по выпуску о ходе вопроса о переводе их в Генер[альный] штаб, рассылал протоколы решений генштабистов, находящихся в Московском округе, запрашивал, кто из выпуска на какой должности для назначения его на другую, хлопотал об арестованных»^{III}.

Фактически курсовики создали свою параллельную штабам РККА неформальную структуру, причем пользовались каналами связи РККА. В эту структуру входили их однокашники из штабов дивизий, армий и фронтов, а также из центральных органов военного управления, таких как ПШ РВСР. К примеру, 15 октября 1918 г. состоялось собрание выпускников под председательством Теодори, на котором присутствовали 19 человек, а 9 присоединились по телеграфу. Обсуждались вопросы о средствах фонда взаимопомощи выпуска; о случаях насилия над товарищами по выпуску А.К. Климовецким и И.Ф. Ораевским; об аресте и освобождении П.А. Мея и В.В. Трофимова; о помощи больным товарищам^{IV}. По итогам собрания было вынесено постановление. Характер затронутых вопросов не позволяет считать объединение выпускников лишь подобием офицерского профсоюза.

Факты говорят сами за себя. К примеру, Теодори, прикрываясь коллективным мнением однокашников, пытался давить даже на главкома И.И. Вацетиса, едва ли не указывая, что тому делать, кого назначать на ключевые посты, как проводить реформирование штабов РККА^V.

Позднее, уже будучи арестованным, Теодори на допросе 5 апреля 1919 г. свидетельствовал: «Моя работа как члена коллегии выпуска выражалась в защите интересов выпуска от несправедливых и незаконных выпадов и преследований, как справа, так [и] слева, в объединении и постепенном собирании для совместной работы (это знают т.т. Аралов, Вацетис и Троцкий) в Советской армии, в организации и оказании материальной помощи семьям тех членов выпуска, кои по переутомлению и болезням выбывали из строя (ведь весь состав выпуска поголовно участвовал в 4-летней всемирной войне, а также в текущей войне, непосредственно в строю и на штабных ответственных должностях во второй период войны и весь переранен и контужен), в защите и расследовании дел невинно или случайно арестованных членов выпуска, в улаживании взаимных трений, возникающих на [почве] личной или служебной или частной жизни (товарищеский суд). До перевода в Генштаб и аннулирования прежнего комитета около 130–131 членов выпуска сосредоточивалось в таких крупных центрах, как штабы Северного (Петроград) и Западного (Москва) участков, а также по несколько человек

^I РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 109а.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 300.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 81.

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 254–255.

в Архангельский^I, у Подвойского, в ГУВУЗе и в Приуральском округе (Екатеринбург). По мере перехода к нормальной организации армии по просьбе тов. Аралова и др[угих] политических советских работников (Мехоношина, Муралова, Вацетиса и др.) я приглашал тех из лиц выпуска, коих знал лучше других по академии, где я и раньше был выборным лицом и пользовался уважением и доверием. Вышеуказанное число членов выпуска уже в июне [1918 г.] выбрало меня, Доможирова и Кутырева членами коллегии для вышеуказанных целей. Я, как наиболее пользующийся доверием, и ездил к тов. Троцкому по всем вопросам выпуска. Первый удар выпуску был нанесен выступлением Свечина (тогдашний на[чальник] Всеглавштаба^{II}), с легкой руки которого среди старого Генштаба и наиболее робких из молодых разнеслась весть о том, что он меня выгнал, выругал и даже ударил, что т. Склянский стал на его сторону и т.д. Фактически несправедливость Свечина в назначениях выпуска и его выпад по адресу выпуска и Оперода остался со стороны т. Склянского безнаказанным. Второй удар считаю свой до сих пор мне неясный арест. Свечин в назначениях был неправ в том, что поддерживал уклонение старых генштабистов от назначений на фронт, причем это уклонение выражалось в открытом отказе старых ехать, как по приказанию, так и жребию (или по назначению). Это вызывало раздражение и справедливый ропот выпуска, ибо постоянные срывы с места на место одних и тех же работников и изнурял[и] их, и издегивали как морально, так и материально (многие голодали), в то время как старые всячески задерживались в различных центральных учреждениях на различных ответственных постах. Это было несправедливо и вредно для армии еще потому, что у них не было ни боевого, ни строевого, ни политического и ни революционного опытов, а лишь вечная склонность и талантливая способность к интригам, козням и склоке.

С самого начала функционирования выпуска всегда убеждал работать, а не подражать нашей безыдейной интеллигенции, подчеркивая им, что подавляющее большинство, как по происхождению, так и по средствам^{III}, ближе к интересам бедной народной массы^{IV}.

Интересно, что в письмах одного из деятельных представителей выпуска, В.М. Цейтлина, своему товарищу Н.Я. Забегалову упоминалось о покровительстве молодым генштабистам председателя ВЦИК Я.М. Свердлова. Смерть Свердлова 16 марта 1919 г. вызвала сожаления военспеца, поскольку выпуск лишился весомой поддержки: «С арестом Теодори и смертью Свердлова вся про[т]екция тут лопнула^V»; «Жаль, что умер Свердлов, он очень много помогал»^{VI}. Насколько можно судить, к Свердлову с докладами ездил все тот же Теодори^{VII}.

Внеслужебные контакты курсовиков не могли не вызвать подозрений со стороны большевистского руководства, опасавшегося развития событий по бонапартистскому сценарию. Впрочем, оказавшись в 1919 г. арестованным, Теодори

^I Так в документе.

^{II} ВГШ.

^{III} В документе — посредством.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 64–65.

^V ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 174.

^{VI} Там же. Л. 173.

^{VII} Там же. Т. 1. Л. 168об.

всячески приуменьшал горизонтальные связи выпускников: «Связь выпуска только персональная в смысле морального воздействия и защиты своих интересов. Никакой связи между фронтами, армиями и частями не было в политическом смысле, а также в экономическом и другом смысле»¹. Но документы свидетельствуют об ином.

Старый Генштаб пытался противостоять напору молодежи. В конце 1918 г. в журнале «Военное дело» появилась анонимная статья «Операции на Волге», подписанная «Бывший обер-квартирмейстер». В статье отмечалось, что «из-за полной неорганизованности Генерального штаба, молодости (что в службе Генерального штаба тесно граничит с неопытностью) и прямо невежественности, главнокомандующий, вместо того чтобы управлять телегою, очутился в положении везущего ее, т.е. вместо роли кучера исполняет роль лошади»^{II}. Далее в статье говорилось, что у сложившегося при Вацетисе Генштаба «нет ни знаний, ни опыта, ни умения, нет того широкого кругозора, который единственно достигается изучением военной истории»^{III}. Последний тезис был более чем спорным. Ответом стала статья курсовика Е. И. Исаева «Дрязги», также подписанная псевдонимом. Исаев считал необходимым противостоять «обливанию помоями существующего Генерального штаба»^{IV}. Он позволил себе поиронизировать над автором первой статьи, отметив, что среда «бывших обер-квартирмейстеров» обладала пагубной привычкой к грызне, что стало одной из причин неудачи в Первой мировой войне. Исаев, разумеется, защищал генштабовскую молодежь, отмечая, что она обладала опытом Первой мировой войны.

Исаев писал: «Молодой Генеральный штаб получил полное боевое крещение за истекшую кампанию, испытал в начале ее все прелести боевой жизни и непосредственных боев, а в конце — штабную работу в полевых штабах, в коих зачастую оставался один. Не говоря уже о том, сколько пришлось пережить большинству из-за отстаивания всех новых веяний, почерпнутых с академической кафедры на основе последних опытов войны, вразрез с заплесневевшей схоластикой... Пережив на себе всю ломку последовавшей Февральской революции (конечно, ясно, не по вине молодого Генштаба), затем Октябрьской революции, молодой Генштаб был выброшен на арену деятельности в марте месяце 1918 года в начале создания Красной армии и до сего времени несет службу»^V.

Автор контрстатьи упомянул, что в Советской России старые генштабисты прочно узурпировали центральные учреждения. Между тем молодежь обладала огромным опытом службы на самых разных уровнях. Резюмировал Исаев с обличительным пафосом: «Пора понять Вам, товарищ “обер-квартирмейстер”, что интриганам в нашей среде не место, что молодой Генштаб силен верой в себя, в свою школу, в свое тесное товарищество и с негодованием смотрит на разводимые

^I ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 36.

^{II} *Бывший обер-квартирмейстер. Операции на Волге* // Военное дело (Москва). 1918. 08.11. № 23–24. С. 27.

^{III} Там же.

^{IV} *Тамаров Е. [Исаев Е. И.] Дрязги* // Военное дело. 1919. 18.04. № 13–14 (42–43). Стб. 517–522.

^V Там же. Стб. 519.

дразги Вами на столбцах печати, вместо того чтобы сплотиться в дружную семью, служа общему делу»^I.

Конфликт поколений генштабистов носил и субъективный характер, связанный с личностью лидера курсовиков Г.И. Теодори. Его товарищ по академии Н.Н. Доможиров отмечал, что Теодори старался противопоставить курсовиков старому Генштабу: «Он в каждом слове, жесте старого генштабиста видел и чувствовал укол по самолюбию вып[уска] [19]17 г. И всегда старался внедрить в молодых генштабистах мысль, что старый Генштаб будет всегда третировать молодых и никогда не примет их в свою среду. Мне часто приходилось сталкиваться по этому вопросу с Теодори, т.к. всегда был противного мнения, говоря, что настоящая работа каждого из нас нам отведет должное место в Генштабе. Но Теодори все же своими мыслями заразил очень многих из молодых. И в этом отношении выпуск скорее приветствовал Теодори»^{II}. Другой однокашник, В.М. Цейтлин, отмечал, что Теодори «слишком много всегда выигрывает, говоря от лица выпуска, какая-то коллегия в сущности одна комедия, а чисто диктатура теодориата»^{III}.

В конце концов, пользуясь поддержкой однокашников и своим лидерством, Теодори вступил в конфликт с руководством ВЧК по вопросу о ведомственной принадлежности военной контрразведки и арестах военспецов. Итог конфликта оказался предсказуем и заключался в аресте неуживчивого лидера генштабовской молодежи чекистами «по шифрованному телеграфному распоряжению тов. [М.С.] Кедрова»^{IV} в Двинске 22 марта 1919 г., где военспец находился в командировке по делам агентурной разведки.

Арест Теодори вызвал настоящую волну протестов курсовиков и их покровителей среди генштабистов старшего поколения, что в итоге навредило заступникам арестованного. Уже 23 марта 1919 г. товарищи арестованного составили ходатайство на имена В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.И. Вацетиса, С.И. Аралова и М.С. Кедрова об освобождении Теодори на поруки выпуска^V. 26 марта группа курсовиков направила телеграмму начальнику ПШ РВСР Ф.В. Костяеву с копиями своим товарищам Е.И. Исаеву и А.К. Малышеву: «Зная Теодори, не допускаем мысли, что предъявленное ему обвинение имеет основание. Настаиваем [на] немедленном расследовании. Согласны взять на поруки. № 2622/нш. Генштаба [В.Ф.] Тарасов, Генштаба [А.И.] Медель, Генштаба [А.П.] Панкратьев. По поручению серпуховских товарищей [по] выпуску прошу внести предложение на решение московских, препроводить копию депеши для сведения товарищам Ленину, Троцкому, Кедрову, здесь копия будет передана главкому Вацетису и члену Реввоенсовета Аралову. № 714. Генштаба [Б.И.] Кузнецов»^{VI}.

Начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев считал, что нужно хлопотать за Теодори, так как «расстрелом его правительство может очень сильно повлиять на работу генштабистов, и мы можем совсем остаться без таковых»^{VII}. Однокашник Теодори,

^I Там же. Стб. 522.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 167об.-168.

^{III} Там же. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 180об.

^{IV} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9.

^V ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 90.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 266.

^{VII} Там же. Л. 202.

близкий сотрудник и выдвиженец Вацетиса П.М. Майгур (в 1918 г. начальник штаба Восточного фронта, порученец Вацетиса, начальник Штаба РВСР, а в 1919 г. — начальник штаба армии Советской Латвии) сообщал главкому 23 марта 1919 г.: «Так как старый Ваш работник, я должен Вам сказать, что за Теодори^I стоит весь выпуск [19]17 года и подобный арест старого члена нашей коллегии нанесет^{II} большой удар работе выпуска [с] советской властью, ибо мы не можем допустить, чтобы в благодарность за нашу работу обращались так бесцеремонно с нашими представителями»^{III}. В этих словах уже чувствовалась угроза, хотя курсовики едва ли могли что-либо противопоставить органам власти Советской России. Разве только понизить собственную лояльность и служебное рвение на фоне успехов белых.

В конце марта 1919 г. 29 курсовиков подписались под письмом Л.Д. Троцкому в защиту Теодори и еще одного арестованного курсовика, начальника связи Восточного фронта бывшего капитана В.В. Хрулева: «Сегодня до сведения выпуска Генштаба 1917 г. дошло известие об аресте консультанта Региструпра Генштаба Теодори и нач[альника] связи Вост[очного] фронта Генштаба Хрулева. Не будучи знаком с причинами ареста, выпуск до сего времени не числил за генштабами Теодори (являющимся одним из представителей выпуска) и Хрулевым каких-либо компрометирующих данных, а потому полагает, что в названном аресте возможна или ошибка, или провокация. Будучи призван на ответственную работу по строительству Красной армии и проработавши по своей специальности с самого начала создания таковой, выпуск позволяет себе обратиться к Вам и просит распоряжения о спешном разборе дела и впредь до окончания последнего [об] освобождении Генштаба Теодори и Хрулева на поруки подписавшихся представителей выпуска под настоящей просьбой. Мотивами взятия на поруки Теодори и Хрулева является желание, с одной стороны, сохранить работника и в без того редких рядах Генштаба, с другой стороны — предупредить в случае отсутствия состава преступления [от] незаслуженного отбывания наказания, хотя бы и под временным арестом, что обычно крайне вредно отзывается на авторитете ответственных работников, одним из каковых является Теодори и Хрулев, отражаясь вредно в дальнейшей их службе при не вполне установившемся доверии к специалистам. Полагая, что выпуск, имея за собой нравственное право обратить Ваше внимание на изложенный вопрос, ходатайствует об удовлетворении настоящей просьбы»^{IV}. Впрочем, как выясняется, не все давали согласие на подписание таких писем — некоторые уже постфактум узнавали о том, что подпись была поставлена за них^V, что в тех условиях могло подвести военспецов под репрессии. В отличие от Теодори, Хрулева сравнительно быстро освободили.

17 апреля 1919 г. сразу 37 представителей выпуска подписали доклад Л.Д. Троцкому в защиту Теодори. Предлагалось получить подтверждение обвинений, чтобы исключить Теодори из своей среды и ходатайствовать об исключении его также

^I В документе — Теодора.

^{II} В документе — понесет.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 25.

^{IV} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 79. Л. 35–36. С некоторыми неточностями опубл. в: Войтиков С. С., Кикнадзе В. Г. Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г. И. Теодори. 1918–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 1. С. 33.

^V ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 246.

из корпорации Генштаба. «В том же случае, если таковых данных не имеется, то выпуск не может спокойно относиться к факту беспочвенного ареста одного из своих членов, коему выпуск доверял и который занимал один из ответственных постов в республике, так как подобное явление не дает гарантии в будущем спокойной работы военным специалистам, как не застрахованным от арестов без предъявления обвинения, и ставит в то же время их в ложное положение в сфере еще не установившихся взаимоотношений с политическими работниками армии», — писали выпускники¹. Копии обращения были направлены В.И. Ленину, И.И. Вацетису, С.И. Аралову и Ф.В. Костяеву. Столь активные действия нашли поддержку со стороны старших товарищей.

Главком И.И. Вацетис о ситуации с арестом Теодори даже написал в своем докладе, отправленном 18 апреля В.И. Ленину, отметив, что некомплект генштабистов на фронтах достигает 82%, что сотрудники переутомлены, а комиссары часто ведут себя по отношению к этим работникам бестактно. Вацетис написал о несправедливости ареста Теодори и об аресте в штабе Приуральского военного округа вообще всех генштабистов, а также просил разобраться в деятельности М.С. Кедрова, известного самоуправством и ранее².

21 апреля троим представителям выпуска 1917 г. — Е.И. Исаеву, Б.И. Кузнецову и Г.Я. Кутыреву — был выдан Вацетисом, Араловым и Костяевым мандат на прибытие в Особый отдел ВЧК к Кедрову для ознакомления с делом Теодори. Вацетис и Костяев выступали как их старшие товарищи по службе Генштаба, Аралов генштабистом не был, но также являлся бывшим офицером. Вполне очевидно, что по духу эти люди были гораздо ближе друг другу, чем арестовывавшим их чекистам. Возможно, поэтому в деле Теодори они выступили как союзники. Именные подписанты просили оказать содействие трем ходатаям, причем было специально указано, что «означенные представители правомочны задавать вопросы Г.И. Теодори и тов. Кедрову по существу дела Теодори с целью полного выяснения сущности дела, а не контроля или следствия, почему просится оказать полное содействие для получения всех данных дела и о вызове Г.И. Теодори для получения сведений представителями в присутствии заведывающего Особым отделом тов. Кедрова»³.

23 апреля трое представителей выпуска приехали в Москву, чтобы разобраться в случившемся и, по возможности, вызволить своего однокашника. На следующий день они встретились с Кедровым. Удивительно, что эта встреча вообще состоялась. Во время встречи Кедров сообщил ходатаям, что некоторые детали дела может знать только Ленин (следовательно, если Кедров не преувеличивал, Ленин уже был в курсе⁴) и личные вопросы в отношении Теодори недопустимы.

Идя навстречу просьбам, Кедров привел выдержки из дела. Из цитат, однако, картина виновности Теодори не складывалась⁵. Он обвинялся в бегстве в Латвию, однако абсурдность этого признавал сам Кедров (Теодори находился в служебной

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 228.

² Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 85–88.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 499–499об.; Оп. 10. Д. 11. Л. 227.

⁴ Если верить Теодори, Ленин лично знал его по 1918 г., причем с хорошей стороны (РГВА. Ф. 33221.

Оп. 2. Д. 216. Л. 10–10об.).

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 224.

командировке). Прочие обвинения были более серьезными, но и их удалось опровергнуть. Среди них причастность к шпионажу и интимная связь с 21-летней машинисткой ПШ РВСР В.П. Троицкой, подозревавшейся в шпионаже, а также прием через нее на службу в оперативный отдел разных лиц и сношения с руководством объединенной офицерской организации. На советскую военную службу еще весной 1918 г. в оперативный отдел Наркомата по военным делам, впоследствии вошедший в ПШ РВСР, Троицкую устроил левый эсер Н.В. Муштафин. Затем через нее на службу устраивались разные подозрительные личности. Как выяснилось, Троицкая имела связь со многими, в том числе с ответственными партийными работниками и военспецами, пьянствовала. Ходили слухи о том, что она имела аристократическое происхождение, состояла в родстве с графом С.Ю. Витте. От оговора Теодори она отказалась 20 апреля 1919 г.^I Назначение всех лиц на службу было санкционировано Араловым и поручителями, но принят был только один человек. Связь с Троицкой стала предметом детального рассмотрения, причем было установлено, что Теодори «с одной стороны, всех уверял в невозможности из-за отвращения близких отношений с ней, а с другой стороны, позволял себе обнимать ее»^{II}. По показаниям шофера ПШ РВСР Г.П. Скаченко, возившего Теодори и Троицкую по Серпухову, «во время поездки гр[ажданин] Теодори всегда садился со мной рядом, а гр[ажданку] Троицкую сажал себе на колени и вели любовные разговоры»^{III}. Однокашники же считали, что это никакой не шпионаж, а «индивидуальная особенность Теодори в половой жизни»^{IV}.

Причастность к офицерской организации (видимо, военной организации «Национального центра») выражалась в том, что Теодори посещал бывших генералов В.И. Селивачева и Н.Н. Стогова, которых знал по прежней службе. Кстати, данное обстоятельство свидетельствует о неблагонадежности Стогова и Селивачева уже в апреле 1919 г., задолго до официального раскрытия военной организации «Национального центра», относящегося к августу – сентябрю 1919 г.

Кедров удивился налаженности связи выпуска Теодори и наличию самой организации выпускников, существовавшей фактически как параллельная штабам РККА неформальная структура. Выпускники на это ответили, что связь осуществляется лишь персональная с целью поддержки служебных и материальных интересов друг друга.

25 апреля представители выпуска составили доклад в поддержку Теодори на имя главнокома, председателя Реввоентрибунала и начальника ПШ РВСР. В докладе сообщалось: «Из частной беседы с тов. Кедровым пришли к заключению, что, несмотря на месячный срок пребывания Теодори в тюрьме, до сего времени конкретных данных по обвинению его нет»^V. Аралов просил Кедрова отдать ему Теодори на поруки «для использования его знаний ввиду большого недостатка генштабов»^{VI}. Арестованному был разрешен телефонный разговор с Араловым,

^I РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 78–78об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225.

^V Там же. Л. 225об.

^{VI} Там же. Л. 266.

в ходе которого он интересовался, знает ли о его аресте Троцкий и каково положение жены и сестры, а также других невиновных курсовиков.

Наряду с Теодори весной 1919 г. был арестован и его однокашник начальник штаба Приволжского военного округа бывший капитан И. Н. Полковников, являвшийся одним из «пионеров лиц Генштаба, энергично принявших за дело создания Красной армии»¹. Уже по получении предписания о его аресте сослуживцы выступили в поддержку своего товарища. М. М. Петров писал: «Я заявляю, что предписание ареста Ивана Полковникова подорвет его моральные силы, будет незаслуженной обидой Полковникову за честную, полезную и энергичную работу на пользу советской власти. В настоящее трудное время советская власть не должна терять таких полезных деятелей, каковым является для нее Полковников. Для общей пользы дела я убедительно прошу отнестись особенно осторожно к намеренной мере. Полковников — член выпуска 1917 года, выпуск знает Полковникова, и его арест, боюсь, породит неуверенность в работе других лиц выпуска»². Таким образом, и этот арест не был мотивирован.

5 мая курсовики отправили телеграмму Л. Д. Троцкому: «Предреввоенсовета Троцкому по месту нахождения. Копия шта[б] Вост[очного] фронта Генштаба Бардинскому. Серпухов 5 мая. Получив уведомление от лиц Генштаба выпуска 1917 года шта[ба] Вост[очного] фронта, что на врученную ими Вам просьбу Хрулева Вами дан был ответ в положительную сторону при условии соответствующего ходатайства от ближайших родственников Хрулева или от коллектива выпуска. Настоящим докладываем, что представителями выпуска еще 27 марта № 111/Б ходатайствовалось о спешном разборе дела Хрулева, как и Теодори. Докладом 17 апреля № 112/17 было возбуждено повторное ходатайство об освобождении Теодори и, кроме того, были к Вам делегированы представители выпуска Генштаба Кутырев и Кузнецов [с] целью доклада [об] общем положении как специалистов, но не могли быть Вами приняты за Вашим выездом из Москвы на фронт. 23 апреля по вызову председателя Особого отдела ВЧК тов. Кедрова прибыли в Москву представители выпуска Исаев, Кутырев, Кузнецов [с] целью ознакомления [с] делом Теодори, результатом коего был доклад главному, председателю Ревтрибунала республики и на[чальнику] шта[ба] Реввоенсовет[а] об отсутствии конкретных данных обвинения с ходатайством о проведении [в] жизнь доклада членов выпуска 17 апреля [№] 112/17. С одной стороны, не получив никаких ответов по целому ряду ходатайств о Хрулеве и Теодори, [с] другой стороны, поступили сведения о новом аресте выпуска 1917 года Генштаба Моденова и предполагаемом аресте Генштаба Полковникова и ряде арестов и обысков Генштаба других выпусков без объявления причин и соблюдения приказа Реввоенсовета республики от 29 сентября 1918 года № 6, представители выпуска решили [осуществить] вторичную посылку делегатов к Вам [с] целью ходатайства [об] освобождении арестованных без конкретных обвинений и выяснения ряда вопросов [в] связи [с] произведенными арестами и того вреда делу, который приносит личный террор. Докладывая об изложенном, просим [у] Вас приема нашей

¹ Там же. Л. 222.

² Там же. Л. 222об.

делегации. № 113/18. По уполномочию выпуска Исаев, Кутырев, Малышев, Кузнецов, [А.Н.] Виноградов»^I.

Теодори тогда освобожден не был и провел в заключении (в Бутырской тюрьме и, по иронии судьбы, во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК, созданием которого он в свое время занимался) почти два года до 4 января 1921 г., после чего продолжил службу в РККА. Попытки коллективного давления курсовиков на руководителей ВЧК и партийное начальство в целях освобождения Теодори, по-видимому, дали понять руководству Особого отдела ВЧК, что корпоративизм генштабовской молодежи представлял определенную силу. К тому же поддержку молодежи оказали и некоторые высокопоставленные работники ПШ РВСР. Возможно, чрезмерная активность молодых генштабистов и сыграла роковую роль в деле Теодори, отодвинув его освобождение на долгих два года^{II}.

Дальнейшее укрепление корпоративного духа генштабистов, осознание ими своей силы вполне могло привести к идее свержения большевиков, тем более что в ПШ РВСР в Серпухове находились верные Вацетису латышские стрелки (5-й латышский стрелковый полк), а на ключевых постах были выдвиженцы главкома, включая курсовиков. Возможно, все это стало причиной длительного тюремного заключения лидера молодых генштабистов, привело к арестам других активистов из этой группы в чрезмерно независимом ПШ РВСР и даже к смене высшего военного руководства страны.

Неудивительно, что в заключении по делу Теодори, составленном 27 июня 1919 г., отмечено: «В отношении организации выпуска Генштаба 1917 года следственное отделение Особого отдела ВЧК полагало бы необходимым распустить эту организацию, так как формальная цель ее существования (взаимопомощь) является излишним при^{III} советском строе, когда каждый гражданин обеспечен на случай старости, инвалидности, безработности и проч[его], и мало того что излишним^{IV} — цель организации является фиктивной. Организация контрреволюционная по заданиям и подлежит роспуску и ликвидации»^V.

В то время курсовики еще продолжали сохранять свою сплоченность. В частности, в последних числах июня или в самом начале июля 1919 г. они собрались узким кругом из семи человек в Серпухове, в ПШ РВСР и закрытым голосованием делегировали трех своих представителей к председателю ВЦИК М.И. Калинину по вопросу освобождения Теодори и реабилитации выпуска в глазах властей. Поехали Н.Н. Доможиров, Е.И. Исаев и Б.И. Кузнецов. Встреча состоялась 1 или 2 июля 1919 г. Калинин затребовал от посетителей список выпуска с указанием, кто где служит, сколько выпускников погибло в Гражданскую войну, сколько перебежало к противнику, сколько имелось налицо^{VI}. Встреча произвела на посетителей самое благоприятное впечатление, Калинин постарался успокоить прибывших и обещал переговорить по их вопросу с кем следует^{VII}. Интересно, что

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 44. Л. 132–134.

^{II} Подробнее о Теодори см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 241–304.

^{III} В документе — по.

^{IV} В документе — излишний.

^V ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 2об.

^{VI} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 188об.–189.

^{VII} Там же. Л. 239об.

по возвращении курсовики стали манипулировать состоявшимся знакомством с «президентом республики», мистифицируя главкома И.И. Вацетиса и Ф.В. Костяева относительно своей близости к власти — якобы Калинин разрешил обращаться к нему напрямую по любым вопросам^I. Кроме того, на фоне успехов наступления Деникина на Москву курсовики обсуждали возможность прозондировать почву на предмет отношения к ним у белых^{II}.

Е.И. Исаев на допросе по делу ПШ РВСР летом 1919 г. показал в этой связи: «Считаю необходимым добавить, что выпуск настолько сжился и сросся с советской властью своей честной и безусловной полезной работой по созданию Кр[асной] армии, что малейший укол на нелояльность выпуска к советскому правительству вызывал у всех чувство обиды, результатом чего собственно даже явилась депутация к предс[едателю] ВЦИК тов. Калинин, так как выпуск прекрасно понимает, что слаще ему, вне всякого сомнения, ни при каком другом правительстве не будет.

Говорю все это так же чисто и искренно, как и работаю на пользу армии. И я более, чем уверен, что выпуск и в будущем своей работой даст большие плоды в успехах и организации Кр[асной] армии, если политическая часть даст веру и жизненность тем указаниям, кои она предложит, подтвердив это документально»^{III}.

Летом 1919 г. в ходе дела ПШ РВСР были арестованы все курсовики, ходатайствовавшие за Теодори: Н.Н. Доможиров, Е.И. Исаев, Б.И. Кузнецов и Г.Я. Кутырев. Арестам подверглись и их старшие товарищи И.И. Вацетис и Ф.В. Костяев. Из заступавшихся за Теодори репрессий тогда избежал лишь комиссар С.И. Аралов, возможно, только благодаря комиссарскому иммунитету. Арест Теодори был связан с летними арестами в Серпухове по делу ПШ РВСР. В 1919 г. через аресты прошли не менее 21 представителя генштабистов 1917 г.^{IV} В основном это были наиболее активные в общественной жизни лица. По генштабовскому корпоративизму был нанесен мощный удар, после которого корпоративное единство выпускников старой академии в Советской России стало в значительной степени лишь достоянием истории.

На допросах по делу ПШ РВСР затрагивались вопросы самоорганизации курсовиков, арестованные рассказывали о своих беседах и планах. Ф.В. Костяев дал взгляд со стороны на попытки самоорганизации молодежи: «Организация эта содалась в революционное время. Цель ее — самопомощь моральная и материальная (поддержка друг друга). Члены выпуска в общей массе — лица, мало подготовленные к большой службе Генерального штаба, но ищущие опору в своей сплоченности. Вначале, по выходе из академии, этот выпуск не имел определенного лица, но впоследствии с марта месяца^V в нем появилось течение, возглавляемое Теодори, с идеей создания молодого Генерального штаба (основы — энергия, отсутствие бюрократизма) в противовес старого Генерального штаба. Теодори рискнул на такой шаг после ссоры в штабе Северного участка с одним из инженеров, который потребовал себе

^I Там же. Л. 192.

^{II} Там же. Л. 3, 8.

^{III} Там же. Л. 455об. — 456.

^{IV} Из окончивших курсы 2-й очереди в различные периоды 1919 г. были арестованы: В. Л. Баранович, Ю. И. Григорьев, Н. Н. Доможиров, Г. С. Дьяков, Н. Я. Забегалов, В. Г. Зиверт, Е. И. Исаев, Б. И. Кузнецов, Г. Я. Кутырев, А. К. Малышев, И. Д. Моденов, А. П. Панкратьев, С. Г. Плюто, И. Н. Полковников, П. П. Слицикоухов, В. Е. Стасевич, В. И. Тарасов, Г. И. Теодори, В. В. Трофимов, В. В. Хрулев, И. Д. Чинтулов.

^V Видимо, 1918 г.

опытного генштаба, а не выпуска [19]17 года. Сколько человек разделяет взгляды Теодори, мне неизвестно, но я знаю, что, пожалуй, большинство считают взгляды Теодори совершенно неправильными и полагают, что вып[уск 19]17 г. должен многому еще поучиться, т. к. не имеет абсолютно никакой практики в службе Генерального штаба. Представителями последнего течения являются Малышев, Кузнецов и др.

Я относился к выпуску с той точки зрения, что считал их младшими чинами Генерального штаба и в разговоре, а также в своих действиях строго подчеркивал, что Генеральный штаб должен быть единый и что я разделяю лиц в Генеральном штабе на работоспособных и малоработоспособных. Я допускал существование коллегиальной сплоченности выпуска [19]17 г. с отдельными представительствами, как временную меру, разрешенную правительством, и старался путем организационным уничтожить навеянную Теодори рознь между чинами Генерального штаба. Несмотря на честлюбивые стремления многих из выпуска [19]17 г. (Теодори), я при назначении стремился, чтобы молодые Генштабы начинали службу с малых должностей, и я всячески старался лиц вып[уска] 1917 г., которые случайно заняли высокие должности, по возможности, перевести на соответствующие места (напр[имер], Майгура, Сысоева и др.).

Когда у главкома появлялась мысль о назначении некоторых молодых генштабов вып[уска 19]17 г., малоопытных, на ответственные места, я всячески этому противодействовал... Утвердительно могу сказать, что вып[уск] политической окраски никакой не имел, он был организован на началах самопомощи и имел организованную информацию с мест, т. к. члены его были рассеяны всюду по фронтам и армиям... Если у отдельных лиц и могла появиться идея о господстве молодого Генерального штаба, то эта идея была лишь у сторонников Теодори, которых немного. Кроме того, постановка службы Генерального штаба, как в Полевом штабе, так и на фронтах, убедила членов вып[уска] 1917 года, что работа Генерального штаба требует большого опыта, который приобретается прохождением тяжелых черновых должностей Генерального штаба.

Взгляд на службу Генерального штаба у представителей вып[уска 19]17 г. значительно изменился с тем, что был год тому назад, и когда зашел разговор о переводе слушателей 1918 г. в Генеральный штаб, то представители вып[уска 19]17 г. определенно заявили против перевода этих слушателей как лиц, не подготовленных в техническом отношении.

Отношение Вацетиса к вып[уску 19]17 г. было доброжелательное, т. к. первые его сотрудники были именно из этого вып[уска], и он на них смотрел как на своих людей, но думаю, что Вацетис в технических силах и знаниях этого вып[уска] разочаровался, когда более детально ознакомился с организацией работы Генерального штаба.

Старые выпуски Генерального штаба относились к выпуску 1917 года в целом отрицательно и хорошо лишь к отдельным лицам. Считая, что из этого выпуска многие лица берутся за то дело, которое не вполне усвоили... По вопросу о существовании какого-то определенного стремления к захвату власти, ячейкой которого будто бы являются лица вып[уска 19]17 г., я определенно и категорически заявляю, что мне решительно ничего об этом не известно»¹.

¹ В документе несогласованно — представителем.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 13–16.

Курсовик Е.И. Исаев 12 июля 1919 г. свидетельствовал: «Среди товарищеских бесед вообще о положении выпуска, которому трудно становится бороться зачастую с тем или иным положением, как со стороны старого Генерального штаба, стремящегося нажать на молодых при удобном случае, так и со стороны некоторых лиц партии, не всегда беспристрастно относящихся к иным лицам из выпуска, другими словами, упрочить свое положение, явилась мысль создать ядро, которое должно было занимать по достоинству места при лицах, от коих зависели бы перемещения, и тем самым влиять на замещение тех или иных назначений, не давая в обиду своих, а также если на пользу Кр[асной] армии служит с большим опытом лицо и другого выпуска, то поддерживать и его, причем лицам, не удовлетворяющим по знаниям и опыту военному делу, давать откровенную аттестацию, хотя бы это были и своего выпуска»^I. Политическая позиция курсовиков, по-видимому, была государственнической, но внепартийной и не большевистской. Тот же Исаев показал: «Далее явился вопрос, на чьей же платформе должен быть выпуск, т.е. какой политической окраски. Явились мысли такие, что вдруг осуществляются слова Бонч-Бруевича, которые он чуть ли не каждому говорил в штабе, “что большевики себя изжили, и теперь ему придется спасти государство от всех двигающихся врагов”. Ответ сам по себе явился ясен, что выпуск должен обороняться от всех наступающих врагов на Советскую Россию»^{II}.

Другой арестованный курсовик, Б.И. Кузнецов, показал: «Разбирая... современное положение, оба (я и Григорьев) пришли к выводу, что спасти страну от иностранного вмешательства мог бы только настоящий Генер[альн]ый ш[таб] (Большой ГШ) и идейные, а не примазавшиеся, коммунисты»^{III}. Н.Н. Доможиров свидетельствовал о том, что в своем кругу курсовиками была «намечена к проведению в жизнь программа восстановления Большого Генерального штаба, путем занятия должностей Генштаба в республике во всех отраслях управления “своими верными людьми”»^{IV}. Таких действий, а именно технического захвата военно-административного аппарата военспецами в своих целях, особенно боялись большевики. Аресты активистов из генштабовской молодежи положили конец всем этим мечтам.

Тем не менее взгляды курсовиков не были забыты. Даже после Гражданской войны их служебный статус иногда ставился под сомнение со стороны военно-политического руководства Советской России. Это, в свою очередь, как и прежде, порождало ответную реакцию в форме коллективных писем курсовиков в свою защиту, укрепления корпоративной самоорганизации и взаимовыручки.

Обеспокоенность курсовиков вызвала речь главного начальника военно-учебных заведений Д.А. Петровского на Всесоюзном совещании по территориальному формированию в марте 1924 г. в связи с его предложением пересмотреть список лиц с высшим общим военным образованием. Замаячила давно забытая угроза возвращения к дореволюционному бюрократическому подходу в отношении

^I Там же. Т. 1. Л. 453.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Т. 2. Л. 36.

^{IV} Там же. Т. 1. Л. 220.

курсовиков. Тогда их пытались считать временной заменой в условиях дефицита кадров, предлагая продолжить обучение после войны.

Предложение Петровского было очевидным недоразумением, поскольку противоречило изданным в 1918 г. в РККА приказам о причислении и переводе курсовиков в Генштаб. Противоречило оно и той важнейшей роли, которую сыграли курсовики в создании Красной армии. Кроме того, предложение почему-то не касалось других ускоренных выпусков.

Заявление породило обширное коллективное письмо курсовиков¹, в котором были подробно описаны заслуги выпуска перед Советской Россией и Красной армией. В документе отмечалось, что «строевой стаж мирного времени от 6 до 8 лет, боевой стаж в строю и штабной стаж по службе Генерального штаба, в том и другом случае на ответственных постах в армии перед началом занятий в академии, поставили военную ценность выпуска в исключительные условия и обновленная профессура академии того времени путем привлечения лучших сил с большим боевым опытом фронта совершенно ясно это подчеркивала, заявляя, что этот выпуск исключительный»². Курсовики обратились в Штаб РККА за разъяснениями. Помощник начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевский заверил их в том, что служебный статус не изменится.

Острота былых противоречий не сгладилась и к 1930-м гг. Даже в 1931 г., во время следствия по делу «Весна», бывший курсовик И.Ф. Ораевский, например, рассуждал о том, что «в период Гражданской войны старые генштабисты захватили все высоты командования Красной армии, оттирая нас, молодых академиков, на третьестепенные и более опасные места и тем разделяя одних от других»³.

Корпоративная солидарность «лиц Генштаба выпуска 1917 г.», или курсовиков 2-й очереди Военной академии, оказалась наиболее сильной в среде генштабистов и практически не имела аналогов в период Гражданской войны. С ней сопоставимы только попытки самоорганизации слушателей Академии Генштаба РККА, о которых пойдет речь ниже. Но есть важное отличие: генштабисты 1917 г. пытались поддерживать корпоративную сплоченность не только во время, но и после завершения учебы. В 1918 г. они нашли покровителей как среди видных военных специалистов, так и в большевистском руководстве. Однако на следующий год их коллективные попытки оказывать давление на руководящих работников РКП(б) и ВЧК в связи с арестами своих товарищей стали вызывать беспокойство. Кроме того, выяснилось, что курсовики вне службы взаимодействуют между собой по вопросам назначений на те или иные посты. Терпеть неформальное объединение большой группы военспецов, пытавшейся лоббировать нужные ей решения, большевистские лидеры не собирались. Тем более что в перспективе это могло грозить более серьезными последствиями для правящей партии. В итоге при помощи Особого отдела ВЧК эта угроза была ликвидирована посредством

¹ АВИМАИВИВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 27–30; Ганин А. В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам»: Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии // Петербургский исторический журнал (СПб.). 2015. № 2 (06). С. 310–315.

² АВИМАИВИВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 29; Ганин А. В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам». С. 313.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3169 (3330). Л. 33.

арестов как лидера выпуска Г.И. Теодори, так и ряда его однокашников, проявлявших активность в общественной жизни.

§ 2. Корпоративизм курсовиков 3-й очереди

Среда выпускников академии была неоднородной в связи с появлением значительной группы курсовиков – выпускников и слушателей ускоренных академических курсов, функционировавших в 1916–1919 гг. Курсовики повели отчаянную борьбу за свои права и должностной статус в Генштабе (в том числе против генштабистов довоенных выпусков), чему способствовало наличие у них серьезных корпоративных структур.

Попытки корпоративного объединения предпринимали и слушатели ускоренных курсов 3-й очереди академии. В 1918 г. в академии существовали комитеты каждого класса. В частности, 11 марта 1918 г. комитет младшего класса 3-й очереди ходатайствовал перед начальником академии об оставлении на случай откомандирования от академии всех слушателей либо всего комитета, либо его бюро из 4–5 членов для поддержания связи^I. В бюро входили И.М. Витоль, Федоров (секретарь), Д.П. Артынов, Л.К. Лихтарович и Н.Н. Нелавицкий, председательствовал Витоль. Товарищем председателя был И.М. Богацкий, помощником секретаря В.Р. Кизельбаш. В комитете состояли помимо вышеперечисленных: М.П. Базыленок, И.И. Глудин, Г.Б. Карягин, К.И. Клуге, Н.О. Масыгин, Р.Д. Мергин, А.Ф. Низиенко, И.С. Петров-Денисов, А.С. Петровский, Н.Н. Рыбалтовский и князь Эристов^{II}.

Выше уже говорилось о наличии у них своего комитета. Однако слушатели проводили и общие собрания по волновавшим их вопросам. Сохранилась по-своему наивная резолюция одного из собраний, прошедшего 2 апреля 1918 г. в Екатеринбурге:

«В курсовой комитет^{III}

Мы, слушатели старшего курса Военной академии, в настоящее время являемся единственным источником и хранителем доблести и высокого звания офицера. Судьба избрала нас основой и фундаментом, на котором будет строиться новая армия и создаваться ее душа – офицерство. Нам предстоит быть примером и образцом будущему офицерству. Само собою понятно, что чем выше и доблестнее офицерство, тем сильнее и могущественнее армия. Отсюда становится ясным, какими высокими нравственными качествами должны обладать мы, дабы наши будущие ученики и воспитанники, распространяя в армии высокое понятие о чести и доблести, создали мощную, непобедимую армию. А между тем мы с каждым днем распускаемся все больше и больше. Каждый день приносит нам все новые и новые доказательства нашего падения, распушенности.

Примеров к тому сколько угодно:

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1618. Л. 143.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 149.

^{III} Вписано чернилами, на полях карандашная резолюция: «Вход. № 197. 2/IV/1918 г.».

а) гулянье слушателя под руку с торговкой на вокзале, б) давание честного слова понапрасну, в) резкость и необдуманность слов и выражений, употребляемых в разговорах между собой (выражения: “сволочи квартирьеры”), г) кошмарные предания о семейных, д) заявления, что в академии теперь очень хорошо, именно потому, что “можно толкаться и не извиняться”, е) необоснованные, голословные подозрения в неблаговидности действий выборных лиц, ж) погоня за дешевой популярностью и пр. пр.

Стоит только взглянуть на неопрятность нашей одежды, как станет очевидным, куда мы идем и что может ждать от нас новое офицерство – наши будущие ученики: кокарды солдатские, офицерские и даже накрашенные! Наша распущенность находит полное отражение в нашей неопрятной одежде. Многие ходят в помещении (это в епархиальном-то училище, с иконами) в фуражках. Ясно, какое отвратительное впечатление должно произвести это на местных обитателей и обитательниц учреждения! А ведь здесь составляется о нас мнение, и стоустая молва несет все это по городу.

Местные жители нас слишком превозносят, а мы себя совершенно не ценим, но, когда они убедятся, что мы не соответствуем их представлениям, – разочаруются, и явится у них другая крайность – пренебрежение к нам. Пора остановиться, иначе мы своей распущенностью пятнаем высокий авторитет академии.

Со времени снятия погон мы до сих пор роняем себя, роняем на каждом шагу, старательно и настойчиво разрушаем то высокое представление у интеллигенции об офицере Генштаба, который путем долгих лет огромного напряжения дисциплины и выдержки создавал его в обществе.

Скоро придут слушатели младшего курса. Они, пробыв долгое время в унижении и испытав на себе все грубости произвола и издевательств, опустились ниже нас, ибо мы счастливо избежали этой участи, своевременно ушедши в академию. Не трудно предвидеть, что если мы сами не будем примером выдержки, корректности, опрятности, если не проникнемся чувством уважения к себе и сознанием высокого звания офицера, то по прибытии младшего курса мы скоро узнаем об скандалах в его среде, которых еще не видывало офицерство, и вся вина предстоящих тяжелых явлений в среде наших преемников всецело ляжет на нас. Наша прямая и святая обязанность всеми мерами облегчить и способствовать вновь прибывшим скорее сорганизоваться на основе высокого понятия о чести и взаимного уважения.

А что мы теперь можем дать ему (младшему курсу): растерзанный вид, возмутительные взаимоотношения, междоусобную перебранку, швыряние окурков и проч[ие] товарищеские тенденции.

Пора остановиться теперь же, во что бы то ни стало. Время не терпит, но пока еще есть полная возможность к восстановлению порядка, опасность велика, и чем дальше, тем труднее будет справиться нам с своей собственной распущенностью.

Как это сделать?

Необходимо теперь же, во имя спасения престижа академии, создать Суд чести, которому и поручить разработку традиций на основе уважения, дисциплинарности отношений между собою, соблюдения всех правил приличия и вежливости.

Выработанные традиции, обязательные для всех и изученные, как “Отче наш”, являлись бы основным направлением и отправными данными каждому слушателю

для решения вопроса, как поступить в том или ином случае, не роняя престижа академии.

Прибывший младший курс возьмет пример с нас в правильном направлении, а мы передадим ему наши традиции, как символ престижа офицера Генштаба.

Слушатели:

Серов[?]^I

Соколов

[А.Г.] Слефогт

“2” апреля 1918 г.

Ек[атерин]бург”^{II}.

Эта резолюция, воздвигая на пьедестал доблесть и честь офицеров, на фоне всеобщего упадка и разложения, конечно, была трудновыполнимой. Впрочем, интересно мелькнувшее в документе неприязненное отношение слушателей к большевикам, выразившееся в словах «и проч[ие] товарищеские тенденции». Подобные высказывания вполне объяснимы в контексте скорого массового перехода слушателей вместе с академией на сторону антибольшевистских сил.

Тем не менее 5 апреля комитет слушателей старшего класса 3-й очереди постановил ходатайствовать перед начальником академии об учреждении товарищеского суда «согласно приказа по военному комиссариату и ввиду все учащающихся случаев некорректного поведения некоторых слушателей академии»^{III}. Соответствующая записка была подана правителю дел академии.

В итоге слушатели сумели создать суд чести общества офицеров старшего курса академии. Во всяком случае именно такое наименование этот орган носил в августе 1918 г. после перехода академии на сторону антибольшевистских сил. Председателем суда чести был староста курса подполковник Н.Г. Сабельников, членами: подполковник Н. Егоров, капитаны С.И. Ильин, Н.А. Деллингсгаузен, Г.В. Ярцев^{IV}. Суд активно работал. В частности, в августе 1918 г. рассматривалось дело капитана Федорова (видимо, речь шла о П.А. Федорове), поступки которого были признаны не соответствующими достоинству русского офицера и офицера Генштаба в особенности.

Судя по всему, завершив обучение и разъехавшись по штабам антибольшевистских сил Востока России, курсовики 3-й очереди не сохранили организационные формы корпоративного единства. Во всяком случае, по документам их проследить не удалось. Это вполне объяснимо, поскольку в белых армиях Востока России сохранялась прежняя иерархия чинов, и генштабисты довоенных выпусков неизбежно оказывались на более высоких постах по сравнению с курсовиками. В таких условиях низовая самоорганизация курсовиков была затруднена.

^I Фамилия неразборчива, слушателя Серова на курсах 3-й очереди не было.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 32–32об.

^{III} Там же. Л. 33.

^{IV} Там же. Л. 40.

§ 3. Объединения слушателей Академии Генштаба РККА

После возникновения в Советской России в конце 1918 г. Академии Генерального штаба РККА в ней появились свои традиции и свои взаимоотношения между слушателями, многие из которых состояли в партии большевиков. Первый набор академии был весьма разнородным. Полковник А. Ф. Федоров впоследствии вспоминал: «Октябрь 1918 года. На Воздвиженке, в особняке бывшего Охотничьего клуба, идет прием в Академию Генерального штаба РККА. Коридоры и залы заполнены молодыми людьми, съехавшимися со всех концов необъятной страны. Мундиры, кители, гимнастерки перемежаются френчами, черкесками, бекешами и просто рубашками навыпуск, вышитыми и невышитыми, вплоть до домотканых. Но у каждого обязательные брюки галифе, начищенные до блеска сапоги»¹.

По свидетельству будущего Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, существенно различались как возраст слушателей и их подготовка, так и политическая принадлежность. Самому Мерецкову в начале учебы было 22 года, большинству слушателей – по 25–30 лет. «Многие служили еще в старой армии, в том числе офицеры, считавшие военное дело своей профессией на всю жизнь... В политическом отношении слушатели были весьма сознательными людьми. Коммунистов насчитывалось с самого начала не менее трех четвертей коллектива, а в дальнейшем их число все время росло.

Однако я хорошо помню, что в нашем наборе имелись также левые эсеры и эсеры-максималисты, а примерно каждый шестой являлся беспартийным»².

Объединением, сплотившим вокруг себя часть слушателей, была фракция коммунистов академии, с деятельностью которой связаны многие негативные моменты первых лет существования этого военно-учебного заведения. Разумеется, в советский период деятельность данной организации освещалась исключительно в положительном ключе, якобы это была надежная опора комиссаров академии³, что совершенно не соответствует подлинным фактам. Более того, сами комиссары академии очень сильно удивились бы, узнав о такой «опоре».

Первые слушатели академии представляли собой весьма специфический контингент – молодые, необузданные и амбициозные герои Гражданской войны, некоторые – члены РКП(б), приближенные к власти. Они не собирались считаться со старыми генштабистами, состоявшими в администрации академии, и пытались по партийной линии подчинить себе академическое руководство.

Начальник академии выдающийся военный ученый А. Е. Снесарев вспоминал о слушателях: «Это была группа, очень пестрая по составу, степени развития, по отношению к делу, крайне разно одетая; казалось, академия еще не успела их объединить, ободнородить, наложить на них какой-либо однообразный колорит, но что-то было в них и общее, что, правда, трудно поддавалось определению; этим общим была причудливая смесь активности, простора, непосредственности,

¹ Федоров А. Ф. Октябрьские зори. М., 1962. С. 170.

² Мерецков К. А. На службе народу. М., 2003. С. 66.

³ Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии. М., 1973. С. 16.

искренности шагов и слов, шумливости... Это были “в буре рожденные”, как их определял один из наблюдателей.

Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут для меня как начальника довольно сложную обстановку и что мне придется немало положить голову, чтобы установить с ними нужные и полезные для дела отношения^I.

Уже в конце декабря 1918 г., вскоре после открытия академии, в ней возникла ячейка коммунистов, позднее превратившаяся во фракцию. С первых дней своего существования фракция противопоставила себя не только академическому начальству из военных специалистов, которое считала старорежимным, но даже комиссару академии. В январе 1919 г. возникла фракция сочувствующих, в которой состояло до 70 человек^{II}.

Вместо того чтобы сосредоточиться на учебном процессе, члены фракции коммунистов начали плести интриги, воздействовать на руководство академии через свои связи в партии и даже пытались прибрать к своим рукам власть^{III}. К концу 1919 г. фракция состояла из 251 большевика и 75 кандидатов, всего — 326 человек, или 80% слушателей академии. Среди фракционеров было даже десять подпольщиков с опытом работы в 1900–1905 гг. В одном из документов было отмечено, что «фракция академии Генштаба из других академий и курсов выделяется по числу старых заслуженных партийных работников, прошедших, как говорится, огонь и воду, революционеров, испытанных как до революции, так и во время ожесточенной Гражданской войны»^{IV}.

Спорить с таким людьми было себе дороже, поэтому комиссар академии В.Н. Залезский не нашел иного выхода, как пожаловаться в 1919 г. нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкому на вконец обнаглевших и разболтавшихся слушателей. Троцкий вмешался и потребовал от слушателей строгого соблюдения дисциплины, однако изменить миропонимание этих людей простое внушение, конечно, не могло.

16 декабря 1919 г. комиссар академии направил подробный доклад о ситуации в академии в ВГШ. Этот интересный документ заслуживает особого внимания, поэтому остановимся на нем подробнее. Комиссар докладывал: «В первые же дни моей деятельности в качестве политического комиссара академии Генерального штаба, т.е. в декабре прошлого 1918 года, я доносил... что персональный состав фракции коммунистов слушателей академии основного курса и в особенности бюро ее таков, что будет весьма трудно вместить жизнь фракции в рамки положения об ячейках в воинских частях, ибо среди основного курса очень большой процент лиц, занимавших и на фронтах, и в ряде советских учреждений тыла весьма ответственные и самостоятельные должности, как то: комиссаров, начальников групп войсковых частей, начальников штабов и т.п. Это фронтовая и тыловая “знать”, как метко выразился в беседе со мной в то время тов. Вацетис.

^I А. Е. Снесарев: «Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут... довольно сложную обстановку» / публ. И. С. Даниленко // Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 59–60.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 469об.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 22об.

^{IV} Там же. Л. 40об.

Ответственные посты, занимавшиеся многими из слушателей до поступления их в академию, с одной стороны, дали им возможность приобрести личные связи во многих руководящих учреждениях военного ведомства, а с другой стороны, работали у многих из них психологические навыки приказывать и распоряжаться.

Все это не могло явиться обстоятельством, помогающим моему стремлению установить в академии необходимую для ее нормальной жизни дисциплину среди слушателей и поднять высоко авторитет Совета академии...

Началось с того, что, организовавшись во “фракцию коммунистов”, слушатели сочли себя призванными, не считаясь с существующим Положением об академии, фактически взять в свои руки всю жизнь академии, сведя начальника и комиссара на роль простых формальных исполнителей их указаний...

Утверждение Совета академии, исключаящее из его состава представителей слушателей, было принято фракцией коммунистов как плод “интриг” против слушателей начальника и комиссаров академии. Отношение к Совету определилось как крайне неблагоприятное и подозрительное.

Избрав из своей среды ряд комиссий, как то: учебную, хозяйственную и административную, слушатели пытались рядом с начальником и комиссарами создать новые органы академической власти, которые позволяли себе обращаться к служащим академии с теми или другими запросами, требованием тех или других справок без ведома и разрешения комиссаров и начальника, указаниями и замечаниями. Делалось все это авторитетом фракции коммунистов или бюро ее. Создалось двоевластие, начались конфликты между служащими и слушателями; служащие не знали, кого слушать, начали нервничать.

Совет академии принужден был принять меры против намечавшейся дезорганизации академической жизни, издав распоряжение никому не давать никаких справок без ведома начальника и комиссаров и не исполнять распоряжений, не подписанных кем-либо из членов Совета.

В этом распоряжении бюро фракции увидело “бюрократизм” Совета, а с моей стороны, как политического комиссара, “наступление” на права фракции, которыми она фактически должна пользоваться...

В конце февраля между профессором [А.А.] Свечиным и профессором [М.А.] Рейснером возник небольшой инцидент, выразившийся в том, что Свечин попросил Рейснера, затянувшего свою лекцию на второй час, принадлежащий Свечину, — позволить ему, Свечину, начать свою лекцию.

В этом инциденте бюро фракции усмотрело желание военспеца Свечина оскорбить социалиста Рейснера и, собравшись без моего ведома, постановило выразить порицание Свечину, каковое и вывесить от имени бюро фракции в стенах академии, что заставило Свечина прекратить чтение своих лекций.

Инцидент был с большим трудом мною улажен, но ввиду того, что резолюция фракции внесла нервность и раздражение в среду преподавателей и определенно помешала нормальному ходу учебных занятий, Совет академии, по моему представлению, издал приказ, в котором категорически воспрещал без ведома начальника и разрешения комиссаров вывешивать в стенах академии какие-либо объявления, постановления, протоколы и т.п. ...

Особенно же резкое обострение отношений с бюро произошло у меня и у Совета академии в целом на почве нашей борьбы с непосещением лекций. С самых

первых дней жизни академии мы обратили внимание на крайне неаккуратное посещение слушателями лекций. Я неоднократно поднимал этот вопрос в бюро фракции, приглашая его воздействовать на слушателей по-товарищески и не доводить Совет академии до необходимости применять меры принуждения, но скоро выяснилось, что не только [не] уменьшается общий абсентизм, но сами члены бюро фракции весьма часто манкируют своими обязанностями как учащиеся.

Это заставило Совет академии издать приказ и ряд подтверждений его, который гласил, что посещать лекции — обязанность каждого слушателя, что непосещение повлечет за собой увольнение из академии, а для учета посещаемости предлагалось регистрироваться в особо заводимых регистрационных списках.

В этом бюро фракции опять усмотрело “бюрократизм” и вступило в определенную борьбу против проведения его в жизнь: одни продолжали посещать лекции нерегулярно, другие, приходя, не находили нужным расписываться, третьи, придя в академию и зарегистрировавшись, шли не на лекцию, а сидели в столовой или читальне. Возник целый ряд конфликтов.

Последовательное проведение регистрации вскоре обнаружило, что процент непосещаемости у многих слушателей и особенно среди коммунистов колоссально высок: так, слушатель [Г.А.] Мануйлов пропустил до марта 1919 г. 85 % лекций и 85 % практических занятий, слушатель Зако — 85 % лекций, 74 % практических занятий, слушатель Васильев — 63 % лекций и 74 % практических занятий, слушатель [А.И.] Стецкий — 43 % лекций и 37 % практических занятий.

Ввиду того что означенные слушатели не только коммунисты, но и члены бюро фракции, что непосещаемость ими лекций начала носить уже демонстративный характер, что их пример деморализующее действовал на остальных слушателей, я заявил им, что академия принуждена принять меры к их увольнению. Но тов. [И.Л.] Дзевалтовский, которого я информировал о предпринимаемых Советом академии шагах, не разрешил нам привести в исполнение наше постановление.

Бюро фракции, получив об этом сведения, сочло, что настал крайне благоприятный момент для решительного натиска на комиссаров академии, чему также должен был благоприятствовать в глазах бюро фракции переживаемый в это время академией продовольственный кризис, который они поставили как показатель “бездеятельности и неспособности” комиссара [Э.И.] Козловского, “отписывающегося бумажками”.

В начале марта бюро фракции, собравшись тайно от комиссаров, приняло постановление о неспособности комиссаров руководить жизнью академии и предложило нам “как коммунистам и честным людям” уйти с постов.

13 марта я и комиссар Козловский передали эту резолюцию бюро вместе с подробным рапортом, обрисовывающим жизнь академии и суть конфликта, тов. [К.К.] Юреневу, который передал обо всем этом тов. Троцкому.

Тов. Троцкий вызвал к себе представителей бюро и имел с ними беседу, содержание которой мне неизвестно, но результаты которой сказались в том, что поведение фракции по отношению комиссаров стало более лояльным.

¹ И. Л. Дзевалтовский занимал пост главного комиссара военно-учебных заведений.

Вместе с тем тов. Троцкий поручил члену Реввоенсовета республики тов. [А.И.] Окулову приехать в академию и ознакомиться на месте с создавшимся положением вещей.

Обследование тов. Окулова показало полную необоснованность обвинений, выдвигаемых бюро, после чего инцидент считался исчерпанным, а тов. Окулов сделал бюро соответствующее внушение.

Так был изжит этот первый конфликт слушателей с Советом академии и комиссарами в частности.

В апреле и мае 1919 года основной курс был группами отправлен для практики на фронт и в академии остался один параллельный курс¹.

С отъездом на фронт группы особенно будирующих слушателей основного курса: [Г.П.] Сафронова, Стецкого, Мануйлова, Щербакова, Васильева, [С.П.] Урицкого, жизнь академии вошла в нормальную колею, никаких инцидентов и конфликтов между Советом академии и комиссарами, с одной стороны, и слушателями, с другой, не возникало².

Правда, два слушателя ходили к начальнику политической части РВСР А.Г. Белобородову, сменившему К.К. Юренева, с просьбой убрать комиссаров и назначить на их места слушателей. Но этот поступок был осужден. В ноябре 1919 г. стали возвращаться с фронтов слушатели основного курса для прохождения старшего курса, и противоборство возобновилось. Личный состав нового младшего курса оказался «выше по теоретической подготовке, как в общеобразовательном плане, так и в военном отношении, более дисциплинирован, но в политическом отношении состоит почти сплошь из коммунистов самого недавнего времени»³.

По мнению комиссара, младший курс без горлопанов со старшего вел себя прилично, хотя и имел двух-трех своих. В новый учебный год члены фракции попытались сместить начальника академии известного военного ученого, генштабиста А.Е. Снесарева, заменив его кем-либо из других военспецов — С.Г. Лукирским или, в крайнем случае, С.М. Шейдеманом. Как и прежде, появлялись ходоки к высшему советскому военно-политическому руководству, однако результатов такие походы не давали. В связи с озлоблением вследствие дровяного кризиса и обострением квартирного вопроса из-за наплыва слушателей начался новый накат на академическое руководство. На этот раз борьбу повела контрольно-хозяйственная комиссия во главе со слушателем младшего курса бывшим прапорщиком К.К. Лахинским, уже имевшим взыскание⁴. Совет академии решил исключить слушателей Лахинского, Г.А. Мануйлова и С.П. Урицкого (племянника знаменитого чекиста М.С. Урицкого), продолжавших плести заговор против руководства и митинговавших. В итоге Лахинский был исключен из академии и из партии⁵. Комиссар академии Э.И. Козловский отмечал, что «работать в такой обстановке

¹ Параллельный курс, в отличие от основного курса, занятия на котором начались с открытием академии в декабре 1918 г., был открыт только в середине февраля 1919 г. Планировалось принять 150 слушателей.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 31. Л. 5–7об.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Как отмечено в документах, Лахинский получил взыскание за грубые действия в отношении гражданки Безель в общежитии академии (Там же. Л. 9).

⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 209.

является совершенно немыслимым, и если это и впредь будет продолжаться, то порядок, существующий в академии, как то по административной части, так и [по] учебной – будет разрушен окончательно и не представится объективной возможности его восстановить»¹.

Точка зрения самих слушателей была иной. Вот что писал состоявший для поручений при штабе Западного фронта слушатель В.А. Кангелари в РВС фронта 17 июля 1919 г.: «В ноябре [19]18 года, несмотря на то что увлечение военспецами имело под собой твердую почву, в Москве была открыта академия красного Генштаба. В состав основного курса вошли (в общее число слушателей 180 человек) – 150 коммунистов. Многие с большим трудом оторвались от фронтов, сознавая важность создания красного Генштаба, другие выбыли из строя в качестве временных отчасти инвалидов, но у всех было одно стремление отдать последнее армии. Среди слушателей было немало ответственных работников, снятых с работы, и партия, что нам давала силы и уверенность в себе, ценила академию и возлагала на нее большие надежды – в этом окончательно убедил нас тов. Ленин, бывший в академии перед выпуском и подчеркнувший его отношение и отношение Ц.К. партии к нам. Тов. Смилга в беседе с бюро фракции Р.К.П. академии тоже отметил важность наличия на фронте “своего” Генштаба и комсостава. Учитывая это, бюро фракции особенно тщательно распределяло публику по фронтам, не считая[сь] часто с их сильным стремлением попасть на определенный фронт. Все товарищи были снабжены самыми строгими аттестациями, и все коммунисты, признавая серьезность момента, стремились поскорее покончить с занятиями и без возражения направились, куда их посылали. Но на фронтах обстоятельства начали складываться не так, как можно было ожидать. То, о чем буду говорить ниже, имеет под собой следующую почву. Бывший главком Вацетис был для академии почему-то мачехой, он повел кампанию против академии в печати (в “Известиях В.Ц.И.К.” [и] в “Военном деле”), заявлял, что из академии если и выйдут “красные”, то во всяком случае не генштабисты и пр., в одном из посещений академии (он был всего лишь раз) он на заседании конференции предложил слушателей по окончании учебного года командировать на фронт в качестве полковых адъютантов, чтобы потом, соблюдая постепенность, их вводить в штабную работу штабов высшего порядка, но этот проект был единодушно отклонен даже профессурой академии (представители слушателей воздержались)»².

Да и вся обстановка преподавания и постановка дела в академии доказывала, что слушатели – пасынки, а много сил тратили мы, голодные, в холодных помещениях, готовя из себя работников Генштаба. Это не фразы. Много товарищей свалились, не дождавшись окончания»³.

Советское руководство было осведомлено о том, что в академии Генштаба сложилась нездоровая атмосфера. Об этом сигнализировали и сами слушатели. Удалось обнаружить один из подобных докладов, относящийся к лету 1920 г.: «В Центральный комитет Российской Коммунистической партии.

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 31. Л. 15.

² Подчеркнуто красным карандашом кем-то из читателей.

³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 15–15об.

Копии товарищу Троцкому и бюро фракции РКП академии Генштаба¹
В академии Генштаба неблагополучно.

Слушатели почти все члены партии, но коммунистического мало до преступления.

Если в любой части, на курсах, в деловой ячейке какого-либо учреждения имеется комиссар, политрук или ответственный партийный товарищ с влиянием, устанавливается более или менее устойчивая линия поведения и, в первую очередь, в партийной среде.

Если через планомерное партийное воспитание, личный пример, тесное взаимное общение, организационное участие в партийно-общественной жизни вырабатывается и укрепляется коммунистическая сознательность, дисциплина, взаимное понимание, язык и общественное мнение, — то порядочность, деловитость и творческая жизнь налицо.

Этого нет в академии ни в партийной, ни в академической жизни.

Путь к оздоровлению через соответствующие мероприятия может быть наметен из следующих характеристик партийной и академической жизни.

Партийная жизнь. Соответствует общему пестрому составу.

Громадное большинство слушателей можно подразделить на следующие группы:

1. Белохвостые штабные ловкачи с воинственными галифе и шпорами, недалеко ушедшие от старо-профессиональных карьеристов тыла.

2. Военные профессионалы регулярного и партизанского оттенков.

Эти две группы немногочисленны, крайние индивидуалисты, недисциплинированы по природе; большинство коммунистически безграмотны; суждения непосредственны, активно обывательские; у некоторых крайне развитое самомнение, эгоизм, чувствуется презрение, взгляд свысока.

3. Наиболее многочисленная пассивная обывательщина с налетом интеллигент[т]щины, недисциплинирована, разболтана внутренне академической обстановкой при отсутствии коммунистической сознательности и чувства долга; склонна к оппозиции и оживлению в вопросах личного благополучия шкурно-продовольственного и шкурно-учебного; много без боевого опыта; сырой материал, легко поддающийся противоположным влияниям по настроению; с коммунистическим воспитанием, сознательностью — явится дисциплина.

Все три группы совершенно не заинтересованы (серьезно) в создании из академии выдержанной коммунистической военной школы; мысль об использовании военного искусства в интересах коммунизма вообще и строительства Красной армии — слишком от них далека; мечты и проблески идейного характера у третьей группы прививаются ненадолго за отсутствием системы воздействия; благополучие и карьеризм преобладают; устранить нетрудно.

4. Небольшая активная группа интеллигентных коммунистов — развита, в части серьез[н]а, деловита и формально дисциплинирована; пролетарская психика и дисциплина понимается умственно, в нутро не впитана; теоретична, немного высокомерна (аристократия мысли); интересы идейно-партийной и деловой спайки приносятся в жертву борьбе за влияние с 5[-й] группой, есть уважаемые

¹ Резолюция Л. Д. Троцкого: «Т[оварищу] Скланскому. Необходимы серьезные меры. Надо расследовать и обдумать. Тр[оцкий]».

дельцы и коммунистически выдержаны; у некоторых буржуазная игривость и мещанство легко переплетается с политической серьезностью.

5. Небольшая активная рабочая группа, антагонистична к предыдущей; болезненно самолюбивая в вопросах партийного стажа, засилия интеллигенции и спецов, конкуренции в работоспособности; в суждениях революционно непосредственна, демагогична, крайне радикальна; интересы коммунизма понимаются узко, в целом (практическом развитии) – непонятны, отсюда непонимание реальной политики центра, его тактики видимого, кажущегося соглашательства; отсутствие способности оценки явлений, творческого предвидения согласованно с целым, совместительства теории и практики марксизма; с налетом “самолюбивого-рабочего” индивидуализма, отсюда непримиримость к интеллигенту-коммунисту, видимая радикальность, в действительности консервативная оппозиция истории; честно-революционная и прямая по пролетарской природе. Есть старые уважаемые товарищи, некоторые заражены узко бюрократическим местничеством по стажу.

6. Остальные пассивные одиночки – средние или примыкающие к одной из двух последних групп, пассивные во внутренне-партийных страстях, а в работе по разным мотивам.

Была группа старых партийных работников центра, разъехались; некоторые бюрократически тяжеловесные к живой работе, помоложе – энергичные.

Собрания фракции проходят неполно, недисциплинированно, в большинстве шумно; по рекам времени неделовито и непродуктивно; словесные счеты агитационного характера активных групп с обвинением в неработоспособности или неправомерности политической линии; полное отсутствие коммунистической спайки, понимания, языка; выступления отдельных интеллигентствующих лиц с неясными мыслишками в целях саморекламы или предвыборного знакомства. Борьба активных групп, отсутствие пролетарской связи, понимания, какого-либо общественного мнения и серьезных стремлений к самоиспользованию в академии по долгу перед партией или сов[етской] властью, а вообще, по долгу коммуниста, – приводят и к фракционно-партийной и академической пустоте. Редкое участие в общественной жизни Москвы – санитарная очистка, Первомайский субботник, взрывы – не в силу внутренней жизнеспособности фракции, а скорее по необходимости, приличия, спорта и в лучшем случае отвлеченного долга.

Академическая жизнь.

До января [в]проголодь и холод при фронтовой избалованности повлияли на внешнюю дисциплину, способствовали разболтанности; слабая посещаемость лекций при мертвом казенном чтении – популярно-сухо, бессистемно, скомканно и безжизненно; отсутствие живых практических работ, знакомства с материальной частью, чертежами, схемами, исследований опыта Гражданской войны (прикладной части); казенный и слабый “профессорский” состав, совершенно не заинтересованный в лучшей постановке учебного дела, методов преподавания, в выпуске знающих красных генштабистов; отчасти, может, объясняются противопоставлением красного и старого Генштаба, вообще рутинной и противодействием слушателям в целом, ставившим первоначально вопрос о прикладном методе в острой непримиримо-задевающей форме профессуры (яйца учат курицу).

Зачеты (экзамены) – (по знанию слушателей), отношение к ним преподавателей и слушателей является лучшей аттестацией работоспособности и духа академии.

1. Почти полное отсутствие в большинстве элементарного знания предметов; детский лепет.

2. Массовое открытое школьническое использование шпаргалок, чтение украдкой на зачетах книг, открытая хвальба, что ничего не читал перед зачетом, ничего не знаю, попытаюсь пролезть и т.д., без какого-либо осуждения окружающих, в большинстве даже сочувствующих; обратная оценка преподавателями в зависимости от строгости требований.

3. Насмешки отдельных преподавателей на зачетах – поставить удовлетворительно хотя бы за то, что не возражает, соглашается; явное стремление профессуры отбыть зачеты благополучно без конфликтов со слушателями, вытянуть для приличия и спокойствия возможно больше, если есть хоть слабый намек, что человек все-таки читал.

4. Огульное стремление профильтровать оппозиционную “некультурную” малоподготовленную группу в смысле среднего образования – рабочую часть слушателей, не обладающую даром языка-пыли, хотя более добросовестную, усидчивую, которая при ином методе преподавания и ином отношении преподавателей за то же время усвоила бы легко и вдвое больше.

5. Толчение воды в ступе активной частью слушателей в сторону прикладного метода, вообще упорядочения учебной системы при антагонизме со стороны профессуры и ввиду отсутствия серьезного сознания во фракции и реальной силы ее представителей в смысле влиятельного голоса в вопросе о педагогическом составе и постановке занятий.

При таком положении красный Генштаб не сможет быть прочным коммунистическим скелетом военной организации республики и Красной армии, а революция и ее армия просуществуют не одно десятилетие.

Комиссар тов. Залезский мало интересовался академией; тов. Козловский слабохарактерный, бледный как коммунист-работник, – способствовали внутреннему разложению. В тов. [Г.Л.] Пятакове почувствовалась стальная рука, успевшая только реагировать на внешнюю беспорядочность. В академии нужен сильный авторитетный партийный товарищ комиссаром, который мог бы исключительно заняться подробным обследованием, упорядочением и организацией ее как в партийной, так и [в] академической жизни.

Летучая ревизия не даст ничего; нужно пожить, проследить и работать. Начало учебн[ого] года – подходящий момент для реорганизации учебного дела и постановки дисциплины вообще; не менее важным для дальнейшей жизни академии [является] вопрос о новом приеме, принципиальном его составе и проведении набора в жизнь по армиям.

Быть молчаливым участником развала при наличии полной возможности упорядочения, хотя бы соответствующим назначению комиссаром, как коммунист не могу.

С товарищеским приветом К. Подгорецкий, член партии тверской организации (слушатель академии).

16/VI¹.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 37–38об.

В разгар Гражданской войны, по-видимому, было не до длительных разбирательств и наведения порядка в академии, и к концу войны ситуация во фракции коммунистов Военной академии РККА (переименована 5 августа 1921 г.) практически не изменилась. Антиспецовские настроения всегда находили отклик в среде слушателей. 18 января 1921 г. на собрании ячейки были приняты за основу тезисы о том, что пополнение академии должно быть коммунистическим. 9 апреля 1921 г. орденоседец слушатель И. Ф. Федько (впоследствии — командарм 1-го ранга), известный своим неприязненным отношением к спецам, предложил произвести перевыборы бюро ячейки «ввиду его бессилия вести твердую политику борьбы с развивающимся влиянием военных специалистов, как в стенах академии, так и вне ее»^I. Бюро было переизбрано. На общем собрании ячейки 16 июня 1921 г. была принята резолюция о необходимости «проводить принципиальную линию в вопросе использования кр[асных] генштабистов через центральные органы, добиваясь всеми мерами и способами захвата в свои руки руководящих жизнью Кр[асной] армии штабов и учреждений»^{II}. На аналогичном собрании 24 июля было внесено предложение об обеспечении «наиболее продуктивного проведения в жизнь процесса овладения всего аппарата управления Кр[асной] армией на смену старым военспецам, чуждым интересам пролетарской революции»^{III}. Также было внесено предложение об обновлении преподавательского состава и замене «заядлых военспецов» генштабистами с опытом Гражданской войны.

Нараставшая конфронтационность и непомерный рост амбиций слушателей (для подобного поведения коммунистов в Советской России существовал даже специальный термин — комчванство) вызвали тревогу в ЦК РКП(б), назначившем в академию комиссию в составе А. С. Бубнова, А. Г. Белобородова и А. А. Сольца для проверки ее деятельности^{IV}. Комиссия работала в июне — августе 1922 г. По заключению комиссии по проверке ячейки академии в 1922 г. (Бубнов и Белобородов), положение было далеко не блестящим. В академии постоянно возникали трения на почве дробления слушателей на «рабочих», «интеллигентов», «старую партийную братву», «штабс-капитанов» и «красноштанников». Существовали «антиспецовские настроения», «коммунистическое бахвальство», «постоянно вспыхивающее склочничество»^V. Конфликты возникали как из-за различного статуса и мировоззрения бывших офицеров, унтер-офицеров, солдат и рабочих, так и по политическим причинам. Разногласия выявились еще в ходе острой дискуссии о профсоюзах 1920–1921 гг. Достаточно отметить, что 39 слушателей стояли на «платформе десяти», 10 — на платформе Троцкого, 133 — на платформе рабочей оппозиции^{VI}. 19 мая 1921 г. общее собрание ячейки выступило за то, чтобы академию возглавил партийный товарищ. Летом 1921 г. так и произошло — прежний начальник академии А. Е. Снесарев был заменен М. Н. Тухачевским. Бюро фракции РКП(б) имело и определенные властные полномочия. Например, оно тщательно

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 22.

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. «Признаки "Запорожской сечи" почти исчезли...»: Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2019. № 1 (7). С. 5–45.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 19.

^{VI} Там же. Л. 22.

обсуждало кандидатуры выпускников при назначении их на должности. Решения утверждал начальник академии^I.

Комиссия обратила внимание на карьеризм руководства фракции при инертности и апатичности рядовой массы. Бюро фракции постоянно вмешивалось в административно-хозяйственную и учебную жизнь академии, причем «это вмешательство укрепляло почву, на которой произрастали антиспецовские настроения и даже теории, коммунистическое бахвальство, местничество, карьеризм, верхоглядство и склоничество, а также множились различные недовольства и конфликты, как между слушателями, с одной стороны, и администрацией и профессурой, с другой»^{II}. Жизнь академии и без деятельности фракции коммунистов не признавалась удовлетворительной из-за чрезвычайно разнообразного по уровню подготовки состава слушателей, разбухшей численности, отсутствия устойчивых планов и программ, наличия «рабочей оппозиции». Деятельность фракции лишь обостряла все противоречия, тем более что даже комиссия отмечала повышенную склочность ее членов. В результате комиссия предложила сократить численность слушателей до 400 человек и комплектовать академию более однородным составом по стажу, развитию, возрасту и состоянию здоровья. Начальником академии должен был быть крупный военспец.

Комиссией Бубнова была проведена чистка академии, в ходе которой из 672 проверенных комиссией слушателей 348 исключили из академии по неблагонадежности, непригодности к штабной работе, слабой общеобразовательной подготовке, отсутствию командного стажа и другим причинам^{III}. Парторганизация академии была освобождена от административных функций. Был ликвидирован и так называемый учком — учебная комиссия, созданная слушателями при бюро фракции коммунистов и пытавшаяся вмешиваться в учебный процесс. Академия получила указание «превратить ее из клуба, в котором подвизаются политиканствующие элементы и происходит борьба группировок, в настоящее высшее учебное заведение Красной армии, в котором слушатели занимались бы серьезной военной работой и где не было бы места тунеядцам»^{IV}. По начавшему зарождаться корпоративизму красных генштабистов, опасному для большевиков, был нанесен мощный удар. Тем не менее держать слушателей академии в русле «генеральной линии» не удалось. В частности, к 1924 г. среди слушателей получили распространение националистические и шовинистические взгляды^V.

Однако фракция коммунистов была не единственным объединением слушателей Академии Генерального штаба РККА. В 1919 г. перед выпуском основного курса академии слушатели решили создать особый орган, который бы связывал красных генштабистов, временно откомандировывавшихся на фронты, и служил зародышем красного Генштаба. Так появилось «Бюро информации и связи», или сокращенно «Бюинс». Устав организации был одобрен уже после

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 195.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 19.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 10. Л. 9, 11.

^{IV} Там же. Л. 39.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 240. Л. 25.

отъезда слушателей на фронты председателем политотдела РВС Западного фронта И.Т. Смильгой и председателем РВСР Л.Д. Троцким. Наличие утвержденного военно-политическим руководством Советской России устава несколько изменило прежний неформальный характер организации, тем не менее организация существовала фактически на личных связях ее участников. Центром новой организации стал штаб Западного фронта, где при политотделе в августе – сентябре 1919 г. возникло бюро красных генштабистов^I, тогда как в Москве организация еще не была до конца сформирована. Создание «Бюинса» летом 1919 г. поддерживали члены РВС фронта И.В. Сталин, Р.И. Берзин и Б.П. Позерн^{II}. Информация об учреждении бюро была опубликована в приказе по фронту 11 августа 1919 г.^{III} Опубликован был и временный устав организации^{IV}.

Сохранилось «Положение о “Бюинсе” при политотделе РВСР». В документе отмечено, что организация создавалась для взаимной информации и координации действий слушателей, научной работы и материальной помощи семьям. В организации могли состоять только члены фракции коммунистов академии Генштаба (другой неформальной организации генштабистов). Сочувствующие и беспартийные принимались лишь при наличии двух рекомендаций от членов партии со стажем до октября 1917 г.^V Фактически создавался своеобразный закрытый даже для части слушателей союз красных генштабистов-большевиков и их надежных сторонников. Раз в полгода планировалось проведение съездов организации. При бюро также был образован фонд взаимопомощи.

Предполагалось, что «Бюинс» будет связывать академию с фронтом и вдыхать в учебный процесс новую жизнь на основе опыта Гражданской войны^{VI}. Однако на деле слушатели красной академии стали «качать права», заявлять о том, что их затирают буржуазные спецы, и требовать повышения своего служебного статуса.

Слушатель В.А. Кангелари, например, отмечал, что «военспецы сознательно и бессознательно губят дело, не умеют и не хотят работать, оттирают наших, а наши нужны армии как воздух (это не фразы)... Если нужно будет подтверждение сказанного мною Ильичу (ему доложите, когда получите мой доклад, это важно для вашего выпуска, нельзя допускать такой возмутительной растраты партийных сил), подтвердят Сталин и другие члены Реввоенсовета»^{VII}.

Ему вторил слушатель Г.А. Мануйлов, который 20 августа 1919 г. писал из Смоленска в «Бюинс» по итогам двух месяцев службы на фронте: «Мой единственный вывод: красному генштабисту нужно помнить, что он единственно может вести Гражданскую войну и ни в коем случае не может класть пальца в рот военспецам, уже осевшим в штабах. Не он должен приспосабливаться к этим господам и созданной ими рутине, а приспособить все к себе и своей молодой чуждой канцелярской рутине революционной выучке, энергии и спорядичности метода действий. Залогом победы красного Генштаба над белым,

^I РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 359. Л. 252.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 11.

^{III} Сталин И. В. Труды. М., 2018. Т. 12. С. 43.

^{IV} Там же. С. 355–357.

^V РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 55.

^{VI} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 18.

^{VII} Там же. Л. 19.

над предательской бездарностью их может быть только организация и организация. На Западном фронте это уже и сделано»^I. Нередко старых спецов недоучившиеся слушатели красной академии напрямую называли белогвардейцами. Положение их было незавидным. Тот же Мануйлов писал: «Могут ли военспецовские песочницы, проникнутые глубокой пассивностью, действовать смелой наступательной тактикой, могут ли они действительно использовать и штык и пулю, местность и политическую ситуацию, а главное использовать маневрирование. Нет, нет и нет. Советская республика должна красных генштабистов и рабочих офицеров вооружить всеми заботами, чтобы мы могли самостоятельно работать и вполне отвечать за свои действия. Революцией должны руководить революционеры, а не белогвардейцы...»^{II} В этих словах выражались взгляды многих красных генштабистов.

В кампанию 1920 г. все в точности повторилось. 19 июня 1920 г. бюро фракции РКП(б) академии обратилось в Совет ВГШ с докладной запиской, в которой говорилось: «Опыт летней командировки 1919 г. в достаточной мере убедил нас, что в Советской республике нет органа, который бы ставил себе целью точный»^{III} учет красных генштабистов и следил за планомерным использованием их сил и знаний в военной практике. Это обстоятельство побудило бюро фракции академии в течение прошедших зимы и весны заниматься разработкой вопроса и искать разрешения его в официальном порядке, путем докладов и ходатайств перед Реввоенсоветом республики об учреждении бюро информации и связи красных генштабистов на основе устава, так называемого Бюинса (см. приложение первое). В результате попыток провести в жизнь эту частичную организацию одной категории комсостава Красной армии было установлено, что РВСР стремится объединить, а не разделять старых и новых генштабистов, и кроме того, он высказался принципиально против учреждения параллельного органа в дополнение уже существующему специально для этой цели, т.е. Организационному и Командному управлениям Всероглаштаба, почему бюро фракции академии нашло необходимым немедленно обратиться к Вам с настоящей докладной запиской.

Находя, что факты командировки 1919 года уже в значительной степени устарели и аннулированы жизнью, мы считаем своим долгом, прежде всего, довести до Вашего сведения новые данные отсутствия организации и целесообразного использования сил красных генштабистов, полученные в настоящее время.

Так, апрельской командировкой 20 т.т.^{IV} на Западный фронт выяснилось, что:

1. В штабапе^V не было заранее известно о командировке слушателей и там не знали, зачем они присланы (см. письмо тов. Парма [—] приложение 2^{VI}).

2. Назначали, не заглядывая в характеристики, не учитывая индивидуальных качеств, а просто арифметически делили по частям в порядке фамильного списка (то же письмо).

^I Там же. Л. 20.

^{II} Там же. Л. 20об.

^{III} Здесь и далее подчеркнуто в ВГШ.

^{IV} Товарищей.

^V Штабе Западного фронта.

^{VI} Приложения 2–4 не публикуются.

3. При назначении не осведомлялись о стаже по специальности Генштаба и роли в Красной армии, а только в строевой службе в старой армии (смотри письмо тов. [В.] Львова [—] приложение 3).

4. В штабах, через которые проходили назначения, не имелось списка вакантных должностей, не получалось и не давалось на этот счет никаких инструкций (см. письмо тов. Диманта [—] приложение 4) и т.д.

В последующих командировках повторялись те же дефекты организации, но они в значительной степени были ослаблены посылкой слушателей вместе с видными партийными деятелями, напр[имер] с тов. Сталиным, или в распоряжение того или другого лица, что, однако, вело в свою очередь к неравномерному распределению между частями и назначению не на должности по Генштабу и прочие.

По имеющимся у нас сведениям, в еще более незавидном положении в этом смысле находятся красные командиры, окончившие командные курсы. Что же касается работников старого Генштаба, то, по тем же сведениям, хотя находятся в относительно лучшем положении в смысле взаимной связи, учета их и распределения по Красной армии, тем не менее работа учетно-распределительного аппарата для них ведется с некоторыми перебоями. Мы далеки от мысли критики работы соответствующих управлений Всероглавштаба, ибо очевидно для нас, что в переживаемый нами переходный период организации и строительства Красной армии, как и других сторон строительства республики, естественно и неизбежно сопровождаются перебоями и организационными дефектами¹. Наша задача и долг идти навстречу существующим органам управления Красной армии в деле упорядочения аппаратов управления в пределах наших сил и умения, почему и просим Совет Всероглавштаба ввести в состав Организационного и Командного управления его два-три товарища из слушателей, окончивших старший курс академии Генштаба, в качестве работников Генштаба. Задачей этих товарищей, по нашему мнению, в первую очередь и должно быть способствование Всероглавштабу в деле налаживания правильного и регулярного учета и целесообразного использования красных генштабистов как молодых работников Генштаба. Эта работа указанными товарищами легче проводима не только ввиду их непосредственной заинтересованности в судьбе красных генштабистов, но и в силу естественной связи с академией и ее фракцией, куда присылаются сведения о слушателях академии, работающих на местах.

Ввиду того что в ближайшие дни все окончившие старший курс академии предполагаются к отправке на фронт, то наша просьба рассмотреть затронутый в данной докладной записке вопрос по возможности в ближайшем будущем, дабы своевременно выделить необходимое для того количество товарищей²».

Этот документ интересен тем, что в нем напрямую говорится о протесте РВСР в вопросе создания «Бюинса», поскольку не в интересах советского руководства и Красной армии было усиливать рознь между старыми и новыми генштабистами, но тем не менее организация была создана и продолжала свое существование.

Для понимания целей и задач этого органа приведем полностью устав «Бюинса», прилагавшийся к помещенной выше докладной записке:

¹ Так в документе.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 27–27об.

«§ 1. Бюинс имеет задачей поддержку и развитие красного Генерального штаба.

§ 2. В своей деятельности Бюинс оказывает красным генштабистам все возможные виды помощи, как в приобретении военных и общих знаний, так и в прохождении службы и, в экстренных случаях, в материальных затруднениях.

§ 3. В этих целях Бюинс: а) производит учет красных генштабистов, следя за усовершенствованием ими своих познаний, успешностью практики, а равно и использованием их как специалистов в Советской республике; б) ведет переписку с красными генштабистами на местах; в) издает специальный орган, где освещает все интересующие их вопросы, в частности вопрос о выработке основ военной доктрины, в отделе хроники широко информирует красных генштабистов о положении дел в военной жизни в центре и на местах; г) ведет архив сообщений, докладов и работ красных генштабистов и издает заслуживающие того труды их; д) организует перевод важнейших произведений иностранной военной литературы и издательство их; е) заботится о приобретении и доставке на места книг и различных пособий военно-научного и прикладного характера; ж) организует фонд помощи.

§ 4. В организацию, объединяемую Бюинсом, входят все коммунисты – слушатели академии Генштаба и окончившие таковую, кандидаты РКП и беспартийные могут быть допущены по рекомендации 2-х членов партии, состоящих в ней до октября 1917 года. Военные специалисты и военные деятели, не имеющие академического образования, принимаются по предложению 10 членов и утверждению Бюинсом.

§ 5. На обязанности членов организации лежит: представление периодических докладов о законченных операциях, о всяких тактических и организационных формах, не являющихся трафаретными, о дефектах в организации и оперативной деятельности штабов с указанием желательных мер к их устранению и о всех существенных изменениях и особенностях практики Красной и милиционной армий.

§ 6. Бюинс в первый период избирается на общем собрании фракции в составе 5 членов и 2-х кандидатов, в дальнейшем – общим собранием членов или съездом делегатов организации, которые являются ее высшим органом.

§ 7. Бюинс имеет своих представителей в штабах фронтов, армий и т.д. Все сношения Бюинса с генштабистами на местах ведутся¹ через фронтовых представителей.

§ 8. Бюинс является связующим звеном красных генштабистов с Центральным комитетом РКП, с центральными органами военной власти и специальными военно-учебными и учебными учреждениями республики^{II}. Съезды организации планировалось проводить не реже чем каждые полгода^{III}.

И вновь, как и в 1919 г., слушатели академии писали возмущенные письма о том, как плохо их принимали старые генштабисты в штабах.

Такой же орган оповещения красных генштабистов, как на Западном фронте, в 1920 г. слушатели новой академии хотели создать и на Южном^{IV}. Отметим, что в июле 1920 г. секретарем «Бюинса» был впоследствии видный военный ученый,

^I В документе несогласованно – ведется.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 67. Л. 28.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 56.

^{IV} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 180.

а тогда — слушатель академии В.К. Триандафиллов. На основе писем в «Бюинс» составлялись сводки и обзоры положения в штабах и на фронтах. Эти сводки в интересах красных генштабистов доводились до сведения высшего советского военно-политического руководства¹. Планировалось силами бюро издавать «Известия красной академии Генштаба».

Слушатели, направленные на Кавказский фронт, писали члену РВС фронта Г.К. Орджоникидзе 28 июля 1920 г.: «В настоящее время на Кавказском фронте в разных частях работают около 10 товарищей — слушателей академии Генерального штаба. Бюро фракции РКП академии обращается к Вам с просьбой помочь осуществить в масштабах фронта организацию связи красных генштабистов на основах прилагаемого устава.

Мы убеждены опытом прежних командировок, что без такой организации в условиях современных боевых действий использовать невозможно всех сил и знаний товарищей и, кроме того, ею уничтожается масса трений и столкновений на личной почве с комсоставом и группами спецов, так как организация, путем информации авторитетных партийных товарищей в Реввоенсовет армий и фронта, старается разрешить и уничтожить ненормальность отношений в различных случаях. Сверх того наша организация имеет стороны учебной деятельности и собирания материала для ученых работ, которые надо использовать в срок.

Мы убеждены, что цели организации преимущественно партийных товарищей должны встретить с Вашей стороны сочувствие, и потому выражаем уверенность в Вашей помощи»².

Слушатели с Юго-Западного фронта писали члену РВС И.В. Сталину и даже давали указания: «Говоря конкретно, мы нуждаемся: 1. в оставлении 1–2 тов. тов.³ в штабе Юго-Западного фронта, по одному в штабах и т.д. 2. в предоставлении права и возможности пользоваться средствами фронта и армий для связи красных генштабистов между собою и центром (командировки с материалами в Москву, совещаний делегатов и прочее)»⁴.

Соответствующие ячейки, видимо, существовали и в других местах. Например, бюро красных генштабистов войск Тамбовской губернии 26 июля 1921 г. провело свое заседание, на котором обсуждался вопрос созыва конференции генштабистов для подведения итогов борьбы с бандитизмом. Также предполагалось «подвести научный фундамент и сделать соответствующие выводы из опыта борьбы с повстанческими движениями», «научно рассмотреть тактику повстанческих движений» и «наметить организационные формы и задачи будущего красного Генштаба»⁵. Фактически это свидетельствовало о возникновении корпоративизма красных генштабистов.

Слушатели Академии Генерального штаба РККА, боровшиеся за свой служебный статус в нарождавшейся военной элите Красной армии, предпринимали попытки корпоративной самоорганизации. Как и в случае с корпоративными

¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

² РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

³ Товарищей.

⁴ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

⁵ РГВА. Ф. 7709. Оп. 1. Д. 301. Л. 4.

объединениями курсовиков старой академии, их целями были поддержка друг друга, информирование о важных для слушателей новостях, а также коллективная борьба за свои права. В последнем отношении речь шла о противоборстве с военспецами. Слушатели новой академии пытались с помощью самоорганизации фактически создать красный Генштаб, который бы добивался для своих представителей высокого должностного положения в армии. Но реализовать этот замысел можно было, только устранив старых спецов. Эти формы самоорганизации были терпимы фактически до завершения Гражданской войны, но в 1922 г. партийное руководство было вынуждено провести масштабную чистку академии, чтобы в том числе ограничить амбиции слушателей и не усугублять раскол Генштаба.

§ 4. Корпоративизм генштабистов антибольшевистских армий

В некоторых случаях корпоративизм генштабистов представлял собой явление более высокого порядка, чем сиюминутная принадлежность к тому или иному лагерю, к той или иной армии. Подтверждением служит беспрецедентный для эпохи Гражданской войны факт проведения офицерами Генерального штаба собственного тайного съезда в Киеве в июне 1918 г. В нашем распоряжении нет данных о том, что какая-либо другая группа командного состава старой армии проводила в Гражданскую войну свои съезды. В этом отношении корпус офицеров Генерального штаба стоит особняком.

К сожалению, сохранилось лишь единственное мемуарное свидетельство об этом съезде. Полковник Б.А. Штейфон вспоминал: «Летом я узнал, что в Киеве предполагается секретный съезд офицеров Генерального штаба, и решил лично съездить в Киев. Было и полезно и интересно встретиться с людьми из разных мест... В Киев действительно съехались офицеры Генерального штаба и из разных мест. Был даже полковник Г. из Москвы. Этот съезд, организованный частной инициативой, не преследовал никаких политических целей. Его единственным заданием была взаимная информация.

Настроение киевского Ген. штаба было бодрым, но нервным. Встречи обставлялись различными предосторожностями, разговоры велись вполголоса. В душе я относился несколько скептически к подобной конспирации, но скоро убедился, что она имела свое обоснование.

Через несколько дней по приезду, зайдя к П.А. Кусонскому, я узнал, что минувшей ночью он был немцами арестован и посажен в тюрьму. Причиной ареста была связь с Добр[овольческой] армией. Вместе с Кусонским были арестованы полк[овник С.Н.] Ряснянский с женою¹. Арест сопровождался обыском.

Арестованные принимали близкое участие в работе Киевского Центра, и естественно, что это событие взволновало Центр. Несмотря на принимаемые меры,

¹ А. И. Деникин в связи с арестами написал письма гетману П. П. Скоропадскому и митрополиту Антонию (Храповицкому) («Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 28).

и Кусонский и Ряснянский с женою продолжали содержаться в тюрьме, и я с ними в Киеве больше не встречался.

Подобная неприятность сорвала настроение съезда. Все мы были серьезно озабочены судьбою наших единомышленников. Время было военное, а немцы не стеснялись мерами устрашения, когда это им требовалось.

До ареста предполагалось, что приезжие офицеры Ген. штаба устроят несколько интимных собраний совместно с киевскими, однако после арестов киевляне признали подобные собрания несвоевременными. Пришлось встречаться порознь, что, конечно, снижало интерес.

В общем же за время своего пребывания в Киеве я запасаю солидной и разнообразной информацией¹. Возможно, дальнейшие архивные изыскания позволят обнаружить дополнительные сведения об этом важном для истории Генерального штаба эпохи Гражданской войны событии.

В антибольшевистском лагере, где во многом сохранялись дореволюционные порядки, существовали и соответствующие организации, объединявшие генштабистов. Так, на Юге России был создан суд чести офицеров Генерального штаба. 10 (23) сентября 1918 г. состоялось собрание офицеров Генерального штаба Добровольческой армии «для принципиального решения вопроса о приеме на службу в Добровольческую армию офицеров Генерального штаба, служивших ранее украинскому, советскому и др[угим] правительствам, и о суде чести офицеров Генерального штаба»². На собрании присутствовали 24 офицера Генштаба, в основном из Екатеринодара. Председательствовал старший из присутствовавших генерал-лейтенант А.В. Хростицкий.

В протоколе собрания было отмечено: «Председатель предлагает генерал-квартирмейстеру Добровольческой армии ознакомить офицеров с приказами и распоряжениями начальства, касающимися службы офицеров Генерального штаба в армии.

Генерал-квартирмейстер читает проект приказа армии о суде чести офицеров Генерального штаба. После обмена мнений председатель ставит на голосование:

“Необходимы ли два суда чести офицеров Генерального штаба – один для генералов и других высших начальников, другой – для офицеров, занимающих низшие должности, или же достаточно одного суда”.

Единогласно принимается: “Достаточно одного суда”.

Вносится предложение: “Увеличить в проекте приказа по армии о суде чести число членов суда – генералов”.

Предложение ставится на голосование.

подавляющим большинством (21 против 3) предложение отвергается.

Вносится предложение: “Уменьшить срок полномочий членов суда чести против указанного в проекте приказа до 3-х месяцев”. 16 голосами против восьми принимается: “Уменьшить срок полномочий членов суда до 3-х месяцев”.

Подполковник Терванд делает заявление: “Ввиду того что председательствующим, перед тем, как ставить вопрос на голосование, не было сделано последнее

¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 97–99. С некоторыми неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник. 2019. Т. 27. С. 125, 127–128.

² РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

предложение желающим высказаться, он не имел возможности доложить свое мнение, в котором не согласен с принятым решением уменьшить срок полномочий членов суда до 3-х месяцев и считает, что старые офицеры армии, вынесшие на своих плечах всю тяжесть первых походов, имеют нравственное право судить вновь прибывающих, а потому 6-месячный срок полномочий членов не велик”.

Ввиду решения вопроса, председатель отклонил заявление подполковника Терванд[а] как запоздавшее.

Собрание переходит к решению вопроса о приеме в Добровольческую армию офицеров Генерального штаба, служивших советскому, украинскому и др[угим] правительствам.

После продолжительного обмена мнений председатель ставит на голосование следующее положение: “Все офицеры Генерального штаба, находившиеся на службе как у советского правительства, так и правительств, стремящихся к самостоятельному существованию и полному отделению от России, именно — грузинского, украинского и финляндского, поступают в строй в Добровольческую армию на общих основаниях, принятых для всех вообще офицеров, а затем им предоставляется право судом чести реабилитировать себя. Во время нахождения таких офицеров в строю они обязаны носить присвоенную части форму.

Офицеры, не служившие ни у одного из вышеуказанных правительств, принимаются в Добровольческую армию и зачисляются в резерв армии офицеров Генерального штаба».

Положение единогласно принимается.

Собрание закрывается в 22 часа 30 минут^I.

Однако А.И. Деникин не согласился с этим и наложил на документ резолюцию, суть которой сводилась к тому, что за подобные преступления полагается военно-полевой суд.

В приказе главнокомандующего Добровольческой армией № 9 от 28 сентября (11 октября) 1918 г. необходимость создания суда чести объяснялась тем, что «некоторые офицеры Генерального штаба и офицеры, окончившие ускоренные курсы академии, в период революции оказались не на высоте того высокого положения, которое было им отведено в Русской армии»^{II}. В суд чести должны были быть избраны пять членов из числа переведенных в Генштаб не позднее 1917 г. с правами выпуска 1916 г. Таким образом, автоматически отметались выпускники ускоренных курсов 2-й и 3-й очередей. Интересно, что для военных топографов был учрежден отдельный суд чести^{III}.

Следующим шагом на пути корпоративного объединения генштабистов были выборы в суд чести Генерального штаба. В выборах должны были принять участие все генштабисты, служившие в Добровольческой армии. Для этого случая ко 2 (15) октября 1918 г. был даже составлен специальный список Генштаба, в котором указано 86 человек (в том числе двое вписаны от руки после издания списка)^{IV}.

^I Там же. Л. 1–1об.

^{II} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 175.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 17.

^{IV} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 178об.–179. Публикацию списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 535–538.

Видимо, этот список рассылался выборщикам, поскольку не все знали, кто из вчерашних коллег по службе оказался в Добровольческой армии.

Выборы должны были быть организованы довольно оригинальным способом. Каждый выборщик составлял список из семи фамилий генштабистов, эту записку нужно было запечатать в конверт, на котором следовало надписать: «По выбору членов в суд чести офицеров Генерального штаба»^I. До утра 15 (28) октября 1918 г. необходимо было отправить письмо: в войсках — через начальников штабов дивизий и бригад, а в тылу — непосредственно передать в избирательную комиссию. На общем собрании офицеров Генштаба в Екатеринодаре 15 (28) октября должна была быть выбрана комиссия для вскрытия конвертов и подсчета голосов.

В июле 1920 г. было разработано Положение о суде чести офицеров Генерального штаба, который учреждался в составе пяти членов и трех запасных «для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания в среде офицеров Генерального штаба и причисленных к этому штабу»^{II}. Положение было опубликовано в приказе главнокомандующего ВСЮР № 3401 от 12 (25) июля 1920 г.

На суд возлагались рассмотрение проступков, «несовместимых с понятием о военной чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве», а также разбор ссор в офицерской среде. Юрисдикции суда чести подлежало расследование обстоятельств оставления генштабистами рядов армии^{III}. Вне компетенции суда были проступки, связанные с нарушением служебных обязанностей, чинопочитания или присяги.

Отнесение того или иного вопроса к сфере суда чести находилось в компетенции командиров корпусов или равных им начальников в отношении штаб-офицеров, а также начальников дивизий и им равных в отношении обер-офицеров. Суду чести помимо них генштабистов могли предавать высшие начальники, а также начальник штаба главнокомандующего ВСЮР, начальник Военного управления и начальник отдела Генерального штаба Военного управления. Высший начальник не имел права отменить решение нижестоящего о предании суду. Состав суда ежегодно переизбирался всеми штаб- и обер-офицерами Генерального штаба (кроме тех, кто пользовался правами выше командира отдельной части), прослужившими в Генштабе не менее года.

Офицеры Генштаба, находившиеся не на должностях Генштаба, подлежали суду чести своей воинской части при условии информирования об этом начальника отдела Генерального штаба Военного управления^{IV}. Суд мог оправдать, сделать внушение, удалить со службы или разжаловать в рядовые на определенный срок с переводом в другой корпус. Через такой суд должны были проходить генштабисты, попадавшие к белым с советской территории. Суд давал справки о наличии обстоятельств, препятствующих переводу тех или иных офицеров в Генштаб^V, а также решал вопрос о приеме на службу генштабистов, возвращавшихся в армию после отсутствия^{VI}.

^I РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

^{II} НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 3. Folder 10; РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 129об.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 73об.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 179. Л. 130.

^V РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 9.

^{VI} Там же. Л. 74.

По данным на сентябрь 1920 г., председателем суда чести являлся полковник А.-Э.Г. Нидермиллер (в 1920 г. он уже не использовал в фамилии приставку «фон»), членами являлись полковники Н.В. Ерарский, А.Л. Мариюшкин, А.А. Подчертков, А.В. Станиславский и Г.И. Шлидт. Такой состав суда вызывал скептические отзывы белых генштабистов. Так, полковник А.А. фон Лампе записал в дневнике осенью 1920 г.: «Во главе суда чести Генштаба стоит Нидермиллер — это может быть только перед концом! Дальше этого идиота идти некуда!»^I В отношении скорого завершения врангелевской эпопеи такая оценка оказалась справедливой.

Генерал А.К. Келчевский впоследствии писал, что все прибывавшие на белый Юг офицеры, в том числе пробиравшиеся с большим риском из Советской России, проходили через суды чести. Подобная процедура, которой встречали вновь прибывших, воспринималась офицерами как унижительная, а ее инициатором считали начальника штаба главнокомандующего Добровольческой армией и ВСЮР генерала И.П. Романовского. Неприязнь к последнему в офицерских кругах меуарист связывал и с этой практикой^{II}. Суды чести продолжили свою работу и после эвакуации белых из Крыма, уже в эмиграции.

На Востоке России попытки объединить генштабистов предпринимало руководство оказавшейся там Военной академии^{III}. Особо отмечалось, что целями подобного объединения не являлись создание офицерского профсоюза или попытка разращения офицеров (подобные неблагоприятные суждения относительно этих проектов получили распространение в 1918 г.)^{IV}. Например, был разработан проект временного положения о причислении к Генштабу, в котором прямым текстом говорилось, что «мнение корпоративного порядка, данное коренными офицерами Генерального штаба, имеет первенствующее значение, даже в том случае, если оно расходится с мнением ближайшего начальства»^V. Таким образом, корпоративное единство ставилось выше точки зрения командования. На Востоке России при белых также возникла идея создания суда чести для генштабистов^{VI}. Впрочем, документов о ее воплощении в жизнь обнаружить не удалось.

Полковник Г.И. Клерже, служивший в 1919 г. в Главном штабе в Омске, выдвинул предложение о том, что «Генеральному штабу следовало бы взять на себя инициативу ведения всей борьбы в полном ее объеме по принципам, принятым у большевиков, то есть из всего наличного состава офицеров Генерального штаба в Сибири составить твердо правящую политическую касту (партию)»^{VII}. По-видимому, эти идеи были близки тем, что выдвигались военспецами-генштабистами в Советской России о Большом Генеральном штабе, подчинявшем себе все сферы государственного управления в военное время. Не обладавшее широтой мышления белое командование посчитало, что Клерже пропагандировал большевизм.

^I ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 210.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 3. Л. 16об.–17. Впрочем, возможно, Келчевский имел в виду не специализированный суд чести офицеров Генерального штаба, а суды, которым подлежали офицеры в целом.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.

^{IV} Там же. Л. 13.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 31. Л. 16об.; ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 174.

^{VI} РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–7.

^{VII} Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадскова. Новосибирск, 2012. С. 231.

Корпоративное единство влияло на личные взаимоотношения. Так, генерал С. А. Щепихин, служивший в Народной армии Комуча, имел резкую беседу по поводу политических расхождений этих армий и соответствующих правительств (Комуча и Временного Сибирского правительства) со своим товарищем по академии генералом Н. Т. Сукиным из Сибирской армии. Щепихин вспоминал в этой связи: «Видно, что лишь мое однокашничество, принадлежность к корпорации кадрового офицерства и корпусу Генштаба – спасают меня от остракизма физического... Морально мы все, волжане, уже давно и прочно осуждены в сибирском сердце».

Личные связи и прежние взаимоотношения с товарищами по корпорации влияли на службу генштабистов в Гражданскую войну. Например, служивший в Донской армии В. А. Замбржицкий осенью 1918 г. получил производство в генерал-майоры, в том числе благодаря поддержке 1-го генерал-квартирмейстера Войскового штаба Всевеликого войска Донского полковника Г. Я. Кислова и ряда других высокопоставленных офицеров. Замбржицкий зафиксировал в дневнике в этой связи историю своих взаимоотношений с Кисловым: «Я генерала [С. В.] Денисова и в глаза не видал, а [И. А.] Полякова и Кислова только два раза. Правда, с Кисловым у меня связано воспоминание вот какое: в 1912 году, когда я по окончании академии служил в Киеве, я получил письмо от незнакомого мне сотника Кислова, слушателя 3-го курса академии, который просил у меня конспект моей темы “Война 1806–1812 года с Турцией”, так как ему досталась та же тема, что и мне. Я послал ему конспект, но вместе с тем послал и письмо, в котором мягко советовал ему, как старший товарищ, работать самому, а не пользоваться чужой, уже готовой работой, т. к. в будущем ему придется работать в роли офицера Генерального штаба, где уже чужие конспекты не помогут.

Он ответил мне благодарностью и за конспект, и за совет, обещая в будущем следовать ему, а сейчас воспользовавшись моим материалом за неимением времени сделать этого самому и сознавшись при этом, что он не рассчитал времени, прогулял его и потому должен был взять готовое чужое.

При встрече с ним в Новочеркасске я спросил его, не тот ли он Кислов, с которым я вел когда-то переписку по поводу конспекта. “Тот самый, и рад случаю поблагодарить вас лично и за конспект, но еще более – за дружеский совет – вы были глубоко правы, и с тех пор я всегда следую ему”»¹.

Определенный корпоративный дух поддерживался и в среде генштабистов, служивших в национальных армиях. Национальные армии в некоторой степени также опирались на дореволюционные традиции, разбавленные новыми веяниями, призванными подчеркнуть национальные особенности и новый корпоративизм генштабистов с национальным оттенком. В ряде случаев это касалось внешней стороны, например, униформы и знаков отличия. Выпускники академии Генштаба здесь продолжали носить академический знак. В армии УНР при ГУГШ был учрежден суд чести корпуса офицеров Генерального штаба. В его состав входили председатель в чине генерала и пять членов, один из которых должен был быть

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

² ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 69об.–70.

генералом или полковником. Председатель и члены суда в генеральских чинах должны были постоянно служить в Киеве¹.

В спорных вопросах национальные генштабисты апеллировали к корпоративным традициям, восходившим ко временам единого Генерального штаба Российской империи. Так, например, при задержке своего производства в очередной чин сотник Ю.В. Скорняков в декабре 1922 г. писал начальнику украинского Генштаба генералу В.М. Кушу со ссылкой на традиции офицеров Генерального штаба, что если офицера обходят по службе, то он имеет право знать причину, по которой его считают неспособным². Свое продолжение корпоративизм генштабистов антибольшевистских сил нашел в эмигрантских объединениях выпускников академии в 1920-е гг.

Отметим, что корпоративизм генштабистов антибольшевистских армий не имел таких ярких организационных форм, как это было в Советской России. Скорее всего, это связано с тем, что в антибольшевистском лагере, и прежде всего у белых, генштабисты были в достаточной степени защищены в служебном плане и не нуждались в низовой самоорганизации для отстаивания своих интересов. Что касается национальных армий, то в них корпоративные объединения по принципу принадлежности к элитной группе старой русской армии были невозможны по идеологическим причинам.

§ 5. Униформа и знаки генштабистов как корпоративные символы

Униформу и специфические отличительные знаки также можно отнести к проявлениям корпоративной идентичности. В Красной армии генштабистам в этом отношении было сложнее, в антибольшевистских армиях проще.

Старого кадрового офицера в Красной армии нередко можно было без труда распознать в массе командиров и красноармейцев. Многие сохранили выправку, старались держаться с чувством собственного достоинства, одевались подчеркнуто строго. Супруга бывшего капитана С.А. Пугачева вспоминала, что тот за всю Гражданскую войну ни разу не появился на службе «без чистого подворотничка, считая, что его внешний вид дисциплинирующе влияет на окружающих»³.

До революции генштабисты обладали особыми присвоенными им форменными отличиями. Это был не только знак академии Генштаба, но также белый (серебряный) аксельбант и черный бархатный воротник.

В конце 1917 г. в Советской России было отменено ношение погон. Слушатель Военной академии В.М. Цейтлин записал в дневнике 2 декабря 1917 г.: «На занятиях сегодня в академии уже много было в штатском, а многие совсем без погон. Вид дикий...

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 114–114об.

² ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 168. Л. 134об.

³ Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 116.

Между прочим, солдаты погон не снимают и говорят, не хотят, а на улицах был ряд эксцессов по отношению к офицерам, не снявшим погон»^I.

У многих отмена погон вызвала протест. В итоге во время Гражданской войны генштабисты разными способами проявляли приверженность традициям в униформе и знаках отличия. Маршал Советского Союза С.М. Буденный вспоминал о своей первой встрече с военным руководителем Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесаревым летом 1918 г.: «Вместе с членом Реввоенсовета 10-й Красной армии И.В. Сталиным Андрей Евгеньевич [Снесарев] приехал на участок 37-й стрелковой дивизии... Когда нас, группу командиров, представили А.Е. Снесареву, я увидел высокого пожилого человека с безукоризненной военной выправкой, в полной форме генерал-лейтенанта старой русской армии. Меня, как и других, прежде всего удивило, почему Снесарев в генеральских погонах: ведь красноармейцы относились к “золотопогонникам” с неприкрытой враждой и носить погоны было небезопасно. Кто-то даже сказал ему об этом. Андрей Евгеньевич ответил: “Погоны — знак военных заслуг перед Отечеством. К тому же меня никто не разжаловал”. Потом мы видели его уже без погон»^{II}. В дальнейшем Снесарев, однако, не отказался от демонстрации своей приверженности тем же принципам, но в несколько иной форме — он стал демонстративно носить знак выпускника академии.

Ношение погон военспецом РККА само по себе могло быть опасным для жизни и здоровья с учетом неприязненного отношения рядовой массы к царским офицерам. Командованием и чекистами подобные действия могли обоснованно рассцениваться как демонстрация контрреволюционности. Наконец, в боевой обстановке человека в погонах могли попросту принять за белого и застрелить.

Намного более распространенными стали иные способы демонстрации военспецами-генштабистами приверженности корпоративным традициям, а заодно своей принадлежности к Генеральному штабу. В условиях отмены прежней формы одежды самым простым и очевидным путем продемонстрировать свой корпоративизм и образовательный уровень, не подвергая опасности жизнь и здоровье и не вызывая подозрений особистов, стало ношение на френчах и гимнастерках академического знака^{III}.

Это явление не могло поощряться, поскольку подчеркивало обособленность, кастовость части командного состава. Демонстративное ношение императорского орла с коронами не могло не представлять собой форму определенного фрондирования порядков в РККА и в Советской России, требовало смелости у тех немногих военспецов, кто считал подобную демонстрацию возможной. Тем не менее свидетельств о серьезной борьбе с ношением знака обнаружить не удалось. Возможно, на фоне массы других проблем, с которыми сталкивалась РККА, такие проявления казались безобидными мелочами. Более того, в августе 1920 г. в РККА даже обсуждалась возможность разработки собственного знака Генерального штаба^{IV}. Впрочем, каких-либо документов о таком знаке обнаружить не удалось.

^I АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 277; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 318.

^{II} Буденный С. М. Слово о старшем друге // Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 5.

^{III} Ганин А. В. Знак Николаевской академии Генерального штаба на форме Красной армии // Старый Цейтгауз (Москва). 2013. № 3 (53). С. 40–43.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 17.

Широкого распространения ношение старых знаков не получило, но до нас дошли несколько фотоснимков, свидетельствующих о бытовании такой практики. Судя по выявленным нами фотографиям, на советском военном мундире академические знаки носили советский главком И.И. Вацетис, начальник штаба 16-й армии В.В. Сергеев, начальник Академии Генштаба РККА А.Е. Снесарев, начальник 4-й стрелковой дивизии А.Д. Тарановский, консультант ПШ РВСР Г.И. Теодори, консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам И.Д. Чинтулов (он одновременно носил и орден Св. Георгия 4-й степени) и неустановленный военспец из окружения М.Д. Великанова. Академический знак на штатском костюме носил порученец главкома Вацетиса Е.И. Исаев. Участник мирных переговоров в Брест-Литовске Д.Г. Фокке носил академический знак, судя по всему, уже после увольнения из Красной армии. Наличие знаков старой Военной академии на мундирах советских военспецов наглядно демонстрирует преемственность и взаимосвязь старой армии и РККА, представляет собой элемент корпоративной самоидентификации бывших офицеров в советских условиях.

В Красной армии для генштабистов была установлена специальная форма одежды, что наряду с приставкой «Генштаба» и другими отличительными особенностями подчеркивало их особый статус и укрепляло корпоративный дух.

В решающий период Гражданской войны особой униформы «лица Генерального штаба» не имели. В основном они носили защитное обмундирование без знаков различия – френчи, рубахи с шароварами или галифе. В качестве обуви – традиционные хромовые сапоги.

Идея введения специальной формы одежды для генштабистов РККА относится ко второй половине 1920 г., когда оставались считанные месяцы до разгрома Русской армии генерала П.Н. Врангеля, ознаменовавшего окончание крупномасштабной Гражданской войны. В это время в Организационное управление ВГШ стали поступать предложения с мест о введении соответствующего обмундирования. Предложения аккумулировались и обрабатывались в Комитете по выработке форм обмундирования и снаряжения РККА, входившем в состав ВГШ (в его работе участвовали из выпускников академии М.В. Акимов и С.Г. Лукирский). К началу сентября 1920 г. комитет в рамках общей реформы обмундирования РККА выработал свой проект новой формы и представил его на утверждение начальнику ВГШ А.А. Самойло¹. Кроме того, в августе 1920 г. был поставлен вопрос о создании в РККА знака Генерального штаба, но каких-либо документов о таком знаке обнаружить не удалось.

Что касается униформы, вр.и.д. комиссара Организационного управления ВГШ 2 сентября 1920 г. запросил Политическое управление РВСР о «желательности оценки проектируемого мероприятия с точки зрения желательности выделения особой, как бы привилегированной группы лиц из общего уровня военнотружеников...»² Подобные нововведения напрямую вели к росту корпоративного духа генштабистов, выделяли их из общей массы командиров РККА, поэтому необходимо было принять решение о целесообразности намеченных мероприятий. Проект получил одобрение.

¹ Там же. Л. 16.

² Там же.

По предположению А.Б. Степанова, новая форма, документы о введении которой не сохранились, была утверждена начальником ВГШ в конце августа – начале сентября 1920 г.¹ Впрочем, в августе 1920 г. эта форма еще никак не могла быть утверждена, так как проект был представлен на утверждение начальника ВГШ только 2 сентября. Кроме того, рисунки формы были выставлены в Верхних торговых рядах на Красной площади (ныне – ГУМ)².

Генштабисты РККА получили вместо шинелей светло-зеленые кафтаны или полукафтаны с отложными бархатными воротниками, отворотами и обшлагами, черные бархатные клапаны («разговоры») с малиновой окантовкой, малиновые гимнастерки с черными «разговорами», белые аксельбанты, алые фуражки со звездой и алые с желтым кантом полугалифе. Должностное положение генштабистов обозначалось количеством рядов сутажа на воротнике и обшлагах и его цветом.

По реконструкции А.Б. Степанова, четыре ряда сутажа золотистого цвета обозначали должность командующего фронтом (четыре ромба), три ряда золотистого цвета – должность командующего армией (три ромба), два золотистого цвета – должность начальника дивизии (два ромба), один золотистого цвета – должность командира бригады (один ромб), четыре ряда серебристого цвета – должность командира полка (четыре квадрата), три серебристого цвета – должность командира батальона (три квадрата). Так, на кафтане бывшего генерала В.Н. Егорьева из собрания мемориального музея А.В. Суворова в Санкт-Петербурге – четыре ряда золотистого сутажа. Кроме того, есть данные о том, что серебристый цвет использовался для обозначения красных офицеров, золотистый – для выделения высшего комсостава.

Новая форма стала апофеозом эклектики, сочетая в себе символику старого Генштаба (черный бархат как приборный цвет Генерального штаба, белые аксельбанты), красный цвет, обозначавший новые веяния, и древнерусский покрой одежды, напоминавший одежду стрельцов. Не удивительно, что эта форма с обладанием старорежимных особенностей в среде «академиков» не прижилась.

Сохранились воспоминания бывшего белого офицера о событиях 1920 г. с описанием, вероятно неточным, формы красных генштабистов. В этом свидетельстве речь шла о некоем начальнике штаба советской дивизии Кудрявцеве, якобы выпускнике ускоренных курсов старой академии, который «одевался по форме и носил все, что полагалось по его должности и заслугам (на левом рукаве: знак генштаба – вышитый лист, ромб и пр.)»³. О ком идет речь, установить не удалось.

Существенные перемены в новую форму были внесены приказом РВСР № 322 от 31 января 1922 г., который значительно поменял форму одежды всей РККА⁴. Согласно приказу генштабисты получили петлицы черного бархата с красным

¹ Степанов А. Б. Красные генштабисты. 1920–1922 // Старый Цейхгауз. 2010. № 6 (38). С. 57. В этой статье впервые опубликованы цветные изображения униформы генштабистов, в том числе кафтан В. Н. Егорьева, фуражка К. А. Мерецкова и другие предметы обмундирования, а также предпринята успешная попытка реконструировать систему знаков различия военспецов-генштабистов. Также см.: Степанов А. Б. Наручные знаки РККА. 1918–1924. М., 2011. С. 35–37, 50–51, 57, 59.

² Степанов А. Б. Проект униформы РККА 1920 года. Попытки реализации // Старый Цейхгауз. 2023. № 1 (97). С. 59.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 381а. Л. 5.

⁴ Подробнее о нововведениях в рамках этого приказа см.: Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917–1990-е годы). М., 1999. С. 25–40.

кантом, красный кант на шаровары, а также эмблемы и шифровки белого (серебристого) металла или шитья^I.

Однако 10 августа 1922 г. приказом РВСР № 1904 в Красной армии было упразднено само определение «Генеральный штаб». Бывшие генштабисты теперь стали именоваться «лицами с высшим общим военным образованием». Соответственно возник вопрос об отмене особой формы одежды. Но решение вопроса несколько затянулось^{II}. В конце концов в связи с устранением категории «лиц Генштаба» как отдельного корпуса комсостава РККА особую форму одежды отменили приказом РВСР № 2256 от 26 сентября 1922 г. Причем было отмечено, что «этим лицам впредь должна быть присвоена форма одежды той части войск или того штаба, управления и учреждения, в коих они состоят на службе»^{III}. Это стало ударом и по корпоративному духу генштабистов Красной армии.

Логике большевистского руководства в этом вопросе понять нетрудно: в армии нельзя было допускать распространения неформальных взаимосвязей внутри командного состава, как недопустимо было выделять какую-то группу командиров. Лишь 2 мая 1923 г. приказом РВСР № 938 постоянному и переменному составу Военной академии РККА было установлено приборное сукно черного цвета с красной окантовкой, нарукавные знаки различия носились по должностям, которые слушатели занимали до поступления в академию^{IV}. Разумеется, подобное нововведение трудно сравнивать по значимости для корпоративного духа с установлением особой форменной одежды генштабистов.

Впоследствии похожая форма была присвоена Академии Генерального штаба, созданной в 1930-е гг. Как вспоминал генерал С.М. Штеменко о своей учебе в академии в 1938 г., «для Академии Генерального штаба была введена особая красивая форма. Покрой ее был несколько отличен от принятого в армии. Черные бархатные воротники кителей и гимнастеров и такие же околыши фуражек, брюки навывпуск с малиновыми лампасами и белыми кантами выгодно отличались от обычной войсковой формы. Именно академия в то время возглавляла парады на Красной площади»^V. Впрочем, это была уже другая академия.

В белых армиях, как правило, сохранялось дореволюционное обмундирование, присвоенное генштабистам. Происходило опрощение униформы — днашивалась старая или использовалось защитное обмундирование с аксельбантом и академическим знаком. Служивший во ВСЮР полковник Д.Н. Тихобразов вспоминал, что в 1919 г. не носил ни орденов, ни академического знака, ни значков, ни аксельбантов, а погоны были простыми суконными с двумя еле заметными полосками^{VI}. Подобная униформа иногда порождала недоразумения, когда другие офицеры не могли определить, кто перед ними. Участник Белого движения на Юге России генерал В.А. Замбржицкий вспоминал, что, когда в 1920 г. белые были вынуждены интернироваться в Грузии, от них потребовали снять погоны. Для Замбржицкого этот опыт оказался морально тяжелым: «Я не фанатик

^I Там же. С. 35.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 64.

^{III} Там же. Л. 68.

^{IV} Степанов А. Б. Красные генштабисты. С. 62.

^V Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005. С. 14.

^{VI} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVI. С. 32–33 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

и никогда не видел в погонах священную реликвию, но я всегда дорожил и поныне крепко ценю и храню эту эмблему старой русской армии и власти, которую я привык любить с детства, с тех пор, как себя помню, потому что я родился и вырос в военной среде и семье, и погоны для меня стали синонимом достоинства и чести... Точно так же мне дороги отличительные знаки моей корпорации, аксельбанты и значок академии Генерального штаба, добытый с таким напряжением и трудом»^I.

В отменивших погоны социалистических правительствах на Севере и в Поволжье в 1918 г. были введены новые знаки различия. На Севере России ВУСО 19 августа 1918 г. приказом командующего вооруженными силами № 10 для генштабистов, служивших в антибольшевистских формированиях Севера, установило следующие знаки отличия: черная бархатная тесьма на фуражке и на рукавах кругом обшлага, а также белый аксельбант на правом плече^{II}. Позднее, приказом войскам Северной области № 36 от 22 октября, аксельбанты были отменены. Кроме того, для офицеров Генштаба учреждались специальные знаки в виде лавровых венков, в центре которых были размещены отличительные знаки частей, в которых служили эти офицеры. Следует отметить, что знак управления командующего войсками Северной области, который должен был располагаться в центре венка у многих генштабистов, представлял собой пятиконечную звезду^{III}. В Народной армии Комуча также были установлены специальные отличительные знаки генштабистов. Все военнослужащие получали особые нарукавные щитки защитного цвета. Служащим штабов, начиная с дивизионных, полагалась белая выпушка, а работникам прочих учреждений военного ведомства – черная. Генштабистам полагались аксельбанты.

Генштабисты, пошедшие в украинскую армию в 1918 г. при гетмане П.П. Скоропадском, носили академические знаки и аксельбанты. В украинских и польских войсках была создана особая форма одежды для офицеров Генерального штаба. Мундир украинского офицера-генштабиста известен как по фотографиям, так и по серии цветных рисунков, выполненных сотником армии УНР Н. Битинским в эмиграции в Праге во второй половине 1930-х гг. Как и в Российской империи, приборным цветом Генерального штаба оставался черный, к которому добавлялся белый кант^{IV}. Приборный цвет имели околыши фуражек генштабистов (цветные околыши введены 30 июня 1919 г.), а также украинские государственные гербы – трезубцы, нашивавшиеся на левые рукава мундиров выше локтя (введены 30 июля 1919 г.). Судя по изображениям, украинские генштабисты также могли носить аксельбант, служивший одним из отличительных знаков представителей этой корпорации в дореволюционной России.

Знаки различия украинских офицеров постоянно менялись. Украинским генштабистам были первоначально присвоены нарукавные знаки различия, введенные в армии УНР 24 апреля 1919 г. («чехлы» треугольной формы и прикладного цвета, а также обозначения воинских чинов из желтой тесьмы разной

^I ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 186.

^{II} Дерябин А. И. Белая армия на Севере России. 1918–1920 гг. М., 2002. С. 13.

^{III} РГВА. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 136. Л. 102.

^{IV} Тинченко Я. Ю. Армии Украины 1917–1920. М., 2002. С. 66.

ширины). 30 июня 1919 г. был издан еще один приказ, значительно усложнивший систему знаков различия. Неудивительно, что эти варианты из-за своей сложности в основном остались на бумаге. Наконец, 30 июля вместо прежних были введены знаки различия на клапанах воротников (на левом клапане — по чинам, на правом — по родам войск), оказавшиеся значительно проще в изготовлении. Генштабисты тогда получили черные клапаны с изображением желтого дубового листа¹.

Генштабисты удостоились и специального приказа военного министра УНР № 198 по униформе, изданного 15 сентября 1919 г. и в основном закрепившего прежние нововведения. Приказ предписывал носить черные бархатные околыши и черные бархатные трезубцы на рукавах с выпушками по цвету рода войск — тремя на фуражке и одной на нарукавном знаке². Наконец, 30 марта 1920 г. были введены новые знаки различия — теперь уже левый и правый клапаны друг от друга не отличались³.

В украинских формированиях планировалось введение особого нагрудного знака с трезубцем для офицеров-генштабистов, который должен был заменить знак российской академии Генштаба, и особого почетного мундира⁴. Проектные документы о почетном мундире и особом нагрудном знаке украинских генштабистов относятся к 1920 г.

Доклад об этом был представлен Головному атаману С.В. Петлюре 17 мая 1920 г. начальником украинского ГУГШ генерал-хорунжим В.А. Синклером. В документе отмечалось, что некоторые специалисты Генерального штаба имеют большие заслуги в борьбе за освобождение Украины. Награждать таких лиц предлагалось почетным мундиром Генштаба.

Под проектными документами стоит подпись вр.и.д. начальника организационного управления украинского ГУГШ полковника В.М. Куща. Эту должность Кущ занимал с 19 марта по 7 июля 1920 г., после чего занял пост 1-го генерал-квартирмейстера⁵. Вполне возможно, подготовка проекта была связана со стремлением укрепить авторитет украинской военной элиты в связи с заключением в конце апреля 1920 г. польско-украинского военного союза.

В Положении о награждении почетным мундиром Генерального штаба отмечалось:

«1. Почетным мундиром Генерального штаба могут быть награждены офицеры <и другие лица>, которые наиболее ответственной работой в рядах армии оказали перед Отечеством огромные заслуги.

2. Мундир состоит из общей униформы офицеров Генерального штаба, но без ученого (академического) нагрудного знака <но вместо нагрудного знака, который имеют право носить офицеры, которые окончили российскую академию

¹ Цветное изображение см.: Там же. С. 135.

² Там же. С. 70. Цвет прикладного сукна штабов и управлений на выпушках был малиновый с белым кантом.

³ Изображение этих знаков см.: Там же. С. 128.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Проект почетного мундира и нагрудного знака украинского Генерального штаба // Старый Цейхгауз. 2011. № 2–3 (40–41). С. 104–107.

⁵ Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 235.

Генерального штаба (Военную академию), при почетном мундире носится особый нагрудный знак. Знак этот состоит из золотого государственного герба, обведенного лавровым венком, который располагается на голубом эмалевом овале и носится на том же месте, что и знак российской академии».

3. Представления к награждению мундиром вносятся соответствующими начальниками на имя начальника Генерального штаба и должны содержать подробное описание заслуг лица, которое представляется к награждению.

4. Начальник Генерального штаба, получив прошение о награждении, назначает Совет офицеров Генерального штаба, на рассмотрение которого и направляет поступившее прошение.

5. На означенный Совет должны быть созваны не менее 9 <8> офицеров Генерального штаба, занимающих в армии высшие должности.

6. Председательствует на Совете старший по званию.

7. Вопрос о награждении после обсуждения решается закрытым голосованием.

8. Для присуждения награды необходимо большинство в две трети голосов <причем дробь считается как целый>.

9. В случае присуждения награды начальник Генерального штаба входит с представлением к [ану] Головному атаману об утверждении награждения.

10. О награждении сообщается в приказе Армии У.Н.Р. <в приказе Головной команды армии>.

11. В случае, если Совет откажет в награждении почетным мундиром, начальник Генерального штаба уведомляет об этом того начальника, от которого поступило прошение о награждении.

12. Никаких жалоб на отказ в награждении не допускается.

13. Новое представление к награждению лица, которому было уже в этом отказано, может поступить на рассмотрение Совета не ранее года после отказа»¹.

Насколько можно понять из документов, единственное отличие почетного мундира Генштаба от обычного заключалось в особом нагрудном знаке с украинской символикой. Сохранилось и описание знака:

«1. Знак состоит из золотого государственного герба в серебряном лавровом венке.

2. Герб и венок помещаются на голубом эмалевом овале, который имеет размер нагрудного знака российской академии Генерального штаба.

3. Внешние концы герба накладываются на ветки венка.

4. Носится знак на правой стороне на условиях, общих для знаков высших учебных заведений»¹.

Как уже можно понять, за основу был взят академический знак Николаевской военной академии, однако имперский двуглавый орел на нем был заменен украинским трезубцем на голубом фоне. Сохранился цветной карандашный рисунок этого знака¹¹.

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 127. В угловых скобках приведен текст другой редакции документа (Там же. Л. 123–123об.). Во всех публикуемых документах перевод с украинского языка наш.

¹¹ Там же. Л. 125.

¹¹¹ Там же. Л. 124.

Можно предположить, что в перспективе, после открытия украинской академии Генерального штаба, этот проект мог быть взят за основу украинского академического знака. Во всяком случае, аналогичные примеры использования знака Николаевской военной академии как основы для знаков национальных военных академий имели место и в Польше (знак Высшей военной школы), и в Прибалтике (Латвия, Эстония).

Обнаруженные документы сохранились в нескольких вариантах и не были утверждены Головным атаманом войск УНР С.В. Петлюрой, который 30 июня 1920 г. наложил резолюцию: «Пока что подождать»^I. Тем не менее самому Петлюре такой знак был преподнесен уже во второй половине мая 1920 г.^{II} Носил его не имевший академического образования Петлюра на левой стороне груди. Возможно, в итоге практиковалось и награждение почетным мундиром. Известно фото подполковника Н.И. Куликовского (также негенштабиста) с таким знаком на левой стороне груди и, возможно, в соответствующем мундире^{IV}.

Униформа и знаки генштабистов являлись внешним проявлением принадлежности их обладателей к корпорации. В условиях Гражданской войны эти символы претерпели определенные изменения. В Красной армии для генштабистов была разработана особая форма. В национальных армиях предпринимались попытки создания как специальной формы одежды, так и особых знаков, в которых вместо русской имперской символики присутствовали бы иные символы. В конце концов, большевики упразднили как особую униформу генштабистов, так и саму эту категорию внутри комсостава РККА, чтобы не культивировать кастовость и не возрождать былые традиции, чреватые ростом самосознания «бывших» в новых условиях и способствующие их сплочению, что могло быть опасным для партии власти.

Корпорация офицеров Генерального штаба сложилась еще до революции. Но в то время корпоративное единство распространялось на экономическую взаимопомощь, а также на вопросы престижа генштабистов. Разумеется, всегда существовала неформальная товарищеская взаимовыручка и поддержка. Определенная преемственность с корпоративизмом дореволюционных времен прослеживается в белом лагере.

Революционные события 1917 г. привели к тому, что корпоративизм генштабистов наряду с продолжавшим сохранять свое значение экономическим характером некоторых организаций начал стремительно политизироваться. Генштабисты вступили в активную борьбу за свои права и привилегии, в борьбу за влияние на государственную власть. Впрочем, значимой силы военная элита без поддержки

^I Подробнее см.: Moś W. B., Soszyński W. Polskie Szkolnictwo Wojskowe 1908–1939. Odznaki – Emblematy – Dokumenty. Kraków, 2007. S. 14–16.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 126.

^{III} Рудиченко А. И., Тинченко Я. Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Учредительные документы. Изготовление. Практика награждений. Типы и разновидности. Киев, 2011. С. 175.

^{IV} Там же. С. 176.

солдатских масс не представляла. К тому же эпоха 1917–1922 гг. ярко продемонстрировала отсутствие единства и глубокий раскол внутри самих генштабистов. Тогда корпорация раскололась по идеологическому (между красными, белыми и националистами) и, в меньшей степени, поколенческому (выпускники академии до Первой мировой войны и выпускники ускоренных курсов) признакам. Свою роль в этих противоречиях сыграла и отмена чинов, формально сравнивавшая бывших генералов и прапорщиков.

Казалось бы, единая корпорация Генштаба распалась. Однако, будучи разделены фронтами, выпускники академии не утратили корпоративный дух и порой поддерживали даже тех, кто переходил от противника. Свои корпоративные традиции и особенности стали складываться у генштабистов противоборствующих сторон.

В Советской России корпоративизм старых генштабистов носил неорганизованный характер и сохранялся лишь в их самоидентификации как генштабистов. Связано это, вероятно, с их разобщенностью, а также с опасениями репрессий. Их корпоративная сплоченность проявлялась в частных случаях товарищеской взаимовыручки, а также в форме сохранения прежней иерархии в делопроизводстве, когда бывшие офицеры упоминались с прежними чинами, либо в виде указания на год выпуска из академии.

По степени сплоченности в советских условиях старшее поколение значительно превосходили молодые карьеристы из числа выпускников ускоренных курсов Военной академии. Наиболее организованным являлся выпуск курсов 2-й очереди (так называемый выпуск 1917 г.). Курсовики добивались от начальства необходимых решений, в том числе кадровых перестановок, коллективно протестовали против тех или иных арестов своих товарищей. «Лицам Генштаба 1917 г.» покровительствовали некоторые генштабисты старшего поколения и отдельные партийные руководители. Но в советских условиях продолжительное существование группировки военспецов было невозможно. Весной – летом 1919 г. целый ряд активных в общественной жизни представителей выпуска, включая лидеров, были арестованы. Эти репрессии нанесли серьезный удар по лидерам неформального объединения курсовиков и существенно умерили пыл генштабовской молодежи.

В это время на авансцену корпоративизма генштабистов вышли куда более беспринципные слушатели красной академии, вообразившие себя новой элитой Красной армии и претендовавшие на занятие в ней высоких постов, несмотря на незавершенность своего образования. Они фактически составили контрэлиту РККА, противостоявшую официальной военной элите, в которую входили «бывшие». Члены большевистской партии с длительным стажем, обладавшие немалыми связями в «сферах», они угрожали дисциплине и порядку в РККА, фактически пытаясь создать красный Генштаб по принципу политической лояльности и стремясь ослабить позиции военспецов-генштабистов. Однако высшее советское военно-политическое руководство оказалось достаточно проницательным, чтобы заставить эту необузданную молодежь держаться в установленных рамках. Стоит отметить, что сделать это удалось не сразу, а только в 1922 г., лишь через несколько лет после первых тревожных сигналов от комиссаров академии.

В Советской России в годы Гражданской войны функционировали, таким образом, сразу четыре организации генштабистов – организация старых генштабистов,

организация выпуска ускоренных курсов 1917 г. (2-й очереди), организация красных генштабистов и фракция коммунистов Академии Генштаба РККА. Кроме того, существовал, но не сыграл сколько-нибудь значимой общественно-политической роли комитет слушателей 3-й очереди.

Фактически организации были лишь средством, видимым проявлением наличия в советской военной и военно-политической элите непримиримых враждующих группировок, каждая из которых боролась за место в военной иерархии и за возможность влиять на принятие важнейших решений. Несмотря на сложившуюся в Советской России однопартийную диктатуру, такого многообразия объединений генштабистов антибольшевистский лагерь не знал. Связано это с тем, что в белых армиях сохранялась прежняя система чинов, а курсовиков считали не вполне подготовленными генштабистами военного времени. Никто бы не позволил им организовываться в целях отстранения более заслуженных офицеров. Кроме того, офицеры у белых были вполне защищены по службе, и им не требовалось как-либо дополнительно объединяться для отстаивания своих интересов. Что касается национальных армий, то в них также сохранялись чины (таким образом, генштабовская молодежь переходила в эти армии в меньших чинах по сравнению со старшим поколением), а какое-либо объединение выпускников российской Военной академии приветствоваться не могло.

Можно допустить, что за проявлявшими наибольшую общественную активность группировками молодых генштабистов в Советской России стояли какие-то высокопоставленные покровители. Например, организация «Бюинса» настойчиво продвигалась в 1919 г. штабом Западного фронта, членом РВС которого был И.В. Сталин. Выпускники ускоренных курсов 2-й очереди были тесно связаны с главкомом И.И. Вацетисом и его окружением, а через них с председателем РВСР Л.Д. Троцким. Также им покровительствовал до своей смерти в марте 1919 г. председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. Свои покровители, видимо, имелись и у фракции коммунистов Академии Генштаба РККА.

Большевики последовательно искореняли проявления корпоративной сплоченности генштабистов. Организация выпуска ускоренных курсов 1917 г. была разгромлена в результате арестов 1919 г. В самом конце Гражданской войны большевистское руководство нанесло удар по нарождавшемуся корпоративизму красных генштабистов, а также решило не углублять внешний (в виде особой униформы и приставки «Генерального штаба») и внутренний корпоративизм генштабистов, отказавшись в августе 1922 г. от самого определения Генерального штаба. Не случайно в связи с десятилетием Военной академии РККА в 1928 г. отмечалось: «В Красной армии упразднен институт Генерального штаба. Наличие лиц Генерального штаба всегда создает некоторую касту в армии, которая противопоставляет себя всей массе армии»¹. Но, как известно из последующей истории Красной армии, избежать клановости командного состава не удалось, а борьба группировок в военной элите РККА в 1930-е гг. оказалась тесно связана с репрессивными кампаниями.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 68.

Что касается периода Гражданской войны, Л. Д. Троцкий и другие большевистские лидеры прекрасно понимали, что не в интересах партии культивировать привилегированную кастовость и корпоративный дух генштабистов, ибо подобный корпоративизм мог быть чреват возможным развитием событий по бонапартистскому сценарию. Попытки объединения и самоорганизации выпускников академии были подавлены партийным руководством, а пытавшимся организовываться для отстаивания коллективных интересов генштабистам довольно жестко указали на их место.

Глава VII.

Генштабисты между фронтами: переходы и плен

§ 1. Переходы «лиц Генштаба» РККА на сторону противника и плен

За время Гражданской войны из различных вооруженных формирований, принимавших участие в этом конфликте, дезертировали несколько миллионов человек, в основном крестьян. Разумеется, речь идет о рядовых бойцах. Однако существовало и дезертирство командного состава, в том числе генштабистов, имевшее серьезные последствия.

Для Гражданской войны были характерны резкие колебания настроений офицеров на фоне успехов красных или белых. По сведениям белых генштабистов, весной 1918 г. красные генштабисты в связи с возможным крушением власти большевиков искали оправдания своей службе у них. Генерал А.С. Лукомский писал генералу И.П. Романовскому 10 (23) мая 1918 г. из Киева: «Судя по некот[орым] данным, [С.И.] Одинцов, [М.Д.] Б[онч]-Бр[уевич] и подобная им сволочь, предвидя падение советского правит[ельства], уже готовится к перемене фронта и объясняют свою работу с большевиками “стремлением спасти Россию”. “История покажет, что мы были правы!” Прохвосты!»¹

После возникновения летом 1918 г. устойчивых антибольшевистских фронтов и перехода Советской России к мобилизации бывших офицеров началось массовое дезертирство военспецов, включая «лиц Генерального штаба». Чтобы представить размах этого явления, достаточно отметить, что у прошедших через ряды РККА 1600 выпускников Николаевской военной академии зафиксировано не менее 580 случаев дезертирства и плена². Переходы высокопоставленных военспецов к противнику имели свои причины и особенности.

Об офицерах-изменниках, предательство которых обошлось Советской России тысячами жизней, неоднократно высказывался советский вождь В.И. Ленин. Так, на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. он отметил, что

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 35об.

² См. наши предыдущие публикации: Ганин А. В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. Архангельск, 2008. С. 160–171; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 209–253; Его же. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 189–248; Его же. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд. М., 2017. С. 200–261; Ganin A. V. Workers and Peasants Red Army 'General Staff Personalities' Defecting to the Enemy Side in 1918–1921 // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26, № 2. P. 259–309

«военные науки знает только офицерство — полковники и генералы, которые остались от царской армии. Вы слышали, конечно, что благодаря этим старым полковникам и генералам было много измен, которые стоили десятков тысяч жизней. Всех таких изменников надо было удалять, и в то же время нужно было набирать командный состав из бывших офицеров, чтобы рабочие и крестьяне могли у них учиться»¹. Через несколько дней, 15 марта 1920 г., на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта Ленин заявил: «Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали, и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев, — вы знаете это, но десятки тысяч нам служат, оставаясь сторонниками буржуазии, и без них Красной армии не было бы. И вы знаете, когда без них мы пробовали создать два года тому назад Красную армию, то получилась партизанщина, разброд»².

Об изменах военспецов многократно упоминал и вождь Красной армии Л.Д. Троцкий. Летом 1918 г. в связи с целым рядом случаев предательства Троцкий высказывался достаточно категорично. 29 июля 1918 г. на чрезвычайном объединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и фабзавкомов он заявил: «У нас есть безупречные, преданные командиры на низших ступенях, но именно только на низших ступенях военной лестницы. Что касается лиц высшего командного состава, то у нас слишком мало офицеров, преданных советской власти и честно выполняющих свои обязательства; более того, вы знаете, что некоторые из них прямо перебегают в лагерь наших врагов. В последнее время таких случаев было несколько. Перебежал Махин с Уфимского фронта, перебежал профессор академии Генштаба Богословский, только едва назначенный на Екатеринбургский фронт. Он скрылся, т.е., очевидно, бежал к чехословакам... Офицерство не отдает себе, по-видимому, отчета во всей остроте положения, которое для нас создается не только его прошлым, но и настоящим. Все вы помните, как жестоко солдаты и матросы старой армии расправлялись в критические моменты революции с офицерством... значительная часть офицерства думает, очевидно, что положение переворачивается в ее пользу, устраивает авантюристические заговоры и перебегает непосредственно в стан наших врагов.

Контрреволюционное офицерство, составляя значительную часть старого офицерства, создает условия ожесточенной и справедливой вражды и ненависти рабочей массы к его заговорщическим элементам и подозрительного недоверия к офицерству вообще. Я думаю, близок час, он, может быть, уже наступил, когда нам придется это фрондирующее, становящееся на дыбы офицерство обуздать железной уздой»³. В этих словах — не только тревога Троцкого в связи с отмеченным явлением, но и недвусмысленная угроза репрессий, которые в отношении офицерства активизировались осенью 1918 г.

После перелома в Гражданской войне в пользу красных риторика несколько изменилась. В своем выступлении конца 1919 г. Троцкий дал более обобщенную и взвешенную оценку изменам военспецов как явлению: «У нас оказалось немало

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 40. С. 182.

² Там же. С. 218.

³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 225.

предателей и изменников, немало случаев перехода бывших офицеров в лагерь врага... Приливы и отливы были в этом процессе и у нас, происходил сложный естественный и искусственный отбор, в котором играло роль много факторов, а прежде всего, самый ход военных операций, наши неудачи и удачи, наше международное положение»¹.

Политработники 3-й армии Восточного фронта осенью 1918 г. жаловались в ЦК: «У нас нет ни одной дивизии, в которой не было бы случаев измены»². Командующий советским Южным фронтом А.И. Егоров отмечал, что «наряду с многочисленной группой честно решивших работать в рядах новой революционной армии, связавших свою судьбу с пролетариатом, находилось немалое количество колеблющихся, случайно или под давлением различного рода обстоятельств попавших в армию, стремившихся при первом удобном случае изменить и перейти на сторону белых или же проводивших свою изменническую работу тайно, продолжая оставаться в рядах Красной армии»³. И конечно, наиболее тяжелые последствия могла повлечь за собой измена на самом верху.

Значимость этого вопроса для истории Гражданской войны бывший советский главком С.С. Каменев отмечал еще в 1920-е гг.: «В этой же теме (командного состава Красной армии. — А.Г.) не обойтись и без освещения печальных страниц истории предательства и перебежек части командного состава из строевого офицерства. Эти страницы истории замалчивать нельзя, так как случаи были далеко не единичные и по своим последствиям очень болезненные для Красной армии. На этом фоне предательства представители другой части старого офицерства, честно выполнявшего свою работу и оправдавшего доверие рабочих и крестьян, будут ярче отмечены как активные участники революции»⁴. Впрочем, этот призыв услышан не был, и проблема старательно замалчивалась.

По целому ряду причин бывшие офицеры, в том числе генштабисты, не могли быть группой лиц, полностью лояльных новой власти. Более того, многие относились к большевикам резко отрицательно. Мотивы такого отношения мы уже отмечали. Это связано, в первую очередь, с незаконным приходом большевиков к власти, фактом их сговора с противниками России по Первой мировой войне, заключением предательского в понимании многих офицеров-патриотов сепаратного Брестского мира, развязыванием братоубийственной Гражданской войны, многочисленными унижениями старого офицерства и масштабным террором против него, уничтожением всей прежней системы ценностей и кардинальной сменой жизненного уклада. Кроме того, ряд генштабистов, находившихся на территории Советской России, был вовлечен в работу антибольшевистского подполья в рядах РККА или вне ее. Наконец, отношение новых хозяев страны к офицерам было недоверчивым и подозрительным. Все это способствовало изменам.

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год. С. 8–9.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 7. Л. 3.

³ Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.; СПб., 2003. С. 82.

⁴ Каменев С. С. Предисловие // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 25.

В условиях Гражданской войны серьезный кадровый отбор по принципу лояльности был предельно затруднен, а возможности перейти к противнику, в лагере которого были друзья, знакомые, а порой даже родственники, наоборот, очень широки. Большевики стремились назначать на высшие посты партийных начальников. Поскольку партийных военспецов и вообще высокопоставленных членов РКП(б) при попадании в плен белые расстреливали, это было некоторой гарантией от измен. Однако генштабисты были незаменимы в силу своей квалификации, назначать членов партии удавалось в исключительных случаях, тогда как большая часть кандидатов на такие должности оставалась беспартийной.

В настоящее время мы обладаем сравнительно полным документальным материалом, согласно которому дезертиры из различных армий составляли порядка 42,5% всех военспецов-генштабистов, прошедших через ряды РККА в годы Гражданской войны (в расчет приняты не только те генштабисты, которые бежали из Красной армии или попали в плен (580 случаев), но и те, кто сменил за Гражданскую войну несколько враждующих лагерей, в том числе послужив у красных, – еще около 100 офицеров). Переходы на разных фронтах и в различные периоды имели свои особенности. Говоря о причинах, следует обратить внимание на характер Гражданской войны, в которой по другую сторону фронта оказались не внешние противники, например немцы или турки, а соотечественники, такие же русские офицеры, часто бывшие сослуживцы, однокашники по академии или училищу, друзья, а иногда даже родные братья, отцы и дети. Такой «домашний» характер противостояния предопределил закономерность переходов через линию фронта.

Многие генштабисты в Советской России в 1918 г. не верили, что их против желания будут направлять на внутренние фронты вместо борьбы с германским нашествием (наличие внешней угрозы являлось важным объединяющим фактором), когда же это произошло, начались измены. Пересечение линии фронта не было простым делом. Как правило, человеку проще оставаться служить на одном месте, и только при крайних обстоятельствах он способен отправиться искать удачи в неизвестность. Такое определение в десятки раз обоснованнее, если речь идет о национальной катастрофе, когда легко можно не только лишиться единственного источника пропитания, каким являлась служба, но потерять в случае провала саму жизнь. Однако и в этих условиях офицеры Генерального штаба не только расставались со службой, но и, рискуя жизнью, переходили через линию фронта. Такие переходы были неизбежны, что признавали сами большевистские лидеры.

Вождь Красной армии Л.Д. Троцкий в программной статье «Военные специалисты и Красная армия» в конце 1918 – начале 1919 г. писал: «Если англо-французский империализм окажется в силах беспрепятственно двинуть против нас могущественную армию, в таких условиях, при которых наши непосредственные поражения покажутся очевидными “замиренным” пролетариатом общественным кругам, из этих последних начнется дезертирство в лагерь наших политических врагов. Дезертирство это будет тем шире и опаснее для нас, чем менее выгодно будет для нас соотношение военных сил и чем менее благоприятна вся мировая обстановка... когда царизму пришлось туго, “царские генералы” изменили ему, заняв по отношению к революции положение благожелательного нейтралитета и даже прямо перейдя к ней на службу... Если специалисты изменили тому классу, в духе

которого они воспитывались, когда этот класс оказался явно и бесспорно слабее своего противника, не может быть никакого сомнения в том, что те же специалисты несравненно легче изменят пролетариату, когда он окажется слабее своего смертельного врага. Но *сегодня этого нет, и у нас есть слишком много оснований думать, что этого не будет*. Чем лучше, шире и полнее мы используем специалистов сейчас, когда они вынуждены нам служить, чем лучше мы построим, при их содействии, наши красные полки, тем меньше будет возможности у англо-французов наступать на нас и вводить наших специалистов во искушение»¹.

Мотивация переходов в разные периоды Гражданской войны различалась. На начальном этапе некоторые генштабисты оказались в рядах РККА случайно, только в силу захвата центра страны большевиками, вследствие добровольно-принудительной регистрации или же из патриотических позиций – в стремлении бороться с немецким нашествием. Мало кто хотел воевать против своих однокашников и друзей по прежней службе, разве что часть молодежи, окончившей ускоренные курсы и стремившейся закрепить свое положение в Генеральном штабе. После того как стороны разгоравшегося конфликта летом 1918 г. кристаллизовались, многие решили переменить свой выбор. В 1918 г., когда РККА и советские карательные органы еще только создавались, сделать это было проще, чем в кампанию 1919 г. В 1919 г. на первый план порой стали выходить конъюнктурные соображения (в связи с победами белых). Некоторые были вынуждены бежать из Советской России из-за раскрытия подпольных организаций (например, этим было вызвано бегство генерала Н.Н. Стогова). Кроме того, сужение кольца фронтов вокруг Советской России в некоторой степени облегчало переход, поскольку не надо было далеко уезжать и риск разоблачения уменьшался.

Переходы генштабистов обладали рядом важных особенностей. Прежде всего, они таили куда большую опасность в сравнении с изменами обычных военспецов или с красноармейским дезертирством. К белым уходили командующие армиями, работники фронтовых, армейских и дивизионных штабов, сотрудники центральных управлений – лица, наделенные широкими полномочиями и имевшие по своему статусу доступ к совершенно секретной информации. Характерен декрет РВС Восточного фронта № 9 от 27 июня 1918 г. о полномочиях такому военспецу, ставшему вскоре перебежчиком: «Генерального штаба Николаю Владимировичу Колесникову поручается формировать Красную армию; причем в первую очередь должно быть сформировано четыре дивизии и один кавалерийский полк по штатам, обнародованным Народным комиссариатом по военным делам. Что касается прав и обязанностей гражданина Н.В. Колесникова, то он приравнивается к правам командующего особой армией, предусмотренным Сводом воен[ных] постановлений кн. I в Положении о полевом управлении войск. Контингент солдат и укомплектование для вновь формируемых частей должно производиться из Казанской, Вятской, Симбирской и Пензенской губерний. Всем Советам названных губерний предлагается оказывать полное содействие Н.В. Колесникову, а всем военным комиссарам предлагается исполнять все его приказания, касающиеся формирования красноармейских частей. Т[оварищу]

¹ Троцкий Л. Д. Военные специалисты и Красная армия // Военное дело (Москва). 1919. 21.01. № 2 (31). С. 69–70.

Н.В. Колесникову приказываем немедленно приступить к формированию как штаба, так и намеченных частей.

Реформированный штаб Казанского округа со всем личным составом передается на усиление штаба Н.В. Колесникова». Уже в августе 1918 г. Колесников участвовал в борьбе с большевиками.

«Лица Генштаба» как квалифицированные специалисты в области военной администрации, обычно находившиеся на ответственных постах, могли передать противнику важнейшие сведения об оперативных планах, составе и дислокации войск, а накануне своего перехода отдать предательские приказы и подвести части под удар. Такие случаи действительно имели место, иногда они приводили даже к крупным неудачам на фронте, но эффективных способов борьбы с ними красные так и не нашли. Уже упоминалось о том, что летом 1918 г. бывший подполковник Ф.Е. Махин фактически сдал чехам Уфу. И этот пример не единичен. Осенью 1918 г. бежал к белым с важными оперативными документами помощник командующего советским Южным фронтом бывший генерал А.Л. Носович. Подобные ситуации были возможны и в 1919 г. В частности, серьезные последствия имел переход к белым командующего 9-й армией бывшего полковника Н.Д. Всеволодова. Наряду с командармами Махиным, Б.П. Богословским и Н.А. Ждановым, он был одним из наиболее высокопоставленных генштабистов-перебежчиков Гражданской войны¹.

Опасность переходов заключалась еще и в том, что изменники могли выдавать белым ответственных советских работников. К примеру, бывший военный руководитель Одесского военного округа и одновременно глава белого подполья в городе генерал-лейтенант К.К. Литовцев (Шильдбах) сообщил военно-полевому суду ВСЮР в 1919 г. персональный состав членов Совета обороны Одессы. В результате один из членов Совета, Нейдомковский, был белыми расстрелян². Из-за этого сам Литовцев позднее оказался в крайне щекотливой ситуации, когда весной 1921 г. оказался захвачен красными в Сухуме. Военная коллегия Верховного трибунала 3 января 1922 г. приговорила Литовцева к расстрелу, но приговор смягчили, и уже в ноябре того же года бывший перебежчик вышел на свободу, а в дальнейшем служил в РККА.

Некоторые переходы вели к гибели недавних сослуживцев изменника. Уроженец Лифляндской губернии А.А. Лауриц окончил академию в 1914 г., службу в старой армии завершил в чине подполковника. В 1918–1919 гг. служил в Красной армии заведующим 2-м отделением и заведующим отделом подготовки войск административного управления штаба Орловского военного округа, начальником штаба Орловского укрепленного района³, состоял в распоряжении начальника штаба 13-й советской армии и в должности начальника штаба 55-й стрелковой

¹ РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

² По нашим данным, из представителей высшего командного состава РККА уровня командующих фронтами и армиями изменили большевикам восемь человек: Б. П. Богословский, Н. Д. Всеволодов, Н. А. Жданов, Ф. Е. Махин, М. А. Муравьев, П. А. Славен, А. И. Харченко и В. В. Яковлев. Выпускниками академии из них были первые четверо. Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.

³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 1318. Л. 2об.–3.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38об.

дивизии. В ночь на 11 октября 1919 г., в период максимальных успехов Деникина на пути к Москве, Лауриц, отправившись со взводом красноармейцев на разведку, перешел к белым¹. Генштабист обладал важнейшими данными о положении частей РККА в районе Орла и изложил их белому командованию.

В результате его бегства в районе станции Золотарево Мценского уезда, восточнее Орла, был захвачен штаб 55-й дивизии с временно исполнявшим должность ее начальника бывшим генерал-майором георгиевским кавалером А.В. Станкевичем, ранее — помощником командующего 13-й советской армией. Высокопоставленный пленник отказался служить белым и был 12 октября повешен на глазах у дочери, причем сам надел на себя петлю². По некоторым свидетельствам, после казни на теле Станкевича белые выжгли пятиконечную звезду³. Посмертно Станкевич был награжден орденом Красного Знамени, по постановлению РВСР его тело в ноябре 1919 г. было перезахоронено с воинскими почестями в братской могиле у Кремлевской стены. Лауриц же благополучно служил у белых, получил чин полковника, а эмигрировав, поступил на службу в эстонскую армию⁴.

К спорным случаям относится переход или пленение бывшего генерал-майора Д. А. Мельникова. Он перешел на сторону белых (попал в плен) в августе 1919 г. в ходе рейда IV Донского отдельного корпуса генерал-лейтенанта К.К. Мамантова (Мамонтова) по тылам Южного фронта РСФСР, будучи начальником 3-го отдела управления военных сообщений Южного фронта. В начале сентября Мельников получил назначение на должность начальника штаба Тульской добровольческой пешей дивизии, а затем был назначен начальником штаба конной группы⁵. По одной из гипотез, столь стремительный карьерный рост генерала в армии своих недавних противников обусловлен какими-то заслугами Мельникова перед белыми. Однако более реальной представляется версия о недостатке у Мамантова опытных генштабистов, к тому же Мельников как специалист по военным сообщениям, прекрасно знавший обстановку в красном тылу, был в этом отношении для казаков весьма ценным приобретением⁶.

¹ Веркеенко Г. П., Минаков С. Т. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993. С. 228.

² Левитов М. Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 343.

³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 2, кн. 2. С. 10–11; Смилга И. Т. Военные очерки. М., 1923. С. 12.

⁴ Супруга Лаурица, Евдокия Ивановна, 28 лет, работавшая машинисткой, была арестована у себя на квартире в Москве 24 июля 1920 г. Предполагала, что арестована из-за мужа, перешедшего к белым, но точного обвинения не знала. Женщина отмечала, что разошлась с мужем за семь лет до ареста, содержала ребенка 7 лет и мать мужа. Арестованная опасалась, что из-за задержания может потерять работу (ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40–42).

⁵ Кручинин А. С. Формирование и участие 1-й Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) // Тула в Гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы: Сб. мат-лов межрегион. науч.-практ. конф. Тула, 1996. С. 13; Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 160.

⁶ Это подтверждается случайностью попадания Мельникова в плен. Обстоятельства его пленения изложены в советских оперативных сводках за 23 августа 1919 г.: «Неприятель находится в 4 верстах от ст[анции] Изберзей (так в документе, здесь и далее правильно — Избердей. — А. Г.), где 22го числа в 4 часа ночи ими (так в документе. — А. Г.) были разобраны пути на 32 версте перегона Изберзей — Сестренка, разорваны рельсы на 28 версте, взорван мост, вследствие обрыва состава 70 вагонов, из которых 23 вагона принадлежало к составу уп[равления] во[енных] со[общений] Юж[ного фронта]. 23 вагона были подвергнуты страшному ограблению, взято пленными наших 20 человек, идущим вслед поездом охраны Юж[ного] фронта Егорьева и навстречу со стороны Грязи броневика Карла Либкнехта эта часть поезда была соединена и привезена в Грязи, после чего было приведено еще два эшелона. Ввиду того,

Генштабист С.Д. Харламов на допросе в рамках дела «Весна» в марте 1931 г. дал показания в отношении расстрелянного начальника Оперативного управления ВГШ бывшего генерал-майора С.А. Кузнецова, сотрудничавшего с белым подпольем, причем указал, что «из назначенных на фронты многие довольно быстро умудрялись “попадать в плен”. Из таких могу отметить: Нечволодов Александр Семенович — удрал с Юж[ного] фронта.

Носович, Ковалевский^I — оба с Южного фронта.

Борисов Вячеслав Евстафьевич^{II} — с Южного.

Карлсон Карл Карлович [—] при отходе от Риги.

Позже дезертировали:

Лебедев Дмитрий Капитонович — в Эстонию^{III}

Цихович Януарий Казимирович [—] в Польшу

Бардинский Иван Алексеевич [—] в Польшу (не проверено)^{IV}.

Важной особенностью многих переходов через линию фронта являлся их индивидуальный характер. На наш взгляд, эта особенность принципиально важна для понимания сути всего явления. Индивидуальный характер такого решительного, связанного с риском для жизни поступка, как переход в лагерь своих недавних врагов, почти всегда предполагает наличие умысла, т.е. осознанность решения, достаточно сильную мотивацию и персональную ответственность перебежчика.

Еще одной причиной бегства генштабистов из Красной армии были семейные обстоятельства. Именно по этой причине 28 сентября 1918 г. неожиданно для всех сбежал к белым инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший полковник И.Г. Пехливанов^V. Единственный советский биограф Пехливанова писал о его бегстве от красных следующее: «После расформирования Псковских отрядов И.Г. Пехливанов был военным руководителем Новгородского участка отрядов завесы, Петроградской группы войск Северного фронта. В конце августа 1918 года он поехал за семьей в Крым, но усиленное развертывание белогвардейских частей на юге России вынудило его перебраться в Болгарию»^{VI}. Такое утверждение являлось искажением реальных фактов, но написать иначе в советское время вряд ли было возможно. Во-первых, Пехливанов покинул Красную армию не летом, а осенью 1918 г. Во-вторых, он уехал в Болгарию не вынужденно по причине развертывания антибольшевистских сил, а, наоборот, по распоряжению командования этими силами.

что все проводя на перегоне Изберзей — Сестренка порваны, связи никакой нет...» (РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 189–190). Таким образом, Мельников был захвачен казаками 22 августа 1919 г. при нападении на эшелон управления военных сообщений Южного фронта. Утверждение Н. Н. Рутыча, что Мельников якобы избежал «контрольной комиссии» (Рутыч Н. Н. Биографический справочник... С. 160), не соответствует действительности. На самом деле за добровольную службу большевикам Мельников был предан военно-полевому суду (приказ главнокомандующего ВСЮР № 2690 от 25.11.1919 — РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 112–112об.), но, поскольку его содействие красным было признано несущественным, был прощен (приказ главнокомандующего ВСЮР № 2773 от 07.01.1920 — РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 11).

^I Харламов неточен, поскольку А. Н. Ковалевский был расстрелян.

^{II} Подробнее о Борисове см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 411–445.

^{III} Харламов вновь ошибается — Д. К. Лебедев не дезертировал, а легально уехал из Советской России.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 231 (172). Л. 15–15об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

^{VI} На псковских позициях. Интервью с ректором Псковского педагогического института профессором П. А. Николаевым // Человек с ружьем: Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 19.

28 сентября 1918 г. Пехливанов, находясь в Луге, набросал карандашом прямо и по-солдатски рапорт Военному совету Петроградского района: «Только что получил известие о чрезвычайно тяжелом положении моей семьи, которую не видел в течение года.

Ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, вынужден нелегально^I отправиться без промедления на выручку своих близких, о чем и доношу Воен[ному] совету»^{II}.

На документе имелась резолюция о подготовке телеграммы об аресте Пехливанова и предании его суду. Подобное распоряжение действительно было сделано к 1 октября 1918 г. Впрочем, генштабиста в Советской России больше не видели. Как оказалось, он уехал спасать свою семью в Крым. И непонятно, зачем вообще понадобился Пехливанову этот прощальный рапорт.

Секретная и весьма срочная телеграмма комиссара Северного участка отрядов завесы Л.М. Глезарова о розыске беглеца была следующей: «Инспектор формирований второй инспекции Северного участка Генштаба Иордан Георгиевич Пехливанов рапортом от 28/15 сентября, за номером 404, сообщил Военному совету, что ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду он принужден нелегально отправиться на выручку своей семьи, находящейся в тяжелом положении и которую он не видел в течение года. По агентурным сведениям разведки, Пехливанов бежал в направлении Крыма. Приметы его[:]: высокий рост, черные волосы, черные подстриженные усы, темно-карие глаза, темный загорелый цвет лица, когда читает, одевает пенсне. Носит смешанную военную форму, иногда носит серый штатский костюм. Пехливанов родом из Болгарии. Предлагается всем немедленно принять все меры к задержанию бежавшего как дезертира и преданию^{III} его военно-революционному суду»^{IV}.

Спустя много лет после Гражданской войны, в феврале 1932 г., о бегстве Пехливанова кратко упомянул в своем донесении органам госбезопасности о бывших офицерах Генштаба секретный сотрудник ОГПУ, военспец Г.И. Теодори: «Пехливанов Иордан Георгиевич, болгарин, полковник. Нач[альник] Лужского направления Сев[ерного] участка завесы с марта по май 1918 г. Бежал с Лужского направления в 1918 г., помогли, как говорили, [И.Д.] Чинтулов и [А.И.] Верховский[,] – [Ф.И.] Балабин и [В.И.] Шишкин»^V. Это донесение содержит сведения о тех слухах, которые циркулировали в кругах военспецов в период Гражданской войны и перемежались с официальной информацией. Но вполне возможно, что упомянутые Теодори военспецы действительно помогли Пехливанову бежать.

Пехливанов оказался единственным высокопоставленным перебежчиком из Красной армии, чью семью было предписано арестовать в соответствии с распоряжениями об ответственности членов семей перебежчиков^{VI}. Однако семья

^I Подчеркнуто в документе кем-то из читателей.

^{II} РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 126.

^{III} В документе ошибочно — предания.

^{IV} РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 158.

^V ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 237.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24. Подробнее о практике взятия в заложники членов семей военспецов см.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 375–394.

Иордана Георгиевича находилась вне досягаемости советских органов госбезопасности, и приказ этот был невыполним.

Троцкий призывал армейское командование решить проблему переходов на сторону противника из-за места проживания семьи. Летом 1919 г. в связи с переходом к противнику военспецов под Харьковом он писал: «Когда Харьков оказался захваченным, эти “специалисты” предпочли остаться при своих семьях. Многие из них в своем политическом невежестве думали, вероятно, что сдача Харькова означает крушение советской власти, ибо среди старого офицерства немало политически невежественных простаков, которые воображают, что Деникин может задержать ход революции... Конечно, эти командиры, мечущиеся из одного лагеря в другой или просто боящиеся оторваться от своих семейств, представляют собою не лучший человеческий материал. Насколько же предусмотрительно поставить их в такое положение, когда место жительства их собственной семьи склоняет их к тому, чтобы перейти в лагерь противника. На ком здесь вина? — На военной советской организации»¹.

Некоторые переходы сопровождались настоящими инсценировками. Так, родной брат командующего советским Южным фронтом П.П. Сытина бывший генерал И.П. Сытин дезертировал из РККА, будучи назначен в состав советской мирной делегации Х.Г. Раковского в Киеве в качестве военного эксперта. Официально с 3 июля 1918 г. он числился в распоряжении начальника ВГШ. Вероятная причина внезапного дезертирства бывшего генерала обнаруживается в делопроизводстве РККА. В середине сентября 1918 г. обсуждался вопрос о возможности назначить Сытина военным руководителем в один из военных округов (предполагался Приволжский округ²). В составе делегации ВГШ планировал заменить его другим бывшим генералом-генштабистом В.И. Соколовым³. Сытин еще 31 августа дал согласие на перемещение, но телеграфировал в отделение по службе Генштаба, что «председатель мирной делегации не изъявил согласия отпустить меня сейчас из Киева, ибо я единственный эксперт [по] военным делам...»⁴ О каком-либо назначении в военном ведомстве просил сам военспец, поскольку не получал содержания по прежней должности с января 1918 г.⁵ Начальником ВГШ тогда был один из руководителей офицерского подполья в Советской России бывший генерал Н.Н. Стогов, а предполагавшийся к назначению в Киев бывший генерал Соколов являлся также видным деятелем белого подполья. К сожалению, у нас нет данных о том, какую цель преследовало возможное назначение подпольщика в советскую делегацию в Киеве. По всей видимости, когда стало ясно, что речь идет о предстоящем вовлечении в Гражданскую войну, Сытин предпочел покинуть советский лагерь. Тем более что в Киеве для этого были все возможности. Находясь в Киеве на протяжении нескольких месяцев переговоров (документы свидетельствуют, что Сытин там был еще в июле 1918 г.), он мог наладить контакты с прежними сослуживцами.

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год. С. 233.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 84; Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 313.

³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 484. Л. 1.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 315.

⁵ Там же. Л. 327.

Дальнейшее описывает заметка «Загадочное исчезновение ген. Сытина» из киевской газеты «Последние новости»: «Третьего дня поздно вечером бесследно исчез один из экспертов советской делегации генерал И.П. Сытин.

Исчезновение генерала, занимавшего видное место в советской армии (брат исчезнувшего генерала назначен главнокомандующим Южной армией), вызвало большой переполох в среде российской мирной делегации.

Тревога о судьбе исчезнувшего генерала советской армии особенно усилилась после получения тов[арищем] председателя советской делегации от неизвестной группы лиц письма следующего содержания: “М[илостивый] г[осударь] Дмитрий Захарович!”

Считаем долгом поставить вас в известность о том, что в г[ород] Киев прибыла 10 дней тому назад” идейная организация для самой беспощадной, самой жестокой борьбы с насильниками, бандитами, убийцами и палачами-большевиками. Те методы борьбы, которые применялись до сего времени, очевидно недостаточны. Ваши действия и ваша забота по созданию анархии в стране заставили, наконец, идейных людей, “контрреволюционеров”, сплотиться и образовать союз для активной борьбы с вами.

Ваши подозрения на Южную, Астраханскую и Северную армию совершенно пошлы и не имеют под собой никакой почвы. Мы работаем тут всего десять дней и знаем все, что вас касается, мы за этот срок детально расшифровали вашу контрразведку.

Нами ликвидированы 15 ваших людей, шестнадцатым пошел, по вашему выражению, в “штаб Духонина” – Потемкин, 17-й идет Сытин, а за ним Бельгов. Ваша типография в наших руках, мы знаем все ваши средства, начальника вашего революционного штаба, начальников дружин – все нам определенно известно. Китайцы и латыши, прибывшие в Киев, у нас на учете и под постоянным наблюдением. В нашем распоряжении на бирже 15 вооруженных шоферов и извозчиков.

Вы и ваша делегация не выедете из Киева, т.к. нами минированы все пути в трех направлениях и ваш поезд будет взорван.

Помните, вам нет выхода, нет спасения. Самостийники, на которых вы опираетесь, наполовину наши люди, и мы знаем все ваши шифры и пароли, знаем от самостийников о всяких же переменах в них.

Вы – обречены”.

Об исчезновении генерала Сытина Д.З. Мануильским доведено до сведения украинских и германских властей. Полученное от неизвестной группы мстителей письмо также передано властям¹. Подобное наивное письмо с нереализованными угрозами можно отнести на счет чьей-то богатой фантазии, но атаки на советскую делегацию на этом не прекратились. В те же дни в гостиницу «Марсель», где находилась делегация, ворвался вооруженный отряд неизвестных с целью арестовать делегатов. Аресту помешал германский патруль². Самого же Сытина никто не ликвидировал, а объявился он уже на белом Юге, где был предан

¹ Правильно — командующим Южным фронтом.

² Обращение к Д. З. Мануильскому — заместителю председателя советской делегации.

³ Загадочное исчезновение ген. Сытина // Последние новости (Киев). 1918. 25(12).10. № 5256. С. 3.

⁴ Гостиница «Марсель» // Там же.

за службу в РККА военно-полевому суду, приговорен к четырем годам каторжных работ с заменой разжалованием в рядовые и назначением в Партизанский генерала Алексеева пехотный полк¹. Существует версия и о том, что Сытина похитили члены тайной офицерской организации, чтобы спровоцировать разрыв отношений между Украиной и Советской Россией². Дезертирство И.П. Сытина не отразилось на положении его брата П.П. Сытина, оставшегося в РККА и занимавшего там высокое положение³.

Не всегда переходы были преднамеренными, некоторые происходили в силу обстоятельств. Например, курсовик С.И. Костров, учившийся в академии Генерального штаба, получил соответствующее разрешение и выехал весной 1918 г. в Оренбург, чтобы навестить мать, которую давно не видел, однако в связи с блокадой города восставшими казаками ему пришлось там остаться⁴. Впрочем, при сильном желании возможность эвакуироваться с красными отрядами В.К. Блюхера, Н.Д. Каширина и Г.В. Зиновьева у Кострова была, однако, опасаясь репрессий, он предпочел скрываться до освобождения города казаками. В дальнейшем Костров сделал неплохую карьеру у белых, дослужившись до полковника, и.д. начальника оперативного отделения штаба Отдельной Оренбургской армии и оберквартирмейстера штаба отдельного Оренбургского корпуса. В походах вместе с белыми он участвовал до конца 1921 г.

Сознательные переходы от попадания в плен нередко отделяет довольно тонкая грань, в связи с чем иногда сложно определить, с каким именно явлением мы сталкиваемся.

Так, заместитель наркома по военным делам Л.Д. Троцкого Э.М. Склянский разыскивал военного руководителя Приволжского военного округа В.В. фон Нотбека, который остался в Самаре при занятии ее чехами. Однако в ответ на запрос Склянскому в августе 1918 г. было сообщено, что Нотбек не сам остался в городе, а был задержан там чехами⁵.

События в Самаре следует рассмотреть подробнее, поскольку речь идет о коллективном переходе на сторону противника штаба Приволжского военного округа. Настроения работников штаба выразил в своих мемуарах бывший полковник П.П. Петров, отметивший, что сотрудники штаба, несмотря на советскую действительность, пытались удержать штабной аппарат в своих руках⁶.

В штабе Приволжского военного округа служили 13 выпускников академии: военрук В.В. фон Нотбек, его помощник и начальник штаба округа Н.В. Пневский, начальники управлений К.Ю. Берендс, П.П. Петров, А.И. Прозоров и А.И. Крюгер⁷. Также там служили Г.К. Акинтьевский (начальник отдела), М.Я. Савич

¹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 128. Л. 231.

² Чемакин А. А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020. С. 55.

³ О дальнейшей службе П. П. Сытина см.: Ганин А. В. От редакции // Родина. 2011. № 2. С. 41; Его же. От военпреда товарища Сытина. Советская военная разведка в Грузии о Белом Крыме // Родина. 2014. № 5. С. 132–135; Его же. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. Апрель. С. 207–251.

⁴ ГАНУ. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 146–146об.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 310.

⁶ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 260.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 362об.

(делопроизводитель), Л.А. Текелин (начальник отдела), И.М. Финицкий (делопроизводитель), Н.М. Щербаков (начальник отдела). Кроме того, там служил окончивший два класса академии А.В. Беклемишев (помощник начальника отдела). К сотрудникам штаба в конце мая присоединился и В.О. Каппель. В целом штаб округа (бывший штаб 1-й армии Северного фронта) представлял собой устоявшийся коллектив работников, костяк которого служил вместе уже более полугода¹. Соответственно, и решение о присоединении к той или иной стороне Гражданской войны в такой сформировавшейся группе работников могло приниматься коллективно.

А.В. Беклемишев на следствии в белой Сибири в 1919 г. показал, что в середине апреля 1918 г. в Старой Руссе командующему 1-й армией генералу В.В. фон Нотбеку ввиду расформирования армии было предложено сформировать штаб Приволжского округа в Самаре. Нотбек сообщил об этом офицерам штаба, желая узнать их мнения. На собраниях всех офицерских и классовых чинов штаба армии было вынесено постановление о согласии продолжить службу с условием неучастия во внутренней междоусобной борьбе, а только против внешнего врага².

Штаб имел связь с офицерским подпольем в Самаре. Как впоследствии свидетельствовал видный деятель самарского подполья генерал Н.А. Галкин, «позиция, занятая ПриВО³ (офицеров, находящихся в штабе), была следующая. Они согласны были, как об этом много говорил генерал [Ф.Ф.] Шарпантье⁴, во время переворота не мешать нам, но в открытую они помогать боялись, ибо считали дело обреченным на неудачу. В случае же успеха они готовы были, по их словам, приложить свои силы и знания к расширению и укреплению достигнутых успехов. Таким образом, офицеры ПриВО от открытой поддержки воздержались, ограничившись действиями, помогающими организации: плохая охрана складов оружия и т.п.»⁵.

Н.И. Подвойский вспоминал о своей встрече с работниками штаба округа: «Был случай в Самаре, когда я приехал, положение на фронте было самое трагическое, казалось, там есть большой аппарат, военно-окружной комиссариат — 350 человек государственных людей с большими именами, Пневский, [С.В.?] Руднев и другие. Я сказал: вам придется взять на себя руководство обороной. — Как руководство обороной, это внутренняя борьба. Я говорю, внутренняя или внешняя — это определяет государственная власть, а в настоящий момент вы — те государственные силы военные, которые могут способствовать государству, чтобы никакие мятежи, никакие потрясения государственного организма не происходили в Самаре. Завтра благоволите разработать план.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 175.

² Данные о составе штаба 1-й армии к 15 декабря 1917 г.: командующий армией генерал-лейтенант В.В. фон Нотбек, начальник штаба генерал-майор Н. В. Пневский, генерал-квартирмейстер подполковник К. Ю. Берендс, старший адъютант общего отделения подполковник Г. К. Акинтьевский, старший адъютант разведывательного отделения подполковник П. П. Петров, старший адъютант оперативного отделения капитан Б. А. Мержанов, начальник контрразведывательного отделения подполковник Л. А. Текелин, штаб-офицер для поручений по авиации подполковник Д. Г. Фокке, помощник старшего адъютанта оперативного отделения штабс-капитан Гаврилов, дежурный генерал генерал-майор А. И. Крюгер, начальник этапно-хозяйственного отделения генерал-майор А. Г. Габаев (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1265. Л. 284–299).

³ ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

⁴ Приволжским военным округом.

⁵ В документе — Шерпантье.

⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 885. Л. 4–5.

Первый раз в жизни мне пришлось слышать от умного человека и от людей, проработавших чуть не 40 лет, как Пневский, прошедший все стажы, чтобы он сказал такую нелепость: «Но нас приглашали заниматься административной работой». Это человек, которого учили, начиная от кадетского корпуса и военного училища, что ты – государственный человек, государственная точка зрения никаких рассуждений не допускает, если тебе правительство и твое непосредственное начальство приказывает, ты не имеешь права рассуждать. Деморализация прошла так глубоко, что позволила продиктовать такую реплику». На самом деле причина была не в деморализации старых опытных генштабистов, а в их наивной вере в то, что можно будет избежать втягивания в Гражданскую войну. Однако рано или поздно им пришлось делать свой выбор.

Петров писал, что симпатии штабных работников были на стороне антибольшевистских сил, однако о последних мало что было известно. Основным условием сотрудничества с советской властью генштабисты выдвинули непривлечение их на внутренний фронт. 8 июня 1918 г. Самара была занята чехословаками, и здесь началось формирование Народной армии Комуча. Значительная часть персонала штаба (офицеры, чиновники, телеграфисты, писаря, хозяйственная часть) перешла на сторону антибольшевиков. По некоторым данным, указание штабу округа остаться в Самаре было дано Подвойским^I. С другой стороны, генерал Петров отмечал, что перед приходом чехов часть штаба была отправлена в Симбирск^{II}. Это же подтверждает и официальная история Приволжского военного округа, в которой указано, что эвакуация производилась по приказу Подвойского. Часть сотрудников с комиссаром А. Ф. Долгушиным (в прошлом – матросом, членом Центрального комитета Балтийского флота) добралась до Симбирска и далее должна была выехать в Казань, куда предполагалось передислоцировать штаб округа, другая группа с комиссаром А. Н. Войтовым (в прошлом – председателем армейского комитета 1-й армии, штаб которой был преобразован в штаб округа) ушла в Саратов и далее выехала в Москву. В составе этой группы был и начальник штаба округа Пневский^{III}. Есть данные о том, что уже после захвата штаба противником комиссар Войтов и военрук Нотбек издали секретный приказ о том, чтобы служащие поодиночке ехали в Симбирск^{IV}.

Военрук округа бывший генерал В. В. фон Нотбек в годы Первой мировой войны командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией. Он отрицательно относился к революционным порядкам и развалу старой армии в 1917 г. Кроме того, генерал не собирался втягиваться в Гражданскую войну^V. Впрочем, это ему не удалось. Работникам штаба 1-й армии предложили выбрать округ, в штаб которого предстояло переформироваться. Обсуждались варианты Архангельска или Самары. В первом случае речь шла о надеждах на высадку союзников. Итоговый выбор

^I РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 26. Л. 13.

^{II} РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 20. Л. 115.

^{III} Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 260.

^{IV} Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 32–33.

^V Ненароков А. П. Восточный фронт 1918. М., 1969. С. 84.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 21. Л. 30об.

Приволжского округа работники штаба армии сделали в связи с близостью Уральской области с антибольшевистски настроенным казачеством^I.

В Самару штаб прибыл в мае 1918 г. Когда нарком Н.И. Подвойский стал требовать от штаба организовать оборону города от чехословаков, работники, не желая втягиваться во внутреннюю войну, отказались. В этом их поддержали даже комиссары штаба. Подвойский пригрозил военспецам репрессиями, также был поставлен вопрос об эвакуации штаба в Саратов или Казань. Конфликт с представителями РКП(б) во многом предопределил переход штаба на сторону антибольшевистских сил.

Военруку фон Нотбеку начальник штаба округа Пневский жаловался на беспокойство за судьбу супруги. Кроме того, отец генерала, отставной генерал от инфантерии В.И. Пневский, жил в Смоленске, что также ограничивало выбор сына, хотя тот и сочувствовал белым. Пневский переоделся в штатское, а супруга надела костюм сестры милосердия – в таком виде они покинули Самару^{II}. В итоге Пневский всю Гражданскую войну прослужил в РККА (отметим, что его отец числился на учете в РККА в 1920–1921 гг.) и даже занимал серьезный пост начальника штаба советского Южного фронта, умер он в 1928 г. в СССР. У Пневского имелись и родственные связи в руководстве РККА. В частности, он приходился шурином начальнику ПШ РВСР Ф.В. Костяеву. Фон Нотбек же, прослужив у белых на Востоке России, в 1921 г. был убит или умер в Верхнеудинске.

Из тринадцати выпускников академии, служивших в штабе, к белым перешли десять: Акинтьевский, Беклемишев, Каппель, фон Нотбек, Петров, Прозоров, Савич, Текелин, Финицкий и Щербаков. К перебежчикам не присоединились Пневский, Крюгер и Берендс. У них были свои причины. Начальник штаба округа бывший генерал Пневский остался с большевиками по семейным обстоятельствам (кроме того, он не верил в успех антибольшевистского сопротивления) и уехал в сторону Саратова, несмотря на то что группа перешедших на сторону антибольшевистских сил работников штаба уговаривала его присоединиться к ним^{III}. Подобное решение в той обстановке потребовало с его стороны определенного мужества. Возможно, на решение повлиял и комиссар Войтов.

Бывший генерал Крюгер был уже немолод и тяжело болел, осенью 1918 г. он считался совершенно не пригодным к строевой службе^{IV}. Вероятно, по этим причинам летом 1918 г. он избежал перехода к противнику. Бывший подполковник Берендс не перешел вместе с остальными только по случайному стечению обстоятельств, что видно из его письма генштабисту А.С. Белому от 21 июня 1918 г.: «Глубокоуважаемый Александр Сергеевич, прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне все, что Вы знаете о судьбе штаба Приволжского в[оенного] о[круга], которая мне, несмотря на все старания, до сих пор неизвестна и крайне тревожит.

Я из числа многих командированных из штаба, 1 июня выехал в Вологду, чтобы перевезти свою семью в Самару.

^I Там же. Л. 32об.

^{II} Там же. Л. 45–46.

^{III} Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 87.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1120. Л. 29.

За мое отсутствие произошли известные Вам события, которые не позволяют до сих пор [ни] присоединиться к штабу, ни получить о нем ни от кого никаких известий.

Я считаю необходимым поставить в известность ГУГШ о своем местопребывании и своем выжидании момента, когда я смогу явиться в свой штаб, но, не имея точных сведений о его судьбе, этого пока сделать не могу.

Если будет признано правильным мое решение выжидать, то прошу это санкционировать, в противном случае прошу соответствующих указаний. Быть может, необходимо прибыть лично за указаниями в Москву; в последнем случае укажите, куда я должен прибыть. Неопределенность и неизвестность положения меня тревожит, тем более что я не имею права считать себя свободным, занимая должность начальника мобилизационного управления штаба окр[уга]. Без работы сидеть я не привык и потому счел необходимым Вас просить оказать мне любезность ответить на мои вопросы в этом письме...»¹ Таким образом, Берендс попросту отсутствовал в Самаре и не имел возможности выбрать, к кому присоединиться.

Управляющий военным ведомством Комуча Н.А. Галкин впоследствии вспоминал: «Руководителем передового отряда, который вел эти бои, был капитан Капель из ПриВО. Он служил в ПриВО, занимал какую-то должность в штабе. Когда белые захватили власть, то всему штабу ПриВО было предложено вступить в Нар[одную] армию. Генерал Пневский, начальник штаба, отказался вступить. Точно так же отказался вступить другой генерал, который был начальником ПриВО. Оба эти генерала отказались вступить, сказав, что считают это авантюрой, ибо знают силы Красной армии и полагают, что все мы будем в ближайшее время разбиты. Мы проявили к ним большой либерализм – они были отпущены, и оба на пароходе уехали (пароходы в то время еще ходили) в Москву. Пневский умер здесь в Москве. А остальные офицеры ПриВО все примкнули, в том числе и Капель»². Галкин неточен, поскольку военрук фон Нотбек тоже примкнул к белым.

Анализируя произошедшее, нельзя не признать самарские события крайне благоприятными для основной массы штабных работников, которым фактически не пришлось ничего делать, чтобы оказаться в антибольшевистском лагере (они даже продолжили работу в том же здании, просто переменяв вывеску), где, если верить мемуарам Петрова, они и хотели оказаться. В то же время те немногие генштабисты, которые по идейным причинам не хотели переходить к противникам большевиков, смогли избежать службы у них. Отметим, что Текелин и Финицкий в конце Гражданской войны вновь поступили на службу в РККА.

На некоторое время Самара стала центром притяжения противников большевиков, куда разными путями стремились попасть и другие генштабисты-переходчики. По воспоминаниям подполковника И.С. Ильина, летом 1918 г. в Самаре, «направляясь в штаб, я увидел идущего мне навстречу высокого военного в потрепанной солдатской шинели без погон. Остановил меня – спросил, где штаб. Оказывается, это ген. [С.Н.] Розанов, только что перешедший линию фронта. Пока мы шли в штаб, он рассказывал свою эпопею. Он командовал в Пензе полком. Во время войны был начштаба дивизии, а потом корпуса. Когда началась революция,

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 118–119об.

² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 243. Л. 30.

пробрался в Пензу, там скрывался, а затем, узнав о восстании чехов, стал пробираться к белым...»¹ По свидетельствам генералов М.А. Иностранцева и С.А. Щепихина, к белым Розанов прибыл, переодевшись крестьянином².

Можно привести другие примеры коллективных переходов генштабистов от красных к белым. В первую очередь, это история с переходом практически в полном составе в июле – августе 1918 г. к белым на Восточном фронте (Екатеринбург и Казань) Военной академии.

19 июля Троцкий телеграфировал в Екатеринбург члену РВС Северо-Урало-Сибирского фронта И.Т. Смильге с копией начальнику академии А.И. Андогскому: «Академия должна быть эвакуирована временно до полной ликвидации чехословацкого мятежа. Весь персонал академии должен быть эвакуирован из Екатеринбурга, кроме тех лиц, которые особым распоряжением будут там оставлены. Назначение места временной эвакуации академии и условия эвакуации предоставил Революционному военному совету в Казани. Ему предписано отпустить в распоряжение академии достаточное денежное средство³, дабы эвакуация была сопряжена с наименьшими неудобствами для личного состава. Восемьдесят слушателей старшего курса предоставлены мною в непосредственное распоряжение Военного совета. Академия нам необходима для рабочей и крестьянской власти, а не для кого-нибудь другого, и стало быть, ни о каких искусственных условиях экстерриториальности для академии не может быть и речи. Всякая попытка отдельных членов личного состава академии проникнуть на территорию, занятую чехословаками, будет рассматриваться как измена и караться по законам военного времени»⁴. Грозную телеграмму воспроизвели в приказе по академии 21 июля.

Угрозы Троцкого оказались бесполезны, и белые за несколько дней приобрели сразу свыше двухсот специалистов Генерального штаба. Слушатели академии в этих событиях сыграли отнюдь не последнюю роль. В Екатеринбурге, где располагалась академия, существовало антибольшевистское подполье, в которое входила и группа офицеров академии во главе с бывшим подполковником К.Ю. Румшей⁵. Подпольщики из числа слушателей тайно покинули город. В Екатеринбурге остались несколько сотрудников, многие семьи преподавателей и слушателей, а также имущество академии. Часть академии, эвакуированная в Казань, примкнула к антибольшевистским силам в результате захвата ими этого города 7 августа 1918 г.

В результате перехода академии противники красных существенно укрепили свой кадровый потенциал. Помимо профессорско-преподавательского состава к белым попали и многочисленные слушатели. Всего в антибольшевистских формированиях на Востоке России оказались не менее 170 слушателей старшего класса 3-й очереди (из них 90 поступили на службу в Сибирскую армию и 80 – в Народную армию⁶). В РККА из слушателей старшего класса к осени 1918 г.

¹ Ильин И. С. Комуч // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 65. С. 232.

² ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 17; Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 737.

³ Так в документе.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 232.

⁵ Подробнее об этой организации см. главу VIII.

⁶ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 33об.

остались не менее 28 человек¹, причем среди оставшихся по причине болезней, отпусков, командировок или арестов были противники большевиков (например, подпольщик К.Н. Староскольский, позднее также перешедший к белым). Не менее четырех слушателей уже в 1918 г. попали в национальные армии (в том числе уехав в отпуски). Два слушателя погибли на Урале летом 1918 г. Местопребывание еще семи летом – осенью 1918 г. предстоит уточнить. Исходя из этих данных, 80,6% слушателей перешли к противникам большевиков на Востоке России и лишь 13,3% остались в РККА. Кроме них, в разных местах на сторону антибольшевистских сил перешли 80 слушателей младшего ускоренного курса, 12 остались в РККА, 16 находились в отпусках, и данные еще о семи неизвестны². Следовательно, 69,6% слушателей младшего курса попали в антибольшевистский лагерь и только 10,4% остались в РККА.

Непродуманностью и неосторожностью была продиктована командировка группы из выпускников курсов 2-й и 3-й очередей академии в первой половине 1918 г. по распоряжению ГУГШ на Кавказ. Скорее всего, в связи с возвращением на Кавказский фронт, где они служили до академии³, в регион были командированы среди прочих и местные уроженцы – казаки и представители кавказских народов⁴. Направление большого количества слушателей на Кавказ связано с активизацией турецких войск и работой армянского военного комиссара в Петрограде [Н.А.] Мелик-Парсаданова и бывшего генерал-майора Я.Г. Багратуни⁵. Как удалось установить, «от ноября 1917 до февраля 1918 г. Багратуни, будучи в Петрограде армянским военным комиссаром, перевел с Западного фронта и из России до 40 тыс. армян-воинов на Кавказ. Его коменданты имелись в Харькове, Ростове и других местах»⁶. В анонимном очерке «Формирование Армянского корпуса» отмечалось, что «особенно велико было участие Генерального штаба генерал-майора Багратуни, который пользовался влиянием в высших военных кругах Петрограда и, обладая серьезными познаниями в области военного дела и сильной [неразборчиво] выдержкой характера, оказал большие услуги делу создания армянского корпуса»⁷. 7 марта Багратуни прибыл в Закавказье, куда ранее направлял слушателей академии. Ничего удивительного нет в том, что вскоре связь с этими офицерами прервалась, а позднее их следы обнаруживаются в белом лагере. Другие известные случаи командировок на Кавказ также вели к побегам.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–7об. Дополнено по собственным изысканиям.

² РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 33об.; Ф. 33892. Оп. 1. Д. 28. Л. 37–37об.

³ Публикацию приказа см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 48. Из намеченных к командированию на Кавказ 19 слушателей старшего класса 2-й очереди двое командированы не были и, соответственно, остались в РККА. Из 17 остальных 10 попали в белые армии Юга России, 2 в национальные армии, и о дальнейшей службе 5 офицеров данных пока обнаружить не удалось. Таким образом, командировки офицеров из местных уроженцев в этот регион почти гарантированно приводили к их переходу в антибольшевистский лагерь. Впрочем, в конце Гражданской войны четверо вновь оказались на службе в РККА, один приехал в Советскую Россию, но его деятельность неизвестна, и один попал в плен и был расстрелян. Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 141–142, 144.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 158. Л. 6.

⁶ НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 94. Л. 69об.

⁷ НАА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

Иногда из Красной армии пропадали целые штабы. Так, 27 августа 1918 г. бесследно исчезла группа военспецов, прибывших в Пермь из Москвы на укомплектование формирующейся дивизии: начальник штаба Пермской дивизии генштабист А.А. Сандецкий, его помощник Н.П. Альбокринов, командир 5-го Пермского полка Н.Н. Трухин, а также В.С. Александровский, В.А. Бек, А.Н. Быков, П.Е. де-Бур и К.В. Паас^I.

По всей видимости, еще один групповой побег был совершен генштабистами, находившимися в 1919 г. на госпитальном лечении в Петрограде (Н.Н. Долинский, Н.И. Дроздовский, П.П. Каньшин, М.Н. Суворов)^{II}. К сожалению, подробности этого перехода неизвестны, неизвестно и то, находились ли без вести пропавшие в каком-то одном госпитале или же в разных. Во всяком случае, двое из них (Дроздовский и Суворов) после исчезновения оказались у белых, данных же о том, куда попали остальные, пока нет.

При эвакуации Екатеринослава 22 июня 1919 г. в городе остался почти весь полевой штаб 14-й армии, включая трех выпускников и слушателей академии: начальника штаба бывшего капитана С.И. Шкляр-Олексюка, начальника оперативного отдела бывшего подполковника А.Н. Ягodu и состоявшего для поручений при командарме К.Е. Ворошилове бывшего капитана Б.Ф. Черниговского-Сокола^{III}. Кроме них, остались состоявший для поручений при начальнике штаба, начальник административного отдела, начальники организационного и оперативного отделений, помощник начальника разведывательного отделения, переводчики, лица, состоявшие в резерве комсостава, делопроизводители и даже уборщики. Перебежчиков исключили из списков и объявили вне закона. Показательно, что заменивший Шкляр-Олексюка бывший штабс-капитан К.Ф. Монигетти также оказался неблагонадежным и вскоре перешел к белым при оставлении Киева^{IV}. Позднее Черниговский-Сокол вновь оказался у красных, был арестован, затем освобожден. Военспец утверждал, что к белым он попал в плен^V.

На сторону белых в Киеве организованно перешла группа ответственных работников штаба 12-й советской армии. По оценке сотрудника разведывательного отделения штаба 12-й армии, «все мои сослуживцы в отделении, как и я сам, принадлежали к категории, именуемой большевиками «контра»»^{VI}. Наиболее высокопоставленными перебежчиками в составе группы из штаба 12-й армии были начальник военных сообщений 12-й армии генерал-майор С.М. Языков, выпускник академии 1904 г., и его помощник генерал-майор П.Н. Буров, выпускник академии 1903 г. У красных оба числились пропавшими без вести при эвакуации Украины^{VII}. Помимо Языкова и Букова на сторону Деникина тогда перешел однокашник Языкова по академии бывший генерал-майор К.А. Моравицкий, занимавший посты начальника разведывательного отделения оперативного управления штаба 12-й армии и помощника командующего армией. Он также числился пропавшим

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 384об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 3; Д. 1009. Л. 47об.; Д. 69. Л. 39; РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 69. Л. 170.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 453–459.

^V ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 141об.

^{VI} Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 617.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

без вести при эвакуации красными Украины¹. По всей видимости, объединяющую роль сыграл фактор совместного обучения всех троих в академии. Кроме того, на сторону белых перешел (однако неизвестно, в Киеве или нет) состоявший для поручений при начальнике военных сообщений 12-й армии капитан М. А. Михайлов.

Потенциальными перебежчиками являлись члены различных подпольных организаций. Характерно описание истории побега из РККА курсовика Н. А. Киселева, изложенное его однокашником по академии Б. И. Кузнецовым: «Никаких вопросов мне Киселев не задавал. После Чехословацкого мятежа однажды вечером Киселев пришел ко мне на дом и заявил, что он скоро собирается ехать в отпуск, т.к. переутомился и таковой уже получил. Я спросил: “Куда же он едет?” — ответил, что в Тверскую губернию к знакомым.

Затем он сразу обратился ко мне со следующими словами: “Вы офицер, и я посмотрелся на вашу работу и решил совершенно открыто вас спросить: неужели вы думаете так продолжать служить?”

Я ответил, что удивлен его вопросом и не совсем его понимаю. Тогда Киселев прямо сказал, что он предлагает мне служить вместе с ним белым. Не желая себя связывать, о чем тут же и сказал Киселеву, я просил его назвать мне хоть одну фамилию, по которой я мог бы судить, насколько серьезно предложение Киселева. Он назвал фамилию “своего ближайшего руководителя Кривошеина”. Киселев к этому добавил, что “большевики продались немцам. Я могу вам показать при условии вашего согласия с нами работать фотографию документа, добытого французами, где ясно видна продажность большевиков”.

На это я буквально ответил следующее: “Кривошеин — царедворец (я считал бывшего министра и не предполагал, что у него есть брат и сын), и меня такое руководство не прельщает. Я не большевик, вряд ли таковым стану, с пути же, на который встал, не сойду. О дальнейшем я вас спрашивать не желаю, ибо не верю Кривошеиным и К^о — все, что вами было здесь сказано, останется между нами”.

Киселев ушел, и дня через два я узнал, что он уехал в отпуск, из которого не вернулся. Куда он бежал, я не знаю... За несколько же дней до моего ареста я получил подлинную разведывательную сводку штаба Колчака, где стояла подпись “причисленный к Генер[ально]му ш[та]бу Киселев”, думаю, что это бежавший².

В Киеве на сторону белых из рядов РККА перешли видные деятели антибольшевистского подполья: подполковники Н. Ф. Соколовский и А. И. Парв, занимавшие у красных должности помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР и начальника оперативного отдела штаба группы войск Сумского направления соответственно. Если верить их собственным свидетельствам, Соколовский внес значительный вклад в сдачу белым Киева, а Парв содействовал занятию белыми Полтавы и Сум³.

Интересный путь проделал выпускник курсов 2-й очереди войсковой старшина И. П. Тюрморезов. По имевшимся летом 1919 г. у донских офицеров данным,

¹ Там же. Л. 38об.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 33об.—34.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 49—55об. Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3—20.

он «в [19]18-м году был в войсках Мамонтова на должности начштаба отряда Дубовского, а после какой-то дивизии, затем вследствие каких-то недоразумений с генералом Денисовым он выехал на родину в Черниговскую губерн[ию], а дальше гетманщина и большевизм на Украине его захлестнули, и только теперь ему после боев под Полтавой в качестве чернорабочего удалось перебежать [на] нашу сторону»¹.

Среди перебежчиков стали появляться своеобразные рекордсмены, практически профессиональные перебежчики. Еще генерал А.Г. Шкуро отмечал (правда, о рядовых бойцах), что «были ловкачи, умудрявшиеся по 3–4 раза послужить в каждой из враждебных армий»². Некоторые офицеры за время Гражданской войны 1917–1922 гг. тоже успели совершить сразу по несколько переходов, побывав в рядах противоборствующих сторон по два и более раз. Среди военспецов РККА лидирует генерал К.И. Сербинович. В 1919 г. он бежал из РККА на Украину, позднее попал к белым, был направлен командованием на Дальний Восток, арестован красными в Благовещенске в 1920 г. и после полугодичного пребывания в тюрьме бежал, сумев вновь пробраться к белым. Таким образом, он дважды бежал от красных. Возможно, еще одним лидером по числу побегов был курсовик Х.В. Гуртовенко, зарегистрированный в 1918 г. в РККА, а затем в украинской армии, в 1919 г. – вновь в РККА и как пропавший без вести. Нетривиальный путь проделал бывший капитан Н.И. Дроздовский. Весной 1918 г. он окончил ускоренные курсы 2-й очереди академии и некоторое время числился в РККА, но в мае ушел по собственному желанию в отставку, на осень 1918 г. служил в украинской армии, а в конце года был арестован красными³. Затем на протяжении большей части 1919 г. находился на лечении в госпитале в Петрограде, откуда осенью был неизвестно куда⁴ и считался без вести пропавшим. Как впоследствии выяснилось, он бежал на белый Юг, где служил во ВСЮР и в Русской армии, а на 1922 г. вновь числился в украинской армии в эмиграции.

Абсолютное лидерство по общему числу побегов, скорее всего, принадлежит генералу И.М. Зайцеву, который только в 1918–1919 гг. совершил три побега, причем один – через линию фронта к белым, а затем, вернувшись после Гражданской войны из эмиграции в СССР, – еще два дерзких побега, в том числе из Соловецкого лагеря и из самого СССР в Китай⁵. Впрочем, в период Гражданской войны Зайцев не служил в РККА, а просто находился на подконтрольной красным территории. Другой не служивший в РККА видный генштабист, полковник А.П. Перхуров, пробрался к белым через линию фронта после разгрома возглавленного им Ярославского восстания.

Маршруты отдельных перебежчиков могли быть весьма экзотичны. Так, слушатель младшего класса 3-й очереди штабс-капитан С.А. Безобразов в 1918 г. оказался в Советском Туркестане. Покинул его он, уехав в Памирский пограничный

¹ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 277об.

² Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 234.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 96.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38об.

⁵ Подробнее о Зайцеве см.: Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. № 8. С. 193–207; Его же. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.

отряд, а затем в конце 1918 – начале 1919 г. в составе отряда из 34 человек через Гиндукуш попал в Индию, откуда проехал во Владивосток и далее в белую Сибирь. Как свидетельствовал сам перебежчик, «Северную Индию я прошел через перевал Барогил[ь] по Читральской полузависимой провинции, по долине реки Обидар через крепость Кала и Дрош, на перевал Лаварай, по независимой разбойничьей стране Дир, откуда спустился в долину реки Чах-Дара, где начинается собственно Индия»¹. Маршрут отряда пролегал через так называемый Ваханский коридор – высокогорный район Афганистана, разделявший Россию и Индию. Афганистан отряд Безобразова прошел через перевал Барогиль. Этот перевал, хотя и самый низкий в горах Гиндукуша, расположен на высоте 3798 метров над уровнем моря. Дальнейший путь пролегал по нынешней территории Пакистана (тогда это была Индия), по землям, населенным дикими воинственными племенами. Перевал Лаварай, по которому отряд шел далее, имеет высоту 3118 метров над уровнем моря. В зимнее время он опасен своими лавинами. Только пешая часть маршрута составила более 700 километров по горной местности.

Штабс-капитан П. И. Олейников начал Гражданскую войну в рядах РККА, служил в войсках завесы, затем перебрался на гетманскую Украину, где пытался устроиться на военную службу, служил в украинских войсках, попал в плен к полякам, будучи военнопленным, завербовался на службу в Западную добровольческую армию, после разгрома которой в конце 1919 г. оказался интернирован в Германии, затем получил приглашение приехать в Польшу для участия в формировании русских частей и осенью 1920 г. занял пост генерал-квартирмейстера штаба Русской народной добровольческой армии генерала С. Н. Булак-Балаховича². За период 1918–1920 гг. Олейников прошел путь от штабс-капитана до подполковника.

Случаи плена и интернирования связаны и с Советско-польской войной. Так, еще в мае 1919 г. в плен к полякам попал (или сдался) бывший полковник П. М. Смоляк, являвшийся уроженцем вошедшей в состав Польского государства Калишской губернии. Из ПШ РВСР соответствующая телеграмма была направлена в НКВД: «14 сего мая на ст[анции] Ново-Свенцяны был взят в плен поляками состоявший для поручений при командарм белит³ Генштаба Петр Михайлович Смоляк (бывший полковник Генерального штаба). По показаниям бежавшей со стороны противника жены командира 18[-го] латвийского полка, Генштаба Смоляк якобы направлен в Лиду для предания полемому суду по обвинению в шпионаже. Прошу опротестовать таковые действия польского командования... Наштареввоенсов⁴

¹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 203. Л. 9об. С некоторыми неточностями документ опубликован в: Доклад слушателя Николаевской военной академии капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела штаба Верховного главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане / публ. Л. А. Молчанова // Посев (Москва). 2013. № 2. С. 20–28. Ранее Безобразов был нами ошибочно идентифицирован как Н. А. Безобразов, обучавшийся на курсах академии в Томске (Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 243). Подробнее см.: Ганин А. В. Вертикаль штабс-капитана Безобразова // Родина. 2020. № 8. С. 127–130; Его же. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 212–218. По новым архивным данным, Безобразов не был расстрелян, а умер в лагере 17 июня 1949 г. (ЦА ФСБ. Д. Р-39708. Л. 158).

² Кручинин А. С. «Своя валюта» для генерала Балаховича // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2012. Т. 19. С. 140–141.

³ Белорусско-Литовской [армии].

⁴ Начальник ПШ РВСР.

Ф. Костяев. Член РВСР Аралов»^I. Кроме того, в 1920 г. в Восточной Пруссии в связи с боевыми действиями был интернирован бывший генерал З.И. Зайченко.

Известны случаи захвата генштабистов в плен «зелеными». Так случилось с бывшим подполковником Н.Н. Тарбеевским, который был захвачен 22 июня 1919 г. на станции Родничок Юго-Восточной железной дороги и, по слухам, содержался под арестом в деревне Макашевская^{II}. Дальнейшая судьба его неизвестна. Генерал В.В. Сахаров, живший в Крыму, был в августе 1920 г. расстрелян «зелеными» возле города Карасу-Базар.

Некоторые генштабисты бежали из Советской России, не прижившись в новых условиях. Так, например, бывший генерал-майор Н.Д. Ливенцев был отстранен от должности военного руководителя Ярославского военного округа в конце июня 1918 г. без объяснения причин, а на самом деле за дряхлость и нераспорядительность (хотя ему было тогда 48 лет). После Ярославского восстания Ливенцев бежал в Киев^{III}, где, по-видимому, дождался прихода белых в 1919 г. У белых осенью 1919 г. он пытался получить от генерала Н.Э. Бредова «какое-либо письменное обо мне заявление, кот[орое] облегчило бы мне прохождение “чистилища”, т.е. проверки службы в РККА^{IV}».

Смены различных армий были обычным явлением. Так, известный военный теоретик генерал Н.Н. Головин первоначально числился в РККА, затем оказался в украинской армии, потом попал в Добровольческую, а позднее в колчаковскую. При этом действительную сложность мог представлять собой только его уход от красных, остальные переходы, по сути, происходили внутри одного антибольшевистского лагеря. Похожий путь, но в иной последовательности (украинцы – добровольцы – РККА), проделал полковник С.Д. Григорьев (разумеется, в этом случае он не учитывается среди перебежчиков из РККА). А.Я. Крузе первоначально в 1918 г. служил в РККА, затем попал к белым, дослужился у них до генерала, после попал в плен к красным и в конце Гражданской войны вновь, как ни в чем не бывало, продолжил службу в РККА, впоследствии даже стал генералом Советской армии и в годы Великой Отечественной войны командовал корпусом. В чем-то похожие перипетии выпали на долю колчаковских генералов В.И. Оберютина, Г.В. Леонова, полковника М.И. Москаленко и ряда других генштабистов.

В трех армиях (украинской, РККА и ВСЮР) числился бывший начальник украинского Генштаба полковник А.В. Сливинский. Тем не менее он постарался избежать службы в РККА. С конца 1918 г. жил в Одессе. После установления в городе советской власти перешел на нелегальное положение и проживал по чужому паспорту^V. Позднее ему пришлось легализоваться. Супруга офицера вспоминала: «Через печать вызывались отдельные лица в особую военную комиссию, якобы для регистрации и назначений на места. Одним из первых был вызван генерал [А.Ф.] Рогоза, бывший военный министр при гетмане, но вместо назначения он был посажен в тюрьму, а затем расстрелян. Все офицеры

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 172–172об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 102.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 259. Л. 4об.

^{IV} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 379.

^V Сливинская М. А. Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 97.

Генерального штаба были вызваны отдельно в три срока. Ни в один из них А.В. [Сливинский] не пошел, тогда его вызвали персонально, напечатав в официальной газете, что в трехдневный срок он должен явиться, т.к. такие способные офицеры в настоящее время крайне нужны и его ожидает большое назначение, за неявку же грозят ему заслуженные последствия. Прочитали, подумали и пошли регистрироваться. Почти всюду ходили вместе и были очень хорошо приняты. Сразу же предоставили нам возможность получить из банка собственные деньги... Выдали нам также крупный аванс и литературу для поездки в Киев, куда назначили Ал[ександра] Вл[адимирови]ча в распоряжение штаба, где он якобы должен был получить видное место^I. Летом 1919 г. Сливинский был зарегистрирован красными в Одессе как генштабист и вызывался в резерв штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР^{II}. Уже на вокзале Сливинские вошли в вагон, но перед самым отходом поезда соскочили и бежали. Скрывались до занятия Одессы белыми^{III}.

Переходы стали настолько распространенным явлением, что некоторые видные большевики принимали их в расчет как возможный вариант поведения военспецов. Показателен разговор по прямому проводу члена РВС Южного фронта Г.Я. Сокольников с членом РВС 9-й армии Б.Д. Михайловым о ситуации в 9-й армии, состоявшийся 2 августа 1919 г. и посвященный исчезновению бывшего генерала Н.Н. Карепова:

«[Сокольников:] Наштарма лучшего, чем [Г.Д.] Суходольский, дать сейчас не можем, но штарм обязательно усилим, скажите, почему Карепов до сих пор не явился, где он.

[Михайлов:] По последним сведениям Карепов еще в Камышине заболел дизентерией, дали ему предписание эвакуироваться в Пензу, никаких сведений сейчас о нем не имею, наведем справку через штарм 10[-й]. Суходольский хороший оперативный работник, но вести организационную работу, лежащую на наштарме, он не может, о чем и сам заявляет.

[Сокольников:] Вы не дали времени [В.И.] Преображенскому войти в работу, а теперь вылезайте, как знаете, повторяю, к сожалению, лучшего наштарма сейчас дать не можем, при первой возможности направим. Карепова настаивал неоднократно, хотя бы под конвоем, доставить [в] Козлов, теперь много шансов[что] Карепов у Деникина, таким образом, 9[-я] армия становится поставщиком командного состава Деникину. Реввоенсовет должен уметь контролировать и заставлять подчиняться себе военных специалистов, это требует такта, но и сильной руки, надеюсь, что Карепов — последняя жертва Реввоенсовета 9[-й армии]. До свидания^{IV}. И действительно Карепов перешел к белым и уже в 1919 г. служил во ВСЮР. Симпатий по отношению к советской власти не добавлял факт ареста бывшего генерала осенью 1918 г., когда он, страдая катаром дыхательных путей и воспалением легких, содержался на барже в Камышине^V. Следует отметить, что

^I Там же. С. 98–99.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 297; Д. 921. Л. 64об.

^{III} Подробнее о Сливинском см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 601–617.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 190. Л. 85.

^V РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 341. Л. 204об., 210.

Карепов служил начальником штаба при командарме Н. Д. Всеволодове, ранее перешедшем к белым.

К концу широкомасштабной Гражданской войны военспецы скорее попадали в плен, чем добровольно переходили к белым. В записке эмигрантской монархической организации «Союз братской помощи» в 1925 г. отмечалось: «Характерным случаем является взятие в плен полк[овника] Ген. штаба, начштаба дивизии у [Д. П.] Жлобы. Этот полковник вдвоем с шофером бежал от преследования добровольческой кавалерии, не проявив никакого желания сдаться, несмотря на полную возможность сделать это по обстановке момента. Придя к ген. [А. П.] Кутепову, части потребовали расстрела. К этому мнению присоединился и сам генерал Кутепов, видя беспримерно наглую манеру держаться с добровольческим командованием. Из Главного штаба было передано требование пленного препроводить в Севастополь. Ген. Кутепов потребовал по просьбе частей от ген. Врангеля честное слово в том, что по опросе пленный будет возвращен для расстрела. Во время пути в Севастополь пленный был приведен в поезд ген. Врангеля, который лично с ним говорил в присутствии офицеров. Полковник дерзко отвечал Врангелю, что совершенно не сочувствует идеям белых и служит у большевиков сознательно, насмешливо заметив, что семьи офицеров Добр[овольческой] армии почти умирают с голоду, тогда как его семья вполне обеспечена. Ген. Врангель не нашелся что ему ответить и ушел к себе. Однако не только этот полковник не был выдан штабу 1-го арм[ейского] корпуса, но через недели¹ получил должность в Главном штабе»².

Далеко не все были вынуждены переходить линию фронта с опасностью для жизни. Порой достаточно было не эвакуироваться из какого-либо крупного населенного пункта (в сельской местности или небольшом городе это было гораздо заметнее), чтобы фронт сам перешел через того или иного военспеца, нужно было просто выждать время. По всей видимости, именно так попали к белым видный военспец В. Е. Борисов, оставшийся в Киеве, генштабист К.-Р.-Г. К. Карлсон, оставшийся в Риге при отходе от города армии Советской Латвии³, член ВВС бывший генерал Л. М. Болховитинов, попавший в плен в Екатеринодаре, где у него находилась семья, и многие другие. В связи с отсутствием сплошной линии фронта и низкой плотностью войск сторон не особенно трудно было сдаться и на фронте. Например, известный перебежчик А. Л. Носович под видом рекогносцировки уехал на служебном автомобиле 24 октября 1918 г. к донским казакам вместе со своим адъютантом и шофером. В принципе, достаточно было отклониться от полосы железной или шоссейной дороги, чтобы попасть в лагерь противника и без транспортного средства.

Сложнее приходилось военспецам, находившимся в центральных штабах и управлениях. Им нужно было не только перейти линию фронта, но сначала добиться командирования в прифронтовую полосу. Некоторые бежали из РККА под предлогом болезни (например, курсовик Б. Н. Тюренков)⁴ или лечения. Бывший

¹ Так в публикации.

² Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 2013. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг. С. 67. По-видимому, речь шла о Д. И. Танском.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 20, 25.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 99.

генерал-майор К. К. Черный, являвшийся в конце 1917 — начале 1918 г. главнокомандующим Вооруженными силами Кубанского края, затем служил в РККА начальником мобилизационного отдела Мобилизационного управления ВГШ, но летом 1919 г. уволился от службы по болезни, а затем специальным приказом уточнялось, что он не уволен вовсе со службы, а отчислен от должности как душевнобольной^I. Затем генерал покинул Советскую Россию и обосновался в Италии, где прожил до 1934 г.

Некоторые бежали не к белым, а за границу. Так поступил, например, военспец бывший подполковник В. Ф. Эксе, который перебрался в Финляндию, где жил нелегально, а затем в связи с успехами РККА вернулся в Советскую Россию. На границе летом 1920 г. он добровольно явился караулу стрелкового полка и был арестован, а с апреля 1921 г. получил назначение в РККА. В заявлении в МПКК он отметил: «Противодействие Генштаба, кот[орый] не принял проекты, и разгоревшаяся полемика с ним в “Изв[естиях] Наркомвоен” (“нов[ая] воен[ная] доктрина”) заставили ошибиться. Я не уверовал в революцию при наличии торжества Генштаба и, используя литовское происхождение, уехал за границу. Нигде у белых не служил и жил в Финляндии нелегально. Ныне победы Красной армии показали ошибку, и я вернулся»^{II}.

Иногда побег оформлялся как отпуск (случай бывшего генерала В. Е. Борисова), поездка к родным или назначение. Например, генштабист К. А. Людсканов-Цанков 16 февраля 1919 г. был командирован из Московского военного округа в Астрахань, но к месту назначения не прибыл^{III}, а поступил на службу к Деникину. Розыск военспеца велся, по-видимому, до августа 1919 г. А. И. Мартынов не вернулся из командировки по закупке лошадей на Украине в октябре 1919 г.^{IV}, в том же месяце он уже числился у белых. Начальник оперативного отделения группы войск Сумского направления А. И. Парв не возвратился из командировки в Киев, в дальнейшем служил у белых и в эстонской армии^V.

В служебных документах Ф. Е. Махина в 1918 г. значилось, что он «желает получить должность в Приволжском или Приуральском воен[ных] окр[угах]»^{VI}. Душается, подобное прошение — не случайность. Еще весной 1918 г. социалисты-революционеры, придя к выводу о бесперспективности борьбы с большевиками в Петрограде и Москве, приняли решение о переводе своих организаций, в том числе и военной, в Поволжье и на Урал^{VII}. Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК партии, по заданию которой он поступил в РККА^{VIII}. Просьба Махина была удовлетворена. Далее на фронте он перешел к противнику.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 135, 180.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 277. Л. 90об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 107; Д. 1003. Л. 97.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

^V Там же.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.

^{VII} Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; Каревский А. А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима — осень 1918 г.: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2001. С. 11.

^{VIII} РГВА. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 178. Л. 58об.; см. также: Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 151–152.

Удобно было бежать при отступлении. Как уже говорилось, при отходе советских войск от Киева на сторону белых, оставшись в городе, перешли около трех десятков генштабистов. Генштабист Г.Д. Суходольский остался в Курске при занятии его белыми, В.К. Затеplinский – в Воронеже^I, позднее оба служили у Деникина. Известен случай бывшего генерал-майора П.И. Дмитриевского, который в октябре 1918 г. был взят заложником в Воронеже, освобожден и до июля 1919 г. скрывался от мобилизации в РККА, затем вместе со старшим сыном перешел линии фронта и поступил на службу во ВСЮР^{II}.

Потери пленными и в основном перебежчиками командно-начальствующего состава и штабных работников 8-й армии в сентябре – октябре 1919 г. составляют целый список. Еще 17 сентября попал в плен слушатель Академии Генштаба РККА Н.В. Миронцев, занимавший должность помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части^{III}. На следующий день в связи с загадочной смертью временно командовавшего армией В.И. Селивачева исчез начальник штаба 8-й армии А.С. Нечволодов. 2 октября при переводе штаба 8-й армии из города Усмань Тамбовской губернии на станцию Колодезная Воронежской губернии сбежали к белым начальник разведывательного отделения В.А. Желтышев и сменивший Нечволодова вр.и.д. начальника штаба армии В.Ф. Тарасов, в прошлом – начальник штаба советского Южного фронта^{IV}, – очевидно, люди, хорошо осведомленные об оперативной обстановке. Позднее при отступлении 8-й армии исчез начальник тылового штаба армии (с 5 октября 1919 г.) В.В. Вдовьев-Кабардинцев, также перешедший во ВСЮР^V. Не возвратился из отпуска и с 4 октября числился в бегах, а позднее объявился на белом Юге начальник оперативного отдела Б.П. Лапшин^{VI}, остался по болезни в Козлове и не вернулся к месту службы слушатель академии А.Н. Коновалов^{VII}. Таким образом, за два месяца армия лишилась не менее восьми выпускников и слушателей академии.

К числу переходов из РККА относятся и спорные случаи, происходившие, прежде всего, в выделяемый нами так называемый инерционный период. В 1918 г. некоторые военспецы лишь формально числились в РККА, успели зарегистрироваться и иногда получить назначение (например, В.О. Каппель), после чего переходили к белым. Для многих переход в белый лагерь происходил только на бумаге. Наиболее характерен пример будущего лидера Белого движения на Севере России генерала Е.К. Миллера, который в 1918 г. находился за границей в качестве военного агента при итальянской главной квартире и, скорее всего, даже не знал о том, что числится в Красной армии. Только приказом Наркомата по военным делам от 2 сентября 1918 г. было уволено от службы 13 военных агентов, еще трое были отозваны в Россию^{VIII}.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 89. Л. 13–14.

^{III} РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 9.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 61.

^V HIA. Vrangeli collection. Box 39. Folder 7.

^{VI} РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 50б.

^{VII} Там же. Л. 7. Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 59.

Как уже отмечалось, в Советской России в 1918 г. сохранялись многие штабы, учреждения, организации старой армии. Было бы упрощением, к примеру, относить к РККА такой орган, как резерв чинов при начальнике Генерального штаба. Он был создан для «образования запаса лиц Генерального штаба из числа оставивших должность в действующей армии, для различных поручений, вызываемых обстоятельствами военного времени»¹. Офицеры, состоявшие в таком резерве, значились в документах как находившиеся в распоряжении начальника Генерального штаба. До большевиков их учетом ведала канцелярия отдела по устройству и службе войск ГУГШ. Однако по инерции решение связанных с резервом Генштаба вопросов даже в конце весны – летом 1918 г. продолжалось через прежнюю канцелярию, хотя новой властью 8 мая 1918 г. был создан альтернативный орган управления – ВГШ.

Если проанализировать список «лиц Генштаба», состоявших на лето и даже осень 1918 г. «в распоряжении начальника Генерального штаба», то в нем можно обнаружить упоминание таких знаковых фигур Гражданской войны, как Н.Н. Головин, М.И. Занкевич, Е.К. Миллер, С.Н. Розанов, Г.Д. Романовский. Все они вскоре выдвинулись на первый план в антибольшевистском лагере. Были в этой категории и офицеры, некоторое время в 1918 г. действительно служившие большевикам. Тем не менее фактически этот резерв (до 50 военспецов) являлся рудиментом прежней армии, в котором по инерции продолжали состоять ранее числившиеся там офицеры (некоторые находились при этом даже за пределами России), кстати, в основном противники большевиков.

Уже упоминавшийся штаб 1-й армии Северного фронта практически в полном составе в мае 1918 г. прибыл в Самару для переформирования в штаб Приволжского военного округа, «лица Генштаба» формально служили несколько месяцев красным, но отказались участвовать в борьбе с внутренним врагом и при первой возможности перешли на сторону Народной армии самарского Комуча². Считать таких офицеров красными можно лишь формально – они, безусловно, какое-то время состояли в РККА, а следовательно, перейдя к противнику, стали перебежчиками.

На основе изучения различных списков Генерального штаба и иной документации РГВА и других архивов, а также персонального учета данных о генштабистах – участниках Гражданской войны нами установлено, что в 1918–1921 гг. имели место не менее 580 случаев перехода на сторону противника, пленения или пропажи без вести военспецов-генштабистов РККА (некоторые числились в РККА формально).

Эти данные постоянно дополняются (к примеру, ряд перебежчиков удалось установить после обнаружения в архиве Гуверовского института последнего списка Генерального штаба Русской армии П.Н. Врангеля³), и указанное число может несколько возрасти. Из этой цифры исключены спорные случаи, а также сведения о лицах, не служивших в РККА, но переходивших к белым с советской территории (например, И.М. Зайцев). Также исключены лица, легально выезжавшие

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1117. Л. 68.

² Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 81–82.

³ Публикацию списка см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 716–747.

из Советской России (например, Д.К. Лебедев). Исключены лица, получившие академическое образование уже после их перехода к белым (например, офицеры, окончившие ускоренный младший курс 4-й очереди колчаковской академии в Томске, ранее служившие в РККА). Не учитывались и многочисленные белые эмигранты, неоднократно переходившие линию фронта во время разведывательных командировок (например, Б.И. Казанович, Д.А. Лебедев, В.Е. Флуг). Наибольший интерес представляют случаи сознательного перехода военспецов к противнику, хотя отсутствие данных не позволяет точно судить о каждом конкретном эпизоде.

В конце войны в обстановке разложения, развала и разгрома антибольшевистских армий, эпидемии тифа белые генштабисты в массовом порядке, в составе своих штабов, учреждений или частей, стали сдаваться в плен красным. В дальнейшем многие из них продолжили службу в РККА. Однако эти сдачи в плен, происходившие иногда в безвыходной ситуации, значительно отличались от добровольных, осознанных и заранее запланированных, часто сопряженных с большой опасностью для жизни, как правило, индивидуальных переходов через линию фронта от красных к белым. После Гражданской войны некоторые белые генштабисты в частном порядке стали возвращаться в Советскую Россию, но это тоже совершенно иное явление.

Непосредственно из рядов Красной армии в годы Гражданской войны бежали или попали в плен около 36 % от общего числа военспецов-генштабистов. Иными словами, каждый третий генштабист в РККА оказался в итоге перебежчиком и предателем. Большинство перебежчиков прослужили в РККА лишь какой-то период в 1918 г., а затем дезертировали. К сожалению, нам известны детали лишь немногих переходов и побегов.

По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, из 70 генштабистов, значившихся в «Дополнительном списке Генерального штаба», по сведениям Наркомвоена УССР, к 1 сентября 1919 г. в РККА продолжали служить лишь 14 человек¹, остальные пропали без вести или бежали к белым.

По образовательному цензу в 317 случаях перебежчики и пленные являлись выпускниками и слушателями ускоренных курсов и в 263 случаях прошли обучение в академии до Первой мировой войны. Перевес курсовиков связан с их массовым переходом на сторону белых в 1918 г. в составе академии (не менее 170 слушателей старшего класса 3-й очереди и преподавательский состав).

По местам перехода (пленения) и годам перебежчики распределились следующим образом (табл. 53).

¹ К. В. Алексеев, А. И. Батрук, Н. Н. Десинов, Д. П. Кадомский, М. Н. Кузнецов, М. В. Лебедев, К. А. Мартынов, А. А. Матвиенко, Н. М. Острянский, И. Н. Поярков, А. А. Рябинин, В. И. Стойкин, В. Н. Сушков, М. В. Фастыковский. В работе Кавтарадзе в этом отношении имеется внутреннее противоречие: в двух случаях приведены разные цифры — 5 и 14 оставшихся (Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 49, 196). К сожалению, автор не привел ссылки на источник этих сведений.

**Переходы «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника и плен
в 1918–1921 гг.¹**

Место перехода или пленения ¹	1918		1919		1920		1921		Всего
	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	
Южный фронт	35	32	101	43	1				212
Восточный фронт	61	181	4	11					257
Северо-Запад + Кронштадтское восстание	3	1	7				1		12
Север	3	2	1						6
Украина	28	27	1	1	1				58
Польша		2	1				2		5
Интернированы в Германии					1	3			4
Прибалтика	2		1	1	1	1			6
Закавказье	1	8		1					10
Туркестан	1								1
Пропали без вести, бежали в неизвестном направлении, захвачены бандами	3	2	2	1	1				9
Всего	137	255	118	58	5	4	3		580

По-настоящему массовым был лишь отток военспецов из РККА на Восточный и Южный антибольшевистские фронты, а также на Украину в 1918–1919 гг., на которые приходится 525 случаев, или 90,5 %. В подобном распределении нет ничего удивительного – чем сильнее были фронты, тем больше генштабистов туда бежало. Как известно, Южный и Восточный антибольшевистские фронты были наиболее мощными.

Наибольшее число перебежчиков в 1918 г. мы встречаем на Восточном фронте, что связано с переходом к белым академии Генерального штаба, в составе которой к ним попали все преподаватели и практически все слушатели старшего класса ускоренных курсов 3-й очереди. Усилению «южного» потока способствовало то, что в 1918 г. существовала возможность (в том числе легальная) уехать с территории Советской России на относительно спокойную Украину и там отсидеться. Не менее 55 специалистов тогда так и поступили. Однако по данным на август 1918 г., возможно, в целях предотвращения переходов, военное ведомство уже не позволяло уезжать в отпуск за границу тем, кто находился на службе. Так, например, получил отказ в выезде на Украину З.И. Зайченко, который хотел повидаться с семьей, оставшейся в Киеве^{II}.

^I Включены повторные переходы одних и тех же офицеров. Д – довоенные выпуски, К – курсовики.

^I Могли затем служить и на другом фронте. Например, М. А. Михайлов перешел из РККА на Южном антибольшевистском фронте, а служил на Восточном.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 295–295об., 298.

Как и следовало ожидать, в 1919 г. белый Юг уверенно лидирует по числу переходов. Обращает на себя внимание то, что туда бежали в основном генштабисты довоенных выпусков. В 1919 г. возрастает число переходов и на Северо-Западном фронте. Кроме того, ряд военспецов дезертировали из РККА, но не были зарегистрированы ни в одной из антибольшевистских армий. Такие лица числятся пропавшими без вести.

В 1920 г. переходы резко сходят на нет. С одной стороны, все, кто хотел бежать, уже смогли это сделать. С другой, стали очевидны поражение белых и победа красных – бежать к проигравшим не имело смысла и перспектив. Советско-польская война как внешний конфликт также позволила отдельным генштабистам покинуть Советскую Россию и обосноваться за рубежом. К примеру, курсовик георгиевский кавалер бывший подполковник С. Ф. Мацюк, занимавший пост начальника штаба 10-й кавалерийской дивизии 3-го конного корпуса, оказался интернирован в Германии¹ и, судя по всему, не пожелал возвращаться на родину и эмигрировал. Любопытно, что летом 1918 г. он был откомандирован от Военной академии на фронт, из-за чего лишился возможности вместе с академией перейти в антибольшевистский лагерь и остался служить в РККА.

Распределение переходов (пленений) «лиц Генерального штаба» РККА по годам было следующим: 1918 г. – 391 случай, 1919 г. – 176, 1920 г. – 9, 1921 г. – 3. Вполне логично, что абсолютное большинство переходов относится к 1918–1919 гг. В 1918 г. противоборствующие стороны Гражданской войны еще находились на стадии своего оформления, антибольшевистские силы одержали свои первые победы, а 1919 г. оказался временем наиболее впечатляющих их успехов, кроме того, в 1918–1919 гг. еще не было очевидно, какая из сторон одержит верх. Закономерно, что в 1920–1922 гг. побеги генштабистов сошли на нет, а если в единичных случаях и происходили, то, прежде всего, за границу.

По числам на момент оставления РККА (последний чин в старой армии) перебежчики распределялись следующим образом. В 116 случаях РККА покинули бывшие генералы, в 154 случаях – бывшие штаб-офицеры и в 309 случаях – бывшие обер-офицеры. Таким образом, на генералитет приходится 20 % переходов, на штаб-офицеров – 26,6 % и на обер-офицеров – 53,3 %. Перевес молодежи можно объяснить не только ее многочисленностью, но и той значительной опасностью, с которой были сопряжены переходы. На подобный риск легче шли именно молодые.

Массовое дезертирство генштабистов было острой проблемой для РККА. Эффективные способы предотвращения переходов отсутствовали. В РККА существовали определенные трудности с учетом кадров Генштаба, в результате которых о некоторых генштабистах вспоминали по прошествии длительного времени с момента их перехода к противнику. Так, запрос о местонахождении курсовика Х.В. Гуртовенко относится к маю 1919 г.², тогда как ряды РККА офицер покинул годом ранее, а летом – осенью 1918 г. значился на службе в украинской армии. Поиски велись по инициативе ПШ РВСР, обращавшегося в ВГШ. В данном вопросе полномочия не были достаточно четко разделены, что вело к несогласованности, дублированию работы и ведомственным противоречиям. Показательно, что

¹ Выражаю благодарность А. Г. Горчакову за предоставленные сведения.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 58об.

в переписке не содержалось каких-либо обвинений в адрес перебежчика, просто устанавливалось его местонахождение. Не исключено, что проволочки в деле поиска исчезнувших генштабистов связаны с тем, что поиски первоначально вели не чекисты, а такие же военспецы, как и те, что бежали. Генштабовский корпоративный дух оказался сильнее должностных обязанностей. Лишь при невозможности найти человека информация передавалась ВЧК.

В январе 1920 г. был составлен список пропавших «лиц Генштаба», в который вошли 18 человек (в том числе В.Е. Борисов, Н.Д. Всеволодов и др.), в основном исчезнувших в кампанию 1919 г. Между прочим, в документе было отмечено: «Ввиду того, что полной документальной уверенности в окончательном исчезновении лиц Генштаба, поименованных в прилагаемом при сем списке, нет, — исключение последних из списков Генерального штаба, согласно резолюции начальника Всероссийского главного штаба, статьями приказа Реввоенсовета республики проведено не будет»^I. В другом списке без вести пропавших, также относящемся к 1920 г., значатся 47 человек, из которых 45 пропали без вести или перешли к противнику, в том числе некоторые известные перебежчики^{II}. Таким образом, красные продолжали рассчитывать на военспецов, многие из которых уже около года служили у белых. В борьбе большевиков с переходами возможны были лишь последующие карательные действия, но они не могли возратить ранее перебежавших.

Бывший начальник штаба оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам курсовик Г.И. Теодори писал Ф.Э. Дзержинскому 30 декабря 1919 г., что якобы лично в начале сентября 1918 г. провел регистрацию специалистов Генерального штаба, убедив в ее необходимости заместителя Л.Д. Троцкого Э.М. Склянского, что остановило колоссальную утечку кадров в антибольшевистский лагерь. Противником такой меры, по версии Теодори, был начальник ВГШ А.А. Свечин^{III}.

Интересно, что отток бывших генералов как бездарных носителей устаревших взглядов Теодори считал незначительной потерей для Красной армии. Более ценными специалистами в его понимании были выпускники 1913–1917 гг., которых тогда удалось задержать в Советской России.

Теодори тогда даже продемонстрировал заместителю народного комиссара по военным делам Э.М. Склянскому диаграмму утечки кадров Генштаба на Украину, Кубань и в Сибирь, которая настолько впечатлила Склянского, что вопрос о регистрации был решен в положительном смысле^{IV}.

Теодори значительно преувеличил собственные заслуги. В действительности регистрация не остановила переходы, прежде всего потому, что эффективной системы учета семейного положения военспецов, несмотря на соответствующие указания большевистского руководства, создано не было, как и не было, вопреки позднейшим мифам, сколько-нибудь масштабных репрессий в отношении членов семей бывших офицеров. Измены, бегства, переходы и даже перелеты, в том числе

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 48.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38–39об.

^{III} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 10–10об.

^{IV} Там же. Л. 23.

коллективные, продолжались и после сентября 1918 г. Только в 1919 г. на сторону противника перешло, по установленным нами данным, не менее 176 выпускников Николаевской академии Генерального штаба, не говоря уже о массовых изменах других категорий офицеров. К тому же в сентябре 1918 г. полноценной регистрации проведено еще не было.

Борьба с изменами началась сразу после первых резонансных случаев, но предотвратить новые не было никакой возможности. V Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 г. вынес резолюцию, касающуюся изменников: «Каждый военный специалист, который честно и добросовестно работает над развитием и упрочением военной мощи Советской республики, имеет право на уважение рабочих и крестьянской армии и на поддержку советской власти. Военный специалист, который попытается свой ответственный пост вероломно использовать для контрреволюционного заговора или предательства в пользу иностранных империалистов, должен караться смертью»¹.

15 июля 1918 г. Троцкий издал агитационный приказ по армии и флоту, адресованный комиссарам и военным специалистам, в котором отметил: «Среди военных специалистов было за последние недели несколько случаев измены. [Ф.Е.] Махин, [М.А.] Муравьев, [Н.И.] Звегинцев, [Г.М.] Веселаго и некоторые другие, добровольно вступившие в ряды Рабоче-крестьянской армии или Красного флота, перебежали к иностранным насильникам и захватчикам. Муравьев поделом наказан, другие еще ждут своей кары. Каждый честный человек с отвращением отнесется к этим явлениям офицерской проституции.

В результате измены нескольких негодяев обострилось недоверие к военным специалистам вообще. Участились столкновения между комиссарами и военными руководителями. В ряде известных мне случаев комиссары обнаружили явно несправедливое отношение к военным специалистам, поставив честных людей на одну доску с предателями. В других случаях комиссары пытаются сосредоточить в своих руках командные и оперативные функции, не ограничиваясь политическим руководством и контролем. Такой образ действий чреват опасностями, ибо смешение полномочий и обязанностей убивает чувство ответственности.

Настойчиво призываю товарищей-комиссаров не поддаваться впечатлениям минуты и не валить в одну кучу правых и виноватых.

V Всероссийский съезд Советов напомнил всем, что военные специалисты, которые честно работают над созданием боевой мощи Советской республики, заслуживают народного уважения и поддержки советской власти. Зоркий революционный контроль вовсе не означает мелочной придирчивости. Наоборот: добросовестные специалисты должны получать возможность полностью развернуть свои силы.

Кто попытается использовать свой командный пост в целях контрреволюционного переворота, тот, согласно решения V съезда Советов, карается смертью. Никакой пощады предателям, товарищеское сотрудничество с честными работниками!

¹ Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. Москва, 4–10 июля 1918 г. М., 1918. С. 213.

От комиссара требуются бдительность, выдержка и такт, ибо пост военного комиссара — один из самых высоких, какие знает Советская республика.

С глубокой уверенностью в конечном успехе нашей трудной работы, братски приветствую военных комиссаров Красной рабочей и крестьянской армии»¹.

29 июля 1918 г. вышло постановление ЦК РКП(б) о мероприятиях по укреплению Восточного фронта, в котором в связи с изменами Махина, Муравьева и Б.П. Богословского упрек в неумении бдительно следить за командным составом адресовался военным комиссарам. В постановлении отмечалось, что «военные комиссары не умеют бдительно следить за командным составом. Такие случаи, как побег Махина, как самостоятельный переезд Муравьева из Казани в Симбирск, как побег Богословского и проч[ие], ложатся всей своей тяжестью на соответственных комиссаров. Над недостаточно надежными лицами командного состава должен быть установлен непрерывный и самый бдительный контроль. За побег или измену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела»².

Важную роль в контроле над «лицами Генштаба», безусловно, играли военные комиссары и органы ЧК. Однако ни те, ни другие не могли предотвратить переходы генштабистов на сторону противника. Кроме того, основная масса фактов измены и саботажа со стороны военспецов приходилась на 1918–1919 гг., когда не было ясно, кто победит в Гражданской войне, а эффективная система контроля еще не сложилась. В то же время делались попытки возложить ответственность за переходы военспецов на опекавших их комиссаров. В телеграмме члена РВС Восточного фронта Ф.Ф. Раскольников Л.Д. Троцкому от 29 июля 1918 г. говорилось о том, что командующий 3-й армией генштабист Б.П. Богословский в Казань не приезжал, находился постоянно в Екатеринбурге, где преподавал в академии Генштаба, и «ответственность за его измену падает на кого-либо из комиссаров, находившихся при нем в Екатеринбурге»³. Иногда комиссары не только не предотвращали переход, но даже бессознательно способствовали ему. Советский главком И.И. Вацетис вспоминал, что один из известных ему случаев перехода генштабистов к противнику произошел только из-за невозможности терпеть оскорбления от комиссаров⁴.

Репрессии не сдерживали переходы и измены, а порой их порождали. Так, Н.Д. Всеволодов в 1918 г. был арестован, причем власть не посчиталась с его тяжелым положением. Мало того, что сам арестованный содержался в одном из лазаретов Петрограда, будучи еще в декабре 1917 г. признанным негодным к строевой и административной службе⁵, летом 1918 г. тяжело болела его жена. Управляющий делами Наркомата по военным делам Н.М. Потапов телеграфировал председателю Петроградской ЧК Г.И. Бокию 11 сентября 1918 г.: «Подтверждая тяжкую болезнь его жены, полное отсутствие средств жизни и постоянно проявлявшуюся им в моем присутствии корректность по отношению

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 292–293; Trotsky military records // HIA. Volkogonov collection. Reel 11; Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 17, ч. 1. С. 329–330.

² ДКФКА. М., 1971. Т. 1. С. 412–413.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 15.

⁴ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 235.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43об.

советской власти, ходатайствую [о] скорейшем рассмотрении его дела»^I. В октябре 1918 г. Всеволодов уже находился на свободе. Он получил разностороннее представление о порядках, царивших в РККА и Советской России. По освобождению он как инвалид и доброволец был направлен главкомом Вацетисом в октябре 1918 г. в Нижний Новгород на должность начальника штаба Приволжского военного округа. Лишь по прибытии выяснилось, что эта должность уже занята. Тогда Всеволодов по собственному желанию отправился на Южный фронт. В октябре – ноябре 1918 г. им был сформирован штаб 9-й советской армии. Работа была не из легких и требовала огромного перенапряжения, поскольку армия первоначально находилась в тяжелейшем состоянии. Ее фронт достигал трехсот верст, штабы дивизий располагались в 100–120 верстах от штаба армии. Именно Всеволодов первым донес Троцкому о неисполнении приказов начальником 16-й стрелковой дивизии В.И. Киквидзе, что имело большое военное значение. Таким образом, военспец заслужил персональное доверие Троцкого, предлагавшего ему должность командующего Камышинской группой войск и начальника 14-й стрелковой дивизии, однако по состоянию здоровья Всеволодову пришлось отказаться.

Всеволодов просил о переводе его на Кавказ и предоставлении полуторамесячного отдыха, но постоянно под разными предлогами (до формирования штаба, до окончания операции и т.д.) получал отказы, наконец, в феврале 1919 г. его прошение было отклонено категорически^{II}. Тогда он решил пройти освидетельствование и в феврале 1919 г. даже сказал другому генштабисту А.С. Ролько в телефонном разговоре: «Опечален, что фронт меня не пускает, но он не имеет права держать больного инвалида»^{III}. Кстати, Ролько за это позднее получил выговор, поскольку телефонная линия занималась частной беседой (в 1919 г. Ролько перешел к Деникину, позднее эмигрировал, но вернулся в Россию, был арестован, а затем вновь поступил в РККА). Последний раз Всеволодов отправил просьбу о переводе на Кавказ даже с понижением 5 апреля 1919 г., и, разумеется, ему вновь было отказано^{IV}. Судя по всему, Всеволодов понял, что большевики просто хотят его использовать в своих интересах до полного истощения. Осознав это, он, будучи командующим 9-й армией, перешел на сторону Деникина. Впрочем, сослуживцы злословили, отмечая благоволение белых к Всеволодову (в документе – В.), «вся заслуга которого состояла в том, что он сорвал операцию не по умыслу, а по своей безграмотности»^V.

Известно еще несколько случаев побегов, возможно спровоцированных арестами. Так, отсидев восемь месяцев в тюрьме без предъявления какого-либо обвинения^{VI}, в армию Юденича в 1919 г. бежал белый подпольщик генштабист Б.П. Поляков. Некоторые случаи и вовсе напоминают кадры приключенческих фильмов. Бывший полковник Г.К. Ерофеев 29 июля 1918 г. был арестован в Рославле

^I РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 25.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 43–44, 59, 74, 81.

^{III} Там же. Л. 225об.

^{IV} Там же. Л. 293, 312.

^V Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 4. Подробнее о Всеволодове см.:

Ганин А. В. Измена командармов. С. 365–670.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

«вследствие ряда недоразумений»^I, оказал при аресте сопротивление^{II}, а затем и вовсе сбежал при этапировании в Москву. 13 августа 1918 г. была разослана следующая телеграмма: «Всем Советам. Всем совдепам. В ночь с 31 июля на 1 августа из скорого поезда 4 Смоленск — Москва бежал в пролете Митино — Издешково военрук Орловской дивизии Ерофеев, арестованный за контрреволюционную деятельность. Ерофеев 40 лет, рост выше среднего, брюнет с усами без бороды. Предписываю задержать бежавшего Ерофеева, отправить в Москву в [распоряжение] Чрезвычайной [комиссии]. Наркомвоен»^{III}. Уже 14 сентября 1918 г. полковник Г.К. Ерофеев поступил на службу в Добровольческую армию и служил на фронте Юге до конца Гражданской войны.

По воспоминаниям капитана К.Л. Капнина, который в начале 1919 г. встречался с Ерофеевым в Одессе в штабе Одесской стрелковой бригады, «первое впечатление было довольно неприятное. Начальником штаба бригады был Генерального штаба полковник Ерофеев, георгиевский кавалер, командовавший у большевиков довольно продолжительное время дивизией и от них бежавший. Человек он был неприветливый и по первому впечатлению неискренний, критиковавший всех и вся. По его словам, бригада многого не стоит, находясь еще в стадии первоначального формирования»^{IV}.

28 января 1931 г. другой перебежчик, генерал Н.Н. Стогов, сообщал генералу А.И. Деникину следующий отзыв о Ерофееве, данный генералом П.А. Кусонским: «Кадровый офицер, участник Японской войны, получивший на этой войне Георг[иевский] крест (орден Св. Георгия 4-й степени. — А.Г.), по происхождению артиллерист. Окончил нашу академию. Великую войну прошел хорошо, и вообще П.А. [Кусонский] считал его высоко порядочным офицером. Во время революции был в Киеве и не шел в украин[скую] армию. Затем вдруг исчез, оказывается, отправился в СССР (т.е. в Советскую Россию. — А.Г.), где в Смоленске командовал дивизией и где за злостную контрреволюцию был арестован и отправлен в Москву, причем по дороге выпрыгнул из поезда и бежал. Был в Добровольческой армии, но какие занимал должности, П.А. не помнит. В Константинополе часто его видел, но он, будучи и всегда повышенно нервным и легко возбуждающимся человеком, стал опускаться и как финал попал под суд чести. В имеющейся в моем распоряжении книге значится: “Полковник Ерофеев, Григорий — Ген. штаба. Удален со службы судом чести за контрабандную торговлю спиртом и непризнание суда чести. Распоряжение генерала Врангеля 1923 года за № 236”»^V.

Ерофеев был не единственным генштабистом, бежавшим прямо из-под стражи. Точно так же при этапировании в Москву из Могилевской ГубЧК в конце 1919 — начале 1920 г. совершил побег бывший Генштаба полковник К.К. Лисицын^{VI}. В 1919 г. был арестован ВЧК генштабист Н.Н. Стогов, однако осенью 1919 г. он бежал

^I Егорьев В. Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 138.

^{II} РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263. Л. 19.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 56.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л. 8.

^V BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 6.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 125.

из концлагеря, некоторое время нелегально пробыл в Москве и затем с риском для жизни перешел через линию фронта к А.И. Деникину¹.

1-й заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский на I съезде Особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., заявлял, что «перед Особыми отделами стоит тройная задача. Во-первых, борьба с персональным предательством, во-вторых, фронтовой контрреволюцией и, в-третьих, с технической контрреволюцией»². Но что касается чекистов, то им практически не удалось предотвратить измены «лиц Генштаба», и проводившиеся репрессии в большинстве случаев затрагивали невинных людей.

Можно упомянуть и о таком явлении, которое изменой не являлось, но представляло собой форму мошенничества, а именно о переходах из армии в армию внутри одного идейно-политического лагеря – например, на белом Юге. Донской генерал И.А. Поляков отмечал, что «в Гражданскую войну в силу ненормальных условий, а также и в силу общего падения морали и дисциплины вопрос о дезертирстве приобретал весьма важное значение. Наличие нескольких противобольшевистских фронтов открывало широкие пути для перехода офицеров из одной белой армии в другую³, даже и в тех случаях, когда ими были совершены антидисциплинарные поступки или еще более тяжкие преступления. Это явление у нас на юге могло принять весьма большие размеры, если иметь в виду, что армии соприкасались и, следовательно, переход из одной в другую не представлял никаких затруднений. Верхи армий враждовали (речь идет о Добровольческой и Донской армиях до создания единого командования. – А.Г.), что у многих могло породить сознание безнаказанности за прежние деяния в случае перехода их в другую армию. При таких условиях непринятие в этом отношении нужных мер подрывало бы дисциплину и наносило вред общему делу борьбы»⁴.

Имел место и обратный процесс – переходы белых генштабистов на сторону красных. Впрочем, в этом отношении логичнее говорить о сдаче в плен, чем об изменах, поскольку эти переходы, в значительной степени, происходили уже в период, когда исход Гражданской войны в пользу красных стал очевиден. Также происходили перемещения генштабистов между национальными и белыми армиями, но, как правило, речь не шла о переходах через линию фронта. Такие переходы происходили в рамках антибольшевистского лагеря и не отличались тем драматизмом, какой сопровождал переходы от красных к белым и наоборот.

¹ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 407–408; Рутыч Н. Биографический справочник... С. 231.

² Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 129.

³ Некоторые офицеры сделали из этого своеобразный промысел или занятие. Отрицая советскую власть, они записывались в одну из белых армий, а затем под всякими благовидными предлогами просили разрешения о переводе в другую армию, обычно отстоявшую от первой на десятки тысяч верст. Получив таковое, они уже на законном основании освобождались от участия в борьбе, бесконечно долго «собирались в дорогу» а затем длинными месяцами совершали свой переезд. Когда они прибывали в другую армию, они заблаговременно уничтожали свои командировочные документы и поступали в армию уже как добровольцы, с тем чтобы в ближайшее время вновь проделать ту же комбинацию в отношении какого-либо другого отдаленного фронта. В 1919 г. я встретил много офицеров на пароходе Добровольного флота «Могилев». Они ехали из Англии и Франции к адмиралу Колчаку. Некоторые из них чистосердечно рассказали мне свою одиссею (примеч. И. А. Полякова).

⁴ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 427–428.

Какова же роль дезертирства генштабистов в общей картине строительства Красной армии?

Член РВСР С. И. Гусев отмечал: «В Гражданской войне число изменников всегда бывает велико, в Гражданской войне пролетариата и буржуазии целый класс — мелкая буржуазия — является изменническим... пролетариат мобилизует и силой заставляет служить себе офицеров. Если часть офицерства изменяет пролетариату и переходит на сторону буржуазии, то шансы обеих сторон здесь уравниваются. Наконец, польза, которую приносит Красной армии не-изменническое офицерство, несравненно больше, чем вред, приносимый изменниками. Это — самое главное соображение. Русская Красная армия выросла благодаря работе офицерства, которая покрыла собой во много раз разрушительную работу изменников. Измена — это неизбежные “непроизводительные издержки” по строительству классовой армии пролетариата. И последнему нужно внимательно наблюдать только за тем, чтобы эти “непроизводительные издержки” были минимальными»¹.

Представляется отчасти справедливой оценка бывшего генерала М. Д. Бонч-Бруевича: «Конечно, были изменники, перебежавшие к белым, но не они определяли лицо поступившего в Красную армию офицерства. Бегство к белым было зачастую вызвано не столько сознательным стремлением “предать” новую армию, сколько личными обидами, расстроенной психикой, а то и просто неумением противопоставить себя родным или сослуживцам, оказавшимся в белом стане»². И хотя Бонч-Бруевич намеренно замалчивал антибольшевистские настроения офицерства, но, действительно, не измены, даже на самом верху, определяли вектор развития Красной армии. Его задавала добросовестная служба большей части военных специалистов на всех уровнях.

Глава советского правительства В. И. Ленин отметил в ноябре 1919 г., что в Красной армии «работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии. И, несмотря на измены со стороны отдельных военных специалистов, мы разгромили Колчака и Юденича, мы побеждаем на всех фронтах»³.

Политик из антибольшевистского лагеря, бывший лидер кадетской партии П. Н. Милюков резонно полагал, что «раз вступив по той или другой причине в Красную армию, военные специалисты, связанные привычной обстановкой строгой военной дисциплины, в большинстве служили советской власти верно и лишь в редких случаях пользовались своей властью над солдатами для подготовки контрреволюционных выступлений»⁴.

Можно процитировать и высказывание Л. Д. Троцкого, который отметил: «У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом, со стороны офицеров, занимавших менее видные посты. Но у нас редко говорят о том, сколько

¹ Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия: Сб. статей. М.; Л., 1925. С. 71–72.

² Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 285.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 313.

⁴ Милюков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 173.

загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава, из-за того, что командир полка не сумел наладить связь, не выставил заставы или полевого караула, не понял приказа или не разобрался по карте. И если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ»¹.

Не случайно В.И. Ленин в письме М. Горькому от 15 сентября 1919 г. указывал, что «“интеллектуальным силам”, желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт. Десятки тысяч офицеров у нас служат Красной армии и побеждают вопреки сотням изменников. Это факт»².

Перебежчики и изменники не переломили ситуации на фронте и добились не многого за исключением отдельных успехов белых. Несмотря на потерю важных населенных пунктов или открытие фронта противнику, катастрофы для красных такие эпизоды не повлекли. Обусловлено это, с одной стороны, тем, что речь шла об одиночках, а с другой, тем, что в большинстве случаев переходы к противнику представляли собой простое дезертирство, не сопровождавшееся активной подрывной деятельностью.

Красная армия численно росла и набиралась опыта в ходе войны. Ее вожди, поставив себе на службу десятки тысяч военных специалистов и в их числе сотни специалистов Генерального штаба, несмотря на все издержки, в том числе массовые измены военспецов, отсутствие опыта у новых красных командиров, сумели, соединив старый опыт и новые методы управления, «железом и кровью» создать мощную и эффективную вооруженную силу, которая в итоге одержала победу в Гражданской войне.

§ 2. Политика антибольшевистских сил в отношении выпускников академии – перебежчиков и пленных

Выпускники академии, попадая в антибольшевистский лагерь в качестве перебежчиков и пленных, сталкивались с не всегда благожелательным отношением и в ряде случаев подвергались преследованиям.

Так, командующий Особой армией Юго-Западного фронта генерал В.Н. Егорьев в результате конфликта с украинской Центральной радой в ночь на 31 декабря 1917 г. оказался арестован гайдамаками и попал в бердичевскую тюрьму, а затем был переведен в Лукьяновскую тюрьму в Киеве. В конце концов, при наступлении красных на Киев 28 января 1918 г. Егорьев просто ушел из тюрьмы и попал к красным³.

При поступлении в Добровольческую армию офицер должен был предоставить сведения о своем образе жизни и службы за период Гражданской войны. Такие

¹ Троцкий Л. Д. Военные специалисты и Красная армия. С. 67.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 51. С. 48–49.

³ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 174. Л. 16–17.

сведения требовались от тех, кто не служил у красных, а, к примеру, проживал на территории Украины^I. Положение перебежчиков из РККА было намного сложнее.

Генерал В. А. Ангельке вспоминал: «Странная нетерпимость замечалась в то время против всех тех, кто застрял в Советской России, хотя бы и не играл там никакой роли. Это, помню, особенно поразило меня на собрании офицеров Генерального штаба, бывшем под председательством ген. Вязьмитинова. Был, помню, по поводу этого и какой[-то] слишком поспешный приказ. Потом это улеглось»^{II}. Генерал В. Н. фон Дрейер писал о пленных и перебежчиках, что «во времена Деникина отношение к этим несчастным людям было самое несправедливое. Теряя при побеге свои семьи, все свое имущество, лишь для того, чтоб под знаменем освобождения пойти против большевиков, они находили в “стане белых” не забвение их прежней подневольной службы, а судебные и военно-следственные комиссии, а в первое время даже пулю в лоб или петлю на шею. В этом отношении многие высшие начальники Добровольческой армии были поразительно бессердечны и безжалостны»^{III}.

Негативное отношение к перебежчикам у белых, особенно на Юге России, могло вести к сокращению количества переходов. Анонимный свидетель тех событий отмечал: «Не странно ли то, что в то время, как Троцкий употреблял все усилия, чтобы оградить необходимое ему бывшее кадровое офицерство от расправы красноармейцев и своих сочленов из РКП, из ВЦИКА и Реввоенсовета, в то же самое время в белых армиях относились к ним с суровым осуждением и грозили стенкой»^{IV}.

Уже осенью 1918 г. командование Добровольческой армии отказывалось от приема в свои ряды генералов, исключая лишь тех, кто получил персональные приглашения. Начальник штаба Добровольческой армии генерал-майор И. П. Романовский предписывал представителям армии не направлять в нее даже штаб-офицеров Генерального штаба, если те не желали служить в строю (на должности помощника командира полка)^V.

Серьезные ограничения касались и переходивших к белым из национальных армий. На собрании офицеров Генерального штаба Добровольческой армии 10 (23) сентября 1918 г. единогласно было принято положение о том, что генштабисты, служившие в РККА или в национальных армиях, при поступлении в Добровольческую армию должны реабилитировать себя судом чести^{VI}. Однако Деникин не согласился с этим и наложил на документ резолюцию, суть которой сводилась к тому, что за подобные преступления полагается военно-полевой суд.

Впрочем, в этих вопросах белые были непоследовательны. Так, белая разведка в 1919 г. собрала объемные компрометирующие характеристики на генштабистов, служивших в украинских войсках^{VII}. Однако неизвестно, были ли использованы эти

^I РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 20. Л. 174.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Л. 24–25.

^{III} Дрейер В. Н., фон. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918–1920 года. Берлин-Шарлотенбург, 1921. С. 113.

^{IV} Письмо ОТТУДА. С. 4.

^V РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 48. Л. 24.

^{VI} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 46. Л. 1об.

^{VII} Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки»: Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. М., 2022. Вып. 3–4. С. 403–429.

данные в кадровой работе. Например, в отношении начальника инструкторской школы старшин гетманской армии генерала А.М. Максимова имелись данные, что тот преследовал подчиненных за употребление ими русского языка. Тем не менее с конца 1918 г. Максимов благополучно служил в Донской армии, затем во ВСЮР и в Русской армии.

Генерал И.П. Романовский сообщал в циркулярном письме начальникам центров армии от 20 сентября (3 октября) 1918 г., что «офицеры Генерального штаба, служившие в украинской армии, лишаются раз навсегда мундира русского Генерального штаба; в случае прибытия таких офицеров в армию они могут поступать лишь на должности рядовых (сохраняя свои офицерские чины); то же относится и ко всем генералам (не только Генерального штаба), служившим в украинской армии после прихода немцев на Украину»¹. Вследствие этого распоряжения, обусловленного скорее антинемецкой ориентацией командования белых, чем неприятием украинских националистов, у многих офицеров-генштабистов, в том числе оказавшихся на Украине не по убеждениям, а в силу обстоятельств, возникли трудности при поступлении в армию Деникина.

Подобный случай, связанный с генералом Б.В. Гернгроссом, запомнился генералу Е.В. Масловскому: «Вскоре приехал ко мне совершенно расстроенный и оскорбленный полковник Генерального штаба Гернгросс, мой близкий друг по Михайловскому артиллерийскому училищу и Академии Генерального штаба. Он с возмущением рассказывал, что его, приехавшего из Малороссии, как бывшего в составе войск гетмана Скоропадского, по приказанию генерала Деникина, заставили пройти через судебную комиссию, образованную последним для суждения всех офицеров, служивших у большевиков и попавших по разным случаям в пределы Вооруженных сил Юга России. Он негодовал на то, что его, служившего в армии, которая, так же как Добровольческая, боролась против большевиков, могли приравнять к тем, кто служил у последних. Он рассказывал все это мне со слезами на глазах, негодуя, что его, честного, ничем не запятнанного офицера, заставили пройти через судебную комиссию. Конечно, комиссия его реабилитировала, но уже одно прохождение через нее его оскорбляло. Он даже собирался уезжать из пределов территории “Вооруженных сил Юга России”; я, как мог, старался его утешить, говорил, что это одна формальность, через которую все проходят, и не стоит этому придавать значения, хотя в душе я одинаково с ним негодовал на вред, приносивший[ся] делу борьбы с большевиками установлением генералом Деникиным этой судебной комиссии. Я предложил Гернгроссу остаться у нас на Северном Кавказе, предложил ему устроить его у себя на должность генерал-квартирмейстера, но он отказался, говоря, что не имеет склонности к штабной службе, а просил помочь ему сформировать Митавский гусарский полк, которым он командовал в мировую войну. Я обещал ему полное содействие, и полк этот, вслед за Александрийским гусарским, быстро был сформирован, так же удачно.

Вслед за этими формированиями я создал еще два кавалерийских полка: Владимирский уланский и Новгородский драгунский. Все эти четыре полка были

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

сведены в дивизию, начальником которой я провел полковника Гернгросса с производством его в генералы»^I.

Выпускник ускоренных курсов академии капитан К. А. Терлецкий писал об этом же 12 (25) августа 1920 г.: «По окончании старшего класса 2^й очереди Николаевской военной академии я немедленно оставил пределы Великороссии, не дождавшись приказа о причислении к Генштабу, как это положено согласно приказа № 627 об ускоренной подготовке офицеров, получив от н[ачальни]ка Николаевской академии удостоверение в причислении за № 948, имеющееся у меня на руках и в настоящее время. В части Добр[овольческой] армии вступил 8 октября 1919 года и, как ранее служивший в украинских частях при гетмане в генквармглаве^{II}, не регистрировался, считая для себя слишком тяжелым актом реабилитации, не чувствуя за собою вины. По личному почину поступил в строевые части и переведен в Дон[скую] армию, где и командовал батальоном, а затем переведен в училище на должность преподавателя...»^{III} Лишь 29 апреля (12 мая) 1920 г. приказами генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля № 3052 и 3053 все офицеры и солдаты национальных армий и РККА, сдавшиеся белым, освобождались ото «всех кар и ограничений» и восстанавливались в правах^{IV}.

По воспоминаниям полковника Д. Н. Тихобразова, «прием офицеров, особенно Генерального штаба, был обставлен большой процедурой. Надо было им показать учрежденной для сего комиссии „patte blanche”^V, в прямом и переносном значении этого выражения. Одни оставались долго в резерве чинов, другие отбывали наложенную на них кару... Считаю такую щепетильность в приеме в армию Деникина большой ошибкой»^{VI}. Проводившуюся проверку иронично именовали «чистилищем».

В связи с переизбытком генштабистов у белых на Юге России практиковалось обязательное предание перебежчиков и пленных военспецов-генштабистов военно-полевому суду. Такой подход оформился в 1918 г. К сожалению, нам известны данные лишь о некоторых военно-полевых судах над генштабистами, приведенные в приказах главкома ВСЮР за 1919–1920 гг., а документы более раннего периода сохранились фрагментарно. Дела расследовали судебные следственные комиссии, тесно взаимодействовавшие с органами контрразведки. Суду подлежали все служившие у большевиков безотносительно возраста и заслуг, не исключая и георгиевских кавалеров. Так, в октябре 1919 г. суду был подвергнут 63-летний геодезист генерал-лейтенант М. Л. Бачинский. Генерал был приговорен к расстрелу, замененному четырьмя годами каторжных работ с освобождением от наказания «за старостью»^{VII}.

Иногда рассмотрение дел офицеров происходило значительно позже их перехода к белым. Так, генерал-майор Д. И. Андриевский в 1918 г. непродолжительный

^I Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1414–1416 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

^{II} В данном случае: отделе генерал-квартирмейстера при главнокомандующем.

^{III} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 245.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 178. Л. 51–52.

^V Доказать свою лояльность (фр.).

^{VI} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XX. С. 5–6 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

^{VII} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 37.

период служил в РККА, а в 1918–1920 гг. — на белом Юге. Тем не менее осенью 1919 г. его дело рассматривалось белыми в судебно-следственной комиссии. За Андриевского поручился генерал А.П. Архангельский, и в итоге был вынесен оправдательный вердикт¹.

Через комиссии прошли и некоторые другие генштабисты — полковники Ю.И. Кобылецкий и И.Н. Потапов, подполковник А.Н. Ягода. В последнем случае офицеру было запрещено служить во ВСЮР, поскольку следствие сочло его переход на сторону белых проявлением оппортунизма в связи с военными успехами ВСЮР. Генерал-майора А.А. Котельникова судили сразу за службу у красных и у петлюровцев: «В декабре 1918 года в гор[оде] Чернигове добровольно признал власть Петлюры и поступил в штаб генерала [А.П.] Грекова; назначенный на должность командира кадра дивизии отправился в гор[од] Одессу и, явившись к генералу [Ф.] Д'Ансельму, а не в штаб Добровольческой армии, пытался здесь формировать петлюровские части; при эвакуации гор[ода] Одессы остался в городе, добровольно регистрировался у большевиков и, назначенный в распоряжение народного комиссариата в Киеве, принял весьма ответственную должность заведывающего учебной частью технических курсов по выпуску красных офицеров; в июле 1919 г. обратился к командующему 12[-й] советской армией и был назначен исполняющим должность [начальника] разведывательно-топографического отделения»².

Обычным вердиктом судов была смертная казнь, заменявшаяся освобождением из-под суда, разжалованием или каторжными работами. Это, конечно, отталкивало от белых их потенциальных сторонников и, возможно, даже стало одной из причин поражения белых армий. В частности, по свидетельству протопресвитера Добровольческой армии и флота Г. Шавельского, «в июле этого (1919. — А.Г.) года в Орле двадцать два офицера Генерального штаба, служащие у большевиков, обсуждали вопрос, как им быть, ввиду установившегося в Добровольческой армии отношения к перебежчикам. И решили: доселе мы играли в поддавки, теперь начнем воевать по совести»³. Донской казачий генерал З.А. Алферов свидетельствовал о том же: «Мне многие из офицеров Генерального штаба, служивших в белых штабах, говорили, что раньше всюду определенно чувствовалось благорасположение к нам красного офицерского состава (и я сам в том не раз убеждался), а сейчас-де, после таганрогских опытов⁴, чувствуется как раз обратное настроение. Точно там говор[или] нам (и в плане войны, в директивах, и в поле): «А когда так, то извольте, получайте!»⁵»

Информация о плохом отношении к военспецам-генштабистам у белых действительно проникала в Красную армию. Например, такие сведения привез из Крыма в Советскую Россию и сообщил одному из служивших в ПШ РВСР генштабистов

¹ Яковенко В. А. Проверка офицеров в судебно-следственных комиссиях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (лето 1918 — зима 1920 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 220.

² РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 67–67об.

³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 359–360.

⁴ Речь идет об отправке пленных офицеров в Таганрог для расследования их службы в РККА.

⁵ Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 211.

сын видного военспеца В.Н. Егорьева¹. Кроме того, советский главком И.И. Вацетис привез с Южного фронта трофейный журнал «Донская волна» со статьей полковника Я.М. Лисового о Генеральном штабе, из которой военспецы-генштабисты могли узнать об отношении к ним у противника².

Бывший начальник оперативного отделения штаба Донской армии полковник В.В. Добрынин вспоминал, что еще одним фактором, облегчавшим красным борьбу, являлось «плохое отношение в штабных сферах “белых” офицеров к “красному” офицерству, особенно к “красному” Генеральному штабу, что служило помехой к переходу “красного” офицерства на сторону “белых”.

Уже во время осеннего отхода 1919 г. из штаба главнокомандующего был разослан циркулярный запрос в штабы армий по этому поводу, в котором указывалось на существующую ненормальность и спрашивалось мнение командующих армией.

В ответе донского командования указывалось, что еще после объединения командования Вооруженными силами Юга России в начале 1919 г. донским командованием по собственному почину уже было изложено свое мнение в особом донесении. Это мнение подтверждалось и теперь и в общем сводилось к следующему: офицеры, попавшие в “белую” армию, не должны смотреть на своих братьев, принужденных служить в советской армии с точки зрения “непогрешимых судей”. Считаясь с принудительной системой службы офицеров в советской России, с террором, с институтом заложников и с системой поруки, нужно смотреть на громадное большинство советских офицеров как на лиц, вынужденных к этой службе обстоятельствами. Этот взгляд требовал иного отношения к переходящим на нашу сторону офицерам, чем укоренившийся в глубоком тылу Вооруженных сил Юга России, что вызывало бы более свободный переход “красного” офицерства на сторону “белых”.

Не говоря уже о том, что указанный запрос главнокомандования был запоздалым, он, собственно говоря, принес очень мало пользы, так как вышедшее весной 1920 г. новое положение “с амнистиями” перешедшим “красным” офицерам мало чем меняло установившуюся систему “хождения по мукам” во время церемонии их “реабилитации”³.

Как отмечал анонимный военспец, «когда развивались события на Волге, у Орла, у Гатчины, конечно, мы ждали своего поражения как избавления. Но ждали мы с двойственным чувством, думая: “А что будет с нами, как отнесутся?” А у некоторых, хотя и чуждых идеологически новому режиму, но добровольно или случайно завязавших в нем поглубже, уже тогда копошилась мысль: “Еще неизвестно, чья возьмет, еще поборемся. Этак будет надежнее”⁴.

По-настоящему суровых приговоров в отношении генштабистов-перебежчиков у белых не выносилось. Генерал В.В. Буняковский, к примеру, был арестован

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 41.

² Там же. Л. 40об.-41; Лисовой Я. М. Генеральный штаб (статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. 24.02 [09.03]. № 9 (37). С. 11–14. Комментированную публикацию статьи см. в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 808–815.

³ Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 — март 1920 (Очерк). Прага, 1921. С. 91–92.

⁴ Письмо ОТТУДА. С. 4.

на три недели, после чего в декабре 1919 г. прощен^I, генерал В.Е. Борисов был освобожден по возрасту. По свидетельству А.А. фон Лампе, за службу у красных были разжалованы в рядовые только три генерала: И.П. Сытин, Л.Л. Родцевич-Плотницкий и Л.М. Болховитинов^{II}, причем Сытина белые могли казнить. Фон Лампе через публикации в прессе содействовал его спасению.

О генерале Л.Л. Родцевиче-Плотницком Лампе писал в дневнике 25 августа (7 сентября) 1919 г.: «Сегодня только узнал о злой судьбе, постигшей Л.Л. Родцевича-Плотницкого. Он, оказывается, при занятии большевиками Харькова остался там и служил у них, а потом каким-то образом попал в руки Добр-армии и был военно-полевым судом присужден к каторге и подал о разрешении ему рядовым заглазить свою вину. Жаль мне его, он, конечно, не большевик — сыграла несчастную роль, безусловно, его жена, из-за которой он остался в Малороссии. Жаль его — молодой генерал с Георгием — как все проходит легко, а я ему когда-то немного и завидовал»^{III}. Как выяснилось, генерал прослужил у красных десять дней, за что был приговорен белыми к девяти годам каторги. По-видимому, этот приговор был смягчен. Позднее Родцевич-Плотницкий прожил много лет в эмиграции.

Один из наиболее ярких инцидентов связан с генерал-лейтенантом Л.М. Болховитиновым, о судьбе которого писали многие мемуаристы, т.е. несправедливость в его отношении уже тогда для здравомыслящих людей была очевидной и привлекала внимание^{IV}.

Болховитинов поступил в РККА в числе первых крупных военных специалистов. Весной 1918 г. ему было поручено проведение реформы местных военных комиссариатов^V. В дневниках А.Е. Снесарева сохранилась запись его беседы в Москве 11 мая 1918 г. с генштабистом А.Н. Ковалевским, в которой последний заявил, что и М.Д. Бонч-Бруевич и Болховитинов «предадут брата родного... и довольно дешево»^{VI}. Бонч-Бруевич и его помощник в Высшем военном совете Болховитинов были однокурсниками по академии и дружили. Не будем вдаваться в мотивы высказывания Ковалевского, но оно оказалось довольно точным. В антибольшевистском лагере Болховитинов оказался уже через несколько месяцев после того, как Ковалевский дал ему столь нелестную оценку. Измена Болховитинова бросала тень и на Бонч-Бруевича, который с осени 1918 г. ушел с видных постов в Красной армии.

В дневниках Снесарева нашли отражение взгляды на Гражданскую войну самого Болховитинова, свидетельствующие, что тот был далеко не в восторге от большевистского режима. Так, грузовики с революционными солдатами Болховитинов именовал не иначе как «б...возами»^{VII}, заявлял, что «убил бы» бывшего

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 177. Л. 11об.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 238об.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Лампе А. А., фон. Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021. С. 73.

^{IV} Подробнее о Болховитинове см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 219–231.

^V РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 105.

^{VI} Снесарев А. Е. Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

^{VII} То же // Московский журнал. 1996. № 2. С. 52.

советского Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко^I. По наблюдению Снесарева, перед большевистским руководством Болховитинов явно заискивал, что вызвало неприятие у Снесарева, тогда как в разговорах наедине с последним заметно правил в суждениях^{II}. По оценке П.С. Махрова, Болховитинов был патриотом и выдающимся офицером Генерального штаба^{III}. Эти оценки соответствуют свидетельству протоиерея Г. Шавельского, который встретил своего старого знакомого Болховитинова летом 1918 г. в Москве. Бывший генерал при встрече заявил Шавельскому: «Вас удивляет, вероятно, что я тут... Мне предложили должность инспектора пехоты. Я ее принял. Но, ради Бога, не думайте, что я с этими негодяями! Если Бог поможет мне сформировать хотя бы два настоящих корпуса, столбов не хватит для виселиц, чтобы перевешать этих разбойников»^{IV}.

Болховитинов был арестован белыми в Екатеринодаре в августе 1918 г., куда приехал к семье. За службу у красных он был разжалован в рядовые и около года прослужил нижним чином, после чего ему «за проявленные в боях мужество, доблесть и распорядительность» был возвращен чин генерал-лейтенанта (приказ главнокомандующего ВСЮР № 1575 от 22 июля (4 августа) 1919 г.^V). Небезынтересно, что, по свидетельству Г. Шавельского, «в армии преобладал взгляд, что всех перебежчиков из России (советской. — А.Г.), особенно генералов, надо вешать. И когда ген. Болховитинов не был повешен, а лишь разжалован в рядовые, многие возмущались этим»^{VI}. В роли «ястребов» в этом вопросе, судя по всему, выступала молодежь, в считанные месяцы занявшая руководящие посты в Добровольческой армии и стремившаяся продемонстрировать свою антибольшевистскую принципиальность. Между прочим, Болховитинов учился в академии вместе с А.И. Деникиным.

Сам Деникин вспоминал о Болховитинове: «О Болховитинове и его судьбе я писал в “Борьбе за Россию”. Главные черты: талантлив, карьерист. Из его прошлого: при выпуске из академии боролся за первенство с [Б.П.] Баженовым; я слушал его “вторую тему” — доклад очень интересный, основательный и смелый в отношении инако мыслящих профессоров-оппонентов. По последней ли причине или потому, что, как думали в академии, Баженова “тянули” (он считался женихом дочери правителя дел академии, но после выпуска отказался...), Болховитинов окончил не первым и, кажется, даже без медали.

Главной уликой его на суде в Екатеринодаре, кроме факта добровольной службы советам на высоком посту, был собственноручный его дневник, вернее сборник статей, сплошь посвященных безудержной апологии большевизма. Болховитинов объяснял, что эти статьи принадлежат не его перу, а, будто бы, он переписывал их из разных советских изданий, интересуясь вообще идеологией большевизма. Откуда — указать не мог. Я уверен, что статьи — его, и написаны были не по убеждению, конечно, а для того, чтобы вернее преуспеть»^{VII}. Кроме того, позднее

^I Там же. С. 53.

^{II} Там же // Московский журнал. 1996. № 3. С. 43.

^{III} Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. СПб., 1994. С. 175.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 309. Л. 1об.

^V РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 134. Л. 66.

^{VI} Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 357.

^{VII} BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12.

из советской печати стало известно, что Болховитинов якобы работал на красных и в белом лагере¹.

Генерал В. В. Чернавин писал о Болховитинове: «Ген. Болховитинов был очень талантливым офицером Генерального штаба, имел большой штабной и военно-административный опыт, обладал способностями организатора крупного масштаба. В мировую войну он по заслугам сделал блестящую карьеру, достигнув, имея всего 45 лет от роду, высокого и ответственного поста начальника штаба Кавказского фронта... Казалось бы, что отмеченные выше данные предопределяли ген. Болховитинова к очень большой роли в Гражданскую войну, когда он осенью 1918 г. бежал из Москвы на Кубань. Этого не произошло. На “белом” Юге России он признан был человеком неприемлемым. Причины лежали в левом политическом курсе, взятом Болховитиновым во время революции и в том, что после Октябрьского переворота он, как и ряд других видных русских генералов по предложению сов[етского] правительства принял участие в деле организации вооруженной силы... Лишь в январе 1920 г. он был привлечен к делу Кубанской властью и занял пост члена кубанского правительства по военным делам (т. е. военного министра)»².

В письмах Болховитинова супруге нашло отражение его возмущение столь различным отношением к нему и к другим перебежчикам, сразу устроившимся у белых на хорошие места. О том, что они были связаны с белым подпольем, Болховитинов не написал, возможно, потому, что не знал этого: «Покорность [А. П.] Архангельского, конечно, весьма приятная и похвальная: известное дело — “повинную голову и меч не сечет”, а посему сия кротость уже получила надлежащую мзду: он зачислен в резерв чинов, что служит преддверием к дальнейшему продвижению, с чем я их и “проздравляюсь”... ты ясно поймешь причину такого невероятного разного отношения ко мне и, скажем, к [А. Л.] Носовичу или еще лучше к Архангельскому, который занимал должность в Главном Всероссийском штабе, управляя отделом укомплектования и командного состава. Невероятно, но факт! Зная Архангельского, могу предположить, что, выкручиваясь перед современными богами, он, вероятно, нагнал немало про мою деятельность: все ведь это мелкие, трусливые людишки...» (письмо от 13 (26) марта 1919 г.)³. При этом генерал отмечал, что о его деятельности в Москве был осведомлен британский разведчик С. Рейли, приехавший на белый Юг⁴. Таким образом, возможно, Болховитинов тоже был связан с антибольшевистским подпольем.

Б. А. Штейфон вспоминал о своей встрече с Болховитиновым в 1919 г.: «Однажды я пообещал командиру Самурского полка выдать имевшееся в моем распоряжении телефонное имущество. Командир обещал прислать приемщика. Вечером мне доложили, что меня желает видеть какой-то солдат. Раскрылась дверь, и с вопросом “можно войти?” на пороге обрисовалась представительная фигура в солдатской шинели с унтер-офицерскими нашивками.

В вошедшем унтер-офицере я немедленно признал бывшего генерал-лейтенанта Л. М. Болховитинова. Он был во время Великой войны начальником штаба

¹ Деникин А. И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию. 1928. № 70. С. 9.

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 110–111.

³ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 254–255об.

⁴ Там же. Л. 223об.

Кавказского фронта и для меня, тогда капитана Генерального штаба, являлся чрезвычайно высоким начальством. Он знал меня прекрасно, так как я служил в штабе армии. Направляясь ко мне, “унтер-офицер Болховитинов”, конечно, был осведомлен, кого он встретит, но для меня его появление было жутким.

— Узнаете?

— Еще бы не узнать! Здравствуйте, Леонид Митрофанович.

Мы сели и на некоторое время забыли о телефонном имуществе. Оказалось, ген. Болховитинов одно время служил у большевиков, а затем перешел в Добровольческую армию. Согласно тогдашним правилам, он был судим, разжалован и послан рядовым на фронт. Как “хорошо грамотного” его назначили в команду телефонистов.

Мы душевно поговорили около двух часов. Л.М. заходил ко мне еще несколько раз. Впоследствии он был прощен, и затем, в Крыму, я встретил его прежним энергичным генералом.

Генерал Болховитинов уже умер — и пусть Господь судит его за вольные и невольные прегрешения. Во всяком случае, у меня сохранилось о нем воспоминание как о крупном, незаурядном человеке. Свое разжалование он переносил с большим достоинством.

Теперь, когда многие бывшие страсти перегорели, ясно, что система подобных судов была по идее ошибочна, ибо удерживала от перехода к нам тех, кто подневольно служил у красных. Фронт, всегда более чуткий в подобных вопросах, чем тыл, очень скоро признал несправедливость и вредность указанных судов и личной инициативой, молчаливо, но убежденно воспринял иной порядок: коммунистов уничтожал, а всех остальных принимал в свои ряды.

Во всяком случае, в 1918 году примеры ген. Болховитинова, Сытина и других давали несомненное удовлетворение широкому офицерским кругам. Жестокие времена порождали и жестокую психологию¹. Известие о репрессиях в отношении Болховитинова вскоре дошло до Советской России и негативно повлияло

¹ Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 11–13. Сохранилось свидетельство о том, что Болховитинов в начале 1920 г. тайно сотрудничал с большевиками, по их совету согласился занять пост военного министра Кубанского краевого правительства, задерживал посылку войск, менял направления движения отрядов и т. д., причем подпольщики якобы были удивлены его решением эвакуироваться с белыми (*Черный Вл. В подполье // Путь коммунизма*. Краснодар, 1922. Кн. 3. С. 137). Возможно, подобное свидетельство было оставлено с провокационной целью. Генерал В. Е. Флуг впоследствии отмечал, что в 1920 г. Болховитинов занимался исключительно административными и хозяйственными, а не оперативными вопросами. В этом отношении никакого вреда белым он принести не мог. По мнению Флуга, Болховитинов не являлся большевистским агентом (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 291. Л. 110об.–111об.). Начальник штаба войск Кавказского побережья полковник Р.К. фон Дрейлинг также не замечал ничего подозрительного (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 115). Генерал В. И. Баскаков, наоборот, считал его таковым (ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 200об.). Также см.: Деникин А. Борьба и провокация // *Борьба за Россию*. 1928. № 105. С. 3–4. В эмиграции генерал Болховитинов покончил с собой. По свидетельству генерала В. В. Чернавина, «причиной самоубийства была тяжелая душевная депрессия, явившаяся, по свидетельству лиц, близко с Болховитиновым в это время соприкасавшихся, следствием потери веры в возрождение России, невозможности применить продуктивно свои знания и опыт, а также большое личное горе — потеря им своей семьи, жены и детей, которых он, оставляя Кубань, не успел эвакуировать».

Нельзя не отметить, что обстоятельства личной судьбы ген. Болховитинова с момента окончания Гражданской войны на Сев[ерном] Кавказе совершенно не вяжутся с версией о его тайной службе сов[етской] власти. Очевидно, что если бы он служил большевикам, то логическим исходом для него был бы открытый переход на сторону Советов, спасая свою семью и получая возможность занять высокое положение в Красной армии» (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 392. Л. 116). В предсмертном письме Болховитинов указывал: «Я не могу перенести потери родины, семьи... Бессилие помочь семье заставляет меня решиться на этот шаг» (Там же).

на отношение военспецов к переходам на сторону белых^I. Разжалован в рядовые был и упомянутый выше генерал И.П. Сытин, назначенный в феврале 1919 г. в Партизанский генерала Алексеева пехотный полк и восстановленный через год в чине^{II}.

Ярким примером непрагматичного отношения белых к генштабистам является история массового перехода генштабистов к белым при вступлении ВСЮР в Киев. На 1914 г. Киев был пятым городом Российской империи по численности населения (более полумиллиона жителей). Поскольку это был не только большой город, но и крупный военный центр бывшей империи, здесь проживало множество офицеров. Густонаселенный город давал возможность укрыться в нем тем, кто не рисковал переходить через линию фронта. Оставаясь в крупном городе после ухода красных, можно было добиться того эффекта, что не перебежчик под пулями переходил линию фронта, а сама линия фронта переходила через такого человека. Так и случилось, когда 18 (31) августа 1919 г. деникинцы заняли город.

Летом 1919 г. армии ВСЮР развернули наступление на советский центр. Под ударами белых пали Харьков, Екатеринослав, Царицын, Камышин, Полтава. Советские тылы громил конный корпус генерала К.К. Мамантова. Многим казалось, что победа войск А.И. Деникина уже предрешена и власти большевиков скоро наступит конец. Такие взгляды разделяли тогда многие, не исключая членов большевистской партии^{III}. Не могли их не разделять и бывшие офицеры, находившиеся на советской территории, а подчас и на советской военной службе. Неудивительно, что наиболее выигрышным решением многим из них при сложившихся обстоятельствах казалось вскочить в уходящий поезд, присоединившись к белым накануне их триумфа. Это позволило бы избежать ответственности за службу красным и уклонение от участия в борьбе с большевиками.

Разумеется, помимо тех, кто переходил к белым по конъюнктурным соображениям в связи с их победами, были и те, кто стремился к ним вполне искренне, но по каким-то причинам не мог сделать этого раньше. Именно таких людей описал очевидец: «В надежде на уход большевиков офицерство бежало в Киев из Москвы, из Петрограда, из Могилева, из Чернигова, из Казани. Ожидая прихода добровольцев, люди прятались в лесах, в погребах, на чердаках, в стогах сена; один прапорщик около суток провел в канализационной трубе; какой-то капитан прожил около недели в купальнях; шесть человек приехали в лодке и скрывались в камышах»^{IV}.

Отсидеться в большом городе, дождавшись белых, было куда менее опасно; кроме того, этот вариант давал возможность беспрепятственно перевести через линию фронта и членов семьи. Уже 3 (16) сентября 1919 г. главное командование ВСЮР сообщало начальнику 7-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Н.Э. Бредову, что «в Киеве зарегистрировано около двенадцати тысяч офицеров и военных

^I Письмо ОТТУДА. С. 4.

^{II} HIA. Vrangell collection. Box 113. Folder 15.

^{III} См., напр.: Соломон Г. А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 192–193.

^{IV} Корсак В. У белых. Париж, 1931. С. 13.

чиновников, оставшихся после ухода большевиков в городе»¹. Очевидно, такое могло произойти лишь вследствие крайней поспешности ухода красных.

Как отмечал генерал В.Н. фон Дрейер, «у всех был высокий подъем духа, все горело желанием служить Родине. Но судебная волокита тянулась месяцами, и первоначальный порыв явившихся постепенно угасал, во время томительного ожидания перед дверями следственных комиссий. А недостаток средств и необходимость кормить семью иногда толкали их искать частную службу, и, таким образом, много хороших боевых офицеров было потеряно для армии»².

Участник Белого движения на Юге России полковник Е.Э. Месснер вспоминал, что оставшиеся в Киеве офицеры «повалили к нам в намерении стать в наши ряды, но их пыл был охлажден распоряжением генерала Деникина пропускать всех через реабилитационные комиссии перед постановкой на службу в армию. Тогда появилось множество “подснежников” — лиц с удостоверениями, что они под большевиками состояли в тайных организациях Добровольческой армии; это прозвище указывало на аналогию: как солнце, растопив снег, позволяет обнаружить белому подснежнику, так и наш приход выявил белизну тех, кто служил у красных (большевики говорили, что многие из офицеров в Красной армии похожи на редиску: снаружи красные, а внутри белые³)... Перспектива ждать месяцами реабилитации убила энтузиазм офицерства, и оно стало “ловчиться” в тыловые и административные учреждения, возникавшие в Киеве, как грибы после дождя. И нельзя осуждать этих офицеров — ведь есть, пить надо»⁴.

По свидетельству очевидца, «регистрация происходила во дворе комендантского управления. Когда я пришел туда, там была уже масса военных — полковники, капитаны, поручики, прапорщики; было несколько генералов. Одни ходили уже в форме, другие, меньшинство, — в штатском. Знакомились, делились впечатлениями... Записывали офицеров в алфавитном порядке. До меня очередь в этот день не дошла; около четырех часов все разошлись... На другой день мне удалось, наконец, несмотря на еще большую толпу, получить регистрационную карточку. На ней стояло мое имя, фамилия, год рождения, чин и полк, где я служил во время германской войны. С этой карточкой мне надо было явиться в реабилитационную комиссию и представить, кроме того, свое *curriculum vitae*⁵ от начала германской войны до настоящего момента. Для тех, которые у большевиков не служили и имели какие-нибудь старые документы, удостоверявшие их личность, дело кончалось в реабилитационной комиссии: они могли поступать в Добровольческую армию немедленно.

В противном же случае, дело выходило сложнее; раз в *curriculum vitae* офицер писал, что он служил у большевиков, реабилитационная комиссия отсылала его дело в контрразведку. Из контрразведки товарищ прокурора отсылал дело со своим заключением в четвертое учреждение — военную судебно-следственную

¹ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 359.

² Дрейер В.Н., фон. Крестный путь во имя Родины. С. 113.

³ Иногда сравнение с редиской распространяли на всю Красную армию (см., напр.: Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 121). Генерал В. Н. Минут это сравнение приписал Л. Д. Троцкому, что вряд ли может соответствовать действительности.

⁴ Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. Л. 217 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3. Оубл. в:

Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 531.

⁵ «Ход жизни» (лат.) — автобиография.

комиссию. Эта комиссия рассматривала дело окончательно и препровождала его на заключение к коменданту города. Причем, если кто не имел старого послужного списка или других не менее солидных документов, он должен был доказать свою личность при помощи управляющего домом и двух благонадежных свидетелей.

Вот что надо было пройти. У меня, как и у большинства офицеров, никаких документов, кроме советских, не было.

И вечером, сидя над своей биографией, я задумался — писать или не писать о службе у большевиков?

Написать — значит быть канцелярской волоките. Я подумал, колебался и написал. Может быть, чтобы не краснеть потом и не быть уличенным во лжи.

С превеликим трудом кончил я свое *curriculum vitae*.

Лучше было бы, если бы можно было совсем не писать, служил человек или нет — советской власти. Раз люди пришли добровольно, рискуя не только собой, но и своими родными — какие вопросы могли быть еще.

Так думал я, глядя на свою биографию...»^I

Массовость перехода на сторону белых бывших офицеров в Киеве была действительно поразительной, однако нас интересует лишь небольшая, но наиболее квалифицированная часть перешедших — офицеры-генштабисты. Таковых было около трех десятков человек. И хотя далеко не все попавшие к белым ранее служили в РККА, но в обязательном порядке все они проверялись судебно-следственной комиссией на предмет причастности к службе большевикам^{II}. Тогда проверочным комиссиям пришлось немало потрудиться. Для захваченных в Киеве офицеров была разработана специальная анкета, в которой помимо прочего имелись следующие острые вопросы: почему не уехали в Добровольческую армию, чем занимались при петлюровской Директории, есть ли родственники в Добровольческой армии и в Красной^{III}.

Перебежчикам приходилось оправдываться. Причисленный к Генштабу капитан А.М. Кныш 1 (14) сентября 1919 г. писал в рапорте начальнику Полтавского отряда о том, что у красных не служил: «Представляя при сем переименованные ниже документы, свидетельствующие о непричастности моей к службе в армии большевиков, как непосредственно после окончания мною старшего класса Николаевской воен[ной] академии в марте 1918 года, так и во время моего пребывания (вследствие болезни легких) в городе Киеве в настоящем году, прошу о прикомандировании меня к штабу вверенного Вам отряда для несения службы, впредь до назначения на штатную должность»^{IV}.

Работа следственной комиссии под председательством полковника Поповиченко была организована следующим образом. Офицерам, врачам и военным чиновникам выдавались карточки, согласно которым они должны были являться по 100 человек ежедневно в следственную комиссию. Комиссия начинала работать с 9 утра 26 августа (8 сентября) 1919 г. по улице Левашевской, 26^V. Ранее комиссия

^I Корсак В. У белых. С. 12–14.

^{II} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 145, 376.

^{III} Там же. Л. 419–419об.

^{IV} Там же. Л. 466.

^V Там же. Л. 468.

располагалась по другому адресу. Один из прошедших через комиссию офицеров вспоминал: «Во дворе толпилось около ста офицеров. Тут можно было видеть все возрасты, чины и ордена... Я записался. Мой номер был не то 60-й, не то 70-й.

На всякий случай я стал поближе. Очередь очередью, но чтобы ее кто-нибудь не захватил, я протискался к двери, на которой висел список...

Допрос продолжался минут 10–15. Во дворе на “очистившихся от большевизма” набрасывались с вопросами: как и что? Но те только махали руками и поскорее уходили. Все томились...

— Зачем эта реабилитация? — спрашивал кого-то капитан с густыми, рыжими усами и с инженерским значком, — только проволочка времени. Зарегистрировалось больше 10 000 офицеров. Если на каждого из них комиссия потратит 5 минут только, то это займет больше месяца...

В этот день я прождал во дворе с 9 часов до трех; за это время комиссия отпустила около 40 человек. В три часа председатель заявил, что занятия кончены. Все пошли по домам. Было пыльно, жарко...^I Мемуарист не смог предстать перед комиссией и на следующий день, когда «перед дверью была страшная давка»^{II}. Не удалось это и в следующие дни. Проходившие реабилитацию считали ее лишь потерей времени, тогда как у белых явно не доставало войск, а в период реабилитации белое командование не могло использовать оказавшихся в его распоряжении многочисленных офицеров^{III}. В конце концов, автор мемуаров все же попал на прием, однако его дело, как служившего у красных, было отправлено в контрразведку, где после новых мытарств с офицера взяли подписку о невыезде, а дело передали в военную судебно-следственную комиссию, потребовав от мемуариста привести двух свидетелей, после чего решение комиссии было утверждено комендантом города, и эпопея с реабилитацией наконец завершилась, заняв почти два месяца.

Настоящей «притчей во языцех» стала история одного генштабиста, опубликованная в газете «Киевлянин». Этот офицер «прибыл в Киев с женой, рискуя не только своей собственной жизнью, но жизнью и честью жены. Документов у него не оказалось: не то он их потерял, не то их отняли большевики. Контрразведка засадила его в тюрьму. Заключение вывело несчастного из душевного равновесия: он психически заболел. Жена, оставшаяся на улице, обращалась ко всем властям, но без успеха. Она дошла до того, что стала на улицах просить милостыню. Кто-то из знакомых встретил ее и посоветовал обратиться к Шульгину. Тот напечатал эту историю в газете. Что было дальше — я не знаю»^{IV}.

Как результат волокиты с реабилитацией, немалая часть офицеров просто предпочла скрыться от нового режима. Между тем десять тысяч офицеров были крупной силой, фактически корпусом, сплоченным, сильным своей высокой выучкой и идейностью, подобная сила под надлежащим контролем вполне могла бы позволить Деникину одержать победу над красными. Однако деникинский режим вместо этого предпочел заниматься бюрократической волокитой. Более того, многие офицеры в Киеве подвергались совершенно незаслуженным преследованиям,

^I Корсак В. У белых. С. 15–17.

^{II} Там же. С. 18.

^{III} Там же. С. 20–21.

^{IV} Там же. С. 42–43.

арестовывались на основе анонимных доносов. Парадокс истории и показатель уровня мышления руководства сторон Гражданской войны: большевики сумели успешно использовать враждебное им офицерство, тогда как белые не смогли воспользоваться даже дружественными себе офицерами.

Все офицеры, кроме генштабистов, реабилитировались в местной следственной комиссии. Высокопоставленных перебежчиков в белом лагере ждали далеко не с распростертыми объятиями. Что касается офицеров Генштаба, то для них была создана Особая следственная комиссия при штабе главнокомандующего в Таганроге, которую последовательно возглавляли генералы от инфантерии Н. Ф. Дорошевский и В. В. Болотов. И там уже отношение было более строгим, не случайно комиссию иронически прозвали «генеральской чрезвычайкой»¹. Как правило, подлежавших реабилитации генштабистов направляли в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего. Комиссия рассматривала дела перебежчиков, изучая их в двух аспектах — мог ли перебежчик вступить в антибольшевистскую армию ранее и не занимался ли он подпольной антибольшевистской работой в рядах Красной армии. Чем выше был чин военспеца, тем суровее было отношение к его обладателю². Требовалось пройти через многомесячную процедуру реабилитации, а при невозможности реабилитироваться через военно-полевой суд, который принимал решения в зависимости от того, насколько тесно сотрудничал тот или иной офицер с красными. Приговоры предусматривали разжалование в рядовые, направление на каторжные работы и даже смертную казнь, хотя последняя в отношении старших генштабистов не применялась. Такая политика сочувственно воспринималась вождями и ветеранами Белого движения, фронтовым офицерством, особенно участниками 1-го Кубанского (Ледяного) похода, многие из которых враждебно относились даже к тем офицерам, кто прослужил в РККА хотя бы самое непродолжительное время. Более дальновидные современники считали подобную практику вредной для белых и даже приведшей их помимо прочего к поражению. Расследования иногда затягивались. При этом материальное положение офицеров в Таганроге оказывалось тяжелейшим, поскольку содержания им не назначали. В частности, на это жаловался генерал А. И. Линицкий, ранее служивший в украинских войсках³.

Начальник штаба 7-й пехотной дивизии полковник Г. А. Эверт, получивший указание направлять генералов-генштабистов, желавших служить во ВСЮР, в штаб главнокомандующего, срочно телеграфировал в Полтаву начальнику штаба V кавалерийского корпуса генерал-майору П. А. Кусонскому 1 (14) сентября 1919 г. с вопросом, как быть с прочими офицерами Генштаба⁴. 7 (20) сентября был получен ответ Кусонского о том, что все офицеры Генштаба подлежали отправлению в штаб главнокома⁵. Таким образом, руководство ВСЮР, несмотря на избыток командных кадров в целом и кадров Генштаба в частности, придавало большое значение переходам этих офицеров на свою сторону.

¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 129.

² Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.: (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1. С. 29.

³ Алферов З. А. Воспоминания. С. 211.

⁴ РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 299.

⁵ Там же. Л. 300.

В ночь на 5 (18) сентября 1919 г. в Таганрог в прицепном вагоне екатеринославского поезда из Киева отправилась первая группа перешедших в числе 22 генералов и штаб-офицеров, в основном негенштабистов^I. 11 (24) сентября состоялась отправка в Таганрог еще одной группы из 28 офицеров при девяти членах семей^{II}.

По-видимому, в отдельных случаях сразу учитывалась специализация перебежчиков. Так, курсовик капитан В.К. Дмоховский был направлен в Таганрог, но в распоряжение начальника военных сообщений генерала Н.М. Тихменева^{III}, т.е. в данном случае командование обратило внимание на его военную специальность.

Бывший курсовик капитан И.Г. Баковец, служивший в должности начальника штаба интернациональной бригады и захваченный в плен на Черниговском направлении, впоследствии вспоминал при даче показаний по делу «Весна» 20 октября 1930 г.: «В 1919 году, будучи под арестом у белых при контрразведке в Киеве на Фундуклеевской улице (в одной из гостиниц), моя жена в целях освободить меня обращалась, кажется, к матери генерала Кусонского с просьбой посодействовать через сына своего к освобождению меня из-под ареста и спасению от наказания, какое меня ожидало. Меня в лучшем случае ожидало разжалование в рядовые и лишение орденов и вообще всего, а в худшем случае – расстрел за службу на ответственных должностях в Красной армии. Мне известно, что всех царских генштабистов и офицеров от командира полка и выше направляли для реабилитации в ставку на Дон, меня же не отправили, несмотря на то, что я у красных был начальником штаба бригады, и, полагаю, потому, что академию я окончил при сов[етской] власти в 1918 году. Просидев около двух недель в контрразведке на Фундуклеевской улице, я был на два дня освобожден. На допросе я был два раза, где спрашивали у меня, главным образом, мою биографию. Мне ничего не предлагали, как равно и не предлагали сотрудничать. По истечении этих двух дней ко мне явились на квартиру и опять арестовали, числили уже за Освагом^{IV}. Я полагаю, это потому так, что на допрос меня водили на Левашевскую улицу (Липки, возможно и другая улица). В Осваге меня допрашивали один раз – опять об автобиографии, но здесь я уже пользовался большей свободой. По Киеву ходили слухи, что в Осваге нескольких расстреляли (вообще), и в городе находили убитыми неизвестно кем. Это создавало у меня боязнь за свою голову, и к этому периоду относятся хлопоты моей жены перед старой Кусонской о помиловании меня, которые, однако, не увенчались успехом. Тогда я от себя подал заявление на имя генерала Драгомирова, которого знал как бывшего командира корпуса, где я служил в должности к[оманди]ра б[атальо]на по старой армии. Заявление было подано адъютанту Драгомирова лично (имел возможность свободно ходить

^I Генералы: А. П. Аргамаков, П. И. Вербицкий, А. Н. или В. А. Добржанский, В. М. или Е. Д. Иванов, О. О. Лидерс, Ф. А. Снегосорев, Ю. К. Устимович, В. И. Черкасс. Полковники: Андреевский, Васильев, В. Ф. (?) Дикий, М. П. или С. М. Длусский, Крупенский, А. А. Макаров, Мещерский, Минде, Писарев, С. П. Разгильдеев, Ромербах, Слушко, И. И. Худашев; капитан Староскольский (РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 305).

^{II} Там же. Л. 540.

^{III} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 241.

^{IV} Осваг (Осведомительное агентство) — информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России в 1918–1920 гг. Пропагандистская работа Освага не отличалась эффективностью и подвергалась критике самими участниками Белого движения. Ликвидирован в 1920 г. П. Н. Врангелем.

по городу). В заявлении я указывал свой чин, должность и часть по старой армии, указал о своей службе в Красной армии, напомнил дипломатически, что служил в полку его корпуса, и, сославшись на наличие семьи, я просил о помиловании меня. Ответа на это заявление не последовало, и меня увезли в Вознесенск под конвоем...»¹ В показаниях, данных неделей позже, Баковец указал, что по заявлению на имя Драгомирова его все же освободили и направили на службу рядовым в Киевский караульный батальон².

Бывший капитан А. И. Батрук, рассуждая на следствии по делу «Весна» о том, как он остался в Киеве, отмечал: «В начале августа, ко времени подхода деникинских и петлюровских частей к г[ороду] Киеву, я был назначен на должность начальника штаба пластуновской бригады, выехать с которым своевременно не успел и временно задержался в Киеве из-за своего нездоровья. Вследствие быстро развернувшихся операций я не смог установить в штабе обороны г[орода] Киева местонахождения штаба бригады, а значит, и не мог к нему присоединиться. В дальнейшем мне следовало с ближайшей военной частью отступить из Киева, но этого я не сделал, отчасти из-за своего нездоровья и нездоровья жены, а также из-за боязни подвергнуть свою семью репрессиям со стороны белых, как семью офицера, ушедшего с частями Красной армии из Киева; судить о том, насколько я был прав или неправ в последнем отношении, я не берусь, но должен сказать, что оставление мною рядов Красной армии, может быть, недостаточно оправдываемое совокупностью перечисленных обстоятельств и подлежащее суровой каре, все же не вызывалось особыми симпатиями к белым, о политической установке в работе которых я, еще находясь на службе в центральном бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины, из сводок знал; полагаю, что это произошло потому, что в то время у меня не было определенно установившейся политической установки, и я действовал под влиянием тех импульсов, почвой для которых была моя прошлая жизнь.

По приходе в Киев деникинцев меня, после регистрации, как офицера Генерального штаба, направили для реабилитации в штаб Деникина в г[ород] Таганрог, куда и прибыл в начале сентября.

Дело с реабилитацией затянулось больше чем на месяц, и уже только в октябре я был направлен в штаб Добровольческой армии в Харьков для назначения на должность; так как уже наступили холода, я в штабе армии получил разрешение поехать в Киев и взять теплые вещи. По возвращении из Киева, я в штабе Добровольческой армии узнал, что я вновь откомандировываюсь в Таганрог в штаб Деникина, куда я и уехал; в Таганроге я узнал, что меня предали военноплевному суду за службу и деятельность в Красной армии; на суде, состоявшемся в ноябре месяце, мне вменили в вину то обстоятельство, что я будто бы являлся организатором связи Красной армии, вероятно, сопоставляя это с названием «центральное бюро связи и информации при Наркомвоен Украины», где я служил; такое обвинение, удивившее меня своей, можно сказать, военной безграмотностью, было опровергнуто свидетельскими показаниями подполковника [П. Я.] Бугай и генерал-майора Соколова, служивших в штабе Наркомвоен Украины, перешедшими к белым и установившими истинный характер моей работы в Красной

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 43об. – 44.

² Там же. Л. 40.

армии; все же, по приговору суда, утвержденному начальником штаба Деникина, меня направили рядовым в один из полков 2^й пехотной дивизии. После суда я заболел и был помещен для излечения в госпиталь в Таганроге. Все пережитое мною в армии Деникина и отвратительные условия помещения и питания, и презрительное отношение со стороны “коренных деникинцев” к нам, “красным советчикам”, и приговор суда, все это подавляюще подействовало на мою и без того угнетенную психику и не могло не настроить меня против окружающей обстановки...»^I

Иногда допускались послабления. Так, например, генерал-майору Т.М. Протазанову 27 августа (9 сентября) 1919 г. был разрешен проезд из Киева в Харьков, а уже оттуда в Таганрог^{II}. Выпускнику ускоренных курсов капитану А.С. Ролько был разрешен проезд в Одессу на 12 дней для сопровождения жены Анны Дмитриевны и сестры жены Евгении Дмитриевны Нестеровой. Разрешение было действительно до 20 сентября (3 октября) 1919 г.^{III} Впоследствии Ролько вспоминал о своих мытарствах в это время: «В августе 1919 г. вследствие болезни и тяжелой формы грыжи в Вологде уволен по болезни и за ранами вовсе от военной службы. Получив все необходимые документы и письменное разрешение Рев[олюционн[ого] в[оенного] сов[ета] 6^й армии на право поездки и жительства в Одессе в августе, больной, в сопровождении жены выехал. Т[ак] как Одесса к тому времени была занята белыми, я остался на жительство в Киеве. Белые, захватив город, объявили общую регистрацию, и я был арестован и как офиц[ер] Ген. штаба был отправлен в Таганрог на суд в Ставку. Был под судом и следствием с сентября [19]18 г. (правильно – 1919 г. – А.Г.) по январь [19]19 г. (правильно – 1920 г. – А.Г.) и из Одессы, куда я был уволен на поправку после сыпн[ного] тифа, я скрылся за границу. В Варне поступил матросом и, плавая, участвовал в эвакуации белых из Новороссийска в Севастополь. В апреле 14го был опознан на пароходе в Севастоп[оле], арестован и посажен в севастоп[ольскую] тюрьму, где просидел до 29 июня. Освобожден по врангелев[ской] амнистии с отправлением на фронт. Но вновь тайно уехал через Константинополь в Палестину, где пробыл до мая 1921 г. В мае вернулся в Кон[стантинополь] и при содействии Сов[етской] торговой делегации выехал в Одессу и 6 июня был арестован. У белых не служил и виновным себя совершенно не считаю»^{IV}.

Начальник штаба Полтавского отряда предписал 31 августа (13 сентября) коменданту станции Киев оказать содействие в отправлении из Киева в Тифлис еще недавно числившегося в резерве при штабе Народного комиссариата по военным делам Украинской ССР^V бывшего генерал-майора С.И. Верховского ввиду сухотки спинного мозга и ослабления зрения^{VI}.

Приказом главнокомандующего ВСЮР № 2661 от 11 (24) ноября 1919 г. был сформирован военно-полевой суд по делу генерала П.Н. Бурова под председательством генерал-лейтенанта Н.А. Илькевича и в составе генерал-майора С.М. Трухачева, генерал-майоров А.В. Корвин-Круковского, Н.Г. Синеекова и Б.Н. (?) Григоровича.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 42об.–43.

^{II} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 183.

^{III} Там же. Л. 214.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 241. Л. 63об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38.

^{VI} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 281.

Илькевич и Трухачев были генштабистами. Суд приговорил Бурова к четырем годам каторжных работ^I. Между прочим, Буров был георгиевским кавалером (награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за прорыв немецких позиций у озера Нарочь) и героем Первой мировой войны. Буров рассказал о случившемся протопресвитеру Добровольческой армии и флота Г. Шавельскому, который впоследствии вспоминал: «Бурова я знал еще по академии Генерального штаба и после следил за его службой. Пришедши ко мне, Буров, как на духу, рассказал мне и про свою “службу” у большевиков (в течение года он сменил у них пятнадцать мест, значит, фактически не служил), и про свое семейное положение: его жена с двумя детьми в это время голодала в Харькове (я читал ее письма), жила в неотапливаемой комнате, с закрытыми ставнями, чтобы теплее было; ели горячее через день; все распродала; исхудала так, что не могла сидеть на деревянном стуле, дети покрылись нарывами. Буров плакал навзрыд, рассказывая про свое горе»^{II}. Шавельский сумел добиться у начальника штаба ВСЮР генерал-лейтенанта И.П. Романовского изменения приговора, и Буров был помилован. Перешедший к белым вместе с Буровым и Языковым бывший генерал-майор К.А. Моравицкий обвинялся белыми в том, что «зачислившись добровольно на службу к большевикам и занимая весьма ответственные должности в красной армии, не выполнил принятого на себя обязательства сообщать в Добровольческую армию сведения о красных войсках и не приложил никаких усилий уклониться от большевистской службы или хотя бы устранить от занятия столь ответственных должностей, принося своею деятельностью, напротив, несомненно большую пользу большевикам...»^{III}

Сдачи высшего комсостава происходили и вокруг Киева. Так, например, начальник штаба Полтавского отряда полковник Г.А. Эверт телеграфировал 25 августа (7 сентября) дежурному генералу штаба главнокомандующего ВСЮР из Киева: «По приказанию командующего отрядом генерала Бредова при сем препровождаю перебежавших в районе Бахмача бывшего начдива 2-й Сводн[ой] советской дивизии бывшего генерала Жданова с ординарцем-красноармейцем Григорием Потаповым и женой при 2-х детях. Жена и дети арестованными не считаются»^{IV}. Речь шла о генерал-майоре Н.А. Жданове, выпускнике академии 1903 г.^V Ранее он командовал 11-й и 12-й советскими армиями. В РККА числился пропавшим без вести при отступлении от Киева^{VI}. Ценного перебежчика сначала доставили в Полтаву в штаб V кавалерийского корпуса, а 24 августа (6 сентября) его предписано было отправить в распоряжение начальника штаба 7-й пехотной дивизии для дальнейшего направления в распоряжение дежурного генерала штаба главкома^{VII}.

Существовала еще одна категория офицеров, попавших к белым. Их трудно отнести к перебежчикам, поскольку речь идет о заключенных киевских тюрем, которые вышли на свободу после взятия Киева белыми. Среди них также были офицеры Генштаба. Например, пожилой генерал от инфантерии В.Е. Бухольц

^I Рутыч Н. Н. Биографический справочник... С. 59.

^{II} Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 359.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 67.

^{IV} Там же. Л. 146.

^V Подробнее о Жданове см.: Ганин А. В. Измена командармов. С. 671–760.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47.

^{VII} РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 69. Л. 147–147об.

(Бухгольц) – ветеран Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., окончивший академию еще в 1876 г. Позднее, находясь в эмиграции, он вспоминал: «12 мая / 29 апреля 1919 года подвергся на квартире в Киеве ночному обыску большевиками и был ими арестован как контрреволюционер и посажен в Киевскую чрезвычайку. Через неделю после опроса был приговорен к содержанию в концентрационном лагере до окончания Гражданской войны. Но так как этот лагерь был еще не готов, то из чрезвычайной комиссии я был препровожден под конвоем в Киевскую губернскую Лукьяновскую тюрьму в общий тюремный корпус, а после серьезного припадка нервного потрясения с тяжелым головокружением содержался в тюремной больнице.

29 июня, в день Св. Св. Петра и Павла, был перевезен в навозной телеге в концентрационный лагерь, которым оказалась пересыльная тюрьма военного ведомства с ужасными моральными, антигигиеническими и питательными условиями жизни и содержания. Через неделю я заболел кровавым поносом, перешедшим в холеру, и по настоятельному требованию женщины-врача был отправлен пешком в Киевский военный госпиталь в арестантское отделение, где подвергался оскорблениям как сменявшихся ежедневно караулов большевицких банд, так и больных солдат их армии. 18 августа 1919 года, после четырехмесячного лишения свободы, я был освобожден из-под ареста пришедшей в Киев и обратившей большевиков в бегство дивизией генерал-лейтенанта Бредова. А 8 сентября ввиду дошедших до Киева сведений о наступлении на Киев с севера, из Черниговской губернии, новых большевистских банд, я эвакуировался из Киева в Ростов...»¹ До отъезда из России Бухгольц числился в рядах ВСЮР.

Генерал А.И. Деникин отмечал, что прохождение через процедуру официальной реабилитации спасало перебежчиков от суда общественного мнения, намного более сурового². По свидетельству Деникина, с сентября 1918 по март 1920 г. суду было предано порядка 25 генералов, смертной казни из них не был подвергнут никто, причем все разжалованные в рядовые к концу 1919 г. были восстановлены в прежних чинах³. К сожалению, не все эти случаи отражены в приказах главнокомандующего ВСЮР (см. табл. 54).

Таблица 54

Приказы главнокомандующего ВСЮР о предании выпускников и слушателей Николаевской военной академии военно-полевому суду (даты приказов по старому стилю)

Ф.И.О.	Приказы о предании суду, реабилитации или приговоре	Решение суда и главкома ВСЮР
И. П. Сытин	№ 207. 01.02.1919; № 2792. 20.01.1920	Разжалован в рядовые, впоследствии восстановлен в чине
А. П. Архангельский	№ 325. 12.02.1919; № 434. 07.03.1919	Оправдан
А. Л. Носович	№ 490. 17.03.1919	Оправдан

¹ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 77. Л. 35–35об.

² Деникин А. И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию. 1928. № 70. С. 8.

³ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 130–131.

Ф.И.О.	Приказы о предании суду, реабилитации или приговоре	Решение суда и главкома ВСЮР
Н. Н. Карепов	№ 2535. 12.10.1919; № 2603. 21.10.1919	Оправдан
М. Л. Бачинский	№ 2584. 17.10.1919	Смертная казнь через повешение, наказание заменено на четыре года каторжных работ с освобождением за старостью от фактического отбывания наказания, оправдан
П. Н. Буров	№ 2668. 12.11.1919; № 2694. 29.11.1919	Помилован
К. А. Моравицкий	№ 2627. 14.11.1919	
А. А. Котельников	№ 2627. 14.11.1919; № 2692. 22.11.1919	Лишение всех прав состояния и восемь лет каторжных работ
Д. А. Мельников	№ 2690. 25.11.1919; № 2773. 07.01.1920	Прощен
В. В. Буняковский	№ 2690. 25.11.1919; № 2773. 07.01.1920	Прощен
Н. А. Жданов	№ 2712. 05.12.1919	Оправдан
В. Е. Борисов	№ 2712. 05.12.1919; № 2774. 07.01.1920	Приговорен к отдаче в исправительные арестантские отделения на четыре года, освобожден от наказания ввиду преклонного возраста

В приказах подробно расписывались обвинения в адрес перебежчиков. Например, в отношении генерала В. Е. Борисова приказ звучал следующим образом: «Предаю военно-полевому суду Генерального штаба генерал-лейтенанта Борисова, по обвинению его в том, что в августе 1917 года, когда назревало выступление генерала Корнилова, имевшее в виду установление в России порядка и восстановление¹ боеспособности Русской армии, подал Керенскому доклад, в котором, считая Россию организованным демократическим государством, доказывал недопустимость в России средоточия² власти Верховного главнокомандующего в одном лице, указывая на то, что в демократическом государстве, каковым он считает Россию, Верховное командование должно быть представлено особо организованной коллегией, ибо только этим путем возможно предотвратить захватные выступления военной власти, причем, как всей своей литературно-научно-педагогической деятельностью, так и в политических убеждениях, коих он придерживается и в настоящее время, защищал и проводил в жизнь вышеуказанный принцип, каковыми своими действиями благоприятствовал неприятелю в его враждебных и военных действиях против России; что после захвата власти большевиками, проживая в Петрограде и Москве и занимая добровольно на советской службе ряд

¹ В документе — восстановления.

² В документе — средоточие.

должностей, требовавших применения специальных знаний офицера (генерала) Генерального штаба, зарекомендовал себя полезным для советских властей работником и, участвуя по приглашению Ленина, Троцкого и других высших должностных лиц советской власти на совещаниях, добровольно давал по специальным вопросам советы, каковыми советами пользовались советские власти, чем сознательно содействовал осуществлению основных задач советской власти и причинял существенный вред Вооруженным силам на Юге России, т.е. за преступление, предусмотренное частью 1 пункт 1, утвержденного мною 30 июля сего года закона об уголовной ответственности участников установления советской власти и лиц, содействовавших ее распространению и упрочению...»^I

Только 14 (27) декабря 1919 г. был издан запоздалый приказ главкома ВСЮР об амнистии перешедшим из Красной армии офицерам^{II}. Поскольку судебные дела продолжали тянуться и далее, выходили приказы об их прекращении, очевидно, амнистия не стала автоматической. 29 апреля (12 мая) 1920 г. генерал П.Н. Врангель издал еще один похожий приказ № 3052, согласно которому предписывалось всех офицеров и солдат РККА, сдавшихся белым, «освободить от всех кар и ограничений и восстановить в правах, преимуществах, выслуженных до 1 декабря 1917 года и по вступлении в войска Вооруженных сил Юга России»^{III}. Аналогичный приказ № 3053 предписывал провести такие же действия в отношении перешедших из национальных армий^{IV}.

В ряде случаев суд играл реабилитирующую для бывших военспецов роль. Бросается в глаза кажущаяся внешняя формальность практики предания суду (в частности, предавались суду и реабилитировались в том числе и известные белые подпольщики из РККА). Такая практика была рассчитана на успокоение фронтовой массы, ненавидевшей большевиков, но подобный подход обернулся для белых катастрофой. Разжалованные и ошельмованные военспецы могли принести значительную пользу отнюдь не в качестве простых телефонистов или каторжников, а, например, будучи направлены в армию адмирала А.В. Колчака, где, даже несмотря на переход к белым Военной академии, нехватка опытного командного состава и квалифицированных штабных работников достигла катастрофических масштабов.

Впоследствии, уже в эмиграции, когда события Гражданской войны отошли в прошлое, некоторые ветераны Белого движения стали проявлять осторожность в суждениях о военспецах. В этом отношении интересен отрывок из письма полковника В.В. Добрынина генералу А.И. Деникину от 23 декабря 1934 г.: «Не судите, да не судимы будете. Не все “красные” офицеры служили в силу перемены психологии. Большинству пришлось примениться к тяжелой и неизбежной обстановке. Наши судьи и “реабилитаторы” и сами не всегда были безукоризненны»^V.

Желая обезопасить себя от нападков, некоторые переходившие от красных офицеры в свое оправдание распространяли версии о том, что в рядах РККА активно участвовали в работе белого подполья, в связи с чем нередко затруднительно отделить подлинные свидетельства о подпольной работе от вымысла.

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 131.

^{II} Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 399.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 178. Л. 51.

^{IV} Там же. Л. 52.

^V ГА РФ. Ф. Р-6838. Оп. 1. Д. 83. Л. 3.

Нередко от серьезных репрессий спасала корпоративная солидарность генштабистов как бывших товарищей по академии. Видный деятель белого подполья в Киеве полковник Н. Ф. Соколовский по занятии частями ВСЮР города в 1919 г. передал белому командованию список лиц, которые якобы помогали ему в тайной работе против красных. В список вошли сослуживцы подпольщика из числа генштабистов. Тем самым ряд офицеров смогли избежать сложностей с реабилитацией за службу в РККА¹. Военный журналист А. А. Валентинов пересказывал историю о перелете к белым в январе 1920 г. капитана М. П. Строева (Рихтера): «Опустился он под Тихорецкой в наше расположение, несомненно, по ошибке, так как наши акции в те дни с неудержимой быстротой катились уже к Новороссийску и никаких надежд на исправление дел у Строева быть не могло. Да и он сам не скрывал происшедшей ошибки. Несмотря на это, когда его привели в поезд ставки и ввели в вагон оперативного отделения, некоторые офицеры Генштаба (коллеги, кажется, по выпуску) встретили его оживленными восклицаниями, а капитан Г. даже бросился ему на шею. Делу был придан такой вид, будто Строев опустился к нам нарочно. Ротмистр князь К. (офицер для поручений при генерале Деникине), ошеломленный происшедшим, допустил несколько очень резких выражений по адресу Генштаба. Об инциденте доложили генералу Деникину, указав, что Строев опустился нарочно. Генерал Деникин тотчас же уволил 70-летнего князя К. без прошения. Позже вина Строева была доказана»².

О необходимости дифференцированного подхода к пленным военспецам писал генерал Д. В. Филатьев в докладной записке «Оценка взаимного стратегического положения противобольшевистских и большевистских войск», составленной 4 февраля 1919 г.: «В отношении командования, т. е. генеральского и офицерского состава, советская армия не имеет преимуществ перед Донской, Кубанской и Добровольческой армиями, но, несомненно, значительно превосходит армию адм[ирала] Колчака, в которой чисто по географическим условиям должен ощущаться большой недостаток генералов и офицеров.

Приходится еще думать, что в отношении командного состава на пользу Троцкого пошел приказ по Добровольческой армии³, грозящий карами тем, кто не оставит немедленно ряды Красной армии и не перейдет на сторону добровольцев. Каково же должно быть душевное состояние тех, что попали в Красную армию или ее управление по набору? Да если и не по набору, то лишь из-за того, что семьям буквально было нечего есть. Кроме того, уйти или уехать из Совдепии совсем не так просто, особенно для человека без средств; мытарства же по железной дороге под видом крестьянина или рабочего доступны только офицерам выносливым и молодым. Хотя многие из офицеров для того только и поступали в советские войска, чтобы при первом столкновении перейти на противоположную сторону, однако при строгом надзоре такие переходы очевидно не легки, а для семейных, кроме того, есть еще одна тревога: уйдешь, расстреляют семью, а если не удалось уйти, впереди ждет жестокая расправа от добровольцев.

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 87об.

² Валентинов А. А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 16.

³ № 148 (примеч. Д. В. Филатьева).

При такой альтернативе возможно, что человек, особенно слабый духом, из невольного сотрудника Троцкого делается сознательным его помощником, рассчитывая на то, что успех Троцкого, во всяком случае, избавит от того возмездия, которое неизбежно при его поражении. Конечно, такие чувства очень низки, но в жизни героические натуры встречаются редко, а остальные — все люди среднего типа, не слишком сильные в борьбе. Исходя только из этого соображения, не следовало бы ставить на одну линию всех вообще генералов и офицеров, служащих в Красной армии, и явных предателей вроде Бонч-Бруевича, Сулеймана, Раттеля, Свечина, Парского, Сытина, Снесарева, Егорьева, [Алексея?] Гутора¹ и Болховитинова, так искусно скрывавшего свою интимную близость к Троцкому. Равным образом не заслуживают пощады и разные неизвестные точно по фамилиям командующие фронтами и армиями и так называемые “руководители военных районов”, которые, быть может, шли сначала к Троцкому, искренно веря в его намерение воевать с немцами, но которые тем не менее остались на своих местах и тогда, когда стало очевидным, что советская власть и не помышляет о борьбе с Германией. К тому же вначале большевики, как известно, никого не задерживали и всем позволяли выходить в отставку, так что кто хотел, тот мог уходить свободно, а если остался, то, значит, сделал это сознательно. Наконец, трудно уклониться от мобилизации, но никакая сила не может заставить человека принять на себя командование фронтом или армией.

Вот и следовало бы различать категории лиц, служащих у Троцкого, карая одних и входя в положение других, а главное, не забегая вперед с угрозами, которыми можно только ухудшить свое же положение. После победы будет время разобраться, кто в какой мере виноват²”.

Схожие процессы происходили у белых на Востоке России, где бывших военспецов подвергали различным преследованиям. Наиболее известен случай генерал-лейтенанта барона А.А. фон Таубе. Уже в 1917 г. он, занимая должность начальника штаба Омского военного округа, сотрудничал с сибирскими большевиками и получил прозвище «красный генерал»³. После прихода большевиков к власти Таубе активно проводил их политику, в том числе принимал репрессивные меры в отношении участников антибольшевистских выступлений⁴. Мотивация генерала не вполне ясна, но известно, что он был знаком с марксистской литературой⁵. Таубе участвовал в разработке проекта Положения о Красной армии⁶. В 1918 г. он занимал пост начальника Главного штаба Сибирского военного комиссариата. После того как Сибирь перешла под контроль белых, бывший генерал пытался пробраться в Москву, но в начале сентября 1918 г. был арестован в Бодайбо и попал в Иркутскую тюрьму, а затем, будучи закован в кандалы, переведен в 1-ю Екатеринбургскую губернскую тюрьму. В Екатеринбурге Таубе судили и приговорили к смертной казни, однако казнен он не был, так как в январе 1919 г. умер от тифа.

¹ Если верно, что он пошел в главнокомандующие и наступал на Киев (примеч. Д. В. Филатьева).

² ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 259. Л. 3–5. Выражаю благодарность д. и. н. В. Ж. Цветкову за указание на этот источник.

³ Подробнее см.: Познанский В. С. Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1978.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 78.

Подполковник А.Я. Нарышкин телеграфировал 24 ноября 1918 г. начальнику штаба Верховного главнокомандующего: «Мною 13 ноября была доложена бывшему главковерху (генералу В.Г. Болдыреву. — А.Г.) и Вашему превосходительству просьба очистить корпус офицеров Генерального штаба от офицеров Генштаба, состоявших на службе у большевиков. Причиной послужило нахождение на должности Генштаба в Ставке офицера, переведенного в Генеральный штаб Троцким, который носит сейчас форму генштабиста и который состоял в штабе большевиков в Екатеринбурге и перешел на нашу сторону только тогда, когда участь боя у Екатеринбурга ясно клонилась в нашу сторону. Свой устный доклад мотивировал Вашему превосходительству следующим[:] 1) ввиду того, что в Сибирской армии существует приказ н[оме]р 69 об офицерах, служивших в Красной армии, где указано, что офицеры, даже поступившие из-за куска хлеба в Красную армию, подлежат суровой ответственности, то этот приказ должен [быть] без всяких оговорок применен и к офицерам Генштаба, так как офицеры Генштаба, состоя у большевиков, занимали высокие посты, получали большое содержание и своей службой показывали возможность служить у Ленина и Троцкого [—] заведомых немецких шпионов, что[бы] все офицеры Генштаба знали поэтому, если сурово судят прапорщика, то офицера Генштаба должно судить возможно строже, 2) нахождение таких офицеров в Ставке и высших штабах позорит корпус офицеров Генштаба и мундир Генштаба, 3) мною было высказано желание установить теперь же суд чести из офицеров Генштаба, который должен потребовать письменно объяснение от каждого офицера Генштаба о его службе и деятельности за время после заключения Брестского мира и до поступления на службу в противобольшевицкую армию, 4) суд чести должен быть составлен из офицеров, кои после Брестского мира не состояли на службе в военном ведомстве и не получали от правительства Ленина-Троцкого жалование, 5) приказом наштаверх от 4/10 н[оме]р 2 главковерхом введены суды чести согласно ранее действовавших правил во всех частях и учреждениях, 6) главковерх и Ваше превосходительство после моего доклада обещали сделать соответствующие распоряжения и принять меры, 7) 23 ноября моим подчиненным была получена телеграмма из Ставки, подписанная Генштаба капитаном Симоновым, переведенным в Генеральный штаб Троцким, 8) ввиду изложенного и считая, что офицеры Генштаба должны и обязаны стремиться [к] очистке корпуса офицеров Генштаба от красноармейцев, дабы не подрывать доверия к себе со стороны строя и честных граждан родины, я вновь обращаюсь к Вашему превосходительству и прошу гг.¹ офицеров Генштаба поддержать мой доклад о необходимости введения суда чести офицеров Генштаба на приведенных условиях с обязательным постановлением суда чести о каждом офицере Генштаба в отношении службы в Красной армии и получения содержания от правительства Ленина и Троцкого, дабы офицер Генштаба мог спокойно работать, не считая для себя возможным встречаться по службе с людьми, служившими у немецких шпионов и [которые] распоряжением этих шпионов переведены в русский Генштаб. Челябинск. 24 ноября. н[оме]р 612/н Генерального штаба подполковник Нарышкин»².

¹ Господ.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 5–7.

Этот и многие подобные документы наглядно демонстрируют недалёковидность и непрактичность белого командования. Достаточно пронизателен был генерал-майор Н. Т. Сукин, который отметил, что подобная телеграмма «может вызвать осложнение при ее исполнении»¹. По некоторым данным, Нарышкин таким хитрым способом просто сводил счеты со своим старым сослуживцем по челябинскому гарнизону капитаном А. Л. Симоновым, с которым находился в конфликте.

Симонов был вынужден оправдываться. Он писал в рапорте 1-му генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем 25 ноября, что был переведен в Генштаб не Троцким, а автономным ГУГШ. Кроме того, Симонову пришлось доказывать принадлежность к белому подполью в РККА: «Расследование документально устанавливает, что я служил в штабах Красной армии не только в Екатеринбурге, а с первого дня окончания старшего класса академии, как член ордена, поставившего себе задачей свержение большевиков и спасение Родины активным путем.

Что касается вознаграждения за службу в красноармейских штабах, то в то время оно было настолько мизерным, что говорить о нем не приходится. Если этого не знал подполковник Нарышкин, то могу только пожалеть»². Офицер одиннадцать недель находился под следствием, но в конце концов был реабилитирован.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Д. А. Лебедев 8 марта 1919 г. подписал приказ № 189, согласно которому пленные военспецы подлежали военно-полевому суду, а добровольные перебежчики из генералитета подлежали отправке в Омск в распоряжение начальника Главного штаба.

Централизованная система расследования службы офицеров у красных и их реабилитации возникла в белой Сибири в 1919 г. 20 марта 1919 г. на фоне успешно развивавшегося весеннего наступления колчаковских армий на советский центр вышло постановление Совета министров о следственных комиссиях для расследования деятельности, прикосновенной к советской власти и иным мятежам и противогосударственным организациям офицерских и классов чинов и врачей военного и морского ведомств, состоящих на действительной службе. Документ утвердил Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А. В. Колчак³. Создавались Центральная следственная комиссия при военном и морском министрах, а также местные комиссии при командующих войсками округов и в случае надобности при других начальниках.

Каждая комиссия включала председателя и трех членов. По штату в Центральной комиссии председательствовал генерал-лейтенант или генерал-майор, в местных — генерал-майор или полковник. Членами Центральной комиссии могли быть генерал-майоры или полковники, а в местных комиссиях — штаб-офицеры. Устанавливались и оклады: председатель Центральной комиссии получал 1360 руб., члены — 1120 руб. Председатель местной комиссии получал 1120 руб., члены — 880 руб. В ведении Центральной следственной комиссии находились все дела о генералах и штаб-офицерах, пользующихся правами не ниже командира отдельной части.

В апреле 1919 г. был утвержден состав Центральной комиссии. Ее председателем стал помощник военного министра по казачьим делам генерал-майор

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 1об.

³ ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Б.И. Хорошхин, членами — начальник 1-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Д.Я. Милович, начальник 11-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор С.И. Лящик и состоящий в распоряжении Войскового атамана Сибирского казачьего войска генерал-майор И.С. Ефтин. Делопроизводитель — и.д. делопроизводителя Главного законодательно-финансового управления подъесаул Хомутов^I.

В мае 1919 г. была составлена инструкция следственным комиссиям по расследованию деятельности, прикосновенной к советской власти и к иным мятежным и противогосударственным организациям офицерских и классовых чинов и врачей военного ведомства на действительной службе^{II}.

Поскольку колчаковские армии в ходе наступления брали пленных, в том числе бывших офицеров, комиссия должна была заниматься расследованием советской службы попадавшихся белым высокопоставленных лиц. Впрочем, вскоре наступление белых стало пробуксовывать, а затем началось и отступление. В этой связи объем работы Центральной комиссии, занимавшейся генералами и штаб-офицерами, был невелик и нередко касался не военнопленных, а тех, кто уже около года служил у белых, но когда-то, до возникновения антибольшевистского фронта на Востоке России, в первой половине 1918 г., имел неосторожность служить в Красной армии.

В расследованиях декларировалась жесткость. Еще 6 мая 1919 г. военный министр генерал-майор Н.А. Степанов писал председателю Центральной комиссии по расследованию причастности офицеров к противогосударственной деятельности: «По полученным мною сведениям, в Добровольческой армии генерала Деникина установлено беспощадное отношение к высшим воинским чинам, причастным к службе в Красной армии и учреждениях советской власти.

Решение это основано на взгляде, что высокое дело борьбы за освобождение Родины от захватных насилий большевизма должно быть основано на самоотверженности и не совместимо с какой-либо, даже провокаторской, деятельностью в рядах преступных убийц и разрушителей святой Руси.

“Добровольческая армия не нуждается в провокаторах”, — говорится в приказе генерала Деникина, т.к. заслуги таковой провокации ничтожны по сравнению с тем губительным злом, которое^{III} приносят России высшие воинские чины, помогая Красной армии своими знаниями и опытом. Все военные успехи большевиков являются тому свидетелями.

Со своей стороны считаю этот взгляд совершенно правильным и предлагаю Центральной следственной комиссии им руководствоваться при своих суждениях. Решения комиссии по всем делам высших чинов должны быть строги и неумолимо тверды. Чем выше ранг, тем большая ответственность. Пассивность и уступчивость командного состава создали у нас революцию, погубили в армии дисциплину, у офицеров — заветы воинского долга и чести, помогли злодеяниям большевиков и гибели Родины^{IV}. На документе имелась резолюция Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака: «Согласен». Впрочем, реальные расследования суровостью, насколько можно судить,

^I Там же. Л. 36.

^{II} Там же. Л. 38.

^{III} В документе ошибочно — который.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–13об.

не отличались. Тем более что проверить оправдательные показания бывших военспецов возможности не было.

Расследования затронули ряд генштабистов. Среди них генерал-лейтенант В.В. фон Нотбек, генерал-майор В.Е. Мясников, полковники А.В. Беклемишев и Г.И. Клерже, подполковник Н.Д. Молотов (Гаммер). Отдельное расследование было посвящено Военной академии, перешедшей к белым от красных, и ее начальнику генералу А.И. Андогскому. Следует отметить, что расследования в отношении Г.И. Клерже^I и академии^{II} носили политический характер и были связаны с борьбой военных группировок в Омске. В некоторых случаях речь шла об интригах и сведении счетов. Насколько можно судить, серьезных последствий эти расследования не имели. Например, в отношении Беклемишева начальник Главного артиллерийского управления 4 мая 1919 г. указывал, что произведен в следующий чин он может быть лишь после разбора его дела в следственной комиссии и реабилитации^{III}. Речь шла о кратковременной (чуть более месяца) службе Беклемишева в Самаре помощником начальника артиллерийского управления Приволжского военного округа. По этому делу Беклемишев 3 июля 1919 г. был оправдан^{IV}.

Отношение белых к генштабистам-перебежчикам во многом предопределялось количеством кадров Генштаба в самих белых армиях. На Юге России, где белые обладали большим запасом соответствующих специалистов, это отношение, насколько можно судить, было строже и хуже, чем на Востоке России. В белой Сибири генштабистов было меньше, поэтому их ценили выше. Тем не менее и на Юге, и на Востоке те, кто переходил от красных, попадали под следствие для выяснения мотивов и обстоятельств их службы в РККА. Все это, разумеется, отталкивало от белых их потенциальных сторонников. Как писал в 1925 г. ветеран Белого движения на Юге России полковник В.К. Манакин, белых на Юге «подкосили... грабежи и суды над переходящими к ним красными офицерами»^V. Со степенью значимости последнего фактора можно спорить, но такова оценка одного из непосредственных и авторитетных участников событий.

§ 3. Пленные генштабисты в Советской России

На волне успехов Красной армии в 1919–1920 гг., занятия красными все новых территорий и ликвидации контрреволюционных очагов участились случаи сдачи или попадания в советский плен выпускников и слушателей Военной академии из белых и национальных армий. Сформировавшимся стереотипом общественного сознания стали представления о поголовном истреблении пленных белых офицеров.

^I Материалы этого дела опубликованы в: *Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания* / под ред. А. Л. Посадскова. Новосибирск, 2012.

^{II} Публикацию сохранившихся материалов см. в: *Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии...* С. 691–727.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

^{IV} Там же. Л. 32.

^V АСБ. Т-РZIA. 6–1035. Л. 37.

Действительно, бывшие офицеры и военные чиновники белых армий являлись, пожалуй, ключевой социальной группой, подвергавшейся преследованиям в Советской России, однако отношение к различным категориям пленных было дифференцированным, причем пленных генштабистов выделяли в особую категорию.

Генштабисты попадали в плен как в результате массовых сдач, так и поодиночке. Причины этого явления различны и во многом ситуативны. Свою роль играло естественное патриотическое желание бывших офицеров русской армии не покидать родину и не скитаться по чужим странам. Часть офицеров стремилась остаться в родных местах даже при смене власти. Некоторых привлекала служба в Красной армии, доказавшей на полях сражений Гражданской войны свою высокую боеспособность и разгромившей всех врагов. Несомненно, сказывались и разочарование в борьбе, усталость от войны, стремление к мирной жизни, наличие родственников на советской территории. На отдельных фронтах в суровых климатических условиях офицеры сдавались в плен, оказавшись в почти безвыходном положении, не имея возможности куда-либо эвакуироваться или отступить. Разумеется, в плен попадали и те, кто находился в беспомощном состоянии – например, заболевшие. Пленения происходили и непосредственно в ходе боев. Встречались и сугубо индивидуальные мотивы сдачи в плен. Например, ротмистр-колчаковец И.А. Плюцинский в связи с отступлением белых в Забайкалье не желал или даже опасался служить у атamana Г.М. Семенова¹, подчиненными которого ранее арестовывался, и предпочел сдаться красным (в плену Плюцинский был расстрелян).

Следует отметить, что прямое дезертирство генштабистов из белых и национальных армий и добровольный переход на сторону красных были распространены намного меньше обратного процесса – дезертирства от красных к их противникам, что обусловлено самой природой противоборствовавших сторон Гражданской войны. По оценке орловского исследователя Р.М. Абинякина, добровольные сдачи в плен свидетельствовали не только об обреченности противников большевиков, но и об их мужестве ввиду неопределенности служебных и жизненных перспектив, а также о мировоззренческом переломе². Относились к попавшим в плен белым не как к обычным военнопленным, а скорее как к предателям, из чего проистекали и соответствующие действия советских властей.

В разгар Гражданской войны с пленными порой не церемонились, особенно в удаленных от центра регионах, слабо контролировавшихся Москвой. Возможно, один из таких случаев описан в докладной записке красного начдива В.И. Киквидзе о событиях 1918 г. на Южном фронте: «Захватили ихний штаб командующего Хоперским военным округом Дудакова, начальника штаба Дудакова, капитана Генерального штаба, с другими контрреволюционерами-офицерами, после отказа отвечать на вопросы были нами расстреляны»³. Речь шла о штабе

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 230об.

² Абинякин Р. М. Бывшие офицеры – заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 83.

³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1025. Л. 27.

организатора казачьего восстания на Хопре П.Р. Дудакова. Сам Дудаков в плен не попадал, а эмигрировал в 1920 г. из России. Кто являлся при нем начальником штаба, установить не удалось.

Некоторым везло. Так, один из видных деятелей Белого движения на Юге России генерал А.С. Лукомский вместе с генералом И.А. Ронжиным (негенштабистом) был командирован генералом Л.Г. Корниловым в марте 1918 г. в Екатеринодар, чтобы подготовить переход Добровольческой армии на Кубань. По дороге генералы были захвачены красными. Лукомский принял яд, но тот не подействовал. В итоге генералов судили на станции Степной, но не опознали, что спасло им жизнь (при том, что из 23 арестованных были расстреляны 18 человек). В дальнейшем Лукомский скрывался в Царицыне, а затем пробрался в Харьков, а летом 1918 г. вернулся в Добровольческую армию, где в дальнейшем занимал руководящие посты. Ронжину также посчастливилось уцелеть и вернуться к белым¹.

Пожалуй, первый массовый переход генштабистов из антибольшевистских армий к красным связан с событиями на Украине на рубеже 1918–1919 гг. — падением режима гетмана П.П. Скоропадского и приходом к власти радикальных украинских националистов. Тогда немало офицеров поспешили присоединиться к красным, полагая, что под властью украинских радикалов им придется хуже. Как показывал на следствии по делу «Весна» бывший войсковой старшина украинской гетманской армии А.И. Батрук, «более чем десятимесячное пребывание в рядах армии Украины убедило меня в неустойчивости государственной власти, политика которой расходилась со стремлением основной массы населения, и вытекающая отсюда слабость армии привела меня к убеждению, что мое решение, принятое весной 1918 г., было неправильно, и поэтому я решил не связывать свою судьбу с УНР, с ее армией, а остаться в Киеве и ждать прихода Красной армии; понятно, что об этом решении я ничего не говорил своим сослуживцам по Главному штабу. По занятии Киева Красной армией я был, после соответствующей регистрации, назначен на службу в штаб Киевского окружного комиссариата, а затем переведен в центральное бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины на должность помощника начальника названного бюро...»² Следующий период массовых сдач в плен на Юге относится уже к 1920 г.

Некоторые офицеры, невзирая на смену режимов, всю Гражданскую войну проживали и служили в одних и тех же местах. При частых перемещениях линии фронта такие люди неизбежно попадали в плен, причем не по одному разу. Так, подполковник И.Н. Скорина еще в годы Первой мировой войны преподавал в школах прапорщиков в Киеве, в 1917–1918 гг., несмотря на смену режимов, он продолжал вести преподавательскую работу на том же месте, а в феврале 1919 г. остался в Киеве после ухода войск Директории и, таким образом, попал в Красную армию, причем позднее смог вернуться к привычной преподавательской работе в Киеве. Похожей была стратегия полковника А.С. Карпенко, служившего в 1918–1919 гг. при разных режимах в Елисаветградском кавалерийском училище.

¹ НИА. М. D. Vrangeli collection. Box 7. Folder 10; Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 18–36.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 42–42об.

Распоряжением ВГШ от 13 июля 1919 г. № 51379, согласованным с Особым отделом ВЧК и изданным в его развитие приказом РВСР от 17 февраля 1920 г. № 278, военнопленные и перебежчики, захваченные на фронтах Гражданской войны, благонадежность которых было затруднительно установить по первоначальным показаниям, направлялись в лагеря принудительных работ. Инвалидов было предписано освобождать¹. Лагеря находились в ведении Главного управления принудительных работ — предтечи печально известного ГУЛАГа. Пленные в обязательном порядке становились на учет Особого отдела и проходили идеологическую обработку на политических курсах. При назначениях бывших белых на должности в РККА в каждом случае требовалось запросить мнение Особого отдела ВЧК. Последний давал рекомендации о возможности назначения на должности и производил необходимые проверки.

Предписания о том, как надлежит поступать с пленными в случае их приема в РККА, относятся еще к 1919 г.² Эти документы предусматривали направление пленных на другие фронты. Вопрос о пленных в Советской России курировала Центральная коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), созданная весной 1918 г. для урегулирования вопроса о пленных и беженцах Первой мировой войны. В 1919 г. ее функции были распространены на пленных и беженцев Гражданской войны. Из ведения Наркомата по военным делам коллегия перешла в НКВД РСФСР. Работа в отношении военнопленных, в особенности бывших офицеров, проводилась в тесном контакте с органами ЧК. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1919–1920 гг. руководил Центропленбежем (в 1920 г. реорганизованном в Центроэвак — Центральное управление по эвакуации населения) член коллегии ВЧК А. В. Эйдук, причастный к террору против бывших офицеров. Принимали участие в работе с пленными и представители военного ведомства, стремившиеся пополнить комсостав РККА квалифицированными кадрами с высшим военным образованием. Общие принципы обращения с пленными белыми офицерами, в том числе поступавшими в Красную армию, и соответствующие инструкции были разработаны и стали применяться на практике только в 1920 г., когда стало ясно, что поток пленных возрастает. Основой такого рода документов стала инструкция для 6-й отдельной армии, действовавшей на Европейском Севере России³.

24 октября 1919 г. был издан приказ председателя РВСР по войскам 7-й армии № 158 об отношении к пленным и перебежчикам: «Товарищи красноармейцы, щадите пленных, встречайте по-товарищески перебежчиков. В белогвардейской армии только ничтожное меньшинство состоит из бесчестных, развращенных, продажных врагов трудового народа, подавляющее большинство состоит из одураченных или насильственно мобилизованных. Даже среди белого офицерства значительная часть сражается против Советской России из-под палки или обманутая агентами англо-французских и русских биржевиков и помещиков... Бессмысленная кровожадность чужда Рабоче-крестьянской Красной армии. Перебежчикам не грозит в нашей среде ни малейшей опасности...

¹ РГВА. Ф. 25863. Оп. 2. Д. 317. Л. 10.

² Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 171.

³ Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923: Сб. док. М., 2000. С. 71.

На Восточном фронте из армии Колчака к нам перебежали многие сотни офицеров, которые прониклись величайшим уважением к организации и сплоченности и героизму Красной армии.

Теперь они служат в наших рядах.

Нет сомнения, что предстоящий распад армии Юденича толкнет в наши ряды лучшую часть белогвардейских офицеров, которые ныне еще идут на вожжах у Юденича. Всякий, кто искренно и честно хочет служить рабоче-крестьянской власти, найдет место в наших рядах». Этот документ, хотя и не распространялся на всю РККА, демонстрирует вектор отношения Л.Д. Троцкого к пленным белым офицерам.

Вопрос о пленных офицерах рассматривался на заседании РВСР 8 апреля 1920 г. Тогда постановили распространить на Кавказский фронт инструкцию 6-й армии в их отношении^I. Во исполнение этого постановления Особый отдел ВЧК до 22 апреля 1920 г. разослал Особым отделам фронтов и армий телеграмму, согласно которой пленные офицеры подразделялись на пять категорий: 1) офицеры-поляки; 2) генералы и офицеры Генштаба; 3) контрразведчики и полицейские чины; 4) кадровые обер-офицеры и офицеры из студентов, учителей и духовенства, а также юнкера; 5) офицеры военного времени, за исключением студентов, учителей и духовенства. Представителей 1-й и 4-й категорий предписывалось отправлять в концлагеря, за поляками был предусмотрен особо тщательный надзор в связи с событиями Советско-польской войны. 5-я категория подвергалась фильтрации, лояльных отправляли в трудовые армии, остальных – в места заключения как для 1-й и 4-й категорий. Представителей 2-й и 3-й категорий направляли в Москву, в Особый отдел ВЧК^{II}. Таким образом, офицеры-генштабисты, по сути, единственные из всех бывших белых офицеров вследствие своей значимости для красных выделялись в самостоятельную категорию учета, не подлежавшую прямой отправке в концлагеря и иные места заключения и пригодную после проверки для зачисления в Красную армию. Эта телеграмма касалась белых офицеров, сдававшихся в плен на Юге России. 17 мая 1920 г. РВСР в связи с неудачами в Советско-польской войне принял постановление о неотложном использовании возможно большего числа пленных белых офицеров в РККА^{IV}. После того как угроза миновала, отношение к пленным белым офицерам вновь переменилось.

В общем потоке пленных офицеров, исчислявшемся десятками тысяч человек^V, генштабисты были единичны, тем не менее именно они представляли наиболее ценный ресурс специалистов. Большевицкая политика в отношении пленных была дифференцированной. Одним из проявлений этого стало отношение к захваченным генштабистам.

^I РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 479. Л. 113–113об.

^{II} Реввоенсовет Республики. 1920–1923. С. 71.

^{III} Там же. С. 73.

^{IV} Там же. С. 87.

^V К 1 января 1921 г. в РККА на учете состояло около 12 000 бывших белых офицеров, или 5,53 % комсоства, в течение года на учет было принято еще 2390 человек (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45об.). К 1924 г. на особом учете бывших белых офицеров состояло до 50 900 человек, впрочем, в это число входили и военные чиновники.

2 июня 1920 г. был издан декрет СНК «Об освобождении от ответственности за совершенные в прошлом преступления против трудового народа бывших офицеров, которые окажут содействие в ликвидации белогвардейских отрядов», нацеленный на расширение сдачи белых офицеров в плен¹.

В обращении Управления по командному составу ВГШ в Политическое управление РВСР в июле 1920 г. отмечалось, что «большинство быв[ших] офицеров, служивших в белой армии, принадлежа к трудовому классу, оказались в рядах белых случайно, часто автоматически, силою стечения обстоятельств, путем насильственной иногда мобилизации, что подтверждается часто массовыми их переходами при первом случае в ряды красных бойцов»². Составлением специального приказа о бывших белых по просьбе Особого отдела ВЧК занимался комиссар ВГШ Д.И. Курский. Касательно пленных руководство РККА стремилось избежать вокруг бывших белых офицеров «атмосферы недоверия и гнета, с одной стороны, и чувства подавленности и изоляции, с другой»³.

После пленения бывшие белые офицеры ставились на установленный приказом РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г. и подтвержденный особым постановлением Президиума ВЦИК от 9 июля 1923 г. особый учет (местный и общий (центральный) – в штабах округов, фронтов и отдельных армий и в Управлении по командному составу армии ВГШ соответственно)⁴.

Фильтрацией бывших белых офицеров занимались Особые отделы ЧК. Пленные заполняли анкеты в трех экземплярах. Типовая анкета включала 38 пунктов и содержала предупреждение о строжайшей ответственности за указание неверных сведений или уклонение от ответов⁵. Для проверки излагаемых сведений с интервалом в несколько дней нужно было заполнить не одну, а несколько однотипных анкет. Если сведения отличались, заполнявший анкету мог быть заподозрен в неискренности. В дальнейшем такого рода анкеты пленным приходилось заполнять неоднократно (например, в связи со снятием с особого учета бывших белых офицеров). Интересно, что в разгар Гражданской войны «политическими» графами в советских анкетах бывших офицеров интересовалась белая разведка⁶, что делало заполнение подобных документов рискованным, так как их содержание могло не устроить не только красных, но и белых.

При фильтрации пленных обращалось внимание на деятельность офицеров в период их службы у белых. Чекисты старались отслеживать карателей, лиц, участвовавших в расправах над партизанами и коммунистами, – т. е. тех, кто оказался у белых не случайно и активно проявил себя в борьбе с большевиками. Так, например, колчаковский полковник В.Н. Кусов в конце 1920 – начале 1921 г. находился под арестом за причастность к расстрелам партизан во время службы у белых. В 1922–1923 гг. он вновь находился под следствием по тем же обвинениям.

¹ Офицерский корпус в политической истории России: Док. и мат. Калуга, 2003. Т. 3: 1920–1925 гг. С. 90–91.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 7. Л. 16.

³ Там же.

⁴ Подробнее о нормативно-правовой базе и практике особого учета см.: Абинякин Р. М. Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3, ч. 1. С. 66–75.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 87.

⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 59.

Распространенным среди пленных явлением было занижение своего чина у белых, указание на службу не добровольно, а по мобилизации. Имели место попытки сокрытия службы у белых, когда реальное местопребывание человека в антибольшевистских формированиях заменялось в документах вымышленными данными о службе в РККА. Иногда эти истории напоминали детектив, как в случае с колчаковским генералом А. Я. Крузе, белогвардейское прошлое которого в учетных документах РККА оказалось заменено фиктивными данными о службе у красных (см. табл. 55).

Случай Крузе не единичен. Схожим образом служба у белых подполковника А. Н. Афанасьева и капитана А. И. Батрука в списке лиц с высшим общим военным образованием на 1 августа 1922 г. была заменена вымышленными данными о службе в РККА¹.

Таблица 55

**Фальсифицированные и фактические данные о службе А. Я. Крузе
в период Гражданской войны**

Фактическое прохождение службы^{III}	Прохождение службы по учетно-послужным картам РККА 1920-х гг. (фальсификация службы в РККА в период службы у белых)^{IV}	Прохождение службы по документам кадрового учета Советской армии (фальсификация службы в РККА в период службы у белых)^{III}
Последний чин в старой армии — подполковник. Последняя должность в старой армии — начальник штаба 23-й пехотной дивизии	Последний чин по УПК — подполковник, по учету ПШ РВСР — полковник. По УПК, в белых и иностранных армиях не служил, в РККА с 10.07.1918 (по другим данным, с 23.02.1918 — т. е. со «дня рождения» РККА)	И. д. для поручений управления укреплений Карельского фронта (с 07.1918) (учетом кадров ПШ РВСР и ВГШ не подтверждается, такого фронта летом 1918 г. не существовало)

^I Подробнее о Крузе см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 22–24; Его же. 50 офицеров. С. 519–526.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 576. Л. 4об., 7об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 76; Ф. 39736. Оп. 1. Д. 10. Л. 36; Д. 56. Л. 1; Учетно-послужные карты А. Я. Крузе // Коллекция учетно-послужных карт РГВА; РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 117об.; Кулцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 284–285; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 513, 571; Его же. Закат Николаевской военной академии... С. 196, 627.

^{IV} Учетно-послужные карты А. Я. Крузе // Коллекция учетно-послужных карт РГВА.

^{III} Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. М., 2006. Т. 1. С. 298.

Слушатель Военной академии. Подлежал командированию в Петроград, во второй половине июля 1918 г. переназначен в штаб Северо-Урало-Сибирского фронта. В штабе 3-й армии для поручений. Активный участник свержения советской власти в Екатеринбурге. Далее — в антибольшевистских формированиях Восточного фронта. Помощник коменданта Екатеринбурга. Командирован в штаб чехословацких войск на должность начальника штаба отряда Екатеринбургского района (08.1918). В штабе II Степного корпуса (с 22.08.1918). Начальник штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии (26.08.1918–03.01.1919). Произведен в полковники (с 03.12.1918). Начальник штаба III Степного Сибирского армейского корпуса (с 05.01.1919)	Штаб 3-й советской армии — для поручений (с 15.07.1918), 3 месяца	Для поручений при штабе 3-й армии (с 10.1918) <i>(учетом кадров ПШ РВСР и ВГШ не подтверждается)</i>
	Штаб Особого Северного отряда 3-й армии, начальник штаба (с 16.10.1918), 1 месяц <i>(учетом кадров ПШ РВСР не подтверждается)</i>	
	Штаб 5-й армии, прикомандирован к инспекции пехоты (с 20.11.1918), 4 месяца <i>(учетом кадров ПШ РВСР и ВГШ не подтверждается)</i>	
Начальник штаба Южной группы Сибирской армии (с 19.04.1919, позднее — 2-й армии). Награжден «за отличия в делах против неприятеля» орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (21.05.1919). Участник боев на Среднем Урале. За отличия в боях на Тоболе и Ишиме произведен в генерал-майоры (с 19.09.1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Попал в плен под Красноярском (01.1920)	Запасные части при инспекции пехоты 5-й армии, начальник отдела запасных частей (с 06.04.1919), 1 год <i>(учетом кадров ПШ РВСР и ВГШ не подтверждается)</i>	
Зарегистрирован в штабе 5-й армии РККА. В распоряжении штаба армии, инспектор, начальник организационного отдела штаба (01–02.1920)		Инспектор, начальник организационного отдела штаба 5-й армии
5-е пехотные Петроградские командные курсы, штатный преподаватель (с 03.04.1920), 1 год и 1 месяц <i>(данные УПК, подтверждающиеся по учету ПШ РВСР на 07.1920)</i>		Преподаватель и завуч 5-х Петроградских командных курсов (с 02.1920)
14-я пехотная Полтавская школа комсостава, штатный преподаватель (с 01.05.1921), 1 месяц <i>(по учету ПШ РВСР — завуч 29-х пехотных Полтавских курсов с 01.09.1920)</i> ; начальник школы (с 20.05.1921), 3 месяца <i>(по учету ПШ РВСР — и.д. начальника школы с 27.05.1921)</i>		Начальник и главный руководитель тактики 14-й Полтавской пехотной школы (с 06.1920)

1-я Петроградская пехотная школа, штатный преподаватель (с 23.08.1921), 1 год и 7 месяцев		Руководитель тактики 1-й Петроградской пехотной школы (с 06.1922)

Некоторые пытались выдавать себя за жертв белого режима, попавших в плен к белым, а не перешедших к ним добровольно, в том числе из рядов Красной армии. Так, бывший подполковник С.Н. Колегов сумел добиться признания того, что был захвачен белыми в плен, а не оказался в антибольшевистском лагере добровольно. Порой такие рассказы приобретали полуанекдотический оттенок, а эпизодические служебные неприятности в белом лагере осознанно преувеличивались и искажались. Например, штабс-капитан П.Я. Демин, еще в 1918 г. разжалованный у белых в рядовые «за недостойное для каждого военнослужащего поведение во время боя»¹, в красном плену свидетельствовал, что был разжалован якобы за отказ командовать сотней². Разумеется, последнее интерпретировалось как акция неповиновения белым. Впрочем, иногда красным сдавались действительно те офицеры, которые пострадали в белом лагере. Например, полковник И.И. Чубаков, преследовавшийся за выражение поддержки советской власти в своих статьях³. В начале 1920 г. генштабист был назначен для особых поручений при командующем 5-й армией⁴.

Отдельные офицеры при сдаче в плен демонстрировали заботу о вверенном им государственном имуществе. Так, генерал-майор Н.Д. Павлов, возглавлявший в белой Сибири Военно-топографический отдел Главного штаба, в ноябре 1918 г. издал приказ о запрещении офицерам покидать эшелон с эвакуируемым геодезическим имуществом, приборами и картами (в Омск из Петрограда в 1918 г. было эвакуировано Военно-топографическое управление Генерального штаба с уникальными приборами для геодезических и астрономических работ, а также с тремя тысячами медных досок с гравюрами топографических карт), сдав все имущество частям 5-й красной армии⁵.

Массовые сдачи в плен высокопоставленных белых офицеров начались в конце 1919 – начале 1920 г. на Восточном фронте, где сложилась практически безвыходная для белых ситуация. Белые генштабисты в Сибири оказались перед выбором между уходом от преследующих красных в зимнюю тайгу и сдачей в плен с перспективой избежать страданий. Нашлись как непримиримые, отправившиеся в суровый Сибирский Ледяной поход, так и те, кто предпочел сдаться, не видя смысла в продолжении затянувшейся, но уже проигранной войны.

¹ Указ Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. 1918. 09.08. № 52. Биографическую справку на Демина см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 189.

² РГВА. Ф. 25892. Оп. 3. Д. 956. Л. 164.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 141об.; BAR. К. К. Akintievskii papers. Box 1.

⁴ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 84. Подробнее о Чубакове см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 305–322.

⁵ Гефнер О. В. У истоков сибирской геодезической науки: Никифор Демьянович Павлов (1867–1929) // Вестник Омского университета. 2014. № 2. С. 204.

Тогда сдались в плен сотни офицеров, в том числе целый ряд выпускников Военной академии.

Командир Морского полка, выпускник ускоренных курсов академии подполковник В.Д. Песоцкий в начале января 1920 г. выстроил полк и обратился к нему с речью: «В настоящий момент очень трудно понять, кто прав, а кто нет в этом гражданском противостоянии. Возможно, правы повстанцы в Красноярске, возможно – партизаны Щетинкина, а может быть, и адмирал Колчак. В этих условиях я не могу никого удерживать, и все, кто хочет пойти в Красноярск или вернуться домой, вольны поступить так, как хотят. Мне нужны только те, кто пожелает остаться в полку добровольно»^I. Разумеется, в такой обстановке многие колчаковцы, причем не только рядовые, переходили на сторону красных. Перешел к ним и сам Песоцкий, уехавший в штаб 5-й советской армии вместе с подполковником С.Н. Колеговым. Своим прежним сослуживцам он оставил записку об этом. По некоторым данным, он поступил на службу красным и погиб в одной из стычек с белыми в Забайкалье^{II}.

Массовой добровольной сдачей представителей командного состава, в том числе офицеров-генштабистов, отмечены события под Красноярском в начале января 1920 г. Здесь в плен частям 5-й советской армии добровольно сдалась большая группа офицеров, в том числе немало генералов, что свидетельствует о деморализации командного состава колчаковских войск. Выпускниками и слушателями академии среди пленных были: Б.А. Березин, Г.А. Владимиров, А.К. Гайко (Гайкс), Н.И. Герасимович, В.А. Гирш (Гирс), Н.И. Гуммель, В.В. Каплинский, братья Б.Г. и Н.Г. Кривцовы, Г.В. Леонов, Насонов, Г.Ф. Одноглазков, Н.М. Переверзев, П.К. Семенов, И.М. Финицкий, Н.Ф. Щербинин^{III}. Бывший 1-й генерал-квартирмейстер Ставки Колчака генерал Г.В. Леонов, по свидетельству мемуариста, «тут же лишился рассудка и, стоя на путях, что-то бессвязно бормотал, беспомощно протягивая ко всем встречным свои руки»^{IV}.

В объяснительной записке бывшего управления дежурного генерала штаба Восточного фронта о произошедшем отмечалось:

«I. Четвертого января сего года, когда эшелон дежурства стоял на перегоне ст[анция] Минино – раз[ъезд] Бугач, стало известно, что главквосток^V бывший генерал Каппель оставил свой эшелон и со своим штабом (оперативным) уехал на лошадях в неизвестном направлении.

II. Предоставленные сами себе, все чины дежурства от солдата до дежурного генерала, решили действовать самостоятельно и, несмотря на окружающие эшелон части (уже дезорганизованные) армии Колчака, настойчивые требования их начальников часто в угрожающей форме о выдаче им всех сумм полевого и главного казначейств, уполномочили бывшего коменданта эшелона принять самые решительные меры к спасению всего ценного имущества эшелона и начатию

^I Федотов-Уайт Д. Н. Пережитое. Война и революция в России. М., 2018. С. 335.

^{II} Там же. С. 365.

^{III} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 40об., 48–48об.

^{IV} Клерже Г. И. Революция и Гражданская война. С. 274.

^V Главнокомандующий Восточным фронтом.

переговоров с Красноярским советом, для чего ночью со станции эшелона включились в прямой провод на Восток и скоро имели [на связи] Красноярск.

III. Бывший комендант товарищ Виталиев вначале имел разговор с представителем красноярского Ревкома на телеграфе товарищем Чеботаревым, а позже с начальником штаба главнокомандующего революционных войск. Кроме вопросов оперативного характера нам было предложено употребить все меры к охране ценностей эшелона и организации эшелонного совета. Все было исполнено, но попытка пройти нашим делегатам через цепи белых успеха не имела. Пришлось сжечь ленту и усилить караул у денег. Лишь 6 января удалось войти в связь с[о] ст[анцией] Бугач и с 270[-м] Белорецким полком, откуда получили небольшую охрану (7-й роты тов. Ловягина), и уже 7-го нас сумели втянуть в Красноярск.

IV. Все были на местах, и все было спасено от разграбления. Сдали: около 20 миллионов рублей (1½ миллиона руб. керенками), серебро, станции полевого телеграфа, типографию, массу телефонного имущества, более 20 пишущих машин, 12 ящиков с канцелярскими принадлежностями (миллионное имущество), лошадей с запасом фуража и продовольствия.

V. Солдаты комендантской роты, писаря, б[ывшие] чиновники и бывшие штабные офицеры дежурства – все остались на своих местах и как опытные специалисты – штабные работники готовы честно работать в Советской Российской социалистической федеративной республике.

VI. Начальником гарнизона г[орода] Красноярска товарищем [А.Я.] Лапиным эшелон как повстанческая часть в полном составе в эшелоне дежурства отправлен в г[ород] Томск в распоряжение штаба V армии^I. Документ составил начальник эшелона А.П. Беловский.

Всего в эшелоне дежурного генерала штаба Восточного фронта сдались в плен 2 генерала, 12 штаб-офицеров, 53 обер-офицера и военных чиновника. С этой же группой прибыли 10 генералов-генштабистов и 15 штаб- и обер-офицеров-генштабистов^{II}. В целом одной лишь 5-й армией были взяты в плен более 30 выпускников академии, многие из которых занимали высокие командно-штабные должности в колчаковских армиях^{III}.

^I РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 51–51об.

^{II} Там же. Л. 66.

^{III} Среди этих пленных, в частности, были генерал-лейтенанты: главный начальник снабжений 2-й и 3-й армий Г. Н. Вирановский, состоящий при генерал-квартирмейстере Восточного фронта Д. И. Гнида; генерал-майоры: инспектор пополнений Восточного фронта В. И. Оберюхтин, начальник мобилизационного отдела Военного министерства Н. В. Шереховский, генерал для поручений при инспекторе пополнений фронта И. И. Смелов, начальник снабжений 1-й армии А. Г. Лигнау, генерал для поручений при штабе главнокомандующего Восточным фронтом Н. А. Воронов; полковники: начальник штаба 1-й армии А. С. Кононов, помощник начальника снабжений 1-й армии Н. Д. Молотов (Гаммер), начальник военных сообщений Восточного фронта Д. М. Супрунович, старший адъютант разведывательного отделения штаба 3-й армии М. Е. Терехов, начальник Челябинской инструкторской школы при 3-й армии М. И. Москаленко; подполковники: И. Г. Грузинский (в отставке), начальник штаба Партизанской группы Н. В. Соколов, начальник штаба тылового округа Г. К. Иванов, начальник разведки Уральской группы С. С. Дзюбенко, старший адъютант оперативного отделения штаба 2-й армии Е. Н. Сумароков, начальник штаба Волжской дивизии Б. А. Юрьев, начальник штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии П. К. Гренгаген, штаб-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера Восточного фронта Ф. М. Бредш; капитаны: начальник штаба 4-й Сибирской казачьей дивизии С. И. Ильин, обер-квартирмейстер штаба Волжской группы Б. Н. Пудвинский, начальник штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии И. А. Белоусов, старший адъютант по строевой части штаба 3-й стрелковой дивизии М. П. Базыленок, обер-офицер по разведке

К 4 февраля 1920 г. в разведывательном отделе штаба 5-й армии оказался зарегистрирован 31 пленный генштабист^I. В числе колчаковских пленных в Советскую Россию вернулись и слушатели большевизированного ускоренного курса академии, зачисленные летом 1918 г., но так и не доучившиеся. Среди вернувшихся были П.П. Бурин, Д.И. Вяткин, Ф.В. Егоров, Г.С. Иванов, Л.Н. Леви, К.И. Фиол, братья П.М. и С.М. Шаранговичи. Слушавших курс в течение месяца было решено не считать слушателями академии, но держать на особом учете^{II}.

О том, что генштабистов выделяли в общей массе военнопленных, свидетельствуют документы. Так, в начале января 1920 г. в военном городке Красноярска оказались сконцентрированы 28 000 бывших колчаковцев и 12 000 военнопленных Первой мировой войны. Для отбора генштабистов в 20-х числах января было выпущено специальное объявление: «Всем бывшим офицерам Генерального штаба и генералам, служившим в армии Колчака, прибыть к 7 часам утра 24-го сего января в управление коменданта военного городка. За своевременной явкой в управление коменданта проследить комендантам бараков»^{III}.

Пленных генштабистов нередко арестовывали, причем в то время арест использовался для проверки лояльности арестованных. Арестованных содержали в тюрьмах и лагерях. Так, например, бывший подполковник П.Н. Соколов содержался в лагере военнопленных при Канском уездном военкомате^{IV}. Бывший генерал А.П. Перхуров – ветеран колчаковской армии и один из руководителей Ярославского антибольшевистского восстания в 1918 г. – был заключен в концлагерь «до окончания Гражданской войны»^V. Для некоторых офицеров преследования завершились расстрелом. Так, видный участник Белого движения бывший капитан М.Н. Руссет, попав в плен, был арестован Красноярской ГубЧК^{VI}, затем освобожден, прослужил некоторое время в РККА, но 30 августа 1920 г. был вновь арестован Омской ГубЧК и в конце марта 1921 г. расстрелян за шпионаж.

Бывший капитан В.Ф. Тарасов, осенью 1919 г. бежавший из РККА, был в 1920 г. взят в плен и содержался в Вологодском лагере принудительных работ. Окружной военный комиссар Беломорского военного округа просил откомандировать Тарасова в штаб округа под его личную ответственность, однако Особый отдел ВЧК не позволил этого сделать. Любопытен механизм такой переписки. Организационным управлением ВГШ ходатайство было направлено на заключение Особого отдела ВЧК, а ответ получил комиссар управления, а не военспецы^{VII}, которым не доверяли.

Помимо концлагерей и тюрем белогвардейцев направляли на исправительные работы. Деникинский полковник В.Д. Мацнев, оставшийся в Азербайджане

штаба Волжской группы есаул А. П. Колесников и др. (сост. по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 67, 70, 72–72об., 75–75об.).

^I Там же. Л. 75.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 91.

^{III} Цит. по: Овчаров В. В. Красное на белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск, 2019. С. 169.

^{IV} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 303об.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 148об.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 157.

и захваченный красными, был направлен в отдельную рабочую роту военнопленных-белогвардейцев при государственном деревообрабатывающем заводе^I.

В целях облегчения своей участи пленные составляли различные прошения и ходатайства. Так, например, пленный колчаковец бывший слушатель академии Д.И. Вяткин, занявший у красных должность младшего помощника начальника штаба 30-й стрелковой дивизии по оперативной части, 26 января 1920 г. в Красноярске просил начальника штаба 5-й советской армии зачислить его в Академию Генерального штаба РККА для продолжения обучения^{II}. Аналогичное ходатайство подал бывший слушатель П.П. Бурин, занявший пост красноярского уездного военрука^{III}.

Пленные белогвардейцы иностранного происхождения имели возможность избежать преследований и уехать на родину. В частности, красными в январе 1920 г. на станции Тайга был взят в плен слушатель ускоренных курсов академии в Томске поручик 1-го Югославянского полка М. Май, служивший у белых в штабе Сибирской армии. Офицер болел тифом. Выдержав непродолжительное тюремное заключение и лишившись всех документов, он в 1921 г. уехал на родину^{IV}. В том же году был исключен из списков как иностранный подданный и уехал в Эстонию после непродолжительной службы в РККА бывший колчаковский капитан П.Г. Ойнас^V. Как уроженец Литвы был уволен от службы в 1921 г. бывший деникинский капитан Н.П. Пашковский^{VI}. Бывший генерал А.Г. Лигнау планировал в 1921 г. уехать в Латвию, но остался из-за протеста супруги^{VII}.

Пленных колчаковских генштабистов Особый отдел 5-й армии в марте 1920 г. командировал в распоряжение начальника штаба Западно-Сибирского военного округа и далее в распоряжение начальника ВГШ^{VIII}. В Москву были направлены вместе с семьями Н.Н. Белкин, Ф.М. Бредш, П.К. Гренгаген, К.Г. Дегтярев, С.С. Дзюбенко, Г.К. Иванов, С.И. Ильин, С.Н. Колегов, А.П. Колесников, А.С. Кононов, Г.М. Кравец, А.Г. Лигнау, Н.А. Михайлов, Н.Д. Молотов, М.С. Перестай, В.Д. Песоцкий^{IX}. Пленные остро нуждались во всем необходимым, в том числе в предметах обмундирования и белье. А.С. Кононов в рапорте на имя начальника штаба 5-й армии от 15 марта 1920 г. писал: «Часть генштабистов, выпущенных из тюрьмы, не имеет денег и голодает» — и просил дать довольствоваться в столовой Михайлову, Колесникову, Колегову и Песоцкому^X. 16 марта 1920 г. подполковник В.Д. Песоцкий подал начальнику штаба 5-й армии рапорт о том, что у него нет одежды. «Хожу, напр[имер], в чужих сапогах, которые должен возвратить перед отъездом, — писал бывший офицер. — Все мои личные вещи были взяты партизанами, что видно было из документов»^{XI}. С аналогичными просьбами

^I РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 135об.

^{II} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 61.

^{III} Там же. Л. 64.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 153.

^V РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 151.

^{VI} Там же. Л. 162об.

^{VII} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 92.

^{VIII} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 126.

^{IX} Там же. Л. 216.

^X Там же. Л. 290.

^{XI} Там же. Л. 288.

обращался и подполковник С.Н. Колегов^I. Командируемым в Екатеринбург и Челябинск из красноярского военного городка, благодаря ходатайству Кононова, выплачивали по 1000 руб. аванса.

Нередко негенштабистов записывали в генштабисты. Возможно, это было простой ошибкой, но, быть может, делалось намеренно, чтобы спасти этих людей от репрессий, поскольку к дефицитным специалистам Генерального штаба относились иначе. Вероятно, по этой причине в генштабисты записали даже знаменитого организатора женских ударных частей в 1917 г. М.Л. Бочкареву, которая на 1920 г. имела чин поручика^{II}.

Пленные были крайне ослаблены после всего пережитого, в марте 1920 г. одна группа колчаковских генштабистов даже не смогла выехать в Москву из-за эпидемии тифа (Н.Н. Белкин, С.С. Дзюбенко, С.Н. Колегов, А.П. Колесников, Н.А. Михайлов^{III})^{IV}. Когда в марте 1920 г. колчаковских генштабистов в массовом порядке отправляли из Сибири в Москву, осталась группа в составе Г.П. Автономова, С.Н. Колегова, Н.М. Пресницкого, А.Н. Псарева, Л.М. Толубаева и В.Е. Шайтанова. Автономов, Пресницкий, Псарев и Шайтанов сдались красным одновременно^V. Их отправка в центр состоялась лишь 11 ноября 1920 г., а до этого пленные содержались в лагерях. Пленные писали в ПШ РВСР с копией начальнику Особого отдела Петроградской ЧК: «11 ноября с.г. мы были с партией военнопленных армии Колчака, преимущественно офицеров, по распоряжению Омской Губчека из Омского лагеря военнопленных отправлены в Москву, откуда по распоряжению ВЧК были переотправлены в Петроград и с 26 ноября с.г. находимся во 2-м Петроградском лагере принудительных работ особого назначения (Арсенальная набережная, 5), числясь содержанием за Особым отделом Петроградской Чека»^{VI}. Просьбой всех бывших колчаковцев была отправка в Москву, в распоряжение ПШ РВСР.

Характерна судьба выпускника ускоренных курсов капитана А.И. Мезенцева. Колчаковский офицер (начальник разведывательного отделения штаба Южной армии), он после пленения оказался арестован, но быстро вышел на свободу. 4 февраля 1920 г. его вновь арестовал Особый отдел штаба 5-й армии в Красноярске, а затем Мезенцев был переведен в Омск и Москву. Содержался в Кожуховском концлагере. Освободился из-под ареста в Москве 4 августа 1920 г. Затем преподавал на 17-х пехотных командных курсах в Казани. 29 сентября 1921 г. был вновь арестован в помещении ВЧК как бывший колчаковский офицер при наведении служебной справки. Как отмечал 14 октября 1921 г. сам арестованный, «29 сентября 1921 г. я со сношением пом[ощника] комиссара Главного управления военно-учебных заведений пошел в ВЧК, дабы получить ответ “не имеет ли ВЧК препятствий о назначении меня на должность н[ачальни]ка мобилизационного отделения ГУВУЗа”. Запрос был сделан помкомиссаром^{VII}

^I Там же. Л. 289.

^{II} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1217. Л. 23.

^{III} Оставшись в Сибири, этот офицер обрек себя на смерть, так как в июне 1920 г. был расстрелян в Омске.

^{IV} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 253, 254, 256, 257, 258.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 104–106.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 65.

^{VII} Помощником комиссара.

ГУВУЗа ввиду того, что я служил в колчаковской армии. При наведении справок в 17[-м] отделении ВЧК меня арестовали. На мой вопрос, за что я арестован, получил ответ[:] за службу у Колчака. В Красной армии служу уже 2^й год. До назначения на службу в Красную армию я за службу в колчаковской армии прошел Особый отдел ВЧК при штабс-полковнике 5[-й] в Красноярске, Особый отдел представительства ВЧК при Сибревкоме в Омске, Особый отдел ВЧК в г[ороде] Москве и последним после допроса был освобожден 5 августа 1920 для назначения на должность в Красную армию. Всего следствие велось с 20 января 1920 г. до 5 августа 1920 г. Служа 2^й год в Красной армии, ни в чем предосудительном замечен не был и имею на этот счет удостоверение от комиссара и н[ачальни]ка политической части Приволжского окружного упр[авления] военно-учебных заведений, кое отобрано при моем аресте. Приехал в Москву 8 сентября в отпуск после болезни брюшного тифа и стал ходатайствовать в ГУВУЗе о переводе меня из Казани в Москву»¹.

Мезенцев был заключен на 10 дней во внутреннюю тюрьму ВЧК, после чего переведен в Бутырскую тюрьму², но так и не допрошен. В связи с затягиванием дела 27 октября 1921 г. он обратился с повторным заявлением в МПКС, в котором изложил обстоятельства ареста еще подробнее. Благодаря этому описанию можно представить механизмы работы особистов в конце Гражданской войны в отношении бывших белых офицеров.

Мезенцев писал: «В настоящий момент идет 5^я неделя как я арестован, но до сего времени допрошен не был. Арест мой произошел следующим образом. 29 сентября с.г. я пошел со сношением пом[ощника] комиссара Главного управления военно-учебных заведений в Особый отдел ВЧК (Лубянка, 2), в коем просилось сообщить ему: “Не имеет ли препятствий ВЧК о назначении меня на должность начальника мобилизационного отделения”. Запрос этот вызван был тем, что я ранее служил в колчаковской армии. Должность эта в ГУВУЗ была мне предложена начальником штаба ГУВУЗ-а на поданный мною рапорт с ходатайством о переводе из Казани, где я состою преподавателем 17^х пехотных командных курсов по тактике, а в Красной армии служу 2^й год. Придя [в] ВЧК, я пошел к управляющему делами и подал бумагу[,] и, видимо, его секретарь положил резолюцию – к гражданину Артузову; отправился я к нему, он, посмотрев сношение, сказал, что ответ будет дан скоро, но я попросил, что нельзя ли таковой получить сегодня, т.к. через два-три дня мне придется ехать на старую должность. Тогда т. Артузов положил резолюцию [“]17[-е] отд[еление] т. Иванову дать справку[”]. Найдя 17[-е] отд[еление], я подал, как[,] видимо[,] т. Иванову, бумаги с указанной резолюцией, он, посмотрев их, сказал, обратитесь, указав рукою[,] к какому-то (фамилии не знаю), видимо его помощнику или секретарю, я подошел к нему, и он стал расспрашивать, кто я такой, где я служу и почему я в отпуску по болезни после тифа и у меня удостоверение по болезни от МОВСУ³, а не казанской комиссии, я ему ответил, что комендант города послал меня на переосвидетельствование, где я и получил взамен отобранных

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 110об.

² Там же. Л. 114об.

³ Московское окружное военно-санитарное управление.

документов и выданных мне казанским военным госпиталем по постановлению комиссии того же госпиталя. Тогда у меня отобрав пропуск и удостоверение личности, он куда-то ушел, затем вернулся и повел к другому лицу, где это лицо меня снова начало спрашивать о моей службе в колчаковской армии, а затем мне объявили, что я арестован. Но дело в том, что после моего добровольного пленения под г[ородом] Красноярском я прошел три Особых отдела: 1) Особый отдел при штабме 5[-й], где я за отсутствием конкретных обвинений, после 2½-месячного заключения в тюрьме и лагере, я был освобожден[;] 2) Особый отдел представительства ВЧК при Сибревкоме в Омске, где тоже был освобожден, и 3) третий раз в Москве Особый отдел ВЧК, где тоже после опроса следователями т.т. Калинина и Цейтлина (точно не помню) был также освобожден 5 августа 1920 г. из Кожуховского лагеря. В данное время снова меня арестовывают при наведении справки, коя указана выше. Перевод я получил потому, что я перенес в течение почти одного года сыпной и брюшной тиф, и здоровье стало плохое, и при наличии голода в Казани я не мог продолжить там службу, т.к. дороговизна на продукты стала повышаться очень сильно. Кроме того, и сам климат, где малярия все время, т.е. весна, лето и осень сильно действовали на мое подорванное здоровье. Обращаюсь к Вам с просьбой о содействии моего освобождения, т.к. я уже за службу в колчаковской армии был после семи (7) месячного сидения по тюрьмам и лагерям освобожден самим же Особым отделом ВЧК, а за службу в Красной армии я ничем опорочен не был и в отобранных у меня документах есть удостоверение о моей службе в Красной армии. После брюшного тифа у меня сильное малокровие и вообще чувствую себя плохо. Прошу Вашего содействия»¹.

Мезенцева в конце концов допросили. Следователь заверял: «Вы будете выпущены из тюрьмы, я никогда не вру»². До середины января 1922 г. Мезенцев терпел, однако затем подал заявление, что, если до 23 января 1922 г. не будет ответа о его судьбе, объявит голодовку. Не получив ответа, 24 января Мезенцев начал голодовку, сообщив об этом в МПКС. Наконец, 7 февраля 1922 г. военспец освободили³. После освобождения он работал школьным учителем физкультуры. 22 апреля 1932 г. был арестован за антисоветскую агитацию, освобожден 22 июля того же года, лишившись права проживания в Московской и Ленинградской областях на три года. С 1935 г. проживал в Московской области, работая счетоводом плодокombината им. Бадаева. В 1937 г. был арестован и расстрелян⁴. Подобные мытарства бывших белых стали типичным явлением той эпохи.

В заявлении другого пленного колчаковца, П.К. Семенова, отмечено: «Уже истекает шестой месяц как я, б[ывший] оф[ицер] Генштаба, служивший в армии Колчака, передал себя в распоряжение командования Красной армии в Сибири. Первые два месяца был арестован [при] обследовании О[собым] о[тделом] ЧК штабма и назначен в распоряжение нач[альника] Всеросглавштаба, а в дальнейшем через ГУВУЗ получил назначение на должность инструктора, впоследствии

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 111–112об.

² Там же. Л. 118об.

³ Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 181.

⁴ Там же.

преподавателя [на] 1^х Московских кавалерийских ком[андных] курсах; с начала мая, кроме того, состоял сотрудником ГУВУЗа по организации слета ком[андных] курсов республики. Моя семья мать-старуха и жена после сыпного тифа, потеряв все свое имущество в Сибири разграбленным, лишены в настоящее время меня как работника, не имея абсолютно средств к жизни.

Все вышеизложенное побуждает меня просить Вас:

1) Содействовать ускорению моего дела и назначению меня на службу (допрошен еще не был).

2) Переслать мое ходатайство, при сем прилагаемое, т. Брусилову»¹.

Пленные белогвардейцы наивно верили в чудодейственное вмешательство председателя Особого совещания при главкоме А.А. Брусилова, который в действительности был таким же, как и многие, подневольным военспецом.

Трагична судьба руководителя Ярославского восстания в 1918 г. полковника (впоследствии — колчаковского генерала) А.П. Перхурова, сдавшегося в плен красным партизанам в Сибири в марте 1920 г. Первоначально красные Перхурова отпустили, он устроился на службу в РККА, но 19 мая 1921 г. был арестован в Екатеринбурге и обвинен в организации антисоветского заговора. Сам арестованный осенью 1921 г. признавался, что не имел никакого представления о заговоре и никаких сведений следствию дать не мог.

Перхуров писал в МПКК в связи с арестом: «19/V-[19]21 я был арестован у себя на квартире в г[ороде] Екатеринбурге во время выполнения данной мне из учреждения спешной работы и доставлен в Екатер[инбургскую] ГубЧК, где от меня потребовали показаний о каком-то заговоре в г[ороде] Екатеринбурге, во главе которого я якобы состоял. Не имея ни малейшего представления о существовании какого бы то ни было заговора, а тем более не имея никакого касательства, я, несмотря на примененные ко мне репрессии, никаких иных сведений дать не мог. Насколько мне известно, следствие выяснило, что фактических данных, подтверждающих существование заговора и моей причастности к заговору, — нет.

Во время последних допросов в июне и июле м[е]с[я]ц[е] мне был задан вопрос: “Не был ли я в 1918 г. в Ярославле во время восстания?” На это я дал утвердительный ответ сразу и затем подробно изложил в письменном показании все, что знал относительно этого восстания и той роли, которую я в нем играл. Все это было написано мною в Екатеринбурге, и с тех пор меня не допрашивали, если не считать двух вызовов меня в Екатер[инбургскую] ГубЧК, где со мной беседовали, но не записывали моих слов, представители советской власти, фамилии которых я не знаю. В Москве из Бутырк[ой] тюрьмы один раз вызывали в ВЧК, но вернули обратно без допроса. 2/X-[19]21 г. Бутырк[ая] тюрьма. В Ярославск[ом] восстании я командовал силами повстанцев и руководил обороной города. В общем нахожусь в заключении 19^и м[е]с[я]ц с 2½-месячн[ым] перерывом, когда был в резерве при штабе Приур[альского] в[оенного] о[круга]»².

В другом заявлении от 21 сентября 1921 г. Перхуров сообщил: «Находясь в течение 1½ года в заключении с перерывом в 2½ месяца, перенеся сыпной тиф,

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 245. Л. 2–2об.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90об.

заболев цингой, я совершенно обессилел, т.к. кроме тюремного довольствия ничего не получал. Семья и родные находятся в таком положении, что помочь ничем не могут, да и связь с ними не установлена.

На основании изложенных причин обращаюсь с просьбой снабдить меня: 1) Хотя [бы] одной сменой белья, т.к., кроме одетого на мне, ничего не имею; 2) сменой теплого белья, а особенно теплыми портянками или носками и перчатками, т.к. руки и ноги обморожены еще в Японскую кампанию, и 3) съестными припасами, могущими поддержать падающие силы; 4) полотенцем и носов[ым] платком; 5) котелком или кастрюлькой для пищи и 6) если возможно, табаком и трубкой¹. Проведший более двух лет в заключении заговорщик и контрреволюционер был сочтен опасным и в июле 1922 г. расстрелян².

Бывший колчаковский полковник Л.А. Текелин, арестованный после пленения, писал: «До настоящего времени я никакого участия в политических делах не принимал и оставался на строго беспартийной платформе. Во время революции оставался на своем посту в штабе I армии бессменно до полной демобилизации армии.

С организацией Красной армии поступил в штаб Приволжского военного округа.

С взятием Казани чехословаками попал в плен белых, где служил до взятия Красной армией Новониколаевска.

Как председатель Военного экономического общества Сибири я сдал общество красным и был приглашен [на] их службу в Центральное управление красноармейских лавок.

С приездом в Москву был откомандирован во Всероглавштаб, т.к. ЦУКЛ³ был расформирован и подходящей должности мне не оказалось.

ВЧК дал мне удостоверение на право служить в Красной армии, и я прослушал повторительные курсы для бывших офицеров и перед получением должности в оргинзупре или в ГУВУЗе был арестован⁴. Позднее Текелин был расстрелян. В мае 1921 г. был арестован Омской ГубЧК за службу в армиях Скоропадского, Деникина и Колчака, а в июле того же года расстрелян полковник С.Д. Григорьев.

Не все пленные с безропотной покорностью смотрели на аресты и расстрелы. Некоторые, будучи непримиримыми антибольшевиками, продолжали бороться. Например, группа колчаковских курсовиков из числа гвардейских офицеров совершила побег из плена. Очевидно, эти пленные не рассчитывали на снисхождение советской власти. Бежали бывшие подполковники барон Н.А. Деллингсгаузен и Д.А. Малиновский, причем последний бежал из Иркутска к забайкальскому атаману Г.М. Семенову. Бежавшие прожили долгую жизнь в эмиграции. Из тюрьмы Благовещенска в 1920 г. после полугодовой отсидки бежал генерал-майор К.И. Сербинович, затем продолживший службу в антибольшевистских формированиях Востока России. Для Сербиновича это был уже не первый побег. В конце 1918 г. он был арестован в Петрограде, однако бежал на Украину, поступил на службу

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 355. Л. 60.

² Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 35–37; Обречены по рождению... С. 186.

³ Центральное управление красноармейских лавок.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 38об.

к белым и уехал на Восток России, где и попал в плен к красным. В конечном итоге Сербиновичу удалось благополучно эмигрировать. На Юге России происходили аналогичные случаи. Кубанский офицер полковник Г.З. Семенихин попал в плен в апреле 1920 г. под Сочи, сумел бежать и вновь присоединился к белым. Полковник М.А. Завгородний в 1918–1919 гг. служил в украинских формированиях, затем оказался в РККА, перешел к белым, эмигрировал в Болгарию, позднее вернулся к белым, попал в плен, некоторое время прослужил в РККА, после чего был зарегистрирован в Русской армии генерала П.Н. Врангеля, а затем из эмиграции приехал в Советскую Россию и опять оказался в РККА. Таким образом, к красным он попадал трижды.

Еще одним участком, где была пленена целая группа колчаковских генштабистов, стал фронт против уральского казачества. Здесь в 1920 г. также оказались в почти безвыходной ситуации возможного похода по голодным ледяным степям сотни офицеров, среди которых были и генштабисты. Многие из них сдались в плен. Интересно свидетельство полковника И.А. Антипина, данное в ходе допросов по делу «Весна». Антипин вспоминал, что служил в РККА, но летом 1919 г. в связи с обыском у матери, приведшим к обнаружению его наградного оружия и к припадку матери, перешел к уральским казакам. Антипин участвовал в отступлении остатков Уральской армии до Форта Александровского и далее в составе отряда атамана В.С. Толстова отступал в Персию, но «в районе залива Кара-Бугаз (Кара-Богаз-Гол. — А.Г.) от него отделились и в количестве 22–24 чел. сдались в плен. Это было числа 29–30 апреля 1920 г.¹ После этого нас передали в Красноводский Особый отдел, затем [в] Асхабадский Особый отдел (при штабе 1^й Красной армии), оттуда были переведены в Особый отдел штаба Турк[естанского] фронта, откуда 10–11 ноября 1920 г. я был по амнистии освобожден и в декабре 1920 г. в составе быв[ших] белых офиц[еров] направлен в Москву» (3 вагона без конвоя были направлены в Москву, где встали на особый учет при штабе Моск[овского] военн[ого] округа). По прибытии в Москву я сначала работал по разгрузке дров на вокзале (с конца декабря до апреля 1921 г.). С апреля месяца 1921 г. работал в разных госучреждениях на разных низко оплачиваемых должностях до февраля 1928 г.»².

В других показаниях Антипин отмечал, что сдался в плен по причине трудности похода по безводной пустыне и слабого здоровья после перенесенного сыпного тифа, а также в связи с недоверием атамана Толстова к казакам и разочарованием в белых³. В период 5–7-дневного пребывания в красноводской тюрьме пленных допросили. В Ашхабаде также был проведен допрос, а вызов в Ташкент поступил от командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе. При этапировании в Ташкент пленные были оставлены без присмотра на станции Катта-Курган, после чего добирались в Ташкент самостоятельно. В Ташкенте Антипина как ранее служившего в РККА изолировали от остальных. Он был заключен на три недели в тюрьму Особого отдела Туркестанского фронта, которым руководил известный

¹ В других показаниях он приводит иную дату — 16 мая 1920 г. (ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 55об.).

² Там же. Л. 47об.–48.

³ Там же. Л. 74об.–75.

организатор красного террора Г.И. Бокий. Коллегия Особого отдела приговорила Антипина к пяти годам концлагеря, после чего 23 июня 1920 г. он был переведен в Ташкентский исправительный дом. Однако 11 ноября пленного амнистировали. Как отмечал Антипин, «по освобождении я обязан был явиться в распоряжение штаба Турк[естанского] фронта, чтобы встать на учет, но штаб Турк[естанского] фронта не мог сделать этого без визы Особого отдела, и меня обязали явиться вновь в Особый отдел. Поступив там в распоряжение следователя, меня вновь начали опрашивать, подтвердив ранее данные мною показания, я был штабом Турк[естанского] фронта взят на учет»^I. В Москве Антипин состоял на особом учете как бывший белогвардеец вплоть до 2 ноября 1927 г., когда был снят с учета постановлением ЦИК СССР, упразднившим особый учет бывших белых офицеров и военных чиновников в СССР.

Касаясь Уральской армии и пленения ее командного состава, нельзя не упомянуть о начальнике штаба этой армии генерале Владимире Ивановиче Моторном, старший брат которого, Виктор, на протяжении всей войны служил у красных. В своих показаниях по делу «Весна» Владимир Моторный писал: «Февральскую революцию встретил несочувственно. Октябрьскую – с недоумением. Мне казалось тогда, что небольшая группа лиц захватила власть в свои руки, но что этот захват ненадолго. Все это привело меня в стан активных борцов против советской власти. По окончании Гражданской войны, которую я провел в должности начальника штаба Уральской белой армии, мне была сохранена жизнь, и я был принят в ряды РККА. Это меня примирило с советской властью, и я начал, как мне казалось, честно ей служить»^{II}.

Интересно, как пленные идентифицировали себя в политическом отношении, выражали свои политические взгляды и какие стратегии выживания использовали. Эти моменты в ряде случаев прослеживаются по советским анкетам бывших белых офицеров, в которых имелся раздел с изложением взглядов на Октябрьскую революцию и Гражданскую войну, а также политических убеждений. Анкеты представляют ценный источник сведений о службе и настроении их составителей, а также о способах самопрезентации перед новой властью. По существу, это разновидность автобиографического письма, которое в последнее время активно исследуется применительно к межвоенному периоду советской истории^{III}.

Соответствующие пункты анкет звучали следующим образом: «Какое принимали участие в революции 1905 года и где в это время находились»; «Какое принимали участие в Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года, где находились и Ваше отношение к Февральской революции»; «Если относились несочувственно к Октябрьской революции, то почему (Ваши убеждения в этот период); «Укажите, к каким политическим партиям принадлежали в течение всей Вашей жизни, принадлежите ли к какой-нибудь в настоящее время или какой сочувствуете»^{IV}.

^I Там же. Л. 56.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 141 (195). Л. 129.

^{III} Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023; Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2021.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Л. 257.

От содержания подобных разделов могли зависеть жизни и судьбы. Разумеется, бывшие белые это интуитивно понимали, поэтому написанное там порой представляло удивительные образцы человеческой мимикрии, когда слабо ориентировавшиеся в политике люди были вынуждены придумывать ту или иную версию, которая бы, по их мнению, понравилась новым властям, демонстрировала лояльность и могла бы уменьшить неприятности, связанные с их антисоветским прошлым. Впрочем, иногда встречались ответы, которые можно считать искренними.

Порой пленные пытались перенимать революционный язык, чтобы казаться ближе к новым хозяевам жизни. Так, бывший капитан-колчаковец Н.А. Плотников 7 февраля 1920 г. записал: «Сочувствую рабочему люду и трудящимся», отметил, что революция дает «новое усовершенствованное бытие и строительство, покоящееся на принципах свободы ч[елове]ка»^I. Деникинский полковник М.Ф. Костенко указал в анкете: «Стою на платформе советской власти (сторонник коммунистического строительства)»^{II} — и заявил, что сочувствует компартии»^{III}. Ветеран Белого движения на Севере России полковник Л.В. Костанди в графе о своих убеждениях указал: «Сторонник народоправства»^{IV}.

Некоторые в качестве политических настроений писали банальности в духе борьбы за все хорошее против всего плохого. Курсовик А.К. Гайко, также взятый в плен на Восточном фронте, о своем политическом настроении осторожно сообщил: «Мое политическое настроение в данный момент сводится к необходимости всем гражданам работать от чистого сердца по своей специальности с тем, чтобы укрепить власть и страну, что я и делаю с мая 1920 года»^V. Подобные ответы были нередки. В частности, П.А. Гальков вместо изложения политических настроений написал: «Стремлюсь к мирному строительству в РСФСР»^{VI}.

В том же духе заполнил соответствующую графу анкеты и знаменитый генерал Я.А. Слащев: «Хочу работать на пользу русского народа»^{VII}. Изучавшее анкету лицо поставило напротив вопросительный знак, поскольку такую фразу можно истолковать и как стремление продолжать борьбу с большевиками. Подобные ответы, по-видимому, были призваны скрыть истинные взгляды, но при этом не кривить душой. В том же духе ответ другого бывшего генерала-деникинца К.К. Шильдбаха (Литовцева), убежденного противника большевиков: «Всецело признаю, что только советская власть способна управлять Россией»^{VIII}. Фактически это была простая констатация сложившегося положения в стране.

Общим местом в анкетах было указание на принятие Февральской и неприятие Октябрьской революции. Так, бывший колчаковец Г.П. Автономов к Февральской революции «отнесся сочувственно как к средству, могущему вывести

^I РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 99об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 106об.

^{III} Там же. Л. 106.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 2.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 75об.

^{VI} Там же. Л. 106об.

^{VII} Там же. Л. 257об.

^{VIII} Там же. Л. 441об.

страну из тогдашнего тупика»^I, а в период Октябрьской революции «как строевой оф[ицер] был занят всецело задачей сохранения боеспособности вверенной мне батарее и, считая опасной резкую ломку организации армии, отнесся к столь резкому перевороту отрицательно»^{II}. Другой бывший колчаковец, Н.М. Пресницкий, свидетельствовал, что к Февральской революции «относился сочувственно, т. к. всегда был врагом произвола»^{III}. В период Октябрьской революции «будучи совершенно не знаком с задачами и целями советской власти, не мог учесть значения происходившей ломки и потому на разворачивавшиеся события смотрел глазами строевого фронтового офицера, заботившегося исключительно о сохранении боеспособности частей»^{IV}. Однако «теперь сочувственно отношусь к Коммунистической партии»^V. О своем политическом настроении на январь 1921 г. пленный написал: «Сочувственно советской власти, как твердо и неуклонно проводящей в жизнь провозглашенные ей принципы счастья трудящихся»^{VI}. Ротмистр-колчаковец И.А. Плюцинский опасался, что из-за Октябрьской революции Россией будет проиграна Первая мировая война^{VII}.

Колчаковец А.Н. Псарев в связи с Февральской революцией «был искренне рад свержению векового гнета и рабства»^{VIII}. Далее отметил, что сочувствовал Октябрьской революции^{IX}, но, с учетом его службы у белых, это вряд ли соответствовало действительности. Схожие оценки дал колчаковец Л.Н. Шибает: «Отношение к Февральской революции было сочувственное»^X, но «сущности Октябрьского переворота в то время еще не понимал»^{XI}. Политическое настроение Шибаета на март 1923 г.: «Полное сочувствие советской власти и желание быть ей полезным»^{XII}.

Курсовик-деникинец П.А. Сергеев сообщал, что «во время Февральской революции был слушателем Военной академии и отнесся к ней безразлично», а «Октябрьская революция была мной не понята»^{XIII}. В другом месте об Октябрьской революции Сергеев писал: «Не понял смысла Октябрьской революции, что она направлена для обеспечения прав трудящихся, и потому, когда я попал в плен к белым, я согласился у них служить»^{XIV}. По поводу текущего настроения Сергеев указал: «Желаю честно работать в РСФСР, быть полезным гражданином, относясь вполне лояльно к советской власти»^{XV}.

Курсовик-колчаковец С.С. Солдатов в анкете на февраль 1922 г. указал, что «Февр[альская] революция не дала того, что надо было рабочим и крестьянам: ею

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 103.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 107.

^{IV} Там же.

^V Там же.

^{VI} Там же. Л. 107об.

^{VII} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 239.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 101.

^{IX} Там же.

^X РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 312. Л. 504.

^{XI} Там же. Л. 504об.

^{XII} Там же.

^{XIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 125.

^{XIV} Там же. Л. 132.

^{XV} Там же. Л. 125об.

был удовлетворен буржуазный класс, почему революция не остановилась и дошла до октябрьской». Фраза была похожа на заученную и указывалась с явной целью понравиться начальству. Что касается Октябрьской революции, то Солдатов отметил: «Беспартийность, индифферентность не дали возможности обсудить и отнестись так или иначе к Окт[ябрьской] революции»^I. Насчет своих текущих политических убеждений Солдатов написал опять-таки словно по-заученному: «В настоящий момент вся деятельность республики сводится к проведению в жизнь постановлений 9[-го] съезда Советов, который показал, насколько сплоченна и сильна в своих рядах Сов[етская] Россия. Я, к[а]к отв[етственный] работник в Кр[асной] армии, являюсь исполнителем и проводником в жизнь постановлений 9[-го] съезда, касающихся Кр[асной] армии, ибо на предстоящей Генуэзск[ой] конференции представители Сов[етской] России будут только тогда иметь вес и силу перед своим врагом – Антантой, когда за их спиной будет стоять сильная и мощная Кр[асная] армия. Поддерживать эту силу и мощь – задача рабочих и крестьян и наша к[а]к комсостава»^{II}.

Курсовик-колчаковец В. С. Савченко сообщал, что «В Февральскую революцию находился в штабе 14[-го] арм[ейского] корпуса и относился к ней сочувственно. В Октябрьскую революцию находился в академии Генштаба и относился к ней лояльно»^{IV}. В рапорте от 6 октября 1922 г. он подчеркивал добровольность своей сдачи в плен красным «при ликвидации авантюры Колчака»^V.

Курсовик-колчаковец Г. И. Кулешов писал в анкете 1922 г. для бывших офицеров белых армий, что «Октябрьской революции сочувствовал», а про политические взгляды отметил: «Сочувствую партии коммунистов». Относительно своего политического настроения в то время он указал: «Уверен, что народная революция России восторжествует во всем мире»^{VI}.

Другой колчаковский курсовик, М. М. Тимонов, в анкете 1922 г. указал: «Состою ответственным работником Красной армии, так что моя жизнь тождественно [?] связана с советской властью»^{VII}. Курсовик А. А. Буров в анкете в 1923 г. писал: «Был на фронте и полагал, что Февральская революция даст выход стесненным силам и инициативе народа, переросшей рамки абсолютизма»^{VIII}. По поводу отношения к Октябрьской революции Буров отметил: «Несочувственно. Повела к развалу армии. Тогда не было очевидно, что развал армии был предreshен предшествующим ходом истории»^{IX}. Свои политические взгляды офицер определил следующим образом: «Национал-большевизм с 1919 г. представляет ту форму, в которой отливаются убеждения, дающие силу, энергию и необходимую твердость в работе»^X. Под национал-большевизмом Буров понимал оценку «эпохи и момента, когда только путем совместной работы с РКП можно дать максимум благ российскому

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 323. Л. 153.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 153об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 168.

^V Там же. Л. 166.

^{VI} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 323. Л. 52.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 210об.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 23.

^{IX} Там же.

^X Там же.

населению и сохранить Россию от грабежа и раздела»^I. Таким образом, его привлекла государственническая составляющая политики РКП(б).

Курсовик-колчаковец А.И. Колесниченко в анкете упомянул даже Первую русскую революцию, когда он служил рядовым в Эриванской губернии, «где все ограничивалось чтением в очень ограниченном количестве и с трудом добываемой политической литературы»^{II}. Далее он отметил, что «о Февральск[ой] рев[олюции] на фронте стало известно только после отречения. Вначале относился сочувственно, но когда стало известно, что власть все же в руках капитала, а не народа, и вследствие получения соотв[етствующей] литерат[уры] из центра повелась агитация против власти Керенского, что и привело к Октябр[ьской] революции, к которой относился более сочувственно, как к переходу власти всецело в руки народа. Всегда был сторонником образа правления страной самим народом»^{III}. При этом «как военный ни к какой партии не принадлежал и не принадлежу сейчас. Как сторонник народного образа правления и порядка сочувствую партии РКП, как единственной, могущей вывести страну из состояния общей разрухи, как обладающей силою, могущей^{IV} заставить творить ее волю, направляемую к достижению народного счастья»^V.

Бывший генерал Я.А. Слащев в анкете указал, что считал Февральскую революцию «вредной для фронта»^{VI}. О принадлежности к партиям в той же анкете он написал: «Как военный никогда ни к одной политической партии не принадлежал»^{VII}. В отношении несочувствия Октябрьской революции он отметил: «Предвидел развал фронта и тяжелый для народа мир»^{VIII}.

В ряде анкет отражено переосмысление офицерами своих взглядов в результате Гражданской войны. Как правило, неприятие большевиков объяснялось неподготовленностью или непониманием заполнявшего анкету. Так, курсовик-колчаковец Н.В. Соколов указал в анкете, что сочувствовал Февральской революции, что же касается Октябрьской революции, то «в тот период отношение было не сочувственное, благодаря политической неподготовленности». В графе о политических взглядах он записал: «Вполне разделяю программу РКП(б), сочувствую советской власти и обязуюсь ее поддерживать»^{IX}. Колчаковец И.М. Финицкий в анкете 1923 г. указал, что «к Февральской революции относился сочувственно», а в отношении Октябрьской революции «прямого несочувствия не высказывал, ибо признавал необходимость власти широких народных масс. Однако многое в событиях и ходе их в Октябрьскую революцию не понимал», «Сочувствую РКП»^X. По свидетельству офицера, «события с 1918 г. убедили меня в том, что лишь советская власть является единственно законной и правомочной в СССР, действительно защищающей

^I Там же. Л. 23об.

^{II} Там же. Л. 73.

^{III} Там же.

^{IV} В документе — могущего.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 73об.

^{VI} Там же. Л. 257.

^{VII} Там же.

^{VIII} Там же.

^{IX} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 25об.

^X РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 28.

интересы ее трудящихся»^I. Несколько ранее, в анкете 1922 г., Финицкий отметил, что «Октябрьскую революцию ожидал. К власти народа относился всегда сочувственно, хотя многое в Октябрьской революции было для меня недостаточно ясно»^{II}.

В автобиографии офицер сообщил об эволюции своих взглядов более развернуто: «К Февральской революции относился сочувственно, тем более что к ней был более подготовлен, так как предполагал, что улучшить положение народа возможно одной политической революцией».

Ход событий заставил меня пересмотреть положение, в чем я несколько запоздал по причинам обилия служебной работы. Поэтому, относясь принципиально к власти народа вполне сочувственно, не желая отрываться от него, тем не менее многого в Октябрьской революции не представлял себе ясно. К концу 1917 г. мое отношение к Октябрьской революции стало определенно благоприятным.

Перенесенный тяжелый и невольный опыт Гражданской войны окончательно убедил меня в праве советской власти на осуществление благополучия трудящихся масс России.

Моя работа в Красной армии в течение более двух лет и участие в том водовороте событий, который происходит теперь, расширившийся практический (а не узко теоретический) политический кругозор не только на положение у нас в России, но в мировом масштабе, окончательно убеждают меня в предыдущем, давая возможность нравственно спокойно работать»^{III}.

Порой покаянные признания выглядели неуклюже. Курсовик-деникинец Б.М. Перепеловский в анкете отметил, что сочувствовал Февральской революции, но «Октябр[ская] революция для меня не была понятна. Я был слишком неопытен, чтобы разобраться в сложной полит[ической] обстановке. Смутно представлял, что в ней правда и истинное счастье для всех, кто живет своим трудом, и инстинктивно мои симпатии были на стороне переворота»^{IV}. Политическое настроение офицера: «Стою на платформе власти Советов, считая ее единственно законной и вполне выражающей волю трудящихся»^V.

Встречались и смелые офицеры, прямо писавшие об отрицательных сторонах большевистского режима. Бывший колчаковский полковник М.И. Москаленко не побоялся указать в анкете, что отнесся к Октябрьской революции «несочувственно из-за репрессий к офицерам, стремившимся тоже к перевороту, но не к анархии»^{VI}. Курсовик-колчаковец К.В. Кашперов, наоборот, указал, что «в течение 3½ лет службы в рядах Красной армии не подвергался репрессиям, что для меня — лучшая рекомендация»^{VII}. Полковник-колчаковец Б.Д. Макаренко вполне искренне сообщил в анкете 1923 г., что «убеждений полит[ических], как у большинства офицеров, не было, были усталость и стремление домой»^{VIII}.

^I Там же. Л. 28об.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 318. Л. 209.

^{III} Там же. Л. 212об. — 213об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 334. Л. 183.

^V Там же. Л. 183об.

^{VI} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 308об.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 325. Л. 56об.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 317об.

Колчаковец войсковой старшина В.Е. Шайтанов писал в анкете в январе 1921 г., что в период Октябрьской революции «как строевой офицер был вне политики, но относился к ней сочувственно, видя путь к новой свободной жизни в революционной стране». Свое политическое настроение он охарактеризовал кратко: «Рад всегда служить народу»^I.

Пытаясь продемонстрировать что-то общее с большевистским режимом, некоторые офицеры извлекали из своего прошлого даже малейшую связь с революционным движением. Например, колчаковец генерал-лейтенант М.П. Бородин в анкете 1921 г. утверждал, что в молодости симпатизировал «Народной воле», а позднее кадетской партии^{II}. В качестве пожелания он указал: «Хочу одного — мирного, культурно-трудового строительства в С[оветской] республике и готов принять в этом посильное участие»^{IV}.

Иногда в целях социальной мимикрии приходилось искажать события прошлого. Курсовик-колчаковец С.Н. Кравцов утверждал, что в период Октябрьской революции «был учащимся в г[ороде] Киеве, активного участия не принимал, ибо все случилось неожиданно»^V. На самом же деле Кравцов находился в академии в Петрограде. О причинах несочувствия к Октябрьской революции он писал: «Не было единой власти, могущей взять в руки правление страной, которая изнывала под ударами извне. Была распродана страной»^{VI}. О своих политических взглядах Кравцов сообщил: «Беспартийный: в настоящее время вполне лоялен ныне существующей власти, могущей после тяжелого испытания поставить страну на твердую почву»^{VII}.

Полковник-деникинец В.К. Затеplinский в рапорте комиссару военных сообщений Туркестанского фронта в декабре 1922 г. представил свою службу во ВСЮР в 1919–1920 гг. как плен: «Имея тысячу возможностей уехать за границу, я оставался верен своему народу и его революции. Несчастье, постигшее меня, естественно, должно было вызвать расследование дела. Но после этого прошли три юбилея Красного Октября, прошли годы честной, крайне ответственной работы, и полагаю, что я мог рассчитывать на доверие рабочей власти»^{VIII}. Явно пытаясь понравиться властям, свои взгляды Затеplinский охарактеризовал следующим образом: «Сочувствую социалистическим партиям вообще, не соглашаясь с некоторыми пунктами программ каждой. Полагаю, что более соответств[ует] эпохе в России компартия»^{IX}. В подтверждение подобных воззрений офицер рассказал о пережитых им в прошлом трудностях: «В детстве голодал», затем из-за отсутствия средств для учебы в гимназии поступил в кадетский корпус, после чего «за неимением средств даже на одежду вынужден был идти в воен[ное] училище, чтобы перелезть из одной даровой (казенной) одежды в другую»^X. «Средств

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 105.

^{II} Там же. Л. 105об.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 97. Л. 549.

^{IV} Там же. Л. 549об.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 325. Л. 53.

^{VI} Там же.

^{VII} Там же. Л. 53об.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 333. Л. 142об.

^{IX} Там же. Л. 153.

^X Там же. Л. 153об.

к существованию — служба и только. Движимость ерундовая (дрянная мебель), не подвижности не имею^I. Полковник-деникинец С.В. Гончаренко утверждал, что уклонялся от военной службы у белых и занимался военно-историческими трудами^{II}.

Полковник-деникинец М.Н. Кузнецов отметил, что в период Февральской революции «способствовал безболезненному переходу к новой власти»^{III}, к Октябрьской революции «не сочувственного отношения не испытывал»^{IV}. Политическое настроение он выразил следующими словами: «Ввиду выяснившейся определенно организационной роли РКП(б) во всех областях, ведущих народные массы к улучшению их жизни, являюсь по[лным] сторонником проводи[мой политики]»^V, кроме того, «находясь в течение 4-х лет в Кр[асной] армии, определенно сочувствую РКП(б) как на[стоящей?] руководительнице масс»^{VI}.

Подполковник-колчаковец В.Ф. Терпиловский к Октябрьской революции «относился не вполне сочувственно, т.к. не верил, чтобы одним скачком можно было достигнуть идеального общественного строя»^{VII}, а подполковник Н.Ф. Красицкий, служивший в армии УНР и во ВСЮР, отметил, что «в дни Февральской и Октябрьской революции находился на фронте, где части к[орпу]са занимали боевой участок на берегу р[еки] Двины, и поэтому непосредственного участия в революции (по своей должности) принимать не мог, но всегда был на стороне революции... Я, как и большинство кадровых офицеров, в политике разбирался плохо, в дни Октябрьской революции с войсками корпуса был изолирован от окружающего, а в общем не знал и не понимал, что происходит»^{VIII}. Свое политическое настроение он выразил как «желание в ближайшее время увидеть СССР экономически крепким»^{IX}.

Курсовик-деникинец бывший полковник Н.Ю. Вержбицкий писал в рапорте в ноябре 1922 г.: «В Красную армию я поступил добровольно, служу в ней вдвое дольше, чем служил по мобилизации в белой армии, и не отказываюсь от дальнейшей службы в рядах Рабоче-крестьянской армии с полным сознанием своего долга перед республикой и прошу лишь справедливого к себе отношения, а не незаслуженного принижения моего духа и работоспособности положением вышележащего поднадзорного, в то время, когда я считаю себя по полученному военному образованию, служебному стажу и продуктивной для советской власти и Красной армии работоспособности способным приносить большую пользу делу укрепления мощи Красной армии как делу, которому я всецело предан»^X. Он же в анкете в октябре 1922 г. отметил, что «ни в каких партиях никогда не состоял и партийным рамкам не сочувствую, как стесняющим свободу мысли. Убеждений радикально прогрессивных»^{XI}.

^I Там же.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 187об.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 335. Л. 52об.

^{IV} Там же.

^V Там же.

^{VI} Там же.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 336. Л. 336об.

^{VIII} Там же. Л. 338об.

^{IX} Там же. Л. 339.

^X РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 9–9об.

^{XI} Там же. Л. 22.

Служивший на белом Юге бывший генерал-майор В.И. Стойкин по поводу Февральской революции указал в анкете 1923 г.: «Считая революцию необходимой, осуждал лишь ее грубые проявления»^I. При этом в графе о политическом настроении записал: «Считаю революцию законным ходом истории»^{II}.

Офицеры с антисоветским прошлым интуитивно понимали, что в ответах не следует быть слишком откровенными. Тем не менее «политические» графы анкет все-таки показывают если не истинные взгляды пленных белых генштабистов, то, по крайней мере, те поведенческие стратегии, которые они выбирали в красном плену для минимизации возможных неприятностей за былую нелояльность. Лейтмотивом всех анкет была демонстрация преданности новой власти, но ответы варьировались.

Не всегда попытки изображать лояльность приносили нужный результат. Так, бывший колчаковский полковник Д.П. Турбин, ранее бежавший из РККА, а затем попавший в плен к красным и арестованный, указал в анкете, что к Октябрьской революции «относился весьма сочувственно», сочувствовал РКП(б) и советской власти «как единственной выразительнице народной воли»^{III}. Однако все это ему не помогло, так как в ВЧК не без оснований не поверили в искренность таких заявлений и приговорили офицера к расстрелу. Не были сочтены убедительными и аналогичные заявления генерала К.М. Слесарева, который писал: «В настоящее время сочувствую стоящей у власти в России партии большевиков» и «в настоящий момент мое настроение служить всеми силами советской власти»^{IV}. Слесарева также приговорили к расстрелу.

В большинстве случаев офицеры указывали на свою приверженность Февральской революции. Отмечали, что она позволила преодолеть гнет, произвол старого режима, рабство, абсолютизм, давала возможность выйти из тупика, в котором оказалась страна. Многие писали о непонимании Октябрьской революции, о том, что они не смогли в той ситуации сориентироваться и лишь позднее осознали государственную роль РКП(б). Критические высказывания об Октябрьской революции касались ее издержек, волновавших пленных: развала армии, репрессий в отношении офицерства, тяжелого Брестского мира. Ряд офицеров честно признавались, что не разбирались в политике, были неопытны. Этим они объясняли свое неприятие Октябрьской революции.

В анкетах выражалась уверенность в том, что советская власть защищает интересы народа и права трудящихся, что революция носила народный характер. Порой звучали заученные фразы, а какие-то высказывания едва ли были искренними. К таким можно отнести выражения солидарности с политикой РКП(б) и сочувствия пролетариату, восторги по отношению к политике партии и к советской власти. Ряд пленных указывали, что являются сторонниками народовластия, которое олицетворяла партия большевиков.

Встречались и исключения. Так, в одной из анкет упоминалось о приверженности ее составителя программе кадетской партии и народническим взглядам. Иногда подлинные политические взгляды были замаскированы общими

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 331. Л. 214об.

^{II} Там же. Л. 215.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 138–138об.

^{IV} Там же. Л. 27а–27а об.

фразами о необходимости или стремлении честно трудиться на благо общества. Такие ответы, скорее всего, свидетельствовали о нежелании пленных раскрывать свои истинные мысли и взгляды, равно как и кривить душой, заверяя начальство в лояльности большевикам. Суровые реалии Гражданской войны делили людей на наших и не наших. Пленные, разумеется, пытались добиться того, чтобы их посчитали «нашими». Это было вопросом выживания в той обстановке. В этой связи анкеты пленных белых офицеров не всегда и не во всем позволяют обнаружить истинное «я» их авторов, но, будучи массовым источником, они дают возможность понять особенности поведения представителей белой военной элиты в красном плену, в том числе в аспекте официально декларируемых ими политических взглядов. В целом можно сказать, что составители анкет стремились встроиться в советское общество и продолжить службу в армии в соответствии с прежней специализацией. Заинтересованы в этом по причине дефицита квалифицированных военных специалистов были и представители власти.

Пленные белые офицеры с 1920 г. направлялись на ускоренные трехмесячные курсы политической и военной подготовки (каждые курсы на 1000 человек)^I. Для пленных генштабистов в 1920 г. работало специализированное учебное заведение – повторительные курсы для бывших офицеров, бывших в академии Генштаба. На эти курсы, в частности, были направлены следующие пленные белогвардейцы: К.В. Акутин, М.П. Базыленок, И.М. Богацкий, Ф.М. Бредш, А.Н. Власенко, В.К. Головкин, М.З. Дьяконов, С.И. Земцов, С.И. Ильин, А.Г. Колчин, А.И. Мезенцев, Н.А. Морозов, В.И. Моторный, Б.М. Перепеловский, В.Н. и М.Н. Пестряковы, Н.В. Соколов, Л.А. Текелин, В.Н. Цедерберг, Л.Н. Шибаев, М.Е. Шохов и др.^{II} Вр.и.д. управляющего делами курсов значился А.Н. Власенко. По другим документам, курсы именовались временными повторительными. Работали они в бывшем ресторане «Прага» на Арбате и продолжались в сокращенном виде три недели. Слушателей размещали в общежитии в том же здании, выдавали солдатский паек^{III}. Руководил курсами бывший полковник В.Я. Жуков.

Пленным читали курсы из программы военных училищ, рассказывали об устройстве РККА, преподавали политграмоту и историю последних войн. Военные предметы вели преподаватели Академии Генштаба РККА, военспецы, в том числе из бывших офицеров Генерального штаба. Лекции по авиации читал В.Н. Гатовский, курс организации РККА – А.Е. Гутор, «важно заявлявший, что он достиг большого доверия среди коммунистов и около него нет даже комиссара. Историю последних войн и причины их поражений читал Верховский, бывший военный министр при Керенском. На менее интересных лекциях слушатели, а иногда и сам профессор засыпали, что объяснялось общей слабостью на почве недоедания. Все профессора обращались к нам – господа – и никогда не называли товарищами, исключение представлял один Гутор»^{IV}. Бывшие белые с трудом воспринимали политическую грамоту, не относились к ней всерьез. Кроме того, им казалось, что

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 68. Л. 137об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 157об.–158; *Елисеев Ф. И.* Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 363.

^{III} *Елисеев Ф. И.* Лабинцы. Побег из красной России. С. 372.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 327. Л. 71.

военспецы-профессора испытывали плохо скрываемую неловкость перед пленными^I. Сами пленные стремились воспользоваться курсами, чтобы, как вспоминал кубанский казачий офицер Ф.И. Елисеев (негенштабист), «получить легальную свободу и устроить свою судьбу, кто как умеет или найдет возможность»^{II}. Лучшим лектором считался А.И. Верховский, державший на протяжении часа в напряжении аудиторию в 500 слушателей^{III}. По окончании учебного процесса на курсах Верховский собрал вокруг себя группу слушателей – старших офицеров (генералов и полковников) и откровенно спросил: «Господа!.. Как могла разбить вас эта сволочь?»^{IV} Ускоренные курсы политической и военной подготовки были упразднены по миновании в них необходимости 11 января 1921 г. (приказ РВСР № 101/18), слушатели подлежали передаче в резерв округов по месту нахождения курсов^V.

По свидетельству пленного генерала И.А. Данилова (негенштабиста), военспецы держали себя по-разному, «для ознакомления нас с системой советской военной администрации был прислан профессор академии Генерального штаба, бывший генерал-лейтенант»^{VI} [С.П.?] Михеев и бывший военный министр Керенского – Верховский. Насколько второй поразил нас своей наглостью и дифирамбами советской власти, настолько первый своей забитостью и приниженностью. Казалось, что ему было совестно смотреть нам в глаза, и вся его фигура выражала, что он волей-неволей из-за своего существования и своей семьи, под страхом расстрела, должен служить советской власти. Мы это поняли и по окончании лекции, окружив его, старались высказать ему наши симпатии, что произвело на него впечатление»^{VII}.

Те, кто не попадал в РККА, были вынуждены искать различные способы заработка. Например, курсовик-колчаковец К.В. Кашперов после освобождения из-под ареста в феврале 1920 г. поступил пианистом в Канский народный театр, но через месяц все же устроился на преподавательскую работу в РККА^{VIII}.

В связи с острой нехваткой в РККА квалифицированного состава многие пленные довольно быстро получали ответственные назначения. Так, бывший подполковник армии УНР М.И. Иващенко, служивший в ГУПШ Действующей армии УНР, а затем в должности начальника штаба запасной бригады, после перехода на сторону красных стал начальником штаба 14-й Майкопской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Бывший генерал Д.Н. Сокира-Яхонтов в 1920 г. в РККА возглавил бригаду 41-й стрелковой дивизии. Командовал этой дивизией другой ветеран украинской армии – бывший генерал В.И. Стойкин. В январе 1920 г. в Гурьеве был взят в плен выпускник академических курсов в Томске капитан Пospelов, ранее занимавший пост начальника штаба 4-й Илецкой дивизии белых. Начальником 25-й стрелковой дивизии И.С. Кутяковым офицер был оставлен

^I Там же. Л. 71об.

^{II} Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. С. 373.

^{III} Там же. С. 373–374.

^{IV} Там же. С. 376.

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 173.

^{VI} Правильно – генерал-майор.

^{VII} Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции.

Берлин, 1924. Т. 14. С. 87.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 325. Л. 65об.–66.

в штабе дивизии для работы, поскольку, как впоследствии свидетельствовал сам Кутяков, «тогда все красные сотрудники были больны тифом. За короткий срок, благодаря своим большим знаниям, т. Пospelов был оставлен в дивизии и не отправлен в концентрационный лагерь»¹. Впоследствии Пospelов участвовал в Советско-польской войне. Примечательно, что специалистом с «большими знаниями» был назван всего лишь выпускник младшего класса сибирских ускоренных курсов, проучившийся в академии не более четырех месяцев. Исходя из этого, нетрудно представить уровень военных знаний других работников штаба дивизии. Бывший генерал П. С. Максимович стал военным руководителем Сибирского окружного военкомата, бывший ротмистр А. К. Хведкевич – заведующим 1-м отделением мобилизационной части административно-мобилизационного отдела Енисейского губвоенкомата, бывший полковник А. А. Мирошников был зачислен в резерв комсостава при Енисейском губвоенкомате, бывший подпоручик Л. Н. Климонтович получил назначение вр.и.д. старшего инструктора Всевобуча Красноярского уездного военкомата.

Интересно, что Хведкевич, окончивший ускоренный курс академии в Томске при белых, добивался своего исключения из списков Генштаба. 16 апреля 1920 г. как секретарь Енисейского губернского отдела народного образования он обратился к заведующему следственной частью ВЧК: «Находясь на учете в комендантской части ВЧК на предмет отправления в Москву в распоряжение н[ачальника] Все[ро]главштаба, как быв[шего] генштабиста, прошу об исключении меня с учета генштабистов по след[ующим] причинам. Во-первых: Как ошибочно занесенного в списки Генштаба губвоенкоматом, так как я окончил в 1919 г. только ускоренный курс Воен[ной] академии Генштаба и приказом причислен к Генштабу никем не был. Во-вторых: По разъяснению н[ачальника] общ[его] отд[еления] штарма 5[-й], окончивших ускоренный курс к Генштабу не относят.

На основании вышеупом[янутых] причин прошу также по снятии меня с учета Генштаба разрешения оставаться на занимаемой теперь должности в отделе народного образования или продолжать службу по моей специальности в губвоенкомате, где я состою в качестве заведывающего отд[елением] мобил[изационной] части»².

Некоторые выпускники колчаковских ускоренных курсов академии устроились на преподавательскую работу уже в Сибири в 1920–1921 гг. Позднее часть из них прошла через аресты за белогвардейское прошлое. Аналогичные ситуации происходили и на Юге России. Так, начальник оперативного управления Отдельной Кавказской армии П. М. Стрыхарь и военком Черняев в июле 1921 г. ходатайствовали перед начальником Оперативного управления Штаба РККА об оставлении при штабе армии бывшего слушателя ускоренных курсов К. В. Чугункова как знатока Кавказа³. Судя по всему, Чугунков ранее служил у белых.

На службу пленных в РККА налагались серьезные ограничения, свидетельствовавшие о продуманности этого вопроса. В каждой воинской части их численность не должна была превышать 15 % комсостава (то же касалось и гражданских

¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 58. Л. 124.

² РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1217. Л. 18.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 82.

учреждений^I). Пленных предписывалось не назначать на службу в те места, где произошло пленение или добровольная сдача, требовалось также избегать назначений по месту рождения или постоянного жительства. Отступления от последнего не допускались в отношении казаков^{II}. В течение первого года службы бывшие белые офицеры не могли пользоваться отпуском, а по истечении года снимались с особого учета. Порядок снятия с особого учета определялся приказом РВСР № 1035/180 от 14 мая 1921 г.^{III} Теперь ходатайствовать о снятии с учета должны были сами пленные. Снятие с учета было фикцией, поскольку бывшим пленным продолжали не доверять, их выделяли из общей массы, накладывали ограничения (например, запрет проживания в приграничной зоне), постоянно перерегистрировали, а сведения об их прошлом находились в компетентных органах^{IV}. Заключение о приеме тех или иных бывших белых в РККА давали органы ВЧК-ОГПУ. В 1924–1927 гг. было проведено снятие бывших белых офицеров с особого учета, фактически оказавшееся новой перерегистрацией.

Бывшие белые офицеры, ставшие военспецами, демонстрировали свою лояльность советской власти и старались служить добросовестно. Тем более что они могли наблюдать аресты и расстрелы своих товарищей, порой без весомых оснований. Однако в советском руководстве сохранялось предубеждение против военспецов в принципе, не говоря о недавних врагах. Поэтому от белогвардейцев старались избавляться.

К 1 января 1921 г., по данным отчета Наркомата по военным и морским делам, на особом учете в Красной армии находилось около 12 000 бывших белых офицеров и, видимо, унтер-офицеров, что составляло 5,53% комсостава РККА^V. На протяжении 1921 г. было принято на учет еще 2390 человек, 4000 переведены в Наркомат труда, а затем уволены в бессрочный отпуск. В конечном итоге на службе осталось 1975 человек, или 2,3% комсостава, «из которых 33,3% увольнению вовсе не подлежат, как высококвалифицированные специалисты»^{VI}. Стоит отметить, что белые пленных красных командиров ценили куда меньше.

Обсуждались варианты различных ограничений по службе в отношении бывших белых генштабистов. Согласно одному из проектов 1921 г. предлагалось обязать таких специалистов проходить через Высшую аттестационную комиссию «для определения политической физиономии данного лица, что необходимо в целях создания спаянного едиными политическими идеями Генерального штаба РККА»^{VII}.

Бывших белых офицеров и военных чиновников по приказу РВСР № 101/18 от 11 января 1921 г. предписывалось использовать для работ в гражданских учреждениях. Единственное исключение делалось для высококвалифицированных специалистов с высшим военным образованием, к которым относились

^I РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 174об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 34об.

^{III} РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 222.

^{IV} В мае 1926 г. в связи с трудностью учета бывших белых офицеров и военных чиновников и отсутствием необходимости в таковом был разработан проект перевода этой категории лиц на общий учет (РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 389. Л. 41).

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45об.

^{VI} Там же.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 131.

и генштабисты¹. Заместителем председателя РВСР Э.М. Склянским были утверждены Временные правила использования бывших офицеров и военных чиновников из числа военнопленных и перебежчиков белых армий в гражданских и военных учреждениях. Согласно документу, пленные этих категорий поступали в Народный комиссариат труда для использования в гражданских учреждениях. В военном ведомстве подлежали использованию лишь высококвалифицированные военспецы с высшим военным образованием, причем только в ГУВУЗе, Главном военно-инженерном, Главном артиллерийском и Главном хозяйственном управлениях, а также в академии Генерального штаба. В ГУВУЗе могли использоваться и лица без высшего военного образования, но признанные соответствующими использованию в военно-учебном ведомстве. Особо отмечалось, что бывшие белые генштабисты «подлежат использованию только для ГУВУЗа и академии Генерального штаба»². Это касалось и выпускников академических курсов в Томске, которых стали считать генштабистами и зачисляли в ГУВУЗ (ранее, согласно приказанию ПШ РВСР, изложенному в циркулярной телеграмме от 17 сентября 1920 г., выпускников томских курсов считали не генштабистами, а слушателями и держали на особом учете³). Прослушавших месячный курс академии в Екатеринбурге не считали слушателями, но также держали на особом учете⁴. Таким образом военное руководство пыталось не допустить возможного взятия ветеранами антибольшевистской борьбы Красной армии под свой контроль.

Несколько генштабистов попали в плен на Севере России. Отношение к ним здесь, в целом, было более суровым, чем на Юге и Востоке. Напрасно полковник Л. В. Костанди писал, что «в настоящее время главнейшая задача советской власти и командования — наиболее гуманно отнестись к бывшим врагам и таким способом укрепить в них осознание необходимости работать на пользу Советской России. Нужда в интеллигентных работниках далеко не исчерпана, а потому пренебрегать тысячей интеллигентных людей... было бы нецелесообразным»⁵.

Пленные белогвардейцы на Севере, как и в других регионах, заполняли анкеты для бывших офицеров белых армий. В документах требовалось точно указывать данные о семейном положении, сведения о родителях, адреса, занимаемые должности (особо выделялась служба в полиции до 1917 г.), состояние здоровья, добровольно или по мобилизации служили у белых, в каких боях участвовали, особо выделялась графа о попадании в плен индивидуально или при массовой сдаче. Кроме того, запрашивали наименование Особого отдела, через который проходили пленные, место и причину ареста. Запрашивались участие во всех революциях, отношение к ним (если не сочувственное, то почему), политические настроения, партийность, наличие родственников в РККА и у белых (в том числе

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 173.

² Там же. Л. 174.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 97.

⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 91

⁵ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 305. Призывы к милосердию в отношении пленных офицеров не помогли. В 1920–1921 гг. были расстреляны все выпускники академии, взятые в плен на Севере в начале 1920 г. (генерал-лейтенант П. М. Баранов, полковники Н. А. Волков, И. С. Кашуба, Л. В. Костанди, штабс-ротмистр Л. П. Червинский).

на территории белых), а также служивших в полиции до 1917 г. Наконец, требовалось указать двух видных советских или партийных работников, знавших анкетиремого¹.

Среди расстрелянных ветеранов Белого движения на Севере России – бывший ординарец легендарного «белого генерала» М.Д. Скобелева полковник И.С. Кашуба. Офицер знал несколько восточных языков, но даже это не спасло его от расстрела осенью 1920 г., при том, что большевики активно разрабатывали тогда планы советизации стран Азии. Очевидно, информация об этих знаниях Кашубы попросту не дошла до заинтересованных органов в Москве. Расстрелян он был по распоряжению архангельских чекистов². На Север высылали многих пленных с других фронтов, прежде всего, захваченных на Юге и на Востоке России. Их участь нередко определялась решениями коллегии тройки Особого отдела охраны северных границ республики. Решениями этого органа были приговорены к расстрелу бывшие колчаковские офицеры Л.А. Текелин, И.М. Чебеняев³. Таким образом, ничто не могло защитить пленных от произвола на местах. Аналогичные факты известны и по другим регионам. Например, в Сибири бывший полковник В.В. Ракитин был 13 марта 1920 г. арестован за службу у Колчака, 29 апреля приговорен ликвидационной комиссией ВЧК 5-й армии к заключению в концлагерь за приверженность правительству Колчака⁴ и уже 15 мая приговорен к расстрелу по единоличному решению полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского (в прошлом – первого заместителя председателя Особого отдела ВЧК)⁵.

Взятый в плен в Иркутске в начале 1920 г. генерал-майор К.М. Слесарев, возглавлявший на протяжении 12 лет Оренбургское казачье юнкерское училище, телеграфировал 30 апреля 1920 г. начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву, с которым, вероятно, был знаком по старой армии, просьбу поступить на службу по прежней военно-учебной специализации: «Прошу распоряжения и разрешения назначения преподавателем военных наук [в] открываемой [в] Иркутске военной школе красных офицеров, с 1908 года января по январь 1920 года непрерывно состоял [в] должности начальника Оренбургского военного училища, [в] настоящее время состою [на] учете Особого отдела ВЧК пятой армии, [при] перемене власти [в] Иркутске был арестован следственной комиссией, освобожден [за] отсутствием состава преступления, ревтрибунал постановление последней утвердил, [в] крайнем случае прошу распоряжения штарму пять и иркутскому губвоенкому об срочном откомандировании [в] ваше распоряжение. 30 апреля 1920, Иркутск. Генштаба Константин Слесарев»⁶.

Лебедев попытался помочь, но ничего не добился. Свет на дальнейшую судьбу генерала проливает письмо его супруги А.Н. Слесаревой тому же Лебедеву от 23 июня 1920 г.: «До разбора дела муж просидел в тюрьме 2 месяца. Следственная комиссия, разобрав его дело, постановила мужа освободить за отсутствием

¹ ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 6. Д. 5. Л. 7–8об.

² Подробнее о Кашубе см.: Ганин А. В. За что расстреляли ординарца Скобелева? Гибель полковника Кашубы на Архангельском Севере // Родина. 2011. № 1. С. 116–120; Его же. 50 офицеров. С. 502–518.

³ ОСПИ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 96, 97об.

⁴ Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.

⁵ Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК – ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 120.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 232.

состава преступления. Трибунал это постановление утвердил, и мой муж получил освобождение, но, к сожалению, ненадолго. Вслед за этим начались регистрации, и муж вновь был арестован Особым отделом 5[-й] армии Восточного фронта. Председателем этого отдела был товарищ Павлов. На допросе моему мужу сказали, что обвинения на него нет и что он, вероятно, будет отправлен в Москву. Вскоре после второго его ареста, когда он находился еще в Иркутске, была получена телеграмма, посланная Вашим распоряжением, о вызове моего мужа в Москву. К сожалению, я узнала об этой телеграмме слишком поздно, когда муж был уже увезен. Этой телеграмме почему-то не был дан ход и вместо командирования в Москву мужа моего через 2 недели после ареста отправили в Красноярск под конвоем в арестантском вагоне вместе с другими арестованными. Отправили его настолько неожиданно, что я даже не успела дать ему необходимых вещей на дорогу. Свиданий не разрешали. Накануне отправки мне сказали в Особом отделе, что муж в этой партии отправлен не будет, и об его отправке я узнала только тогда, когда они сидели уже в вагоне. В Красноярске их поместили сначала в военном городке, а потом перевели в тюрьму. Через месяц его вновь привезли в Иркутск и опять поместили в тюрьме, где он находится по сие время. Дальнейшее неизвестно, и я боюсь за его участь. Тюремный режим, холодные камеры зимой и вообще тяжелые условия заключения подточили его здоровье... Вины за ним не значится никакой. Чем объяснить его бесконечное томление по тюрьмам – не знаю. Я не буду говорить Вам о том, какие нравственные мучения я переживаю. Моя горячая просьба к Вам, многоуважаемый Павел Павлович, помогите моему мужу, избавьте его от дальнейших ужасов. В Иркутск мы были эвакуированы из Оренбурга вместе с училищем. С арестом мужа я осталась совершенно одна в чужом городе и окончательно теряю голову, не вижу выхода из тяжкого положения. Боюсь, что его опять куда-нибудь увезут, я не буду знать, потеряю его след и опять буду одна. Свиданий не разрешают, и я могу потерять его. Простите меня за беспокойство. Надеюсь, что Вы не оставите мою просьбу без внимания¹. В том же году Слесарева перевели в Москву и держали в Кожуховском лагере², а в марте 1921 г. во время антибольшевистского восстания в Западной Сибири расстреляли по обвинению в пособничестве повстанцам³.

Наряду с актами террора в отношении бывших белых генштабистов имели место и противоположные проявления. Так, в РККА ветераны антибольшевистских армий были приняты в 353 случаях. Более того, были прощены и приняты в армию даже те, кто ранее уже изменил красным, но вновь оказался в Советской России. Таких офицеров было не менее 138 человек. Жизненные траектории этих людей различались. Для одних служба у белых была вынужденной, а возврат к красным добровольным, для других – наоборот. Были среди них и те, кто на протяжении всей Гражданской войны метался между противоборствующими сторонами, не зная, к кому примкнуть (по сути, профессиональные перебежчики, менявшие место службы в зависимости от политической конъюнктуры

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 28об. – 31об.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 91.

³ Подробнее о Слесареве см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска... С. 520; Ганин А. В. Расстрелянные на всякий случай // Родина. 2023. № 8. С. 114–117.

и обстановки на фронте). Готовность сдаться могла формироваться на основе положительного опыта прежней службы в Красной армии. Интересно, что некоторые офицеры, повторно попавшие в РККА, смогли сделать впечатляющую карьеру.

Одним из наиболее ярких примеров была служба курсовика и капитана колчаковской армии М. И. Василенко. С 1917 г. Василенко являлся членом партии левых эсеров. В антибольшевистском лагере он оказался в составе Военной академии, часть которой перешла на сторону Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания в Казани. И если правозэсеровский Комуч мог казаться Василенко идейно близким, то колчаковский режим вряд ли воспринимался левым эсером с симпатией. Уйдя от белых в начале 1919 г., он уже в 1919–1920 гг. командовал 11, 9 и 14-й красными армиями, а впоследствии был награжден орденом Красного Знамени¹.

В этой группе оказывались и те, кто реально попадал в плен в силу обстоятельств и для кого красные, скорее всего, были своими. Аналогичный пример представляет судьба бывшего капитана и курсовика А. Я. Яновского, который, как и Василенко, также находился в академии летом 1918 г. В отличие от Василенко, Яновский в Казани каким-то образом сумел избежать перехода на сторону Комуча и добрался до Москвы. В 1918–1919 гг. военспец служил в РККА. Однако попасть в плен к противнику ему все же пришлось. В июле 1919 г. он тяжело заболел и находился на излечении в Курске, где служил до войны. Яновский был оставлен при отходе красных от города осенью 1919 г. и попал в плен к белым. Белыми он был арестован, но затем до конца 1919 г. вместе с братом служил в деникинских войсках, а с декабря 1919 г. продолжил службу в РККА, добившись немалых успехов. За боевые отличия в ходе операций в Грузии Яновский в 1922 г. был награжден орденом Красного Знамени. Избежав репрессий, Яновский принял участие в Великой Отечественной войне. Исполнял должность командира 89-го стрелкового корпуса, был заместителем командира 80-го стрелкового корпуса, с которым дошел до Берлина. Был дважды ранен. Умер в Москве в 1982 г.²

Таким офицером оказался бывший капитан М. П. Строев (Рихтер), попавший к белым в январе 1920 г. в результате поломки аэроплана и вынужденной посадки. Ранее Строев активно участвовал в создании советской военной авиации, дважды встречался с В. И. Лениным. У белых он содержался в тюрьме в Екатерино-даре, был освобожден местным большевистским подпольем и продолжил службу в РККА. Впоследствии дослужился до звания генерал-майора советских ВВС, умер в Москве в 1961 г. и был похоронен на элитном Новодевичьем кладбище³.

В этой группе пленных были активные участники Белого движения и даже белые подпольщики. Например, бывший курсовик полковник А. А. Буров летом 1918 г. являлся одним из руководителей антибольшевистского подполья в штабе Северо-Урало-Сибирского фронта в Екатеринбурге (впрочем, в его учетной карточке содержатся данные о том, что он приехал в Советскую Россию летом 1920 г. уже

¹ Подробнее о Василенко см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 325–354.

² Подробнее о Яновском см.: Великая Отечественная. Комкоры. Т. 1. С. 656–659.

³ Подробнее о Строеве (Рихтере) см.: Ганин А. В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133; Его же. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 722–744.

из Маньчжурии, что не исключает возможности их сознательного искажения)'. В 1920 г. он был мобилизован в РККА, расстрелян по делу «Весна» в 1931 г. Оказался на службе у красных один из организаторов омского переворота 18 ноября 1918 г. полковник А. Д. Сыромятников, много лет служивший в Военной академии. Интересно, что Буров и еще один курсовик А. К. Гайко¹ также активно участвовали в военной подготовке прихода к власти адмирала А. В. Колчака и впоследствии оказались в РККА.

Между прочим, Ф. Э. Дзержинский признавал высокий профессиональный уровень пленных спецов. 5 августа 1923 г. он писал в Политбюро: «Мы очень бедны спецами. Из своего опыта на транспорте должен сказать, что спецы, оставшиеся у нас, — самые худшие, без инициативы, без характера. Тянут лямку, чтобы жить. Самые лучшие, подвижные и инициативные у нас спецы — это полученные нами и почему-либо не расстрелянные — от Колчака, Деникина и Врангеля»². Далее предлагалось разрешить бывшим белым военным специалистам возвращаться на родину из эмиграции.

Позднее, в 1920-е гг., белогвардейское прошлое во многих случаях воспринималось с оттенком юмора. Например, дело арестованного в феврале 1923 г. колчаковского генерала А. Т. Антоновича было прекращено 30 января 1926 г. Сибирским краевым судом ввиду того, что «преступление носит исторический характер, и Антонович в настоящее время не является социально опасным для советской власти»³. Таким образом, декларировалось, что обвинение в контрреволюционности утратило свою актуальность. Впрочем, спустя каких-то пять лет все вернулось на круги своя. В ходе дела «Весна» 1930–1931 гг. бывшим офицерам активно инкриминировались именно контрреволюционные настроения, не говоря уже о белогвардейском прошлом.

Красные последовательно проводили в жизнь тотальный учет бывших белых генштабистов, имевших хоть какое-то отношение к учебе в академии, стараясь использовать в своих интересах максимум специалистов. Даже в 1921 г., по окончании широкомасштабной Гражданской войны, составлялись их отдельные списки с указанием занимаемых должностей. ВГШ 13 октября 1920 г. информировал штаб Беломорского военного округа о том, что учету подлежат «все когда-либо обучавшиеся в академии Генштаба лица, хотя бы и не закончившие курса»⁴.

В этой связи на службу закономерно привлекались генштабисты, окончившие академию непосредственно в белой Сибири. Начальник Штаба РККА П. П. Лебедев в мае 1922 г. писал о необходимости «причисленных к Генеральному штабу сибирским правительством считать по Генер[альному] штабу»⁵. Проверить данные о наличии у пленных академического образования, полученного там, красные

¹ Подробнее о подпольной работе Бурова см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 206–209; Кручинин А. М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 13–26.

² Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия «История, филология и философия». 1989. Вып. 1. С. 61.

³ Источник. 1998. № 3 (34). С. 131.

⁴ Жертвы политического террора в СССР.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 166.

⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 35.

не могли. Эта проблема отмечалась уже в конце 1920 г.^I Сложности возникали и с другими офицерами, заявлявшими о своем обучении в академии. Например, 31 марта 1920 г. начальнику ПШ РВСР из Ейска была направлена докладная записка некоего Н.И. Карасева, автор которой писал: «Прослужив 19 месяцев в Красной армии и занимая в течение последних 9 месяцев должность завуча (номер неразборчив. — А.Г.) Советских пех[отных] курсов, попал в плен к белым, состоял под судом и следствием деникинской контрразведки и сидел в заключении в г[ороде] Ейске. В настоящее время, когда я снова среди моих красных товарищей, прошу Вашего распоряжения о назначении меня на службу, где бы я мог положить все силы и знания на пользу революции как бывший капитан, окончивший военное училище мирного времени и академию Генштаба, геодезическое отделение военного времени (курс 8 месяцев)». По нашей базе данных, включающей сведения обо всех слушателях ускоренных курсов, Карасев не проходит. Нельзя исключать того, что, зная в целом благожелательное отношение красных к бывшим белым генштабистам, стали появляться пленные, выдававшие себя за эту категорию лиц, но никакого отношения к ней не имевшие.

Некоторые пленные внесли заметный вклад в укрепление РККА. Так, в приказе по штабу Восточно-Сибирского военного округа № 103 от 24 октября 1920 г. начальником штаба округа А.Х. Андерсоном и комиссаром А. Хазовым были отмечены заслуги курсовиков В.Н. Отрыганьева, П.Н. Соколова и В.С. Савченко, ранее служивших у Колчака: «Приступая во исполнение приказа РВСР № 1952365 к реорганизации, считаю долгом отметить те условия, в которых начал работу штаб округа.

Еще полгода тому назад в необорудованных вагонах за неимением помещений, без всяких технических средств и пособий, с группой сотрудников, приехавших из Москвы для формирования окрвоенкомата^{II}, штаб начал свое формирование 1 мая, немедленно приступив к текущей работе самого разнообразного характера. Объединение деятельности подведомственных учреждений, руководящие указания к предстоящему призыву и мобилизация молодых 1901 г., учет лошадей, принудительные закупки, формирование новых частей и трудовая мобилизация пленных империалистической войны легли на штаб как бы непосильным бременем. В результате штаб если и получал иногда справедливые упреки за недостаточную организованность и некоторую медлительность в ответах в высшие штабы, что вызывалось целым рядом причин, не всегда зависящих от штаба, тем не менее все крупные задания центра, штасиба^{IV} и окрвоенкома^V были выполнены.

С большим удовольствием отмечаю прекрасное и добросовестное отношение к службе всех сотрудников штаба округа, понимавших ту великую ответственность, которая лежала на нас. Некоторые из сотрудников из числа служивших в армии Колчака не смогли сразу взять правильный курс работы, будучи излишне осторожны, но в ближайшее же время проявили большую серьезность

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 979. Л. 176.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 284.

^{III} Окружного военного комиссариата.

^{IV} Штаба помощника главкома по Сибири.

^V Окружного военного комиссара.

и добросовестность в работе и огромное желание принести пользу республике, дабы искупить свои старые ошибки службы в армии врагов.

От лица службы приношу благодарность моему помощнику Павлу Николаевичу Соколову, начальнику мобилизационно-оперативного отдела Савченко и комиссару Чечурину, начальнику строевого отдела тов. Отырганьеву и комиссару тов. Пушкареву, начальнику административно-хозяйственного отдела тов. Сумороцкому и комиссару тов. Эйдеман[у], проявившим примерную исполнительность, всем сотрудникам и красноармейцам штаба округа за прекрасное исполнение своего долга^I.

Множество пленных оказалось захвачено на Юге России. Еще в феврале 1920 г. советское командование предполагало, что в районе Херсона и Одессы могут быть пленены генштабисты, о чем начальник Оперативного управления ПШ РВСР Б.М. Шапошников сообщал начальнику штаба Юго-Западного фронта 23 февраля 1920 г.^{II} Предположения Шапошникова вскоре подтвердились, так как в Одессе штабом 14-й советской армии такие лица действительно были зарегистрированы^{III}.

Бывшие белые, как и на других фронтах, живописали ужасы своего подневольного пребывания в антибольшевистском лагере. Так, например, бывший капитан А.Я. Яновский, попавший к белым осенью 1919 г. при занятии деникинцами Курска, свидетельствовал о том, что был арестован, подвергался побоям и лишь благодаря заступничеству прежних товарищей сумел освободиться, но и после освобождения оставался под следствием и надзором курского уездного воинского начальника^{IV}. Проверить достоверность многих подобных рассказов не представляется возможным, но известно, что обратно в РККА Яновский попал в декабре 1919 г. в том же Курске. Впоследствии Яновский, несмотря на белогвардейское прошлое, был награжден орденом Красного Знамени за операции в Грузии.

Среди пленных встречались и те, кто последовательно и упорно придерживался антибольшевистских взглядов, даже несмотря на угрозу репрессий. По-видимому, таким являлся кубанский казак бывший полковник С.И. Земцов. У белых он командовал 4-й Кубанской казачьей дивизией. В мае 1920 г. сдался в плен в составе Кубанской армии. В 1920–1922 гг. прошел через Особые отделы Туапсе, Екатеринодара, Костромы, Киева и Таганрога. В РККА служил в военно-учебных заведениях, при этом считался «явным контрреволюционером». Более того, Земцов не побоялся указать в анкете в 1923 г., что относился несочувственно к Октябрьской революции за «массовое преследование офицер[ов] за то, что они офицеры»^V, а о своем политическом настроении написал: «Скорейшее умиротворение страстей и наступл[ение] нормальн[ой] экон[омической] обстановки»^{VI}. В октябре 1922 г. на заседании комиссии по увольнению из Красной армии всех белых офицеров, чиновников, врачей и лекпомов (лекарских помощников) было постановлено немедленно уволить его без права поступления на службу в части РККА или военно-учебные заведения «как ярого монархиста, громогласно заявляющего, что

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 164–164об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 198.

^{III} Там же. Л. 199.

^{IV} Великая Отечественная. Комкоры. Т. 1. С. 657.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 249об.

^{VI} Там же.

он сознательно дрался с красными, который, несмотря на свое образование генштабиста, массе ничего не дает, а, наоборот, вводит в заблуждение слушателей»¹. В октябре 1923 г. Земцов был уволен в бессрочный отпуск. Он умер в СССР в 1928–1929 гг., не дожив до периода массовых репрессий.

В плен попадали и генштабисты украинских армий – например, бывший полковник Н.Е. Какурин. Рассуждая впоследствии о своем переходе к красным весной 1920 г., Какурин отмечал: «Твердых оформленных политических убеждений, которые можно было бы назвать советскими, у меня тогда еще, по совести говоря, не было, но, предлагая свои услуги для борьбы на польском фронте, я, как теперь себя анализирую, исходил по существу из прежней установки и видел в Красной армии, наконец, ту армию, которая явилась для меня действительной русской армией, значит, я тогда действовал еще [из] чисто патриотических убеждений»². Патриотические мотивы офицерства, несомненно, учитывались советским руководством в политике привлечения своих недавних противников на службу, в том числе в период Советско-польской войны.

7 мая 1920 г. Какурин, прибывший в столицу 1 мая, был арестован в Москве Особым отделом ВЧК. Он не был допрошен, ему задали лишь несколько незначительных вопросов. Генштабист жаловался в МПКС. По его словам, «сущность дела заключается в том, что, по-видимому, Особый отдел ВЧК инкриминирует мне исполнение должности 2го генерал-квартирмейстера украинского Генерального штаба в начале 1918 г. Дело обещали рассмотреть через 2–3 недели, но до сих пор не допрошен. Поясняю, что должность 2го генерал-квартирмейстера была исключительно административно-научно-хозяйственная, не имела никакого отношения к боевым действиям... В ряде заявлений в Особый отдел ВЧК, Всероглавноштаб и начальнику Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики ходатайствую о разборе моего дела и скорейшей отправке меня на фронт. Арестован и не допрошен уже 2^й месяц.

Прошу выяснить положение моего дела и решение моей участи. Н. Какурин»³. По освобождении генштабист поступил на службу в РККА и блестяще там себя проявил.

Широко известна сдача в плен на Северном Кавказе Кубанской армии во главе с генералом Н.А. Морозовым весной 1920 г. Генерал В.А. Замбржицкий свидетельствовал о вере Морозова в возможность примирения с красными, о его разочаровании в Белом движении и готовности воспринять советскую идеологию как новую государственническую идею. Основой таких взглядов, по мнению Замбржицкого, стали надежды на установление в стране твердой власти в противовес хаосу у белых⁴.

На одном из совещаний, по словам Замбржицкого, «этот бородатый и лысый человек, обличьем похожий скорее на ямщика или на ярославского чайного сидельца, чем на ученого-профессора, вскочил, искаженный бешенством, весь дрожа

¹ Там же. Л. 236.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 27об. Публикацию протоколов допросов Какурина см.: Тинченко Я. Ю. Ландскнехт без страху і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какуріна // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 1999. № 1–2 (10–11). С. 5–60.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 3об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 182–183.

и стиснув кулаки, и истерически выкрикнул, стукнув пястью о стол: “Я ненавижу этого Деникина, от него все зло и гибель!” И было столько муки, столько отчаяния, столько горечи в этом крике истерзанной души, что, право, язык не подымался сказать, что Морозов – простой перебежчик. Нет, это надрыв, это поиски меньшего зла в море общего зла... Ведь он все-таки ратовал за единение только не под знаменем Деникина; тот через неделю после этого и сам ушел, да мы-то этого тогда не знали...»^I

Эти свидетельства совпадают с показаниями самого Морозова, данными по делу «Весна»: «Крах Деникина и моральное разложение кубанских и донских частей показали мне, что Белому движению пришлось иметь дело не с анархией, а с каким-то более прочным государственным образованием. Однако я считал, что для меня как для белого дорога в Сов[етскую] Россию закрыта, пока случайный разговор по телефону с включившимся красным командованием 34[-й] дивизии не дал мне мысли о возможности мирно покончить бесцельную борьбу, причем мне за бегством старших начальников пришлось остаться с казаками за старшего.

Я переходил на сторону красных с весьма смутным представлением о сов[етской] власти, считая ее, однако, единственной государственной властью и интересуясь вместе с моими товарищами тем загадочным строительством, которое ведется в стране.

Действительность 1920 года при близком знакомстве с нею меня сначала разочаровала; мне вскоре стало ясно, что военный коммунизм не удержится, я полагал, что он будет сметен стихийным крестьянским движением, с которым уцелевшим из нас придется иметь дело.

Опыт Кронштадта, Тамбовского, махновского и пр[очих] крестьянских движений убедил меня, что анархия как неизбежный их спутник грозит стране развалом, иностранным вмешательством, закабалением и реакцией»^{II}.

Свидетельство Морозова достоверно. Его телефонный разговор с вр.и.д. начальника 34-й стрелковой дивизии РККА П.В. Егоровым привел к мирным переговорам с красными в районе Сочи возле грузинской границы. Переговоры кубанских представителей во главе с атаманом Н.А. Букретовым и командования 34-й дивизии способствовали заключению перемирия и капитуляции Кубанской армии белых 21 апреля (4 мая) 1920 г. По данным самого Морозова, при сдаче в плен были зарегистрированы 34 000 казаков^{III}.

Морозов вспоминал о своих мытарствах после сдачи красным: «После перехода я находился в концентрационном лагере в г[ороде] Костроме до августа м[еся]ца 1920 года, откуда отправлен был в г[ород] Москву в распоряжение штаба Московского округа на курсы белых офицеров. После прохождения этих курсов, длившихся около м[еся]ца, я был назначен преподавателем военной академии в г[ороде] Москве»^{IV}. Среди пленных действия Морозова оценивались по-разному. Многие были недовольны окончанием борьбы с большевиками и позорной сдачей в плен, считали Морозова предателем^V. В дальнейшем

^I Там же. Л. 81.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 250. Л. 63об.

^{III} Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. С. 330.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 250. Л. 11.

^V Там же. Л. 70.

Морозов добросовестно служил в РККА, но был расстрелян в 1938 г. Ходили слухи о том, что аналогичным образом начальник штаба Донской армии генерал А.К. Келчевский вел переговоры со своими товарищами-генштабистами о сдаче красным Донской армии¹.

Некоторые попадали в плен буквально в беспомощном состоянии, что, однако, не смягчало отношения к ним. Например, курсовик В.З. Макшеев был захвачен красными в больнице Полтавы, где лежал в тифу. В мае 1920 г. он без документов добрался до Москвы и подал рапорт начальнику ВГШ о прибытии. Будучи направлен из штаба в Особый отдел ВЧК, оказался задержан и попал в тюрьму². Пленных порой отлавливали прямо на улицах. Так в январе 1921 г. был арестован в Москве (якобы по доносу как бывший колчаковец) слушатель ускоренных курсов академии К.А. Звиргзд, ранее служивший у Колчака³. Позднее он был расстрелян.

Пленные белогвардейцы надеялись на снисхождение и порой щеголяли знанием различных советских законоположений и воззваний. К примеру, захваченный в плен 9 июня 1920 г. в районе станции Сальково генерал А.П. Ревшин писал из Бутырской тюрьмы в МПКС, что «при налете красной кавалерии на рассвете 9/VI на штаб 3[-й] кавал[ерийской] дивизии в д[еревне] Ново-Михайловка (на Сиваше) вышел без оружия к налетевшей кавалерии, почему вполне подхожу под декрет т. Ленина об полной амнистии за свою службу у белых. Причина выхода без оружия – воззвание Брусилова к офицерам.

Просил т. Брусилова исходатайствовать амнистию и назначить на Запад[ный] фронт по специальности; т. Сталина (который допрашивал меня в Харькове и принял в моей судьбе большое участие, поместив в отдельную комнату и привезя меня в Москву в своем поезде) просил о предоставлении военной или гражданской службы и ходатайства об освобождении. Прошу Красный Крест о переводе в лагерь для военнопленных и дать какую-либо работу»⁴.

В другом заявлении Ревшин отмечал: «Я военнопленный, кроме вещей, находящихся на мне, у меня ничего нет, деньги у меня отобраны. Прошу сообщить в Тверь, набережная Волги, дом Гордеевой, Сергею Дмитриевичу⁵ Агокас[у] мою просьбу переслать мне при первой возможности: одеяло, какую-нибудь маленькую подушку, полотенце, носки, носовой платок. Прошу передачу эту сделать через Полит[ический] Красный Крест, так как меня могут перевести в другое место заключения. — 27 июля [1]920 г.»⁶. Наконец, 10 августа 1920 г. датировано еще одно заявление бывшего генерала: «Ввиду невозможности заняться чем-либо в общей камере тюрьмы и желая продолжать изучение немецкого языка, прошу ходатайство о переводе меня в один из лагерей для военнопленных»⁷. Однако эти просьбы не помогли, и Ревшин был расстрелян.

¹ Савченко И. Г. В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016. С. 187.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 317. Л. 36об.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353. Л. 73.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 15об.

⁵ Правильно — Викторовичу. С. В. Агокас был хорошим знакомым Ревшина, а супруга Агокаса занималась воспитанием детей Ревшина.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 16–16об.

⁷ Там же. Л. 19.

Влияние знаменитого воззвания группы старых генералов – членов Особого совещания при главкоме во главе с А.А. Брусиловым от 30 мая 1920 г. к бывшим офицерам на сдачи в плен генштабистов не прослеживается. Их массовые сдачи в плен на Востоке России относятся к рубежу 1919–1920 гг., а на Юге России – к периоду оставления белыми Новороссийской области в феврале – марте 1920 г. и эвакуации с Кавказа весной 1920 г. В меньшей степени подобные явления отнесли к разгрому Врангеля в Крыму осенью 1920 г., когда в Турцию смогли эвакуироваться практически все желающие.

Следует остановиться на событиях окончания Гражданской войны в Крыму, связанных с массовыми расстрелами захваченных победителями на полуострове офицеров. Под эту операцию в конце 1920 г. попали не менее 10 выпускников академии. Известно, что расстреляны были генералы Б.В. Барташевич (Бартошевич; расстрелян в Керчи), А.П. Белявский (расстрелян в Феодосии), Н.П. Бобырь (расстрелян в Ялте), И.М. Васильченко (расстрелян в Феодосии), А.Г. Иванов (расстрелян в Феодосии) и Н.А. Крутиков (расстрелян в Ялте), полковники С.Н. Владычек (расстрелян в Керчи), Н.Н. Заходякин (расстрелян в Керчи) и П.И. Соловкин (расстрелян в Феодосии), подполковник Я.С. Туров (расстрелян в Симферополе). Возможно, расстрелян был и генерал И.В. Свирчевский. Полковник И.И. Авчинников был приговорен к расстрелу тройкой Особого отдела 4-й армии в Симферополе 2 декабря 1920 г.¹, однако по данным на 12 апреля 1921 г. он состоял на службе в РККА как прикомандированный к штабу 9-й кавалерийской дивизии². Нельзя сказать, что все пленные были обречены. Так, полковник Б.К. Стадлер остался в Севастополе, но уже с 15 ноября 1920 г. служил в РККА. Кому-то удавалось отсрочить расстрел на некоторое время. В частности, генерал Н.А. Федоров устроился библиотекарем на Сыр-гольскую станцию и затем выехал из Феодосии в Харьков якобы за книгами³. Там он проживал до весны 1921 г., когда был арестован, а в ноябре 1921 г. расстрелян.

Если говорить в целом об отношении к пленным генштабистам в 1920 г., то, очевидно, практиковался избирательный подход, порой учитывавший сложную и переменчивую обстановку Гражданской войны. Например, так произошло с генштабистом Г.Д. Суходольским, попавшим в плен к белым, а затем к красным. Суходольский был арестован 20 марта 1920 г. Особым отделом Кавказского фронта, но уже 8 апреля 1920 г. приказом по следственной части Особого отдела Кавказского фронта был признан невиновным, причем в документе отмечалось, что «Особый отд[ел] Кав[казского] фронта, рассмотрев дело по обвинению в вооруж[енной] борьбе против советск[ой] власти Суходольского Геннадия, нашел:

1) Дело направлено из штаба Кав[казского] фронта при записке коменданта штаба.

2) Суходольский Геннадий, бывший полковник Генштаба, в продолжение 1 года и 4 месяцев занимал ответств[енные] посты в оператив[ных] отделах Крас[ной] армии, пользуясь доверием высшего комсостава и исполняя свои обязанности добросовестно.

¹ 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я. Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные истории). С. 813.

² Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 681.

³ 12 тысяч. Крымские расстрелы. С. 231.

3) Суходольский попал в плен к белым при обстоятельствах весьма вероятных, т.к. падение Курского укрепрайона произошло чрезвычайно неожиданно.

4) Суходольский вполне мог бы отступить с белыми, чего он, однако, не сделал, а добровольно передался пришедшим частям т. Буденного.

5) По общему смыслу показаний обвиняемого, обстоятельства, сопровождавшие его пленение, правдоподобны.

А посему, руководствуясь революционной целесообразностью и сознанием долга, постановил: Суходольского Геннадия признать невиновным и направить его в ряды Красной армии»¹. Однако Суходольский, несмотря на такой документ, в 1920 г. был арестован повторно на курсах для бывших белых офицеров.

По одному из свидетельств, отношение к пленным колчаковским офицерам в Советской России было лучше, чем к деникинцам, поскольку пленные с Восточного фронта считались мобилизованными белыми, тогда как ветераны южнорусского Белого движения — идейными добровольцами. Возможно, влияло более суровое отношение белых к пленным красноармейцам, практиковавшееся на Юге². Однако применительно к генштабистам ситуация была обратной: именно колчаковские генштабисты при попадании в плен в наибольшей степени подвергались различным репрессиям. При большей численности взятых в плен в сравнении с Югом России в Красной армии оказался меньший их процент.

Арестная практика ВЧК в отношении бывших белых представляет интерес. Так, бывший деникинский полковник Н.А. де Роберти приехал в Москву самостоятельно в штабном вагоне 10 июня 1920 г. На следующий день он был арестован. Обвинений предъявлено не было, допросов не проводилось. Арестант предполагал, что репрессии последовали из-за принадлежности к бывшим белым офицерам. Вот как описывал участие в Гражданской войне и арест он сам: «По мобилизации служил в Добр[овольческой] армии с конца августа 1918 г. по июнь 1919... Когда была эвакуация Добр[овольческой] армии в Крым, отказался от эвакуации, имея в виду остаться в Новороссийске, и по прибытии туда Кр[асной] армии зарегистрировался. В апреле переболел сыпным тифом, по выздоровлении был опрошен в ЧК и ввиду обстоятельств добровольного оставления не был арестован, а был командирован в Екатеринодар в Особ[ый] отдел 9[-й] армии, где вновь допрашивался и также вследствие выяснившихся обстоятельств не был задержан подобно отдельным пленным офицерам, а получил на руки предписание ехать в Москву и экстр[енный] отзыв для самостоятельного следования. Собираясь ехать, был в числе остальных пассажиров в вагоне арестован и по выяснении полной непричастности к какому-то делу отпущен и отправился в Москву, куда прибыл 10 июня. На следующий день, т.е. 11[-го] числа, явился в ВЧК, и там, неожиданно для себя, был арестован, как было сказано, для допроса, и через сутки препровожден в Бутырскую тюрьму. Допроса еще не было. Полагаю, что арестован вообще как бывший белый офицер, но прошу содействия в смысле моего допроса, дабы выяснить более подробно вышеизложенное»³.

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 253. Л. 106об.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 327. Л. 65.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 306. Л. 36об.

Де Роберти направил письма председателю Особого совещания при главкоме А. А. Брусилову и председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому. В обращении на имя последнего де Роберти писал: «Я вполне понимаю, что нельзя претендовать на свое задержание, т. к. необходимо разобраться в обстоятельствах как прежней службы, так и причины, обусловившей нахождение здесь бывших офицеров, но я прошу Вас прочесть нижеследующее... Прошу Вашего распоряжения о моем допросе, на коем выяснится, что я, полковник Генер[ального] штаба, имевший полную возможность эвакуироваться в Крым, предпочел остаться, дабы служить в Советской республике и принести ей посильную помощь своей спец[иальной] подготовкой и знаниями. Это мое решение было продиктовано различными соображениями, из них первым было разочарование в задачах Добр[овольческой] арм[ии]...»^I

По завершении активной фазы Гражданской войны в конце 1920 г. стали вводиться разнообразные ограничения в отношении службы в РККА бывших белых, которые коснулись и пленных генштабистов. В октябре 1920 г. в Особом отделе ВЧК было создано отделение, курировавшее вопрос о белом офицерстве^{II}. Уже в 1921 г. в Штабе РККА отмечалось, что бывших белых нужно избегать использовать на ответственной работе.

В 1921 г. началась демобилизация, коснувшаяся в соответствии с приказом РВСР № 1128/202/С от 24 мая 1921 г. бывших белых офицеров как нежелательного в РККА элемента^{III}. Впрочем, в приказе имелся подпункт 1 о том, что специалисты с высшим военным образованием должны оставаться на службе. Тем не менее 9 октября 1921 г. был издан секретный приказ РВСР № 2289/396, согласно которому допускались отдельные увольнения нежелательных или бесполезных в РККА лиц с высшим военным образованием, служивших в белых армиях^{IV}. Некоторые пленные генштабисты прослужили в РККА сравнительно короткий промежуток времени. В тот период были уволены, например, бывшие подполковник-колчаковец Н. Н. Белкин, штабс-капитан-колчаковец П. И. Газов, деникинский ротмистр Н. Н. Полетаев^V. В бессрочный отпуск тогда же был уволен и колчаковский полковник К. Г. Соломаха^{VI}.

Интересна градация, применявшаяся в Советской России в отношении слушателей сибирской академии. По предложению первого помощника начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова от 9 июля 1921 г., одобренному 11 июля П. П. Лебедевым и С. С. Каменевым, тех, кто не окончил ускоренные курсы академии в Сибири, следовало передавать на учет Командного управления Штаба РККА и поступать с ними, как и с прочими бывшими белыми офицерами, в соответствии с приказом № 1128/202/С. Окончивших курсы считали генштабистами и зачисляли в ГУ-ВУЗ на общих основаниях^{VII}, увольнять их не требовалось. Вместе с тем, бывших колчаковцев в Красной армии не причисляли к Генштабу и не переводили в него.

^I Там же. Л. 39–39об.

^{II} Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 341.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 94.

^{IV} Подробнее об увольнении бывших офицеров из РККА см.: Абинякин Р. М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.

^V РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 45, 164об.

^{VI} Там же. Л. 179об.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 50, 52.

По мере расширения территории, контролировавшейся красными, захватывались РККА и те генштабисты, кто уклонялся от участия в Гражданской войне, поселившись на окраинах. Одним из таких офицеров был полковник А.И. Готовцев, проживавший в Грузии и занимавшийся там коммерцией. По некоторым данным, с лета 1920 г. он состоял в распоряжении советского военного атташе в Грузии П.П. Сытина и работал на советскую военную разведку^I. Впрочем, материалы архива советского военного атташе, хранящиеся в Тбилиси, этих данных не подтверждают: миссия нуждалась в квалифицированных кадрах, но приходилось обходиться небольшим штатом^{II}.

Почти весь командный состав вооруженных сил закавказских республик, кроме тех офицеров, которые предпочли эмигрировать, был захвачен в плен частями Красной армии в период советизации Закавказья в 1920–1921 гг. К пленным генштабистам национальных армий относились так же, как и к белым.

В Азербайджане были арестованы военный министр генерал от артиллерии С.-Б. С.-Б.-оглы Мехмандаров и его помощник генерал-лейтенант А.-А. И.-А.-оглы Шихлинский, а начальника Генштаба генерал-лейтенанта С.А. Сулькевича и начальника штаба армии генерал-майора Г.Б. Салимова расстреляли в Баку. Мехмандаров свидетельствовал, что арестован был 4 июня 1920 г., освобожден 23 июля, через 49 дней, без допроса и предъявления обвинения. Как он вспоминал, «на другой день по освобождении я был у председателя Ревкома (он же пред[седатель] Совнарком[а]) АССР^{III} [Н.Н.] Нариманова, высказал ему свое недоумение по поводу моего ареста и просил его выяснить мне причину ареста. Тов. Нариманов ответил, что никаких обвинений против меня не имеется, что на арест следует смотреть как на предупредительную меру, так как я пользуюсь доверием и уважением населения, и что мера эта была в моих интересах ввиду Ганжинских событий. Затем он объявил мне, что я и бывший мой помощник Шихлинский будем отправлены в Москву в Военно-рев[олюционный] совет, где мы будем использоваться, и не более как чрез два месяца мы [будем] отправлены обратно, как нужные люди для Азербайджана. Вместе с тем он разрешал нам взять с собой семьи, хотя мы и не воспользовались этим разрешением. Пред отправлением он дал мне письмо на имя тов. Ленина, но письмо это отобрано в Особом отделе»^{IV}.

Бывший полковник В.Н. Соколов был арестован 10 июня 1920 г. по ордеру Особого отдела 11-й армии «как лицо ком[андного] состава азербайдж[анской] армии и бывший офицер»^V, причем помимо него арестован также «почти весь командный состав азербайджанской армии»^{VI}. Арестованного 18 августа 1920 г. доставили в Москву. Соколов обратился к председателю Особого отдела ВЧК с предложением своих услуг Красной армии. О своих злключениях он писал в МПКК: «Вернувшись из России в Тифлис в ноябре м[еся]це 1918 г., я нашел там свою семью,

^I Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 244.

^{II} Ганин А. В. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. Апрель. С. 207–251.

^{III} Азербайджанской ССР.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 213. Л. 114об.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 298.

^{VI} Там же.

которую не видел около года, в очень тяжелом положении: средств не было, второй ребенок на почве недостаточного питания был болен серьезной мозговой болезнью, от которой через 9 месяцев умер. Болезнь ребенка и отсутствие денег не давали мне возможности выехать в Россию, почему я был вынужден поступить на службу в Азербайджане.

С установлением в Азербайджане советской власти я добровольно остался служить в Советской армии.

26 мая в г[ороде] Елизаветполе вспыхнуло восстание, я, как живший в татарской части, был захвачен восставшими, и мне ими было предложено присоединиться к ним. Я категорически, несмотря на угрозы быть убитым за отказ, отказался и передал свой отказ в письменной форме руководителям восстания, а копию передал для пересылки тов. [С.С.] Шевелеву, командовавшему советскими войсками. 6 дней я скрывался от преследования восставших вместе с группой сотрудников ГубЧК, которые, по ликвидации восстания в городе, единогласно свидетельствовали о моем отношении к восстанию, а тов. Шевелев получил свое временно копию моего отказа. За проявленную мною твердость, несмотря на серьезную опасность для моей жизни, я на следующий же день после освобождения был назначен начальником штаба 20[-й] дивизии, т.е. тех войск, которые подавляли восстание, и в течение 10 дней до своего ареста участвовал в крайне напряженной работе по ликвидации восстания в районе уезда. 10 июня телеграммой нач[альника] Особого отдела XI армии я был арестован, как служивший в азербайджанских войсках, и отправлен в Баку. Как выяснилось, О[собому] о[тделу] армии не было известно, что я не был причастен к восстанию и после восстания был назначен начштаба 20[-й] сов[етской] дивизии. После допроса в Баку мне было сказано, что я как специалист должен быть отправлен в Москву для использования. Куда я и прибыл 18 августа¹.

За три месяца существования советской власти на территории Армении было арестовано около 1400 офицеров, включая 20 генералов и 30 полковников². Бывших офицеров армянской армии Особый отдел 11-й армии, действовавшей в Закавказье, направлял в начале 1921 г. в концентрационный лагерь города Рязани для фильтрации. Среди них был и бывший генерал-генштабист Д.И. Андриевский, позднее оказавшийся в эмиграции. В заключении по делу полковника П.П. Атаева, окончившего ускоренные курсы Генштаба Кавказского фронта, отмечалось (орфография документа сохранена): «1920 года Декабря 24 дня я, военный следователь Особ[ого] отдела XI армии Ковалев[,] рассмотрел дело за №... Командированных в Баку в Шт[аб] армии XI из главштаба ССР Армении 1. Атаева Петра Петровича 47 лет по обвинению их как офицеров Контрреволюц[ионного] Дашнакского правительства. Нашел[:]

Атаев в 1896 году окончил Тифлисское военное училище, полковник. У дашнаков занимал должность н[ачальни]ка Инспекторского отдела военного [штаба] армянск[их] войск.

Все эти ответственные посты являлись ближайшими помощниками своего контрреволюционного правительства.

¹ Там же. Л. 298об.

² Мартиросян Г. А. Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002. С. 15.

По восстановлении Сов[етской] власти в Армении остались на своих местах и были командированы в Баку в штаб армии для ознакомления с делопроизводством в Красной армии. Со своей стороны полагаю, что им как преспешникам дашнаков — дело строительства Совет[ской] власти вообще и Красной армии — чуждо, а поэтому, считая их противниками Советской власти, элементом вредным и неблагонадежным, полагаю необходимым заключить в контрационный лагерь в г[ород] Рязань.

Отобранные у них оружие и деньги и пр. конфисковать.

Военноследователь "подпись"

Резолюция: Утверждается. Деньги и отобранное возвратить тем же

Начесоботдела армии XI Панкратьев 21/XII 20 г.»¹.

Сохранилось датированное 3 февраля 1921 г. коллективное прошение группы армянских офицеров, в том числе Атаева, уже из Рязани в ГубЧК. В этом документе подробно описаны мытарства пленных: «После советизации Армении прибыл в г[ород] Эривань командарм XI^й Геккер и, видя незнакомство комсостава Главштаба ССР Армении с постановкой дела в штабах Красной армии, предложил командировать в штаб XI^й армии до 10 лиц комсостава Главштаба для изучения означенного дела и возвращения в Армению с целью инструктирования остальных лиц комсостава штабов.

Нарком по военным делам ССР Армении выбрал нас — 6 лиц комсостава Главштаба из числа наиболее трудоспособных и не служивших никогда в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и др. и не принимавших никакого участия, ни активного, ни пассивного, в антибольшевистской борьбе, и командировал нас в гор[од] Баку в штаб XI^й армии, снабдив всеми необходимыми документами за подписью наркомвоендела Ависа Нуридджаняна и комиссара РСФСР при командарме ССР Армении тов. [О.А.] Силына.

Выехали мы из Эривани 14 декабря прошлого года и прибыли в г[ород] Баку 21 декабря, где в тот же день явились в штаб XI армии. В штабе в первый день к нам отнеслись очень внимательно, как [к] командированным лицам дружественной и союзной державы, прикомандировали к штабу и обставили возможными удобствами, а на другой день пригласили в штаб и отправили в Особый отдел штарма XI^й. Здесь, после заполнения анкетных листов и допроса следователем, нас заключили под стражу, как нам заявили, на время фильтрации. Через 5 суток 27 декабря нас отправили к этапному коменданту [неразборчиво] в Баку..."

Еще через 5 суток, 1 января с/г., нас отправили на вокзал, где комендант Особого отдела нам заявил, что нас отправляют в распоряжение Рязанского губернского комиссариата для назначения по специальности в части Красной армии.

12 января с/г. мы прибыли в Рязань, где нас заключили в концентрационный лагерь принудительных работ, где нас, по-видимому, относят к категории военнопленных.

Поэтому считаем долгом довести до Вашего сведения, что мы никогда не служили в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и других, а служа все время в войсках Армении, никакого участия не только активного, но и пассивного в антибольшевистской борьбе не принимали, а после советизации Армении мы с полной охотой остались служить в Красной армии ССР Армении. Советское военное

¹ НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 4. Л. 44–44об.

² Далее фрагмент утрачен.

начальство Армении, проверив нашу прошлую службу, нашло ее незапятнанной, поэтому вполне доверчиво отнеслось к нам и командировало нас для изучения штабного дела (с целью возвращения в Армению для инструктирования остальных штабных работников); ясно, что если бы наше военное начальство считало нас контрреволюционерами, то оно само арестовало бы нас и никуда бы не командировало; факт самого командирования доказывает, что мы контрреволюционерами не были и являемся ярыми сторонниками советской власти.

Ввиду изложенного просим не отказать в распоряжении о скорейшем рассмотрении и разрешении нашего дела и, если нет особых препятствий, командировать нас во Всероссийский главный штаб, дабы дать возможность выполнить задачу нашего командирования.

Петр Атаев, Ашот Тониев, Срапион Хачатурян, Гарегин Мусаелян, Гар. Тер-Никогосов, Дей-Карханов Вартан¹. Как видно из документа, эти офицеры не считали себя военнопленными и тщетно пытались протестовать².

Отдельные представители высшего и старшего командного состава были отделены от младших офицеров и содержались в тюрьмах. Спустя несколько месяцев офицеры были освобождены и амнистированы, некоторая часть вступила в армянскую Красную армию и в РККА. Достаточно отметить, что начальником штаба Наркомата по военным делам Советской Социалистической Республики Армения стал бывший полковник В.Ф. Притоманов, ранее служивший в армянской армии, причем по направлению с белого Юга.

Поступившие в РККА ветераны закавказских армий также порой преуспевали в карьерном плане. Так, бывший курсовик штабс-капитан В.С. Тамручи, служивший в армянской армии, перешел на службу в РККА, где в годы Великой Отечественной войны дослужился до звания генерал-лейтенанта танковых войск, героически проявил себя на фронте. Однако в 1943 г. он был арестован и через семь лет умер в тюрьме³.

¹ НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 17. Л. 31–32.

² Существует точка зрения, что отправка армянских офицеров в рязанский концлагерь представляла собой форму заложничества, причем обезглавливание армянских вооруженных сил увязывается с заигрыванием большевиков с кемалистской Турцией, а вина за высылку косвенно возлагается на азербайджанское советское руководство (*Мартirosян Г. А. Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. С. 64–72, 81–82*). Однако заложничеством эта высылка не являлась, а была временной изоляцией (в связи с восстанием дашнаков в Армении в феврале — апреле 1921 г., офицеры, содержащиеся в Рязани, не пострадали, в концлагере существовали оркестр, хор и драмкружок, заключенные могли выходить в город). По сведениям из доклада наркома иностранных дел ССР Армении А. А. Бекзадяна в ЦК РКП(б) с копиями В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и И. В. Сталину от 26 марта 1921 г., требование выслать офицеров из пределов Армении по своей инициативе выдвинул уполномоченный ВЧК Г. А. Атарбеков (Атарбекян) на заседании Ревкома и ЦК КП(б) Армении в январе 1921 г. (НАА. Ф. 113. Оп. 3. Д. 7. Л. 126). Впрочем, в Баку офицеров направляли еще в декабре 1920 г., что видно из публикуемых документов. С точки зрения интересов Советской России данное требование было разумным и своевременным, поскольку устраняло вероятность возрождения армянской национальной армии и резко снижало военно-политический потенциал антибольшевистских выступлений. Последующие события, связанные с вооруженными выступлениями дашнаков и захватом ими Эривани в феврале — апреле 1921 г., вполне это подтвердили. Начальник штаба дашнаков Саркисбеян сообщал в одном из писем командиру отряда (хмбалету) Япону от 11 марта 1921 г.: «Чувствуем ужасную нужду в офицерах. Хороших обманным путем увезли в Баку, а среди оставшихся только 5 % годны» (*Амирханян Ш. М. Из истории борьбы за советскую власть в Армении. Ереван, 1967. С. 124*). После ликвидации выступления дашнаков, уже в мае 1921 г. часть высланных офицеров смогла вернуться в Армению и была амнистирована (НАА. Ф. 114. Оп. 2. Д. 60. Л. 38, 59–59об., 60, 61, 74, 101).

³ Подробнее о Тамручи см.: Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2006. Т. 2. С. 254–256.

На излете Гражданской войны, в 1921–1922 гг., когда случаи пленения белых офицеров уже стали редкостью, над отдельными группами пленных проводились показательные судебные процессы. Широкую известность получил процесс генерала А.С. Бакича и его соратников, сдавшихся монгольским властям в конце 1921 г. и выданных Советской России. Процесс этот состоялся в Новониколаевске в мае 1922 г.¹ Судили в том числе нескольких выпускников Военной академии: генерала И.И. Смольнина-Терванда, полковника С.И. Кострова, подполковников М.Т. Евстратова и В.Н. Троицкого. Смольнин-Терванд был приговорен к расстрелу, а остальные осуждены на различные сроки заключения. Еще одним кандидатом в фигуранты показательного процесса в 1923 г. являлся оставшийся в 1922 г. во Владивостоке профессор Военной академии генерал В.Г. Болдырев. Однако генерала решили использовать иначе — он подготовил для чекистов несколько аналитических материалов, а также по предложению полпреда ГПУ по Сибири И.П. Павлуновского написал покаянное письмо во ВЦИК с просьбой об амнистии (хотя осужден не был) и освобождении, что должно было оказать разлагающее влияние как на внутреннюю контрреволюцию, так и на эмиграцию².

Трагична судьба других профессоров академии, оставшихся во Владивостоке. В начале декабря 1922 г. академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Б.М. Колюбакин, Г.Г. Христиани и А.И. Медведев были арестованы. Не выдержав тягот, все трое вскоре скончались.

12 апреля 1922 г. было издано постановление Всеукраинского ЦИК об амнистии бывшим генералам, командующим армиями, сражавшимися против Советской республики, всем членам самозванных правительств и членам ЦК антисоветских партий. Всем этим категориям лиц въезд на территорию УССР разрешался только «при действительном проявлении ими искреннего раскаяния»³. Как определялось такое раскаяние — неясно. К этому времени чекистами стали широко практиковаться провокационные действия в отношении бывших белых офицеров. Еще в начале Гражданской войны стало ясно, что заговоры проще предупредить, арестовав потенциальных заговорщиков, чем дожидаться их реального возникновения. Провокаторы предлагали бывшим офицерам вступить в подпольную организацию. Искали бывших белых, скрывавшихся от власти и контрразведчиков⁴. Подобные действия не только выявляли противников режима, но и заставляли «бывших» с опаской воспринимать приглашения в реальные подпольные организации.

Отношение генштабистов, служивших у большевиков, к своим прежним товарищам, попавшим в белые армии, а затем взятым в плен и поступившим в РККА, не могло быть однозначным. Свое влияние оказывал фактор прежней совместной учебы, службы, дружеских или даже родственных связей. С другой стороны, «коренные» генштабисты РККА должны были испытывать определенные

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004; Дело генерала Бакича: Сб. док. и мат. / под ред. Д. Г. Симонова, А. И. Савина. Новосибирск, 2022.

² Шишкин В. И. К биографии генерала В. Г. Болдырева: новые источники // Вопросы истории. 2020. № 12. С. 6–7, 11–24.

³ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 367. Л. 125.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234. Л. 106.

опасения – не потеснят ли их бывшие белые, не займут ли они более значимые посты, отодвинув тех, кто с самого начала отдавал свои силы и знания на пользу Советской России. К примеру, в начале 1924 г. бюро партийных ячеек Военной академии РККА направило в ЦК РКП(б) доклад, в котором содержалась жалоба на засилье спецов в армии. Особо отмечалось значительное увеличение в сравнении с периодом Гражданской войны численности бывших офицеров Генштаба, что все еще не позволяло красным генштабистам становиться во главе армии^I. Понятно, что подобное увеличение было возможно только за счет пленных.

Старый большевик И.П. Павлов вспоминал о совместной службе с пленными в штабе помощника главкома по Сибири, среди которых был и генерал-генштабист В.Л. Попов: «Конечно, было непросто работать с такими подчиненными. Они были грамотны, а мы – нет, но все-таки справлялись... При мне Попов – “второй” был тихим и скромным старичком, который все ходил на заиртышские озера ловить карасей. Но в прежние времена он служил в штабе Казанского военного округа и хорошо знал [А.Г.] Сандецкого – обвинителя на процессах уфимских боевиков. Попов мне рассказывал, что этот Сандецкий очень боялся мести со стороны наших боевиков, что стало для меня новостью.

Летом того же 1920 года омские чекисты раскрыли большой офицерский заговор... По этому делу ЧК арестовала около 30 колчаковских офицеров, захватила список участников намеченного восстания и план их действий. Согласно этому плану, [В.И.] Шорин^{II} и все его подчиненные вплоть до начальников отделений штаба подлежали расстрелу без суда и следствия. Та же участь ждала и всех коммунистов без исключения. Таким образом, меня расстреляли бы и как коммуниста, и как начальника отделения. Начштаба [Ф.М.] Афанасьева^{III} заговорщики планировали взять в заложники, а всех колчаковских генералов, работавших у него, – расстрелять как изменников. Узнав об этом, мой начальник Попов сетовал, что попал между молотом и наковальней – ЧК, которая угрожает арестом, и бывшими сослуживцами, которые готовились его расстрелять. Я, как председатель партийной ячейки, ему ответил: “Что посеешь, то и пожнешь. Надо держаться одного берега. Вас мы пощадили, дали Вам работу, вот и работайте честно, и никакая Чека Вас не тронет. За добросовестный труд советская власть не наказывает, а награждает”.

Летом 1920 года в Омск на баржах начали привозить дрова, которые мы выгружали на субботах... “Бывшие”, которые вынужденно являлись на субботник, работали брезгливо, старались взять полешко двумя пальчиками. Но баржу за вечер мы, тем не менее, выгружали^{IV}.

Многие пленные генштабисты, оказавшись в рядах РККА, зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Одной из причин могло быть стремление выслужиться и избежать репрессий. Например, ветеран украинских армий Н.Е. Какурин принял участие в Советско-польской войне, где блестяще себя проявил, причем с 24 октября 1920 г. ему был доверен высокий пост командующего 3-й советской армией. В 1921 г. Какурин даже подал заявление о вступлении в ряды

^I Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 93.

^{II} Помощник главкома по Сибири.

^{III} Начальник штаба помощника главкома по Сибири.

^{IV} Большевик, подпольщик, боевик: Воспоминания И. П. Павлова. М.; СПб., 2015. С. 160–161.

РКП(б), хотя до этого не проявлял себя в качестве приверженца большевистских взглядов. Впрочем, судя по показаниям Какурина, документы затерялись, заявление не было удовлетворено, и он остался беспартийным. Тем не менее в том же году за участие в подавлении антоновского восстания он был награжден орденом Красного Знамени. Подобное награждение для военспеца, всего за год до этого перешедшего к красным из украинских войск, где он занимал ответственные посты, было явлением беспрецедентным.

Пленные стремились сняться с дискриминировавшего их особого учета бывших белых офицеров. Так, зачисленный на ускоренный курс академии в 1918 г. Ю.Г. Калининко писал в рапорте начальнику 20-х кавалерийских курсов 8 декабря 1922 г.: «Ввиду того, что я до сих пор состоял на учете как б[ывший] б[елый] – надо мной висит определенный гнет, который мешает мне спокойно вести работу, проще говоря, тяготит мысль: придется демобилизоваться как бывшему белому офицеру или нет, и если придется, то как скоро это будет и куда устраиваться на службу? Между прочим, я в Красную армию поступил добровольно с начала ее организации в марте 1918 г., будучи до этого времени на выборной должности в армии с Октябрьской революции. Был рекомендован рабочими организациями гор[ода] Москвы во время командирования в академию Генштаба на ускоренный первый курс РККАрмии. Вместе с академией эвакуировался из го[ро]да Ек[атеринбур]га в гор[од] Казань и там, благодаря стечению обстоятельств (так как не имею права кого-либо обвинять), попал в руки чехов и Учредительного собрания, которое намеревалось “ликвидировать” попавших в младший курс. Только эти обстоятельства заставили меня быть мобилизованным Народной белой армией и служить там в авточастях до конца 1919 г., где я никаких боевых действий не принимал и был все время под надзором контрразведки. Вина моя только в том, что я был там пассивен по отношению к Советской республике, мне кажется, что я эту вину уже искупил, служа непорочно с 15 января 1920 года по сие время в рядах Красной армии. Был оставлен в последней в 1921 г. Реввоенсоветом Сибири после увольнения бывших белых. Исходя из вышеизложенного, прошу Вашего и товарища военкома ходатайства о снятии меня с учета и этим дать мне энергию и спокойное отношение к продолжению моей работы в рядах Красной армии...»¹

Бывший полковник Н.Ю. Вержбицкий в октябре 1922 г. отметил, что «состояние на “особом учете”, в роли поднадзорного, в то время, когда я по долгу свободной совести и принятой красной присяги считаю себя обязанным все свои силы и способности вкладывать в дело всестороннего развития и укрепления мощи Рабоче-крестьянской Красной армии и РСФСР и фактически честно выполняю это, весьма тяжело отражается на моей психике, лишая меня душевного спокойствия и самоуверенности, которые так необходимы при напряженной работе по занимаемой мною ответственной должности»².

Представляет интерес практика снятия бывших белых генштабистов с особого учета. Нередко альтернативой снятию с учета было увольнение специалистов, что в условиях кадрового голода ударяло по боеспособности РККА. В этой связи командиры и политработники составляли многочисленные рапорты и ходатайства,

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 323. Л. 131.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 20об.

в которых давали самую высокую оценку военспецам. Сегодня подобные свидетельства позволяют понять, какую ценность представляли такие кадры, даже не смотря на белогвардейское прошлое. В качестве иллюстрации приведем несколько характеристик.

Начальник военно-инженерного управления Отдельной Кавказской армии писал в РВС 29 ноября 1922 г. о Н.Ю. Вержбицком: «Представляя рапорт тов. Вержбицкого, ходатайствую об оставлении его на службе... как незаменимого работника. Преданность тов. Вержбицкого советской власти доказана его честной двухлетней службой в Красной армии, которой он отдает полностью свои выдающиеся способности, знания и энергию. Без всякого преувеличения отмечаю, что отдел подготовки и службы инженерных частей О.К.А.^I в случае ухода тов. Вержбицкого не получит такого выдающегося, твердого, спокойного и образованного руководителя, каким он является»^{II}.

Начальник оперативно-строевой части 12-го стрелкового корпуса Гросман писал 27 марта 1923 г. в аттестации бывшего колчаковского курсовика П.А. Галькова: «Зная тов. Галькова Петра Абрамовича в качестве своего непосредственного помощника в течение 9 месяцев, считаю долгом совести отметить его большую любовь к делу, исключительную работоспособность, усидчивость и энергию.

Наблюдая ежедневно отношение тов. Галькова к своим обязанностям, всегда видел самое серьезное, вдумчивое, безусловно добросовестное, не за страх, а за совесть исполнение работы.

Работая нередко по 12–14 часов в сутки, никогда не теряет бодрости, ни одного слова недовольства, ни одного намека на тяжесть, а ведь всем известно, что при значительной материальной необеспеченности, когда заботы о семье не оставляют ни на минуту, такие заявления стали почти заурядными.

Как на пример укажу на период февраль – март текущего года (развитие операций в Якут[ском] крае), когда на отдых днем приходилось не более 1½–2 часов и ночью не более 6–7 часов, а порой и меньше, когда бывали моменты, что от чисто физической усталости голова отказывалась работать и предметы прыгали перед глазами – ни одного недовольного слова, ни одного недовольного взгляда не заметил я, а лишь полное сознание важности и необходимости усиленной работы.

Прибавив к этому неоспоримое желание работать и несомненный интерес к делу, а также большой опыт в штабной работе, должен отнести тов. Галькова к категории весьма ценных и, безусловно, необходимых в Красной армии сотрудников, увольнение которого, учитывая, что вся техническая оперативная работа почти полностью выполняется им одним, очень резко отразится на ходе работы вверенной мне части и лишит часть верного, опытного и знающего дело сотрудника»^{III}.

Для понимания того, как происходило снятие с особого учета применительно к конкретным офицерам, рассмотрим случай бывшего колчаковского генерала В.И. Оберюхтина^{IV}. Попад в плен, Оберюхтин поступил на службу в РККА, где

^I Отдельной Кавказской армии.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 326. Л. 90б.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 327. Ч. 1. Л. 91.

^{IV} Подробнее о нем см.: Ганин А. В. «Я имел одну вину — службу у белых...»: Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В. И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А. С. Кручинина. М., 2018. С. 219–352.

проявил себя с самой лучшей стороны, но сняться с учета бывших белых ему не удавалось^I.

Чтобы добиться желаемой цели, Оберюхтин всячески пытался смягчить факты своей службы белым в послужном списке. Например, указывал, что стал генералом при их массовом производстве, а производство в чин полковника у белых скрыл. Кроме того, он не указывал, что занимал высокую должность начальника штаба всего Восточного фронта белых, а просто сообщал о некоем фронте. Отмечал вынужденный характер своей службы белым, поскольку якобы был сильно мобилизован^{II}.

Приведем рапорт помощника начальника Военной академии РККА по учебной части Е. А. Шиловского и помощника комиссара академии начальнику академии от 21 ноября 1924 г. о снятии Оберюхтина с учета: «В декабре 1924 года исполняется 4 года пребывания Виктора Ивановича Оберюхтина на должности помощника начальника учебного отдела Военной академии РККА.

За эти 4 года, которые были для академии годами напряженной работы и искания новых путей в преподавании, Виктор Иванович Оберюхтин успел проявить себя со всех сторон, и в настоящее время является возможностью сделать правильную оценку его как техника-специалиста и как советского гражданина.

Что касается первого, то нет почти ни одной области в учебной работе академии, где не обнаружилась бы кипучая энергия, большие знания, опыт и ясный ум тов. Оберюхтина.

Неоднократно оставаясь на продолжительное время за начальника учебного отдела, он прекрасно справлялся с любыми заданиями учебного характера, проявляя исключительную работоспособность, настойчивость и добросовестность.

Всей своей деятельностью за эти 4 года В.И. Оберюхтин тесно связал себя с Красной армией и с советской действительностью.

Несомненно, что в лице его республика имеет не только обычного лояльного гражданина, но искренно преданного человека, с исключительной энергией работающего на ответственном посту над подготовкой красных военспецов.

Ходатайствуем о снятии В.И. Оберюхтина с учета бывших белых офицеров^{III}. Лишь в конце 1924 г. усилия увенчались успехом, и Оберюхтин с особого учета был снят.

В большинстве случаев пленные служили в РККА добросовестно, что подтверждается многочисленными восторженными аттестациями. Так, в июле 1922 г. военком Сибирского управления военно-учебных заведений обратился в ГУВУЗ по поводу бывшего полковника-колчаковца И.М. Финицкого: «Ходатайствую о снятии с особого учета т. Финицкого, который за время своей службы в Сибувузе проявил огромную энергию и работоспособность, поставив Учебную часть на более или менее должную высоту (до него было полупустое место), и до сего времени не было повода подозревать его в нелояльности по отношению совет[ской] власти...»^{IV} Комиссар штаба Приуральского военного округа в июне 1922 г. писал

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 316. Л. 196.

^{II} Там же. Л. 204об.

^{III} Там же. Л. 194об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 318. Л. 205.

в Штаб РККА о бывшем подполковнике-колчаковце Г.И. Кулешове: «Тов. Кулешов, занимающий в настоящее время штатную должность н[ачальни]ка оперативного управления штаокра, является в высшей степени ценным техническим работником как человек со специальным высшим военным образованием, имеющий солидный практический стаж и всею душою преданный порученному ему ответственному делу. В политическом отношении тов. Кулешов всецело разделяет идеи и задачи советской власти и ни в чем предосудительном замечен не был^I. Военком окружных повторительных курсов Западно-Сибирского военного округа писал в рапорте командующему войсками округа в декабре 1922 г. о снятии с особого учета бывших белых штабс-капитана-колчаковца С.С. Солдатова «как ценного квалифицированного военспеца, главным образом преподавателя и руководителя для вуз... его честное отношение за время пребывания в школе к служебным обязанностям хорошее и вполне заслуживает внимания. Тов. Солдатов выявил себя отличным на пользу дела работником, не только как начальник, но и хорошим лектором, преподавателем, главное, стрелкового дела. Аттестую его как человека, преданного советской власти и безукоризненной честности гражданина»^{II}. Примеры подобных аттестаций можно продолжать.

На вопросе о численности взятых в плен и поступивших в РККА генштабистов антибольшевистских армий следует остановиться особо. По данным на начало 1921 г., в РККА числились 22 бывших белых генштабиста с опытом пребывания на должностях от начальников бригадных штабов и выше^{III}. Всего же из 558 выпускников Военной академии на апрель 1921 г. насчитывалось 77 бывших белых генштабистов. Из них лишь шестеро находились на ответственных должностях, а 20 считались непригодными к строевой службе^{IV}. Весной 1921 г. в ГУВУЗ планировалось перевести 59 бывших белых генштабистов^V. На ноябрь 1921 г. только в военно-учебных заведениях Украины находились 25 бывших белых генштабистов и 18 бывших белых слушателей академии, в военно-учебных заведениях РСФСР состояли еще 25 бывших белых генштабистов^{VI}.

К 25 ноября 1921 г. пленные генштабисты служили в полевых войсках (43 человека), в Штабе РККА, военно-исторической комиссии и в инспекциях (3), во Всевобуче (4), в Военной академии РККА (6), в ГУВУЗе (16), в Управлении военно-учебных заведений Украинской ССР (1), в Главном управлении коннозаводства (1), состояли в РВСР (1) и под арестом (9). Таким образом, на военной службе числились 84 пленных генштабиста^{VII}.

В РККА к апрелю 1921 г. оказалось не менее 57 бывших слушателей сибирской академии. К 1 января 1921 г. выпускники сибирской академии служили

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 323. Л. 46–46об.

^{II} Там же. Л. 147.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 27–28.

^{IV} Там же. Л. 32.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 943. Л. 42.

^{VI} Там же. Л. 80; Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 7.

^{VII} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 8, 13.

на Западном фронте (1), в штабе помглавкома по Сибири (7), в Запасной армии республики (1), в ВГШ (1), в ГУВУЗе (26), во Всевобуче (1), в Харьковском военном округе (1), в 5-й армии и Восточно-Сибирском военном округе (10). Всего на службе значилось 48 человек из этой категории^I. На 15 апреля 1921 г. они служили^{II} на Западном фронте (1), в штабе помощника главкома по Сибири (12), в Запасной армии республики и в Приволжском военном округе (2), в Петроградском военном округе (4), в Приуральском военном округе (1), в Харьковском военном округе (1), в 5-й армии и Восточно-Сибирском военном округе (10), в ГУВУЗе (25), во Всевобуче (1).

Очевидно, колчаковские генштабисты имели два центра притяжения – различные сибирские штабы, где их оказалось 22 человека, и ГУВУЗ, в котором их числилось 25. Концентрация этой группы специалистов в сибирских штабах объясняется географической близостью от места пленения и потребностью местных учреждений РККА в квалифицированных кадрах. Концентрация в ГУВУЗе объясняется опасностью доверять бывшим белым управление реальной вооруженной силой, в результате чего их благоразумно держали на преподавательской работе, не подчиняя каких-либо войск.

По данным Списка № 2 слушателей академии Генерального штаба сибирского правительства, состоящих на службе на фронтах и в центральных тыловых учреждениях к 16 июля 1921 г.^{III}, в РККА к этому времени служил 31 выпускник сибирской академии: в штабе помглавкома по Сибири (4)^{IV}, в штабе ДВР (4)^V, в штабе Приуральского военного округа (1)^{VI}, в Восточно-Сибирском военном округе (3)^{VII}, во Всевобуче (1)^{VIII}, в Петроградском военном округе (4)^{IX}, в ГУВУЗе (13)^X и в Приволжском военном округе (1)^{XI}. По-прежнему большинство служило в ГУВУЗе и несколько меньше – в различных сибирских и дальневосточных штабах. По сведениям к 23 ноября 1921 г., в РККА оставалось 40 выпускников и слушателей сибирской академии: в полевых войсках (23), во Всевобуче (1), в ГУВУЗе (16)^{XII}.

По материалам нашей базы данных о выпускниках Военной академии в Гражданскую войну можно установить достаточно точные сведения о плененных генштабистах, в том числе с разбивкой по тем антибольшевистским фронтам, на которых они были захвачены или сдались (см. табл. 56).

^I Подсчитано по: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 29.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 65. Полную публикацию выкладки см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 709–712.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 396. Л. 123–123об.

^{IV} П. И. Газов, В. Е. Захаров, С. Ю. Ловчицкий, С. С. Солдатов.

^V Д. Г. Атабеков (Атабегов, Атабегашвили), С. А. Граблевский, А. П. Колесников, В. Г. Митрофанов.

^{VI} А. М. Рахманов.

^{VII} В. И. Волков, П. А. Гальков, М. Н. Третьяков.

^{VIII} К. Г. Соломаха.

^{IX} Г. П. Автономов, Н. М. Пресницкий, А. Н. Псарев, В. Е. Шайтанов.

^X И. А. Белоусов, Б. А. Березин, К. И. Блинов, Н. И. Герасимович, В. А. Гирш (Гирс), Н. М. Долгушин, К. В. Кашперов, А. Ф. Мауринг, В. В. Пушков, А. К. Хведкевич, С. Е. Худеев, А. Н. Чернавин, Н. Ф. Щербинин.

^{XI} Н. И. Сафонов (Сафаров).

^{XII} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 11.

**Выпускники Николаевской военной академии, попавшие в советский плен
(в скобках количество принятых на службу в РККА)¹**

Район пленения	Год		1917		1918		1919		1920		1921		1922		Всего
	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	Д	К	
Восток России (Поволжье, Урал, Туркестан, Сибирь, Дальний Восток)	1		2	1	6 (3)	11 (8)	66 (42)	123 (100)	1 (1)	1	9 (1)	4 (1)			225 (156)
Юг России и Украина			18 (11)	7 (6)	62 (56)	15 (15)	63 (46)	23 (17)							188 (151)
Закавказье (в том числе беженцы с Юга России)				1 (1)			15 (10)	7 (3)	12 (11)	6 (6)					41 (31)
Европейский Север России							4 (2)	2							6 (2)
Запад и Северо- Запад (+ Белоруссия, Прибалтика, Польша)			2 (2)												2 (2)
Неизвестно					2 (2)	1 (1)	2 (2)	3 (3)			1 (1)	2 (2)			11 (11)
Всего	1		22 (13)	9 (7)	70 (61)	27 (24)	150 (102)	158 (123)	13 (12)	7 (6)	10 (2)	6 (3)			473 (353)

Среди регионов, которые лидируют по числу пленных, — Восток и Юг России, а также Закавказье. В основном сдачи красным происходили в 1919–1920 гг. Если на Востоке России среди сдававшихся лидировали курсовики, то на Юге и в Закавказье — выпускники довоенной академии. Это и логично, поскольку на Востоке курсовики составляли немалую часть всех кадров Генштаба. Установить, сколько офицеров сдались добровольно, а сколько оказались захвачены в боях, не представляется возможным из-за недостаточного количества источников. Отметим отсутствие данных о пленении генштабистов Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. По всей видимости, практически все они смогли избежать плена и эмигрировали.

¹ Исходные данные для таблицы см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 148–389. Дополнено по архивным материалам, выявленным после выхода справочника. В тех случаях, когда дата пленения неизвестна или неочевидна (например, как в случае с окончанием боевых действий), она привязана к дате поступления пленного в РККА или к окончанию его службы в других армиях. По Востоку России все пленные рубежа 1919–1920 гг., по которым нет точной даты пленения, отнесены к 1920 г. Учтены поступившие в Народно-революционную армию Дальневосточной республики и добровольно оставшиеся в России после ухода белых. Учитывались случаи повторного пленения. Не учитывались слушатели младшего ускоренного курса, набранные в академию накануне ее перехода к противникам большевиков летом 1918 г. и фактически не проходившие обучения. Д — довоенные выпуски, К — курсовики.

Абсолютное большинство колчаковских генштабистов сдались в плен на рубеже 1919–1920 г., когда основные силы белых армий Востока России оказались разбиты. Особенно много выпускников академии перешли к красным под Красноярском, не желая отступать по безлюдным районам Сибири в неизвестность. Связано это также и с меньшей моральной устойчивостью и идейной преданностью Белому движению колчаковских офицеров в сравнении с деникинскими. По Югу России такого явного преимущества у какого-либо периода нет. Здесь генштабисты переходили на сторону красных как в начале 1919 г. на Украине, спасаясь от петлюровцев, так и в 1920 г. — весной и осенью — при оставлении белыми Кавказа и Крыма соответственно.

В советский плен слушатели и выпускники Николаевской военной академии в 1917–1922 гг. (в том числе неоднократно) попадали не менее 473 раз. Возможно, кто-то начинал относиться к переходу в красный лагерь легкомысленно, что могло дорого обойтись такому офицеру. Чрезмерная осторожность и конспирация тоже могли принести неприятности. Так, например, прошедший через РККА, украинскую и деникинскую армии бывший штабс-капитан К. Ф. Монигетти, опасаясь наказания за дезертирство, перешел в 1920 г. на нелегальное положение. Как признавался он сам, «я должен был переменить фамилию, ибо как б[ывший] дезертир неминуемо был бы расстрелян, если бы в тот момент попался»^I. Скрываться под чужой фамилией в Советской России и СССР ему удавалось около пяти лет вплоть до 1924 г., когда офицера выдала властям его собственная жена, не вынесшая такой жизни и попавшая на этой почве в психиатрическую больницу. В итоге Монигетти больше двух лет провел в заключении^{II}.

Помимо выпускников Николаевской академии в плен попадали выпускники курсов Генштаба Кавказского фронта и даже иностранных военных академий (например, австрийские генштабисты, служившие в Украинской Галицкой армии, — В. В. Лобковиц, Г. Цириц^{III}). Последних, впрочем, мы в расчетах не учитываем. Судьбы пленных в зеркале статистики представляются следующими (табл. 57).

Таблица 57

Судьба пленных (случаи)^{IV}

Приняты в РККА (или в НРА ДВР)	353
Расстрел ^I	63
Арест ^{II}	74
Бежали	5
На лечении	1
Освобожден от службы	1
Умерли	5
Неизвестно	29

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 170 (129). Л. 93.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // Родина. 2011. № 10. С. 124–127; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 453–459.

^{III} Подробнее о них см.: Ганин А. В. Финал галицийских генералов. Судьбы генералов Украинской галицийской армии И. Н. Микитки и Г. Ф. Цирица // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 529–545.

^{IV} Включены данные о повторном пленении, повторных арестах и повторном принятии в РККА.

^I В том числе вскоре после плена или зачисления в РККА.

^{II} В том числе перед или после зачисления в РККА.

Не менее 63 пленных были казнены (13,3% всех случаев пленения), не менее 74 прошли через аресты, некоторые арестанты скончались в заключении. Однако в 353 случаях (74,6%) пленные были приняты на службу в РККА и, таким образом, пополнили комсостав Красной армии, что свидетельствует о целенаправленной политике привлечения большевиками себе на службу специалистов Генштаба даже из недавних врагов¹. На Восточном фронте такие лица были приняты в РККА в 69,3% случаев, а на Южном — в 80,3%. С другой стороны, статистические отчеты фиксируют значительно меньшую одновременную численность бывших белых генштабистов в РККА, что может объясняться как дефектами статистики, так и систематическим вычищением таких лиц из армии. Следы десятков офицеров теряются в Советской России после Гражданской войны.

Небезынтересно, что среди пленных насчитывалось не менее 128 человек, ранее уже успевших послужить в РККА, которые затем изменили красным и попали в антибольшевистский лагерь, после чего оказались в советском плену, были прощены и вторично приняты в РККА.

В 266 случаях в плен попадали учившиеся в старой академии в мирное время и в 207 случаях курсовики эпохи Первой мировой и Гражданской войн. В плен попадали в 153 случаях генералы, в 188 случаях штаб-офицеры и в 123 случаях обер-офицеры². Таким образом, заметно преобладали штаб-офицеры и генералы, хотя, казалось бы, наиболее многочисленной должна была являться самая младшая категория офицерского состава — обер-офицеры. По всей видимости, это обусловлено чинопроизводством Гражданской войны, за время которой генштабовская молодежь (курсовики) нередко достигала у белых штаб-офицерских или даже генеральских чинов. К примеру, такую впечатляющую карьеру сделал пленный курсовик П. А. Луцков, начавший службу у белых капитаном и завершивший ее через три года генерал-майором. В этом чине Луцков и попал в плен на Дальнем Востоке. Аналогичной карьерой мог похвастаться недавний курсовик есаул Б. С. Бекович-Валуйский, принявший в 1917 г. ислам под именем Эль-Мурза Заур-Бек и ставший колчаковским генералом³. Известны и другие примеры.

Обращает на себя внимание перетекание слушателей и выпускников ускоренных курсов на Восточном фронте в 1918 г. от красных к белым (181 случай), а в 1919–1920 гг. от белых к красным (134 случая). Массовый переход на сторону красных очевидным образом связан с победами РККА — большинство пленных генштабистов поступило в РККА в 1920 г., так как к тому времени были разбиты основные белые армии Востока и Юга России, началась советизация Закавказья.

¹ По данным отчета ВЧК, к 1 июля 1921 г. в РККА служило свыше 800 пленных генералов и офицеров (Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции: История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 981).

² Исходные данные см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 148–389. Дополнено по архивным материалам, выявленным после выхода справочника. Не учитывались слушатели младшего ускоренного курса, набранные в академию накануне ее перехода к противникам большевиков летом 1918 г. и фактически не проходившие обучения (их список см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 620–624). Распределение дано по старшим воинским чинам пленных за период службы в антибольшевистских армиях.

³ Его карьера тем более впечатляет, что этот офицер явно не тяготел к военной службе. В 1919–1921 гг. генерал работал грузчиком на пивном заводе во Владивостоке, затем вернулся на военную службу, а с конца сентября 1922 г. стал вагоновожатым владивостокского трамвая. Тем не менее красными он был арестован как белогвардеец и два года провел в заключении.

Чтобы оценить общий характер перемещений генштабистов между лагерями Гражданской войны и устойчивость военной элиты сторон, сопоставим данные о перебежчиках и генштабистах, взятых в плен красными, с данными о захваченных противниками большевиков. Если из РККА фиксируется 580 случаев дезертирства или плена выпускников академии, то из антибольшевистских армий – 473.

По нашим подсчетам, из рядов Красной армии за годы Гражданской войны бежали или попали в плен к противнику 36 % военспецов-генштабистов. Похожий процент перебежчиков к красным и пленным фиксируется из колчаковских армий (впрочем, там было существенно больше именно пленных, тогда как РККА теряла выпускников академии в основном из-за сознательных перебежчиков), что свидетельствует как о невысоком боевом духе колчаковских генштабистов, среди которых было много выпускников ускоренных курсов, так и о тяжести и безвыходности их положения в суровых климатических условиях на рубеже 1919–1920 гг.

Закономерным был меньший процент пленных, взятых красными на Юге России, что обусловлено большей моральной устойчивостью офицерства белых армий Юга России и лучшей организацией их отступления и эвакуации в сравнении с колчаковскими армиями. В абсолютном большинстве врангелевские генштабисты смогли уехать из России.

Гражданская война перевела вопрос лояльности тому или иному режиму в плоскость относительного. Речь уже, как правило, не шла о верности своей стране или народу, поскольку такие же соотечественники были и за линией фронта. В результате в острой фазе конфликта множество людей перемещалось из одного лагеря в другой.

Измены военной элиты в лице специалистов Генерального штаба, как и прочих спецов, являлись неизбежным следствием различной социальной базы белых и красных. Хотя значительная часть военной интеллигенции приспособилась к новым условиям в Советской России, все же ее представители были в основном чуждым РККА элементом, а отношение к ним – неоднозначным и нередко неприязненным. Тысячи людей были использованы большевиками в своих целях, а затем, когда их опыт и знания уже не требовались, фактически выброшены – подверглись гонениям и истреблению.

По своему характеру старым генштабистам были ближе антибольшевистские вооруженные формирования, где служили их прежние товарищи. В итоге различными путями из РККА в белые или национальные армии, а также в неизвестном направлении бежали порядка трети специалистов Генерального штаба. Переходы генштабистов от красных в антибольшевистский лагерь стали по-настоящему массовым явлением. Объясняется это несколькими причинами. Прежде всего, распределение кадров на начальном этапе Гражданской войны оказалось во многом случайным. Не все могли сделать осознанный идейный выбор. Кто-то попал под маховик мобилизаций, оказался в армии по стечению обстоятельств или в силу иных причин был вынужден, вопреки убеждениям, служить тому лагерю, которому не сочувствовал. Кто-то, наоборот, поступил в новую армию сознательно, для отражения немецкого наступления, но не стремился участвовать во внутренней

войне. Для таких людей существовало три выхода из этой ситуации: смириться и подчиниться указаниям начальства; попытаться избежать службы на фронте и прямого содействия красным, устроившись на преподавательскую работу или уйдя в отставку, или же перейти в антибольшевистский лагерь либо бежать за границу.

Весомыми причинами переходов являлись ущемление прав генштабистов в Советской России, неприятие ими идеологии большевизма и террористических методов власти. Дезертирство не предотвращали ни угрозы заложничества членов семей военспецов, ни попытки создать в РККА хорошие материальные условия денежными окладами и продовольственными пайками.

Распространению переходов способствовали внутренний характер войны, значительно облегчавший конспирацию, а также отсутствие сплошной линии фронта и быстрые ее изменения, позволявшие остаться в том или ином пункте и сдать в плен. Сильная неразбериха, существовавшая в 1918 г. у красных, и нахождение РККА и советских органов госбезопасности в стадии формирования также давали дополнительные шансы на успех переходов, в связи с чем именно 1918 г. лидирует по числу измен генштабистов. В 1919 г. чаша весов в Гражданской войне на какое-то время склонилась в пользу белых, что вызвало немало переходов, носивших, очевидно, конъюнктурный характер. Основной поток перебежчиков к белым и пленных пришелся на 1918–1919 гг. (прежде всего, на 1918 г.), когда белые имели определенные шансы на победу.

Больше всего пленных или перебежчиков из РККА интересующих нас категорий фиксируется на Восточном фронте, что связано с переходом на сторону антибольшевистских сил летом 1918 г. Военной академии с многочисленными слушателями и преподавательским составом. При этом к белым в большинстве своем переходили выпускники ускоренных курсов, тогда как красным в плен сдавались большей частью генштабисты довоенных выпусков. Переходы к белым совершались, как правило, осознанно и добровольно и были связаны с большим риском, на который легче шли молодые офицеры. К красным, как представляется, реже переходили добровольно. В основном речь шла именно о пленении в силу безвыходности положения, а не о перебежках (по терминологии того времени). Попасть в плен с большей вероятностью могли представители старшего поколения генштабистов, не рассчитывавшие, например, физически преодолеть суровое отступление по безлюдным районам Сибири и в силу этого сдававшиеся, тогда как сознательными перебежчиками нередко становились молодые.

Отношение к пленным было дифференцированным. Из общей массы выделялись специалисты Генерального штаба, остро необходимые красным. Принадлежность к Генштабу в ряде случаев спасала пленным жизнь, тогда как офицеров, не имевших высшего военного образования, могли расстрелять. Разумеется, подобная практика не относилась к убежденным противникам большевиков из генштабистов, с которыми беспощадно расправлялись, как, например, с генералом А.П. Перхуровым. Не относилась она и к случаям произвола на местах, которые нельзя назвать законенной практикой отношения к пленным.

Появление в рядах РККА категории бывших белых офицеров привело к возникновению новой для комсостава РККА группировки. При всей приниженности и шаткости положения таких людей, они стремились держаться вместе. Лояльные

большевикам военспецы смотрели на них неоднозначно: с одной стороны, как на лиц с подмоченной неверным выбором в Гражданскую войну репутацией, общение с которыми могло повлечь неприятности, а с другой — как на возможных конкурентов по службе¹.

Политика массового привлечения на службу в РККА пленных генштабистов, как и бывших офицеров вообще, себя оправдала. В большинстве случаев они старались зарекомендовать себя с лучшей стороны, служили добросовестно и пытались завоевать доверие своих новых товарищей и командования.

Отношение властей и командования к ветеранам антибольшевистских армий отличалось недоверием, существенно большим, чем недоверие к военспецам. Несмотря на разнообразные декларации, советская власть ничего не забывала и никого не прощала. И хотя особый учет бывших белых офицеров и военных чиновников был отменен постановлением ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г., это означало лишь прекращение гласного надзора². В советских анкетах вплоть до второй половины XX в. требовалось заполнить пункты о службе в антисоветских армиях и нахождении на подконтрольной противникам красных территории³. В перспективе бывшие белые офицеры оказывались первыми кандидатами на увольнение или арест. Лишь в редких случаях им доверяли ответственные посты. Чаще всего их уделом становилась преподавательская работа, на которой они были достаточно безопасны для властей, поскольку не имели в подчинении никакой реальной силы. Несмотря на лояльность и отсутствие в среде бывших белых офицеров серьезных контрреволюционных устремлений, советские органы госбезопасности держали их под пристальным надзором. Среда «бывших» оказалась плотно инфильтрована сетью негласных осведомителей. Вместе с тем бывшие белые генштабисты принесли немалую пользу Красной армии. Как правило, они добросовестно служили на отведенных им постах. Лишь репрессии начала и второй половины 1930-х гг. положили конец этой службе для значительного числа некогда взятых в плен белогвардейцев.

Возможности предотвратить массовые переходы большевики не имели из-за проблем с учетом военспецов (хотя учет генштабистов в РККА был поставлен лучше, чем у их противников) и перегруженности работой штабов и управлений, которые, как показала практика, не могли вести розыск семей перебежчиков для их наказания. Естественной реакцией становились репрессии в отношении военспецов. Однако создавался замкнутый круг — репрессии лишь усиливали поток перебежчиков, а несколько человек сумели бежать к противнику прямо из-под ареста. Переходы сошли на нет сами собой в 1920 г., когда стало очевидным поражение антибольшевистских сил.

¹ См., напр.: *Минаков С. Т.* Сталин и его маршал. М., 2004. С. 215.

² Подробнее см.: *Абинякин Р. М.* Подготовка отмены особого учета бывших белых офицеров в 1925–1927 гг. // *Studia internationalia: Мат-лы V междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 2016. С. 191–195.

³ Такие личные листки по учету кадров 1940-х гг. хранятся, например, в семейном архиве автора. Соответствующие пункты анкет выглядели следующим образом: «Находился ли на территории, занятой белыми в период Гражданской войны, где, когда и работа в это время»; «Служил ли сам или родственники в белых и иностранных армиях в период Гражданской войны, где, когда, последняя должность, чин, участие в боях против Красной армии»; «Был ли в плену в период Гражданской войны».

И все же, несмотря на довольно частые случаи измены военспецов, большевикам удалось поставить себе на службу несколько сотен генштабистов. По нашим данным, настоящей опорой большевиков можно считать более 600 военспецов, прошедших через обучение в Военной академии, которые в 1918–1920 гг. не служили во враждебных большевикам армиях, не состояли в антибольшевистских подпольных организациях и в составе РККА прослужили сравнительно долгий для того переменчивого времени срок – не менее двух лет каждый. Некоторые из них в то время незаслуженно подвергались репрессиям, но именно этим людям красные, в значительной степени, обязаны своей победой в войне. Помимо них еще несколько сотен генштабистов служили в РККА более короткий срок в период Гражданской войны.

На белом Юге генштабисты, перешедшие от красных, подлежали военно-полевому суду, однако приговоры суда практически всегда смягчались и наиболее строгим наказанием было разжалование в рядовые (с последующим восстановлением в чине). Тем не менее для сторонников белых следственные действия и судебные преследования были оскорбительны. Кроме того, на этот период перебежчики были лишены возможности содействовать белым.

Советский главком И.И. Вацетис был прав, когда утверждал в своих воспоминаниях, что у белых было меньше предательства среди генштабистов¹. Тем не менее во второй половине Гражданской войны немало офицеров перешли от белых к красным. Вопреки расхожим мифам, многих после фильтрации принимали на службу в РККА. Отношение к пленным генштабистам было особым, поскольку они считались дефицитными специалистами. По этой причине в большинстве своем захваченные или сдавшиеся генштабисты поступали на службу в РККА, причем в качестве специалистов рассматривались даже кадры, подготовленные академией в белой Сибири. Все это свидетельствует о высокой ориентированности красных на достижение победы, путем использования любых возможностей, а также о четком понимании пользы профессионалов. Отношение же белого командования к перебежчикам и пленным отличалось непрагматизмом и даже наивным идеализмом. Все это, безусловно, влияло на ход Гражданской войны и ее итоги.

Политика сторон по отношению к перебежавшим и взятым в плен генштабистам была различной. Белые, благодаря избытку кадров, могли позволить себе преследовать перебежчиков, ограничивать их возможности поступления в белые армии, долгое время расследовать их причастность к большевизму. Красным же было важно, нейтрализовав явные и потенциальные контрреволюционные проявления (идейные антикоммунисты, как правило, уничтожались) пленных и перебежчиков из числа выпускников академии, использовать их квалификацию в своих интересах. Позднее в СССР бывшие белые, в том числе ранее служившие в РККА, стали подвергаться массовым преследованиям и репрессиям, но это произошло уже после завершения Гражданской войны и не повлияло на ее результат.

¹ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 22. Л. 66.

Глава VIII.

Генштабисты и борьба спецслужб

§ 1. Генштабисты на разведывательной и контрразведывательной работе

Разведка и контрразведка в годы Гражданской войны играли исключительную роль. Условия конфликта значительно облегчали ведение такой работы основными воюющими сторонами – прежде всего, по причине отсутствия языкового барьера и возможности как красных, так и белых разведчиков легко затеряться в толпе. С другой стороны, в условиях острейшего идейно-политического противоборства тайная война приобрела большой идеологический накал и повлекла беспощадное отношение к агентам противника. Гражданская война стала временем зарождения и красных, и белых спецслужб. Процесс этот протекал непросто, был сопряжен с конфликтами и противоречиями. Заметную роль в нем сыграли кадры Генштаба.

Когда единое государство в конце 1917 г. развалилось, произошел раскол в среде профессиональных военных разведчиков, к которым относились генштабисты. В инерционный период конца 1917 – начала 1918 г. в Советской России еще частично сохранились дореволюционная разведывательная и контрразведывательная службы. Их центральный аппарат оставался в составе ГУГШ, переформированного в мае 1918 г. в ВГШ.

В годы Первой мировой войны разведкой и контрразведкой ведал отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ, а к концу 1917 г. вопросы агентурной разведки и контрразведки оказались в ведении 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ генерал-майора П. Ф. Рябикова¹. Также вопросами разведки занимался начальник военно-статистического отдела полковник А. В. Станиславский, подчинявшийся 2-му генерал-квартирмейстеру, а затем ставший 3-м обер-квартирмейстером. В первой половине 1918 г., в период переезда из Петрограда в Москву и реорганизации, разведка ГУГШ и ВГШ не была эффективной. Достаточно отметить такой, казалось бы, незначительный факт, что на конец апреля 1918 г. в переехавшем из прежней столицы в новую отделе 2-го генерал-квартирмейстера не был установлен телефон². С октября 1917 г. и вплоть до расформирования ГУГШ денег на ведение разведки не отпускалось, лишь обсуждалась возможность выделения кредита в 600 000 руб. на первое полугодие 1918 г. на разведку³.

¹ О реорганизации центрального аппарата см.: Звонарев К. К. Агентурная разведка: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 267–269.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 98. Л. 188об.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 391. Л. 5.

В мае 1918 г. в связи с преобразованием ГУГШ в ВГШ отдел 2-го генерал-квартирмейстера был реорганизован в военно-статистический отдел Оперативного управления, который возглавил А.В. Станиславский. Отдел ведал вопросами разведки и контрразведки, однако его работа без средств и агентуры в основном сводилась к составлению разведсводок. Разведывательное отделение возглавлял бывший полковник Н.Н. Шварц. По данным на лето 1918 г., подведомственными ВГШ оказались разведывательные отделения штабов военных округов^I, что также должно было давать некоторую информацию. Сотрудничество с разведками стран Антанты в обстановке продолжавшейся мировой войны еще не воспринималось как шпионаж и нередко развивалось в интересах большевиков. Даже после подписания Брестского мира такие подобные действия не считались предательством, а большевистское руководство до некоторых пор спокойно относилось к такому сотрудничеству и получало по этим каналам необходимую информацию. Так, источником готовившихся отделом аналитических материалов были помимо сведений штабов завесы, а также материалов оперативного отдела (Оперода) Наркомата по военным делам еще и данные, передававшиеся французской военной миссией, а военный руководитель ВВС М.Д. Бонч-Бруевич не менее восьми раз в апреле – мае 1918 г. встречался со знаменитым британским разведчиком Сиднеем Рейли, причем об их встречах последний составил несколько подробных отчетов^{II}. При помощи Бонч-Бруевича английская разведка пыталась выявлять немецкую агентуру^{III}.

Если центральный аппарат военной разведки сравнительно благополучно пережил большевистский переворот и просуществовал без особых изменений до мая 1918 г., то местные аппараты разведки и контрразведки прекратили свое существование в связи с демобилизацией старой армии, агентурные сети из-за отсутствия финансирования развалились, а агентура стала сотрудничать с иностранными разведками, платившими за работу.

Многие русские военные агенты поддерживали антибольшевистские силы и не признали советскую власть. Располагая денежными средствами, они, в отличие от своих товарищей на родине, могли избежать вынужденного поступления на советскую службу по материальным причинам. Нарком по военным делам Л.Д. Троцкий писал летом 1918 г.: «Ввиду того, что военные агенты по полученным мною сведениям расходуют деньги, оставшиеся в заграничных банках по асигнованиям, и, не давая никаких отчетов, ведут политику, враждебную советской власти, все они должны быть уволены (за исключением тех, о коих будут особые приказы)»^{IV}.

Соответствующий приказ был издан через некоторое время. Приказом Наркомата по военным делам от 2 сентября 1918 г. военные агенты массово увольнялись со службы или откомандировывались и вызывались в Россию^V. Продолжением документа стал приказ наркома по военным делам по личному составу № 19

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 190.

^{II} Spence R. Trust No One. The Secret World of Sidney Reilly. Los Angeles, CA, 2002. P. 196; Cook A. Ace of Spies. The True Story of Sidney Reilly. Stroud, 2011. P. 160–161.

^{III} Spence R. Trust No One. P. 458.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 91. Л. 20–20б.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 59–59об.

от 6 сентября 1918 г. Увольнялись представитель при британской главной квартире К.Н. Десино, представитель при французской главной квартире М.И. Занкевич, представитель при американской главной квартире В.Х. Рооп, представитель при итальянской главной квартире Е.К. Миллер; военные агенты: во Франции граф А.А. Игнатъев, в Северо-Американских Соединенных Штатах — А.М. Николаев, в Швейцарии — С.А. Головань, в Сербии — В.А. Артамонов, в Китае — А.А. Татаринов, и.д. военного агента в Румынии В.А. Палицын, и.д. военного агента в Греции М.Н. Леонтьев, и.д. военного агента в Дании С.Н. Потоцкий, и.д. военного агента в Нидерландах барон Л.А. фон Майер. Откомандировывались в Россию направленные для замещения должностей военных агентов: в Италии — В.В. Водар, в Швеции — Г.Г. Гиссер, в Великобритании — П.П. Гудим-Левкович. Кроме того, откомандировывался в Россию и состоявший в распоряжении представителя при американской главной квартире И.И. Чубаков. «Неявка или задержка к явке в Россию повлечет за собой конфискацию всего имущества и предание суду Революционного трибунала», — сообщалось в документе^I. Однако смены этим агентам в связи с эскалацией Гражданской войны и иностранной военной интервенции направлено не было. Институт военных агентов так и не был восстановлен в прежнем виде. При инспектировании ВГШ осенью 1918 г. было закономерно отмечено, что «пока не будут посланы за границу военные агенты и не будет организована агентурная разведка, сбор сведений об иностранных государствах будет стоять на мертвой точке»^{II}.

В связи с тесными связями Советской России и Германии в 1918 г. был учрежден пост военного агента в Берлине, который с 16 апреля 1918 г. занял бывший генерал-лейтенант Р.-К.Ф. Вальтер^{III}. Его помощником назначили бывшего капитана В.В. Липского, ранее участвовавшего в мирных переговорах в Брест-Литовске^{IV}.

Работа военного представительства оказалась непродолжительной. Вальтер и Липский прибыли в Берлин только летом 1918 г., а лояльность этих военных представителей оказалась сомнительной. По свидетельству генерала В.Н. Минута, Вальтер был рекомендован на должность военного агента начальником Генерального штаба Н.М. Потаповым, поскольку владел английским, французским и немецким языками^V. Вальтер «видя в этом возможность выбраться из Советской России... не отклонил от себя этого предложения и в составе посольства, возглавляемого [А.А.] Иоффе, прибыл в Берлин.

Служба у большевиков крайне тяготила его, и он ждал только случая, который дал бы ему возможность покинуть ее»^{VI}. Такая возможность, если верить воспоминаниям Минута, возникла в связи с приездом в Берлин в начале сентября 1918 г. гетмана Украины П.П. Скоропадского. Вальтер уехал из Берлина в Киев, но затем вернулся. В дальнейшем Вальтера в Берлине военные эмигранты преследовали за сотрудничество с большевиками. Крайне сурово с ним, несмотря на личное знакомство, повел себя генерал Н.А. Монкевиц. Вальтер «доказывал

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 91. Л. 16об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 4. Д. 25. Л. 6.

^{III} РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.

^{IV} РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 79.

^V Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 255.

^{VI} Там же.

ему, что вряд ли можно назвать акт поступления на службу добровольным, когда отказ влечет за собой голодную смерть всей семьи, и у него другого выхода не было^I. Монкевиц же напомнил Вальтеру о том, что генерал В.Е. Скалон застрелился, лишь бы не сотрудничать с большевиками. В итоге Вальтер оказался в непростом положении и устроился школьным учителем в Берлине. Кроме того, он давал уроки английского языка генералу Минуту, желавшему помочь материально и в приемлемой для того форме своему товарищу. Часть документов военного представительства подписывал В.В. Липский^{II}, который осенью сменил Вальтера и стал вр.и.д. военного агента^{III}. Насколько можно судить, ни Вальтер, ни Липский не вернулись в Советскую Россию. Характерно и то, что даже секретарь советской военной миссии бывший штабс-ротмистр В.Л. Пятницкий в конце 1918 г. перешел на службу в Донскую армию.

В августе 1918 г. в качестве помощника военного агента на короткий срок в составе миссии В.А. Антонова-Овсеенко приезжал бывший капитан Б.И. Кузнецов. Тогда велись переговоры о советско-германском соглашении на предмет участия германских войск в борьбе с Антантой на Севере России (к слову, после берлинской командировки Кузнецов отправился в секретную командировку в Олонецкий край^{IV}). 6 ноября 1918 г. советское полпредство в Берлине во главе с А.А. Иоффе было выслано в Советскую Россию в связи с обвинениями в подготовке коммунистического восстания. Прекратило свою работу и советское военное представительство. В результате с ноября 1918 г. военных донесений из Берлина Москва не получала^V.

Своя разведывательная служба (разведывательный отдел) в 1918 г. возникла при ВВС на базе партизанских формирований и велась в районе демаркационной линии, однако отправной точкой истории советской военной разведки может считаться 15 апреля 1918 г., когда было создано разведывательное отделение Оперода Московского областного военного комиссариата, положившее начало советской разведывательной службе. Отделение возглавил выпускник ускоренных курсов Военной академии Г.Я. Кутырев. 12 мая Оперод был переподчинен Наркомату по военным делам и стал центральным органом, ведавшим вопросами разведки и контрразведки. Разведывательную работу Оперода курировал еще один курсовик – Б.И. Кузнецов.

Выпускники академии стояли у истоков советской военной разведки и контрразведки (до ее перевода в подчинение ВЧК). Помимо перечисленных выше в этой сфере были задействованы Н.Н. Берман, В.В. Вдовьев-Кабардинцев, И.В. Высоцкий, В.П. Глаголев, И.И. Гончаренко, А.И. Готовцев, Ф.Л. Григорьев, Ю.И. Григорьев, М.А. Дулов, А.Ф. Ефимов, В.Я. Жуков, М.Н. Земцов, В.Г. Зиверт, В.А. Ивановский, Н.Г. Корсун, Т.С. Косач, Н.И. Косогоров, А.И. Кук, В.Д. Латынин, А.Н. Леонов, А.Д. Лютов, В.И. Максимов, Д.П. Малеев, А.К. Малышев, Г.О. Маттис, А.И. Медель, М.А. Михайлов, К.А. Моравицкий, А.П. Панкратьев, А.С. Ролько, В.В. Салов,

^I Там же. С. 256.

^{II} АВПР. Ф. 4. Оп. 13. П. 71. Д. 1010. Л. 5; РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 408. Л. 1.

^{III} АВПР. Ф. 4. Оп. 13. П. 71. Д. 1010. Л. 103.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 34.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 120. Л. 51.

П.П. Слищкоухов, В.Е. Стасевич, П.М. Стрыхарь, В.Ю. Стульба, В.Г. Сухов, А.И. Сухоплеско, В.И. Тарасов, К.П. Тераевич, И.А. Трошин, В.М. Цейтлин, И.Д. Чинтулов, Н.Н. Шварц, А.А. Шрейдер и др.

Если ВГШ в соответствии со спецификой прежнего ГУГШ ведал внешней разведкой, то Оперод занялся разведывательной работой на территории России, в районах, контролировавшихся белыми, интервентами и немецкими оккупационными властями. Оперод имел 34 агента-резидента, агентурную группу из 6 человек и 2 агентов-маршрутников. Однако агентурные донесения вследствие проблем со связью поступали нерегулярно. К тому же Оперод оказался аморфной и раздутой структурой, которая не избежала проникновения антибольшевистской агентуры^I. Осенью 1918 г. в Штабе РВСР был организован разведывательный отдел, которым руководил бывший полковник Б.М. Шапошников, в его подчинении находилось разведывательное отделение во главе с бывшим капитаном Ф.Л. Григорьевым.

Серьезной проблемой оказались практиковавшиеся в Советской России необоснованные репрессии в отношении профессиональных разведчиков и контрразведчиков, что вело к гибели ценнейших специалистов или их отстранению от дел и пребыванию под арестом. 3 августа 1918 г. был арестован и уже 14 сентября безо всяких причин расстрелян бывший руководитель Особого делопроизводства ГУГШ полковник Н.К. Раша, являвшийся главой русской военной разведки с марта 1914 по август 1916 г.^{II} Ранее он получил назначение начальником регистрационной службы ВГШ^{III}. 5 сентября 1918 г. фактически в полном составе было арестовано военно-агентское отделение ВГШ (начальник К.И. Жихор, В.А. Ивановский и переводчик П.С. Арапов, причем последнего освободили)^{IV}. Это происходило на фоне массового отзыва военных агентов из-за рубежа. В результате

^I Подробнее см.: К истории ВЧК: Письмо А. И. Эрдмана (Бирзе) Ф. Э. Дзержинскому / публ. А. И. Колпакиди // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1996. Кн. 6. С. 181–208.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 663–670.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 94.

^{IV} Эта история получила трагикомическое продолжение, характеризующее стиль и методы работы ВЧК. В октябре 1918 г. для начальника ВГШ начальником Оперативного управления С. А. Кузнецовым и вр.и.д. начальника военно-статистического отдела Н. Н. Шварцем была подготовлена справка об аресте военно-агентского отделения, в которой сообщалось: «9 сентября был послан запрос домовому комитету дома, в котором помещалось агентское отделение, об обстоятельствах, при коих был произведен арест служащих отделения. Ввиду неполучения ответа на запрос 14 сентября из журнальной части военно-статистического отдела был послан на Поварскую улицу в дом № 22 курьер отдела Василий Чувакин с целью выяснить, в каком положении находится помещение военно-агентского отделения, находится ли там кто-нибудь из служащих в нем и если находится, то пригласить его в отдел за получением бумаг и [для] дачи справок по делам отделения. Когда посланный Чувакин долго не возвращался, начальником общего отделения военно-статистического отдела туда же был послан сторож Панов. Последний по возвращении доложил, что в помещении военно-агентского отделения оставлена засада, от которой он узнал, что никого из служащих в отделении нет, а приходивший ранее курьер Чувакин задержан и отправлен на [ольшую] Лубянку в Чрезвычайную следственную комиссию.

В тот же день 14 сентября заведывающему контрразведывательным отделом Чрезвычайной следственной комиссии было послано сношение за № 39315 с просьбой освободить курьера Чувакина, посланного в помещение военно-агентского отделения по службе и для выполнения возложенного на него поручения, т. к. он не мог быть причастным к обстоятельствам, вызвавшим ранее арест начальника этого отделения Жихора. 22 сентября мною совместно с комиссаром управления было вторично возбуждено перед Чрезвычайной следственной комиссией ходатайство об освобождении Чувакина, и 30 сентября за № 39434 комиссаром управления было возбуждено особое ходатайство о допущении его в помещение военно-агентского отделения для выбора необходимых дел.

Ни одно из поименованных ходатайств до настоящего времени удовлетворено не было» (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 120. Л. 53–53об.).

большевики, по сути, лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении данного отделения. Прекрасно понимавший нужды советского военного ведомства председатель РВСР Л.Д. Троцкий в октябре 1918 г. просил председателя ВЧК указать, какие арестованным генштабистам Жихору и Ивановскому предъявлены обвинения, и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»¹. Однако просьба Троцкого не ускорила исход дела.

В 1919 г. последовала вторая волна репрессий против военных разведчиков — тогда арестам подверглись выпускники ускоренных курсов Военной академии: консультант Регистрационного (разведывательного) управления (Региструпра) ПШ РВСР бывший капитан Г.И. Теодори, начальник разведывательного отделения ПШ РВСР бывший капитан Б.И. Кузнецов, консультант разведывательного отделения бывший капитан Ю.И. Григорьев, консультант Региструпра и бывший начальник агентурного отдела Региструпра в прошлом штабс-капитан Г.Я. Кутырев, осенью 1919 г. был арестован сменивший Теодори бывший старший консультант Региструпра В.Г. Зиверт. К примеру, Теодори был добросовестным военным специалистом, разработчиком проекта «Положения об Особом отделе» и отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве. Возможно, такая позиция и послужила одной из причин его ареста. Интересно, что свои рекомендации относительно постановки разведывательной службы в РККА давал, находясь в 1919 г. под арестом, однокашник Теодори по академии бывший капитан Н.Н. Доможиров².

Порой инициатива, проявляемая военспецами-генштабистами на ниве разведывательной работы, оказывалась наказуемой и могла кончиться для них печально. Так, бывший полковник А.Н. Ковалевский в мае 1918 г. занял пост начальника мобилизационного управления штаба Северо-Кавказского военного округа. Ковалевский имел опыт разведывательной и контрразведывательной работы: с июня 1917 по март 1918 г. он возглавлял контрразведывательное отделение штаба Минского военного округа, а в апреле — мае 1918 г. был помощником начальника оперативного управления ВВС по разведывательной части. О своих заслугах перед Красной армией Ковалевский говорил следующее: «Я первый, который это дело там поставил как агентурную разведку... Я специалист, и очень незаурядный, в области разведки»³. В июне 1918 г., занимаясь эвакуацией из Валук своей семьи, Ковалевский решил помочь наладить работу разведки. В рапорте по поводу инцидента он писал: «Т.к. у меня в Валуйках из числа моих бывших смоленских служащих осталось несколько безусловно верных людей, к тому же основательно подготовленных к разведывательной работе, то совершенно естественно у меня, как специалиста-разведчика, возникла мысль воспользоваться этими людьми для образования из них местных резидентов-разведчиков... Совершенно так же естественно была бы моя попытка организовать глубокую разведку всего тыла противника, указав одному из разведчиков маршрут на Купянск, Харьков, Ростов с выходом его в район Кубанской области. Масса исключительно благоприятных

¹ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

² Сафонов В. Н., Мозохин О. Б. Особый отдел ВЧК против польской разведки. 1918–1921. М., 2018. С. 116–117.

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 13.

обстоятельств давала полную гарантию успешного выполнения всего задуманного дела»¹. Казалось бы, организация разведывательной сети не относилась к сфере компетенции начальника мобилизационного управления штаба (впрочем, разведывательное отделение штаба округа подчинялось Ковалевскому), и, разумеется, подобные действия вызвали подозрения. Результатом стал арест Ковалевского, которого вместе с секретарем посадили в грязный вагон, где продержали 28 часов без пищи и воды. Инициативный военспец едва избежал расстрела.

Многообразие разведывательных служб, возникших в Советской России, отсутствие четкой регламентации сферы деятельности каждой из них затрудняли взаимодействие, вызывали конфликты и противоречия, могли приводить к срыву операций и не способствовали эффективности работы². В качестве курьеза можно отметить, что в разведсводке Оперода к 25 октября 1918 г. один из вождей Белого движения на Юге России полковник М.Г. Дроздовский был назван, вопреки действительному положению, известным командиром Текинского полка³. Таким образом, разведка получала абсолютно недостоверные сведения. С другой стороны, параллелизм структур позволял перепроверять поступавшую информацию. Как бы то ни было, назрел вопрос о централизации военной разведки. Осенью 1918 г. этот вопрос получил свое разрешение.

На заседании РВСР 2 октября 1918 г. Оперод было решено влить в РВСР, переименовав в одно из управлений, задачами которого стали бы разведка и контрразведка. Это решение являлось важной вехой на пути централизации органов разведки и контрразведки. Соответствующие материалы передавались в новый орган из бывшего ВВС, а также из некоторых отделов ВГШ⁴. Первым руководителем Региструпра стал С.И. Аралов, который привлек к работе своих прежних сотрудников по Опероду. Начальником штаба нового управления должен был стать Г.И. Теодори, принимавший деятельное участие в реорганизации Оперода⁵.

5 ноября 1918 г. постановлением РВСР был утвержден штат ПШ РВСР, в котором обозначено Регистрационное управление (Региструпр), ставшее центральным органом военной разведки и контрразведки⁶. Ключевые посты в управлении заняли молодые выпускники ускоренных курсов Военной академии. Консультантом управления стал Теодори. Он же руководил учрежденными для подготовки кадров курсами разведки и военного контроля, которые функционировали при Региструпре. В управлении было создано два отдела – агентурный (39 сотрудников) и военного контроля (контрразведывательный, 157 сотрудников). Агентурным

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 43. Л. 104.

² Подробнее об изменениях в структуре и кадрах советской военной разведки периода Гражданской войны см.: Кочик В. Я. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья первая (1917–1918) // Свободная мысль. 1998. № 5 (1474). С. 94–104; Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 88–103; Статья третья (1921–1924) // Свободная мысль. 1998. № 7 (1476). С. 97–109. О военно-морской разведке см.: Владимиров О. Следить за настроениями правящих кругов. Советская военно-морская разведка в 1918 году // Родина. 2011. № 10. С. 15–17.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 71.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 142. Л. 126.

⁵ Там же.

⁶ Подробнее см.: Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 96; Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 71.

отделом Региструпра руководил В.Ф. Тарасов, агентурное отделение возглавлял его однокашник по академическим курсам Г.Я. Кутырев. Позднее военная контрразведка была передана ВЧК, а 5 ноября по сей день отмечается в России как день военной разведки.

Теодори уже 12 ноября 1918 г. телеграфировал начальнику Региструпра С.И. Аралову о том, что «наиболее важные отделы Регистрационного управления обезлюжены и работа стала. Последний раз докладываю о невозможности такого положения, особенно тогда, когда противник засыпал нас со всех сторон агентурной сетью. Об изложенном, не считаясь с репрессиями со стороны... безответственных лиц, по долгу принятых на себя обязательств должен буду войти [с] докладом, приложив соответствующий фактический материал»^I.

Агентурную разведку вели также штабы военных округов. В январе 1919 г. эти органы передавались в штабы фронтов и армий, исключая Петроградский и Орловский округа, в штабах которых было разрешено вести работу с агентурой и далее^{II}.

В 1919 г. из-за кадровых проблем военную разведку пришлось создавать с нуля методом проб и ошибок, подчас дорого стоивших Советской России. Не случайно в докладе начальника 1-го отделения 1-го отдела Региструпра бывшего капитана В.А. Срывалина, направленном начальнику 1-го отдела Г.Я. Кутыреву 19 февраля 1919 г., говорилось о катастрофическом положении советской военной разведки^{III}. Уровень квалификации агентуры был крайне низким. По мнению Срывалина, по причине неспособности к работе нужно было уволить половину агентов^{IV}. Препятствовали работе и репрессии. Автор резюмировал: «Картина безотрадная. Вызвана полнейшей изоляцией от работы лиц, даже пользующихся доверием (Теодори, Срывалин, Кутырев и т.д.); вся вербовка [проходит] на глазах самих же агентов, из коих были шантажисты: следовательно, все мы давно сняты и сфотографированы. Доклады специалистов на учет не принимаются: им отводится “почетная роль” истребования денег, продовольствия и т.д., на что генштабисты не нужны»^V.

Если от контрразведывательной работы военспецы в 1919 г. оказались отстранены, то не мог не возникнуть аналогичный вопрос о допустимости использования их в разведке. В сентябре 1919 г. в.и.д. заместителя начальника Региструпра Т.П. Самсоновым была составлена спецедакая докладная записка на имя начальника Региструпра С.И. Гусева о том, что «бывшие» могут раскрыть секретную агентуру, в связи с чем необходимо их отстранить, тем более что партийные товарищи уже научились составлять сводки^{VI}. Тем не менее от услуг военспецов тогда не отказались. Чекисты неоднократно пытались подчинить себе военную разведку. В конце 1920 г. это на некоторое время удалось. Сотрудничество военной

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 62.

^{II} РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2. Л. 1.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 189–197. Публикацию документа см.: Первый год советской военной разведки. Доклад В. А. Срывалина от 19 февраля 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 174–191; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 598–611. Частично и без указания места хранения доклад опубликован в: Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 89–92; Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб.; М., 2002. С. 18–21.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 191.

^V Там же. Л. 194.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 39.

и политической разведки выразилось в создании объединенных резидентур и агентурных сетей, практиковавшемся до середины 1920-х гг.

Серьезные проблемы существовали у разведывательных органов фронтов и армий. Войсковая разведка работала в отрыве от центральных разведывательных органов. В разведывательном отделении штаба Северного (затем – Западного) фронта в начале 1919 г. «никакой агентурной части не было, разведка вообще была за недостатком людей, организации, опытности в жалком состоянии, пользовалась услугами проходимцев, случайных людей, которые, естественно, лишь выколачивали деньги, но никаких сведений не давали»^I. Начальником разведывательного отделения штаба фронта являлся бывший капитан В.Е. Стасевич. 9 июля 1919 г. он был арестован Особым отделом по делу о злоупотреблении казенным спиртом и впоследствии приговорен к году тюремного заключения с принудительными работами^{II}. В 11-й отдельной армии, по свидетельству начальника разведывательного отдела, на апрель 1919 г. «организованной систематической агентурной разведки при разведотделе не имеется»^{III}. Начальник разведывательного отделения штаба 12-й армии с конца декабря 1918 по середину марта 1919 г. не мог получить ни одного донесения с фронта о противнике^{IV}, а из оперативно-разведывательного отдела штаба армии в штаб фронта об отправке разведчиков сообщали открытым текстом^V. В штабе 11-й армии в мае 1919 г. разведывательные данные, которые получало командование, «почему-то держатся до устарелости»^{VI}.

На осень 1919 г., разведорганы 12-й армии были переполнены анархистами^{VII}. Из разведотделения штаба 1-й армии весной 1919 г. был похищен список сотрудников, засланных в тыл белых под Оренбургом. Вскоре документ оказался у противника и был опубликован, что поставило под угрозу жизни агентов. Вследствие этих событий в штабе армии возникла атмосфера подозрительности и шпиономании. Как результат – бессудный расстрел членом РВС армии О.Ю. Калниным одного из работников штаба, совершившего не заслуживающий такой кары проступок^{VIII}. Еще более скандальная ситуация произошла в 1918 г. в разведывательном отделении штаба Южного фронта. Под арестом оказался начальник отделения З.Б. Шостак, который был активным участником заговора Р.Б. Локкарта и обвинялся в передаче военных сведений голландскому корреспонденту Л. Грондейсу, связанному с белыми^{IX}, а также в снабжении контрреволюционеров документами от высших советских учреждений. Помощник Шостака, бывший юнкер Н.В. Бодак,

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 175.

^{II} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 315. Л. 12об. Подробнее см.: Ганин А. В. «Спирт в разведке был необходим...» (злоупотребления разведчиков советского Западного фронта в 1919 г.) // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы XI Междунар. военно-исторической конф. СПб., 2018. С. 466–476.

^{III} РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 151.

^{IV} Там же. Л. 18.

^V Там же. Л. 25.

^{VI} РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 165. Л. 9.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 38. Л. 3.

^{VIII} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 143. Л. 132–132об.

^{IX} Подробнее о Грондейсе см.: Grondijs L.-H. La guerre en Russie et en Sibérie. Paris, 1922; Jansen M. L. H. Grondijs and Russia: The Acts and Opinions of a Dutch White Guard // Revolutionary Russia. 1994. Vol. 7, № 1. June. P. 20–33; Людовик Грондайс «Он был возведен в ранг великих стратегов» / публ. Р.Г. Гагкуева и С. Г. Шиловой // Историк. 2016. № 5 (17). С. 28–31.

также был арестован. По постановлению Особого отдела Южного фронта Шостака и Бодака расстреляли¹.

В некоторых штабах разведывательная работа была налажена лучше. В частности, в рекомендации причислить к Генштабу начальника разведывательного отделения штаба 13-й армии курсовика Н.И. Косогорова в декабре 1919 г. отмечалось, что «тов. Косогоров, обладая широким военным образованием, наравне с полным познанием дела и свойственной ему энергией, положил много труда к должной постановке разведки в штабе армии, проявляя собственную инициативу, поскольку позволяло его служебное положение.

Такая продуктивная деятельность т. Косогорова вполне должна быть оценена причислением его к Генеральному штабу»².

Положительные примеры, по-видимому, встречались редко. Что касается дивизионного и бригадного уровней, то там разведка также оставляла желать лучшего. Слушатель Академии Генштаба РККА Ю.Ю. Аплом, направленный из академии на службу в 6-ю стрелковую дивизию 7-й армии, сообщал в августе 1919 г., что «разведка войсковая, как и агентурная, находится на нулевой точке своего развития»³. Лишь после того, как по предложению Апломка агентурная разведка дивизии была отделена от войсковой и доверена партийному работнику, она стала развиваться. По мнению другого слушателя академии, А.Г. Васильева, назначенного помощником начальника штаба бригады по разведывательной части, его должность — «это не больше, не меньше как писарь по оперативной части при полковом адъютанте»⁴. По свидетельству слушателя, работа по этой должности занимала у него 10 минут в день, а все остальное время командир был предоставлен самому себе. Сравнивая свою работу в Первую мировую и в Гражданскую войну, Васильев отмечал, что в мировую войну составлял по восемь разведсводок в сутки, а теперь, несмотря на нехватку генштабистов, составляет только одну.

Плохо работала и агентурная разведка. По официальным данным на февраль 1919 г., советские агенты не сумели проникнуть ни в один из белых штабов⁵. В то же время известны десятки случаев внедрения белых агентов в высшее советское военное руководство. Для красных аналогичные действия были затруднены из-за низкого образовательного ценза их агентуры и корпоративизма офицеров, которые вряд ли могли принять в свою среду чужака. Между тем военное руководство Красной армии оказалось в значительной степени в руках бывших офицеров, о лояльности которых можно было только гадать.

Советская агентура вербовалась в основном по принципу политической преданности — из коммунистов и сочувствующих (85,4 % агентов), по социальному составу 56,6 % принадлежали к рабочему классу, что неизбежно накладывало отпечаток на образовательный уровень агентов: 74,16 % имели низшее образование. Один из сотрудников из тщеславных побуждений прикрепил на двери своей квартиры

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–1об.; Ф. 100. Оп. 2. Д. 294. Л. 12; Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

² РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 781. Л. 409–409об.

³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 26об.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 605–606. Сами белые приводили косвенные свидетельства проникновения красных в 1920 г. в один из штабов: Сербин Ю. О разведке. Из личных воспоминаний // Часовой (Брюссель). 1960. № 415. Декабрь. С. 12.

табличку с надписью «Агент Полевого штаба»^I. Разумеется, такой «агентуре» было проблематично внедриться в белые штабы и переиграть офицеров с высшим военным образованием, занимавшихся разведкой и контрразведкой у противника. 43,8% агентов составляли латыши и эстонцы и лишь 12,3% русские. Несмотря на это, попытки организации агентурных сетей в Прибалтике и Польше к началу 1919 г. не удались. Часть сведений из иностранной прессы появлялась раньше в сообщениях телеграфных агентств, чем в агентурных донесениях. Разведка на фронте, особенно на дивизионном и бригадном уровнях, была налажена слабо.

До конца 1919 г. агенты-ходоки оставались основной единицей советской агентуры, некоторые переходили через линию фронта по многу раз^{II}. Но сведения от них были отрывочными и поступали нерегулярно. К множеству трудностей прибавлялась слабая координация действий между штабами, войсками и органами ЧК. Последние нередко препятствовали пропуску агентов во вражеский тыл.

Имелись резиденты и в белом тылу. В частности, весной 1920 г. регистрационное отделение штаба 13-й советской армии создало резидентуру в Севастополе, получавшую ценные сведения из Морского управления белых^{III}. Кроме военной разведки, в тылу противника большевики имели разветвленную сеть местной партийной агентуры, деятельность которой в основном сводилась к осведомлению советского руководства, агитации и мелким диверсиям^{IV}. Помогали красным также многочисленные партизанские отряды, однако вопрос координации их деятельности с советским центром остается открытым.

Разведчики из бывших офицеров порой своими действиями подтверждали недоверие со стороны чекистов и комиссаров, поскольку нередко переходили к белым. В 1919 г. при оставлении красными Украины к белым бежал В.А. Срывагин — бывший руководитель агентурного отделения агентурного отдела Региструпра. Причины, толкнувшие его на побег, неизвестны. Возможно, свою роль сыграли аресты его однокашников, производившиеся в 1919 г. Известно, что подобные действия чекистов вызывали неприятие у военспецов^V. Впоследствии он уехал в Парагвай, где в 1930-е гг. отличился в войне против Боливии^{VI}.

По данным на конец апреля 1919 г., в разведывательном отделении ПШ РВСР «в связи с активными операциями на всех фронтах работы стало больше по количеству и сложнее по содержанию»^{VII}. В июне 1919 г. Региструпр был реорганизован — в нем стало три отдела: сухопутный и морской агентурные и военно-цензурный. В сухопутном агентурном отделе имелись четыре отделения — Северное, Западное, Ближневосточное и Дальневосточное. После С.И. Аралова летом 1919 г. Региструпр возглавил близкий В.И. Ленину партийный деятель С.И. Гусев, не имевший опыта разведывательной работы. Затем началась череда кадровых перестановок.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 192. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 598–611.

^{II} Алексеев М. Как создавалось ГРУ. Военная разведка в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // Секретное досье (Москва). 1998. № 2 (2). С. 42.

^{III} Крестьянников В. В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 218.

^{IV} См., напр.: Героическое подполье: В тылу деникинской армии: Воспоминания. М., 1976.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 218.

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 280–291.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 192.

В общей сложности только в 1919–1921 гг. на посту начальника Региструпра сменились шесть человек. Кадровая чехарда наблюдалась и на нижестоящих должностях заместителей начальника управления и начальников агентурного отдела. Большевицское руководство взяло курс на построение военной разведки не по профессиональному, а по классовому принципу. Постепенно военспецы-генштабисты оказались вытеснены с руководящих постов. Такой подход вел к снижению результативности¹.

В докладе о деятельности Региструпра осенью 1919 г. говорилось об отсутствии должного взаимодействия военной разведки и Особых отделов, причем последние нередко препятствовали работе разведчиков. В частности, было отмечено, что «одной из серьезных причин, объясняющих крупные недостатки в работе разведки, является следующее. Особые отделы, как организация контрразведки, тесно соприкасаются с работой нашей – разведывательной. Тем не менее до сих пор Особые отделы как в центре, так и на местах не только не обслуживали разведку, но тормозили ее работу. Арестовывали и месяцами держали в тюрьмах наших агентов при переходе ими фронта, не обращая внимания на документы, выданные Регистрационным управлением. Нешифрованными телеграммами запрашивали Регистрационное управление, прося подтверждения, что действительно ли такой-то (фамилию, кличку и назначение, очевидно, выпытывали у агента в тюрьме) посылается Регистрационным управлением туда-то, и этим уже проваливали все дело...»²

Помимо Региструпра в ПШ РВСР функционировал разведывательный отдел (затем – разведывательная часть) Оперативного управления, ведавший войсковой и агентурной разведкой, во главе которого стояли военспецы-генштабисты – с 15 августа 1919 г. Б.М. Шапошников, а с конца 1919 г. К.Ю. Берендс.

С января 1920 г. в Региструпре было по новому штату четыре отдела – мобилизационный, оперативный, информационный и хозяйственно-финансовый, позднее добавился общий отдел. К 1921 г. в управлении числились 275 сотрудников. В апреле 1921 г. Региструпр и разведывательная часть Оперативного управления Штаба РККА были объединены в Разведывательное управление (Разведупр) Штаба РККА, которое возглавил большевик А.Я. Зейбот. В 1920 г. советская военная разведка была уже достаточно развитой и сформировавшейся структурой, достигшей определенных успехов. Разведчики анализировали белогвардейскую прессу, изучали положение в Закавказье, Турции, европейских странах. Активно велась радиоразведка, устанавливались позывные белогвардейских радиостанций и перехватывались их сообщения³.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны в руководство военной разведкой пришли новые люди. Помощником начальника Разведупра в мае 1921 г. стал бывший капитан А.И. Кук, внесший большой вклад в создание советской военной разведки в ее полноценном виде. Изменились и задачи военной разведки. Работа в белом тылу уходила на второй план, а приоритетной становилась более

¹ См., напр.: Шинин О. В. Советская военная разведка на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 3. С. 29–35

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 250об.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 581. Л. 139.

трудная, требующая знания иностранных языков, высокой квалификации и интеллектуальных способностей служба за рубежом. Такое направление стало развиваться в 1919 г., а уже на следующий год советская военная разведка действовала практически во всех сопредельных государствах. По данным на 1920 г., агентурные сети военной разведки имелись в 18 государствах, включали 77 резидентур и 51 отдельного агента¹. Заброска агентуры отличалась массовостью в ущерб качеству (например, в Латвию было направлено 700 агентов, в Грузию – 500).

Летом 1920 г. был создан институт военных атташе при советских полномочных представительствах за рубежом, положивший начало широкомасштабному внедрению резидентур советской военной разведки за границей. Для занятия таких должностей требовались знание иностранных языков и лояльность². В июне 1920 г. был составлен список кандидатов на должности военных представителей при иностранных государствах, в который вошли генштабисты. Кандидатами стали А.А. Балтийский, К.Ю. Берендс, В.Н. Гатовский, Ф.Л. Григорьев, А.С. Гришинский, С.И. Данилов, Н.Н. Десино, А.М. Зайончковский, П.И. Измestьев, Д.К. Лебедев, Е.И. Мартынов, Д.Н. Надежный, Н.М. Потапов, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Я.К. Цихович, И.И. Чубаков, В.И. Шишкин³. 3 июня 1920 г. РВСР была утверждена инструкция военным представителям РСФСР за границей, согласно которой сведения надлежало добывать из иностранной литературы, периодической печати, агентурным путем и непосредственным наблюдением⁴.

В том же году советские военные представители были направлены в Грузию, в Армению, а также в прибалтийские государства. В качестве военных атташе использовались бывшие офицеры Генштаба, которые смогли принести большую пользу Советской России. Помощником военного представителя в Армении стал бывший полковник А.А. Бобрищев, а военным агентом в Грузии – бывший генерал-майор П.П. Сытин. Деятельность последнего оказалась чрезвычайно эффективной и выходила далеко за пределы освещения обстановки в самой Грузии. Несмотря на материальные трудности и недостаточный штат сотрудников, советский разведчик развил высочайшую активность, в короткий срок создал собственную агентурную сеть и начал снабжать центр важнейшими данными о положении Грузии и Закавказья, государств Причерноморья, а также белых в Крыму и на Кавказе. Достаточно отметить, что Сытин смог заблаговременно предупредить руководство РККА о подготовке в белом Крыму десанта на Кавказское побережье⁵. В результате десант был встречен частями РККА и разгромлен. Работа Сытина по выявлению связей белых с северокавказским повстанческим движением также вносила важный вклад в дело скорейшей ликвидации антибольшевистских организаций. Данные Сытина о состоянии грузинской и армянской армий, о внутреннем положении закавказских республик, хотя и не всегда точные,

¹ Алексеев М. Как создавалось ГРУ. С. 48.

² РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 782. Л. 361.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 97–97об.

⁴ Север А., Колпакиди А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. С. 124.

⁵ ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 1. Л. 123; Д. 2. Л. 27. Подробнее см.: Ганин А. В. От военпреда товарища Сытина. Советская военная разведка в Грузии о Белом Крыме // Родина. 2014. № 5. С. 132–135; Его же. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. Апрель. С. 207–251.

сыграли свою роль в процессе советизации этих государств в 1920–1921 гг., а прогнозы Сытина о путях развития Закавказья и межнациональных отношениях сохраняют свою актуальность и по сей день.

Существенно меньшую роль генштабисты играли в военной контрразведке, которая уже с конца 1918 – начала 1919 г. оказалась передана ВЧК. 28 ноября 1918 г. II конференцией ЧК было принято решение о создании ЧК при всех фронтах и армиях, что подготовило почву для перехода контрразведки в руки чекистов^I. Тем не менее до этого выпускники старой академии принимали деятельное участие в создании советских контрразведывательных органов.

Своя контрразведка, регистрационная служба Оперативного управления, существовала в ВГШ. Определенное влияние на развитие советской военной контрразведки оказало пребывание в высшем советском военном руководстве на посту военного руководителя ВВС бывшего генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича, известного своей рьяной шпиономанией и германофобией еще с дореволюционных времен. Бонч-Бруевич считался специалистом в области контрразведки, хотя этот ореол не соответствовал его реальной квалификации. Уже в мае 1918 г. он потребовал усиленных мер борьбы с немецким шпионажем и распорядился создать контрразведывательные отделения в войсках завесы, хотя война с немцами была уже закончена. Бонч-Бруевич предлагал немедленно расстреливать шпионов^{II}. Беспокоила Бонч-Бруевича и безопасность самого ВВС. В результате летом 1918 г. наблюдатели регистрационной службы Совета охраняли штаб этого учреждения и выслеживали подозрительных лиц, проходивших поблизости^{III}.

Бонч-Бруевич и поддерживавший его Троцкий выступали за назначения на контрразведывательную работу генштабистов, обладавших опытом службы в органах военного контроля^{IV}. Среди предложений Бонч-Бруевича в сфере организации контрразведки было приглашение на службу его старого знакомого генерала Н.С. Батюшина, находившегося тогда в Казани. Однако Батюшин к красным не пошел и вскоре оказался в антибольшевистском лагере^V.

Контрразведывательные структуры – органы военного контроля – возникли при Наркомате по военным делам, причем в центре эта работа была сосредоточена в руках молодых выпускников ускоренных курсов Военной академии. Разведкой и контрразведкой военного ведомства ведал Оперод Наркомата по военным делам, который возглавлял С.И. Аралов. Контрразведывательное отделение (военный контроль) Оперода, созданное 30 мая 1918 г., возглавил М.Г. Тракман. Военным консультантом при нем стал выпускник ускоренных курсов бывший капитан И.Д. Чинтулов. Консультантом (затем – начальником штаба) Оперода был назначен его однокурсник бывший капитан Г.И. Теодори.

Излагая на следствии по делу «Весна» свою деятельность в этот период, Чинтулов вспоминал: «Мне было поручено в качестве военного консультанта создать военные контрразведывательные органы. Начальником, при котором я был

^I Леонов С. В. Дзержинский — Троцкий: кто кого? // Родина. 2008. № 12. С. 36.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 118об.

^{III} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127. Л. 13.

^{IV} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 29об.

^V РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 88. Л. 173.

консультантом, был Тракман, большевик, доктор, эстонец. О такого рода работе я имел лишь книжные познания и не имел той уверенности в работе, какая нужна была в столь критические времена. Все же работа эта не заслужила порицания и обеспечила довольно стройную систему органов военного контроля на фронтах и их работу инструкциями и указаниями. Велась работа и по организации подрывных партий и посылке их в тыл белых против Колчака, на Украину, на Дон. Служба требовала быть начеку постоянно. По этой службе мне приходилось сталкиваться с т.т. Араловым, [И.А.] Аппетером, Блаунсом, [Э.П.?] Берзиным, [А.В.] Эйдуком, Кедровым, Дзержинским, [Л.М.] Караханом и др. Менее всего виделся с генштабистами, так как моя новая служба многим из них казалась зазорной»¹.

Долгое время полномочия советских спецслужб не были разграничены. Фактически в каждом органе высшего военного управления считалось необходимым обзавестись собственной разведкой и контрразведкой. К этому добавлялись аналогичные устремления ВЧК. В июле 1918 г. Троцким было утверждено «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе». По этому документу военной разведкой руководил ВГШ, а Оперод Наркомата по военным делам должен был выполнять разведывательные поручения коллегии народных комиссаров по военным делам. Контрразведкой руководили ВГШ, ВВС и Оперод. Активная контрразведка сосредотачивалась в регистрационной службе ВГШ, в отделах и отделениях регистрационной службы штабов военных округов и в отделениях регистрационной службы при ВВС, а также при подчиненных последнему штабах участков и районов завесы². Такая сложная схема не могла быть окончательной.

Отделение военного контроля Оперода 24 августа 1918 г. представляло заведующему отделом проект декрета о борьбе со шпионажем. Одним из острых вопросов была возможность доверить контрразведку военспецам. В сопроводительном документе отмечалось: «Представляя при сем проект декрета о борьбе со шпионством, сообщаю, что до проведения этого декрета было бы необходимо издать приказ о реорганизации всех отделений регистрационной службы в том направлении, чтобы во главе отделений стояли партийные товарищи, а при них военные консультанты, в противном случае в руки офицеров Генштаба будет дано такое сильное оружие, как право на обыск и арест»³. Ознакомившись с этой идеей, Теодори не смог удержаться от язвительного комментария: «Старая песня! Не приемлема, ибо избавит специалистов от ответственности; а отсутствие ответственности и самостоятельности всегда вело к параличу работы. Согласен лишь в силу политических условий момента. 27/VIII-[19]18. Теодори»⁴.

Зарождавшиеся органы военного контроля смогли предотвратить ряд заговоров в РККА, в частности, эсеровский заговор в 4-й армии Восточного фронта⁵. Однако подобные успехи были редким явлением, а кадры контрразведчиков на местах оставляли желать лучшего. Например, в военном контроле советского Южного фронта работали кокаинисты, расхитители, мародеры. Начальником

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 70б.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 126. Л. 1, 3–30б.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 202.

⁴ Там же.

⁵ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 379. Л. 170.

военного контроля фронта оказался случайный человек — Е. А. Трифонов, слесарь с низшим техническим образованием, подобравший себе по непонятным принципам более 250 сотрудников¹. Трифонов обвинялся в должностных преступлениях, а следствие по его делу велось в РВСР.

Осенью 1918 г. военная контрразведка была влита в РВСР. Независимость военной контрразведки, нахождение в ее руководстве военспецов на фоне все возмущавших измен бывших офицеров вызывали беспокойство чекистов. В статье «Трудноизлечимая язва» член Президиума ВЧК М. И. Лацис утверждал, что военную контрразведку нельзя доверять военспецам². Выход этого материала вызвал телеграмму С. И. Аралова из ПШ РВСР Л. Д. Троцкому от 18 декабря 1918 г.: «Сегодня в Известиях ЦИК появилась статья “Неизлечимая язва”³ тов. Лациса, открывающая направление работы Реввоенсовета в деле контроля, указывающая фамилию видного работника [Г. И.] Бруно и вносящая необоснованное подозрение к специалистам Генштаба. Последнее без конкретных указаний вносит неприязнь [в] отношениях [на] работе между нашими партийными тов[арищами] и специалистами. Прошу Вашего тов[арищеского] разъяснения редакции газеты и ВЧК о недопустимости подобных статей в прессе»⁴. Впрочем, о генштабистах, вопреки телеграмме Аралова, в статье Лациса не упоминалось.

Назревал вопрос реорганизации. Консультант ПШ РВСР Г. И. Теодори боролся за сохранение контрразведки в военном ведомстве (в составе РВСР), но отстаять свою позицию не смог и в итоге попал под арест. В результате нешуточной борьбы и даже интриг военная контрразведка оказалась подчинена ВЧК, что выразилось в создании Особого отдела ВЧК⁵. В подчинении органов госбезопасности военная контрразведка остается и по сей день.

В связи с борьбой за ведомственную принадлежность Особого отдела 28 декабря 1918 г. консультанты ПШ РВСР Теодори и его однокашник по академии И. Д. Чинтулов отправили телеграмму Троцкому: «Подписанный Вами 26 декабря проект Особого отдела был переделан под давлением Вацетиса и Кедрова Араловым, но ни мне, ни Штейнгордту⁶, ни Чинтулову⁷ не показан. Этот проект целиком противоречит задачам контроля, а с утверждением 23 декабря военной цензуры⁸, подчиненной на местах военному контролю, ныне упраздняемому, создается ряд противоречий. Произошло это потому, что никаких общих комиссий не было. Если Вами доклады и схема работ, сделанных военным контролем, прочитаны и Вы принципиально согласны за сохранение в целом уже проводимой в жизнь военной системы, то просим приостановить телеграфно действие только что утвержденного положения до Вашего приезда и рассмотрения задач контроля

¹ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 78. Л. 35, 100об., 113.

² См., напр.: Лацис [М. И.]. Трудноизлечимая язва (О военконтроле) // Известия ВЦИК. 1918. 18.12. № 277 (541). С. 1.

³ Правильно — «Трудноизлечимая язва».

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 33. Л. 11.

⁵ Подробнее см.: Зданович А. А. Как Л. Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 65–73; № 5. С. 75–82; Его же. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004. С. 121–141.

⁶ Речь идет о в. и. о. начальника отдела военного контроля В. Х. Штейнгардте.

⁷ И. Д. Чинтулов был консультантом отдела военного контроля.

⁸ В документе несогласованно — цензурой.

под Вашим председательством. Обстановка для работы создается невозможная, ибо спутаны все права, все законоположения, все обязанности. После восьми месяцев работа вся вновь свалена. О последующем не откажите уведомить. 28 декабря. № 635. Теодори — Чинтулов¹.

В тот период Теодори и Чинтулов практически каждый день бомбардировали советское руководство (Л.Д. Троцкого, Я.М. Свердлова, С.И. Аралова, И.И. Вацетиса) различными посланиями по этому поводу, однако успеха не добились. Предыстория вопроса связана с разработкой Теодори и Чинтуловым проекта Положения об Особом отделе, по которому он должен был находиться в подчинении РВСР, а не ВЧК. Такое решение вопроса о подчинении военной контрразведки могло бы снизить количество необоснованных арестов и расстрелов военспецов, но вряд ли было приемлемо для большевистского руководства, которое могло лишиться важнейшего рычага контроля над армией. При этом военная элита из бывших офицеров получала возможность покрывать «своих» специалистов. Стоит отметить, что изначально большевики, видимо, не имели четкой стратегии в этом вопросе, однако итоги преобразования оказались чрезвычайно выгодными для укрепления их власти в армии.

Особый отдел (другое первоначальное название — Военный отдел) ВЧК был создан 19 декабря 1918 г. как орган военной разведки (ведал зафронтовой агентурной разведкой) и контрразведки². Его полномочия были очень широкими, включая

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 33. Л. 16.

² Утверждения о том, что Особый отдел ВЧК не имел отношения к военной разведке (Войтиков С. С. Армия и власть: Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016. С. 653), не соответствуют действительности. В период Гражданской войны советские специальные службы находились на этапе своего рождения и становления, поэтому нередко обладали дублирующими функциями. Это касалось и ведения разведывательной работы в 1919–1920 гг. Помимо Регистрационного управления ПШ РВСР как центрального органа военной разведки и разведывательных отделений фронтовых и армейских штабов, разведывательной работой в интересах Красной армии занимались подпольные органы РКП(б), создававшиеся на занятых белыми территориях, и партизанские отряды. Для руководства этой работой были организованы Зафронтовые бюро ЦК РКП(б), а также Зарубежные бюро (Алексеев М. Как создавалось ГРУ. С. 44). Разведывательную деятельность вели и Особые отделы. Первые Положения об Особых отделах фронтов и армий, утверждавшиеся в январе 1919 г. еще не ВЧК, а РВС, включали в предполагаемую структуру новых органов и разведывательные отделы. И хотя эти Положения вскоре были пересмотрены, прежний замысел сохранился. В постановлении ВЦИК об Особых отделах при ВЧК от 21 февраля 1919 г. среди задач Особого отдела ВЧК была указана работа «агентуры за границей и в оккупированных иностранных державами и занятых белогвардейцами областях», кроме того, фронтовые и армейские Особые отделы выполняли все задания РВСР и РВС фронтов и армий (Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сб. док. М., 1958. С. 260). В штатах Особых отделов фронтов и армий была создана так называемая активная часть, а в структуре Особого отдела ВЧК возникли оперативный (активный) отдел и регистрационное отделение. Оперативному отделу Особого отдела ВЧК были подчинены вопросы организации агентурных сетей в тылу противника (Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции: История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011. С. 835, 838). Агенты ВЧК вели масштабную работу в белом тылу, в том числе и диверсионную (этим сюжетам посвящена обширная историография. См., напр.: Солдат революции: военная и политическая деятельность Ф. Э. Дзержинского. М., 1987. С. 54–55; Военные контрразведчики. М., 1979. С. 98; Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М., 2008. С. 279; Кирмель Н. С., Шинин О. В. Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М., 2016. С. 197–198; и др.). Некоторые разведчики Особого отдела ВЧК приобрели легендарную известность. В Сибири успешно действовал сотрудник Особого отдела ВЧК А. И. Анисимов. В Одессе в 1919 г. кратковременно, но эффективно работал сотрудник Особого отдела ВЧК Ж. де Лафар. От председателя Особого отдела М. С. Кедрова он получил задание внедриться во французский штаб, добыть информацию о силах интервентов и установить, какие существуют возможности для прекращения интервенции. Лафар устроился в штаб экспедиционного корпуса Антанты переводчиком и сумел получить ценные сведения (Капчинский О. И. Агент из «Мирографа» // Родина. 2002. № 1. С. 73–75; Кирмель Н. С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013. С. 61–62). К сожалению, в России документация Особых отделов периода Гражданской войны до сих

право на арест и следствие. Реформирование органов военной контрразведки продолжалось с декабря 1918 по февраль 1919 г. Особый отдел пришел на смену прежним органам военного контроля, которые воспринимались чекистами как враждебные¹. Военная разведка и военная цензура были переданы в начале января 1919 г. в ведение Региструпра, однако вопросы засылки агентуры за линию фронта особысты курировали и позднее. Конфронтация Особых отделов, выполнявших функции военной контрразведки и подчиненных при этом ВЧК (хотя и подконтрольных РВСР), с армейскими учреждениями была институционально предопределена². Первым председателем Особого отдела ВЧК был назначен старый большевик, друг В.И. Ленина М.С. Кедров.

Одним из отрицательных последствий перехода контрразведки к чекистам стало приоритетное внимание к проявлениям нелояльности среди военспецов, из-за чего создавалась нездоровая обстановка подозрительности, а борьба со шпионажем страдала. С другой стороны, контрразведчики теперь не были скованы ведомственным корпоративизмом. Стали создаваться Особые отделы на фронтах во главе с большевиками-подпольщиками, обладавшими опытом борьбы со спецслужбами старой России.

Несмотря на противоречия, особысты порой попадали под влияние более образованных и квалифицированных штабных работников. Например, такая ситуация

пор закрыта для исследователей. Однако такие документы вполне доступны в зарубежных архивах. В частности, обширный материал по заброске на территорию Литвы и разведывательной работе сотрудников Особого отдела РВС 15-й армии и Особых отделов дивизий этой армии за начало 1920 г. хранится в Центральном государственном архиве Литвы и доступен для изучения (LCVA. Ф. 378. Оп. 5. Д. 75).

Разведывательные пункты Особого отдела ВЧК были созданы на Кавказе и в Средней Азии. На территорию Персии в 1919 г. забрасывались агенты Особого отдела штаба Закаспийского фронта и Закаспийского бюро военного контроля (*Куприянов А. В.* Разведка в Персии не очень трудна... Компетентные органы Закаспийского фронта на иранской территории в 1919 году // *Родина*. 2012. № 2. С. 96–99).

Свидетельства о разведывательной работе особистов сохранились и в мемуарах современников. Так, бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич вспоминал о своей работе начальником ПШ РВСР летом 1919 г.: «Сведения о противнике должно было дать мне разведывательное отделение; их я и затребовал. Оказалось, однако, что отделение это изъято из ведения штаба и передано в Особый отдел.

Для доклада о противнике ко мне в кабинет явился молодой человек того “чекистского” типа, который уже успел выработаться... На заданные мною дополнительные вопросы о противнике молодой человек не смог ответить, и я не без удивления узнал, что он-то как раз и является начальником разведывательного отделения.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что в старой армии мой посетитель был писарем какого-то тылового управления, военного дела совершенно не знает и о той же разведке имеет самое смутное представление.

Необходимых мне данных о противнике я так и не получил. Пришлось ограничиться теми сведениями, которые добывались войсковой разведкой и излагались в разведывательных сводках, кстати сказать, поступавших с большим запозданием» (*Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 347–348).

В дальнейшем военная и политическая разведка получили различное институциональное оформление. Наличие у Особых отделов разведывательных функций привело к тому, что на заключительном этапе Гражданской войны, весной 1920 г., в целях совершенствования разведывательной работы именно при Особом отделе ВЧК возник Иностраный отдел, а при Особых отделах фронтов, армий и некоторых губерний — иностранные отделения, в компетенции которых оказалось ведение разведывательной работы за рубежом. В результате реорганизации в конце 1920 г. на базе прежнего органа был создан Иностраный отдел ВЧК (позднее — ГПУ—ОГПУ) — орган внешней разведки, широко известный благодаря операциям 1920–1930-х гг.

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 147.

² *Васильев И. И., Зданович А. А.* Анатомия одного конфликта. История о том, как реввоенсовет армии отшел от должности «своего» начальника особого отдела // *Гражданская война в России и на Русском Севере*. Архангельск, 1999. С. 42–43.

произошла во взаимоотношениях профессионального дореволюционного разведчика бывшего генерал-майора А.А. Самойло, командовавшего 6-й отдельной армией на Севере России, и работников Особого отдела армии¹.

Руководство ВЧК при поддержке В.И. Ленина позиционировало своих сотрудников как основных защитников революционных завоеваний, но такой подход наталкивался на неприятие представителей военного ведомства во главе с Л.Д. Троцким². Руководство РККА пыталось подчинить себе Особый отдел ВЧК или хотя бы добиться большей согласованности действий. По решению VIII съезда РКП(б), прошедшего в марте 1919 г., Особые отделы должны были подчиняться помимо ВЧК еще и РВС фронтов и армий, что было одобрено Советом обороны 13 мая 1919 г. (этому предшествовало непростое согласование документа между представителями военного ведомства в лице комиссаров и чекистами с уточнением полномочий и подчиненностей)³. Установилась система двойного подчинения Особых отделов ВЧК и РВС (через одного из членов РВС). Особый отдел ВЧК должен был предоставлять ЦК (И.В. Сталину или Оргбюро) еженедельные доклады⁴. По итогам объединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 2–4 июня 1919 г. члены РВС получили право назначать и смещать с должностей начальников Особых отделов.

Летом 1919 г., в период складывания новой системы и продолжавшейся борьбы за ведомственные полномочия, Особый отдел ВЧК развернул дело ПШ РВСР против руководящих работников РККА из числа «бывших». Это дело могло укрепить позиции особистов перед партийным руководством. Однако по-настоящему повлияло на рост статуса Особого отдела ВЧК еще более громкое дело «Национального центра», по которому были арестованы сотни человек. В дальнейшем качество работы советской военной контрразведки и значение Особых отделов возросло. В мае 1922 г. из Особого отдела был выделен Контрразведывательный, в результате чего особисты лишились своих ключевых функций (лишь в сентябре 1930 г. отделы были вновь объединены).

Роль офицеров Генштаба в создании разведки и контрразведки антибольшевистских сил была значительно выше. На белом Юге руководство этой работой было сосредоточено в управлении генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии и ВСЮР, а также в отделе Генерального штаба Военного управления, которым руководил генерал В.Е. Вязьмитинов. Разведкой и контрразведкой занимались разведывательное и контрразведывательное (позднее – часть) отделения штаба главнокомандующего⁵. Разведывательные и контрразведывательные отделения создавались также при штабах армий.

¹ Иванов А. А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С. 105.

² Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 149.

³ В. И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1975. С. 200; Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 156–158.

⁴ Военные контрразведчики. С. 8.

⁵ О разведке и контрразведке белых см.: Кирмель Н. С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). М., 2007; Его же. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне...; Его же. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013; Его же. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка; Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015; Кирмель Н. С., Шинин О. В. Красные против белых.

Первоначально разведка Добровольческой армии была поставлена слабо. Как отмечал очевидец, «в штабе все велось по старым приемам. Разведка была из рук вон плохая, зачастую питались непроверенными паническими сведениями, которые оказывались вымышленными, но иногда являлись в числе решающих мотивов»^I.

Генерал М.В. Алексеев, создавая Добровольческую армию, делал ставку и на активную подпольную борьбу в центре страны. В письме генералу М.К. Дитерихсу от 8 ноября 1917 г. он отмечал: «Создавая организации в центре, нужно подумать о сосредоточении для них оружия и патр[онов], а то и наличные офиц[еры] в Петрогр[аде], могшие принять участие в обороне Зимн[его] дв[орца], остались без всякого оружия, а в Москве не имели достаточного количества патронов. В результате – гибель лучшего элемента, гибель нерасчетливая и преступная»^{II}.

Квалификация первых белых разведчиков не всегда соответствовала сложности поставленных задач. Специальной оперативно-розыскной подготовки они не имели. Об уровне компетентности белых разведчиков свидетельствуют самокритичные воспоминания одного из руководителей белой разведки полковника С.Н. Ряснянского, прямо писавшего о своей неподготовленности. В первое время постановка разведывательной службы могла вызывать лишь удивление, так как у Ряснянского не было даже отдельного помещения для встреч с секретными агентами и вести переговоры приходилось у всех на виду. Первоначально «задачи агентурной разведки сводились, в общем, к посылке в ближайший тыл большевиков с целью узнать их силы и группировку, двух-трех посылок в Могилев в ставку верхов[ного] большевистского командующего Крыленко для получения сведений о планах его не только на нашем фронте, но и на других фронтах и посылке в Москву и Петроград курьеров для связи с нашими организациями»^{III}. Этот период работы Ряснянского завершился громким провалом и арестом 9 (22) июня 1918 г. в Киеве, где офицер работал представителем Добровольческой армии. Ряснянского захватила с поличным немецкая контрразведка, поскольку прямо на рабочем столе он умудрился оставить разведывательные сводки. Вспоминая об этом эпизоде, белый разведчик признавал собственную никчемность в вопросах конспирации^{IV}. В результате около двух месяцев ему пришлось провести в Лукьяновской тюрьме Киева. Об освобождении Ряснянского генерал А.И. Деникин лично ходатайствовал перед гетманом Украины П.П. Скоропадским^V. Несмотря на провал, после освобождения Ряснянский возглавлял разведывательное отделение штаба главкома Добровольческой армии.

Полковник И.Ф. Патронов вспоминал, что «работа в разведывательном отделении шла по тому же шаблону, как и в штабах армий на фронте Великой войны, но только в более узком масштабе. Посылались агенты в разные города России и выяснялось, какие части и сколько их действует на том или другом большевицком фронте»^{VI}.

^I Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд (1917–1919) // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 632.

^{II} ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 6. Л. 30б.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 10.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 4, 7.

^V Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. С. 391.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 43.

Белые эмиссары регулярно посещали советскую территорию с тайными разведывательными миссиями (наиболее известны Б.И. Казанович¹, Д.А. Лебедев, В.Е. Флуг², В.Д. Хартулари). Практиковался также переезд с одного антибольшевистского фронта на другой через удобно расположенную территорию Советской России. Для организации антибольшевистского подполья и переброски добровольцев на белый Юг командование Добровольческой армии направляло офицеров в Москву, Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын, Астрахань³ и в другие центры.

Важную роль в организации разведки белых, особенно на начальном этапе Гражданской войны, в 1918 г., сыграла сеть так называемых центров Добровольческой армии – фактически представительств белого командования в крупных городах Юга России и Украины. Центры стали создаваться с весны 1918 г. и выполняли множество функций, в том числе занимались пропагандой, организацией снабжения и вербовкой кадров для белых армий Юга России, разведывательной и контрразведывательной деятельностью⁴. Летом 1918 г. территория Украины, Крыма, Северного Кавказа была разделена на районы, подчиненные центрам. Центры возникли в Астрахани, Екатеринославе, Киеве, Кисловодске, Могилеве, Одессе, Саратове, Севастополе, городах Сибири, Симферополе, Таганроге, Тирасполе, Тифлисе, Феодосии, Харькове. Правда, некоторые существовали только на бумаге. К примеру, на октябрь 1918 г. не поступало донесений из Астрахани, Кисловодска, Могилева, Саратова, Сибири. Удовлетворительно работали центры в Крыму и Таганроге. Наиболее результативными были украинские центры в Екатеринославе, Киеве, Одессе, Харькове. Все они, кроме Екатеринославского, считались главными.

Руководителей центров назначал лично генерал М.В. Алексеев. Практически все они были генштабистами. Центры подчинялись одновременно трем инстанциям – военно-политическому отделу Добровольческой армии, осведомительному отделению и штабу армии. Условия работы центров были различными. Если на гетманской Украине они существовали практически открыто, то на советской территории должны были действовать нелегально. Ввиду отсутствия постоянной связи с центрами их ежемесячно должен был объезжать офицер Генштаба из штаба армии. По мере расширения районов Юга России, контролировавшихся белыми, центры, оказывавшиеся на этой территории, расформировывались⁵.

Белая разведка добывала информацию не только в отношении Советской России и Красной армии, но и о национальных государствах. Одним из ключевых

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Сам Савинков вышел на связь... Как деникинский генерал Борис Казанович организовывал белое подполье в Москве // Родина. 2018. № 8. С. 119–122; Его же. 50 офицеров. С. 348–359.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов // Родина. 2007. № 12. С. 41–47; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 153–164; Его же. 50 офицеров. С. 448–463.

³ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 426.

⁴ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 10об.

⁵ Подробнее о центрах см.: Бортневский В. Г. Избранные труды. СПб., 1999. С. 290–293; Кручинин А. С. Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918) // Русский сборник. 2004. Т. 1. С. 200–208; Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне... С. 72–73; Галкуев Р. Г. Охота на охотников. Вербовочные центры Добровольческой армии // Родина. 2008. № 3. С. 33–36; Его же. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 160.

направлений было украинское. Генерал Б. А. Штейфон, руководивший в Гражданскую войну Харьковским центром Добровольческой армии, вспоминал в эмиграции, что «работа центров чрезвычайно ярко отражала психологическое и формальное содержание бурного 1918 года. В добровольческих центрах того периода собиралась, как в фокусе, вся пестрота политических и социальных взаимоотношений, создавшихся на Юге России. Как в причудливом калейдоскопе быстро менявшихся настроений и событий проходили добровольцы и большевики, гетманцы и петлюровцы, германские войска и банды грабителей, цинизм анархии и жертвенное служение Родине.

Работа центров была конспиративной. Этим условием и объясняется то обстоятельство, что о деятельности центров ныне мало осведомлены даже те лица, кои специально изучали историю русской смуты. Больше того: даже лица, принимавшие близкое участие в работах центра, бывали обычно знакомы лишь с тою областью, в какой они непосредственно действовали¹.

Наблюдения велись в отношении как украинских национальных вооруженных формирований, так и украинских советских войск, отслеживались и политические вопросы. В архивах сохранились различные доклады и донесения на этот счет². Белые, в частности, перехватывали беседы в штабе советского Украинского фронта. В донесениях повышенное внимание уделялось генштабистам, их политическим взглядам, отношению к Украине. Киевским центром белых были даже составлены списки таковых, служивших в различных украинских армиях, причем многим давались достаточно точные личные характеристики³. Интересно, что в характеристиках офицеры разделены на сторонников русской ориентации, тех, кто украинизировался, но не принадлежал к самостийникам, на «щирых» (подлинных) и беспринципных, менявших убеждения в зависимости от ситуации или служивших за деньги любым режимам. В списках отмечены факты содействия белым со стороны украинских офицеров (включая как открытую помощь, так и нелегальное сотрудничество). Указаны и противоположные факты преследований, например, за употребление русского языка. При этом компрометирующая некоторых офицеров информация не помешала их последующей службе у белых (например, преследовавший подчиненных за употребление русского языка генерал А. М. Максимов позднее благополучно служил в Донской армии, ВСЮР и Русской армии).

Отдельные центры оказались настолько эффективны, что смогли стать ядром целых частей белых. Именно так случилось в Екатеринославе, где осенью

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 1а; с некоторыми неточностями опубл. в: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник (Москва). 2019. Т. 27. С. 19.

² См., напр.: Ганин А. В. «Петлюровская армия... представляется достаточно боеспособной»: Украина 1919 года глазами деникинских генштабистов // Славяноведение. 2015. № 5. С. 98–115; Его же. «Идея большевизма обгоняет красную украинскую армию»: Донесение белого разведчика о состоянии украинских советских войск. 1919 год // Славянский альманах. М., 2019. Вып. 1–2. С. 484–492; Гражданская война на Украине в документах «Архива Врангеля» (декабрь 1918 г. — декабрь 1919 г.) / публ. Г. Н. Ланского // Исторический вестник. 2021. Т. 37. С. 14–89; Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–60б. Нами подготовлена комментированная публикация этих списков: Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки»: Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. М., 2022. Вып. 3–4. С. 403–429.

1918 г. центром при поддержке местных властей была сформирована Екатеринославская добровольческая дружина, а затем в ее орбиту удалось вовлечь широкий круг сторонников. В расчете на популярность у местных офицеров прежних частей старой армии, в которых они служили, центр способствовал воссозданию в Екатеринославе полков 34-й пехотной дивизии. Были сформированы боевые единицы, которые позднее, наряду с украинскими частями, вошли в состав Добровольческой армии. Одним из итогов работы центра стал переход на сторону белых штаба VIII корпуса гетманской армии во главе с генералом И.М. Васильченко. Сторонники белых в конце 1918 г. организованно покинули Екатеринослав, уйдя в Екатеринославский поход. Эти события имели большое значение для укрепления ВСЮР¹.

Белые пытались вести разведывательную работу и в Закавказье. Так, разведывательную сеть белых в Азербайджане возглавил капитан А.С. Чернышев — выпускник ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии. Чернышев был русским патриотом и разделял имперские взгляды, не воспринимая новые независимые государства Закавказья вне единой России, которая предоставит малым народам широкую автономию². В области разведки офицер являлся дилетантом, впрочем, его оппоненты из азербайджанской контрразведки были подготовлены не лучше.

Основное внимание деникинских разведчиков было привлечено к деятельности большевистского подполья, ориентированного также и на работу в Закаспийской области. Был установлен надзор за председателем местного подпольного комитета большевиков. В этом направлении белая разведка тесно взаимодействовала с англичанами, причем такая деятельность выходила за пределы Азербайджана, охватывала Грузию и Закаспийскую область, где задерживались большевистские курьеры³. Другим важным направлением работы стало изучение деятельности в Баку горцев Северного Кавказа, причем освещалась и непосредственно территория Северного Кавказа. Через одного из представителей азербайджанского военного ведомства удалось установить отношения с Тифлисом. Свою роль в этом играла прежняя корпоративная солидарность офицеров по русской армии. Предпринимались попытки наладить контакт и с грузинским военным атташе в Баку⁴. Велась разработка в отношении англичан. Чернышев анализировал и открытые источники — азербайджанскую печать, материалы парламентских слушаний, выявляя интересовавшие его сведения военно-политического характера. Предпринимались попытки установить контакты с правительственными чиновниками для получения через них важнейших документов. Этому должно было способствовать широко распространенное взяточничество. В частности, Чернышев внедрил своего агента в политическое отделение бакинского сыскного отделения.

Постепенно создававшаяся разведывательная сеть белых оказалась раскрыта из-за провала привлеченной к делу совершенно не компетентной сотрудницы

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Работа Екатеринославского центра особенно выделилась своею успешностью»: История Екатеринославского центра Добровольческой армии 1918–1919 гг. // ЖРВИИ. 2018. № 4 (15). С. 8–47.

² ГААР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2. Л. 31–31об., 96, 139об.

³ Там же. Л. 79об.

⁴ Там же. Л. 81.

(молодая девушка — агент Чернышева пыталась завербовать случайного офицера, причем рассказала ему, что работает на белых). Операцией по раскрытию белой разведсети руководил начальник азербайджанского Генштаба бывший генерал-лейтенант С. А. Сулькевич.

В итоге была провалена работа многих старших офицеров, включая генштабистов. Самого Чернышева арестовали в апреле 1919 г. Нити от Чернышева тянулись к англичанам, в Главный штаб и к высшему руководству Азербайджанской республики¹, в результате началась проверка азербайджанских офицеров и чиновников, замешанных в этом деле².

Дело Чернышева обострило и без того сложные взаимоотношения между ВСЮР и Азербайджаном, ухудшив положение русского офицерства в последнем³. Очевидец зафиксировал летом 1919 г. «преследования русского офицерства, находившегося в Азербайджане или прибывшего туда по каким-либо поводам. Многие русские офицеры сидели по тюрьмам в Баку и в Гандже (Елизаветполе) по обвинению в шпионаже и в службе в добровольческой контрразведке»⁴. Военный министр генерал С.-Б. С.-Б.-оглы Мехмандаров рассказывал представителям Русского национального совета об измене русского офицера, собиравшего сведения в интересах белых⁵. Вероятно, речь шла о Чернышеве. Характерно, что на допросе Чернышев заявил, что не считает себя виновным, так как работал на своей земле, т. е. на территории бывшей Российской империи, тогда как существование независимого Азербайджана никем не признано.

В организации разведки и контрразведки белого Юга участвовала целая плеяда выпускников академии: полковники Т. А. Аметистов, В. Н. Арнольдов, А. М. Бойко, Б. И. Бучинский, В. В. Добрынин, Н. В. Ерарский, В. Ф. Запольский, М. И. Золотарев, В. В. Крейтер, П. Т. Мацнев, М. А. Медведев, В. М. Мельницкий, Р. Д. Мергин, Н. М. Никифоровский, С. Н. Ряснянский, А. В. Стратонов, Д. И. Троицкий, Д. Л. Чайковский, Г. И. Шлидт, К. К. Шмигельский, А. К. Шнеур, Б. А. Штейфон; подполковники В. А. Зимин, В. П. Кадыкин, Н. Ф. Соколовский, Ф. Я. Шорников; капитаны В. К. Модрах, Н. Е. Невядомский, Н. Я. Пуницкий, Б. М. Сессаревский; штабс-капитаны А. И. Борисов, В. С. Дрон, И. Д. Сетраков и др.⁶ В большинстве своем эти офицеры не были профессиональными разведчиками или контрразведчиками.

¹ Стеклов А. Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928. С. 26.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 98–123.

³ В дальнейшем были случаи бесцеремонного обращения с денкикинскими офицерами. Так, например, представитель главнокомандующего ВСЮР полковник М. П. Лазарев 24 июля 1919 г. выехал из Баку, однако на пароходе неизвестный, представившись контрразведчиком, потребовал у Лазарева показать имевшееся при нем письмо. Между тем бумаги Лазарева досмотру не подлежали. Письмо оказалось личным и было возвращено владельцу. Инцидент вызвал возмущение представителей ВСЮР (ГААР. Ф. 2898. Оп. 2. Д. 22. Л. 241–241об.).

⁴ Байков Б. Л. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 177.

⁵ Там же.

⁶ Подробные сведения о занимаемых специалистами Генштаба должностях на белом Юге см. в опубликованных нами списках Генерального штаба Добровольческой армии, Донского казачьего войска, Донской армии, ВСЮР и Русской армии: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 525–529, 535–538, 583–610, 667–670; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 716–747.

Неудивительно, что фронтовая разведка белых работала не слишком успешно, а группировки сил красных могли оставаться неизвестными^I. К примеру, даже тот факт, что одной из двух ударных групп советского Южного фронта командует бывший генерал В.И. Селивачев, стал известен разведке Донской армии лишь 9 (22) августа 1919 г., т.е. в разгар операций, когда с момента назначения Селивачева прошло около трех недель^{II}.

Разведсводка разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР о положении РСФСР в августе 1919 г. содержала абсурдные сведения о военспецзах: «Знающего командного состава у большевиков нет. Несмотря на чудовищные лишения и репрессии, кадровые офицеры или избегают военной службы, или прилагают все усилия не быть в строевых частях. Приставление к ним многочисленных комиссаров, по-видимому, не дало желаемых результатов.

Бегству кадровых офицеров мешает надзор и шпионаж за их семьями. По проверенным данным, в одном Воронеже к шпионству причастны 900 человек, начиная с детей в возрасте 12–13 лет.

Большевики, предвидя подобное положение, организовали командные курсы. В школы допускаются солдаты и подростки, даже малограмотные. Некоторые результаты уже, видимо, достигнуты: красные офицеры появились уже на фронте на младших командных должностях»^{III}.

По данным Особого отдела ВЧК на конец октября 1920 г., разведка Русской армии П.Н. Врангеля носила оперативный и в меньшей степени информационный характер. Охват освещаемых территорий зависел от положения на фронте. Разведку в глубоком тылу красных вели штаб главнокомандующего и штабы корпусов, а также агенты-резиденты, прифронтовую разведку — штабы корпусов и дивизий. Активно использовались агенты-ходоки. Особое внимание уделялось Донской области, где имелись связанные с белым Крымом подпольные организации^{IV}.

Важную роль в осведомлении белого командования играла сохранявшаяся с дореволюционных времен сеть военных агентов за рубежом. Работавшие на белых военные агенты занимались разноплановой деятельностью: собирали и анализировали материалы телеграфных агентств и прессы о Советской России, добывали информацию другими путями, содействовали формированию благоприятного для белых мнения в элитах соответствующих государств, боролись с большевистской агентурой, организовывали снабжение белых армий из-за рубежа. Например, генерал-лейтенант А.В. Геруа, служивший с 1919 г. представителем ВСЮР в Румынии, содействовал переброске на белый Юг солдат и офицеров с других антибольшевистских фронтов, организовывал доставку белым вооружения, военной техники и прочего необходимого имущества. Он смог, по собственному свидетельству, воспрепятствовать снабжению из Румынии войск УНР, наладил разведывательные связи с Россией^V.

^I Трофимов П. М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года / под ред. Р. Г. Гагкуева. М., 2018. С. 37.

^{II} РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Л. 89об.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 25. Л. 78.

^{IV} Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг., кн. 1: Исход. С. 192–195.

^V ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 78. Л. 41–43.

Предпринимались меры по координации работы всех ориентировавшихся на белых военных агентов за рубежом. По соглашению между адмиралом А.В. Колчаком и генералом А.И. Деникиным военные агенты были подчинены начальнику отдела части Генерального штаба ВСЮР^I. Для удобства сношений агенты подчинялись генералам А.В. Геруа и Н.Н. Головину, а также действовали самостоятельно. Военные агенты имелись в Австрии (генерал-майор П.А. Базаров с апреля 1919 г.), Великобритании (генерал-лейтенант Н.С. Ермолов), Германии (полковник А.Ф. Брандт — назначен в апреле 1919 г.^{II}, вступил в должность, по-видимому, летом 1919 г.^{III}), Италии (полковник князь А.М. Волконский), Румынии (генерал-лейтенант А.В. Геруа), Сербии (генерал-майор В.А. Артамонов), Турции (представитель при союзном командовании в Константинополе генерал-майор А.В. Бензенгр — назначен в апреле 1919 г.), Франции (генерал-лейтенант Н.Н. Головин), Швейцарии (генерал-майор С.А. Головань). Все они были выпускниками академии. Месячное содержание агентам было установлено по должности командира бригады с добавочными выплатами семейным в размере 1076 франков плюс суточные по 100 франков (3000 франков в месяц).

С течением времени состав военных агентов менялся, а военные представители появлялись в новых странах. Кроме того, стали допускаться отступления от принципа замещения этой должности генштабистами. Так, на ноябрь 1920 г. военным агентом в Италии значился морской офицер капитан 1-го ранга Д.В. фон Ден, в Бельгии — гвардеец полковник А.К. Прежбяно, а в Японии — артиллерист генерал-майор М.П. Подтягин. Впрочем, это были скорее исключения.

Охват стран, где имелись военные агенты или военные представители белых, существенно расширился. Военными агентами или военными представителями белых к этому времени помимо перечисленных выше являлись: в Болгарии — полковник В.А. Палицын, которого сменил генерал В.Е. Вязьмитинов (военный представитель); в Великобритании — генерал-майор Б.Е. Гартман; в Венгрии — полковник А.А. фон Лампе (военный представитель); в Германии — генерал-майор И.А. Хольмсен; в Дании — генерал-майор С.Н. Потоцкий; в Королевстве сербов, хорватов и словенцев — генерал-майор Д.Н. Потоцкий (родной брат С.Н. Потоцкого); в Польше — генерал-лейтенант П.С. Махров; в Северо-Американских Соединенных Штатах — полковник А.М. Николаев; в Турции — генерал-лейтенант А.С. Лукомский; в Чехословакии — генерал-майор М.Н. Леонтьев; в Швеции — полковник Д.Л. Кандауров^{IV}. В Румынии и Швейцарии военные агенты остались прежними. С приходом к власти на Юге России генерала П.Н. Врангеля в 1920 г. была осуществлена реорганизация сети военных агентов в Европе. Агенты на Балканах были подчинены генералу А.С. Лукомскому, находившемуся в Константинополе, а агенты в других регионах — генералу Е.К. Миллеру в Париже^V. Работа военных агентов в некоторых странах, по-видимому, была не особенно напряженной. К примеру, полковника А.А. фон Лампе поража-

^I HIA. E. K. Miller collection. Box 5.

^{II} HIA. A. A. von Lampe collection. Box 3.

^{III} Минут В. Н. Под большевистским игом. С. 281.

^{IV} HIA. E. K. Miller collection. Box 2.

^V Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 163.

осенью 1920 г., что военный агент в Дании работал только два часа в день, с 11 до 13 часов^I.

У белых на Юге России оказались лучшие дореволюционные специалисты в области контрразведки, в том числе генералы Н.С. Батюшин и К.И. Глобачев. Не все смогли работать по специальности. Нередко такие люди, в том числе именно из-за дореволюционной деятельности, оказывались не у дел или работали не по профилю (например, бывшие генералы В.Н. Клембовский и М.Д. Бонч-Бруевич у красных, генерал Батюшин у белых). За революционные годы жандармы и контрразведчики в обществе оказались дискредитированы. В частности, Батюшин участвовал в фабрикации прогремевшего до революции заказного дела о шпионаже полковника С.Н. Мясоедова^{II}. В результате либерально настроенный главнокомандующий ВСЮР генерал Деникин старался не привлекать таких специалистов на службу. Между тем только они обладали значимым опытом борьбы с революционным подпольем. Кроме того, Батюшина, быть может и без должных оснований, подозревали в интригах против главного командования ВСЮР^{III}. Следование на поводу у общественного мнения не могло принести белым успехов. С другой стороны, и сами профессионалы не всегда стремились заниматься прежним ремеслом. Например, генерал Глобачев вспоминал, что старался избежать службы в белой контрразведке, так как она напоминала ему ЧК^{IV}.

Работа контрразведки осложнялась параллелизмом структур. Помимо ведавшего этим вопросом контрразведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР существовала контрразведывательная часть Особого отделения отдела Генштаба Военного управления, которой с ноября 1918 по август 1919 г. руководил военный юрист капитан А.С. Дмитриев, затем его сменил полковник Р.Д. Мергин. Особое отделение занималось заграничной военно-политической разведкой и контрразведкой, отвечало за связь с военными агентами, контролировало выезд и въезд на территорию ВСЮР через Константинополь, поддерживало связь со штабом адмирала А.В. Колчака в Омске. Помощником начальника Особого отделения, а затем его начальником был полковник П.Г. Архангельский. Помощником начальника контрразведывательного отделения с конца ноября 1919 г. стал полковник А.Т. Гаевский. Контрразведка играла свою роль во внутренней борьбе в белом руководстве. По свидетельству полковника А.А. фон Лампе, П.Г. Архангельский «за спиной Вязьмитинова и Лукомского вел паутину разведок и доносов в пользу Романовского»^V. На то, что контрразведчики намеренно распускают о нем негативные слухи, жаловался в 1920 г. в письме А.И. Деникину генерал П.Н. Врангель^{VI}. Контрразведывательные функции имел и пресловутый ОСВАГ — Осведомительное агентство белого Юга, в котором работало более 10 000 человек,

^I ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

^{II} Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Дело Мясоедова // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83; Его же. Рец. на кн.: У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009 // Русский сборник. 2010. Т. 9. С. 292–335.

^{III} Подробнее см.: Чемакин А. А. «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020.

^{IV} Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 200.

^V ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

^{VI} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 189.

а также ряд других структур^I. Некоторые сотрудники ОСВАГа оказались членами тайной правой организации «Анонимный центр»^{II}. Из генштабистов в эту организацию входил полковник Б. А. Штейфон. Покровительствовали «Анонимному центру» А. М. Драгомиров и А. С. Лукомский (эти генералы находились в родстве, поскольку Лукомский был женат на сестре Драгомирова Софье). Организация имела и других влиятельных сторонников, среди которых были руководители разведки и контрразведки белого Юга, в том числе начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР полковник С. Н. Ряснянский.

Контрразведка белого Юга как единая структура сформировалась сравнительно поздно. Изначально же она была объединена с разведкой. Полковник Ряснянский вспоминал о первых белых контрразведчиках: «С составом к[онтр]р[азведки] Добровольческой армии было работать очень легко в том отношении, что причисленные к ней офицеры, юнкера, а особенно женщины-прапорщики шли без разговоров на любое опасное предприятие, но зато опыта или специальных знаний у них совершенно не было, начиная с их начальника бывшего судебного следователя кап[итана] Капелька... а потому давать сложных задач им было невозможно»^{III}. По причине шпиономании свои контрразведывательные органы в инициативном порядке стали создаваться во многих воинских частях и при территориальных органах управления белого Юга. Разумеется, подобная практика вела к хаосу и произволу, причем беспринципность многих контрразведчиков отмечали сами белые.

Свои органы разведки и контрразведки имели правительства казачьих войск. Нередко такие органы конкурировали между собой. Белой контрразведке хронически не хватало средств на жалованье даже штатных сотрудников, не говоря об агентуре. Подразделения контрразведки в ряде случаев представляли собой структуры полукриминального характера. Так, при официальной ревизии делопроизводства и деятельности контрразведывательного отделения штаба Кавказской армии в августе 1919 г. вскрылась отвратительная картина. Председатель ревизионной комиссии докладывал главнокомандующему ВСЮР А. И. Деникину, что «установлены случаи изнасилования казаками женщин, содержавшихся под стражей в контрразведке... лица, задерживаемые контрразведкой, подвергаются битью плетью... причем этот способ наказания применяется не в виде исключения, а как система или для наказания... или же как способ добыть сознание у арестованного... Для разнообразия предлагают иногда одному задержанному бить другого... в некоторых случаях, как это было с Нестеровой и Поповой, битье плетью полуобнаженных женщин производилось в присутствии многих офицеров... при этом под звуки гармоник... Отбираемое при обысках имущество поступало без описей... в Отделение и здесь или расхищалось казаками... или же раздавалось офицерам Отделения в определенном порядке... иногда же и по жребию»^{IV}. Битье плетью производилось с ведома полковника Б. И. Бучинского. Более 50 человек, попав в руки контрразведчиков, бесследно

^I Бортневский В. Г. Избранные труды. С. 293–294.

^{II} Подробнее см.: Чемакин А. А. «Анонимный центр».

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Л. 10.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–60б.

исчезли. Из доклада следовало и то, что при наличии в контрразведывательном отделении семи агентов для внутреннего наблюдения, филеров для наружного наблюдения не было, разведки не велось, получить справку по какому-либо вопросу было невозможно, а денежная отчетность была настолько примитивной, что не позволяла обнаружить злоупотребления, если бы они имели место. Контрразведчиками не соблюдалась тайна розыска, были даже случаи выдачи пропусков на выезд из Царицына заведомым большевикам.

Это не был исключительный случай. В ноябре 1919 г. генерал-лейтенант А. С. Лукомский приказал арестовать и обыскать начальника екатеринославского контрразведывательного пункта есаула Щербакова и его спутницу артистку Лескову, подозревавшихся в хищении денег и драгоценностей^I. Адъютант начальника одесского контрразведывательного пункта в 1919 г. за 300 000 руб. продал большевикам списки сотрудников, за что был расстрелян, но восполнить нанесенный ущерб репрессиями было невозможно^{II}. О том, что в белую контрразведку поступали на службу даже большевики, занимавшиеся провокациями и устрашением населения в целях дискредитации власти белых, писал осенью 1919 г. в докладе начальнику штаба главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанту И. П. Романовскому полковник В. К. Манакин^{III}. Как отмечал генерал-лейтенант Е. И. Достовалов, «состав контрразведывательных отделений был самый пестрый. В одном он был однороден: на 90 % это были патентованные мерзавцы, садисты, люди легкой наживы с темным прошлым»^{IV}. К примеру, начальник керченского контрразведывательного отделения капитан Стеценко был связан с криминалитетом, истязал арестованных и отбирал у них ценности^V.

Командующий Добровольческой армией генерал П. Н. Врангель писал главнокомандующему ВСЮР генералу А. И. Деникину 9 (22) декабря 1919 г.: «Неудовлетворительная постановка контрразведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков и неудачный подбор сотрудников, все это дало большевистским агитаторам возможность продолжать в тылу армии их разрушительную работу»^{VI}. Врангель требовал упорядочить контрразведывательную работу и объединить ее с уголовным розыском в пределах армии. В другом письме от 15 (28) февраля 1920 г. Врангель обвинял Деникина в организации слежки за собой при помощи контрразведки^{VII}. Таким образом, контрразведка оказалась важным инструментом политической борьбы на белом Юге. По данным на август 1920 г., многие офицеры, находившиеся за рубежом или при иностранных миссиях, работали на иностранные спецслужбы и продавали иностранцам сведения о состоянии белых армий^{VIII}.

^I РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 44. Л. 67.

^{II} Устинов С. М. Записки начальника контрразведки. Белград, 1922. С. 132.

^{III} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 63. Л. 2.

^{IV} Достовалов Е. И. О белых и белом терроре // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 668.

^V ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 364. Л. 306.

^{VI} HIA. Vrangeli collection. Box 162. Folder 28.

^{VII} Ibid.

^{VIII} В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сб. док. и мат. М., 2008. С. 76.

Белая контрразведка была слабо осведомлена о руководящем составе советской разведки. Так, например, когда на сторону белых летом 1919 г. перебежал руководитель советской нелегальной военной агентуры бывший капитан В.А. Срывагин, выяснилось, что в контрразведывательном отделении штаба Добровольческой армии о нем не имелось никаких сведений^I. Были ли такие материалы в контрразведывательном отделении штаба главнокомандующего ВСЮР, неизвестно. В итоге Срывагин представил себя белым едва ли не как жертву большевистского режима, скрыв реальные данные о своей активной службе в РККА, в том числе на ответственных постах, связанных с военной разведкой. По его показаниям, он служил вынужденно, на третьестепенных должностях или в резерве, болел или саботировал.

Тем не менее белые собирали данные о военспецзах, содействовавших красным. Составлялись списки таких лиц с характеристиками. Впрочем, данные не отличались точностью. Приведем сведения, касающиеся выпускников академии. Так, в списке № 1 лиц, содействующих большевикам в их борьбе с контрреволюцией, был указан некий А.Н. Буров: «Штабс-капитан, слушатель Николаевской военной академии. Сведения о нем даны тремя его товарищами по квартире. Явный провокатор и осведомитель Совета народных комиссаров. Умный, решительный, деятельный, весьма опасный. Получил 1000 рублей для передачи на Дон, но денег не передал. Товарищи (трое) в октябре 1917 года сообщили академической организации, что Буров получал деньги от Троцкого. Буров должен был ехать на Дон, но отказался. Вел усиленную слежку в академии за конфиденциальными заседаниями комитетов слушателей. Несколько раз уличен в подслушивании за дверьми аудитории старшего класса, где обсуждались текущие события. Уехал в Екатеринбург»^{II}. По-видимому, речь шла о курсовике А.А. Бурове, который на самом деле не только не был приверженцем большевиков, но, наоборот, состоял в белом подполье.

Сохранились и другие характеристики. Например, о Ф.М. Бредше: «Слушатель Николаевской военной академии. Сочувствует большевикам. Провокатор и агент Совета солдатских и рабочих депутатов. Хотя Николаевская военная академия эвакуирована 18 марта с.г. в Екатеринбург, Бредш^{III} остался в Петрограде и 24 марта с.г. был в штабе генерала [А.В. фон] Шварца. Работал совместно со слушателем Академии Генерального штаба [Е.П.] Шпигелем^{IV}». Вполне возможно, авторы характеристик попросту сводили личные счеты. Так, о генерале В.Ф. Новицком было указано: «Вел слежку среди профессуры Николаевской военной академии»^V. Однако такая оценка действий бывшего генерала в годы Гражданской войны выглядит сомнительно.

Белая разведка пыталась воспользоваться любыми возможностями для осведомления. В частности, при отправке группы офицеров для связи с петлюровцами весной 1920 г., по свидетельству капитана А.И. Батрука, с ним беседовал

^I ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 474. Л. 3.

^{II} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 14. Л. 3об.

^{III} В документе ошибочно — Бредий.

^{IV} В документе ошибочно — Шнигелем.

^V РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 14. Л. 3об.—4.

^{VI} Там же. Л. 10.

2-й генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего ВСЮР полковник П.Е. Дорман и взял расписку о негласном осведомлении белого командования о петлюровских войсках¹. Впрочем, до реальной организации осведомления дело не дошло.

Белые вели сбор сведений о Красной армии. Так, 18 ноября (1 декабря) 1918 г. (впрочем, на титульном листе также был указан и 1919 год издания) в Екатеринодаре была издана брошюра «Красная армия в России. Книга первая» (35 страниц и 9 схем)². Издание выходило под грифом «Не подлежит оглашению», экземпляры были нумерованными и содержали сведения об РККА к 1 (14) ноября 1918 г. Выпуск осуществило Особое отделение части Генерального штаба военно-морского отдела Добровольческой армии. Отделением руководил тогда полковник В.В. Крейтер, заведовал агентурой капитан К.К. Шмигельский. Издание открывал раздел об организации центрального военного управления в Советской России. Приводились сведения о военных округах, составе пехотной дивизии (хотя в РККА такие дивизии именовались стрелковыми). Далее излагались вопросы комплектования армии, указывались данные о персональном составе высшего военного руководства. Затем освещались вопросы подготовки командного состава, снабжения армии. Информация о командующих фронтами была достоверной, тогда как на уровне командующих армиями начиналась путаница. Особенно подробными были сведения об авиации, причем и в этой брошюре, и в ее продолжении. Возможно, эти сведения были получены от перебежчиков либо белые имели агентуру в Красном военно-воздушном флоте. Завершалось издание материалами о флоте, приказом по ВГШ № 18 от 27 июня 1918 г. о переводе в Генштаб выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии, списком кандидатов на командные должности и схемами. Схемы отражали устройство центрального военного управления, Наркомата по военным делам, Военно-законодательного совета, ВГШ, Центрального управления по снабжению армии, местного военного управления, окружных, губернских, уездных и волостных комиссариатов по военным делам. Белой разведке не удалось собрать исчерпывающих данных о противнике. Многие сведения были устаревшими и относились еще к весне или лету 1918 г. Характерно, что не имелось точных данных даже о высших советских деятелях. Например, об И.В. Сталине (Джугашвили) в брошюре говорилось: «Джерашвили — старый партийный работник, образован, фанатик, необыкновенно энергичен»³.

20 декабря 1918 г. в Екатеринодаре было издано «Добавление № 1» к книге «Красная армия в России». Утверждалось, что данные были дополнены по 5 декабря 1918 г.⁴ Сведения из «Добавления» порой также были неточными. В частности, отмечалось, что в РККА нумерация армий идет с Северного фронта, где якобы действуют 1-я и 2-я армии⁵, что не соответствовало действительности. Наряду с этим публиковались и достоверные данные. Белая разведка зафиксировала переезд ставки советского главкома И.И. Вацетиса из Арзамаса в Серпухов. В брошюре давались сведения о новых формированиях, передислокации войск, боевые

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 537 (616). Л. 44.

² ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 477.

³ Красная армия в России. Екатеринодар, 1919. Кн. 1: По данным к 1-му ноября 1918 г. С. 1.

⁴ Добавление № 1 к книге «Красная армия в России». Екатеринодар, 1918 (также см.: ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 461).

⁵ Добавление № 1 к книге «Красная армия в России». С. 1.

расписания, характеризовалось состояние Красной армии, включая настроения. В то же время безосновательно утверждалось, что «несмотря на все меры Троцкого, дисциплины в полном смысле этого слова в Красной армии — нет»^I.

Позднее вышло «Добавление № 2 к книге «Красная армия в России»» (21 страница без таблиц), изданное в Екатеринодаре 20 января 1919 г. Особым отделением части Генерального штаба военно-морского отдела при главкоме ВСЮР по данным к 10 января 1919 г.^{II} Брошюру составили заведующий агентурой капитан К.К. Шмигельский, помощник начальника Особого отделения по разведывательной части полковник П.Г. Архангельский и начальник Особого отделения полковник В.В. Крейтер.

Издание открывалось сведениями с фронтов. На этот раз нумерация советских армий давалась правильная. В ряде случаев приводились детальные сведения, очевидно непосредственно из документов РККА. Впрочем, на Восточном фронте красных помимо номерных армий было отмечено присутствие некой армии ВЧК (в брошюре — ЧВК)^{III}. Далее указывались подробные данные о красных, действовавших против Юго-Западной армии под командованием А.И. Дутова^{IV}. В то же время сведения о РККА на Южном и Западном фронтах практически отсутствовали.

В вопросе настроения населения издание носило агитационный характер. Отмечалось, что «настроение [крестьянской] массы тупо озлобленное»^V. Утверждалось, что из-за десятимиллиардного налога повсеместно происходили восстания, причем давалась раскладка чрезвычайного революционного налога на крестьян по губерниям. Авторы указывали на тяжелое положение офицерства и на то, что за бежавшего офицера отвечала его семья^{VI}. Белая разведка считала, что в РККА не хватало оружия, красноармейцы не хотели идти на фронт, а латыши якобы разбегались. Поступали к белым и отдельные сведения о командном составе. Так, было зафиксировано, что помощником главкома И.И. Вацетиса стал бывший генерал Ф.В. Костяев^{VII}. Особенно много данных приводилось об артиллерии. Белая разведка отмечала, что снабжение РККА средствами связи налаживается^{VIII}. В целом, сведения из брошюры были разрозненными, не систематизированными и весьма отрывочными. Об одних частях приводились данные даже по количеству повозок и походных кухонь, а на соседней странице содержались ошибки в отношении армий и фронтов. Завершалось издание списками предназначаемых на должности, таблицей новых формирований.

Также известна 24-страничная брошюра «Советская Россия (краткий очерк)», составленная разведывательным отделением штаба главнокомандующего ВСЮР по данным к 15 апреля 1919 г. Автором был начальник отделения полковник С.Н. Ряснянский^{IX}. Издание содержало трактовку истории Советской России

^I Там же. С. 3.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 476.

^{III} Там же. Л. 2.

^{IV} Там же. Л. 2об.—3.

^V Там же. Л. 3об.

^{VI} Там же. Л. 4.

^{VII} Там же.

^{VIII} Там же. Л. 6.

^{IX} ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 475.

в понимании белого разведчика. Утверждалось, что 25 октября 1917 г. власть была захвачена небольшой группой лиц, которой «Россия сознательно приносилась в жертву» борьбе за мировую революцию^I. Далее речь шла о Красной армии. Справедливо отмечалось, что в Советской России была создана новая регулярная армия, комплектовавшаяся по призыву. По данным на декабрь 1918 г. белая разведка оценивала численность РККА в 800 000 человек и предположительно к марту 1919 г. численность должна была достигнуть миллиона человек^{II}.

Теперь оказывалось, что «дисциплина в армии введена жестокая, во много раз превосходящая “старый режим”». Обычной мерой воздействия является расстрел... Вообще же, по отзывам всех прибывающих из Совдепии, армия по своему типу весьма походит на старую, дореволюционную»^{III}.

Подробно излагалось, кто такие комиссары, особое внимание уделялось описанию деятельности карательных отрядов. Составители брошюры касались крестьянских настроений и восстаний, положения рабочих и интеллигенции. Отдельно отмечалось жестокое отношение к офицерам: «Можно смело утверждать, что ни один класс общества не перенес столько страданий в период большевистской революции, как офицерство»^{IV}. При этом авторы брошюры свидетельствовали, что с лета 1918 г. отношение к офицерам изменилось, их стали привлекать в Красную армию, начали создаваться и кадры «красных офицеров». По мнению составителей, краскомы отлично подходили на должности взводных командиров по типу подпрапорщиков старой армии, которых на военном жаргоне именовали «пуля», однако на более ответственные посты краскомы якобы не годились^V. Тогда большевики стали привлекать и бывших офицеров, но, по мысли составителей брошюры, 95 % из них – враги советской власти^{VI}. Затем следовали разделы про церковь, экономику, промышленность и финансы. Разумеется, все данные доказывали безнадёжность этих отраслей в Советской России.

Далее следовал разбор боевых действий РККА на разных фронтах, причем отмечались успехи красных на Украине, а также локальные успехи на Западном фронте и на Дону. Заканчивалось издание на оптимистической для белых ноте утверждением, что идеи коммунизма органически чужды русской жизни и что в Советской России растёт недоверие к большевикам^{VII}.

Любопытно, что белая разведка позаимствовала схемы организации РККА из вышедшей несколько ранее украинской брошюры аналогичного содержания. Тем не менее многие материалы были далеки от действительности. Недостоверны были сведения даже об армейском звене военного управления (нумерация армий, командующие) и о высшем большевистском руководстве. Главной же проблемой являлась очевидная недооценка противника как в вопросах военного строительства, так и шире – в вопросах государственного устройства и мобилизации всех имевшихся ресурсов для достижения победы над белыми.

^I Там же. Л. 3.

^{II} Там же. Л. 4об.

^{III} Там же.

^{IV} Там же. Л. 8об.

^V Там же. Л. 9.

^{VI} Там же.

^{VII} Там же. Л. 13об.

С приходом к власти на белом Юге генерала Врангеля началась реорганизация органов разведки и контрразведки. Некоторые специалисты оценивали изменения критически. Например, полковник А.А. фон Лампе отметил в своем дневнике: «Уничтожили 2-го генкварма, создали обер-квартирмейстера Генерального штаба. А в результате борьба с зелеными или вернее разведка о них вышла из рук наштаглава и висит в воздухе»¹. Контрразведка Ставки была передана в ведение начальника Военного управления, объединена с органами политического и уголовного розыска, в результате чего возникла особая часть. В июне в белом Крыму был создан Особый отдел при штабе главнокомандующего.

Южный фронт белых был ближе других антибольшевистских фронтов к центру Советской России. В сравнении с Востоком, Севером и Северо-Западом России здесь была наиболее развита инфраструктура, что благотворно сказывалось на организации разведки. Тем не менее даже к концу истории белого Юга о масштабности постановки разведывательной работы говорить не приходилось. Так, по официальному отчету о состоянии агентуры разведывательного отделения Ставки к 14 (27) октября 1920 г., за месяц за рубеж были отправлены 13 агентов, 2 работали в прифронтовой полосе и 3 – на внутреннем фронте².

На Восточном фронте белых, где оказалось меньше кадров Генерального штаба, чем на Юге, постановка разведывательной работы была слабее. С колчаковским фронтом было связано намного меньше высокопоставленных белых агентов в Красной армии, чем с фронтом Деникина. Разведывательной работой руководили выпускники ускоренных курсов Военной академии, которых в отличие от окончивших академию в мирное время здесь оказалось сравнительно много. Разведывательный отдел управления 2-го генерал-квартирмейстера Ставки до 12 июля 1919 г. возглавлял подполковник Н.А. Киселев, 7 сентября 1919 г. начальником отдела был назначен подполковник Г.И. Овчинников, фронтовой разведкой ведал капитан Ф.М. Бредш, а стратегической – полковник Н.О. Масыгин. Он же был начальником разведывательного отделения осведомительного отдела Главного штаба, делопроизводителями – капитаны В.Н. Отрыганьев и И.М. Самодуров³. Помощником начальника разведывательного отделения Ставки в 1918–1919 гг. являлся поручик М.Т. Евстратов, впоследствии перешедший на ту же должность в штаб Оренбургской армии. Делопроизводителями отделения были капитан М.В. Никульцев и штабс-капитан Д.Г. Атабеков. Все они были выпускниками ускоренных курсов Военной академии, что свидетельствовало о нехватке более опытных генштабистов. На местах существовала та же проблема.

Распространенным способом ведения разведки была засылка на советскую территорию агентов-ходоков. В этом была своя сложность, поскольку интеллигентный облик такого агента-ходока сразу же вызывал серьезные подозрения и мог привести к трагическим последствиям. Впрочем, по показаниям пленных колчаковских генштабистов, курировавших вопросы разведки, основная масса агентов представляла собой полуинтеллигентов. Как отмечал бывший офицер по разведке штаба Волжской дивизии есаул А.П. Колесников, в дивизии агентуры не было,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.

² НИА. Р. А. Koussonsky collection. Box 8.

³ Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне... С. 183.

попытки организации ее не удавались из-за постоянного движения фронта, пропускали только агентов штаба армии, в период стояния на реке Белой их прошло несколько партий, «преимущественно башкиры и разные полуинтеллигентные типы, интеллигент[ных] очень мало»^I. В последние два месяца перед пленением офицера агентура штаба армии не проходила через участок дивизии вовсе. Агентура работала от реки Белой до Волги. Много сведений давали возвращавшиеся из Германии и Австрии военнопленные, получали информацию и из советских газет. Вывод Колесникова, однако, был неутешителен для белых: «На основании агентурных данных в армейских сводках можно судить, что агентура белых не была на должной высоте. Дивизионная разведка уделяла мало внимания своей работе, и я, будучи обер-оф[исером] по разведке, больше привлекался для занятий по оперативной части в своем штадиве»^{II}.

Колесникову вторил полковник М. Е. Шохов – бывший старший адъютант разведывательного отделения штаба 3-й армии белых. По его свидетельству, в качестве агентуры использовали беженцев, женщин и 3–4 офицеров, в основном же агентами были все те же полуинтеллигентные типы. За год штабом армии было отправлено только 25 агентов, из которых вернулись 2 или 3, доставив малозначимые сведения. При этом агентам платили по 5–10 тыс. руб. в месяц. Готовили агентов за одну-две недели, занимаясь с ними по 1–2 часа в день по организации РККА, расположению частей, приемам добычи данных. Вербовали агентов инструктора, основываясь на справке из милиции. Изучения агентов не проводилось. Таким образом, к агентуре подходили как к расходному материалу, который не представлял большой ценности. Шохов отмечал: «Я как нач[альник] отд[еления] сознавал, что импровизировать агентурную разведку в процессе Гражданской войны, при постоянно меняющихся фронтах, – бесполезно и ожидать хороших результатов не приходилось»^{III}.

Войсковая разведка была не на высоте. Например, от Отдельной Оренбургской армии сведений о красных было получить практически невозможно. Начальник штаба соседней Западной армии генерал-майор С. А. Щепихин был в ярости и на один из документов наложил резолюцию: «Переговорите со Ставкой, чтобы надавили на Оренбургскую армию в смысле разведки (особенно тайной). Недопустимо, чтобы при столь широком и быстром наступлении не было сведений, кто и куда отходит, какие силы там»^{IV}. Из-за отсутствия этих данных белые не знали, куда направлять свои силы. Щепихин пояснял: «Сведения эти необходимы мне, чтобы решить вопрос, обеспечен ли наш левый фланг при наступлении на линию Оренбург – Бузулук или же мы именно должны идти на него. Если не 6[-м] корпусом (что теперь с очевидностью отпадает), то Беловым»; но здесь важно решить, как направлять Белова: 1) кулаком на Оренбург, 2) кулаком на Бузулук или же 3) ввиду невыясненности держать этот кулак между этими направлениями. Только при получении ответа от Оренбургской армии мы будем вынуждены двигать

^I РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1094. Л. 96.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 97.

^{IV} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 126.

^V Имеется в виду Южная группа войск Западной армии под командованием генерал-майора П. А. Белова.

Белова третьим способом. Признаюсь, весьма невыгодным, ибо кулак сзади опоздает наверно на оба пути. Двигать же его решительно на Бузулук при неизвестности на Оренбургском фронте — можно получить удар в левый бок¹. В итоге так и случилось — колчаковцы не смогли упредить контрудар Южной группы Восточного фронта красных.

По свидетельству одного из признанных авторитетов в области разведки того времени генерал-майора П. Ф. Рябикова, «громадную пользу в деле разведки приносили переходящие от красных старые офицеры, иногда даже уже состоявшие в тайных белых организациях. Но, к сожалению, по отношению к ним, как в частях, так и в некоторых штабах, проявлялось обидное недоверие, иногда даже оскорбления и издевательства, что не служило импульсом к таковым переходам; все такие офицеры обыкновенно подвергались судебному расследованию, тянувшемуся очень долго, изматывавшему этих исстрадавшихся людей, подвергавшихся громадному риску для создания себе возможности сдачи в плен или тайного перехода²». Стоит отметить, что в 1919 г. Рябиков защитил диссертацию и опубликовал в Томске свое исследование «Разведывательная служба в мирное и военное время» (как диссертация, так и книга были засекречены, но книга рассылалась по штабам), считающееся этапной работой в области осмысления теории и практики отечественных спецслужб. В дальнейшем Рябиков занимал пост 2-го генерал-квартирмейстера Ставки Колчака и был одним из руководителей колчаковской разведки.

Как вспоминал генерал М. А. Иностранцев, Рябиков «произвел... впечатление человека, всецело поглощенного порученным ему делом, которое он к тому же прекрасно знал. Он непрерывно принимал доклады подчиненных, много писал сам, но и в части, ему порученной, от меня не ускользнуло общее вообще всему штабу главнокомандующего стремление придать всему делу неестественно большой, сравнительно с силой Сибирской армии, масштаб организации и работы. Такой аппарат был впору для разведывательной части русской армии во время Великой войны, а отнюдь не для Гражданской войны с малыми силами и своеобразным способом ведения военных действий³».

С февраля 1919 г. при управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего (позднее — при управлении 2-го генерал-квартирмейстера) существовал отдел контрразведки и военного контроля. При штабах армий работали контрразведывательные отделения, при штабах неотдельных корпусов и в крупных центрах прифронтовой полосы — контрразведывательные пункты. Органами контрразведки тыла ведала контрразведывательная часть Главного штаба.

Кадры колчаковских разведчиков оставляли желать лучшего. По свидетельству начальника штаба 2-й армии белых генерала С. А. Щепихина, старший адъютант разведывательного отделения штаба армии капитан М. Н. Плеткин, окончивший ускоренные курсы Военной академии в Томске, «случайно попал на высокую и ответственную должность старшего адъютанта разведывательного отделения.

¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 69. Л. 126.

² ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 12об.

³ Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 794.

Курс академии он проходил при новых условиях гражданской войны, т.е. уровень его подготовки не был высок. Так он относился и к своей работе: ничего не знал не только о противнике, но и о делах в самом штабе. Его доклады всегда по форме стереотипны – все обстоит благополучно... Учить его и ему подобных я, к сожалению, не имел ни времени, ни охоты... Это был “пассажир” в прямом значении этого слова»¹.

Агентами иностранных государств нередко становились противники большевиков, даже из среды русских офицеров-патриотов. Так, например, с японской разведкой сотрудничал бывший полковник Н.П. Корзун, занимавший пост начальника военно-топографического отдела штаба Иркутского военного округа².

Белая контрразведка на Востоке России возникла из контрразведывательных структур подпольных антибольшевистских организаций, существовавших здесь до свержения советской власти. В целом единой системы органов военной контрразведки на Востоке России вплоть до февраля 1919 г. создано не было. Лишь в феврале – марте 1919 г. отделения военного контроля были созданы при штабах армий, корпусов и военных округов. 18 апреля 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего утвердил «Временное положение о контрразведывательной и военно-контрольной службе на театре военных действий». Организационное оформление структур военной контрразведки завершилось к маю 1919 г. Работой контрразведки первоначально руководил начальник Главного штаба через контрразведывательную часть осведомительного отдела, а затем 2-й генерал-квартирмейстер Ставки и впоследствии начальник военно-административного управления Восточного фронта.

Работа белой контрразведки на Востоке России получала диаметрально противоположные оценки. Многие считали эту службу средоточием всего негативно-го, что только было у белых. Так, например, колчаковский военный министр генерал-лейтенант А.П. Будберг отмечал, что «Наиболее роскошно развились такие паразитные, а при отсутствии строгого надзора, гнусные учреждения, как контрразведка и разные осведомления, создавшие громоздкие, дорогие и вредные для чистоты нашего дела организации. У них нет даже того умения и той профессиональной добросовестности, которыми отличались наши старые охранные учреждения и их штатные агенты; зато все скверные стороны прежнего восприняты полностью.

Настоящей контрразведки и истинной борьбы с агентами большевизма у нас нет; все делается напоказ, чтобы удовлетворить начальство, проявить деятельность и оправдать расходы, достигающие чудовищных размеров; в Омске у меня не проходило недели, чтобы от меня не требовали десятки миллионов рублей на расходы по контрразведке (расходы бесконтрольные, поверяемые и утверждаемые ближайшим начальством, что и дает простор всевозможным злоупотреблениям, и требует особо опытного и тщательного надзора со стороны старших органов).

¹ Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход белых армий в 1919–20 гг. // НИА. С. А. Shchepikhin collection; Его же. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М., 2020. С. 140.

² Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 2: 1917–1933 годы. С. 38. В этом издании Корзун ошибочно назван Корзиным.

Реформировать и упорядочить деятельность этих полупочтенных учреждений будет нелегко и реформатору надо будет проявить исключительную энергию; отрицательные элементы этой клики легко не сдадут своих вкусных позиций, а они достаточно сильны во влиятельных верхах и сумели сделаться там очень нужными»¹.

Встречались, однако, и положительные отзывы. Так, например, командующий 3-й армией белого Восточного фронта генерал-лейтенант К. В. Сахаров вспоминал об организации контрразведки 3-й армии: «Более образцовой службы мне не случилось встречать. На это тяжелое дело шли к нам, именно сюда, лучшие люди, честные, неутомимые и храбрые; среди них большинство были с высшим университетским образованием. Поэтому здесь не было места тем ненормальностям и злоупотреблениям, какими иной раз грешили другие контрразведки... Но зато не было ни малейшей поблажки и спуска разрушителям русской государственности. Не покладая рук, зачастую рискуя своей жизнью, чины армейской контрразведки открывали каждую противоправительственную партию, заговор, вылавливали большевицких агитаторов и всех сродственных им, уничтожая социалистическую заразу в корне. Оттого-то и не заводилось эсеровское предательство в районе моей армии»².

Колчаковская контрразведка работала достаточно активно. В частности, контрразведчики Южного Урала вели агентурную работу в тылу красных, осуществляли радиоперехват³. Аналогичную работу проводили соответствующие подразделения и в других прифронтовых районах. Контрразведка следила за оппозиционно настроенными представителями командного состава. Например, на Дальнем Востоке под наблюдением находился генерал-лейтенант В. Г. Болдырев. Информация о его деятельности поступала к генералу Сахарову.

Гвардейский ротмистр Л. Н. Канабеев стал заведующим регистрационным бюро контрразведывательной части Главного штаба. В 1919 г. он окончил ускоренные академические курсы 4-й очереди в Томске. Руководил военно-цензурным отделением штаба главнокомандующего Западным фронтом в Челябинске и был начальником Осведомительного бюро Ставки Колчака⁴. За год из гвардейских ротмистров он дослужился до полковника.

Иногда контрразведывательной работой занимались бывшие жандармы. Так, начальником Тобольского губернского управления государственной охраны был полковник В. П. Григорович – в прошлом жандарм, ранее отчисленный из Николаевской академии Генерального штаба⁵.

В отношении произвола белая контрразведка Востока России не уступала южной. По свидетельству начальника уфимского контрразведывательного пункта белых, обучавшегося на ускоренных курсах Военной академии К. А. Звиргзда, «Уфа была взята 13 марта. Начались аресты большевиков. В этом направлении работали не только контрразвед[ывательные] органы штабов корпусов (3^й и 6^й), но, короче говоря, каждый офицер считал себя вправе произвести обыск и арестовать

¹ Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 342.

² Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 138–139.

³ ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 23. Л. 443об.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 360–367.

⁵ Кирмель Н. С., Хандорин В. Г. Карающий меч адмирала Колчака. С. 115.

любого гражданина, даже по анонимному доносу. Аресты и обыски приняли стихийный характер. Тюрма быстро наполнилась арестованными¹.

Контрразведка играла определенную роль и во внутренней борьбе различных группировок офицерства на Востоке России. Кроме того, возможности контрразведки использовались как средство личного обогащения ее руководства. Так, например, агенты полковника Н.И. Белоцерковского, руководившего военным контролем в Екатеринбурге, «врывались по ночам в богатые квартиры и под видом обыска [просто-]напросто грабили (пример: обыск в кв[артире] Шихова, оптовщик драгоценными камнями). Но для того, чтобы создавать большевистские дела, преждевременно выбирались свои жертвы, составлялся обвинительный акт, показания будущих арестантов, потом арестовывались и под ударами нагайками и [после] всяких пыток заставляли подписывать подготовленные заранее показания.

Из таких дел были преданы огласке: дело Трупп, Варгасов и Ковалев, есаула Иванова и Шихова»².

Разведывательные и контрразведывательные структуры белых армий на Севере и Северо-Западе России носили более локальный характер по сравнению с контрразведкой крупнейших белых фронтов – Южного и Восточного. Здесь, как и на других антибольшевистских фронтах, руководящую роль играли генштабисты. Так, разведывательное отделение на Севере России возглавлял капитан А.П. фон Энден. Спецслужбы Севера России находились в подчиненном положении и во многом зависели от интервентов. Однако кадры разведчиков даже в союзных штабах могли быть смешанными. Так, например, находившийся в Екатеринбурге выпускник ускоренных курсов Военной академии офицер польского происхождения М.М. Войткевич был командирован на Север (видимо, как союзный польский офицер), где по приказу генерала Ф.К. Пуля поступил на службу в разведывательное отделение штаба главнокомандующего союзных войск, действующих на русском фронте. Проработав там некоторое время и получив шифровки от французского и американского посольств, Войткевич возвратился в Екатеринбург и привез эти важные для союзников документы³.

Свои разведывательные и контрразведывательные структуры существовали и в национальных армиях. На Украине весной 1918 г. в структуре Генштаба был создан разведывательный подотдел во главе с подполковником В.В. Колосовским, а подотдел зарубежной связи возглавил генерал А.А. Березовский⁴, курировавший работы военных атташе. Разведывательные структуры в качестве отдела под руководством Колосовского с 11 апреля 1918 г. вошли в состав управления 1-го генерал-квартирмейстера Генерального штаба. Интересно, что в период австро-германской оккупации на Украине велась агентурная разработка начальника Генштаба подполковника А.В. Сливинского⁵.

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 353. Л. 73об. Аналогичная ситуация, когда отдельные офицеры считали себя вправе выполнять работу контрразведчиков, сложилась на белом Юге, в Одессе (Устинов С. М. Записки начальника контрразведки. С. 129).

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 121. Л. 4.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 257.

⁴ Сідак В. С. Національні спецслужби в період української революції 1917–1921 рр. (невідомі сторінки історії). Київ, 1998. С. 62.

⁵ Там же. С. 68. Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 601–617.

Разведка Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского внимательно наблюдала за состоянием Красной армии. И хотя 12 июня 1918 г. между Украиной и РСФСР было заключено перемирие, вооруженный конфликт не исключался. К тому же в воевавшей практически по всему периметру своей территории Советской России создавалась по-настоящему мощная вооруженная сила. Это обстоятельство не могло не тревожить пока еще не находившихся в состоянии войны с РСФСР соседей. В рамках сбора и систематизации соответствующих сведений в сентябре 1918 г. разведывательный отдел украинского ГУГШ в типографии Генерального штаба издал брошюру «Красная армия в России»¹. Брошюра имела гриф «Не подлежит оглашению». Разрешение на ее публикацию 14 сентября дал начальник украинского Генштаба подполковник А.В. Сливинский, распорядившийся распространить издание среди старших начальников и офицеров Генерального штаба. Текст на украинском языке в книге имелся только на обложке. Все содержание приводилось по-русски, что, на наш взгляд, связано с языковыми особенностями занимавшихся этой работой бывших офицеров русской армии, которые в основном не владели украинским языком. Официально такой подход объяснялся необходимостью сохранения терминологии и стиля оригинальных материалов. Книга получила нумерацию первой и содержала сведения за апрель — июнь 1918 г.

Издание состояло из введения и шести частей. Во введении излагалась история возникновения РККА, рассматривались вопросы судьбы старой армии и военного имущества, освещались дискуссии по поводу организации армии, института военных комиссаров и выборных армейских комитетов. Первая часть касалась военного управления и содержала главы о центральном и местном военном управлении в Советской России. Вторая часть содержала главы об устройстве армии и составе дивизий, а также о составе армии и расписании армии. Часть третья затрагивала комплектование армии, в том числе солдатами и командным составом, а также вопрос подготовки командных кадров. В четвертой части рассматривались вопросы снабжения армии, в том числе обеспечение обмундированием и довольствием. В пятой части были отражены вопросы дисциплины. Часть шестая освещала подготовку армии, включая сведения об уставах, занятиях и военной литературе (составители были осведомлены о существовании журнала «Военное дело» и военно-научной работе в Советской России). В целом история раннего периода существования РККА излагалась верно. Затрагивались такие аспекты, как судьба старой армии и ее военного имущества. Издание завершалось схемами, текстом красноармейской присяги, образцами учетных и кандидатских карточек, анкетой поступающего в академию Генерального штаба, списками, картами и другой документацией.

Вторая брошюра была издана в Киеве в 1918 г. на русском языке под названием «Рабоче-крестьянская Красная армия Социалистической Федеративной Советской России». Издание именовалось книгой 2-й и, видимо, продолжало предыдущее по данным к 1 декабря 1918 г. Вновь приводились сведения о военном управлении (центральном и местном), самостоятельная часть была

¹ Червона армія в Росії. Київ, 1918. Кн. 1: За час квітень — травень — червень 1918 р. Нарис.

посвящена всеобщему военному обучению, освещались вопросы устройства, состава армии, ее численности, комплектования (солдатами, командным составом, лошадьми), снабжения армии, дисциплины, военного судопроизводства, подготовки армии, культурно-просветительской деятельности в войсках, вопрос взглядов правительства на армию. Особое внимание уделялось тем силам РККА, которые были сосредоточены у границ Украины (давалась подробная схема). Приведенные сведения были в целом верными, хотя и содержали отдельные неточности (например, была перепутана нумерация армий). Очевидно, составители располагали значительным объемом информации о вооруженных силах Советской России.

Ряд генштабистов, пошедших на службу Украине, являлись военными агентами в зарубежных странах. Так, чрезвычайную миссию в Скандинавии возглавлял генерал-майор Б.П. Баженов, военным агентом в Швейцарии был генерал-майор Л.А. Дроздовский, военным агентом в Австрии – генерал-хорунжий В.И. Левицкий, военным агентом в Румынии – генерал-хорунжий К.Х. Середин¹.

Разведывательный отдел Генерального штаба в 1918 г. возглавлял войсковой старшина В.В. Колосовский. Разведывательная работа штаба Действующей армии УНР в 1919 г. была организована слабо². Соответствующим отделом штаба армии руководил полковник П.И. Липко. В конце 1918 г. этот офицер принимал активное участие в борьбе с Директорией УНР, за что был арестован. Тем не менее это не помешало ему на следующий год оказаться на столь ответственном посту руководителя украинской военной разведки. Разведывательным управлением ГУГШ в 1920 г. руководил подполковник А.Ф. Кузьминский. В организации разведывательной службы на Украине принимали участие и другие выпускники старой академии – в частности, подполковники А.А. Матвиенко и Б.Е. Снигирев. Будучи по протекции 1-го генерал-квартирмейстера Генштаба УНР Е.В. Мешковского в начале мая 1920 г. назначен начальником отдела заграничной связи ГУГШ, Снигирев настраивал руководство Генштаба против контрразведки, добивался освобождения арестованных в Виннице за сотрудничество с Особым отделом 12-й красной армии, а в разведывательное управление устраивались лица, подозревавшиеся в работе на большевиков. В результате вмешательства Снигирева был освобожден один из советских агентов³.

В период Гражданской войны территория бывшей Российской империи стала полем битвы разведывательных служб многих мировых держав. Наиболее активную роль сыграла британская разведка, но в России работали и разведчики из других стран, прежде всего участниц антисоветской интервенции. Генштабисты сотрудничали с иностранными спецслужбами. В Советской России, как уже отмечалось, такое сотрудничество существовало в 1918 г. до начала полномасштабной интервенции Антанты. Тесно взаимодействовали со спецслужбами союзников белые подпольщики и белое командование. Отдельные выпускники академии становились агентами иностранных спецслужб. В частности, известно, что японская

¹ Сідак В. С. Національні спецслужби... С. 110.

² Україна. 1919 рік. М. Капустянський «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році». Є. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Док. та мат. Київ, 2004. С. 89.

³ Сідак В. С. Національні спецслужби... С. 178–179.

разведка в 1919 г. завербовала колчаковских офицеров — полковника К.К. Акинтьевского и подполковника Александра В. Иванова-Дивова^I.

Одной из баз для ведения антибольшевистской разведки стала Финляндия^{II}, тем более что Советская Россия для Финляндии являлась главным противником^{III}. В руководство финской разведки пришли антироссийски настроенные активисты, прежде работавшие в разведывательных службах Германии периода Первой мировой. Финны занимались организацией диверсий на Мурманской железной дороге и в ряде важных центров Севера и Северо-Запада (Архангельск, Кемь, Мурманск, Петроград). После краха надежд финских активистов на потерпевшую поражение в войне Германию они переключились на взаимодействие с другими государствами. В частности, финская разведка работала против Советской России с территории Эстонии. Финны и в 1919 г. не оставляли надежд захватить Петроград и создать в его районе финскую область Ингерманландию (характерно, что потенциальный захват города белыми шел вразрез с этими планами, что и сказалось на отсутствии поддержки финнов войскам генералов А.П. Родзянко и Н.Н. Юденича). В интересах «военной партии» было разжигание конфронтации с Советской Россией, что и выполняли террористы и разведчики, засылавшиеся на территорию России. Показательно, что приказ об организации актов саботажа на востоке подписал генерал А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг, бывший русский генштабист, возглавивший финский Генштаб^{IV}.

Финские террористы из ингерманландцев-эмигрантов организовали в Петрограде даже свою штаб-квартиру. Невзирая на потенциально колоссальные жертвы гражданского населения, они планировали ночные взрывы электростанции, двух водопроводных станций и ряда предприятий, поджоги наиболее важных зданий в погружившемся во мрак городе. 30 марта 1919 г. в «колыбели революции» прогремели взрывы, не причинившие, однако, серьезного ущерба, но, наоборот, приведшие к усилению мер безопасности и контроля со стороны властей. Одним из руководителей и организаторов разведывательных операций и диверсий был финский активист Э. Хайкелль. Финны участвовали и в организации саботажа на Балтийском флоте. В частности, британские торпедные катера, атаковавшие Кронштадт летом 1919 г., базировались в Терийоки (ныне — Зеленогорск). По этой линии финны взаимодействовали с британской разведкой, в частности, с агентом П. Дюксом. Финляндию не устраивал сильный русский Балтийский флот, причем уничтожить его, потопив корабли, планировалось в результате заигрываний с белыми и красными (до захвата Петрограда топить «красные» корабли планировали с помощью белогвардейцев и их сторонников, а после топить «белые» корабли с помощью сторонников большевиков)^V.

^I Зорихин А. Г. Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922. М., 2023. С. 177.

^{II} Подробнее см.: Майнио А. Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // Русский сборник. 2013. Т. 13. С. 121–144.

^{III} Подробнее см.: Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004.

^{IV} Майнио А. Подрывная деятельность в Советской России. С. 129.

^V Там же. С. 141.

Итоги борьбы спецслужб в период Гражданской войны оказались неутешительными для всех сторон. Спецслужбы красных и белых находились на стадии своего зарождения, профессионализм их сотрудников был невелик. Работа спецслужб была сопряжена с техническими трудностями: мало было собрать информацию, требовалось донести ее в сжатые сроки до центров принятия решений, а организация эффективных каналов связи через линию фронта представляла трудную задачу.

В отношении разведывательной деятельности огромное преимущество было у белых, разведчики которых обладали высоким образовательным цензом и должностным статусом и, что особенно важно, полностью соответствовали критериям назначения на руководящие посты в РККА. В то же время ни один советский агент, не будучи кадровым офицером старой армии в достаточно высоких чинах, не мог рассчитывать на карьеру в белом лагере. Но белым такая асимметрия не помогла.

В наибольшей степени критериям профессиональных разведчиков и контрразведчиков соответствовали бывшие офицеры Генерального штаба, однако в красном лагере они оказались отстранены от разведывательной и контрразведывательной работы в пользу более лояльных с точки зрения большевиков людей. Кадры профессиональных разведчиков разбазаривались и уничтожались. В результате пострадал профессионализм.

Работа белой контрразведки, несмотря на ряд успешных операций, осложнялась общим разложением и хаосом белого тыла. Разложение затронуло и контрразведчиков, нередко воспринимавших свои особые полномочия как средство личного обогащения или злоупотребления властью.

Белая разведка испытывала серьезные кадровые, финансовые, организационные проблемы, но основная проблема лежала в иной плоскости — речь шла о фатальной недооценке противника. Белая разведка вплоть до конца Гражданской войны регулярно предвещала скорый крах большевистского режима, рассуждала о его нежизнеспособности. Однако свою нежизнеспособность продемонстрировали сами белые режимы. Белогвардейские разведчики на всем протяжении Гражданской войны не видели в большевистском лагере ничего, кроме пресловутого «красного террора», не замечали эволюции советской системы, ее административного и карательного аппарата. Разумеется, нельзя говорить о том, что советская разведка или контрразведка переиграла белую. Каждая из сторон имела свои успехи и провалы, однако определяющую роль в победе большевиков сыграли отсутствие у них шаблонности, новизна мышления, способность и готовность учиться, в том числе на собственных ошибках, воспринимать и перерабатывать новые идеи. Закостеневшие в традиционализме белые оказались на это неспособны.

§ 2. Генштабисты в антибольшевистском подполье

«Никто не может быть опаснее офицера, с которого сорвали погоны», — говорил коммунист Карл Радек¹. Опыт российской Гражданской войны подтвердил правоту

¹ Плутник А. Как Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 287.

этих слов. Многие офицеры, претерпев в 1917–1918 гг. невиданные прежде унижения, мечтали о реванше. Соответственно, как в рядах Красной армии, так и в Советской России в целом не могли не возникнуть разнообразные подпольные антибольшевистские организации, в которых участвовали и генштабисты.

Один из офицеров отмечал, что «в январе 1918 года в России существовало множество контрреволюционных организаций, возглавляемых гражданскими и, в основном, военными лицами. По крайней мере десять офицеров из моего бывшего полка, живших в Москве, состояли в этих тайных организациях... Несмотря на всю конспирацию, большинство подобных организаций действовали крайне непрофессионально. Кроме того, в их рядах были предатели и шпионы... во всех этих тайных организациях витал дух романтики. Они могли существовать лишь до той поры, пока у большевиков не была налажена служба тайной разведки»^I. Бывший генерал А.М. Сиверс (негенштабист) также критически отозвался об офицерском подполье в дневниковой записи конца августа 1918 г.: «Я бы понял саботирование, но все эти контрреволюционные заговоры ни к чему. Пользы не принесут, а лишь губят людей. Я поражаюсь отсутствию здравого смысла у большинства офицеров. Борьба – почтенная вещь, когда идешь на нее во имя идеи, но тогда нужно умение выполнить, умение хранить в строжайшей тайне.

Наше офицерство оказалось неумным и преступно болтливым»^{II}.

Генштабисты работали в подпольных организациях, вероятно, с самого начала Гражданской войны. Еще 30 января 1918 г. в письме Б.В. Савинкова генералу М.В. Алексееву о подготовке антибольшевистского переворота в Петрограде отмечалось, что в руководящий орган петроградской подпольной организации должен войти офицер Генерального штаба, назначенный Донским гражданским советом под председательством Алексеева^{III}.

В феврале 1918 г. выдающимся контрразведчиком, бывшим следователем по особо важным делам при штабе Западного фронта В.Г. Орловым в Петрограде по предложению представителей французской армии капитанов Ш. Фо-Па Биде и Э. Вакье и представителей английской армии кадета В. Ватсона и лейтенанта Э. Бойса^{IV} с согласия генерала М.В. Алексеева по плану, одобренному бывшим главнокомандующим Кавказской армией генералом Н.Н. Юденичем, находившимся тогда в Петрограде, было организовано тайное разведывательное бюро в составе 80 сотрудников. Некоторые члены организации проникли в большевистские учреждения. Организация вела сбор важной информации в интересах генерала Алексеева и союзников. В марте 1918 г. организация внедрилась в штаб военного руководителя Петроградского района генерал-лейтенанта А.В. фон Шварца (негенштабиста). Штаб Шварца был связан с союзниками, в том числе с британским дипломатом Р.Б. Локкартом. Организация была раскрыта большевиками, а генерал Шварц бежал из Советской России^V. В своем рапорте белому коман-

^I Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. С. 241–242.

^{II} Сиверс А. М. Дневник. 1916–1919 / сост. А. Б. Гулярян. М., 2019. С. 424.

^{III} ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 68. Л. 2об.

^{IV} Выражаю благодарность историку британских спецслужб в России периода 1914–1922 гг. Ю. Х. Тотрову за уточнения.

^V ГА РФ. Ф. Р-3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.

дованию Орлов отмечал: «Как только выяснилось, что задуманная цель создания белогвардейских частей в центре большевизма провалилась, большинство чинов штаба во главе с ген. [К.И.] Рыльским ушло, а затем, дабы не претерпеть судьбы расстрелянного [А.М.] Щас[т]ного, ушел и сам ген. Шварц, а один из его ближайших помощников Генерального штаба полковник Борис Петрович Поляков был арестован Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и ему как помощнику ген. Шварца было предъявлено прямое обвинение в измене Советской республике, выразившейся в формировании белогвардейских частей и в сношении с союзниками.

На место генерала Шварца был назначен генерал Парский, являвшийся типичным деятелем красноармейского типа¹. Добавим, что в конце ноября 1918 г. английской разведке удалось нелегально переправить генерала Н.Н. Юденича с супругой, адъютантом и еще одним офицером через границу в Финляндию². В результате генерал смог в дальнейшем возглавить Белое движение на Северо-Западе России.

Мощную подпольную организацию «Союз защиты Родины и Свободы» создал Б.В. Савинков, выдававший себя за представителя Добровольческой армии. Политически организация была ориентирована на эсеровскую партию, но в ее состав входили антибольшевистски настроенные офицеры, не обязательно разделявшие партийные установки, в том числе монархисты. Командующим силами организации был генерал-лейтенант В.В. Рычков. Начальником штаба военного подполья стал монархист³ полковник А.П. Перхуров, командированный в Москву в марте 1918 г. одним из вождей Белого движения на Юге России генералом Л.Г. Корниловым⁴. Перхуров считал, что в случае восстания в Москве сможет вывести на улицы 300–400 вооруженных подпольщиков⁵. Вскоре организация попала в поле зрения ВЧК. В конце мая – начале июня чекисты провели масштабные аресты подпольщиков, арестовав до ста человек, что привело к ликвидации московской организации. Однако руководящий состав аресты не затронули, поэтому «Союз» смог продолжить работу.

После московских арестов члены «Союза» сосредоточили усилия на подготовке восстаний в городах Верхней Волги – Ярославле, Рыбинске, Костроме, а также в Муроме, где располагались структуры ВВС. Позднее Савинков утверждал, что согласно выработанному в июне плану «союзники, высадившись в Архангельске, могли бы без труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москве. Кроме Рыбинска и Ярославля, предполагалось также завладеть Муромом (Владимирской губ.), где была большевистская ставка, и, если возможно, Владимиром на востоке от Москвы и Калугой на юге. Предполагалось также выступить и в Казани. Таким образом, нанеся удар в Москве, предполагалось окружить столицу восставшими городами и, пользуясь поддержкой союзников

¹ Там же. Л. 2об.

² BAR. N. N. Iudenich collection. Box 23. Подробнее см.: Тотров Ю. Х. Английская разведка в России. М.: СПб., 2023. С. 236–237, 255.

³ См., напр., оценку Б. В. Савинкова: Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 // Минувшее. Исторический альманах. М.: СПб., 1993. С. 107.

⁴ И. А. Ильин: pro et contra. СПб., 2004. С. 106; Клементьев В. Ф. В большевической Москве (1918–1920). М., 1998. С. 17.

⁵ Клементьев В. Ф. В большевической Москве. С. 163.

на севере и чехословаков, взявших только что Самару, на Волге, поставить большевиков в затруднительное в военном смысле положение»^I. Впрочем, стратегический смысл такой географии восстаний (закрепление на Верхней Волге в ожидании высадки союзников в Архангельске, поддержка антибольшевистского фронта в Поволжье, концентрическое наступление на Москву) остается предметом споров и предположений^{II}.

Подпольщикам удалось в 1918 г. поднять восстания в Муроме (8–10 июля), Рыбинске (8 июля) и Ярославле (6–21 июля). Последнее, организованное лично Перхуровым, оказалось наиболее крупным, заговорщики не только захватили город, но и удерживали его на протяжении двух с лишним недель. Восстания в других местах были предотвращены.

Десант союзников высадился в Архангельске не через четыре дня после начала Ярославского восстания, как Савинков сообщал Перхурову^{III}, а лишь 2 августа, причем Вологду союзники так и не заняли. Весь план провалился. Интересно, что в Ярославле руководители восстания действовали от имени генерала Алексеева^{IV}.

Наряду с другими офицерами, в организации состоял выпускник ускоренных курсов 2-й очереди бывший штабс-капитан А.К. Македонский, служивший в РККА. Македонский фигурировал в датированном 27 мая 1918 г. списке № 6 ВГШ среди других бывших офицеров Генерального штаба, желавших получить назначения в новой армии^V. В качестве предпочтительных мест службы отмечено: «Желает получить назначение на должность по Генеральному штабу в Казани, Москве или в одном из приволжских городов»^{VI}. Эти пункты соответствовали намеченным подпольщиками центрам их организации. Пожелание Македонского было удовлетворено. С 22 июня 1918 г. он занимал должность делопроизводителя оперативного отдела штаба Ярославского военного округа. Дата его назначения позволяет предположить, что в штаб округа он был внедрен специально. Однако Македонский «с момента белогвардейского мятежа в гор[оде] Ярославле (6 июля 1918 года) на службу не являлся и исключен из списков штаба как неизвестно где находящийся»^{VII}. По делам подполья Македонский ездил в Кострому, после чего уехал из Москвы на белый Юг. В августе он был зачислен в Добровольческую армию^{VIII}. В дальнейшем служил во ВСЮР и в Русской армии. У белых Македонский дослужился до полковника. По мнению комиссара Ярославского военного округа В.П. Аркадьева, «чины штаба округа перешли на сторону белогвардейцев и из всего штаба остался только один служащий Веденеев. Из этого видно, что работа как всего штаба Ярославского военного округа, так, в частности, и работа разведки совершенно остановились»^{IX}.

^I Савинков Б. В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 32.

^{II} Подробнее см.: Кручинин А. С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения-V: Мат-лы науч. конф., посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром, 2003. С. 283–286.

^{III} Бройде С. и М. Ярославский мятеж. По запискам генерала Перхурова. М., 1930. С. 25; Перхуров А. П. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 13.

^{IV} Ярославское восстание. 1918 / сост. Е. А. Ермолин, В. Н. Козляков. М., 2007. С. 28–29, 33.

^V Подробнее об этих списках см. главу II.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 65; Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 9.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 105.

^{VIII} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 194.

Белый разведчик А.А. Борман (негенштабист) вспоминал о подполье в 1918 г.: «Какие тогда были возможности! Чека еще не оплела всю Россию своей сетью и действовала ощупью, работать было не только возможно, но даже не очень трудно. Чекисты были заняты, главным образом, ловлей невинных людей, а лица, стремившиеся работать против большевиков, разъезжали в комиссарских вагонах, сидели на видных местах в комиссариатах и в красных штабах. Однако не сумели сделать того, что хотели. Чего-то не хватало. Недоставало центрального штаба действия. Было слишком много мудрствования и обсуждений. Все примеряли и прикидывали, а когда собирались резать, то наступал какой-то паралич рук»¹. Это свидетельство справедливо и в отношении генштабистов в белом подполье.

В подпольной организации правых эсеров состоял бывший полковник А.А. Ткаченко. В карточке арестованного в апреле 1919 г. он написал, что «в феврале 1918 г. вступил в организацию партии правых с[оциалистов]-р[еволюционеро]в. Цель ее: охрана порядка в Москве в случае падения власти большевиков. В июле [19]18 г. организация распалась, в окт[ябре] 19[18] г. была совершенно ликвидирована.

Активных действий отнюдь не предполагалось.

Сам я никакой активной деятельности не вел.

С окт[ября] 19[18] г. ни в каких конспиративных организациях не участвовал»².

В другом документе в МПКК Ткаченко более подробно обрисовал суть работы организации: «Организация сформирована в феврале 1918 г. Цель ее — преемство власти. В февр[але] 1918 г. господство партии большевиков предполагалось непродолжительным (это совпало как раз с началом немецкого наступления вслед за заключением Брестского договора). Ввиду того, что междувластие всегда сопровождается анархией, для предупреждения ее и решено было подготовить организацию, которая и приняла бы на себя поддержание порядка. Активных действий отнюдь не предполагалось, и все инструкции партии предупреждали о необходимости самого строгого воздержания от всяких выступлений. Эта организация в действительности и не была замешана в каких-либо выступлениях. К июлю прошлого года эта организация распалась, а в октябре того же года была совершенно ликвидирована.

Меня выдал арестованный здесь же бывший генерал В.И. Соколов. Сношения с ним у меня были таковы: он знал о существовании право [э]с[е]р[ов]ской организации и, вслед за ее ликвидацией, предложил мне передать оставшихся от организации людей в его ведение. Я не мог это выполнить, так как непосредственных сношений ни с одной группой организации не имел. Сно[ша]вшиеся с группами лицо в то время было арестовано.

Тот же Соколов предлагал мне вступить в его организацию, на что с моей стороны последовал категорический отказ. По существу дела я никакой активной роли в организации не играл, партии с[оциалистов]-р[еволюционеро]в, собственно, нужно было мое имя, как начальника революционного штаба в Москве в Февральскую революцию 1917 г. С октября прошлого года, т.е. уже более полугода, я никакого отношения ни к каким политическим партиям и явным и тайным организациям не имел»³.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 81. Л. 39–40.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 257. Л. 102об.

³ Там же. Л. 104–104об.

Особую роль в разведывательной работе белых сыграли их крупные агенты в руководстве РККА. Эти агенты действовали как в составе организаций, так и индивидуально. Одним из таких агентов являлся бывший подполковник Ф.Е. Махин, состоявший с 1917 г. в партии эсеров¹ и возглавивший штаб военной организации партии. В 1918 г. Махин по приказу ЦК партии поступил на службу в Красную армию². Как вспоминал Г.И. Семенов (Васильев), некоторое время возглавлявший в партии социалистов-революционеров красноармейский отдел, «мы сосредотачивали особое внимание на работе в красноармейских частях: на вливании в формирующиеся части возможно большого количества наших людей, подборе нашего командного состава для этих частей и создании наших ячеек»³. Член ЦК партии эсеров Е.М. Тимофеев на процессе правых эсеров заявил, что подрывная работа эсеров в РККА началась после подписания Брестского мира: «С помощью [под]полковника Махина мы разваливали Красную армию и на фронте по Волге создавали свою военную силу. Дальше мы этот фронт приняли и преступную работу в Красной армии прекратили»⁴. Другой член ЦК той же партии, М.А. Веденяпин, писал, что благодаря участию в работе Махина «как человека с законченным военным образованием и богатым опытом войны, военной секции удалось наметить план правильной организационной работы и создать необходимые центры, связанные с партией, при некоторых большевистских военных учреждениях. Это обстоятельство позволяло быть в курсе военно-организационных и оперативных предположений самозванных вершителей судеб России»⁵.

Оказавшись в рядах РККА, Махин вскоре достиг высоких постов – стал начальником Уфимского полевого штаба и командующим 2-й армией. Во многом в результате измены и дезорганизующих распоряжений Махина в начале июля 1918 г. красным пришлось оставить Уфу. За неделю пребывания на своем ответственном посту Махин сумел изменить оперативный план штаба и захватил важные документы. При подходе чехословацких войск к Уфе Махин выехал из города со своим адъютантом навстречу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику С. Чечеку, фактически сдал ему город⁶ и передал чехам захваченные документы. Уже через день после его перехода на станции Миньяр в 110 км к востоку от Уфы произошло соединение челябинской (полковник С.Н. Войцеховский) и самаро-златоустовской (полковник С. Чечек)

¹ По другим данным, с 1906 г. (Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь — август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сб. док. М., 2002. С. 895).

² Лебедев В. И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 21; Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923. С. 53.

³ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922. С. 15.

⁴ Правозероковский политический процесс в Москве 8 июня — 4 августа 1922 г.: Стенограммы судебных заседаний. М., 2011. Т. 1–2. С. 579.

⁵ Веденяпин М. А. От члена Центрального комитета партии социалистов-революционеров // Земля и Воля (Самара). 1918. 11.07. № 76. С. 3; Его же. К возрождению России (роль партии социалистов-революционеров) // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 21.07. № 11. С. 2.

⁶ Чечек С. От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе Участников Волжского Движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 264.

групп чехословаков, в результате чего от большевиков была практически полностью освобождена огромная территория от Волги до Тихого океана. Вскоре Махин возглавил части Народной армии Хвалынского района и постановлением Комуча был произведен в полковники^I.

В начале июня 1918 г. Махин добивался перевода в Приволжский или Приуральский военные округа^{II} – на территории, где позднее были развернуты вооруженные силы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Просьбы Махина о подобном переводе не случайны: еще весной 1918 г. социалисты-революционеры приняли решение о переводе своих организаций в Поволжье и на Урал^{III}. Судя по всему, Махин руководствовался именно этим решением ЦК^{IV}. Не исключено, что аналогичные просьбы В.О. Каппеля о переводе в штабы Приуральского, Приволжского или Ярославского военных округов^V также были обусловлены связями этого генштабиста с антибольшевистским подпольем. Уже летом 1918 г. центры этих военных округов, прежде всего Самара и Ярославль, стали очагами сопротивления большевикам.

С организацией Савинкова был связан еще один крупный белый агент в Красной армии – генерал-майор А.Л. Носович^{VI}. В мае 1918 г. по распоряжению руководства «Союза защиты Родины и Свободы» (Носович также упоминал штаб московского отдела Добровольческой армии) и содействовавшей последнему французской военной миссии генерала Ж.Ф.А.М.Г. Лаверня Носович поступил на службу в РККА, где был назначен начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Белый агент являлся старым сослуживцем военного руководителя округа бывшего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева. Это знакомство пригодились при назначении.

Работа белого агента на руководящем посту стала возможной из-за неразберихи начального периода создания советских вооруженных сил, отсутствия в армии лояльных большевикам квалифицированных командных кадров. Носович сумел внедрить во вверенный ему штаб группу сотрудников, связанных с белым подпольем. В период с мая по сентябрь 1918 г. Носович и его помощники вели подрывную работу в пользу белых^{VII}. Подпольщики разжигали конфликты в советском руководстве, стремились вызвать беспорядки в войсках. По некоторым направлениям, например в сфере обороны от немцев, интересы подпольщиков,

^I РГВА. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 1. Л. 51об.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 68об.

^{III} Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 368–369; Каревский А. А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г.: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2001. С. 11.

^{IV} Подробнее о Махине см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 27–332; Его же. Свой межу туђима и туђ межу својима. Судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд, 2021.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 96. Л. 63.

^{VI} Подробнее о нем см.: Носович А. Л. Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи / под ред. А. В. Ганина. М.: СПб., 2021; Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 547–643; Его же. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М., 2022.

^{VII} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 544. Л. 108–122.

французской миссии и большевиков в какой-то степени совпадали. Кроме того, Носович старался оказать поддержку Донской и Добровольческой армиям.

С прибытием в Царицын чрезвычайного комиссара И.В. Сталина деятельность белых подпольщиков оказалась на грани провала. Сталин не смог разоблачить Носовича как белого подпольщика, но в целом с недоверием относился к бывшим офицерам, стараясь их устранять с ответственных постов, и, скорее всего, подозревал Носовича в нелояльности. В начале августа часть подпольщиков была арестована. Но вскоре Носович и его помощник бывший полковник А.Н. Ковалевский (степень его вовлечения в подпольную работу остается неясной) смогли освободиться в результате вмешательства сотрудников Высшей военной инспекции, куда также проникла белая агентура. Свою связь с подпольем Носович отрицал, заявляя, что «пост почти постоянный временного военрука на таком виду, что, во всяком случае, я не о 2-х головах, чтобы, состоя начальником штаба, держать в руках какие-нибудь нити заговора»^I.

В дальнейшем Носович продолжил свою работу. В октябре 1918 г., находясь на ответственном посту помощника командующего советским Южным фронтом П.П. Сытина и исчерпав возможности для продолжения нелегальной работы, Носович бежал к донским казакам, передав им информацию о положении на фронте, планах красного командования, шифры и коды^{II}. Донское казачье и добровольческое командование отнеслось к Носовичу недоброжелательно. Произошло это в силу неналаженности связи с подпольем и обмена информацией о действующей агентуре, внутренних противоречий, фанатичного непримиримого антибольшевизма, недалковидности, отсутствия гибкости мышления. На Дону перебежчик подвергся аресту и едва смог избежать серьезных репрессий. В своих воспоминаниях он впоследствии высказал нелицеприятное мнение о белом командовании: «И действительно, эту квинтэссенцию кретинизма трудно не пропустить – больно уже стыдно за действующих лиц... хотели расстрелять; два раза судили: оба раза оправдали и не воспользовались его (Носовича. – А.Г.) сведениями о Красной армии»^{III}.

Большевики по итогам измены Носовича сделали важные выводы, способствовавшие укреплению Красной армии. Были осуществлены кадровые перестановки и репрессии, прежде всего в штабе Южного фронта. Отстранены и арестованы командующий фронтом П.П. Сытин и начальник штаба А.Н. Ковалевский. Причем Сытин был подвергнут домашнему аресту «в связи со сбивчивыми показаниями и объяснениями Сытина по поводу командированных им лиц без ведома и согласия членов Ревсовета и самовольной отправкой в Тамбов ворона с невыясненным грузом»^{IV}. Сытина сменил П.А. Славен (негенштабист), а Ковалевского – В.Ф. Тарасов (отметим, что и Славен и Тарасов позднее дезертировали из РККА). Арест Сытина оказался непродолжительным, а соратника Носовича Ковалевского расстреляли. Кроме того, красные попытались минимизировать утечку данных

^I РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1278. Л. 6.

^{II} Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 305.

^{III} Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 4. Гл. 9. С. 46 // BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (7) (4). Vox 1; Его же. Белый агент в Красной армии. С. 394.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 894. Л. 10.

и вероятные последствия измены. В частности, было прекращено использование прежних шифров.

В отличие от красных, белые не сумели воспользоваться переходом к ним Носовича, продемонстрировав поразительный непрагматизм. Не получили должной оценки добытые Носовичем важные оперативные данные. Намного больше внимания белое командование посвятило дележу автомобиля, который Носович угнал у красных. Некомпетентность белого командования и органов разведки поставила под удар сотрудников перебежчика, оставшихся в Советской России и в РККА. Сам Носович оказался на некоторое время под арестом, причем за этот период привезенные им сведения устарели. Впоследствии тексты Носовича, как и его образ широко использовались в советской пропаганде. В частности, как антигерой Носович был представлен в повести А.Н. Толстого «Хлеб (Оборона Царицына)» (1937) и в художественном фильме «Оборона Царицына» (1942; роль Носовича играл актер В.А. Гремин).

Военрук Северо-Кавказской советской республики А.А. Сосницкий летом 1918 г. также сотрудничал с Носовичем и другими подпольщиками. Есть данные о том, что он принимал на службу членов екатеринодарской подпольной организации «Круг спасения Кубани» (ею руководил генерал Н.А. Букретов¹). Так, адъютантом Сосницкого устроился член этой организации офицер Герасимов (негенштабист). В результате в разведывательные органы республики проникла белая агентура, что позволило белым некоторое время получать точные данные о численности, дислокации и планах войск красных².

Курсовик И.Д. Чинтулов в признательных показаниях по делу «Весна» в 1931 г. отметил, что «в январе 1918 г. в комитет Военной академии (Генштаба) поступило письмо ген. Алексеева, быв[шего] наштаверха, обращение к молодым генштабистам, нечто вроде завещания. В нем указывалось[, что] ввиду создавшейся обстановки на территории России ген. Алексеев признает, что не все смогут собраться к нему, а потому предлагает оставаться на местах, поступать на службу и работать, не забывая основной задачи воссоздания Великодержавной России. Это смысл его обращения. Его унес с собой шт[абс]-кап[итан А.Л.] Симонов – пред[седатель] комитета. Я не помню состава комитета, не знаю, кто может это подтвердить. Б[ыть] м[ожет], бывш[ий] кап[итан] конной артиллерии Григорьев Ю.И., был военруком в Москве. Помню со слов Симонова, информированного полк[овником] Андогским, нач[альником] академии, что подобного рода обращение якобы было направлено и к старым генштабистам в Гл[авном] упр[авлении] Генерального штаба. Проверить эту версию я тогда не мог, но мне кажется она вполне правдоподобной. При данной установке возникновение военной организации, возглавляемой Генштабом, ясно. При этом ясно, что она могла возникнуть отдельными ячейками, которые подчас работали, вероятно, независимо, а затем смыкались»³. Вопрос доверия такого рода свидетельствам остается открытым. Известно, что Алексеев отправлял послания своим знакомым в Советскую Россию. Нельзя исключать того, что

¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 620; Василенко Г. И. Ликвидация «Круга спасения Кубани» // Кубань (Краснодар). 1980. № 11. С. 84.

² Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063. Л. 195об.; РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 199об.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 18об.

отправлялись призывы целым штабам и учреждениям. Разумеется, подобными обращениями могли руководствоваться ценившие мнение Алексева генштабисты.

Как и в Белом движении в целом, в белом подполье также не было единства. Московские подпольные организации в 1918 г. разделились в соответствии с ориентацией на Германию (организация генерал-майора С.А. Довгирда) или страны Антанты, а также по партийной принадлежности (эсеры, кадеты, монархисты) и целям борьбы (установление белой диктатуры, созыв Учредительного собрания, восстановление монархии). Созданный лидерами кадетов «Национальный центр», как и командование белых, ориентировался на Антанту. «Правый центр» выступал за возрождение монархии и германскую ориентацию. Политические деятели даже в подпольных организациях занимались составлением отвлеченных проектов будущего устройства России, а подлинная разведывательная работа велась в основном бывшими офицерами. В июне 1918 г. в Москву из Добровольческой армии по заданию белого командования приехал генерал Б.И. Казанович. Донесение о положении в Москве он отправил генералу М.В. Алексееву со своей дочерью, проехавшей через Оршу в Новочеркасск¹. Московское подполье произвело на Казановича впечатление авантюры: деятельность некоторых военных организаций сводилась к составлению списков членов, по которым впоследствии чекисты смогли арестовать перечисленных подпольщиков².

Видный государственный деятель того периода В.И. Гурко был склонен винить генштабистов, усугублявших раскол подполья: «Едва ли не наибольший вред окончательной организации московской вооруженной антибольшевистской силы нанесла группа офицеров Генерального штаба, состоявшая в тесной связи с Савинковым и по его наущению усердно вооружавшая офицерство против тесной связи с Правым центром, будто бы всецело связавшимся с немцами. Вопрос так называемых ориентаций весьма сложный, но раньше чем его коснуться, не могу не сказать, что именно в этот период в Москве, в среде офицеров Генер[ально-го] штаба, которым я пытался объяснить положение, занятое Правым центром, я впервые вполне постиг ту фатальную роль, которую сыграли штабные офицеры в развале русской армии и тем самым в развале государства... Что же мудреного, что те же офицеры Генерального штаба всего охотнее отозвались на зов Савинкова, усматривая в нем представителя того политического течения, которое в то время в глазах большинства имело наибольшие шансы заменить у власти большевиков. Мотив для отхода от Правого центра, однако, выставлялся другой, а именно — та немецкая ориентация, которой будто бы придерживался этот центр. Действительно, политических разногласий между Правым центром и Савинковым в то время не возникало. Разногласие было тактическое. Правый центр полагал, что большевиков можно свалить, только разгромив их в Москве, Савинков думал, что легче поднять восстание одновременно во многих местных центрах и уже оттуда подойти к Москве. Тщетно я объяснял, что у Правого центра нет иной ориентации кроме русской и что в выборе между державами Согласия и Германией единственное начало, которым центр этот руководствуется, — это

¹ Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май — июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 198.

² Там же. С. 197.

польза государственная. Приводил я и известные слова [Г.Д.Т.] Пальмерстона, некогда сказавшего, что у Англии нет постоянных союзников, а есть лишь постоянные интересы. Чувства неприязни и даже вражды к нации, с которой вели ожесточенную войну в течение трех с лишком лет, вполне понятны, но руководствоваться чувствами в политике нельзя. Точно так же немислимо говорить о какой-то верности союзникам, когда эти же самые союзники заявили готовность поддерживать у власти поработителей России, лишь бы они согласились продолжать борьбу с Германией. Следует помнить, что согласно латинскому изречению — *vetita privatim, publice jubentur* — запрещенное в частных отношениях в отношениях общественных обязательно. Когда верность государства принятым им на себя обязательствам смертельно вредна интересам народа, соблюдение этой верности правителями является не чем иным, как предательством по отношению к своему народу. Честь правителей зиждется не на соблюдении принятых ими международных обязательств, а на всемерном охранении интересов своего народа. Иной образ действий не только не разумный, но и преступный. Люди, взявшие на себя бремя охраны интересов своего народа, не имеют права руководствоваться иными соображениями, кроме отвечающих этим интересам. Тут вопросам чести не место. На международном рынке расценивается не честь народов, а лишь степень их мощи. Соблюдая во что бы то ни стало принятые государством обязательства, правители, в сущности, ограждают не честь народа, свойства которого от этого не изменятся, а лишь собственную, личную честь, иначе говоря, действуют, сами того, быть может, не сознавая, в высшей степени эгоистично.

Подобно тому как офицеры Генерального штаба в Москве склонялись на сторону организации Савинкова под предлогом, что Национальный центр придерживается германской ориентации, а в сущности потому, что усматривали большие выгоды в союзе с Савинковым, нежели с организациями, состоявшими в связи с Правым центром, так и образовавшийся в Москве в апреле 1918 г. Союз возрождения России порвал существовавшую у него дотоле связь с Правым центром под разными несущественными предлогами, причем думается мне, что истинной причиной была боязнь, что в случае восстановления русской государственности правыми кругами вновь восторжествует тот государственный строй, который был повержен еще Февральской революцией¹.

С весны 1918 г. в Москве действовал «Союз возрождения России», одним из создателей которого был генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Организация была связана с партией меньшевиков. Болдырев руководил центральной военной организацией союза, зарегистрировался в Красной армии, но затем через Украину перебрался в Поволжье и осенью 1918 г. занял пост главнокомандующего антибольшевистскими силами на Востоке России. Летом 1918 г. в Москве Болдырев занимался подбором кадров для органов военного управления белого Востока. На встрече с эмиссаром Добровольческой армии генералом Б.И. Казановичем Болдырев сообщил: «Видите ли, у нас войск настоящих еще нет, а намечены начальники и штабы, которые должны принять на себя руководство, когда начнется восстание, но там происходит какая-то ерунда, и нам

¹ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917–1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 11–12.

нужен человек, который объединил бы все это»^I. Казанович ответил отказом. В Петрограде военной организацией союза руководили народный социалист В.И. Игнатьев, а также генералы-генштабисты А.И. Верховский и М.Н. Суворов^{II}. Работал на белых в рядах РККА и генерал С.Н. Розанов, посланный в качестве агента с белого Юга^{III}.

Существенную роль в поддержке антибольшевистского подполья играли дипломатические представительства союзных держав в Москве, а также представители союзников на местах. Так, в Казани летом 1918 г. находилась французская военная миссия капитана Ф. Борда, которая взаимодействовала с организациями белых. В городе действовал «Союз защиты Родины и Свободы» Б.В. Савинкова. Савинковцы перевели в Поволжье (в том числе в Казань^{IV}) свои нелегальные структуры после масштабных арестов конца мая – начала июня 1918 г. в Москве. Кроме того, в Казани работала организация генерала И.И. Попова, насчитывавшая порядка 450 членов (прежде всего, офицеров). Однако ее руководитель был в конце мая 1918 г. арестован и позднее расстрелян^V. В дальнейшем подпольную работу в Казани возглавлял генерал Г.Д. Романовский^{VI}.

В Царицыне с белыми подпольщиками взаимодействовал французский консул Ш. Шарбо (в частности, он был связан с начальником штаба Северо-Кавказского военного округа бывшим генералом А.Л. Носовичем)^{VII}.

Серьезные последствия для красных имел переход к белым в июне 1919 г. командующего 9-й армией бывшего полковника Н.Д. Всеволодова. Он был одним из наиболее высокопоставленных генштабистов-перебежчиков за всю историю Гражданской войны. Его переход к противнику стал предметом особого внимания председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. В частности, статья Всеволодова «Разгром южных советских армий» из белогвардейской газеты «Утро Юга» (№ 157-185 от 17 (30) июля 1919 г.), в которой он, вероятно не без некоторого преувеличения, написал о своей подрывной работе у красных накануне перехода, была добыта советской разведкой и хранилась уже в сентябре 1919 г. непосредственно у Дзержинского. Фрагменты этой статьи представляют при критическом к ним отношении значительный интерес в рамках рассматриваемой темы. Всеволодов, в частности, писал: «Благодаря умышленному распоряжению штаба 9-й армии ударная группа была сосредоточена вопреки приказу фронта... вместо нанесения могущественного удара при помощи 9[-й] и 10[-й] армий советскому командованию пришлось сдать Царицын, Балашов, Борисоглебск, эти важнейшие центры, с их многочисленными запасами»^{VIII}.

^I Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». С. 195.

^{II} Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Часть 1 // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 105; Судебный процесс над социалистами-революционерами... С. 657.

^{III} Приложение к № 18 газеты «Русская армия» (Омск). 1918. 11.12. С. 1.

^{IV} Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 90.

^V Там же. С. 101.

^{VI} Подробнее о казанском подполье см.: Ганин А. В. «Наша военная организация... продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М. В. Алексею о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4, № 4. С. 75–81.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 74–74об.

^{VIII} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 29–29об. Подробнее об измене Всеволодова см.: Ганин А. В. Измена командармов. С. 365–670.

Саботажники-генштабисты для красных были куда опаснее в центральных учреждениях и штабах. По данным белой разведки, московский представитель Добровольческой армии летом 1918 г. имел выход на лиц, «в непосредственной близости находящихся к Всероссийскому Генеральному штабу»¹. Сложно сказать, кто конкретно имелся в виду, но позиции белых подпольщиков в ВГШ были действительно сильными.

Значительную помощь Добровольческой армии оказал начальник Управления по командному составу ВГШ (июнь — сентябрь 1918 г.) генерал-лейтенант А.П. Архангельский. Как вспоминал генерал А.Н. Нищенков, «он много добра сделал многим офицерам, многих спас буквально от смерти и сам удрал от большевиков, взяв отпуск... Я его и напутствовал, когда он задумал удрать из Москвы от большевиков»². При его реабилитации военно-полевым судом на белом Юге «суд нашел, что генерал-лейтенант Архангельский фактически состоял на службе у большевиков с 25 октября 1917 года по 15 сентября 1918 года, занимая должности первоначально начальника Главного штаба (до его расформирования), а затем начальника Управления по командному составу армии Всероссийского главного штаба, причем по его личному признанию он, Архангельский, сделал это не “по добросовестному заблуждению”, а вполне сознательно и с ведома и по соглашению с другими высшими представителями Военного министерства ввиду признания всеми необходимости сохранить от большевистского развала важные органы государственного управления, в особенности в предположении близкого подавления власти большевиков, а также чтобы быть на страже обездоленного и угнетаемого русского офицерства, а впоследствии с мая 1918 года и по лозунгу выдающихся политических деятелей правых партий, возглавлявших военную организацию... суд вполне определенно установил, что он не только никакими личными целями и видами не руководствовался, а наоборот, рискуя своей головой, вел постоянную тяжелую борьбу с большевиками и их комиссарами, в частности: в Петрограде — с прапорщиком [А.Я.] Семашко и в Москве — с Караханом, всегда отстаивая интересы генералов и офицеров, и в этом отношении достигал иногда реальных успехов, т.к. ему удалось до своего ухода: 1) сохранить и вывезти в Москву ценные и важные документы Главного штаба, необходимые в будущем — при возрождении надлежащей русской армии; 2) успел удержать дела пенсионного отделения, предназначавшиеся к передаче в комиссариат социального обеспечения, — при Главном штабе, благодаря чему вопрос о пенсиях и пособиях разрешался по пенсионному уставу достаточно быстро и насколько возможно в пользу офицеров; 3) оказывал услуги Добровольческой армии, давая ей ценные и важные сведения о положении Красной армии; 4) сообщил Добровольческой армии о заключенном немцами с Троцким дополнительном тайном договоре, по которому немцы настаивали на принятии советской властью энергичных мер к решительному подавлению чехословацкого движения, мятежа генерала Алексева и к удалению союзников с Мурмана и из Архангельска; 5) несмотря на декрет о воспрещении отъезда из Москвы офицеров, добился по просьбе группы офицеров командирования значительного

¹ Так в документе. Речь идет о ВГШ.

² ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 51. Л. 24.

³ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 16об.

числа их на Уральский фронт (в Пермь), благодаря чему некоторым из них удалось пробраться к чехословакам; 6) делая все для поддержания и отстаивания интересов офицерства, предупреждал тех из них, коим грозила опасность попасть под “чрезвычайку”, и этим путем дал возможность нескольким офицерам избежать ареста и скрыться; 7) пользуясь незнанием большевиками техники штабной [работы] и формирования армии, способствовал их затруднениям в формировании и таким образом вообще, не принося большевикам никакой пользы, по возможности тормозил их деятельность, чем и вызвал с их стороны подозрение в саботаже и удаление от должности, и 8) вообще во всей своей деятельности, будучи, по характеристике одного из свидетелей, кристаллически чистым, стремился, насколько был в силах, нести принятый им на себя “тяжелый крест службы у большевиков”, оставаясь верным долгу русского офицера^I. По одной из оценок, благодаря его стараниям «большевики не смогли к началу 1919 года сформировать даже четвертой части из намеченного ими числа стрелковых дивизий, предполагавшихся ксылке на добровольческий фронт»^{II}. В сентябре 1918 г. Архангельский бежал из Советской России на Украину, откуда перебрался к белым. Впоследствии он стал видным деятелем белой эмиграции и даже возглавил главную военную организацию эмигрантов – РОВС.

На белых работал и начальник Оперативного управления ВГШ бывший генерал-майор С. А. Кузнецов, курировавший вопросы учета и назначения генштабистов. Именно он весной – летом 1918 г. командировал в Поволжье многих генштабистов, впоследствии прославившихся в рядах белых армий, в том числе В. О. Капеля, Ф. Е. Махина, И. И. Смольнина-Терванда^{III}. Кроме того, Кузнецов передавал белым важную документацию, которая проходила через него.

Генерал А. П. Архангельский писал по поводу Кузнецова генералу А. С. Лукомскому 8 октября 1918 г.: «Многоуважаемый Александр Сергеевич! В ответ на Ваше письмо от 15 сентября (ст[арого] ст[илия]), полученное мною сегодня, спешу сообщить следующее. За несколько дней до моего отъезда из Москвы, 12 или 13 сент[ября] нового стиля, я был у С. А. Кузнецова, начальника Оперативного управления Вс[ероссийского] гл[авного] шт[аба]. Он мне передал, что после заключения договора, дополнительного к Брестскому, германский министр иностранных дел Гинце^{IV} обратился к советским властям с нотой, которая является как бы новым дополнением к договору. Нота секретная, и в конце ее имеется указание о необходимости сохранения ее в тайне. С содержанием всей ноты в целом я не имел ни времени, ни возможности ознакомиться, но с некоторыми ее пунктами С. А. Кузнецов меня ознакомил (в переводе), прибавив, что будут приняты меры к доставлению всей ноты в Добровольческую армию. В одном из пунктов немецкое правительство настаивает (германское правительство “ожидает”) на принятии советскими властями решительных мер к немедленному прекращению чехословацкого движения и наступления, к удалению союзников с^V движения и к подавлению мятежа (или

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 291–291об.

^{II} Орехов В. Кончина генерала Архангельского // Часовой (Брюссель). 1959. № 404. Декабрь. С. 4.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 125. Л. 36, 97.

^{IV} Правильно — П. фон Хинц.

^V Далее утрачена строка угасающего текста.

восстания — точного выражения не помню) генерала Алексеева. Если советская власть окажется не в состоянии достигнуть указанных выше задач собственными силами, то она не должна противодействовать продвижению для достижения этих целей немецких сил по территории России. Затем в одном из пунктов ноты говорится о праве немецкого командования воспользоваться до окончания войны судами Черноморского флота для мирных целей, но уже в следующем пункте предусматривается право воспользоваться этими судами, если в этом встретится надобность, и для военных потребностей. Эти данные казались мне настолько важными для Добровольческой армии, что я тотчас по приезде в Киев сообщил П.Н. Ломновскому, а увидев полк[овника Г.К.] Ерофеева и узнав, что он едет в Добров[ольческую] армию, сообщил и ему о требованиях немцев относительно Добровольческой армии для скорейшего доклада там. Сведения эти казались мне тем более важными, что еще в Москве я слышал о том, что немцы пытались войти в переговоры с генералом Алексеевым, но неудачно, а также о том, что немцы видят наибольшую для себя опасность именно в Добровольческой армии и в генерале Алексееве. Из сопоставления всех этих данных с передачей советским властям вооружения, снаряжения и боевых запасов, захваченных немцами на наших фронтах, а также с формированиями на немецкие (по-видимому) средства и при помощи немцев Астраханской и Южной армии — для меня было ясно, что немцы принимают все меры как к ослаблению численности Добровольческой армии путем отвлечения от нее добровольцев и к поселению розни между ними, так и по возможности к полному ее уничтожению. Эти соображения также побудили меня сообщить упомянутые выше сведения полк[овнику] Ерофееву. Что касается Дона, то я говорил лишь, что немцы, по-видимому, предали его большевикам, обязавшись дополнительным к Брестскому договору [соглашением] очистить жел[езно]дор[ожную] линию Воронеж — Ростов, а также не признав его самостоятельности. По-видимому, и советские власти пришли к убеждению, что немцы не будут поддерживать Дон в его борьбе с большевиками. Сведений о том, что немцы потребовали от советской власти сосредоточения возможно больших сил против Дона, у меня не было, и я об этом не говорил полк[овнику] Ерофееву. Но фактически советское правительство действительно старается стянуть против Дона большие силы и усиливает меры для борьбы с ним. В числе этих мер находится и усиление агитации, и созыв или, вернее, “назначение” походного донского Круга, и усиление войск около Балашова и на поворинском направлении¹. Факт подпольной работы Кузнецова подтверждал и другой белый подпольщик генерал Б.В. Геруа².

Крупной фигурой в военно-политической элите Советской России являлся бывший генерал-лейтенант Н.Н. Стогов. 8 мая 1918 г. он стал первым начальником ВГШ — одного из высших органов управления зарождавшейся Красной армии. Уже в 1918 г. Стогов был связан с объединенной офицерской организацией (военной организацией «Национального центра») — антибольшевистским вооруженным

¹ ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–106.

² «Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков». Письмо генерал-майора Б. В. Геруа о заговоре в штабе Петроградского района и Северного участка завесы в марте — мае 1918 г. / публ. К. А. Тарасова // Исторический архив. 2020. № 6. С. 118.

подпольем в Москве¹. Деятельность Стогова вызывала подозрения. Так, комиссар И.Л. Дзевалтовский 19 июля 1918 г. сообщал в Наркомат по военным делам, что Стогов «в своей деятельности старается обособиться от комиссаров, не сторонник живой и энергичной работы для Советской республики, в дело создания Красной армии не только не верит, наоборот, считает наши цели иллюзией. На существующий строй смотрит как на временный... Такую работу я не могу считать честной»².

Полковник Л.Н. Новосильцев, направленный летом 1918 г. генералом М.В. Алексеевым в Москву для связи с подпольем, писал в своем докладе: «Офицерство: Часть служит у большевиков, но уже желает страховаться на будущее, и, узнав о моем приезде, генералы Стогов и Архангельский непременно желали видеть меня и просили указаний, как им помочь нам в нашей задаче. Я ответил, что всякая работа к упорядочению Красной армии будет только вредной, и от них получено много сведений, которые везет [А.А.] Лодыженский»³.

С московским подпольем, по-видимому, был связан и бывший генерал-лейтенант В.И. Селивачев. Начальником штаба организации состоял бывший генерал-лейтенант В.И. Соколов, также находившийся на службе в комиссии по исследованию и использованию опыта войны, что, впрочем, не давало ему особых возможностей для ведения подпольной работы в РККА. После того как Соколову предъявили написанный его рукой черновик сношения с иногородней офицерской организацией, он признал свою вину.

Документ был буквально следующим: «Применительно к предыдущему циркуляру штаба надлежит теперь же, если не встретится особых затруднений или препятствий, приступить к переформированию офицерского состава подведомственной Вам организации по родам оружия и сообщенным Вам в вышеупомянутом циркуляре штатам — пехотных офицеров в один батальон и артиллерийских офицеров в один дивизион 2-батарейного состава, с назначением соответствующих по штатам начальников. Инженерных офицеров временно следует причислить к пехоте.

О результате переформирования ожидается уведомление.

Начальник штаба объединенной организации»⁴.

Если этот документ не являлся фальшивкой, наивность подпольщиков, указывавших свои должности, поразительна.

По некоторым данным, офицером для поручений у подпольщиков значился генштабист полковник Иванов⁵. Стогов считался главой организации, но находился под подозрением с конца 1918 г., неоднократно арестовывался и эффективно руководить военным подпольем в 1919 г. уже не мог.

Наивность В.И. Соколова ярко заметна в карточке арестованного, составленной МПКК, где бывший генерал написал: «Предъявлено обвинение как к начальнику

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 225; «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л. Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 38. Подробнее о подпольной деятельности Стогова см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 644–694; Его же. Военспецы. С. 669–746.

² РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 407. Л. 94.

³ ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 2. Д. 12. Л. 2об. Оpubл. в: «Оттянуть Гражданскую войну не удастся». С. 38–39.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.

⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 223. Л. 61.

штаба белогвардейской боевой организации; между тем организация не преследовала боевых целей и не имела в виду выступления против правительства, т.е. не имела контрреволюционных задач, что подтверждается инструкцией для организации, имеющейся в распоряжении следователя Особого отдела; согласно инструкции главною задачею офицерской организации, в которой я состоял, [было] образование кадров для будущей постоянной армии; имелось в виду, что война не может скоро окончиться и для воссоздания России потребуются мощная армия, для которой необходимо объединить разрозненных бывших опытных офицеров, прошедших в рядах армии войну. Никаких выступлений против правительства не только не имелось в виду, но лично мною принимались все меры против каких бы то ни было мечтаний по этому поводу. Организация ничего общего с существовавшими и существующими другими боевыми организациями не имела и ни к каким политическим партиям не принадлежала. В силу изложенного прошу ходатайства об облегчении участи»¹.

Вообще в 1918–1919 гг. были арестованы практически все руководители антибольшевистского военного подполья в Москве. По всей видимости, ВЧК активно использовала для разоблачения подполья провокаторов из бывших офицеров, наблюдала за подозреваемыми. Трудно представить, чтобы в таких условиях белое подполье могло успешно работать.

Один из руководящих работников ВЧК В.Р. Менжинский отмечал, что «связи организации («Национального центра». — А.Г.) в военном ведомстве были громадны, белогвардейцы фактически распоряжались Главным управлением [военно-] учебных заведений, Главным военным инженерным управлением, Центральным управлением военных сообщений и штабом железнодорожных войск (обороны). Очень сильные связи у них были во Всероглаштабе, в Московском окружном штабе, Главном артиллерийском управлении, в Военно-законодательном совете и др.»². Подобную оценку следует считать преувеличенной.

По итогам ликвидации «Национального центра» другой высокопоставленный чекист, первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский на I съезде Особых отделов фронтов и армий, проходившем в Москве 22–25 декабря 1919 г., выступил с крайне невнятным и бессвязным докладом, в котором заявил: «Из документов [Н.Н.] Щепкина, которые мы захватили, известно, что создавались кадры генштабистов, которые рассовывали по органам управления и объединяли в своих руках. Таким образом, мы встречаемся с подготовкой технического захвата наших аппаратов»³. К подобным выводам Павлуновский пришел, скорее всего, в результате допросов генштабистов, арестованных по делу ПШ РВСР. Докладчик отмечал опасность использования подпольем возможностей Красной армии, различных советских структур и даже техники в интересах белых. В частности, по данным Павлуновского, подпольщики из «Национального центра» пользовались одной из советских радиостанций для организации связи

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 254. Л. 77–77об.

² Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 35. Интересно, что почти дословно эти же данные привел в своем докладе И.П. Павлуновский (Архив ВЧК: Сб. док. М., 2007. С. 128).

³ Архив ВЧК. С. 126.

с белым Югом¹. Тем не менее связь с белыми у московских подпольщиков была крайне неустойчивой.

Среди сотрудников Стогова по ВГШ оказались несколько его единомышленников – противников большевиков. Серьезной фигурой в антибольшевистском подполье был 3-й обер-квартирмейстер ГУГШ, начальник военно-статистического отдела и разведывательной части ВГШ и член комиссии по организации разведывательного и контрразведывательного дела бывший полковник А.В. Станиславский. По характеристике генерала В.Ф. Джунковского, это был «образцовый офицер Генерального штаба, скромный, благороднейший и весьма пунктуальный, исполнительный, работать с ним было одно удовольствие»².

Фактически через Станиславского руководство разведкой и контрразведкой в Советской России, хоть и не в полном объеме в связи с наличием параллельных ВГШ структур, находилось в руках противников большевиков, связанных с Антантой³. Начальник французской военной миссии в Москве выдал ему свидетельство о том, что Станиславский «честно поддерживал связь с французской миссией, давал сведения по разведке, не считаясь с тем, что мог быть за это арестован»⁴. Генштабист был представлен к награждению офицерским крестом французского ордена Почетного легиона⁵. В сентябре 1918 г. Станиславский выехал в командировку в район Брянска и перешел на территорию Украины.

В итоге ВГШ в глазах большевистского руководства приобрел устойчивую репутацию оплота контрреволюции. Многие генштабисты, работавшие в штабе, прошли через аресты, некоторые были расстреляны, в том числе по делу «Национального центра». По-настоящему мощные административные рычаги у подпольщиков имелись в 1918 г., тогда как позднее члены организации, за некоторым исключением, оказались отстранены от важных постов в советском военном руководстве. Летом – осенью 1919 г. чекисты смогли ликвидировать военную организацию «Национального центра», однако генералу Стогову удалось бежать к белым.

В совершенно секретном докладе одного из белых подпольщиков подполковника Иванова от 3 ноября (21 октября) 1919 г., адресованном начальнику разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР, сообщалось, что ко второй половине октября 1919 г. «военная организация Национального центра совершенно разгромлена, из главных остались лишь ген. Стогов и ген. Б.А. Левицкий. Ген. Стогов неработоспособен и в данное время скрывается. Все шифры, находившиеся у Н.Н. Щепкина, попали в руки большевиков и пользоваться ими нельзя»⁶. Левицкий планировал создавать в Москве новую военную организацию и ожидал указаний Деникина. Автор доклада отмечал, что «в настоящее время ему (Левицкому. – А.Г.) удастся доставать сведения с большим трудом, так как все, дававшие сведения, необычайно запуганы расстрелами, так, что приходится

¹ Там же. С. 129. Данные подтверждаются показаниями арестованных: Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 393–394.

² Джунковский В. Ф. Воспоминания (1915–1917). М., 2015. Т. 3. С. 368.

³ Письмо в редакцию // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 342.

⁴ Остряков С. З. Военные чекисты. М., 1979. С. 25.

⁵ Письмо в редакцию. С. 342.

⁶ HIA. Vrangeli collection. Box 39. Folder 1.

действовать иногда даже угрозами, что не дающих сведений будут вешать белые. За генералами и другими крупными чинами, находящимися на большевической^I службе, Левицкий следит, насколько они приносят пользу большевикам и насколько они усердно работают»^{II}. Левицкий в итоге бежал к белым вместе со Стоговым. По делу «Национального центра» проходил также бывший генерал Н.А. Бабилов^{III}, до ареста – помощник управляющего делами РВСР и член Военно-законодательного совета, расстрелянный под Архангельском в мае 1920 г.

По делу о заговоре Локкарта был арестован и приговорен к пяти годам тюремного заключения с принудительными работами выпускник ускоренных курсов Военной академии Е.М. Голицын, служивший в РККА^{IV}. В московской подпольной организации «Правый центр» в 1918 г. состоял член Высшей аттестационной комиссии РККА бывший генерал-лейтенант Я.К. Цихович^V, служивший в РККА с 1918 по 1920 г., а затем бежавший из Советской России в Польшу^{VI}.

Судя по всему, генштабистов, поступивших в РККА по заданию различных антибольшевистских организаций, было существенно больше. Не случайно руководитель военной организации московского «Национального центра» Н.Н. Стогов однажды сказал начальнику артиллерии той же организации А.Е. Флейшеру: «Странно, что все мы – я (то есть Н.Н. Стогов), Архангельский А.П., А. Мочульский, П.П. Лебедев и многие другие (фамилий Н.Н. Стогов не называл) – пошли на службу к большевикам с благословения правых национальных кругов (правого крыла “Национального центра”) специально, чтобы не дать формироваться армии, и они (то есть А.М. Мочульский, П.П. Лебедев) предались на сторону советской власти...»^{VII} Как следствие, борьба с персональным предательством была обозначена на I съезде Особых отделов в декабре 1919 г. как наиболее приоритетное направление деятельности этих органов^{VIII}.

О контактах осторожного П.П. Лебедева с антибольшевистским подпольем в Гражданскую войну действительно упоминали фигуранты дела «Национального центра» еще в 1919 г.^{IX} Участник Белого движения на Востоке России курсовик полковник А.Г. Ефимов отмечал в частном письме военному историку Б.Б. Филимонову от 25 сентября 1933 г., что «Красная армия создана фактически старыми офицерами, мечтавшими превратить ее в русскую. Я говорю, конечно, не о шкурниках, а о тех офицерах, которые не за страх, а за совесть работали по созданию Красной армии и тайно думали с ее помощью уничтожить большевиков. К числу таких принадлежала и большая группа офицеров Ген. штаба во главе с начальником штаба красной ставки (В[оенно]-Рев[олюционн]ого Сов[ета]) генер[алом] Лебедевым (Павел Павлович). При политической отсталости нашего народа мечтать о том, чтобы надуть старую, опытную в демагогии партию большевиков, было

^I Так в документе.

^{II} HIA. Vrangeli collection. Box 39. Folder 1.

^{III} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 248, 386.

^{IV} Архив ВЧК. С. 584–585.

^V Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». С. 192.

^{VI} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 92–93.

^{VII} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 408.

^{VIII} Архив ВЧК. С. 129.

^{IX} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 251, 408.

^X Правильно – РВСР.

большой наивностью»^I. Источник такой уверенности Ефимова остается неизвестным. Через много лет после Гражданской войны в эмигрантской газете «Возрождение» в связи со смертью Лебедева была опубликована заметка, где отмечалось, что покойный поддерживал контакты с белыми, в частности со своим однофамильцем Д. А. Лебедевым, ставшим начальником штаба адмирала А. В. Колчака, утверждалось, что П. П. Лебедев верил в превращение РККА в национальную русскую армию и был причастен к возвращению в Советскую Россию генерала Я. А. Слащева^{II}. Насколько подобные утверждения достоверны, неизвестно.

Что касается разведывательной работы московского подполья, то ущерб Красной армии от нее, вопреки советской историографии^{III}, был невелик. По оценке члена РВСР С. И. Гусева, документы, изъятые у одного из руководителей московского «Национального центра» Н. Н. Щепкина, свидетельствовали об отсутствии у подпольщиков выходов на крупных штабных работников, поскольку добытые материалы в большинстве своем были запоздалыми, малоценными или неточными^{IV}. Список донесений, поступивших на протяжении 1919 г. из московского «Национального центра» в разведывательное отделение штаба главнокомандующего ВСЮР, отнюдь не впечатляет^V. Не способствовало успехам и поразительное непонимание руководителями подполья сущности большевизма. Так, генерал Стогов в своих рассуждениях о красных не шел дальше того, что они были представителями мирового еврейского заговора^{VI}.

Генерал А. И. Деникин впоследствии писал, что «Московские Центры»^{VII} поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2½ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя...»^{VIII} Деникин имел в виду выпускника академии бывшего генерал-лейтенанта В. И. Селивачева, в августе – сентябре 1919 г. командовавшего группой войск Южного фронта^{IX}.

^I Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 270.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 88.

^{III} Остряков С. З. Военные чекисты. С. 52–53.

^{IV} Красная книга ВЧК. Т. 2. С. 276–280.

^V ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 189. Л. 3–3об. Документ опубликован в: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 693–694.

^{VI} NIA. Vrangell collection. Box 39. Folder 1.

^{VII} Т. е. «Правый центр» и «Национальный центр».

^{VIII} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 548.

^{IX} Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 182–188.

Имеются сведения о наличии белой агентуры и в окружении советского главкома И.И. Вацетиса. Так, в разведсводке колчаковской Ставки от 1 марта 1919 г. упоминалось о беседе белого агента с Вацетисом в ПШ РВСР в Серпухове 19 февраля. В ходе разговора агент узнал, что «большевики намереваются повести наступление демонстративное [на] уфимском направлении седьмого марта, а главный удар на пермском направлении двадцать второго марта. Из того же источника усиление красных для нанесения главного удара [на] пермском направлении возможно за счет оренбургского фронта. Агенту полного доверия нет. Эти сведения совпадают с агентурными данными нач[альника] раз[ведывательного] от[деления] Сибирской [армии]»^I.

Подпольная работа была сопряжена со смертельным риском. Тем более что чекисты занимались проверкой военспецов при помощи провокаторов. Описание одной из таких операций сохранилось в материалах дела Г.И. Теодори. К нему по заданию председателя ЧК при Союзе коммун Северной области В.Н. Яковлевой был подослан разведчик ЧК Э.Ф. Бирк. В докладной записке от 9 ноября 1918 г. тот сообщил, что получил предписание ехать в Москву и разыскать там среди прочих Теодори, Хитрово и Асмуса, которым передать следующее: «Я из Уфы, контрразведчик армий генерала Болдырева», что нач[альник] контрразведки полковник Текерин, нач[альник] штаба генерал [С.Н.] Розанов, главный генерал-квартирмейстер полковник [А.Д.] Сыромятников»^{II}. Далее следовало передать просьбу об отправке офицеров к белым, а «молодых офицеров Генштаба отправлять «Томск к Маяку»»^{III}. Возможно, чекисты эксплуатировали тему пребывания старой Военной академии в Томске.

Агент докладывал: «Из трех лиц при Военном совете я нашел только Теодори на Пречистенке, 37, сказал, что я имею кое-что ему передать по дороге на улице. Я говорил ему, что я из Уфы, пароли, он спрашивал: а документы есть, я ответил да. Приехали мы к дому 51 по Остоженке, в отдельной комнате он меня^{IV} спросил, какие есть у меня бумаги, а я показал удостоверение, что я был задержан Петроградской Чрезвычайной комиссией, «ну ничего не нашли при вас!». Пароли он не знал. Спрашивал, кто там находится и кого я знаю, я перечислил все лица, из всех он знает только полковника Сыромятникова. Говорил, что они очень неосторожны и «удивляюсь, здесь меня считают своим, а там тоже они меня своим считают». На отправку офицеров он ответил, что «здесь нет свободных офицеров Генерального штаба, а которые остались, дали подписку советской власти служить».

На путь следования он ответил: «Надо принять во внимание». Но этот ответ можно было принимать двояко. Он мне говорил, что они зря губят народ (агенты), что многих перестреляли, так же и тех, к которым они были посланы. Сведения дать мне не может, так как дал подписку служить советской власти, он получил из армии Алексеева и Астраханской армии письмо с угрозой, что он будет убит, если будет Советам служить. На днях получает повышение вроде начальника контрразведки, и если бы я завтра явился, то он бы принужден [был] меня

^I РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 85.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 16.

^{III} Там же.

^{IV} В документе — мне.

арестовать. “Сегодня я вас не выдам”. “Моя партийность, – говорит Теодори, – заключается в том, что я ходатайствую об освобождении офицеров” и показал на письмо, где было написано “Секретно” и “Товарищу Свердлову”. По моему мнению, он принадлежит к организации, но не вреден советской власти... Дополнение: В комнате Теодори хотел вырвать у меня записную книжку, но я не дал, говорил, что там есть еще другие поручения. На улице он говорил: “Ведь в этом доме живет еще агент Чрезвычайки. Ну, разыскивайте других, я вам не могу быть полезным”¹.

Теодори в целом хорошо держался перед провокатором, однако не выдал его, что могло иметь негативные последствия для военспеца. Сам Теодори впоследствии описал инцидент совсем иначе: «Во время службы в Опероде осенью ко мне на углу Пречистенка, 37 и Штатного пер. подошел огромного роста по типу латыш, назвавший меня отчетливо по имени, отчеству и фамилии, и сказал, что прислан от Болдырева. На мое удивление, что я никогда не знал Болдырева и что он отбывает наказание (судя по газетам) в Петрограде, он смутился. Так как за этот период мы заметили, что за Араловым (тогда жил в Долгом[?] пер.), за мною, а может быть, и за [В.П.] Павуланом была слежка, акцент и национальность² говорящего, точность, с которой он знал имя, отчество и фамилию, время, когда я хожу обедать, а главное его смущение, заставило меня убедиться в том, что он подослан кем-либо, то я умышленно прошел мимо дома, направлялся на М[алый] Знаменский пер., 3. Когда я проходил мимо квартиры, незнакомец удивился, что я не остановился. Это еще более утвердило меня, что я имею дело с лицом, специально подосланным, чтобы меня скомпрометировать.

Я заявил ему, что живу в районе Арбат, решив сдать его³ в наш контроль. После этого (мы шли по левой стороне Остоженки по направлению Храма Христа Спасителя) незнакомец юркнул в один из переулков около Остоженка 22 или 20. Я был без оружия, ибо всегда хожу без оружия, и задержать его не мог бы, тем более, он мог меня свалить ударом кулака. Немедленно я сообщил об этом Аралову, Тракману и Чинтулову. Кроме указанного никаких разговоров не было, а также он у меня на квартире не был»⁴.

Существовало антибольшевистское подполье и на Северо-Западе России с центром в Петрограде. В каком-то смысле это было неизбежно. Хотя город в марте 1918 г. утратил статус столицы и главного военного центра страны, с ним оставалось связано немало бывших офицеров, продолжавших проживать или служить в Петрограде и окрестностях. В местах концентрации офицерства обычно и возникали антибольшевистские подпольные организации. Здесь же находились многочисленные иностранные представители, а близость границы с Финляндией давала возможность для контактов с белыми, не требуя перехода через линию фронта. Впрочем, многие наблюдатели, как отечественные, так и иностранные, скептически оценивали возможности петроградского подполья⁵. Значимую роль в нем также играли генштабисты. Известно, что в такой работе участвовал

¹ ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 16–16об.

² В документе — национального.

³ В документе — ему.

⁴ ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 69об.–70.

⁵ Гурко В. И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг. С. 18; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 14–15.

бывший генерал-майор Б.В. Геруа, назначенный начальником штаба Северного участка и Петроградского района завесы. Как свидетельствовал однополчанин Геруа по лейб-гвардии Измайловскому полку полковник А.Я. фон Бретцель, «генерал [А.В. фон] Шварц пытался получить власть над оставленными войсками во имя обороны столицы. Около него собирается группа верящих ему лиц. Образуется “Штаб обороны Петрограда”, переименованный, кажется, в “Штаб Петроградского района”. Генерал А.В. Шварц просит Бориса Владимировича быть непосредственным помощником — внешним и конспиративным — и состоять при нем в качестве начальника штаба. Поборов сомнения и колебания, Б.В. Геруа, в конце концов, соглашается, подчеркнув на инициативном секретном заседании, что идет на эту работу с исключительной целью попытаться свергнуть власть Советов — тогда еще молодую. Занимаясь по наружному виду организацией обороны Петрограда, Шварц приступил к подпольному сбору офицеров, которые образовали группы по полкам, в готовности явиться, когда настанет время. В основу секретных кадров был положен чудом устоявший бывший запасный батальон л[ейб-]гв[ардии] Семеновского полка...

План шварцовской организации потерпел крушение, т.к. немцы сговорились с большевиками и до Петрограда не дошли, остановившись на высоте Пскова. С другой стороны, многие монархисты и офицеры старой армии откололись политически в сторону тех же немцев, наивно полагая найти в них опору.

Исчезал предлог — оборона Петрограда, а подпольные силы, на которые рассчитывали для переворота, пошатнулись в своем единстве. Хотя адмирал Щастный, пришедший из Финляндии с флотом, и уверял, что его матросы готовы атаковать Смольный, обстановка казалась далеко не надежной. При таких условиях выступление должно было оказаться скороспелой авантюрой и не обещало никакого успеха.

В начале мая 1918 года Б.В. Геруа первый вышел из организации... вскоре за ним последовал и А.В. Шварц. Адмирал Щастный был вызван под каким-то предлогом в Москву и без суда расстрелян.

Около этого времени большевики приступили к формированию Красной армии, а Борис Владимирович, уйдя окончательно от служеб[ных] дел, принял участие в отправке надежных офицеров на белый фронт, который обозначался на Юге России¹. Интересно, что «покончив со своей работой при ген. Шварце, Б.В. Геруа пожелал ознакомить группу измайловцев с положением вещей и наступившим переломом. Через конспиративную связь собрались почти все наличные тогда в Петрограде офицеры, чел[овек] 30–40. Это было последним собранием измайловцев в Петрограде»².

Сам Геруа впоследствии признавал, что «в феврале 1918 г. по призыву ген. А.В. Шварца и с благословения Правого центра, возглавлявшегося в Москве Влад[имиром] И[осифовичем] Гурко, я вступил в организацию ген. Шварца... я заявил, что принимаю, после величайших колебаний, на себя роль ближайшего помощника ген. Шварца (его начальника штаба), считая нашу задачу вдвойне

¹ Бретцель А. Я., фон. Борис Владимирович Геруа // Измайловская старина (Александрия). 1935. Тетрадь 24. С. 130–131.

² Там же. С. 130.

патриотической (немцы, большевики), и что лично я иду в эту работу, главным образом, ради второй задачи, к которой можно приблизиться через первую. Я не помню точно моих слов, но помню приведенные здесь мотивы, которые мною руководили, и тот факт, что я их изложил перед собранием совершенно определенно. Из моих слов я помню только фразу, которою я хотел “сломать лед” осторожно-сти, замечавшейся при обмене мнениями и затуманивавшей главную цель. Я сказал: “Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков”. Конечно, все и шли в организацию Шварца для этого, но нужно было это громко установить с тем, чтобы не возвращаться уже снова к формулировке основных целей^I. Шварц сотрудничал с представителями подпольной организации флотских офицеров, а Геруа наладил связь с подпольной организацией генерала Б.В. Шульгина^{II}. Подпольщики поддерживали связь с Москвой через полковника Б.П. Полякова, который в июне 1918 г. был арестован, но в целом добились немногого. Геруа признавал впоследствии, что большевики переиграли подпольщиков, поставив военспецов себе на службу. Сам Геруа устроился от работы, оставив свой пост 16 мая 1918 г. В сентябре и декабре 1918 г. он побывал в Москве^{III}, ездил и в Вологду. 11 января 1919 г. Геруа бежал из Советской России через финскую границу и прибыл в Гельсингфорс, где примкнул к белым. Характерно, что военспецов, честно работавших в Красной армии, Геруа считал оппортунистами, служившими ради карьеры или самосохранения, либо серыми середняками, плывшими по течению^{IV}.

В подпольной антисоветской организации в Петрограде летом 1918 г. состоял выпускник старой академии генерал от кавалерии Г.О. Раух. Собственную агентурную сеть в Петрограде создал и бывший начальник Петроградского охранного отделения, в прошлом генерал-майор К.И. Глобачев^V. Подпольной деятельностью он занялся по просьбе генерал-майора В.П. Никольского^{VI}. Агентура Глобачева работала на «Правый центр», кроме того, генерал взаимодействовал с британским разведчиком С. Рейли. В 1917–1918 гг. в Петрограде существовала и военная организация «Правого центра», штабом которой руководил полковник Б.П. Поляков, а контрразведывательное отделение возглавлял капитан Р.Д. Мергин^{VII}. В связи с петроградским подпольем упоминались бывшие подполковники М.А. Баторский^{VIII} и П.П. Дурново.

В 1919 г. во главе подготовки вооруженного выступления в Петрограде, которое должно было начаться при подходе к городу частей Северо-Западной армии

^I «Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков». С. 115–116.

^{II} Подробнее см.: Тарасов К. А. Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март — июнь 1918 г. // ЖРВИИ. 2019. № 2 (17). С. 32–69; Его же. «Все, кто против большевиков, — с нами»: деятельность организации Шульгина — Филоненко в Петрограде (январь — март 1918 г.) // Новейшая история России (СПб.). 2019. Т. 9, № 3. С. 580–594; Его же. Заговор в штабе Петроградского района и Северного участка завесы, март — май 1918 года // Новый Часовой (СПб.). 2021. № 23. С. 119–143.

^{III} HIA. N. N. Iudenich collection. Box. 10. Folder 11.

^{IV} «Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков». С. 118.

^V Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 173.

^{VI} Там же. С. 438.

^{VII} К истории осведомительной организации «Азбука» / публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. 1993.

^{VIII} Кн. 4. С. 187; Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. С. 347.

^{VIII} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. С. 397, 402–403.

генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, стоял еще один офицер Генштаба, подполковник В.Я. Люндеквист. В прошлом гвардейский офицер, этот генштабист был мобилизован в РККА в феврале 1919 г. Интересно, что в 1918 г. он содержал кафе-гастрономию на углу Бассейной и Надеждинской улиц, где находилось место встречи петроградских гвардейских офицеров, в том числе подпольщиков^I. В Красной армии он служил на должностях начальника штаба 1-й стрелковой дивизии, временно командующего бригадой 19-й стрелковой дивизии, начальника штаба Петроградской группы 7-й армии, командующего Олонецким фронтом и, наконец, начальника штаба 7-й армии. Люндеквист отличался медлительностью, что мешало оперативной работе^{II}.

По некоторым данным, с самого своего поступления на службу в РККА он сотрудничал с петроградской организацией «Национального центра». По другой версии, его сотрудничество с подпольем началось лишь осенью 1919 г. и с «Национальным центром» никак не связано. Первоначально его деятельность в пользу белых заключалась в передаче сведений о состоянии РККА. Считается, что в сентябре 1919 г. он разработал и переправил в штаб Юденича план взаимодействия участников петроградского антибольшевистского подполья с наступавшей Северо-Западной армией, указав слабые пункты советского фронта. В распоряжении Люндеквиста находился 4-й минно-подрывной дивизион (около 200 человек) под командованием В.И. Карпова, который являлся частью, укомплектованной сторонниками белых. Дивизион предполагалось использовать в диверсионных целях — сначала прервать связь штаба армии со штабом фронта и с Петроградом, а далее действовать в красном тылу по обстановке.

В своих показаниях Люндеквист сообщил: «Я развил мысль, по которой необходимо разрушить связь штаба армии с фронтом, захватив штаб дивизионом Карпова или же просто порвав провода, связывающие штаб армии с фронтом и Петроградом, разрушить провода во всех шоссе-ных и иных дорожных центрах, нарушив связь фронта с Петроградом и с тылом, тем временем с дивизионом Карпова двинуться в Гатчину, захватив насильственно поездной состав, продвинуться по железной дороге до пункта, наиболее близко отстоящего от штаба 6-й дивизии, захватить штаб 6-й дивизии и отсюда двинуться на фронт. Я предполагал, что части, расположенные на фронте, потеряв управление из глубины, окажутся неустойчивыми и легко начнут поддаваться панике и беспорядку»^{III}. Как оказалось, ненадежен был, наоборот, дивизион Карпова, стремившийся при первой возможности уйти к белым, а не выполнять поручения своего подпольного командования.

23 сентября Люндеквист уволился в месячный отпуск по болезни с 3 октября по 3 ноября 1919 г.^{IV}, что выглядит нелогичным, если бы речь шла о стремлении помочь наступавшим на Петроград белым. Причина, как выяснилось, заключалась в возникновении в его отношении подозрений в РВС 7-й армии. Члены РВС

^I Там же. С. 347.

^{II} Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. 2. С. 125.

^{III} Корнатовский Н. А. Заговор против социалистической родины. Осень 1919 года в Петрограде // Красная летопись. 1937. № 3. С. 99.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 212–214.

А.П. Розенгольц, Г.Е. Зиновьев и В.С. Шатов 18 сентября отправили председателю РВСР Л.Д. Троцкому и его заместителю Э.М. Склянскому следующую телеграмму: «Наштарм 7[-й] — швед по национальности, семья его в Крыму, кроме того, по заключению комиссара штаба проникнут англофильством. При этих условиях считаем опасным оставление его на посту наштарба на фронте непосредственного соприкосновения с англичанами. Просим откомандировать его, заменив соответствующим заместителем»^I.

Командовавший 7-й армией бывший полковник С.Д. Харламов не хотел отдавать Люндеквиста в другой штаб, так как тот «уже приработался на этом месте», а замену не прислали^{II}. Харламов писал начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву 27 сентября 1919 г., что «с уходом Люндеквиста остается пустое место. Наличные генштабисты штарма, по-моему, еще не могут занять столь ответственной должности, как наштарма, в штабах дивизий также нет никого, на кого я мог бы положиться.

Я очень просил бы Вас оказать мне дружескую услугу и посодействовать оставлению Люндеквиста в штарме, хотя бы временно до того, как я сам или Вы подыщем заместителя, который действительно был бы наштармом, а не носил бы лишь это название.

Мне, к сожалению, совершенно не известны мотивы, по которым Люндеквист убирается из 7[-й] армии, посему я не могу говорить о правильности или неправильности их. Но во всяком случае еще раз прошу, хотя бы временно оставить Люндеквиста. Иначе я останусь беспомощным. Мне же на днях предстоит операция на Гдов, где я без настоящего наштарма обойтись не могу»^{III}. Таким образом, белого агента ни в чем не подозревали. В ответ Лебедев сообщил Харламову, что Люндеквист нежелателен как швед, а фронт был якобы против шведов и финнов^{IV}. Лишь много лет спустя, 2 марта 1931 г., будучи арестованным по делу «Весна», Харламов показал: «Мой наштарм Люндеквист оказался прохвостом, изменником и работал не на меня, а на Юденича»^V. Вр.и.д. начальника штаба стал бывший капитан А.Д. Лютов^{VI}.

20 сентября 1919 г. Люндеквист получил назначение начальником штаба 11-й армии^{VII}, оборонявшей Астрахань. Чтобы не покидать Петроград и не порывать связей с подпольем, Люндеквист и придумал уйти в месячный отпуск по болезни. По окончании отпуска к новому месту службы он не отправился, в связи с чем 19 ноября из Москвы потребовали его срочного вызова^{VIII}. Однако к тому времени уже шли аресты петроградских подпольщиков.

Решения о вооруженном выступлении против большевиков в Петрограде ни в дни максимального продвижения Северо-Западной армии белых 20–21 октября 1919 г., ни позднее так и не было принято. Ко времени одного из последних совещаний подпольщиков 29 октября на фронте уже произошел перелом

^I РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 894. Л. 310об.

^{III} Там же. Л. 310об.–311об.

^{IV} Там же. Л. 312.

^V ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 172 (231). Л. 16.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 894. Л. 321.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 112.

^{VIII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 117а.

в пользу красных, а белые так и не смогли прорваться к «колыбели революции». Таким образом, до реализации плана заговорщиков дело не дошло. Вскоре после этого белое подполье было разгромлено. Чекисты арестовали более 300 человек^I.

По официальной версии, во время облавы 9 ноября на Мальцевском рынке была задержана 16-летняя Маргарита (Жоржетта) Кюрц – дочь авантюриста И.Р. Кюрца, участвовавшего в подпольной работе. Через нее чекисты вышли на самого Кюрца и других подпольщиков, в том числе на Люндеквиста, которого дочь Кюрца выдала из-за необычного отчества. Подпольная организация официально считалась петроградской группой «Национального центра», однако, насколько это соответствует действительности, неизвестно. Люндеквиста арестовали в больнице на Суворовском проспекте. При аресте он выпрыгнул со второго этажа больницы, но бежать не смог, так как здание было оцеплено. В январе 1920 г. офицера расстреляли^{II}. Можно добавить, что впоследствии Люндеквист в качестве отрицательного героя (под искаженной фамилией Люденквист) был представлен в советском художественном фильме «Разгром Юденича» (1940). Его играл актер В.И. Честноков.

Известны и другие упоминания о подпольной работе генштабистов в Петрограде. В частности, такую работу вел в пользу Северо-Западной армии начальник сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота бывший подполковник В.Е. Медиокритский^{III}. В ноябре 1919 г. он был арестован, а в январе 1920 г. расстрелян^{IV}.

По нуждающимся в проверке агентурным данным белых, служивший в штабе советского Северного фронта капитан К.А. Умнов «оказал много ценных услуг союзникам и различным тайным организациям»^V.

Неудивительно, что когда в конце 1919 г. армия генерала Н.Н. Юденича сумела отступить на территорию Эстонии, председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский потребовал от помощника комиссара ПШ РВСР К.Х. Данишевского дать: «1) Ваше заключение о причинах выхода армии Юденича из окружающих его кольцом наших войск, которых было достаточно количественно для полного окружения и уничтожения армии Юденича.

2) Не объясняется ли выход из окружения армии Юденича нераспорядительностью и недобропредательством^{VI} отдельных лиц»^{VII}.

Мощные подпольные центры возникли на юге страны. Бывшим депутатом Государственной думы В.В. Шульгиным в Киеве была создана организация «Азбука», которая в дальнейшем финансировалась Деникиным (руководство организации перебрасывалось в Екатеринодар, отделения существовали в Киеве и Одессе). Организация занималась пропагандистской деятельностью, содействовала отправке

^I РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1146. Л. 18.

^{II} Подробнее см.: Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 408–416.

^{III} Там же. С. 420; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 295.

^{IV} Подробнее см.: Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. С. 417–421.

^V ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 141об.

^{VI} Так в документе.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 47.

к белым офицеров, а также вела разведку на советской территории. Сотрудники организации получили псевдонимы по названиям букв старославянского языка. Помощником начальника организации был полковник А.А. фон Лампе, получивший кодовое имя «Люди»^I. В ряде случаев кадровый состав центров и «Азбуки» совпадал. Так, начальником киевского центра был полковник В.П. Барцевич, также руководивший местным отделением «Азбуки» (псевдоним «Фита»). После ухода из Киева немцев в конце 1918 г. Барцевич выпускал и распространял антибольшевистские листовки, а также пытался организовать повстанческое движение в Киевской губернии, но это начинание успехом не увенчалось^{II}. С занятием белыми Киева организация вышла из подполья, а некоторые ее сотрудники вследствие легализации оказались раскрыты. Шульгин пытался провести кандидатуру Барцевича на пост киевского градоначальника, но этот замысел не удался^{III}. Кроме того, Барцевичу пришлось противостоять деникинской контрразведке, сотрудники которой не отличались компетентностью^{IV}.

Выдающимся белым разведчиком был начальник агентурной части разведывательного отделения штаба главнокомандующего ВСЮР полковник В.Д. Хартулари. Это был храбрый офицер, в 1918–1919 гг. неоднократно с огромным риском ездивший с белого Юга в командировки на советскую территорию и даже на другие белые фронты через Советскую Россию. В начале осени 1918 и весной 1919 г. Хартулари приезжал в Москву для координации работы белого подполья. Насколько можно судить, он имел отношение к созданию московской военной организации «Национального центра»^V. В 1920 г. офицер остался в красном Екатеринодаре для организации агентурной сети по новой системе, взамен прежней, разгромленной после ликвидации «Национального центра» и других подпольных организаций.

Судьба этого разведчика оказалась трагичной. В результате предательства одного из его сотрудников, мичмана Кондратенко, добровольно явившегося к чекистам, Хартулари попал в руки работников Особого отдела Кавказского фронта, став фигурантом дела «Волк» (Хартулари скрывался под фамилией Волков) о раскрытии белогвардейского подполья на Кубани. Однако чекисты от белого разведчика ничего не добились, поскольку Хартулари повесился в одиночной камере № 26 городской тюрьмы Екатеринодара. Особоуполномоченный Кавказского фронта чекист Г.А. Атарбеков телеграфировал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому 23 апреля 1920 г.: «До моего приезда местная чека совершила крупнейшую ошибку, арестовав полковника Хартулари, живущего [под] фамилией Волкова. Я не успел [о]просить его, так как он повесился в тюрьме»^{VI}.

В предсмертной записке Хартулари сообщал: «Ухожу из вашей тюрьмы я, Генерального штаба полковник Хартулари Владимир Дмитриевич, мной кончается подпольная деятельность Деникина, организации у меня нет, несколько намеченных лиц, но без моих инструкций они ничего не будут делать... уйти [в] частную жизнь. Контрреволюция юга кончилась. Мичман Кондратенко виноват только

^I К истории осведомительной организации «Азбука». С. 183.

^{II} Тюремная одиссея Василия Шульгина. М., 2010. С. 165, 263.

^{III} Шульгин В. В. 1919 год / под ред. А. А. Чемакина. М., 2018. Т. 2. С. 150.

^{IV} Там же. С. 292–293.

^V ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670. Л. 31.

^{VI} Там же. Л. 8–9.

в том, что был со мной знаком и даже намечался мною в организацию. Пред смертью не лгу, верьте мне. Если советская власть [отка]жется от коммунизма, она будет народной и даст России мир и счастье, иначе придут... [неразборчиво]. Я [верю] в вашу порядочность и прошу деньги передать моей гражданской жене и двум дочерям: Пенза, улица Гоголя, дом квартира первая Ни[не] Дмитриевне Берской^I. Разведчик пытался спасти свою агентуру, так как на самом деле организация у него существовала. Атарбеков сообщал Дзержинскому: «Мое мнение, что со смертью Хартула[ри] белые потеряли крупного организатора, но его работа будет продолжаться. Удалось установить резидента Кубанской области»^{II}.

Чекисты смогли вычислить сотрудницу Хартулари, к которой под видом белого был приставлен агент. Целью операции было выйти на московские явки белого подполья^{III}. Гибель белого разведчика необходимо было скрыть от подпольщиков, чтобы те думали, что он жив и выпущен ЧК^{IV}. Как выяснилось, Хартулари руководил подпольной организацией, имевшей резидентуры на Дону (полковник Косоногов) и Кубани (офицер Шубин). По делу было арестовано более 60 человек. В показаниях фигурантов дела нашли пересечения с показаниями московских белых подпольщиков. Однако доверенные лица Хартулари заболели и умерли в Екатеринодаре, поэтому связь в Москве установить не удавалось^V. Тем не менее чекисты в мае 1920 г. вычислили, а в июле 1920 г. вышли на знакомую Хартулари в Москве О.А. Шевельеву, которая заинтересовалась возможностью встретиться с пришедшим к ней агентом^{VI}. По делу Хартулари в августе 1920 г. был арестован профессор Московского университета, знаменитый историк М.М. Богословский^{VII}. Чем завершилась эта операция, в документах дела не указано.

Подпольная борьба не прекращалась и в 1920 г. Сохранилось свидетельство на этот счет, оставленное бывшим врангелевским офицером, захваченным красными в плен, но позднее сумевшим бежать из Советской России. В период следования по железной дороге, видимо, в августе 1920 г. у него произошла необычная встреча: «Проходя около стоящего поезда, такого же, как наш, слышу, что кто-то меня зовет: “Эй, белый, иди сюда...” Передо мною в вагоне оборванный субъект с рыжими подкрученными усами, его смеющееся лицо украшено, вещь достойная удивления, золотым пенсне. “Скажите, вы голодны? И нет денег?” “Хорошо, вот вам...” И в вытянутой руке несколько “керенок”. Он снова роется рукой в грязном мешке и вытягивает еще несколько билетов, тоже очень грязных. Я благодарю и отхожу.

Годом позже, в Варшаве, в общежитии белых офицеров, я встречаю этого же “субъекта”, который мне щедро подарил “керенки”. Оказалось, что это был

^I Там же. Л. 9–10. В искаженном виде с признанием советской власти текст записки публиковался в: Остряков С. З. Военные чекисты. С. 78 («Я — полковник Генштаба В. Д. Хартулари. Со мной кончается подпольная деятельность господина Деникина. Организации у меня еще нет, есть несколько намеченных лиц, но без моих инструкций они ничего не будут делать... Контрреволюция на юге кончилась... Советская власть непобедима»).

^{II} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670. Л. 11.

^{III} Там же. Л. 11–12.

^{IV} Там же. Л. 13.

^V Там же. Л. 31.

^{VI} Там же. Л. 46–46об.

^{VII} Там же. Л. 50.

подполковник Генштаба, посланный вглубь России, в разведку. “Помните мой мешок?” — сказал он при нашей встрече. “Там были миллионы керенок, но мешок был такой грязный, что даже “товарищи” отталкивали его с отвращением...”

Подполковник был накануне своего отъезда в Югославию; больше мне не удалось встретиться с ним^I.

Антибольшевистское подполье в рядах РККА на Украине весной — летом 1919 г. было достаточно мощным. Строительство Красной армии и советских спецслужб здесь существенно отставало от аналогичных процессов на территории РСФСР. Разумеется, это давало более широкие возможности для работы белого подполья.

По всей видимости, подбор кадров даже в советские военные учреждения оставлял желать лучшего. На службу принимались дети белых офицеров, белые подпольщики и сочувствовавшие противнику. Одна из служащих украинского Наркомата по военным делам позднее свидетельствовала: «Я не ошибусь, если скажу, что за малыми исключениями все служащие Наркомвоена радовались в душе успеху деникинской армии»^{II}.

Белые агенты, работавшие в украинских советских формированиях, были связаны с Киевским главным центром Добровольческой армии. Официальным представителем Добровольческой армии в Киеве был генерал-лейтенант П.Н. Ломновский. После того как белые организации перешли на нелегальное положение, центр возглавляли полковники Н.В. Ерарский и А.В. Станиславский. Публиковавшиеся в советское время данные о раскрытии организации Ерарского^{III} не соответствуют действительности, хотя бы потому, что на самом деле руководители организации (полковник Ерарский и подполковник Н.З. Неймирок) благополучно попали к белым, тогда как по официальной чекистской версии были расстреляны (между тем еще весной 1919 г. в советских газетах упоминалось о побеге Неймирока).

Подполковник С.Н. Ряснянский, побывавший от Добровольческой армии в Киеве в 1918 г., вспоминал: «Встретив в Киеве нескольких знакомых офицеров, среди которых были и оф[ицеры] Генерального штаба, я попросил их помогать мне, они согласились. Особенно был полезен по части доставления сведений пол[ковник] Г[енерального] ш[таба] Ерарский, который вообще выказал себя во все время войны и с большевиками выдающимся работником по агентурной разведке и доставил большевикам много хлопот, организовав в Киеве во время их господства там разведывательный пункт Д[обровольческой] ар[мии], который давал мне много ценных сведений о большевиках...»^{IV}

Подробности работы центра удалось установить из письма генерала П.А. Кусонского генералу А.И. Деникину от 25 сентября 1924 г. Кусонский писал: «Н.З. Неймирок, командуя Донской бригадой, пропал без вести в бою 17 февраля 1920 г., и жена его, проживающая в Сербии, равно как и родные, оставшиеся в Киеве, никаких сведений о нем до самого последнего времени не имели.

^I Рыхлинский В. А. Плен и побег // Военная Быль (Париж). 1964. № 68. С. 41–42.

^{II} Гауг Е. На службе у большевиков // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 213.

^{III} См., напр.: Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сталис В. В. Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990. С. 183–184.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 606. Л. 28–29.

Киевский “центр” возник самостоятельно еще в конце 1917 года, но стал работать активно, возглавляемый мною, лишь с апреля 1918 года, когда в Киеве появились офицеры из Мечетинской (Барцевич, Ряснянский и др.) и когда я был в состоянии установить непосредственную связь с Иваном Павловичем [Романовским].

В июле, когда я сидел в тюрьме у немцев, по-видимому, по распоряжению от Вас представительство Добр[овольческой] армии в Киеве (официально для русских и подпольно для “украинцев” и немцев) принял на себя ген. Ломновский с возложением на наиболее активного участника центра – Неймирока – функций не то своего помощника и заместителя, не то н[ачальни]ка штаба.

“Азбука” с “центром” была связана через полк[овника] Барцевича (расстрелян большевиками в ноябре 1920 г.), который в качестве представителя “Азбуки” участвовал на всех заседаниях “центра”, связь “центра Д[обровольческой] а[рмии]” с “Национальным центром” и “Свив’ом” осуществлялась через Неймирока, который, как представитель “центра Д[обровольческой] а[рмии]” участвовал, с правом голоса, на всех заседаниях указанных организаций – вот почему у Вас и сложилось впечатление, что Неймирок был членом нескольких организаций.

Первоначально доклады попадали совершенно случайно то к Алексееву, то к Вам, затем, когда я прибыл в августе 1918 г. в Екатеринодар, было приказано переписку с центрами сосредоточить у А.М. Драгомирова, во второй половине сентября произошли перемены – Вы назначили меня ведающим центрами (с докладом, конечно, Ив[ану] Павловичу), но это продолжалось недолго (недели три), и, по сформировании Военного управления, центры окончательно перешли в ведение Вязьмитинова (а через него Лукомского).

9 и 11 октября Неймирок разговаривал с гетманом в качестве н[ачальни]ка штаба представителя Д[обровольческой] а[рмии]. Когда Ломновский фактически вступил в должность – я не помню; после столкновения с [А.Н.] Долгоруковым он заявил официальный протест, но продолжал нести свои обязанности.

После вступления Петлюры в Киев “центр” перешел в подполье; защита офицеров велась, с одной стороны, через д[окто]ра Ю.И. Лодыженского (комитет Кр[асного] Креста по защите и помощи политическим заключенным) и, с другой, через герм[анские] военные власти; в этот петлюровский период Ломновский и Неймирок продолжали свою работу по защите и помощи офицерству, а когда последний эшелон офицеров в середине декабря был отправлен в Германию и оба названных лица убыли в район Добр[овольческой] армии, в Киеве был оставлен новый “центр”, который оставался и в невероятно трудных условиях работал в подполье до самого освобождения Киева нашей армией в августе 1919 г. Во главе этого центра стоял сперва Ген. шт[аба] полк[овник] Н[иколай] Вл[адимирович] Ерарский (один месяц), а потом, почти до самого конца (не считая нескольких дней), полковник Ген. шт[аба] Андр[ей] Вас[ильевич] Станиславский^I. Последний летом 1919 г. бежал из Киева с одним вещмешком и под видом рабочего пробрался в Варшаву, затем через Вену и Константинополь прибыл в район ВСЮР, заняв пост помощника начальника организационного отделения отдела Генерального штаба Военного управления ВСЮР^{II}.

^I Аббревиатура подпольной организации, которую расшифровать не удалось.

^{II} BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 5.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

Занимавший пост начальника оперативного отдела, а затем начальника штаба группы войск Сумского направления бывший подполковник А.И. Парв в своем рапорте отметил, что, не имея связи с белыми, сосредоточил свои усилия на срыве операций красных, причем был вынужден действовать наугад. Во многом благодаря деятельности А.И. Парва белые 28 июля взяли Полтаву, а управление войсками Сумской группы красных оказалось доведено до того, что большевикам пришлось оставить город Сумы. Затем Парв уехал в командировку в Киев и скрывался до прихода белых.

Другой белый подпольщик, подполковник Н.Ф. Соколовский, дослужился у красных до помощника начальника отдела обороны организационного управления штаба Наркомата по военным делам Украинской ССР. В своем рапорте белому командованию Соколовский указал, что преднамеренно составил невыполнимые расчеты мобилизации населения в украинские советские формирования. Наркомвоенмор Украинской ССР Н.И. Подвойский утвердил эти расчеты, «переварить которые Украина не могла бы и в несколько лет»^I. И хотя впоследствии Соколовский утверждал, что его доклад представлял собой на $\frac{3}{4}$ подтасовку с целью показать размах подпольной работы^{II}, имеется достаточно оснований считать документ достоверным. Так, один из начальников дивизий 12-й армии М.Е. Медведев свидетельствовал, что «при всех боевых действиях под Киевом, безусловно, существовала какая-то невидимая рука, направлявшая боевую работу совершенно в другую сторону»^{III}. О невыполнимости мобилизационных планов впоследствии писал командующий Украинским фронтом В.А. Антонов-Овсеенко. По его свидетельству, фронт запросил от наркомата значительные пополнения, однако наркомат наметил еще более широкую программу формирований — до 249 000 человек при 65 000 лошадей^{IV}. В то же время некомплект к 1 июня 1919 г., по данным Антонова-Овсеенко, составлял 287 000 человек и 134 000 лошадей^V.

Антонов-Овсеенко был информирован о потенциальном наличии белой агентуры в украинских советских штабах. Так, еще 23 февраля 1919 г. в Орле он получил записку, в которой отмечалось, что в штабе армий Украинского фронта, возглавлявшемся бывшим полковником В.П. Глаголевым, не все благополучно. Проверкой занялся Особый отдел, и при обысках были найдены компрометирующие сотрудников штаба документы и погоны^{VI}.

Впрочем, при чистках чаще страдали невинные люди, например, хранившие офицерские погоны или иные материалы, напоминавшие о прежней службе. Известен случай расстрела весной 1919 г. бывшего генерал-майора М.В. Баскова, поступившего на службу в Красную армию и служившего начальником оперативного отделения оперативного управления штаба армий Украинского фронта, только за то, что он годом ранее имел неосторожность сфотографироваться

^I РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 54. Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. С. 3–20.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 321. Л. 19об.; ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 2.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 14.

^{IV} Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. М., 1933. Т. 4. С. 132.

^V Там же. С. 133.

^{VI} То же. М., 1932. Т. 3. С. 173–174.

с гетманом П.П. Скоропадским¹. В нашем распоряжении нет данных о возможной связи Баскова с антибольшевистским подпольем. В штаб он был назначен по рекомендации Глаголева. История Баскова позднее нашла отражение в образе военспеца-изменника Басова в советском приключенческом фильме «Адъютант Его Превосходительства».

Белые агенты пытались максимально оттянуть части красных с деникинско-го фронта, направив их на Запад и Юго-Запад Украины или на борьбу с крестьянами-повстанцами («внутренний фронт»). Подполковник Н.Ф. Соколовский способствовал углублению конфликта в советском военном руководстве на Украине между Подвойским и Антоновым-Овсеенко. Кроме того, белый агент содействовал оставлению красными Киева 30 августа 1919 г.

Оба агента были офицерами Генерального штаба, кавалерами Георгиевского оружия за Первую мировую войну, т.е. храбрыми людьми, обладавшими к тому же высоким образовательным цензом. Совокупность этих данных позволяла им успешно вести свою крайне рискованную работу. Впрочем, как отметил в свое время один из первых исследователей темы В.Г. Бортневский, «страницы не писанной пока истории разведки и контрразведки Белого Юга... связаны с самоотверженной и высокопрофессиональной деятельностью одиночек...»^{II} Об огромном риске и трудностях в работе сообщал подполковник Соколовский в своем рапорте белому командованию: «Тяжелые условия, постоянный шпионаж, расстрелы, преследования, троекратные открытия организации — все это было тормозом для более интенсивной деятельности»^{III}.

В начале 1922 г. Соколовский вернулся из эмиграции в Советскую Россию, был арестован и судим. Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК сочла рапорт офицера белому командованию на $\frac{3}{4}$ вымышленным и составленным с целью избежать наказания за службу в РККА. Отмечалось также, что сам Соколовский в эмиграции агитировал белых офицеров возвращаться в Россию. Соколовского приговорили к лишению свободы на три года с зачетом предварительного заключения и применили амнистию, освободив от наказания в зале суда^{IV}.

С занятием белыми Киева, как свидетельствовал полковник Е.Э. Месснер, многие офицеры стали предъявлять удостоверения членов различных белых подпольных организаций. Таких лиц иронично называли «подснежниками»^V.

^I Там же. С. 296; Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. М., 1964. С. 39–42. Данные о судьбе Баскова в различных документах расходятся. По одним данным, он действительно был расстрелян Киевской ЧК в конце марта 1919 г. (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 39). По другим сведениям, пропал без вести при эвакуации красными Украины (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38). По всей видимости, сведения о расстреле все же соответствуют действительности. Во всяком случае, 23 августа (5 сентября) 1919 г. белыми в Киеве было выдано удостоверение вдове убитого большевиками генерал-майора Баскова Вере Андреевне с сыном Борисом 14 лет и дочерьми Надеждой 13 лет и Верой 10 лет, которые отправлялись в Таганрог (РГВА. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 361).

^{II} Бортневский В. Г. Избранные труды. С. 303.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 5. Л. 55об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 321. Л. 19–20.

^V Месснер Е. Э. Мои воспоминания. С. IV–217 // BAR. E. E. Messner collection. Box 1.

Работу белого подполья в Одессе (организация полковника А. П. Саблина) координировал генерал-лейтенант К. К. Литовцев (Шильдбах)^I. 15 июля 1919 г. он предложил группе офицеров поднять в Одессе восстание, а на следующий день передал подпольщикам данные о перегруппировке частей РККА и в дальнейшем передавал сведения о местонахождении броневиков и снаряжения, выдавал наряды на оружие для верных подполью частей. Действия Литовцева позволили восставшим немцам-колонистам без потерь отойти на север от Одессы. Кроме того, Литовцев отправлял из Одессы надежные войска, как, например, 45-ю стрелковую дивизию, оставляя в городе те части, в которых имелась белая агентура (части формировавшейся 47-й дивизии, начальник штаба которой бывший полковник Алексеев являлся членом подпольной организации). Наиболее удобный для связи с белым флотом участок побережья был занят постами лояльной белым части дивизии. В результате удалось получить необходимые инструкции по координации действий с белыми. Наконец, Литовцев убедил РВС южной группы 12-й армии не спешить с эвакуацией Одессы. В конце концов, генерала арестовали; спасло его то, что Одессу в результате десантной операции заняли белые.

Генерал А. А. фон Лампе в дневнике зафиксировал суждение генерал-майора И. М. Белоусова в Екатеринодаре о том, что «удар на Батайск, почти отрезавший донцов от нас и потом бессильно повисший в воздухе, тоже был остановлен расположенной к нам рукой»^{II}.

Важнейшим стимулом для работы подпольщиков были личные убеждения. На этом принципе держалось белое подполье в рядах армии УНР. Белая разведка искала пути внедрения в украинские войска на рубеже 1918–1919 гг. В частности, полковник А. В. Станиславский предлагал пойти на украинскую службу подполковнику Н. Ф. Соколовскому «в целях русификации штаба»^{III}. Противники украинских националистов, оказавшиеся в войсках УНР, в 1919 г. создали продезинформационную организацию «Девятка», в которой каждый из участников знал только девять человек. Члены организации проникли даже в штаб украинского Головного атамана С. В. Петлюры и занимали ряд ответственных постов. На счету «Девятки» были попытка срыва петлюровской мобилизации, изменение оперативных планов украинского командования, приведшее к неудачам на фронте (перенос направления наступления с Одессы на Киев), агитация в пользу белых, дезорганизация снабжения армии, разжигание противоречий в командном составе армии УНР и провокации против некоторых старших офицеров, а также передача сведений белым. По данным одного из членов «Девятки», с организацией тайно сотрудничали крупные украинские генштабисты: начальник штаба армии УНР генерал В. А. Синклер, 1-й генерал-квартирмейстер полковник Н. А. Капустянский, начальник Генерального штаба генерал С. И. Дядюша, генерал-инспектор галицийских войск генерал В. И. Генбачев и его помощник полковник Н. Е. Какурин^{IV}.

^I HIA. Vrangal collection. Box 33. Folder 23.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 138.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-6393. Оп. 1. Д. 1. Л. 60б. – 70б. Публикацию документа см.: Ковальчук М. А. Невідома війна 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006. С. 455–456.

Выпускники академии состояли в подпольных антибольшевистских организациях в Поволжье и Сибири. Подпольные организации способствовали успехам противников новой власти в период выступления Чехословацкого корпуса в 1918 г. Управляющий военным ведомством Комуча Н.А. Галкин уже в январе 1918 г. вошел в подпольную офицерскую организацию в Самаре, а позднее, в период подготовки восстания против большевиков, познакомился с будущими лидерами Комуча^I. Организация наладила контакты со штабом Приволжского военного округа, что предопределило позднейший переход штаба на сторону антибольшевистских сил^{II}. Установились связи с уральскими казаками, чехословаками и французским консулом Л. Жано. Тем не менее подпольщики не считали себя достаточно сильными, чтобы выступить до подхода чехословацких войск. По свидетельству Н.А. Галкина, в офицерской организации насчитывалось 150–200 человек^{III}. В итоге подпольщики присоединились к захватившим Самару в июне 1918 г. чехословакам.

Один из руководителей белого подполья в Екатеринбурге, капитан А.Л. Симонов, сообщал в рапорте 1-му генерал-квартирмейстеру Ставки Верховного главнокомандующего (белых сил на Востоке России) 25 ноября 1918 г.: «Участь Екатеринбургского района была решена победой чехов у ст[анции] Незепетровская. Как эта победа, так и вообще благоприятная обстановка для занятия Екатеринбургского района были подготовлены мною; это моя работа, за которую я, будучи начальником штаба [Р.И.] Берзина, неоднократно рисковал быть повешенным или расстрелянным»^{IV}. Симонов в РККА занимал пост начальника штаба Северо-Урало-Сибирского фронта. Возглавлял подпольную организацию бывший штабс-капитан А.А. Буров – начальник разведывательного отдела того же штаба. Против большевиков работал и бывший полковник Н.В. Шереховский, служивший в областном военном комиссариате. Скрывавшийся в окрестностях Екатеринбурга финансист В.П. Аничков вспоминал: «Мы держали связь с готовящейся к восстанию белой молодежью... Приезжали и другие офицеры, в большинстве своем выпускники [академии] Генштаба. Их приводили к нам на свидание, и здесь на имеющихся у них картах они наносили пункты расположения красных и белых войск»^V. Первоначально выступление было назначено в ночь на 24 июля, но состоялось лишь через сутки. Руководил восстанием оперативный штаб во главе с А.А. Бутовым и бывшим подпоручиком В.М. Зотовым, не имевшим отношения к академии. В ночь на 25 июля 1918 г. подпольщики выпустили заключенных из тюрьмы и заняли ряд советских учреждений. Буров участвовал в бою за станцию Екатеринбург-2. 25 июля Екатеринбург был занят антибольшевистскими силами.

Подпольная организация существовала и в Военной академии, оказавшейся летом 1918 г. в Екатеринбурге^{VI}. Ее лидером являлся бывший капитан К.Ю. Румша. Через упоминавшегося выше Симонова эта группа смогла получить оружие.

^I РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 185. Л. 27; Д. 885. Л. 1.

^{II} РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 885. Л. 4–5.

^{III} Там же. Л. 11.

^{IV} РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 138. Л. 1об.

^V Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 130–131.

^{VI} О подпольных организациях в академии см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 190–194, 203–212.

Отряд из 37 слушателей академии под командованием Румши¹, вооружившись, 21 июля ушел из Екатеринбурга в западном направлении, в сторону реки Чусовой на соединение с чехами, подходившими к городу. Из города выходили «пятерками», каждая по особому маршруту, назначенному руководителем организации. Встреча была намечена в лесу к западу от Екатеринбурга, где было спрятано оружие. К условленному месту не вышла только одна из «пятерок». Отряд Румши по соединении с белыми и чехословаками участвовал во взятии Екатеринбурга, после чего был расформирован. В дальнейшем подпольщики успешно служили на штабных и командных должностях в белых формированиях Востока России.

Группа слушателей академии из числа гвардейских офицеров разрабатывала планы спасения царской семьи из дома Ипатьева. Существовала так называемая пятерка помощи из пяти слушателей во главе с бывшим капитаном лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Д. А. Малиновским, занимавшаяся подготовкой освобождения арестованных. В «пятерку» также входили гвардейский артиллерист Л. К. Гершельман, лейб-гренадер Г. В. Ярцев, императорские стрелки Н. Н. Ахвердов и барон Н. А. Деллингсгаузен (в прошлом — камер-паж императора Николая II). По-видимому, к ним примыкали гвардейские артиллеристы Е. Н. Сумароков и К. Р. фон дер Ховен². В Екатеринбург Малиновский был направлен из Петрограда бывшим генерал-майором Б. В. Шульгиным — членом подпольной антибольшевистской офицерской организации³. Не сумев ничего предпринять для спасения Романовых, члены группы Малиновского примкнули к отряду Румши и ушли из Екатеринбурга.

Курсовик капитан Л. Д. Василенко в 1918 г. состоял в белом подполье в Сибири. Впоследствии, попав в плен к красным, он дал показания об этом. В приговоре Василенко, составленном Реввоентрибуналом 5-й армии, отмечалось: «С начала 1918 г. в Сибири организуется возглавляемая представителями правых социалистических партий группа областников-авантюристов, ставящая целью низвержение советского строя в Сибири и созыв сибирского Учредительного собрания, собравшаяся в начале 1918 г. Во всех городах и крупных пунктах Сибири организовались боевые организации, имевшие цели в свержении советской власти Сибири. Организации эти состояли по преимуществу из офицерства, эсерствующего реакционного студенчества.

Инструкции и директивы организации получали из своего центрального органа Сиб[ирского] правительства в лице военного министра [А. А.] Краковецкого. Так, организацией оттуда были получены 2 ориентировки о положении правительства

¹ Удалось установить 28 из 37 членов организации: Н. Н. Ахвердов, Н. В. Бартенев, В. К. фон Баумгартен, И. А. Бафталовский, Н. И. Белоцерковский, Г. Бируля, К. М. Войткевич, Л. К. Гершельман, В. А. Гирш, Н. А. Деллингсгаузен, М. А. Демишхан, Дмитриев, Е. М. Дубинин, А. А. Дурасов, Н. Н. Ивановский, Д. А. Малиновский, К. Н. Матвеев, Н. А. Мягков, И. А. Плюцинский, Р. М. Политковский, К. Ю. Румша, Н. Н. Рыбалтовский, К. В. Семчевский, К. Л. Соболев, Е. Н. Сумароков, Н. П. Топорков, И. М. Чебеняев, Г. В. Ярцев. Семь членов организации Румши — слушателей младшего ускоренного курса (Д. И. Андерс, Н. М. Ивановский, П. Н. Крылов, К. А. Любич, С. С. Полянский, И. В. Случевский, М. В. Смирнов) остались в Екатеринбурге (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1628. Л. 50об.).

² Позднее были привлечены Н. В. Бартенев, В. К. Баумгартен, Е. М. Дубинин, А. А. Дурасов, Н. А. Мягков и К. В. Семчевский (Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М., 1998. (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; т. 8). С. 79–81).

³ Там же. С. 79.

на Дальнем Востоке и предполагаемом объединении на борьбу с Советами и всех дальневосточных вооруженных сил, в том числе и атамана Семенова.

Организации на местах имелись почти всюду. Во главе их в Восточной Сибири стоял генерал [А.В.] Эллерц-Усов, ныне приговором суда трибарма^I 5[-й] расстрелянный, в Западной Сибири – [А.Н.] Гришин-Алмазов. В Западной Сибири, начиная от реки Енисея, организации офицеров были в Красноярске, Ачинске, Тайге, Новониколаевске, Омске, Барнауле, Семипалатинске и других местах.

Обвиняемый, бывший слушатель академии Генштаба Лев Василенко, вступил в организацию в Томске, где он встретился с начальником Гришиным-Алмазовым, знакомым еще по службе в старой армии. Демобилизованный из старой армии в чине капитана и приехав по месту жительства своей семьи в гор[од] Красноярск, Василенко поехал в Томск с целью поступления на бухгалтерские курсы и для получения высшего образования. По его объяснению, будучи воспитан на известных принципах и как военный, любящий Россию и армию человек, Василенко под влиянием Гришина-Алмазова и нового знакомого эсера Михайлова, будучи неудовлетворен и возмущен политикой и мероприятиями местных властей, всей системой разрушительной и отсутствие[м] какой-либо созидательной работы, главным образом п[р]одвижением разложения армии, не удовлетворяющей его в организации армии на новых началах, Василенко вступил в упомянутую организацию, имевшую целью свержение советской власти в Сибири и передачу^{II} ее Сибирскому правительству. Как слушатель академии [Ген]штаба и близкий знакомый Гришина-Алмазова, Василенко был назначен начальником штаба тайной офицерской организации Западной Сибири, объединив, таким образом, конспиративную работу всех местных организаций и отрядов. В мае 1918 года Гришин-Алмазов уехал из Томска на запад для переговоров^{III} с выступившим[и] тогда около Перми^{IV}, Челябинска и восточнее чехами, эвакуировавшимися на родину через Восток и отказавшимися сдать оружие. После переговоров с чехами, после совершения гнусного предательства дела русской революции, Гришин, заручившись обещанием поддержки со стороны чешского^V генерала Гайда, объявил письменный приказ о [по]всеместном выступлении. Приказ этот был разослан всем начальникам организации и отрядов обвиняемым Василенко, в чин полковника Василенко был произведен за принадлежность к тайной организации. Вскоре после переворота Василенко получил назначение на должность нач[альни]ка штаба 2-го Степного отдельного корпуса, в должности этой пробыл до декабря 1918 года^{VI}.

Василенко показал, что «вступил в тайную организацию под влиянием возмущения и неудовольствия разложения армии, что ему как человеку военному трудно перенести было, а также под влиянием Гришина-Алмазова и Павла Михайлова.

^I Армейского трибунала.

^{II} В документе — передачи.

^{III} В документе — перевыборов.

^{IV} Так в документе. Правильно — Пензы.

^V В документе — чехского.

^{VI} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 331. Л. 167.

Полуторамесячную работу свою нач[альником] штаба организации Василенко считает непродуктивной и указывает на то, что после чешского¹ переворота он нес узко специальную работу как генштабист, что вся его работа сводится к созданию вооруженных сил². В некоторых местах подпольщики успешно внедрились в советские органы. Например, бывший генерал В.Л. Попов занял пост начальника штаба Сибирского военного комиссариата.

Есть отдельные упоминания и о работе подпольщиков на Восточном фронте. Так, выпускник ускоренных курсов академии полковник Б.Н. Ковалевский (Ковалевский-Русский), перешедший к белым, сообщал в докладе от 6 июля 1919 г. управляющему делами Совета министров Верховного правителя, что сдал белым без боя города Оса и Воткинск, а в период с 5 марта по 7 апреля 1919 г. активно содействовал «при невозможно-тяжких условиях» разгрому белыми левого фланга 2-й советской армии³. Кроме того, Ковалевский писал о том, что было сорвано наступление 2-й армии красных 29–30 марта 1919 г. с целью выйти на линию Оханск — Оса — Бирск⁴. По учетным данным РККА, Ковалевский в 1918 г. был освобожден от службы врачебной комиссией, однако позднее был мобилизован, а весной 1919 г. значился начальником штаба 7-й стрелковой дивизии 2-й армии.

Туркестан стал еще одним регионом, где активно работали белые подпольщики, включая генштабистов. Здесь в 1918 г. возникла Туркестанская военная организация, руководителями которой был генерал-лейтенант Л.Л. Кондратович. Организация действовала с лета 1918 г. в Ташкенте, имела отделы в Самарканде, Коканде, Красноводске, Асхабаде, Верном и подотделы в более мелких пунктах, вела работу по объединению офицеров для организации антибольшевистского восстания в Средней Азии. Агенты организации были в частях Красной армии. Кроме того, было много сочувствующих. Штаб организации установил связь с вождями повстанческих отрядов: ханом Джунаидом, главой туркменских племен, и Адиз-ханом (Азиз-ханом), главой текинских племен. С организацией был тесно связан крупный белый разведчик полковник И.М. Зайцев⁵. Члены организации были разбиты на шестерки: каждый член организации вербовал еще пятерых, те, в свою очередь, — еще пятерых каждый и т.д. Всего в организации состояло около 3000 человек. Из-за конспирации точного числа членов не знало даже руководство. Впрочем, не все в работе организации шло гладко: не хватало оружия, денежных средств, отмечался сепаратизм асхабадского, ферганского, семиреченского и самаркандского отделов. Сепаратизм порождал интриги и сеял рознь между отделами, каждый из которых стремился возглавить борьбу с большевиками. В большей степени это относилось к отделу в Асхабаде, который имел прямые контакты с британской военной миссией генерал-майора У. Маллесона в Мешхеде (Персия).

¹ В документе — чешского.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 331. Л. 167об.

³ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 12. Д. 10. Л. 20об.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. № 8. С. 193–207; Его же. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.

Из-за нехватки оружия и денег организация была вынуждена заключить соглашение с англичанами^I. Англичане издавна преследовали свои интересы в Туркестане. Летом 1918 г. главной задачей британской разведки в регионе была борьба с попытками германо-турецких сил проникнуть в Афганистан и развязать там религиозную войну^{II}. Кроме того, англичане противодействовали и большевикам как сторонникам германцев. Британская военно-дипломатическая миссия прибыла в Ташкент с разрешения Туркестанского Совнаркома 14 августа 1918 г. из Кашгара. По соглашению с англичанами, организация должна была поднять восстание против советской власти в разных районах Туркестана. По мнению британского разведчика подполковника Ф.М. Бейли, одновременное выступление позволило бы разгромить туркестанских большевиков^{III}.

Генерал Кондратович получил от англичан деньги и приступил к покупке лошадей для создания конных частей. Это не осталось незамеченным Туркестанской ЧК. В результате было арестовано около 50 членов организации, остальным пришлось временно свернуть свою деятельность. Генерал Кондратович сумел скрыться.

Список генштабистов, участвовавших в деятельности антибольшевистских подпольных организаций или оказывавших содействие белым армиям иными способами, этими данными не исчерпывается. Однако разведывательную работу в советском тылу вели не только опытные генштабисты и профессионалы шпионажа и контршпионажа. Такие люди скорее были исключением, а преобладали дилетанты. Тем более что даже офицеры старой армии – костяк белых разведчиков – в абсолютном большинстве не обладали никаким опытом конспиративной деятельности. Но, как справедливо отмечал один из первых исследователей советских спецслужб С.С. Турло, «в эпоху Гражданской войны, когда буржуазия еще надеялась услышать звон кремлевских колоколов, тогда шпионажем занимались все. Занимались и буржуазия, и интеллигенция, и офицерство, и ученые. Занимались шпионажем и офицеры Генштаба, и просто разные командиры. Доходило до того, что люди из “благородного” общества, “хорошо воспитанные” родители в целях этой “священной миссии” благословляли своих детей 15–16 лет на разврат. Здесь было все испытано, чтобы спасти Россию от большевиков»^{IV}.

С другой стороны, часть офицеров по традиции воспринимала какую-либо подпольную работу в РККА как подлость, как что-то нечестное и непорядочное. Характерно высказывание в беседе с другим военспецом летом 1918 г. бывшего штабс-капитана М.И. Алафузо, служившего в РККА, но желавшего победы белым: «Не скрою, я сочувствую белым, но никогда не пойду на подлость. Я не хочу вмешиваться в политику. У вас в штабе поработал совсем немного, а уже чувствую, что становлюсь патриотом армии. Обидно, что нас все время бьют. Плохо мы воюем... Я честный офицер русской армии и верен своему слову, а тем более – клятве. Ведь придется же мне присягу у вас принимать?! Не изменю. Понимаете – не изменю! Задача офицера, как сказано в наших уставах, защищать родину от врагов внешних и внутренних. И этот долг, если я поступил к вам на службу, я выполняю

^I РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

^{II} *Malleson W. The British Military Mission to Turkistan, 1918–1920. London, 1922. P. 96.*

^{III} *Bailey F. M. Mission to Tashkent. N.Y., 2002. P. 49.*

^{IV} Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М., 2007. С. 532.

честно»^I. Алафузо, который был расстрелян в 1937 г., высказал распространенную среди военспецов альтернативную точку зрения на то, как следует себя вести в сложившихся условиях. Такой подход ограничивал круг белых подпольщиков в офицерской среде.

Нередко складывалась ситуация, когда антибольшевистски настроенные военспецы, в том числе связанные с подпольными организациями, оказывались бессильны чем-либо помочь тем, кому симпатизировали. Один из мемуаристов очень точно обрисовал подобную ситуацию: «Уклониться от боя нельзя. Приказ точно дает задачу. Да и комиссар под боком. Следит за каждым моим распоряжением. Да и начальник штаба у меня человек поганенький — карьеру делал. Полки подобрались, как назло, хорошие. И дерутся хорошо, и послушны. Материал-то ведь один и тот же... Старый солдат, красный солдат, белый солдат — тесто-то ведь одно. Что ни бой — успех. Бьем белых... Бью людей, да что там таиться, а у самого душа плачет. Не красный же я... Воспитание, сорок пять лет за плечами — все это не вычеркнешь. Вы, как хотите, судите меня, а я признаюсь вам: к большевикам душа у меня не лежит... Скорее она там, у белых... Мы носим теперь несмываемую печать проклятия... Это неверно, что мы оказались в тисках событий и что не было выбора... Для честных людей всегда выбор есть... Можно было пробраться к Корнилову... Можно... Ну а нельзя было, значит, пускай пулю в лоб. “Пришлось пойти к красным...” Это не оправдание»^{II}.

Схожую картину в штабе 12-й армии в 1919 г. наблюдал другой очевидец: «На путях ловчения пришлось идти в штаб 12-й советской Красной армии, и тут я столкнулся с явлением, которое при последующем анализе привело меня к убеждению, что оно обеспечило победу красных в Гражданской войне... Личный состав штаба состоял из русских штабных офицеров во главе с командиром бывшим генерал-лейтенантом [Н.Г.] Семеновым и его начальником штаба генерал-лейтенантом Давыдовым»^{III}. Начальники отделений оперативного и разведывательного и их помощники также были строевыми офицерами императорской армии. При первой встрече я сразу же нашел общих знакомых... Все мои сослуживцы в отделении, как и я сам, принадлежали к категории, именуемой большевиками “контра”, и это было тем явлением, которое дало в конце концов победу большевикам. Троцкий сумел организовать Красную армию и дать ей победу в борьбе против белых, благодаря помощи кадрового офицерства»^{IV}. Несмотря на симпатии к белым и даже сотрудничество некоторых военспецов с белым подпольем, штаб в основном работал на красных.

Наблюдалась и еще одна тенденция. По мере эскалации Гражданской войны военспецы все сильнее ощущали себя связанными с большевистским режимом. Этот феномен описал в воспоминаниях князь С.Е. Трубецкой (негенштабист): «Мне пришлось наблюдать интересную эволюцию настроений в связи с победами или поражениями Красной армии. Вначале огромное большинство этих офицеров

^I Цит. по: Софронов Г. П. Неподвластное времени. М., 1976. С. 149.

^{II} Савченко И. Г. В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016. С. 218–219.

^{III} По-видимому, ошибка мемуариста. Должность начальника штаба армии занимали другие лица.

^{IV} Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 616–617.

душой еще были с белыми и втайне радовались их успехам. Но чем дальше шло время, тем личные интересы этих офицеров теснее срастались с судьбами красных, и многие из тех, которые вначале радовались поражениям Красной армии, теперь радовались ее победам: их теперь страшила победа белых и ответственность за сравнительно длительное пребывание в рядах Красной армии. Троцкий, как действительно умный человек, понимал эту выгодную коммунистам эволюцию настроений среди вкрапленного в Красную армию бывшего офицерства; многие же коммунисты этого не понимали». Некоторые в самом деле боялись ответственности за службу в РККА, которую пришлось бы понести в случае победы белых.

Белые подпольщики в РККА и национальных армиях, как одиночки, так и члены организаций, несмотря на колоссальный риск, оказали немалую помощь белым армиям, способствовали срыву ряда операций РККА, сдавали целые города. Разумеется, к отчетам белых агентов следует относиться с осторожностью, так как любым агентам присуще стремление к преувеличению своих заслуг на поприще тайной войны.

При этом мы не располагаем какими-либо заслуживающими внимания данными о том, чтобы генштабисты белых армий работали на красных. В одном из документов советской военной разведки, датированных февралем 1919 г., отмечалось, что советские агенты не сумели проникнуть ни в один из белых штабов¹. Это отличие носит принципиальный характер и связано с тем, что идеи большевизма не получили распространения в среде белой военной элиты, а других мотивов такого рода работы быть не могло. Не работали белые генштабисты в своих штабах и на представителей национальных государств, что в свою очередь связано с неприятием белыми национального сепаратизма, противоречившего идее единой и неделимой России.

Белое командование скептически относилось к разрушительным возможностям своих сторонников в РККА. Подобный скепсис в масштабах всей Красной армии был во многом справедливым. Тем не менее эффективность подпольщиков могла быть выше при большей поддержке со стороны белых. Белые не смогли наладить эффективное взаимодействие со своими единомышленниками за линией фронта, что являлось серьезным упущением и может считаться одной из множества причин поражения противников большевиков.

В некоторых случаях белые, даже владея важнейшей оперативной информацией из советских штабов, не могли ею воспользоваться из-за отсутствия сил на фронте². Белые подпольщики, перейдя к своим, порой подвергались арестам и преследованиям. Например, по мемуарному свидетельству, сотрудничавший с организацией «Азбука» начальник штаба Черноморского побережья некий полковник Генштаба Алексеев с приходом белых вместо благодарности был арестован и повешен в тюрьме³. К сожалению, идентифицировать этого офицера не удалось. Арестован был и известный белый агент в Красной армии генерал

¹ Трубецкой С. Е. Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! С. 321.

² Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 605–606.

³ См., напр.: Ганин А. В. Саквояж генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 635–643.

⁴ Сливинская М. А. Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 104.

А.Л. Носович. Не случайно генерал-майор А.А. фон Лампе впоследствии отмечал в дневнике: «А если правы те, кто говорит, что красные начальники играли в поддавки, то как же надо объяснить все же наше конечное поражение... Выходит уж очень плохо»¹.

Генерал А.И. Деникин справедливо заметил об успехах белых агентов в РККА, что «свидетельствуя о высоком самоотвержении участников, эти факты имели тем не менее эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий»². Действительно, в антибольшевистском подполье состояло абсолютное меньшинство военспецов, тогда как десятки тысяч добросовестно служили новому режиму, что и предопределило победу красных. Отдельные, пусть даже крупные, успехи белых агентов не изменили ход Гражданской войны в пользу антибольшевистских сил. Одиночки не могли перебороть систему создававшейся Красной армии, которую планомерно выстраивали большевики. Содействие противнику со стороны отдельных представителей командования, безусловно, важное обстоятельство на войне, но намного важнее для достижения победы организация мощной, эффективной и боеспособной регулярной вооруженной силы. Именно этот фактор предопределил победу большевиков и Красной армии.

§ 3. Генштабисты и террор

Гражданские войны, отличаясь значительной ожесточенностью, не обходятся без крайних форм репрессий или террора. Для активных участников конфликта была характерна непримиримость и бескомпромиссность к противнику. Противоборствующие стороны быстро перешли к проведению в жизнь лозунга «Кто не с нами — тот против нас!» и к репрессиям в отношении тех, кто не сразу к ним присоединился или служил у противника. Для белых военспецы стали ренегатами, предавшими офицерскую корпорацию и недостойными даже именоваться офицерами. В восприятии красных белые офицеры являлись идейным костяком противоположного лагеря и подлежали истреблению.

В циркулярном письме ЦК РКП(б) от 14 июля 1919 г. об укреплении Красной армии отмечалось: «Военные специалисты нужны нам для армии, и военных специалистов мы будем привлекать и впредь. Нет ничего вреднее, как недомолвки и неясности в этом больном вопросе... Из числа офицеров за полтора года путем естественного отбора выделилась группа военных деятелей по большей части, которые с преданностью и самоотверженностью служат делу рабоче-крестьянской России... Но нельзя забывать и о том, что большинство так называемых военных специалистов принадлежит к другому, враждебному нам классу, что буржуазия стран Согласия (Антанты. — А.Г.) систематически подкупает и развращает этих военных специалистов. В момент, когда на том или другом фронте неудачами наше положение поколеблется, иногда начинаются эпидемии измен со стороны военных специалистов. События на Красной Горке, в Кронштадте и на Петроградском

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 31.

² Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 548.

фронте вообще показали, как широко развита измена известных кругов военных специалистов. Закрывать на это глаза было бы величайшим преступлением. Чем большую власть мы в интересах дисциплины отдаем командирам воинских частей, тем больше обязаны мы в оба следить за их политической лояльностью. Надо по всей России создать положение, при котором всем военным специалистам было бы ясно: те из них, которые честно служат рабоче-крестьянской России, — тем честь и место, но кто идет к нам с камнем за пазухой, кто пытается использовать свое пребывание в армии для организации контрреволюционных чечек, — тем беспощадный красный террор»^I.

Уже в начале 1918 г. большевистское руководство осознало исключительную важность специалистов Генерального штаба для создания новой армии и стало предпринимать шаги по их привлечению в РККА. Тем не менее на протяжении всей Гражданской войны в Красной армии постоянно ощущалась острейшая нехватка кадров Генштаба. Несмотря на это, в отношении офицерства в целом^{II} и генштабистов в частности советскими карательными органами проводилась самая активная репрессивная политика, в результате которой десятки из них были расстреляны, а сотни томились в заключении, будучи лишены возможности в самое напряженное время участвовать в военном строительстве.

Показателен сам факт отнесения офицеров к категории «бывших» людей. Как справедливо отметил один из современников, офицер в Советской России — это «человек, самым своим положением уже находившийся под вечным подозрением в контрреволюции»^{III}. По мнению генерала А.И. Деникина, с офицерами «Троцкий заключил неписанный договор: вы даете службу, мы гарантируем вам относительную безопасность; в случае измены — смерть вам и вашим семьям»^{IV}. Белый главнокомандующий несколько сгустил краски, поскольку террор в отношении семей изменников не вошел в распространенную практику. Тем не менее вопрос о целесообразности и обоснованности репрессий в отношении «лиц Генштаба» в условиях Гражданской войны, а также о конкретных результатах репрессивной политики для большевиков и Красной армии, масштабах, характере и последствиях репрессий против дореволюционной военной элиты представляет большой интерес.

Военспецы не были группой лиц, всецело лояльной большевикам. Последние также с подозрением относились к старым специалистам, в том числе и к тем, кто служил добросовестно. Всю репрессивную политику в их отношении в Гражданскую войну можно разделить на два периода — до и после создания Особого отдела ВЧК. На первом этапе в Советской России еще не сложилось единой карательной системы, тогда аресты генштабистов могли производить не только органы ВЧК, но и отделения военного контроля фронтов (к середине января 1919 г. в результате

^I Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. С. 188–189.

^{II} Антиофицерскую заостренность террора осени 1918 г. признают даже исследователи, придерживающиеся коммунистических взглядов (Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 168–169; Его же. Хроника красного террора ВЧК: Карающий меч революции. М., 2017. С. 195).

^{III} Соломон Г. А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007. С. 233.

^{IV} Деникин А. И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 10.

слияния с органами ЧК преобразованы в Особые отделы¹). Аресты также осуществлялись постановлениями военно-полевых трибуналов, местными Советами депутатов и ЧК. При таком многообразии репрессивных органов количественные показатели репрессий не могли быть незначительными, а самоуправство на местах, часто мешавшее общему делу борьбы с контрреволюцией, вызывало серьезную озабоченность центра. Налицо было неоправданное дублирование в работе карательных органов и отсутствие между ними достаточного взаимодействия.

Особый отдел (другое первоначальное название — Военный отдел) ВЧК был создан 19 декабря 1918 г. Его полномочия были очень широкими, включая право на арест и следствие. Особый отдел подмял под себя органы военного контроля, которые воспринимались чекистами как враждебные². Вместо организационной и административной работы первый председатель Особого отдела ВЧК М. С. Кедров предпочитал лично участвовать в арестах, обысках и допросах. Сначала на произвол Кедрова жаловались военспецы, а затем уже председатель РВСР Л. Д. Троцкий обоснованно обвинял Кедрова в дезорганизаторских действиях. Кедров стремился к самостоятельности как в рамках военного ведомства, так и ВЧК, конфликтовал не только с Троцким, но и с Дзержинским. В итоге 18 августа 1919 г. он был заменен Дзержинским³. Видную роль играл и первый заместитель председателя Особого отдела ВЧК при Дзержинском И. П. Павлуновский. На следующий год отдел возглавил В. Р. Менжинский.

На основе собранных нами сведений о судьбах офицеров-генштабистов в Советской России можно установить сравнительно точные данные о масштабах репрессий против них в годы Гражданской войны (разумеется, неизбежно дальнейшее уточнение и дополнение этих сведений). Расстрельная статистика по всем категориям выпускников академии на территории Советской России⁴ представляется следующей (табл. 58; в примечаниях генштабисты, ставшие жертвами красного террора, указаны поименно).

Таблица 58

Выпускники академии — жертвы красного террора 1917–1922 гг.

Год	Расстреляны, убиты, умерли в заключении (в скобках — в том числе курсовики)
1917 (с 25.10)	6 ^v
1918	46 (3) ^{vi}

ⁱ В. И. Ленин и ВЧК. С. 133.

ⁱⁱ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 147.

ⁱⁱⁱ Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 158–159; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007. С. 135–136.

^{iv} Сюда же включены данные о ликвидации А. И. Дутова в Западном Китае 6 февраля 1921 г., поскольку она была осуществлена по приказу большевистского руководства.

^v П. П. Дурново, Н. Н. Духонин, А. И. Кияшко, Ф. А. Петров, В. А. Смирнитский, князь Г. Н. Туманов.

^{vi} А. К. Ахматов, М. А. Беляев, С. Г. Бочаров, М. И. Бояринов, Брехман, В. И. Гаврилов, Л. Ф. Гартунг (арестован и пропал), М. А. Дорман, А. Г. Елчанинов, Я. Г. Жилинский, Н. Д. Зарин, М. Н. Кайгородов, Л. В. Квитницкий, А. Н. Ковалевский, В. А. Косаговский, И. Т. Кострюков, К. Д. Кузнецов, Куновский, П. А. фон Лайминг, Н. П. Лесевичкий, А. М. Назаров, А. Д. Оболевешев, А. И. Олейник, Г. П. Полковников, И. И. Попов, Р. Д. Радко-Дмитриев, Н. К. Раша, П. К. Ренненкампф, В. Е. Рожено, Н. А. Рот, Н. В. Рузский, В. В. Салов (умер в заключении), А. Г. Сандецкий, Я. В. Сафонов, Л. Л. Сидорин, В. К. Скловский, В. В. Смирнов, В. В. Троцкий, князь Г. А. Туманов, Б. Ф. Ушаков, П. Л. Хелмицкий, А. П. Шевцов, П. О. Щербов-Нефедович, А. Е. Эверт, Н. Н. Янушкевич.

Год	Расстреляны, убиты, умерли в заключении (в скобках — в том числе курсовики)
1919	25 (1) ⁱ
1920	51 (7) ⁱⁱ
1921	22 (8) ⁱⁱⁱ
1922	4 (1) ^{iv}
Всего	154 (20)

В конце 1917 — начале 1918 г. нередко происходили самосуды и стихийные казни, самоуправством и бесконтрольностью отличалась работа органов новой власти на местах. Как писал генерал Г.И. Клерже, «жуть беспощадного террора висела в воздухе и давила всей своей кровавой тяжестью»^v. В ноябре 1917 г. вследствие солдатского самосуда погиб арестованный Могилевским советом бывший начальник штаба Ставки и Верховный главнокомандующий генерал Н.Н. Духонин, в декабре в Ташкенте революционной толпой был убит генерал А.И. Кияшко, там же погиб генерал В.А. Смирнитский. Печально известны события в Пятигорске, где в октябре 1918 г. по постановлению ЧК Северо-Кавказской советской республики были зверски убиты (в основном зарублены) не менее 83 заложников^{vi}, в том числе бывшие генералы-генштабисты Р.Д. Радко-Дмитриев, Н.В. Рузский, В.В. Смирнов, Г.А. Туманов, А.П. Шевцов. Сами большевистские лидеры позднее поспешили отмежеваться от этих казней^{vii}. В некоторых случаях сложно разделить организованные репрессии от стихийных расправ, определить, был ли офицер арестован перед казнью, осужден или просто бессудно убит. Например, арестованный генерал Н.Н. Янушкевич был убит пьяными конвоирами под Петроградом^{viii}. Его

ⁱ М. В. Басков, Н. П. Бирюков, Ф. М. Вебель, В. В. Гейман, А. Ф. Григорьев, А. А. Дмитриев, А. В. Дорошкевич, Ф. М. Дробыш-Дробышевский, В. Н. Кисляков, С. А. Кузнецов, К. К. Максимович, В. И. Марков (умер в заключении), М. М. Махов, А. А. Недельский, Н. И. Нечаев, А. Ф. Рагоза, Г. К. Рихтер, Г. Я. Рожнов (Шельстов), Н. М. Романов, В. И. Соколов, Е. Э. Трегубов, В. Т. Федоренко, С. В. фон дер Ховен, В. П. Широков, М. И. Эбелов.

ⁱⁱ Н. С. Аносов, Н. А. Бабилов, П. М. Баранов, Б. В. Барташевич, Н. А. Бафталовский, П. А. Белов (Г. А. Виттекопф), А. П. Белявский, А. В. Бернов, Н. П. Бобырь, Б. П. Богословский, Н. К. Боровский, И. М. Васильченко, Г. Н. Вирановский, С. Н. Владычек, Н. А. Воронов (умер в заключении), А. Г. Георгиевский, Н. Н. Заходякин, А. Г. Иванов, И. С. Кашуба, Г. Я. Кислов, Ф. И. Корольков, А. Ф. фон Котен (умер в заключении), Н. А. Крутиков, В. Г. Ласточкин, В. Я. Люндеквист, А. Ф. Матковский, В. Е. Медиокритский, Н. А. Михайлов, Н. М. Морель, Г. Ф. Одноглазков, Л. Н. Пархомов, С. А. Платов, А. И. Прозоров (умер в заключении), В. В. Ракитин, А. П. Ревиншин, И. Ф. Ромеров, Л. И. Савченко-Маценко, Г. Б. Салимов, М. Г. Серов, Л.-О. О. Сирелиус, П. И. Соловкин, С. А. Сулькевич, В. П. Тальгрэн, Н. Г. Тетруев, Я. С. Туров, В. П. Ульянов, В. В. Цуриков, Л. П. Червинский, С. М. Шейдеман (умер в заключении), Н. В. Шереховский, А. Н. Якубовский.

ⁱⁱⁱ В. Л. Баранович, Н. А. Волков, Е. М. Голицын (умер в заключении), С. В. Гончаренко, С. Д. Григорьев, А. И. Дутов (убит в ходе специальной операции), К. А. Звиргзд, Ф. Д. Иозефович, В. Н. Клембовский (умер в заключении), Л. В. Костанди, А. Д. Кузьмин-Караваев, Н. Д. Либус, А. М. Мочульский, В. В. фон Нотбек (возможно, умер в заключении), И. А. Плюцинский, М. Н. Руссет, К. И. Рыльский, К. М. Слесарев, Л. А. Текелин, Д. П. Турбин, Н. А. Федоров, И. М. Чебеняев.

^{iv} А. П. Перхуров, Б. Ф. Пуляшко (умер в заключении), И. И. Смольнин-Терванд, Г. Г. Христиани (возможно, умер в заключении).

^v Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадкова. Новосибирск, 2012. С. 138–139. С. 173.

^{vi} Красный террор в годы Гражданской войны. М., 2004. С. 34–69.

^{vii} Вильерс О. А., Попов В. А. Воспоминания русской бабушки. Пятигорская трагедия. М., 2005. С. 5.

^{viii} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 186–187об.; ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 150.

гибель стала результатом самосуда, однако арестовали генерала представители новой власти. Якобы «при попытке к бегству» был убит в Можайске в ноябре 1918 г. и генерал А.Е. Эверт¹.

Подполковника Б.Ф. Ушакова, попавшего в плен к красным на Байкале, перед казнью жестоко пытали – кололи в лицо штыком, отрезали уши, нос и язык, выкололи глаза, все тело было покрыто штыковыми ранами. По некоторым данным, казнь осуществляли венгры-интернационалисты, ненавидевшие чехословаков, которыми командовал Ушаков. Широко известны фотографии обезображенного тела казненного офицера. С другой стороны, очевидцы отмечали, что Ушакова просто расстреляли². Как бы то ни было, на этом примере прослеживается механизм эскалации взаимного террора Гражданской войны: подчиненные Ушакова не брали в плен интернационалистов, а после гибели командира чехи в отместку расстреляли несколько сотен военнопленных, в том числе венгров³.

Из 46 генштабистов, казненных или умерших в заключении в 1918 г., не менее восьми погибли как заложники, еще по меньшей мере восемь стали жертвами самосуда, десять расстреляны, попав в плен к красным (возможно, также в результате самосуда), остальные, по отрывочным данным, арестованы и расстреляны, один умер в тюрьме.

В 1919 г. казни генштабистов пошли на спад. Это, видимо, объясняется усилением контроля за деятельностью местных властей и централизацией репрессий. Из 25 расстрелянных и умерших в заключении целый ряд были казнены на Украине, где тогда свирепствовала ЧК^{IV}, трое – в связи с участием или подозрением в участии в белом подполье, один (бывший делопроизводитель оперативного отдела военного комиссариата Ярославского округа Ф.М. Дробыш-Дробышевский) – за участие в Ярославском восстании, еще один был убит в тюрьме и один скончался в заключении.

Период 1920–1922 гг., несмотря на формальную отмену в Советской России смертной казни в январе 1920 г., характеризуется казнями почти исключительно бывших белых генштабистов. Как видно, казни генштабистов из РККА почти полностью прекратились за исключением тех, кого изобличили в связях с подпольем.

Стихийные расстрелы на местах происходили реже. Исключение составляли Крым, Одесса и Сибирь. С занятием Крыма частями РККА 16 ноября 1920 г. началось истребление оставшихся на полуострове «бывших». Одной из особенно пострадавших категорий было офицерство. По заслуживающим доверия данным, было расстреляно не менее 12 тысяч человек (в том числе

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 45; Ганин А. В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53; «Мы, видимо, попали в водоворот». Отрывки из дневника главкома Алексея Эверта публикуются впервые / публ. А. В. Ганина и И. В. Эверт // Родина. 2018. № 11. С. 34–37.

² Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири 1918–1920 годов (по материалам ГАНИИО) / сост. Е. А. Серебряков. Иркутск, 2019. С. 95; Ганин А. В., Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Я с броневиком иду в наступление...»: Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б. Ф. Ушакова. Январь – июнь 1918 г. // ЖРВ. 2020. № 4 (23). С. 239–240.

³ Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири... С. 96.

^{IV} В этой связи нельзя не упомянуть о записке В. И. Ленина председателю Всеукраинской ЧК М. И. Лацису от 4 июня 1919 г., в которой отмечалось, «что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впусив в себя массу примазавшихся» (В. И. Ленин и ВЧК. С. 212).

до 30 губернаторов, более 150 генералов и 300 полковников)¹. В это число вошли 13 казенных выпускников академии (около четверти всех казенных генштабистов в 1920 г.).

Порой от единоличного решения того или иного чекистского деятеля могла зависеть жизнь человека. Именно такой случай произошел с пленным колчаковцем бывшим полковником В.В. Ракитиным, который первоначально комиссией ВЧК 5-й армии был приговорен к заключению в концлагерь, но затем направлен в распоряжение полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского. Последний без каких бы то ни было следственных мероприятий 15 мая 1920 г. приказал Ракитина расстрелять².

Некоторые обвинения могут показаться абсурдными. К примеру, специалистов Генерального штаба преследовали за их действия в дореволюционный период, когда они несли службу в качестве офицеров русской армии и исполняли свой долг. Бывший генерал от кавалерии С.М. Шейдеман (окончил академию Генерального штаба в 1883 г. по 2-му разряду), работавший штатным преподавателем и заместителем начальника Академии Генштаба РККА, был арестован Особым отделом МЧК 25 января 1920 г. Идея арестовать 63-летнего военспеца родилась после того, как в Особый отдел МЧК прислали третий выпуск сборника «Декабрьское движение в Москве». Особистов привлекла статья В. Сторожева «Декабрьское вооруженное восстание», из которой они почерпнули сведения о том, что занимавший тогда пост генерал-квартирмейстера Московского военного округа Шейдеман приказал в декабре 1905 г. провести зачистку Пресни от вооруженных бандитов³.

Шейдеману пришлось оправдываться. Пожилой генерал свидетельствовал, что приказ, возможно, не был передан по принадлежности, был заготовлен работниками штаба, а им самим только подписан⁴. Оправдания выглядели неубедительно и не были приняты следствием во внимание. Шейдемана обвинили в подготовке плана истребления московских рабочих. В советское время ведомственные авторы утверждали, что 28 января Шейдеман постановлением коллегии МЧК был заключен в исправительно-трудовой лагерь до конца Гражданской войны, однако затем по ходатайству Ф.Э. Дзержинского якобы был освобожден для работы в академии⁵. Эти заявления не подтверждаются фактами, так как прославленный военачальник, герой Русско-турецкой и Первой мировой войн генерал Шейдеман умер в Бутырской тюрьме от сыпного тифа 29 февраля 1920 г.⁶ В целом, думается, нет оснований считать, что зима – весна

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. За. Д. 41. Л. 304; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 105; Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 152–153. Списки расстрелянных см.: Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005; 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я. Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные истории).

² Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК — ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 120.

³ МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918–1921 гг.): Сб. док. М., 1978. С. 215.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 86; ОР РГБ. Ф. 307. Карт. 5. Д. 1. Л. 29об. Через 18 лет в СССР по нелепым обвинениям (в том числе из-за отца-генерала) будут расстреляны сыновья Шейдемана — комбриг Е. С. Шейдеман, руководивший Тамбовской кавалерийской школой, и полковник А. С. Шейдеман — начальник кафедры тактики Военно-воздушной академии РККА (Лубянка. Советская элита на сталинской

1920 г. якобы были «периодом максимально благожелательного отношения советской власти к своим бывшим противникам»¹. Прежде всего, такое утверждение не учитывает региональную специфику того периода, которая, несомненно, существовала, в связи с окончанием борьбы с белыми в Сибири и на Европейском Севере России и чисткой этих регионов от враждебных большевикам элементов. Нельзя сказать, чтобы данный период был более мягким и в отношении арестованных военных специалистов РККА. Как видим, в целом именно на 1920 г. пришелся пик казней выпускников академии разных категорий (то же касалось и статистики арестов, о которых речь пойдет ниже) за весь период Гражданской войны.

В 1921 г. было казнено 19 выпускников академии и, по-видимому, трое умерли в тюрьме. Среди казненных А.И. Дутов был убит в результате специальной операции за пределами Советской России, кроме него казнено еще девять генштабистов, попавших в плен. Из «коренных» генштабистов РККА были расстреляны В.Л. Баранович, Ф.Д. Иоозефович, А.М. Мочульский, К.И. Рыльский, а В.Н. Клембовский и Е.М. Голицын умерли в тюрьме. Пятеро выпускников академии (С.В. Гончаренко, Л.В. Костанди, И.А. Плюцинский, К.М. Слесарев, Д.П. Турбин) расстреляны решениями Президиума ВЧК по делу «Белые офицеры», в рамках которого в 1921 г. было уничтожено не менее 50 пленных белых офицеров, не связанных друг с другом².

Показательны заключения по делам арестованных, вынесенные в управлении Особого отдела ВЧК и предварявшие расстрельные приговоры. Так, о Д.П. Турбине там сообщалось: «Отъявленный реакционер, неисправимый сознательный враг сов[етской] власти, получил 2 чина у Колчака, занимал ответственные должности. Вообще сволочь»³. О С.В. Гончаренко: «Тип опасный, доверия никакого не имеет»⁴. Об И.А. Плюцинском: «Элемент неисправимый. Усмирял иркутское восстание. Сознательно боролся с сов[етской] властью, занимая большие посты. Был вдохновителем белой реакционнейшей армии»⁵.

В 1922 г. были казнены двое пленных колчаковских генштабистов. Некоторые даже перед казнью оставались верны своим убеждениям. По свидетельству сидевшего с генералом А.П. Перхуровым во внутренней тюрьме ВЧК индуса С. Куреша, тот перед отправкой на суд в Ярославль заявил: «Я знаю, что иду на расстрел. Но я мундира своего не запятнал и смерть встречу спокойно»⁶. В своем последнем слове бывший генерал сказал: «Я жду не снисхождения, не пощады. Я только жду беспристрастного приговора. С мыслью о смерти я свылся... Я с самого начала

голгофе. 1937–1938. М., 2011. С. 424). По данным на 1914 г., у генерала Шейдемана было трое детей. Аналогичная участь постигла видного военспеца Н. Н. Петина и его сыновей, которые были расстреляны. В 1920 г. был расстрелян генерал С. А. Сулькевич, а в 1937 г. его вдова Е. З. Сулькевич (сестра генерала Е. З. Барсукова) и пасынок А. Г. Гольм (Барсуков Е. З. Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954. Смоленск, 2018. С. 57–59). На этих примерах видно, что семьи отдельных генштабистов истреблялись в Советской России и СССР почти на корню.

¹ 12 тысяч. Крымские расстрелы. С. 32.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1–2.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 145.

⁴ Там же. Л. 188.

⁵ Там же. Л. 249.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 435.

своей службы глубоко был убежден, что я исполняю маленькую роль в очень большом деле. Служба эта была для России. Я отдавал этой службе все, что только мог»¹. Суд, как и ожидалось, приговорил Перхурова к расстрелу.

Обращает на себя внимание низкий процент выпускников ускоренных курсов среди казненных – только 12 %, тогда как среди военспецов-генштабистов РККА курсовики составляли более 38 %¹¹. Из этого можно сделать вывод о том, что генштабовской молодежи, к которой относились курсовики, большевики доверяли значительно больше, чем старым спецам. Более 44 % расстрелов затрагивали пленных белых генштабистов.

По характеру гибели офицеров статистика представляется следующей (табл. 59).

Таблица 59

Характер смертей генштабистов – жертв террора в 1917–1922 г.

Год	1917	1918	1919	1920	1921	1922	Итого
Характер смерти							
Самосуд	5	8					13
Арест и казнь в результате попадания в плен	1	10	7	37	13	2	70
Арест и казнь (в том числе обстоятельства неизвестны)		27	16	10	5		58
Смерть в заключении от голода и болезней		1	1	4	3	2	11
Убийство в заключении			1				1
Спецоперация					1		1

Причины расстрелов и казней были следующими (если известны; табл. 60).

Таблица 60

Причины расстрелов и казней генштабистов в 1917–1922 гг.

Год	1917	1918	1919	1920	1921	1922	Итого
Причина гибели							
Подозрение в принадлежности к антибольшевистскому подполью		5	3	3			11
Служба в антибольшевистских армиях		11	7	37	10	3	72
Участие в антибольшевистских восстаниях			1				1
Заложничество		8					8
Принадлежность к царской семье			1				1
Попытка пробраться к белым		2					2
Шпионаж					2		2

¹ Ярославское восстание. 1918. С. 408–409.

¹¹ Наш расчет по: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 122.

Не менее 75 человек погибли в связи со службой в антибольшевистских армиях, участием в восстаниях или стремлением пробраться к противнику, 11 человек были репрессированы из-за подозрений в принадлежности к белому подполью. География казней была широкой, но больше всего насильственных смертей генштабистов происходило в Москве, затем в Петрограде и Омске, а также в Одессе.

Статистика арестов представлена в таблице 61 (исключены расстрелянные и умершие в заключении; не учитывались повторные аресты).

Таблица 61

Статистика арестов генштабистов в 1917–1922 гг.

Год	Количество арестованных	Выпускники и слушатели старой академии	Выпускники ускоренных курсов	Всего
1917		14	2	16
1918		51	12	63
1919		42	27	69
1920		56	14	70
1921		11	14	25 (по официальным данным не менее 32)
1922		8	6	14
Итого		181	75	257 (с учетом разночтений по 1921 г., возможно, 264)

Таблица 61 показывает, сколько выпускников академии прошло через аресты. Однако реальный масштаб репрессий был выше в связи с повторными арестами.

В 1918 г. с учетом арестов, приведших к расстрелу или гибели заключенного, в Советской России арестовано не менее 101 «лица Генштаба», что представляется довольно высокой цифрой, поскольку составляет 14,5% от общего их числа у большевиков в это время. Если к этому прибавить повторно арестованных, то показатели станут еще выше. В 1919 г. существенно возрастает количество арестованных курсовиков (видимо, в связи с попыткой чекистов нанести удар по их корпоративной организации). В 1920 г. продолжают аресты «коренных» генштабистов Красной армии, а кроме того, начинаются аресты и расстрелы пленных белогвардейских генштабистов. Всего за годы Гражданской войны (с учетом повторных арестов и тех, что закончились гибелью арестованного) выпускники академии в Советской России арестовывались более 400 раз.

Основную массу арестованных генштабистов составляли выпускники довоенной академии, о чем свидетельствуют статистические данные. На 15 апреля 1921 г. под арестом находились 23 генштабиста¹. Из 23 человек 12 относились к выпускам из академии до 1906 г., 10 — к выпускам 1907–1916 гг. и один — к выпуску 1917 г. Меньше всего доверия оказывалось генштабистам старших выпусков. На 25 ноября 1921 г.

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 65.

под арестом числились уже 32 генштабиста, включая 9 бывших белых¹. Из них курсовиками были лишь трое. В целом же к 1921 г. репрессии пошли на спад.

На территории Советской России в 1917–1922 гг. подверглись репрессиям (в том числе погибли от самосудов) не менее 404 выпускников Военной академии (казненных, умерших и арестованных, в том числе 311 выпускников довоенного периода и 93 курсовика). Примем во внимание, что 38 репрессированных не служили в РККА, а лишь проживали на советской территории. За их вычетом, а также за вычетом казненных при попадании в плен белых, не служивших в РККА, репрессиям в 1917–1922 гг. подвергся почти каждый пятый из «лиц Генерального штаба» РККА. Казни составили около 33% всех репрессий. Репрессий не избежали даже так называемые красные генштабисты – слушатели Академии Генерального штаба РККА, считавшиеся опорой нового строя, но это отдельный сюжет.

Массовость арестов была отчасти обусловлена непрофессионализмом чекистских кадров того времени. На поверку многие громкие разоблачения оказывались полностью сфабрикованными (например, дело об «организации» генерала М.А. Дормана в Смоленске, раскручивавшееся осенью 1918 г.²). Хорошо, если из-за этого никто не страдал, но, как правило, вместе с фабрикацией дел шло массовое истребление тех представителей старого офицерства и буржуазии, кому была отведена роль заговорщиков.

Антиофицерские репрессии, отличавшиеся значительным размахом, многократно преувеличивались в слухах, что усугубляло неуверенность в завтрашнем дне, нервное напряжение, формировало атмосферу страха и порождало у многих офицеров стремление как можно скорее бежать из Советской России. В частности, бывший генерал А.М. Сиверс (негенштабист) записал в дневнике в начале августа 1918 г., что в Петрограде, по слухам, арестовали 14 000 офицеров, и размышлял о том, кто попал под аресты и каковы реальные цифры³. В другой записи он упомянул, что арестованных в десять раз меньше, но какие данные вернее – не знал⁴.

Гнетущая атмосфера ощущалась даже у хорошо информированных военспецов на верхах советской военной иерархии. Бывший советский главком И.И. Вацетис впоследствии вспоминал, по-видимому, о событиях 1919 г.: «Недоверие сказывается на каждом шагу и создает чрезвычайно тяжелую обстановку для работы. Между тем не все комиссары отличаются соблюдением должного такта; даже в Полевом штабе недавно был случай, что в то время, когда я сам сидел в Полевом штабе, в кабинете начальника Полевого штаба, старший комиссар Полевого штаба позволил, не сказав ничего мне и начальнику штаба, грубо ворваться в оперативное отделение представителям ВЧК и в самой грубой форме, в штабе же, во время работы, арестовать бывшего офицера Генерального штаба. Подобная бестактность произвела настолько сильный перебой в настроении всех, что никакая работа не могла быть продолжена. Кстати сказать, впоследствии оказалось, что этот бывший офицер Генерального штаба был арестован совершенно невинно»⁵.

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 8, 13.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // Новый исторический вестник (Москва). 2012. № 2 (32). С. 84–100.

³ Сиверс А. М. Дневник. 1916–1919. С. 414.

⁴ Там же. С. 416.

⁵ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 234.

Картина бесправного положения выпускников академии в Советской России видна из мемуаров советского чиновника-невозвращенца Г.А. Соломона: «Во главе пограничной стражи стоял тоже бывший мелкий служащий таможни и сто-процентный же коммунист, Владимир Александрович Степанов... Человек уже лет за тридцать, из семинаристов, окончивший курс юридического факультета, суеверно религиозный, он был крайне честолобив. Он считал себя обойденным жизнью и носил в своей груди массу озлобления. Казалось, это был человек, которого высшей радостью и счастьем было причинять зло ближнему. Как комиссар и начальник над беззащитными офицерами, все людьми бесконечно высшими его во всех отношениях, он вечно старался сделать им какую-нибудь гадость... Вот один эпизод...

— Разрешите доложить, крайне важное дело-с... Осмелюсь доложить, что полковника Т-ва следует представить в ЧК к расстрелу-с...

Я знал этого офицера-академика, толкового и заслуженного, хорошо воспитанного, умного и талантливого. Я его в свое время назначил помощником и заместителем Степанова, который ненавидел его мелкой ненавистью маленького озлобленного существа, которую оно испытывает к существу, стоящему на более высокой ступени развития, нежели он. Но это было в первый раз, когда он в своей злобе дошел до такого градуса.

— Что такое?.. К расстрелу?.. — переспросил я, не веря своим ушам.

— Так точно-с, Георгий Александрович, — томным ласковым голосом с улыбочкой отвечал Степанов, глядя мне прямо в глаза своими большими голубыми глазами каким-то просветленным взглядом, от которого становилось вчуже страшно. — Так точно-с, разрешите представить его к расстрелу-с...

— Да понимаете вы, что вы говорите?! — внутренне содрогаясь особенно от такого ужасного “с” на конце этого звериного слова, сказал я. — За что?.. Что он сделал?..

— Так что, Георгий Александрович, позвольте доложить-с... В прошлом году Т-в купил себе осенью толстую фуфайку на Сухаревке, за двести рублей-с... Фуфайка ничего себе, хорошая, — слов нет-с, он тогда же еще всем нам ее показывал. А так что третьего дня он обменял ее на фунт сливочного масла... а масло-то нынче стоит две тысячи рублей-с за фунт... Значит, это явная спекуляция-с, потому как в десять раз больше-с... Так что по долгу службы-с я и докладываю вам — разрешите представить его к расстрелу-с.

С глубоким стыдом вспоминаю, что я не мог, не смел сказать этому, по выражению Салтыкова “мерзавцу, на правильной стезе стоящему”, кто он и что представляют его слова, не посмел сказать ему — “замолчи, гадина!..” Ведь он был коммунист, полноправный член нового сословия “господ”, а Т-в — офицер, то есть человек, самым своим положением уже находившийся под вечным подозрением в контрреволюции.

Не смел, ибо боялся озлобить этого полноправного “товарища” и еще больше боялся вооружить его против беззащитного полковника. Меня душил гнев, меня душило сознание моего бессилия и желание побить, изуродовать этого человека-ненавистника. А в уме и душе было одно сознание необходимости во что бы то ни стало защитить бесправного человека. И с нечеловеческим усилием воли,

¹ У М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Мерзавец, но на правильной стезе стоит» (*Салтыков-Щедрин М. Е. Письма к тетеньке* // Собр. соч.: в 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 303).

сдержав в себе желание кричать и топтать ногами от бешеной истерии, подступившей к моему горлу, я стал резонно и спокойно, деловым тоном доказывать Степанову, что предлагаемое “наказание” не соответствует “проступку”. Я говорил о самом Т-ве, об его многочисленной семье, о его нужде... Боже, сколько ненужных, лишних и таких подлых слов я должен был произнести... И мне удалось в конце концов повернуть дело так, что Степанов стал униженно просить меня простить его.

Больше вопрос о расстреле Т-ва не поднимался¹. По всей видимости, речь шла о выпускнике академии бывшем полковнике В.Я. Тетеревятникове — помощнике начальника Главного управления пограничных войск².

Во многих арестах трудно отыскать какую-то логику или необходимость. Множество бессмысленных репрессий относится к 1918 г. Например, буквально случайно в Петрограде пострадал главноуправляющий канцелярией Наркомата по военным делам бывший генерал-майор С.И. Одинцов, приехавший в Петроградскую ЧК вызволять племянника и арестованный 12 марта 1918 г. на месяц по обвинению в шпионаже в пользу Германии³. Одинцов писал Л.Д. Троцкому 20 апреля 1918 г.: «Я прошу расследования всего этого случая, чтобы с меня было снято полностью обвинение в тягчайшем государственном преступлении, которого я не только не совершал, но даже и помыслить не мог совершить»⁴. Троцкий потребовал от петроградских чекистов срочных объяснений. Одинцов в дальнейшем верой и правдой служил советской власти. В октябре 1918 г. был арестован выпускник академии Н.С. Новиков, вскоре, однако, было объявлено, что арест произошёл «по недоразумению»⁵. Подобные действия чекистов вызывали не только нарекания, но и иронию. Как тогда говорили, «метод работы ВЧК и ГубЧК — схватил, посадил, продержал — вызвал из тюрьмы, посмотрел, допросил, отпустил»⁶.

Ярославская ЧК 13 августа 1918 г. арестовала начдива бывшего генерала В.С. Михеева вместе со штабом, комиссаром и эшелоном 1-й Костромской дивизии, поскольку «у них не оказалось нужных документов»⁷. В сопровождении чекиста эшелон прибыл в Иваново-Вознесенск. Позднее ВВС постановил отпустить арестованных⁸. В итоге комиссар Ярославского округа М.В. Фрунзе телеграфировал в Петроградский округ с копией в ВВС, что дело с арестом штаба дивизии раздуто, «ничего специфически контрреволюционного не обнаружено. Причина ареста — не извещение о времени выезда эшелона из Петрограда»⁹. Ответственность за случившееся была возложена на самого начдива и комиссара¹⁰.

В 1918 г. подвергся аресту один из крупнейших советских военспецов — Ф.В. Костяев, арестованный без причины и без предъявления обвинения¹¹. Позднее Костяев

¹ Соломон Г. А. Среди красных вождей. С. 231–234.

² Выражаю благодарность А. Г. Горчакову, идентифицировавшему В. Я. Тетеревятника в данном эпизоде.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 18об.; Ф. 11. Оп. 4. Д. 111. Л. 5.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 18об.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 310.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 148.

⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 17. Л. 40; Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 302.

⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 315.

⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 107.

¹⁰ Там же. Л. 108.

¹¹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 87.

был освобожден и вскоре стал начальником ПШ РВСР. Однако смысл его ареста трудно понять (в 1919 г. он был арестован вторично и вновь освобожден). 26 апреля 1918 г. на непродолжительный срок подвергся аресту по нелепому обвинению начальник штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Петин^I – впоследствии еще один из наиболее высокопоставленных и преданных большевикам генштабистов. Арестованный просил одного из руководителей большевистского военного ведомства, Э.М. Скланского, об отсрочке суда в связи с предстоящими родами жены и ее тяжелой болезнью.

Арестная практика не добавляла военспецам уверенности в завтрашнем дне. Один из них писал видному генштабисту Н.И. Раттэлю в 1918 г.: «Арест произвел на меня гнетущее действие, можете верить мне, что совесть моя решительно чиста»^{II}. Преданностью советской власти проникнута и телеграмма бывшего полковника А.Н. Ковалевского, арестованного 10 ноября 1918 г.: «[В] июне я из Украины вывез [в] Советскую Россию свою жену и четырех малолетних детей, почему, принимая самое активное участие [в] подавлении контрреволюционного мятежа южного казачества, я тем самым прочно связал свою судьбу с судьбой Советской России, которой изменить уж по одному этому не в состоянии...»^{III} Тем не менее заверения не помогли, и Ковалевский, подозревавшийся в причастности к белому подполью в РККА, был расстрелян.

В августе – сентябре 1918 г. в Петрограде производились массовые аресты бывших офицеров. В качестве заложников в сентябре под арестом оказались 12 генштабистов, в том числе известные генералы А.Г. Елчанинов, Н.П. Михневич, А.А. Поливанов, М.Н. Суворов^{IV}. В связи с создавшейся нездоровой атмосферой генштабист Л.К. Александров писал М.Д. Бонч-Бруевичу 22 августа 1918 г.: «Упорная работа, просиживание целыми ночами в штабе в значительной степени подорвали мои нервы, многочисленные же аресты многих служащих в штабе в последнее время по непонятным и неизвестным для меня причинам настолько меня терроризировали, что я буквально потерял всякую способность к индивидуальной плодотворной работе и даже способность мыслить, а тем более высказать свое мнение, не будучи убежден в возможности высказать таковое»^V.

Видный отечественный военный деятель бывший генерал А.Е. Снесарев, сохранявший полную лояльность новым властям, в целом, благополучно пережил Гражданскую войну^{VI}. Но на мировосприятие Снесарева, несомненно, должны были

^I РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 23–24.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 156.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 17.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.

^V РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 142–142об.

^{VI} Иногда упоминается об аресте А.Е. Снесарева в Царицыне в июле 1918 г. по решению И.В. Сталина (Будаков В.В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М., 2014. С. 375; Дубинин Д.В. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2010. С. 48; Дудник В., Смирнов Д. Вся жизнь — науке // Военно-исторический журнал. 1965. № 2. С. 51; Морозов А.Я. Служил Отечеству: Генерал А.Е. Снесарев. Воронеж, 2005. С. 149; Шитов А.П., Поликарпов В.Д. Юрий Трифонов и советская эпоха: Факты, документы, воспоминания. М., 2006. С. 39, 415; Полякова В.А. Долг и судьба: Первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев. Волгоград, 2006. С. 76–77), но документальных подтверждений этого не обнаружено. Снесарев уехал из Царицына около 22 июля 1918 г. в Москву в командировку для доклада ВВС (РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 3. Л. 49; Д. 6. Л. 40; Д. 40. Л. 5), в августе — начале сентября 1918 г. находился в отпуске в Острогжске (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 87, 178), а уже 11 сентября получил назначение начальником

влиять репрессии против окружавших его людей. Так, красными 15 июля 1918 г. был расстрелян муж сестры Снесарева Лидии священник П.А. Вилков вместе с двумя сыновьями — казачьими офицерами. 13 ноября 1918 г. был казнен муж другой сестры Снесарева Анны — священник А.И. Тростянский. Репрессиям подверглись военспецы, служившие со Снесаревым в Царицыне. В октябре 1919 г. Особым отделом 16-й армии в Смоленске на некоторое время была арестована его супруга Е.В. Снесарева, мать пятерых детей. В одной квартире со Снесаревой проживал в качестве квартиранта генштабист Д.Г. Фокке, служивший в 1919 г. на Западном фронте. У Фокке чекисты провели обыск (Снесарева тогда ездила в Москву к мужу, начальнику Академии Генштаба РККА). Арест Снесаревой произошел в связи с ее хлопотами за Фокке, когда женщина по возвращении из Москвы явилась в Особый отдел¹. Для ее освобождения семья мобилизовала имевшиеся связи.

Некоторые генштабисты буквально не выходили из тюрем и лагерей. Например, бывший генерал Н.Н. Оболенев арестовывался в 1918 г., дважды в 1919 г. и в четвертый раз — в 1920 г. По данным на 1921 г. он также находился в заключении и в итоге был расстрелян или умер в тюрьме. Была арестована и сестра генерала². Через серию арестов прошел и другой бывший генерал А.И. Верховский.

Фактор гнетущей атмосферы травли военспецов нельзя недооценивать. С одной стороны, в армии неограниченно эксплуатировали их знания и опыт, с другой, им не доверяли и их преследовали. Арестованный Особым отделом ВЧК Б.И. Кузнецов, размышляя летом 1919 г. о причинах поправления своих взглядов, упоминал «слухи, может быть, нелепые, но настойчиво повторявшиеся о личном и массовом терроре»³.

Впрочем, массовость арестов иногда приносила пользу большевикам. По свидетельству генерала К.И. Глобачева, система массового террора парализовала антибольшевистское подполье. Глобачев отмечал: «Самая техника массовых арестов в Петрограде выглядела так: исполнение поручалось районным советам, которые производили обыски в своих районах. Данными для этого служили регистрационные сведения относительно офицеров, домовые книги и опросы швейцаров и дворников. Квартал окружался красноармейцами, и каждый дом обходился чекистами, причем все бывшие офицеры и подозрительные буржуи арестовывались. Эта мера сразу дала несколько тысяч арестованных, заполнивших тюрьмы Петрограда и Кронштадта, не давши, впрочем, ничего существенного в смысле обвинения задержанных в каких-либо преступлениях. Но, с другой стороны, она совершенно парализовала работу контрреволюционных организаций, выхватив из их среды многих серьезных работников и порвав имевшиеся связи. Той же мере были

Западного района обороны (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 10б.). Единственное указание на арест Снесарева содержит позднейшая телеграмма К. Е. Ворошилова и В. И. Межлаука Я. М. Свердлову и Л. Д. Троцкому от 6 ноября 1918 г. В ней упоминалось о необходимости принятия «экстренных мер по отношению к ближайшим соратникам Носовича, занимавшим совместно с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 41). Быть может, подразумевалось, что Снесарева освободили от ареста, но это лишь предположение.

¹ Копия заявления помощника инспектора пехоты 16-й армии В. Н. Зайцева в Особый отдел 16-й армии от 21 октября 1919 г. (Архив семьи Снесаревых (Москва)).

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 229. Л. 7.

³ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 53об.

подвергнуты и пригороды Петрограда, так что скрыться, особенно бывшему офицеру, было чрезвычайно трудно. Началась сильная тяга на Дон и Украину»^I.

Пострадавшие от ВЧК бывшие офицеры и их родственники обращались к партийным военным деятелям или к знакомым влиятельным военспецам за заступничеством. Иногда последние, пользовавшиеся расположением большевистских руководителей, должны были выступить промежуточным звеном. Так, супруга арестованного генерала от инфантерии А.Е. Эверта, добиваясь освобождения мужа, обратилась осенью 1918 г. в Штаб РВСР к бывшему генерал-майору Н.И. Раттэлю с тем, чтобы тот ходатайствовал перед Троцким. Раттэль, как свидетельствовала супруга Эверта в позднейших мемуарах, ей ответил: «Троцкий — человек жестокий и не остановится перед уничтожением всякого на пути к достижению намеренной им цели, но бессмысленных жертв он не признает; он знает, что Ваш муж отстранился от всякой политики; кроме того, в данном случае имеет значение и его доверие ко мне — я поручился за лояльность Вашего мужа»^{II}. Если верить мемуаристке, Троцкий даже распорядился об освобождении Эверта, но генерала так и не выпустили из-за протестов ВЧК. Позднее он был расстрелян якобы при попытке побега^{III}. Криком души кажется открытка, отправленная бывшим генерал-майором А.Д. Шеманским Э.М. Склянскому 10 сентября 1918 г., в которой он писал: «Товарищ Склянский — заступитесь — сижу месяц, а служил честно, лояльно...»^{IV}

На фоне острой потребности армии в кадрах Генштаба Н.И. Раттэль смело заступался за арестованных. Например, в конце сентября 1919 г. он телеграфировал в Могилевскую ГубЧК в связи с арестом бывшего полковника К.К. Лисицына просьбу сообщить о причинах ареста «и если нет особых оснований» освободить и командировать в ВГШ для назначения^V. Между тем Лисицын был явно проблемным военспецом: еще в начале апреля 1919 г. он выехал из Петрограда в неизвестном направлении, через месяц Организационное управление ВГШ получило от него телеграмму о том, что он назначен на этапную службу, позднее военспец не отреагировал на двукратный вызов в Москву, а в сентябре был арестован в Могилеве. В дальнейшем арестованный при следовании в Москву бежал из-под стражи^{VI}.

В сентябре 1918 г. в Петрограде были арестованы без обвинения в качестве заложников сразу 12 генштабистов^{VII}. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов был вынужден телеграфировать всем Советам депутатов о прекращении арестов бывших офицеров без предъявления обвинения. Кроме того, он потребовал от ВЧК в сентябре 1918 г. освободить всех арестованных советских работников, «относительно которых нет данных и прямой их персональной прикосновенности к контрреволюционной деятельности»^{VIII}. Это указание было проигнорировано. Многие генштабисты продолжали пребывать безо всякого обвинения в местах заключения. Так,

^I Глобачев К. И. Правда о русской революции. С. 174–175.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 33об.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. Главком Западного фронта Алексей Эверт.

^{IV} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 88об.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 358.

^{VI} Там же. Л. 125, 357.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.

^{VIII} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 85.

полгода без предъявления обвинения и даже без единого допроса провел в тюрьме бывший полковник А.Д. Тарановский¹.

Арестован он был за незаконное формирование дивизии, которое в действительности было законным и санкционировалось руководством². Военспец писал начальнику штаба ВВС Н.И. Раттэлю: «Я арестован и сижу в Чрезвычайной следственной комиссии на Лубянке, 11.

Мне предъявлено обвинение в незаконном формировании дивизии. Между тем формирование дивизии прошло через Высший законод[ательный] совет 29 июля и Вами и Всерос[сийским] глав[ным] штабом сообщено всем, кому следует, в том числе и довольствующим учреждениям на выдачу всего для дивизии необходимого имущества.

Так что незаконного здесь ничего нет и формирование вполне законное.

Прошу покорно разъяснить это кому следует и принять меры к освобождению меня и других лиц командного состава

Генерального штаба А. Тарановский»³.

Характерна одна из телеграмм военкому ПШ РВСР С.И. Аралову и Л.Д. Троцкому об аресте в конце ноября 1918 г. бывшего капитана В.В. Трофимова: «Обвинение неведомо на чем основано»⁴. 19 декабря Трофимова освободили⁵.

В докладе начальнику ПШ РВСР от 5 января 1919 г. Трофимов писал о недопустимости «бесконтрольных арестов состоящих на ответственной службе специалистов Генштаба, число коих в настоящее время весьма ограничено, а также [жаловался] на бесцельную и вредную волокиту в разборе таковых дел в очередном порядке, что на практике приводит к затяжке следствия, часто на сроки до семи месяцев. Та же недопустимость проволочки на основании печального опыта с Генштаба [В.В.] Саловым имела результатом смерть последнего от истощения в “Крестах” и заставляет держать в заключении уже около семи месяцев Генштаба Б.П. Полякова, рапорт коего при сем прилагаю, — около трех с половиной месяцев Генштаба Л.И. Савченко-Маценко, перенесшего в настоящее время сыпной тиф в тюремной больнице, также истощенного до крайности вследствие систематического недоедания, вынуждает голодать их семьи, ни в чем не повинные, и пока не привела ни к каким полезным для дела революции результатам, ибо ведь ни тому, ни другому, согласно с личными их заявлениями, до настоящего времени никаких обвинений не предъявлено.

В то же самое время правительство, формируя огромную армию для борьбы на четыре фронта, нуждается в опытных специалистах Генштаба, каковыми оба названные лица и являются: Поляков — в деле организации вооруженной силы и тыла армии и дела снабжения, а Савченко-Маценко — по части широкой эксплуатации жел[езно]дорожных путей — единственный представитель у нас и специалист, детально изучивший эту отрасль и подготовивший научный труд по этому

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 30, 47; Ф. 11. Оп. 5. Д. 1003. Л. 22; ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 17.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 150–150об.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 99.

⁵ Подробнее см.: Ганин А. В. Дело генштабиста Трофимова // Клио (СПб.). 2011. № 9 (60). С. 95–98; Его же. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио. 2012. № 10. С. 27–36.

вопросу, помимо наличия обширного опыта и практики в этом новом, весьма важном и сложном деле»^I. И хотя в случае с Поляковым Трофимов оправдывал реального белого подпольщика, в целом его доводы были резонансны.

Военспеца возмущало, что допрашивали генштабистов лиц, не сведущие в оперативных вопросах, что вело к произвольным обвинениям. Он отмечал: «Безотрадно положение арестованных специалистов Генштаба, которым обвинения не предъявлено вовсе, но кои подозреваются в сношении с враждебными Советской республике правительствами, в контрреволюционных заговорах или в шпионаже, установить же наличие таковых деяний нет возможности опять-таки за отсутствием именно экспертов-специалистов»^{II}. Впрочем, где взять лояльных власти специалистов по таким вопросам для бесед с арестованными, он не пояснял.

Позднее Трофимов вновь был арестован и провел в заключении более полугода с июля 1919 по апрель 1920 г. На одном из допросов в 1919 г. он, как представляется, не кривя душой, сказал: «С самого начала образования Красной армии я пошел в ее ряды, служил в ней честно и служу до сих пор, и только расшатанное войной и тяжелым годом напряженных занятий в академии здоровье, быть может, отвлекало меня иногда от направления в работе и делало меня вообще мало активным в сравнении с моими товарищами, пожалуй, и менее способными, чем я, но с большим запалом жизненной энергии»^{III}. Через десять лет, в 1930 г., военспеца расстреляли.

Бывший капитан А.Н. Цурпалев из Бутырской тюрьмы писал в МПКК 11 ноября 1918 г.: «Находясь два месяца (арестов[ан] 12 сентября 1918 г.) в тюремном заключении, мне не предъявлено никакого обвинения... не имея ни родных, ни знакомых, осмеливаюсь обратиться к Вам с усердной просьбой посодействовать моему скорейшему освобождению из тюремного заключения. В каких [бы] то ни было восстаниях против советской власти я не участвовал, как равно не состоял и не состою ни в каких политических партиях. 2-месячное тюремное заключение сильно отразилось на моем здоровье и выразилось в полном истощении организма. Больше выдержки не хватит, лучше уж расстрел!»^{IV} Освобождение военспеца состоялось лишь в феврале 1919 г. после личного вмешательства в дело В.И. Ленина. Цурпалев предпочел больше не искушать судьбу в Советской России и бежал к белым.

О мытарствах бывшего военного министра генерала А.А. Поливанова ярко свидетельствует его обращение в президиум Московской ЧК от 6 ноября 1919 г.: «В августе 1918 года в Петрограде были произведены массовые аресты бывших офицеров и в числе их, как бывший генерал, был арестован и я, и, после 2-месячного заключения в Дерябинской тюрьме, 2 октября, освобожден, без предъявления мне каких-либо обвинений. Из тюрьмы я вышел с особым потрясением нервной системы, которое лишило меня способности передвигаться по городским улицам одному без провожающего.

Несколько поправившись, вдобавок к назначению мне советской властью пенсии, начал зарабатывать свой хлеб переводом с иностр[анных] языков книг

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 57–57об.

^{II} Там же. Л. 60.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 321об.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 147. Л. 82об.–83.

для Комиссариата народного просвещения, но в конце мая [1919 г.] в Петрограде были вновь произведены многочисленные аресты, 28 мая я был опять арестован и на сей раз выслан в Москву, в МЧК, опять без предъявления мне обвинений. Пробыв с 31 мая по 12 июля в тюремном подотделе МЧК, я тяжело заболел и был переведен в больницу при Бутырской тюрьме. Здесь моя болезнь определилась как общее истощение, склероз сердца, сопровождающийся припадками, и неврастения, и восстановление сил при лечении идет медленно: 31 мая я вошел в Москву еще бодрым человеком, а теперь, после 4-месячного заключения, я немощный 65-летний старик.

По всем этим соображениям я прошу об освобождении меня и о возвращении меня в Петроград, на попечение моей жены (детей не имею), которая, оставшись без моего заработка и будучи слабой 57-летней женщиной, живет там, все более и более впадая в нужду^I. По освобождении в начале 1920 г. и до своей смерти в сентябре того же года Поливанов добросовестно служил в РККА.

По данным на ноябрь 1918 г., только в Дерябинской тюрьме Петрограда без предъявления обвинения содержалось шесть генштабистов^{II}. 12 ноября предписывалось срочно возбудить ходатайство об их освобождении. Самочувствие арестованного бывшего генерал-майора Л.И. Савченко-Маценко в период пребывания в заключении настолько ухудшилось, что он оказался практически при смерти от истощения и был переведен в полевой запасной госпиталь^{III}.

Необоснованные репрессии обрушивались и на членов семей генштабистов. Летом 1919 г. в Петрограде были арестованы супруга Савченко-Маценко Надежда Александровна и его сестра Н.И. Шестакова, поскольку при обыске были «найжены металлические части артиллерийской трубки и артиллерийского снаряда, не снаряженная^{IV} и служившая украшением и прессом [на] письменном столе. Жена чахоточная, дома остался ребенок и старуха»^V. Ненадолго вернувшийся тогда на руководящие посты в РККА М.Д. Бонч-Бруевич ходатайствовал перед председателем ВЧК Ф.Э. Дзержинским об освобождении женщин.

Репрессии были фактором, не сдерживавшим измены генштабистов, а, наоборот, способствовавшим им. Деятель белого подполья бывший полковник Б.П. Поляков находился под арестом без предъявления обвинения с 22 июня 1918 по 1 февраля 1919 г.^{VI} Сам он отрицал причастность к подполью, объясняя арест «грязным доносом и междудементственными трениями»^{VII}. Супруга Полякова писала Н.И. Ратэлю в РВСР 22 ноября 1918 г.: «Муж шестой месяц [в] заключении, настоятельно прошу серьезного ходатайства [об] освобождении, нахожусь [с] семьей

^I ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 236. Л. 106об. Подробнее об арестах Поливанова см.: Бей Е. В. Военный министр А. А. Поливанов — «генерал от политики»; Поливанов А. А. Девять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. — 15 марта 1916 г.). М., 2020. С. 132–143. К сожалению, в этой работе неточно указана дата освобождения Поливанова из-под ареста — вместо начала января 1920 г. указано начало декабря (Там же. С. 143), когда генерала уже не было в живых.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 46.

^{III} Там же. Л. 171.

^{IV} Так в документе.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 608.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 54об.

совершенно без средств»^I. Эта краткая телеграмма проливает свет на тяжелое материальное положение семей арестованных. Поляков был освобожден без права занимать ответственные должности^{II}. Уже в 1919 г. его следы обнаруживаются в Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича.

В Бутырской тюрьме также содержался бывший генерал-майор С.М. Языков, занимавший перед арестом пост помощника начальника военных сообщений Восточного фронта. Его пребывание под арестом сопровождалось еще более трагическими событиями. В период заключения у Языкова умер брат Николай, также служивший в РККА. Заключенный просил Я.Х. Петерса о временном освобождении, чтобы похоронить брата^{III}. Навстречу арестованному не пошли, отношение военспеца к своим тюремщикам в этой ситуации вполне предсказуемо. Выйдя вскоре на свободу, Языков пропал без вести при оставлении красными Украины и поступил на службу во ВСЮР^{IV}. На таких примерах наглядно прослеживается вред политики массовых арестов «лиц Генштаба» для большевиков, грозившей при определенных условиях гибельными последствиями.

Аресты, безусловно, вышли из-под контроля. Порой освобождением арестованных генштабистов или тем, чтобы им хотя бы предъявили обвинения, были вынуждены лично заниматься первые лица РКП(б) и Советского государства, причем добиться результата от чекистов получалось не всегда. Троцкий в октябре 1918 г. просил председателя ВЧК освободить арестованных офицеров, против которых не было прямых серьезных обвинений и которые были согласны служить в РККА^V. Также он предлагал указать, какие арестованным генштабистам предъявлены обвинения, и сообщал, что «для разрешения текущих дел крайне необходимо наличие указанных работников»^{VI}. Однако просьба Троцкого не ускорила исход дела. Вождь РККА обоснованно полагал, что аресты могут осуществляться только с ведома начальства и военного комиссара^{VII}. Но это указание также не соблюдалось чекистами.

23 октября 1918 г. Троцкий телеграфировал В.И. Ленину и Я.М. Свердлову: «В качестве заложников без особых обвинений сидит много офицеров Генштаба. Предлагаю тех, против кого нет обвинений, отправить с комиссарами на Южный фронт, предупредив, что в случае измены будут арестованы их семьи»^{VIII}.

15 ноября 1918 г. Троцкий поручил комиссару И.Л. Дзевалтовскому представлять интересы военного ведомства в ВЧК, прежде всего, для решения вопроса об арестах специалистов: «Революционный военный совет республики предписывает Вам являться представителем интересов военного ведомства во Всероссийской

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 66.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 121.

^{III} Там же. Л. 129.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. Хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258. Находясь в эмиграции в Болгарии, Языков писал генералу В. В. Чернавину: «Я пробыл у больш[евиков] до 30 августа] 1919 года, занимая должн[ость] н[ачальни]ка воен[ных] сообщ[ений] в Киеве. В дни революции, и февральской и октябрьской, служил в Ставке Верх[овного] главнокома — все прошло на моих глазах, уход царя, смены главнокомов, выступление Корнилова, убийство Духонина и т.д. ... Служил немного в Добров[ольческой] армии в Крыму» (ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 328. Л. 1).

^V РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 481. Л. 1.

^{VI} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 113.

^{VII} Там же. Л. 116.

^{VIII} The Trotsky Papers 1917–1922 / ed. and annot. by J. M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1. P. 154.

Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией.

На Вас возлагается обязанность быть постоянно осведомленным о всех лицах военного ведомства, задержанных распоряжением названной комиссии, и о причинах задержания каждого. Вам же вменяется в обязанность следить за тем, чтобы дела необходимых работников проводились в срочном порядке.

Вам также предлагается установить такой контакт с деятельностью ВЧК, при котором без Вашего ведома не мог бы быть задерживаем ни один из ответственных советских работников^I. Разумеется, проблему это не решило.

Троцкий регулярно заступался за арестованных генштабистов. Например, в январе 1919 г. он добился освобождения из тюрьмы начальника Центрального управления военных сообщений бывшего генерал-майора М.М. Загю. По этому поводу Троцкий писал Ленину: «Владимир Ильич. Обращаю самым настоятельным образом Ваше внимание на факт безобразного ареста Загю. Его арестовала комиссия, в которой не было никого от военного ведомства. Это неправильно с формальной стороны. Он был арестован без ведома своего прямого начальства. Это неправильно с формальной стороны. Он был арестован комиссией, в состав которой входили лица, по долгу службы приходившие с ним в[о] враждебные столкновения... Загю арестован только потому, что он бывший генерал. Если бы на его месте сидел коммунист, он, может быть, сделал бы еще меньше и не был бы арестован. Это произвол. Он порождает у наших специалистов такое убеждение, что они ничем не прикрыты и что им незачем быть добросовестными... Я совершенно категорически настаиваю на том, чтобы Загю был освобожден. Он никуда не уйдет. Я выступаю поручителем за него. Следствие может продолжаться. Если суд признает его виновным, он может быть приговорен к соответственному наказанию. Председатель Революционного военного совета республики Троцкий^{II}». Впоследствии Загю занял должность помощника начальника ВГШ, а в конце 1919 г. дело в его отношении было прекращено за отсутствием состава преступления^{III}.

В мае 1919 г. Троцкий заступился за курсовика В.В. Хрулева: «Реввоентрибунал республики ходатайствует о помиловании Генштаба Хрулева, осужденного на пять лет заключения за преступление, в котором Реввоентрибунал республики не усматривает злого умысла, ввиду желания Хрулева служить по-прежнему советской власти. Присоединяюсь к ходатайству Реввоентрибунала перед Президиумом ЦИК^{IV}».

Чтобы арестованные были либо освобождены, либо осуждены, потребовалось специальное постановление Совета обороны за подписью В.И. Ленина от 8 января 1919 г., в котором сведения о восьми арестованных (К.И. Жихоре, А.М. Зайончковском, В.А. Ивановском, Л.В. Квитницком, В.С. Михееве, М.Н. Суворове, Д.Г. Фокке, А.Н. Цурпалева) были затребованы в трехдневный срок^V. Практически всех, кроме Жихора и Квитницкого, чекистам пришлось освободить за недоказанностью

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 328.

^{II} НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 48; опубли. в: The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 266.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 114. Л. 1.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 21. Л. 57.

^V В. И. Ленин и ВЧК. С. 139–140.

обвинений. Жихор на протяжении 1918–1921 гг. содержался в концлагере ВЧК^I. Вместо выполнения прямых обязанностей он, по-видимому, трудился на заводе резиновой промышленности^{II}. Квитницкого же расстреляли.

Считается, что ВЧК находилась в личном подчинении В.И. Ленина и могла игнорировать указания других, даже самых высокопоставленных, большевистских руководителей. Однако факты свидетельствуют о неоднозначности этой ситуации. Так, Ленин еще 29 декабря 1918 г. просил председателя Петроградской ЧК освободить бывшего генерал-майора Л.И. Савченко-Маценко и бывшего полковника Б.П. Полякова^{III}, однако первого освободили в январе, а второго — лишь 1 февраля (в случае Полякова речь шла об освобождении реального участника антибольшевистского подполья^{IV}). 31 января 1919 г. Совет обороны, которым руководил Ленин, рассматривал вопрос об освобождении С.М. Языкова под поручительство начальника ВГШ Н.И. Раттэля, что и было осуществлено^V.

Органы ВЧК осуществляли аресты не только военспецов, но и в целом видных советских работников, что не могло не беспокоить большевистское руководство. Эти факты относятся в основном к 1918 — началу 1919 г. и свидетельствуют о том, что репрессивный аппарат, созданный большевиками, начал работать сам по себе, причем непосредственный руководитель ВЧК Дзержинский не имел возможности его полностью контролировать, особенно на местах. Таким образом, даже если бы отношение партийного руководства к генштабистам было самым благожелательным (чего не наблюдалось), эксцессы с карательными органами все равно оставались неизбежными. По мнению одного из современных исследователей истории спецслужб, периодические острые конфликты ВЧК с другими ведомствами, в том числе с военным, связаны с отсутствием четкого разграничения полномочий ВЧК и прочих государственных институтов^{VI}.

Как вспоминала жившая в Киеве в 1919 г. Е.М. Гауг, «чем больше проходило времени с момента водворения большевиков, тем больше власти забирала Чека, тем жесточе и страшнее становилась ее деятельность. Чекисты образовали какую-то отдельную касту неуязвимых людей, не терпящих никакого контроля над собой»^{VII}.

Самоуправство и неподконтрольность чекистов вызывали нарекания со стороны партийного руководства и породили в конце 1918 — начале 1919 г. дискуссию о реформировании органов ВЧК и ограничении их полномочий^{VIII}. Одним из итогов этой дискуссии стали передача права вынесения приговоров ревтрибуналам (за исключением местностей, находившихся на военном положении), ограничение следствия месячным сроком^{IX} и некоторое сокращение масштабов репрессий.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 146.

^{II} ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 3. Л. 137.

^{III} В. И. Ленин и ВЧК. С. 136.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 644–668.

^V В. И. Ленин и ВЧК. С. 142–143.

^{VI} Леонов С. В. Проблема создания ВЧК // Гражданская война в России и на Русском Севере. С. 40–41.

^{VII} Гауг Е. М. На службе у большевиков // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 209.

^{VIII} Подробнее см.: «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...»: Проект Л. Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов / публ. Д. С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55; Ратьковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК... С. 218–233; Капчинский О. И. Гвардейцы Ленина: Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 86, 176, 182.

^{IX} Постановление ВЦИК о правах ВЧК и ревтрибуналов. 17 февраля 1919 г. // Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. С. 258.

Что касается проблемы с арестами генштабистов, произошел беспрецедентный случай: постановлением Совета обороны от 3 декабря 1918 г. в состав контрольно-ревизионного отдела ВЧК были введены два партийных представителя для специального следствия и ускорения дела о членах Генерального штаба^I, – т. е. ситуация с арестами генштабистов была взята на особый контроль. Также вопрос об арестованных генштабистах был вынесен на заседание РВСР 2 декабря 1918 г.^{II}

Тем не менее общую картину это не изменило. Как свидетельствовал летом 1919 г. бывший начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев, в штабе иногда возникали тревожные разговоры, касавшиеся «арестов и обысков, часто беспочвенных, которые морально давят на работников советской власти, совершенно парализуя их духовную сторону. В этом отношении положение специалистов надо считать трагическим»^{III}.

18 апреля 1919 г. главком И.И. Вацетис официально обратился с докладом к председателю Совета обороны В.И. Ленину по поводу положения командного состава. Особое внимание уделялось проблеме арестов: «Считаю своим долгом доложить, что постоянное несправедливое и оскорбительное отношение к лицам Генерального штаба, находящимся на службе у советской власти, ими не заслуженное, не даст той продуктивности работы этих лиц, которые особенно нужны в настоящее время, когда борьба на всех фронтах достигает кризиса. Работа не может протекать спокойно, когда каждый специалист, не считаясь с занимаемым постом и его заслугами перед республикой, может всегда и только на почве личных отношений быть арестован. Такие условия службы, не гарантирующие от беспричинного ареста, в то время когда работа требует особого напряжения, приносят только вред. Работа специалистов по управлению и созданию армии может быть продуктивной и спокойной только тогда, когда каждый будет гарантирован в своей неприкосновенности и политическая атмосфера не будет давить его психологию.

Прошу также принять во внимание, что вследствие временных неудач на Восточном фронте многие впадают в алармистическое настроение, вследствие чего создается весьма вредная для дела приподнятость нервного настроения. Это замечается среди комиссаров и, несомненно, передается и штабным работникам.

Во время моего посещения Восточного фронта я вынес впечатление полного подавления духа лиц Генерального штаба, работающих на Восточном фронте. Здесь, несомненно, нужно провести некоторую грань, далее которой натягивать струну подозрения и издевательства над лицами Генерального штаба со стороны кого бы то ни было недопустимо во имя нашей конечной победы над нашими многочисленными врагами... Для создания нормальных условий работы является необходимым гарантировать всем лицам Генштаба, состоящим на службе в Красной армии, полную неприкосновенность свободы, допустив аресты только по предъявлении конкретных обвинений и только с ведома их непосредственного начальства»^{IV}.

^I В. И. Ленин и ВЧК. С. 126.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 96.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 16.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 9об. Оpubл. в: Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. док. М., 1996. С. 88.

О том, что слова Вацетиса, имели под собой основание, свидетельствует частное письмо курсовика В.М. Цейтлина своему товарищу по выпуску Н.Я. Забегалову от 14 апреля 1919 г., в котором военспец делился своим подавленным настроением из-за репрессий в отношении сослуживцев: «Настроение корявое, все время аресты. Теодори все сидит»^I.

Арестованные по освобождению порой нуждались в отдыхе и усиленном питании. Именно таким было состояние В.А. Ивановского и А.Н. Цурпалева в феврале 1919 г.^{II} А.С. Ролько, выйдя в конце 1921 г. на свободу, даже обратился 4 января 1922 г. за помощью в МПКС: «29 декабря я выпущен из тюрьмы. До сего времени я не устроился, т.к. много формальностей. Угол я имею, но пищу получаю ежедневно — ½ фунта хлеба и суп. Это всего лишь раз в день. Я очень ослаблен, и такое питание меня ослабляет. Прошу помочь мне выдачей продуктов на несколько дней»^{III}. Сидевший в Бутырской тюрьме в декабре 1919 г. В.В. Трофимов ранее «был здоров, за время заключения заболел неврастением в сильной степени и малокровием от голодовки»^{IV}. Отчаянным было положение семей арестованных. «Семьи заключенных голодают, выселяются из квартир», — сообщалось в январе 1919 г. о судьбах семей генштабистов, попавших под арест в Петрограде^V.

Причины большого количества необоснованных и вредных для Красной армии арестов заключались в низкой квалификации сотрудников ВЧК. Подобные действия не только подрывали авторитет новой власти среди лояльных военспецов, но в обстановке Гражданской войны были попросту опасны. Увы, проблемы в связи с неподчинением чекистов партийным органам, самоуправством и произволом ЧК не прекратились, даже несмотря на попытки большевистского руководства урегулировать ситуацию^{VI}.

Вр.и.д. инспектора пехоты при Полевом штабе РВСР А.Х. Андерсон 16 января 1919 г. был арестован на двое суток. Об обстоятельствах своего ареста он позднее сообщил помощнику начальника ПШ РВСР: «Проехав шагов 100, я был остановлен окриком “стой, ни с места”, оглянувшись, я увидел человека, одетого в защитного цвета бэксш, который, держа в одной руке направленный на меня револьвер, другой поднимал полость саней, приказывая: “немедленно в Чрезвычайную комиссию на Лубянку, 14”, и сел со мной... я предложил показать ему мой документ, предупреждая, что он, несомненно, ошибся, на что агент ответил “там разберут”»^{VII}.

Впоследствии Андерсон писал: «Излагая факт моего ареста или по подозрению, или по доносу, не могу не высказать своего удивления постановкой этого вопроса... такой способ надо признать прямо недопустимым, подрывающим совершенно престиж не только старших начальников в Красной армии, но вообще лиц командного состава, когда кого угодно могут арестовать, нарушая декрет, без ведома начальства, не предъявляя ордера на арест и не спрашивая документов»^{VIII}.

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 174.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 76.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 355. Л. 351.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 209.

^{VI} См., напр.: РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 282.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 104об.

^{VIII} Там же. Л. 105об.

Военспец держали в маленькой камере, где одновременно находилось 25–35 человек, которые за отсутствием нар спали прямо на полу, обед получали в ведре, причем без ложек (приходилось просить у часового) и ели по очереди. В итоге ценный работник РККА в разгар войны из-за ареста потерял впустую несколько дней и потратил массу нервов. Андерсона вновь арестовали 28 июля 1921 г., когда он занимал пост начальника штаба войск ДВР. Его подозревали в шпионаже, однако связь военспеца с японской военной миссией доказать не удалось. Видный большевик А.И. Окулов в этой связи 6 января 1922 г. даже ходатайствовал за Андерсона перед В.И. Лениным: «Прошу Вас вызвать для следствия и суда тов. Андерсона, бывшего начштаба Троцкого в Свияжске и моего начштаба во время моей революционной работы. Андерсону угрожает расстрел в гор[оде] Новониколаевске. Я ручаюсь моей революционной совестью за лояльность этого человека»^I. 6 марта 1922 г. Андерсон был по решению Президиума ВЧК освобожден^{II}.

При задержании ЧК можно было остаться без средств. Так случилось с сотрудником ВГШ В.В. Ступиным, которого осенью 1918 г. задержал дежурный сотрудник ЧК, в результате чего военспец лишился 1850 руб. личных денег. По этому поводу Совет ВГШ обращался в ВЧК^{III}.

Создание Особого отдела ВЧК не привело к упорядочению репрессивной практики. Это и неудивительно, учитывая подготовку особистов. Даже к концу 1921 г. в их рядах было 66,2% сотрудников с начальным образованием и 1,2% неграмотных. Только 1,9% имели высшее образование^{IV}. В период 1919–1920 гг., когда происходили основные аресты военспецов, ситуация едва ли могла быть лучше (протоколы допросов порой велись полуграмотными следователями, которые даже не всегда могли понять, что им говорит арестованный). Острым был дефицит кадров, обладавших опытом подпольной или военной контрразведывательной работы^V. В случае с арестами генштабистов – штучных специалистов с высшим образованием – контраст между ними и чекистами должен был быть особенно разительным. При этом кадры особистов ввиду специфики работы должны были отличаться высокой надежностью. В силу этого свыше 45% из них являлись членами РКП(б) (на 1919 г. – 28,5%^{VI}).

В мае 1919 г., как уже отмечалось, было установлено двойное подчинение Особых отделов – ВЧК и РВС, что ударяло по полномочиям особистов и усиливало контроль за их деятельностью со стороны политработников из военного ведомства. Имели место случаи отказов РВС фронтов санкционировать аресты военспецов, на которых настаивали карательные органы^{VII}.

К середине лета 1919 г. обострился конфликт между председателем РВСР Л.Д. Троцким и председателем Особого отдела ВЧК М.С. Кедровым, ездившим по фронтам и занимавшимся самоуправством в духе периода красного

^I РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1237. Л. 2.

^{II} Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра». С. 89.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

^{IV} Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 198.

^V Капчинский О. И. Гвардейцы Ленина. С. 185.

^{VI} Сафонов В. Н., Мозохин О. Б. Особый отдел ВЧК против польской разведки. С. 95.

^{VII} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 88. Л. 10.

террора¹. 9 июля 1919 г. Троцкий передал по прямому проводу своему заместителю Э.М. Склянскому, контактировавшему напрямую с Лениным, что «Кедров, прибыв на Юж[ный] фронт, стал арестовывать военнослужащих не только без согласия, но и без предварительного уведомления Юж[ного] фронта. Причем успел совершить ряд совершенно бессмысленных дезорганизаторских шагов. Арестованные им будут освобождаться Реввоенсоветом фронта и мною. Предлагаю немедленно отозвать Кедрова. В случае дальнейших его дезорганизаторских действий буду вынужден выселить его из пределов Юж[ного] фронта»².

Еще ранее, 23 июня 1919 г., Троцкий по прямому проводу передал Склянскому для ЦК: «Обращаю внимание на полную безусловную негодность и даже вредность Особ[ых] отделов [в] нынешнем составе. Во главе их стоят лица, безусловно непригодные. В качестве агентов фигурируют сомнительные элементы, карьеристы, бездельники, невежи. Поскольку Особый отдел считает себя независимым от столь властных авторитетных органов, как Реввоенсоветы, Особые отделы впадают в оппозицию, занимаются мелким интриганством.

Мне неизвестны случаи раскрытия изменников, шпионов, заговорщиков Особыми отделами, зато они занимаются усиленной слежкой за членами Реввоенсовета, старыми партийными работниками»³. Сообщение было передано Ленину и некоторым другим членам ЦК РКП(б), но ничего не изменило.

С другой стороны, репрессиям способствовало легкомысленное, а подчас просто глупое поведение некоторых военспецов, а также их родных и знакомых. Как, например, чекисты должны были расценивать лояльность начальника ПШ РВСР Ф.В. Костяева, о супруге которого в конце мая 1919 г. были получены следующие агентурные данные: «Ольга Андреевна мне по секрету рассказала, что у них в штабе нет ни одного коммуниста, занимающего более или менее ответственную должность. Муж ее и она сама беспартийные, еще больше сочувствуют не коммунизму, а правительству времен Керенского. На мой вопрос, делают ли они что-нибудь к восстановлению этого времени, О.А. ответила с[о] злорадной улыбкой, что она не знает, но очень возможно. Дальше она рассказывала, что в случае переворота она с мужем бежать не будут, ибо имеют хорошие знакомства среди противников коммунизма. В общем, О.А. произвела на меня очень подозрительное впечатление и всем своим разговором навела на мысль, что в штабе главнокомандующего что-то не в порядке. Сопровождали ее два бывших офицера, один из них – секретарь Вацетиса, другой – какой-то штабной сотрудник. Была еще с нею одна женщина (молодая), в разговоре с которой О.А. открыто ругала коммунистов. При расставании с О.А. она меня приглашала в Серпухов (ставка Вацетиса), обещая устроить на хорошей должности. “Ведь нам такие люди, как вы, нужны, а с коммунистами дела иметь не желаем”»⁴. Главком И.И. Вацетис в нетрезвом состоянии при многих свидетелях не стеснялся ругать власть, а однажды заявил: «Надо им устроить переворот»⁵. Это могли быть ничего не значащие

¹ Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 158.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 239. Подобным волюнтаризмом М. С. Кедров прославился еще в 1918 г. (РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 26, 278).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 116.

⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 411.

⁵ Там же. Т. 1. Л. 202.

пьяные разговоры недалекого человека, внезапно для себя вознесшегося на высокий пост, а могли быть реальные планы, о которых Вацетис случайно проговорился. Чекисты и комиссары были не вправе оставлять такие слова высшего должностного лица в РККА без внимания.

Летом 1919 г. развернулись аресты военных по делу ПШ РВСР, когда были арестованы главком И.И. Вацетис, начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев и их сотрудники. Это дело при удачном исходе могло укрепить позиции чекистов в глазах партийного руководства, тем более что новая система двойного подчинения Особых отделов еще только складывалась. Дело ПШ РВСР подлило масла в огонь конфликта.

Возмущенный не прекращавшимися арестами ценных военных работников, 14 августа 1919 г. Троцкий телеграфировал Склянскому о заместителе председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновском: «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым. Выдавать ему заслуженных работников на основании его подозрений невозможно. Если Особому отделу придается значение, нужно поставить во главе его ответственное лицо, внушающее доверие к способности разобратся в деле и в людях»^I. Телеграмма развивала прежнее возмущение Троцкого в отношении председателя Особого отдела ВЧК М.С. Кедрова. В итоге 18 августа 1919 г. по решению Оргбюро ЦК РКП(б) Особый отдел возглавил Ф.Э. Дзержинский^{II}, но Павлуновский стал его первым заместителем (фактическое руководство работой Особого отдела ввиду загруженности Дзержинского осуществлял именно он^{III}). Эти изменения благоприятно отразились на работе военной контрразведки.

Троцкий даже извинялся перед некоторыми специалистами и партийными работниками, подвергшимися арестам. Так, 15 августа он через ЦК просил передать слова сочувствия освободившимся из-под ареста военспецу Г.Я. Кутыреву и комиссару А.Я. Семашко: «Уважаемые товарищи Семашко и Кутырев. Выражаю крайнее сожаление по поводу учиненного над Вами безобразия. Арест был совершен вопреки прямому моему воспрещению и является следствием злой воли и бессмысленной путаницы. С товарищеским приветом Троцкий»^{IV}.

Не только казни и аресты, но подчас даже и необоснованные подозрения были тяжелым ударом для военспецов и могли отбить всякое желание служить большевистской власти или хотя бы брать на себя ответственность и что-то предпринимать по службе. Так, бывший генерал-лейтенант Д.Н. Надежный заявил 20 января 1931 г. на следствии по делу «Весна»: «Во мне лично произвел тяжелый переворот случай с вызовом на Гороховую, 2^V, по обвинению меня в измене во время обороны Петрограда против Юденича, основанный только, по словам т. Зиновьева^{VI}, на том, что я занимал высокую командную должность...»^{VII} Между прочим, за оборону Петрограда Надежный был награжден орденом Красного Знамени.

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 318; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 146.

^{II} Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 158–159; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 135–136.

^{III} Зданович А. А. Отечественная контрразведка... С. 176.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 153. Подробнее о деле Кутырева и Семашко см.: Ганин А. В. «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым...»: Лев Троцкий против Особого отдела ВЧК // Родина. 2015. № 9. С. 106–109.

^V Адрес Петроградской ЧК.

^{VI} Имеется в виду Г. Е. Зиновьев.

^{VII} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 74 (96). Л. 40.

О негативном психологическом влиянии практики арестов свидетельствовал рассказ начальника штаба 4-й армии Западного фронта А.Д. Шуваева, жаловавшегося летом 1920 г. пленному белому генералу И.А. Данилову в доверительной беседе, что он сидел «в заключении 9 месяцев в Кронштадте, где он несколько раз подвергался риску быть расстрелянным»^I. По освобождении Шуваев возглавил штаб дивизии, а затем штаб армии.

Острая нехватка «лиц Генштаба» слабо влияла на смягчение репрессий. В ноябре 1918 г. на Южный фронт было направлено 45 военспецов, однако семерых из них арестовали, а девять находились в розыске^{II}. Между тем к 20 декабря 1918 г. в штабе Южного фронта недоставало до штата 8 генштабистов, в том числе на ключевых должностях^{III}. При острой нехватке 20 генштабистов в Оперативном управлении ВГШ двое из 33 сотрудников осенью 1918 г. находились под арестом^{IV}. 5 сентября 1918 г. в полном составе было арестовано военно-агентское отделение. Неудивительно, что при таком подходе большевики лишились всей зарубежной военной разведки, которая и находилась в ведении этого отделения. В 1919–1921 гг. под арестом оказался даже разработчик одного из проектов «Положения об Особом отделе» бывший капитан Г.И. Теодори, который отстаивал сохранение контрразведки в военном ведомстве. Нельзя не признать этого военспеца одним из наиболее усердных работников, какими только располагали большевики среди бывших генштабистов. Арестам подверглись и товарищи Теодори по выпуску ускоренных курсов академии^V.

Теодори писал председателю Особого отдела ВЧК 15 июля 1919 г.: «Прошу Вас, настойчиво прошу, не губить выпуска (он в марте весь был ваш) и понять, что Вашей же подозрительностью несчастные представители выпуска загнаны в тупик: 1) с одной стороны, Деникин приговаривает заочно руководителей выпуска — одних к расстрелу, других (меня) к повешению, и Вы знаете, что таких угроз приговоров мне было прислано три раза;

2) с другой стороны, Вы арестовываете меня по оговору мелкой служащей, вслед за мной арестовываете и с большим трудом и хлопотами отпускаете других членов выпуска, и все живут в постоянном ожидании либо ареста, либо расстрела — откуда же тут взяться инициативе, вдохновению, широкому размаху и самопожертвованию — залогам побед. Ведь все терроризированы. Поймите это, тов. Кедров»^{VI}.

Начальник общего отделения Оперативного управления ПШ РВСР И.Д. Моденов сообщал 20 сентября 1919 г. начальнику управления об аресте начальника штаба 10-й стрелковой дивизии С.Г. Плюто, который служил в этой дивизии долгое время: «По сведениям, полученным лично в штабе 10-й дивизии, Плюто арестован 27 августа, т.е. на другой день взятия этой дивизией г[орода] Пскова и в самый тяжелый период операции.

^I Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 94.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 39.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 186.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 66.

^V См. главу VI.

^{VI} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 117.

По словам многих сотрудников штаба дивизии, в том числе комиссара, арест был совершенно неожиданным, так как все они не замечали ничего предосудительного за Плюто. Все они, причем некоторые пробывшие вместе 1½ года, [считали Плюто] преданным делу работником, посвящавшим все время работе. Общая просьба сотрудников штаба 10-й дивизии освободить поскорее Генерального штаба Плюто и вернуть в дивизию.

По частным сведениям, Плюто в данное время находится в Особом отделе Западного фронта».

Даже непродолжительные аресты негативно сказывались на состоянии военспецов. Тем более что некоторые не отдыхали по несколько лет, а нервная атмосфера, недоверие, постоянная угроза репрессий усугубляли их состояние. Так, бывший капитан В.Л. Баранович после непродолжительного двухдневного ареста в конце сентября 1919 г. писал главкому С.С. Каменеву 2 октября 1919 г. из Могилева: «Простите, что смею беспокоить Вас своими просьбами. Я уже писал Вам о том возмутительно несправедливом отношении со стороны некоторых, которое я совершенно не заслужил за всю ту работу, которую я исполнял с марта 1918 г. для Красной армии. Вам моя работа известна, все мои бывшие начальники и подчиненные могут подтвердить, что я служил, не жалея своих сил и здоровья.

Сейчас я окончательно издергался, потерял здоровье и мне, по свидетельству врачей, необходимы безусловный покой и отдых – вот моя главная просьба и будет к Вам разрешить мне отпуск. Сейчас я назначен в 7[-ю] армию, где, как мне указали, надо привести все в порядок, полагаю, что с теперешним моим здоровьем я окончательно слягу, если мне не дадут возможность восстановить свои силы.

После разрешенного Вами мне отпуска я очень просил бы предоставить мне должность по военно-учебной части в Смоленске или Москве»^I.

Бывший подполковник А.П. Медведев, арестованный в мае 1919 г. на десять дней, затем писал в рапорте начальнику Оперативного управления ПШ РВСР: «Убедительно ходатайствую о разрешении мне хотя бы в течение 10 ближайших дней отдыха, ибо к работе я совершенно физически не гожусь и мне необходимо немного успокоиться.

Кроме того, докладываю, что в ближайшие дни я буду просить Вас ходатайствовать о предоставлении мне другой должности, если нельзя в Полевом штабе, то в другом учреждении, так как продолжать руководство столь ответственной работой связи при известных Вам обстоятельствах, усугубленных всей обстановкою, сопровождавшей мой арест, я абсолютно не могу»^{II}.

Бывший подполковник А.Н. де Лазари, арестованный с 29 октября по 8 ноября 1919 г., писал в Совет ВГШ 20 ноября 1919 г.: «По отношению ко мне были допущены и допускаются такие вопиющие нарушения справедливости, беспристрастности и законности, что я задаюсь вопросом: кто же я, наконец, в республике: полноправный гражданин или лишенное всех гражданских прав какое-то существо; ответственный советский работник или ненавистный травленный зверь.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 192.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 4–4об.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 349об.–350.

Так я рассуждаю. Чувствую же я одно: от всего пережитого, от всего перенесенного, отдавши почти за два года своей непрерывной службы на пользу Красной армии все свои силы и здоровье, я теперь надорвал свою душу и стал инвалидом с больной душой, не годной ни к какой работе, по крайней мере, в ближайшее время.

Я никогда не боялся и не боюсь ответственности и от нее не уклоняюсь. Но ради торжества справедливости, законности, правосудья я прошу только все дело, “созданное” против меня, передать в более беспристрастные руки.

Я повторяю, я не ищу репрессии, не указываю виновных, я хочу и прошу, чтобы были приняты меры, чтобы такие явления больше не повторялись^I.

Бывший полковник М. С. Свечников писал начальнику ПШ РВСР 27 ноября 1919 г.: «Пробыв в течение 40 дней в заключении без прогулки и большей частью без горячей пищи, а также перенеся воспаление легких, прошу ввиду слабости здоровья трехнедельного отпуска в г[ород] Петроград для окончательного лечения и поправления здоровья^{II}».

Успехи наступления белых на Москву также приводили к арестам, причем можно было оказаться в местах лишения свободы на продолжительный срок. Ярким примером стал арест 58-летнего не годного к военной службе бывшего генерала В. М. Хитрово. Арест произошел по ордеру Орловской ГубЧК в селе Муратово Болховского уезда Орловской губернии 9 сентября 1919 г., где генерал проживал. Хитрово обвинялся в антисоветской агитации, но 15 сентября 35 односельчан составили резолюцию о том, что никакой агитации арестованный не вел. Тем не менее Хитрово оставили в Болховской тюрьме, а затем перевели в Москву, где он содержался в лагере. Родные генерала не имели средств приехать в Москву, чтобы ходатайствовать об освобождении. Лишь в апреле 1921 г. Хитрово вышел на свободу по амнистии^{III}.

21 декабря 1919 г. начальник ПШ РВСР П. П. Лебедев и комиссар К. Х. Данишевский обратились в РВСР с докладом об освобождении из-под ареста всех военспецов, за которыми не значилось явных преступлений^{IV}. Авторы документа считали, что в результате решающих успехов РККА произошел перелом в настроениях многих прежних противников советской власти, включая военспецов. Между тем РККА нуждалась в опытных руководителях, особенно в специальных родах войск, которых можно было бы брать на службу под контролем военных комиссаров. Итоги этого ходатайства неизвестны.

Пленный генерал И. А. Данилов писал о работе Особого отдела 4-й армии Западного фронта в 1920 г.: «Особый отдел армии... имеет такую самостоятельность, что имеет право арестовывать и производить суд и расправу, даже не уведомляя командующего армией и Реввоенсовет, над любым из лиц командного состава, вплоть до самого командующего армией, предъявив ему обвинение в контрреволюции... Должности в штабе армии заняты преимущественно офицерами старой армии, для наблюдения за которыми, кроме комиссаров, вкраплены, секретным

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 10об.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 373.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 266. Л. 59об.–60, 62, 63; Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 114–115.

^{IV} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 300–300об.

образом, сотрудники Особого отдела, причем надо сказать, что сыск и шпионаж поставлены так высоко, как никогда и не снилось старому режиму»¹.

В конце Гражданской войны аресты коснулись генштабистов в основном из числа пленных белогвардейцев. Особого смысла репрессировать этих людей уже не было, так как итог войны был очевиден. Тем не менее практически все пленные прошли через аресты, а некоторые были казнены. В отношении к пленным генштабистам прослеживается определенная система. По данным на 1920 г., не менее 30 зарегистрированных штабом 5-й армии пленных колчаковских генштабистов числились за Особым отделом ВЧК², их предполагалось отправить в Москву. Пленные в обязательном порядке становились на учет и проходили идеологическую обработку на политических курсах. При назначениях бывших белых на должности в РККА в каждом случае требовалось запросить мнение Особого отдела.

Показателен пример бывшего генерал-лейтенанта Н. С. Максимова, которого арестовали 23 марта 1921 г. в Батумской области без предъявления обвинения. Затем он был этапирован в Тифлис, Баку, Ростов-на-Дону и Москву, оказавшись 15 июня в Бутырской тюрьме. Единственный его допрос состоялся в начале октября 1921 г., после чего 19 октября он был приговорен судебным заседанием Президиума ВЧК к двум годам принудительных работ в лагере по подозрению в контрреволюции³. Сам Максимов в письме председателю РВСР Л. Д. Троцкому сообщал, что в период жизни в Грузии он дважды приговаривался к смертной казни в 1918 и 1919 г., находился в тюрьме и не имел права выехать за границу. По имеющимся данным, Максимов находился в заключении до июля 1922 г.⁴

В те годы можно было попасть в тюрьму даже за шутку. Сохранилось описание подобного эпизода, связанного с генштабистами. Некая Е. Н. Пономарева, 45 лет, была арестована 31 июля 1920 г. только за то, что накануне в разговоре с курсантом на Ходынке пошутила, что воскрес польский генерал И. Р. Довбор-Мусницкий (бывший сослуживец ее мужа), приехал в Москву и гостил у нее. Женщину посадили в Новоспасский лагерь до конца Советско-польской и Гражданской войн (на ноябрь 1920 г. она продолжала отбывать наказание)⁵.

Наряду с бывшими белыми, арестовывались и «коренные» генштабисты РККА. Рассмотрим эти события на примере арестов членов Особого совещания при главкоме в 1920 г. Подверглись арестам бывшие генералы А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский и В. Н. Клембовский. Обращает на себя внимание то, что двое из трех арестованных были носителями польских фамилий. Из повесток заседаний Политбюро следует, что в период Советско-польской войны этнические поляки, даже в рядах РКП(б), стали восприниматься с определенной долей подозрения, причем на уровне руководящего партийного органа обсуждался вопрос их проверки⁶. Подозрения же в адрес беспартийных военспецов польского происхождения должны были быть значительно сильнее. Еще 15 мая 1920 г. на заседании Политбюро обсуждался

¹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 94.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 116.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 467. Л. 773–773об.

⁴ Обречены по рождению... С. 178–179.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 232. Л. 135–140.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 78. Л. 3. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

вопрос удаления Клембовского из Особого совещания, но было решено снести по этому вопросу с Л.Д. Троцким и заместителем начальника Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинским¹. Клембовский тогда сохранил свое место в совещании.

Как вспоминал председатель совещания А.А. Брусилов, «в ближайшее же время после открытия Особого совещания с “генералами” их стали арестовывать. Зайончковский и Гутор были первыми арестованы, но не надолго. Их скоро выпустили. Что касается Клембовского, то, невзирая на все мои хлопоты, его арестовали так крепко, что больше я его и не видел. Его не выпустили. Спустя некоторое время он умер в тюрьме от истощения»².

В сообщении агента ВЧК от 1 октября 1920 г. о деятельности антибольшевистской эмиграции отмечалось: «По имеющимся сведениям, во главе военной организации в России стоят следующие генералы: [А.А.] Поливанов, Гутор, Клембовский, [П.П.] Сытин I, [И.П.] Сытин II. [А.И.] Гучков с давних времен еще до первой революции был в близких отношениях с генералом Поливановым, в бытность его товарищем военного министра, и вместе с ним составлял оппозицию правительству. С этой военной группировкой связан [Н.К.] фон Мек[к], бывший на службе в комиссариате путей сообщения и занимающий там крупный пост. Связь этой группы с Гучковым идет через Ригу... В случае успеха в России все предприятия должен возглавить генерал [В.И.] Гурко, находящийся все время в Берлине и не принимающий для виду никакого участия в политической жизни...»³

Агентурные сведения о контрреволюционной организации «Союз верных», полученные ВЧК, видимо, из эмигрантских кругов, представляются фантастическими и далекими от реального положения вещей. Так, один из двух бывших генералов Сытиных, Иван Павлович, покинул Советскую Россию еще в 1918 г., служил у белых, а позднее эмигрировал. Что касается остальных сведений, то, вероятно, агент пользовался слухами. Нельзя исключать попытку дискредитации белой эмиграцией верных большевикам военспецов посредством дезинформации (такое предположение, в частности, высказал арестованный В.Н. Клембовский). Вполне возможна и фабрикация подобных сообщений самими чекистами. Как бы то ни было, Особый отдел ВЧК должен был проверять поступающие сведения, что в тот период проводилось в форме арестов.

Из упомянутых в документе лиц, которые на 1920 г. действительно служили в РККА, не были арестованы бывшие генералы А.А. Поливанов и П.П. Сытин. Поливанов 25 сентября 1920 г. умер от тифа во время пребывания в Риге в качестве военного эксперта в составе делегации для заключения мира с Польшей, а Сытин находился в Грузии в качестве советского военного атташе и блестяще себя там зарекомендовал по линии военной разведки⁴.

Бывшего генерала от инфантерии В.Н. Клембовского, который получил назначение в распоряжение командующего Кавказским фронтом, арестовали 30 июня 1920 г. в Ростове-на-Дону по прибытии к новому месту службы прямо в вагоне

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 65. Л. 27. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

² Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 277.

³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 1, кн. 1. С. 182.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах; Его же. От военпреда товарища Сытина.

поезда. Всего за несколько недель до ареста, при назначении Клембовского, председатель РВСР Л.Д. Троцкий лично приказал использовать бывшего генерала, «приняв во внимание его бывший служебный опыт и соответствующий военный стаж», и просил командующего фронтом «обеспечить В.Н. Клембовского как квартирой, так и прочими видами довольствия, дабы он не чувствовал в этом недостатка»^I. Клембовский, как считали в ПШ РВСР, «в особенности с большой пользой может быть использован в области истории для составления описания боевых действий Красной армии на Кавказском фронте с января с/г и до окончательного поражения армий Деникина»^{II}.

5 июля арестованного доставили в Москву. Клембовский обвинялся в сношениях с заграничными военными организациями и числился за Особым отделом ВЧК. Доказательств обвинения представлено не было. Лишь 26 октября и 20 ноября 1920 г. Клембовский был допрошен во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК особоуполномоченным Я.С. Аграновым, что одновременно характеризует и отношение к арестованному, и значимость установления истины для следствия.

В белом Крыму в 1920 г. находился родной брат Клембовского генерал-майор Артур-Оскар Наполеонович. Оставшись на полуострове после эвакуации врангелевцев, он был расстрелян в декабре 1920 г.^{IV} Другой брат, полковник Наполеон Наполеонович, был противником большевиков и в январе 1921 г. бежал из Петрограда в Финляндию по льду Финского залива. 21 января 1921 г. он писал своему знакомому, видному финскому политическому деятелю К. Энкелю: «В их армии не служил, ни разу красных розеток не надевал, слова товарищ не осквернял»^V. Сын Клембовского в чине подполковника служил у белых на Севере России, а затем эмигрировал в Финляндию^{VI}. Разумеется, эти факты, хотя и нередкие среди офицерских семей, не могли не возбуждать подозрений. Кроме того, сам В.Н. Клембовский, судя по занимаемым им должностям, стремился уклоняться от вовлечения в операции Гражданской войны.

Сопоставляя критическое отношение к советской власти бывших генералов П.А. Лечицкого и В.Н. Клембовского, А.А. Брусилов отмечал, что Клембовский «был человек с очень широкими горизонтами. Его поймать в неискренности относительно советской власти было труднее»^{VII}. Тем самым Брусилов фактически подтверждал наличие у Клембовского, которого он близко знал, подобных настроений.

Сам Клембовский писал о своем аресте в МПКС: «В июне 1920 г. я был переведен из Москвы в распоряжение командующего Кавк[азской] армией совершенно неожиданно для меня, без всяких предупреждений. В одиночной камере Особ[ого] отд[ела] ВЧК содержался 5½ месяцев, затем переведен в общую камеру,

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 276.

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} Абраменко Л. М. Последняя обитель. С. 363.

^V КА. Коллекция К. Энкеля. Вох 5 (Письма Н. Н. Клембовского).

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. «Я готов вам дать удовлетворение оружием...»: Несостоявшийся поединок писателя А. И. Куприна и сына генерала В. Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования // Новое прошлое (Ростов-на-Дону). 2017. № 2. С. 63–76.

^{VII} Брусилов А. А. Мои воспоминания. 2004. С. 277. В издании 2001 г. также имеется примечание А. А. Брусилова: «Так нельзя печатать, это может отразиться на его вдове Марии Александровне в Москве» (Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 296).

а 10 марта в Бутырк[ую] тюрьму. Первый допрос сделан 26 окт[ября], причем судебный следователь тов. Агранов, объявив мне, что я был в сношениях с заграничными военными организациями, предложил, чтобы я изложил их сущность, обещав значительное смягчение участи, до выпуска на волю включительно, и пригрозив, обратно, тяжким наказанием, если я не сознаюсь. Я ответил, что: 1) никогда ни от каких противосоветских организаций ни письменных, ни словесных предложений о вступлении в их состав не получал и даже не знал об их существовании (о русских знал из наших красных газет). 2) Ни в каких антисоветских организациях никогда не состоял и не состою, а потому абсолютно ничего об них сообщить не могу. 20 ноября состоялся второй допрос, причем суд[ебный] следователь читал мне телеграммы из газет (“Известия” и “Правда”) о поражении Врангеля, указав на то, что мне нет смысла прикрывать организации. Я ответил буквально так же, как 26 окт[ября]. На вопрос, чем я объясняю, что враги Советск[ой] республики не обращались ко мне, я ответил: “Полагаю, что они знали, что натолкнутся на решительный отказ”. Впоследствии, в январе, я задал этот вопрос белому офицеру [В.Б.] Можаровскому, содержащемуся в одной камере со мною. Он ответил: “Не знаю, но могу засвидетельствовать, что в войсках Врангеля вас сильно ругали за составленное вами для Красной армии ‘Руководство для партизанских действий’ и вообще за ваши труды на пользу Красной армии”.

3 года я служил советским властям, неоднократно исполняя ответственные поручения вне круга своих должностей. От председателя РВС[Р] тов. Троцкого заслужил лестные отзывы, переданные им А.А. Брусилову. Ни внутренней, ни внешней политикой никогда не занимался, отдавшись всецело военно-научной и военно-педагогической деятельности. Советские власти, избранные русским народом, всегда признавал. Двум господам (“и нашим, и вашим”) никогда не служил и служить не буду, считая это подлым.

Кто и с какою целью оклеветал меня – не знаю, ибо не видел ни одного документа, на которых базируется обвинение. Полагаю, что клевета могла исходить от врагов советской власти, коим выгодно оттирать таким путем верных работников РСФСР.

В белых газетах, найденных в Киеве в феврале после взятия нами города, было сказано, что Красной армией, наступающей на Киев с севера, команду я. В мае 1920 г. польские газеты сообщили (наши “Известия” перепечатали эту телеграмму), что командовать армиями, предназначенными для наступления в Польшу, будет А. Брусилов и В. Клембовский. Хотя фактически эти сведения были неверны, но уже самое помещение их во враждебных нам газетах указывает, что враги Советской республики не могли рассчитывать на мое сочувствие и тем более содействие.

Без всякой вины я 10^й месяц лишен свободы, оторван от семьи и любимого труда. В тюрьме мое здоровье (нервы, слух, сердце) расшаталось и грозит лишить меня совершенно трудоспособности. Усердно прошу содействия к освобождению меня от незаслуженного наказания, возвращению на волю и предоставлению мне права заниматься военно-научною и военно-педагогическою деятельностью. Готов дать любые гарантии своей лояльности. В. Клембовский¹. За Клембовского поручились его друг А.А. Брусилов и начальник ВГШ Н.И. Раттэль.

¹ ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 8. Л. 79об. – 80об.

Руководство Особого отдела ВЧК не обратило внимания на тяжелое положение пожилого арестанта. В тюрьме здоровье Клембовского пошатнулось. Как вспоминал другой заключенный Бутырской тюрьмы, В. Ф. Клементьев (впрочем, его свидетельство содержит ряд неточностей), «чекисты его долго держали в тюрьме без допросов. Генерал объявил голодовку. Явился, хотя и не сразу, полномочный представитель ВЧК. Предложил генералу прекратить голодовку. Клембовский продолжал голодать, кажется, так и умер от голода. Никто ему не помог, никто его делом не заинтересовался». Летом 1921 г. Клембовский объявил голодовку, на которую никто не отреагировал. 19 июля 1921 г., через две недели голодовки, он скончался.

Против состоявшего в распоряжении помощника главнокомандующего по Сибири бывшего генерал-лейтенанта А. Е. Гутора^I выдвигалось аналогичное обвинение в принадлежности к берлинской антибольшевистской монархической организации эмигрантов «Союз верных» (в другом, очевидно, ошибочном написании — «Союз верности»). В эту организацию также якобы входили В. Н. Клембовский и инженер Н. К. фон Мекк, причем Клембовский должен был руководить восстанием. В справке о причинах ареста Гутора, подготовленной для Ф. Э. Дзержинского помощником начальника 16-го специального отделения Особого отдела ВЧК 1 июля 1921 г., отмечалось: «По агентурным сведениям, Клембовскому поручено было главное командование восстанием, заместителем его должен был быть Гутор.

По настоянию О[собого] о[тдела] ВЧК последний был переведен в Омск, где на него также возникло агентурное дело по обвинению в руководстве подпольной организацией, подготавливавшей восстание в Сибири, после чего Гутор был арестован и доставлен в Москву.

Сейчас т. Агранов мне передает дела Клембовского, Гутора и др[угих] связанных с ними лиц, и следствие мною будет поведено в самом срочном порядке. Гутор мною уже переведен во внутр[еннюю] тюрьму для допросов»^{II}.

Перед Первой мировой войной Гутор командовал лейб-гвардии Московским полком, позднее в эмигрантских кругах его считали монархистом^{IV}. Но в Советской России бывший генерал старался подчеркивать лояльность. Пленному колчаковскому офицеру Е. В. Каликину Гутор, который преподавал на повторительных курсах для бывших белых офицеров (читал курс организации Красной армии), запомнился как человек, гордившийся доверием партийных работников и при этом обращавшийся к пленным белым офицерам со слова «товарищи»^V.

Гутор был арестован Омской ГубЧК 22 августа 1920 г.^{VI}, а освобожден только 11 марта 1922 г.^{VII} Арестованный не понимал, по каким причинам оказался

^I Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве. С. 326.

^{II} Речь идет об Алексее Евгеньевиче Гуторе. В Красной армии служили два его брата с такими же инициалами — бывший генерал-майор Александр Евгеньевич и бывший полковник Анатолий Евгеньевич Гуторы.

^{III} РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 23. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 715.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 136.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 327. Л. 71.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 937. Л. 10об.; Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 61.

^{VII} Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 704–715.

в тюрьме¹. 9 сентября 1920 г. Гутора доставили в Москву. Допрошен он был один раз в Омске (по другой версии, первые два с лишним месяца не допрашивался) и позднее несколько раз в Москве следователем Я.С. Аграновым. По данным на декабрь 1920 г., Гутор обвинялся в принадлежности к контрреволюционной организации и в отправке офицеров к Колчаку.

С 12 января 1921 г. Гутор находился в бутырской тюремной больнице, где лечился от сыпного тифа и его последствий в виде тяжелой формы малокровия и хронического воспаления сердечной мышцы, а также отеков на ногах². Гутор нуждался в санаторном лечении, но в той же тюремной больнице продолжал пребывать и в июне 1921 г.

11 июня 1921 г. Гутор обратился с просьбой об освобождении к начальнику Штаба РККА бывшему генерал-майору П.П. Лебедеву. Заключение недоумевал относительно выдвинутых против него обвинений. В частности, непонятным Гутору было обвинение в намеренном устройстве своего назначения в Омск для поднятия там восстания (при том, что это назначение инициировал Особый отдел ВЧК). Впечатление грубой фальсификации, даже из уст следователя Агранова, производили и обвинения в причастности к «Союзу верных». Гутор писал Лебедеву: «Об этой организации я впервые услышал из уст следователя, что и высказал ему. По тону, которым следователь предъявил обвинение, я видел, что оно совершенно вымышленное, так как ему нужно было сделать усилие, чтобы его высказать.

Не было у меня никаких сомнений и в том, что В.Н. Клембовский не мог участвовать не только в этой, но и в какой-либо другой организации. Перед вторым допросом меня пересадили к Зайончковскому, а затем мне было сказано, что Зайончковский на меня показал, что в 1919 г. я отправлял офицеров к Колчаку. Это, конечно, тоже чистейший вздор. 3-е обвинение еще более курьезно, — мне было сказано, что я сам устроил себе назначение в Омск, нарочно, чтобы принять там участие в восстании. Вам слишком хорошо известны обстоятельства моего отъезда, ч[то]б оценить это обвинение. В середине декабря я был переведен в Бутырку, где и нахожусь до сих пор, временно помещаясь в Моск[овской] тюремной больнице.

Из изложенного я делаю вывод, что мои обвинения только предлоги, а причина моего заключения лежит, вероятно, в том, что кто-то считает меня опасным вообще. Однако в моем прошлом нет ни одного факта, который бы указывал или намекал на это. Доказать мою полную лояльность могут или знающие меня хорошо, или лично я сам активной деятельностью. Мне кажется, что общее положение в настоящее время сравнительно уменьшило страх перед призраками и в связи с ожидаемым новым декретом о революционных трибуналах, — возможно надеяться на успех ходатайства об моем освобождении»³.

В 1919 г. Гутор председательствовал в комиссии ВГШ по разработке уставов и состоял прикомандированным к Организационному управлению ВГШ. По своему должностному положению он не имел никаких полномочий отправлять офицеров куда-либо, тем более через линию фронта.

¹ Benckendorff, count. Half a Life. The Reminiscences of a Russian Gentleman. London, 1955. P. 293.

² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 185. Л. 43.

³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 24об. — 25.

Если даже следователь не верил в обвинение, возникает вопрос, зачем вообще был произведен арест. Письмо резюмировало вполне разумное наблюдение Гутора: «Не лучше ли было бы, чтобы я приносил пользу государству, вместо того, чтобы праздно сидеть в заключении, не говоря уже о моих личных интересах и ощущениях»^I.

П.П. Лебедев 20 июня 1921 г. распорядился передать письмо Гутора заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому с просьбой разобраться, а тот 27 июня переправил его председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому, о чем свидетельствуют соответствующие резолюции на документе. 30 июня Дзержинский запросил секретаря Особого отдела ВЧК и своего личного секретаря В.Л. Герсона: «Наведите справки о деле Гутора и доложите мне. 30.VI Ф[еликс] Д[зержинский]»^{II}, на что уже 1 июля получил обстоятельный ответ, который был затем сообщен Склянскому. Поскольку подозрения у чекистов оставались, а следствие не было завершено, Гутор остался в тюрьме до марта 1922 г., когда дело было прекращено президиумом ГПУ за недоказанностью обвинения^{III}.

По одному из предположений, на бывшего генерала от инфантерии А.М. Зайончковского чекисты могли обратить внимание уже в 1920 г. в связи с его польскими корнями (поляком был отец генерала) и возможностью вербовочных подходов польской разведки к нему как к члену Особого совещания, осведомленному о планах командования РККА^{IV}. И хотя осведомленность членов Особого совещания о чем-либо за рамками своих непосредственных должностных обязанностей представляется сомнительной (перед арестом Зайончковский состоял для особых поручений при начальнике ПШ РВСР), Особому отделу ВЧК могли стать известны компрометирующие Зайончковского данные. Помимо генеральского прошлого и соответствующих связей Зайончковский арестовывался в 1918 г. по обвинению в контрреволюции, но Московским ревтрибуналом был оправдан. В другом документе Зайончковский упомянул и еще об одном аресте, также завершившемся оправданием^V. В 1919 г. он предпринял изменнические действия. Осенью, когда деникинские армии приближались к Москве, он, будучи в.р.и.д. начальника штаба 13-й армии, передал через линию фронта белому командованию значительный объем секретных оперативных документов^{VI}.

Вероятно, Зайончковский готовил почву для перехода на сторону белых либо же для смягчения своей участи как видного военспеца в случае победы противника. Не случайно один из видных деятелей Белого движения, полковник А.А. фон Лампе, записал в дневнике в мае 1920 г., что «Зайончковский готовился быть с нами»^{VII}. В середине 1920-х гг. в переписке офицеров-эмигрантов высказывалось мнение

^I Там же. Л. 25–25об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 712–714.

^{II} РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 22.

^{III} Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.

^{IV} Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017. С. 90.

^V ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 229.

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. Саквояж генерала А. М. Зайончковского; Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 635–643.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 121.

о том, что бывший генерал «вел двуличную политику: и нашим и вашим»^I. Похожая характеристика была дана Зайончковскому в 1924 г. и в Военной академии РККА: «По натуре — типичный, льстивый царедворец (“сочувствует коммунистической партии” — анкета)»^{II}. Как отмечал известный военный ученый А. А. Свечин, «Зайончковский по методам своего мышления представляет собой реакционера 80-х годов, восьмидесятника с ног до головы, и ни одной крупинки он не уступил ни Октябрьской революции, ни марксизму, ни всему нашему марксистскому окружению»^{III}.

Арест бывшего генерала произошел 19 октября 1920 г. у него на квартире в Москве, после чего Зайончковский попал в Бутырскую тюрьму. Как и в случаях А. Е. Гутора и В. Н. Клембовского, допросы вел следователь Я. С. Агранов. Сам арестованный утверждал, что не понимает мотивов ареста: «Определенно выяснить из допросов не мог. Мое личное впечатление, что причина ареста — общее паническое ко мне недоверие и подозрения в нелегальном в политическом отношении поведении»^{IV}. Показательно, что после первых допросов в ноябре 1920 г. Зайончковского вплоть до конца июля 1921 г. больше не допрашивали. 22 июля 1921 г. в анкете МПКК он писал: «Всего было два допроса, обвинений не предъявлено, с ноября допроса не было. Свидание дали только одно три месяца тому назад. Следователи Ревтрибунала на запрос ответили, что следствие окончено, находится в 16^м отделении [Особого отдела] ВЧК, но свидание все-таки не дают.

Прошу о выяснении результатов следствия и о скорейшем рассмотрении дела»^V. Лишь в конце года бывшего генерала освободили. По освобождении он занял должность штатного преподавателя Военной академии РККА. По всей видимости, освобождение Зайончковского сопровождалось определенными условиями, выдвинутыми ВЧК: именно в 1921 г. он был завербован в качестве секретного осведомителя, а с 1922 г. агентом стала и его дочь Ольга^{VI}.

Обобщая данные об арестах членов Особого совещания, следует отметить, что руководящих постов, которые можно было бы использовать для поднятия вооруженного мятежа, арестованные не занимали, значимых рычагов военного управления в их руках не имелось, каких-либо доказательств их контрреволюционной деятельности обнаружено не было. Неожиданно возникшее Особое совещание воспринималось тогда как декоративный орган, который ничего не решал. Заговор, который бы угрожал безопасности Советской России, члены совещания из бывших генералов организовать не могли. В то же время Особое совещание вызывало невероятную ненависть в белом лагере, воспринимаясь как попытка большевиков перехватить у белых патриотическую идеологию. Вполне возможно, что полученные из эмигрантских кругов агентурные данные о причастности членов совещания к контрреволюционной организации являлись провокацией белых. Если это так, подобная провокация вполне удалась, приведя к бессмысленным

^I ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 16об.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 4.

^{III} Цит. по: Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 138.

^{IV} ЦГАМО. Ф. 6336. Оп. 1. Д. 5. Л. 226об.

^V Там же. Л. 229об.

^{VI} Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 101.

и несправедливым арестам группы высокопоставленных военных, что вырывало этих ценных специалистов из Красной армии. Для самих арестованных, их родных и близких аресты стали тяжелым испытанием и личной трагедией. К концу Гражданской войны аресты и расстрелы генштабистов практически сошли на нет, но преследования этой категории комсостава органами госбезопасности продолжились в иных формах. Прежде всего, путем слежки, широкой вербовки генштабистов, их родных и близких в секретные агенты, разного рода провокаций. Наивно полагать, что подобная удушающая атмосфера оставалась незаметной для самих наблюдаемых. Собранные материалы в 1930-е гг. использовались при организации массовых репрессий в отношении кадров Генштаба.

Восприятие военспецами Советско-польской войны продолжало интересовать чекистов и после перемирия. Так, бывшего полковника Н.Я. Капустина на допросе 19 октября 1920 г. спрашивали о его отношении к советской власти и к заключению прелиминарного мира с Польшей. Арестованный ответил, что полностью лоялен, а мир считал «целесообразным, как средство к достижению задач мирного строительства, поставленных советским правительством»¹.

Несмотря на явные успехи Красной армии на фронтах Гражданской войны, Особый отдел ВЧК в 1920 г. продолжал групповые аресты военспецов. Так, были арестованы сразу несколько начальников управлений и отделов ВГШ: Организационного (А.М. Мочульский), Командного (Н.А. Мучник, негенштабист) и Мобилизационного (И.И. Щолоков) управлений; мобилизационного (М.Ф. Раевский) и командного (М.Н. Якушкин, негенштабист) отделов². По-видимому, сравнительно полные данные об арестованных к концу Гражданской войны генштабистах содержал «Список лиц Генерального штаба, состоящих на службе на фронтах, [в] центральных и тыловых учреждениях», составленный Штабом РККА по сведениям на 12 апреля 1921 г. В нем специалисты указывались по занимаемым должностям или по тем органам, за которыми числились. Были указаны и 23 арестованных. Из них за Особым отделом ВЧК числились: Н.А. Бабилов, А.М. Бойко, А.М. Зайончковский, Б.М. Иванов, В.Н. Клембовский, И.И. Лелль (из германской академии), Г.В. Леонов, А.М. Мочульский, Н.Н. Оболенев, М.Ф. Раевский, А.А. Ткаченко, В.И. Шишкин, И.И. Щолоков³. За Особым отделом в Харькове числился Н.С. Махров, за Особым отделом Южного фронта — Н.Д. Либус, за Особым отделом Туркестанского фронта — А.В. Муханов, за Особым отделом 9-й армии Кавказского фронта — Е.Н. Ригельман, за Особым отделом 13-й армии — И.Л. Шукевич, за Омской ГубЧК — А.Е. Гутор. В концлагерях находились: К.И. Жихор, К.М. Слесарев (в Кожуховском лагере в Москве), И.И. Смелов и Л.А. Текелин (в Архангельске). Впрочем, не все данные были точны. В частности, Н.А. Бабилов был расстрелян еще в 1920 г., а Л.А. Текелин, по-видимому, в марте 1921 г.

В этот период чекисты не только применяли силовые методы воздействия на генштабистов, но начали работать тоньше. К примеру, в марте 1921 г. Особый отдел ВЧК предложил перевести командира 5-й бригады 2-й стрелковой дивизии

¹ ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 196. Л. 252об.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 487–488.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 8. Л. 26–26об. Публикацию списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 673–708.

16-й армии бывшего подполковника курсовика В. Ф. Ржечицкого из прифронтовой полосы как политически неблагонадежного. Начальник штаба Западного фронта получил предписание немедленно командировать военспеца в распоряжение общего отделения Оперативного управления Штаба РККА^I, и в апреле Ржечицкий был прикомандирован к ГУВУЗу. Отметим, что это был еще молодой человек 31 года, который в Первую мировую войну был неоднократно ранен и награжден Георгиевским оружием, а в РККА служил с весны 1918 г. (в основном занимал должности начальника штаба в бригадах и дивизиях).

Завершая обзор репрессивной практики в отношении кадров Генштаба, остановимся на вопросе о заложничестве членов семей. Поскольку ранее этот вопрос нами уже подробно рассматривался применительно к военспецам в целом^{II}, охарактеризуем ту практику, с которой сталкивались генштабисты и их близкие.

Обязательная регистрация бывших офицеров в Советской России началась в основном летом 1918 г., но в регистрационных материалах того периода (в частности, при регистрациях в Москве^{III}) еще не имелось данных о семейном положении регистрируемых. В учетных карточках и списках фиксировались только адреса офицеров, что пока не было увязано с адресами семей, хотя во многих случаях позволяло установить их местонахождение. Однако уже осенью 1918 г. в анкетах встречаются разделы «Адрес семьи», а, например, 1919–1920 гг. датированы анкеты с пунктом «Адрес семьи, а для холостых – ближайших родственников»^{IV}.

4 сентября 1918 г. в Советской России официально появился институт заложничества, легализованный приказом главы НКВД Г. И. Петровского. Инициативу поддержал Троцкий, распространив ее на семьи бывших офицеров и военных чиновников. Приказ Троцкого от 30 сентября 1918 г. гласил: «Предательские перебеги лиц командного состава в лагери неприятеля, хотя и реже, но происходят до настоящего дня. Этим чудовищным преступлениям нужно положить конец, не останавливаясь ни перед какими мерами. Перебежчики предают русских рабочих и крестьян англо-французским и японо-американским грабителям и палачам. Пусть же перебежчики знают, что они одновременно предают и свои собственные семьи: отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей. Приказываю штабам всех армий Республики, а равно окружным комиссарам, представить по телеграфу члену Реввоенсовета Аралову списки всех перебежавших во вражеский стан лиц командного состава со всеми необходимыми сведениями об их семейном положении. На т. Аралова возлагаю принятие, по соглашению с соответственными учреждениями, необходимых мер по задержанию семейств перебежчиков и предателей»^V. Речь шла только о семьях ранее изменивших советской власти военспецов и не было указано, что делать с задержанными. В дальнейшем Троцкий конкретизировал свои предложения, указав, что в случае измены военспецов их семьи будут арестованы^{VI}.

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 312. Л. 5.

^{II} Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 375–394.

^{III} См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-1245. Оп. 1. Д. 1, 14.

^{IV} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 739. Л. 108об.; ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 47об.

^V Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. С. 151.

^{VI} The Trotsky Papers 1917–1922. Vol. 1. P. 148.

К октябрю 1918 г., по некоторым данным, в заложниках находилось свыше 8000 бывших офицеров. Поскольку массовое заложничество было бессмысленным, по предложению Троцкого заложники, не причастные к контрреволюционной деятельности, были решением ЦК РКП(б) освобождены. Освобождаемых обязали представить списки своих семей, которые были бы арестованы в случае перехода этих бывших офицеров к противнику^I. Постановлением VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов от 6 ноября 1918 г. освобождению подлежали все заложники, «кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов»^{II}. Брать заложников по этому постановлению отныне могла только ВЧК.

Учетом военспецов в РККА занимались такие же военспецы. Возможно, они сознательно саботировали требования Троцкого. Даже семьи многих заведомых контрреволюционеров, в том числе видных деятелей антибольшевистского лагеря, спокойно жили в Советской России и не подвергались серьезным репрессиям. Например, семья белого генерала В. О. Каппеля проживала в Перми. Его супруга, 29-летняя О. С. Каппель (Строльман), в 1918–1919 гг. работала в штабе 3-й армии красных машинисткой. В одной из анкет она указала, кто ее муж, после чего была уволена без права поступления на службу в военные учреждения. Тогда она смогла устроиться канцелярской сотрудницей в департамент государственного казначейства в Перми. Весной 1919 г. Строльман была арестована. Арест произошел «по приходе домой в общежитие для служащих государст[венного] казначейства, быв[шая] гостиница “[Ч]ижевское подворье”...»^{III}. Причины ареста самой женщине были неизвестны, допросов не проводилось, обвинений выдвинуто не было. Содержалась арестованная в женском одиночном корпусе Бутырской тюрьмы. По всей видимости, речь шла о заложничестве. В карточке арестованной указано: «Муж, бывший с ней в разводе более 2^х лет, служил в армии белогв[ардейцев], о чем О. С. не знала, сама же она сл[ужила] в Пермск[ом] казнач[ействе] и на служ[ебной] анкете дала неверные сведения»^{IV}. По некоторым данным, О. С. Каппель находилась в Бутырской тюрьме до марта 1920 г., когда ей сообщили о смерти мужа и предложили оформить развод^V. По свидетельству дочери Каппеля, арест матери произошел в Глазове (штаб 3-й армии с декабря 1918 г.), а затем за Строльман вступились (!) руководители ВЧК Ф. Э. Дзержинский и В. Р. Менжинский, причем последний предложил ей работу в Наркомфине на условиях оформления заочного развода с мужем, причем якобы с 1 апреля 1919 г. Строльман там и работала^{VI}. Таким образом, супруга одного из самых известных вождей антибольшевистского лагеря провела в заключении, по различным версиям, около года.

Цели этого «заложничества» совершенно не понятны. Возможно, требовалось изолировать супругу Каппеля, чтобы она не могла содействовать белым.

^I Реввоенсовет Республики. 1918–1919. С. 36.

^{II} В. И. Ленин и ВЧК. С. 117.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197. Л. 162.

^{IV} Там же. Л. 162об.

^V Лобанов Д. А., Станковская Г. Ф. Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Каппеля // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 82.

^{VI} Харитонов Е. Д. Судьба семьи русского офицера Владимира Каппеля // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 48.

Достоверность же эмигрантских рассуждений о некоем предложении Каппелю «ослабить свои удары по красным» в обмен на освобождение супруги и пафосном ответе генерала: «Расстреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога — это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить»^I — выглядит сомнительной. Хотя бы потому, что своих ударов Каппель не ослаблял, а его жена, несмотря на это, была довольно быстро освобождена. Тем более сложно предположить, при каких обстоятельствах могло быть сделано подобное предложение.

В Советской России находились семьи и других видных деятелей антибольшевистского лагеря — например, семья начальника петлюровского ГУГШ и военного министра генерала С.И. Дядюши^{II}. О том, что она подвергалась преследованиям, данных нет. Его близкие благополучно пережили Гражданскую войну, а после войны генерал вел интенсивную еженедельную переписку с проживавшей в Москве семьей уже из эмиграции. Весной — летом 1918 г. в занятом красными Оренбурге спокойно проживал отец знаменитого вождя Белого движения атамана А.И. Дутова. Не где-нибудь, а в «колыбели революции» Петрограде жила и работала в городском музее на протяжении 1918–1920 гг. мать другого вождя белых, легендарного «черного барона» генерала П.Н. Врангеля, баронесса М.Д. Врангель. Позднее она вспоминала, что «несмотря на все ужасы жизни и особо щекотливое личное мое положение, уцелела каким-то чудом»^{III}. Непримируемый характер конфликта вынуждал генштабистов изыскивать способы обезопасить свои семьи. В Петрограде жила семья видного деятеля Белого движения на Северо-Западе России генерала П.К. Кондзеровского. Чтобы спасти родных от преследований, генерал Кондзеровский взял фамилию Кондырев^{IV}, а затем вывез семью за границу, причем супруга генерала не раз высказывала сожаление, что пришлось уехать^V.

Только через месяц с лишним после приказа Троцкого, в ноябре 1918 г., военком ПШ РВСР С.И. Аралов, на которого Троцким были возложены обязанности задерживать семьи перебежчиков и предателей, действительно потребовал арестовать семьи перебежчиков из предложенного им сравнительно небольшого списка. Единственным высокопоставленным лицом в этом списке был генштабист И.Г. Пехливанов^{VI}. Было ли что-то предпринято в действительности, неизвестно. К тому же семья Пехливанова находилась за пределами Советской России.

Хотя Аралов и состоял в большевистской партии, все же при этом он и сам являлся бывшим офицером. Недоброжелатели считали его человеком, намеренно искажавшим свою биографию и приписывавшим себе партийный стаж сверх имевшегося на самом деле, меньшевиком по взглядам и чуть ли не покровителем военспецов-изменников, создателем «араловщины». Уже после смерти Аралова несколько ветеранов Гражданской войны — щорсовцев составили о нем довольно нелицеприятный рукописный очерк. Ветераны утверждали, что «в годы Гражданской

^I Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 112.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 35. Л. 48об.

^{III} Врангель М. Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 198.

^{IV} Беннигсен Э. П. Записки (1917–1955). М., 2018. С. 209–210.

^V Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 316, 365.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 24.

войны с именем Аралова связана и около высокого араловского поста подвизается целая полдюжина шпионов и предателей. И это обстоятельство объясняется опять чистой “случайностью”. Не слишком ли уж много “случайностей”, случайных совпадений связано с именем Аралова? Бывает ведь и так, что “случайности” связаны с закономерностью^I. При всей предвзятости такой характеристики, Аралов действительно не проявил усердия в деле исполнения воли Троцкого.

Чекисты также устранились от работы по сбору подписок об ответственности семей военспецов. Председатель Петроградской ЧК В.Н. Яковлева сообщила 2 ноября 1918 г. на запрос Троцкого, что подписка об ответственности семейств является делом военного ведомства и может быть осуществлена приказом по армии^{II}. Речь шла об арестованных, с которых, видимо, должны были браться соответствующие подписки перед их освобождением.

Анализ документов показал, что это была скорее декларированная угроза большевиков. Как уже отмечалось, Троцкий 30 сентября 1918 г. потребовал установления семейного положения изменивших большевикам военспецов. В конце года, учитывая многочисленные новые случаи измены, он вернулся к этому вопросу. 20 декабря 1918 г. он телеграфировал в отдел военного контроля РВСР, что со времени прошлой телеграммы «произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, занимающих командные посты, но ни в одном из случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была произведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо. Предлагаю Вам в кратчайший срок заняться выполнением возложенной на Вас в свое время задачи, используя для этого аппарат Всебюрккомвоен^{III}, с одной стороны, и аппарат военного контроля — с другой»^{IV}. Речь шла теперь о превентивных мерах — учете семейного положения пока еще лояльных большевикам военспецов. Завершить сбор данных требовалось не позднее 1 января 1919 г. Телеграмма была разослана также на все фронты и всем начальникам окружных штабов. Таким образом, по состоянию на конец декабря суровое распоряжение все еще оставалось на бумаге.

Троцкий не учел перегруженности штабов оперативной и организационной работой, при которой штабам не хватало времени на такие излишества, как установление семейного положения всех подчиненных военспецов. Большевистская бюрократическая машина едва справлялась с учетом самих военспецов, не говоря уже о членах их семей. По всей видимости, централизованный учет данных о десятках тысяч военспецов с их семьями оказался все же непосильной задачей для советской военной бюрократии.

В некоторых случаях^V анкеты спецов предусматривали заполнение пункта «Адрес семьи», но далеко не всегда и не везде. Кроме того, неизвестно, проверялись ли

^I ЦДАГОУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 21. Л. 31.

^{II} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 141.

^{III} Всебюрккомвоен — Всероссийское бюро военных комиссаров. Образовано 8 апреля 1918 г. в целях координации деятельности военных комиссаров. С 14 октября 1918 г. в подчинении РВСР. Упразднено по решению VIII съезда РКП(б) на пленарном заседании ЦК РКП(б) нового состава 25 марта 1919 г. Функции Всебюрккомвоена в дальнейшем выполнял Политотдел РВСР, а с мая 1919 г. Политуправление РВСР.

^{IV} РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 354. Л. 155об.—156.

^V Там же. Л. 55—64, 79.

анкетные данные, записанные со слов бывших офицеров. Нисколько не смущаясь прямым указанием Троцкого, работники штаба Северного фронта в январе 1919 г. даже пожаловались, что данное требование загружает их работой в ответственный период реорганизации армии¹.

В других местах по пути прямого игнорирования приказа не пошли и начали составлять бумаги с требованиями присылать списки военспецов с данными об их семьях и адресах. Штаб Орловского военного округа, например, 28 декабря 1918 г. рассылал следующий приказ: «По приказанию председателя Революционного совета республики товарища Троцкого требуется установление семейного положения командного состава бывших офицеров и чиновников и сохранение на ответственных постах только тех из них, семьи которых находятся в пределах Советской России, и сообщение каждому под личную расписку – его измена и предательство повлечет арест семьи его и что, следовательно, он берет на себя, таким образом, ответственность за судьбу своей семьи...»² Для этого должны были быть составлены списки со всей необходимой информацией, причем не только по перебежчикам, как требовалось изначально, но уже по всем военспецам вообще. В случае измены военспецов члены их семей подлежали аресту. Удивительно, что составление списков началось лишь в самом конце 1918 г., т.е. через три месяца после изначального приказа Троцкого.

Ярославский окружной комиссариат по военным делам 10 января 1919 г. циркулярно рассылал совершенно секретное распоряжение Троцкого не позднее 25 января 1919 г. предоставить сведения о бывших офицерах, включая адреса их семей. В случае измены или предательства предписывалось немедленно арестовывать указанных в списках, для чего безотлагательно телеграфировать в отдел военного контроля в Москву, указав фамилии, имена и отчества, должности и адреса, сообщая по телеграфу эти сведения и ближайшему органу военного контроля. Помимо этого требовалось «при составлении вышеуказанных списков на ответственных постах оставлять только тех из бывших офицеров, семьи которых проживают в пределах Советской республики»³. Таким образом, для занятия высоких постов военспецам необходимо было быть женатыми и иметь семью на советской территории. Однако на практике это предписание не соблюдалось.

Приказ Троцкого, в котором он бы требовал оставления на службе только тех военспецов, семьи которых находились на советской территории, обнаружить не удалось. Практика показала, что это требование было невыполнимым. Не стоит забывать, что в РККА существовала острейшая нехватка квалифицированных кадров, и заниматься чисткой рядов в связи с казавшимся надуманным обвинением в отсутствии семьи на советской территории командование и комиссары не только не хотели, но и не могли, поскольку остались бы без командного состава. Особенно много семей военспецов находилось на территории Украины. Например, дочь крупного военспеца бывшего генерала-генштабиста А. Ф. Добрышина жила в Купянске Харьковской губернии, в том числе в то время, когда город

¹ Там же. Л. 238.

² Цит. по: Критский М. А. Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-м корпусом Добровольческой армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 270.

³ ГААО. Ф. Р-2851. Оп. 9. Д. 283. Л. 46.

находился на антибольшевистской территории^I. На контролировавшемся антибольшевистскими силами Дальнем Востоке проживала семья крупного советского военного деятеля Н.Н. Петина^{II}. Семья одного из создателей ПШ ВВСР П.М. Майгура находилась на Украине, но службе Майгура в РККА это обстоятельство никак не мешало^{III}. Семья генштабиста З.И. Зайченко также находилась на Украине, причем военспец не имел с ней никакой связи^{IV}. Семья известного белого агента в РККА В.Я. Люндеквиста находилась в Крыму^V. Там же проживали дети генштабиста С.Г. Лукирского, причем в августе 1918 г. военспецу было даже разрешено лично забрать их оттуда^{VI}. Один из видных перебежчиков бывший генерал В.Е. Борисов вообще был вдовцом. Не брались в заложники и военспецы РККА, ближайшие родственники которых (родители, дети, братья) служили в антибольшевистском лагере. Более того, известно немало случаев, когда такие военспецы приобретали в РККА высокое положение.

Борьба с семьями могла вызвать недовольство лояльных военспецов и повлечь ответные меры антибольшевистских сил — ведь фронты Гражданской войны разделили и семьи большевиков. Так, в 1918 г. служившие в Добровольческой армии генералы С.Л. Марков и И.Г. Эрдели обсуждали свои действия в случае гибели близких от рук красных и сошлись на том, что (как записал в дневнике Эрдели) в таком случае «мы будем гулять по России, и тяжело отзовется наше гуляние; будем безжалостно резать и вешать в отместку за потерю того, что нам было дорого и что у нас отняли»^{VII}. Все это, по-видимому, привело к тому, что на уровне системы заложничество семей военспецов в Советской России не практиковалось. Тем не менее нами обнаружено несколько анкет арестованных жен бывших офицеров, которые в графе о причинах своего ареста указывали заложничество за мужа.

Приказ о заложниках довольно быстро стал известен в белом лагере и породил тревожные настроения. Бежавший от красных полковник В.А. Замбержицкий, семья которого осталась в Советской России, с ужасом узнал от брата об этом приказе и записал в дневнике в конце сентября 1918 г.: «Большевики издали приказ — применить репрессии к семьям бежавших офицеров... Репрессии у них — одни, это расстрел!.. Боже, Боже мой, неужели моя ненаглядная Марусенька, мое счастье и радость, и мои маленькие карапузики, — наша утеха, расстреляны!.. Это так дико, так нелепо, что я не могу себе этого представить! И тем не менее это возможно!»^{VIII} Переживания в этой связи еще долгое время не отпускали офицера. Впрочем, страхи оказались напрасными — семья Замбержицкого вскоре благополучно перебралась к нему на Дон через Украину.

Нет никаких сомнений, что в случае настоящей необходимости репрессии против членов семей изменников могли быть применены. Но одной угрозы

^I РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 43.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 149.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 226.

^{IV} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 280.

^V РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 173.

^{VI} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.

^{VII} Цит. по: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017. С. 152.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 17.

уже было достаточно, чтобы многие решали не испытывать судьбу и не рисковать жизнью и здоровьем родственников либо же бежали к противнику с семьей. Так поступил, например, известный перебежчик, командующий 9-й армией Н.Д. Всеволодов, летом 1919 г.^I

В переписке ПШ РВСР приводились сведения о семьях перебежчиков^{II}, но упоминаний о репрессиях в их отношении обнаружить не удалось. Слухи о заложничестве семей были удобным оправданием при попадании в плен. Захваченные белыми военспецы на Северном фронте на вопрос, почему они не переходили к белым добровольно, отвечали, что не могли этого сделать, поскольку семья была в заложниках. По всей видимости, подобные оправдания службы у красных были достаточно распространены и не особенно убедительны для белых, так как мемуарист приводит недовольный ответ опрашивавшего пленных: «Рассказывайте... все вы так говорите»^{III}. Однако без лишней необходимости военспецы старались не искушать судьбу.

Г.И. Теодори после своего ареста беспокоился, не были ли арестованы его жена и сестра^{IV}. Между тем с его жены была лишь взята подписка о невыезде^V. Громкий случай измены генштабиста А.А. Лаурица, в результате которой белые смогли захватить штаб 55-й стрелковой дивизии и казнили начдива А.В. Станкевича, обернулся арестом жены изменника, произошедшим, однако, почти через год после событий. Арестованная утверждала, что не жила с мужем уже много лет и никакого отношения к его деятельности не имела^{VI}. Исход дела неизвестен. Такова была репрессивная практика в связи с одной из наиболее резонансных измен. Как видно, реакция ВЧК не отличалась стремительностью.

Весной 1919 г., после исчезновения бывшего капитана А.Н. Цурпалева, установлением его семейного положения занялись сотрудники ВГШ, где он ранее служил старшим делопроизводителем Оперативного управления. Однако их постигла неудача. Послужного списка Цурпалева в штабе не оказалось, в последнем подробном списке Генштаба на 1914 г. он не значился, поскольку только поступил в академию в 1913 г., а по частным сведениям родных в Москве у него не было^{VII}. Пример Цурпалева наглядно свидетельствует об отсутствии учетных данных о семейном положении военспецов весной 1919 г. В то же время длительные поиски родственников Цурпалева такими же, как он, военспецами без подключения чекистов скорее свидетельствуют о попытке разобраться в произошедшем, чем о стремлении подвергнуть семью пропавшего репрессиям. Между выдачей Цурпалеву предписания о назначении 13 февраля и обращением Совета ВГШ в Особый отдел ВЧК о розыске военспеца 22 апреля прошло два с половиной месяца переписки и разбирательств^{VIII}. Как удалось установить по документам Гуверовского архива, Цурпалев перебрался на Юг России и в 1920 г. служил в Русской армии генерала П.Н. Врангеля^{IX}.

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 196. Л. 23.

^{II} Напр.: РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 332.

^{III} Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 50.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 313.

^V Там же. Л. 202.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1366. Л. 40–42.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 74.

^{VIII} Там же. Л. 76–76об.

^{IX} HIA. Vrangeli collection. Box 113. Folder 14.

Известен случай, когда жена арестованного военспеца, генштабиста Н.Н. Доможирова, в 1919 г. добровольно предложила себя в качестве заложницы за мужа. В обращении к Троцкому отчаявшаяся женщина писала: «Если же дело затягивается, на коленях умоляю Вас освободить моего мужа, а меня посадить в тюрьму заложницей за него – ведь тогда само собой отпадет недоверие к мужу – единственная причина его заключения»¹. Очевидно, подобное предложение принято не было, а Доможирова вскоре освободили.

Военспец-генштабист Н.С. Махров в конце августа 1919 г. передал через линию фронта своему родному брату – начальнику военных сообщений Кавказской армии белых генерал-майору П.С. Махрову – известие о том, что он служит в РККА по принуждению, находится под контролем военного комиссара и не может перейти к белым, поскольку в заложниках у большевиков остаются его жена и дочь². О том, насколько такого рода сведения соответствовали действительности, данных нет. Нельзя полностью исключить возможное стремление Н.С. Махрова обеспечить свое будущее на фоне успешного продвижения белых к Москве и изобразить себя в качестве вынужденного сотрудника большевиков (по нашим данным, в РККА Махров поступил добровольно).

Единичные случаи арестов членов семей военспецов имели место, но до системности в этом вопросе было далеко. По ряду свидетельств, прежде всего мемуарных, после перехода к белым бывшего генерала и руководителя антибольшевистского военного подполья в Москве Н.Н. Стогова большевиками была казнена его жена³. И хотя полного доверия этим свидетельствам нет, подобного исхода исключать нельзя. Арестована супруга Стогова была вместе с 14-летним сыном в связи с делом «Национального центра» в чекистской засаде на квартире политического лидера этой организации Н.Н. Щепкина⁴.

Согласно послужному списку на 1909 г., Стогов был женат первым браком на дочери умершего потомственного почетного гражданина Екатерине Тихоновне Саниной, родившейся 9 мая 1877 г. В семье было пятеро детей: Татьяна (1902 года рождения), Надежда (1903 года рождения), Николай (1905 года рождения), Екатерина (1906 года рождения), Ольга (1908 года рождения)⁵.

По данным на 8 сентября 1919 г., сына Стогова освободили. В тот же день на протокол допроса супруги Стогова была наложена трудно читаемая резолюция: «[Содержать] под стражей в [качестве] заложницы взамен своего мужа Н.Н. Стогова»⁶. На протоколе допроса Н.Н. Стогова-младшего имелась резолюция первого заместителя председателя Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского, датированная

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 24об.

² Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Тетрадь 4. С. 290–293 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4; Его же. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 88–89.

³ Волконская С. А., кн. Горе побежденным // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 454; М. Мартиролог русского офицерства // Руль (Берлин). 1921. 06.09. С. 2; Трубецкой С. Е. Минувшее. С. 262.

⁴ HIA. Vrangal collection. Box 39. Folder 1.

⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 361–138 (1909 г.). Л. 103об.–108; Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 года (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914. С. 360.

⁶ ЦА ФСБ. Д. Р-49579. Т. 4. Л. 148.

10 сентября: «Арестовать остальных детей и направить в Звенигородский лагерь. Павл[уновский] 10-IX-1919»^I. Таким образом, супруга Стогова и его дети, кроме отпущенного Николая, подлежали аресту в качестве заложников за бежавшего генерала. Вместе с тем, документы свидетельствуют, что супруга Стогова содействовала подпольной работе мужа, т.е. речь не шла о заложничестве в чистом виде^{II}. К сожалению, о дальнейшей судьбе заложников, а также о том, выносились ли какие-либо приговоры, данных нет. Впрочем, в деле имеется указание на то, что и Н.Н. Стогов-младший был помещен в концлагерь до конца Гражданской войны^{III}. Он был расстрелян позднее, уже в годы Большого террора, в 1937 г. в Казахстане.

Бегство Стогова, одного из самых высокопоставленных военспецов РККА, было настоящей пощечиной для большевиков, которые даже на уровне первых лиц знали о подозрениях против него, а сам Стогов дважды арестовывался в 1918–1919 гг. Реакция большевиков могла быть совершенно непредсказуемой. Не исключено, что на волне возмущения репрессиям могла подвергнуться семья перебежчика^{IV}.

По некоторым данным, как заложница была казнена супруга бывшего военного министра генерала В.А. Сухомлинова^V. В этом случае, однако, не шла речь о семье военспеца-изменника, хотя бы потому, что Сухомлинов не служил в РККА. Также есть упоминания о расстреле супруги генерал-майора Б.А. Левицкого, бежавшего к белым вместе со Стоговым^{VI}.

Троцкий не оставлял идеи с арестами семей изменников и в 1919 г. В колчаковской прессе были напечатаны телеграмма члена РВСР и РВС Восточного фронта К.К. Юренева и распоряжение комиссара штаба 3-й армии: «Реввоенсоветам фронтов, армии, округа, губвоенсовета округа, губвоенкомам неоднократно предлагалось

^I Там же. Л. 145.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. Новые документы об аресте семьи генерала Н. Н. Стогова в 1919 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. Т. 7, № 4. С. 9–13.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49579. Т. 4. Л. 37.

^{IV} Приведем еще одно мемуарное свидетельство, относящееся к осени 1918 г., впрочем, довольно сумбурное и наполненное неточностями: «За несколько дней до обыска поселился у нас на Басманной по ордеру полковник Генерального штаба Барановский (видимо, бывший генерал В. Л. Барановский. — А. Г.), называю его полковником [исходя] из чина в русской старой армии. Блестящий офицер, видно сразу, что из культурной, интеллигентной семьи. Держался безупречно, но очень осторожно, не затрагивая никаких политических, экономических, не говоря уж о военных, вопросов. Говорил о Петрограде, его театрах, концертных залах, музыке. Вспоминал о семье, видно было, что тоскует, но о причине, почему семья не может переехать в Москву, отвечал:

— Так сложились обстоятельства.

Рано уходил на службу, приходил поздно вечером. Встречались лишь за вечерним чаем, когда приходил в столовую. А тут как-то утром в воскресенье звонок. Горничная говорит, что пришел какой-то мальчик, спрашивает Барановского. Его не было дома. Завели его в столовую. Мальчик воспитанный, но на всех смотрит с опаской. Потом как-то освоился, почувствовал к нашим доверие и рассказал:

— Мы с мамой и сестрой живем в Петрограде. Папу куда-то увезли. Мы живем как в тюрьме, мама с нами не может выйти из дому, только сама или мы одни. На днях получили от папы сообщение, что он в Москве, и адрес его сообщили, но просят не писать. Мама плачет, не верит и вот решила послать меня. Целую ночь я ехал.

Дождлся он отца. Вечером горничная отвезла его на вокзал. Уехал счастливый. С отцом мы не понимали о нем разговор. Поняли, что Троцкий (тогда он был министром обороны [наркомом по военным делам]) организует Генеральный штаб. Генштабисты разбежались, а кого поймаешь — тому верить нельзя. Заставить работать за совесть, а не за страх можно, взяв в залог семью» (Авенариус Н. А. Кремнистый путь. М., 2012. С. 118–119).

^V Куракина Т. Г., кн. Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве. С. 181–182; Обречены по рождению... С. 492.

^{VI} М. Мартиролог русского офицерства; Грезин И. И. Храм-Памятник в Брюсселе: Список мемориальных досок. СПб., 1999. С. 16.

внимательно следить за тем, чтобы на ответственные командные должности не назначались с неопределенной физиономией, если семья проживает на территории, занятой врагами советской власти. Между тем указания эти не соблюдаются. Так, в одной из армий Восточного фронта начдивом (начальником дивизии) назначено было лицо, вся семья которого находится у Колчака. Означенный начдив совершил измену, перейдя со штабом [к] Колчаку. Напоминаю снова: регистрация лиц командного состава по семейному положению должна производиться со всей строгостью. Реввоенсоветы армии, фронтов, Всероглавштаба^I, округа, губернии обязуются строжайше сообразовываться с указанным выше условием при назначении на ответственные посты. Отступления могут допускаться по особому каждый раз постановлению председателя Реввоенсовета республики. Нарушение предписания повлечет строгую ответственность. № 1149. Реввоенсовет Юренев.

Телеграммой Реввоенсовета на комиссаров частей возлагается самое спешное проведение перерегистрации всех лиц командного состава по семейному положению. Означенные списки с указанием моральной и политической физиономии пришлите срочно в военсовет. Комиссар штабм 3[-й] Рейхардт^{II}. Документы эти вновь подтверждают отсутствие применения заложничества.

Сохранилась и листовка «К войскам, обороняющим Петроград!», подписанная И.В. Сталиным и датированная июнем – началом июля 1919 г. В документе упоминалось о том, что «семейства всех командиров, изменивших делу рабочих и крестьян, берутся в качестве заложников»^{III}. Впрочем, этот документ, являвшийся скорее воззванием, вряд ли свидетельствует о такой практике. Более того, сам Сталин вскоре был отозван из Петрограда.

В секретной «Инструкции ответственным работникам 14-й армии», составленной 9 августа 1919 г., Троцкий среди прочих мер, необходимых для восстановления боеспособности армии, отмечал: «Каждый комиссар должен точно знать **семейное положение командного состава** вверенной ему части. Это необходимо по двум причинам: во-первых, чтобы прийти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира. Все сведения о семейном положении командного состава и политработников должны быть сосредоточены в политотделе Реввоенсовета армии»^{IV}. Подобное требование Троцкого напрямую свидетельствует о том, что эта мера к августу 1919 г. все еще не применялась в РККА. Кроме того, едва ли арест семьи с последующим ее освобождением (о более суровых мерах в отношении семей изменников не говорилось) мог остановить решившихся на измену. Недоволен был отсутствием применения жестких мер и В.И. Ленин, который писал 8 июня 1919 г. Э.М. Склянскому: «Надо усилить взятие заложников с буржуазии и с семей офицеров – ввиду учащения измен. Сговоритесь с Дзержинским»^V. Требование немедленно арестовать семьи изменников звучало и в приказе Троцкого по оборонявшей Петроград 7-й армии 2 ноября 1919 г.

^I В газете искаженно – Всероглавостба.

^{II} Наша газета (Омск). 1919. № 20. 09.09. С. 4.

^{III} Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М., 1941. С. 26.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 256–256об.

^V Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 50. С. 343.

Наконец, 17 декабря 1919 г. был издан приказ Президиума ВЧК № 208 об аресте заложников и буржуазных специалистов, в котором за подписями Ф.Э. Дзержинского и М.И. Лациса разъяснялось, что заложник — «это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которым этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого вы поймете, что заложниками следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров... Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящимися при власти у них лиц и тому подобным. Из этой среды и следует забирать заложников. Но так как ценность заложника и целесообразность на месте не всегда легко установить, то следует всегда запросить центр. Без разрешения Президиума ВЧК впредь заложников не брать. Ваша задача взять на учет всех лиц, имеющих ценность как заложники, и направлять эти списки нам»¹. По этому приказу было предписано взять на учет всех бывших офицеров, но необходимость получения в каждом случае санкции Президиума ВЧК на взятие заложников существенно ограничивала применение этой меры. О семьях бывших офицеров речь не шла.

Сохранились нуждающиеся в проверке мемуарные свидетельства об угрозах большевиков убить семью генерала М.А. Фостикова, руководившего антибольшевистским восстанием на Кубани в 1920 г. В ответ на это генерал якобы пообещал за каждого убитого замучить сотни большевиков. По некоторым данным, какие-то родственники Фостикова все же были убиты, однако жена смогла уехать к нему².

Когда в 1921 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов узнал, что начальником штаба сибирских казаков-повстанцев является бывший полковник Генштаба А.Ф. Кудрявцев, командированный РВСР в штаб помглавкома по Сибири, Смирнов распорядился найти семью Кудрявцева и взять ее в заложники, однако выполнить это распоряжение не удалось, так как Кудрявцев не был не только генштабистом, но даже и офицером³.

Уже в конце Гражданской войны, летом 1921 г., Троцкий, беседуя с французским коммунистом А. Моризе, не без преувеличений заявил: «Мы призвали бывших офицеров. Французская революция из 15 000 королевских офицеров получила пять-шесть тысяч. На миллион мы нашли сотни тысяч»⁴. Некоторые предали, это правда. Наша 11-я дивизия, например, дивизия из Нижнего Новгорода, наша гордость, была весной 1919 года истреблена казаками Краснова из-за умышленной ошибки своего командования. Мы арестовали семьи подозреваемых офицеров и держали их как заложников. Впрочем, угрозы оказалось достаточно»⁵. Из этих слов следует, что отдельные случаи взятия заложников имели место,

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267; Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 148.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 785. Л. 74–75.

³ Сибирская Вандея. М., 2001. Т. 2. 1920–1921. С. 246–247.

⁴ Явное преувеличение Троцкого перед иностранцем: в старой армии не было миллиона офицеров, а численность военспецов РККА не превышала 100 000 человек.

⁵ Morizet A. Chez Lénine et Trotski. Moscou 1921. Paris, 1922. P. 107. Перевод наш.

но не приводили к серьезным последствиям для арестованных, поскольку дело не шло дальше угроз.

Спустя несколько лет после Гражданской войны Троцкий комментировал смысл подобных суровых приказов (в первую очередь, приказов о расстрелах комиссаров): «Это не был приказ о расстреле, это был тот обычный нажим, который тогда практиковался. У меня здесь есть десятки такого же рода телеграмм Владимира Ильича... Это была обычная в то время форма военного нажима»¹. Таким образом, речь шла об угрозах.

Окончательно проясняет вопрос важное свидетельство Троцкого, оставленное им много лет спустя, уже в Мексике. Тогда Троцкий посвятил заложничеству отдельный раздел «Революция и институт заложничества» своего очерка «Их мораль и наша», в котором писал: «Не будем настаивать здесь на том, что декрет 1919 г.² вряд ли хоть раз привел к расстрелу родственников тех командиров, измена которых не только причиняла неисчислимы человеческие потери, но и грозила прямой гибелью революции. Дело, в конце концов, не в этом. Если б революция проявляла меньше излишнего великодушия с самого начала, сотни тысяч жизней были бы сохранены. Так или иначе, за декрет 1919 г. я несу полностью ответственность. Он был необходимой мерой в борьбе против угнетателей. Только в этом историческом содержании борьбы — оправдание декрета, как и всей вообще Гражданской войны, которую ведь тоже можно не без основания назвать “отвратительным варварством”»³. Таким образом, Троцкий вновь и уже более определенно высказался, что, несмотря на отдельные случаи арестов членов семей военспецов, более серьезных репрессий в их отношении не практиковалось.

Заложничество членов семьи было крайне жестоким, слишком сложным и при этом неэффективным средством борьбы и осталось в основном декларированной угрозой. Неотъемлемыми составляющими заложничества должны были являться эффективная связь фронта и мест призыва, а также доведение сведений о нем до заинтересованных лиц и предъявление им соответствующих условий освобождения заложников. Требовалось не только установить факт измены, а не простого исчезновения или гибели в сложной боевой обстановке того или иного военспеца (что было нелегко), необходимо было, кроме того, определить местонахождение его семьи (что в случае заранее подготовленной измены было практически невозможно), завязать переписку с тылом о ее аресте, осуществить арест, а затем обнародовать сведения о взятии семьи в заложники и, видимо, выдвинуть какие-то требования. В противном случае механизм не работал.

Изначальный замысел Троцкого, очевидно, сводился к запугиванию тех, кто еще не перебежал к противнику. Возведенными в систему арестами членов семей перебежчиков, наверное, можно было запугать еще колеблющихся военспецов, но едва ли такие действия могли остановить людей, готовых бороться до конца.

¹ Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 446.

² Троцкий ошибочно датировал декрет о взятии заложников, изданный в 1918 г. Можно предположить, что эта ошибка памяти обусловлена тем, что в 1918 г. распоряжение Троцкого еще не нашло практического применения.

³ Троцкий Л. Д. Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 68–69. Август — сентябрь. С. 14.

Реальных рычагов воздействия на белых офицеров, даже оставивших свои семьи на советской территории, у красных не было. Заложничество членов семей белогвардейцев и перебежчиков с предъявлением им требований через линию фронта было бессмысленным и, вероятно, даже не рассматривалось большевистским руководством.

Репрессии против семей уже перебежавших к противнику лиц могли только озлобить перебежчиков, дав им дополнительный стимул в борьбе с большевиками. Активные контрреволюционеры при этом не ликвидировались, а преследованиям подвергались лишь невинные и беззащитные члены семьи. Подобный подход противоречил логике даже наиболее радикальных чекистов, считавших, что «в таком деле половинчатость хуже всего, она озлобляет врага, не ослабив его»¹.

В силу ряда объективных причин репрессии в отношении семей военспецов-генштабистов не получили распространения в Советской России, оставшись в основном декларативными угрозами. Единичные случаи арестов практически не имели далеко идущих последствий, так как обычно арестованных освобождали. На уровне угрозы заложничество семей действительно выглядело устрашающе, но попытка реализовать эту угрозу провалилась. Красные не располагали данными обо всех семьях белых офицеров и перебежчиков, а учет семейного положения десятков тысяч военспецов оказался слишком сложным и не был должным образом осуществлен. Ведавшие учетом кадров специалисты, по всей видимости, препятствовали взятию семей на учет и саботировали аресты членов семей перебежчиков. Взятие заложников из семей военспецов могло озлоблять бывших офицеров, но не способствовало борьбе с контрреволюцией. Возможно, советское руководство также понимало, что, начав террор против семей, оно рискует столкнуться с ответной реакцией белых.

Проблема политической лояльности командного состава в годы Гражданской войны стояла чрезвычайно остро, прежде всего в Красной армии. В первую очередь этот вопрос относился к бывшим офицерам – военным специалистам. Их служба складывалась не всегда просто и проходила под знаком недоверия со стороны красноармейцев и комиссаров. Новая власть использовала знания и опыт этих людей, но воспринимала их как чужих, представителей буржуазных классов. В свою очередь многие бывшие офицеры считали большевиков предателями и инородцами, пришедшими к власти на немецкие деньги, стремившимися уничтожить национальную Россию. Воспринимали их как антигосударственную силу, которая попрапа законность, подавляла православную веру, истребляла целые слои населения, ввергла страну в братоубийственную Гражданскую войну и была неспособна навести порядок.

В среде военспецов нередки были измены и переходы на сторону белых, представлявших в условиях внутреннего конфликта привлекательную для части офицерства альтернативу красным. Немало «бывших» принимали участие в различных

¹ Почему вы миндальничаете? // ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М., 2004. С. 132.

заговорах. Эти обстоятельства предопределили массовый характер репрессий органов ЧК в отношении военспецов. Разумеется, среди тех, кто подвергся таким репрессиям, были и генштабисты.

Контрразведывательная работа с военными специалистами представляла немалую сложность для ВЧК. Практически у каждого ответственного работника Красной армии из бывших генералов или штаб-офицеров имелись либо родственники, либо сослуживцы в рядах противников советской власти. Почти любого можно было подозревать в нелояльности и проверять на предмет контрреволюционных связей. Тем более что скрывать свои взгляды в беседах с товарищами многие офицеры еще не привыкли. В некоторых случаях подозрения оказывались небезосновательными.

Сложности усугублялись переменчивостью событий на фронте, влиявших на настроения военспецов, — например, летом — осенью 1919 г., когда успехи наступления ВСЮР на Москву не только способствовали массовым переходам военспецов на сторону белых, но и вселили тревогу в тех, кто еще сохранял лояльность красным. В частности, в советского главнокомандующего И. И. Вацетиса и его окружение в ПШ РВСР в Серпухове, всерьез боявшихся репрессий в случае победы белых. Неопределенность дальнейших жизненных перспектив вела к обсуждению путей спасения, что в то время уже расценивалось как контрреволюционные разговоры.

В то время органы ЧК и советской военной контрразведки прибегали к проверке оперативной информации путем ареста подозреваемых. В быстро менявшейся обстановке изоляция в местах лишения свободы могла предотвратить заговор, разрушить связи между предполагаемыми заговорщиками, сорвать их планы. Ввиду тяжелого положения Советской России потенциальные угрозы чекистами трактовались расширительно, в результате чего в порядке вещей были аресты и расстрелы невиновных людей без достаточных на то оснований. Ситуация усугублялась отсутствием у чекистов профессионального опыта контрразведывательной работы. Аресты проводились без должного анализа поступавших данных, порой совершенно абсурдных. Из-за этого нередко арестовывались неповинные люди либо же те, кто считался лояльным.

Массовые аресты приносили вред укреплению Красной армии, иногда парализовали функционирование целых учреждений. Особи́сты были загружены работой, а арестованные вместо службы по специальности месяцами томились за решеткой без допросов и каких-либо следственных действий. Расследования и проверка исходных данных во многих случаях не велись. Подозрительные лишь изолировались в местах лишения свободы на длительный срок. Репрессии искусственно обостряли обстановку в РККА, гнетуще действовали на бывших офицеров, отталкивая их от новой власти, приводя к еще большему замыканию в своей среде или же к бегству в лагерь противника. Кроме того, зачастую аресты осуществлялись в нарушение установленного порядка — без предупреждения непосредственного начальства арестуемых ответственных работников. Порой арестам подвергали даже свидетелей по тем или иным делам.

Вполне реалистичное объяснение действий чекистов содержится в письме видного советского военно-политического деятеля К. А. Мехоношина своему коллеге по партийной работе в армии Н. И. Подвойскому, написанном в конце 1918 г.:

«К арестам же и обыскам специалистов я могу лишь порекомендовать относиться более спокойно — это есть одна из форм контроля и воздействия на них, дабы предавать и изменять было бы не так легко и без риска, что многих слабодушных удержит от измены»¹. Мехоношин давал понять не вполне сориентировавшемуся в текущем моменте Подвойскому, что у арестов военспецов не обязательно наличествовали конкретные причины. Эти меры носили характер упреждения и устрашения, но предотвратить измен не могли. Подобная незаконная практика «упреждающего террора» вошла в постоянное употребление советских органов госбезопасности и нашла свое логическое продолжение в массовом терроре 1930-х гг.

Репрессивная практика советских карательных органов в отношении «лиц Генштаба» в годы Гражданской войны не отличалась мягкостью или достаточной продуманностью. Немало квалифицированных специалистов было расстреляно, умерло в заключении, многие бесцельно томились в тюрьмах и лагерях, тогда как могли принести куда больше пользы советской власти в рядах Красной армии. Репрессии затронули примерно пятую часть выпускников академии, служивших в РККА.

При этом карательным органам, за редкими исключениями, не удавалось выявить и ликвидировать подлинных контрреволюционеров и подпольщиков в среде выпускников академии. Целый ряд высокопоставленных агентов противника не только успешно работали в Красной армии, но и сумели затем благополучно уйти к белым. Характерны в этом отношении примеры А. П. Архангельского, Б. В. Геруа, Ф. Е. Махина, А. Л. Носовича, А. И. Парва, Б. П. Полякова, Н. Ф. Соколовского, А. В. Станиславского, Н. Н. Стогова. Показательно, что даже руководитель подпольной военной организации «Национального центра» в Москве бывший генерал Н. Н. Стогов сумел бежать из-под ареста и затем уйти к белым. В то же время добросовестно служивших военспецов чекисты арестовывали с завидной регулярностью.

История первого этапа репрессий против комсостава РККА показательна, ведь именно в годы Гражданской войны сформировались многие характерные особенности работы советских органов госбезопасности, принципы и методы их борьбы с предполагаемой «пятой колонной». В конечном итоге власть руками чекистов истребила значительную часть корпуса офицеров старого Генерального штаба, оставшихся в СССР, однако произошло это значительно позже — в 1930-х гг. Ответственность за репрессии в армии впоследствии была возложена, прежде всего, на спецслужбы, на самом деле являвшиеся исполнителями воли руководства страны. Последнее же за свои преступные действия никакого наказания не понесло.

Политику террора применительно к кадрам Генерального штаба проводили только красные. В антибольшевистском лагере имели место лишь единичные преследования генштабистов, а также эксцессы самосудов. Судебно-следственные действия белых в отношении пленных и перебежчиков были рассмотрены в предыдущей главе. В основном речь шла о проверке таких лиц реабилитационными

¹ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 84. Л. 36.

комиссиями. Некоторые пленные и перебежчики подвергались арестам на непродолжительный срок. Отдельные офицеры разжаловались в рядовые и поступали на службу белым. Однако более серьезных репрессий, насколько можно судить, не было. Все это не шло ни в какое сравнение с красным террором против выпускников академии.

Известны три случая гибели выпускников академии полковников К.И. Рябцева, А.А. Сосницкого и генерал-лейтенанта барона А.А. фон Таубе в белом лагере, которые можно квалифицировать как гибель вследствие репрессий, причем фон Таубе, обвинявшийся в большевизме, попал в плен и умер в тюремном заключении в белой Сибири от тифа¹. Гибель Рябцева и Сосницкого представляла эксцессы самосуда.

Военрук Северо-Кавказской советской республики А.А. Сосницкий и комиссар А.С. Силичев в середине июля 1918 г. были захвачены белыми на станции Тихорецкая и казнены (зарублены; по другим данным, расстреляны)². Известный белый агент в Красной армии бывший генерал А.Л. Носович писал, что эта казнь была особенно несправедливой, поскольку Сосницкий сотрудничал с белым подпольем: «Он не был посвящен в детали нашей саботажной работы, но, так сказать, силою вещей сам вошел в нашу контрреволюционную ячейку. В середине июля месяца добровольцы, наконец, повели наступление на Великокняжескую. Сталин к этому времени начал требовать, чтобы военспецы лично принимали участие в боевом руководстве войск в поле. В самом начале этого наступления добровольцев Сталин потребовал от нашего штаба кого-нибудь сведущего для руководства войсками, защищающими Великокняжескую. Мы с [А.Н.] Ковалевским были в большом затруднении, как вдруг Сосницкий совершенно спокойным голосом говорит: “Я думаю, что таким человеком могу быть только я. Полагаю себя достаточно опытным и уверен, что никто другой не сможет, да другого человека, которому вы могли бы поручить столь деликатную задачу, как сдачу Великокняжеской добровольцам, у нас нет”. Этим ясным заявлением он, как бы безоговорочно, вошел в организацию. Получил назначение. Благополучно сдал Великокняжескую, успел спрятаться во время отступления большевиков и вышел к добровольцам... Но вот какие сведения были получены от контрразведки, а после и дополненные лично мною, когда я уже был среди добровольцев. Вышедшего к добровольцам Сосницкого привели немедленно к Деникину, который лично командо[вал] войсками, взявшими Великокняжескую. После короткого и исключительно грубого и издевательского допроса, совершенно неоконченного и крайне неполного... кто-то из окружавших Деникина офицеров вытащил револьвер и в присутствии высшего начальника застрелил Сосницкого»³.

¹ Подробнее см.: *Познанский В. С.* Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1978.

² *Крутоголов Ф. Ф.* Правда о Сорокине / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 264; *Карпов Н. Д.* Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006. С. 253; *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.) М., 1961. С. 64; *Шапошник В. Н.* Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980. С. 177; *Янчевский Н. Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1927. Т. 2. С. 56.

³ *Носович А. Л.* Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 6. С. 80 // BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843 (1) (7) (1). Вох 1; *Его же.* Белый агент в Красной армии. С. 280.

Показателен случай с Рябцевым. Разделявший меньшевистские взгляды Рябцев стал известен в 1917 г., командуя войсками Московского военного округа и возглавив борьбу с большевиками в Москве. В Гражданской войне Рябцев не участвовал, оставаясь нейтральным и проживая как частное лицо в Харькове¹. Он был арестован белыми в 1919 г. после занятия ими Харькова и вскоре стал жертвой самосуда конвоиров — был убит «при попытке к бегству». Товарищ Рябцева по академии А. А. фон Лампе отмечал в своем дневнике: «Рябцев окончил академию на год раньше меня и представлял собой посредственность, хотя шел очень высоко. К революционной деятельности его выдвинул Верховский, тогдашний военный министр, и после него Рябцев пошел по революционным делам. Наше наступление прервало его карьеру. Думаю, что это было справедливо... если есть вообще в этом справедливость»². Сам А. И. Верховский вспоминал Рябцева как «мечтателя, горевшего душой за судьбы страждущего человечества, которое он так хотел видеть счастливым и свободным... Рябцев горячо говорил о великих идеалах гуманизма, которые, наконец, восторжествуют на нашей родной земле. И вот Рябцев погиб...»³

Если бы к белым в плен попадали военспецы-генштабисты, верой и правдой служившие красным либо состоявшие в большевистской партии, случаев белого террора в их отношении было бы больше. Впрочем, дело смягчалось мощными корпоративными связями выпускников академии.

Следует упомянуть и о жертвах бандитизма. Генерал С. И. Кулешин был убит в 1918 г. в поезде за отказ снять погоны. Генерал В. В. Сахаров был расстрелян «зелеными» в Крыму у Карасу-Базара летом 1920 г. Генерал А. С. Галкин был убит в 1920 г. в Сочи бандитами прямо на глазах у семьи. Перешедший в РККА бывший колчаковский подполковник Л. В. Никольский был убит осенью 1921 г., как сообщалось, белобандитами⁴.

Гражданская война представляла собой конфликт, в котором офицерство, стоявшее во главе Белого движения, пыталось добиться реализации своих целей силовым путем. В силу этого офицеры, в том числе генштабисты, являлись не только жертвами, но и проводниками террора. Множество офицеров воевало с 1914 г., что вело к огрубению нравов и обесцениванию в их представлениях человеческой жизни. К тому же выпускники академии были руководителями самостоятельных белых фронтов и командующими армиями (генералы М. В. Алексеев, П. Н. Врангель, А. И. Деникин, М. К. Дитерихс, А. И. Дутов, Л. Г. Корнилов, П. Н. Краснов, Е. К. Миллер, Н. Н. Юденич). Командующие в силу занимаемого положения должны были отдавать репрессивные приказы, как конкретные⁵, так и регламентировавшие проведение террора на контролируемых территориях, а также утверждали расстрельные

¹ Подробнее см.: ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 145; Журавская И. Л. Полковник К. И. Рябцев. Страницы биографии // Отечественная история. 1998. № 4. С. 66–74.

² ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

³ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 422.

⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 347. Л. 37.

⁵ См., напр., о репрессивных приказах Деникина, оставшихся, по-видимому, без исполнения: Левитский В. М. Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / под ред. А. А. Чемакина. М., 2019. С. 145.

приговоры военно-полевых судов. Политику террора проводили и лидеры различных повстанческих движений — например, генерал М. А. Фостиков, возглавивший в 1920 г. «Армию возрождения России» на Кубани¹.

На начальном этапе Гражданской войны, когда белые армии носили партизанский характер, приказы могли быть устными. Так, в период 1-го Кубанского похода в селе Лежанка группа пленных военспецов по устному приказу генерала Л. Г. Корнилова была предана военно-полевому суду. Многие думали, что пленных казнят, и просили отменить суд и помиловать пленных, но их судили: военспецы были прощены и приняты на службу в Добровольческую армию. По словам генерала С. М. Трухачева, Корнилов не мог отменить военно-полевой суд, иначе бы белые перестали брать пленных и перешли к самосудам².

Известен приказ генерала П. Н. Врангеля № 3052 от 29 апреля (12 мая) 1919 г. безжалостно расстреливать всех комиссаров и активных коммунистов, захваченных в ходе боев³. Тем же приказом подлежали амнистии все офицеры и солдаты, подвергшиеся наказаниям за службу в РККА по переходе на сторону белых. Некоторые приказы касались расстрелов в белых частях. Так, генерал М. К. Дитерихс по должности главнокомандующего Восточным фронтом белых 3 августа 1919 г. подписал приказ о том, что офицеры, изобличенные в пьянстве с солдатами или принуждавшие последних добывать алкоголь нелегальным путем, подлежали расстрелу по приговорам военно-полевых судов⁴.

И хотя специфика службы не давала генштабистам широких полномочий по проведению карательных мероприятий, но любое лицо на ответственной строевой должности, том или ином военно-административном посту могло подписывать репрессивные приказы или отдавать соответствующие устные распоряжения. Выпускники академии не являлись исключением. Несколько снижало их роль в этих вопросах пребывание на штабных должностях.

Белые командующие несут ответственность и за террор подчиненных. Например, такую ответственность как за собственные распоряжения, так и за действия нижестоящих начальников на Востоке России несет атаман Оренбургского казачьего войска и командующий Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армиями А. И. Дутов⁵.

В отличие от некоторых других атаманов Гражданской войны, Дутов не был палачом или садистом, являясь обычным интеллигентным офицером и в чем-то даже мягким человеком. Тем не менее издание репрессивных приказов в обстановке Гражданской войны являлось неизбежным. Приказом № 2 от 21 июня (4 июля)⁶ 1918 г. по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области вводилась смертная казнь за большинство серьезных преступлений: убийство, разбой, нападение на должностных лиц и военных. К этому добавлялось

¹ Савченко И. Г. В красном стане. С. 272.

² Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М., 2018. С. 142.

³ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 177об.

⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 20.

⁵ Подробнее о терроре Дутова см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 359–373.

⁶ С момента установления в Оренбурге антибольшевистского режима и до 1 (14) июля 1918 г. властями использовался старый стиль летоисчисления (Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 01(14). 07. № 9. С. 2).

аналогичное наказание «за активное участие в шайке, именующей себя большевиками и составленной преимущественно лицами не русского происхождения, приехавшими из Германии для уничтожения Российского государства, а также для совершения тяжких преступлений: разбоя, убийства, грабежа, кощунства, похищения святынь, святотатства, без различия вероисповедания, и захвата чужого имущества, виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к смертной казни»^I, такое же наказание предусматривалось за укрывательство комиссаров и красноармейцев и «лиц, выступивших с оружием в руках против войск, боровшихся за созыв Учредительного собрания»^{II}. Приказ был подготовлен и подписан вр.и.д. Войскового атамана К.Л. Каргиным и уполномоченным Комуча по Оренбургской губернии П.В. Богдановичем.

Не имевший отношения к подписанию этого приказа Дутов позднее разъяснил, что смертная казнь за укрывательство должна применяться лишь к лицам, укрывавшим «наиболее важных комиссаров»^{III}. 4 августа 1918 г. был издан приказ № 21 по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области, дополнявший приказ № 2 статьями за бунт против власти Учредительного собрания, приготовление и подстрекательство к бунту, за шпионство, уничтожение складов, приведение в негодность путей сообщения, средств связи и прочие виды государственной измены, за участие в скопище, оказавшем противодействие вооруженной силе, за подстрекательство к уклонению от военной службы, за нападение на часового или патруль, сопротивление караулу^{IV}. Кроме того, этим приказом действие приказа № 2 распространялось на преступления, совершенные с 18 января 1918 г. — со дня захвата Оренбурга красными, что придавало документу обратную силу.

В августе 1918 г. Комуч в связи с обращением Оренбургской городской думы отменил приказы по войску № 2 и 21. После этого военно-судебные учреждения Оренбургского военного округа стали руководствоваться приказом по Оренбургскому казачьему войску, Оренбургской губернии и Тургайской области № 31 от 14 августа 1918 г., по которому военно-полевому суду предавались лица, обвинявшиеся в подстрекательстве, шпионаже, диверсиях, участии в скопищах, нападении на часового, убийстве, разбое, насилии, хранении неохотничьего огнестрельного оружия и взрывчатых веществ без разрешения. Приказ, как и предшествовавший ему приказ № 21, распространялся на преступления, совершенные с 18 января 1918 г.^V

Приказом по Оренбургскому казачьему войску № 75 от 18 августа 1918 г. за антиправительственные речи и сочинения и их публичное произнесение полагалась ссылка на поселение, за антиправительственную агитацию в войсках — каторжные работы, а за составление антиправительственных речей — заключение в крепость на срок до трех лет^{VI}. К большевикам и их пособникам следовало

^I РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 50.

^{IV} Публикацию приказов № 2 и 21 см.: Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919 гг.): Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 149–150, 153–154 (при публикации приказа № 2, видимо, с целью не ослаблять впечатление читателей приказа, был пропущен пункт 2 об умышленных убийствах, изнасилованиях, разбоях, грабежах, поджогах или утоплении чужого имущества); Сафонов Д. А. Между империей и республикой Советов: Местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008. С. 374–375, 384–385.

^V РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

^{VI} Там же. Л. 6–7.

относить лиц, служивших в РККА или Красной гвардии на строевых должностях, на должностях комиссаров (кроме выборных), лиц, занимавших ответственные посты в военных и карательных учреждениях большевиков, доносчиков, если их доносы послужили причиной ареста или гибели кого-либо, участников большевистских обысков и арестов, а также всех, кто добровольно боролся в рядах красных с оружием в руках¹.

В условиях непримиримости сторон Гражданской войны активное соучастие в деятельности красных расценивалось белыми как одно из тягчайших преступлений, подлежащих высшей мере наказания. Действовавший в Оренбурге при Дутове военно-полевой суд тщательно рассматривал такие дела, причем около четверти подсудимых оправдывались в том числе по обвинениям в большевизме².

Известен один из расстрельных приказов начальника штаба Сибирской армии генерал-майора Б.П. Богословского: «13 марта [1919 г.] в Тюмени 150 мобилизованных взбунтовались, вооружились захваченными в складе винтовками и начали безобразничать в городе. Приказываю бунт подавить самыми жестокими мерами и всех захваченных с оружием бунтовщиков расстрелять на месте без всякого суда. Об исполнении и о числе расстрелянных мне срочно донести. № 0809/ОП. Команд[ующий] Сибирской [армией] ген[ерал]-лейтенант Гайда. Наштарм Сибирской Генштаба ген[ерал]-майор Богословский»³. Речь шла о подавлении вооруженного восстания. Этот инцидент фигурировал в обвинении на процессе над колчаковскими министрами в 1920 г. Отмечалось, что число жертв подавления восстания превышало 450 человек⁴. Жертвами расстрелов стали не только сторонники большевиков. Например, на Базарной площади были расстреляны два редактора местной меньшевистской газеты⁵. Отметим, что в 1920 г. Богословский сдался в плен красным и был расстрелян.

Целый ряд карательных приказов связан с борьбой против сибирских партизан. В качестве организатора жестоких антипартизанских акций в Енисейской губернии прославился особоуполномоченный по охране государственного порядка в Енисейской и Иркутской губерниях генерал-лейтенант С.Н. Розанов. Им 27 марта 1919 г. был подписан широко известный приказ с инструкцией по борьбе с партизанами: «Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожakov; если этого не произойдет, а достоверные сведения о личности таковых имеются, — расстреливать десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлеб и так далее отбирать в пользу казны.

Примечание: Все отобранное должно быть проведено приказом по отряду.

¹ Там же. Л. 50.

² Ганин А. В. Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа (1918–1919 гг.): история и деятельность // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2018. № 4. С. 27–54.

³ События в Тюмени (телеграмма пол[еовой] конторы) // Мысль (Иркутск). 1919. 15.03. № 21. С. 3.

⁴ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 37.

⁵ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017. С. 223.

3. Если при проходе через селения жители по собственному почину не известят правительственные войска о пребывании в данном селении противника, а возможность извещения была, на население накладывать денежные контрибуции за круговой порукой. Контрибуции взыскивать беспощадно.

Примечание: Всякая контрибуция должна быть проведена приказом, притом по отряду. Суммы впоследствии сдать в казну.

4. При занятии селений, по разбору дела, неуклонно накладывать контрибуции на всех тех лиц, которые способствовали разбойникам хотя бы косвенно, связав их круговой порукой.

5. Объявить населению, что за добровольное снабжение разбойников не только оружием и боевыми припасами, но и продовольствием, одеждой и проч[им] виновные селения будут сжигаться, а имущество отбираться в пользу казны. Население обязано увозить свое имущество или уничтожить его во всех случаях, когда им могут воспользоваться разбойники. За уничтоженное таким образом имущество населению будет уплачиваться полная стоимость деньгами или возмещаться из реквизированного имущества разбойников.

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно.

7. Как общее руководство помнить: на население, явно или тайно помогающее разбойникам, должно смотреть как на врагов и расправляться беспощадно, а их имуществом возмещать убытки, причиненные военными действиями той части населения, которая стоит на стороне правительства¹.

Однако были и документы противоположного характера. Можно отметить телеграмму главнокомандующего Восточным фронтом белых генерала М.К. Дитерихса командующим армиями от 12 октября 1919 г.: «Особо требую не допускать намеренного в виде кары сжигания деревень как меры, приносящей при условии непричастности к восстанию хотя бы небольшой части населения деревни лишь вред общегосударственному делу»².

Командующий 3-й армией генерал К.В. Сахаров и начальник штаба генерал В.И. Оберюхтин в сентябре 1919 г. подписали приказ о расстреле партизан на месте без суда и заложников через каждого десятого, а также об уничтожении населенных пунктов в случаях массового сопротивления³. В 1938 г. в сталинском СССР Оберюхтина арестовали. Среди обвинений было и такое: «Вел активную карательную линию против войск Красной армии»⁴. В июне 1940 г. бывший колчаковский генерал получил восемь лет лагерей, считая с момента ареста. В 1946 г. он освобожден, а в 1949 г. был повторно арестован и до 1954 г. находился в ссылке в Сибири. По поводу своих приказов за Гражданскую войну Оберюхтин показал: «Я, как начштаба, сам отдавать приказы не имел права, и такие приказы без

¹ Цит. по: Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 543–544.

² РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 132. Л. 74.

³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 142. Л. 220–220об. Подробнее см.: Ганин А. В. «Я имел одну вину — службу у белых...»: Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В. И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А. С. Кручинина / сост. А. В. Ганин. М., 2018. С. 219–352.

⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1. Л. 1.

указания “командарм приказал” силы не имели. Я лишь приказы скреплял. Все эти приказы и сводки были учтены при разборе моего дела о службе у белых еще в 1920 году ВЧК. За эту вину я понес наказание еще 21 год тому назад¹. После нескольких отказов Оберюхтин в 1957 г. был реабилитирован.

30 сентября 1919 г. датирован приказ № 564 командующего войсками Омского военного округа генерал-майора А.Ф. Матковского о расстрелах на месте лиц, захваченных с оружием в руках в деревнях в районе восстания². Сам Матковский в 1920 г. попал в плен к красным и был расстрелян.

Та же участь постигла И.Ф. Ромерова – еще одного колчаковского генерала, руководившего карательными акциями. Летом 1919 г. в чине полковника как начальник Енисейской карательной флотилии он возглавлял борьбу с крестьянским восстанием в Енисейской губернии (повстанческая армия А.Д. Кравченко). По приказу Ромерова тогда были расстреляны десятки повстанцев (впрочем, с учетом размаха восстания такие меры не были чем-то экстраординарным)³. В 1920 г. эти действия послужили основанием для смертного приговора генералу, попавшему в плен к красным. Распространенная мемуарная версия о том, что красные сварили Ромерова в асфальте, оказалась мифом – на самом деле генерала расстреляли.

Неоднозначное свидетельство касается действий генерал-майора С.А. Щепихина в ноябре 1919 г. при отступлении белых⁴. Тогда Щепихин занимал пост начальника штаба 2-й армии. В городе Татарске, где при эвакуации белых творился хаос, и.о. начальника гарнизона подпоручиком И.А. Михеевым и начальником уездной милиции Н.И. Степановым 18–19 ноября были расстреляны шесть политических заключенных местной тюрьмы. Сделано это было якобы по устному приказу начальника штаба 2-й армии, т.е. Щепихина. Со слов Михеева, приказывалось расстрелять всех 16 заключенных, но он остальных пожалел и отпустил. В ходе расследования выяснилось, что исполнители расстрела Михеев и Степанов в те дни сильно пьянствовали, пребывая в маловменяемом состоянии. Свидетельства Михеева содержат внутреннее противоречие: в своем рапорте он не упоминал о каких-либо указаниях штаба армии о расстреле, а говорил лишь о приказе проводить эвакуацию. На допросе показал: «Я и решил ликвидировать арестованных и оставить город»⁵. Дежурный генерал штаба 2-й армии генерал-майор М.Н. Фукин, на которого также ссылался Михеев, показал, что никаких приказаний насчет арестованных не давал. Отдавался ли в действительности Щепихиным устный приказ о расстреле, неизвестно, и в дневнике он об этом не упоминает.

На Юге России из числа выпускников академии репрессивными мерами прославились генералы М.Г. Дроздовский и Я.А. Слащев. Расстрелы пленных были обычным явлением. После боя под Белой Глиной летом 1918 г., когда дроздовцы

¹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 79586. Л. 3.

² Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 255.

³ Подробнее см.: Тепляков А. Г. «Расстрел врагов революции»: Особый отдел ВЧК 5-й армии против белых офицеров и контрразведчиков (1920 г.) // Эволюция российского и зарубежного государства и права: К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Екатеринбург, 2016. Т. 3. С. 676–678.

⁴ Вебер М. И. «Шесть человек политических мною были расстреляны»: документы о расстреле заключенных в Татарске 19 ноября 1919 г. // Развитие территорий (Новосибирск). 2019. № 3 (17). С. 66, 67, 69, 70.

⁵ Там же. С. 68.

опознали обезображенное пытками тело полковника М. А. Жебрака-Русановича и других своих боевых товарищей, по приказу Дроздовского в отместку были расстреляны едва ли не 1000 пленных^I. В этой связи генерал А. И. Деникин вызвал Дроздовского к себе и потребовал прекратить расправы. Разумеется, такой приказ в сложившейся обстановке исполнялся лишь формально^{II}. Полковник А. В. Черныш вспоминал о другом случае расправы: «Он был ранен или, возможно, притворился таковым, прося себе пощады плачущим голосом, лежа на дне окопа. Один кавказец из конвоя полковника Дроздовского заставил его повернуться вверх спиной и тут же выстрелил ему в затылок. Все это видели, тут же был и Дроздовский, — и отнеслись к этому безразлично, как к явлению самому обыденному. И я, как начальник штаба, сделал вид, что ничего не заметил: общее чувство страшной злобы и мести за гибель близких, за развал России и надругательства над нею преобладало над разумом»^{III}. В тот же день с одобрения Дроздовского казнили пленную сестру милосердия^{IV}.

Слащев неудачно окончил академию и не стал полноценным генштабистом, предпочитая строевую службу. В Гражданскую войну он состоял преимущественно на командных, а не на штабных должностях, что давало больше возможностей для применения террора.

Участник и историограф махновского движения П. А. Аршинов отмечал, что «во время занятия Екатеринослава в октябре 1919 г. махновцы совсем не трогали находившихся в лазарете деникинских солдат и офицеров и солдат других армий, считая убийство находящихся в лазарете врагов актом, недопустимым для чести революционера. Пришедший в Екатеринослав месяц спустя деникинский генерал Слащев (теперешний советский генерал) истреблял всех махновцев, находившихся в лазаретах»^V.

Есть и более конкретные свидетельства. «Генерал Слащев прибыл в Джанкой на второй день после нашего приезда, и уже через 15–20 минут по его приезде на фонарном столбе у вокзала был повешен мелитопольский еврей Грудин. Повешен он был по приказу генерала, заставшего Грудина за упаковкой английского обмундирования, купленного у одного из чинов нашей армии.

Чин, продавший Грудину обмундирование, валялся на запасных путях с развороченной головой» — так описывал стремительные, жестокие, но как будто справедливые по условиям военного времени расправы Слащева один из сотрудников белой контрразведки^{VI}.

«Побольше только вешай!» — якобы напутствовал Слащев начальника контрразведки Л. А. Шарова^{VII}, а начальник конвоя генерала, М. В. Мезерницкий, цитировал приказ Слащева: «Возьму ответственность на себя, а грех — на душу, расстрелять каждого без суда, не исполнившего долг и приказ»^{VIII}.

^I Лобанов В. Б. Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 — май 1919 г.). СПб., 2012. С. 85.

^{II} Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Кн. 2. С. 577.

^{III} Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 265.

^{IV} Там же. С. 266.

^V Аршинов П. А. История махновского движения (1918–1921 гг.). Запорожье, 1995. С. 192.

^{VI} Ленкевич А. Из записок контрразведчика // Воля России. 1929. № 5–6. С. 73.

^{VII} Там же.

^{VIII} РГВА. Ф. 7. Оп. 5. Д. 209. Л. 210.

Участник Белого движения на Юге России С.И. Мамонтов вспоминал, что Слащев «применял драконовы меры с расстрелами, и его очень боялись»^I. Начальник штаба ВСЮР генерал П.С. Махров считал Слащева, как и генерала А.П. Кутепова, «установителем правопорядка» при помощи военно-полевых судов»^{II}.

Генерал П.И. Аверьянов со слов знавших Слащева лиц отмечал: «Для тыла, тыловых офицеров, всякого рода шкурников и паникеров Слащев был грозой. Гроза эта обрушивалась одинаково и на генерала, и на офицера, и на солдата, и на рабочего, и на крестьянина. Ничто не могло спасти от этой грозы действительно виноватого или преступника... Поэтому перед поездом Слащева одинаково висели на столбах по несколько дней и офицеры, и солдаты, и рабочие, и крестьяне. И над каждым из них черная доска с прописанными на ней подробно фамилией, положением и преступлением казненного, а через всю доску шла подпись мелом самого Слащева с указанием – сколько дней надлежит труп казненного висеть на столбе (в зависимости от вины 1, 2 или 3 дня)»^{III}. Следует отметить, что нередко эти расправы были справедливы и наказывались реальные насильники и грабители.

Несомненно, Слащев был фанатиком, беспощадным к врагам. Комиссаров и коммунистов, попадавших в плен к Слащеву, расстреливали^{IV}. Так, в Николаеве Слащев подписал смертный приговор сразу на 61 человека из числа большевиков и сочувствующих. Их расстреляли 7 (20) ноября 1919 г. На приговоре Слащев написал: «Расстрелять 7 ноября за то, что пошли против великой неделимой России»^V. Однако то, что всем запомнился расстрел 61 человека, по-видимому, свидетельствует об исключительности этого случая^{VI}. Репрессиям подверглись не случайные люди, а активные участники большевистского подполья.

Слащев сыграл заметную роль в борьбе с большевистским подпольем и в Крыму. Широкую известность получило «дело десяти» (или, как писал Слащев, «дело четырнадцати») по количеству казненных. Речь шла о раскрытии белой контрразведкой 6 (19) марта 1920 г. большевистской подпольной организации Севастополя, готовившей восстание. Члены военно-полевого суда получили угрозы от оставшихся на свободе подпольщиков. По решению суда из десяти подпольщиков трое были приговорены к смертной казни, двое – к десяти годам каторги, а пятеро – оправданы. Комендант Севастополя, однако, не утвердил такое решение. Освобождение арестованных могло привести к раскрытию белой агентуры среди рабочих, поэтому и потребовалось вмешательство Слащева, который вывез всех арестованных из Севастополя в Джанкой^{VII}.

^I Мамонтов С. И. Походы и кони. Париж, 1981. С. 168.

^{II} Махров П. С. Ген. Врангель и Б. Савинков. Тетрадь 2. С. 111 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 4.

^{III} Очерк о генерале Слащеве, составленный в 1929 г. генералом П. И. Аверьяновым по воспоминаниям полковника В. Ф. Фролова и капитана А.А. фон Дрейера / публ. Л. И. Петрушевой // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Т. 3. С. 98.

^{IV} Там же. С. 101.

^V Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 11: Белый Крым. С. 454.

^{VI} Ленау М. Н. Николаев. 1919 год // Героическое подполье. С. 306–309.

^{VII} Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 77–78; Крестьянников В. В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник. 2004. Т. 1. С. 215–216; Брошеван В. М. «Белый» террор в Крыму 1918–1920 гг. Симферополь, б.г. С. 59–60; Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 565.

Действия Слащева были восприняты гражданскими властями как экстраординарные, профсоюзные организации пытались организовать давление на генерала, а глава Южнорусского правительства Н.М. Мельников потребовал соблюдения законности. В ответ на требования рабочих организаций Слащев телеграфировал: «В ответ на ваше заявление о том, что вдали от Севастополя судить нельзя, отвечаю: вдали от фронта судить нельзя. Я уже сказал, что не допущу красных в Крым, но и не позволю тылу диктовать свою волю фронту... Судить будут у меня, и приговоры будут утверждены мною. Сейчас прошу мне не мешать, так как наступаю с войсками против красных, которым вы, видимо, помогаете». Дело рассмотрел военно-полевой суд корпуса Слащева и всех приговорил к смертной казни. Таким образом, подсудимые оказались дважды осуждены судами одного и того же уровня за одно и то же преступление, что было явным нарушением юридических норм¹.

12 (25) марта 1920 г. состоялся разговор Слащева по прямому проводу с представителями Южнорусского правительства, в ходе которого генерал заявил, что «никогда ничего против совместной работы с комитетами и их союзами не имел, но предатели России живыми не останутся.

Фронт будет диктовать тылу, а не тыл — фронту. Десять прохвостов расстреляны по приговору военно-полевого суда, и сегодня утром нами взяты Чаплинка и Преображенка, масса пленных и трофеи.

Я только что вернулся оттуда и считаю, что только потому в России у нас остался один Крым, что я расстреливаю подлецов»².

После этого в знак протеста рабочие провели трехдневную забастовку, а главноначальствующий Новороссийской области генерал Н.Н. Шиллинг объявил Крым на военном положении. Шиллинг также поддержал Слащева в споре с представителями правительства: «Я не юрист, но поступок генерала Слащева, ввиду исключительных обстоятельств и серьезности обстановки, нахожу правильным»³.

Этот случай свидетельствовал о решимости Слащева беспощадно подавлять большевистское подполье ради удержания Крыма. Свою позицию в этом вопросе генерал объяснил уже в СССР: «Мне кажется, что в вопросе о борьбе двух мнений быть не может. Если кто-нибудь за что-либо борется, то он должен либо бороться полностью, либо бросить борьбу: мягкотелость, соглашательство, ни рыба — ни мясо, ни белый — ни красный — это все продукты слабоволия, личных интересов и общественной слякоти»⁴. Отметим, что большевики в отношении своих врагов, даже потенциальных, действовали еще более решительно.

Некоторые описания жестокостей трудно объяснить прагматизмом, они скорее свидетельствуют о явном психическом нездоровье генерала. Вот, к примеру, свидетельство с белой стороны, оставленное военным чиновником С.А. Туником:

¹ Маслов П. В., Миллер М. Е., Никольский П. В. Крым: Хрестоматия по истории края. Севастополь, 1930. Ч. 1. С. 249.

² Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) М., 2013. Ч. 1. С. 106.

³ Маслов П. В., Миллер М. Е., Никольский П. В. Крым. Ч. 1. С. 250.

⁴ Цит. по: Цветков В. Ж. Белое дело в России. Ч. 1. С. 107.

⁵ Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. С. 47.

«Мне пришлось видеть, как шел “допрос” матроса, взятого в плен: он [Слащев] приказал подвесить его за руки и за ноги к двум столбикам — как в гамаке — и развести под ним костер. Сам Слащев сидел перед ним на скамейке со стаканом в руке. Допрос закончился тем, что “краса и гордость революции” был изжарен»^I. пытки применял, разумеется, не только сам Слащев, но и служившие при нем контрразведчики. Один из офицеров был даже разжалован за истязания арестованных^{II}.

Наиболее скандальный случай связан с казнью в Джанкое в марте 1920 г. командира Крымско-Татарского полка войскового старшины Л.И. Протопопова (сам себя он именовал полковником). При формировании полка были допущены злоупотребления, предоставлялись ложные отчетные сведения, позднее Протопопов, чтобы себя реабилитировать, сделал ложные доносы, обвинив в причастности к заговору невиновных. После непродолжительного разбирательства Протопопов был казнен как пособник большевиков и сторонник капитана Н.И. Орлова.

Как вспоминал генерал П.Н. Врангель, «злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимцами. Мне стало известно из доклада главного военного прокурора об аресте по обвинению в вымогательстве и убийстве ряда лиц с целью грабежа начальника контрразведки генерала Слащева военного чиновника Шарова. Последнего генерал Слащев всячески выгораживал, отказываясь выдать судебным властям. Следствие между прочим обнаружило, что в состоянии невменяемости генералом Слащевым был отдан чиновнику Шарову, по его докладу, приказ расстрелять без суда и следствия полковника Протопопова, как дезертира. Полковник Протопопов был расстрелян, причем вещи его, два золотых кольца и золотые часы, присвоил себе чиновник Шаров. Бескорыстность генерала Слащева была несомненна, и к преступлениям чиновника Шарова он, конечно, прямого касательства не имел. Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки»^{III}.

Слащев не отрицал случившегося: «Полк[овник] Протопопов расстрелян за то, что содействовал поднятию восстания против Д[обровольческой] а[рмии] — за неисполнение боевого приказа и за присоединение к Орлову. Ручаться за то, что был в[оенно-]п[олево]й суд не могу (сколько знаю, был, но узнаю). Во всяком случае, расстрелял бы и убил бы лично, потому что время этого требовало — иначе Крым был бы потерян. О действиях Шарова не знаю, я, судя по описаниям, считаю Шарова прохвостом», — заявил генерал в пояснениях по делу 29 июня (12 июля) 1920 г.^{IV}

Расследование вскрыло характер карательной практики в корпусе Слащева, выявив целый ряд других преступлений. Например, белое следствие установило, что по распоряжению Слащева был расстрелян даже 13-летний подросток: «Показаниями целого ряда свидетелей, в большинстве должностных лиц, определено устанавливаются широко практиковавшиеся при штабе упомянутого корпуса

^I Туник С. А. Белогвардеец: Воспоминания о моем прошлом. М., 2010. С. 218.

^{II} Ленкевич А. Из записок контрразведчика. С. 76.

^{III} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 266–267.

^{IV} Office file. Special military investigator at G. H. Q. Дело генерал-лейтенанта Я. А. Слащева-Крымского. Л. 30б. // HIA. Russia (1918–1920). V.S.IU.R. Sudhoe otделение collection. Box 6. File 12.

расстрелы частных лиц и военнослужащих без суда, обычно по резолюциям ген. Слащева; по показаниям этих свидетелей, значительная часть таких расстрелов относится к самому последнему времени — к апрелю и маю месяцам с.г., причем свидетели перечисляют по фамилиям свыше 25 человек и среди них одного тринадцатилетнего мальчика, предварительно еще избитого, и отмечают обычную дележку между присутствующими при расстрелах офицерами ценных вещей, снятых с расстрелянных.

По принятому в штабе корпуса порядку все законченные донесения о коммунистах и др[угих] большев[истских] партийных работниках не получали законного направления, а представлялись Шаровым начальнику штаба корпуса, причем в рапортах своих Шаров высказывал мнение, подлежит то или другое лицо смертной казни или полемому суду; по докладе этих донесений с рапортами Шарова начальником штаба ген. Слащеву последний писал резолюции: “повесить” или же “расстрелять”, после чего эти резолюции и приводились в исполнение Шаровым при участии солдат и чинов подчиненной ему конвойной команды.

При этом один из свидетелей удостоверяет, что по таким делам Шаров делал личный доклад командиру корпуса и в некоторых случаях ген. Слащев накладывал резолюцию “в расход”, что и приводилось в исполнение Шаровым¹.

Рассказывали о различных ужасах слащевских расстрелов. Например, о том, что нередко расстреливали даже без суда. Кандидат на военно-судебные должности военно-прокурорского надзора III армейского корпуса поручик В.А. Деллен 17 (30) июня 1920 г. показал: «Лично я по приказанию начальника отделения чиновника Шарова присутствовал при приведении в исполнение “расхода” в 20[-х] числах апреля 1920 года коммуниста Китаева. Я был назначен вот по какому случаю. Когда вели “на расход” арестованных Лукиянова и Пономаренко, что было как раз перед “расходом” Китаева, то арестованные бежали, а конвоиры показали, что они были обстреляны внезапно кем-то. Чтобы и на этот раз не случилось побега, Шаров нарядил и меня, и подпоручика Франческо, который и приводил приговор в исполнение, причем самый расстрел Китаева выполнил подпрапорщик Гапонов. “Расход” без военно-полевого суда был выполнен над: братьями Кирсановыми в начале апреля; мещанином Лебедевым, кажется, 3 апреля; мещанином Львом Коган[ом] в начале апреля; рядовым Дубовым в начале апреля, ст[аршим] унт[ер-]юф[ицером] Паницким в начале апреля; крестьянами Михаилом и Ольгою Володиными в десятых числах апреля; рядовым Уваровым тогда же; в 15[-х] числах апреля над Шматько; над рядовым Гоцем в 20[-х] числах апреля; мещанином рядовым Осиповым в начале мая; тогда же [над] крестьянином Борченко и младш[им] унт[ер-]юф[ицером] Филатовым, ст[аршим] унт[ер-]юф[иц[ером]] Кунец; над братьями рядовыми Краднюковыми в начале мая; [над] рядовым Зильбербергом, Волобуевым, Попандопуло и Марковым одновременно, приблизительно 5 мая; [над] стражником железнодорожной стражи Олиско в последних числах апреля. Это все те случаи, о которых я знаю; знаю также и что при мне в “расход” был выведен Зентиг, о котором у нас дела

¹ Там же. Л. 30б.—4.

не было, а велось в штабе 2[-го] арм[ейского] корпуса, откуда затем было передано чиновнику Шарову, который лично сам сделал доклад командиру корпуса.

Знаю также о “расходе” капитана Дубинина — был повешен на ст[анции] Джанкой как “орловец” — это было чисто штабное дело — я хочу сказать, что о Дубинине дела в судной части отделения не было, “расход” же выполнил чиновник Шаров... Мне приходилось слышать, как говорили в отделении Зарецкий и тот же Котенко, что в январе месяце “расходы” приводил в исполнение конвой генерала Слащева, причем мне называли несколько фамилий, которые я плохо теперь припоминаю; говорили тогда о какой-то женщине-враче... над арестованными и допрашиваемыми выполнялось битье шомполами — “шомполизация” — стражниками под руководством одного из подпрапорщиков: Гапонова или Волошина — стражники до этого дела были большие охотники; случаи эти сравнительно были очень редки и во время самого допроса никаких избиений не происходило, и это заявляю категорически... “Расход” выполнялся подпоручиками Бублик[ом] и Казий, которые были начальниками команд, чиновник Зарецкий вызывался самолично, подпоручик Франческо — по назначению чиновником Шаровым. Я не раз докладывал Шарову, что дела решаться должны только судом, а не единоличным усмотрением, даже командира корпуса, и это несколько помогло: уже полтора месяца как “расхода” нет. Помню, что при этом докладе Шаров мне возражал: “Если генерал Слащев прикажет, то попробуйте не исполнить” — смысл таков: не исполните, по голове не погладит^I.

Другой свидетель показал, «как смертники ставились возле ямы, пристреливались и засыпались землей — мертвые ли, живые ли — безразлично. Сообщали о случаях, когда пристреленные выползали из могил^{II}». Рассказывали, что Шаров расстрелял целую семью помещика^{III}. По рукам ходили копии документов вроде записки Слащева на клочке бумаги: «Командиру роты военнопленных. Приказываю выдать пять евреев по указанию контрразведывательного отделения штакаора подателю сего. Записку возвратить на руки начальнику отделения. Слащев. 27.5.20^{IV}». Неудивительно, что в народе получил хождение ядовитый стишок: «От расстрелов идет дым, то Слащев спасает Крым». Слащев же был уверен в собственной правоте.

Причастность генштабистов к террору могла быть различной. В некоторых случаях речь шла о выдаче белым советских активистов. Ранее уже упоминалось о том, что так поступил генерал К.К. Литовцев (Шильдбах) в Одессе. Похожий случай был и у красных. Генерал-майор В.Н. фон Дрейер в мае — июне 1918 г. склонял офицеров в Москве в прогерманскую подпольную организацию. Некоторые вступать в такую организацию отказались. Фон Дрейер же передал списки отказников большевикам, следствием чего стали их аресты и расстрелы. За это в мае

^I Там же. Л. 93об. — 94об.

^{II} Раковский Г. Н. Конец белых: От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. С. 80.

^{III} Special military investigator at G. H. Q. Дело генерал-лейтенанта Я. А. Слащева-Крымского. Л. 113 // НИА. Russia (1918–1920). V.S.IU.R. Sudnoe otделение collection. Box 6. File 12. Office file.

^{IV} Раковский Г. Н. Конец белых. С. 80.

1919 г. генерал у белых был предан суду, но оправдан^I. Тем не менее на службу во ВСЮР фон Дрейера не приняли.

Участник Белого движения на Севере России полковник Л.В. Костанди, оказавшись под арестом в Советской России, свидетельствовал: «В отношении того, подписывал ли я смертные приговоры. Да, подписывал 2 приговора, один по чисто уголовному делу 2-х Цветкова и Талалаева гр[ажд]анских лиц, обвиняемых в грабежах, и 5 человек солдат во главе с подпрапорщиком Новиковым за пьянства и неисполнения в нетрезвом виде приказа командира полка, который вслед за этим был мной также отрешен от должности»^{II}. Костанди обвиняли в организации расстрела 14 участников антибольшевистского восстания^{III}, вину офицер не признал^{IV}, но в итоге сам был расстрелян.

В силу высокой степени политизации темы террора в литературе тиражируются не всегда достоверные сведения о причастности тех или иных офицеров к репрессиям, поэтому к подобного рода материалам следует относиться осторожно. Например, такие обвинения без каких-либо доказательств были выдвинуты в адрес подполковника Ф.Е. Махина, якобы ответственного за массовые расстрелы большевиков под Хвалынском летом 1918 г.^V Обращение к источнику сведений об этом показывает, что об ответственности Махина речи не идет^{VI}. В исходных материалах о белом терроре в Хвалынске, представляющих подготовленный в 1960–1970-е гг. обзор советских воспоминаний, упоминаются прямо противоположные данные о Махине как об офицере, освобождавшем арестованных^{VII}. Более того, вся жизнь и деятельность Махина свидетельствуют о том, что это был офицер демократических убеждений, а никак не палач. Разумеется, все это не исключало возможности самосудов в подконтрольном Махину районе.

Некоторые белые генштабисты пытались бороться против террора и самосудов. Например, начальник штаба Северного фронта Донской армии полковник В.А. Замбрицкий в связи с расправами донских казаков из сожженных красными станиц над пленными в сентябре 1918 г. просил командование урегулировать этот вопрос, чтобы не создавать белым врагов, тем более что среди пленных могли быть мобилизованные. В своем дневнике офицер записал: «Ожесточение обеих сторон ужасное. Пленных не берут – их уничтожают. Недавно взяты были 2 батальона пленных, числом 1000 человек. Я запросил [А.И.] Саватеева, где они и что с ними сделано? Сегодня он ответил, что они по пути были растерзаны казаками сожженных станиц!.. А между тем среди них много взятых насильно, которые, быть может, потому и сдались, что не хотели идти против своих братьев... Я донес об этом и просил выработать соответствующие меры, ибо полагаю, что таким истреблением мы сами себе создаем врагов

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 131. Л. 57, 91.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 30б.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 2. Л. 203.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т. 1. Л. 7.

^V Ратьковский И. С. Белый террор: Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб., 2021. С. 105.

^{VI} Васильченко М. А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: дис. ... к. и. н. Саратов, 2014. С. 179.

^{VII} Пиченко Ф. Р. Очерки истории Гражданской войны в уезде. Л. 105об.–106 // Научный архив Хвалынского краеведческого музея. № 22. Выражаю благодарность к. и. н. А. А. Симонову за представленные сведения.

и усиливаем “противника”, — он не будет сдаваться, а будет драться до крайних пределов»^I.

Впрочем, в иной ситуации Замбржицкий одобрял жестокие меры: «Саватеев приказал по взятии слободу Мачику сжечь, чтобы стереть с лица земли ее за вероломное нападение жителей. Это жестоко, но в данном случае выхода нет, — или мы, или они, а вместе с большевиками мы жить не можем!»^{II}

Полковник А.П. Перхуров в период Ярославского восстания в июле 1918 г. категорически требовал не допускать «самовольных стеснений и ограничений в отношении жителей, поставленных и без того в крайне тяжелое положение»^{III}. Были предприняты решительные меры для предотвращения самосудов. В объявлении от 12 июля Перхуров писал: «Приказываю твердо помнить, что мы боремся против насильников за правовой порядок, за принципы свободы и неприкосновенности личности»^{IV}.

Жестокости претили и генералу И.Г. Эрдели, служившему в Добровольческой армии. В марте 1918 г., в период 1-го Кубанского похода, он записал в дневнике: «Какое-то людское самоистребление, ужасно! Поймают большевика — убьют, поймают нашего — тоже убьют; причем наши еще отпускают в сомнительных случаях, а большевики приканчивают всех, почти без разбора»^V. Другая запись через месяц в том же духе: «Я просто видеть не могу этих расстрелов, виселиц и вообще этих бесчеловечностей... Вся душа изболелась у меня от этих страданий человеческих за 3 года войны и 1 год гражданской междоусобицы, тошнит меня. Несу крест свой по обязанности, командование бригадой своей сдал бы сию минуту»^{VI}. Сам Эрдели, насколько мог, старался проявлять милосердие к пленным: «Я многих избавляю от расстрела и отпускаю с миром, хоть и бывших против нас, и думаю, что от этого будет нам же лучше, а не хуже. Исключение приходится делать, конечно, когда попадается кто-либо уж очень злостный или важный по положению, и тогда у меня и жалости нет, ну а большинство — это обманутые бараны, которым простое снисхождение — наилучшее лекарство на будущее от искушений большевизма»^{VII}.

Командовавший войсками белых на Севере России генерал Е.К. Миллер тоже был противником жестокостей. По свидетельству очевидца, «и Миллер, да и все правительство... было помешано на правовых началах — в противоположность большевистскому произволу мы должны были насаждать правовой строй...»^{VIII}

Генштабисты национальных армий также имели отношение к репрессивным актам, хотя данные об этом отрывочны. Известно, в частности, что Наказной атаман войск УНР генерал А.В. Осецкий летом 1919 г. подписал приказ о расстреле полковника П.Ф. Болбочана^{IX}.

^I ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 10об.

^{II} Там же. Л. 11об.

^{III} Цит. по: Ермолин Е. А. Идеология Ярославского восстания // Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998. С. 41.

^{IV} Цит. по: Там же.

^V ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 2; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 150.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 32. С отличиями по другому оригиналу опубл. в: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 151.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 47. С отличиями по другому оригиналу опубл. в: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 151–152.

^{VIII} Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги... С. 142.

^{IX} Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ, 2004. С. 240–241; Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921).

В РККА генштабисты выполняли в основном свои профессиональные обязанности, а карательные акции не входили в их компетенцию. В связи с этим роль генштабистов в проведении красного террора, по-видимому, была ниже. Впрочем, известны примеры проведения карательных мероприятий такими специалистами. Например, курсовик А.И. Геккер был одним из руководителей подавления Ярославского восстания 6–21 июля 1918 г., возглавил Северный ярославский фронт, а затем стал главнокомандующим всеми красными войсками в районе Ярославля. 21 июля он телеграфировал в Москву и другие центры: «Ярославская авантюра ликвидируется железной рукой советской власти, белые сдаются». Что конкретно стояло за этими словами Геккера, сказать сложно. Насколько можно судить, Геккер относился к тем бывшим офицерам, которые стремились сделать карьеру, пользуясь революционными потрясениями.

Известно и о расстрельном приказе за подписью другого видного участника Гражданской войны на Европейском Севере бывшего генерала А.А. Самойло^I. Комиссары, инициировавшие подписание такого документа, с удовлетворением отмечали, что таким образом военспец окончательно связал себя с красными, так как дороги к противнику после этого ему не было.

Кроме того, часть военспецов на командных постах понимали важность карательных органов для налаживания твердой дисциплины. Так, командующий 8-й армией бывший подполковник В.В. Любимов летом 1919 г. у командира вновь присланной дивизии интересовался в первую очередь тем, сформированы ли в его дивизии заградотряды и ревтрибунал^{II}. Эти меры считались необходимым условием успешной боевой работы соединения.

Выпускники академии как высокопоставленные военные специалисты противоборствующих лагерей оказались причастны к проведению карательной политики как у красных, так и у их противников. Наиболее значительные акты террора связаны со службой «академиков» на командных постах, хотя и на штабных должностях они тоже подписывали репрессивные приказы и могли отдавать соответствующие распоряжения. Если в красном лагере генштабисты играли роль технических специалистов и в основном не имели репрессивных полномочий, то в белом лагере их никто в этом отношении не ограничивал. В этой связи можно допустить, что генштабисты антибольшевистских армий оказались вовлечены в проведение политики террора в большей степени, чем их товарищи по академии, служившие в РККА. Все это, однако, никак не свидетельствует о масштабах террора противоборствующих сторон, ключевые проводники которого вовсе не являлись лицами с высшим военным образованием. Можно добавить, что белый террор носил бессистемный и ситуативный характер, а также во многом зависел от конкретных военных руководителей.

Київ, 2011. Кн. 2. С. 134.

^I Ярославское восстание. 1918. С. 140.

^{II} ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 349. Л. 45.

^{III} РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 39. Подробнее о заградотрядах см.: Дайнес В. О. Штрафбаты и заградотряды Красной армии. М., 2010.

Эпоха Гражданской войны была жестокой и беспощадной. Каждая из сторон занималась выявлением и истреблением своих врагов. Спецслужбы противников тогда еще только возникли, поэтому в их работе было много непрофессионализма и ошибок. На низкую эффективность работы влияли трудности с оперативной передачей данных. В этом отношении у контролировавших развитый центр страны красных было заметное преимущество.

В Советской России работала белая разведка, а в белом лагере действовали агенты красных. Генштабисты как организаторы разведывательных и контрразведывательных структур активно участвовали в противостоянии спецслужб. Сильные и слабые позиции в сфере разведки и контрразведки были у каждой из сторон. По причине замкнутости корпорации Генштаба красные не смогли внедрить своих агентов на руководящие позиции в белых штабах, тогда как высокопоставленные агенты-одиночки в РККА в 1918–1919 гг. оставались сильной стороной белого подполья. Серьезной проблемой являлся консервативный менталитет белых разведчиков, которые сильнее всего недооценивали противника. Отсутствие политической гибкости препятствовало работе белых военных агентов за рубежом. Красные были сильны партийным подпольем в белом тылу. Большевики-подпольщики убежденно боролись за свои идеалы и обладали высокой готовностью к самопожертвованию. Проблемой красных было то, что генштабистам в сфере разведки и контрразведки они не доверяли, а более лояльные кадры обладали низким образовательным уровнем.

Оказавшихся в Советской России и в РККА выпускников академии как буржуазных военных специалистов чекисты априори подозревали в нелояльности. В какой-то степени эти подозрения имели под собой почву, поскольку множество генштабистов дезертировало, а некоторые были причастны к различным антибольшевистским подпольным организациям. В силу этого против генштабистов были направлены репрессии ЧК, что выразилось в сравнительно большом количестве расстрелянных и арестованных.

При этом в антибольшевистском подполье состояло абсолютное меньшинство военспецов-генштабистов, тогда как сотни выпускников академии добросовестно служили новому режиму, что стало одним из слагаемых победы красных в Гражданской войне. Белое командование скептически относилось к разрушительным возможностям своих сторонников в РККА и практически их не поддерживало. В итоге больших результатов работа белых подпольщиков у красных, несмотря на отдельные успехи, не дала.

Создание Особого отдела ВЧК привело к отстранению от контрразведывательной работы военных, включая военспецов-генштабистов, и сосредоточению этой сферы в руках чекистов. В то же время в военной разведке «бывшие» продолжали работать и продемонстрировали свою эффективность. Образовательный уровень сотрудников Особого отдела ВЧК эпохи Гражданской войны был невысоким, поэтому оценка результативности работы этого органа неоднозначна. Особисты успешно выполняли поручения большевистского руководства, что проявилось в деле ПШ РВСР летом 1919 г., когда их использовали для смены военного руководства РККА. Наиболее известным делом Особого отдела ВЧК стало раскрытие московского белого подполья — «Национального центра» и его военной

организации. Однако до сих пор остается неясным, почему организация, известная еще в конце 1918 – начале 1919 г., была ликвидирована лишь через полгода и больше, некоторые ее участники и даже руководители арестовывались и освобождались по несколько раз, а в итоге вышли на свободу или смогли бежать к белым. Аресты генштабистов Особым отделом ВЧК в 1920 г. не демонстрируют рост профессионализма или эффективности особистов. По-прежнему под маховик репрессий попадали случайные и невинные лица, которых подолгу держали в тюрьмах даже без допросов.

Положение генштабистов в белом лагере оставалось практически таким же, как и в дореволюционной России: кадры Генштаба по сути и представляли собой руководство белого лагеря. В силу такой особенности социального состава противоборствующих сторон, политику террора против генштабистов проводили только красные. В национальных армиях присутствовало негативное отношение к русским генштабистам, предпринимались попытки их вытеснения с руководящих постов и замены национальными кадрами, но о терроре также речи не шло. Этот принципиальный фактор сыграл колоссальную роль в выборе военной элиты, представители которой массово дезертировали из РККА, в том числе по причине массовых репрессий, на протяжении всей активной фазы Гражданской войны. При этом белые генштабисты несут ответственность за организацию политических репрессий на подконтрольных им территориях (в отличие от красного лагеря, где военспецы-генштабисты занимали подчиненное положение).

В Советской России в годы Гражданской войны репрессиям подверглась примерно пятая часть выпускников академии. Для военной элиты страны такой размах террора стал беспрецедентным явлением. Помимо нелояльности военспецов подобная политика была обусловлена обстановкой классовой ненависти, правовым нигилизмом в Советской России, низким уровнем квалификации чекистских кадров.

Военспецы нередко жили прежними представлениями о границах дозволенного и вели себя легкомысленно и неосмотрительно – могли неосторожно участвовать в крамольных и праздных разговорах о силовом захвате власти или о контактах с белыми. В их кругу подчас не вызывало удивления обсуждение связей с белым подпольем, а выдача властям лиц, связанных с антибольшевистскими организациями, считалась недостойным поступком. В условиях бескомпромиссного внутривнутриполитического конфликта такие разговоры и сокрытие контактов с подпольщиками трактовались комиссарами и чекистами как заговор и измена, а участники этих бесед попадали под каток репрессий.

От репрессий, часто необоснованных, не был застрахован никто: ни младший работник штаба дивизии, ни главнокомандующий. Аресты не только вырывали военспецов из рабочей обстановки, но наносили серьезный удар по их здоровью. В тюремном заключении у бывших офицеров возникали тяжелые заболевания. Освобожденные из-под ареста нередко нуждались в лечении, отдыхе и хорошем питании для восстановления сил.

Председатель РВСР Л. Д. Троцкий, предлагавший жесткие карательные меры в отношении изменников, нередко выступал в поддержку и защиту арестованных, если не было оснований их в чем-либо подозревать. Это справедливое заступничество имело и прагматический оттенок, поскольку аресты дефицитных

специалистов в напряженной боевой обстановке мешали укреплению Красной армии. Однако высшее партийное руководство в некоторых случаях использовало Особый отдел ВЧК для решения своих политических задач. В частности, с этим были связаны аресты группы военспецов в ПШ РВСР летом 1919 г., приведшие к смене ключевых фигур во главе Красной армии, включая и главнокомандующего. Хотя поведение арестованных могло вызывать некоторые подозрения, аресты и кадровые перестановки опосредованно ударили по политическим позициям Троцкого.

По мере завершения Гражданской войны репрессии в отношении генштабистов стали сходить на нет. Резкий спад расстрелов и арестов наблюдался уже в 1921 г. В итоге вплоть до конца 1920-х гг. генштабисты существовали в СССР сравнительно спокойно, после чего последовали новые волны репрессий, охватившие все советское общество.

Глава IX.

Особенности службы и реалии повседневности генштабистов в годы Гражданской войны

§ 1. Режим работы

Будущий Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников писал: «Мы начали бы ломиться в “открытую дверь”, если бы приступили к доказательствам необходимости у начальника штаба большой работоспособности. Современное военное дело настолько усложнилось, настолько быстро шагает вперед, что необходимость идти нога в ногу с ним вынуждает к усиленной работе. Сутки современного начальника Генерального штаба не имеют излишествующих часов, а, наоборот, в них чувствуется недостаток, ибо нагрузка велика. Слов нет, что от такой нагрузки не далеко и до перегрузки, а затем переутомления и неврастения, а поэтому для начальника штаба очень важно нормализовать свою работу, может быть, прибегнув и к системе НОТ¹, необходимо поддерживать свое тело и дух, не доводя их до истощения. Мы не хотим давать рецептов нормальных дней начальника Генерального штаба, ибо у таких “высоких” людей должен быть свой “жанр” не только вести войну, но и работать»². По словам Шапошникова, «академия приучила нас к напряженной работе и к выполнению ее в указанный срок»³. В условиях Гражданской войны подобные навыки оказались особенно востребованными.

В июне 1918 г. нарком по военным делам Л.Д. Троцкий регламентировал режим работы учреждений военного ведомства: в будние дни – с 10 до 17 часов, в воскресные – с 12 до 15 часов⁴. Разумеется, в обстановке войны такой распорядок соблюдать было невозможно, а многие штабы работали фактически круглосуточно.

В годы Гражданской войны труд специалистов Генерального штаба был чрезвычайно напряженным и практически ненормированным. Колоссальные переработки и ночные дежурства стали нормой. Это происходило из факта катастрофической нехватки кадров Генштаба в армии, в результате чего многие специалисты вынужденно совмещали по несколько должностей, что резко увеличивало нагрузку.

¹ Научная организация труда.

² Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927. Кн. 1. С. 118.

³ Шапошников Б. М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982. С. 163.

⁴ Наумов Е. О. Организация работы в штабных учреждениях армий Восточного фронта во второй половине 1918 г. // История повседневности (СПб.). 2018. № 3. С. 28.

Фактически именно бывшие офицеры-генштабисты вынесли на своих плечах всю техническую работу по созданию Красной армии.

Сохранилось множество свидетельств о режиме работы генштабистов и его влиянии на их психологическое состояние и здоровье. Условия службы военспецов в Красной армии были крайне тяжелыми, тем более что бывшие офицеры нередко воспринимались новой властью как заведомые враги, которых нет смысла жалеть, а необходимо использовать по максимуму. Фактически к военспецам относились как к безграничному ресурсу со всеми вытекающими последствиями.

Советский главком И.И. Вацетис вспоминал: «Я могу констатировать, что бывшие офицеры Генерального штаба несут свои тяжелые обязанности с большим самоотвержением, отдаются делу целиком и контрреволюционности в их среде не замечается... среди лиц Генерального штаба, особенно занимающих высшие ответственные посты, чувствуется большая усталость, нервная издерганность и упадок энергии. На них смотрят как на необходимое зло, которое временно необходимо использовать, а потом выбросить за борт, как выжатый лимон. Тем успехом, который нам удалось достичь при создании Красной армии и привожении^I ее на ратное поле, мы обязаны почти исключительно тому, что мне удалось в сентябре 1918 года поставить в ряды действующей армии на ответственные штабные должности, а равно и на крупные командные посты, лиц с академическим образованием и бывших офицеров Генерального штаба с большим научным и командным опытом старой армии. Без них, само собой разумеется, у нас не было бы никакой Красной армии и не было бы тех успехов, которых мы достигли. Это необходимо признать, и это колоссальнейшая заслуга бывших офицеров Генерального штаба...»^{II} Ниже он писал: «В критический момент, когда будут колебаться шансы победы, я очень опасаясь, чтобы в эту минуту среди издерганных, изнервничавшихся, доведенных до состояния неуравновешенности лиц Генерального штаба не начались массовые самоубийства на почве отчаяния»^{III}.

Сам Вацетис работал много. Как отмечал его племянник Э.И. Вацетис, «дядя работал много: ложился спать [в] два-три часа ночи, а вставал [в] восемь-семь час[ов] утра»^{IV}. Начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев свидетельствовал, что «время работ было лишь условно нормировано (9 часов), на самом деле эта работа для ответственных работников протекала иногда круглые сутки»^V.

Начальник Штаба РККА П.П. Лебедев, по воспоминаниям дочери, отправлялся на службу к 9 часам утра, приезжал домой обедать в 18 часов, отдыхал и вновь ехал на службу к 21 часу, возвращаясь домой в 3–5 утра. Так повторялось ежедневно без выходных. Таким образом, работать приходилось по 15–17 часов в сутки. Поддерживал силы Лебедев каждодневным употреблением 50 граммов водки^{VI}.

Бывший полковник Б.М. Шапошников, занимавший должность начальника Оперативного управления ПШ РВСР, по воспоминаниям сослуживца, бывшего капитана

^I Так в документе.

^{II} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. Л. 236.

^{III} Там же. Л. 237–238.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 102об.

^V Там же. Т. 2. Л. 10.

^{VI} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 41.

А.В. Панова, «в продолжение рабочего дня (этот день насчитывал не меньше 17–18 часов)... с неизменно оживленным видом выносил на себе всю сложность оперативной работы, вначале — налаживая ее стройность и полезность, а в дальнейшем — повышая ее производительность... Тяжелые были тогда бытовые условия в Москве. Обыкновенно, закончив свой трудовой день в 4 часа утра, Борис Михайлович возвращался в свою холодную комнату и сам колол дрова и топил печку (а иногда и дров не было). А через 4–5 часов, после “завтрака” из кусочка хлеба с напитком, он уже снова в служебном кабинете. И никто никогда не слышал от него даже намек на какие-либо неудобства и недостатки личной жизни. Наоборот, его всегда видели только веселым, оживленно отзывчивым на каждое явление окружающей обстановки. Рядом с ним забывали о себе и его ближайшие сотрудники, к которым он в то же время относился всегда заботливо и стремился помогать в их нуждах»^I. В приказе о награждении Шапошникова орденом Красного Знамени в октябре 1921 г. отмечалось, что он «с присущей ему инициативой и твердым проведением разработанных им лично боевых операций, вынес на себе всю тяжесть последних, работал с полным самоотвержением и днем и ночью»^{II}.

Тот же Панов свидетельствовал, что ночные доклады в ПШ РВСР нередко затягивались до 3–5 часов утра, «это объяснялось тем, что к ночи накапливался более существенный материал для доклада, а также и тем, что к концу доклада и обсуждения событий обычно приходил заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский. До его прибытия Главком не решался распускать докладчиков, и потому всем приходилось ожидать Э.М. Склянского»^{III}.

Известно, что во второй половине 1919 г. сотрудники ПШ РВСР работали в Оперативном управлении с 10 до 16 часов, а затем с 21 до 23 часов, в Административном управлении — с 10 до 17 часов. Однако на практике заявленный график не соблюдался, практиковались ночные вызовы сотрудников или вызовы в обеденный перерыв^{IV}. Неявка на службу в ВГШ требовала строгих объяснений по факту каждого пропуска^V.

Бывший генерал В.Н. Егорьев жаловался супруге в начале марта 1918 г.: «Я назначен н[ачальни]ком штаба Западного фронта. Приходится организовать все с нуля и создавать армию. Дела по горло»^{VI}. В других письмах Егорьев отмечал: «Голова идет кругом, с 6 часов утра до 1 часу ночи и позже на ногах. Ничего ясного, определенного. А все-таки надо работать»^{VII}; «От обилия дела можно с ума сойти! Кручусь как белка в колесе»^{VIII}; «Никогда еще не приходилось работать в такой тяжелой обстановке, как здесь»^{IX}.

И.д. начальника Организационного управления ВГШ бывший генерал-майор А.М. Мочульский, как показали материалы инспектирования управления в марте

^I РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 41–42.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 7. Л. 68.

^{III} Панов А. В. В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 70.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 216.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 992. Л. 156.

^{VI} ОР РГБ. Ф. 381. Карт. 7. Д. 7. Л. 23.

^{VII} Там же. Л. 32.

^{VIII} Там же. Л. 34.

^{IX} Там же. Л. 62об.

1919 г., был перегружен работой и трудился с раннего утра до поздней ночи^I. В.К. Токаревский отмечал, что с января 1919 г. работал в Оперативном управлении ПШ РВСР по 8–12 часов в день^{II}.

Конечно, кто-то мог и преувеличивать свою загруженность, поскольку на износ работали далеко не все. Начальник отделения Организационного управления ВГШ И.В. Высоцкий дал показания о своей деятельности в конце сентября 1919 г., позволяющие судить о том, как строился его рабочий день: «24[-го] с[его] м[есяца] после двух часов дня находился в комиссии по распределению бумаги, потом обедал дома, а затем отправился в театр (Большой), смотрел балет. 25^{то} с[его] м[есяца] был в Академии Генерального штаба на зачете по тактике конницы. Из академии отправился на службу, со службы пошел обедать в столовую Организационного управления, оттуда отправился в Академию Генерального штаба на конференцию, где я был приблизительно до 9 ¼–½ часов вечера, оттуда отправился домой»^{III}.

Бывший капитан Г.И. Теодори писал о себе и о своих товарищах по выпуску: «Все мы издерганы непрерывной работой, переформированиями и гонкой от лица к лицу... неужели достаточно желанья т. [К.А.] Механошина, чтобы нас бросали из угла в угол...»^{IV} Речь шла не только о тяжелой работе генштабистов, но и о единоличных решениях партийных функционеров, из-за которых военспецов произвольно перемещали с должности на должность. Теодори позднее писал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому: «Я пишу эту краткую выдержку (вынужденный в целях самообороны) из моей личной колоссальной работы лишь для того, чтобы дать Вам маленькую картину моей трудовой жизни и того, как мне за нее отплачено. Число часов моей суточной работы были 17–19: я приходил в 9 час[ов] утра, уходил в 2–3 часа ночи, усталый всегда, либо подвозимый тов. [С.И.] Араловым, либо вместе с тов. [В.П.] Павулан[ом]»^V. Курсовик Г.Я. Кутырев сообщал в 1919 г.: «Мотивы, заставляющие уйти с такого высокого поста, — такое страшное переутомление, мне приходится по ночам спать под наркозом»^{VI}.

Бывший есаул С.К. Сидоровнин 20 ноября 1918 г. писал о своей работе в Высшей военной инспекции: «Здоровье больше не выдерживает беспрестанных командировок, тем более что все командировки, за исключением Курска, были одиночным порядком, почти всегда в конских вагонах»^{VII}. С марта по июнь 1918 г. у военспеца было пять командировок. В одной из них пришлось три недели жить в совершенно пустой комнате без стола и стула^{VIII}. В результате других командировок Сидоровнин серьезно заболел.

Работа на местах была ничуть не легче, чем в центре. Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарев писал супруге 18 июня 1918 г. из Царицына: «Здесь по-прежнему масса работы, и я закипаю, как в котле. Постепенно забираем в рамки организации разболтанные части механизма; что нам

^I РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1336. Л. 9.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 188об.

^{III} Там же. Т. 1. Л. 119–119об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 78.

^V РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 216. Л. 11об.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 394об.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 208.

^{VIII} Там же. Л. 207об.

это стоит, можно видеть на крикливом и нервном лице [А.Л.] Носовича... Но хорошо, что занятия в 4 кончают, а остальное время мое... Не всегда, но все-таки»^I.

Порой перегрузки были таковы, что приводили к серьезным последствиям для здоровья военспецов. Так, на 9 июля 1919 г. начальник оперативного отдела штаба 10-й армии А.Ф. Степанов «вследствие полного переутомления и глубокого нервного расстройства не может стойко [работать] по занимаемой должности и по свидетельству командования настоятельно нуждается в смене и назначении на должность, требующую меньшего напряжения и дающую возможность большего ежедневного отдыха и лечения»^{II}.

Начальник штаба 9-й армии Н.Д. Всеволодов в феврале 1919 г. телеграфировал Л.Д. Троцкому и И.И. Вацетису, что «неся ответственный пост наштарма 9[-й], мои силы оказались настолько надорванными, что мне по совету врачей для восстановления здоровья надлежит немедленно воспользоваться хотя бы кратковременным отдыхом, главное южным климатом. Однако, не считая возможным порывать [в] такой ответственный момент для Советской России с боевой обстановкой, я покорнейше прошу вас о назначении меня в Кавказскую армию на любой пост или по Генеральному штабу, или по своему родному роду оружия кавалерии, я кончил высшую кавалерийскую школу, где бы я мог, пользуясь благоприятными условиями климата для моего лечения, принести наибольшую пользу революции и вполне оправдать выраженное мне доверие т. Троцким»^{III}.

Командующий 6-й армией А.А. Самойло и его начальник штаба работали до глубокой ночи^{IV}. С полной отдачей работали и другие сотрудники штаба армии. Начальник разведывательного отделения А.Н. Леонов в феврале 1920 г. был даже отпущен в полуторамесячный отпуск по причине сильного переутомления^V. Начальник штаба Западного фронта Н.Н. Доможиров отмечал в 1919 г., что «политическую физиономию служащих я знал не в совершенстве, ибо со стороны политичес[ких] деятелей помощи в этом отношении не было, а мне и прямого своего дела хватало на 16–18 час[ов] ежедневной работы»^{VI}. Нагрузка была такой, что военспец мечтал об уходе со службы: «Я постоянно просил о моем увольнении с должности, т.к. устал, ибо работа вся лежала на одних моих плечах — личной жизни я не знал, отовсюду текли неприятности — то там что-нибудь неладно, то в другом месте, поддержки не было, ибо с Надежным отношения были неважные (для примера я ниже приведу случай с эвакуацией Петрограда), с членами РВС хотя я и жил хорошо, но они были заняты скорее личными делами, чем службой; благодаря моей смелости в решениях служебных вопросов, меня осаждали буквально все управления фронта — постоянно обращался ко мне нач[альник] арт[иллерийского] снабжения тов. Сидоров (коммунист), н[ачальник] снабжения Фролов (сочувствующий), инсп[ектор] инж[енеров] и др. Превозмогая себя, я работал, но постоянно мечтал об уходе»^{VII}.

^I Архив семьи Снесаревых (Москва).

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 43.

^{III} РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 271.

^{IV} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 377.

^V РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 36.

^{VI} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 181об.

^{VII} Там же. Л. 179.

После того как Доможирова в 1919 г. арестовали, его супруга писала о работе мужа партийному руководству: «Получив уже готовый штаб и не найдя в нем себе таких помощников, которые могли бы облегчить сложную работу, муж, сам малоопытный в такой большой работе, был вынужден взвалить на себя всю тяжесть всей фронтовой работы и работал по 16–18 часов в сутки. Личной жизни он не видел. Переутомленный сверхчеловеческим напряжением сил и больной, он неоднократно просил о смене его с должности, но получал всегда один ответ: “Заменить вас некем. Штаб развалится, если вы уйдете”. И муж продолжал работать не покладая рук, напрягая всю свою энергию и отдавая все силы Красной армии. По энергии, любви к делу и честности мой муж являлся редким работником и весь отдавался делу, не щадя сил и здоровья, работая буквально до обмороков... он участвовал на митингах, в торжествах революции, читал лекции на курсах агитаторов, отдавая даже свободные минуты общему делу. Комиссар тов. Лазарев в поручительстве за мужа, переданном мною начальнику^I Особого отдела ВЧК тов. Павлуновскому, ручается и принимает на себя всяческую ответственность не только за прошлую деятельность моего мужа, но и за будущую, предлагая по освобождении мужа себя в политические контролеры к нему»^{II}.

Однокашник Доможирова по академии Е.В. Сысоев, занимавший пост начальника оперативного управления штаба Западного фронта, работал по 14–16 часов в сутки в тяжелейших условиях^{III}. Генштабист С.Н. Голубев летом 1920 г. жаловался Троцкому на сильнейшее переутомление, из-за которого был даже уволен в отпуск по болезни^{IV}. Начальник штаба Беломорского военного округа А.А. Корелов отмечал в ноябре 1920 г., что работать приходилось с 9 утра до 23 часов вечера с небольшим перерывом^V.

Сопоставление напряженности работы в Первую мировую и в Гражданскую войны свидетельствовало, что в годы последней нагрузки возросли. 28 июля 1918 г. военрук Брянского района бывший генерал П.П. Сытин писал военруку ВВС М.Д. Бонч-Бруевичу из Карачева: «Тяжелая, напряженная работа последних шести месяцев в связи с четырехлетней боевой, строевой службой на войне совершенно подорвали мой организм, и я к ужасу своему почувствовал, что с каждым днем силы мои слабеют. Несмотря на сознание, что работа теперь наиболее необходима, я тем не менее должен иметь в виду, что организм человека в моем возрасте может не выдержать, и в этом возрасте его уже не поправишь... у меня семья, а средствами, помимо моего месячного заработка, ничего нет»^{VI}. Сытин добавил: «Теперь обстановка более спокойная, но все же, вставая в 7 часов утра, ложиться приходится не ранее 1–2 час[ов] ночи. Целый день проходит в каком-то кошмаре, и к вечеру совершенно теряешь рассудок от усталости»^{VII}.

Военный руководитель Северного участка и Петроградского района бывший генерал Д.П. Парский сообщал Бонч-Бруевичу 22 июля 1918 г.: «При этом письме

^I Правильно — заместителю начальника.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 80об. Также см.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 304. Л. 22.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 260об., 263об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 130.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 92. Л. 1.

^{VI} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 180.

^{VII} Там же. Л. 180–180об.

посылаю Вам мое официальное заявление на Ваше имя, как члена Выс[шего] воен[ного] совета, о невозможности для меня, вследствие совершенного переутомления, продолжать дальше нести обязанности военного руководителя Петроградского района.

Напоминаю Вам, что когда я был у Вас два месяца тому назад в Москве, Вы предложили мне занять настоящую должность, то я отказался сначала, имея в виду именно свое утомление от работы; согласился же только потому, что Вы лично обрисовали крайне трудное положение дела общего, трудность подыскать заместителя и т.д. Я согласился послужить дальше и на этот раз при условии, что это назначение будет для меня лишь временным — на 1–2 месяца, до той поры, как будет приискан надежный заместитель. Я чувствую, что “выдохся”... Посылаю Вам об этом официальное заявление, я надеюсь, что к нему отнесутся с доверием и искренностью, которой была проникнута и вся моя работа, начиная со дня отправления под Нарву в первых числах марта. Ушедши от командной службы, я мог бы при восстановлении здоровья принять дальнейшее участие в строительстве армии, например, на литературном поприще...^I По словам Парского, «в настоящее время я чувствую, что окончательно выбился из сил. Современная работа военная по существу своему требует не только кабинетного труда, но и значительных разъездов по войскам и наиболее важным участкам местности, очень длинных разговоров с войсками и т.п. Все это теперь мне решительно не по силам, и вместе с тем, как опытный военный, привыкший всегда быть близким к войскам, я хорошо вижу, насколько все это необходимо; но и усиленный кабинетный труд чрезмерно утомляет меня; я чувствую, что мне необходим перебой всякой деятельности месяца в два»^{II}.

Позднее, став командующим Северным фронтом, Парский писал председателю РВСР Л.Д. Троцкому 12 ноября 1918 г.: «Прослужив 8 месяцев в Красной армии, беззаветно отдав ей все свои мысли, стремления и силы, не считаясь с бесконечной усталостью за время войны и известной подорванностью своих сил, я все же не мог отказаться от призыва Реввоенсовета республики стать во главе трудного дела — командования фронтом. И я принялся за него со всею энергией, которая еще сохранилась во мне»^{III}.

В некоторых случаях из-за войны выпускники академии на многие годы оказывались разлучены с семьями. Об этом, в частности, бывший подполковник М.А. Баторский писал начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву в январе 1921 г.: «С 1914 года, с самого начала войны, которое совпало с днем моей свадьбы, я в продолжение почти 7 лет непрерывно оторван от семейного очага. Если до этого времени по обстоятельствам военного времени я не считал возможным выдвигать какие-либо требования или говорить вообще о своих личных интересах, с наступлением затишья на всех фронтах беру на себя смелость сказать, что и у меня есть семья, по отношению к которой и у меня есть обязанности, с которой я должен быть вместе и к которой должен вернуться»^{IV}.

^I РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 121–121об.

^{II} Там же. Л. 122.

^{III} РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 63. Л. 5об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 148.

Соратник главкома И.И. Вацетиса П.М. Майгур, занимавший пост начальника штаба армии Советской Латвии, жаловался своему патрону 10 мая 1919 г.: «25-го сего мая истекает ровно год моей напряженной работы на гражданском фронте. В течение этого времени я совершенно не пользовался отпуском и продолжал по мере сил и умения выполнять беспрекословно все Ваши поручения, указания и требования.

В последнее время после четырех месяцев напряженной неустанной работы на должности начальника штаба армии Советской Латвии в крайне нервной боевой и тяжелой организационной обстановке здоровье мое пошатнулось и переутомленная нервная система нуждается в отдыхе.

Не считая себя нравственно правым в настоящий тяжелый момент для республики просить отпуска и чувствуя себя еще способным работать на более спокойной должности, прошу Вашего распоряжения о замене меня на должности начальника штаба армии Советской Латвии более свежим специалистом и о предоставлении мне должности в центральных учреждениях по Вашему усмотрению, на которой я мог бы, не прекращая работы, отдохнуть, поправить свое здоровье, набраться сил и хоть немного пожить в спокойной обстановке со своей семьей, с которой не виделся уже третий год»^I.

Первопричиной перегрузки генштабистов был острейший кадровый голод. Один из слушателей Академии Генштаба РККА сообщал в РВС Западного фронта в октябре 1919 г.: «Сейчас такой момент, что всякий штаб держится за маломальски толкового и добросовестного работника, в штабах крайний недостаток в работниках, перегруженность генштабистов и множество пустых мест, которые нечем заполнить»^{II}. Характерны слова начальника штаба Западного фронта (тогда этот пост занимал Н.Н. Петин), приветствовавшего летом 1919 г. слушателей академии, прибывших на практику в войска: «Вы, молодые генштабисты, идете к нам, старому Генштабу, на смену, который, работая уже без перерыва вторую войну, до того издергался, что не может работать активно, а работает только пассивно»^{III}. По мнению цитировавшего эти слова слушателя А.Г. Васильева, комментарии были излишни.

В штабе 7-й армии, по данным на январь 1919 г., из-за вакантной должности начальника оперативного отдела сложилась тяжелая ситуация с перегруженностью других генштабистов. Начальник штаба Северного фронта Н.Н. Доможиров жаловался в этой связи начальнику ПШ РВСР: «В течение двух месяцев существования штарма лица Генштаба, в том числе и наштарм, перегружены работой и, работая почти круглые сутки, сильно переутомлены. Считаю, что для пользы дела и продуктивности работы командировать генштаба на указанную должность необходимо теперь же»^{IV}.

В штабе 1-й бригады Северного фронта на 3 февраля 1919 г. были похожие сложности. Штаб Северного фронта сообщал в ПШ РВСР: «В связи [с] оживившейся деятельностью противника [в] междуозерном районе, трудностью и серьезностью

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 85–85об.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 21–21об.

^{III} Там же. Л. 31.

^{IV} РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 361. Л. 17.

задачи, возложенной на комбриг первой [в] Петрозаводске, создается крайне безвыходное положение для штабриг первой за отсутствием подготовленных работников, нужен во что бы то ни стало работник Генштаба. [В] данный момент штабриг не справляется [с] текущей работой, сведения из него в большинстве случаев запаздывают, и если работа усилится, за что говорят все данные, то она совершенно захлестнет штабриг, что крайне тягостно отразится на всей деятельности дивизии»^I.

Курсовик Б.Л. Негродов писал 21 ноября 1919 г. начальнику штаба Приволжского военного округа: «В августе того же (1918. — А.Г.) года я был командирован в штаб 5[-й] армии, оперировавшей под Казанью. Так как в сущности штаба армии как такового не существовало, то я по приказанию тов. Троцкого взял на себя задачу формирования штаба армии, и одновременно мне же поручено было сведение в тактические единицы частей войск, действовавших под Казанью.

Во время этой напряженной работы, продолжавшейся круглые сутки, я заболел от переутомления и малярии. Будучи больным, я уехал из армии после взятия Казани, когда я буквально не мог уже двигаться. По выздоровлении я вновь поступил в штаб Приволжского военного округа...»^{II}

В штабе 8-й армии Негродов тоже трудился буквально на износ: «Условия работы в штабе армии потребовали огромного напряжения и даже сверхчеловеческой энергии. Так, начиная работу в штабе с 10 часов, я оканчивал таковую в 3–4, а иногда и в 6 часов утра следующего дня. В феврале 1919 года я был назначен начальником штаба этой же армии и пробыл в этой должности до августа месяца настоящего года, когда со мной стали случаться сердечные припадки и я от переутомления буквально свалился с ног. Таким образом, на Южном фронте я пробыл с ноября 1918 года по август 1919 года, то есть 10 месяцев, работая по 20 часов в сутки...»^{III} Если эти данные достоверны, у некоторых генштабистов в годы Гражданской войны рабочий день составлял 17–18 и даже более часов. Военспец бывший генерал В.К. Гондель вспоминал, что в штабе вверенной ему 3-й стрелковой дивизии в 1919 г. приходилось напряженно работать, причем сотрудники штаба иногда не спали по несколько суток подряд^{IV}.

В штабе 9-й армии, как сообщал в одной из телеграмм в конце 1918 г. генштабист Н.Д. Всеволодов, «нет ни начальников связи, ни начальников оперативного и разведывательного отделения Генштаба, ни для поручений, всю оперативную работу приходится выполнять мне и начоперод [И.В.] Яцко, недосыпая... [расходуя всю?] энергию, которой, конечно, надолго [не хватит]... буквально выбились из сил»^V. Курсовик Н.Н. Доможиров жаловался своему другу Г.И. Теодори 11 февраля 1919 г.: «Я несу работу за 10-х, за 15-т[ь] человек, но такая работа может вывести и меня из строя, и тогда, смело могу думать, штаб развалится»^{VI}. Разговор двух военспецов по прямому проводу завершился следующими словами: «Теодори, пока, всего

^I Там же. Л. 45.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229.

^{III} Там же. Л. 229–229об.

^{IV} РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 205.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 77.

тебе лучшего, держись, сколько можешь, я сам измотался до галлюцинации во сне. — Доможиров, держусь пока крепко, будь здоров, всего наилучшего...»^I

Сам Теодори усердно трудился даже после своего ареста, уже находясь в тюрьме. Он готовил статьи для журнала «Военное дело», написав не менее 17 материалов. Военно-научная деятельность скрашивала унылые арестантские будни. Теодори отмечал в мае 1920 г., что статьи «помимо обслуживания нужд Красной армии, служат и средством существования моей семьи и моего»^{II}.

Штабная служба в прифронтовой полосе была сопряжена с опасностями. В городах действовало белое подполье, существовало множество недовольных, а страну наводняло оружие. Дочери С. С. Каменева Наталье запомнился эпизод семейной жизни при штабе Восточного фронта в Симбирске: «Варвара Федоровна, жена Сергея Сергеевича, и Наташа, давно уже привыкшие к походной жизни, полной тревог и ожиданий, надежд и опасностей, каждый вечер долгими часами стояли у окна и молча с нетерпением поглядывали на дорогу, поджидая Сергея Сергеевича.

Однажды ожидание сильно затянулось. Спустились сумерки, стало темнеть. Наконец им удалось разглядеть Сергея Сергеевича, быстро шагавшего вместе с другими работниками штаба. Оставалось пересечь небольшой сквер, и они будут дома. Вот они уже вошли в сквер, и вдруг неожиданно раздались выстрелы. Не помня себя от страха, Варвара Федоровна с Наташей стремглав бросились на помощь Сергею Сергеевичу и его товарищам.

К счастью, пули пролетели мимо, никого не задев. Сергей Сергеевич вместе с другими работниками спокойно продолжал путь. Дома, сняв не торопясь шинель, он сел за стол и, как ни в чем не бывало, сказал жене:

— Давайте ужинать...»^{III}

Разумеется, для нормальной работы генштабистам необходим был отдых. Иногда им разрешались отпуска или перевод на юг, в местность с благоприятным для здоровья климатом и более выгодную в продовольственном отношении. Слушатель курсов академии Г. С. Горчаков, вр.и.д. начальника штаба 8-й армии, 17 октября 1919 г. телеграфировал начальнику штаба Южного фронта: «10 месяцев беспрерывно, не зная ни дня отдыха, с утра до глубокой ночи, бессменно отдавая всю свою энергию, знание и ум, я нес в тяжелых условиях работу по должности нач[альника] оперативного отделения, начальник[а] оперативного отдела и наштабма 8[-й]. За 10 месяцев службы сменился весь состав оперативного отдела армии и все ответственные работники оперода, кроме меня, имели отпуск. [В] настоящее время я окончательно подорвал на службе свое здоровье и в силу колоссальной переутомленности могу дать лишь минимум работы, [в] ту войну я в течение 2-х с лишним лет также нес сложные обязанности, работая по оперативной части, и был дважды тяжело ранен. Взываю к справедливости и человечности, прося зависящих распоряжений сменить меня и предоставить крайне необходимый отпуск на предмет пополнения^{IV} здоровья и обращаюсь не по команде в силу того,

^I Там же. Л. 77об.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Н-603. Т. 1. Л. 149.

^{III} Пинчук Л. Р. Моим детям — вместо завещания. М., 1978. С. 54–55.

^{IV} Так в документе.

что много раз обещанный мне отпуск реввоенсоветом армии остается лишь обещаниями¹. Месячный отпуск военспецу тогда был разрешен.

Даже в конце Гражданской войны военспецам, особенно высокопоставленным, приходилось перерабатывать. А. А. Самойло, став в 1920 г. начальником ВГШ, работал по 18 часов в сутки, причем через каждые два дня должен был делать доклады заместителю председателя РВСР Э. М. Склянскому, как правило, после 24 часов, при этом Склянский принимал Самойло и его комиссара С. С. Данилова на час-два позже назначенного, так как, по мнению Самойло, «не умел распределить ни своего времени, ни дорожить временем подчиненных»².

Бывший генерал В. Н. Клембовский 31 мая 1920 г. обратился к Э. М. Склянскому: «22 мая я назначен для поручений при помощнике главнокомандующего всеми вооруженными силами республики. Через 3½ недели мне исполнится 60 лет, и этот возраст дает себя чувствовать: нет прежней энергии и трудоспособности; устаю; память не так крепка, как прежде; раны и контузия вызывают порою болевые ощущения, в особенности в зимнее время; слух, пострадавший от 6-летнего участия в 2-х кампаниях, с очень частым пребыванием в боях на артиллерийских позициях, притупляется; наконец, нервное напряжение, как результат деятельности в двух войнах и всего пережитого во время революции, подорвали здоровье и силы мои. При таких условиях я не чувствую себя способным исполнять обязанности, возлагаемые на меня новою должностью, в той мере, как это необходимо для пользы Родины в переживаемое ею серьезное время. Но я еще не утратил способности к спокойной кабинетной работе: военно-научные исследования и труды, а равно педагогическая работа по подготовке красных офицеров увлекают меня и поддерживают во мне бодрость. По отзывам военно-педагогического персонала, самих обучаемых и командного состава тех частей, в коих я вел занятия по тактике, по военной игре и по изложению партизанских действий, эта деятельность моя приносит хорошие плоды.

Моя жена, страдающая сердечными припадками, не будет в состоянии перенести переезд на дальнее новое предназначенное мне местожительство; мне придется ехать одному, оставив жену и падчерицу, находящуюся на советской службе, здесь, в Москве, что не может не отразиться неблагоприятным образом на моем душевном настроении, а следовательно, и на моей работе.

Все вышеизложенное побуждает меня убедительно просить об отмене моего назначения в Омск и об оставлении меня в Москве на занимаемой мною должности ответственного редактора военно-исторической комиссии, с правом продолжать преподавание по военным предметам в военно-учебных заведениях, а если возможно, то и члена Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики³. Склянский наложил резолюцию: «Ввиду острой нужды Сибири в серьезных военных силах прошу ускорить отъезд В. Н. Клембовского в Сибирь», но уже через несколько дней Клембовского решили направить на юг.

Случалось, что некоторых военспецов со службы не отпускали. Так, начальник 54-й стрелковой дивизии генштабист Н. В. Лисовский 20 октября 1919 г. обратился

¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 311–311об.

² Самойло А. А. Две жизни. М., 1958. С. 260.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 281–281об.

к командующему 6-й армией с просьбой об отдыхе: «Я, работая непрерывно на Севере полтора года и более 14 месяцев на фронте, не имел^I дня отдыха. Неоднократные переброски с фронта на фронт, тяжелые условия боевой обстановки на Двине летом этого года и последнего наступления расстроили мое здоровье и нервы. Должность наштарма требует полного напряжения сил и энергии, чего я сейчас дать не могу и о чем как старый солдат честно заявляю. Я никогда не отказывался ни от каких поручений, как бы они ни были тяжелы, раз я был в силах их выполнить. На Двину уехал после серьезной болезни, раз этого требовала обстановка, но это было последнее напряжение моих сил... по долгу доношу, что без продолжительного отдыха не могу взять на себя столь ответственного поста...»^{II} Речь шла о назначении Лисовского начальником штаба армии. Отказываясь от назначения, генштабист просил командарма Самойло о трехнедельном отпуске. Тем не менее с 27 октября он считался исполняющим должность начальника штаба армии. Ситуация с Лисовским приобрела форму серьезного конфликта. До декабря 1919 г. он так и не принял должности и даже телеграфировал, что в связи с болезнью жены не может этого сделать. Самойло, однако, не собирался уступать и пошел на крайние меры: 15 декабря он издал приказ, направленный специально на обуздание своеволия Лисовского о недопустимости отказа от повышения по должности, причем при повторном отказе полагался ревтрибунал. В сопроводительной записке Самойло указал: «Н[ачальнику] шт[аба]. Пр[ошу] заготовить приказ по поводу только что бывшей канители с назначением т. Лисовского (не указывая именно, с кем произошло) — о невозможности и недопустимости таких отказов и каждое распоряжение должно исполняться беспрекословно. 14/XII. С[амойло]»^{III}. В результате Лисовскому ничего не оставалось, как подчиниться^{IV}. Со 2 января 1920 г. он приступил к работе по новой должности.

Тот же Лисовский 9 июня 1920 г., уже будучи начальником военной части Беломорского военного округа, телеграфировал в ПШ РВСР по поводу назначения начальником штаба 3-й армии: «Принять должность наштарма три могу только при условии передачи [в] мое распоряжение всего лич[ного] состава и имущества штаокра, так как вновь формировать штарм я не в силах, пробыв на командных должностях Двины и Печоры полтора года, растрепал свое здоровье. По долгу [и] служебным обязанностям генштабиста доношу, если обстановка фронта требует немедленного создания^V новой армии, то для этого нужны более решительные меры, чем вызовы отдельных лиц»^{VI}.

Старый большевик И.И. Скворцов-Степанов, побывавший летом 1920 г. на Западном фронте, наступавшем на Варшаву, отмечал: «Удивительную культурную, социалистическую силу удалось создать Советской России из Красной армии! И замечательно верным путем идет она к разрешению вопроса о командном составе!

Большинство тех военных специалистов, которых я встречал на Западном фронте, уже давно бьется в рядах Красной армии. Многие из них бывали

^I В документе — не имея.

^{II} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 379.

^{III} Там же. Л. 439.

^{IV} Там же. Л. 415–416, 425, 438.

^V В документе — издания.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 280.

на чехословацком, колчаковском, деникинском, оренбургском и туркестанском, на кавказском фронте, некоторые побывали *на всех* этих фронтах.

Все они утомились, устали, исхудали, обтрепались, — но никто не думает об отдыхе^I. При таких нагрузках военспецы всегда находились под дамокловым мечом арестов и репрессий, что усиливало атмосферу нервозности в работе.

Режим работы военспецов-генштабистов предопределялся чрезвычайной обстановкой Гражданской войны. Ненормированный рабочий день (порой по 18 часов практически без сна и отдыха) ложился на генштабистов тяжким бременем, что усугублялось недоверием, пренебрежением и потребительским отношением к этим квалифицированным специалистам со стороны партийцев и красноармейской массы.

Как и в РККА, в антибольшевистских армиях генштабисты также трудились помногу, но со своими особенностями. Бывший начальник оперативного отделения штаба Донской армии полковник В.В. Добрынин в письме бывшему начальнику штаба той же армии генералу А.К. Келчевскому вспоминал о том, как работали офицеры штаба: «Рядом с людьми, работающими день и ночь, в штабе $\frac{4}{5}$ людей не квартирмейстерской части совершенно ничего не делали, ловчились, обхаживали начальство, устраивали блага кумовьями, сватами и т. д. и благодушествовали, благодушествовали в полном смысле этого слова. Ты никогда не задавался вопросами — почему по моему почину квартирмейстерская часть подняла дело против штабной лавочки? Ты не допускал, видимо, мысли, что твоим верным помощникам зачастую не хватало самых простых вещей для жизни — какого-нибудь сахара, мяса, масла. Вся челядь, которой не надо было служить, стояла днями и ночами в очередях и тащила при содействии заведующего лавочкой все. Когда приходили мы, вырвав минуту, то нас встречали ответом: ничего нет. А ведь дома нас ждали семьи, которым тоже казалось естественным, что работа наша оценится хотя бы сравнением в благах с неработающими. Увы, этого не было. И вот здесь ты нас не только не понял сам, а когда я начал это дело, ты его не поддерживал. Материально я все-таки никогда остро не нуждался, но я болел за тех своих подчиненных, которые ничего, кроме жалованья, не имели...

Еще один резко сохранившийся в памяти случай — это во время стоянки на Сасыке^{II}: здесь, когда в поезде командарма жилось привольно и сытно, твои оперативные офицеры не имели ни куска сахара. И больно им было — работали они, а блага получали другие.

Вот здесь, дорогой Анатолий Киприанович, ты никогда не поинтересовался, какие нужды у тех, кто служит день и ночь, не поинтересовался судьбой тех, которым в своем письме ставишь в упрек, что они не подняли голоса в твою защиту, когда ты невинно пострадал^{III}»^{IV}.

^I Степанов И. [Скворцов-Степанов И. И.] С Красной армией на панскую Польшу: Впечатления и наблюдения. М., 1920. С. 35.

^{II} Речь идет о периоде пребывания штаба Донской армии на узловой станции Сосыка на Кубани в начале 1920 г.

^{III} Речь идет о событиях вокруг командования Донского корпуса в Крыму в апреле 1920 г. Подробнее см. гл. 5.

^{IV} Цит. по: Ганин А. В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило»: Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому

Начальник штаба Донской армии генерал-майор И. А. Поляков вспоминал, что в 1918–1919 гг. трудился по 14–18 часов в сутки¹. По его свидетельству, «военная обстановка была такова, что как раз требовала полного напряжения сил. Личной жизни у меня вообще не было. Если раньше я уделял работе 14–16 часов, то, начиная с декабря месяца (1918 г. – А. Г.), она отнимала у меня 18–20 часов в сутки, а иногда и больше. Приходилось проводить бессонные ночи, решая сложные, ответственные вопросы по перегруппировке и сосредоточению сил, отдавать многочисленные приказы и приказания, вести длинные переговоры по аппарату². Сверх того, надо было принимать многочисленные визиты членов Круга, желавших получить объяснения о событиях в их округах, а также делать ежедневные доклады прибывшим уже в Новочеркасск депутатам Круга, отвечая по нескольку раз на одни и те же, нередко праздные и нелепые, а иногда и злобные вопросы, что, естественно, сильно меня нервировало, истощая последние силы»³. В принципе такой режим работы был характерен для службы высокопоставленных генштабистов и в годы Первой мировой войны.

Служивший в Донской армии полковник В. А. Замбржицкий в работе находил отдушину, чтобы не думать о бедствиях семьи, оставшейся в Советской России. В сентябре 1918 г. он записал в дневнике: «Я не боюсь ни работы, ни ответственности. Наоборот, мне нравится моя самостоятельность, а работа заглушает во мне вполне понятную тоску, заботу и думы о своих близких, милых, бедствующих там, в этой проклятой советской черте России...»⁴

Полковник К. З. Ахаткин, служивший на белом Юге, вспоминал: «Мне приходилось заниматься и разрешать вопросы по всем отделам администрации, но ничего, справлялся, хотя почти круглый день был занят»⁵. Невероятная перегрузка, разумеется, не шла на пользу делу. Так, в разгар операций 1920 г. начальник штаба IV сводного корпуса белых полковник А. И. Короваев, по свидетельству генерала В. А. Замбржицкого, «не спал неделями, и я его потом частенько заставлял в состоянии полнейшей невменяемости, полнейшего отупения, какой-то физической и моральной прострации, когда он, проведя без сна и отдыха вторую или третью ночь и не имея возможности отдохнуть днем, хотя бы прилечь на минутку, мучительно тарашил сами собой слипавшиеся глаза, чтобы сосредоточиться и понять, что ему говорят, или клевал носом во время самых сокровенных заседаний, сидя с застеклевшими зрачками, в которых можно было прочесть все что угодно, но не работу мысли»⁶.

Штабс-капитан Е. Э. Месснер, служивший в штабе 7-й пехотной дивизии ВСЮР, позднее вспоминал: «Генерал [Н. Э.] Бредов с первых же дней невзлюбил полковника [Г. А.] Эверта за его склонность к хорошей жизни – Бредов был настоящим

от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 67–68.

¹ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 435.

² Командующим фронтами мною было объявлено, что в любое время дня и ночи они могут вызывать меня к аппарату (примеч. И. А. Полякова).

³ Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 598.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 3об.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 236. Л. 3.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

аскетом — и он стал игнорировать своего начальника штаба. Часть обязанностей последнего легла на меня, и без того уже перегруженного работой, потому что, выполняя функции штаба корпуса, мы, кроме меня, не имели ни одного офицера, подготовленного для службы Генерального штаба.

Я не тяготился трудностью работы и обилием ее в нашем штабе....

Возвращаясь к вопросу о перегруженности работой строевой части штаба, надо сказать, что не только многочисленность подчиненных генералу Бредову частей усложняла наши обязанности: малое количество конных ординарцев и паралич железной дороги, ведущей в тыл, крайне ограничивали возможность пересылки бумаг (приказов, донесений и т.п.), а потом приходилось прибегать к телеграфным разговорам, требующим много времени, в особенности если собеседник вместо исчерпания каждой темы понаособь пытается говорить сразу на 2–3 темы. Телеграфный аппарат стоял в купе, смежном с моим, и я во всякое время дня и ночи (если не был в поле) подходил к аппарату. За это генерал Кусонский (начальник штаба группы генерала Юзефовича) прозвал меня “бессонным мальчиком” (мальчик — за мою молодость) — он мне об этом сказал в Париже лет через 20, когда мы с ним “вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они”¹. Месснер вспоминал о Бредове: «Генерал действительно изнемогал от избытка обязанностей»². Только должностей у Бредова было не менее четырех. Тем не менее виноват в неспособности делегировать полномочия был лишь он сам.

На белом Юге существовал переизбыток кадров Генштаба. Соответственно, нагрузки на отдельных офицеров должны были быть не слишком велики. Подтверждается это и свидетельствами мемуаристов. К примеру, генштабисты на Юге России в конце 1918 — начале 1919 г. свободно пользовались отпусками для решения личных вопросов, поскольку существовала возможность замены другими офицерами Генштаба³. Видный деятель Белого движения на Юге России генерал И.Г. Эрдели в Гражданскую войну вел объемный дневник, в который записывал свои эротические переживания. Эти записи он отправлял любимой женщине, и складывается впечатление, что ни о чем другом в разгар войны практически не думал⁴. Например, в один из дней в период 1-го Кубанского похода Эрдели написал своей возлюбленной более 1600 слов⁵. Среди других постоянных сюжетов дневника — молебны, питание, баня, описания природы.

Полковник А.А. фон Лампе писал в дневнике весной 1920 г., что в белом командовании интенсивно работали только генералы П.Н. Врангель, П.Н. Шатилов и П.С. Махров, «но остальные... всевозможные управления и штабы... это сплошная летняя вакация петроградского чиновничества. Работа только утром. Вечером никого нет. Масса народу во всех учреждениях, спасающаяся от фронта, все слоняются без дела, а дела так много!

¹ Цит. по: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 517.

² Цит. по: Там же. С. 530.

³ См., напр., об отъезде капитана К. Л. Капнина на похороны своего друга полковника Д. Т. Миончинского (ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л 60б.).

⁴ Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017.

⁵ Там же. С. 10.

Впечатление отвратительное. Все сидят на вулкане и совершенно беспечны... Никто ничего не забыл и ничему не научился^I. Шатилов от переутомления даже стал хуже выглядеть.

Высокопоставленные должностные лица белых немалую часть своего времени тратили на прием посетителей, что выглядел настоящим безумием в условиях Гражданской войны. В частности, генерал-губернатор и командующий войсками Северной области генерал В.В. Марушевский в декабре 1918 г. принимал посетителей три дня в неделю по часу^{II}. Прием посетителей главнокомандующим войсками Северной области, по данным на август 1919 г., происходил раз в неделю с 17 до 18 часов^{III}. Начальник штаба главнокомандующего принимал просителей по личным делам трижды в неделю по 30 минут и четвертый раз в воскресенье, но в течение полутора часов^{IV}. Таким образом, на абсурдный прием тратилось три часа времени важнейшего штабного работника.

По воспоминаниям начальника 3-й Северной стрелковой бригады полковника И.А. Данилова (негенштабиста), его начальник штаба «вдумчивый, всегда ровный и работающий Генерального штаба полковник [Н.А.] Волков был буквально завален работою по разъяснению и устранению всяких недоразумений с представителями волостных земств, которые каждый день его осаждали в штабе... и каких только просителей ни приходило к нему»^V. Волков в соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время» по совместительству являлся начальником канцелярии генерал-губернатора по Холмогорскому уезду Архангельской губернии. У красных ничем подобным генштабисты не занимались.

Те же проблемы оставались неразрешимыми для белых на Южном Урале. Атаман Оренбургского казачьего войска генерал А.И. Дутов принимал посетителей летом 1918 г. ежедневно с 10.30 до 12 часов^{VI}. Впрочем, оперативные доклады могли делаться в любое время вне очереди. Летом 1919 г. во время поездки по Дальнему Востоку он как Походный атаман всех казачьих войск и генерал-инспектор кавалерии русской армии, а также командующий войсками Хабаровского района принимал посетителей с 9 до 11 часов утра^{VII}. Главный начальник Оренбургского военного округа генерал И.Г. Акулинин в ноябре 1918 г. принимал посетителей по служебным делам с 10 до 11 часов утра, а по частным делам – с 11 до 12 часов^{VIII}.

Схожие проблемы наблюдались у белых и на Юге России. Командующий Донской армией генерал С.В. Денисов, по свидетельству его подчиненного, «вечно занятый приемом огромного числа посетителей, фактически Донской армией не командовал»^{IX}. Для начальника 7-й пехотной дивизии ВСЮР генерала Н.Э. Бредова прием посетителей стал настоящим бедствием. Как вспоминал старший адъютант штаба дивизии штабс-капитан (впоследствии – полковник) Е.Э. Месснер, Бредов

^I ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

^{II} ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 35. Л. 31.

^{III} ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

^{IV} Там же. Л. 9об.-10.

^V Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 54.

^{VI} Оренбургский вестник Учредительного собрания (Оренбург). 1918. 31.08. № 22. С. 2.

^{VII} Приамурье (Хабаровск). 1919. 23.07. № 3406 (156). С. 4.

^{VIII} Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 01.11. № 96. С. 1.

^{IX} Алферов З. А. Воспоминания. Подольск, 2023. С. 269.

в занятом белыми Киеве в 1919 г. часами принимал штатских просителей с благодарностями и абсурдными вопросами, но не имел времени и сил выслушать важнейший оперативный доклад своего сотрудника, а когда тот приходил докладывать поздно ночью, Бредов засыпал в ходе доклада, а докладчик от изнеможения после многочасовой работы опирался на стену, чтобы не отключиться.

Приведем это свидетельство Месснера: «В приемной у генерала Бредова (мы расположились в здании бывшего штаба Киевского военного округа на Банковой ул.) отбою не было от посетителей, желавших выразить свое уважение герою-освободителю. Одна дама, например, дожидалась несколько часов очереди на прием, чтобы спросить генерала, ехать ли ей лечиться на Минеральные Воды? “Сударыня, – ответил генерал Бредов, – об этом надо бы спросить доктора”. “Ах, нет, генерал. Я вас так уважаю, что послушаюсь только вашего совета”.

Из-за этого наплыва посетителей я часами не мог добиться от генерала, чтобы он принял мой оперативный доклад. А между тем работы было много: генерал совмещал должности начальника края, командира корпуса, начальника киевского гарнизона, начальника 7-й дивизии. И я с моими семью помощниками должен был со всем справляться. Каждый вечер, около полуночи делал я последний оперативный доклад генералу; при этом он засыпал в кресле, а я, докладывая, опирался о стенку, чтобы не упасть, заснувши¹. Проявлением той же деструктивной тенденции в белом военном администрировании было личное участие генерала Бредова, например, в расцепке вагонов штабного поезда.

О серьезности проблемы свидетельствует и то, что даже главнокомандующий ВСЮР генерал А.И. Деникин в 1919 г., по воспоминаниям члена Особого совещания при главнокомандующем К.Н. Соколова, был вынужден скрываться в Таганроге «от бесцеремонных визитов многочисленных докучливых посетителей»².

Генерал Е.К. Миллер, руководивший силами белых на Севере России, обладал поистине немецкой работоспособностью. Он спал лишь по 5–6 часов³, а в остальное время занимался государственными вопросами. Это подтверждает и британский генерал У. Айронсайд, по свидетельству которого Миллер работал буквально на износ, по 16 часов в сутки без отдыха, причем нередко занимался различными административными мелочами⁴. Массу времени Миллер тратил на бумажную работу, которую можно было доверить подчиненным⁵, и был перегружен правительственными вопросами. Не случайно говорили, что он всецело принадлежал тылу, находился под влиянием тыловиков, а на фронте побывал лишь однажды, причем в период затишья⁶.

Участник Белого движения на Юге России полковник В.В. Крейтер отмечал в ноябре 1918 г., что значение Генерального штаба в Гражданскую войну возросло. Теперь он уже не выполнял лишь функцию руководства войсками, «мозга армии»,

¹ Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. С. 216 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3; опубли. в: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 529.

² Соколов К. Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 1992. Кн. 8: Кубань и Добровольческая армия. С. 165.

³ Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 71.

⁴ Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919 // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 331.

⁵ Там же. С. 326–327.

⁶ Соколов Б. Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 27.

а стал мозгом всего государства, отвечая за политические, финансовые и прочие вопросы¹. Однако возложение белыми на генштабистов задач военной и гражданской администрации привело к плачевным результатам как на фронте, так и в тылу.

Военные чаще всего были плохими гражданскими администраторами, а некоторые использовали соответствующие должности, чтобы отсидеться в тылу. Служивший в штабе Донской армии полковник В.В. Добрынин вспоминал, что «к сожалению, среди тонувших в безделье тыла “работников на оборону” можно было видеть офицеров со значками академии Генерального штаба, занятых работой, ничего общего не имеющей со службой Генерального штаба, а в каких-то комитетах и т.п.

Один из таких деятелей в тяжелые декабрьские дни (1919 г. – А.Г.) вызывал к аппарату начальника оперативного отделения, занятого оперативной работой, лишь для того, чтобы просить его доложить командующему армией приглашение на предстоящую в каком-то новочеркасском учреждении елку... Попытка командования выживать тыловых “дельцов” на фронт обычно заканчивалась неудачей: пользуясь связями, эти господа лишь переползали из одного тылового органа в другой. Да если бы они и попали бы на фронт, то принесли бы пользы мало»².

Генерал П.Ф. Рябиков вспоминал о работе в Ставке адмирала А.В. Колчака в Омске в 1919 г.: «Ставка вела, в общем, все время большую и напряженную работу со все увеличивавшимся потоком бумаг, телеграмм, докладов, проектов все новых и новых реорганизаций... Особенно много приходилось работать старшим начальникам, занятым в своих служебных кабинетах с раннего утра и до позднего вечера с небольшим перерывом на обед.

Очередная текущая работа с докладами высшему начальству и приемами докладов подчиненных часто прерывалась телефонными служебными разговорами и приемом целого ряда лиц, имевших ко мне дело как к генерал-квартирмейстеру, по существу дела имевшему соприкосновение с гражданскими лицами и организациями, с журналистами, писателями, “изобретателями” наилучших способов борьбы с большевиками и пр. ... Много отнимали времени и разговоры с возвращавшимися из командировок с мест лицами, но это время даром не пропадало, так как впечатления живых лиц давали гораздо более подробный и живой материал, чем сводки и письменные доклады. 2^{му} генерал-квартирмейстеру приходилось руководить и некоторыми более крупными командировками-экспедициями»³.

О работе главнокомандующего Восточным фронтом генерала М.К. Дитерихса Рябиков вспоминал: «Сам главнокомандующий, перегруженный работой, сидел за своим столом почти ежедневно до глубокой ночи, а иногда и до ранних утренних часов; было обычным явлением, что ген. Дитерихс меня приглашал по телеграфу, которым мы были связаны, – в любые часы глубокой ночи, отдавая те или иные срочные распоряжения или приказывал заготовить те или иные телеграммы; дежурный офицер был всю ночь начеку, готовый в любой момент разбудить

¹ ГА РФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.

² Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 – март 1920 (Очерк). Прага, 1921. С. 90.

³ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 25об.–26.

и вызвать того или иного офицера штаба, необходимого для немедленного выполнения той или иной работы.

Перегруженность работой начальника штаба заставила создать должность помощника начальника штаба, на которую был назначен весьма солидный и деятельный полковник (произведенный в генералы) [А.П.] Беловский. На помощнике начальника штаба лежало руководство и прием докладов по второстепенным операциям^I. Дитерихс «был до фанатизма предан своему делу и долгу службы и целиком уходил в работу, совершенно не живя какой-либо личной жизнью и, насколько я видел, не преследуя личных целей»^{II}. Начальник штаба Западной армии генерал-майор С.А. Щепихин вспоминал, что работал в штабе до 22–23 часов, прерываясь лишь на прием пищи^{III}.

Перегружены работой были сотрудники Военной академии в Томске весной 1919 г. И.д. начальника академии генерал Б.М. Колюбакин писал 26 марта 1919 г. военному министру Н.А. Степанову: «Трудно себе представить, до какой степени чины учебного и административного состава перегружены самыми разнообразными обязанностями и работами и до какой степени трудно регулировать их исполнение.

Я могу констатировать только самоотверженное служение чинов академии...»^{IV}

Не всегда благоприятными были рабочие условия у белых генштабистов на Северо-Западе России. Так, летом 1919 г. начальник отдела внешних сношений Северо-Западной армии подполковник К.А. фон Крузенштерн проводил заседания отдела в полной темноте, так как имелась лишь одна потухающая лампочка^V.

Интенсивные нагрузки были характерны для работы генштабистов противоборствующих сторон в Гражданскую войну. Особенно перегружены были те, кто оказался в Красной армии, поскольку там остро ощущалась нехватка кадров и приходилось работать не только за себя, но и за отсутствовавших, а также контролировать работу неквалифицированных сотрудников. В среде военных профессионалов, кадровых офицеров по все стороны фронта давали себя знать усталость от тянувшихся с 1914 г. бесконечных войн, апатия, депрессивные настроения, неудовлетворенность жизнью.

Видный деятель Белого движения на Юге России генерал И.Г. Эрдели записал в дневнике в апреле 1918 г.: «На наше положение я смотрю без фантазий, трезво, и все это образуется в авантюру, по-моему, где главнейшее – не в самодержавии мысли, а в спасении самих себя... До чего мне опротивели все эти скитания, риски жизнью, бои, походы и т.д. Ну просто я мученик каждый раз, когда мне надо идти вперед... Я устал воевать, и такая апатия и равнодушие подчас овладевает мной, что просто сил нет. И я буду Бога благословлять, когда буду, наконец, изъят из этой Гражданской войны. Та идея, которая была раньше и которая создавала все эту борьбу, я в возможность ее осуществления изверился давно, а кроме того, нечем бороться, голыми руками, что ли?»^{VI}

^I Там же. Л. 36об.

^{II} Там же. Л. 37.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 50об.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 47.

^V Маргулис М. С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2. С. 206.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 22–23. С отличиями по другому оригиналу опубл. в: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 135.

Сходные мысли посещали другого участника Белого движения на Юге России, 35-летнего полковника В.А. Замбрицкого, который в сентябре 1918 г. записал в дневнике: «Жизнь уходит, молодость уже прошла, а впереди сколько еще тяжелых испытаний? И так ли они близки к концу, как бы хотелось? Мы с Марусенькой прошли тяжелый жизненный путь: только что поженились, как через месяц я отправился на Русско-японскую войну, пробыв в отсутствии 1 год 8 месяцев. Там по приезде, в 1907 году, бунт в саперных войсках, там подготовка в академию, 3 года тяжелых в академии, и снова после 2-летнего отдыха в Киеве бесконечная четырехлетняя война, революция и снова война. Боже, где же конец? Когда же Господь допустит зажечь нормальной жизнью?..»¹ Впереди этого офицера ждали два года Гражданской войны и ставшие следствием поражения в войне еще сорок лет жизни на чужбине в вынужденной эмиграции.

§ 2. Награды и поощрения, карьеры

Даже до революции определение заслуг штабных работников для представления их к наградам представлялось непростым вопросом: в силу своей специализации генштабисты нечасто рисковали жизнью на передовой, а оценить их вклад в управление войсками было затруднительно.

К концу 1917 г. в наградном вопросе, как и в других, сохранялась некоторая инерционность относительно старой армии. Награждения даже по решению органов центрального военного управления продолжались и после большевистского переворота. Так, один из будущих вождей Белого движения на Юге России полковник М.Г. Дроздовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени 26 ноября 1917 г.

На местах инерция была еще большей. К примеру, вплоть до второй половины 1918 г. практиковалось награждение георгиевскими наградами офицеров Кавказского фронта. В марте 1918 г. орден Св. Георгия 4-й степени там получил генерал-майор Д.П. Драценко, в мае — полковники М.М. Зинкевич и Н.М. Морель. Широко практиковалась раздача георгиевских наград в 1918 г. в отряде Л.Ф. Бичерахова. Орден Св. Георгия 4-й степени там получил полковник А.Е. Мартынов. Наиболее одиозный случай был связан с генералом П.Н. Шатиловым, который сумел в 1918 г. на Кавказском фронте получить не только генеральский чин, но и редчайшую по статусу награду — орден Св. Георгия 3-й степени. Эти обстоятельства в определенной степени дискредитировали Шатилова, так как многие генштабисты были убеждены, что законно получить чин и орден он не мог.

В Красной армии ситуация с награждением военспецов-генштабистов только усложнилась вследствие враждебного отношения большевиков к классово чуждым бывшим офицерам. В результате в наградных вопросах особую роль стал играть фактор лояльности. В период Гражданской войны даже статистически

¹ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 12–12об.

у военспеца-генштабиста было гораздо больше шансов получить пулю в затылок, чем орден Красного Знамени¹. В подобной атмосфере эффект от поощрения «бывших» многократно возрастал.

Орден Красного Знамени был учрежден декретом ВЦИК от 16 сентября 1918 г. Право производить награждения принадлежало РВСР. При анализе награждений следует учитывать субъективные факторы, поскольку, как известно, награды не всегда вручаются справедливо и всем, кто их достоин. Среди субъективных факторов: случайное стечение обстоятельств, близость к какому-либо большевистскому военно-политическому руководителю, наградная практика и политика на том или ином фронте, фактор партийности, отсутствие у награждаемого арестов при широком распространении последних в условиях классовой войны и подозрительного отношения к бывшим офицерам. Немаловажно и то, что часть командиров были награждены непосредственно в период Гражданской войны, а другие — лишь по прошествии длительного времени после событий 1917–1922 гг. Этот фактор имел значимые причины политического характера. Например, в годы Гражданской войны на второго советского главкома С.С. Каменева обрушился целый поток наград, тогда как первый главком И.И. Вацетис подвергался лишь гонениям, а орден получил только через десять лет после войны, когда вышел из опалы.

К настоящему времени удалось выявить сведения о 44 выпускниках Николаевской военной академии, награжденных в 1919–1924 гг. орденом Красного Знамени РСФСР за заслуги в Гражданскую войну². Награжденные составляли 2,8% от общего числа военспецов-генштабистов, прошедших через ряды РККА за 1918–1922 гг. О том, насколько мизерной была эта цифра, свидетельствует статистика награждений, согласно которой к 1 сентября 1928 г. орден получили 14 678 человек. К 1 сентября 1920 г. из лиц командного состава были награждены 1866 человек³. Статистика зримо отражала классовый подход к награждениям и представления большевистского руководства о роли и месте «бывших» в победе Красной армии.

15 награжденных являлись слушателями и выпускниками ускоренных курсов академии периода Первой мировой и Гражданской войн (курсовиками), а в мирное время в академии обучались 29 будущих советских орденосцев. Таким образом, генштабисты с довоенным стажем составляли 66% всех награжденных «академиков» и 34% приходилось на курсовиков, что примерно соответствует удельному весу обеих категорий в комсоставе.

Молодые военспецы должны были быть ближе к войскам и имели больше шансов отличиться не на ниве штабной работы, а непосредственно участвуя в боях. Например, известен случай посмертного награждения курсовика Я.К. Ивасиова,

¹ К настоящему времени нами установлены данные о расстреле или гибели в заключении на территории Советской России в 1917–1922 гг. не менее 154 выпускников академии, что в три с лишним раза превышает количество военспецов-генштабистов, награжденных орденом Красного Знамени за тот же период.

² Без учета не учившихся в академии, но переведенных в Генштаб за революционные заслуги А. И. Егорова, М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и М. В. Фрунзе.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 959. Л. 70б.

скончавшегося в ноябре 1919 г. от тифа, «за ряд боевых подвигов, проявленных им во время службы на Восточном фронте»^I.

Еще выше был процент награжденных среди слушателей новой Академии Генштаба РККА, считавшихся в большевистском руководстве своими, «красными генштабистами». В одном из документов даже отмечалось, что первый советский орден уже в 1921 г. имели до половины выпускников^{II}, однако это преувеличение: на самом деле награждены были 22,8 и 26,2% слушателей первых двух выпусков Академии Генштаба РККА соответственно^{III}.

Пик награждений генштабистов (учтены награждения как орденом Красного Знамени, так и Почетным революционным оружием, а также повторные награждения^{IV}) пришелся на 1920–1921 гг. (по 16 награждений), тогда как в 1919 и в 1922–1924 гг. награждений в среднем производилось в 2–3 раза меньше.

Повторные награждения было разрешено производить с 19 мая 1920 г. После этого среди награжденных стали появляться свои рекордсмены, получившие по несколько наград. Были в их числе и военспецы-генштабисты. По два ордена Красного Знамени РСФСР получили А.И. Корк, В.С. Лазаревич и Е.Н. Сергеев^V, причем Сергеев и Корк получили второй знак ордена подряд, под номерами 2 и 3 соответственно^{VI}. Впоследствии по количеству орденов их догнал Н.В. Лисовский. В Советской России было несколько случаев награждения четырьмя (7 человек) и тремя (68 человек) орденами Красного Знамени РСФСР, но генштабистов старой школы среди них не было.

Что касается выпускников Николаевской академии, крупными военными деятелями среди награжденных были И.И. Вацетис (награжден лишь в 1928 г.), А.И. Геккер, Н.Е. Какурин, С.С. Каменев, А.И. Корк, В.С. Лазаревич, П.П. Лебедев, С.А. Меженинов, Д.Н. Надежный, В.А. Ольдерогге, Н.Н. Петин, А.А. Самойло, Б.М. Шапошников.

Орден получили руководители основных фронтов Гражданской войны и командующие некоторыми армиями. Определение их заслуг не составляло труда и следовало из достижений соответствующих фронтов. Награждены были командующие Восточным фронтом против войск адмирала А.В. Колчака Каменев и Ольдерогге; командующий 7-й армией, оборонявшей Петроград в 1919 г., Надежный; командующий 6-й отдельной армией, освободившей Европейский Север России от белых и интервентов, Самойло; временно командующий 9-й армией А.А. Душкевич; командующий 2-й армией и начальник штаба Юго-Восточного и Кавказского фронтов Ф.М. Афанасьев; командующий 3-й и 4-й армиями Лазаревич; другой

^I Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 07.02. № 74.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 195.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 57.

^{IV} См. Приложение 2.

^V В нашем справочнике о кадрах Генштаба ошибочно указаны сведения о награждении С.С. Каменева двумя орденами Красного Знамени (*Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба. С. 236). Эта ошибка вызвана наличием неверных сведений о награждении Каменева в 1922 г. (якобы по материалам его послужного списка) в сборнике его трудов, который был использован при составлении биографической справки (*Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи. М., 1963. С. 27–28).

^{VI} *Дуров В. А., Стрекалов Н. Н.* Орден Красного Знамени. История учреждения награды и эволюция орденового знака. М., 2006. С. 36.

командующий 3-й и 4-й армиями Н.Е. Какурин; командующий 4-й армией Сергеев; командующий 15-й армией Корк; командующий 16-й армией Н.В. Соллогуб; командующий 11-й и 13-й армиями Геккер, причем командующие 3, 4, 15 и 16-й армиями – Лазаревич, Сергеев, Корк и Соллогуб – были награждены одним приказом, в основном за успехи в боях первых дней советского наступления 4–5 июля 1920 г.¹

С учетом того, что одни и те же лица за период 1917–1922 гг. занимали по несколько высших должностей, орден имели все пять выпускников академии, командовавших Восточным фронтом (Вацетис, Каменев, Самойло, Лебедев, Ольдерогге), один из двух генштабистов, руководивших Западным фронтом (Надежный), единственный генштабист, командовавший Кавказским фронтом (Афанасьев), и один из двух генштабистов, руководивших Северным фронтом (Надежный). Поразительно, что орденом не был награжден ни один из двух генштабистов, командовавших важнейшим для РСФСР Южным фронтом. Единственный генштабист, стоявший во главе Каспийско-Кавказского фронта, также не был отмечен этим орденом. Подобные явления объяснимы: к концу Гражданской войны, когда шло массовое распределение наград, руководящие посты в армии заняли генштабисты – выходцы с Восточного фронта во главе с Каменевым, которые, очевидно, оказывали непосредственное влияние на наградную политику. Поток наград для работников Западного фронта был обусловлен большой значимостью фронта и его успехами в период Советско-польской войны. Вместе с тем на Южном, Юго-Западном, Кавказском, Туркестанском, Украинском фронтах командные посты длительное время занимали лица, не имевшие высшего военного образования (В.М. Гиттис, А.И. Егоров, М.В. Фрунзе, В.А. Антонов-Овсеенко, М.Н. Тухачевский), но являвшиеся видными военно-политическими деятелями, и вопрос признания заслуг руководящих военных работников на Юге был в большей степени политическим.

Ситуация с награждениями начальников фронтовых штабов – следующей ступени командно-штабной иерархии – была такова: из шести начальников штаба Восточного фронта орден имели трое (Соллогуб, Лебедев, В.Е. Гарф); из девяти «академиков» на должности начальника штаба Западного фронта в 1919–1922 гг. – семеро (Петин, Лазаревич, Соллогуб, Меженинов, М.А. Баторский, А.М. Перемытов, Н.Н. Шварц); из четырех начальников штаба Южного фронта – лишь один (Петин); из двух начальников штаба Юго-Восточного фронта – двое (Афанасьев и С.А. Пугачев); из трех начальников штаба Кавказского фронта – трое (все те же Афанасьев и Пугачев, а также В.В. Любимов); из двух начальников штаба Южного фронта второго формирования (против генерала П.Н. Врангеля) – один (И.Х. Паука). Орденоносцем был и единственный генштабист – начальник штаба Юго-Западного фронта (Петин). Однако не были награждены ни один из двух начальников штаба Северного фронта, ни один из двух начальников штаба Украинского фронта, ни один из трех начальников штаба Туркестанского фронта. Причина заключалась в периферийном характере этих фронтов, их непродолжительном существовании, а также в отсутствии на них крупных успехов. Приоритет по количеству орденоносцев этой категории также оказался у представителей Западного и Восточного фронтов. Не исключено, что часть награжденных получила ордена благодаря

¹ Приказ РВСР по л/с армии. 1920. № 342. 15.07.

связям с большевистскими вождями. Например, Каменев был связан с Лениным, Соллогуб и Лазаревич являлись сотрудниками Фрунзе, Петин работал со Сталиным.

Если на фронтовом уровне большинство командующих фронтами и начальников фронтовых штабов (за заслуги на этих или других должностях) в ходе Гражданской войны или позднее получили орден Красного Знамени (формально за успехи фронта награждаются командующий и его начальник штаба), то на уровне командующих армиями и начальников армейских штабов награждения встречаются значительно реже.

Приказы о награждении военспецов являются ценнейшим источником для определения их вклада в военное строительство. В приказе о награждении Б.М. Шапошникова отмечалось, что «в течение своей длительной деятельности на высоко ответственной должности начальника Оперативного управления Полевого штаба РВСР, тов. Шапошников являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы, во всех ее подробностях, полевых органов, в борьбе с врагами Социалистического Отечества.

Занимая указанную должность, вполне соответствующую по значению самостоятельной должности начальника штаба фронта, с первых же дней активной беспримерной борьбы республики с окружавшими ее кольцом врагами, вплоть до настоящего момента – почти прекращения серьезных боевых действий против бандитов, тов. Шапошников с присущей ему инициативой и твердым проведением разработанных им лично боевых операций вынес на себе всю тяжесть последних, работал с полным самоотвержением и днем и ночью»^I.

Если оперативные документы редко позволяют судить об авторстве операций, то такую информацию можно почерпнуть из наградных приказов. К примеру, Н.В. Соллогуб в период Советско-польской войны был награжден «за тщательную подготовку форсирования р[еки] Березины и умелое исполнение этой операции, после чего войска 16[-й] армии стремительным ударом разбили противника и овладели г[ородом] Минском, захватив исправный подвижной состав и другие многочисленные трофеи»^{II}. Некоторые приказы были гораздо более подробными, содержали детальные описания боевых действий и совершенных награждаемыми подвигов.

Награждения генштабистов практиковались как за конкретные подвиги, так и за руководство войсками в период длительных операций. Так, например, начальник 30-й стрелковой дивизии Е.Н. Сергеев свой первый советский орден получил за руководство дивизией в период с 4 октября по 15 ноября 1919 г., т.е. за время с начала советского контрнаступления на Восточном фронте и до взятия красными столицы белой Сибири – Омска^{III}. Командовавший 6-й отдельной армией А.А. Самойло был награжден по совокупности заслуг за весь период командования армией в 1918–1920 гг.^{IV} Среди выпускников и слушателей академии, награжденных орденом, были три ветерана различных антибольшевистских армий – М.И. Василенко, Н.Е. Какурин и В.В. Попов.

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 7. Л. 68–68об.

^{II} Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

^{III} Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 28.01. № 32.

^{IV} Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 21.02. № 73.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г. представления к награждению орденом за период Гражданской войны (до 1 января 1923 г.) были запрещены. В том же году вместо республиканских орденов Красного Знамени (РСФСР и других советских республик) был учрежден единый орден Красного Знамени СССР. Однако в порядке исключения награждения за Гражданскую войну продолжались, продолжали выдаваться и знаки прежнего образца. В 1928 г. к десятилетию РККА ордена Красного Знамени была удостоена группа военных и политических деятелей, среди которых были и те, кто в силу конъюнктурных причин не получил эту награду ранее. Награждение осуществлялось постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 февраля 1928 г. в ознаменование 10-летия РККА, «отмечая заслуги в руководстве и личном участии в боевых операциях нижепоименованных военных и политических работников в тяжелые годы Гражданской войны»^I. В основном в списке награжденных были партийные функционеры (С.М. Киров, А.И. Микоян, М.Л. Рухимович и др.), однако в списке оказался и бывший главком Вацетис, заслугам которого в Гражданской войне власть наконец воздала должное. В том же году орден получил соратник М.В. Фрунзе генштабист Ф.Ф. Новицкий. К 10-летию 1-й Конной армии был награжден и видный деятель советской военной авиации М.П. Строев (Рихтер)^{II}. Военспецы-генштабисты награждались орденом Красного Знамени и в дальнейшем, но уже, как правило, не за заслуги в годы Гражданской войны. К примеру, бывший капитан Е. А. Шиловский, прототип Вадима Рощина из «Хождения по мукам» А.Н. Толстого (приходившегося Шиловскому тестем), стал советским генералом и был неоднократно награжден орденом Красного Знамени СССР в годы Великой Отечественной войны.

Помимо награждений орденом Красного Знамени генштабисты получали и другие награды, подчас весьма своеобразные. Это могли быть предметы антиквариата, ставшие в результате революционных потрясений достоянием республики. К примеру, один из братьев Раттзелей был награжден золотой табакеркой императрицы Екатерины II, усыпанной драгоценными камнями и со специальной надписью на внутренней стороне крышки^{III}. Широко распространены были награждения золотыми и серебряными часами и портсигарами с соответствующими надписями. Часы и портсигары можно было получить от ВЦИК, РВСР или различных РВС, а также от местных Советов. С.Н. Богомятков, например, помимо ордена Красного Знамени за годы Гражданской войны удостоился серебряного портсигара и золотых часов. М.В. Молкочанов стал владельцем наградных золотых и серебряных часов и серебряного портсигара. В.А. Ольдерогге помимо ордена Красного Знамени был награжден золотыми часами за ликвидацию Врангеля, а также золотыми часами на браслете от Киевского губисполкома за пятилетие службы в Красной армии^{IV}. В условиях дефицита ценились и практиковались награждения вещами.

^I ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 31. Л. 183.

^{II} Зиновьев Н. Н., Конев В. Н. Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны. 1918–1920. М., 2017. С. 7.

^{III} Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957. С. 350.

^{IV} Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18). С. 123.

Так, В.Е. Климовских 15 августа 1920 г. получил от РВС Западного фронта золотые часы и кожаный костюм.

Практиковались награждения оружием (как холодным, так и огнестрельным). Главком Каменев получил несколько подобных наград. В апреле 1920 г. он был награжден Почетным золотым оружием (саблей) от ВЦИК за победы на Восточном фронте, а в январе 1921 г. получил Почетное огнестрельное оружие – пистолет «маузер» со знаком ордена Красного Знамени на рукоятке (кроме него такой награды был удостоен только С.М. Буденный). Почетным революционным оружием за взятие Перекопских и Юшуньских позиций был награжден А.И. Корк. Всего таких наград к 1926 г. удостоились 20 человек, включая двух военспецов-генштабистов¹. Эти награждения имели общегосударственное значение, а награда в виде Почетного огнестрельного оружия считалась еще более высоким награждением по сравнению с Почетным холодным оружием. Существенно меньшее значение имели локальные награждения оружием, практиковавшиеся как местными органами власти, так и отдельными военными или политическими руководителями. И.Т. Алексеев в 1921 г. получил револьвер «браунинг» от командующего 9-й Кубанской армией И.П. Уборевича за взятие Новороссийска, произошедшее за год до этого. Наградное оружие от СНК Азербайджана получил в 1920 г. М.И. Василенко, который также был награжден золотыми часами от РВС Кавказского фронта, а в 1923 г. – серебряным портсигаром от Омского губисполкома.

Участники боевых действий, приведших к созданию национальных советских республик, награждались соответствующими национальными наградами. Такие награды получали и военачальники общегосударственного уровня. Так, главком Каменев летом 1922 г. получил орден Красной Звезды 1-й степени Бухарской народной советской республики за организацию борьбы с Энвер-пашой, а в сентябре 1922 г. украсил грудь военным орденом Красного Знамени Хорезмской автономной советской республики «за помощь хорезмскому трудовому народу в его борьбе за свое освобождение и за заслуги в борьбе с врагами трудящихся всего мира»². Некоторые награды были настоящей экзотикой и вряд ли носились самими награжденными. К примеру, П.В. Куликов был отмечен в октябре 1924 г. орденом бухарской Красной Звезды 2-й степени и халатом 1-й степени.

Наряду с этим практиковались поощрения военнослужащих благодарностями в приказах. Иногда более высокая награда по каким-то причинам заменялась более низкой. Так, например, бывший подполковник Л.Н. Ростов (Борхсениус) вместо ордена Красного Знамени постановлением РВС 7-й армии был награжден золотыми часами № 5585464 с надписью «Честному воину Красной армии от Петроградского Сов[ета] раб[очих] и красноарм[ейских] депутатов»³.

Отдельно стоит сказать о тех военспецх-генштабистах, которые, несмотря на свои выдающиеся заслуги перед РСФСР, по причинам политического и конъюнктурного характера не были отмечены орденом Красного Знамени. Среди них несколько высших военных деятелей, внесших значительный вклад в победу РККА:

¹ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 295.

² Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. С. 27.

³ РГВА. Ф. 25863. Оп. 2. Д. 469. Л. 33.

М.Д. Бонч-Бруевич, В.Н. Егорьев, Л.Л. Ключев, Ф.В. Костяев, Д.П. Парский, Н.И. Ратэль, А.А. Свечин, М.С. Свечников, А.Е. Снесарев, П.П. Сытин. Таких людей было немало. Больше всего их среди тех, кто отличился в начале Гражданской войны, в период 1917–1918 гг.

Удивительно, что наградами оказался обойден даже не находившийся в 1917–1922 гг. в опале и известный своей способностью приспосабливаться М.Д. Бонч-Бруевич, получивший лишь в 1926 г. благодарность РВС СССР в связи с 35-летием военной, учебной и научной деятельности^I. Попытки добиться справедливости не увенчивались успехом. Например, бывший командующий советским Южным фронтом в 1918 г. и советский военный атташе в Грузии П.П. Сытин вовсе не имел наград за Гражданскую войну. Только к 10-летию Красной армии он получил золотые часы с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции от РВС СССР» и грамоту «За проявленное Вами мужество, энергию и решительность в борьбе трудящихся против врагов Советского отечества в должностях военрука Брянского района и Командующего войсками Южного фронта в 1918 г.», а в 1929 г. Сытину предоставили персональную пенсию^{II}. 19 октября 1932 г. на заключение наградной комиссии было направлено заявление Сытина о награждении его орденом Красного Знамени «за участие в деле советизации Грузии»^{III}. О награждении за свою не менее значимую деятельность на Южном фронте в связи со сложившейся в стране политической конъюнктурой Сытин, видимо, просить не отважился. Ходатайство Сытина не сочли возможным удовлетворить. В том, что он так и не получил ордена, могли сыграть свою роль непростые взаимоотношения, которые сложились у Сытина в 1918 г. с И.В. Сталиным и его окружением.

Особенно неприятным для таких, как Сытин, лояльных большевикам военспецов должно было казаться отсутствие у них ордена на фоне тех орденосцев, которые пришли в РККА гораздо позже, под конец Гражданской войны, и тем более после службы в антибольшевистских армиях. К таким военным работникам относился бывший полковник Н.Е. Какурин, оказавшийся в РККА спустя два года службы в различных украинских армиях, что не помешало его награждению орденом Красного Знамени в 1921 г. за подавление Тамбовского восстания. Впрочем, это был исключительный случай.

Неотъемлемой частью мрачных страниц советской истории стало лишение многих прославленных орденосцев-героев Гражданской войны заслуженных наград, что было связано с репрессиями. В частности, постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1940 г. был лишен ордена Красного Знамени И.И. Вацетис^{IV}, необоснованно расстрелянный двумя годами ранее. При свидании арестованного Какурина с семьей в 1935 г. его дочь заметила, что отец «был в своем некогда опрятном кителе, но не было на нем привычного ордена боевого Красного Знамени. Темнело лишь выгоревшее круглое пятно»^V.

^I РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

^{II} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85. Л. 15, 64об.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 25. Д. 387. Л. 3.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 31. Л. 183. Также см.: Оп. 60. Д. 708.

^V Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2: 1919–1920. С. 413.

Наградная практика первых лет советской власти отличалась своеобразием. В новых условиях резко возросло значение политического аспекта награждений, свою роль, если речь идет о высшем военном руководстве, играли лояльность и близость награжденного к партийным лидерам. Однако наибольшее влияние на наградную политику Советской России начала 1920-х гг. оказало то, что героический пантеон Гражданской войны создавался победителями, причем не теми, кто строил Красную армию с нуля в самый трудный период ее истории, а теми, кто одержал победу в кампании 1919–1920 гг. Именно они сохранили за собой руководящие посты в армии после войны и смогли с лихвой пожать лавры победы. Разумеется, обойденные не могли не чувствовать обиду. Тем более что некоторые из них не только не получили положенных наград, но вместо них прошли через необоснованные и несправедливые аресты, в результате которых оказались оттеснены от руководства Красной армией.

В основу наградных систем и чинопроизводства белых армий были положены дореволюционные принципы, хотя и несколько видоизмененные в соответствии с реалиями Гражданской войны. Эти принципы были, в целом, более понятны и близки офицерам Генерального штаба, чем нововведения, принятые в РККА. Впрочем, порой наградная политика не отличалась справедливостью. Многие повторяли порядки старой армии и воспринималось офицерами не всегда положительно. К примеру, один из колчаковских офицеров, В.С. Савченко, жаловался в феврале 1919 г. на плачевную ситуацию с наградами за Пермскую операцию и отмечал, что положение напоминает «старый николаевский режим»¹.

Широко практиковалось чинопроизводство и награждение дореволюционными наградами (особенно на Севере и Востоке России), появились и новые знаки отличия. В армии адмирала А.В. Колчака награждали даже орденами Св. Георгия – высшей военной наградой дореволюционной России, а также Георгиевским оружием, что не практиковалось белыми на Юге России. По крайней мере семь выпускников академии были отмечены георгиевскими наградами в армии адмирала А.В. Колчака, причем генералы С.Н. Войцеховский, В.О. Каппель, В.Д. Косьмин и К.В. Сахаров удостоились ордена Св. Георгия 3-й степени. Отдельные офицеры получили несколько наград. Так, генералы Войцеховский и Каппель были отмечены орденами Св. Георгия 4-й и 3-й степени, генерал Р.К. Бангерский – орденами Св. Георгия 4-й степени и Св. Владимира 3-й степени с мечами. Посмертно орденом Св. Георгия 4-й степени был награжден подполковник Б.Ф. Ушаков. Еще одним награжденным стал генерал Б.П. Богословский². На Севере России орденом Св. Георгия 4-й степени был награжден командующий войсками Железнодорожного района генерал князь А.А. Мурузи.

В качестве поощрения практиковалось объявление благодарности. Благодарности Верховного правителя адмирала А.В. Колчака удостоились генералы В.Д. Косьмин и Н.Т. Сукин, благодарности главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины в 1920 г. удостоился генерал

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 77аоб.

² Неполный список кавалеров за Гражданскую войну см.: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004. С. 862–868.

С. Н. Войцеховский¹. Благодарность Верховного главнокомандующего в октябре 1918 г. получил генерал П. А. Белов. В 1919 г. он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. Вручение этой награды (старшей относительно ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами, который многие офицеры получили в годы Первой мировой) было особенно распространено на Востоке России. Этим орденом были награждены генерал-майоры И. И. Смольнин-Терванд, Н. Т. Сукин, И. В. Тонких, полковники Б. Э. фон Вах, А. Г. Ефимов, А. Я. Крузе, Н. Ф. Новицкий, К. В. Семчевский. Генерал С. Н. Розанов был награжден в июле 1919 г. еще более высокой наградой – орденом Св. Владимира 2-й степени с мечами. Подполковник В. Н. Шмидт и капитан С. И. Костров, служившие в Отдельной Оренбургской армии А. И. Дутова, в 1919 г. были награждены орденами Св. Анны 2-й степени. Все награждения подлежали утверждению Верховным правителем². В связи с отсутствием орденских знаков нередко пользовались орденскими ленточками.

Массовым характером отличалось награждение знаками за участие в той или иной операции – например, в 1-м Кубанском (Ледяном) походе или в Сибирском Ледяном походе. Знаки за эти тяжелые походы генштабисты носили с гордостью. Причем наличие знака за 1-й Кубанский поход имело демонстративный характер, показывая окружающим, что перед ними человек, служивший в Добровольческой армии с самого начала. Практиковались и награждения медалями. Так, участники Приамурского Земского собора в 1922 г. отмечались соответствующей памятной медалью. Среди награжденных был, в частности, полковник Б. Э. фон Вах.

На Севере и Северо-Западе России также были распространены награждения дореволюционными орденами. Начальник 3-й пехотной дивизии генерал-майор Д. Р. Ветренко 12 октября 1919 г. был удостоен ордена Св. Станислава 1-й степени с мечами. Ранее он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами (30 мая 1919 г.). Полковник Э.-Б. А. фон Прюссинг 22 октября 1919 г., в разгар боев за Петроград, был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Командующий войсками Северной области генерал В. В. Марушевский на белом Севере постановлением Временного правительства Северной области от 18 апреля 1919 г. был награжден орденом Белого Орла с мечами «в воздаяние особых заслуг по воссозданию русских вооруженных сил в Северной области на основе дисциплины и чувства долга»³. Полковник П. Т. Акутин 28 октября 1919 г. был удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени с мечами. Орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами постановлением Временного правительства Северной области 1 декабря 1919 г. был награжден полковник М. Н. Архипов. Орденом Св. Анны 2-й степени с мечами был награжден подполковник С. Л. Грабовский. Награждали и производством в очередные чины. Так, производство в следующий чин 30 мая 1919 г. получили сам Марушевский вместе с главнокомандующим генералом Е. К. Миллером.

¹ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 257.

² Журавлев В. В., Симонов Д. Г. О наградной системе антибольшевистских режимов Востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика. Новосибирск, 2014. С. 189.

³ ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 37. Л. 77.

Ветераны Белого движения на Юге России также иногда награждались дореволюционными орденами (кроме георгиевских), в основном это характерно для офицеров, служивших в донских казачьих формированиях. Полковник В.В. Добрынин летом 1919 г. был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, полковники Н.А. Петров, П.Н. Санников, капитан Н.Т. Раздоров в 1920 г. получили орден Св. Владимира 3-й степени. Войсковые старшины А.Д. Диков и В.В. Короченцев получили ордена Св. Владимира 4-й степени в ноябре 1919 г. Г.И. Арванити весной 1920 г. был произведен в полковники и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Такой же орден получили полковники А.Г. Оранский и А.Л. Чайков. Генерал А.Н. Алексеев в июле 1921 г. был отмечен орденом Св. Анны 1-й степени. Орденом Св. Владимира 3-й степени были награждены в 1920–1921 гг. полковники Ф.Ф. Одноглазков и М.Т. Чернявский.

Сложнее было с поощрением генералитета, представители которого уже имели чины и ордена. Неслучайно генерал И.Г. Эрдели о своей службе в Добровольческой армии с долей обиды записал в дневнике в сентябре 1918 г.: «Мы служим и без орденов, и без чинов, а офицерам и всем нам нужно теплое слово, раненым — участие, внимание, ласка, одним словом — отзывчивость... Деникин и наш штаб армии обратились в олимпийцев, на козе не подъедешь, и это все учитывается»¹.

На Юге России при генерале П.Н. Врангеле в 1920 г. был учрежден орден Святителя Николая Чудотворца. Полный список награжденных орденом известен, в связи с чем рассмотрим, как представлены в этом списке офицеры-генштабисты. Награждения производились в том числе и в период эмиграции. Среди кавалеров генералы Ф.Ф. Абрамов, П.Н. Врангель, В.В. Крейтер, Я.А. Слащев, М.А. Фостиков, полковник Ф.Н. Гришин, перешедший к белым из РККА, полковник В.С. Дрон (погиб на Перекопе, награжден посмертно), полковники С.П. Попов и В.К. Фукс. Всего было награждено 337 человек². Генштабисты составили 2,7 % награжденных. Несмотря на руководящее положение в белом лагере, в наградных списках они представлены достаточно скромно.

Участники Белого движения нередко награждались иностранными орденами. Осенью 1918 г. британским орденом Святых Михаила и Георгия разного достоинства были награждены генералы А.М. Драгомиров, П.Н. Врангель, В.З. Май-Маевский, Ю.Н. Плющевский-Плющик, В.И. Сидорин. Орденом Бани были награждены руководители Белого движения на Севере и Юге России генералы В.В. Марушевский (пожалован королем Георгом V^{III}) и И.П. Романовский. Французский военный крест получили генералы Р.К. Бангерский, Б.П. Богословский, А.И. Дутов.

Не обходилось без конфликтов. Начальник оперативного отделения штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте полковник Л.В. Костанди был награжден англичанами орденом Выдающейся Службы (Distinguished Service Order). В конце эвакуации союзников с Севера 26 сентября 1919 г. Костанди демонстративно отказался от этой награды, поскольку считал «ниже достоинства русского гражданина и офицера носить орден

¹ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 134.

² Рудиченко А. И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922. М., 2008. С. 25.

³ Там же. Л. 184.

страны, представители которой вынуждаются своим правительством изменять... своим союзникам^I. Костанди лично явился к генералу У. Айронсайду, положил на стол свой орден, высказал все, что думает о союзниках, отдал честь и вышел из кабинета британского генерала. Айронсайд вспоминал: «Долго я сидел в полном молчании, глядя на отвергнутый орден, которым в свое время была отмечена беспримерная доблесть»^{II}. Этот случай запомнился ему надолго (свои воспоминания Айронсайд написал спустя более тридцати лет после событий). При этом Айронсайд охарактеризовал Костанди как выдающегося офицера и назвал этот эпизод неприятным.

Бывший подполковник граф С.И. Соллогуб-де-Война, служивший в войсках интервентов на Севере России, за свою службу там был произведен в полковники и в сентябре 1919 г. награжден английским орденом Выдающейся Службы^{III}.

В национальных армиях возникли свои системы поощрения. Что касается периода Гражданской войны, то, как и у белых, в украинских войсках были распространены награждение производством в следующий чин^{IV} и денежные премии. В июне 1919 г. ношение российских наград в Действующей армии УНР было запрещено. Исключение делалось лишь для георгиевских наград^V. При этом попытки разработки и изготовления собственных украинских наград в 1918–1919 гг. остались безрезультатными. В 1918 г. комиссией по разработке наград на Украине руководил генерал Ю.И. Гончаренко (литературный псевдоним — Юрий Галич)^{VI}. Сам Гончаренко впоследствии иронично вспоминал об этой работе, которая не была насущно необходимой для украинской армии того времени^{VII}. В 1920 г. разрабатывался проект награждения почетным мундиром Генерального штаба^{VIII}, однако вопрос о практическом воплощении этого проекта остается открытым. В итоге награды в украинских формированиях возникли сравнительно поздно — по существу, уже в эмиграции, когда стали награждать отличившихся в событиях 1917–1922 гг. Генштабисты принимали деятельное участие в разработке национальной наградной системы. Так, в 1919 г. начальник инспекторского отдела ГУГШ УНР генерал-хорунжий А.Я. Шайбле подготовил проект боевой медали^{IX}. Председателем комиссии по разработке закона и устава ордена Освобождения в 1922 г. стал генерал-хорунжий М.Д. Безручко^X. В 1930-е гг. был учрежден крест Симона Петлюры, которым награждали ветеранов армии УНР. Главный совет креста в Варшаве возглавлял вплоть до смерти в 1942 г. бывший начальник украинского Генерального

^I Цит. по: Кручинин А. С. «Я препровождаю Вам знаки ордена» // Военная Быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 46.

^{II} Айронсайд У. Э. Архангельск. 1918–1919. С. 365.

^{III} *Bagiński H. Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920. Warszawa, 1921. S. 474, 481.*

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 8. Л. 115об.

^V Рудиченко А. И., Тинченко Я. Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Учредительные документы. Изготовление. Практика награждений. Типы и разновидности. Киев, 2011. С. 15.

^{VI} Тинченко Я. Ю. Символи нескореної держави. Нагороди уряду Української Народної Республіки. Київ, 2016. С. 17–21.

^{VII} Галич Ю. Красный хоровод // Галич Ю., Попов К. С. Красный хоровод. М., 2008. С. 153–155.

^{VIII} Подробнее см. в главе VI.

^{IX} Кравцевич-Рожнецкий В. Я., Панасенко В. П. Украинские военные знаки отличия первой половины XX века. Киев, 2009. С. 161.

^X Там же. С. 171.

штаба генерал-хорунжий В.М. Куш. В президиум Главного совета входил также генерал В.Е. Змиенко, а генерал Безручко, возглавлявший Украинское военно-историческое товарищество, руководил изготовлением знака, ленты и грамоты к этой награде^I. Крестом были награждены многие украинские генштабисты, в том числе генералы А.С. Галкин, С.И. Дядюша (посмертно), Н.А. Коваль-Медзвецкий (посмертно), Ф.А. Колодеев (посмертно), С.Н. Кульжинский, Е.В. Мешковский (посмертно), М.С. Пересада-Суходольский, В.Н. Петров, В.А. Синклер, А.И. Удовиченко, Н.Л. Юнаков (посмертно). Порвавший с С.В. Петлюрой генерал Н.А. Капустянский не был награжден крестом, но иногда носил эту награду, принадлежавшую его погибшему товарищу^{II}. Ветераны Украинской Галицкой армии отмечались собственными знаками, возникшими также уже в период эмиграции. Основной наградой был Галицкий крест. Известно, в частности, что им был награжден генерал Н.А. Капустянский^{III}.

Генштабисты, служившие в латвийской армии и в дружественных ей иностранных армиях, в 1920-е гг. награждались орденом Лачплесиса. Среди таких офицеров Р.К. Бангерский, М.Ю. Гартман, И.Я. Лайдонер, А.И. Ларка, В. Озолс, П.К. Радзин, И.Я. Ринк, И.И. Терванд (Тырванд) и др.^{IV} Служивший в эстонской армии бывший капитан В.И. Мутт был награжден в 1921 г. Крестом Свободы^V. Крест Свободы 1-го разряда 1-й степени получил Я.Г. Соотс^{VI}. Поступивший в финскую армию генерал П.К. фон Герих в 1918 г. был награжден крестами 3-го и 2-го класса финского ордена Креста Свободы, прусским Железным крестом 2-й степени, памятной медалью освободительной войны, а в 1919 г. памятной медалью битвы при Тампере. Генерал А.А. Тунцельман фон Адлерфлуг имел похожий комплект наград: кресты 4, 3 и 2-го класса финского ордена Креста Свободы, прусский Железный крест 2-й степени, медаль освободительной войны и рыцарский крест финского ордена Белой Розы. Орденом Белой Розы был награжден и генерал О.К. Энкель.

Необходимо затронуть и такой отсутствовавший в РККА, но практиковавшийся в антибольшевистском лагере способ поощрения офицеров, как чинопроизводство. Ускоренное чинопроизводство Гражданской войны вело к появлению в штаб-офицерских и генеральских чинах еще совсем молодых и порой неопытных людей. Впрочем, в ряде случаев производства были вполне заслуженными и способствовали выдвижению ярких командиров, понимавших особенности Гражданской войны. Полковник Е.Э. Месснер уже в эмиграции писал, что в Гражданской войне принцип старшинства неприменим, и сокрушался, что войсками Киевской области в 1919 г. руководил инертный старорежимный генерал А.М. Драгомиров, а не молодой и энергичный полковник Б.А. Штейфон, который мог бы мобилизовать на этой территории несколько дивизий, а не одни лишь местные гарнизоны^{VII}.

^I Там же. С. 198, 200.

^{II} Рудиченко А. И., Тинченко Я. Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. С. 130.

^{III} Ковальчук М. А. Генерал Микола Капустянский (1881–1969). Київ, 2006. С. 103.

^{IV} Lāčplēša kara ordena kavalieri: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1995.

^V ERAF. 130SM.1.14805. Л. 10об.

^{VI} ERAF. 130SM.1.3345. Л. 35.

^{VII} Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 4. Л. 223 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3; Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 546.

Действительно, в среде генштабистов существовал поколенческий раскол. Старшее поколение считало молодежь (особенно выпускников ускоренных курсов) неподготовленной, а представители младших поколений упрекали «стариков» в непонимании реалий Гражданской войны. Об этом, в частности, писал 36-летний выпускник академии (выпуск 1913 г.) полковник В.К. Манакин в сентябре 1923 г. в правление Общества русских офицеров Генерального штаба в КСХС: «Нужно признать, что нашему молодому поколению Ген. штаба, прошедшему школу войны Германской на младших должностях, а школу войны Гражданской — на руководящих должностях в строю, — трудно понять наших старших коллег: опыт наш дал нам известный взгляд на современное положение, который во многом отличен от норм и понятий, преподававшихся нам до войны в строю и академии. Я говорю не столько о тактике и стратегии, сколько о более трудной науке понимания психологии масс и отдельных людей и о сделанных выводах из опыта жизни... мои утверждения отнюдь не голословны и подтверждаются почти всеми молодыми офицерами Ген. штаба, начиная от выпуска, примерно, 1911–1912 года»¹.

Среди выпускников академии встречались отдельные офицеры с впечатляющими карьерами за период 1917–1922 гг. Так, капитаны К.М. Александров и С.Н. Барышников на Востоке России к концу Гражданской войны стали генерал-майорами. Такой же карьерой мог похвастаться и Д.Р. Ветренко, служивший в украинской армии и у белых на Северо-Западе России. Поручики А.Н. Бакулевский и Н.А. Безобразов у белых на Востоке России за два года дослужились до полковников. Капитан М.Д. Безручко к концу Гражданской войны дослужился до генерал-хорунжего украинской армии.

Служивший в Донской армии В.А. Замбржицкий в октябре 1918 г. описал свои переживания в связи с производством в генералы на страницах дневника: «Что и говорить, лестно в такие молодые годы быть генералом, — мне ведь всего 35 лет и я никогда не мечтал носить в это время генеральские погоны, тем более что всего лишь 2 года назад, до Пасхи 1916 года, я был только капитаном!»² Правда, офицер отметил, что отнесся к своему генеральству буднично, так как в Гражданскую войну ранние производства стали обыденным явлением.

О стремительных карьерах белых генералов как о причине неудачи белого Юга (и прежде всего Донской армии) писал уже в период эмиграции, 2 марта 1921 г., генерал А.Н. Алексеев генералу П.Н. Врангелю. Документ содержал рекомендации по устранению недочетов в целях возобновления борьбы с большевиками. Алексеев, в частности, отметил: «Ненормальные, смехотворные явления в армии должны быть теперь уничтожены раз навсегда. Все эти опереточно-кустарные генералы, полковники обязаны уступить место людям опыта, знания и долга. Нужно призвать на должности опытных кадровых офицеров, умело и храбро сражавшихся в Великую войну. Троцкий понял это и призвал всех, требуя лишь работы, не считаясь с их политическими воззрениями; вот почему такие генералы, как Гутор, Парский, Клембовский, Брусилов, служат в Красной армии, а у нас такой

¹ Цит. по: Посадский А. В. Полковник В. К. Манакин и Саратовский корпус: Эпизод Гражданской войны. М., 2018. С. 511.

² ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

ученый специалист, как генерал Пашенко¹, сидит без места, торгует в кантине², все ожидая персонального вызова. Русской армии нужны люди, нужно их много, чтобы творить дело.

Вундеркинлизм впервые явился с благословения ген. Краснова, который, подражая Наполеону, стал создавать себе маршалов; они должны были дать ему опору и вес, но маршалы Наполеона завоевали ½ мира, а наши маршалы ничего не завоевали, но зато побежденные с валютой расхаживают по Константинополю, Белграду, Парижу. Ген. Краснов умудрился получить в один день 2 чина, его командующий армией в 3 месяца получил 2 чина, то же проделал и начальник штаба (был только что произведенный подполковник, а через 4 месяца надел генеральские погоны), немудрено, что, благодаря взятому тону, прапорщики 1917 года ныне уже полковники и генералы; так же щедро награждались и те офицеры, которые сидели в канцеляриях, управлениях, обозах и в Войсковом Круге, так, член Войскового Круга, бывший пристав, уволенный в отставку подполковником, сидя в Войсковом Круге, через три месяца был уже генерал-майор. Тон, взятый в Донской армии, нашел отзвук в Добровольческой армии. Вакханалия чинопроизводства и наград дошла до карикатурных размеров. В общем, по тем наградам и чинам, которые давались в Донской армии, можно было думать, что эти высоко талантливые молодые начальники революционного периода не только овладели Москвой, Петербургом, Берлином, Парижем, перебросились к Нью-Йорку, овладели Чикаго, но и победно продвигаются к С[ан-]Франциско, а между тем результаты плачевны: все эти начальники топтались на Дону, Кубани, Крыму, а затем и были выброшены в С[ан-]Стефано.

В настоящей нормальной армии никаких чинопроизводств в Гражданскую войну не должно быть или если таковые даются, то весьма ограниченно, так, в междоусобную войну Севера и Юга Америки действительно талантливый полководец полковник [Р.Э.] Ли был к концу войны произведен в генерал-майоры. Можно оправдывать производство казаков в офицерские чины как прием или средство, усиливающее ряды офицеров. Так же нелепо награждать царскими орденами.

Авторитет вундеркиндов ничтожен. Поднявшись на высокую ранговую ступень, не впитав еще службой понятие долга и чести, такой молодой начальник отлично пользуется обстановкой ненаказуемости, перестает быть дисциплинированным и зачастую начинает изощряться во всех способах быстрого обогащения, особенно видя пример своих начальников, таких же революционных героев, быстро проскочивших в дамки. Более хитрые и предусмотрительные сумели вовремя скупить ценности и дома. Сделавшись богатыми, у них интерес к борьбе отошел на задний план; вот почему при отступлении в 1919 году некоторые из таких начальников не только не пожелали исполнить приказ двинуться в тыл [Б.М.] Думенко, наступавшему в Новочеркасск, но и заговорили о необходимости мира с большевиками. Нельзя не сознать, что в этот период паника шла сверху, и, наоборот, казаки твердо верили в успех и недоумевали, почему отступление идет так поспешно.

¹ В эмиграции оказались не менее трех генералов (негенштабистов) с такой фамилией. По-видимому, речь идет о В. Г. или Е. Г. Пашенко.

² Кантина — таверна.

В общем вундеркинды не спасли Россию, а, напротив, довели нас до настоящего тяжелого положения. Мое отрицательное отношение к вундеркиндизму еще не значит, что ими нельзя воспользоваться: я полагаю, что они будут полезны, но только их нужно поставить на настоящее место: теперь вундеркинд командует дивизией, бригадой, полком, а между тем его надлежащее место быть только командиром сотни и самое большее – командиром полка, храбро бросающимся в атаку. Отличительная черта вундеркиндов – недисциплинированность, невыполнение боевых приказов, что пагубно отражается и на казаках, и [на] солдат[ах], которые перестают быть послушным орудием своих начальников...

Кроме вундеркиндизма отрицательной стороной, возбуждающей неудовольствие, является протекционизм... Привожу характерный случай: в учреждение баронессы [О.М.] Врангель обратился с просьбой о выдаче одежды заслуженный генерал, плохо одетый, ему было княгиней Урусовой отказано. Сейчас же после ухода генерала трем молодым офицерам, заявившим кн[ягине] Урусовой, что они – гвардейские офицеры и нуждаются в обмундировании и белье, было все просимое выдано... Впоследствии один из офицеров рассказал, что они обманули княгиню, назвавшись гвардейцами, ибо знали, что только гвардейским офицерам выдавались костюмы, пособия. Разумеется, полученные костюмы были проданы на рынке, а генерал, действительно нуждавшийся в платье, остался без костюма. В Донской армии со времен [генерала] Краснова офицеры Атаманского полка стали быстрым темпом производиться в генерал-майоры и генерал-лейтенанты и так быстро, что сами стали удивляться, откуда у них обнаружили такие великие таланты...»^I По мнению генерала П.И. Аверьянова, Деникин отталкивал старшее кадровое офицерство и тяготел «к новому офицерству революционной и добровольческой формации»^{II}.

Существовала и противоположная крайность: многие белые генштабисты за годы Гражданской войны не были произведены ни в один чин. Основная масса производилась в один-два чина. Генерал-квартирмейстер ВСЮР Ю.Н. Плющевский-Плющик вспоминал: «Немалую роль в отношениях Деникина к офицерству играл вопрос о производствах.

Стремясь к высшей справедливости, устроили что-то вроде Глав[ного] штаба и поставили во главе его [А.П.] Архангельского, который и приступил к своей деятельности, сохраняя и масштабы, и повадки учреждения, его создавшего. Получилась невероятная волокита. Производства лежали месяцами, а ожидавшие их офицеры гибли на фронтах, не дождавшись давно выслуженного отличия. Деникин знал об этом»^{IV}.

Возможности карьерного роста сокращались, если офицер ранее служил в РККА или в национальных армиях. Часть войны такой офицер служил в другом лагере, и требовалось время на то, чтобы его приняли после перехода через линию фронта на новом месте службы. Чинопроизводства национальных армий белые

^I В документе несогласованно – казаков.

^{II} HIA. P. A. Koussonsky collection. Box 6.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 85. Л. 2.

^{IV} Плющевский-Плющик Ю. Н. 1918–1920 годы. Добровольческая армия // BAR. lu. N. Plushchevskii-Plushchik collection.

на Юге не признавали, поэтому те, кто успел там получить повышение, переходили на службу к белым в своем последнем чине старой армии. Впрочем, за службу в РККА можно было расстаться если не с жизнью, то с офицерскими чинами вообще, так как высокопоставленных перебежчиков из числа военспецов белые разжаловали в рядовые.

Ускоренные производства рушили прежнюю систему взаимоотношений. Генерал П. С. Махров писал о генерале Е. И. Достовалове: «Апломб, с которым он говорил со мной, самоуверенность и манера держать себя обнаруживали в нем генерала производства Гражданской войны, забывшего традиции взаимоотношений и корректность между старшими и младшими офицерами Генерального штаба»¹.

В обстановке Гражданской войны должности стали значить больше, чем чины, а прежняя субординация оказалась нарушена. В Добровольческой армии в связи с переизбытком генералитета и старших офицеров такие лица нередко служили на незначительных постах. Определяющим фактором для построения карьеры оказывалась близость к вождям — генералам М. В. Алексею, А. И. Деникину, Л. Г. Корнилову и др., т. е., по сути, лояльность, а также стаж службы у белых. На руководящие посты могли претендовать те, кто поступил в армию с самого начала. Пришедшие позднее, пусть даже более квалифицированные офицеры, пробивались наверх с трудом. Этим белые армии отличались от РККА, где в случае лояльности на высокий пост мог быть назначен даже недавний перебежчик из лагеря противника. Вождизм у белых приводил к тому, что вокруг каждого из харизматических руководителей на разных уровнях служебной иерархии консолидировались ориентированные на него офицеры, делавшие карьеру по мере роста их лидера, выполнявшего функцию толкача. Например, на Востоке России полковник (а затем генерал) В. И. Оберюхтин являлся бессменным начальником штаба при генерале К. В. Сахарове. По мере служебного роста Сахарова рос и Оберюхтин, за несколько месяцев доросший из генерал-квартирмейстеров штаба армии до начальника штаба Восточного фронта белых.

На высших постах в белых армиях Востока России (командующих армиями, корпусами, дивизиями) оказалось незначительное количество генералов старой армии. Те, кто получал такие назначения, редко демонстрировали эффективность и оказывались на своем месте. Некоторые генштабисты по разным причинам находились не у дел. Острая нехватка офицерских кадров приводила к ускоренному чинопроизводству и к стремительному продвижению по службе младшего и среднего звена командного состава. До 1918 г. менее половины высших руководителей Белого движения на Востоке России имели генеральские чины, большинство же начальников высших штабов и командующих армиями имели до 1918 г. чин полковника, не говоря уже о нижестоящих начальниках². Генералами нередко становились еще совсем молодые люди, достаточно энергичные, но не обладавшие ни жизненным, ни административным опытом. К примеру, А. Я. Крузе получил первый генеральский чин в 26 лет. Помимо харизмы лидеров, энергии, понимания природы Гражданской войны молодежи в генеральских погонах были

¹ Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Тетрадь 6. С. 513–514 // BAR. P. S. Makhrov collection.

Вох 4. С неточностями опубл. в: Его же. В белой армии генерала Деникина. С. 158.

² Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 269.

свойственны недооценка противника, военно-политический авантюризм, шапкозакидательство, легкомыслие. В общей сложности генеральские и адмиральские чины в 1918–1922 гг. на Востоке России получили свыше 384 офицеров¹. Всего же в антибольшевистских силах Востока России служили не менее 728 генералов и адмиралов. Таким образом, более 53% белых генералов и адмиралов Востока России получили высшие чины непосредственно в Гражданскую войну. Следует учесть, что как до возникновения централизованного командования антибольшевистскими силами Востока России, так и в период распада белых армий Восточного фронта практиковались производства в генеральские чины различными местными властями и атаманами. Молниеносность производства порой являлась поводом для ироничных наблюдений². Сотни новоиспеченных генералов были явно избыточны для белых формирований Востока России и, наоборот, усугубляли нехватку кадровых офицеров на более низких ступенях служебной иерархии. Командирами полков порой становились обер-офицеры. Многие опытные старшие офицеры – ветераны нескольких войн, наоборот, оказывались на тыловых должностях.

Показателем слабости военной системы белых и фактического отсутствия централизации и единоначалия стало и то, что в период конфронтации опиравшегося на Японию атамана Г.М. Семенова с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком первый осуществлял собственные массовые производства в генеральские чины. При этом 30 из 35 генералов, произведенных Семеновым в 1918–1921 гг., в первой половине 1918 г. служили в его Особом Маньчжурском отряде, т.е. являлись лично преданными ему проверенными людьми с боевым опытом Гражданской войны³. Фактически речь шла о создании Семеновым собственной генеральской группировки. Генерал А.П. Будберг писал, что семеновские начальники «присваивают себе небывалые титулы, пугачевские производства и никогда не заслуженные георгиевские кресты»⁴.

У истоков Белого движения на Востоке России стояли, как правило, молодые штаб-офицеры, которые достаточно быстро получили генеральские чины. Ускоренное чинопроизводство продолжалось и в дальнейшем. Такая кадровая политика вела к появлению «выскочек» и «вундеркиндов», вызывала недовольство старых заслуженных генералов, получивших свои чины в результате многолетней службы (до Февральской революции правом производить в генеральские чины обладал лишь император). Генералы дореволюционного производства на должностях начальников дивизий и командиров корпусов были единичны и в основном себя в условиях Гражданской войны не проявили. Генеральская молодежь, вполне естественно, не собиралась уступать старшему поколению. Тем более что многие молодые генералы обладали значительными заслугами перед Белым движением. На это накладывалась специфика Гражданской войны, которую старые офицеры не всегда могли уловить и должным образом перестроиться⁵. Отзвуки

¹ Подсчитано с уточнением по: Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011.

² Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016. С. 313.

³ Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013. С. 186.

⁴ НИА. А. Р. Budberg collection. Box 1. С. 50б; опубл. в: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. С. 599.

⁵ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 111.

противоречий сохранились даже в эмиграции. Так, генерал В.М. Молчанов, получивший первый генеральский чин в 33 года, заявил критиковавшему «выскочек» заслуженному генералу А.П. Будбергу, который был на 17 лет старше: «Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра – Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому что Вы не были подходящи для этого. Потому что Вы знали: дивизия, по-вашему, – это 14 тысяч штыков, а мы дивизией считаем – у нас до 1500 штыков доходило. И выполняли дивизионные задачи»^I.

Еще в начале ноября 1918 г. был издан приказ главнокомандующего генерала В.Г. Болдырева о приостановке чрезмерно ускорившегося чинопроизводства. Предписывалось делать представления о производстве лишь за особо выдающиеся подвиги, а в остальных случаях ограничиваться объявлением благодарностей^{II}. В войсках Колчака командующие армиями в июне 1919 г. получили право производить офицеров в чины до капитана включительно^{III}. Вышестоящие производства осуществлялись приказами Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. 28 августа 1919 г. последовал приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 179 о том, что в генеральские чины вне театра военных действий разрешалось производить лишь за боевые отличия и за особые государственные заслуги.

Гражданская война открывала невиданные возможности для карьерного роста. Как вспоминал советский генерал А.В. Горбатов, «если раньше, в царской армии, было лишь поговоркой: “Плох тот солдат, который не надеется быть генералом”, то при советской власти в Красной армии стала эта поговорка реальной возможностью.

В Красной армии как вооруженной силе революционного государства любой красноармеец, проявивший себя способным, волевым и преданным делу революции, может стать командиром и продвигаться вверх по командной линии, – так было со всеми командирами Красной армии, так было и со мной»^{IV}. Всего за год с 1919 по 1920 г. Горбатов прошел путь от рядового красноармейца до командира взвода, эскадрона, полка и бригады.

Карьеры генштабистов, считавшихся буржуазными специалистами и обладавших специфическим образованием, строились несколько иначе. Они, с одной стороны, предопределялись профессионализмом, служебным стажем и заслугами в Гражданскую войну, а с другой – патрон-клиентскими связями. В Красной армии принцип выдвижения на более высокие посты был меритократическим (назначения производились не по старшинству или чину, как было в старой армии или у белых, а по профильному образованию и заслугам перед РККА), но благосклонность начальства и личная преданность, в том числе партийным вождям, никогда не могли быть лишними. Разумеется, важнейшим фактором была и политическая лояльность новой власти.

^I Молчанов В. М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 109–110.

^{II} ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 24. Л. 70.

^{III} РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.

^{IV} Горбатов А. В. Годы и войны: Записки командарма. 1941–1945. М., 2008. С. 94.

Можно отчасти согласиться с орловским историком С. Т. Минаковым, по мнению которого Троцкий пытался комплектовать комсостав Красной армии на до-революционных принципах, учитывая образовательный ценз, служебный стаж и боевой опыт. При таком подходе на первый план выдвигались старые генштабисты, затем генштабовская молодежь и, наконец, кадровые офицеры, офицеры военного времени и пр.¹

Следует сделать несколько оговорок. Прежде всего, в Красной армии не нашла применения изжившая себя, архаичная, но крайне значимая для старой армии система продвижения по службе по старшинству, напоминавшая средневековое местничество. Отмена старшинства и упразднение чинов являлись прогрессивными преобразованиями в той ситуации. Благодаря этому удавалось избегать многих конфликтов, от которых страдали белые (особенно в связи с неупорядоченностью чинопроизводства в Гражданскую войну). Кроме того, могли быстрее продвигаться по службе молодые командиры, хорошо проявившие себя на фронте (не только генштабовская молодежь и офицеры военного времени, но и «народные полководцы» без специального образования, как, например, С. М. Буденный или В. И. Чапаев). При заметной опоре Троцкого на опытных штабных специалистов на руководящие посты активно проникали и молодые спецы. И хотя в РККА некоторые военспецы пытались не подчиняться младшим по службе в старой армии (например, А. А. Свечин в 1918 г. отказывался подчиняться В. Н. Егорьеву^{II}), но эти противоречия постепенно сгладились. Кроме того, крайний дефицит кадров Генштаба привел к их концентрации, прежде всего, на подлежащих замещению генштабистами должностях, а исключения лишь подтверждали правило. Фактически это были технические специалисты.

Поскольку большевики не были связаны многочисленными условностями, существовавшими в старой армии, они могли решать кадровые вопросы гибче, чем противник, и с лучшим результатом. Это особенно заметно на примере специалистов Генерального штаба, использовавшихся исходя из факта обучения офицера в академии, а не из формальных критериев причисления и перевода в Генштаб, как было у белых.

При отсутствии в Красной армии воинских чинов или званий карьера определялась занимаемыми должностями. Важно понять, по какому принципу происходили назначения. В делопроизводстве Красной армии генштабисты упоминались с приставкой «Генштаба» (например, Генштаба А. И. Верховский, Генштаба П. П. Лебедев). Именовались они «лицами Генерального штаба». Подобная обособленность была намеренной и требовалась, чтобы выделять квалифицированных специалистов в комсоставе РККА. Несмотря на отмену чинов, последний чин в старой армии и год окончания академии указывались в различных списках «лиц Генштаба». Разумеется, прежний служебный стаж и опыт принимались во внимание при назначении на новые должности. Наконец, 19 сентября 1919 г. Л. Д. Троцкий, С. И. Гусевым и С. С. Каменевым в качестве приложения к приказу РВСР № 1494 были утверждены «Временные правила о продвижении

^I Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 233–234.

^{II} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954. Смоленск, 2018. С. 576.

на высшие командные должности лиц командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии и об аттестовании этих лиц». Согласно этим правилам, продвижение совершалось в порядке постепенности, причем «лица командного состава, не имеющие служебного стажа по предыдущим командным должностям, не могут быть назначаемы на высшие командные должности»^I. Исключения допускались лишь с санкции РВС, когда речь шла о наличии особых способностей. Необходимый стаж командиров взводов, рот и батальонов составлял 2 месяца, командиров полков, бригад и дивизий — 4 месяца, для командующих армиями и фронтами продолжительность пребывания в должности установлена не была. Сроки могли сокращаться наполовину при наличии у командиров ордена Красного Знамени, при постоянной службе в боевых условиях и «для лиц с высшим военным образованием». Зачисление генштабистов в кандидаты на должности совершалось с согласия Совета ВГШ. Свою роль играли аттестации военных комиссаров и непосредственных начальников, дававшиеся не менее четырех раз в год (к 1 января, к 1 апреля, к 1 июля и к 1 октября)^{II}.

Ключевые посты, как правило, доставались генштабистам довоенных выпусков. Менее опытные выпускники ускоренных курсов оказывались на обочине, что вызывало недовольство с их стороны. Курсовик И. Ф. Ораевский вспоминал, что «в период Гражданской войны старые генштабисты захватили все высоты командования Красной армии, оттирая нас, молодых академиков, на третьестепенные и более опасные места и тем разделяя одних от других»^{III}. Такой взгляд разделял и советский главком И. И. Вацетис, по воспоминаниям которого «старый Генеральный штаб, проиграв мировую войну, ухитрился захватить в свои руки инициативу в военном строительстве Советской России и очутился во главе этого дела»^{IV}.

В РККА старались продвигать командиров, исходя из их способностей. Бывший генерал М. С. Тюлин, который не был выдающимся военачальником и в Первую мировую войну был даже отстранен и предан суду за ошибочные решения^V, практически не рос в карьерном плане у красных и не получил командных постов. Бывший генерал К. Я. Шемякин, которого современник характеризовал как ленивого эгоиста, совершенно не понимавшего службу Генштаба и неспособного быть начальником штаба корпуса^{VI}, также не продвинулся в РККА за все время Гражданской войны дальше постов начальника Тульской пехотной школы, начальника административно-мобилизационного отдела Тульского губвоенкомата и тульского губернского военрука.

Впечатляющей карьерой за годы Гражданской войны могли похвастаться М. И. Василенко (успевший послужить в 1918–1919 гг. даже у белых на Восточном фронте), И. И. Вацетис, С. С. Каменев, А. И. Корк, дослужившиеся до главнокомандующих, командующих фронтами и армиями — высших постов в советской военной иерархии.

^I РГВА. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–11.

^{II} Там же. Л. 10–11.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3169 (3330). Л. 33.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 178.

^V Подробнее см.: Черныш А. В. На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014. С. 60.

^{VI} Розеншильд фон Паулин А. Н. Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 2014. С. 33, 337–338.

Бывший капитан А.И. Корк, поступивший в РККА летом 1918 г., в 1918–1920 гг. занимал должности начальника отдела штаба армии, начальника штаба армии, помощника командующего армией и командарма. Бывший подполковник Е.Н. Сергеев, вступив в РККА летом 1918 г., в 1918–1920 гг. занимал посты начальника штаба дивизии и бригады, начальника штаба армии, командующего группой войск и командующего армией. Бывший подполковник В.С. Лазаревич, поступив в новую армию весной 1918 г., в 1918–1920 гг. занимал должности начальника отдела ВГШ, начальника отдела штаба армии, начальника штаба армии, начальника штаба группы войск, командарма.

Среди тех, кто окончил академию в мирное время и выдвинулся на руководящие посты в РККА, были лица, протезировавшие курсовикам. Одним из них являлся главком И.И. Вацетис, который до революции не считался полноправным офицером Генштаба и имел свои счета со старыми генштабистами. Впоследствии он вспоминал о периоде Гражданской войны: «Я держался того мнения, что РСФСР нуждается в единой пролетарской регулярной РККА, в немедленном увольнении в отставку старых реакционных генералов Генерального штаба, заседавших в Высшем военном совете и Всероглаштабе, и в замещении уволенных середняком Генштаба, который смотрел на создавшееся в России положение менее независимо от истории прошлого»^I. Сложно понять, кого Вацетис считал «середняком Генштаба». Но он действительно старался поддерживать генштабовскую молодежь в противовес старым кадрам. Племянник главкома Э.И. Вацетис свидетельствовал: «Главком, по-видимому, больше сочувствовал и доверял молодому выпуску [генштабистов]. По его словам, он скорее все поймет и привыкнет к новым порядкам, а со старым Генштабом в таком отношении было трудно что-либо сделать»^{II}. В этом, несомненно, сказывался факт неудачного окончания академии самим Вацетисом.

Характерно самодовольное заявление Вацетиса из его воспоминаний: «В Ставке были собраны мною самые талантливые лица Генерального штаба, которым завидовали, но которых нельзя было ни в чем упрекнуть и которые не сделали ни одной крупной стратегической ошибки... Полевой штаб работал безукоризненно, много и высоко-честно. Подбору таких лиц Генштаба я обязан моему всегдашнему правилу: 1) окружать себя талантливыми, умными людьми, 2) относиться с презрением к спекуляции на бездарность и к т.н. благообразным людишкам»^{III}.

Резко контрастируют с этим характеристики Вацетиса, оставленные его ближайшим сотрудником, начальником ПШ РВСР Ф.В. Костяевым в пересказе представителя молодых генштабистов Н.Н. Доможирова: «Дурак, идиот, скотина, старая шляпа, недоучившийся стратег, бывая пьяный в штабе, [говорил?] что дрожит перед всяким комиссаром, правительство его держит, потому что он пешка, бессловесный и т.д.»^{IV}.

Сам Костяев отмечал, что старался придерживаться определенных правил при назначениях молодежи. Он свидетельствовал, что амбициозные молодые

^I LVA PA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 30об.

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 96об.

^{III} LVA PA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 114об.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 202.

генштабисты выпуска 1917 г. стремились к руководящим постам, однако Костяев старался давать им назначения, соответствовавшие их квалификации, с тем, чтобы эти специалисты продвигались по службе постепенно с менее значимых должностей. Так, Костяев попытался перевести на более подходящие места П.М. Майгура и Е.В. Сысоева. Между Костяевым и главкомом И.И. Вацетисом возникли разногласия по кадровым вопросам, обусловленные тем, что последний стремился выдвигать молодых специалистов. Споры случились из-за попыток Вацетиса провести назначения Н.Н. Доможирова и Е.И. Исаева¹. Кроме того, по мнению Костяева, под влиянием событий молодые генштабисты выпуска 1917 г. пришли к выводу о необходимости значительного опыта для несения службы Генерального штаба в ПШ РВСР и на фронтах и о том, что все же требуется постепенное карьерное продвижение от менее значимых постов к более значимым. Показательно, что, когда возник вопрос о переводе в Генеральный штаб слушателей следующего выпуска 1918 г., курсовики 1917 г. стали протестовать, утверждая, что следующий выпуск не подготовлен в техническом отношении². Костяев свидетельствовал, что «при назначении членов выпуска 1917 г. на должности я держался того же принципа, как и при назначении других генштабов, в основу кладя известный опыт (стаж) и личные качества. Если ко мне и поступали единичные просьбы о перемещениях, то исключительно лишь по семейным обстоятельствам или неблагоприятно сложившимся условиям службы»³. Со временем различия между доверенными выпускниками академии и курсовиками в РККА утратили свою остроту.

Вопрос о назначениях генштабистов обсуждался и в советской военной печати. Автор одной из статей в начале 1919 г. возмущался неправильным, в его понимании, распределением кадров Генштаба, которые делились на две категории: непрерывно служащих с начала войны и служащих с перерывами⁴. Первая категория уходила от службы Генштаба «в «губернаторы», «авиаторы», «атташе»; это было до войны. Во время войны забирали на службу «Генштаба» всех, кто даже имел счастье выдержать экзамен в академию при округе, не говоря уже об окончивших без права быть когда-либо «генштабистом».

В минувшую войну всех этих «авиаторов», губернаторов, градоначальников, преподавателей и литераторов, не считаясь с их призванием, способностями и знаниями, а только руководясь причастностью в той или иной степени к «Генштабу», посадили в штабы и на посты для руководства войсковыми соединениями.

Мы знаем, что из этого вышло, достаточно назвать фамилии одного из бывших когда-то наштабном XII – хорошего редактора и плохого «оператора»⁵ и некоего «отличного» градоначальника и панического и неумелого командира бригады, и многих других, чтобы всякому стало ясно, что «*патент Генштаба*» – не *патент «оператора»*.

¹ Там же. Т. 2. Л. 13–14.

² Там же. Л. 15.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Нотин К. О распределении наличных сил «ген-штабистов» // ИН. 1919. 09.02. № 27. С. 5.

⁵ По-видимому, речь идет о генерал-майоре (впоследствии – генерал-лейтенанте) В. В. Беляеве, занимавшем пост начальника штаба 12-й армии с 22 ноября 1915 по 10 апреля 1916 г., а в 1910–1914 гг. являвшемся главным редактором газеты «Русский инвалид» и журнала «Военный сборник». В Гражданскую войну Беляев служил у белых на Юге России.

Нужно душой и сердцем быть слитым с делом управления и жизнью войск, чтобы руководить ими на полях сражений. “Мы не ‘генштабы’, мы только консультанты”, – сказал Свечин в докладе об академии Генерального штаба. Я бы сказал, что и консультантами при войсковых начальниках *не все могут быть*^I.

Автор указывал на то, что представителям второй категории было вообще все равно, где служить. Что он хотел этим сказать, критикуя обе группы генштабистов, не вполне понятно. Далее читаем: «Идут широко назначения на фронт, на ответственные посты “Генштаба” с ничтожным боевым штабным опытом, бывших преподавателей без всякого стажа “срывают” с мест военно-административного и военно-учебного характера, требующих широкой военно-научной подготовки, но мало имеющих общего с военно-оперативными знаниями... Между прочим, замечу, что назначение в действующую армию производится из “генштабистов” *более молодых*, следовательно, менее опытных как консультантов, а тем более как “операторов”»^{II}. Автор предлагал предоставить специалистам ту работу, которую они выбирали себе добровольно, а на должности «операторов» назначать лишь тех, кто был известен в этой области. Как это согласовалось с острейшим дефицитом кадров военного времени, он не задумывался. Пожалуй, единственная справедливая мысль статьи касалась технических должностей Генштаба, которые могли быть, по мысли автора, замещены бывшими офицерами с опытом службы в полевых штабах, но не оканчивавшими академию.

При назначениях могли работать различные неформальные связи. Если у кого-то имелся выход на высокопоставленных партийных деятелей, задействовались такие возможности. Так, М. С. Свечников пытался использовать связи с высшим партийным руководством в карьерных целях, в том числе вопреки всякой субординации. 26 января 1919 г. он направил лично В.И. Ленину копию доклада главкому о положении на Каспийско-Кавказском фронте^{III}. 13 июня 1919 г. он отправил из Казани телеграмму главкому И.И. Вацетису, председателю РВСР Л.Д. Троцкому и члену РВСР И.Т. Смилге, а также В.И. Ленину, А.Г. Шляпникову (знакомому Свечникова по службе в Астрахани), в ВГШ Н.И. Раттэлю (Свечников был однокашником по академии его младшего брата И.И. Раттэля), председателю казачьего отдела ВЦИК Ф.П. Степанову, председателю Финского красного сейма К.А. Маннеру и в Симбирск в РВС Восточного фронта. Речь шла о желании военспеца занять пост командующего армией, о чем он осведомил все военно-политическое руководство Советской России, не забыв и лидера финских коммунистов Маннера. Впрочем, армии в командование Свечников так и не получил^{IV}.

Другим вариантом карьерной поддержки была общность по выпуску из академии. Так, например, бывший полковник В.И. Шишкин, окончивший академию в 1907 г. вместе с главкомом С.С. Каменевым, использовал это обстоятельство для получения необходимого назначения. 18 ноября 1920 г. он поздравил Каменева с победой над Врангелем и в дружеской форме изложил свою просьбу: «Прости

^I Нотин К. О распределении наличных сил «ген-штабистов». С. 5.

^{II} Там же.

^{III} ДГК. С. 272.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 196–197.

меня, пожалуйста, что снова надоедаю просьбой, которыми тебя, вероятно, заваливают и ты, вероятно же, посылаешь всех просителей к черту. Но что же делать, если имеешь возможность как-нибудь иначе устроить свою судьбу»¹. Шишкин просил не забыть о нем при создании Одесского военного округа, где намеревался служить².

В Гражданскую войну противники демонстрировали различные подходы к награждениям. В РККА был учрежден новый орден Красного Знамени. Награждение им было редкостью в среде военспецов-генштабистов, что, по-видимому, объясняется классовым подходом к вопросу вручения орденов. Даже те высокопоставленные военные, которые создавали Красную армию, не всегда удостоивались этой награды. Например, в Гражданскую войну ее не получили М.Д. Бонч-Бруевич и И.И. Вацетис (награжден лишь к десятилетию РККА в 1928 г.), хотя их вклад в создание РККА трудно переоценить. Практиковались поощрения и другого вида — одеждой, памяtnыми подарками. В белых армиях награждали орденами, медалями, чинами, благодарностями. На Востоке, Севере и Северо-Западе использовались дореволюционные награды. На Юге России белые создали свою оригинальную наградную систему.

Что касается карьерного продвижения, то подходы также отличались. В РККА были упразднены чины, следовательно, должны были применяться иные критерии для выдвижения на должности. Красная армия стала настоящим социальным лифтом, предоставляя возможность простым крестьянам стать командирами, получить образование и, что называется, «выйти в люди». В отношении военспецов-генштабистов первоначально приоритет отдавался более опытным представителям довоенных выпусков, также важны были результативность и лояльность. На назначения влияли складывавшиеся в армии партийно-военные группировки и протекция.

Влияние группировок и протекции было характерно и для белого лагеря. Также в белых армиях был важен стаж службы офицера непосредственно в рядах белых. С одной стороны, белые произвели в высокие чины большое количество офицеров, которые получили ироничное прозвание «вундеркиндов». С другой, были ограничены вопросами старшинства и другими условностями, сохранявшимися еще с дореволюционных времен. Очевидно, более перспективным являлся подход красных, позволявший выдвигать на значимые посты тех, кто действительно этого заслуживал, исходя из результатов.

§ 3. Злоупотребления, должностные преступления и проступки

Гражданская война, политика «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры, сопровождавшиеся разрухой, всеобщим дефицитом и голодом, предъявляли особые требования к людям, облеченным властными полномочиями. Наряду

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 242.

² Там же. Л. 242об.

с кристально честными руководителями находились те, кто был не прочь воспользоваться служебным положением в личных целях, участвовал в хищениях и спекуляциях. Не составляли исключения и генштабисты. Они как представители дореволюционной элиты особенно остро ощущали ограничения революционного и военного времени, поскольку привыкли к совсем другому образу жизни до мировой войны и революции.

Не случайно именно с близкими к высшему советскому военному руководству военными специалистами весной 1919 г. произошел один из ярких скандалов, связанных с попыткой контрабанды большого количества дефицитных продуктов. Главными фигурантами этого дела оказались достаточно приметные в советской военной иерархии личности: родной племянник советского главнокомандующего И.И. Вацетиса – 24-летний бывший прапорщик Э.И. Вацетис, служивший адъютантом у своего дяди, а также состоявший для поручений при Вацетисе 30-летний выпускник ускоренных курсов академии Генштаба бывший капитан Е.И. Исаев. Оба были впоследствии арестованы по делу ПШ РВСР. В марте 1919 г. из Риги на территорию РСФСР они пытались вывезти ненормированное количество продуктов и товаров. Товары в результате обыска были конфискованы, а расследованием дела занялся Реввоентрибунал республики. Видимо, благодаря высокому заступничеству разбирательство через несколько месяцев было свернуто¹. Подлинники бумаг были отправлены в Серпухов члену РВСР С.И. Аралову, а копии сохранились в личном архиве председателя СНК Латвийской ССР П.И. Стучки².

Начало этой истории относится еще к марту 1919 г., когда из Риги в Двинск прибыли три вагона с разнообразным имуществом. Содержимое вагонов 13 марта было поручено досмотреть коменданту штаба армии Советской Латвии Ухенбергу и секретарю политотдела РВС Кисису. В вагоне № 528, находившемся в распоряжении советского главкома (в котором ехал в качестве начальника вагона его племянник), Ухенберг обнаружил нечто, глубоко его поразившее.

Если верить акту о конфискации, датированному 16 марта, в вагоне перевозили: 500 пачек спичек и 554 отдельных коробки, 31 разбитую коробку спичек, 122 пачки большого и 14 пачек малого размера цикория-ванили, 240 колод русских и 463 колоды германских игральных карт, 7¾ фунтов русского чая, 12½ фунтов плиточного чая, 46 пачек шнурков для ботинок по 72 пары (всего 3312 пар), 5 пачек туалетной бумаги, около 3 фунтов сахарного песка, около 3 фунтов кофе, сверток с сушеными овощами около фунта, 12 пачек сахара, 80 фунтов германского кофе-суррогата, ¼ фунта солодового кофе, 3 большие банки томата, банку казенных консервов, 15 бутылочек искусственного меда, 2 коробки сливочных конфет, 5 фуражек, 26 полубутылок коньяка, одну полубутылку зубровки, 447 бутылок шампанского (разбито 4), 25 бутылок красного вина, 43 бутылки коньяка, около 60 фунтов сливочного масла, 7 свертков с мукой, крупным горохом и жженым ячменем для кофе³. Думается, содержимое вагона способно поразить размахом не только живших в голодном 1919-м, но и наших современников.

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 254–259.

² LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 8.

Нормы вывоза из Советской Латвии в РСФСР тогда составляли: фунт сахара, 5 фунтов мяса, 3 фунта масла, 10 фунтов хлеба или 7 фунтов муки, $\frac{1}{8}$ фунта чая, $\frac{1}{2}$ фунта какао. Также разрешалось вывозить одежду: пальто или шубу, 3 костюма, 6 комплектов белья, 2 пары обуви, 3 шляпы и 4 галстука (между прочим, вывозимая одежда должна была быть ношеной). Женщинам разрешалось провозить 3 лифчика. Книги можно было вывозить только по специальному разрешению. Вывоз мебели и нешитой материи был запрещен. Впрочем, едущие по служебным делам могли брать с собой больше товаров в соответствии с мандатом^I.

Обнаруженное было конфисковано и доставлено в кладовую при комендантской части штаба армии Советской Латвии, но акт об этом составлен только через три дня после обыска и конфискации. В этом документе по причинам, вероятно, известным только работникам РВС армии Советской Латвии, не были указаны 1000 сигар (впрочем, в одном из документов говорилось, что они не были изъяты^{II}, но по каким причинам — не указано). Также первоначально указывалось, что в вагоне везли 12 ящиков спиртного. Весь ли провозившийся алкоголь был пересчитан в акте при счете не по ящикам, а по бутылкам — опять-таки неизвестно.

Количество изъятого сокращалось от документа к документу. Так, во внеочередной шифротелеграмме в Серпухов Аралову из штаба армии Советской Латвии от 15 марта среди изъятого указывались 462 бутылки шампанского, 46 бутылок коньяка, 44 бутылки красного вина^{III}. Однако в личном архиве П.И. Стучки обнаружился еще один акт о конфискации, датированный 13 марта, где указано, что конфисковали только 438 бутылок шампанского, 44 бутылки коньяка, 25 бутылок красного вина^{IV}. Однако «при конфискации в вагоне означенные ящики вина были частью заделанными^V, частью открытыми и при перевозке со станции на Шоссейную 37 один ящик с красным вином упал с грузовика и около 35 бутылок оказались разбитыми. По документам, выданным при получении означенного вина из склада, должно было быть 50 бут[ылок] красного вина, 50 бут[ылок] коньяку и 500 бутылок шампанского...»^{VI}. В документах была очевидная путаница: если изъяли 25 бутылок вина, то разбить 35 никак не могли. Возможно, следы дефицитных напитков составители запутывали преднамеренно. На самом ли деле упал с грузовика и разбился ящик красного вина или же его присвоили участники конфискации, история умалчивает.

Началось расследование. Э.И. Вацетис и Исаев обвинялись «в незаконном провозе ненормированных предметов со спекулятивной целью»^{VII}, поскольку документов на право вывоза всего этого богатства у них не оказалось. Чтобы избежать суровой ответственности за спекуляцию, оба фигуранта дела перешли в наступление, упирая в том числе на свои связи на самом верху советского военного руководства.

Уже в день обыска (по другим документам, на следующий день^{VIII}) Исаев отправил телеграфную жалобу председателю РВС армии Советской Латвии

^I Там же. Л. 57.

^{II} Там же. Л. 23.

^{III} LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 14.

^{IV} Там же. Л. 6.

^V В документе — заделанных.

^{VI} LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

^{VII} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 1а.

^{VIII} LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 13.

К. Х. Данишевскому, в которой указал, что при обыске у него исчезли красный бумажник с 7300 руб. казенных денег и две секретные бумаги доклада по командировке главкому Вацетису^I. «Пострадавшие» жаловались на «повальный» обыск и конфискацию, причем даже пытались дать законное объяснение наличию у них перевозившихся запасов. В частности, утверждалось, что вино они везли для профилактики эпидемий в Серпухове, где располагался ПШ РВСР, масло покупалось совершенно открыто в присутствии милиции по пути. В одном из документов прямо говорилось, что это были «припасы, купленные при совершенно свободной торговле и для законных потребностей»^{II}. Более того, Э. Вацетис и Исаев требовали все изъятое доставить в Серпухов^{III}.

Эти заявления явно противоречили происходившему при обыске, когда пассажиры отказывались от вещей^{IV}. По одной из версий, при обыске и вскрытии купе Исаева присутствовал только Вацетис. Самого Исаева не было, бумажник Исаева при этом не был похищен. К тому же никаких заявлений о незаконности действий властей непосредственно при обыске сделано не было. Несколько очевидцев утверждали, что Вацетис при обыске в купе Исаева тоже не присутствовал^V. Это же подтверждал и он сам^{VI}.

Э. И. Вацетис и Исаев путались в показаниях: то заявляли, что продукты и товары нужны были для питания служащих поезда, то для солдатской лавочки 5-го латышского стрелкового полка, располагавшегося в Серпухове для охраны Полевого штаба. При этом не упоминались ни мешок шнурков, ни корзина с карточными колодами. Позднее даже утверждалось, что карты приобрел для своих нужд проводник^{VII}.

В связи с телеграммой Исаева комендант штаба армии Советской Латвии, секретарь политотдела и делопроизводитель комендантской части 25 марта 1919 г. направили в РВС армии рапорт, в котором отмечали: «В телеграммах штаба Реввоенсовета республики Костяева от 19/III.1919 г. № 1287/оп. и в телеграмме состоящего для особых поручений при главкоме всеми вооруженными силами республики Генерального штаба Исаева от 14/III-19 г. № 03, сообщенных нам для дачи объяснений, заключается явно ложное, неправильное освещение фактов о производстве обыска и конфискации известных вещей в вагоне I/II класса № 528 13 марта на ст[анции] Двинск.

Ознакомившись [с] содержанием указанных телеграмм, мы заявляем в ответ на них следующее:

1) Мандат на право осмотра всех вагонов, находящихся на Двинском [вокзале?] ^{VIII}, в целях обнаружения незаконно вывозимых вещей был от Реввоенсовета армии Советской Латвии от 13 марта с.г. № 641 как у коменданта штаба [армии] Советской Латвии тов. Ухенберг[а], так и у секретаря политотдела Реввоенсовета тов. Кисиса.

^I РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 13.

^{II} Там же. Л. 19об.

^{III} Там же. Л. 20.

^{IV} Там же. Л. 53об.

^V Там же. Л. 35об., 37об.

^{VI} Там же. Л. 40.

^{VII} Там же. Л. 60об.

^{VIII} В документе сокращение неразборчиво.

Выдан был также мандат о конфискации вина и сигар в означенном вагоне от 13/III.1919 года за № 647.

2) Никаких разрешений властей на право вывоза конфискованных в вагоне вещей для солдатской лавочки лицам[и], проезжающим[и] в означенном вагоне, предъявлено не было, что конфискованные вещи не были предназначены для целей солдатской лавочки 5[-го] латышского стрелкового полка, видно хотя бы из того обстоятельства, что никто вообще не назывался хозяином вещей, которые с целью утайки от контроля были запрятаны под матрасами, запакованы на дне ящиков, корзин и т.д. Наконец, истинное назначение таковых вещей выясняет тот факт, что одна телеграмма определяет конфискованные съестные припасы для корма служащих поезда, а другая – для солдатской лавочки. Но обеими телеграммами совершенно забыты те тысячи колод карт (целая корзина) и мешок ботиночных шнурков, которые, к общему удивлению, обнаружили в том же вагоне и, главное, без хозяина.

3) Одно уже то обстоятельство, что некоторые ящики вина оказались не заделанными, принудило нас произвести обыск в вагоне. Что же касается желания бывшего начальника вагона Вацетиса выяснить дело в Реввоенсовете, то это вышло лишь в упрек Реввоенсовету, что последний не пригласил его для объяснений. Когда тов. Ухенберг предложил немедленно послать в Реввоенсовет – последовал отказ Вацетиса. Обнаружив (как указано в пункте 2) незаконную перевозку предметов, мы, конечно, решили обыскать весь вагон.

Начальник вагона – адъютант главкома вооруженными силами республики Вацетис – при обыске решительно заявил, что о вещах, кроме вина, сигар и собственного его купе, он ничего не знает, что они пропущены наверное по небрежности охраны вагона.

4) Совершенно не обоснованным и не честно злостным является обвинение в похищенном бумажнике с семью тысячами триста рублей казенных денег и секретных документов. Для вскрытия указанного купе был приглашен проводник, который обыкновенным ключом открыл двери купе, из чего следует, что здесь в отсутствие хозяина купе Исаева был свободный доступ для проводника и других. При вскрытии купе и обыске такового у дверей стоял в качестве приглашенного свидетеля Вацетис, причем обыск в купе был произведен единолично комендантом штаба армии Советской Латвии тов. Ухенбергом, после чего купе в присутствии того же Вацетиса было проводником закрыто и не открывалось более во все время обыска.

5) Акт о конфискации был составлен, на котором расписался уполномоченный на то адъютантом главкома (он же был начальником вагона) тов. Вальтер, причем ни им, ни кем-либо другим из следовавших в указанном вагоне лиц никаких претензий о незаконных действиях при конфискации заявлено не было и в акте не оговорено (копия акта передана тов. Вальтеру). Означенный акт препровожден Реввоенсовету армии Советской Латвии при рапорте от 14 марта с.г. за № 1492.

6) Отметая решительным образом обвинения, брошенные указанными телеграммами тов. Ухенбергу и др., заявляем, что содержание телеграмм, пытающееся нарисовать картину “открытого грабежа на большой дороге”, не соответствует действительности, и к самой строгой ответственности должны быть привлечены

лица, излагающие перед революционными учреждениями ложные факты с целью прикрытия явной спекуляции»^I.

17 апреля по этому делу раньше других был допрошен Исаев. Он показал следующее: «Я был командирован главкомом Вацетисом в Ригу 4/III в вагоне, предоставленный^{II} мне № 528 и платформа с автомобилем. В Ригу я прибыл 8 или 9 марта по выполнении определенных военных заданий. В Риге пробыл 3 дня мой вагон с Э. Вацетисом, адъютант[ом] главком[а], т. Вал[ь]тер, 4 чел[овека] охраны, 2 шофера и 2 проводника, кроме этих людей в вагоне ехал заведывающ[ий] хозяйст[вом] 5[-го] полка Лапшевский и с ним несколько человек, ехали с согласия главкома. Вагон со всем[и], кроме меня, двинулся из Риги 12/III и остановился по приезду в Двинск на одни сутки, дожидаясь моего приезда, я же задержался в Риге делами службы.

По приезду в Двинск мне доложили, что в вагоне № 528 был обыск и отобра-
но все принадлежащее ехавшим.

Из всего отображенного мне принадлежали 37 фунтов масла — куплено для поезда главкома и лежало у меня в купе, кроме того, не оказалось в моем купе после обыска коробочки конфет в ¼ фунта.

Из вещей, отображенных у меня, больше ничего не взято. Но не нашел у себя в купе по моем возвращении после обыска 7300 р. (семь тысяч триста рублей) в красном бумажнике, в котором, кроме денег, были бумаги всякого рода (удостовер[ения], тел[еграфные?] квитанц[ии], фотогр[афия] отца), все это: бумажник, документы и деньги в нем исчезли, безусловно, благодаря обыску, кроме того, вместе с бумажником хранились секретные документы, которых также не оказалось. Должен указать, что за 6 часов до отправки вагона из Риги явился ком[иссар] внут[ренних] дел (фамилию не знаю) и, обратившись к Э. Вацетису, заявил, что он должен осмотреть вагон. Вагон им был осмотрен, и явившиеся сомнения в законности провозимых вещей им были разрешены совмест[ным] посещ[ением] с Э. Вацет[исом] продов[ольственного] отдела, после чего он, извинившись за беспокойство, не препятствовал движению вагона.

Косвенно я знаю, что вино, приобретенное Э. Вацетисом через продовольст[венный] отдел г[орода] Риги, предназначалось для поезда главкома по случаю распрост[ранения] эпидемии и помощи лечебным заведениям г[орода] Серпухова.

Также знаю, что заведыв[ающий] хозяйст[вом] 5[-го] полка тоже что-то закупил для солдатской лавки 5[-го] полка.

По моем возвращении в купе вагона я нашел картину сплошного хаоса — все было, видимо, перерыто, как будто в каждой щели подозревался нелегальный груз, несмотря на то что им категорически было указано оставить, ввиду моего отсутствия, мое купе в покое»^{III}.

Председатель РВС армии Советской Латвии и председатель Ревтрибунала республики К.Х. Данишевский секретно телеграфировал члену РВСП С.И. Аралову 7 апреля 1919 г.: «Передаю на Ваше усмотрение материал по поводу обыска в вагоне Исаева^{IV}. Ясно, что в данном случае имеем дело с попыткой воспользоваться

^I LVA PA. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 15–18.

^{II} Так в документе.

^{III} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 41об.–42об.

^{IV} Здесь и далее — подчеркнуто красным карандашом, видимо, Араловым.

именем и поручением главкома для приобретения вещей, не подлежащих вывозу из Латвии, и вообще использовать положение в корыстных целях^I. Говорить в данном случае, что шампанское и коньяк приобретены для борьбы с эпидемией, смешно. Игральные карты и пр. наверное не приобретались и для лавочки 5го полка, и мне кажется, что во всем этом деле 5^й полк служит только ширмой. Вам лучше чем кому бы то ни было известно, для чего и для кого предполагались вина, кто виновен в вывозе карт и прочего, это должно выяснять следствие. Не заслуживает внимания заявление Исаева и др. о краже и грабежах при обыске. Обыск был произведен только коммунистами под их личной ответственностью. Что бы Вы им [ни] сделали с этим делом, но Эрнест Иванович должен быть удален из Серпухова. Ему не место около главкома. Всего хорошего^{II}.

Эта телеграмма Данишевского вполне сочетается со следующим отрывком из письма арестованного впоследствии И.И. Вацетиса В.И. Ленину от 22 сентября 1919 г.: «[И.И.] Доможиров, приехав в Двинск, сказал, что туда же едет мой племянник и чуть не на место тов. Данишевского, бывшего там председателем реввоенсовета. Конечно, это вызвало целую бурю неудовольствия среди политических работников бывшей армии Латвии и соответствующие против меня шаги, т.е. интриги, вызвавшие на этой почве подозрения по моему адресу»^{III}. Карл Данишевский был последовательным противником Эрнеста Вацетиса и его дяди. Главком Вацетис, судя по его неопубликованным мемуарам, в свою очередь, с трудом терпел Данишевского и готов был взвалить на него вину, кажется, за все – от разгульной жизни и сдачи Риги в мае 1919 г. до клеветы на главкома и троцкизма^{IV}.

В защиту пострадавших еще 19 марта 1919 г. выступил начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев. 30 апреля на помощь пришел и главком Вацетис, сообщивший председателю трибунала при РВСР Аралову, что культурные вина отпускались для санитарной части поезда главкома по его приказу правительством Советской Латвии безвозмездно (думается, не последнюю роль здесь играли личные связи Вацетиса и его латышское происхождение) для лечения тифа и испанки. Вацетис отметил, что в Риге все было осмотрено и разрешено к вывозу. В Двинске же по распоряжению штаба армии Латвии на основании предписания члена РВС армии Советской Латвии А. Э. Даумана вина были отобраны. Вацетис просил истребовать вина обратно^V. Рассмотрение дела затянулось до августа 1919 г., оно шло параллельно с арестами в ПШ РВСР в мае – июле 1919 г. и со следствием по делу ПШ РВСР.

1 мая 1919 г. следствие во главе с военным следователем С.В. Пузицким было вынуждено констатировать, что закупки вина действительно шли для солдатской лавки 5-го полка и поезда главкома Вацетиса и не являлись спекуляцией. Возможно, это решение было вынесено под влиянием вмешательства главкома^{VI}.

^I Со слова «попыткой» и до конца предложения подчеркнуто также и синим карандашом.

^{II} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 2–3.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144. Л. 3. Публикацию документа см.: Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / публ. А. В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43; Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 630–634.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5.

^V РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 125. Л. 44.

^{VI} Там же. Л. 50об.

К вопросу об остальном конфискации следователь подошел основательно. В частности, 7 мая он навел справки у врача ПШ РВСР, являлись ли лечебным средством коньяк и шампанское^I. Врач сообщил, что коньяк полезен при слабости и упадке питания, а шампанское – при тяжелых заболеваниях, где имелаась сердечная слабость^{II}.

В итоге дело ничем не кончилось. Уже 24 июня сам обыскивавший вагон Ухенберг был привлечен к ответственности. 7 августа 1919 г. Ревтрибунал постановил, что при обыске им были нарушены элементарные правила, в результате чего виновных в злоупотреблениях обнаружить не удалось. Это было поставлено ему на вид, а дело прекращено^{III}.

Эта история не повлияла на положение главкома Вацетиса, с которым были тесно связаны фигуранты дела. Участь главкома, его племянника и генштабиста Исаева была предрешена в связи с делом ПШ РВСР, в рамках которого все они были арестованы в июле 1919 г. На фоне борьбы группировок в советском военно-политическом руководстве история с возможными, но труднодоказуемыми злоупотреблениями в окружении главкома оказалась не столь значимой и отошла на второй план.

Бытовая сторона жизни военспецов, даже высокопоставленных, в Советской России эпохи Гражданской войны оставалась неудовлетворительной, что и толкало на подобные злоупотребления. Следует, однако, отметить, что ради пользы дела большевики были готовы мириться с наличием в руководстве Советской России явных коррупционеров и закрывать глаза на творимые ими злоупотребления, в особенности если эти люди были незаменимы на своих постах^{IV}. И все же вышеприведенный пример не мог быть типичным, ведь речь шла о приближенных к высшему военному руководству.

Рядовые военспецы на хищения и спекуляции шли не от хорошей жизни. Генштабист болгарского происхождения И.Д. Чинтулов, к примеру, пошел на должностное преступление, потому что существовал на грани выживания. По данным на апрель 1921 г., военспец был помощником начальника оперативного отдела Оперативного управления Штаба РККА. Тогда Чинтулова арестовали за попытку незаконной продажи спирта и, несмотря на то что преступление даже не было совершено (Чинтулов все возвратил), приговорили к расстрелу. Однако приговор не привели в исполнение и Чинтулова вскоре освободили.

Военспец подробно описал случившееся в показаниях по делу «Весна»: «Жизнь в Москве становилась все труднее в продовольственном отношении. Ничтожный военный паек, малый оклад не обеспечивали пропитания, носили, что можно, на рынок. В конце концов, все понемногу иссякло и перспектив никаких. Тут назрела необходимость предпринять что-либо. Эта обстановка толкнула меня на незаконное получение спирта, который я собирался продать. Стоимость всей сделки 250 р. ([в] золотом исчислении). Однако через несколько дней я в своих действиях сообразил своему начальству, и спирт был возвращен, не будучи продан. Тем

^I Там же. Л. 52.

^{II} Там же. Л. 52об.

^{III} Там же. Л. 68.

^{IV} См., напр.: Ганин А. В. Военспецы. С. 223–240.

не менее через месяц меня арестовали, судили Воен[ной] коллегией Верховного трибунала. Приговор — расстрел. Через 70 дней он был изменен 5-летними принудительными работами. С 16 сент[ября] 1921 г. я был на службе в управлении трудовых армий, занимал должность начальника одного из его управлений. Затем за его упразднением переведен инспектором Наркомтруда. С января 1922 г. наказание мое было лишь условным, и я имел возможность в апреле поехать в отпуск в [город] Одессу, где рассчитывал повидать своих родных, застигнутых войной 1914 г. в Одессе. К сожалению, отца не застал, он уехал регулировать свои пенсионные дела в Болгарию, где ему была объявлена амнистия. В Одессе в обстановке жизни впроголодь я заболел тифом (сыпным) и выехать обратно в Москву не мог. В Москве за это время успели меня обокрасть до нитки и выселить из квартиры. Я долго, несколько месяцев, испытывал последствия тифа и только в ноябре, проводив мать в Болгарию, поступил вновь на военную службу, устроиться на иной службе мне не удалось, хотя и хотелось».

Впрочем, свидетельство военспеца содержало неточности. Удалось обнаружить рапорт Чинтулова от 9 июля 1921 г. начальнику Штаба РККА П.П. Лебедеву, проливающий свет на этот арест: «Приговором Р[еволюционного] в[оенного] трибунала республики от 28/IV с.г. я приговорен был к расстрелу. На заседании 18 июня Президиум ВЦИК нашел возможным расстрел заменить 5-ю годами общественных принудительных работ. В постановлении Президиума ВЦИК не указано о лишении меня гражданских прав и права служить по специальности в Красной армии или вообще в советских учреждениях, отбывая там наказание. Посему считаю себя вправе просить Вас о затребовании меня на службу по специальности. Если же паче чаяния будет признано, что служба моя в Красной армии невозможна, прошу о том меня уведомить»¹.

Вместе с рапортом было отправлено и личное письмо Лебедеву: «Многоуважаемый Павел Павлович! Со страшно тяжелым душевным гнетом, с чувством избитого до полусмерти человека, но ни на минуту не потерявшего сознание, я рискую обратиться к Вам, быть может для того, чтобы еще больше согнуться под бременем новой неудачи. Тем не менее жажда вырваться из тюремной грязи так сильна, что иначе поступить не могу. В моем рапорте изложена просьба о назначении на любую должность. Если бы Вы нашли возможным удовлетворить ее, меня необходимо затребовать через Народный комиссариат юстиции. Как именно сделать вызов, Вам видно много лучше, чем я мог бы это изложить, но одним из обстоятельств, могущих очень ускорить дело, является именно требование, предъявленное именно учреждением прежней моей службы. Это, конечно, вовсе не значит, что я должен служить в Штабе РККА, а как генштабист могу быть затребован в резерв Генштаба для любого назначения по Вашему усмотрению. До меня дошли сведения о том, что главнокомандующий против моего затребования штабом. Это сильно меня обескураживает, если только слухи — правда. В заключение позвольте выразить Вам и главному сердечную признательность в помощи, оказанной для спасения моей жизни. Не откажите в любезности о принятом Вами

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 8–9.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 50–50об.

решении уведомить мою жену для передачи мне. Уважающий Вас И. Д. Чинтулов»¹. По амнистии ВЦИК от 2 ноября 1922 г. Чинтулов был освобожден постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 января 1923 г.²

В показаниях по делу «Весна» Чинтулов перечислил те обиды и страдания, которые перенес за советский период, выводя из этого необходимое следователям признание в своей мнимой контрреволюционности: «Значительную роль играли личные обиды, наносимые мне неоднократно за все время службы советской власти. Я перечислю: необоснованный, на мой взгляд, арест в 1919 г. на 20 дней, отсутствие наград за Гражданскую войну, несмотря на напряженную и полезную работу, жестокое мое осуждение к расстрелу в 1921 г. по ничтожному проступку, невзирая на мое до следствия сознание, высылка в Туркестан, смещение в 1926 г., придирки по службе и невнимание к моей работе, весьма старательной, и необоснованный арест в 1927 г.»³.

Злоупотребления с казенным спиртом, ставшим в Гражданскую войну настоящей валютой, были широко распространены. Не обходилось и без традиционно его нецелевого употребления не для спекуляций, а вовнутрь. В этом обвинялся однокашник Чинтулова по академии начальник разведывательного отделения штаба Западного фронта В.Е. Стасевич, в ведении которого находилась разведка в отношении Польши. Стасевич «состоя в означенной должности, допустил злоупотребления по службе, выразившиеся в том, что расходовал непроизводительным образом хранившийся под его наблюдением для агентурных надобностей в разведке спирт, частью выдавая спирт сотрудникам, а частью употребляя его на устраиваемые им попойки»⁴. Цензор разведывательного отделения штаба Западного фронта Н.Н. Дубков 25 июня 1919 г. показал, что «по словам Стасевича, спирт был выписан для нужд агентурной канцелярии, а именно для агентов, но в каком именно смысле, не знаю. Предполагаю, что в целях более успешного осведомления. Так объяснял всей канцелярии сам Стасевич. Но я сам слышал, что этот спирт распивался и лицами, отношения к разведке не имеющими, как то генштабами, состоящими преподавателями в агентурной школе, в числе коих были: б[ывший] начальник штаба [Н.Н.] Доможиров, начальник оперативного управления [Е.В.] Сысоев, сам Стасевич, от коего не раз испахивало спиртом, когда я приходил к нему с докладом, и др., коих не помню»⁵.

Стасевича постановлением Реввоентрибунала Западного фронта от 2 октября 1919 г. приговорили к году тюремного заключения с принудительными работами и исключили из списков Генштаба. Однако уже в апреле 1920 г. Стасевич вновь значился в армии. Спирт в Гражданскую войну являлся дефицитным и ходовым

¹ Там же. Л. 51–51об.

² РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 1005. Л. 308.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 25. Подробнее о Чинтулове см.: Ганин А. В. Болгары — выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 450–467.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 58. Подробнее см.: Ганин А. В. «Спирт в разведке был необходим...» (злоупотребления разведчиков советского Западного фронта в 1919 г.) // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы XI Междунар. военно-исторической конф. Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2018 г.: Сб. науч. статей. СПб., 2018. С. 466–476.

⁵ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 315. Л. 41об. При этом Дубков имел личный мотив — считал, что Стасевич его недолюбливал и обходил поощрениями (Там же. Л. 42).

товаром. Пьянство же было одним из распространенных пороков комсостава РККА, равно как и ее противников, хотя особенно сурово не наказывалось.

Генштабист В.Р. Канненберг свидетельствовал в показаниях по делу «Весна»: «Военный коммунизм со всеми тягостями для меня заставлял меня нередко входить в плутовство для получения нескольких пайков, ибо мы голодали — военный коммунизм был для меня неприемлем. НЭП был принят мною несколько благоприятнее, так как явилась возможность все достать, но политики советской власти я не понимал, а потому отнесся к нему подозрительно»^I.

16 августа 1919 г. решением Реввоентрибунала Западного фронта к 20 годам тюремного заключения был приговорен бывший подполковник, в прошлом начальник снабжения Эстонской Красной армии Д.Г. Фокке. Столь суровый приговор был вынесен за то, что в марте 1919 г. с целью получения незаконной выгоды Фокке составил подложный счет на реквизируемую бумагу, присвоив в результате 22 500 руб. народных денег^{II}. Впрочем, Фокке вскоре освободился, не отбыв в заключении и года.

Еще одной разновидностью злоупотреблений военспецов, вызывавших обеспокоенность партийного руководства, стал распространившийся nepoтизм, т.е. привлечение на службу в различные управления и учреждения родственников. Декрет о недопустимости такого явления был издан еще 27 июля 1918 г., но, видимо, мало что изменил. В условиях полуголодного существования, дефицита и разрухи в Советской России устройство в штабы родных и близких существенно повышало семейное благосостояние, гарантировало паек и жалованье. К тому же на фронте совместная служба позволяла не терять близких из вида и не расставаться с ними. Так, видные военспецы командующий Северным фронтом Д.П. Парский и его начальник штаба Ф.В. Костяев привлекали своих супругов к работе в качестве личных секретарей, что вызывало нарекания и даже расследование в связи с возможным разглашением секретных данных. Комиссар штаба 6-й армии Н.Н. Кузьмин с возмущением писал в Высшую военную инспекцию о наличии в штабе Северного фронта пятнадцати родственных пар^{III}. Кроме того, Парский, вступив осенью 1918 г. в должность командующего фронтом, отправился в длительную инспекционную поездку, реально приступив к работе практически через полтора месяца после назначения.

Непотизм процветал и в штабе Беломорского военного округа в 1918 г. Военрук Ф.Е. Огородников трудоустроил в штаб сына Кирилла, начальник административного управления штаба округа Е.Е. Шишковский — своего брата Николая^{IV}. Похожая ситуация складывалась и в Северо-Кавказском военном округе, где в мае — июне 1918 г. служили и.д. начальника административного управления штаба И.К. Серебренников и секретарь управления О.И. Серебренникова, и.д. заведующего оперативным отделом мобилизационного управления Е.Н. Ригельман и письмоводительница отдела Е.П. Ригельман, последняя в 1919 г. фигурирует на той же должности в разведывательном отделении штаба 11-й армии^V.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 186 (132). Л. 158.

^{II} РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 794. Л. 1–106.

^{III} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 646. Л. 110об.

^{IV} РГВА. Ф. 25863. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

^V РГВА. Ф. 40435. Оп. 1. Д. 6. Л. 4, 7, 12, 21; Ф. 194. Оп. 1. Д. 143. Л. 14.

От местных военных учреждений не отставали и в центре. Главком И.И. Вацетис держал при себе в качестве адъютанта племянника Э.И. Вацетиса. В ВГШ служили начальник отчетно-организационного отдела бывший генерал С.А. Кузнецов и его племянник А.С. Васильев в должности переписчика общего отделения^I. Для поручений при коменданте ВВС состоял К.М. Бонч-Бруевич – сын военрука совета М.Д. Бонч-Бруевича^{II}. В ВГШ переписчицей канцелярии работала родственница начальника ЦУПВОСО М.М. Загю Мария Михайловна Загю^{III}. Переписчицей комендантской части комендатуры при ВГШ с ноября 1919 г. значилась М.А. Грундштрем^{IV} – родственница состоявшего в распоряжении начальника ВГШ А.Г. Грундштрема. Генштабист А.О. Зундблад занимал пост помощника начальника Организационного управления ВГШ, а и.д. старшего делопроизводителя отчетно-организационного отдела того же управления служил некий Г. Зундблад^V. Упомянувшийся Е.Е. Шишковский трудоустроивал родственников в структуры РККА и в дальнейшем. Так, его супруга Л.И. Шишковская стала переписчицей комиссии по исследованию и использованию опыта войны^{VI}.

Подобные примеры можно продолжать. Так, например, А.Н. Гатовского в 1919 г. обвиняли в том, что его деятельность как начальника снабжения 19-й стрелковой дивизии «выражалась лишь в том, что он на разные должности по отделу снабжения назначил своих знакомых разных тетушек, бабушек, которые ничего не делали»^{VII}.

Опасность этого явления (чреватого сплочением военспецов, изменами и переходом к противнику целыми семьями), быстро получившего широкое распространение, скоро была осознана большевистским руководством, после чего стали приниматься меры искоренения совместной службы родственников. 27 июля 1918 г. был даже выпущен декрет СНК о недопустимости совместной службы родственников в учреждениях, однако законодательно искоренить эту практику не удалось. Родственники не могли служить вместе на должностях, «оказывающих влияние на ход дела»^{VIII}, но могли служить в разных отделах. Декрет не распространялся на строевые части, в которых служба родственников считалась полезной для большего сплочения личного состава^X. Аналогичные меры предпринимались и против совместной службы однополчан по старой армии и белым армиям^X.

Среди прочих возможных злоупотреблений, инкриминировавшихся генштабистам, было разглашение военной тайны. В этом, например, обвиняли штаб Северного фронта, работники которого во главе с командующим Д.Н. Надежным по недосмотру в январе 1919 г. подписали и передали незашифрованной секретную телеграмму^{XI}.

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 2. Л. 182.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 468. У М. М. Загю были сестра и дочь с таким именем и отчеством.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 63. Л. 268.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 1706.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 1.

^{VII} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 142. Л. 49.

^{VIII} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 79.

^{IX} РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 15. Л. 123.

^X РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 230.

^{XI} РГВА. Ф. 24380. Оп. 2. Д. 20. Л. 50; Оп. 7. Д. 76. Л. 3.

Служба связи ПШ РВСР, которой руководил курсовик А.П. Медведев, 6 февраля 1919 г. передала секретную оперативную телеграмму не по прямому проводу, а через московский Центральный телеграф. Это произошло из-за беспорядка в аппаратной связи ПШ РВСР^I. В других случаях одни и те же телеграммы передавали по несколько раз^{II}.

Еще один инцидент такого рода произошел летом 1919 г. с помощником начальника оперативного отделения штаба Восточного фронта курсовиком И.А. Бардинским. Его вызвали к следователю Особого отдела штаба фронта из-за путаницы с передачей телеграфной ленты. Военспеца обвинил в том, что во время дежурства 19–20 мая 1919 г. он якобы хотел заполучить секретную телеграмму, хотя Бардинский уверял, что речь шла о рабочем моменте (просьба из штаба 2-й армии повторить текст шифротелеграммы) и что такое бывало и ранее. Бардинский считал, что «следствие начинает принимать такой характер, что как бывший офицер Генерального штаба, несмотря на свою честную службу, легко могу стать жертвой общей политики (секр[етные] инструкции в связи с событиями на Красной Горке)»^{III}. Речь шла о восстании гарнизона на одном из фортов Кронштадта в июне 1919 г.

Начальник 14-й стрелковой дивизии бывший штабс-капитан А.С. Ролько 15 февраля 1919 г. занимал прямой провод Серпухов – Балашов частными разговорами в течение 1 часа 20 минут, беседуя с начальником штаба 9-й армии Н.Д. Всеволодовым по поводу отъезда последнего в отпуск на Кавказ. Из-за этой беседы была прервана передача депеши. На самом деле, исключая техническую подготовку, разговор длился не более 50 минут. Тем не менее военспецу, даже спустя два месяца, пришлось оправдываться, а в итоге Ролько получил выговор^{IV}.

Иногда генштабисты саботировали те или иные назначения. Так, бывший подполковник В.Ф. Эксе в конце ноября 1918 г. получил предписание немедленно выехать по назначению, однако до начала 1919 г. находился неизвестно где, а по частным сведениям, жил в Петрограде. Решить проблему начальство собиралось при помощи ЧК^V. Не случайно начальнику ПШ РВСР в ноябре 1918 г. сообщалось, что «подлежащие командированию [в] распоряжение фронта различного рода специалисты часто не являются, устраиваясь в другие части и штабы...»^{VI}

Реввоен трибунал республики расследовал дела о неисполнении приказов. Одно из таких дел было заведено в отношении начальника снабжения 19-й стрелковой дивизии А.Н. Гатовского. 15 апреля 1919 г. приказом по 7-й армии он был назначен начальником штаба 6-й стрелковой дивизии с предписанием немедленно отбыть к новому месту службы. Однако Гатовский заболел и не мог вовремя выехать, о чем стало известно 18 апреля. Новое назначение его не устраивало, в связи с чем он пытался от него отделаться, в том числе обращением в штаб Западного фронта, минуя непосредственное начальство. Прошло две недели, а приказ так

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 50, 52.

^{II} Там же. Л. 51.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 905. Л. 38об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 146, 224–225об., 299, 307; Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 190.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 272.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 1.

и не был выполнен. В итоге в середине мая 1919 г. началось расследование^I. Дело смягчалось тем, что речь шла не о боевом приказе. Завязалась длительная переписка по поводу болезни военспеца. В качестве диагноза указывались припадки психоневрастении и прогрессирующие боли в ноге, требующие операции. Якобы Гатовский не мог носить обувь и много ходить^{II}. По-видимому, подобный медицинский диагноз был лишь уловкой. В Реввоентрибунале Западного фронта полагали, что военспец прикрывался медицинскими документами, чтобы не терять выгодную должность по снабжению^{III}. Комиссар отдела снабжения Крячков и комиссар 19-й дивизии М.Г. Авсорогов также были недовольны Гатовским, считая, что это карьерист и аферист, который «внес полную дезорганизацию в дело снабжения дивизии, и это в то время, когда со дня на день ожидалось взятие Петрограда белофиннами. В артиллерийских парках Гатовским были допущены женщины к занятию должностей каптенармусов; эти женщины получали все виды довольствия, красноармейцы же оставались без всего»^{IV}. Сам Гатовский был возмущен выдвинутыми против него обвинениями, отмечая осенью 1919 г., что он опытный военспец с 15-летним стажем, а не «воински-невоспитанный еще рекрут» и не мог допустить неисполнения приказов^V. В конце концов, Гатовского амнистировали по случаю второй годовщины Октябрьской революции в ноябре 1919 г.^{VI}

Определенные привилегии, которыми пользовались генштабисты, привлекали людей, не имевших такого статуса. Стали появляться аферисты, выдававшие себя за «лиц Генштаба». Например, командующему Северным фронтом сообщали из Вологды в декабре 1918 г.: «2 декабря постановлением в[оенно-]п[олевого] трибунала арестован командированный Вами [в] Вологду Генштаба Ачкасов. Оказался крупным авантюристом, найдено много подложных документов. Обнаружен документ, копия выданного Вами Ачкасову [в] том, что он состоит начальником ответственного отдела штаба... Сообщите, выдан ли действительно означенный документ?»^{VII} Штаб фронта 10 декабря открестился от авантюриста и сообщил в ВГШ, что «Ачкасов совершенно больной человек. В Генштаб не переведен...»^{VIII} По причине психического расстройства он вообще подлежал увольнению со службы^{IX}. В других документах упоминалось, что Ачкасов получил деньги и скрылся, причем на июль 1919 г. находился в розыске^X. В белом лагере тоже известны подобные случаи. Так, за офицера Генерального штаба выдавал себя некий полковник Стоякин, служивший начальником штаба у генерала С.Н. Булак-Балаховича на Северо-Западе России. Генерал А.П. Родзянко не без оснований именовал его самозванцем и авантюристом^{XI}. По некоторым данным, это был уголовник^{XII}. Известно, что Стоякин

^I РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 142. Л. 3.

^{II} Там же. Л. 9, 12, 41.

^{III} Там же. Л. 49об.

^{IV} Там же.

^V Там же. Л. 58.

^{VI} Там же. Л. 79.

^{VII} РГВА. Ф. 104. Оп. 2. Д. 361. Л. 116.

^{VIII} Там же. Л. 120.

^{IX} Там же. Л. 123.

^X РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 219.

^{XI} Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 76, 90.

^{XII} Маргулиес М. С. Год интервенции. Кн. 2. С. 314.

инициировал печатание фальшивых «керенок», бежал из-под ареста, уничтожив компрометирующие документы, а в августе 1919 г. был убит при новом аресте¹.

В белом лагере злоупотребления генштабистов, лишенных какого бы то ни было контроля и фактически олицетворявших белую власть, были, по-видимому, еще масштабнее. Некоторые в период братоубийственной войны занимались личным обогащением за счет армии. Ярким примером являются действия полковника Н.И. Белоцерковского, служившего у белых на Востоке России. Последний в Екатеринбурге, по агентурным данным, фактически руководил грабежами, которые осуществляли сотрудники контрразведки. Позднее Белоцерковский устроился начальником штаба при главном начальнике военно-административного управления Восточного фронта генерал-майоре С.А. Домонтовиче. Как сообщалось в секретном агентурном донесении белой контрразведки, «с эвакуацией из Омска административное управление Домонтовича со своими карательными отрядами эвакуировало[сь] в двух эшелонах, захватив [с] собою с товарами за большую цену несколько десятков спекулянтов.

Не доезжая сотни верст до Красноярска и получив известие, что все рушится кругом, Белоцерковский, недолго думая, приказал вывести в расход спекулянтов, сам захвативший более ценные награбленные вещи, поспешил скрыться совместно с Домонтовичем. Домонтович заболел и умер. Белоцерковский решил воспользоваться этим случаем, захватив кассу и желая провести все награбленное, решил все поместить в гроб под тело Домонтовича, что им и было сделано.

Гроб имел назначение в Читу, где и должен был быть предан земле.

Комендантом штаба в Чите был в это время генерал [И.Г.] Макри. Получив сведения о деянии Белоцерковского, Макри решил выслужиться и изобличить Белоцерковского, которого он по прибытии в Читу арестовал.

Все доказательства были налицо, однако Белоцерковский скрылся из Читы, будучи освобожден генералом Макри, и приехал в Харбин с паспортом на имя Собакина². Разумеется, сложно разобраться, в каких случаях агентурные сведения достоверны, а где представляли собой попытку сведения счетов и интриги.

Главный начальник ВОСО при Верховном главнокомандующем генерал-майор В.Н. Касаткин был предан в 1919 г. военно-полевому суду за то, что «состоя в должности главного начальника военных сообщений при Верховном главнокомандующем, получив в мае месяце с.г. от служащего в комендатуре ст[анции] Омск поручика Еськова официальный доклад о вышеуказанных случаях злоупотребления (использование железной дороги с санкции коменданта станции Омск и начальника станции для частных нужд, взятки. — А.Г.), а равно сведения и от других лиц, будучи обязан по занимаемой должности и имея возможность принять немедленные меры к расследованию и пресечению таковых злоупотреблений, он, генерал-майор Касаткин, никаких мер не принял, вследствие чего таковые злоупотребления были обнаружены и расследованы лишь при возбуждении настоящего дела»³.

¹ Также см.: Розенталь Р. Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 170.

² РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 121. Л. 5.

³ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. 1919. 28.08. № 887.

Касаткин был лишен некоторых прав и преимуществ по службе и приговорен к заключению в крепости на год и четыре месяца с исключением с военной службы, но по резолюции Верховного правителя адмирала А.В. Колчака наказание «ввиду безукоризненной предшествовавшей его служебной деятельности и заслуг в деле июльской эвакуации фронта» заменено заключением в крепости на шесть месяцев без исключения со службы и с отложением приведения этого наказания в исполнение до конца войны. Министр продовольствия и снабжения колчаковского правительства К.Н. Неклютин вспоминал о Касаткине: «Могу заверить, что он вел себя очень ответственно... На мой взгляд, он был одним из самых честных людей в то время, настоящий патриот, который делал все возможное в тех условиях, без мысли о доходах в свой карман»^I.

На белом Юге грабежи были возведены в систему. Генерал Л.М. Болховитинов писал 16 (29) декабря 1918 г., что Добровольческая армия – это «просто какая-то кочевая банда»^{II}. В приказе главнокомандующего ВСЮР № 2032 от 21 августа (3 сентября) 1919 г. отмечалось: «Из донесений должностных лиц и общественных учреждений и массовых жалоб населения освобожденных местностей усматриваю, что в прифронтовых районах всех армий происходит сплошной грабеж и расхищение как общегосударственного имущества, так и последнего уцелевшего еще достояния мирного населения»^{III}. Генерал П.Н. Врангель в письме генералу А.И. Деникину отмечал: «Армия, воспитываемая на произволе, в грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращавшими войска, такая армия не могла спасти Россию»^{IV}. Полковник В.К. Манакин в докладе, подготовленном по распоряжению начальника штаба ВСЮР генерала И.П. Романовского осенью 1919 г., писал: «Дабы сохранить сочувствие населения, необходимо во что бы то ни стало искоренить зло Добровольческой армии – грабежи населения и раздевание донага пленных»^V. Генерал А.М. Драгомиров писал Деникину 12 (25) декабря 1919 г.: «Самое же тяжелое обстоятельство в нашей армии, которое губит нам в тылу всё то, что достигается доблестью на фронте, – это сплошное грабительское настроение... многие регулярные части заражены мародерством до такой степени, что я начинаю серьезно подумывать о полном их раскассировании»^{VI}. Генерал Н.Н. Баратов писал в 1920 г. о целых состояниях, нажитых грабежом^{VII}. Как отмечал в начале 1920 г. видный общественно-политический деятель П.Б. Струве, «система самоснабжения армии привела к грабительству, которое разило и высший командный состав, и офицерство, и солдатскую массу»^{VIII}. Разумеется, грабежи разлагающе воздействовали на войска.

^I Неклютин К. Н. От Самары до Сиэттла: Воспоминания министра колчаковского правительства, сына самарского городского головы. Самара, 2011. С. 121.

^{II} РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 220об.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 136. Л. 29.

^{IV} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 39. Л. 188.

^V РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 63. Л. 2об.

^{VI} Ганин А. В. «У нас в сущности еще регулярной армии нет...»: Письмо командующего войсками Киевской области генерала А. М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А. И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2019. Т. 14, № 1–2. С. 252.

^{VII} Баратов Н. Н. Дневник. С. 3 // НИА. N. N. Baratov collection. Box 2.

^{VIII} Струве П. Б. «Русская свобода и Великая Россия»: Публицистика 1917–1920 гг. М., 2020. С. 253.

Полковник А.А. фон Лампе записал в дневнике в декабре 1919 г.: «Крестьяне страшно восстановлены против “деникинцев” — да оно и понятно, грабеж идет открытый, и не дай Бог, если большевики не будут грабить — тогда наше дело будет дискредитировано раз и навсегда — это несомненно, т.к. грабеж идет от милых шуток о богатых уловах молодых подпоручиков, на попавших в их руки комиссарах и матросах, дошел до открытого грабежа всеми начальствующими лицами. Вагоны с сахаром и мукой и т.д. захватываются силой, разграбляются и делятся. В частности, и мы стали к этому причастны — комендант Киева генерал [П.А.] Габбаев захватил несколько вагонов сахара и поделился им с нашим начальником штаба [М.Н.] Вахрушевым, еще недавно настаивавшим на предании суду за взятый сахар двух наших телеграфных чиновников.

Нам, офицерам Генштаба, было дано по сахарной голове за молчание, и мое предложение вернуть их обратно встретило поддержку лишь на словах.

Чудовищные грабежи даже крупных начальствующих лиц вошли в норму, что же делает мелкота¹.

К злоупотреблениям в белом тылу были причастны генштабисты. Определенный резонанс получило дело полковника Н.А. де Роберти в Новороссийске, связанное с вывозом зерна с территории ВСЮР в Грузию в 1918–1919 гг.² Такой экспорт был запрещен, а де Роберти по должности начальника штаба черноморского военного губернатора генерала А.П. Кутепова, а затем генерала Е.Н. Волкова оформлял подложные разрешения, за что брал деньги. В частности, в начале 1919 г. де Роберти подделал подписи своего начальника генерала Волкова на разрешениях на вывоз 9000 пудов муки из Новороссийска в Потти. Сумма сделки составляла 450 000 руб., а за подложные удостоверения женой офицера Е.П. де Роберти было получено 75 000 руб. Летом 1919 г. супруги были арестованы³.

Была проведена сенаторская ревизия, однако доказать, что полученные средства использовал сам офицер, следствие не смогло. Возникали подозрения, что деньги шли какой-то организации⁴. Осенью 1919 г. де Роберти был осужден военным судом в Новороссийске на четыре года тюрьмы. Генерал Л.М. Болховитинов в связи с делом де Роберти писал жене 5 (18) ноября 1919 г.: «Сообщу решение суда по делу четы де Роберти. И супруг и супруга обвинены в подлогах, учиненных в целях провоза муки в Батум, и еще каких-то пакостях. Суд определил им наказание — по 4 года арестантских отделений каждому. Таким образом, распущенная и развратная бабенка, выпустившая до того “в трубу” не одного обожателя, свое получила. Супруг оказался достойным своей супруги и тоже осужден. Мне их нисколько не жаль⁵». Версию об отрицательном влиянии супруги разделял и хорошо знавший де Роберти по Первой мировой войне генерал Е.В. Масловский: «К сожалению, атмосфера революции плохо повлияла на полковника де Роберти:

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 165; Лампе А. А., фон. Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021. С. 143–144.

² См., напр.: Штейфон Б. А. Генерал А. П. Кутепов // Генерал Кутепов. М., 2009. С. 31; Марков А. Л. Записки о прошлом (1893–1920). М., 2014. С. 659.

³ Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019. С. 539.

⁴ Чебышев Н. Н. Около дела // Возрождение (Париж). 1930. 08.06. № 1832. С. 2.

⁵ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 150а. Л. 275об.

благодаря слабости своего характера, он поддался влиянию своей не особенно моральной жены, требовавшей от него непрерывно денег, не соразмеряясь с получаемым им тогда в Добровольческой армии чрезвычайно скромным жалованием, и в чем-то про штрафился материально, был судим и арестован»^I. Не отбыв и нескольких месяцев ареста, де Роберти вышел на свободу с занятием Новороссийска частями РККА в конце марта 1920 г. Позднее он был арестован красными, а в дальнейшем служил в РККА и сотрудничал с ОГПУ. Сидя под арестом в Бутырской тюрьме, де Роберти 23 июня 1920 г. писал в МПКК, что «вследствие различных несогласий был отчислен от должности начштаба 1[-й] дивизии и был под следствием и судом, но дело закончилось по докладу Главн[ой] воен[ной] прокуратуры, ввиду обнаружения явного пристрастия, неутверждением»^{II}.

В антибольшевистском лагере, как и в Советской России, получили распространение махинации со спиртом, который в условиях Гражданской войны превратился в валюту. Так, в истребовании 10 ведер спирта обвиняли контрразведчика полковника Р.Д. Мергина на Юге России в октябре 1919 г. Офицер категорически это отрицал, причем требование на спирт оказалось подложным^{III}.

Грабежи с участием генштабистов имели место у белых и на Северо-Западе России. Так, у начальника 3-й стрелковой дивизии Северо-Западной армии генерала Д.Р. Ветренко очевидец обнаружил предметы утвари из императорского дворца в Павловске — «посуду, старинные скатерти и попоны с вензелями императорской охоты», причем посуда и скатерти были в квартире Ветренко, а попоны украшала генеральскую лошадь^{IV}. Есть данные и о том, что белое командование вывезло много имущества из Гатчины^V.

В 1919 г. на Кубани по обвинению в превышении власти и злоупотреблениях в деле снабжения армии генералом В.Л. Покровским (негенштабистом) был арестован генерал Н.А. Букретов^{VI}, позднее освобожденный и даже избранный кубанским атаманом. О начальнике штаба Донского корпуса в 1920 г. генерале А.В. Говорове говорили, что тот «не прочь был попользоваться и казенным добром, но умеренно и умно»^{VII}. Супруга одного из высших чинов Донской армии продала спекулянту в Ростове-на-Дону вагон махорки, подаренный фронту Ростовским табачным трестом^{VIII}.

Не всегда злоупотребления были связаны с денежным интересом. К примеру, видный деятель Белого движения на Юге России генерал И.Г. Эрдели использовал служебное положение, чтобы отправлять зашифрованные телеграммы любимой женщине^{IX}. В целом, злоупотребления средствами связи в личных целях были

^I Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 699 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 306. Л. 36об.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 76, 92.

^{IV} Горн В. Л. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 152.

^V Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 218.

^{VI} Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 291.

^{VII} Калинин И. М. Под знаменем Врангеля // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 12: Казачий исход. С. 88.

^{VIII} Алферов З. А. Воспоминания. С. 359.

^{IX} Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 109.

широко распространены во всех противоборствующих лагерях. На белом Юге в начале 1919 г. пытались регламентировать доступ к средствам связи. В одном из документов отмечалось, что «на беспрепятственные разговоры по прямым проводам, кроме лиц высшего командного состава, имеют право только офицеры Генерального штаба, состоящие в оперативном отделении управления генерал-квартирмейстера»^I. О том, соблюдалось ли это требование на практике, неизвестно.

Главный начальник снабжений ВСЮР генерал-майор В.А. Энгельке вспоминал, что крупных злоупотреблений снабженцев не было, но «делать вообще что-нибудь было трудно. Во всем в сущности шел развал, революция еще не была изжита»^{II}. На других белых фронтах ситуация могла быть иной. Так, в Северо-Западной армии фиксировались злоупотребления в снабжении, но расследования таких дел тормозились^{III}.

На белом Севере также имели место случаи злоупотреблений. 31-летний подполковник (впоследствии — полковник) В.Н. Маслов был в мае 1919 г. привлечен к суду за растрату казенных средств. По одному из свидетельств, он присвоил 50 000 руб. из средств штаба^{IV}. Военно-окружным судом Северной области офицер был лишен чинов, наград, дворянства и отдан в исправительные арестантские отделения на полтора года. Присвоенные средства предписывалось взыскать с имущества Маслова. В сентябре того же года Временное правительство Северной области смягчило наказание, направив Маслова рядовым на фронт. Сведения о том, что через год его восстановили в чине за боевые заслуги^V, пока не нашли документального подтверждения, так как даже на январь 1920 г., фактически перед падением белого Севера, он продолжал оставаться разжалованным в рядовые и служил в 4-м Северном стрелковом полку, но постановлением Временного правительства Северной области понесенный им штраф не являлся препятствием к получению наград^{VI}. После Гражданской войны Маслов прожил долгую жизнь в эмиграции.

В некоторых случаях махинации и злоупотребления приводили к острым конфликтам и даже покушениям на офицеров. Так, видный деятель Белого движения на Востоке России генерал П.Г. Бурлин в кругах русской военной эмиграции подозревался в том, что присвоил себе 20 млн руб., выданных ему адмиралом А.В. Колчаком в Красноярске в начале 1920 г. для помощи эвакуированным на Дальний Восток. Спасаясь от красных, Бурлин якобы зашил деньги в шубу, а позднее — в Харбине — обменивал рубли по курсу 135 руб. за одну иену, нажив на этом 150 000 иен. На Бурлина было совершено покушение, но по ошибке погиб невинный человек^{VII}. К сожалению, крайне сложно отделить правду от инсинуаций и сплетен, получивших широчайшее распространение в эмигрантской среде на почве безденежья и множества проблем.

^I РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 762. Л. 75.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 188. Л. 25.

^{IV} Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 60–61.

^V Там же.

^{VI} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 54. Л. 77.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 146. Л. 42.

В военное время между офицерами нередко происходили разного рода инциденты. Такие случаи рассматривались с дисциплинарной стороны. Например, на белом Севере командир 6-го Северного стрелкового полка полковник П. Т. Акутин повысил голос на командира батальона при солдатах и дошел даже до площадной брани, за что получил 9 октября 1919 г. выговор от главнокомандующего генерала Е. К. Миллера^I. Нервность Акутина объяснялась постоянным участием в боях. Выговор был вынесен офицеру, чтобы не подвергать заслуженного начальника более строгому наказанию и не передавать дело в военный суд.

Неприятный инцидент произошел с белым разведчиком капитаном К. К. Шмигельским на Юге России. 7 (20) июня 1919 г. он был арестован гвардии полковником Н. С. Кратом из Сводно-гвардейского полка «за то, что шел по улице, имея фуражку в руке, и поэтому не отдал ему честь приложением руки к козырьку»^{II}. Шмигельский жаловался в телеграмме в Особое отделение отдела Генерального штаба Военного управления при главкоме ВСЮР 17 (30) июня: «В комендантском управлении полковник Крат кричал на меня так, как никто никогда не кричал. Передав меня помощнику коменданта, полковник Крат ушел, а я был посажен на гауптвахту, где и просидел час, пока по распоряжению губернатора не был освобожден. Уезжаю в Константинополь 18го (т.е. 1 июля нового стиля. — А. Г.). После моего освобождения полковник Крат снова хлопотал меня арестовать, явился к начальнику штаба военного губернатора, в чем ему было категорически отказано. По распоряжению начальника штаба производится дознание. По возвращении подам более подробный рапорт о происшедшем»^{III}.

Генерал П. И. Аверьянов, рассуждая о проступке группы генштабистов-эмигрантов (в связи с повышением квалификации на геодезических курсах), констатировал, что «подобный поступок членов военной корпорации, людей интеллигентных, большей частью уже пожилых и в больших чинах, совершенно немыслимый в до-революционной русской армии, оказался вполне возможным в армии послереволюционной, даже характерным для последней и показывает, до какой степени понизились даже в наиболее интеллигентной и культурной военной корпорации после революции требования этики и восторжествовали требования шкурничества»^{IV}.

У белых тоже существовали кумовство и nepoтизм. Полковник А. А. фон Лампе записал в дневнике в мае 1920 г.: «Родственная система назначения уже начинает сказываться... Взамен убранного Эльснера, на место которого было у к а з а н о никого не брать, — взят А. П. Половцов, брат жены А. М. Драгомирова, на сестре которого женат Лукомский»^V. Речь шла о генералах А. М. Драгомирове, А. С. Лукомском, А. П. Половцове и Е. Ф. Эльснере. В Северо-Западной армии белых ходили разговоры о том, что начальник штаба армии генерал А. Е. Вандам устраивал на значимые должности своих родственников^{VI}.

Злоупотребления были распространены и в национальных армиях. Как отмечал советский военный атташе в Грузии П. П. Сытин в своем донесении в Москву

^I ГААО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 47. Л. 172об.

^{II} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 17.

^{III} Там же. Л. 17–18.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 411.

^V ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 119.

^{VI} Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. С. 224, 338.

о состоянии грузинского офицерского корпуса, из-за недостаточности жалования «большой процент офицеров наряду со службой занимается спекуляцией, а многие не брезгают казенными деньгами, вверенными им по службе. Не без греха в этом отношении и помощник военного министра по хозяйственной части ген. [А. К.] Гедеванов, который, как утверждают многие офицеры Ген. штаба, проигрывает в клубах по 100–200 тысяч р. чуть ли не ежедневно, но пока умело предоставляет оправдательные документы.

Одной из наиболее характерных бытовых черт в служебной жизни грузинского офицерства является чрезмерно развитое “кумовство”, которое играет здесь первенствующую роль, и зачастую офицерский состав части подбирается почти исключительно из родственников.

Отмечая чрезвычайно развитое казнокрадство, приходится отметить, что это явление довольно вредно отзывается на интересах республики, так как все хищения соразмерены с аппетитом не одного лица, а целой группы... Не отстают в этом отношении от офицеров и солдаты – спекуляция их родная сфера»¹.

Служба старой военной элиты как в Красной, так и в антибольшевистских армиях протекала далеко не безоблачно. По-видимому, в белом лагере, где над генштабистами было меньше контроля, масштаб злоупотреблений с их стороны был выше. В ряде случаев сами генштабисты совершали крупные или мелкие служебные проступки. Речь шла о хищениях казенных средств, различных махинациях, контрабанде, взяточничестве, коррупции. В Советской России за денежные злоупотребления, как правило, наказание было менее строгим (или вскоре смягчалось), чем по обвинениям в контрреволюции. Кроме того, в красном лагере, где генштабисты жили нередко впроголодь, в их среде чаще встречались продовольственные злоупотребления, происходившие нередко не от хорошей жизни и обусловленные элементарным выживанием. Еще одним видом злоупотреблений в РККА, где существовали ограничения в этой сфере, был nepотизм, когда на различные выгодные должности устраивали родных и близких. Для большевиков такой подход со стороны «бывших» был чреват потенциальными заговорами. Среди проступков генштабистов были разглашение военной тайны, неисполнение приказов, различные нарушения дисциплины. Тем не менее анализ злоупотреблений относительно общей численности выпускников Военной академии, участвовавших в событиях Гражданской войны, свидетельствует о том, что такие инциденты связаны лишь с единичными офицерами.

§ 4. Материальное положение, социальное обеспечение и повседневность

Вопросы материального и социального обеспечения командных кадров противоборствующих сторон в условиях голода, разрухи и ожесточенной Гражданской войны играли немалую роль и могли влиять на жизненные обстоятельства

¹ ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 1. Д. 670. Л. 17об.

того или иного офицера. Вместе с тем, материальный достаток в такой обстановке представляется категорией довольно условной, поскольку порой за обесценившиеся деньги ничего нельзя было купить, а распространялся натуральный обмен. Попробуем разобраться в роли материального и бытового факторов жизни и службы генштабистов эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Источниковая база по этой теме весьма представительна, поскольку финансовые документы по вполне понятным причинам традиционно сохраняются лучше многих других.

Офицеры, привыкшие к регулярному получению жалованья и жившие на него, при демобилизации армии в начале 1918 г. в одночасье оказались в ситуации, когда выплата жалованья прекратилась. Ничего другого, кроме несения военной службы, многие из них делать не умели. Необходимо было устраиваться на службу для того, чтобы как-то прокормить себя и близких. В таких условиях материальное обеспечение службы приобретало жизненно важное значение.

Многие генштабисты были обременены семьями, нередко большими. Так, по данным списка Генштаба на 1914 г., лишь 7,8% генералов-генштабистов оставались холостыми, большинство же состояло в браках, причем распространены были многодетные семьи (трое и более детей). Такое количество детей имели свыше 35% генералов-генштабистов. Встречались и семьи со значительно большим числом детей. Например, у генералов Н.М. Баташева, В.В. фон Нотбека, И.П. Савицкого было по 9 детей, у генералов Л.В. де Витта, А.М. Колюбакина и А.Е. Эверта – по 7 детей, у генералов В.П. Прасалова и А.М. Саранчова – по 6 детей, у генералов Н.Н. Баратова, Г.Э. Берхмана и Д.С. Шуваева – по 5 детей. В условиях Гражданской войны обеспечение таких семей становилось крайне сложной задачей.

Генерал А.П. Будберг (отец четверых детей, по данным на 1914 г.) справедливо отметил в своем дневнике 13 декабря 1917 г.: «Сейчас голод даже с руки большевикам, ибо, оставаясь повелителями распределения наличных и притекающих запасов продовольствия, они владеют средством привлечения к себе единомышленников и вольных и невольных прислужников, несравненно более сильным, чем декреты, пропаганда, убеждения и т.п. “Хочешь быть с нами, дадим есть, а не хочешь – пеняй на себя” – таков сейчас лозунг большевистской политики по отношению ко всему населению. А ведь ради прокормления семьи и просящих есть детей к большевистским ногам склонятся очень многие непреклонные при других обстоятельствах шеи»^I. 16 декабря 1917 г. Будберг записал: «Положение офицеров, лишенных содержания, самое безвыходное, а для некоторых равносильное голодной смерти, так как все боятся давать офицерам какую-нибудь, даже самую черную работу»^{II}. В таком же положении оказались и семьи офицеров. Жены и вдовы офицеров в декабре 1917 г. осаждали советские учреждения в поисках справедливости^{III}. Из-за разрухи, развала транспортной системы, дезинтеграции страны цены на продукты в конце 1917 – начале 1918 г. резко возросли. В Крыму офицеру с семьей уже нельзя было прожить на 100 руб. в неделю^{IV}. Генерал

^I Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 261.

^{II} Там же. С. 262.

^{III} Там же. С. 263.

^{IV} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 92.

А. П. Будберг в Петрограде пребывал в полуголодном состоянии, получая в конце 1917 г. четверть фунта хлеба в день. Выживать приходилось, потребляя мерзлый картофель, стоивший 30–40 руб. за пуд (цена постоянно росла). Купить его можно было, заняв очередь с 2–3 часов ночи на морозе^I. Катастрофичность положения усугублялась разгулом криминала. С национализацией банков офицеры, хранившие там свои сбережения, потеряли их.

2 января 1918 г. был издан приказ Наркомата по военным делам об окладах жалования для военнослужащих. Были отменены гвардейские оклады. Продукты и обмундирование выдавались натурой, но за деньги. Семьи военнослужащих получали паек. Командир корпуса должен был получать теперь ежемесячно 700 руб., начальник дивизии 600 руб., командир полка и бригады 450–500 руб. (большая сумма означала боевой оклад). Преподаватели получали жалование исходя из числа штатных часов^{II}. В январе 1918 г. в Советской России разрабатывались новые оклады генштабистов, планировалось повышение жалования на 50%^{III}. Однако эти проекты реализованы не были. Но бывшие офицеры Генштаба были признаны специалистами 21 января 1918 г. телеграммой начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевича № 225, причем им была установлена 35%-ная надбавка содержания к основному окладу как принудительно задержанным на военной службе. Надбавку упразднили в апреле 1918 г.

Достаточно отдельных примеров тяжелого семейного и имущественного положения генштабистов, чтобы составить представление о ситуации по всей корпорации. Бывший член Военного совета генерал от инфантерии П. А. Гейсман жаловался в июне 1918 г.: «Жить без жалования или пенсии в высшей степени трудно, если не сказать хуже»^{IV}. Поступивший на украинскую военную службу полковник Н. Г. Загнеев, находившийся с 1914 г. в плену, не имел ни недвижимости, ни средств, но должен был содержать 80-летнюю мать и больную жену с парализованной с 1917 г. правой рукой^V. Дабы свести концы с концами, Загнеев просил об устройстве на украинскую службу. Генерал-майор А. М. Заболотный приехал на Украину из голодной Москвы. Рассуждая о своем тяжелом материальном положении, офицер отмечал, что суточных в 25 руб. недостаточно для того, чтобы жить в Киеве, так как столько стоило лишь питание, а квартира требовала еще 10 руб. в сутки. Офицер некоторое время оставался безработным, а затем устроился на службу в гетманскую армию. Заболотный писал в июне 1918 г.: «Как это больно сознавать ужас нашего офицерского положения...»^{VI} Ходатайствуя о поступлении на службу, он отмечал, что «работать на пользу родного для меня края как местного уроженца и украинца для меня было бы очень приятно, да в этом отношении я и работал еще на фронте, и работал активно и продуктивно. К сожалению, это осталось не отмеченным и не поощренным»^{VII}. Офицер резюмировал:

^I Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. Т. 12. С. 266.

^{II} Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 228–230.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 83.

^{IV} РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 49об.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 267–267об.

^{VI} Там же. Л. 217об.

^{VII} Там же. Л. 217.

«В настоящее время и при мизерном вознаграждении я положительно не в состоянии выполнять работу и жить в Киеве»^I.

В период отражения немецкого наступления с конца февраля по начало марта 1918 г. личный состав псковских отрядов получал по 10 руб. в сутки, выборные командиры отрядов до 100 штыков – по 12 руб., 100–250 штыков – 15 руб., 250–500 человек – 18 руб., 500–1000 человек – 20 руб., начальник отрядов и его помощник получали по 25 руб.^{II} Начальник отрядов И.Г. Пехливанов на конец марта получал 700 руб. жалованья, его помощник – 600 руб., кроме того, военспецы получали пособия на покупку седел^{III}.

В целях привлечения генштабистов в новую армию разрабатывались различные проекты, в том числе предполагавшие хорошее материальное обеспечение. В проекте табеля добавочных окладов специалистам военного дела (приложение к документу под названием «О привлечении в ряды новой армии бывш[их] офицеров Генерального штаба»), выработанном в штабе Военного совета Северного участка и Петроградского района в апреле 1918 г., предполагалось окончившим полный курс академий по 1-му разряду выплачивать 50%-ную надбавку, окончившим Военную академию по 2-му разряду – 40%-ную, причисленным к Генштабу курсовикам – 30%-ную, не причисленным – 20%-ную, выпускникам технических школ – 15%-ную. Отмечалось, что к 1-му разряду относились и те, кто имел право на зачисление в Генштаб, но отказался по собственному желанию. Выпускники по 2-му разряду, переведенные в Генеральный штаб, причислялись к 1-му разряду^{IV}. В одной из последующих редакций документа предполагалась 50%-ная надбавка всем специалистам, включая чинов Генерального штаба, причисленных к Генеральному штабу, окончивших ускоренные курсы и допущенных к исправлению должностей Генерального штаба, окончивших по 1-му и 2-му разрядами Артиллерийскую и Инженерную академии, а также окончивших Интендантскую академию по 1-му разряду^V.

В мае 1918 г. видный большевистский военный деятель Н.И. Подвойский предложил при губернских военных комиссариатах сформировать 15%-ный резерв военспецов с оплатой 450–500 руб. в месяц^{VI}. 22 мая 1918 г. начальником оперативного отдела штаба Западного участка отрядов завесы бывшим подполковником А.Н. де Лазари был разработан проект, предусматривавший привлечение военспецов на службу при помощи жалованья, бесплатного пайка, в том числе членам семьи, и бесплатного жилья, так как «только материальные преимущества могут до некоторой степени компенсировать те неудобства и тягости службы в отрядах, которые и являются главным препятствием к добровольному замещению свободных вакансий Генштаба»^{VII}. В штабах отрядов предлагалось платить 100 % жалованья, в штабах районов 75 %, в штабах участков – 50 %.

^I Там же. Л. 216об.

^{II} РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

^{III} РГВА. Ф. 7150. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

^{IV} РГВА. Ф. 862. Оп. 1. Д. 72. Л. 41об.

^V Там же. Л. 42.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 11.

^{VII} Там же. Л. 55об.

На этот документ военрук ВВС М.Д. Бонч-Бруевич наложил резолюцию о необходимости зарегистрировать офицеров Генштаба и перейти к системе обязательного назначения зарегистрированных по их специальности. Именно в этом направлении и развивалась постановка учета кадров Генштаба в дальнейшем. «Привлечение на службу путем материальных выгод считаю крайне ненадежным способом комплектования», — справедливо отметил Бонч-Бруевич¹.

Начальник штаба Северного участка и Петроградского района Б.В. Геруа предлагал в апреле 1918 г.: «1) чинам Генерального штаба, вообще как специалистам, платить больше других в виде или назначения добавочного содержания за специальность в размере 50 % установленных штатами окладов, или изменения вообще нормы окладов; 2) при специальных командировках выдавать суточные не менее 40 рублей в сутки, ибо в настоящее время жить на два дома на жалование невозможно и никто на командировку из опытных добровольцев не пойдет. Кроме того, для специальных командировок, как, н[а]п[ример], в инженерные строительные партии, установить выдачу подъемных в размере 800 руб. для покупки болотных сапог, непромокаемой одежды и т.д.

Указанные меры, являясь материальным интересом, могут привлечь настоящих технически подготовленных работников»².

Тем не менее привлечение на службу посредством материальных благ не исключалось. Так, Л.Д. Троцким был утвержден доклад от 16 июля 1918 г. об ассигновании в распоряжение ВГШ аванса в 50 000 руб. для выдачи подъемных денег и пособий «лицам Генштаба», заявившим о своем желании вернуться в Россию из оккупированных областей и поступить в РККА³.

В Советской России настойчиво проводился в жизнь принцип — кто не работает, тот не ест. Условием получения пайка бывшими офицерами становилось поступление на ту или иную службу. Некоторые современники отмечали значимость вопроса о жалованье в мотивации военспецов-генштабистов. Об этом писал, например, белый разведчик А.А. Борман, по свидетельству которого «офицеры Генерального штаба старались выслужиться в погоне за прибавками»⁴. Однако абсолютизировать эти оценки не стоит.

В мае 1918 г. в одной из разведсводок Добровольческой армии сообщалось, что «в Москве существует Генеральный штаб, в котором работают “бывшие офицеры Генерального штаба”. В погоне за офицерами большевики не жалеют денег на большие оклады»⁵. Разумеется, белым было проще объяснить факт поступления на службу большевикам сотен генштабистов материальной заинтересованностью, нежели иными причинами, в том числе идейными. Помимо жалования генштабисты могли рассчитывать на материальную помощь однокашников.

В апреле 1918 г. в ГУГШ были установлены следующие оклады (табл. 62).

¹ Там же. Л. 55.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 45–45об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 67об.

⁴ Борман А. А. Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Ленинград). 1991. Кн. 1. С. 140.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 607. Л. 55.

Оклады служащих ГУГШ — военных специалистов РККА. Апрель 1918 г.¹

Должность	Оклад (руб.)
Помощник начальника отдела	840
Начальник отделения	800
Старший делопроизводитель	700
Младший делопроизводитель	600

На местах оклады были намного ниже. В связи с созданием военных округов 20 апреля 1918 г. Троцкий утвердил следующий штат военно-окружного штаба (табл. 63).

Таблица 63

Должности Генштаба по штатам военно-окружного штаба. 20 апреля 1918 г.¹¹

Должность (принадлежность к Генштабу — ГШ)	Оклад (руб.)
Начальник штаба (ГШ)	900
Для поручений (2, могут быть ГШ)	700
Начальник административного управления (может быть ГШ)	800
Заведующий отделом формирования и устройства войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела формирования и устройства войск (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий отделом подготовки войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела подготовки войск (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий отделом службы войск (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель отдела службы войск (2, один может быть ГШ)	550
Начальник мобилизационного управления (может быть ГШ)	800
Заведующий статистическим отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель статистического отдела (3, один может быть ГШ)	550
Заведующий мобилизационным отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель мобилизационного отдела (3, один может быть ГШ)	550
Заведующий оперативным отделом (может быть ГШ)	700
Делопроизводитель оперативного отдела (2, один может быть ГШ)	550
Заведующий разведывательным отделом (ГШ)	700
Делопроизводитель разведывательного отдела (3, один может быть ГШ)	550

Подобные оклады сохранялись и летом 1918 г.¹¹¹ Делопроизводители в дальнейшем стали начальниками отделений¹¹².

4 июня 1918 г. Э.М. Склянским были утверждены новые оклады служащих ВГШ (преемника ГУГШ) (табл. 64).

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 12.

¹¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–39об.

¹¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 152, 163; Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 268.

¹¹³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 41, 44, 55.

Оклады военспецов — работников ВГШ. 4 июня 1918 г.¹

Должность	Оклад (руб.)
Начальник ВГШ	1000
Товарищ начальника, начальники отделов, генерал-квартирмейстер	900
Помощники начальников отделов, обер-квартирмейстеры	800
Начальники отделений, делопроизводители	700
Помощники начальников отделений, помощники делопроизводителей старшего оклада	600

По данным на июль 1918 г., начальники управлений ВГШ получали по 1000 руб., начальники отделов — по 900 руб., их помощники — по 800 руб., начальники отделений — по 700 руб.^{II} Начальник корпуса военных топографов А.И. Аузан получал 1000 руб., начальники отделов — 900 руб., начальники частей — 800 руб.^{III} Н.М. Потапов как управляющий делами Наркомата по военным делам получал 1000 руб., состоявший при нем для поручений А.А. Балтийский — 800 руб., прикомандированный к Троцкому генштабист В.И. Самуйлов — 800 руб.^{IV} Таким образом, оклад в 1000 руб. в это время являлся одним из наиболее высоких в РККА. Столько же получали инспектора формирований. Военный консультант оперативного отдела Наркомата по военным делам получал 800 руб.

В 1918 г. политические комиссары в военных округах получали по 700 руб.^V В штабе Орловского военного округа на 1 августа 1918 г. у делопроизводителей отделов существовали оклады в 550 руб. Начальник штаба округа получал 900 руб., начальник административного управления — 800 руб., начальники отделов — по 700 руб.^{VI}

Несколько особняком стояла бывшая Николаевская военная академия. Осенью 1917 г. материальное положение слушателей в Петрограде на фоне колоссальной дороговизны было достаточно тяжелым. Курсовик В.М. Цейтлин отметил в дневнике 9 октября 1917 г.: «В смысле дороговизны сплошной ужас, при нашем содержании жить невозможно, обед стоит 6–8 рублей, вчера переночевал в гостинице и, пожалуйста, 10 рублей.

Бутылка сельтерской — 60 коп[еек]. Хлеба нет совсем, доставать трудно, даже по карточкам. Пакет уменьшен с $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта. Извозчик с вокзала — 11 рублей. Фунт колбасы — 6 рублей, сыру — 6 рублей, халва 6 рублей, шоколад 14 рублей и т.д.

Живи как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче, и живет он, конечно, проще. Придется голодать...»^{VII}

Слушатели искали возможности для экономии. 12 октября в дневнике Цейтлина записано: «Был в академии, целой компанией обедали в собрании армии и флота,

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 201.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 282, 285, 336.

^{III} Там же. Л. 325.

^{IV} Там же. Л. 342.

^V РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 463. Л. 3.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 309.

^{VII} АВИМАИВИС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 248; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 291.

очень дешево, но скверно»^I. 13 октября Цейтлин записал: «Кажется, нам прибавили жалования, да иначе и нельзя было бы существовать, так как мы стали получать меньше, чем в начале войны (отняли фуражные), а жизнь стала дороже раз в десять»^{II}.

Дневниковая запись от 16 октября также затрагивает вопросы питания и материального обеспечения слушателей: «Начались лекции.

Страшная дороговизна, а у нас в академии до сих пор не наладились обеды, приходится ездить в собрание армии и флота, причем устаешь от этого мотания дьявольски»^{III}. Впрочем, вскоре и в академии слушателей стали обеспечивать питанием. 18 октября Цейтлин записал: «В академии наладилось продовольствие, и теперь стало легче жить, во всяком случае, обед обеспечен. Прислуга женская, и как это хорошо. До чего обнаглели в прошлом году “товарищи”, подававшие в столовой, просто трудно себе вообразить. Каждый из них думал, что, подавая обед, делает какое-то невероятное одолжение, несмотря на то что все получали большое вознаграждение и освобождались от фронта.

Сейчас гораздо скорее и симпатичнее»^{IV}.

Оказавшиеся в РККА по инерции как слушатели академии молодые выпускники ускоренных курсов 2-й очереди весной 1918 г. получили младшие должности в Красной армии с окладом в 500 руб., к этому могло добавляться 35% надбавки и выплачивалось пособие на 2 или 3 месяца. Кроме того, они получали лошадь натурой и деньги на покупку седла по существующим ценам (500 руб.), а также паек по интендантским ценам^V. Думается, такое обеспечение было весьма серьезным подспорьем для молодежи. Низший оклад в это время составлял 10–12 руб. в сутки^{VI}. 500 руб. получали лица для поручений, 400 руб. — начальники отделений, 350 руб. — их помощники.

В начале 1918 г. $\frac{9}{10}$ слушателей академии получали по 400 руб. боевого оклада, а остальные — от 300 до 600 руб.^{VII} Слушатели получали и «керенские прибавки» — единовременные пособия на дороговизну в 200–300 руб. и ежемесячно 75–100 руб. Таким образом, в месяц получали от 450 до 700 руб.^{VIII}

С 1 апреля 1918 г. по прибытии академии из Петрограда в Екатеринбург оклады были уменьшены с 400 до 350 руб. (поскольку боевые действия считались оконченными, прекратилась выплата боевых окладов). В связи с эвакуацией выплачивались подъемные 200 руб. 3 мая 1918 г. приказом Наркомата по военным делам № 316 установлен единый оклад в 550 руб.^{IX} Жильем, одеждой и продовольствием слушатели обеспечивали себя самостоятельно.

18 апреля 1918 г. один из слушателей писал председателю комитета слушателей: «В настоящее время просуществовать на такое содержание не представляется возможным. Если жалование рядового красноармейца, состоящего на полном

^I АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 249; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 292.

^{II} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 249; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 292.

^{III} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 252; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 295.

^{IV} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 253; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 296.

^V РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 15об.

^{VI} Там же. Л. 23.

^{VII} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

^{VIII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111.

^{IX} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1979. Л. 1.

иждании, увеличено с 50 до 150 руб., а ставки лиц должностных — не специалистов увеличены до 500–800 р., полагаю необходимым просить возбудить ходатайство об установлении... одинакового оклада для всех слушателей, как военных специалистов, в размере ежемесячного оклада в 450 р. для холостых и 550 р. для женатых, на каждого нетрудоспособного члена семьи сверх указанных ставок по 50 р.»^I.

В обстановке неразберихи, характерной для начала 1918 г., жалование получали не все. Так, выпускник курсов Г.И. Теодори отмечал 6 апреля 1918 г., что «прикомандированные к вверенному мне отделу причисленные к Генеральному штабу специалисты постоянно выполняют различные специальные работы, командировки и другие поручения, связанные с денежными расходами.

С 14 марта они не получали и не получают от штаба никакого денежного содержания, что ставит их всех в крайне тяжелое материальное положение: некоторым уже отказывают от квартир за невзнос платы, некоторые начинают голодать, а причисленный к Генеральному штабу А.Д. Лютов в течение нескольких дней уже голодает. Послать кого-либо в командировку или дать другое поручение нельзя, ибо у командированного нет денег.

Как лицо, коему вверена судьба прикомандированных, полагаю безусловно необходимым немедленно удовлетворить всех их жалованием, хотя бы по минимальному расчету — 400 рублей в месяц, как значится в имеющихся на руках аттестатах, выданных Николаевской военной академией»^{II}.

В дальнейшем размеры жалования возрастали. Немалую роль в этом сыграл лидер выпуска курсов 2-й очереди Г.И. Теодори. Так, например, он добился того, что прикомандированные к штабам с 14 марта 1918 г. получали по 400 руб. в месяц и 20 руб. суточных^{III}.

К концу апреля 1918 г. оклады курсовиков составляли от 626 руб. 67 коп. у прикомандированных к штабам до 1800 руб. Оклады эти считались достаточно хорошими. По штатам, утвержденным ВВС, ставки должны были составить 550–750 руб. на курсовика^{IV}. Тем не менее не всех привлекало даже высокое материальное обеспечение. Так, курсовик Ю.И. Григорьев получил 1200 руб. подъемных, обмундирование и 600 руб. жалования за март 1918 г., но все равно пожелал уйти со службы по болезни в связи с ранением^V.

Слушателей нового набора академии большевистские вожди планировали снабдить жалованием в размере 550 руб. в месяц^{VI}. Военком академии с мая 1918 г. получал 500 руб. в месяц^{VII}, т.е. меньше слушателей. В мае 1918 г. Уральский областной военкомат планировал доплачивать слушателям по 150 руб. за организационную работу^{VIII}. Курсовики несли и определенные корпоративные расходы (например, взносы в капитал взаимопомощи офицеров Генштаба и на содержание причта Суворовской церкви).

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 92. Л. 111об.–113.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 24.

^{III} Там же. Л. 109об.

^{IV} Там же. Л. 37об.

^V Там же. Л. 39, 41.

^{VI} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1об.

^{VII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 200.

^{VIII} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1646. Л. 77.

В марте 1918 г. за руководство практическими занятиями по тактике платили 3–6 руб., по военной администрации – 2 руб.^I В апреле – мае 1918 г. профессора академии получали по 600 руб., начальник академии – 700 руб., правитель дел, заведующие обучающимися – по 450 руб., казначей академии – 350 руб., дворник – 275 руб.^{II} Оклад начальника академии по проекту, датированному 30 апреля 1918 г., намечался в 900 руб.^{III}, на июнь 1918 г. он составил 1000 руб. и был приравнен к окладу по должности начальника управления^{IV}. Правитель дел получал 800 руб., его помощник – 700, ординарный профессор – 900, штатный преподаватель – 700, сторож – 150 руб.^V За производство экзаменов в мае 1918 г. выплачивались дополнительные деньги – 50 руб. за экзамен^{VI}. Профессора за лекции получали по 25 руб., практические занятия оплачивались выше (в июле 1918 г. – 30–45 руб.).

Штат военрука района (отряда) завесы был утвержден ВВС 28 марта 1918 г. Тогда военрук получал 700 руб. (боевой оклад – 800), помощник военрука – 700 руб. в любое время, начальник штаба – 600 руб., генштабисты для особых поручений – по 500–550 руб., начальники отделений – по 500 и 550 руб. (боевой оклад)^{VII}. По мнению консультанта оперативного отдела Наркомата по военным делам, изложенному в секретном докладе о состоянии Воронежского района от 21 июня 1918 г., в завесе «обращает внимание полное отсутствие в штабах участков специалистов Генерального штаба, что весьма вредно отражается на элементарной работе штабов»^{VIII}. Текст был подчеркнут членом ВВС К. А. Мехоношиным, который на полях документа набросал: «Мизерные оклады и грубость и подозрительность отд[ельных] лиц мешает набору»^{IX}.

Служивший в Петроградском районе П. Н. Буров писал 10 июля 1918 г. начальнику Управления по командному составу ВГШ А. П. Архангельскому о своем тяжелом материальном положении: «Вот уже три месяца как я состою на службе в Петроградском районе.

Вывеску меняю еженедельно, а толку до сих пор нет. Нервы треплются без пользы и для себя, и для дела. А главное – нахожусь под непосредственной угрозой голодной смерти. За себя еще не боюсь, но за семью стало положительно страшно.

Если Вы можете мне оказать помощь перебраться на какую-нибудь должность в районе Ярославля – не откажите оказать содействие. С [Н. Д.] Ливенцовым^X у меня были хорошие отношения. Если он там еще и у него имеются какие-либо места, думаю – затруднений не будет.

В настоящее время я именуюсь инспектором 1^й инспекции формирований. Но дивизии постепенно отходили от меня, и сейчас пытаются что-то сделать для меня искусственно.

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 88. Л. 4–4об.

^{II} Там же. Л. 15об., 16об., 19об., 20об., 24об., 51об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 171.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

^V Там же. Л. 4–5.

^{VI} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 89. Л. 2об.

^{VII} РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 83. Л. 149.

^{VIII} РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 29. Л. 2об.

^{IX} Там же.

^X Правильно – Ливенцевым.

Вообще же создавшаяся здесь обстановка стала невыносимо тягостна. Знаю, что и в других местах, вероятно, не лучше, но все же всемерно из Петрограда хочу выехать»^I.

Декретом СНК от 27 июня 1918 г. «Об оплате труда служащих и рабочих советских учреждений» устанавливались новые нормы оплаты труда. Все советские работники были разделены на четыре группы, внутри каждой из которых делились на категории. К первой группе относились наркомы, руководители учреждений и их самостоятельных подразделений (отделов, отделений, секций), помощники руководителей подразделений, ответственные работники со специальными знаниями, делопроизводители 1-го разряда со знанием иностранных языков, заведующие канцеляриями и т. д. Ко второй группе – служащие со специальными знаниями и опытом, работавшие под руководством ответственных лиц, делопроизводители, преподаватели средних учебных заведений. К третьей группе относились профессиональные рабочие и служащие без специальных знаний. К четвертой группе – начинающие и низовые работники. Очевидно, генштабисты относились к первым двум группам (прежде всего, к первой). Оклад наркомов, заведующих общероссийскими учреждениями, управляющих делами комиссариатов составлял по декрету 800 руб. (1-я категория 1-й группы), ответственные работники со специальными знаниями, т. е. основная масса генштабистов (2-я категория 1-й группы), получали 750 руб. От категории к категории оклады уменьшались на 50 руб.

Во второй группе максимальным окладом было 650 руб. Суточные деньги по декрету составляли месячный оклад, деленный на 30, но не менее 20 и не более 40 руб. в сутки. Сверхурочная работа в ночное время и праздники оплачивалась в двойном размере^{II}.

Оклады специалистов могли быть увеличены до 1200 руб. в месяц^{III}. Для сравнения, наименьший оклад инженера-специалиста в Наркомате путей сообщения составлял 1200 руб., а техника – не менее 800 руб. Рабочие в среднем получали на сентябрь 1918 г. 325–350 руб. в месяц, а председатель СНК В. И. Ленин за 1918 г. получал по должности в среднем 807 руб. в месяц (как и полагалось по декрету от 27 июня 1918 г.)^{IV}. Несмотря на десятикратный рост суммы, покупательная способность зарплаты рабочих снизилась в сравнении с 1914 г.

Согласно справке отделения по службе Генштаба ВГШ, датированной 15 июля 1918 г., «в настоящее время вопрос о замещении вакантных должностей Генерального штаба принимает очень острое положение, в особенности в больших городах, где материальные условия жизни чрезвычайно тяжелы.

Обстоятельствами, затрудняющими для большинства лиц Генерального штаба поступление их вновь на службу, являются, по заявлению большинства, 1) маленькие оклады содержания, на которые семейные не могут существовать, и 2) неудовлетворительная постановка продовольственного и квартирного вопросов»^V.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 107. Л. 67–67об.

^{II} Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 644–648.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

^{IV} В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 301; Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России. С. 173.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 37.

Предлагалось ввиду роста дороговизны увеличить прибавку к окладам до 50 % существующих окладов.

Начальник Оперативного управления ВГШ С.А. Кузнецов сообщал в Народный комиссариат государственного контроля 9 августа 1918 г. о непростых обстоятельствах поступления в РККА будущего знаменитого советского военачальника А.И. Корка, занявшего пост младшего делопроизводителя оперативного отдела ВГШ: «Означенный военнослужащий ранее служил в штабе Западного фронта; 21 февраля с.г., при занятии гор[ода] Минска германскими войсками, все военнослужащие названного штаба, которого не удалось своевременно эвакуировать, германцами были объявлены военнопленными (без перевода в лагерь военнопленных).

Военнослужащему Корку удалось переехать в Великороссию лишь 11 июня с.г. Так как он не имел никаких личных средств, а небольшая поддержка, которая оказывалась германскими властями в первые 1½ месяца, была совершенно недостаточна для существования военнослужащего Корка и состоявшей при нем его семьи, то он был вынужден прибегнуть к заимообразной денежной поддержке со стороны своих знакомых.

Для поправления своего тяжелого материального положения ввиду необходимости ликвидировать личные денежные обязательства военнослужащий Корк возбудил ходатайство о выдаче ему единовременного двухмесячного денежного пособия.

Начальник Всероссийского главного штаба признал ходатайство вполне уважительным, но комиссар штаба высказался о возможности выдачи пособия отрицательно, указав, что все лица, находящиеся на службе в новой армии, не могут получать каких-либо пособий за время до службы.

Управляющий делами Народного комиссариата по военным делам Н.М. Потапов разъяснил, что теперь вообще никакие пособия не выдаются, но вместе с тем указал, что одно из подобных ходатайств было направлено в Государственный контроль.

По приказанию начальника Всероссийского главного штаба при сем препровождаю переписку о выдаче единовременного пособия в размере двухмесячного жалования военнослужащему Корку на окончательное заключение.

При этом считаю необходимым упомянуть, что названный военнослужащий хотя и поступил в новую армию 14 июня, но фактически был лишен возможности, по причинам, от него не зависящим, нести службу с 21 февраля по 14 июня с.г., а между тем пребывание в положении военнопленного поставило его в тяжелые материальные условия¹. Документ свидетельствует не только об особенностях материального положения военспеца, недавно вернувшегося из плена, но и о корпоративной солидарности генштабистов.

Главный редактор журнала «Военное дело» в составленном проекте штата в мае 1918 г. указал желаемый оклад в 900 руб.² «Лица Генерального штаба», зачислявшиеся в распоряжение начальника ВГШ, получали месячный оклад в 700 руб.³ В августе 1919 г. на междуведомственном совещании при Военно-законодательном

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 305об.–306.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 25. Л. 9.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 90. Л. 4.

совете обсуждалось повышение их окладов до 2000 руб. и сохранение прежнего жалования зачисляемым с фронтовых должностей^I.

Оклады постепенно возрастали. Военрук участка получал 1000 руб. (К.К. Баиов как военрук Московского района получал 1500 руб.^{II}), помощник военрука, начальник штаба – 900 руб., начальники отделов – по 800 руб., начальники отделений – по 700 руб., консультанты при штабах озерно-речных флотилий – по 800 руб., начальники дивизий – по 900 руб., начальники штабов дивизий – по 800 руб., командиры бригад – по 800 руб., начальники штабов бригад – по 600 руб., помощники начальников штабов дивизий по оперативной части – по 550–600 руб., заведующие оперативной частью неотдельных бригад – по 600 руб.^{III} Такие же оклады сохранялись и летом 1918 г.^{IV} Инспектор формирований получал 1000 руб., состоявшие для поручений при нем – по 700 руб.^V К осени 1918 г. 700-рублевый оклад стал минимальным для оплаты труда специалистов Генштаба на низших должностях^{VI}. Находившийся в распоряжении военрука Северного участка отрядов завесы в сентябре 1918 г. Ф.В. Костяев должен был получить 1200 руб. С конца сентября как начальник штаба Северного фронта он получал уже 2500 руб., а с 22 октября как начальник ПШ РВСР – 3500 руб.^{VII} Таким образом, за месяц жалование военспеца выросло втрое. Вдвое выросло жалование генштабиста А.К. Малышева, получавшего как начальник штаба войск Петрограда до конца сентября 1918 г. 800 руб., а затем как начальник разведывательного отдела штаба Северного фронта и для поручений при начальнике ПШ РВСР 1700 руб.

Оклады часто менялись. Так, только в ВВС летом 1918 г. они изменились трижды в течение одного месяца (табл. 65).

Таблица 65

**Изменение должностных окладов военспецов –
ответственных сотрудников ВВС («лиц Генштаба») в 1918 г.^{VIII}**

Должность	Оклад (руб.)		
	До 27.06.1918	По приказам Наркомвоен № 679 и 866 и декрету от 27.06.1918	По докладам от 07.07 и 22.07.1918, утвержденным 10.07 и 23.07.1918
Военный руководитель	1000	1200	2000
Помощник военрука	1000	1200	1000
Начальник штаба	1000	1200	1500
Начальник Оперативного управления	1000	1200	1000

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1001. Л. 1.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 436.

^{III} Там же. Л. 272–274.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 324.

^V РГВА. Ф. 37562. Оп. 1. Д. 20. Л. 16.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 202; Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 2; Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 150.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 75.

^{VIII} РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.; Д. 4. Л. 16–16об.

Должность	Оклад (руб.)		
	До 27.06.1918	По приказам Наркомвоен № 679 и 866 и декрету от 27.06.1918	По докладам от 07.07 и 22.07.1918, утвержденным 10.07 и 23.07.1918
Начальник ВОСО	1000	1200	1000
Начальник Организационного управления	900	1100	1000
Помощник начальника Оперативного управления по оперативной части	800	950	900
Помощник начальника Оперативного управления по разведывательной части	800	950	900

Судя по всему, повышение окладов продолжалось и далее. Помощник начальника оперативного управления штаба ВВС Б.М. Шапошников, по данным на начало сентября 1918 г., получал 1360 руб. С 7 сентября по должности начальника разведывательного отдела Оперативного управления Штаба РВСР он стал получать 1700 руб.¹

По штату Штаба РВСР, утвержденному главкомом И.И. Вацетисом 7 сентября 1918 г., были установлены следующие оклады (табл. 66).

Таблица 66

Оклады «лиц Генштаба» — работников Штаба РВСР по штату 7 сентября 1918 г.^{II}

Должность	Оклад (руб.)
Главком	5000
Начальник штаба	3000
Для поручений при начальнике штаба	1700
По части снабжений при начальнике штаба	2000
Начальник Оперативного управления	2000
Помощник начальника Оперативного управления	1700
Начальник общего отделения	1700
Помощники начальника общего отделения (2, могут быть Генштаба)	1500
Начальник оперативного отдела	1700
Помощники начальника оперативного отдела (3)	1500
Начальник разведывательного отдела	1700
Начальник разведывательного отделения	1700
Помощник начальника разведывательного отделения	1500

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 253.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 181–181об.

В сентябре 1918 г. в Штабе РВСР начальники отделов и отделений (Б.М. Шапошников, Ф.Л. Григорьев, М.Н. Земцов) получали жалование в размере 1700 руб.^I Инспектор снабжений Н.А. Сулейман получал 2000 руб.^{II} Оклады инспекторов оставались на этом же уровне, по меньшей мере, до конца года. Комиссары при инспекторах могли получать 1600 руб., т.е. меньше военспецов^{III}. Весной 1919 г. В.Н. Егорьев как инспектор пехоты при ПШ РВСР получал 2500 руб.^{IV}

В процессе формирования советской Ставки – ПШ РВСР были установлены следующие оклады (табл. 67).

Таблица 67

Оклады работников ПШ РВСР^V

Должность	Оклад (руб.) в конце 1918 – 1919 г.
Начальник ПШ РВСР	3500
Военный комиссар	2800
Для поручений при начальнике ПШ РВСР	2000 (на июль 1919 г. – 3000 руб.)
Для поручений при помощнике начальника ПШ РВСР	1700
Начальник оперативного отделения	1700
Помощники начальника оперативного отделения	1700
Начальник общего отделения	1800
Начальник разведывательного отделения	1800
Начальник Регистрационного управления	2000
Консультант управления	2000
Начальник агентурного отдела	2000
Начальник агентурного отделения	1800

При этом служба в Серпухове, куда переехал ПШ РВСР, не давала, в отличие от службы в Москве, каких-либо возможностей генштабистам для подработки, хотя отчасти это компенсировалось большей дешевизной жизни^{VI}.

20 сентября 1918 г. был издан приказ РВСР, содержавший данные о новых окладах. Согласно приказу командующий армией получал 2500 руб., член РВС армии – 1700 руб., начальник штаба армии – 2000 руб., его помощник, а также начальник снабжений, начальник ВОСО, интендант армии – 1700 руб., заведующие отделениями армейских штабов – 1500 руб., их помощники – 1300 руб., делопроизводители – 900 руб. Командиры полков – 1500 руб., командиры батальонов – 1200 руб., командиры эскадронов – 1000 руб., командиры отделений – 600 руб., красноармейцы – 300 руб.^{VII}

Эти оклады намного превышали оклады ответственных гражданских работников и специалистов, установленные ВЦИК 22 сентября 1918 г. и утвержденные

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 13об.

^{II} Там же. Л. 13.

^{III} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 270об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 193об.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 173об.; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 72, 73, 76–76об.; Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 117. Впрочем, в документах встречаются и более низкие оклады у тех же работников.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 216.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 13–13об.

декретом СНК от 18 октября 1918 г. (максимальный оклад ответственных руководителей составлял 1000 руб., максимальный оклад служащего со специальными знаниями и опытом — 830 руб.). Но нельзя сказать, чтобы генштабисты особо выделялись по окладам среди специалистов. Сопоставим их оклады с жалованьем военных моряков. К примеру, начальник Морского Генерального штаба летом 1918 г. получал 1500 руб., с конца сентября 1918 г. командир корабля 1-го ранга в среднем получал 1650 руб., к началу 1919 г. начальники главных управлений получали по 2700 руб.^I Эти суммы вполне сопоставимы с тем, что получали генштабисты по аналогичным должностям в соответствующие периоды. Неудивительно, что разведка Добровольческой армии на осень 1918 г. пришла к выводу о том, что красные привлекали офицерство окладами^{II}.

Находившийся в распоряжении начальника ВГШ и ожидавший назначения И.П. Сытин в сентябре 1918 г. получал 1000 руб. по должности, на которую предназначался (военрук Приволжского военного округа)^{III}. Генштабисты, находившиеся в распоряжении начальников армейских штабов, могли в конце 1918 г. получать оклад в 1700 руб.^{IV}

Председатель Реввоентрибунала республики получал 2800 руб. в месяц^V. Сотрудники комиссии по исследованию и использованию опыта войны на 1919 г. имели следующие оклады: председатель комиссии, ответственный редактор, сотрудники-составители — 2200–2700 руб., секретарь и военный картограф — 1800 руб., делопроизводитель — 1240 руб.^{VI}. Реальные выплаты могли быть ниже, например, при совместительстве удерживали 50 % жалованья^{VII}. Так, генштабисту Н.А. Сулейману была предложена должность военного картографа, но с окладом 1060 руб. как совместителю^{VIII}.

Начальник Штаба РВСР Н.И. Раттэль получал 3000 руб. в месяц, 9 октября 1918 г. он был назначен начальником ВГШ, но приступил к исполнению обязанностей только 25 октября. Новый оклад Раттэля составил лишь 1480 руб., что вызвало недовольство военспеца. Тем более что главком И.И. Вацетис и член РВСР К.Х. Данишевский пообещали ему на словах, что с новым назначением материально Раттэль не пострадает^{IX}. Новый оклад Раттэль испрашивал с 22 октября. Для сравнения, предшественник Раттэля на этом посту А.А. Свечин получал 2000 руб. в месяц. В итоге Раттэль добился своего и стал получать 3000 руб. и по новой должности^X. Любопытно, что военный комиссар ВГШ И.Л. Дзевалтовский имел на декабрь 1918 г. оклад в 1480 руб.^{XI}, получая, таким образом, вдвое меньше беспартийного военспеца Раттэля.

^I Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России. С. 171, 173, 176.

^{II} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 4. Л. 30.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 83–84.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 440.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 111об.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 105об.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 158.

^{VIII} Там же. Л. 50. Впрочем, по временному штату комиссии на 10 декабря 1918 г. председатель, редакторы и сотрудники-составители получали 1000 руб., а в планах было повышение до 1480 руб., военный картограф получал 700 руб., а намечено было повышение до 1000 руб. (РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1044. Л. 11). Эти оклады существовали еще с сентября 1918 г. по прежнему штату (Там же. Л. 33).

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 135об.

^X Там же. Л. 465.

^{XI} Там же. Л. 461.

Понижение оклада грозило и С. А. Кузнецову. Как начальник Оперативного управления ВГШ он получал 1480 руб., однако в результате слияния в ноябре 1918 г. Организационного и Оперативного управлений Кузнецов стал начальником отдела с окладом 1360 руб. Н. И. Раттэль испрашивал разрешения заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского на то, чтобы сохранить за Кузнецовым и другими терявшими часть жалованья военспецами прежние оклады с уплатой разницы из двухмиллионного фонда, находящегося в распоряжении Совета ВГШ^I. На это было получено добро. В декабре 1918 г. оклад начальника ЦУПВОСО бывшего генерала М. М. Загю составлял 2500–2550 руб.^{II}

«Лица Генерального штаба», командировавшиеся на фронт (из Москвы или через Москву), в 1918 г. из сумм, имевшихся в распоряжении начальника ВГШ (двухмиллионный кредит^{III}), получали у заведующего финотделом Наркомата по военным делам подъемное пособие в 2000 руб.^{IV} С 3 декабря 1918 г. выплаты пособия по решению комиссара ВГШ И. Л. Дзевалтовского прекратились^V, согласно приказу РВСР от 26 декабря 1918 г. выдавалось лишь путевое довольствие^{VI}. Кроме того, при командировках на фронт практиковалась выдача в дорогу чая, сахара, хлеба и консервов за наличный расчет по установленной норме^{VII}. Тем не менее в конце декабря 1918 г. трое генштабистов, получивших предписания на Южный фронт, не могли выехать из-за отсутствия средств и ссылаясь на критическое положение^{VIII}.

С 15 ноября 1918 г. начальник оперативного управления штаба фронта получал 2300 руб., начальник оперативного отделения – 1900 руб.^{IX} Начальник отдела штаба фронта на октябрь 1918 г. получал 2000 руб. в месяц^X. При этом начальник отдела штаба округа в ноябре 1918 г. получал лишь 848 руб.^{XI} С 30 октября 1918 г. члены комиссий по пересмотру и разработке уставов, занимавшие штатные должности, получали суточные деньги в размере 20 руб.^{XII}

В армейском звене оклады были следующими. Оклад командующего Западной армией А. Е. Снесарева на декабрь 1918 г. намечался в 3500 руб. (в октябре 1918 г. Снесарев как начальник Западного района обороны получал 1250 руб.^{XIII}), члены РВС получали по 2000 руб., военспецы для поручений при командарме – по 1700 руб. (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба), начальник штаба армии получал 2500 руб., для поручений при нем (мог быть Генштаба) – 1500 руб., начальник оперативного управления – 2000 руб., для поручений при нем (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба) – по 1500 руб., начальник оперативного

^I Там же. Л. 428.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 472; Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 126об.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 164.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 997. Л. 49.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 179.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 55.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 483.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 134. Л. 90.

^{IX} РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

^X РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 97.

^{XI} РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 24. Л. 12.

^{XII} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 97.

^{XIII} Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 879 (Архив семьи Снесаревых).

отделения – 1700 руб., помощники (один – Генштаба, второй – мог быть Генштаба) – по 1500 руб.^I Такие же оклады сохранялись и в начале 1919 г.

Начальник отделения штаба армии в декабре 1918 г. мог получать 1500 руб.^{II} На апрель 1919 г. начальник оперативного отдела штаба армии получал 1700 руб., генштабист на должности для поручений в штабе армии – 1400 руб. Генштабист на должности для особых поручений в штабе фронта получал уже 2100 руб.^{III} Таким образом, в материальном плане фронтовые штабы были более привлекательным местом службы.

Начальник штаба бригады мог получать в конце 1918 г. 1500 руб., командир бригады – по 2000 руб.^{IV} Заведующий командными курсами мог получать в 1919 г. 800 руб., военрук губвоенкомата – 1060–1360 руб., а после повышения окладов – 1700 руб.^V

25 ноября 1918 г. заместителем председателя РВСР Э.М. Скиянским были утверждены новые оклады сотрудникам ВГШ, по которым начальники военно-исторической части, разведывательной части, регистрационной службы получали по 800 руб. в месяц, начальник Военно-ученого архива, московского архива, нижегородского архива расформированных частей, хранитель библиотеки – по 700 руб.^{VI}

Слушатели Академии Генштаба РККА на июнь 1919 г. получали по 1900 руб. в месяц^{VII}. Кроме того, они получали вещевое и провиантское довольствие наравне с ротными командирами действующей армии^{VIII}. А.А. Свечин как штатный преподаватель академии получал в начале 1919 г. 2100 руб.^{IX} Намного ниже были оклады в Высшей советской школе штабной службы, где заведующий слушателями в 1919 г. получал только 800 руб.^X Начальник ЦУПВОСО на февраль 1919 г. получал 1800 руб., начальник отделения – 1500 руб.^{XI}

В мае 1919 г. оклады персонала Академии Генштаба РККА были повышены. Начальник академии, военком и политком получали по 3000 руб., специальные лекторы (ординарные профессора) – по 2800 руб., постоянные преподаватели (экстраординарные профессора) – по 2400 руб., машинист – 920 руб., дворник – 720 руб. (низший оклад)^{XII}.

Впрочем, материальное положение преподавателей показалось крайне плачевным бывшему генералу И.А. Данилову, который вспоминал о жизни академической профессуры в 1920 г.: «Обремененная по большей части семьями, получая скудное содержание и ограниченный паек и не имея возможности за недостатком времени заняться спекуляцией, она видела в академии для себя все-таки якорь спасения, так как красные слушатели академии, будучи коммунистами, при своих поездках на внешний и внутренний фронт, имели возможность привозить оттуда

^I РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 35.

^{II} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 5.

^{III} Там же. Л. 94.

^{IV} РГВА. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

^V РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 30.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 208.

^{VII} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 47.

^{VIII} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 170об.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

^X РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 38.

^{XI} ГАО. Ф. Р-2851. Оп. 10. Д. 61. Л. 36об.

^{XII} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 215–217.

несколько пудов муки и несколько фунтов сала в подарок профессору, за что, конечно, при той голодовке, которая была в 1919–[19]20 году, когда вольного рынка не существовало, последние были глубоко благодарны. Этим и жила профессура и их семьи... Думаю, что в настоящее время положение профессуры несколько улучшилось, так как жалованье увеличилось до миллиардов, на вольном рынке можно купить продукты и, кроме того, вероятно, она, как и прочая профессура высших учебных заведений, получает так называемый “паек ученых”, но, конечно, все же при этом человеку, обремененному семьей, приходится владеть жалкое существование¹. Данилов приводил пример командовавшего в конце 1920 г. 42-й стрелковой дивизией М.И. Розена, который после разгрома Врангеля уехал из дивизии в академию с четырьмя вагонами муки (в качестве подарка академии), собранными продовольственными органами дивизии с крестьян².

Неплохие оклады имели военспецы, служившие в Высшей военной инспекции. По штату инспекции на декабрь 1918 г. оклады были следующими (табл. 68).

Таблица 68

Оклады работников Высшей военной инспекции. Декабрь 1918 г.³

Должность (принадлежность к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Военрук военного отдела (ГШ)	3500
Помощник военрука военного отдела (ГШ)	3000
Для поручений при нем (ГШ)	1500
Заведующий особым делопроизводством (ГШ)	2500
Старшие помощники заведующего особым делопроизводством (5, в том числе 3 ГШ)	2300
Младшие помощники заведующего особым делопроизводством (10, в том числе 4 ГШ)	2000
Инспекторы (5, могут быть ГШ, в том числе инспектор снабжения – ГШ, инспектор по мобилизации и всеобщему обучению – ГШ, инспектор ВОСО – ГШ)	2500
Заместитель инспектора по мобилизации и всеобщему обучению (ГШ)	2000
Заместитель инспектора ВОСО (ГШ)	2000
Младшие инспекторы (8, в том числе 2 ГШ)	2000
Младшие инструкторы (8, в том числе 1 ГШ)	2000
Переписчик	900
Литограф	650

В апреле 1919 г. инспектор пехоты Высшей военной инспекции получал уже 2700 руб.⁴ Примерно в это же время председатель местного ревкома мог получать 2000 руб.⁵, продовольственный комиссар уезда – 800 руб., а рабочий в Самаре

¹ Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 96.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2. Л. 387об.–388.

⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 4. Д. 254. Л. 1.

⁵ РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 266.

в январе 1919 г. в среднем получал 394–548 руб. в зависимости от отрасли¹. Подобное соотношение ставит резонный вопрос о том, была ли Советская Россия пролетарской диктатурой, коль скоро буржуазные специалисты получали при большевиках в 3–7 раз больше пролетариев и в 2–4 раза больше большевиков. Уже в феврале 1919 г. власть увеличила заработную плату гражданских служащих.

Члены Военно-законодательного совета в начале 1919 г. имели оклад в 2700 руб. (для сравнения, весной 1918 г. делопроизводитель совета получал 700 руб.²), чуть ниже, 2600 руб., был оклад членов Высшей аттестационной комиссии, столько же получал помощник военного руководителя округа, генштабисты из управлений ВГШ могли получать 2400 руб., начальник Военно-ученого архива Д. К. Лебедев получал 1800 руб.³ К осени 1919 г. как редактор журнала «Военное дело» он получал 2800 руб.⁴

Недостаточным считалось вознаграждение военных специалистов, трудившихся в военно-исторической комиссии. Их жалованье определялось предельным размером оклада в 3000 руб., выше которого они не могли получать жалованья. Для таких видных военных деятелей, как В. Н. Клембовский и Н. М. Потапов, надбавка за работу в комиссии в итоге составляла лишь 300 руб. В одном из отчетных документов в этой связи отмечалось: «Несмотря на то что все сотрудники комиссии объединены горячей и бескорыстной любовью к военно-исторической работе, такое вознаграждение за месячную работу в комиссии и выполнение ответственных историко-научно-литературных работ, едва равное оплате гонорара за ¼ листа по профессиональным ставкам, не может быть признано нормальным⁵. При существующей дороговизне жизни и бесплатности, по существу, работ в комиссии, замечается усиленное стремление сотрудников к журнальной и военно-педагогической деятельности, оплачиваемым⁶ гораздо выше. Такое стремление, правда, вносит большой вклад в общую работу нашего военного строительства, но увлечение им не может не отразиться в невыгодную сторону на особых задачах комиссии»⁷.

У многих «бывших» материальное положение в результате революционных потрясений ухудшилось. В этом отношении показательна аттестация 1919 г., данная военспецу бывшему генералу В. Г. Серебрянникову: «Угнетен материальным ущербом, нанесенным революцией. Он из довольно состоятельной фамилии, ныне ходит в кое-каких опорочках, хоть, по привычке, чистенько и аккуратно. Естественно, что общее настроение его не радушно. Однако не злобствует»⁸.

Рассмотрим материальное положение тех лиц, которые изменили советской власти и перешли на сторону антибольшевистских сил или просто бежали с советской территории. Этот вопрос крайне интересен и показателен в контексте утверждений отдельных авторов, что подобные измены могли происходить по материальным соображениям.

¹ Тишкина А. В. Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.

² РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 144.

⁴ Там же. Л. 304.

⁵ В документе несогласованно — нормальной.

⁶ В документе несогласованно — оплачиваемых.

⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 131.

⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 8. Л. 20об.

Например, в конце сентября 1918 г. инспектор формирований 2-й инспекции Северного участка отрядов завесы бывший полковник И.Г. Пехливанов сбежал к белым^I. По своей должности в Красной армии он получал один из самых высоких должностных окладов в 1000 руб.^{II} Как видим, солидное жалование вовсе не предотвратило бегство Пехливанова из РККА, в основе которого были не материальные, а семейные обстоятельства^{III}.

Бывший полковник А.В. Станиславский 22 сентября 1918 г. подал рапорт об отставке по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам^{IV}, затем выехал в командировку в район Брянска и перешел на украинскую территорию. Буквально накануне, 21 сентября, Станиславский получил предписание отправиться в 3-ю армию Восточного фронта^V. Каково же было материальное положение Станиславского накануне бегства? По выявленным нами документам, Станиславский получил жалование по 1 октября 1918 г., причем был помимо этого удовлетворен двухмесячным окладом в размере 1600 руб. с последующим погашением в течение пяти месяцев путем равномерных вычетов из содержания^{VI}. Получается, что он бежал, захватив с собой 2780 руб., из которых 1600 должен был возвратить. У белых Станиславский осенью 1919 г. получал месячный оклад в 4000 руб., однако не приходится говорить о том, что офицер, вынужденный скрываться от красных в Киеве в 1919 г., неоднократно менять фамилию и, в конце концов, срочно бежать, бросив все, с одним только вещмешком^{VII}, перешел к белым из корысти.

Похожим образом поступил бывший полковник барон А.Л. фон Нолькен, который сбежал, получив у большевиков перед этим 1060 руб. жалования по 1 октября 1918 г. и двухмесячный оклад в размере 1400 руб. с таким же последующим погашением в течение пяти месяцев^{VIII}. Для белых подпольщиков максимальное ослабление большевиков, в том числе путем хищения у них крупных денежных средств, было проявлением доблести и, во всяком случае, казалось немалым успехом. При этом материальные вопросы для офицеров, подвергавших себя и своих близких (памятуя о декларированной большевиками угрозе заложничества членов семей изменников^{IX}) смертельному риску, стояли явно не на первом месте.

Высокопоставленные военные, как у красных, так и у их противников, могли пользоваться статусными и дефицитными в то время транспортными средствами – автомобилями (в старой армии они полагались не ниже уровня начальников дивизий). Разумеется, нередко автомобили использовались не только в служебных, но и в личных целях. Иногда на почве борьбы за машины разгорались серьезные конфликты – например, конфликт из-за распределения трофейных авто произошел у генералов П.Н. Врангеля и Б.И. Казановича в Добровольческой армии

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 267.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 349.

^{III} Подробнее см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 84–145.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1124. Л. 143.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 49.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 461.

^{VII} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 463.

^{IX} Подробнее об этом см.: Ганин А. «Измена и предательство повлечет арест семьи...»: Заложничество семей военспецов – реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75; расширенный вариант: Его же. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 195–208.

в 1918 г.ⁱ Схожий конфликт случился на почве дележа машины видного перебежчика генерала А.Л. Носовича в Донской армии.

Бывшим офицерам в Советской России, даже не служившим у большевиков, выплачивались пенсии. Так, бывший генерал В.И. Селивачев через ВГШ добился получения пенсии начиная с осени 1918 г.ⁱⁱ Размер пенсии должен был составить 3600 руб. в год от казны и 859 руб. из эмеритальной кассы. Однако пока решался пенсионный вопрос, чтобы прокормить семью, бывший генерал трудился в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяцⁱⁱⁱ. Получал пенсию за службу в старой армии в советских условиях в 1918 г. и бывший полковник Н.Д. Всеволодов^{iv}. 11 декабря 1917 г. был издан декрет СНК о прекращении выдачи пенсий, превышавших 300 руб. в месяц, или 3600 руб. в год^v. В июле 1918 г. наркомом социального обеспечения была предпринята попытка приостановить выплату пенсий, что совпадало по времени с декретом о призыве бывших офицеров в РККА. Тем не менее вмешательство Л.Д. Троцкого предотвратило такой шаг и спасло от голодной смерти немало бывших офицеров^{vi}. 26 апреля 1919 г. пенсии по прежним правилам были отменены и назначались на основании положения СНК от 31 октября 1918 г. только неспособным к труду и не имеющим средств к жизни^{vii}.

Проследим дальнейшее изменение материального положения В.И. Селивачева. 1 ноября 1918 г. он был принят на службу в Главное управление архивным делом в должности заведующего 1-м московским отделением 3-й (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1000 руб.^{viii} С 15 декабря 1918 г. Селивачев возглавил всю 3-ю секцию, а его оклад возрос до 1300 руб. Новая должность давала Селивачеву и ряд других преимуществ. В частности, 2 декабря Селивачев получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относился ко второй категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачева следующие «льготы»:

- «а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остается в их владении.
- б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.
- в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми^{ix} для перевозки их мебели и имущества.
- г) Белье, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.
- д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учету и поступают в ведение соответствующих организаций»^x.

ⁱ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 384. Л. 5.

ⁱⁱ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 149–082 (1918 г.). Л. 1, 4, 9, 10–11.

ⁱⁱⁱ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

^{iv} РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 145–351. Л. 4об.–5.

^v Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 212–213.

^{vi} РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 8. Л. 46, 46а, 50об.

^{vii} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 50.

^{viii} ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 1.

^{ix} В документе несогласованно — необходимых.

^x ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 3.

Кроме того, Селивачев был отнесен ко второй категории «классового пайка»^I. Как помощник командующего советским Южным фронтом Селивачев получал оклад в 4000 руб., а с 6 октября 1919 г. были утверждены новые оклады в 6000 руб. Для сравнения, командующий армией на июль 1919 г. получал 3500 руб.^{II}

Семьям умерших военспецов-генштабистов выплачивались пенсии и пособия. Для определения размера пенсии существовало две категории заслуг – «особые» и «заслуги просто». Именно вопрос категории заслуг обсуждался в связи со смертью в сентябре 1920 г. бывшего генерала Ф.Н. Добрышина. Выплатами занимался Наркомат социального обеспечения. Работники наркомата пытались отнести Добрышина ко второй категории заслуг, чтобы платить меньше. Однако из ВГШ 4 ноября 1920 г. им сообщили, что Добрышин был «в числе первых военспецов»^{III}, принесших после Октябрьской революции свои знания и опыт на служение Советской республике...»^{IV} Таким образом, предполагалось, что должна выплачиваться усиленная пенсия.

Специалисты Генштаба для особых поручений при командующих армиями получали весной 1919 г. 1700 руб. в месяц. Начальник оперативного управления штаба армии получал 2000 руб.^V Реввоенсоветы заботились о том, чтобы жалование военспецов на новых местах службы было не ниже прежнего. Если оклад по новому месту был ниже, практиковались надбавки до прежнего размера. Так, при переводе В.И. Преображенского с должности начальника оперативного управления штаба 6-й армии на должность для особых поручений при командарме он не потерял 300 руб. разницы, так как командование добилося, чтобы жалование ему выплачивали в размере как для аналогичной должности фронтового уровня^{VI}.

Военспецы в Москве имели широкие возможности для приработка. Так, например, генштабисты, работавшие в комиссии Высшей военной инспекции по поверке ВГШ в феврале – марте 1919 г. получили следующий гонорар (табл. 69).

Таблица 69

Гонорары военспецов-генштабистов за работу в комиссии Высшей военной инспекции по поверке ВГШ. Февраль – март 1919 г.^{VII}

Ф.И.О.	Период работы	Гонорар (руб.)
Зайончковский А.М.	11–19.02.1919	360
Оболешев Н.Н.	20.02–31.03.1919	1600
Елизаров Н.С.	15.02–31.03.1919	1800
Грундштрем А. Г.	15.02–11.03.1919	1000
Иванов Б.М.	15.02–31.03.1919	1800
Ягодкин П.Я.	15.02–31.03.1919	1800
Нечволодов А.С.	14–31.03.1919	720

^I Там же. Л. 4.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1000. Л. 80.

^{III} Так в документе.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 996. Л. 41.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 29.

^{VI} Там же.

^{VII} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 294.

Гонорары выплачивались и за статьи. Так, в военно-научном журнале «Военное дело» летом 1918 г. платили по 40 коп. за строчку текста, стандартный объем статей составляли 100–150 строк^I. Таким образом, за одну публикацию можно было заработать до 60 руб.

В связи с инфляцией оклады постепенно возрастали. В августе 1919 г. были введены прибавки к вознаграждению генштабистам. С 1 сентября 1919 г. выплачивалось единовременное вознаграждение, а также каждые два месяца надбавки. Высшие должностные лица и начальники управлений получали единовременно 4000 руб., а регулярно — 2500 руб. надбавки, помощники начальников управлений — 3000 и 1700 руб. соответственно, начальники отделений — 2500 и 1500 руб. соответственно, помощники начальников отделений 2000 и 1200 руб. соответственно^{II}. Генштабист — начальник отделения в тыловых учреждениях получал 2400 руб., 400 руб. надбавки за переработку, 400 руб. за праздничную работу — итого 3200 руб. Кроме того, не исключалась возможность приработка в виде преподавания или работы в журналах. В итоге военспец мог получать 6000–10 000 руб.

В начале 1920 г. помощник начальника отчетного отдела Организационного управления ВГШ получал 4050 руб. в месяц^{III}. Завуч пехотных курсов на октябрь 1920 г. получал 5600 руб.^{IV} В феврале 1920 г. за отличную работу и в связи с переводом генштабисту М.Н. Земцову было выдано пособие в размере 20 000 руб.^V Даже пленные колчаковские генштабисты, командировавшиеся из Сибири в Москву в 1920 г., получали по 1000 руб. на командировку^{VI}. Н.Н. Петину «за воссоздание штаба Южного фронта, всего полевого управления, за умелую, неутомимую оперативно-административную работу начальника штаба Южфронта» РВС Юго-Западного фронта 11 января 1920 г. постановил выдать 30 000 руб. наградных. Среди подписавших постановление был И.В. Сталин^{VII}.

Некоторые генштабисты служили в РККА исключительно ради жалованья. О таких военспецах писал вр.и.д. главного полевого контролера 11-й армии А.Г. Жожикашвили в ЦК РКП(б) в июле 1919 г.: «Погоня за гонораром — это характерная черта военных учреждений, как фронта, так и XI отдельной армии»^{VIII}.

О настроении генштабистов оставил свидетельство известный историк Ю.В. Готье в дневнике 18 июня 1920 г.: «Сегодня я попал в Военно-историческую комиссию, где читался доклад о “рижской операции” в августе 17-го года, т.е. бегстве развращенной русской армии из-под Риги. Доклад делал генерал Парский, сморщенный лимон алкоголического типа... Генералы говорили о том, как их били, и мне не чувствовалось, чтобы кому-нибудь из них было особенно больно за себя, за армию, за Россию. Прежде столовые, теперь паек, вот все, что стояло и стоит на первом плане у русских вождей. Слушатели были большей частью обезьяны, настоящие

^I Сиверс А. М. Дневник. 1916–1919 / сост. А. Б. Гулярян. М., 2019. С. 415.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 924. Л. 215.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 34.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 462.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 927. Л. 64.

^{VI} РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1191. Л. 287.

^{VII} РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 1438. Л. 1. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» (<http://sovdoc.rusarchives.ru>).

^{VIII} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 58. Л. 3об.

гориллы хари, призванные составить новое русское офицерство во славу мирового пролетариата. Было интересно, но я ушел с чувством боли, стыда и жалости»^I.

Бывший начальник ВГШ Н.Н. Стогов, устроившись в Главное управление архивным делом, получал в конце 1918 г. 940 руб., а затем 1200 руб., причем ранее — на военной службе — его оклад составлял 1480 руб. в месяц^{II}. Оклад в 1200 руб. получали на советской архивной службе и такие генштабисты, как А.Н. Апухтин, А.И. Верховский, Н.П. Михневич^{III}. А.М. Зайончковский как делопроизводитель ВГШ получал 1430 руб. При этом по месту службы он работал не более двух часов в сутки, а в остальное время трудился дома^{IV}. По совместительству он работал и на архивном поприще. Руководители двух ведомств, Н.И. Раттэль и Д.Б. Рязанов, санкционировали работу военспеца в двух местах с тем, чтобы общий размер его жалования не превышал 4500 руб. в месяц^V.

Совокупный месячный доход военспецов-генштабистов на руководящих постах мог быть достаточно высок, хотя и различался порой существенно от военспеца к военспецу. Так, например, служивший начальником управления ВГШ А.М. Мочульский перед арестом в 1920 г. получал 4800 руб. в месяц^{VI}. Таким же был оклад И.И. Щолокова, занимавшего аналогичный пост^{VII}, и члена Военно-законодательного совета Н.А. Бабикова^{VIII}. Оклад бывшего полковника М.Ф. Раевского, служившего в Мобилизационном управлении ВГШ, в 1920 г. составлял 4200 руб. в месяц^{IX}. Оклад Л.А. Текелина составлял 3900 руб.^X Преподававший на 1-х Московских пехотных курсах П.К. Семенов получал в 1920 г. 2500 руб. и паек^{XI}. Г.И. Теодори до ареста в 1919 г. получал 2750 руб. в месяц^{XII}. Оклад его однокашника В.В. Трофимова в штабе Западного фронта составлял 2100 руб.^{XIII} Бывший генерал А.А. Поливанов перед арестом в 1919 г. получал 3000 руб. в месяц, переводя книги для Наркомпроса^{XIV}. Член Особого совещания при главкоме А.Е. Гутор имел оклад в 9000 руб.^{XV} А.Н. Ситников по должности помощника начальника штаба Западного фронта в 1921 г. получал 10 200 руб.^{XVI} Пленный колчаковец Г.В. Леонов, работавший в военно-исторической комиссии, получал 3000 руб.^{XVII} Другой пленный колчаковец А.И. Мезенцев, преподававший на пехотных курсах, получал 6000 руб.^{XVIII} Бывший белый генерал А.П. Перхуров в Советской России пользовался окладом в 5600 руб.^{XIX} И.Л. Шукевич

^I Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 411.

^{II} ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 826. Л. 1, 3.

^{III} РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 150об.

^{IV} РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1415. Л. 205.

^V Там же. Л. 205об.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 332.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 276. Л. 35.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 305. Л. 4.

^{IX} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 238. Л. 69.

^X ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 38.

^{XI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 322. Л. 55.

^{XII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 255. Л. 41; Д. 324. Л. 3.

^{XIII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 324. Л. 27.

^{XIV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 234 Л. 115.

^{XV} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 185. Л. 40.

^{XVI} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 251. Л. 35.

^{XVII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 211. Л. 110.

^{XVIII} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 216. Л. 110.

^{XIX} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 233. Л. 90.

по должности начальника штаба стрелковой дивизии в 1920 г. получал 5200 руб.^I При этом состоявший в такой же должности в Закавказье В.Н. Соколов (бывший генштабист азербайджанской армии) получал 8400 руб. и паек^{II}. Очевидно, в связи с инфляцией оклады возрастали. Так, Г.К. Холоманов в 1921 г. получал уже 60–70 тыс. руб. в месяц^{III}.

Одним из способов дополнительного заработка было написание статей за гонорар. Так, В.И. Самуйлов за статью «Устройство военного управления» осенью 1920 г. надеялся получить в редакции сборника «Красная армия в революционной войне Советской России» 38 000 руб. из расчета 9500 руб. за печатный лист^{IV}.

Особо заслуженных военспецов материально поощряли. Так, бывшему полковнику М.С. Свечникову, генштабисту-большевику, в воздаяние заслуг перед Советской республикой РВСР в январе 1920 г. установил постоянный оклад жалованья по должности командующего армией^V. М.Д. Бонч-Бруевич с 31 августа 1919 г. был переведен в распоряжение начальника ВГШ, но за прежние заслуги ему сохранили оклад по должности начальника ПШ РВСР, которую он занимал прежде^{VI}. Командование старалось, чтобы даже при понижении военспецов они не ощущали острого снижения своего достатка. Так, командовавший 11-й армией Н.А. Жданов летом 1919 г. был назначен в распоряжение командующего 12-й армией с окладом начальника дивизии^{VII}.

Те, кто не обладал связями, нередко оказывались у разбитого корыта — например, семья бывшего генерала В.А. Олохова, служившего в РККА, потерявшая тогда библиотеку, альбомы, иконы, драгоценности, мундиры бывшего генерала, мебель, ковры и другое имущество^{VIII}. Ради выживания приходилось распродавать любые ценные вещи. В частности, продали ордена и нагрудные знаки генерала, что позволило Олоховым выжить и питаться маслом и крупами. Жалко было не столько сами вещи, сколько память о прошлой жизни, которую они хранили. Как вспоминала супруга генерала, «все подарки, которые Володя (В.А. Олохов. — А.Г.) получил за свою 50-летнюю службу, все ордена его, дорогие ордена с мечами, все памятные жетончики, все, все нам пригодилось в трудные годы... И каждую вещь мои глаза провожали с болью сердца, ими ведь дорожил мое Солнышко, ведь с ними связаны имена друзей. Один раз, когда я сдавала эти жетончики и значки полков, и их разламывали на кусочки, и я, не отрываясь, глядела... Нервы не выдержали, и я расплакалась... “Не плачьте, — говорит мне чиновник, который разламывал, — смотрите, много ли вы принесли, а получите целых 36 руб. золотом”. Цена былого...»^{IX} По свидетельству О.И. Олоховой, «в то время так было не до вещей и так не важно, есть ли они, нет ли их»^X.

^I ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 275. Л. 104.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 298.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 267. Л. 11.

^{IV} РГВА. Ф. 612. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

^V РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 80. Л. 3, 6; Геллер Ю. Комбриг М. С. Свечников // Военно-исторический журнал. 1967. № 7. С. 104.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 76. Л. 375.

^{VII} Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 14.08. № 177.

^{VIII} Олохова О. И. Мы служили Отечеству: Воспоминания. СПб., 2012. С. 241.

^{IX} Там же. С. 228–229.

^X Там же. С. 242.

Особенно тяжело было семьям больных и умерших генштабистов, многодетным семьям, семьям репрессированных. Большевики не считали себя обязанными им помогать, хотя порой пенсионное обеспечение у таких лиц было. Так, 47-летняя вдова Генштаба полковника В.И. Зацепина, умершего в мае 1917 г., получала на 1918 г. пенсию в 75 руб., работать не могла по состоянию здоровья^I. Разовая помощь ей в размере 300 руб. была оказана фондом взаимопомощи офицеров Генштаба, учрежденным еще в 1911 г.^{II}

В тяжелейшем положении оказалась многодетная семья душевнобольного генерал-майора А.Н. Яблонского — шесть дочерей и сын^{III}. Аналогичные трудности испытывали близкие парализованного генштабиста Н.Н. Долинского. Генштабист Б.М. Иванов в ноябре 1918 г. обращался в фонд взаимопомощи офицеров Генштаба с просьбой помочь изыскать средства на операцию жене, так как был вынужден влезть в долг^{IV}. Помощь, как правило, оказывалась по месту службы военспецов. Так, например, 30 июня 1919 г. Совет ВГШ предназначил выдать пособие в размере 1300 руб. начальнику отделения отчетно-организационного отдела А.Г. Грундштрему на лечение его самого и сына^V.

Супруга арестованного и расстрелянного генштабиста Н.К. Раша Вера Ивановна, оказавшись в крайне тяжелом материальном положении, обратилась 13 сентября 1918 г. к начальнику Оперативного управления ВГШ: «Муж мой, Генерального штаба Николай Карлович Раша, был арестован 3 августа с.г. и находился в Таганской тюрьме, но последнее время его местонахождение было изменено, и я его разыскать не могу.

На моих руках находятся трое малолетних детей, из коих младшему нет еще года; поступить в Москве куда-нибудь на службу или получить какую-нибудь работу я лишена возможности, так как все время должна посвящать заботам о детях и домашнему хозяйству.

Не имея других средств к жизни, кроме получавшегося мужем жалования, я, благодаря аресту мужа, продолжающемуся уже больше месяца, очутилась в безвыходном положении.

Не имея возможности оставаться дальше в Москве и желая уехать в Вологду к своим родным, прошу Вас помочь мне и выдать мне пособие из фонда вспомоществования чинов Генерального штаба как на переезд, так и для того, чтобы я могла просуществовать с детьми первое время, пока не подыщу какой-нибудь подходящей для себя работы»^{VI}.

Трагичным было нищенское положение георгиевского кавалера, бывшего ординарца легендарного генерала М.Д. Скобелева, отставного генерала от кавалерии А.Р. Эйхгольца, проживавшего в Царицыне. При новом режиме бывший генерал лишился пенсии в 265 руб. в месяц, не получил таковую и за восемь месяцев 1918 г., при этом губернские власти в Саратове признавали право бывшего генерала на пенсионное обеспечение. Имуущество из Петрограда вывезти

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 30.

^{II} Там же. Л. 35.

^{III} Там же. Л. 57, 76об.

^{IV} Там же. Л. 116.

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 119. Л. 93об.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 245. Л. 51–51об.

в основном не удалось. В итоге заслуженный генерал на рубеже 1918–1919 г. устроился заведующим педагогическим музеем и библиотекой, работал с 8 утра до 8 вечера в гимназии и школе грамотности, причем через день простаивал с 5 утра в очередях за хлебом. Ко времени прихода белых в Царицын у генерала оставалась из белья лишь рубашка, не было ни брюк, ни куртки. Положение осложнилось тем, что белые не принимали советских рублей на своей территории. К тому же генерал был одинок – его сыновья сражались в войсках Деникина¹.

Нельзя забывать о произволе, творившемся тогда в стране, и о ненависти населения к имущим классам. Бывший военный министр генерал А.Н. Куропаткин, проживавший в Псковской губернии, в конце 1918 г. получил бумагу о необходимости уплатить чрезвычайный революционный налог в 70 000 руб. как бывшему помещику на основании декрета от 30 октября 1918 г. Таких денег у Куропаткина не было, о чем он прямо написал в январе 1919 г. председателю волостного исполкома, сообщив, что всю жизнь жил на жалованье, а доход имел лишь со сбережений и гонораров за научные труды. Куропаткин отметил, что немалые средства тратил и на общественные нужды – открыл сельхозшколу, осушал болота, построил почтово-телеграфное отделение. Куропаткин на начало 1919 г. владел лошастью и (временно) коровой². На натуральное хозяйство ради выживания в чрезвычайных условиях перешел и бывший генерал П.П. Лебедев в Ейске, где в долг купил двух коров, которых доила супруга генерала, а дети кормили, поили и чистили³. Сам Лебедев мастерил различные технические приспособления для животных (настил, стойла, ясли, желоб для навоза и т.д.). С продажи молока удалось улучшить собственное питание и вернуть долг. Войсковой старшина З.А. Алферов весной 1918 г. на Дону занимался огородничеством⁴.

Налогообложение отличалось оригинальностью. Бывший генерал В.П. Муратов на май 1922 г. платил общегражданский налог и натурналог – свой однодневный заработок и удержание трех дней продуктового пайка⁵. В конце 1922 г. из персонального жалованья Муратова в счет уплаты общегражданского налога была удержана 1000 руб.⁶

К концу Гражданской войны Советская Россия испытывала тяжелейший финансовый кризис. К 1921 г. рубль обесценился относительно рубля 1914 г. в 50 000 раз. Так, в уездах Томской губернии коробка спичек стоила 10 000 руб., бутылка керосина – 90 000, к концу 1922 г. сапоги в Томске можно было купить за 250 000 руб., ведро картофеля – за 8000. На фоне галопирующей инфляции повышались оклады командного состава. 8 декабря 1921 г. РВСР были установлены новые размеры жалованья. Члены РВС фронтов теперь получали по 200 000 руб. в месяц, члены РВС армий, начальники управлений – по 185 000 руб., начальники

¹ Подробнее см.: Посадский А. В. Судьба русского инвалида. Примечания к «Запискам» генерал-лейтенанта Врангеля // Новый Часовой (СПб.). 2004. № 15–16. С. 251–253.

² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1611. Л. 6, 7–7об., 9.

³ Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 32.

⁴ Алферов З. А. Воспоминания. С. 174.

⁵ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 5.

отделов – по 173 000 руб., начальники частей и канцелярий – по 160 000 руб.¹ Очевидно, даже такие оклады не поспевали за ростом цен. Жалованья преподавателей Высшей военной школы Сибири, например, едва хватало на покупку дров, обуви и продуктов. Нормализовать ситуацию удалось лишь в ходе последовавших финансовых реформ.

При том, что бывшие офицеры воспринимались руководством партии как временная замена готовившимся их сменить социально близким командным кадрам, власть вынуждена была принять на себя обязательства по социальному обеспечению тех, кто не только ей служил, но и просто находился на территории Советской России.

Оказавшийся без средств к существованию кавалер ордена Св. Георгия 3-й степени, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. бывший генерал от инфантерии Х.Х. Рооп в марте 1918 г. обращался к народному комиссару призрения: «Канцелярия бывшего Государственного совета уведомила, что по сообщению народных комиссаров оставшиеся за штатом члены Государственного совета, желающие пользоваться пенсиями, могут обращаться к народному комиссару призрения. Необходимость озаботиться средствами к существованию в последние годы моей жизни заставляют просить об отставке с пенсией из государственного казначейства и эмеритальных сумм. На основании пенсионного устава для военных чинов пенсии им определяются в 80 % получавшегося ими на службе содержания, что при получаемом мной, генералом от инфантерии, членом Государственного совета, годовом содержании в 18 000 р. составит 14 000 р.

Размер этот значительно превышает назначаемые обыкновенно пенсии; но я считаю себя вправе надеяться, что моя исключительно долгая служба родине, более 68 лет и из них более 54 лет в генеральских чинах на весьма ответственных постах, и боевые отличия (орден Св. Георгия 3^й степени, Георгиевское оружие и наименование форта под крепостью Карс, в Малой Азии, моим именем) дают основание на внимание к моей службе правительства и на предоставление находящемуся в глубокой старости (86 лет) слуге Родины возможность дожить немногие уже годы без острой нужды предоставлением мне ввиду тяжелого положения государственного казначейства хотя [бы] половины причитающейся мне по закону пенсии, т.е.] 7000 рублей в год.

К сему считаю необходимым пояснить, что кроме получавшегося от государства содержания никаких средств к существованию не имею. Ни пяди земли, даже для погребения, не имею также хотя бы убогой избенки для жизни. Нет также и денежных сбережений ввиду бывших по представительству по службе расходов. Ввиду стесненного положения прошу ускорить разрешение»¹.

В июне 1918 г. Рооп писал бывшему генералу А.П. Архангельскому в ВГШ по поводу пенсии: «Дозвольте мне, старейшему генералу русской армии, обратиться к Вам с справедливою просьбою. Ввиду увольнения меня в отставку, 25 октября 1917 г., управлявший делами упраздненного Государственного совета отношением

¹ Подустов Ф. Н. Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919–1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки (История)». 2006. Вып. 1 (52). С. 43.

¹¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 17. Д. 367. Л. 3–4.

от 5 апреля сего года за № 181 просил Главный штаб об ассигновании мне за 68-летнюю в офицерских чинах службу соответственной пенсии и эмеритуры. К несчастью, ходатайство это не удовлетворено еще; между тем материальное положение мое становится катастрофическим; с прекращением получавшегося мной содержания члена Государственного совета не имею решительно никакого состояния, ни пяди земли, хотя бы для погребения, ни лачуги для жилья, не имел также возможности составить по долголетней службе своей каких-либо денежных сбережений (все получавшееся от казны шло на службу и необходимое представительство), я в настоящее время крайне затрудняюсь приисканием средств для насущного даже пропитания.

Достойно ли России, всегда честно относившейся к своим обязательствам заботиться о верных слугах родины обеспечением их старости пенсиями, – предоставить им ныне умирать голодною смертью!

Вся жизнь моя дает мне несомненное право сопричислять себя к верным слугам родины, так как всегда всю думу свою, все силы отдавал на честное служение ей и на благо тех, кем ведал, и это чувствовалось ими, судя по трогательным постоянным проявлениям сочувствия их моей деятельности.

Поэтому усерднейше прошу Вас, достойнейший Алексей Петрович, исходатайствовать скорейшее ассигнование мне пенсии и эмеритуры, а равно и ввиду тяжелых условий, в которых нахожусь теперь, ускорить выдачей мне их за время, истекшее со дня моей отставки, с 25 октября 1917 года.

Почтительнейше прошу о последующем поставить меня [в известность] уведомлением: Петроград. Галерная, 52. Кв. 3; если возможно, и телеграммой.

Прошу верить в искреннее к Вам уважение и преданность.

Христофор Рооп¹.

Решение пенсионного вопроса для старого генерала затянулось. Семье пришлось продавать вещи, причем к осени 1918 г. они были уже распроданы. Отчаявшись, старик писал в ВГШ в октябре 1918 г.: «С увольнением меня в отставку, с 25 октября 1917 года, мне пришлось с семьей жить лишь на выручаемые через продажу вещей средства, а они в течение 11 месяцев уже распроданы, и мы находимся под угрозой голодной смерти. До слез больно 88-летнему старику, всю жизнь свою отдавшему на добросовестное служение родине, быть поставленным в такое катастрофическое житие»².

Следующее письмо составлено было уже супругой генерала: «Многоуважаемый господин заведывающий

Умоляю Вас, вышлите, ради Бога, пенсию. Мужу 88 лет, нуждается в лечении и питании, как ни приду в казначейство, все нет и нет. Очень прошу, ради Бога, как можно скорее. Пенсия Христофору Христофоровичу Роопу.

Уважающая Вас Ю. Рооп³». До января 1919 г. Рооп пенсию не получил и, по всей видимости, вскоре скончался.

Персонального внимания властей удостоилась семья умершего в сентябре 1919 г. помощника командующего Южным фронтом бывшего генерала В.И. Селивачева.

¹ Там же. Л. 10–11.

² Там же. Л. 20–20об.

³ Там же. Л. 25.

Троцкий в октябре 1919 г. распорядился сохранить за семьей Селивачева жалование из оклада в 6000 руб.¹ 6 июня 1922 г. на заседании центральной комиссии по назначению усиленной пенсии было решено установить за заслуги Селивачева усиленное пенсионное обеспечение его вдове². Об этом в марте 1922 г. ходатайствовали известные советские военные работники В.Н. Егорьев, А.А. Самойло и Э.М. Склянский. В итоге вдове была предоставлена персональная пенсия.

И все же руководство РККА во многих случаях проявляло заботу о военспехах и их семьях. Так, в 1920 г. был упорядочен вопрос о помощи семьям умерших. Начальник ПШ РВСР 19 мая 1920 г. издал следующее распоряжение: «С начала образования Красной армии в ряды ее были призваны, невзирая на возраст, все лица Генерального штаба, которые несли службу по своей специальности на фронте и в центральных учреждениях. В течение свыше двухлетнего существования Красной армии из лиц Генерального штаба, состоявших на службе, умерло 16 человек³ (список в приложении), из которых некоторые умерли от эпидемических болезней или расстроив свое здоровье на службе. После всех умерших остались совершенно не обеспеченными их семьи, которые в данное время находятся в самом бедственном положении.

Принимая во внимание работу умерших лиц Генерального штаба на пользу РСФСР Республики и бедственное положение их семейств, полагал бы необходимым: 1) выдать семействам умерших единовременные пособия, 2) сохранить за семействами оклады жалования по последним должностям умерших и 3) выдать семействам продовольственные карточки «Красной Звезды»⁴. К документу прилагался список из 17 «лиц Генштаба»⁵.

Известны примеры заботы о советских военнопленных и интернированных. Делопроизводитель разведывательного отделения военно-статистического отдела ВГШ И.В. Высоцкий 17 июля 1918 г. обратился с рапортом к своему непосредственному начальнику: «В составе войск XX армейского корпуса 8 февраля 1915 г. в Августовских лесах я был взят в плен германцами.

После трех лет и четырех месяцев пребывания в плену я, как инвалид, был отпущен в Россию.

По возвращении из плена денежных выдач не получал никаких.

Будучи семейным и крайне нуждаясь в средствах, прошу о выдаче мне пособия, а если это было бы признано невозможным, то прошу ходатайства о выдаче мне двухмесячного оклада содержания с льготным погашением, тем более что последним пользуются эвакуированные из Петрограда, а поступив на службу, я принужден был перевезти семью из Петрограда в Москву.

Генерального штаба Высоцкий»⁶. Ходатайство Высоцкого было поддержано.

Бывший генерал З.И. Зайченко, интернированный в Германии (Ганновер, лагерь военнопленных в Хаммельне) вместе с 53-й пограничной дивизией в период

¹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 419. Л. 49.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 208–209.

³ Правильно — 17.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 165.

⁵ Публикацию списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 645–646.

⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 207.

Советско-польской войны, беспокоился о семье в Киеве, о чем писал начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву 16 сентября 1920 г. В результате жене военспеца было выдано пособие в 2500 руб.^I

Иногда входили в положение относительно семейных нужд. Например, начальник 2-й Петроградской дивизии К.И. Шереметьев в сентябре 1918 г. ходатайствовал перед Военным советом Северного участка отрядов завесы и Петроградского района обороны за начальника штаба дивизии Е.Н. Сергеева: «За последнее время более или менее определенно выяснился район расквартирования частей дивизии, почему явилась возможность потребовать от всех служащих, чтобы они жили в районе своих частей, что и было предписано приказом по дивизии.

Вместе с тем оказалось, что некоторым служащим такое перемещение по сложившейся семейной обстановке невозможно и вызвало просьбы об уходе со службы. Такое положение создалось у начальника штаба дивизии Сергеева, которому необходимо жить в Петрограде при больных отце и матери, которые без него останутся без средств к жизни и ухода.

За время службы в дивизии Сергеев выказал себя весьма полезным работником, и, стремясь все-таки использовать хорошего работника для молодой армии, я убедительно просил бы дать соответствующее место Сергееву в Военсовпете^{II} или Военкомпете^{III}». Видимо, вследствие этой просьбы Сергееву была предложена должность помощника начальника оперативного отделения штаба Северного участка и Петроградского района^V.

Курсовик Б.Н. Скворцов просил в 1918 г. устроить его на службу ближе к семье. Его однокашники А.К. Малышев и Н.Н. Доможиров осенью 1918 г. недоумевали, обсуждая товарища: «Теперь относительно Скворцова. Уже начинаю удивляться, что человек тычется во все места, не знает, что, собственно, самому нужно: когда главноком было приказано отправить всех офицеров Генштаба из фронта за исключением для штаба фронта трех, он был предназначен для отправления. Подал рапорт о том, что его семейное положение заставляет его слезно просить оставить его или в штабе фронта, или вообще на Северном фронте, как наиболее близком к его семье, оставшейся в Петрограде. Естественно, он и был назначен в Вологду [в] шторм 6[-й] как ближайший пункт к Петрограду. А в это время Гитис просил Генеральный штаб, так как у него их всего три. Когда начальник штаба Костяев разрешил никуда генштабов не командировать, он временно остался в штабе фронта, что, ему, собственно говоря, нужно, ей-Богу, не знаю. По-моему, пора прекратить подобные разговоры...»^{VI}

Иногда командование даже содействовало военспецам в решении семейных трудностей. Например, семья П.М. Майгура проживала в Николаеве. В 1919 г. военспецу собирались помочь вывезти близких в советский центр^{VII}.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 382–383.

^{II} Военном совете Северного участка и Петроградского района.

^{III} Петроградском окружном военном комиссариате.

^{IV} РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 99.

^V Там же. Л. 111. Подробнее о Е. Н. Сергееве см.: Ганин А. В. Военспецы. С. 355–366.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 34–35.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 912. Л. 226.

Конечно, бывали и противоположные случаи, когда личные интересы генштабистов не принимались во внимание. С точки зрения материального обеспечения интересна история военспеца А.Д. Лютова (впоследствии советского генерала). В августе 1919 г. он служил в штабе 7-й армии вместе с еще пятью генштабистами, однако, желая перевестись в штаб Восточного фронта, 19 августа обратился с этим к начальнику ПШ РВСР П.П. Лебедеву^I. 28 августа он телеграфировал начальнику Оперативного управления РВСР В.И. Михайлову о своих мотивах: «Первое. Убийственное положение семьи, живущей в Симбирске, состоящей [из] жены, троих детей, двух матерей, совершенно оборванных, обтрепанных и принужденных голодать, так как при дороговизне [в] районе Петрограда при всем своем напряжении и голодовке я не могу достаточно выделить денег из своего содержания на их прожитие. Второе. Знание мною Казанского округа, благодаря долгой службе в нем [в] мирное время, где бы я мог больше принести пользы. Третье. Оставление меня в штабсе семь не даст мне спокойно работать, зная, что семья моя обречена на гибель, содружество в штабной работе [с] лицами, препятствующими моему переводу, мне будет тягостно, таким образом, на три четверти я потерян для работы в армии. Четвертое. В то время как [в] штавосте^{II} лишь три генштабиста, в штабсе семь их пять, кроме меня, из коих три старых выпусков и, следовательно, есть заместители. Пятое. После отпуска я не приступил к службе в ожидании разрешения вопроса [о] переводе и работа в оперотделе не остановилась. Шестое. Единственной причиной задержки является моя безупречная служба со дня формирования Красной армии и отличная аттестация, которая, однако, мне дает право надеяться, что мое ходатайство о переводе будет удовлетворено, хотя бы как награда за предшествующую мою службу»^{III}.

РВСР оставил Лютова в штабе 7-й армии, что было продиктовано интересами дела, но военспецу была оказана существенная материальная помощь – выдано пособие в 10 000 руб. Из РВСР Лютову 1 сентября была направлена следующая телеграмма: «Имея [в] виду Ваши тяжелые материальные условия, Реввоенсовет республики назначил Вам пособие [в] сумме десять тысяч рублей... Ваше оставление на службе в штабсе 7[-й] необходимо»^{IV}.

Иногда даже высокопоставленные военспецы сталкивались с разного рода затруднениями, чинимыми властями. Примечательна история, произошедшая в октябре 1920 г. с А.И. Корком, назначенным на Южный фронт командовать армией против Врангеля. Корт с разрешения начальника ПШ РВСР задержался в Москве для помещения тяжело больной жены в госпиталь. Вагон сломался, в связи с чем вещи пришлось перевозить на грузовиках на другой вокзал. Однако чекисты на Виндаво-Рыбинском вокзале не разрешили забрать вещи и потребовали досмотра, продолжавшегося с 13 до 17 часов 18 октября 1920 г. Из-за чекистов Корт занимался получением разрешения на провоз небольшого количества продовольствия. Лишь к 20 часам вещи были перегружены и параллельно досмотрены.

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 278.

^{II} Штабе Восточного фронта.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 302–302об.

^{IV} Там же. Л. 319.

В итоге военспец опоздал на поезд. Транспортная ЧК утверждала, что действовала по закону, поскольку ответственные работники часто, пользуясь служебным положением, провозили продукты сверх нормы^I.

В 1920-е гг. прошла волна увольнений генштабистов из армии. Ушедшие со службы военспецы-генштабисты могли рассчитывать на скромное пенсионное обеспечение. Прежние пенсии за выслугу лет были отменены. По данным на 1926 г., С.А. Сухомлин и Б.Н. Шавров, служившие в РККА в Гражданскую войну, получали персональную пенсию в 40 руб.^{II} Пенсия Д.П. Кадомского составляла 70 руб., Н.Г. Мыслицкого – 80 руб.^{III} В целом размеры пенсий для бывших генералов и членов их семей варьировались от 21 до 155 руб. в месяц^{IV}. Персональные пенсии за заслуги по службе в РККА получали 75 человек, в том числе 33 бывших военспеца-генштабиста (или члены их семей)^V. Многие, находясь на пенсии, работали. Кто-то в поисках заработка полностью менял профессию (нередко новой профессией становилось прежнее хобби^{VI}). Есть свидетельства о том, что нуждавшимся товарищам по прежней службе генштабисты собирали деньги.

По данным на конец 1920-х – начало 1930-х гг., персональным пенсионерам республиканского значения полагались льготы: 50% квартплаты, льготы на отопление, воду, канализацию, газ, свет, прачечные, общественные бани, проезд на городских железных дорогах и в автобусах. При перечислении квартплаты учитывались заработок и пенсия. В отношении жилплощади такие лица приравнивались к рабочим промышленности и транспорта. Особые жилищные права были выработаны и для научных работников, к каковым относились многие генштабисты. Они приравнивались к индустриальным рабочим, а также имели право на дополнительную комнату для занятий. При отсутствии такой комнаты можно было рассчитывать на дополнительные 20 квадратных метров жилплощади^{VII}. Можно было пользоваться профессорскими столовыми.

Рассмотрим материальное положение генштабистов в антибольшевистском лагере.

Приехавший в Москву с тайной разведывательной миссией от командования Добровольческой армии генерал Б.И. Казанович встречался в июне – июле 1918 г. с другим подпольщиком генералом В.Г. Болдыревым. В одну из встреч Болдырев неожиданно спросил Казановича о размере его жалованья. Узнав про 1000 руб. в месяц, он предложил Казановичу 2000 руб., если тот согласится взять на себя командование антибольшевистскими формированиями на Востоке России. На это Казанович ответил, что дело не в вознаграждении, а в восприятии самой затеи и ее политической ориентации^{VIII}. По всей видимости, у подполья тогда средства

^I РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 129. Л. 2–3.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158, 160.

^{III} Там же. Л. 160.

^{IV} Там же. Л. 163.

^V Там же. Л. 164.

^{VI} Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 70, 78.

^{VII} РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 69–70.

^{VIII} Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май – июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 196.

имелись. Рассмотрим, как реально оплачивался труд генштабистов, перебравшихся на Восток Россииⁱ.

Согласно приказу от 10 августа 1918 г. в Народной армии Комуча были установлены следующие месячные оклады жалования (табл. 70).

Таблица 70

Оклады содержания в Народной армии Комучаⁱⁱ

Должность	Оклад (руб.)
Командующий армией	1000
Командир корпуса	750
Начальник дивизии	680
Командир полка	470
Командир батальона	370
Командир роты	340
Рядовой	45

Летом 1918 г. проектировалось создание при Комуче ГУГШ, проект предусматривал следующие оклады (табл. 71).

Таблица 71

Должностные оклады по проекту временного штата ГУГШ Комучаⁱⁱⁱ

Должность (принадлежность к Генштабу – ГШ)	Оклад (руб.)
Начальник Генерального штаба (генерал ГШ)	850
Генерал для поручений (генерал-майор или штаб-офицер ГШ)	680
Штаб-офицер для поручений	540
Начальник оперативного отдела (генерал-майор или полковник ГШ)	680
Начальник оперативной части (штаб- или обер-офицер ГШ)	600
Заведующий отделением по подготовке операций (штаб- или обер-офицер ГШ)	540
Его помощник	340
Начальник разведывательной части (штаб-офицер ГШ)	600
Заведующий отделением внутренней разведки (штаб- или обер-офицер ГШ)	540
Его помощники (2 офицера)	370
Начальник общей части	600
Начальник отдела формирования	680

Проект штата предусматривал и другие должности, на которых могли находиться генштабисты. Впоследствии ГУГШ было сформировано в ином виде, возглавил его полковник А.П. Слижиков.

ⁱ О материальном обеспечении военнослужащих на Востоке России в целом см.: Рышков В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: Идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М., 2022. С. 385–404.

ⁱⁱ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

ⁱⁱⁱ РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 140–145.

Командующий войсками Оренбургского военного округа на июль 1918 г. имел месячный оклад в 1800 руб. и 1000 руб. на разъезды и представительские расходы. Оклады академического руководства и их соответствие армейским по штату от 12 октября 1918 г. были следующими (табл. 72).

Таблица 72

Оклады постоянного состава Военной академии и их соответствие армейским в войсках Временного Сибирского правительства по штату от 12 октября 1918 г.¹

Должность в академии	Звание	Приравненная к ней армейская должность	Разряд оклада	Оклад (руб.)
Начальник академии	Генерал Генштаба	Командир корпуса		1360
Правитель дел	Штаб-офицер или генерал-майор Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Помощник правителя дел	Штаб-офицер Генштаба	Командир полка	3-й	680
Курсовые штаб-офицеры (9 офицеров)	Штаб-офицеры Генштаба	Командир полка	3-й	680
Заслуженные одинарные профессора	Генералы Генштаба			1360
Ординарные профессора (20 офицеров)	Генералы или штаб-офицеры Генштаба	Начальник дивизии	1-й	1120
Экстраординарные профессора (5 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир бригады	2-й	880
Штатные преподаватели и штатные руководители практических занятий (8 офицеров)	Обер-офицеры, штаб-офицеры или генерал-майоры Генштаба	Командир полка	3-й	680

Слушатели академии осенью 1918 г. получали жалование в размере 340–400 руб. в месяц и 100 руб. квартирных^{II}. По окладам они были приравнены к 7-му разряду и к командирам рот (если до зачисления в академию не имели более высокий оклад). Взамен пайка выплачивалось еще 80 руб.^{IV} Размеры денежного довольствия были связаны еще с петроградским периодом истории академии. Осенью 1918 г. при эвакуации академии из Самары в Екатеринбург и Томск семейные сотрудники

^I РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 1. Л. 47об.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 1. Л. 173–175.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1648. Л. 231.

^{IV} РГВА. Ф. 39465. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

получали эвакуационное пособие в размере 1000 руб., одинокие – 500 руб.^I При совмещении преподавания с другими должностями офицер получал четверть содержания по другой должности к основному окладу^{II}.

Пенсии заслуженных ординарных профессоров Б.М. Колюбакина и Г.Г. Христиани на начало 1919 г. составляли 1800 руб. в год. Кроме того, им полагалась и надбавка в размере 300 руб.^{III} По дореволюционным нормам пенсия ординарного профессора составляла 1500 руб. в год, экстраординарного – 750. Колюбакин и Христиани получали прибавку к 1500 руб., поскольку выслужили по два пятилетия сверх 25 лет службы (по факту получали только 300 руб. за одно пятилетие). Выслуживший одно пятилетие профессор А.И. Медведев получал 900 руб.^{IV} В академии, являвшейся по сути оазисом организованности посреди разрухи, отдельным офицерам выдавались даже пособия на воспитание детей^V. В ноябре 1918 г. преподаватели академии вели занятия на повторительных курсах младших офицеров в Томске, причем ставки были следующими: за часовую классную лекцию платили 6 руб. 25 коп., за 3-часовой выход в поле – 24 руб., за 8-часовой – 64 руб.^{VI} Слушатели курсов 4-й очереди в феврале 1919 г. решили ежемесячно делать вычет с каждого в размере 5 руб. на расходы по офицерскому собранию^{VII}. За публичную лекцию по межнациональным отношениям, прочитанную в общественном собрании Томска, профессор Г.Г. Христиани выручил 24 марта 1919 г. 979 руб. 97 коп., которые сдал в фонд выдачи пособий офицерским и классным чинам академии^{VIII}. Лекция 6 мая 1919 г. принесла 604 руб. 55 коп., вырученные средства вновь были пожертвованы тому же адресату^{IX}. Стоимость занятия по тактике в феврале 1919 г. составляла 40 руб., прием экзаменов по-прежнему оценивался в 50 руб.

Администрации академии выплачивались надбавки на дороговизну в размере 10 % оклада за период с 1 ноября 1918 по 1 марта 1919 г. Б.М. Колюбакин из оклада в 1700 руб. получал надбавку 680 руб., А.Т. Антонович из оклада 1100 руб. получал 600 руб. надбавки. Штатные преподаватели получали 15%-ную добавку^X. К сожалению, установить причины различий в размере надбавок не удалось.

Суточные ординарным профессорам выплачивались в размере 3% от оклада. Рядовые служащие академии в апреле 1919 г. получали по 250 руб. (коچهгар, дворник, служители, кучера, конюхи), столяры – по 400, писаря-машинисты – по 390, ветеринарный фельдшер – 280 руб.^{XI} Квартирные деньги колебались от 100 до 340 руб.^{XII}

Материальный интерес двигал некоторыми сотрудниками академии. Правитель дел академии полковник А.Т. Антонович записал в дневнике 1 декабря 1918 г.:

^I ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 169.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 24. Л. 20.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1653. Л. 1.

^{IV} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 97. Л. 115об.

^{VI} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 27. Л. 21об.

^{VII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 58об.

^{VIII} Там же. Л. 111об.

^{IX} Там же. Л. 141.

^X РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 96. Л. 56об., 58об.

^{XI} Там же. Л. 235об. – 236об., 237об., 300об., 304об., 305об.

^{XII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 99. Л. 3, 17.

«Наводит на грустное размышление и деятельность окружающих меня людей — их не интересует дело как таковое; их не интересует именно военное искусство, военная наука как таковая; нет, они заняты этими вопросами только в той мере, в какой может быть материальная выгода. А ведь это люди, посвятившие себя, отдавшие себя на служение военной науке. Что это? Испорченность людей, заботящихся по-обывательски, или нет искреннего служения делу, потому что оно — фикция? Прошла война, в других государствах уже есть труды, а у нас — увы. Приходится сказать, что виноваты люди, которые попали туда, где им не место».

На Востоке России генштабистов приглашали выступать с лекциями, за которые можно было получить дополнительное вознаграждение. Так, например, в ноябре 1918 г. генерал Р. Гайда просил прислать ему из Военной академии в Томске лектора и руководителя для тактического образования командиров батальонов. Трехнедельная командировка вознаграждалась в размере 1000 руб. Кроме того, командированные обеспечивались питанием и проживанием. Правитель дел академии сообщал штатному преподавателю генерал-майору П. Ф. Рябикову 21 ноября 1918 г.: «Если Вы послали отрицательный ответ, то он задержан и не должен Богословским — Гайде, т. к. по обстоятельствам обстановки чрезвычайно необходимо быть внимательным к просьбе Гайды, тем более что академия бездействует»^I. Из подобной реакции можно заключить, что предложение Гайды не было слишком щедрым.

В 1918 г. заработная плата рабочего на Востоке России составляла 25–40 руб. за 8-часовой рабочий день в зависимости от квалификации. Фунт хлеба в Омске стоил 70–80 коп., бутылка водки — 6 руб.^{II} Осенью 1918 г. в Оренбурге фунт сахара у спекулянтов стоил 30 руб., пуд соли — 10–12 руб. (государственная цена — 2 руб. 60 коп., в Самаре же стоимость достигала 24 руб.), молоко — 5–6 руб. за четверть, коробка спичек — 75 коп., осьмушка махорки — 7–9 руб.^{IV} При этом цены на хлеб в Оренбурге осенью 1918 г. были в 4–5 раз ниже аналогичных в занятой красными Вятке^V. В январе 1919 г. оренбургский атаман А. И. Дутов утвердил следующие предельные цены: пуд пшеницы — 12–15 руб., пуд мяса — 76 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. — 600 руб.), пуд сливочного масла — 380 руб. (в Ташкенте в марте 1919 г. — 2000 руб.^{VI}), пуд картофеля — 16–20 руб., пуд керосина — 17 руб. 20 коп., пуд мыла — 240–260 руб.^{VII} Скачок цен произошел весной — летом 1919 г., по всей видимости, в связи с отменой твердых цен на пищевые продукты. Рыночные цены по Орскому уезду Оренбургской губернии в июне 1919 г. были следующими: фунт чая — 90–120 руб., фунт сахара — 65 руб., коробка спичек — 3 руб., фунт керосина — 10 руб., фунт простого табака — 50–60 руб., фунт кофе в зернах — 20 руб., аршин ситца самой дешевой ткани — 35–40 руб., аршин самой дешевой материи на верхнюю

^I Антонович А. Т. Дневник генерала // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 389.

^{II} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1631. Л. 24–24об.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 253. Л. 15.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 22об.–23.

^V Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 246.

^{VI} РГВА. Ф. 39477. Оп. 1. Д. 21. Л. 12об.

^{VII} Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А. В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 175.

одежду – 120 руб., фунт простого мыла – 7–12 руб.^I В апреле 1919 г. в Омске плохой обед стоил 8 руб., стакан чая – 1,5 руб., кофе – 3 руб., извозчик на расстояние 10 минут ходьбы – 5 руб.^{II}

Дополнительно выплачивавшиеся квартирные деньги составляли четвертую часть жалованья. В боевой обстановке, на декабрь 1918 г., полагалась 20 %-ная надбавка к жалованью^{III}. На Востоке России с 1918 г. вводились прибавки на дороговизну. Так, по постановлению Совета министров омского правительства от 27 декабря 1918 г. увеличение содержания на дороговизну составило 15%^{IV}. Согласно приказу по военному ведомству № 15 за 1918 г. надбавка возросла до 25%. Генерал для поручений при Верховном главнокомандующем С.Н. Люпов в марте 1919 г. получал 1360 руб. жалованья и 340 руб. 25 %-ной прибавки^V.

Оклад Войскового атамана Оренбургского казачьего войска с марта 1919 г. составил 3000 руб.^{VI} Месячное жалованье рядового бойца армии Колчака было определено в декабре 1918 г. в 10 руб., младшие офицеры получали по 480 руб., командир полка – 800 руб.^{VII}

Помощник начальника оперативного отделения штаба Сибирской армии, капитан-курсовик, получал оклад 680 руб.^{VIII} Таким же был оклад преподавателя военных наук в белой Сибири (к этому прилагались 170 руб. квартирных)^{IX}. Жалованье курсовика, прикомандированного к колчаковской Ставке, в январе 1919 г. могло составлять 400 руб.^X И.д. дежурного генерала Ставки получал в мае 1919 г. 880 руб. жалованья и 220 руб. квартирных, а также 385 руб. 35 %-ной прибавки к жалованью и квартирным – в общей сложности выходило 1485 руб.^{XI} Начальник организационного отдела в мае 1919 г. получал 800 руб. жалованья, 200 руб. квартирных и 350 руб. прибавки, итого 1350 руб.^{XII} Летом оклады возросли. Тот же офицер по той же должности в июне 1919 г. получал уже 1120 руб. жалованья, 350 руб. квартирных и сразу несколько прибавок – 280 руб. (25 %-ная прибавка для внеурядных городов), 175 руб. (10–25 %-ная прибавка к жалованью и квартирным на дороговизну и 25 %-ная прибавка), а всего 1925 руб.^{XIII} Увеличение шло за счет роста квартирных и прибавочных выплат. На август 1919 г. начальник отдела получал прежнее жалованье, но квартирные составляли 472,5 руб., а надбавки 280 и 490 руб. соответственно. Всего выходило 2362,5 руб.^{XIV} Боевые оклады давали 20 %-ную прибавку к жалованью^{XV}.

^I ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1767. Л. 13.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

^{III} *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 161.

^{IV} РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

^V Там же. Л. 85.

^{VI} Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919. С. 119.

^{VII} Русская армия (Омск). 1918. 22.12. № 27. С. 1.

^{VIII} РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 56. Л. 181.

^{IX} РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 33.

^X Там же. Л. 1об.–2.

^{XI} Там же. Л. 5об.

^{XII} Там же.

^{XIII} Там же. Л. 39об.–40.

^{XIV} Там же. Л. 168об.

^{XV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 82.

Оклад начальника Главного штаба составлял 1450 руб.^I Оклад командира казачьего полка в 1918–1919 гг. мог составлять 800 руб.^{II} Занимавший высший военный пост, на какой тогда мог рассчитывать генштабист на Востоке России, начальник штаба Ставки Д. А. Лебедев на июнь 1919 г. получал 2400 руб. жалованья, 750 руб. квартирных, 600 руб. 25%-ной прибавки и 375 руб. прибавки на дороговизну – итого 4125 руб.^{III} При этом общая сумма колебалась. Так, за август 1919 г. Лебедеву полагалось то же жалованье, но квартирные возросли до 1012,5 руб. Прибавка для второразрядных городов составила 600 руб., а 25%-ная прибавка – 1050 руб. Таким образом, за август 1919 г. Лебедев заработал 5062,5 руб.^{IV}

Помощники Лебедева, генералы П. Г. Бурлин и А. П. Будберг, получали намного меньше: 1600 руб. жалованья, 500 руб. квартирных, 400 и 250 руб. прибавок – итого по 2750 руб. каждый (в августе у Бурлина при прежнем жалованье квартирные составили 675 руб., а прибавки – 400 и 700 руб., итого 3345 руб.^V). 3-й генерал-квартирмейстер Генштаба полковник А. Т. Антонович получал 1360 руб. жалованья, 425 руб. квартирных, 340 и 212,5 руб. прибавок – итого 2337,5 руб. Руководивший инструкторской школой генерал К. В. Сахаров получал 1120 руб. жалованья и 280 руб. квартирных^{VI}.

В марте 1920 г. жалованье генерал-квартирмейстера штаба III отдельного стрелкового корпуса К. В. Семчевского составляло 1120 руб. Расчет денежных средств был непростым и включал оклад, увеличенный в пять раз, с двумя 25%-ными прибавками (боевой и внеочередной) на жалованье и квартирные и 25%-ной прибавкой на квартирные, а также пособием за декабрь 1919 г. в размере трех месячных окладов за январь – март 1920 г.^{VII} Начальник Военной академии на август 1920 г. на Дальнем Востоке получал уже 2893 руб. 33 коп. оклада и квартирных, из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога, а в сентябре 1920 г. получал уже 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп. налога^{VIII}. Генерал М. А. Иностранцев в июне 1920 г. рассчитывал на получение пенсии в размере 1500 руб. в год и эмеритур в 645 руб., всего 2145 руб.^{IX}

После ухода каппелевских частей из Забайкалья личный состав практически не получал жалованья, лишь впоследствии с приходом к власти Временного Приамурского правительства какие-то суммы стали выдаваться^X.

В 1920 г. начальник академии получал 1608 руб. 75 коп., правитель дел – 1188 руб., ординарный профессор – 1395, экстраординарный – 1188, штатный преподаватель – 1010 руб. 25 коп., дворник – 450 руб.^{XI} К августу 1920 г. начальник академии А. И. Андогский получал основной оклад и квартирные в размере 2893 руб. 33 коп., из которых вычитались 43 руб. 40 коп. налога. Ординарные профессора

^I ГА РФ. Ф. Р-6219. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.

^{II} РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 9. Л. 332.

^{III} Там же. Л. 39об.–40.

^{IV} Там же. Л. 163об.

^V Там же.

^{VI} Там же. Л. 32.

^{VII} МРК. Коллекция К. В. Семчевского. Box 1. Folder 6. Л. 13.

^{VIII} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4, 43.

^{IX} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 581.

^X Филимонов Б. Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 85.

^{XI} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–95об.

получали 2626 руб. 66 коп. за вычетом 39 руб. 40 коп. налога^I. Оклады постоянно менялись. К сентябрю 1920 г. Андогский получал 6510 руб. за вычетом 162 руб. 75 коп., ординарные профессора — 5910 руб. за вычетом 147 руб. 75 коп. По другим расчетам, на тот же месяц у Андогского было 22 264 руб. 20 коп. за вычетом 1001 руб. 89 коп., у ординарных профессоров — 20 212 руб. 20 коп. за вычетом 909 руб. 55 коп.^{II}

В 1921 г. жалование было пересчитано на золото. В феврале 1921 г. Андогскому золотом причиталось 98 руб. 60 коп., или кредитными билетами 295 800 руб. Удерживался налог 13 311 руб., или 4 руб. 44 коп. золотом, удерживались квартирные 34 831 руб., или 11 руб. 61 коп. золотом, оставалось к выдаче 247 658 руб., или 82 руб. 55 коп. золотом. Правитель дел получал 249 600 руб., заслуженный ординарный и ординарный профессора — 263 400, экстраординарный профессор — 227 400 руб.^{III} Вр.и.д. начальника академии получал 79 руб. 17 коп. золотом, заслуженный ординарный профессор — 70 руб. 83 коп., экстраординарные и ординарные профессора — 62 руб. 50 коп., штатный преподаватель — 54 руб. 17 коп., дворник — 35 руб.^{IV} По смете 1922 г. начальник академии должен был получать 100 руб. в месяц, заслуженный ординарный профессор — 90, ординарный — 80, экстраординарный — 70, штатный преподаватель — 60 руб.^V

В октябре 1920 г. служащие академии получали на руки продукты питания из продуктовой лавки академии по цене на 50 % ниже цен городской продуктовой лавки. Нормы выдачи на человека составляли: мука — 3 фунта (на август 1920 г. муки 2-го сорта — 5 фунтов, простого размола — 10 фунтов), крупа-ядрица — 5 фунтов, пшено — фунт, рис — фунт (на август 1920 г. не выдавался), соль — ½ фунта (на август — фунт), масло сливочное — фунт (на август — 2 фунта), сахар — фунт (на август — 2 фунта), сало интендантское кусковое только для административного состава — 4,5 фунта (на август не выдавалось). Кроме того, в августе 1920 г. нормировался хлеб — 3 фунта, перец — 15 золотников, чай — ¼ фунта, мыло — фунт, 10 листов курительной бумаги, пачка спичек^{VI}.

О значимости материального фактора для переманивания офицеров-генштабистов, неплохо устроившихся на гетманской Украине, свидетельствует письмо генерала А.С. Лукомского начальнику штаба Добровольческой армии генералу И.П. Романовскому от 10 (23) мая 1918 г.: «Если Добр[овольческая] армия способна к дальнейшей работе, то надо заняться и организаторской работой. В ближайшие дни (с Сидориным) пришлю список оф[ицеров] Ген. шт[аба], здесь имеющих, дабы вы могли выбрать работников. Но надо иметь в виду, что надо в матер[иальном] отношении обеспечить существование семейств; если это не сделаете, то многие не пойдут»^{VII}.

Дороговизна на Юге России была колоссальной. Особую ценность представляет сравнение уровня жизни Советской России и антибольшевистского лагеря.

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

^{II} Там же. Л. 21, 43.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 112. Л. 56об.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 8–8об.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 114. Л. 55.

^{VI} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 102. Л. 17, 23.

^{VII} РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 34об.

Генштаба капитан Б.В. Федоров в докладе о засылке белых эмиссаров на советскую территорию на октябрь 1918 г. сообщал: «...при командировках и посылках курьеров полагал бы необходимым установить следующие правила денежного довольствия:

1) При командировании в район армии – суточными по 7 руб. и literой А (приказ Д[обровольческой] а[рмии] № 457).

2) При командировании в Украину, Крым и Кавказ – деньгами на покупку в оба конца билета 2-го класса, согласно действительной стоимости, суточными по 25 руб., на непредвиденные расходы от 100 до 400 руб., в зависимости от места и продолжительности командировки, по определению командирующего начальника, и, кроме того, на покупку штатского платья, если в том явится необходимость по усмотрению командирующего н[ачальни]ка.

Полагаю, что менее 25 рублей суточных назначить нельзя при все увеличивающейся дороговизне жизни, в особенности в Крыму и на Кавказе, считая, что одно только довольствие в сутки обходится не менее 20 рублей, а при остановках в городах нельзя найти номера дешевле 15 руб. и за предоставление номера необходимо давать вознаграждение швейцару. При покупках ж[елезно]д[орожных] билетов зачастую приходится переплачивать комиссионерам, дабы не было задержки, извозчики, чаевые и прочие непредвиденные расходы требуют отпуща от 100 до 400 руб.

3) При командировках в Советскую Россию и в Сибирь – деньгами на покупку в оба конца билета 2-го класса согласно действительной стоимости, суточными по 30 руб., а за время пребывания в Петрограде и Москве – по 60 руб. в сутки. На непредвиденные расходы: в Советскую Россию – 400–1000 руб., в Сибирь – 600–1500 руб., в зависимости от дальности и продолжительности командировки, и, кроме того, на покупку штатского платья, если в том явится необходимость по усмотрению командирующего начальника.

Жизнь в Советской России дороже, чем на Украине, почему менее 30 рублей суточных выдавать нельзя, считая до 25 рублей на пропитание и 15 руб. за номер. За время проживания в Петрограде и Москве полагаю необходимым выдавать по 60 руб. в сутки, принимая во внимание, что фунт хлеба стоит 12–15 руб. и довольствие обходится не менее 50 руб. в сутки, номера – до 20 руб. в сутки, не считая непредвиденных расходов, как извозчики, чаевые и т.п. На непредвиденные расходы полагаю необходимым выдавать особо 400–1000 руб., ввиду особых трудностей и опасностей при проезде через границу и по территории Советской России, где приходится, объезжая опасные места, передвигаться на лошадях, а при задержке красноармейцами и получении пропусков – прибегать к подкупам.

При командировании в Советскую Россию и в Сибирь необходимо снабжать командируемых штатским платьем, если такового у них не имеется¹.

В Добровольческой армии материальное обеспечение генштабистов было скудным. В 1918 г. младшие офицеры получали по 250 руб. в месяц, а семейные, несмотря на дополнительное 100 руб. пособие², нищенствовали. Младшим офицерам полагались и боевые суточные по 1 руб. 50 коп. Начальник бригады получал

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

² ГА РФ. Ф. Р-6396. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

уже 5 руб. в сутки. О периоде своей службы в штабе 1-й пехотной дивизии осенью 1918 г. капитан К.Л. Капнин писал: «Все мы были одеты крайне разнообразно и в общем очень бедно. Тем не менее никто и не помышлял о каких-либо коммерческих операциях. Ряды офицеров пополнялись добровольно прибывшими сюда во имя высшей идеи – спасения Родины, прибывшими на лишения, а может быть и гибель, но не для веселого житья»^I. Жить приходилось в потрепанном штабном поезде, но воевали не ради денег, а за идею.

На белом Юге генштабист В.З. Макшеев получал 2000 руб. жалованья^{II}. Состоявший при генерале М.В. Алексееве полковник Я.М. Лисовой в августе 1918 г. получил 500 руб. содержания, 150 руб. кормовых, 100 руб. семейных – итого 750 руб.^{III} Штаб-офицерская вакансия старшего адъютанта штаба Саратовского корпуса в ноябре 1918 г. предусматривала оклад в 750 руб., а также паек^{IV}. Войсковой атаман Астраханского казачьего войска в 1918 г. получал 800 руб. в месяц, начальник Войскового полевого штаба (офицер-генштабист) – 700 руб., обер-квартирмейстер штаба (также генштабист) – 600 руб., писарь того же штаба – 150–175 руб.^V В резерве чинов офицеры получали летом 1918 г. по 300 руб.^{VI} В конце 1918 г. прапорщик получал 450 руб. жалованья, а главнокомандующий – 3000 руб., в конце 1919 г. – 700 и 5000 руб. соответственно^{VII}. При этом даже 700-рублевый офицерский оклад едва превышал прожиточный минимум. Для сравнения, суточная норма продуктового потребления на человека в Екатеринодаре на 1 ноября 1919 г. оценивалась в 26,16 руб.^{VIII}

Согласно временному штату управления неотдельного конного корпуса, утвержденному генералом А.И. Деникиным 7 (20) декабря 1918 г., устанавливались следующие годовые оклады содержания (табл. 73).

Таблица 73

**Годовые оклады содержания офицеров штаба
неотдельного конного корпуса ВСЮР по временному штату 07(20).12.1918 г.^{IX}**

Должность	Оклад (руб.)
Командир корпуса (генерал или генерал-лейтенант)	8000
Начальник штаба корпуса (генерал-майор или полковник)	6600
Старшие адъютанты штаба корпуса (2 обер-офицера: по строевой и инспекторской части и по хозяйственной части)	3900
Штаб-офицер Генштаба	4800
Обер-офицеры Генштаба (2 должности)	3900

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 384. Л. 90б.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 317. Л. 36.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 55а. Л. 4.

^V РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 3. Л. 73.

^{VI} РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 72.

^{VII} Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 248–249.

^{VIII} Там же. С. 255.

^{IX} РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 3.

Годовой оклад по учрежденной 17 февраля (2 марта) 1919 г. должности штаб-офицера Генштаба для связи со штабом Всевеликого войска Донского в управлении генерал-квартирмейстера главкома ВСЮР составлял 8100 руб.^I В апреле 1919 г. годовой оклад офицера Генштаба в Константиновском военном училище был установлен в размере 7200 руб. Всего таких офицеров было трое^{II}. Годовой оклад начальника штаба главнокомандующего ВСЮР составлял 14 400 руб. (столько же получали командующие армиями); начальник отдела Генерального штаба, генерал-квартирмейстер Ставки, дежурный генерал получали по 11 400 руб. в год, помощник начальника отдела Генерального штаба, начальники мобилизационной и военно-топографической части – по 9900 руб. в год^{III}. Начальник штаба армии получал 10 800 руб. в год., генерал-квартирмейстер штаба армии – 9900 руб., старшие адъютанты отделений – по 8100 руб.^{IV} В сентябре 1919 г. начальник отделения в Военном управлении, полковник Генштаба, мог получать 18 000 руб., его помощники – по 12 000 руб., а младший оклад помощника, капитана Генштаба, составлял 9600 руб.^V Руководитель киевского подпольного центра белых получал в 1919 г. 4000 руб. в месяц^{VI}.

Средние чиновники (VIII–VI классы, соответствовавшие воинским чинам от капитана до полковника) на белом Юге в 1919 г. получали до 1800 руб. Между тем прожиточный минимум на человека в Екатеринодаре с апреля по ноябрь 1919 г. вырос с 300 до 900 руб., а в Ростове-на-Дону цены были выше на 10–15 %^{VII}. Из этих данных видно, что генштабисты находились не в лучшем финансовом положении, чем равные им гражданские чиновники. Как мы знаем, в Советской России генштабисты получали больше даже комиссаров, не исключая и самого В. И. Ленина.

4 (17) декабря 1919 г. Деникин утвердил новые месячные оклады чиновникам (XIV класс – 700 руб., XIII – 750, XII – 800, XI – 850, X – 900, IX – 1000, VIII – 1200, VII – 1400, VI – 1800, V – 2200, IV – 2800, III – 3300, II – 4000). Устанавливалась и прибавка на дороговизну – 75–100 % кормового оклада, чиновники с VI по II класс также получали довольствие по должности от 500 до 5000 руб.^{VIII} К декабрю прожиточный минимум в Екатеринодаре составил 1150 руб., а в Ростове-на-Дону – 1500 руб. В связи с поражениями ВСЮР прогрессировала инфляция. Полковник К. В. Алексеев 24 января (6 февраля) 1919 г. в Одессе отмечал: «Жить же отдельно с семьей, даже при получении большего содержания, при теперешней страшной дороговизне (одно отопление двух занимаемых мною комнат стоит 510 руб. в месяц), это – обречь свою семью на голодную смерть»^{IX}.

Материальное положение даже высшего командного состава ВСЮР было незавидным. Протопресвитер Г. Шавельский свидетельствовал: «И офицерство, и все чины Добровольческой армии, и сам ген. Деникин влачили нищенское

^I РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 129. Л. 84.

^{II} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 130. Л. 131.

^{III} Там же. Л. 199.

^{IV} РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.

^V РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

^{VI} Там же. Л. 341.

^{VII} Карпенко С. В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество (Юг России, 1918–1920 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2012. № 4 (84). С. 91.

^{VIII} Там же. С. 92.

^{IX} ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 50б.

существование. Жизнь вздорожала, ценность денег упала, — требовались для приличного существования большие оклады. Кубанский атаман в конце 1918 г. получал 5 тысяч рублей в месяц, при всем готовом, а ген. Деникин в это самое время имел тысячу с небольшим в месяц, без всего готового. Его помощники — еще меньше. Чиновники и офицеры получали крохи. Нужда всюду остро заявляла о себе¹. Неудивительно, что, например, супруга начальника штаба главнокомандующего ВСЮР генерала И.П. Романовского собиралась для выживания продавать серебряный чайник, а после того, как выручка будет проедена, не знала, что делать. Супруга генерала А.С. Лукомского пыталась раздобыть денег на новую одежду сыну, выросшему из старой². Генерал Е.В. Масловский вспоминал, что во ВСЮР в 1919 г. жалованья офицеров было недостаточно даже для скромной жизни. «Для офицеров семейных, которых был значительный процент, положение становилось буквально катастрофическим: семьи их положительно голодали»³. Но когда Деникина попросили увеличить содержание офицерам, генерал И.П. Романовский обратил внимание ходатайствовавшего полковника Д.Н. Тихобразова на залатанные сапоги Деникина, отметив, что главком сам не имеет средств⁴. Между тем в Екатеринодаре в 1919 г. штаб-офицер Генштаба должен был отдать за завтрак в ресторане месячное жалованье⁵. От хронического безденежья страдал генерал И.Г. Эрдели, которому в 1918–1919 гг. не хватало средств даже на одежду и продукты. В дневнике в марте 1919 г. он записал, что с удовольствием ограбил бы какого-нибудь красного комиссара, чтобы раздобыть денег⁶.

Генерал-квартирмейстер ВСЮР Ю.Н. Плющевский-Плющик вспоминал: «Дороговизна росла с каждым днем, и для того, чтобы быть сытым, не хватало жалованья не только женатому, но и холостому.

На это сознательно закрывались глаза. Об этом знали, но тем не менее не переставали экономить гроши, урезывая их на каждом представлении о прибавках. Офицер, чтобы существовать, должен был или красть, или спекулировать.

Для иллюстрации скажу, что я, получая жалованье ген[ерал]-квар[тирмейстера], прожил за 1½ года собственных 80 тысяч, питаюсь обедом в два блюда и не позволяя себе абсолютно никакой роскоши. Хорошо, что эти деньги у меня были, а если бы нет?

Относительно офицерского содержания лично я несколько раз имел случай говорить с г[лавнокомандую]щим, и еще в декабре [19]18 года он меня глубоко поразил, высказав взгляд, что он не может расточать народные деньги. Дальнейшее показало, что народные деньги — есть простые бумажки, и от такого взгляда сам Деникин скоро отказался, но что сделано, то уже оказалось непоправимым. Офицерство стало искать средства к существованию иными путями, яд грабежа и спекуляции проник в бывший когда-то здоровым организм, и изменить его

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 326–327.

² Там же. С. 327.

³ Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1399 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

⁴ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVI. С. 31 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

⁵ Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XX. С. 15 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 245; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 186.

стало уже непосильной задачей. Были, конечно, и другие причины развития этого зла, но мне думается, что это, т.е. недостаточное жалование и полная необеспеченность семей, были основными^I.

Отдельные офицеры пытались подрабатывать. Генерал Н. А. Букретов, находясь в 1918 г. в отставке, при красных занимался производством кислого молока на своей ферме в Екатеринодаре^{II}. Войсковой старшина П. Л. Фролов писал 3 (16) сентября 1920 г. начальнику оперативного отдела Войскового штаба Донского войска: «Ввиду нахождения со мною в Крыму моей жены и с нею двух мальчиков (один месячный, другой три года) и полного отсутствия материальных средств, прошу не назначать меня на должность, которая могла бы оторвать меня от семьи... в данное время я, имея собственную лошадь, занимаюсь извозом...»^{III}

Те, кто не мог устроиться на военную службу, порой зарабатывали на жизнь журналистским трудом. В частности, на Юге России статьи в газеты и журналы писали перебежчики от красных генерал А. Л. Носович и полковник Н. Д. Всеволодов. Последний, кроме того, занялся спекуляцией, чтобы прокормить семью. Достав теплушку, он приобрел в Новороссийске ходовые товары (булавки, гребенки, ленты, ситец, спички, шпильки, щетки), которые привез в Таганрог и продавал на базаре. «Переодевшись в штатское платье, я, вместе с деревенскими бабами и мужиками, расположившись прямо на земле в рядах таганрогского базара, стал продавать свой товар. Дело пошло хорошо. Вначале было как-то странно и неприятно сидеть рядом со всяким сбродом, но постепенно я привык к своей новой роли. Это была ирония судьбы: вчера — командующий армией, сегодня — мелкий торгаш. Но я не роптал на Бога. Я радовался, что был на свободе и не имел над собой никакого контроля»^{IV}.

Иногда подрабатывали журналистикой и те, кто состоял на службе у белых — например, капитан Е. Э. Месснер, полковники А. А. фон Лампе и Д. Н. Тихобразов. Последний анонимно публиковал обзоры боевых действий. Он вспоминал: «Так как очерки давались после окончания операций, то содержания моих обозрений вредить делу не могли. Все шло гладко. “Колокольчики”^V при небольшом казенном жаловании приходились весьма кстати; работа давала удовлетворение»^{VI}. Доход А. А. фон Лампе на ниве журналистики, как отмечал он сам, составлял порядка 5000 руб. В то же время ужин обходился в 200 руб., и фон Лампе считал, что такие расходы ему не по карману^{VII}.

Война порождала вопросы социальной поддержки семей умерших или погибших генштабистов. Насколько можно судить, на белом Юге этот вопрос не был упорядочен. Во всяком случае, известно, что верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев в 1918 г. лично заботился о пенсиях вдовам

^I Плущевский-Плющик Ю. Н. 1918–1920 годы. Добровольческая армия // BAR. lu. N. Pliushchetskii-Pliushchik collection.

^{II} Скобцов Д. Е. Три года революции и Гражданской войны на Кубани. С. 292.

^{III} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 316.

^{IV} Всеволодов Н. Д. Минувшее // МРК. 60050 М. С. 144; опубл. в: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 612.

^V Бумажные деньги Юга России (примеч. Д. Н. Тихобразова).

^{VI} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXV. С. 9 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

погибших вождей Белого движения генералов Л.Г. Корнилова и С.Л. Маркова^I. По-видимому, о поддержке семей менее известных офицеров заботиться было некому. На Востоке России у белых дореволюционный Пенсионный устав 1912 г. был пересмотрен, а прежние статьи адаптированы к условиям Гражданской войны. Воинские пенсии выплачивались из казны, но также были восстановлены взносы из окладов в эмеритальную кассу^{II}. Существовала среди офицеров и взаимопомощь. Так, в Особом отделении отдела Генерального штаба Военного управления ВСЮР в 1919 г. функционировал хозяйственный кооператив. Членский взнос составлял 5 руб., пай – 25 руб.^{III}

Отдельную статью дохода могли составлять трофеи. Конечно, они доставались не всем, но нередко достигали фантастических размеров. Так, топограф штаба конного корпуса генерала К.К. Мамантова по разверстке за время знаменитого рейда по советским тылам в 1919 г. получил 200 000 руб.^{IV} О заработках более высокопоставленных лиц имеются лишь косвенные данные. Например, у генерала В.И. Постовского (негенштабиста), прославившегося мародерством в том же рейде, в Севастополе в 1920 г. украли чемодан с бриллиантами, золотом и ценностями на сумму свыше 12 млн руб.^V

В апреле 1920 г. в Крыму при генерале П.Н. Врангеле жалование начальника связи составляло 26–30 тыс. руб. Пирожок в столовой стоил 60 руб., «почти несъедобный обед» в столовой штаба – 250 руб., в ресторане – 350 руб., фунт сахара – 1800 руб. (в Константинополе – около 900 руб.), чашка кофе – 125 руб.^{VI}

По свидетельству генерала П.И. Аверьянова, в Крыму черный хлеб по карточкам стоил 80 руб. за фунт, белый – 100 руб., мясо – 1000 руб. за фунт, картофель – 300 руб., масло – 2500 руб. за фунт, яйца – 1300 руб. за десяток, молоко – 500 руб. за кварту, керосин – 500 руб. за фунт, уголь – 2300 руб. за пуд, дрова – 560 руб. за пуд, конина у татарских торговцев – 500–600 руб. за фунт, камса и бычки – по 400–600 руб. за фунт, сельдь в Керчи – по 500–600 руб. за фунт, в Феодосии – по 800 руб., визит к врачу обходился в среднем в 1000–1500 руб., градусник стоил 2500 руб.^{VII} Валюта стоила: английский фунт – 13 000 руб., французский франк – 200 руб., германская марка – 65 руб. Перед эвакуацией Крыма газета стоила 500 руб., картофель – 700 руб. за фунт, мука – 400 руб. за фунт^{VIII}. Сапоги продавали за 80 тыс. руб., дачу в Ялте – за 80 млн.

Чиновники VII класса на май 1920 г. получали 16 000 руб. жалования в месяц, в сентябре 1920 г. оклады были удвоены, но инфляция стремительно съедала все прибавки и денег не хватало даже на прожиточный минимум^{IX}. В сентябре 1920 г. ежедневный кормовой оклад офицера составлял до 800 руб., тогда как простой обед из трех блюд стоил уже 5–10 тыс. руб.^X Осенью 1920 г. коробка сардин

^I РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 97.

^{II} Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России. С. 454.

^{III} РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.

^V ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 537.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 263об.–264.

^{VIII} Там же. Л. 292.

^{IX} Карпенко С. В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество. С. 95.

^X Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. С. 391.

в Севастополе стоила 10 000 руб.^I С марта по октябрь 1920 г. размер прожиточного минимума для семьи из трех человек в Крыму возрос более чем в 23 раза^{II}. Никакие оклады не поспевали за столь стремительным ростом цен. В докладе о положении в Крыму офицер, перешедший в сентябре 1920 г. к красным от белых, сообщал, что при окладе в 50 000 руб. в месяц офицер, особенно семейный, терпел сильную нужду, так как прожиточный минимум был втрое больше, а семьи офицеров буквально голодали^{III}.

На белом Северо-Западе осенью 1918 г. офицеры получали от 600 до 1200 руб. в зависимости от должности^{IV}. Командир корпуса имел оклад в 1900 руб. Суточные офицеру составляли 16 руб. Семейным выплачивались пособия^V.

На белом Севере сложилась своя система материального вознаграждения генштабистов. В сентябре 1918 г. председателем ВУСО был утвержден «Табель чинов и должностей военного ведомства» с указанием размеров основной и добавочной платы. По этому документу полковники получали 550 руб. жалованья, а дополнительная плата зависела от занимаемой должности. Подполковник получал 500 руб. На содержание семьи выплачивалось по 200 руб. Временное правительство Северной области 7 февраля 1919 г. установило новые оклады для командного состава в зависимости от разрядов и должностей: 1-й разряд (командир корпуса) – 1500 руб. в месяц, 2-й разряд (начальник дивизии, начальник штаба командующего) – 1300 руб., 3-й разряд (командир бригады) – 1200 руб., 4-й (командир пехотного полка, начальник штаба дивизии) – 1100 руб., 5-й (командир отдельного батальона, начальник отделения штаба) – 1000 руб., 6-й (командир батареи) – 950 руб., 7-й (старший адъютант штаба корпуса) – 850 руб., 8-й (старший адъютант штаба дивизии) – 750 руб., 21-й (рядовой) – 100 руб.^{VI} Общая сумма, выдававшаяся на руки, значительно превышала должностной оклад. Так, при окладе в 850 руб. можно было получать 400 руб. на представительство, 100 руб. на содержание семьи и 25 руб. на обмундирование, а всего – 1375 руб. Генерал Е.К. Миллер по должности командующего войсками Северной области получал на февраль 1919 г. 1700 руб. и 800 руб. на представительские расходы^{VII}.

Известны цены, существовавшие на Севере на 14 февраля 1920 г. Так, пуд муки стоил 90 руб., пуд мяса – 400 руб., коробок спичек – 30 коп., пуд пикулей – 216 руб. 60 коп., банка молока – 4 руб. 40 коп.^{VIII} Генштабисты-беженцы с Севера России, находясь в лагерях на территории Финляндии и Норвегии, в июне – октябре 1920 г. получали прежние оклады содержания, сохранившиеся со времени их службы на белом Севере. Так, дежурный генерал штаба главнокомандующего полковник В.А. Жилинский получал оклад в 2900 руб. «чайковками» (по фамилии председателя Временного правительства Северной области Н.В. Чайковского), начальник штаба главнокомандующего генерал-лейтенант М.Ф. Квевцинский – 4200 руб.,

^I ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 381. Л. 29.

^{II} Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. С. 391.

^{III} ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 26.

^{IV} Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 29.

^V Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. М., 2004. С. 547–548.

^{VI} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 40. Л. 42; Оп. 2. Д. 12. Л. 10об., 11об., 28об.

^{VII} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 2. Д. 12. Л. 8об.

^{VIII} ГАО. Ф. Р-2834. Оп. 1. Д. 54. Л. 100об.

заместитель председателя финансово-экономического совета Северной области генерал от инфантерии С.С. Саввич — 3100 руб., главнокомандующий генерал от кавалерии Е.К. Миллер — 5400 руб., что было, очевидно, наивысшим окладом¹.

Рассмотрим материальное положение генштабистов национальных армий. К сожалению, в украинских документах присутствует некоторая путаница в денежных единицах — в рублях, гривнах, карбованцах, польских марках, в связи с чем мы приводим наименования валют, как они указаны в документах, оставляя ответственность за правильность указания денежных единиц на составителях документов.

Б.А. Штейфон вспоминал о жизни генерала Н.Л. Юнакова в Харькове в 1918 г. до поступления последнего на украинскую службу: «Его лицо и скромный штатский костюм свидетельствовали как о прошлых испытаниях, так и о тяжелой жизни в настоящем. Оказалось, что он бежал с семьей из Петрограда и беженская волна занесла его в Харьков. Хотя Н.Л. явно и не говорил, но я понял, что ему живется тяжело. Я же имел обширные материальные и иные возможности помочь ему, соблюдая при этом величайшую деликатность. И он, и его семья были очень рады столь неожиданной помощи»². С поступлением Юнакова в украинские войска его положение существенно изменилось.

Находившиеся на Украине летом 1918 г. офицеры, ориентировавшиеся на Добровольческую армию, изыскивали различные способы заработка. Как свидетельствовал полковник В.М. Пронин, «из 9 офицеров Ген. шт[аба] 7 в разъездах в поисках денег, и они также на днях на некоторое время выезжают»³. Генерал С.Я. Гребенщиков, не желавший служить в украинской армии, в апреле 1918 г. устроился сумским уездным старостой⁴. Харьковским губернским старостой был генерал П.И. Залесский⁵. Обладавший коммерческой жилкой подполковник П.Е. Дорман издавал при гетманской власти в Киеве газету «Армия», поддерживавшую Добровольческую армию, а параллельно служил директором Хлебного департамента Министерства продовольственных дел и занимался вывозом зерна из Одессы в Константинополь, причем один фрахт, как утверждали, был адресован на имя самого Дормана⁶. Впоследствии Дормана арестовали и выслали за пределы Украины. Позднее он служил во ВСЮР и в Русской армии, где занимал ответственные штабные должности.

В ГУГШ на гетманской Украине осенью 1918 г. рассматривались меры по улучшению материального положения офицеров. Предполагалось, что командир корпуса в год будет получать 15 600 руб., начальник дивизии — 13 200 руб., командир неотдельной бригады — 12 000 руб., командир полка — 11 400 руб., старший помощник командира полка — 9600 руб., младший помощник командира полка — 9000 руб., командир отдельной роты, батареи, батальона — 8400 руб., командир

¹ ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 116. Л. 12–14.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 754. Л. 22. Также см.: Штейфон Б. А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А. В. Левченко // Исторический вестник. 2019. Т. 27. С. 43.

³ РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 3. Л. 37.

⁴ Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009. С. 131.

⁵ Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сб. док. М., 2014. С. 489–510.

⁶ Визвольні змагання очима контррозвідника (документальна спадщина Миколи Чеботаріва). Київ, 2003. С. 47–48.

роты – 7600 руб., младший офицер – 5400 руб.^I Семейным офицерам ниже командира батальона доплачивали еще по 600 руб. Начальник военно-научного отдела Генерального штаба (штаб-офицер, негенштабист) в 1918 г. получал 800 карбованцев в месяц". Минимальный оклад в 250 карбованцев имела машинистка. Оклад начальника отдела Генштаба в 1000 карбованцев на октябрь 1918 г. считался недостаточным для жизни в Киеве. В военно-исторической комиссии Румынского и Юго-Западного фронтов оклад председателя составлял 1150 руб., начальник канцелярии получал 600 руб., два писаря – по 250 и 200 руб.^{III}

По штатам украинского ГУГШ предполагались следующие оклады содержания генштабистов (табл. 74).

Таблица 74

Оклады содержания по штатам украинского ГУГШ. 1918 г.^{IV}

Должность	Годовой оклад (в карбованцах)
Начальник Генерального штаба (генеральный старшина)	18 000
Персональный осаул (обер-старшина)	6600
Штаб-старшина Генерального штаба для поручений	9600
Генеральный старшина для поручений (Генштаба)	12 000
Начальник отдела личного состава (полковник Генштаба)	10 800
1-й и 2-й генерал-квартирмейстеры (генеральные старшины Генштаба)	16 500
Председатель Военно-ученого комитета (полковник Генштаба)	10 800
Военный агент 1-го разряда (Берлин, Вена)	10 800 + 5400 добавочных, всего 16 200
Помощник (полковник)	9600 + 4800 добавочных, всего 14 400
Офицер для поручений	7200 + 3600 добавочных, всего 10 800
Военный агент 2-го разряда (полковник; Бухарест, София, Берн, Стамбул)	9600 + 4800 добавочных, всего 14 400
Помощник	7200 + 3600 добавочных, всего 10 800

На организацию работы военных агентов в июне 1918 г. выделялось 274 800 карбованцев, в том числе 54 600 единовременно на переезд и обзаведение одеждой^V. Всего на военно-агентскую работу направлялось 14 человек. Позднее, видимо в 1919 г., оклады военных агентов 1-го разряда составляли 85 000 и 2-го – 71 400 карбованцев^{VI}.

Эти оклады существенно превышали гражданские. К примеру, годовой оклад министра вероисповеданий УНР в 1919 г. составлял лишь 24 000 карбованцев,

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 103.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 52. Л. 8; Д. 60. Л. 31.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 328.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 32–37об., 38, 46; Ф. 1074. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

машинистка получала 3600, курьер – 2400. Если в гетманский период разница в высшем и низшем окладах составляла 5 раз, то в 1919 г. – 8–10 раз. Возрастало расслоение госслужащих. Прожиточный минимум в Ровно в мае 1919 г. составлял 31 карбованец в день. Месячная стоимость рабочей силы по Каменцу-Подольскому на январь – февраль 1919 г. составляла 376,5 карбованцев, на март – апрель – 437,6, на июнь – 581,6, на июль – август – уже 1161,8, на сентябрь – октябрь – 2651 карбованец. В результате инфляции Директория 15 августа 1919 г. приняла закон о процентных надбавках в связи с дороговизной, по которому госслужащие с окладом до 4200 карбованцев в год получали 100–140 %-ную надбавку¹.

Начальник мобилизационно-строевой части штаба 1-й конной дивизии сотник Б.Н. Ставрович в сентябре 1918 г. получал 600 руб. в месяц². Весной 1919 г. начальник оперативного отдела штаба главнокомандующего всеми вооруженными силами Украины сотник Ю.В. Скорняков ежемесячно получал 1160 карбованцев (сюда входили 360 карбованцев 45 %-ной прибавки)³. Исходя из этого, годовой доход обер-офицера составлял 13 920 карбованцев. Без прибавки оклад составлял 9600 карбованцев.

Цены в Киеве летом 1918 г. были следующими. Самый плохой костюм-тройка стоил 1000 руб., пара женских чулок по оптовой цене – 25 руб.⁴ Фунт хлеба в Киеве в июле 1919 г. стоил 50–60 руб., фунт мяса – 40–50 руб.⁵ Впрочем, об этом писал белый разведчик, и в каких рублях (царских, советских или деникинских) он исчислял эти цены, неизвестно.

По временному штату ГУГШ, утвержденному военным министром 23 мая 1919 г., были установлены следующие годовые оклады (табл. 75).

Таблица 75

Оклады содержания по временному штату ГУГШ УНР. 23 мая 1919 г.⁶

Должность (звание)	Оклад (гривен в год)
Начальник ГУГШ (генерал)	36 000
Его осаул (генерал)	24 000
Его осаул (обер-офицер)	13 200
Для поручений (полковник)	19 200
1-й и 2-й помощники (генералы)	30 000
Начальники отделов (генералы, полковники)	21 600

Оклад начальника Генштаба на июль 1920 г. сохранялся в размере 36 000 гривен⁷. Членство в разных комиссиях давало генштабистам дополнительный доход. Например, председатель комиссии при ГУГШ по восстановлению чинов и разработке

¹ Андрусишин Б. І. Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Директорії УНР). Київ, 1997. С. 32–33.

² ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 974.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 24. Л. 398.

⁴ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.

⁵ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 43. Л. 341.

⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 6. Л. 75–77.

⁷ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 54. Л. 6.

законопроекта о прохождении службы в армии УНР в ноябре 1919 г. получал в месяц 2700 гривен, а член комиссии от Генштаба — 1800 гривен^I.

Сохранились экстренные прошения офицеров устроить их на службу из-за отсутствия средств. К примеру, штабс-капитан В. Ф. Чабаневский весной 1918 г. писал: «Не маючи средств для життя прохаю дать посаду, яко мога швидче, бо я в шляху всі гроші издержав. Як що цього не можливо — прохаю одночасного грошового підтримання»^{II}.

В ноябре 1919 г. на Украине считались приемлемыми следующие размеры оплаты военно-педагогической работы: час лекции — 200 гривен, проверка на дому практических задач — 300, репетиции или экзамен — 400, практическая полевая поездка — 500 гривен^{III}.

Полковник В. Е. Змиенко за декабрь 1919 и январь 1920 г. получил в лагере в Луцке в качестве жалованья 800 польских марок и 4000 карбованцев^{IV}.

В апреле 1920 г. в Каменце-Подольском оклад военного министра полковника В. П. Сальского составлял 20 800 польских марок, минимальный оклад в Военном министерстве составлял 8700 польских марок^V. В апреле 1921 г. 1-й генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Н. Д. Ещенко получил 20 700 марок, начальник оперативного управления полковник Б. И. Сулковский — 14 700, начальник управления комплектования армии сотник Ю. В. Скорняков — 8105 марок, начальники управлений обучения войск подполковник Ю. В. Отмарштейн и военно-исторического подполковник Б. Е. Снигирев — 17 700^{VI}. Таким же был оклад 3-го генерал-квартирмейстера генерал-хорунжего Н. А. Капустянского^{VII}. Начальник отдела личного состава офицеров Генштаба полковник В. А. Сигарев получал 11 210 марок^{VIII}. Оклады включали добавку на семью.

Соотношение польских марок и карбованцев составляло 1:10. Лента для пишущей машинки стоила 2000 карбованцев (200 марок), две свечи — 300 карбованцев (30 марок)^{IX}. Украинское командование поднимало вопрос повышения материального обеспечения офицеров в пять раз весной 1920 г.^X

Сохранились и другие данные за май — июнь 1920 г., согласно которым военный министр В. П. Сальский получал 37 120 марок, его помощник полковник В. Н. Петров — 40 960, вр.и.д. председателя ВВС генерал-хорунжий Н. А. Коваль-Медзвецкий — 33 280, начальник ГУГШ генерал-хорунжий С. И. Дядюша — 44 800, начальник организационного управления ГУГШ полковник В. М. Куц — 22 400, начальник мобилизационного управления полковник Е. В. Мешковский и начальник мобилизационно-призывного отдела подполковник Б. Е. Снигирев — по 29 120 марок^{XI}.

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 6. Л. 78.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 490об.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 110.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 1об.-2.

^{VI} Там же. Л. 21об.-22, 24об.-26.

^{VII} Там же. Л. 26об.-27.

^{VIII} Там же. Л. 25об.-26.

^{IX} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 58. Л. 29, 40, 42.

^X ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 56. Л. 1.

^{XI} ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 55об.-56, 58об.-60.

После смерти Мешковского его вдове была выдана справка о том, что он как 1-й генерал-квартирмейстер получал по 11 июля 1920 г. 13 750 гривен и 1600 гривен дополнительно, а также 30 %-ную добавку на семью^I. Младший офицер военно-исторического отдела ГУГШ в чине поручика по закону от 5 августа 1920 г. получал 7200 польских марок в месяц и 20 %-ную добавку на семью. Начальник геодезического отдела ГУГШ в чине сотника получал 9000 гривен в месяц и добавку на семью^{II}. Начальник управления укомплектования ГУГШ подполковник М.С. Пересада-Суходольский с 5 июня 1920 г. получал 2500 гривен, причисленный к Генштабу сотник В.П. Савченко с 27 мая 1920 г. получал 1600 гривен^{III}. Начальник оперативного управления ГУГШ сотник В.Ф. Чабаневский и начальник управления укомплектования подполковник М.С. Пересада-Суходольский в июле 1920 г. получали по 24 000 гривен и 1600 гривен суточных, начальник разведывательного управления подполковник Б.В. Снигирев — 31 200 и 2080 гривен соответственно^{IV}. Прежний оклад Чабаневского до 1 июня 1920 г. составлял 10 000 гривен и 532 гривны столовых денег^V.

На 15 июня 1922 г. оклады составляли: у военного министра генерал-поручика Н.Л. Юнакова — 29 220 марок, у товарища военного министра генерал-поручика А.С. Галкина — 21 540 марок, у члена Высшего военного совета (рады) генерал-хорунжего В.А. Синклера — 19 740 марок. Минимальный оклад в Военном министерстве имела журналистка — 3792 марки^{VI}. Слушателям курсов по подготовке штабных офицеров платили по 5000 польских марок в год^{VII}.

Высший офицерский оклад в Русской народной Добровольческой армии С.Н. Булак-Балаховича, действовавшей в Белоруссии, составлял осенью 1920 г. 10 000 польских марок, оклад прапорщика — 4000, солдата — 150^{VIII}. Вышие чины, начиная с начальников дивизий, получали средства на представительские расходы примерно в размере жалованья. На фоне обесценивания польской марки генерал-квартирмейстер штаба армии подполковник П.И. Олейников разработал проект создания на контролируемых Балаховичем территориях своей валюты, а также предлагал организовывать меновую торговлю с местным населением^{IX}. Ввиду кратковременности авантюры Балаховича эти проекты так и остались на бумаге.

В грузинской армии члены Военного совета получали по 3000 руб. в месяц, начальник канцелярии Военного министерства — также 3000 руб.^X Когда в 1919 г. было открыто военное представительство Грузии в Азербайджане, авансом на обзаведение и содержание представительства выдавались 207 000 руб., а годовой бюджет составлял 108 000 руб. на содержание военного атташе и двух офицеров

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 175. Л. 10.

^{II} Там же. Л. 1а, 3.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 56. Л. 4об.

^{IV} Там же. Л. 20, 20об.

^V Там же. Л. 45.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 792. Л. 510об. — 511.

^{VII} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 300. Л. 31.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 27. Выражаю благодарность А.С. Кручинину за указание на этот источник.

^{IX} Кручинин А.С. «Своя валюта» для генерала Балаховича // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2012.

Т. 19. С. 140–144.

^X ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 260. Л. 4.

при нем. Кроме того, отпускались 36 000 руб. в год: 12 000 — на наем помещений, по 6000 на эксплуатацию автомобиля и на канцелярские расходы, а также 12 000 на представительские расходы^I. Сверх того, выплачивалось единовременное пособие офицерам на экипировку в размере 5000 руб. и столько же выдавалось на оборудование канцелярии. По особому плану и расчету отдела Генштаба выделялись средства на организацию разведки. Положение обычных офицеров было иным. По данным на март 1919 г., $\frac{3}{4}$ грузинских офицеров получали жалование в размере 500–575 руб. в месяц, при том что в большинстве своем были семейными, а из-за боевых действий жили на два дома. Такие выплаты считались нищенскими. Как отмечал помощник военного министра генерал А.К. Гедеванов (Гедеванишвили) в докладе председателю правительства в марте 1919 г., «трудно идти на смерть, имея за собой голодную семью»^{II}. В 1920 г. в армии отмечались застойные явления, связанные с системой материального стимулирования: сложилось такое положение, при котором обер-офицеры из-за низких окладов отказывались от штаб-офицерских должностей^{III}.

В азербайджанской армии оклад прапорщика в 1919 г. составлял 1000 руб., подпоручика — 1200 руб., поручика — 1300 руб., штабс-капитана — 1400 руб., капитана (если он был старшим офицером) — 1500 руб., капитана на должности ротного командира — 1800 руб.^{IV} На июль 1919 г. такие оклады, установленные в конце 1918 г., считались недостаточными из-за инфляции. Военный атташе в Грузии на 1919 г. должен был получать 22 400 руб. содержания на семь или восемь месяцев и особый отпуск на представительские расходы в размере 3200 руб. Военный атташе в Армении получал 21 600 руб. на шесть месяцев^V.

Цены на 1919 г. в Азербайджане были следующими: фунт печеного хлеба — 3 руб., фунт риса — 5 руб. 50 коп., фунт баранины — 9 руб., фунт говядины — 5 руб., пуд картофеля — 100 руб., пуд лука — 32 руб., фунт чая — 50 руб., пуд соли — 48 руб., пуд муки — 130 руб. Заготовительная цена нательной рубахи была 43 руб., исподних брюк — 36 руб. 70 коп., носового платка — 8 руб. 40 коп., ватного одеяла из бязи — 153 руб. 40 коп., шинели — 451 руб. 70 коп., шаровар защитного сукна — 139 руб. 70 коп., суконного башлыка — 125 руб., папахи — 100 руб., теплых перчаток — 10 руб., сапог — 1000 руб.

На 1920 г. были установлены новые оклады содержания: военный министр — 16 675 руб., включая жалование, столовые, квартирные и средства на представительство; помощник военного министра — 15 250 руб. по тем же статьям; командир корпуса в чине генерал-лейтенанта — 14 070 руб. жалования, столовых и квартирных; командир корпуса в чине генерал-майора — 13 368 руб.; начальники Главного и Генерального штабов в чинах генерал-лейтенантов — по 11 480 руб., в чинах генерал-майоров — по 10 760 руб.; начальник дивизии в чине генерал-лейтенанта — 10 715 руб., в чине генерал-майора — 9995 руб.; командир полка в чине полковника — 8440 руб.; командир батальона в чине подполковника — 6860 руб.; командир

^I ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 251. Л. 65, 77–77об.

^{II} ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 127. Л. 3.

^{III} Квиниатадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж, 1985. С. 247.

^{IV} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

^V ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

роты в чине капитана — 5836 руб.; штабс-капитан — 4596 руб.; поручик — 4254 руб.; подпоручик — 3984 руб.; прапорщик — 3480 руб.^I В конце апреля 1920 г. были установлены размеры суточных при командировках для содействия гражданским властям: генералам — 400 руб., штаб-офицерам — 300 руб., обер-офицерам — 200 руб.^{II} Генералу Г.Б. Салимову, пользовавшемуся правами командира корпуса, за командировку в Карабахский район следовало выплатить по 500 руб. в сутки.

В армянской армии были установлены следующие оклады жалования: прапорщик — 650 руб., подпоручик — 675 руб., поручик — 725 руб., штабс-капитан — 750 руб., капитан — 800 руб., подполковник — 850 руб., полковник — 900 руб., генерал-майор — 1000 руб., генерал-лейтенант — 1050 руб.^{III} Военные чиновники независимо от чина получали 750 руб.^{IV} В январе 1919 г. ввели прибавку на дороговизну, которая рассчитывалась следующим образом: поступившие на службу до 1 сентября 1918 г. получали в качестве прибавки месячное содержание, поступившие на службу после 1 сентября 1918 г. получали сумму, равную произведению числа дней со дня назначения по 1 января 1919 г. на $\frac{1}{120}$ месячного содержания^V. С января 1919 г. было введено добавочное содержание по должностям: младшим офицерам — по 50 руб., ротным командирам — по 100 руб., батальонным командирам — по 200 руб., командирам батарей — по 250 руб., командирам полков — по 350 руб. Командир бригады получал дополнительно 400 руб. Таким же было добавочное содержание по должностям начальника штаба дивизии, начальника отдела Военного штаба, генерала для поручений, постоянного члена Военного совета. Высший оклад добавочного содержания в 500 руб. получали начальник пехотной дивизии, начальник Военного штаба, помощник военного министра и председатель Военного совета^{VI}. Генерал-майор И.С. Баграмов получал с июля 1919 г. как член Военного совета и помощник военного министра 500 руб. добавочного содержания по X разряду (наивысшему)^{VII}. Таким же был высший оклад добавочного содержания начальника Генштаба^{VIII}. Начальники отдельных бригад и комендант крепости Карс получали по 450 руб. добавочного содержания. Суточные при командировках с 20 января 1919 г. составляли 15 руб.^{IX}

Жалование являлось одним из значимых факторов службы генштабистов в Гражданскую войну. В условиях хаоса и голода получаемые генштабистами денежные средства, наряду с пайками, буквально оказывались спасительными. Военспецы-генштабисты были обеспечены достойным жалованием, что свидетельствует о внимании властей к нуждам этих дефицитных специалистов. Часть окладов, например, превышала заработную плату председателя СНК В.И. Ленина. Материальное положение генштабистов антибольшевистского лагеря различалось, но, судя по всему, было достаточно скромным. Тем более что деньги обесценивались

^I ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 39. Л. 138об.–139.

^{II} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 16. Л. 223.

^{III} НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 9.

^{IV} НАА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 2. Л. 223.

^V НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 7–7об.

^{VI} НАА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 2. Л. 226.

^{VII} НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 107.

^{VIII} Там же. Л. 139.

^{IX} Там же. Л. 6об.

и росла инфляция. Во всех противоборствующих лагерях существовали возможности для подработки в виде журналистской работы, написания трудов, чтения лекций и т.д. В тяжелом положении в те годы оказывались семьи больных или умерших генштабистов, а также семьи репрессированных и многодетные. В Советской России некоторым генштабистам, даже не служившим в РККА, выплачивались пенсии. Определенные меры социальной поддержки генштабистов и их семей принимались и в антибольшевистском лагере.

§ 5. Питание

Не менее сложный вопрос составляло продовольственное обеспечение генштабистов и их семей в условиях голода и разрухи. В Советской России этот вопрос решался путем выдачи продовольственного пайка, однако решен он был далеко не сразу. В некоторых случаях из-за бюрократических трудностей военспецы и их близкие обрекались на голодное существование. Начальник штаба 9-й армии А.А. Душкевич в разгар Гражданской войны жаловался председателю РВСР Л.Д. Троцкому: «Уважаемый тов. Троцкий! Ваше всегда ко мне хорошее отношение дает мне смелость обратиться к Вам с личной просьбой. Семья моя, проживающая в Н[ижнем] Новгороде, терпит большую нужду в смысле получения продовольствия и отопления. Как семье находящегося на фронте горисполком^I отказывает во всем, направляя жену в военком^{II}, а в военкоме, указывая, что я как наштарм не имею права на красноармейское довольствие, установленное для семей, отправляют обратно в горисполком. В результате нигде ничего не дают. Зная терпеливое отношение жены ко всяким нуждам, я уверен, что только действительно тяжелое положение, в каком оказалась моя семья, и обида за такое отношение заставили ее сообщить мне о своих невзгодах. Моя усиленная к Вам просьба, если найдете возможным, оказать посильное содействие, дабы поставить семью в мало-мальски сносные условия жизни и тем дать мне возможность спокойно продолжать мою работу»^{III}. Троцкий поддержал военспеца и 24 марта 1920 г. направил нижегородскому губернскому военному комиссару телеграмму: «Семья тов. Душкевича, на[чальника] штаба 9[-й] армии, по полученным сведениям терпит продовольственную нужду. Прошу принять во внимание, что тов. Душкевич – заслуженный ценный военный работник, находится давно на фронте. Необходимо его семье оказать содействие»^{IV}. Через несколько дней последовала контрольная телеграмма управляющего канцелярией председателя РВСР: «Прошу сообщить, что сделано для семьи Душкевича согласно телеграммы тов. Троцкого»^V. На это был получен ответ, что помощь семье военспеца оказали^{VI}.

^I Городской исполнительный комитет.

^{II} Военный комиссариат.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 13–13об.

^{IV} Trotsky military records // HIA. Volkogonov papers. Reel 12.

^V Ibid.

^{VI} Ibid.

Как отмечал один из бывших флотских офицеров, «заветной мечтой обывателя было получить место или работу, связанную с получением красноармейского пайка»^I. Паек (на фронте — фунт хлеба в сутки) не избавлял от полуголодного существования. Так, по свидетельству военного руководителя Западного участка отрядов завесы бывшего генерал-лейтенанта В. Н. Егорьева, штаб завесы в Калуге в июне 1918 г. голодал, сотрудники не получали хлеба, которого не было ни в штабе, ни в городе^{II}. Штабы отрядов завесы и дивизий были обеспечены еще хуже, вынуждены были заниматься меновой торговлей. Сам Егорьев, по его словам, занялся мешочничеством: купил в Воронеже 38 вагонов муки для доставки в калужский штаб, но купленное было изъято в Москве, а до Калуги удалось довести только три вагона^{III}. То, что весной 1918 г. не было хлеба даже в штабе Западного участка отрядов завесы, подтверждал и помощник Егорьева бывший генерал Е. З. Барсуков^{IV}. Он вспоминал, что пробыл без хлеба около двух недель «и тогда убедился, что хлеб является основным, необходимым продуктом питания. Без хлеба, при наличии других продуктов питания, я настолько ослабел, что с трудом добирался от своей квартиры до штаба, придерживаясь за стены и часто останавливаясь»^V. Военспецу было тогда 52 года.

Красноармейский паек работникам центральных управлений был установлен главкомом И. И. Вацетисом 13 октября 1918 г. Проблема заключалась в том, что служащие уходили с работы, когда торговля уже заканчивалась. Кроме того, в связи с дороговизной у них не было возможности покупать продукты^{VI}. В тылу стоимость пайка была привязана к размеру жалованья и удерживалась из него. Так, например, если оклад в конце 1918 г. составлял 800 руб., то за паек выплачивали четверть его стоимости, если 850 руб. — $\frac{2}{4}$, если 900 руб. — $\frac{3}{4}$, если 950 и выше — паек оплачивался полностью по интендантской цене^{VII}. На фронте паек выдавался бесплатно. Право на получение пайка имели и члены семей штатных служащих (жены, дети, родители)^{VIII}. Впрочем, этот вопрос в разных местах решался по-разному.

Были введены три категории продовольственных карточек и пайков: 1-я категория (рабочие, кормящие женщины, дети от года до 12 лет, все чины вооруженной охраны, не состоящие на довольствии, увечные воины и инвалиды вне приютов, лица, обслуживающие инфекционные больницы); 2-я категория (все виды служащих по найму, учащиеся, несовершеннолетние 12–16 лет, женщины, ведущие хозяйство без прислуги не менее чем на 3 человек); 3-я категория (все остальные). Ответственные работники советских учреждений, среди которых были и генштабисты, относились к 1-й категории. Члены их семей, если сами не имели 1-й категории, относились ко 2-й категории^{IX}. По стоимости паек и обеды обходились

^I Бьеркелунд Б. В. Воспоминания. СПб., 2013. С. 103.

^{II} Егорьев В. Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 143.

^{III} Там же. С. 144.

^{IV} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 575.

^V Там же. С. 576.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 9.

^{VII} РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3. Л. 134.

^{VIII} Там же. Л. 124.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 574.

на рубеже 1918–1919 гг. в 320 руб. в месяц^I. За службу сверх положенных часов полагался дополнительный паек^{II}. Такой паек по 2-й продовольственной категории получал начальник отделения по службе Генштаба ВГШ А.С. Белой.

Главкому Вацетису, начальнику ПШ РВСР Ф.В. Костяеву, адъютанту Вацетиса, председателю Реввоентрибунала и его секретарю обед и ужин присылали из столовой, причем выдавали по фунту хлеба^{III}. При работе по 10–12 часов в сутки сотрудники ПШ РВСР нуждались в дополнительном питании. Начальник ПШ РВСР Костяев в начале 1919 г. добивался разрешения заместителя наркома продовольствия Н.П. Брюханова закупать продукты для штаба в Поволжье из расчета в 1,5 пуда на человека^{IV}. Известно, что в ПШ РВСР в 1919 г. существовал кооператив сотрудников, через который доставали продукты^V. О значимости пайка для поддержания жизненного уровня семей военспецов свидетельствует обращение к Костяеву курсовика П.А. Мея от 30 ноября 1918 г. о переводе в Тихвин в штаб 7-й армии вместе с тестем бывшим генералом Н.Г. Александровым. Мей писал: «Находясь в Тихвине, мы хоть своим пайком поддержим существование нашей семьи... такие условия еще надолго сохранят Красной армии двух довольно опытных работников...»^{VI} Сотрудники ВГШ в 1918 г. получали картофель по списку^{VII}.

В сентябре 1918 г. в Москве пуд ржаной муки стоил 380–400 руб., фунт мяса – 12–15 руб., фунт картофеля – 1 руб. 40 коп. – 1 руб. 60 коп., бутылка молока – 3–4 руб., селедка – 7 руб., фунт лука – 5 руб., фунт хлеба – 9 руб., фунт сливочного масла – 38 руб., десяток яиц – 15 руб.^{VIII} На местах цены могли быть намного ниже – так, в начале 1919 г. в Бобруйске фунт хлеба стоил 4 руб.^{IX} Фунт мяса в Острогжске в феврале 1919 г. стоил 2,5 руб., пуд мяса – 100 руб.^X Билет на цирковое представление в Москве у перекупщиков стоил в мае 1919 г. 15 руб., программка – 5 руб.^{XI}

Тяжелым продовольственное положение было в Петрограде и Москве. К примеру, отмечалось, что в Академии Генштаба РККА имелось мало продуктов^{XII}. Бывший полковник В.Н. Соколов писал 29 июля 1918 г. начальнику отделения по службе Генштаба ВГШ бывшему полковнику А.С. Белому: «Дорогой Александр Сергеевич! Благодаря прекращению сообщения с Екатеринбургсом я попасть туда не мог и сижу в Петрограде вот уже почти месяц. Кроме голода и дороговизны здесь абсолютно ничего нового нет. Хочу отсюда убираться. Помогите мне в этом. Устройте меня в окружной штаб Сев[еро]-Кавказского округа, который, кажется, уже сформирован и место пребывания ему назначено в Ставрополе»^{XIII}.

^I РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 90. Л. 256.

^{III} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 183.

^{IV} Там же. Л. 374.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 67. Л. 189–193.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 909. Л. 204об.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 280.

^{VIII} Дневник А. Е. Снесарева. 1918 г. Л. 850 (Архив семьи Снесаревых).

^{IX} Там же. 1919 г. Л. 945.

^X Там же. Л. 954.

^{XI} Там же. Л. 1015.

^{XII} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 235.

^{XIII} В действительности – в Царицыне.

Должность для меня совершенно безразлична, лишь бы попасть на Сев[ерный] Кавказ, куда я хочу перевести из Тифлиса свою семью, положение которой теперь там очень тяжелое...»^I

О трудном продовольственном положении в Советской России писал в дневнике в сентябре 1918 г. бежавший к белым полковник В.А. Замбржицкий: «Мысль о семье не оставляет меня ни на минуту. Что они, родные, делают, как живут, вернее, бедствуют? Сегодня ведь ровно месяц, как мы выехали из Воронежа, и вот мы здесь, в прекрасных условиях, а они-то, милые? Чем живут^{II}, чем питаются, вернее, голодают? Боже, сохрани их, спаси от большевистской напасти!»^{III}

На октябрь 1919 г. рыночные цены в Москве были следующими: хлеб нужно было доставать, и стоил он до 150 руб. за фунт (0,4 кг), сахар-рафинад – 500 руб. за фунт, сахар-песок – 200 руб., масло сливочное – 600 руб., картофель – 25 руб. за фунт, молоко – 40 руб. за кружку в полтора стакана^{IV}. В Самарской губернии на январь 1919 г. пуд картофеля стоил по твердым ценам 6,5 руб., на сельском рынке – 10 руб., а на городском – 600–1000 руб.^V (что соответствует октябрьской цене на рынке в Москве). В Пензенской губернии рыночные цены зимой 1919 г. были следующими: пуд ржаной муки – 75 руб., пуд пшеницы – 110 руб., пуд картофеля – 20 руб., фунт растительного масла – 12–16 руб., фунт мяса – 6,5 руб., гусь – 160 руб., кочан капусты – 20 руб.^{VI} В условиях хлебной монополии все, что возможно было изъять в деревне, власть направляла в города и в армию.

На Севере красные в 1919 г. практически не видели белого хлеба. Один из участников событий, попав на Южный фронт, даже сфотографировал белый хлеб на память^{VII}. Другой ветеран Гражданской войны на Севере вспоминал, что на фронте «питание было не вполне удовлетворительно, бывало по неделям приходилось довольствоваться лишь сушеной воблой “кари глазки” да черствым черным хлебом. Но все это перенесли, и сильные идейно одержали полную победу над противником, который был тепло одет и обут и питался великолепно (даже часто не ел свиного сала, а у нас о нем только могли мечтать), но не имел твердой веры в свое дело и не обладал моральной стойкостью в массе»^{VIII}.

Дефицитный хлеб становился настоящей валютой. Как свидетельствовала жена генштабиста В.А. Олохова, «за хлеб в то время можно было все иметь, и дров тебе откуда-то наносят, и могилу выроют»^{IX}. О.И. Олохова вспоминала, что «событием было каждый раз, когда у кого-нибудь можно было хорошо поесть. Слово “хорошо” означало, главное, сытно. Раз у себя, на новой большой квартире, делала “прием” Оля. Наелись свежей вареной картошки и гречневой каши. Не помню, было ли еще что, но знаю, что Володя (В.А. Олохов. – А.Г.) так поел, что должен был отлежаться раньше, чем идти домой. Когда с голодухи съешь, голова кружится»^X.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 180–180об.

^{II} Так в документе.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 7об.

^{IV} НИА. Vrangeli collection. Box 39. Folder 1.

^V Тишкина А. В. Товары и цены в Советской России... С. 92.

^{VI} Там же.

^{VII} ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 675. Л. 1.

^{VIII} ОСПИ ГААО. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 402. Л. 4.

^{IX} Олохова О. И. Мы служили Отечеству. С. 236.

^X Там же. С. 242–243.

Обед в Советской России в 1919 г. мог стоить от 5 до 20 руб.^I По данным записных книжек генштабиста Ф.Е. Огородникова, 11 апреля 1918 г. он потратил в Москве на молоко 1 руб., на 2 яйца — 1 руб. 20 коп., на обед — 4,5 руб., на извозчика — 5 руб. и на билет (видимо, до Ефремова или Ельца) — 19 руб.^{II} В конце апреля еще одна запись о расходах: яйца — 2,25, табак — 18 руб.^{III} В Смоленске в июле 1919 г. служащие штаба 16-й армии покупали молоко по 4 руб. за стакан или по 12 руб. за бутылку, масло — по 90 руб. за фунт, хлеб — по 17 руб. 50 коп., мясо — по 27–30 руб., сметану — по 35–40 руб., творог — по 18–20 руб., картофель — до 5,5 руб. за фунт, перловую крупу — по 23 руб., гречневую крупу — по 28 руб., пучок редиски (7 редисок) — до 1 руб.^{IV}

Питание военспецов-генштабистов, прежде всего, зависело от места их службы. Некоторые регионы считались более благоприятными в отношении возможности достать продовольствие, тогда как в других продовольственный вопрос стоял довольно остро. Например, назначенный помощником начальника оперативного отделения штаба Северного фронта А.С. Хрулев, в рапорте начальнику оперативного отдела штаба фронта от 3 января 1919 г. отметил, что месячный оклад содержания у него составляет 1500 руб., но ранее как помощник начальника штаба дивизии по оперативной части он получал такое же жалованье плюс бесплатный паек. Теперь же за паек и обеды приходилось дополнительно выкладывать по 320 руб. Хрулев писал: «Так как у меня имеется семья, проживающая в городе Петрограде, где в настоящее время продовольственный вопрос достиг уже рокового предела, я, вместо того, чтобы напрячь все силы для поддержания дальнейшего существования семьи, буду обречен на необходимость сократить еще ее бюджет на вышеуказанную сумму». В связи с постепенным ухудшением продовольственного вопроса в Ярославле военспец просил о переводе его в Новгород, положение в котором было лучше^V.

Дочь бывшего генерала В.Н. Егорьева вспоминала: «У папá была большая потребность в сахаре. Он очень любил самый дешевый простой шоколад во все времена своей жизни. Нам, детям, к завтраку часто выдавался шоколад в небольших порциях (все же средства были ограничены) не как лакомство, а как добавочное питание... Сахар папа ел из сахарницы кусками. На фронте его кобуры были всегда наполнены сахаром, а если удавалось, то и шоколадом... Советская власть для него специально выписывала ему сахар; в бытность свою на Южном фронте у него всегда стоял в мешочке сахар, и никто из домашних не трогал этот сахар, а тем более не производились никакие сахарные махинации в виде обмена на другие продукты. Я лично ничего не пила и не ела с сахаром, и мой паек целиком отдавался папе... Грызть сахар я любила, но никогда не воспользовалась ни единым кусочком из его мешочка...»^{VI}

^I 20 руб. стоил обед в столовой штаба 16-й армии Западного фронта в Смоленске в июле 1919 г., в городе можно было получить обед за 5 руб. (постный суп, кусок соленой воблы, пшенная каша, без хлеба) (Архив семьи Снесаревых).

^{II} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 84. Л. 54.

^{III} Там же.

^{IV} Архив семьи Снесаревых.

^V РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 359. Л. 18.

^{VI} ОР РГБ. Ф. 381. Карт. 5. Д. 5. Л. 7.

Начальник оперативного отдела штаба 9-й армии И.В. Яцко в январе 1919 г. обращался к начальнику штаба 6-й армии Н.Н. Петину с просьбой поменаться с кем-либо из штаба 6-й армии по семейным обстоятельствам (семья Яцко жила в Вологде). Рекламируя условия службы, он отмечал, что в Балашове, где приходилось служить, «все в изобилии, и мясо, и хлеб (белого сколько угодно), и проч[ие] продукты»¹. В дальнейшем Яцко действительно перешел в штаб 6-й армии.

Порой в связи с региональными особенностями обеспечения «академики» помимо службы вынуждены были заниматься натуральным обменом дефицитными товарами. Об этом красноречиво свидетельствуют письма В.М. Цейтлина из Москвы, который в первой половине 1919 г. неоднократно просил своего товарища по выпуску ускоренных курсов академии Н.Я. Забегалова, находившегося в Минске, помочь с продуктами, а в ответ искал тому вещи и предметы военного снаряжения — носки, воротники, шпоры и т.д. По-видимому, продовольственное положение в Минске было значительно лучше. К тому же в распоряжении Забегалова был личный вагон, в котором он мог отправлять большое количество продуктов своим знакомым. Письма свидетельствуют об ужасающем продовольственном положении московских военспецов в начале 1919 г., когда в столице Советской России, по сути, не было продуктов даже для ответственных работников.

В письме от 10 февраля 1919 г. читаем: «Глубоко Вас благодарим за присланные спички. Сообщите к следующему разу, сколько следует. Вообще я в этом отношении аккуратен... Был бы Вам очень признателен, Николай Яковлевич, если бы Вы выслали коньяку, водки, чем больше, тем лучше, иногда тоска смертельная, и кроме того, холод зверский. Приехала моя жена и дочь, так что, если будет у Вас возможность выслать крупы, масла или чего-либо в этом роде, буду очень благодарен. Деньги за все посланное будут немедленно уплачиваться посланному»².

Письмо от 27 февраля затрагивает похожие вопросы: «Муку получил, очень благодарен. Конечно, это очень дешево для Москвы, а главное теперь обеспечен хлебом. Деньги вышлю немедленно переводом 1 – 500 р., 2 – остальные. Относительно носков и воротников постараюсь исполнить Вашу просьбу. Беда, что в Москве сейчас абсолютно не ходят трамваи и трудно обделывать свои дела... Если будет возможность, то вышлите как-либо сыру, тут его нет совсем. Очень был бы благодарен также Вам, если купите мне две штуки бритв и карманные часы, рублей так в 150, тут достать нельзя ни за какие деньги, а мои лопнули и не идут»³.

Письмо от 3 апреля раскрывает детали торговых комбинаций военспецов: «Вчера привез муку и деньги для Максимова (меня не застал дома), а сегодня явился второй Ваш посланец. Едет он через ½–2 недели, и с ним я все купленное вышлю. Вполне понимаю, что Вам неинтересно возиться с покупками, но относительно Максимова дело вышло так — когда предвиделась поездка и я просил Теодори передать Вам деньги и письмо, он тоже решил попросить Вас о муке... всего должен был Вам 938, послано 830, осталось 108 р. Купил Вам шесть пар носков по 15 рубл. — 90 р. и академический знак 30 р. Шпоры есть только старые, обещались привезти новые из Петрограда... Завидую вообще Вашей жизни, так как тут

¹ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 74об. – 75.

² ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 180.

³ Там же. Л. 237. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 179–179об.

у нас кошмарная — нет ни газа, ни воды в нашем доме, холод, все безумно дорого, еле-еле сводишь концы. Мука — 1400 р. пуд и трудно достать, хлеб 40 р. фунт, яиц, масла нет совсем. Если будет возможность, буду очень благодарен, если вышлете муки, яиц и фунт шоколаду для дочери^I, теперешние дети живут, бедняжки, без сладкого. Деньги за все немедленно будут уплачены или привезшему, или же высланы по почте (хорошо, что доходят), но только если это Вас не стеснит очень. Если можно тоже[,] сыра голландского, яиц десятка 3–4, сыру фунтов 5, а муки, сколько найдете возможным. Должны нам выдать разницу тысячи 2½, но пока не могу добраться... Я и жена благодарим Вас еще раз за муку, она очень пригодилась, так как сейчас нас много»^{II}.

В письме от 7 апреля Цейтлин вновь просил о продовольственной посылке: «Если будет возможно и Вас не затруднит, вышлите продуктов, каких я писал, т.е. муки, яиц, сыру, фунт-два шоколаду, если не дороже 150 р. фунт»^{III}. В письме от 20 апреля Цейтлин в связи с праздником Пасхи снова затронул вопрос о муке: «Жена в мое отсутствие получила Вами высланные 20 ф[унтов] б[елой] муки и заплатила 150 р. Очень Вам благодарны. Выдали нам также муки с курсов, так что куличи сделали. Не обидели ли Вы только себя, т.к., по словам привезшего, Вы послали свой паек. Мука в Москве сразу колоссально подешевела, пуд 600 р., говорят, очень много муки специально выброшено на рынки, чтобы сбить цены перед праздниками... Чуть не забыл даже, что Пасха, так как она не похожа на прежнюю, только белый хлеб и отличие от будних»^{IV}.

В некоторых случаях межрегиональные продовольственные и товарные комбинации военспецов приобретали масштабный характер, имея целью спекуляцию, и становились предметом расследований. Один из таких инцидентов уже упоминался и связан с попыткой работников ПШ РВСР (включая генштабиста Е.И. Исаева и племянника главкома И.И. Вацетиса Э.И. Вацетиса) вывезти большие запасы продуктов и дефицитных товаров (сахар, масло, мука, горох, конфеты, мед, алкоголь, консервы, сушеные овощи, цикорий-ваниль, чай, кофе, спички, игральные карты, шнурки, туалетная бумага) из Советской Латвии в РСФСР в марте 1919 г.

Иногда обмен производился с местными крестьянами. Так, военный руководитель Западного военного округа бывший генерал Е.З. Барсуков обменял два пуда ржаной муки и воз березовых дров у крестьян на платяной дубовый шкаф и большое трюмо^V.

Бывший военный министр Временного правительства А.И. Верховский, оказавшийся после освобождения из тюрьмы на службе в Казани, писал сестре 27 октября 1919 г.: «Первое впечатление нерадостное. Я думал, что в Казани продовольствие по крайней мере обставлено хорошо, однако на первый взгляд кроме лука и капусты ничего не видно. Молоко 32 руб. против 40 руб. в Москве. В Москве были все

^I Цейтлина Нина Васильевна (11.08.1917–?) — дочь В. М. Цейтлина. По-видимому, умерла в детском возрасте (вычеркнута в послужных списках Цейтлина за 1919 и 1920 гг.).

^{II} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 176–176об.

^{III} Там же. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 175.

^{IV} Там же. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 173. Письма опубликованы в: «Настроение корявое, все время аресты...»: Письма военспеца Красной армии В. М. Цейтлина. Февраль — апрель 1919 г. / публ.

А. В. Ганина // Исторический архив. 2023. № 1. С. 42–56.

^V Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 585.

продукты»^I. В другом письме бывший генерал отмечал: «Голода нет, но лишений все же много»^{II}. 10 марта 1920 г. Верховский написал: «В материальном отношении изредка могу купить молока или мяса. Жизнь и в Казани приобретает характер совершенно неистовый в смысле ее стоимости. Сколько ни работай, а все мало»^{III}. Время шло, а положение не менялось. В последнем письме из Казани от 26 апреля 1920 г. Верховский печально констатировал: «Мы здесь просто, как нищие. Ничего нет»^{IV}. С переездом в Москву нищенское существование военспеца продолжалось. 6 июня 1920 г. Верховский сообщал: «Весь день в работе и нигде в буквальном смысле слова выпить стакан чаю и пообедать, ибо столовые не по карману. Хороша обстановочка»^V.

Генштабисты, даже относившиеся к советской военной элите (уровня командующих армиями и фронтами), находились в годы Гражданской войны в тяжелейшем положении в отношении удовлетворения самых элементарных потребностей. В частности, супруга А. А. Самойло — командующего 6-й армией, имевшей статус отдельной, т. е. приравненной к фронту (на эту армию была возложена оборона Советского Севера), — в Москве летом 1919 г. была вынуждена обменять орден мужа (22 награды) на пуд белой муки^{VI}. Возможно, именно тяжелое полуголодное существование было причиной того, что Самойло с членом РВС армии А. М. Ореховым, находясь в Карелии поблизости от передовой, буквально набросились на лужайку с белыми грибами, а затем, опаздывая на совещание, с большим риском повезли добычу вдоль линии фронта, во время этой опасной «операции» Самойло был даже контужен^{VII}. Были моменты, когда на грани голода находилась семья другого видного военспеца С. С. Каменева^{VIII}.

Дочь начальника ПШ РВСР П. П. Лебедева вспоминала: «Время было тяжелое. Люди влачили полуголодное существование. Мы были в лучшем положении: спецов обеспечивали пайком. Мы не нуждались в пшене, в хлебе, даже в сахаре. Правда, селедку на спецпак давали часто ржавую, и мама ее каким-то особым способом обрабатывала, прежде чем подать на стол. Бывало у нас иногда и мясо, и яичный порошок вместо яиц, но в ограниченном количестве. А другие дети этого не знали»^{IX}. Известно также, что сотрудники картографического отдела ВГШ недоедали, кроме того, не хватало топлива для обогрева помещений^X.

Дочь командующего отдельной Западной армией красных А. Е. Снесарева Евгения вспоминала о жизни с родителями в Смоленске в 1918–1919 гг.: «Жили мы на Почтамтской ул. в д. 6, бывшего банкира Шварца; зимой было сурово

^I Цит. по: Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. М., 2014. С. 416.

^{II} Там же. С. 417.

^{III} Там же. С. 421–422.

^{IV} Там же. С. 422.

^V Там же. С. 424.

^{VI} Самойло А. А. Две жизни. С. 190. У белых также возникали аналогичные ситуации. Например, адъютант генерала Я. А. Слащева ездил продавать эфес золотого Георгиевского оружия своего шефа, поскольку не было денег на обед (Сергеев Б. Память о Я. А. Слащеве-Крымском да живет вечно в родном полку // Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 30.07 (12.08). № 9. С. 20).

^{VII} Самойло А. А. Две жизни. С. 211.

^{VIII} Каменева Н. С. Путь полководца: Воспоминания об отце. Киев, 1982. С. 62–63.

^{IX} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 46.

^X РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

и холодно, во дворе стояли грузовые машины и страшно ревели, когда их заводили; шоферы жили в первом этаже; там же была кухня и огромная печь, и там мама пекла хлеб, если не выдавали печеного хлеба, но муку. Трудная неделя была, когда совсем не было соли и все казалось таким невкусным и несъедобным¹.

Продовольственный вопрос порой мог влиять даже на управление войсками. Один из работников штаба 4-й армии вспоминал, как работники штаба во время Советско-польской войны добивались изменения пункта его дислокации: «Основной штаб, сидя в Полоцке, слышал про развеселую жизнь в Вильно, богатые запасы вина и продовольствия, про сравнительную дешевизну товаров, с чем уже неизбежно связывалась у каждого мысль о возможности спекуляции, — и все это заставляло рваться чинов штаба в Вильно и опасаться, что можно, если промедлишь, приехать уже к шапочному разбору: все будет реквизировано, съедено и выпито. И вот поэтому все учреждения штаба, имевшие заручку у Реввоенсовета, хлопотали о разрешении выехать в числе первых эшелонов штаба в Вильно, выставляя каждое свою служебную к тому необходимость»².

При расследовании деникинцами службы у красных бывшего генерала Н.А. Жданова его товарищ генерал-майор В.П. Гололобов показал, что в сентябре 1918 г. «был поражен, увидев, что генерал Жданов занимается в маленькой комнатке, вместе со своими секретарями и письмоводителями. Генерал не имел даже письменного стола, а занимался на простом деревянном столе. На какую-либо роскошь не было и намека. Из разговора со Ждановым я убедился, что он тяготился службою большевикам, ругал их и их порядки в присутствии своей канцелярии. Видно было, что у него были все свои люди. Зайдя затем к нему на квартиру, я увидел, что он сильно нуждается, живет в 2^х комнатах и без прислуги. Генерал и генеральша все делали сами, так, при мне... был поставлен самовар»³. Сам Жданов показывал, что «нуждался, ибо жить было не на что. Имение, деньги и вещи в сейфе пропали. Приданое жены при обыске раскрадено (после расстрела большевиками брата жены, захваченного в Ставке генерала Духонина)»⁴. Впрочем, очевидно, случай Жданова был далеко не худшим.

Распродажа или обмен на продукты имущества «бывшими» стали приметой времени. Бывший генерал Э.А. Верцинский свидетельствовал: «Мне приходилось продавать свои вещи... Иногда удавалось вещи обменять на продукты... что было, конечно, выгоднее. Таким образом, мною были проданы: два хороших несесера, в кожаных чемоданах, дамское бобровое боа, 2 веера, кружева, страусовые перья, голландское полотно для рубашек, 2 красивых коробочки (одна — бронзовая, другая — слоновой кости ручной работы), 2 миниатюры Львова, два чайных сервиза, одни настольные часы, одни обыкновенные часы, одна хрустальная ваза, одна шуба, два дамских платья... Затем, так как мой брат живет в Ревеле, где он помощник управляющего таможни, то иногда он мне посылал небольшие посылки с продуктами»⁵.

¹ Архив семьи Снесаревых.

² Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. С. 104.

³ ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 2. Д. 48. Л. 11–11об.

⁴ Там же. Л. 48об. Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов. С. 671–760.

⁵ Цит. по: Иллешевич В. Н. Ревельский тракт. Истории о русской Прибалтике. Таллин, 2001. С. 187–188.

Супруга генерала В. А. Олохова вспоминала о жизни семьи в Гражданскую войну в Петрограде: «Мы все скоро почувствовали, что кто не работает, тот не ест, так как одному человеку кормить семью делалось не под силу. Дочки сразу прошли курсы машинисток и поступили на службу. Потом Володе удалось получить лекции на сельскохозяйственных курсах, где начальником был бывший “литовец” [В. А.] Пржецлавский^I, а потом поступил и архивариусом в гос[ударственный] архив. После всех поступила и я в отдел народного образования делопроизводителем. Таким образом, все четверо что-нибудь приносили, кроме меня, у всех были пайки. Я только имела возможность у одной служащей купить хлеба. Полбуханки она продавала за 150 руб. Вот два раза в месяц, получая свою зарплату, я ее и отдавала за эти полбуханки. С отвращением вспоминаю, что все же, когда я приносила этот кусок черного хлеба и делила его, руки дрожали от жадности. Так хотелось этого хлеба. Ничего не было, казалось, на свете вкуснее. Да и конечно — по карточкам хлеба давалось мало, круп тоже, картошка большей частью мерзлая, соленая рыба, сушеная вобла, селедки; все это елось в небольшом количестве, не уничтожая чувства голода и возбуждая жажду хлеба, хлеба и хлеба»^{II}. Перейдя на другую службу, мемуаристка отмечала, что бывала счастлива добыть мужу кусок мяса или сахара^{III}.

Генерал Олохов «по-детски радовался, что я ему на ночь давала немного каши — из ржи. И мы говорили — как дешево можно было прожить, если бы мы знали эту кашу из ржи. Казалась ведь вкусной! Но когда я попробовала ее сварить в сытое время, то она никому не пошла в горло. Удивительно балуешься и как скоро начинаешь привередничать, и делается и то и другое невкусным, и мужья начинают ворчать на однообразие стола. А какую собственноручно дрянь ели с удовольствием в трудные минуты. Раз я получила кислую капусту с червями... какое отвращение... желтые, толстенькие, будто с отрубленными хвостами, копошатся... Ну что же, перебрала, выкинула их и сварила суп. Не знаю, может, для навару надо было варить с ними? Претило. А эта ужасная вобла, которую надо было чистить целый вечер, чтобы начистить довольно на котлеты? А овес и все сложные манипуляции, которые надо было проделать, чтобы из него что-нибудь состряпать? Конечно, всем этим не удивишь перенесших ленинградскую блокаду во время последней войны, но тогда перемалывать и намазывать на хлеб головы селедок и что-то печь из кофейной гущи казалось очень странным»^{IV}. Русский генерал георгиевский кавалер В. А. Олохов, не раз смотревший в лицо смерти на войне, не смог перенести голод, ослабел и скончался в 1920 г.

Лишь переход к НЭПу весной 1921 г. привел к некоторому улучшению жизненных условий изголодавшегося и обнищавшего со времени революции населения.

В антибольшевистском лагере продовольственный вопрос для генштабистов и их близких также обстоял не всегда просто, хотя контролировавшиеся белыми аграрные районы Юга и Востока страны были лучше обеспечены продовольствием,

^I В документе ошибочно — Пржецлавский.

^{II} Олохова О. И. Мы служили Отечеству. С. 234.

^{III} Там же. С. 235.

^{IV} Там же. С. 244.

чем советский центр. Тем не менее известно, что семьи отдельных офицеров голодали¹.

Разумеется, офицеры получали пайки, но в походной жизни с продуктами было трудно. В период 1-го Кубанского похода генерал И.Г. Эрдели записал в дневнике: «Сейчас достали кусок хороший сала. Много ел с удовольствием, это по теперешнем[у] времени лакомство. Сахару у нас совсем нет; оставшиеся кусочки делим и все на вес золота»². В более спокойной обстановке затруднения вызывала дороговизна. В марте 1919 г. тот же Эрдели записал: «Ужасно хочется сладкого чего-нибудь, но все так дорого. Куплю себе изюму (кишмиш) и орехов, это обойдется, кажется, по фунту всего 8 рублей»³.

Генерал М.А. Иностранцев писал знакомой о своем отъезде из Приморья в апреле 1920 г.: «При условиях владивостокского голодания, уже у Вас, — в американском Красном Кресте, — я отдыхал не только душою, но и желудком, поглощая мясо, молоко и прочие деликатесы, которых мы были лишены на нашем мысе Эгершельде по неимению, как говорил один герой [И.Ф.] Горбунова, меновых знаков... В шесть часов, когда берега родины уже давно скрылись из глаз, снова гонг к обеду и опять те же пять или шесть блюд, но с супом, фруктами, конфетами и т.п. Вы не удивляйтесь, что я так подробно останавливаюсь на питании, но припомните, что во Владивостоке мы почти что голодали и потому цивилизованная еда не могла не подействовать на всю нашу психику и, по крайней мере на первых порах, заслонить от нас все другие впечатления...»⁴ На Юге России генерал Е.В. Масловский для обеспечения работников штаба командующего войсками Северного Кавказа питанием организовал кухню при штабе, где готовились обеды и ужины⁵.

Украинский генерал А.В. Осецкий, служивший представителем С.В. Петлюры в Польше, сообщал в мае 1921 г. в частном письме: «Сейчас я живу не как украинский генерал и военный представитель, а хуже нищего. Достаточно сказать, что мы с женой уже месяца три не видели куска мяса. Для своей Неньки Украины я рад отдать не только последнюю сорочку, но и жизнь; для дела готов пухнуть с голоду еще и год.

Но вся беда в том, что не знаешь, действительно ли это делается для добра Украины; что же до дела — то тут уже без ошибки можно сказать, что человек, который вынужден заниматься добыванием хлеба на сегодняшний день и не имеет нескольких сантимов на трамвай, не может импонировать как представитель армии великого украинского народа»⁶.

Продовольственный вопрос в Гражданскую войну стоял чрезвычайно остро. Особенно тяжелым было положение Советской России, где существовал острый дефицит продуктов, прежде всего хлеба. Сложнее было тем, кто не имел службы,

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 128.

² ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 7. Также см. вариант с отличиями по другому оригиналу: Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 185.

³ ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 239; Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 186.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 65. Л. 3–Зоб.

⁵ Масловский Е. В. Некоторые страницы моей жизни. Чему я был свидетелем и участником. С. 1437 // BAR. E. V. Maslovskii collection. Box 2.

⁶ ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 121. Л. 116–116об. Перевод наш.

а следовательно, пайка. Военспецы-генштабисты хотя и вели полуголодную жизнь, все же были гарантированы от голодной смерти наилучшим пайком, а их продовольственное обеспечение отличалось от того, на что в среднем могло рассчитывать население (как известно, в условиях голода в некоторых местах доходило и до людоедства). Обстановка осложнялась дороговизной. В ряде случаев выживать помогали продажа или обмен на продукты имевшихся ценностей. Конечно, ситуация была неравномерной по стране. Одни регионы были обеспечены хуже, другие лучше. Это порождало попытки генштабистов переводиться на службу в «сытые» края, обмениваться продуктами и товарами с сослуживцами из других регионов, заниматься спекуляциями. В отличие от обычных крестьян-мешочников у генштабистов в некоторых случаях имелись возможности для масштабного вывоза продуктов, например, если в их распоряжении имелся персональный железнодорожный вагон.

§ 6. Жилищные условия и имущество

Чудовищными были условия быта советских генштабистов, в том числе непосредственно на службе. Весной 1918 г., после переезда военных учреждений из Петрограда в Москву, многие военспецы жили прямо в вагонах, лишь со временем быт служащих центрального аппарата стал налаживаться.

М.М. Загю вспоминал, что управление ВОСО Ставки из Могилева в первой половине 1918 г. перемещалось в Орел, Липецк, Муром, а затем в Москву. За пять месяцев сменили пять городов. «Самые условия переезда, при крайне ограниченных средствах передвижения, при чрезвычайной напряженности и недоброжелательном отношении местных властей, были до чрезвычайности затруднены. Постоянные сборы к отъезду и развертывания управления при переезде, отнимавшие каждый раз не менее 10 дней, не давали наладить сколько-нибудь плодотворную работу.

Если к этому прибавить еще стремление на местах захватить имеющиеся при управлении технические средства связи — автомобили, мотоциклы, телефоны, телеграфные аппараты, провода и прочее, — сопровождавшееся всегда угрозой произвести насилие, и принимая во внимание, что абсолютно никакой охраны при управлении не было и отстаивать независимость управления приходилось только уговорами комиссара и моими, то станет ясным то нервное напряжение служащих и та кошмарная обстановка, в которых приходилось работать в течение этих 5 месяцев»¹.

В Москве «помещение оказалось чрезвычайно тесным и неудобным, но думать о другом помещении не представлялось возможным ввиду полного отсутствия в то время свободных помещений в Москве. Несмотря на то, что сюда заранее были командированы квартирьеры, по крайней мере две трети служащих, что составляло до 280 служащих, не считая семей, оказались без квартир и принуждены были оставаться в вагонах тех 3-х поездов, в которых мы приехали. Окончательное размещение служащих по квартирам было не ранее половины сентября.

¹ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 114. Л. 33об.-34.

Условия жизни, в которых оказались служащие в Москве, были чрезвычайно затруднительны: отсутствие квартир, отдаленность вокзала, где они проживали в вагонах, отсутствие продовольствия, затруднительность сообщения, все это заставляло отвлекаться служащих от прямого своего дела и большую часть времени посвящать заботам о своей личной жизни»^I.

Когда в июне 1918 г. ВВС перевели из Москвы в Муром, сотрудники оказались оторваны от семей и вынуждены жить на два дома, что при дороговизне было непосильно. В Муроме реквизировали помещения без обстановки и сами обзаводились всем необходимым. Обратный переезд в июле 1918 г. повлек новые расходы, так как сотрудники уже обосновались на новом месте, а теперь должны были все бросать и нанимать подводы для перевозки семей и имущества»^{II}.

На фронтах высокопоставленные работники жили в вагонах на железнодорожных станциях. Если необходимость жить в вагоне отсутствовала, жили при штабах. Генштабист А. А. Самойло вспоминал о своем прибытии на Север России весной 1918 г.: «Архангельск встретил нас на первых порах неприветливо и в смысле погоды, и в смысле элементарных бытовых удобств. Мы были помещены в здании бывшей гимназии, в огромном зале, заставленном ученическими партами. Неважным было и отношение к нам как к работникам нового штаба»^{III}. Самойло имел в виду отношение со стороны одного из руководителей Архангельского губисполкома 28-летнего пламенного революционера П. Ф. Виноградова, который воспринимал военспецов с явным недоверием.

Бывший генерал Ф. Е. Огородников летом 1919 г. поселился в Смоленске и написал: «Отчаянно грязный вонючий номер, с двумя койками... В остальном условия жизни очень хорошие»^{IV}. Другой бывший генерал, А. И. Верховский, в Казани в октябре 1919 г. с большим трудом смог получить комнату без света, работать приходилось, сидя с нелегально купленной свечой»^V.

Командировки отдельных генштабистов отличались драматизмом. Если высокопоставленные и приближенные к военному и партийному руководству начальники могли позволить себе комфортабельные поездки в собственном вагоне или даже в элитном салон-вагоне, как у главнокомандующего^{VI} (еще один элемент начинавшегося номенклатурного расслоения советского общества), то простые, не имевшие никаких привилегий военспецы находились в совсем ином положении. Так, сотруднику Высшей военной инспекции С. К. Сидоровнину в 1918 г. приходилось ездить по командировкам почти исключительно в конских вагонах, а в одну из поездок пришлось три недели жить в совершенно пустой комнате без стола и стула^{VII}. Не выдержав таких условий, Сидоровнин просил откомандировать его от инспекции на другое место службы.

^I Там же. Л. 34. Публикацию документа и другие материалы см.: Ганин А. В.хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 33.

^{III} Самойло А. А. Две жизни. С. 215.

^{IV} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

^V Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. С. 416.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 621.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 207об.

Генштабисты оперативного отделения штаба 16-й армии в 1919 г. были вынуждены работать в неотапливаемом помещении^I. Такая же ситуация сложилась и в Академии Генштаба РККА, причем заготовкой дров занимались сами слушатели академии. В первой половине ноября 1918 г. средняя температура в личной канцелярии начальника ВГШ составляла 11,5–12 градусов^{II}. В оперативном отделе Оперативного управления ВГШ в июне 1918 г. остро не хватало пишущих машин, необходимых для нормальной работы отдела^{III}.

Служащие центральных учреждений в Москве и работники окружных штабов жили на квартирах, в том числе коммунальных. В частности, соседями по коммуналке недалеко от Гранатного переулка в Москве были братья Раттэли и В.Н. Клембовский^{IV}. По данным на 1921 г., бывший генерал-майор С.Н. Савченко с семьей жил в Москве на квартире вместе с другим бывшим генерал-майором А.М. Мокульским^V. Некоторые сотрудники жили в гостиницах. Так, слушатели Академии Генштаба РККА в ноябре 1919 г. жаловались, что в гостинице «Ливада» 136 комнат, в том числе 20, требующих ремонта, но 40 лучших номеров заняты работниками ВГШ^{VI}.

О том, какой метраж приходился на генштабистов и членов их семей, полных данных нет. Порой жили в тесноте, в других случаях условия были более приемлемыми. Например, семья В.Н. Гатовского, состоявшая из него самого (на фронте), супруги, двух сыновей, двух дочерей и двух человек прислуги, на декабрь 1918 г. занимала четыре комнаты^{VII}. Семья не подлежала выселению в связи с тем, что ее глава был командирован на фронт^{VIII}.

За жилье приходилось платить. Так, служащие штаба ВВС в 1918 г. платили за жилье до 20% содержания, и это считалось приемлемым^{IX}. Бывший генерал В.П. Муратов в октябре – ноябре 1918 г. платил за квартиру 130 руб. в месяц, в мае – июне 1919 г. платить приходилось уже 195 руб.^X

Реквизиции и уплотнения стали обыденностью. Местные власти могли выселить семью генштабиста, находившегося на службе в РККА. Так случилось в 1918 г. в Нижнем Новгороде с домохозяевами начальника штаба 11-й стрелковой дивизии И.И. Граужиса^{XI}. Военспецы нуждались в защите и обеспечении минимальных потребностей, необходимых для нормального несения службы, в уверенности за благополучие родных. В первой половине октября 1918 г. у матери сотрудника ВГШ В.В. Ступина была реквизирована последняя комната, несмотря на имевшееся удостоверение Воронежского губвоенкомата, что она – мать советского служащего. 68-летней женщине предложили поселиться на кухне, ее пенсия составляла всего 130 руб. Начальник ВГШ А.А. Свечин 20 октября 1918 г. потребовал от председателя

^I РГВА. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 374.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 163.

^{IV} Сообщено автору внучкой падчерицы В. Н. Клембовского В. В. Степановой (Москва).

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 332об. – 333об.

^{VI} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

^{VII} РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 51.

^{VIII} Там же. Л. 52.

^{IX} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 182.

^X РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 5–7.

^{XI} РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1567. Л. 61об.

исполкома Воронежского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не уплотнять мать военспеца^I. В итоге комнату вернули^{II}.

Для устранения риска утраты жилья или имущества приходилось запасаться различными охранными грамотами и удостоверениями. Сотрудник ВГШ бывший генерал С.К. Сегеркранц с ноября 1918 г. имел удостоверение, что он не подлежит выселению из занимаемой квартиры^{III}. Аналогичное удостоверение имел служивший там же бывший генерал Д.А. Долгов^{IV}. Оба жили в доме 8 по Пименовской улице. Удостоверения понадобились по конкретному поводу: военспецов явилась выселять 109-я рабочая дружина^V.

Уже упоминавшийся начальник Главного управления военно-учебных заведений В.П. Муратов обладал целым рядом такого рода документов. В августе 1918 г. он получил удостоверение о том, что его квартира не подлежит обыску^{VI}. В октябре 1918 г. он получил удостоверения Военно-учебного управления ВГШ о том, что мебель военспеца не подлежит реквизиции, а сам он нуждается в отдельном кабинете для занятий^{VII}. 1 августа 1919 г. датировано удостоверение Муратова, выданное главным комиссаром Военно-учебного управления ВГШ о том, что занимаемая им квартира «уже уплотнена еще двумя семьями и уплотнению и реквизиции вещей, продовольствия и продуктов не подлежит... В случае необходимости обыска по причинам общего характера прошу отнестись к тов. Муратову и его семье с должным доверием»^{VIII}. Удостоверения периодически приходилось обновлять. В июле 1920 г. Муратов вновь обзавелся бумагой о том, что ему нужен кабинет для работы и приема посетителей на дому^{IX}, а в ноябре 1920 г. получил бумагу о том, что ему нужна отдельная комната, в том числе для секретности^X. В 1921 г. Муратов получил удостоверения о том, что нуждается в добавочной комнате помимо нормативной жилплощади^{XI}. Судя по всему, военспеца на протяжении всей Гражданской войны упорно пытались лишить одной из комнат, в связи с чем приходилось постоянно бороться за свои права. Наконец, 9 апреля 1921 г. Муратову было выдано удостоверение (охранная грамота) за подписью начальника всех военно-учебных заведений Д.А. Петровского о том, что его квартира не подлежит уплотнению семьи и принудительному переселению или выселению. Реквизиция и конфискация вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви, посуды) воспрещались. При особой в них нужде право реквизиции принадлежало особой комиссии в составе председателя губисполкома, губсовнархоза и губпродкома при условии уведомления центральных властей^{XII}. Удостоверение было отпечатано типографским способом.

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 43.

^{II} Там же. Л. 612.

^{III} Там же. Л. 580.

^{IV} Там же. Л. 613.

^V Там же. Л. 614.

^{VI} РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

^{VII} РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 13–14.

^{VIII} Там же. Л. 16.

^{IX} Там же. Л. 17.

^X Там же. Л. 18.

^{XI} Там же. Л. 19–20.

^{XII} Там же. Л. 21.

Следовательно, ГУВУЗ так защищал многих своих сотрудников. В общей сложности Муратов занимал на 1921 г. три комнаты. Новые охранные удостоверения на жилье он получил в 1922 г.^I

В отношении отдельных военспецов большевистское руководство проявляло порой настоящую заботу, в том числе в жилищном вопросе. Например, Л.Д. Троцкий потребовал через ПШ РВСР в июне 1920 г. от командующего армиями Кавказского фронта В.М. Гиттиса обеспечить В.Н. Клембовского квартирой и другими видами довольствия, чтобы тот не испытывал затруднений^{II}.

Некоторые, как, например, близкий к власти бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, довольно оперативно решали бытовые проблемы с помощью административного ресурса. Сохранность имущества Бонч-Бруевича, оставшегося с 1914 г. в Чернигове, вызывала беспокойство. Тем более что домашние вещи бывшего генерала в мае 1919 г. были реквизированы. М.Д. Бонч-Бруевич сообщил об этом своему брату Владимиру — управделами СНК, а тот пожаловался председателю СНК В.И. Ленину. В.Д. Бонч-Бруевич 8 мая 1919 г. сообщал брату об итогах этой жалобы: «6/V-[19]19 г. мною было доложено председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ильичу Ленину о Вашем заявлении о реквизиции Ваших домашних вещей в г[ороде] Чернигове. Председатель Совета народных комиссаров тотчас же распорядился дать телеграмму председателю Совнаркома Украины тов. Раковскому о сохранении в целости Ваших вещей, особенно библиотеки и архива, предлагая тов. Раковскому сделать распоряжение Черниговскому Исполкому. На эту телеграмму председателя Совнаркома 7/V-[19]19 г. получен ответ из Киева следующего содержания: “Распоряжение Черниговскому Исполкому о сохранении в целости вещей и библиотеки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевич[а] сделано. Предсовнаркома Раковский”. Об этих распоряжениях высших властей Российской и Украинской Советских Республик Вас уведомляю»^{III}. Более того, председатель СНК УССР Х.Г. Раковский поспешил дополнительно телеграфировать Ленину и Бонч-Бруевичу 23 мая 1919 г.: «Удостоверяем, что ничего не расхищено и не растрачено непроизводительно»^{IV}. Впрочем, Бонч-Бруевич позднее утверждал, что имущество все-таки пропало^V.

Однако на столь высокое заступничество мог рассчитывать из всех военспецов-генштабистов, наверное, только один Бонч-Бруевич, тесно связанный с большевистским руководством. Этот пример свидетельствует о зарождавшемся в советских условиях неравенстве военспецов — когда у представителей власти появлялись любимчики, приближенные, выдвиженцы, на которых не распространялись общие для остальных законы и подходы. Очевидной привилегией было и то, что, по данным на декабрь 1918 г., Бонч-Бруевич жил и работал в Кремле^{VI}.

Без высокой поддержки результаты прошений могли быть прямо противоположными. Так, бывший генерал Ф.Е. Огородников 14 июля 1921 г. писал неустановленному лицу по поводу реквизированных вещей: «Невзирая на ходатайство

^I Там же. Л. 24–25.

^{II} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 276.

^{III} РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

^{IV} Там же. Л. 6.

^V Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. С. 329.

^{VI} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 512.

Рев[олюционного] воен[ного] совета Зап[адного] фронта и Вашу любезную поддержку, мне не удалось получить ничего, кроме части книг. Не оказалось многих самых нужных военных книг, моих заметок, рисунков и фотографий со времени пребывания в Китае и на Дальнем Востоке.

В настоящее время моя жена хлопочет, чтобы взамен реквизированной обстановки, посуды, утвари, белья, платья и пр. было выдано необходимое для существования нашей семьи, которая, кроме меня, состоит из моей жены, двух сыновей и сестры жены. Мы остались с тем, что было взято с собой в 1914 году на театр войны, но, конечно, многое растеряно, утрачено, пришло в негодность, а приобрести теперь нет возможности»^I.

В декабре 1920 г. вернувшийся в Петроград из длительной командировки по заданию НКВД в Китай и США бывший генерал А. С. Потапов с удивлением обнаружил, что в его пятикомнатной квартире на Каменноостровском проспекте поселились другие люди, пользовавшиеся его вещами. Часть вещей была разграблена, письма покойной жены Потапова использовались жильцами для растопки «буржук». Лишь вмешательство НКВД, зафиксировавшее то, что «деятельность Потапова признана советской властью крайне полезной», позволило бывшему генералу вернуть часть имущества и некоторое время прожить в квартире до переезда в Москву^{II}.

Начальник оперативного отдела ВГШ бывший генерал-майор Н. В. Пневский, несмотря на неоднократные просьбы, на октябрь 1918 г. жил в квартире без плиты. Металлических плит в продаже не было, а на установку кирпичной нужно было получать разрешение^{III}. Военспец В. М. Цейтлин, служивший в Москве, жаловался товарищу по выпуску из академии Н. Я. Забегалову в письме от 7 апреля 1919 г.: «В общем не жизнь, а малина, газа нет, воды нет, дров нигде не найдешь, воз — 1000 рубл., по-моему даже не обидно от тифа эвакуироваться в лучший из миров»^{IV}.

На местах бытовые условия, как правило, обстояли хуже, чем в центре. К примеру, даже в подмосковном Серпухове, где в 1918–1919 гг. находился в ПШ РВСР, в зимнее время температура в квартирах сотрудников опускалась ниже нуля, а для отопления требовался запас дров^V. Впрочем, в 1919 г. у работников ПШ РВСР случился конфликт с местным советом, поскольку генштабисты защищали своих квартирных хозяев и, по мнению местных представителей, жили в сравнительно приемлемых условиях, тогда как серпуховские рабочие мерзли и голодали^{VI}. В красном Архангельске, центре Беломорского военного округа, летом 1918 г. наблюдались дороговизна, квартирный кризис, отсутствие продуктов. Наряду с перегруженностью работой, все это вынуждало «служащих штаба и управление округа массами покидать службу»^{VII}.

^I РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–1об.

^{II} Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 94; Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы: социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016. С. 158, 160, 164.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 474.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 239. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 175.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 14. Л. 188.

^{VI} РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 106. Л. 128–130об.

^{VII} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 39.

О тяжелейших бытовых условиях писал старший делопроизводитель отчетно-организационного отдела Организационного управления ВГШ В.Г. Сухов. Получив предписание отправиться на фронт, он обратился 2 января 1919 г. к начальнику отдела с рапортом: «Имея на своем иждивении семью в 8 человек (жену и 7 человек детей в возрасте не старше 13 лет, из них 6 сирот от первого мужа жены, убитого на войне), я, служа в Москве, был в крайне тяжелом материальном положении, тем более что принужден жить на два дома, так как в моей просьбе об отводе для меня в Москве хотя бы самой маленькой квартиры в 2 комнаты с кухней мне жилищная комиссия отказала и семья моя ютилась до конца ноября в одной холодной (летней) избе д[еревни] Чернобаево Вяземского уезда. В ноябре, заручившись бумагой за подписью начальника и комиссара Оперативного управления, я попытался устроить семью в двух комнатах дома отца жены близ д[еревни] Чернобаево, но, к сожалению, этим не только не улучшил, а еще более ухудшил ее положение до самых грубых и жестоких издевательств включительно, о чем, дабы еще более не ухудшить положение, я считаю более благоразумным молчать. Ввиду таких обстоятельств я решил обратиться с просьбой о переводе меня в провинцию – в один из окружных штабов или на командные курсы заведующим обучением, чтобы иметь возможность вывезти к себе семью; в отделе по службе Генерального штаба я узнал, что на подобный перевод я рассчитывать не могу; тогда я просил указать, не найдется ли какая-либо тыловая должность на фронте, связанная с продолжительными стоянками на одном месте; мне была указана должность начальника дежурства в Арзамасе вместо Генерального штаба Корсуна, о назначении на которую я и обратился к Вам с просьбой... Принимать же должность в штабе армии я не имею возможности не только по обстоятельствам, связанным с нуждой моей семьи, с чем, быть может, не положено считаться, но и по состоянию своего здоровья, которое зимой, как это есть теперь, временами совершенно лишает меня возможности работать, что может быть засвидетельствовано медицинской комиссией»¹.

Назначенный на должность для особых поручений при начальнике штаба 6-й армии А.Н. Леонов не мог 15 июля 1919 г. выехать к месту назначения из Ярославля за отсутствием обуви и шинели². По этим же причинам в феврале 1919 г. не мог выехать в штаб Северного фронта освободившийся из-под ареста генштабист В.А. Ивановский. Последний сообщал начальнику отчетно-организационного отдела ВГШ 19 февраля 1919 г.: «Доношу, что выехать с получением сего предписания в штаб Северного фронта не имею никакой возможности за отсутствием одежды, а главное обуви. За время нахождения моего под арестом у меня украли шинель, и я теперь хожу в старой порванной шинели, которую носил 4 года на фронте; крепких же сапог не имею совершенно и хожу в настоящее время в чужих валеных сапогах.

Выехать по назначению буду иметь возможность, как только достану себе что-нибудь теплое и починю сапоги. Генерального штаба Владимир Александрович Ивановский»³. У арестованного Н.Н. Доможирова при обыске в августе 1919 г.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 216–217.

² РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 245.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 44об.

изъяли старое офицерское пальто. Утрата была столь чувствительной, что он даже пожаловался на это в Особый отдел ВЧК И.П. Павлуновскому: «Зачем же, Иван Петрович, лишать последней одежды, это же жестоко. Теперь это стоит таких денег, каких я никогда не смогу заработать»^I.

Бывший генерал Е.З. Барсуков, служивший весной 1918 г. помощником военрука Западного участка отрядов завесы, ходил в поношенной гражданской одежде, причем рассчитывал, что такой демократический вид поможет избежать эксцессов при столкновениях с революционными солдатами^{II}.

Бывший полковник В.Г. Козаков 13 ноября 1918 г. подал рапорт на имя начальника Оперативного управления ВГШ об отпуске для устройства семьи, привоза обуви и белья. По-видимому, по тем временам такие просьбы никого не удивляли, и отпуск был разрешен^{III}.

Арест военспеца мог обречь на голод его близких. Например, 67-летняя больная и нетрудоспособная мать отчисленного от должности и арестованного бывшего подполковника П.Н. Петрасевича писала известному большевику А.Г. Белобородову: «Прошу Вас ускорить рассмотрение дела моего сына, чтобы мне не умереть с голоду, тем более что я считаю его арест сплошным недоразумением»^{IV}.

При этом рамки дозволенного в условиях повсеместного дефицита оказывались достаточно узкими. Когда командующий 6-й армией А.А. Самойло заказал себе кожаную куртку, член РВС 6-й армии А.М. Орехов осудил его за расточительность^V.

Если бытовые условия оказывались выше среднего, незамедлительно появлялись многочисленные «бедные родственники» и приживалки. К примеру, вместе с семьей начальника ПШ РВСР П.П. Лебедева (семь человек) жили семья сестры его супруги (пять человек), еще одна сестра супруги, племянница супруги с дочерью, другая племянница, племянник самого Лебедева, кормилица с семьей (три человека) и подруга дочери Лебедева – всего 21 человек^{VI}. Оригинальную обстановку дополняли носившиеся по квартире кошки, собаки и ручной медвежонок, подаренный кем-то из командиров. Дочь Лебедева именovala квартиру «странноприживальческим домом». Ходила шутка, что у Лебедевых на квартире могли потеряться солдат с лошастью, и никто бы их не нашел^{VII}. Похожая ситуация была в доме у главкома С.С. Каменева на Смоленском бульваре, где все время жили друзья и знакомые. В аналогичных условиях жила семья Снесаревых на Воздвиженке. Дочь Снесарева, Евгения Андреевна, вспоминала: «В большой комнате постоянно кто-то жил: с сентября по декабрь 1921 г. – Комаровы, тетя Кая и дядя Яша. Почти одновременно приехала Верочка Костенко, она прожила года 2–3, но в комнате с нами. Потом, кажется в 1923 г., из Острогжска приехал Тоник Тростянский поступать в Энергетический институт. Году в 1922 или 1923 там жили Бобрышovy, Александра Митрофановна и Иван Иванович, пока не нашли работу и комнату... Им на смену приехала ее племянница – Ольга Михайловна

^I ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 3. Л. 88об.

^{II} Барсуков Е. З. Мое военное прошлое. С. 577.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 133. Л. 73.

^{IV} РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 32. Л. 39об.

^V Самойло А. А. Две жизни. С. 246.

^{VI} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 48–50.

^{VII} Там же. С. 51.

Кареева с мужем Львом Михайловичем и сыном Игорем. Эти прожили дольше... пока отец с матерью искали работу... они жили за ширмами в большой комнате.

Помню еще Александра Викентьевича Малиновского и Александра Илларионовича Гейхроха, оба артиллеристы, периодически ночевавшие там, а также Федю Ростопчина, студента ин[ститу]та востоковедения. У них, по-видимому, сложно обстояло дело с жильем. В 1925 г. там жилал Гриша Капнист (приехал из Судака). Потом он отделал себе совершенно темную каморку в коридоре между нами и Besядовскими и зажил уже независимо.

Рядом с нами (далее по коридору-прихожей) жил К.И. Besядовский с семьей, его жена — Елизавета Иосифовна и две дочки — Леля, старшая, и Муха (Маруся) на год старше меня; у них дневал и ночевал двоюродный их брат Вока Торстенсен (ныне артист театра им. Пушкина)^I. При этом сама семья Снесарева, проживавшая в квартире, на начало 1920-х гг. насчитывала девять человек.

Порой спасала взаимовыручка генштабистов. К примеру, вр.и.д. военного руководителя ВВС Н.И. Раттэль и остававшийся за начальника Организационного управления К.И. Besядовский 3 сентября 1918 г. просили домком дома 1 по Борисоглебскому проезду (Елоховская площадь) принять меры к охране имущества генштабиста Н.Г. Семенова, командированного ВВС по делам службы^{II}.

Генштабисты, не имевшие службы, могли перебраться в деревню, где было лучше с жильем, продуктами и дровами. Например, в 1918 г. так поступил бывший генерал В.Н. Минут, поселившийся у себя в усадьбе и живший на скромную пенсию и эмеритуру (капитал, формировавшийся из обязательных отчислений во время службы), урезанную новой властью^{III}. На приусадебных двух десятинах земли генерал сам косил, убирал сено, молотил, веял, рубил и колол дрова. Кроме того, он занимался починкой часов, замков, граммофонов, переплетными работами. За работу брал оплату не деньгами, а продуктами. Впрочем, в деревне в результате систематического выкачивания из нее властями хлеба также порой возникал голод. Кроме того, могли возникать сложности во взаимодействии с крестьянами.

Боевые действия могли вести к потерям имущества. Так, бывший генерал-майор Н.П. Сапожников, находясь под арестом в Бутырской тюрьме, жаловался в 1920 г., что «в сентябре 1919 года белые заняли Орел и, прежде всего, комендант Сиверс разграбил мою квартиру. Об этом известно члену Ц.К.П.^{IV} т. [Л.П.] Серебрякову, это же знает и мой комиссар»^V. Сапожников также утверждал, что «белые при занятии г[орода] Орла разграбили мою квартиру в первую очередь»^{VI}. Если верить такой версии событий, квартиру военспеца ограбили чуть ли не целенаправленно.

Генштабисты страдали и от криминализации страны. Так, у помощника начальника 3-го отдела управления ВОСО Южного фронта Д. А. Мельникова 11 февраля 1919 г. в трамвае в Москве был похищен бумажник с семьей с половиной тысячами рублей, включая пять тысяч казенных, а также мандаты. Обокрадена была и жена Мельникова, а затем пропал его багаж. Положение военспеца было

^I Архив семьи Снесаревых.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 42. Л. 91.

^{III} Минут В. Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016. С. 124.

^{IV} Очевидно, ЦК партии.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 356. Л. 84об.

^{VI} Там же.

настолько отчаянным, что он решился написать о своем несчастье В.И. Ленину. В обращении он писал: «Человек я положительно бедный и к тому же обременен большой семьей. К этому я должен добавить, что матерьяльные неудачи роковым образом и незаслуженно повторяются со мной уже не в первый раз... С первых дней переворота я охотно и добровольно служу советской власти, по мере моих сил был ей полезен, за что всегда пользовался ее доверием... вычет из получаемого мной скромного содержания означенной суммы для меня был бы положительно непосильным бременем»¹.

Похожий случай произошел с состоявшим в распоряжении главкома В.Н. Егорьевым, который сообщал начальнику Штаба РВСР 24 сентября 1918 г.: «23 сентября, отправившись в военно-хозяйственный надзор высшего военно-хозяйственного совета для сдачи денег и отчетности, имевшихся у меня по должности военного руководителя Западного участка отрядов завесы, я между 16 и 20 часами в районе Новинского бульвара, Смоленского рынка и Брянского вокзала потерял (вероятно, украли при следовании моем в трамвае) один из свертков, в котором был бумажник с 5519 рублями 99 копейками и четырьмя расписками на сумму 800 108 руб. 60 копеек (расписки уже восстановлены, т.к. заключались в получении от меня денег военным комиссаром Западного района обороны [А.М.] Пыжевским, находящимся в Москве).

Означенная потеря (или кража) – не есть следствие рассеянности или небрежности, а являются результатом моего переутомления, мешающего мне непрерывно координировать сложные явления.

Прошу Военно-революционный совет республики, во внимание к моей 35-летней службе, полной забвения себя самого и даже своей семьи,

1) Или простить мне этот долг, имея в виду, что казна в свою очередь мне должна около 18 000 рублей за потерю моего имущества в Черногории, но коих получить, вероятно, не придется.

2) Или рассрочить его вычетами из моего жалованья по одной его трети, начиная от возвращения меня из отпуска.

Если оба эти решения неприемлемы, то я могу уплатить долг из только что полученных мною вперед за 4 месяца 6000 рублей, но тогда в отпуск будет ехать не на что и семья моя, совершенно избедствовавшаяся, уж не знаю как будет жить. В. Егорьев»²

Резолюция на документе вполне показательна: «Предлагаю сумму потери простить ввиду честной и непрерывной службы Егорьева на пользу Советской России. Глав[но]к[омандующий] Вацетис, Данишевский». На обороте комментарий Данишевского к первому пункту документа: «Мотив этот (п. 1) не выдерживает никакой критики. Дан[ишевский]»³.

Во второй половине августа 1918 г. злоумышленники вскрыли и ограбили петроградскую квартиру бывшего генерала Е.А. Искрицкого, который на несколько дней уехал в Старую Руссу – к месту службы начальником 2-й Новгородской дивизии. Перечень похищенного передает атмосферу того времени. Воры взяли

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 109. Л. 29–30.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 92. Л. 80–80об.

³ Там же.

несколько пар мужских и женских ботинок и сапог, три костюма, 7 пар брюк, несколько военных костюмов, коллекцию старинных серебряных рублей начиная со времен Ивана Грозного, дамское белье, кухонную посуду, чемодан, дорожные несесеры, конфеты, печенье, чай, сахар, 700 папирос, 4 бутылки вина и несколько тысяч рублей^I. Шкафы, сундуки и ящики были открыты или взломаны, вещи разбросаны в беспорядке. Общий ущерб Искрицкий оценил примерно в 25 000 рублей.

Произвол творили и представители власти. Так, сотрудник ВГШ В.В. Ступин в октябре 1918 г. был задержан дежурным сотрудником ЧК, причем отобрано и не возвращено было 1850 руб. личных денег^{II}.

Характерное свидетельство о тяжелом положении военспеца оставил в 1931 г. бывший штабс-капитан С.С. Ивановский: «Никакого движимого и недвижимого имущества никогда не имел и не имею, в настоящее время из личных вещей имею белье и одежду в необходимом количестве и велосипед, все остальные домашние вещи тоже в весьма незначительном количестве остались у бывшей жены... Во время самой [Гражданской] войны я был поглощен всецело в работу, был среди выдержанных товарищей, всякие лишения на меня не производили никакого впечатления. После же Гражданской войны... мне приходилось все время думать о добыче питания для семьи. Я починал обувь, жена шила туфли и платья, затем я нанялся сторожем охранять магазины. Со стороны бывшей жены я часто слышал упреки из-за недостатков и пр. Затем в дальнейшем в Харькове положение мое было тоже не из хороших, как в смысле жилой площади, так и по материальным условиям, мог жить только на жаловании, вещей для продажи не имел, зарабатывать было негде. С большим сожалением вынужден был согласиться на продажу наградных часов [от РВСР] за боевую деятельность, к счастью, их не купили. У меня никто не мог бывать»^{III}. Жены части военспецов не работали, занимаясь домашним хозяйством и воспитанием детей. Например, супруга начальника ПШ РВСР П.П. Лебедева полностью обшивала детей, причем шила даже пальто и обувь^{IV}.

В антибольшевистском лагере жилищный вопрос генштабистов в Гражданскую войну оставался непростым. Окраины, на которых разворачивалось антибольшевистское движение, оказались наводнены беженцами, что значительно осложнило поиски жилья и усугубило бытовые условия для приехавших. Многие генштабисты белых и национальных армий перебирались в районы формирования этих армий издалека и не имели не только жилья, но часто вообще ничего. При освобождении родных мест от красных некоторые стремились туда вернуться. Показательна телеграмма генерал-майора И.И. Козлова начальнику штаба Сибирской армии генерал-майору Б.П. Богословскому в мае 1919 г.: «Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой. Город Казань, вероятно, войдет в сферу действий Сибирской армии. Я служил до большевиков в штабе Казанского округа с лишком два года, там я потерял все свое имущество, выйдя из своей квартиры [с] семьей буквально в чем были. Мне бы очень хотелось с освобождением Казани получить там соответствующую должность, например, начальника военного

^I Архив семьи Глезаровых (Москва). Документы переданы на хранение в РГВА.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25 (26). Л. 29–30.

^{IV} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 53.

административного управления или начальника округа, когда таковой образуется, я не знаю, какой вид примет управление занятой территории, почему указываю должность лишь например. Главное мое желание служить в Казани, которую и я знаю, и казанцы меня знают. Прошу не отказать [в] уведомлении меня, могу ли я рассчитывать на какое-либо подобное назначение»¹. Однако «казанским» планам генерала Козлова не суждено было осуществиться. Город белые в 1919 г. так и не взяли. Как следствие, Козлов продолжал служить в Омском военном округе.

Командующий Донской армией белых генерал С.В. Денисов в 1918 г. жил в Новочеркаске в двух комнатах дома своей сестры, начальник штаба генерал И.А. Поляков с семьей из пяти человек ютился также в двух комнатах, которые снимал в частном доме по высокой цене. В конце концов, Поляков переехал в другую квартиру².

Служивший в Донской армии генерал В.А. Замбржицкий описал в дневнике в январе 1919 г. бытовую сторону жизни в станице Каргинской: «В Каргине тяжело было и в нашей домашней обстановке: все вещи остались в Вешках, мы при поспешном отъезде ничего оттуда не успели взять, а тут, как назло, холода страшные наступили, и детишкам даже укрыться нечем. Отвели нам нетопленое помещение у старика-казака, жена которого (молодая) все время ворчала, что мы и топим, и сидим на стульях, и самовар ставим, и с тарелок едим, и на подушках ее спим, а ведь печь портится, стулья изнашиваются, труба в самоваре от лишней топки прогорает, тарелки бьются, подушки трутся... И топить-то нечем, дров не достанешь, так что мы сидели одетые в пальто... Если к тому же добавить, что комната наша служила и кухней, и столовой, и моим служебным кабинетом, и приемной, и детской, и спальней, в которой порой собиралось до 10–15 офицеров, то можно себе представить, в каких тяжелых условиях протекала наша работа»³.

Особенностью жилищного вопроса генштабистов белого лагеря являлась частая вынужденная смена места жительства, связанная как с походной жизнью, так и с переменами обстановки в Гражданской войне и неудачами белых. Если военспец-генштабист мог всю Гражданскую войну прожить на одном месте, например, служа в Москве, то белые регулярно меняли города и квартиры. Упоминавшийся выше генерал И.А. Поляков, например, встретил большевистский переворот на Румынском фронте в городе Ботушаны. С фронта он уехал в Киев, а затем в усадьбу матери невесты под Киевом, после чего с немалыми трудностями добрался до Новочеркасска. Там он разместился в общежитии, затем жил в частном доме. Когда пришли красные, перешел на нелегальное положение и скрывался в разных местах города, сменив не менее четырех квартир. Позднее, после того как казаки-повстанцы весной 1918 г. ненадолго заняли город и оставили его, жил в станицах, а затем вместе с казаками вернулся в Новочеркасск.

Очень сложными были жилищные условия в столице белого Юга — Екатеринодаре. В 1918 г. город был переполнен, даже высшие чины армии ютились

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 68. Л. 233.

² Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 417–418.

³ ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 106.

по реквизированным комнатам вместе с семьями^I. Начальник штаба Добровольческой армии генерал И.П. Романовский до осени 1918 г. жил в вагоне, так как не мог найти квартиру^{II}. Иногда генштабисты кооперировались и снимали жилье вместе. Например, подполковник Д.Н. Тихобразов по прибытии в Екатеринодар не имел пристанища. Ему сдал комнату в съемной квартире его товарищ по академии полковник И.И. Терванд (Тырванд)^{III}. Однако по истечении оплаченного месяца Тихобразову пришлось уехать, так как у него не сложились взаимоотношения с супругой Терванда из-за отказа у нее столоваться.

Известно, что в городах Сибири (например, в Томске) также остро стоял квартирный вопрос^{IV}. В этой связи персонал Военной академии осенью 1918 г. занимался активным поиском жилья в преддверии надвигавшейся зимы^V. При академии была даже создана квартирная комиссия во главе с генерал-майором П.Ф. Рябиковым. Непросто решался квартирный вопрос и в столице белой Сибири – Омске. В походной жизни генштабистам приходилось жить в полевых условиях или в поездах, спать на грязных лавках без постельного белья^{VI}. Курсовик подполковник В.Д. Песоцкий в период Сибирского Ледяного похода колчаковских армий рассуждал следующим образом: «Образованные офицеры Генерального штаба не должны подолгу таскаться пешком или верхом. Обычно они путешествуют в отдельных комфортабельных купе, где могут жить как люди, а не как звери в лесу»^{VII}. Неудивительно, что офицер предпочел сдаться красным, а не продолжать участвовать в походе по зимней Сибири.

За свое сибаритство жестоко поплатился полковник В.В. Ракитин. Этот офицер прибыл к белым в Сибирь из Франции, причем сравнительно поздно – летом 1919 г. Как вспоминал его друг Г.И. Клерже, Ракитин смотрел на русскую революцию «полунаивными глазами с точки зрения постороннего обывателя.

Появившись же в Сибири в разгар отчаянной и уже надломленной вооруженной борьбы с большевиками, он склонен был еще “философствовать” на темы о тех или иных принципах и преимуществах социальных и политических идей...

Дух избалованного “русского парижанина” слишком глубоко пустил в сибаритской натуре В.В. Ракитина свои корни. Несмотря на очевидность надвигавшейся военной катастрофы, он продолжал оставаться в состоянии полной “нирваны” и требовал, чтобы его служебная обстановка была окружена условиями максимального комфорта и удобств...

Блестящие вагоны литерного поезда Верховного правителя, в которых он совершал эвакуацию из Омска совместно с адмиралом А.В. Колчаком, были для него ближе и понятнее, чем весь ужас творившихся страданий вне этих вагонов... Понятнее эти вагоны были потому, что они напоминали ему культурную Францию...

^I ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 131об.

^{II} Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011. С. 245.

^{III} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XX. С. 7 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 3.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 193.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 59.

^{VI} Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 185.

^{VII} Федотов-Уайт Д. Н. Пережитое. Война и революция в России. М., 2018. С. 346.

Ясное сознание крайней опасности и безнадежного положения обстановки у В.В. Ракитина отсутствовало, и в глубине своей души он, очевидно, верил, что все “как-то образуется и утрясется”¹. Офицер попал в плен и был расстрелян. Разумеется, в рядах белых имелось немало генштабистов, рассуждавших иначе и готовых за идею терпеть любые лишения.

С имуществом у белых генштабистов тоже было непросто, особенно в походных условиях. Начальник штаба Добровольческой армии генерал И.П. Романовский, например, во время 1-го Кубанского похода весной 1918 г. остался вообще без вещей. Он писал супруге: «В один прекрасный день за повозкой Корнилова, где лежали и мои вещи, недосмотрели, и возница-австриец, военнопленный, очевидно, решил уехать к большевикам, и я остался с одной сменой белья; большинство в таком положении было уже раньше. Все это происходило в местах чрезвычайно глухих, где приобрести ничего невозможно, где связей с Россией никаких»². В одном из последующих писем Романовский прямо отметил: «Я совсем почти голый, у меня нет, в сущности, ни белья, ни обмундирования, ни шинели»³. Генерала интересовало, можно ли что-то из вещей найти в Быхове, при том, что уже был май 1918 г. Характерно, что и через год, в апреле 1919 г., когда Романовский был уже начальником штаба ВСЮР, он мучился из-за обветшавших сапог, которые нечем было заменить, и боялся, что новую пару сапог из дома украдут в случае отправки по почте⁴, а летом 1919 г. радовался тому, что вместе с генералом А.И. Деникиным смог получить хороший суконный френч и штаны⁵. Генерал И.Г. Эрдели летом 1918 г. не имел штатского платья, а приобрести таковое не мог из-за отсутствия средств и дороговизны⁶. В начале 1919 г. генерал мерз и страдал, так как не имел полушубка⁷.

Свои особенности имелись на Украине. Высшие офицеры гетманской армии в 1918 г. жили в центре Киева в гостиницах и на квартирах. Например, начальник оперативного отдела управления Генерального штаба полковник Е.В. Мешковский жил в отеле «Континенталь». Белая разведка полагала, что условия службы для кадровых офицеров в гетманской армии предлагались хорошие – квартира, паек, материалы от интендантства для пошива обмундирования, а также жалование⁸. Сложнее решался жилищный вопрос у младших офицеров. Пользуясь тем, что гетманская армия не вела боевых действий, некоторые ходатайствовали об учете их предпочтений при назначениях. Капитан М.П. Фесик писал 20 ноября 1918 г. 2-му генерал-квартирмейстеру украинского ГУГШ генеральному хорунжему А.И. Прохоровичу из Белой Церкви: «Покорнейше прошу назначить меня в Чугуев, где имеется дом моей жены»⁹. Отдельные офицеры порой отказывались от не устраивавших их с материальной точки зрения назначений. Так, штабс-капитан

¹ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А. Л. Посадскова. Новосибирск, 2012. С. 248–249.

² Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. С. 234.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 247.

⁶ Морозова О. М. Генерал Иван Георгиевич Эрдели. С. 185.

⁷ Там же.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 43. Л. 103об.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 800.

Х.В. Гуртовенко 27 сентября 1918 г. сообщал о своем отказе в ГУГШ: «Материально, семейно связан [с] Уманью. Не желаю... Гуртовенко»^I. Генерал В.В. Суходольский писал о том, что назначение за пределами Одессы вынудит его жить на два дома, чего он не хотел: «Мои личные ресурсы иссякают так, что скоро придется сделать не знаю что»^{II}. Подполковник И.И. Терванд (Тырванд), уехав на время из Добровольческой армии, летом 1918 г. жил с семьей в Полтаве, где распродал личные вещи, чтобы добыть средства^{III}.

Неустановленный выпускник ускоренных курсов академии оказался еще более предметен в изложении своего материального интереса. Офицер сообщал, что стоянка штаба 16-й дивизии в Александровске «по семейным обстоятельствам вообще меня не удовлетворяет, так как имущественно я заинтересован либо Екатеринославом, либо еще в большей мере Полтавской губ., здесь, при большей относительно других пунктов дороговизне жизни вообще, до крайности обострен квартирный вопрос в частности. Пока штаб и офицеры штаба разместились в гостиницах. Несмотря на приказ Военного министерства и целый ряд принятых мер, рассчитывать на благополучное разрешение квартирного вопроса едва ли можно.

Можно думать, что, уплотнив обывателя, удастся найти комнаты для холостых или же малосемейных, но найти отдельные квартиры, хотя бы в 2–3 и даже одну комнату, но с кухней, с тем, чтобы удовлетворить запросам таких семейных, как, напр[имер], я, — это не удастся»^{IV}. Далее он писал о «сравнительно скромном окладе содержания» и невозможности жить на два дома, ходатайствуя о назначении в Екатеринослав, Лубны, Конотоп или Чернигов^V.

Бытовые условия службы украинских генштабистов (возможно, несколько утрированно) изложены генералом В.Н. Петровым при описании его встречи в 1919 г. с генералом Н.Л. Юнаковым: «Узкими грязными лестницами поднимаюсь в маленькое помещение в две комнатки, где за открытыми дверями горит примус, готовящий несложную еду подчиненного мне по должности в далекой инстанции моего учителя и образца в военных взглядах, которому я год тому назад подчинялся как секретарь комиссии по образованию постоянных школ и академий Украинской державы.

Ни минуты колебания, ни слова нареkania за то, что его так долго и несправедливо забыли, полная готовность выполнить приказ и стать на ту службу, на которую зовет его украинская власть, и лишь одна просьба обеспечить врачебную помощь, чтобы на случай болезни, которая уже тогда выявилась у ген. Юнакова, не выйти из работы и тем не помешать делу.

И вот иду к авто, пропуская вперед старшего теперь по сравнению со мной начальника штаба Головной команды войск украинских.

На протяжении трех дней из ничего в пустых комнатах здания окружного суда в Каменце возник полный штаб со всем ему положенным, и в помещениях

^I Там же. Л. 809.

^{II} Там же. Л. 902об.

^{III} ERAF. 130SM.1.1293–1. Л. 8об.; Креэнстрем М. Эстонские офицеры на фронтах Гражданской войны в России // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri (Тарту; Таллин). 2010. Спецвыпуск по истории Эстонии XX века. С. 30.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 908–908об.

^V Там же. Л. 908об.

нового штаба обсуждается сложный вопрос: куда прорываться из “четырехугольника смерти”^I.

Находившийся в Одессе полковник К.В. Алексеев в автобиографии начала 1919 г., подготовленной для белых, отмечал: «Жить же отдельно с семьей, даже при получении большого содержания, при теперешней страшной дороговизне (одно отопление двух занимаемых мною комнат стоит 510 руб. в месяц), это — обречь свою семью на голодную смерть»^{II}.

В азербайджанской армии существовали нормы обеспечения офицеров жильем. Полный генерал получал восемь комнат с кухней (каждая комната площадью 6,5 квадратных саженей); генерал-лейтенант — 7 комнат с кухней; генерал-майор — 6 комнат с кухней; штаб-офицеры, командовавшие полками, — 5 комнат с кухней; прочие штаб-офицеры — 3 комнаты с кухней; обер-офицеры, командовавшие ротами, — 2 комнаты с кухней; прочие обер-офицеры — комнату с кухней^{III}. В качестве квартирных денег офицерам оплачивались отопление, освещение и довольствие водой. Квартирное довольствие офицеров в 1919 г. было следующим: военный министр — 7200 руб., помощник военного министра — 3600 руб., начальники Главного и Генерального штабов, начальник дивизии — 3300 руб., командир полка — по 3000 руб., командир батальона — 2400 руб., командир роты — 2100 руб., младший офицер (прапорщик, подпоручик) — 1800 руб.^{IV} Также на отопление и освещение могли выдавать дрова и керосин. Когда центральные органы военного управления Азербайджана переехали в Гянджу, возникла проблема размещения сотрудников. Она решалась путем реквизиций^V.

Жилищные условия генштабистов в сохранивших свою независимость по итогам Гражданской войны прибалтийских государствах были лучше, чем в России. Например, генерал И.Я. Лайдонер владел прекрасным особняком в центре Таллина. За заслуги в войне за независимость эстонское правительство в 1923 г. подарило Лайдонеру имение Виймси возле Таллина площадью 146 гектаров, включая сад с сотней яблонь и тысячей ягодных кустарников. В имении, превращенном в образцовую ферму, Лайдонер держал даже коров, а продукция реализовывалась на рынке Таллина. Имение было национализировано в 1940 г., а затем вошло в совхоз^{VI}. В настоящее время там находится музей Лайдонера. Другой ветеран эстонской армии, В.И. Мутт, владел усадьбой в 20 десятин земли, в которой держал 2 лошадей, 4–5 коров, около десятка ульев^{VII}. Служивший в литовской армии генерал К.К. Клешинский получил гражданство и участок в 12 гектаров земли.

Вопросы обеспечения генштабистов жильем и сохранения имущества решались в годы Гражданской войны непросто. Общим явлением стала архаизация быта. В полевых условиях приходилось жить в вагонах поездов, где устраивались и импровизированные штабы. В антибольшевистском лагере многие офицеры были приезжими и искали жилье в новых для себя местах. Центральные

^I ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 381. Л. 53–54 (перевод наш).

^{II} ГА РФ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 10. Л. 50б.

^{III} ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 15. Л. 121.

^{IV} Там же. Л. 133.

^V ГААР. Ф. 2894. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

^{VI} Kindral Johan Laidoner — 115 aastat sünnist. Tallinn, 1999. Lk. 186.

^{VII} ERAF. 130SM.1.14805. Л. 100б.

штабы были устроены лучше. Генштабисты, служившие в них, жили, как правило, в городских квартирах. Тем не менее в Советской России существовала угроза уплотнений и реквизиций, жить приходилось в тесноте, а военспецы нуждались в защите своего имущества. Уже в те годы в советской военной элите появилось определенное неравенство, когда многие бытовые вопросы решались через личные связи. Например, так было защищено имущество видного военспеца бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича, тесно связанного с большевистским руководством. Другие военспецы, конечно, не имели таких возможностей. Генштабисты страдали от произвола властей, криминализации страны, подвергались грабегам. Большой проблемой было приобрести хорошие вещи – приличную одежду и обувь, которые стали предметами дефицита даже для представителей военной элиты. Тем не менее служба в Красной армии давала определенные гарантии как в отношении пайка, жалованья, обмундирования, так и в защите от криминала и в медицинском обслуживании, что в условиях голода, хаоса, войны, эпидемий и тотального дефицита было немаловажно и привлекательно.

§ 7. Досуг

В годы Гражданской войны генштабистам порой приходилось работать на износ, времени на отдых почти не оставалось. Между тем он был необходим для нормальной работы даже в чрезвычайных условиях. Как же проводила свой досуг дореволюционная военная элита в те годы?

Чаще всего отдых и развлечения перемежались с работой. На фронте вся жизнь протекала вокруг штаба или даже штабного поезда. Соответственно, досуг заполнялся самыми незамысловатыми способами. И лишь в тылу, в крупных городах можно было найти более разнообразные варианты времяпрепровождения.

Гражданская война привела к падению нравственности, утрате моральных ориентиров в офицерской среде. Уйти от стрессовых состояний некоторые офицеры пытались при помощи алкоголя, наркотиков или интимных связей на службе. Не были исключением и генштабисты. Далеко не все, как генерал А.И. Деникин, могли похвастаться безупречным моральным обликом.

Молодые военспецы из ПШ РВСР в Серпухове искали романтических отношений с женским персоналом. В случае с консультантом Региструпра (руководящего органа советской военной разведки) Г.И. Теодори дело приобрело трагические последствия, поскольку он завязал отношения с машинисткой ПШ РВСР В.П. Троицкой, которая оказалась замешана в шпионском скандале. Чекистами были арестованы и сам Теодори, и Троицкая. Если военспец отделался тюремным заключением, то Троицкую вскоре расстреляли.

Гражданская война нередко вела к разрушению семейных уз. Некоторые высокопоставленные военные одновременно имели по несколько семей (например, окончившие академию белые генералы С.Н. Войцеховский, А.И. Дутов, А.П. Перхуров и др.), заводили любовниц, походно-полевых жен, пользовались услугами проституток (на февраль 1919 г., в районе Сибирской армии ночь с проституткой

стоила 60 руб.). Порой личные отношения влияли на положение войск на фронте. В частности, по некоторым данным, отряд генерала Перхурова попал в окружение из-за того, что в связи с капризами юной любовницы командира делал небольшие переходы¹.

Белый генерал Я. А. Слащев, чтобы избежать мучительных болей от раны, употреблял кокаин². Современник утверждал, что он поддерживал себя в 1919 г. алкоголем и наркотиками, чтобы не сорваться от перегрузок³. О постоянном пьянстве Слащева свидетельствовал еще один очевидец, П. А. Лиходей: «В 1920 г. после приезда из Новороссийска я очень короткое время (неполных два месяца) служил при штабе 2[-го] корпуса. Имел несколько раз личные разговоры с ген. Слащевым. Только один раз видел его вполне трезвым и рассуждающим логично и нормально, но большую часть он бывал под “парами”. Кроме того, что я видел лично, много слышал всяких разговоров»⁴. В другом документе тот же автор, ссылаясь на двух офицеров-эмигрантов, служивших под начальством Слащева, отмечал, что «не только людям, близко стоящим к штабу корпуса, но и почти всему корпусу было известно, что Слащев без вина и наркотиков не мог жить»⁵. Сам Слащев рассказывал своему старому боевому командиру о ходивших в его отношении слухах: «Что я любил выпить, я этого не отрицаю, но пьяным меня ни вы и никто в полку»⁶ не видел. Что касается кокаина, то я прибегал к нему, когда для спасения дела мне приходилось не спать по несколько ночей сряду. Но кто же может за это осудить меня? Привычным кокаинистом я никогда не был»⁷. Разумеется, на восприятие ветеранами Белого движения личности Слащева серьезнейшим образом повлиял его отъезд в Советскую Россию, расцененный как сменевеховство и предательство. В этой связи споры о моральном облике Слащева приобрели особенную остроту. Тем не менее неблагоприятных свидетельств было слишком много. На этом фоне широко распространенный алкоголизм командного состава не казался таким уж порочным явлением.

Генерал Б. А. Штейфон с горечью вспоминал: «Офицерство кутило в “Версале” или в загородных кабаках и, конечно, тоже с дамами. Разность обстановки, разность социальных положений дам нисколько не меняли сущности основного зла. Кутежи требовали денег, а при скудном добровольческом жаловании их можно было добывать только нечистоплотными путями»⁸.

Обычным делом стало пьянство целых штабов. Штаб Донской армии временами был частично парализован пьянством командующего генерала В. И. Сидорина и начальника его штаба генерала А. К. Келчевского. Даже в разгар Гражданской войны Сидорин, по свидетельству его недоброжелателя генерала И. А. Полякова,

¹ РГВА. Ф. 39736. Оп. 1. Д. 24. Л. 174.

² Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала. С. 217.

³ Аверьянов П. И. Генерал Слащев-Крымский / публ. Л. И. Петрушевой // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Т. 3. С. 91.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 85. Л. 20б.

⁵ BAR. Leib Gvardii Finlandskii polk papers. Box 25.

⁶ Ibid.

⁷ Речь идет о лейб-гвардии Финляндском полку в Первую мировую войну.

⁸ Клодт [фон Юргенсбург П. А.]. Я. А. Слащев // Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 12(25). 12. № 10. С. 10.

⁹ Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 45.

к штабному поезду прицепил вагон с опереттой и проводил время в застольях в обществе полуобнаженных актрис^I. Это же подтверждает и другой очевидец, генерал В.В. Чернавин, по свидетельству которого на фоне фронтовых неудач в начале 1920 г. Сидорин «действительно пил и кутил. Ген. Кельчевский в этот период... сильно подался, воля его ослабла и нервы истрепались. Этим надо объяснить, что он не только не взял в руки ген. Сидорина, значительно младшего и возрастом, и чином, но сам подпал под его влияние. Хорошо зная ген. Кельчевского еще с довоенных времен, я считаю, что он в конце Гражданской войны был человеком совершенно сломленным и поддерживал себя алкоголем»^{II}. Более или менее исправно работала оперативная часть штаба Донской армии, где «служба неслась так, как она должна нестись. Большая заслуга в этом Ген. штаба полк[овника] В.В. Добрынина, человека исключительной добросовестности и пунктуальности. «Младшие чины»^{III} штаба (оперативной части) не только не пьянствовали, как пишет ген. Махров, но и с негодованием смотрели на поведение Сидорина. Был случай, когда ими это было откровенно высказано ген. Кельчевскому»^{IV}. Генерал А.А. Смагин вспоминал, что генерал Келчевский «был, безусловно, выдающийся военный талант. В сжатой, ясной форме он умел так осветить положение, что, казалось, вы сами присутствуете на месте действия и видите все своими глазами. Впрочем, это и не удивительно: недаром же он был профессором академии Генерального штаба. Однако и этот талант сильно терял от пристрастия к беспрерывным пирам у Сидорина»^V.

Хроническим алкоголиком был командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский, спаивавший свой штаб, что сказывалось на эффективности управления войсками^{VI}. А.А. фон Лампе записал в дневнике осенью 1919 г.: «Май-Маевский всегда пьян, в войсках картеж, который уничтожили у себя большевики...»^{VII} Политическому деятелю В.Н. Челищеву вспоминался «Май-Маевский, потерявший от пьянства и распутства человеческий облик»^{VIII}. Генералу А.А. Смагину запомнился случай, когда Май-Маевский после обильного возлияния «высывается полусонный с ословелыми глазами из окна своего салон-вагона, чтобы приветствовать городского голову и других представителей общественности, и с перепоя кричит им, не разбирая, кто перед ним: «Здорово, корниловцы!»»^{IX} А.Н. Мишагин-Скрыдлов свидетельствовал, что «офицеры, приходившие к генералу по делам, нередко заставляли его либо пьяным, либо дерущимся с адъютантами на подушках, либо проводящим время за иным занятием в том же духе»^X.

^I Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. С. 613–614.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Л. 31–31об.

^{III} Полк[овник] М. А. Ковалев, подьес[аул] Нефедов, полк[овник] Шорников Ф. А. (правильно — Ф. Я. — А. Г.) и др. (примеч. В. В. Чернавина).

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Л. 31об.

^V BAR. A. A. Smagin memories. Л. 38.

^{VI} Подробнее о Май-Маевском см.: Кручинин А. С. «Тот самый тучный алкоголик»? Смерть генерала Май-Маевского // Родина. 2008. № 3. С. 53–57; Цветков В. Ж. Правда и вымыслы в истории Белого движения: генерал В. З. Май-Маевский — командующий Добровольческой армией (май — ноябрь 1919 г.) // Белое движение на Юге России (1917–1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 48–55.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 57; Лампе А. А., фон. Мой дневник. С. 79.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-6611. Оп. 1. Д. 1. Л. 398.

^{IX} BAR. A. A. Smagin memories. Л. 38.

^X Мишагин-Скрыдлов А. Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007. С. 169.

На один из ужинов в Харькове с участием мемуариста и иностранных военных представителей Май-Маевский прибыл «совершенно пьяный... поддерживаемый двумя адъютантами. Желая избежать скандала, полковник из английской миссии подошел к командующему армией, чтобы предложить ему уйти.

— Вы больны, генерал? — спросил полковник.

Я увидел, как генерал Май-Маевский покачнулся и, показав полковнику язык, растянулся на полу.

Разумеется, подобные истории моментально расходились по городу, обрастая фантастическими деталями^I.

Пьянствовал и генерал А. А. Боровский, начальник 2-й пехотной дивизии и командующий Крымско-Азовской добровольческой армией, причем в войсках ходили слухи, что он «пропил Ставрополь»^{II}. По другому свидетельству Боровский вообще без водки и вина за стол не садился, хотя тот же мемуарист, генерал П. С. Махров, пытаясь прикрыть своего начальника, шутливо заявил генералу А. И. Деникину: «Боровский пьет, но ума не пропивает»^{III}. В регулярном пьянстве был замечен и генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии полковник Д. Н. Сальников. По свидетельству генерала В. В. Чернавина, Сальников — «алкоголик, по утрам до полудня не приходивший еще в состояние полного умственного равновесия от выпивки предшествовавшего вечера», отрешенный от должности после пьяной драки на вечеринке с сестрами милосердия^{IV}. Был издан даже специальный приказ главнокомандующего ВСЮР № 2677 от 18 ноября (1 декабря) 1919 г. против пьянства и оргий^V. Подобные приказы издавали и нижестоящие начальники, в частности генерал П. Н. Врангель^{VI}. По-видимому, ситуация от этого не выправлялась. При Врангеле из армии были убраны наиболее распустившиеся военачальники, однако эти меры запоздали.

У белых на Востоке России злоупотребляли алкоголем главнокомандующий Восточным фронтом генерал К. В. Сахаров, вр.и.д. начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал С. Н. Розанов^{VII}, начальник штаба Волжской группы войск генерал С. Н. Барышников. На Северо-Западе России пьянство стало поводом для кадровых перестановок в руководстве Псковского корпуса. А. А. фон Лампе записал в дневнике о генерале А. Е. Вандаме (Едрихине): «Нелепо выступает на первом плане фигура Вандама, начавшего командовать Псковским корпусом до графа [Ф. А.] Келлера и сплавленного путем напаивания. В пьяном виде, с винтовкой в руках, обойдя весь Псков и попав в кабак — он сам себя устранил и сдал корпус полковнику [Г. Г.] Неф[у] (стрелок)»^{VIII}. В целом, как отмечал генерал

^I Там же. С. 170.

^{II} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 152.

^{III} Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. М., 1994. С. 50.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 7об.

^V РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 104.

^{VI} Там же. Л. 37.

^{VII} Скитания русского офицера. С. 341, 342, 397.

^{VIII} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3. Л. 77.

В.В. Марушевский, «невоздержанность [в алкоголе] во всех белых армиях много способствовала неуспеху в их героической борьбе»^I.

Наиболее известные случаи неподобающего поведения или примеры того, что пороки вредили делу управления войсками, относятся к антибольшевистскому лагерю. У военспецов РККА они, безусловно, тоже встречались, но острота проблемы заметно снижалась благодаря контролю со стороны военных комиссаров. Белое командование издавало множество приказов, направленных на искоренение пьянства, оргий^{II}, однако окриками и угрозами поркой и даже расстрелом решить проблему так и не удалось.

Длительные запои целых штабов не были редкостью. Широкую огласку приобрел инцидент с двухнедельным пьянством командующего 14-й советской армией И.П. Уборевича и члена РВС Г.К. Орджоникидзе в 1920 г., когда приводить в чувство незадачливых военных работников пришлось самому В.И. Ленину^{III}. Этот недуг не обходил стороной и генштабистов. Пьянство и вызванные им беспорядки имели место в столовых ПШ РВСР в 1919 г.^{IV} Пьянство отмечалось в 1919 г. и в штабах 1-й Конной армии, и в штабе 9-й армии^V. В пьянстве обвинялись комендант Киева П. Немцов, генштабист В.П. Глаголев^{VI} и даже советский главком И.И. Вацетис^{VII}.

О пьянстве Вацетиса вспоминал его товарищ по службе белый агент в РККА А.Л. Носович: «В первый же день Вацетис пригласил меня обедать в штаб. Надо сказать, что встретил он меня обращением на “ты”, и вместо доклада мы дружески болтали. Во время закуски и обеда я был все время в центре его внимания. “Ну, брат, теперь выпьем... А что же теперь нам, военным, осталось, как не женщины, выпить, хорошо поесть и воевать...”^{VIII} По свидетельству Носовича, «Вацетис неутомимо инспектировал. Это позволяло ему проводить его время в большой относительно праздности, выпивке и других развлечениях, которые он достаточно умел ценить»^{IX}. Следующая встреча Носовича с Вацетисом имела много общего с прежней: «Наша оперативная беседа затянулась до обеда. Продолжалась во время него, пока хорошо выпивший Вацетис не хлопнул ладонью по столу и поставил резолюцию... я долго рассматривал предписание, данное мне Вацетисом под пьяную руку, а что голова его не очень варила, то это ясно свидетельствовала им редактированная последняя фраза предписания: “И провести все его меры в жизнь”»^X. Начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев утверждал, что Вацетис «пьянствует без просыпу, причем, по словам Костяева, его, Костяева обвиняют (правительство) в том, что он не может удержать от пьянства главкома»^{XI}. Порой выпивка сопровождалась

^I Марушевский В. В. Два месяца на посту начальника Генерального штаба (сентябрь — октябрь 1917 г.). Л. 98 // НДА. НР-НАД-810. К. 1.

^{II} См., напр.: РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 37, 104; Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 35; Ф. 39624. Оп. 1. Д. 172. Л. 20.

^{III} В. И. Ленин. Неизвестные документы. С. 317.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 532; Ф. 24380. Оп. 7. Д. 75.

^{VI} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 127. Л. 16.

^{VII} РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1567. Л. 106.

^{VIII} Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 3. Гл. 3. С. 112 // BDIC. F. Nossovitch. F. Δ rés 843 (1) (7) (3). Box 1.

^{IX} Ibid. С. 113.

^X Ibid. Гл. 6. С. 119.

^{XI} ЦА ФСБ. Д. Р-49295. Т. 1. Л. 236.

политическими разговорами. Вероятно, под воздействием алкоголя Вацетис однажды заявил, что латышские стрелки могут «тряхнуть Москвой»¹. Этот разговор, дошедший до чекистов, стал одной из причин его смещения с поста главкома и ареста летом 1919 г.

За веселое времяпрепровождение пострадал и начальник штаба 16-й армии В.Л. Баранович, отстраненный от должности и арестованный 28 сентября 1919 г. «за то, что не был 27 сентября вечером на занятиях, и за то, что участвовал в товарищеской пирушке»². Впрочем, уже через несколько дней его освободили.

Неблагополучно было в штабе 2-й советской армии в 1919 г. Ее командующий В.И. Шорин (негенштабист), а также ряд других работников посещали проститутки и кокаинистки Н.С. Соловьеву и Е.И. Сурконт, у которых также бывали агенты белых. Отрицательное влияние этих увлечений армейского руководства на штабную работу было ощутимым: Шорин и член РВС В.И. Соловьев стали реже появляться на службе, вызывая себе вели, компрометировали советскую власть, бывая со своими спутницами в общественных местах, а Соловьев даже попытался из-за женщины покончить с собой и получил ранение. По данным следствия, Сурконт угощала кокаином и легендарного начальника 28-й стрелковой дивизии В.М. Азина, из-за чего «до того времени цветущий и здоровый человек... стал совершенно больным»³. Ранее Сурконт якобы сожительствовала с командующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым. Не исключено, что через этих женщин белая разведка получала какую-то информацию из штаба армии⁴. Тем более что Соловьева, работавшая сестрой милосердия, как выяснилось, имела все основания ненавидеть красных — у нее был убит отец и на ее глазах расстрелян муж⁵.

Пьянство штабных работников могло иметь далеко идущие последствия. В партийной переписке за июль 1920 г. отмечалось, что командование Заволжского военного округа во главе с К.А. Авксентьевским (негенштабистом) «часто является даже на службу в штаб в невменяемом состоянии от опьянения»⁶. Вместе с Авксентьевским, по всей видимости, пьянствовала целая группа генштабистов: помощники командующего войсками округа А.К. Андерс и А.А. Балтийский, помощник начальника штаба округа В.Е. Волков, начальник оперативного управления А.В. Кирпичников и и.д. начальника штаба округа В.К. Токаревский. Против отстранения от командования за пьянство поднял бунт командир дислоцированной в округе 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии А.В. Сапожков (негенштабист). Для подавления выступления пришлось задействовать свыше 14 000 штыков и сабель, борьба с основными силами повстанцев заняла около двух месяцев, а программа сапожковцев использовалась в антибольшевистском повстанческом движении и в дальнейшем.

Начальник штаба Тульского укрепленного района бывший генерал Д.П. Кадомский жаловался тульскому губернскому военному комиссару Д.П. Оськину

¹ Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. С. 130–131.

² Справка УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9–4731 от 31.08.2011 г. (Архив автора).

³ РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 148. Л. 60б.

⁴ Там же. Л. 2, 60б.

⁵ Там же. Л. 52.

⁶ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 201.

на невозможность давать организму «доппинг»: «Вы еще молодой человек, не знаете, а ведь за моими плечами свыше 30 лет военной службы, и я за эти 30 лет привык регулярно, изо дня в день, перед обедом выпивать рюмку водки. Как ни тяжело было на фронте в 14-й армии, все же и там хорошие люди давали возможность получать старику свою жизненно необходимую порцию. А здесь вот уже месяц ни одной рюмки не выпил»^I. Оськин обеспечил бывшего генерала «доппингом», после чего «Кадомский начал расцветать, появилась большая солидность. В разговоре с сотрудниками начинает допускаться шуточный тон, на заседании военного совета делает более оживленные доклады, чем последние две недели»^{II}. Пьянство для части военспецов оказывалось способом ухода от гнетущей действительности, возможностью на время забыть о комиссарах и чекистах, отвлечься от воспоминаний об утраченной прежней жизни.

Иногда пьянство приводило даже к гибели офицеров. Так, в апреле 1918 г. в Западной Грузии пьяный сослуживец поручик Церетели убил георгиевского кавалера войскового старшину М.И. Костиля, окончившего младший класс 3-й очереди ускоренных курсов академии.

Разумеется, пьянствовали и вели распутную жизнь лишь единичные генштабисты. Многие же и в советских условиях жили прежним патриархальным укладом, насколько это было возможно. Находясь на фронтах, такие военспецы скучали по близким и рвались домой. Образцовым семьянином был бывший генерал А.Е. Снесарев, который регулярно отправлял жене нежные письма с фронтов и заметно скучал по супруге и детям. Главком С.С. Каменев в годы Первой мировой и Гражданской войн не расставался с портретом жены, который носил как талисман в кармане френча^{III}. В традициях патриархальной семейственности детям могли давать прозвища. Так, например, было в семье П.П. Лебедева^{IV}. Сам Лебедев любил, сидя на полу перед печкой в кругу семьи, рассказывать детям содержание прочитанных книг.

Поскольку красные провозглашали ответственность семей за возможные изменения военспецов, последние были вынуждены тревожиться за судьбу близких, даже несмотря на декларативность угрозы^V. Не менее тяжелым было положение офицерских семей у белых — в связи с неудачами на фронтах и отступлением антибольшевистских армий существовала большая вероятность захвата красными семей офицеров в плен, что могло повлечь, в свою очередь, сдачу в плен и глав этих семей, не желавших терять связь с близкими. В бытовом плане положение семей даже высокопоставленных генштабистов отличалось неустроенностью и незащищенностью.

По-видимому, генштабисты антибольшевистских армий имели больше времени для досуга. Связано это с избытком соответствующих кадров у белых. Например, служащие Военной академии на Русском острове летом 1920 г. практически ничем не занимались: «Все лето почти весь личный состав... провел в абсолютном

^I Оськин Д. П. Записки военкома. М., 1931. С. 262.

^{II} Там же.

^{III} Пинчук Л. Р. Моим детям — вместо завещания. С. 59.

^{IV} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 51.

^V Подробнее см.: Ганин А. В. Семья «почему» российской Гражданской войны. С. 375–394.

ничего неделания, занимаясь собиранием грибов, рыбной ловлей, свиноводством, птицеводством и другими видами хозяйства, предпринимая экскурсии по острову и получая другие виды дачных удовольствий и развлечений, имея в своем распоряжении автомобиль, экипажи и лошадей, аккуратно получая из Государственного казначейства свое содержание, а из интендантства все виды пищевого и вещевого довольствия, ничуть не обременяя себя ни трудом, ни мыслью, [ни] заботами о сохранении “казенного” имущества»^I.

На Юге России белые генштабисты имели возможность отдыхать на море — например, в Геленджике — или дегустировали вина в Абрау-Дюрсо^{II}. В архиве генерала А.И. Деникина сохранились фотографии с его участием в охоте под Екаторином в 1919 г., организованной кубанским атаманом А.П. Филимоновым (негенштабистом)^{III}. На белом Юге командованием устраивались благотворительные концерты в пользу семейств офицеров^{IV}, организовывались «чашки чая» — вечера с застольем, на которых порой выступали оркестры, хоры, исполнялись казачьи танцы^V. Поскольку на Юг из Советской России бежали многие представители образованных слоев, в качестве отдыха порой проводились семейные музыкальные вечера, на которых бывали и генштабисты. Служивший на белом Юге генерал В.А. Замбржицкий в свободное время любил читать или писал воспоминания, а также вел дневник^{VI}.

Крупные штабы обычно располагались в больших городах, поэтому среди развлечений генштабистов были посещения театров и кинематографов. На белом Юге популярностью пользовался жанр оперетты. В Киеве театр посещал генерал С.Я. Гребенщиков, ностальгировавший по дореволюционной жизни и петербургскому Мариинскому театру^{VII}. Известно, что у белых на Востоке России кинематограф посещали генералы С.Н. Войцеховский, И.М. Зайцев и С.А. Щепихин. Иногда приезд генштабиста, особенно высокопоставленного, в такие учреждения сам по себе превращался в спектакль. Так, ради начальника штаба Оренбургской армии белых генерала И.М. Зайцева в кинотеатре в Кокчетаве осенью 1919 г. задержали сеанс, а затем уже во время показа фильма сделана пауза и включен свет^{VIII}. Похожие случаи были и у красных. Вот как характеризовали командовавшего 4-й армией бывшего подполковника В.С. Лазаревича члены РВС Туркестанского фронта в начале 1920 г.: «Во время его кратковременного командования 4[-й] армией нередко бывали случаи, когда приходилось улаживать всякие мелкие инциденты и неприятности с местными партийными и советскими органами на этой почве: как, например, когда ставилась особая почетная охрана в ложу командарма в кинематографе, а при выходе конная охрана выстраивалась по обе стороны следования Лазаревича, расчищая

^I ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 46–46об.

^{II} Столыпин А. А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И. П. Письма 1917–1920 годов. С. 243–244.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5827. Оп. 2. Д. 255. Л. 9, 13, 20.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-9431. Оп. 1. Д. 217. Л. 132.

^V Там же. Л. 131.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

^{VII} Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. С. 236.

^{VIII} Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: Воспоминания, документы и материалы / под ред. А. В. Ганина. М., 2022. С. 226–227.

путь от посторонней публики и вызывая возмущение как рабочих, так и обывателей. Таких мелких фактов можно привести десятки»^I.

Заядлыми театрами были Б.М. Шапошников^{II} и советский главком С.С. Каменев. Последний был даже лично знаком со знаменитым режиссером В.Э. Мейерхольдом. Каменев обычно заказывал ложу, где размещались родные и знакомые – все, кто с ним приходил, не пропускал ни одного спектакля с участием Ф.И. Шаляпина или Л.В. Собинова^{III}. В театрах тогда не топили, поэтому зимой приходилось сидеть в шубе и валенках.

По воспоминаниям дочери П.П. Лебедева, «в опере мы тоже часто бывали. Отцу довольно часто присылали билеты в ложу. Сам он ходил редко, ему все было некогда. Но мы прослушали почти все оперы, которые шли и в Большом, и у Зимина. Бывали мы не реже и в Малом, и в Художественном театре, а также в его студиях»^{IV}. Иногда известные актеры и певцы даже гостили у Лебедевых и выступали на домашних концертах. На одном из семейных вечеров присутствовала и танцевала знаменитая певица А.В. Нежданова.

Ценителем оперного искусства был видный советский военачальник, один из организаторов разгрома Колчака и Деникина, советизации Закавказья бывший капитан С.А. Пугачев, сделавший блестящую карьеру в РККА. По воспоминаниям супруги, он «очень любил музыку, умел слушать ее. Предпочитал классическую. С наибольшим удовольствием слушал оперы “Евгений Онегин” Чайковского, “Сусанина” Глинки, “Аиду” Верди. С удовольствием слушал Бетховена, Шопена, Листа, Скрябина. Из русских песен, которые очень любил, выделял песню “Выхожу один я на дорогу”, “Орленок”, а из грузинских “Сулико”. Эти песни и сам напевал. Музыка Семен Андреевич не учился, но слух у него был отличный, и он мог почти на любом инструменте подобрать понравившуюся ему мелодию, мотив»^V. По всей видимости, песня «Сулико» появилась среди музыкальных предпочтений Пугачева в период службы в Закавказье, в советизации которого он участвовал. На белом Юге театры и концерты посещали офицеры штаба главнокомандующего ВСЮР и сам генерал А.И. Деникин^{VI}. По различным торжественным поводам устраивались банкеты, на которых также присутствовали многие офицеры.

Начальник 30-й стрелковой дивизии бывший подполковник Е.Н. Сергеев редкие минуты отдыха коротал за игрой на виолончели, которую всегда возил с собой в походном ящике вместе с книгами. Красноармейцы даже прозвали его «наш музыкальный начдив»^{VII}.

Дочь А.Е. Снесарева вспоминала о жизни семьи в Смоленске в 1918–1919 гг.: «Недалеко от нашего дома была очень крутая улица, начинавшаяся от Воскресенского монастыря; по этой улице мы катались на салазках. В городе был старинный

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 21. Л. 24.

^{II} Шапошников Б. М. Воспоминания. С. 76, 131–132.

^{III} Каменев Н. С. Путь полководца. С. 9, 105; Пинчук Л. Р. Моим детям – вместо завещания. С. 59.

^{IV} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 44.

^V Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев – военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 114.

^{VI} Тихобразов Д. Н. Воспоминания. Глава XXVI. С. 20–21 // BAR. D. N. Tikhobrazov collection. Box 4.

^{VII} Молоков И. Е. Герои огненных лет: Очерки о полководцах, командирах, комиссарах – активных участниках освобождения Сибири от интервентов и белогвардейцев. Омск, 1989. С. 82.

кремль со средневековыми стенами, с башнями. Как-то особенно запомнилась башня Веселуха. Мы, ребята, много играли на Блонье — небольшой городской парк с памятником Глинке. Хорошо помнятся зеленые склоны к Днепру, а на них старинные крепостные стены. Помнятся наши прогулки, рассказы папы о значении Смоленска, о его осадах, об Отечественной войне 1812 г., об отходе Русских войск к Москве, о Бородинском бое... Весной 1919 г. в Смоленск на гастроли приехали А.В. Нежданова, Н.С. Голованов, С.И. Мигай, А.В. Богданович. Остановились они у нас. Концерт происходил в зале бывшего Дворянского собрания... В июне месяце в Смоленском народном университете Андрей Евгеньевич [Снесарев] прочитал ряд лекций^I.

Минуты отдыха генштабисты могли коротать за чтением, неспешной игрой в карты в дружеском кругу или за разговорами^{II}. Начальник Штаба РККА П.П. Лебедев получал экземпляры всех выходивших художественных книг и прочитывал их^{III}. Многие бывшие офицеры курили, распространению чего способствовала общая нервозность их существования в Советской России. П.П. Лебедев имел обыкновение класть зажигалку в сапог^{IV}.

Существовали у военспецов и хобби. Главком С.С. Каменев коллекционировал историческое оружие и собрал впечатляющую коллекцию. Зная о его увлечении, коллеги по службе дарили ему такого рода подарки. В частности, М.В. Фрунзе подарил Каменеву личный револьвер, из которого отстреливался от бандитов на Украине в 1921 г.^V

Патриархальная религиозность была фактором, выделявшим некоторых генштабистов в советских реалиях. Порой она приобретала комические формы. По рассказу одного из окружных комиссаров, с военруком Ярославского военного округа Н.Д. Ливенцевым во время инспекторской поездки в Иваново-Вознесенск произошел казус: «На вокзале, — рассказывал товарищ, — смотрю, нет военрука. Исчез и ни слова не сказал. Я туда, сюда... На площади собрался весь гарнизон, ожидает смотра... А его нет и нет. Скандал... Наконец, часа через два является. Оказывается, был в церкви, служил молебен какому-то святому... Беда ходить с ним куда-либо... Ни одной часовни не пройдет — обязательно заглянет!!»^{VI}

Посещали церковь в советское время и бывшие генералы А.И. Верховский и Ф.Е. Огородников^{VII}. Религиозные праздники отмечались в семье бывшего генерала В.А. Олохова^{VIII}. На Пасху 1919 г. единственной радостью на генеральском столе оказались привезенные из деревни полкило творога и шесть яиц. В белых армиях также служили религиозные генштабисты — например, генералы М.К. Дитерихс, И.Г. Эрдели и др. Финский генерал П.К. фон Герих в свободное время увлекался астрологией и даже написал об этом книгу^{IX}.

^I Архив семьи Снесаревых.

^{II} Дневник А. Е. Снесарева. 30.11.1918. Л. 917 (Архив семьи Снесаревых).

^{III} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 52.

^{IV} Там же. С. 57.

^V Каменева Н. С. Путь полководца. С. 102.

^{VI} Кедров М. С. За Советский север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 44.

^{VII} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 25. Л. 1; Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. С. 420.

^{VIII} Олохова О. И. Мы служили Отечеству. С. 234.

^{IX} Никитин В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017. С. 45.

Тягостные реалии военного времени скрашивал юмор. Так, С. А. Пугачев, по воспоминаниям его супруги, чтобы разрядить обстановку, имел обыкновение говорить на тарабарском языке, произнося буквы в словах в обратном порядке^I.

Иногда разрешались отпуска или перевод на юг, в местность с благоприятным для здоровья климатом и более выгодную в продовольственном отношении. Видный военспец РККА бывший генерал С. Г. Лукирский в августе 1918 г. хотел забрать детей из Керчи и поехать на грязелечение, на что ему было дано разрешение^{II}. Если была такая возможность, в теплое время по дореволюционной традиции отдыхали за городом на дачах. К примеру, летом 1922 г. А. И. Верховский, вернувшись из поездки в качестве военного эксперта на Генуэзскую конференцию, отдыхал с родными на даче в Кунцево. Время проходило в прогулках по окрестностям, игре в теннис, которой увлекался бывший генерал^{III}. С. С. Каменев в августе 1922 г. восстанавливал подорванное Гражданской войной здоровье в санатории в Крыму, где находился вместе с семьей и увлекся фотоделом^{IV}. Позднее Каменев отдыхал также в санатории в Гаграх. А. Е. Снесарев летом 1924 г. проводил время с семьей на даче в деревне Лигачево, где работал над переводом классического труда К. фон Клаузевица «О войне» и предисловием к нему, впоследствии составившим отдельный труд «Жизнь и труды Клаузевица». В дневниковой записи за 27 июня 1924 г. он отмечал: «Наслаждаемся в деревне. Пошла на поправку и жена. С огорода своего берем лук, укроп, редиску и салат... Диоклетианы^V в стороне от шума жизни. Клаузевица кончаю (164), иду 25–30 страниц в сутки и даже до 36...»^{VI} Из деревни уехали в начале сентября.

Осенью 1921 г. в свой первый за время Гражданской войны отпуск отправился начальник Штаба РККА П. П. Лебедев. Вместе с семьей военспец в своем салон-вагоне поехал на Зеленый Мыс под Батуми, от Владикавказа по Военно-Грузинской дороге ехали на машинах. В Тифлисе гостили у А. И. Геккера, гуляли по городу, были в театре на опере «Аида», которую особенно любил слушать Лебедев. До Зеленого Мыса добирались снова поездом под охраной красноармейцев, так как бандитские нападения были не редкостью. Лебедевы поселились в бывшем имении далеко от моря, но почти все время проводили на пляже. Лебедев любил лазить по горам. С питанием было проблематично. У местных жителей удавалось купить молоко, а жили на сухом пайке — консервах, сушеных овощах и яичном порошке. Готовили на примусах. В садах и парках заброшенных имений можно было найти мандарины, хурму и даже зеленые бананы. П. П. Лебедев однажды сумел поймать угря, которого также приготовили. По итогам отдыха семья заболела малярией^{VII}. Тем не менее на обратном пути посетили Азербайджан.

На следующий год Лебедевы отдыхали в Кисловодске, где П. П. Лебедев поправлял здоровье, принимая нарзанные ванны. Семья совершала прогулки по горам.

^I Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек. С. 113.

^{II} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.

^{III} Сафронов Ю. И. Дневник Верховского. С. 428, 465.

^{IV} Каменева Н. С. Путь полководца. С. 100; Пинчук Л. Р. Моим детям — вместо завещания. С. 55.

^V Имеется в виду римский император Диоклетиан, отказавшийся от власти и ушедший в уединенную частную жизнь.

^{VI} Дневник А. Е. Снесарева. 27.06.1924. Л. 1213 (Архив семьи Снесаревых).

^{VII} Лебедева А. П. Павел Павлович Лебедев... С. 56.

Из Минеральных Вод поехали в Сочи и Туапсе. В Сочи к прежнему питанию сухим пайком добавилась брынза. Позднее был отдых в Крыму, но семья отдыхала уже не в полном составе.

Дом отдыха для работников РВСР в 1920 г. организовали в бывшем подмосковном имении Строгановых Братцево. Здесь отдыхали С.С. Каменев, П.П. Лебедев, Г.Н. Хвошинский и др.^I Сюда отдыхать и выступать перед военными приезжал даже знаменитый певец Ф.И. Шаляпин. П.П. Лебедев, очень любивший животных, участвовал в развитии животноводческой фермы в Братцево.

С.А. Пугачев также любил домашних питомцев. В его семье жили кот Пушок, сеттер-гордон Цезарь, а в Тифлисе — серая кошка Шпулька, провожавшая Пугачева на службу и встречавшая по возвращении. Пугачев по-особенному относился к природе. По воспоминаниям супруги военачальника, он «совершенно не терпел, если при нем ломали, портили деревья, и по-настоящему огорчался, когда видел искалеченные кусты сирени, бездумно обломанные и почти тотчас же брошенные ветки деревьев. И детям прививал бережное отношение к природе: не ломать веток, не срывать зря цветов. Срезанных цветов Семен Андреевич не любил, но охотно любовался цветами в горшочках. Случалось, перед нашими большими праздниками мы ездили в оранжерею и там покупали цветы в горшочках — цикламен, гортензию, гиацинты, и Семену Андреевичу приятно было видеть их в квартире»^{II}.

Трудности повседневной жизни в советских условиях вели к попыткам «бывших» объединяться, способствовали распространению в их среде ностальгических настроений относительно дореволюционной жизни, которая идеализировалась. Многие военспецы замыкались в своей среде, стремились больше общаться друг с другом, создавали неформальные группировки, просуществовавшие до начала 1930-х гг. Одним из распространенных видов взаимодействия в 1920-е гг. были неформальные застолья, проходившие на квартирах «бывших». Отмечались корпоративные (день св. Георгия), полковые и семейные праздники. Военспецы надевали на них свои старые награды (например, ордена Св. Георгия) и различные предметы униформы, иногда даже готовилась выпечка с прежней символикой (например, крендель с Георгиевским крестом на вечерах георгиевских кавалеров у бывшего генерала А.Е. Снесарева)^{III}.

Наибольшую известность приобрели георгиевские вечера. Первый вечер георгиевских кавалеров состоялся в 1922 г. еще на квартире у Д.К. Лебедева, уезжавшего в Эстонию^{IV}. Впоследствии эти встречи, проходившие в основном на квартирах А.А. Брусилова и А.Е. Снесарева, были поставлены в вину целому ряду бывших офицеров, арестованных в начале 1930-х гг. по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна». В вечерах участвовали бывшие генералы А.А. Брусилов, В.Н. Гатовский, А.Г. Лигнау, Д.Н. Надежный, А.В. Новиков, А.А. Свечин, Я.Я. Сиверс, бывший полковник Е.М. Голубинцев, бывший подполковник В.Г. Сухов. Как свидетельствовал А.А. Свечин, «окончательного разрыва

^I Там же. С. 45.

^{II} Пугачева Л. Д. Семен Андреевич Пугачев — военачальник и человек. С. 114.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 54 (72). Л. 119.

^{IV} Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР: 1930–1931 годы. М., 2000. С. 129.

с прошлым у большинства не было. Это создавало почву для таких враждебных сов[етской] власти вечеров, какие устраивались несколько раз до 1927 года в георгиевский орденский праздник. Мне пришлось быть на двух-трех таких вечерах в доме А.Е. Снесарева. На этих собраниях бывали: [В.Г.] Сухов, [Д.Н.] Надежный, [А.А.] Брусилов, [А.В.] Новиков, [Е.М.] Голубинцев и др., фамилии которых сейчас не помню. На этих собраниях присутствовавшие одевали Георг[иевские] кресты. Припоминаю на одном таком собрании выступление Брусилова, которое сводилось к указанию на важность единения быв[ших] офицеров георгиевских кавалеров и которое по существу своему было, конечно, контрреволюционно. У участников этих собраний оставалось впечатление известного блуда против советской власти¹. По другим свидетельствам, речь шла не более чем о поддержке традиций.

Аналогичные собрания в Киеве проходили на квартире у бывшего генерала В.А. Ольдерогге, собиравшего сослуживцев, преподававших в Киевской объединенной военной школе им. С.С. Каменева². На вечерах играли в карты на деньги.

Взаимодействие бывших офицеров, конечно, попадало в поле зрения органов ЧК, державших эту группу лиц как потенциально опасную и враждебную режиму под пристальным наблюдением. Однако присущая русским офицерам инертность и пассивность наряду с возникшими в советских условиях разобщенностью и подозрительностью не позволили этим людям в их недовольстве режимом пойти дальше застольных обывательских бесед.

Жизнь генштабистов в эпоху Гражданской войны предопределялась чрезвычайными реалиями того сложного времени. В приоритете были вопросы элементарного выживания. Повседневность архайзировалась, способы досуга становились нередко примитивными. Среди них были распространены застолья, алкоголь, наркотики. Несмотря на серьезные социально-политические перемены в стране, «бывшие» и в советских условиях, по возможности, пытались придерживаться прежних традиций и привычек. Порой их поведение влияло на образ жизни красных командиров, приобретающих, как тогда писали, «барские замашки»³. Впрочем, влияние этих двух групп командного состава РККА было обоюдным.

§ 8. Заболеваемость

Катастрофическая повседневность Гражданской войны негативно сказывалась на здоровье современников, в особенности тех, кто, как бывшие офицеры, оказался на острие конфликта. Упадок питания, голод и холод, эпидемии, недостаточное медицинское обеспечение, дефицит средств гигиены, походная и боевая жизнь — все это вело к всплеску заболеваний и смертности среди военной элиты.

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 17.

² Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2002. № 1 (18). С. 335.

³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 120.

Особенно распространены в тех условиях были инфекционные заболевания, различные формы тифа. В тяжелейшем положении в этом отношении оказались контролировавшиеся белыми окраины, где медицинское обслуживание населения еще в мирное время оставляло желать лучшего (например, в белой Сибири военнослужащие порой больше опасались ранения при чудовищной санитарной помощи, чем гибели). Ситуация усугублялась в периоды отступления и дезорганизации. Начальник штаба Отдельной Уральской армии генерал Владимир И. Моторный при отступлении армии в конце 1919 — начале 1920 г. в считанные месяцы потерял от тифа и сопутствующих болезней всю семью — супругу и двух дочерей^I. А.А. фон Лампе в связи со смертью в Галлиполи генерала А.М. Шифнер-Маркевича записал в дневнике в начале 1921 г.: «Тиф берет больше, чем поле сражения!»^{II}

Тифом болели порой целые воинские части (в особенности это было характерно для белых). Начальник оперативного отдела штаба 9-й армии бывший полковник Н.А. Кудрявцев в начале 1921 г. жаловался на тяжесть штабной работы в связи со случившимся мозговым ударом и последствиями сыпного тифа 1920 г. и просил о переводе на преподавательскую работу^{III}. Иногда одно заболевание перетекало в другое. Полковник А.С. Карпенко, находившийся на белом Юге, в период болезни пережил смену лагеря, которому служил: в декабре 1919 г. «заболел сыпным тифом и был отправлен по распоряжению коменданта ввиду эвакуации его управления в [город] Одессу, несмотря на то, что тиф был в самом разгаре. В Одессе я находился в госпитале; после сыпного я заболел возвратным тифом и болел до марта месяца 1920 г. Переворот в Одессе застал меня в госпитале. Оправившись, мне врачебной комиссией при Одесском военкомате был дан месячный отпуск по болезни, после которого я был определен на службу в 45[-ю] стр[елковую] дивизию»^{IV}. Военспец РККА В.С. Михеев с ноября 1918 по январь 1919 г. перенес испанку, тяжелую форму возвратного тифа и заболевание сердца. В итоге его признали негодным к службе, однако он собирался преподавать тактику на Костромских инструкторских курсах^V.

От инфекционного заболевания внезапно в разгар операций на фронте скончался помощник командующего советским Южным фронтом бывший генерал В.И. Селивачев^{VI}. Супруга колчаковского генерала Е.Э. Трегубова, сестра милосердия, в 1919 г. скончалась от тифа (сам Трегубов попал в плен и был расстрелян красными)^{VII}. Тяжелую болезнь перенес в 1919 г. один из вождей Белого движения на Юге России генерал П.Н. Врангель. Среди генштабистов распространялись заболевания и вследствие переутомления. Например, в 1918 г. так заболел бывший подполковник Б.Л. Негродов^{VIII}.

^I Изергин М. И. Уральская катастрофа (воспоминания полковника Генерального штаба). М., 2023. С. 49, 68, 77–78, 80; Его же. Пятьдесят пять дней // Последний поход Уральской Отдельной армии. Январь — февраль 1920: Воспоминания участников / сост. Д. Ю. Дубровин. М., 2018. С. 205.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

^{III} РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1870. Л. 21–21об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 311. Л. 14об.–15.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 150.

^{VI} РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.

^{VII} Волков Е. В. Под знаменем белого адмирала. С. 219.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 229.

М. Д. Бонч-Бруевич боялся заразиться в связи с эпидемией. В конце июня 1919 г. он просил предоставить в его распоряжение вагон «для меня как начальника штаба, исправный и удобный», причем тщательно этот вагон продезинфицировать^I.

Даже наиболее высокопоставленные лица не были застрахованы от тяжелых болезней и смерти в полевых условиях. Наиболее ярким примером является судьба главнокомандующего белыми войсками в Сибири генерала В. О. Каппеля, который в январе 1920 г. во время Сибирского Ледяного похода умер от воспаления легких на разъезде Утай Иркутской губернии.

В некоторых случаях болезни и связанное с ними ухудшение материального положения вели к тому, что генштабисты шли на службу в Красную армию. Так, бывший подполковник К. Н. Андрусов в начале марта 1918 г. телеграфировал в Петроград: «Расформирование дивизии и болезнь поставили [в] крайне бедственное положение [с] семьей[,] покорно ходатайствую [о] предоставлении должности Генштаба... наштадив 77[-й] Андрусов»^{II}.

Поскольку РККА остро нуждалась в генштабистах, пытались привлекать на службу и тех, кто по состоянию своего здоровья уже не мог нести такие обязанности. Сохранились документы о бывшем генерале К. И. Вогаке. Военрук ВВС М. Д. Бонч-Бруевич в августе 1918 г. писал: «В Москве проживает имеющий 60-й год от рождения уволенный в отставку, вовсе к военной службе неспособный, бывший генерал Константин Ипполитович Вогак»^{III}.

Явившись 6-го сего августа для зарегистрирования, он почувствовал себя дурно и ныне лежит больным. О невозможности по состоянию здоровья прибыть для регистрации, Вогак послал Вам телеграмму.

Ввиду предстоящего командирования названного лица с согласия Высшего совета народного хозяйства для выполнения особого поручения, прошу не отказать в зависящем распоряжении о назначении Вогаку, ввиду его преклонного возраста и болезненного состояния, времени явки для регистрации, указав, куда он должен явиться по выздоровлении.

Адрес Вогака: Никитский бульвар, д. № 8, кв. 14»^{IV}.

За плечами многих офицеров уже была Первая мировая война, что не добавляло здоровья – ко времени Гражданской войны хватало раненых и контуженых или тех, кто приобрел за годы окопной жизни различные заболевания. Военспец бывший капитан Н. М. Ушаков вернулся из плена полуинвалидом^V. Бывший генерал А. Ф. Добрышин желал служить в РККА, но в Первую мировую войну был контужен, перенес в результате две операции и нуждался в наблюдении врачей. В апреле 1918 г. он просил назначить его на службу в Петрограде, если же это невозможно, уволить в отставку с пенсией^{VI}. У курсовика В. И. Самуйлова на 75 % был потерян слух, военспец считался инвалидом Первой мировой войны. Еще одним инвалидом войны являлся бывший полковник В. П. Ульянин, у которого

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 589.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 24.

^{III} В документе ошибочно – Вагак.

^{IV} РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 61.

^V РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1336. Л. 11.

^{VI} РГВА. Ф. 44. Оп. 7. Д. 48. Л. 21–21об.

был вырван бок^I. В РККА они служили в Академии Генштаба. У 32-летнего курсовика А.С. Ролько, по данным на 1919 г., здоровье было полностью подорвано: еще в 1916 г. удалена правая почка, а на месте послеоперационного рубца образовалась грыжа, были увеличены границы сердца. По мнению врачебной комиссии, военспец не мог даже передвигаться пешком^{II}. Подорванным было здоровье у вернувшегося из плена бывшего полковника Ф.Ф. Фешота^{III}. Бывший подполковник Н.С. Новиков возвратился из плена, заболев там неврастением и потеряв на 50% трудоспособность^{IV}. Он писал главкому С.С. Каменеву: «3½-летнее пребывание в плену (в Германии) очень сильно расстроило мое здоровье, меня трудно узнать — настолько я изменился, поэтому выезд за границу дал бы мне возможность и подлечиться»^V. Бывший полковник В.А. Златолинский также подорвал здоровье за время германского плена, в связи с чем просился в конце 1919 г. на преподавательскую работу^{VI}. Бывший полковник А.Н. Ситников по возвращении в 1918 г. из плена с подорванным здоровьем искал какое-то место службы и писал генералу П.К. Кондзеровскому (как позднее выяснилось, ошибочно): «Мои болезни (запущенное воспаление желчного пузыря и изъязвление кишечника) препятствуют мне вновь вступить в ряды армии. Однако жизнь требует работы — мне надо кормить мою семью и себя»^{VII}. Ситников рассчитывал заниматься военно-историческими исследованиями.

В некоторых случаях негодность к военной службе не освобождала от нее. Например, еще в октябре 1919 г. бывший капитан Н.И. Кадников был признан все не годным к военной службе, поскольку из-за ранения правого плеча у него развился неврит^{VIII}. Тем не менее военспец продолжал служить в РККА до конца 1921 г.

Иногда болезни носили дипломатический характер. Так, бывший подполковник А.Н. Гатовский «имея медицинское свидетельство в кармане... заболел, когда его назначали на оперативную должность, и мгновенно выздоравливал, когда получал место при снабжении, где хлеб и масло. Иного поведения от Гатовского нельзя было и ожидать, так как это был форменный аферист», — отмечалось в протоколе Реввоентрибунала при РВС Западного фронта 19 сентября 1919 г.^{IX} Белый агент в РККА А.П. Архангельский увольнялся летом 1918 г. из РККА под предлогом болезни, поскольку еще в конце 1917 г. у него были зафиксированы неврастения в средней степени, почечно-каменная болезнь и малокровие с усталым сердцем^X. Все это не помешало ему затем перебраться на белый Юг и принять активное участие в Гражданской войне, а позднее играть видную роль в белой военной эмиграции (Архангельский умер в 1959 г. — через 40 с лишним лет после тех событий).

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 18. Л. 150б.

^{II} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 314.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 133. Л. 26.

^{IV} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 165.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 942. Л. 274.

^{VI} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 925. Л. 159.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 125. Л. 263.

^{VIII} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 2; Ф. 11. Оп. 5. Д. 1013. Л. 217.

^{IX} РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 142. Л. 49–49об.

^X РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 482. Л. 43.

По болезни из РККА в ноябре 1918 г. увольнялся и другой белый агент Б. В. Геруа^I, который затем тайно покинул Советскую Россию. Характерно, что в болезнь военспеца не поверили. Комиссар И. Л. Дзевалтовский отмечал в этой связи: «Считаю, что болезнь не столь серьезна, чтобы освободить Б. Геруа»^{II}. Под предлогом болезни РККА покинул бывший капитан Б. Н. Тюренков^{III}, затем объявившийся на белом Юге и служивший во ВСЮР и Русской армии до конца Гражданской войны. В отпуск по болезни уволился осенью 1919 г. белый агент в Петрограде, начальник штаба 7-й армии В. Я. Люндеквист, опасавшийся разоблачения^{IV}.

Явно дипломатической была болезнь военрука ВВС М. Д. Бонч-Бруевича, который 20 августа 1918 г. подал главе правительства В. И. Ленину рапорт об увольнении со службы: «Тяжелый труд, который я нес без малейшего отдыха с первого дня мобилизации 1914 года в течение всей войны и до настоящего времени, связанный с нравственными потрясениями военного времени, окончательно надломил мой организм. Ведя борьбу с болезненным состоянием в течение последнего времени, я все-таки, по признанию врачей, не в силах побороть проявления больного моего организма и потому в данное время оказываюсь совершенно неспособным к работе по занимаемой мною должности.

Ввиду изложенного прошу для пользы дела уволить меня от службы.

Сознавая необходимость сохранить преемственность в работе и то ее напряжение, которого требуют современные тяжелые обстоятельства, позволяю себе рекомендовать моим заместителем в должности военного руководителя Высшего военного совета: или управляющего делами Народного комиссариата по военным делам Николая Михайловича Потапова, или главного начальника снабжений Евгения Ивановича Мартынова. Впредь до назначения одного из названных кандидатов — прошу разрешения сдать должность начальнику штаба Высшего военного совета Николаю Иосифовичу Раттэлю, который и вступит во временное исполнение должности военного руководителя Высшего военного совета»^V. К рапорту прилагалось заключение врачебного консилиума.

Троцкий, которому Ленин сообщил о просьбе Бонч-Бруевича, отставку первоначально давать не хотел^{VI}. В телеграмме Ленину от 21 августа 1918 г. он прямо писал: «Что касается отставки Бонч-Бруевича, то предлагаю ее не принимать, а дать ему отпуск для поправления здоровья на две недели или на месяц. Он нам нужен, заменить его некем, лица, на которых он указывает, не годятся. Возможно, что его в мое отсутствие стали ущемлять...»^{VII} Самому Бонч-Бруевичу Троцкий телеграфировал о неожиданности его прошения^{VIII}.

После повторного ходатайства Троцкий был вынужден уступить^{IX}. Скорее всего, серьезных проблем со здоровьем Бонч-Бруевич тогда не испытывал. Он жаловался

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 115. Л. 43; Д. 125. Л. 252, 254.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 115. Л. 43.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1123. Л. 99.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 921. Л. 212–214.

^V РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 1; РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 38. Л. 141.

^{VI} HIA. Trotsky collection. Box 4. Folder 20.

^{VII} HIA. Trotsky collection. Box 1. Folder 10.

^{VIII} *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. С. 312.

^{IX} HIA. Trotsky collection. Box 1. Folder 13; 15.

на бессонницу, упадок сил и трудоспособности, частые головокружения с потемнением в глазах, припадки резких болей в области сердца и левой лопатки, отдающие в левую руку, и отеки под глазами. Консилиум врачей нашел неврастению с сердечными припадками, определив, что Бонч-Бруевич нуждается в «продолжительном полном отдыхе и в специальном физиотерапевтическом лечении»¹. На дипломатический характер болезни указывает тот факт, что примерно через месяц после ухода со службы Бонч-Бруевич не выдержал бездействия и устроился на работу в Межевой институт. 48-летний бывший генерал обладал крепким здоровьем и прожил еще 38 лет. Скорее всего, история с отставкой была обусловлена напряженностью в связи с его конфронтацией с И.И. Вацетисом.

Болезненное состояние могло быть весомым аргументом при решении вопросов о переводе военспецов на службу в более благоприятные районы. Так, бывший генерал-майор Л.К. Александров писал военруку ВВС, также бывшему генерал-майору М.Д. Бонч-Бруевичу 22 августа 1918 г.: «Мое душевное состояние еще более омрачается болезненным состоянием моей жены. Туберкулез легких прогрессирует с каждым днем в этом сыром Петрограде, где чуть не каждый день идут дожди. Прошедшее лето было исключительное в этом отношении.

Врачи требуют безусловного выезда из Петрограда. Ввиду этого обращаюсь к Вам с горячей мольбой предоставить мне какую-либо менее ответственную должность в Москве, хотя на время, для небольшого отдыха, чтобы подкрепить свои нервы и поставить свою жену в лучшие климатические условия»². Также можно было добиться более благоприятных условий службы. Например, в феврале 1920 г. бывший капитан В.И. Самуйлов был признан по состоянию здоровья годным к службе только на «административной должности в домашней обстановке»³.

По болезни можно было отказаться даже от высоких назначений. Так, бывший генерал-лейтенант Г.К. Корольков отказался от поста начальника штаба Южного фронта. 28 января 1919 г. он писал в рапорте члену РВСР К.А. Мехоношину: «Возвратившись в Козлов из командировки в 8-ю армию и отряд [И.С.] Кожевникова, узнал о своем назначении начальником штаба Южного фронта и был более чем удивлен. Мною лично и рапортом доложено товарищу Л.Д. Троцкому, что я, как по возрасту (56-й год), так и по состоянию здоровья, совершенно не соответствую посту, требующему много сил, здоровья и хорошей памяти, т.е. того, чего у меня уже нет. Тов. Троцкий приказал мне задержаться в Козлове до его возвращения из Воронежа, но привез мне отрицательный ответ на мой рапорт.

С его разрешения я выехал в Москву в надежде застать Вас и просить Вас об оставлении меня при поезде. Я служил на Кавказе более 10 лет и хорошо знаю страну, народы и обычаи (адат) горцев. Эти знания были бы полезны Вам, если бы я мог ехать с Вами в той же скромной роли военного специалиста и сотрудника поезда, тогда как усиленная работа в роли начальника штаба фронта через 2–3 недели выведет меня из строя советских работников. Эти соображения мною были доложены т. Троцкому, на что тов. Троцкий заявил, что, как я почувствую

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 919. Л. 2об.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 143–143об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1010. Л. 62.

усталость, меня освободят. Стоит ли проделывать подобный опыт. Проще назначить комиссию врачей, чтобы узнать состояние моего здоровья.

Докладывая об этом, прошу Вашего ходатайства об оставлении меня на прежнем месте службы, где я еще могу приносить посильную пользу республике.

Назначенный начальником штаба Южного фронта Корольков^I.

Следует отметить, что болезни порой были связаны с перегрузками по службе. Так, начальник штаба Юго-Западного фронта Н.Н. Петин в 1920 г. в разговоре с Б.М. Шапошниковым по прямому проводу сообщил: «Я потерял временно глаза и поэтому по вечерам и ночам лишен возможности работать, вся тяжесть работы легла на плечи начоперупра тов. [И.Х.] Паука»^{II}.

Отдельные генштабисты антибольшевистских армий, в отличие от их товарищей из РККА, в случае болезни могли пользоваться заграничными отпусками, которые порой продолжались по несколько месяцев. Законным считался шестимесячный срок эвакуации по болезни^{III}. К примеру, заграничный отпуск по болезни в 1920 г. получил полковник М.А. Ковалев на Юге России^{IV}.

В РККА практиковались освобождения по болезни от службы, продолжавшиеся иногда по несколько месяцев. При увольнении в отпуск по болезни военспец считался в прежней должности на протяжении двух месяцев^V. Можно было получить отпуск и в связи с болезнью близкого родственника^{VI}. При этом окончательно уволиться из Красной армии по болезни сравнительно быстро, по-видимому, было затруднительно. Так, В.А. Соковнин подал рапорт об этом 30 июля 1919 г., а уволен был лишь 23 октября^{VII}, причем 9 ноября уже скончался от порока сердца^{VIII}. Военспец, по данным на лето 1919 г., тяжело болел, едва мог передвигаться и понес серьезные расходы на лечение, потратив все свои сбережения от жалованья, в связи с чем просил о пенсии^{IX}.

Порой в случае болезни генштабисты могли рассчитывать на помощь товарищей. Так, в связи с тяжелой болезнью бывшего генерал-майора Б.А. Левицкого начальник Оперативного управления ВГШ бывший генерал-майор С.А. Кузнецов в сентябре 1918 г. ходатайствовал перед Московским генеральным госпиталем о бесплатном отпуске лекарств, так как у больного не имелось средств на приобретение дорогостоящих препаратов^X. Интересно, что Левицкий, как и Кузнецов, принадлежал к белому подполью. В 1919 г. оба были арестованы, причем Кузнецова расстреляли, а Левицкому удалось бежать к белым вместе с генералом Н.Н. Стоговым.

Ожесточение нравов, жизненные трудности и даже трагедии в эпоху войн 1914–1922 гг. сказывались на психике. Так, страдающим душевным расстройством в тяжелой форме в 1919 г. был признан военспец бывший генерал-лейтенант

^I РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–75об.

^{II} РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 479. Л. 329.

^{III} РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 180. Л. 73об.–74.

^{IV} РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 125. Л. 389.

^V РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 138.

^{VI} Там же. Л. 450.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 38.

^{VIII} Там же. Л. 52, 60. Исключен из списков — Приказ РВСР по л/с армии. 1919. № 362. 09.12.

^{IX} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1122. Л. 41, 48об.

^X РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 96. Л. 395.

Н. А. Дистерло^I. Психическим расстройствам были подвержены некоторые видные деятели Белого движения. Супруга генерала М. К. Дитерихса летом 1919 г. рассказывала, что они с мужем ежедневно «устраивают бдения, прячутся друг от друга, потом ищут и, найдя, молятся»^{II}. Характерной была и обстановка вагона Дитерихса в декабре 1919 г.: «На столе стояли два больших шандала по три свечи в каждом. Посередине шандал с одной свечой. Прямо сзади стула Дитерихса на стене был прикреплен большой синий щит с белым восьмиконечным крестом, по бокам два полотнища хоругвей. Во всем было что-то таинственно-мистическое... Было что-то совершенно ненормальное во всем этом, а между тем передо мной сидел Дитерихс, в этом не было никакого сомнения»^{III}.

Психическим расстройством страдал и генерал Я. А. Слащев-Крымский – видный деятель Белого движения на Юге России. Две затяжные войны, массовая гибель боевых товарищей, ожесточение, нервное перенапряжение выработали у него легкое отношение к смерти, своей и чужой, а также беспощадность. Генерал П. Н. Врангель вспоминал, что когда-то под Ставрополем в 1918 г. Слащев поразил его молодостью и свежестью. Но в феврале 1920-го перед Врангелем предстал почти другой человек: «Теперь его трудно было узнать. Бледно-землистый, с беззубым ртом и облезлыми волосами, громким ненормальным смехом и беспорядочными порывистыми движениями, он производил впечатление почти потерявшего душевное равновесие человека»^{IV}. Врангелю вторил и его начальник штаба генерал П. Н. Шатилов, свидетельствовавший о состоянии Слащева в апреле 1920 г.: «Было ясно, что Слащев уже мало владеет собой. Чрезмерное употребление вина и кокаина действовали как на его разум, так и на здоровье»^V. Участник Белого движения на Юге России генерал А. А. Мориц в дневнике за февраль 1920 г. дал такую характеристику Слащеву: «Ненормальный стеклянный взгляд, кокаинист, никакими серьезными вопросами не интересуется»^{VI}.

В обстановке архаизации жизни общества во время Гражданской войны неизбежно приходило в упадок и медицинское обслуживание не только населения, но и войск. Эпидемии, множество больных и раненых, которых необходимо было лечить, приводили к тому, что медицинская помощь стала дефицитной услугой, при том что и в мирное время в старой России она оставляла желать лучшего. Еще хуже становилось медицинское обслуживание в условиях затяжных отступлений, что было особенно характерно для белых армий. Генерал С. А. Щепихин вспоминал, что в конце 1919 г. в подвижных госпиталях колчаковских войск, на вагонных площадках складировались штабелями трупы умерших. Эти подвижные кладбища ехали с отступавшей армией от Иртыша до Оби^{VII}. Не способствовали укреплению здоровья полевые условия войны, эпидемии, полуголодное существование, нервное перенапряжение и переутомление, злоупотребление алкоголем

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 919. Л. 325, 326.

^{II} Скитания русского офицера. С. 389.

^{III} Там же. С. 416–417.

^{IV} Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт. Ч. 1. С. 512–513.

^V Шатилов П. Н. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1. С. 382.

^{VI} РГВА. Ф. 40239. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

^{VII} Подробнее см.: Щепихин С. А. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А. В. Ганина. М., 2020. С. 129–131.

и наркотиками. Многие офицеры воевали с 1914 г., что сказывалось на психике, провоцировало легкое отношение к смерти и общее ожесточение. От гибели вследствие скоротечных заболеваний, которые в обычное время можно было вылечить, не был застрахован никто, вплоть до наиболее высокопоставленных лиц.

В обстановке Гражданской войны материальный фактор стал одним из самых чувствительных для жизни. Не были исключением и офицеры Генерального штаба, которым, как и всем остальным, тоже нужно было выживать и приспосабливаться к непростым условиям смутного времени. В Советской России в связи с проведением политики «военного коммунизма» и продовольственной диктатуры для служащих, включая комсостав РККА, осуществлялось распределение продуктов в форме пайков. Пайки дополняли жалованье, получавшееся военными специалистами. В целом, материальное обеспечение военспецов было достаточно серьезным и даже превышало обеспечение партийных работников — комиссаров, в том числе партийного руководства. Впрочем, здесь не приходится говорить о том, что генштабисты находились на особом положении. Высокие оклады имели и другие категории специалистов. Все, что можно, новые хозяева России в Гражданскую войну отдавали армии, порой даже за счет собственного благополучия.

Сравнительный анализ положения генштабистов показывает, что их материальное положение в антибольшевистских армиях являлось более тяжелым. Генштабисты там не обеспечивались пайками, а оклады не поспевали за инфляцией. Обычным явлением была нехватка жалованья даже до прожиточного минимума.

Материальное обеспечение представляется одним из значимых стимулов привлечения части офицеров на службу. В то же время было бы неправильным утверждать, что этот вопрос, привлекая старых специалистов в армию, всерьез влиял на их идейный выбор. Те, кто не принимал большевизм, были готовы бороться с ним в любых, даже самых тяжелых, условиях. Несмотря на превосходное материальное обеспечение, тысячи военспецов, в том числе сотни генштабистов, бежали из Красной армии при первой же возможности. Основным мотивом было неприятие власти большевиков и бесправное положение военспецов в Советской России, где жизнь и судьба «бывших» порой зависели от прихоти политработников и чекистов.

Те офицеры, которые служили в Гражданскую войну исключительно из материального интереса, не были лидерами соответствующих вооруженных формирований, не могли повести за собой других людей и едва ли приносили пользу, сопоставимую со вкладом идейных борцов.

Отношение идейных к шкурникам было негативным. Общеизвестно, что лидеры большевиков, как и лидеры белого лагеря, были бессребрениками. Хрестоматийным стал пример главкома ВСЮР генерала А.И. Деникина, ходившего летом 1919 г. в жаркой черкеске, поскольку у него изорвались штаны¹. Можно представить, как белый главнокомандующий и его окружение могли отнестись к тем

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 327.

офицерам, которые во главу угла ставили жалование и готовы были продаваться тем, кто больше заплатит.

Уровень жизни населения в Гражданскую войну был в целом невысок, что обуславливалось вооруженной борьбой внутри страны, архаизацией быта, социально-экономическим кризисом и его последствиями в виде дороговизны, дефицита продовольствия, одежды, топлива, медицинского обслуживания. Вместе с остальным населением страны страдали, приспосабливались и выживали представители старого офицерства, не исключая военную элиту дореволюционной России – офицеров-генштабистов. С окончанием Гражданской войны их мытарства не прекратились, а последующие страдания и лишения оказались не легче. Поэтому не вызывает удивления фраза выпускника ускоренных курсов академии С. С. Ивановского: «Самый для меня благоприятный период жизни был во время Гражданской войны, где я был поглощен в свою деятельность и удовлетворен ей»¹.

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25 (26). Л. 30.

Глава X.

Подготовка кадров Генерального штаба в 1917–1922 гг.

В годы Гражданской войны в качестве специалистов Генштаба на службу противоборствующими сторонами привлекались не только офицеры-генштабисты старой армии. Немалую роль сыграли и те, кто прошел подготовку непосредственно во время Гражданской войны уже в противоборствующих лагерях. История подготовки кадров Генштаба в период 1917–1922 гг. представляет большой исторический интерес, тем более что на этой подготовке, равно как и на подготовленных кадрах, ярко отразились социально-политические особенности гражданского противостояния. Достаточно отметить, что старая Николаевская академия Генерального штаба в Гражданскую войну оказалась сначала у красных, потом у белых, а в конечном итоге опять попала к красным. При этом учебный процесс в академии велся в период ее пребывания в каждом из лагерей. Академия Генштаба РККА, созданная в Советской России в кратчайшие сроки после перехода старой академии к противнику, оправдала возложенные на нее надежды и стала настоящей кузницей командно-штабных кадров РККА. Однако длительные сроки подготовки в ней (изначально рассчитана на трехлетнее обучение) и колоссальная нехватка кадров в Советской России привели к идее краткосрочной подготовки младших штабных работников в школах штабной службы, а также к направлению слушателей академии на фронт в период летних каникул (с конца весны по начало осени) в 1919 и 1920 гг. Наконец, наличие в РККА массы старших и высших командиров без специального военного образования привело к созданию военно-академических курсов, на которых такие люди получали ускоренную подготовку и переподготовку. Попытки организации своих военных академий предпринимались и в национальных государственных образованиях, возникших на руинах Российской империи. Впрочем, в условиях слабой материально-технической базы на окраинах такие попытки редко бывали успешными. Тем не менее этот опыт тоже интересен. К тому же подготовкой штабных кадров везде занимались бывшие офицеры-генштабисты русской армии, разошедшиеся после 1917 г. по разным лагерям, государствам и армиям.

§ 1. Николаевская военная академия в 1917–1922 гг.

Главной военной академией старой России, Николаевской, история отвела очень символический, но непродолжительный временной отрезок. Основанная в ноябре 1832 г. в Санкт-Петербурге, академия под разными наименованиями просуществовала ровно 90 лет до ноября 1922 г. События Гражданской войны привели

к гибели этого высшего военно-учебного заведения, хотя его библиотеки и архивы сохранились до наших дней¹.

Академия Генерального штаба открылась в Санкт-Петербурге 26 ноября 1832 г., с 1855 г. в память императора Николая I она стала именоваться Николаевской, с 4 августа 1909 г. – Императорской Николаевской военной академией (в связи с тем, что академия должна была давать высшее военное образование², в революционный период слова «Императорская» и «Николаевская» исчезли из названия). В 1914 г. учебный процесс в академии прекратился и не осуществлялся на протяжении двух лет, после чего подготовка кадров Генштаба в связи с их острой нехваткой на фронте была возобновлена.

С конца 1916 г. для нужд фронта академия вела подготовку кадров на ускоренных курсах по сокращенной программе. В 1916–1919 гг. функционировали четыре очереди ускоренных курсов, в каждой из которых, за исключением последней четвертой, было организовано по два класса – подготовительный курс и старший класс. Всего за период 1917–1919 гг. через курсы прошли около тысячи офицеров (табл. 76).

Таблица 76

**Статистика выпусков ускоренных курсов
Военной академии 1917–1919 гг.³**

Класс Очередь	Младший (подготовительные курсы)	Старший
1-я	Зачислены 242, выпущены 237 (01.11.1916–20.01.1917)	Зачислены 86, выпущены 84 (01.02–13.06.1917), все причислены к Генеральному штабу как выпуск 1916 г., 81 переведен в Генеральный штаб
2-я	Зачислены 253, выпущены 233 (01.02–23.05.1917)	Зачислены 168, выпущены 165 (15.10.1917 – начало 03.1918), все причислены к Генеральному штабу как выпуск 1917 г., 133 переведены в Генеральный штаб
3-я	Зачислены 239, выпущены 143 (15.10.1917 – начало 03.1918)	Зачислены 204–212 (по разным спискам) (01.06–18.07.1918, занятия прерваны)
Ускорен- ный курс	Подлежали командированию 179, прибыли 113–115 (июль 1918, занятия прерваны)	
4-я	Зачислены 176, выпущены 154 (21.01–29.04.1919)	

¹ Подробнее о последних годах истории академии см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 15. Л. 18.

³ Списки выпускников и слушателей курсов всех очередей опубликованы в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 485–524, 576–582.

Выпускники ускоренных курсов – курсовики – различались по полученной подготовке (к примеру, в старший класс курсов 1-й очереди зачислялись офицеры, окончившие полноценный младший класс академии перед войной), уступали выпускникам академии довоенного времени, однако вполне могли нести обязанности младших офицеров Генерального штаба. В 1916–1919 гг., включая период Гражданской войны, когда занятия проводились в Екатеринбурге и Томске, функционировали четыре очереди ускоренных курсов, в каждой из которых, за исключением последней четвертой, было организовано по два класса – младший (подготовительный) и старший (летом 1918 г. был организован и ускоренный курс, не получивший номера). Сотни выпущенных курсовиков (всего за период 1917–1919 гг. через курсы прошли около тысячи офицеров) радикальным образом изменили облик Генерального штаба, сделав его намного более разнообразным, чем прежде.

Ускоренные курсы были открыты в целях специальной подготовки некоторого количества строевых обер-офицеров к выполнению обязанностей офицеров Генерального штаба на младших должностях в полевых штабах действующих армий¹. Вопрос об открытии академии обсуждался уже летом 1916 г. Слушатели были вызваны в Петроград, однако по распоряжению начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева открытие курсов в связи с остротой фронтовой обстановки было перенесено на осень. Летом 1916 г. был разработан предварительный учебный план сокращенной подготовки генштабистов (табл. 77).

Таблица 77

**Предварительный недельный учебный план занятий на ускоренных курсах
Императорской Николаевской военной академии^{II}**

Предмет \ Часов в неделю	Старший класс		Младший класс	
	Теория	Практика	Теория	Практика
Стратегия	4			
Тактика	8	6	8	6
Военная история	3			
История военного искусства			2	
Военная администрация	6	1	5	
Военная статистика	4		6	
Сведения по артиллерии	2		2	
Сведения по инженерной части	3	2	2	
Военно-морское дело			2	
Теория съемки			3	2
Верховая езда		3		2
Всего в неделю	30	12	30	10
На репетиции		6		8

Подготовительные курсы открылись 1 ноября 1916 г. продолжительностью 2,5 месяца до 15 января 1917 г. На курсы распоряжением Ставки был командирован 241 офицер. Среди слушателей был флигель-адъютант, полковник князь

^I РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 117об.

^{II} РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 90.

крови императорской Гавриил Константинович. Обучение завершилось репетиционными экзаменами в январе 1917 г., после чего 237 выпускников отбыли в действующую армию для занятия младших должностей Генштаба в полевых штабах как заместители тех офицеров, которых направили в академию во 2-ю очередь к 1 февраля 1917 г.

Выпускники подготовительных курсов 1-й очереди получили право быть призванными без экзамена в старший класс 3-й очереди, если война затянется, или поступить, если этого не произойдет, в младший класс академии без экзамена в течение двух лет со времени открытия занятий.

К 1 февраля 1917 г. в академию прибыли 86 офицеров на старший класс 1-й очереди и 253 – на трехмесячные подготовительные курсы 2-й очереди¹. В основном это были строевые офицеры, имевшие отношение к академии еще в мирное время. В старший класс 1-й очереди зачисляли прошедших младший класс академии до войны, а на подготовительные курсы 2-й очереди принимали тех, кто до войны выдержал конкурсные либо предварительные экзамены в академию. В годы войны вследствие нехватки офицеров Генштаба их привлекали к исполнению оберофицерских должностей Генштаба.

В старшем классе 1-й очереди штаб-офицерами, заведующими обучающимися, стали: 1-е отделение – полковник П.Ф. Рябиков, 2-е отделение – полковник Д.К. Лебедев. На подготовительных курсах штаб-офицерами, заведующими обучающимися офицерами, стали: 1-е отделение – полковник Л.П. Дюсиметьер (временно – капитан Г.В. Солдатов), 2-е отделение – полковник А.П. Слижилов, 3-е отделение – подполковник А.Ф. Гущин, 4-е отделение – подполковник И.И. Смелов, 5-е отделение – полковник Ю.Н. Плющевский-Плющик (уже 9 февраля его сменил капитан А.Д. Сыромятников). Распределение учебных занятий с 1 февраля 1917 г. было следующим. Старший класс: 9.00–9.50 – 1-я лекция, 10.00–10.50 – 2-я лекция, 10.50–11.30 – большая перемена, 11.30–14.00 – практические занятия, 14.30–15.20 – 3-я лекция, 15.30–16.20 – 4-я лекция. Подготовительные курсы: 9.00–9.50 – 1-я лекция, 10.00–10.50 – 2-я лекция, 11.00–11.50 – 3-я лекция, 11.50–12.40 – большая перемена, 12.40–13.30 – 4-я лекция, 13.40–14.30 – 5-я лекция, 14.45–17.15 – практические занятия. С 1 марта 1917 г. в старшем классе добавлялись уроки верховой езды (по одной партии 8–8.50, 16.45–17.45 по дополнительному расписанию)².

В течение курса отчислились со старшего класса два офицера и с подготовительных курсов – 20. В период 26 апреля – 22 мая 1917 г. прошли экзамены, а 23 мая состоялся выпуск 233 офицеров подготовительных курсов 2-й очереди.

Выпускники получали свидетельства трех категорий: 1) выдержавшие в мирное время 1911–1914 гг. конкурсные или предварительные экзамены и состоявшие перед командированием в академию на штатных должностях Генштаба; 2) выдержавшие в мирное время 1911–1914 гг. конкурсные или предварительные экзамены и состоявшие перед командированием в академию в строю или в прикомандировании к штабам – не на штатных должностях Генштаба; 3) не выдержавшие

¹ В приказе Императорской Николаевской военной академии № 33 от 02.02.1917 указаны 83 и 234 прибывших соответственно (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1575. Л. 20об., 23об.).

² Там же. Л. 14об.

экзаменов и состоявшие в строю или в прикомандировании к штабам. Свидетельства первой категории получили 159 человек, второй — 40, третьей — 34^I.

В период с 5 мая по 7 июня 1917 г. прошли экзамены, и 13 июня состоялся выпуск старшего класса 1-й очереди (84 офицера). Все они были причислены к Генеральному штабу (как выпуск 1916 г.) с назначением в штабы фронтов с правом на перевод в Генеральный штаб на тех же условиях, какие установлены для окончивших два класса академии в 1914 г., с обязательством сдать темы дополнительного класса после войны.

С 13 июня по 15 октября 1917 г. учебный процесс в академии не осуществлялся. Летом 1917 г. прошли выборы начальника академии, большинство голосов офицеров Генерального штаба получил генерал Н.Н. Головин, однако решением министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского на этот пост был назначен второй кандидат по числу голосов — полковник А.И. Андогский^{II}.

К 15 октября в академию прибыли 407 офицеров. Среди прибывших было 160 офицеров, поступавших в старший класс 2-й очереди из числа окончивших подготовительные курсы 2-й очереди и получивших свидетельства первой категории, а затем служивших на штатных должностях Генштаба. 8 офицеров, выдержавших экзамены в мирное время и окончивших подготовительные курсы 1-й или 2-й очереди и занимавших штатные должности Генштаба, прибыли на геодезическое отделение. На подготовительный курс 3-й очереди прибыли 238 офицеров (по 2 от корпуса), из числа строевых офицеров, окончивших военные училища по программе мирного времени и избранных командирами корпусов. Офицеры пробыли в действующей армии не менее 6 месяцев для кадровых и не менее 24 месяцев для ускоренных выпусков военных училищ (принимались лишь те, кто окончил училища не позже 1 октября 1914 г.). Кроме того, один офицер прибыл в младший класс геодезического отделения (выдержал в мирное время предварительный экзамен в академию, в войну попал в плен и бежал оттуда). В ходе учебы по 1 января 1918 г. с подготовительных курсов 3-й очереди были отчислены 12 офицеров.

Обстановка в стране сказывалась на настроениях преподавателей и слушателей. Как отмечал профессор Б.В. Геруа, «чтение курсов и ведение практических занятий шли через пень в колоду»^{III}. Стоявшая у дверей и заглядывавшая в окна революция мешала сосредоточиться и спокойно отдаться науке. Как профессора, так и слушатели чувствовали себя точно на куске, оторвавшемся от Земли и блуждающем в пространстве вне связи с остальным миром. Знали, что этот метеор рано или поздно шлепнется о твердую поверхность и расплывется в порошок»^{IV}. Нечто похожее ощущал курсовик В.М. Цейтлин, записавший в дневнике незадолго до большевистского переворота: «Апатия положительно ко всему, ничего не хочется делать, ни во что не веришь...»^V

^I РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 124об.

^{II} Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии... С. 76–103; Его же. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74.

^{III} Так в документе.

^{IV} Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни: в 2 т. Париж, 1969. Т. 1. С. 275.

^V АВИМАИВИС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 252; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021. С. 295.

Представление о проведенных на курсах занятиях дают следующие таблицы (табл. 78, 79).

Таблица 78

**Учебная нагрузка (часов) старшего класса академии 1-й и 2-й очереди
(1 февраля 1917 – 1 января 1918 г.)¹**

Предмет	1-я очередь	2-я очередь
Прочитано лекций		
Стратегия	40	23
Общая тактика	35	36
Тактика технических войск	26	
Тактика воздушных средств борьбы	14	
Военная администрация	18	
История военного искусства		23
Военная статистика России	23	16
Военная психология		7
Военная статистика иностранных государств	20	16
Очерк событий текущей войны	10	
Военно-морское дело	21	16
Сведения по артиллерийской части	5	
Служба Генерального штаба	25	31
Сведения по инженерному искусству	32	
Военно-инженерное дело		22
Итого	269	190
Проведено практических занятий		
По тактике	52	43
По военной администрации	36	10
По картографии		18
По инженерному искусству	8	
По службе Генерального штаба		8
Итого	96	79

Таблица 79

**Учебная нагрузка (часов) подготовительного курса академии 2-й и 3-й очереди
(1 февраля 1917 – 1 января 1918 г.)¹**

Предмет	2-я очередь	3-я очередь
Прочитано лекций		
Общая тактика	26	33
Тактика пехоты	22	21
Тактика конницы	18	13
Тактика артиллерии	16	9
Тактика воздушных средств борьбы	13	1

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об. – 126.

² Там же. Л. 126 – 126об.

Предмет	2-я очередь	3-я очередь
Тактика технических войск	23	10
Очерк событий текущей войны	10	4
Служба Генерального штаба	24	50
Военная администрация	25	9
Сведения по инженерному искусству	29	21
Сведения по артиллерийской части	29	18
Военная психология		7
Теория съемки	18	10
Военная топографическая разведка	18	
Итого	271	206
Проведено практических занятий		
По тактике	52	39
По военной администрации	36	10
По теории съемки	8	
По картографии		20
По инженерному искусству	11	20
Итого	107	89

В старшем и младшем классах геодезического отделения читались лекции по астрономии (32 часа) и по вопросам математики (16 часов).

На плечи курсовиков легла трудная работа. Один из них писал в 1917 г. председателю комитета слушателей: «Мы тоже люди, что есть предел эксплуатации нас, как работников по службе Генерального штаба. Получается впечатление, что из нас хотят выжать все соки, а затем выбросить как ненужную вещь... Разве мало офицеров из курсовиков исполняло должности начальников штабов, разве временами на нас не вваливали подчас тяжелую и ответственную работу, разве обошлись бы штабы без нашей помощи? Так издеваться нельзя, надо учитывать и то обстоятельство, что мы выросли и научились любить службу Генерального штаба, мы хотим и требуем иного отношения к нам! Мы имеем, наконец, право на военное образование, и мы добьемся этого!» В конце октября 1917 г. выпускников курсов 1-й очереди из-за нехватки генштабистов назначали уже на штаб-офицерские должности¹.

Практический опыт курсовиков по службе Генштаба различался. Так, слушатели подготовительных курсов 1-й очереди состояли на должностях Генштаба в полевых штабах действующей армии, начиная со старших адъютантов дивизионных штабов и заканчивая начальниками корпусных штабов, в период с конца января 1917 по март 1918 г. Слушатели подготовительных курсов 2-й очереди находились на должностях Генштаба в действующей армии с конца мая по октябрь 1917 г. Слушатели подготовительных курсов 3-й очереди и вовсе не командировались в действующую армию на должности Генштаба после выпуска.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 226.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 199.

Сравним уровень подготовки слушателей академии мирного времени и курсовиков (табл. 80–82).

Таблица 80

**Учебная нагрузка слушателей академии мирного времени и ускоренных курсов
1-й и 2-й очереди**

Курс \ Часов	Лекций	Практических занятий	Всего
Младший класс академии мирного времени	345	200	545
Старший класс академии мирного времени	357	189	546
Подготовительные курсы 1-й очереди	249	126	375
Подготовительные курсы 2-й очереди	269	109	378
Старший класс 1-й очереди	277	111	388

Таблица 81

**Учебная нагрузка младшего класса академии мирного времени
и подготовительных курсов 1-й и 2-й очереди¹**

Предмет \ Часов	В младшем классе 1913/14 г.	На ускоренных подготовительных курсах 1-й очереди	На ускоренных подготовительных курсах 2-й очереди
Лекции			
Тактика (все отделы) в совокупности	85		
Тактика пехоты		25	21
Тактика конницы		20	20
Тактика артиллерии		15	16
Тактика технических войск		12	23
Тактика общая (трех родов войск)		28	25
Тактика воздушных средств борьбы			10
Военная администрация	52	25	24
Сведения по инженерной части	21	30	32
Сведения по артиллерийской части	42	32	29
Служба Генерального штаба		16	23
Военно-топографическая разведка		16	18
Теория съемки (геодезия)	20	20	18
Очерк событий текущей войны		6	10
Устройство и тактика броневых автомобилей		4	

¹ Камнев В. Н. Ускоренная подготовка офицеров в Николаевской военной академии в течение настоящей войны // Армия и флот Свободной России (Петроград). 1917. 05.09. № 204. С. 3.

² Там же.

Предмет \ Часов	В младшем классе 1913/14 г.	На ускоренных подготовительных курсах 1-й очереди	На ускоренных подготовительных курсах 2-й очереди
История военного искусства	105		
Политическая история	20		
Итого лекционных часов	345	249	269
Практические занятия			
По тактике	84	60	52
По администрации		42	34
По инженерному искусству		12	11
По теории съемки (геодезии)	116	12	12
Итого практических занятий	200	126	109
Всего часов занятий	545	375	378
В среднем часов занятий в день	4,3	7,5	7,0

Таблица 82

Учебная нагрузка старшего класса академии мирного времени и старшего класса ускоренных курсов 1-й очереди¹

Предмет \ Часов	Старший класс 1913/14 г.	Старший класс 1-й очереди курсов
Лекции		
Тактика	42	
Тактика общая (трех родов войск)		35
Тактика технических войск		26
Тактика воздушных средств борьбы		14
Военная администрация	31	18
Сведения по инженерной части	47	32
Сведения по артиллерии		5
Военная статистика иностранных государств	42	20
Военная статистика России	31	24
Стратегия	42	46
Служба Генерального штаба	16	25
Военно-морское дело	21	22
Очерк событий текущей войны		10
Военная история	63	
Политическая история	22	
Итого лекционных часов	357	277
Практические занятия		
По тактике	105	58

¹ Там же.

Предмет \ Часов	Старший класс 1913/14 г.	Старший класс 1-й очереди курсов
По администрации	42	45
По инженерному искусству		8
По статистике	42	
Итого практических занятий	189	111
Всего часов занятий	546	388
В среднем часов занятий в день	4,3	6,5

В 1916–1917 гг. поступавшие на ускоренные курсы академии проходили специальный отбор: на учебу, как правило, направлялись лучшие кадровые офицеры с боевым опытом и опытом штабной работы, нередко имевшие георгиевские награды и ранения. Не случайно в одном из писем начальнику академии А.И. Андогскому в 1918 г. говорилось о том, что в сравнении с курсовиками «едва ли кто из офицеров патентованного Генерального штаба в эту войну прошел такую боевую школу»¹. В этом смысле безусловный недостаток подготовки отчасти компенсировался выдающимися личными качествами этих офицеров. В то же время многие старые офицеры с боевым опытом, но без академической подготовки могли по своим знаниям и квалификации существенно превосходить молодых курсовиков.

Квалификация выпускников ускоренных курсов оставалась предметом постоянных и порой довольно острых дискуссий в среде генштабистов. Одни считали их малограмотными недоучками, другие акцентировали внимание на их боевых заслугах и практическом опыте. Думается, присутствовало как одно, так и другое. По мнению преподававшего в академии генерала П.Ф. Рябикова, они не только не отличались от довоенных слушателей, но даже выигрывали благодаря боевому опыту². С Рябиковым был солидарен генерал П.С. Махров, по мнению которого «на войне эти офицеры Генерального штаба оказались на высоте своего служебного положения»³. Иначе считал начальник Генерального штаба генерал П.И. Аверьянов: «Теоретическая подготовка этих офицеров была очень ограниченной, службы Генерального штаба нести им в Великую войну не довелось, а в Гражданской войне они могли научиться лишь очень “своеобразному” несению этой службы, традициям академии и корпуса офицеров Генерального штаба они были совершенно чуждыми»⁴. Такая оценка не вполне справедлива, поскольку, во-первых, некоторые курсовики получили опыт штабной службы в Первую мировую, а, во-вторых, в их среде также распространились корпоративные традиции и взаимовыручка. Так или иначе, но поблажек для курсовиков старались не допускать⁵. Сам начальник академии А.И. Андогский, отдавая должное боево-

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 108.

² ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

³ Махров П. Предания и воспоминания об академии Генерального штаба, переименованной в 1907 г. в академию военную. С. 1238 // BAR. P. S. Makhrov collection. Box 2.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 3. Л. 408об.

⁵ Характерен документ, составленный профессором Г.Г. Христиани об одном из слушателей: «Постановлением конференции 11 марта 1918 года “капитан [Л. В.] Никольский подлежит приему

му опыту курсовиков, считал, что академия по сокращенной программе готовила недоучек¹. Курсовики, несомненно, меняли и моральный облик корпорации генштабистов². Предшественник Андогского генерал В.Н. Камнев (Петерс) отмечал: «Личный боевой опыт, широкая практика штабной службы в условиях военного времени и очень серьезная теоретическая подготовка на ускоренных академических курсах выдвигают всех офицеров, прошедших через такие курсы, в ряды очень ценных работников, из которых, можно с уверенностью сказать, вырабатываются образцовые офицеры Генерального штаба»³.

Старые генштабисты часто относились к курсовикам отрицательно, не считали их получившими достаточную подготовку для службы Генерального штаба, называли «недоучками» и даже «недоносками» (поскольку курс обучения был рассчитан на восемь месяцев). Курсовик В.М. Цейтлин летом 1917 г. отмечал, что начальник штаба корпуса, в котором оказался Цейтлин, на выпускников подготовительных курсов 2-й очереди «смотрит как на пригостишек»⁴. Генерал С.Л. Марков, к примеру, был убежден, что «создавать офицеров Генерального штаба из курсовиков нельзя, это не школа прапорщиков»⁵. Об этом он телеграфировал 19 августа 1917 г. начальникам фронтовых штабов. Бывший генерал Д.И. Андриевский, служивший в начале 1918 года в штабе Северного участка и Петроградского района, заявил в марте 1918 г. в общем отделении штаба своему товарищу, что в штаб для работы приглашены «недоноски»⁶. Военспец не заметил, что там же присутствовали курсовики, которые слышали оскорбление. Подобное пренебрежительное отношение сохранялось и в белых армиях⁷. Но было ли оно справедливым?

Критерии отбора на курсы были строгими, хотя различались от курса к курсу. По рекомендации вышестоящего начальства на курсы зачислялись исключительно кадровые строевые офицеры со стажем службы не менее двух лет, обладавшие боевым опытом. Предпочтение отдавалось тем, кто сдавал перед войной экзамены в академию, но не прошел по конкурсу 1913 г., или сдал письменные испытания при окружных штабах в 1914 г., георгиевским кавалерам, затем раненым, контуженым, отравленным газами при условии восстановившегося здоровья. От армейского корпуса командировались 3 офицера, от конного — 5. Позднее от поступающих стали требовать и наличие штабного опыта. Сохранились статистические данные о 240 выпускниках подготовительных курсов 1-й очереди. Среди них 8,32 % представляли гвардию, 41,67 % — пехоту, 22,9 % — конницу, 14,16 % — артиллерию, 12,95 % — технические и прочие войска. Орденом Св. Георгия и Георгиевским

без экзамена только [в] младший класс ввиду манкирования службой и непосещения половины всех лекций» (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 39. Л. 67).

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 38об.

² К примеру, и.д. старшего адъютанта 11-й Сибирской стрелковой дивизии капитан И. В. Зуев в октябре 1917 г. «позволил себе напиться до того, что не владел собою, кроме того, произнес неуместный тост, вызвавший в полку беспорядок и тяжелое нарушение дисциплины. Командарм Х признает, что капитан Зуев, как не умеющий управлять собою, не может нести службу Ген. штаба, где помимо специальных знаний требую[ются] особая выдержка и такт» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1253. Л. 230).

³ Камнев В. Н. Ускоренная подготовка офицеров... С. 3.

⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 212; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 259.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1363. Л. 166.

⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 64.

⁷ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 55. Л. 18.

оружием был награжден 61 офицер, или 25% поступивших^I, что свидетельствует о замечательных боевых качествах слушателей.

Профессор Б.В. Геруа вспоминал о курсовиках: «Состав слушателей был особенный и редкий: все сплошь боевые офицеры, командированные от своих частей не за одни умственные качества, но и за заслуги. Среди аудитории, украшенной орденами, белели многочисленные георгиевские крестики. Народ этот был закаленный, требовательный и критический»^{II}.

Свидетельством отбора лучших из лучших представляется ходатайство командира XXXV армейского корпуса генерала М.М. Ставрова перед начальником академии полковником А.И. Андогским от 24 сентября 1917 г. о зачислении на курсы 3-й очереди капитана Г.С. Горчакова: «Телеграммой генкварзапа^{III} вверенному мне корпусу из трех дивизий с большим числом других частей, входящих в него, предоставлено офицерам 2 вакансии на курсы 3[-й] очереди вверенной Вам академии.

Согласно правил командирования и поступления, эти две вакансии заняты двумя офицерами корпуса – георгиевскими кавалерами, имеющими на это право первыми.

Между тем в корпусе имеется офицер 267[-го] пехотного Духовщинского полка капитан Горчаков, который, отличаясь выдающейся храбростью и обладая громадным боевым опытом, пробыв в пехотном полку в строю более 2-х лет, отлично знаком с военной службой, прекрасный начальник и человек, дважды был ранен и однажды контужен в текущую войну во время штыковых атак, участвовал во всех боевых действиях полка, прибыв на войну в чине подпоручика, награжден всеми боевыми орденами до Владимира 4[-й] степени с мечами и бантом включительно и чином штабс-капитана и, таким образом, обладая всеми необходимыми данными и требованиями для поступления на курсы, не может попасть единственно вследствие отсутствия вакансии.

Ввиду вышеизложенного я считаю своей нравственной обязанностью обратиться к Вам с просьбой не отказать в принятии этого, во всех отношениях, достойного офицера на курсы вверенной Вам академии.

Только знание заслуг капитана Горчакова обязывает меня затруднить Вас настоящей моей просьбой.

Двухмесячная на моих глазах его работа в штабе корпуса дает мне полные основания утверждать, что он будет выдающимся офицером Генерального штаба, как по своим блестящим способностям, так и по безукоризненному трудолюбию^{IV}. Сам Горчаков телеграфировал Андогскому 3 октября: «Умоляю не оставить просьбы [о] принятии [на] курсы без внимания. Штакор 35[-го]. Капит[ан] Горчаков»^V. И хотя Горчаков из-за болезни не окончил даже младший класс, он тем не менее проявил себя в дальнейшем как дельный штабной работник, а в Гражданскую войну занимал ряд ответственных штабных постов в РККА.

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1552. Л. 72.

^{II} Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Т. 1. С. 275.

^{III} Генерал-квартирмейстера Западного фронта.

^{IV} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 621–621об.

^V Там же. Л. 624.

Подготовка на курсах отличалась интенсивностью и включала лекции по стратегии, общей тактике, тактике родов войск, военной администрации, военной статистике России и иностранных государств, истории военного искусства, военной психологии, службе Генерального штаба, военно-морскому делу, событиям Первой мировой войны, артиллерии, инженерному искусству, теории съемки, военной топографической разведке. Практические занятия проводились по тактике, военной администрации, картографии, теории съемки, инженерному искусству и службе Генерального штаба. Учебная нагрузка, например, на подготовительном курсе 2-й очереди примерно за три месяца составляла 271 час лекций и 107 часов практических занятий, а в старшем классе 1-й очереди – 269 часов лекций и 96 часов практических занятий¹. В ходе борьбы курсовиков за свои права в РККА уже во время Гражданской войны и после нее выпускники ускоренных курсов приводили различные аргументы в пользу того, что они ничуть не хуже довоенных выпускников академии. В частности, отмечалось, что учебная нагрузка на курсах была не ниже, а даже выше нагрузки в академии мирного времени, при том что были исключены не имевшие практической необходимости дисциплины (верховая езда, опыт которой офицеры приобрели на фронте, черчение), но добавились предметы, учитывавшие опыт Первой мировой войны (авиация, газовые средства борьбы, маскировка, связь, разведка и контрразведка, история мировой войны)².

Выпускник ускоренных курсов 2-й очереди С. Н. Голубев впоследствии вспоминал, что «в академии приходилось работать очень много, ибо тот курс, который в мирной обстановке проходил в течение года, нами был пройден в 5–6 месяцев»³.

Вот как писали о себе наиболее активные в отстаивании собственных прав курсовики 2-й очереди: «Строевой стаж мирного времени от 6 до 8 лет, боевой стаж в строю и штабной стаж по службе Генерального штаба, в том и другом случае на ответственных постах в армии перед началом занятий в академии, поставили военную ценность выпуска в исключительные условия, и обновленная профессура академии того времени, путем привлечения лучших сил с большим боевым опытом фронта, совершенно ясно это подчеркивала, заявляя, что этот выпуск исключительный и пребывание его в академии должно иметь целью лишь систематизацию знаний, боевому же опыту его может тогда позавидовать и сама профессура. Кстати, некоторые представители коей строили свои курсы на докладах слушателей из опыта войны, по задаваемым им темам»⁴.

По-настоящему проявить себя на штабном поприще выпускники курсов смогли только на излете Первой мировой и в дальнейшем. В Гражданскую войну курсовики делали успешную и стремительную карьеру: некоторые пошедшие в РККА

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.–126об.

² АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 28об.; Ганин А. В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам»: Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии // Петербургский исторический журнал (СПб.). 2015. № 2 (06). С. 312.

³ Автобиография С. Н. Голубева // Семейный архив Т. С. Голубевой (СПб.). Выражаю благодарность д.и.н. А. С. Пученкову, любезно предоставившему этот документ.

⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 29; Ганин А. В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам». С. 313.

командовали армиями, курсовики в белых армиях стали начальниками штабов бригад и дивизий, дослужились до полковничьих и даже генеральских чинов, хотя еще за два-три года до того носили погоны младших офицеров.

Слушатель ускоренных курсов, впоследствии талантливый военный ученый Е. Э. Месснер отмечал позднее, что «заблуждались те “небожителы” Генерального штаба, которые считали наши академические курсы ненужными. И ошибку сделали те из нас, слушателей, которые не постарались из стен академии унести возможно больше познаний — они пригодились если не в утихавшей в 1917 году внешней войне, то в войне гражданской, где многие добровольческие штабы держались на нас, курсантах, потому что офицеры Генерального штаба оказались, в большинстве, слишком учеными для неправильной (с точки зрения военной теории) войны и слишком малоподвижными для предельно подвижной тактики этой войны»^I. Можно только согласиться с этой оценкой.

Младший класс 1-й очереди и старший класс 3-й очереди курсов окончил А. Я. Крузе. В Гражданскую войну в колчаковских войсках он дослужился до генеральского чина, отмечен боевыми наградами, попал в плен и служил в РККА. В 1941 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С февраля 1943 г. исполнял должность начальника штаба Сталинградской группы войск. Командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород. С ноября 1944 г. — 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. Был награжден рядом советских орденов. В 1949 г. Крузе, спустя 30 лет после производства в генерал-майоры у Колчака, получил звание генерал-лейтенанта Советской армии. В феврале 1958 г. вышел в отставку, а через 9 лет умер в Ленинграде^{II}.

Наиболее благоприятные условия для карьерного роста курсовиков сложились в Красной армии. Курсовики дали РККА даже ряд командующих армиями периода Гражданской войны. Так, М. И. Алафузо временно командовал 3-й армией, М. И. Василенко — 11-й, 9-й Кубанской и 14-й армиями, А. И. Геккер в начале 1918 г. был избран командующим 8-й армией, а в РККА командовал 13-й и 11-й армиями, С. А. Меженинов — 3, 12 и 15-й армиями, М. В. Молкочанов — Красной армией Армении и 14-й армией, А. И. Кук — 16-й армией и был разработчиком плана разгрома отрядов С. Н. Булак-Балаховича.

Группа курсовиков была награждена в Гражданскую войну орденами Красно-го Знамени^{III}. Курсовик Г. И. Теодори стал одним из основоположников советской военной разведки и контрразведки^{IV}. В. М. Цейтлин стоял у истоков создания советской военной связи^V. Выпускники и слушатели курсов составили целую плеяду советских генералов периода Великой Отечественной войны (Г. А. Армадеров,

^I Месснер Е. Э. Мои воспоминания. Ч. 3. С. 306 // BAR. E. E. Messner collection. Box 3.

^{II} Подробнее см.: Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь: в 2 т. М.; Жуковский, 2006. Т. 1. С. 298–299; Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011. С. 284–286.

^{III} С. Н. Богомяков, Б. А. Буренин, М. И. Василенко, А. И. Геккер, Г. С. Горчаков, Я. К. Ивасиов, Г. П. Крестянов, Б. И. Кузнецов, А. И. Кук, А. К. Малышев, С. А. Меженинов, А. М. Перемытов, В. В. Попов, Б. А. Шехаев, А. Я. Яновский. Описания подвигов см. в Приложении 2.

^{IV} Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 40–64, 380–414, 748–752; Его же. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 241–304.

^V Ганин А. В. Военспецы. С. 367–408; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов.

Г.С. Дьяков, А.В. Кирпичников, В.Е. Климовских, Б.Н. Кондратьев, Б.И. Кузнецов, А.Д. Лютов, В.И. Максимов, Е.В. Сысоев, В.С. Тамручи, Е.А. Шиловский, А.Я. Яновский). Разумеется, курсовики занимали значительное количество ответственных постов в РККА вплоть до фронтового уровня.

Начальник штаба 13-й армии бывший генерал А.М. Зайончковский следующим образом характеризовал деятельность командующего А.И. Геккера (окончившего лишь младший класс ускоренных курсов 1-й очереди академии), представляя его в конце 1919 г. к причислению к Генштабу: «Хотя т. Геккер за это время и не нес службы Генерального штаба, но за пятимесячное пребывание мое в должности начальника штаба 13[-й] армии я считаю своим долгом отметить, что т. Геккер наряду с серьезными военными познаниями, являющимися следствием не только его боевой практики и опыта, но и следствием широкого военного образования, выказал такое тонкое знание службы Генерального штаба, что давало ему возможность во всех отношениях руководить службой штаба армии, направляя ее с тем техническим знанием дела, которые ставят его на виду с лучшими представителями Генерального штаба. Я смело могу доложить, что для т. Геккера присутствие при нем специалиста как начальника штаба армии является излишним»¹. Впрочем, сложно сказать, насколько объективной была такая оценка, учитывая членство Геккера в РКП(б) и беспартийный статус Зайончковского, находившегося к тому же под подозрением в связях с белыми.

Курсовик Н.И. Камкин по должности начальника штаба 3-й стрелковой дивизии аттестовался начдивом и военным комиссаром в 1920 г. следующим образом: «Добросовестный работник, с большим интересом относится к порученному ему делу. Обладает специальными военными знаниями, имеет громадный боевой опыт, полученный в предыдущей войне и [в] настоящей гражданской, работая с первого дня основания Красной армии. Имеет необходимый для службы Генштаба военный кругозор. Обладает частной инициативой, требователен по отношению к подчиненным, дисциплинирован. Предан советской власти. Достоин выдвижения по службе»². За добросовестную службу в 1919 г. военспец был награжден чашами с надписью «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной армии 1919 года».

Проявили себя курсовики в белых и национальных армиях. Видным военным деятелем, окончившим младший класс 1-й очереди, стал В. Андерс (также окончил Высшую военную школу во Франции) – впоследствии генерал, командующий польскими войсками в годы Второй мировой войны³. Окончили курсы будущие польские генералы Р.И. Воликовский⁴ и В.Э. Томме. А.К. Шнеур в Гражданскую войну стал начальником Генерального штаба Республики Армения. Видным деятелем Белого движения был курсовик М.А. Фостиков, возглавивший в 1920 г. повстанческую «Армию возрождения России» (около 10 000 кубанских казаков, не сумевших эвакуироваться в Крым) на Северном Кавказе⁵. Полковник

¹ РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 781. Л. 399.

² РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 783. Л. 80б.

³ Подробнее о его службе в старой армии см.: *Васильев А. А.* Владислав Андерс — герой Российской императорской армии // *Старый Цейхгауз* (Москва). 2010. № 1 (33). С. 77–80.

⁴ Подробнее см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 460–472.

⁵ 25 января 1917 г. командующий Кавказским кавалерийским корпусом генерал Н. Н. Баратов телеграфировал начальнику Генерального штаба генералу П. И. Аверьянову: «Убедительно прошу тебя

Э.Я. Рютель возглавил Эстонскую военную школу. К числу выдающихся курсовиков относятся сразу два крупных военных мыслителя русского зарубежья: теоретик службы Генштаба полковник А.А. Зайцов (окончил старший класс 1-й очереди) и теоретик актуальной по сей день «мятежевойны» полковник Е.Э. Месснер (окончил младший класс 1-й очереди)¹.

Некоторые слушатели ускоренных курсов выказали мужество как строевые офицеры на полях сражений Гражданской войны. Можно привести описание продвижения капитана М.А. Демишхана из приказа 7-й Уральской горных стрелков дивизии № 46 от 7 октября 1918 г., подписанного генерал-майором В.В. Голицыным: «18 сентября во главе отряда, сформированного из передавшихся на нашу сторону красных, на Режевский фронт выступил капитан Демишхан.

Сумев не только сколотить роты, но и воспитать в них истинный воинский дух, капитан Демишхан повел свой отряд в бой.

Проведя в боях время от взятия Егоршино до Алапаевска, предводительствуемые капитаном Демишхан[ом] роты выполняли всевозможные ответственные боевые операции.

В течение последних 6 дней, с 21 по 27 сентября, капитан Демишхан, командуя самостоятельной группой, получил задачу обеспечения левого фланга колонны, в силу чего группе пришлось, преодолевая сопротивление красных, обходом по размытым дождями дорогам пройти более 120 верст.

27 сентября, после чрезвычайно тяжелых переходов, во исполнение задачи, впереди своих цепей, под перекрестным огнем пулеметов, ружей и орудий с фланга с криком “Ура” отважный капитан Демишхан бросился на противника, и только благодаря внезапности и порыву превосходящие силы красных не устояли и, дрогнув, оставили дер[евню] Алапаху.

Когда наша цепь под губительным огнем красных залегла, капитан Демишхан, проходя во весь рост по цепи, поверял расположение людей, запас патронов и ободрял солдат для новой атаки.

Но этот героический подвиг стоил крови храбрейшего из храбрых капитана Демишхан[а]. Он тяжело ранен ружейной пулей в грудь навывлет и контужен в руку.

С гордостью объявляю этот подвиг в приказе, с грустью болею душой за героя – георгиевского кавалера и с нетерпением и затаенной радостью ожидаю быстрого выздоровления дорогого моему сердцу славного бойца.

Так дерутся доблестные старые русские офицеры, так деритесь и вы, молодые офицеры и солдаты, памятуя, что на вас с надеждой и мольбой обращает свои взоры вся исстрадавшаяся Родина»².

Советский главком И.И. Вацетис вспоминал о мужестве курсовика Петрова, бывшего артиллериста, который в августе 1918 г. под Казанью лично руководил

сделать распоряжение вызвать для прохождения ближайших курсов Военной академии подьесаула Ставропольского полка Фостикова, прослужившего [в] общей сложности более трех месяцев на штатных должностях Генерального штаба. Фостиков отличный развитый офицер, хорошо знает Персию и ее язык, вполне заслуживает и сам хочет быть командированным. Уверен, что он будет отличный офицер Генерального штаба. Если твое высокое назначение уже состоялось, чего за отдаленностью фронта не знаю, от всей души поздравляю. Достойному достойное. Баратов» (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1582. Л. 1).

¹ Подробнее см.: Месснер Е. Э. Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004; Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 247–247об.

работой по установке батарей и корректированию огня на подступах к городу, был контужен и остался в Казани, занятой Народной армией и чехословаками. «Семья его, опасаясь мести со стороны белых, которые его разыскивали, спрятала его в погребе под грудой старых досок. Там он просидел первые дни расправы белых над красными, оброс бородой и затем, с паспортом на какого-то сельского учителя, с котомкой за плечами, выбрался кое-как из района белых и прибыл в Арзамас, принеся нам ценные сведения о положении в Казани»^I.

Основная же масса курсовиков получила назначения на штабную работу. Так, согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 27 от 15 ноября 1918 г., 52 слушателя старшего класса ускоренных курсов 3-й очереди были назначены на должности Генерального штаба в антибольшевистских формированиях Востока России на время перерыва занятий в академии^{II}. Множество назначений состоялось после Уфимского государственного совещания, когда слушатели курсов из Народной армии были изъяты в сибирские штабы и учреждения. Курсовики оказались в Ставке белых, в различных управлениях и отделах. Просьбы о назначениях в их части курсовиков присылали в академию такие известные белые военачальники, как Р. Гайда и В. О. Каппель^{III}.

Впрочем, высокие назначения кружили голову, провоцировали высокомерие и заносчивость. Далеко не все курсовики оказались на своем месте. Один из мемуаристов свидетельствовал, что, попав в Ставку, бывшие слушатели академии стали разговаривать «в подчеркнуто официальном тоне»^{IV}.

Интересную оценку выпускников ускоренных курсов оставил один из их представителей, полковник А. Г. Ефимов, в письме военному историку Б. Б. Филимонову от 10 октября 1933 г.: «Что касается “молодых”, то двух-, трехмесячные курсы во время войны давали очень мало. Что можно было усвоить в условиях большой спешки? В этом отношении следует выделять из молодых тех, которые еще в мирное время готовились в академию, должны были заниматься для выдержания вступительных экзаменов сначала при округах, потом в самой академии и которым пришлось прочесть массу военных книг, рекомендованных для таких лиц специальными программами. Сужу по себе и могу с уверенностью сказать, что 3 года подготовки к экзаменам дали мне гораздо более знаний, чем скоротечные курсы военного времени. Должен прибавить, что перед Мировой войной у нас уже был достаточно переварен опыт Японской войны, армия реорганизовалась, в военной литературе горячо разбирались различные военные вопросы и невольно приходилось следить за различными течениями в областях устройства армии, стратегии, тактики и т. д.»^V. По мнению Ефимова, выпускники 3-й и 4-й очередей ускоренных курсов туда «попадали главным образом из строя из желающих и иногда и против особого желания специальных знаний, а чтобы уехать

^I РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 410.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 254об.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 7. Л. 116.

^{IV} Гоппер К. Я. Четыре катастрофы: Воспоминания. [Рига], [1920?]. С. 89.

^V МРК. Коллекция А. Г. Ефимова. Вох 1. Folder 1; Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 278–279.

в Петроград (4-я очередь – в Омск')»^I. Неоднородность курсовиков усугублялась тем, что часть из них прошли обучение только в младшем классе академии либо же недоучились в том или ином классе.

Отношение курсовиков к старшему поколению генштабистов не отличалось особой сердечностью. Формировалось оно и в годы Первой мировой войны, еще до поступления слушателей в академию. Будущий слушатель академии В.М. Цейтлин записал в дневнике 29 августа 1916 г.: «Теперь, приглядевшись, я понимаю, почему настолько бездарна и лишена инициативы общая масса офицеров Генерального штаба. В академии, а потом на маленьких должностях их каждый старается задержать, оскорбить, пользуясь тем, что почти всегда каждый начальник может закрыть дорогу в Генер[альный] штаб, и вот человек терпит, переносит всякие обиды, глотает оскорбления, лишь бы добраться до своей цели»^{II}. 13 октября 1917 г. о Главном штабе Цейтлин отозвался как об авгиевых конюшнях, в которых «давно пора произвести фундаментальную чистку»^{IV}. Фактически можно говорить о появлении реформистски настроенных молодых генштабистов, стремившихся к кардинальным переменам в военном руководстве страны.

Помимо Военной академии ускоренная подготовка генштабистов осуществлялась и на Кавказском фронте, где возникли собственные курсы Генерального штаба Кавказского фронта. К сожалению, никаких документов о создании и функционировании этих курсов обнаружить не удалось. Сохранились лишь служебные документы их выпускников. По всей видимости, речь шла о подготовке младших штабных работников при штабе фронта своими (генштабистов фронта) силами.

Захват власти большевиками не сразу отразился на Военной академии, занятия в которой в Петрограде шли своим чередом даже в день большевистского переворота 25 октября 1917 г. «Академия как бы законсервировалась в своем помещении на Суворовском и по инерции жила и работала, не вызывая к себе ни особого интереса, ни внимания», – вспоминал преподававший в академии П. Ф. Рябиков^V. То, что академия оказалась большевизирована и начала готовить кадры для РККА, как одна из структур новой армии, стало ясно уже гораздо позднее. При этом ни слушатели в большинстве своем, ни профессорско-преподавательский состав не разделяли новой идеологии. Несмотря на это вопиющее противоречие, большевикам в обстановке конца 1917 – начала 1918 г. не оставалось ничего другого как позволить академическому руководству сосредоточить в своих руках весь спектр вопросов подготовки кадров Генштаба в Советской России. Подобное положение вещей существовало с конца 1917 по весну 1918 г. Именно с деятельностью старой Военной академии связан начальный этап подготовки кадров Генштаба в Советской России.

В период с октября 1917 по март 1918 г. в академии велись занятия со старшим классом 2-й очереди и подготовительным курсом 3-й очереди ускоренных

^I Правильно – в Томск.

^{II} МРК. Коллекция А. Г. Ефимова. Box 1. Folder 1; Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте. 2013. С. 279.

^{III} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 153; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 210.

^{IV} АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 2. Л. 249; Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов. С. 292.

^V ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 113об.

курсов. По мнению преподавателя В.Н. Касаткина, в этот период в академии «никого из профессоров не было, а потому производились практические занятия на планах и картах по методу Н.Н. Головина и так “валяли дурака” до мая 1918 г.»^I. На 1 января 1918 г. обучались 160 офицеров на старшем классе 2-й очереди, 8 офицеров на старшем классе геодезического отделения, 226 офицеров на подготовительных курсах 3-й очереди и 1 на младшем классе геодезического отделения. Всего 395 офицеров^{II}. Подготовительные курсы 3-й очереди окончили 143 офицера^{III}.

Приказом по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. 165 выпускников курсов 2-й очереди были причислены к Генеральному штабу (как выпуск 1917 г.), а приказом ВГШ № 18 от 27 июня 1918 г. 133 ранее причисленных выпускника переведены в Генштаб^{IV}.

По данным на 6 апреля 1918 г., слушатели старшего класса ускоренных курсов академии выразили готовность участвовать в работах по формированию народной армии (РККА) по следующим специальностям (табл. 83).

Таблица 83

**Пожелания слушателей старшего класса академии
относительно последующей специализации^V**

Специализация		Слушателей
Штабная работа	Строевая	23
	Инспекторская	21
	Оперативная	58
	Разведывательная	22
	Хозяйственная	3
	По военным сообщениям	2
Тактическая работа	Лекции	40
	Полевые занятия	22
Инструкторская работа	Артиллерия	14
	Пулеметы	3
	Кавалерия	6
Безразлично, по каким должностям		15

Налицо имелось 114 слушателей, готовых служить в РККА.

Судьбу академии в Гражданскую войну во многом предопределили выбор и действия ее начальника – генерала А.И. Андогского. По свидетельству встречавшегося с ним полковника Б.А. Энгельгардта, «Андогский находился как бы на перепутье: он никак не мог решить, имеет ли смысл добросовестно продолжать работу при большевиках или нужно бросить ее и искать... Но чего искать, он сам не знал.

Сомнения обуревали и меня самого, однако я постарался высказать ему мое мнение: нам приходится считаться с обстановкой, ничего сразу изменить

^I BAR. Memories of V. N. Kasatkin. Folder 1.

^{II} РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2184. Л. 125об.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 60.

^{IV} Публикацию приказа см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 530–534.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

мы не в состоянии, надо служить не тому или иному правительству, а Родине, и не может быть, чтобы старательная и дельная работа не принесла бы пользы и не была бы оценена.

Я говорил “прописи” и был не столько убежден в том, что говорил, сколько старался убедить самого себя в необходимости стать на такую точку зрения... Сомнения и колебания преследовали, по-видимому, Андогского и в дальнейшем»¹. Мемуарист сделал достаточно точные выводы, однако речь шла не о колебаниях Андогского, а о довольно тонком лавировании и балансировании между взаимоисключающими политическими силами страны ради спасения академии и ее персонала.

В большевистском руководстве не было единства взглядов по вопросу о судьбе старой академии. Поэтому, после того как академия в марте 1918 г. выпустила слушателей старшего класса 2-й очереди и подготовительных курсов 3-й очереди, обсуждался вопрос о закрытии этого военно-учебного заведения. 9 марта 1918 г. из ГУВУЗа был разослан следующий циркуляр, полученный в том числе и начальником Николаевской военной академии: «На основании приказа Совета народных комиссаров по военному ведомству от 14 ноября минувшего года, все военно-учебные заведения Российского государства, в том числе и военные академии, поступают в ведение главного комиссара названных заведений. Академии эти служили до сего времени, главным образом, для военных целей пополнения высшего кадрового, административного и прочего состава армии, организованной на старых началах. В связи с этим преподавание военных наук было поставлено на первом плане.

Ныне, с установлением декретом Совета народных комиссаров 15 января сего года взамен демобилизованной армии старого типа – новой армии на социалистических началах, – академии, из органов преимущественно военной подготовки, должны быть реформированы в заведения вполне гражданского типа, лишь с допущением некоторого оттенка военного преподавания, применительно к требованиям момента и условиям службы в армии на новых началах.

При этом преобразование академии в техническое или общеобразовательное высшее учебное заведение гражданского типа должно зависеть от общего строя преподаваемых в академии наук.

Ввиду сего, главный комиссар всех военно-учебных заведений предлагает доставить не позднее недельного срока коллегиально выработанное подробное изображение и общий план преобразования вверенной Вам академии в высшее учебное заведение гражданского типа, предваряя, что в случае недоставления в указанный срок ожидаемых сведений будет приступлено к полной ликвидации академии»². Документ был подписан помощником начальника ГУВУЗа.

Однако военный руководитель ВВС бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, ранее служивший в академии, сумел предотвратить разгром этого высшего военно-учебного заведения. 10 марта он направил доклад председателю СНК В.И. Ленину, в котором писал: «Из прилагаемой копии сношения от 9 марта 1918 года

¹ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 168–169; Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020. С. 463–464.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 160.

видно, что народный комиссар военно-учебных заведений решил обратиться в военные академии, в том числе и Военную академию (бывшую Генерального штаба), в гражданское учебное заведение, “лишь с допущением некоторого оттенка военного преподавания”.

Такая реформа несвоевременная, разбивает общий план формирования армии на новых началах, потому что эта реформа направлена к уничтожению подготовки людей, обладающих военной техникой во всей ее полноте, наличность которых именно теперь крайне необходима.

Приняв во внимание, что армии наших вероятных противников всегда обладали более высокой военной техникой, чем наша армия, и что соотношение это оставалось таким же в минувшую войну, — считаю, что для будущих возможностей в отношении войны необходимо не уничтожать военные академии, как таковые, а, наоборот, развивать их именно в этом направлении и еще более специализировать.

Ввиду изложенного Высший военный совет предложил народному комиссару военно-учебных заведений приостановить намеченную им реформу академий и представить свои объяснения Высшему военному совету в двухнедельный срок¹.

В тот же день председатель СНК В.И. Ленин указал главному комиссару военно-учебных заведений, что «ликвидация Военной академии или же преобразование ее в высшее учебное заведение гражданского типа совершенно не соответствует ни видам правительства, ни потребностям времени», и предписал задержать предыдущее распоряжение. Более того, Ленин потребовал реорганизовать академию в высшее военно-учебное заведение РККА. Опираясь на поддержку большевистского вождя, Бонч-Бруевич стал действовать решительнее и 11 марта телеграфировал в ГУВУЗ: «Такая несвоевременная реформа противоречит указаниям, полученным Высшим военным советом от правительства народных комиссаров, которое указало необходимость формирования новой армии...»² Копии телеграммы были направлены в управление делами СНК в Смольный (управляющим делами был родной брат М.Д. Бонч-Бруевича Владимир), а также наркому Н.И. Подвойскому. Реформу было предложено приостановить и в двухнедельный срок представить соображения по перспективам развития академии. Работу по реорганизации академии возглавили председатель Всероссийской коллегии по формированию Красной армии Н.И. Подвойский и его помощник, начальник штаба коллегии Ф.П. Никонов.

Весной 1918 г. в большевистском руководстве возникла идея подготовки внутри старой Военной академии политически лояльных специалистов посредством нового набора на младший курс. Инициаторами этого начинания были большевики Ф.П. Никонов и Н.И. Подвойский. Еще в феврале 1918 г. Никонов познакомился с генштабистом И.Г. Пехливановым, руководившим обороной Петрограда под Псковом. Комиссар проникся уважением к высокой квалификации генштабиста и прочих штабных работников, окончивших академию и ее курсы, однако лояльность бывших офицеров оставалась сомнительной. В этой связи у Никонова

¹ Там же. Л. 159–159об.

² НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 7–7об.; Ленин В. И. Военная переписка (1917–1920). М., 1956. С. 31.

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 182.

возникла идея подготовки красных генштабистов, в надежности которых сомнений не будет¹.

Разработанный Ф.П. Никоновым как членом коллегии Красной армии проект приказа Народного комиссариата по военным делам о возобновлении работы академии, одобренный и исправленный комиссией в составе П.Е. Лазимира, И.И. Вацетиса, А.И. Андогского, М.К. Тер-Арутюнянца, представителя петроградской Красной армии Долгашева, В.А. Янишевского и К.И. (?) Янсона, в апреле 1918 г. был направлен наркому Л.Д. Троцкому. Проект был применим и для других академий, артиллерийской и интендантской, а документ содержал следующее:

«1. Для теоретической военно-научной подготовки кадра лиц из среды Красной армии, намеченных на должности инструкторов и для работ в штабах вновь создаваемой армии, с 15 мая с.г. открываются ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба сроком в один год — 7½ месяцев младший класс с практическими занятиями и 4½ мес[яцев] старший с практическими занятиями.

2. На курсы командироваться по представлению областных военных комиссариатов и утверждению Наркомвоена лица из среды новой армии, имеющие определенный военный стаж — не менее школы прапорщиков или боевого опыта на командных должностях, в количестве не менее 100–150 чел.

3. Курсы слушателей академии прежнего состава набора августа и сентября 1917 г. распускаются с 1 мая с.г. с соответствующим удостоверением и с правом работы в штабах на младших должностях; желающие из них могут поступить на общих основаниях в Красную армию.

4. Занятия на курсах производятся по программе и системе, выработанной смешанной комиссией, состоящей из трех представителей Наркомвоена, трех представителей преподавательского состава академии, комиссара и начальника академии Генерального штаба.

(Примечание: Программа должна быть в форме пересмотрена.)

5. Зачет занятий — репетиционный. Оценка занятий — по трем градациям — весьма удовлетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно.

6. Окончившие курс успешно получают о сем свидетельство и поступают в распоряжение Народного комиссариата по военным делам (окончившие неуспешно — возвращаются на место своей прежней службы).

7. Во время прохождения курса слушатели подчиняются всем временно выработанным правилам, впредь до выработки общих норм автономной академии.

8. Для управления внутренней жизнью академии организуется комитет, состоящий из преподавательского состава академии — 3 чел., 3-х представителей слушателей академии, начальника и комиссара академии.

Всею учебною частью академии ведает конференция в составе начальника академии, правителя дел академии, профессоров, штатных преподавателей, ведущих классами и членов комитета от курсантов.

9. Во время прохождения курса слушатели получают: все необходимые учебные пособия от академии и содержание по 550 руб. в месяц, считая со времени прибытия в академию, озабочиваясь собственным попечением относительно

¹ РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 14–15об.

жилища, одежды и продовольствий и пр., впредь до организации общежития — готовой квартиры и довольствия с вычетом из жалования. Кроме того, слушатели, состоящие налицо на курсе к 1 октября с.г., получают на теплую одежду по общему для армии положению.

10. Для переезда в Екатеринбург (место расположения академии) каждый командиремый должен получить проездной воинский документ Лит[ер] А и суточные на общих основаниях. Заботы о выдаче всего этого путевого довольствия делаются соответствующим отделом Наркомвоена.

11. Отчисляются от курса без права вновь быть принятыми на нем: а) не исполняющие правил внутреннего порядка, установленного в академии, и тем нарушающие ее учебную жизнь, б) замеченные в неодобрительном для гражданина и воина поведении, в) неисправно посещающие лекции или практические занятия или небрежно и неаккуратно их выполняющие.

12. Отчисляются от курса с правом быть назначенными на новый курс: лица, у которых по завершении всех занятий в среднем выводе по какому-либо предмету или практическим занятиям — неуспешно.

Отчисление производится по постановлению комитета академии, и о нем сообщается в Наркомвоен с точным указанием причины отчисления^I.

Весной 1918 г. академия в связи с наступлением немцев была эвакуирована из Петрограда в тыловой Екатеринбург и находилась там к июлю 1918 г. В Екатеринбурге академия разместилась в Епархиальном училище. Это было «длинное, под углом на два квартала, двухэтажное кирпичное здание... Все двери выходят в широкий, длинный коридор на всю длину здания. Окна коридора смотрят на неогороженный двор-пустырь. Окон в коридоре немного, потому в нем и мрак»^{II}. В 1920 г., после рассматриваемых событий, там размещали пленных белогвардейцев.

Первоначально учебный процесс в академии предполагалось начать 1 апреля 1918 г., однако дата по организационным причинам постоянно сдвигалась. Определяющее значение для развития академии в Советской России имел приказ Наркомата по военным делам № 316 от 3 мая 1918 г. за подписью Л.Д. Троцкого, К.А. Мехоношина и Э.М. Склянского. В приказе отмечалось, что «для теоретической военно-научной подготовки cadres лиц из среды Красной армии, намеченных на должности инструкторов и для работ в штабах вновь создаваемой армии, с 15/2 мая с.г. открываются ускоренные курсы Военной академии Генерального штаба сроком на 1 год»^{III}. Отбор кандидатов должна была вести испытательная комиссия, выявляя обладающих достаточной боевой подготовкой и кругозором. Курс был набран в количестве 115 слушателей, лояльных большевикам, среди слушателей было много латышей и поляков.

На старший курс зачислялись «слушатели академии, прошедшие во время войны подготовительные курсы 3-й очереди, а равно все, окончившие подготовительные курсы 1-й и 2-й очереди и еще не призванные в старший класс академии»^{IV}, они должны были прибыть в Екатеринбург не позднее 27 мая, чтобы

^I РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 17. Л. 224–225.

^{II} Елисеев Ф. И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006. С. 384.

^{III} РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1.

^{IV} Там же.

с 1 июня приступить к занятиям. Учебный план «в соответствии с новыми условиями жизни и устройства армии» пересматривался комиссией из трех представителей наркомата (И. И. Вацетис, А. С. Белой, В. С. Лазаревич), трех представителей профессорско-преподавательского состава академии, комиссара и начальника академии, а также правителя дел с правом совещательного голоса. ГУВУЗ представлял Н. С. Беляев. Заседания прошли в начале июня 1918 г.

Помимо военных дисциплин в программу обучения старшего класса предполагалось включить общеобразовательные, социальные и философские курсы. Подготовка велась по следующим предметам: стратегия, военная философия, тактика всех родов войск и общая тактика, военная психология, история военного искусства, история Великой всемирной войны 1914–1918 гг. до и после революции (как два курса), служба Генерального штаба, техника железнодорожного дела, военная география (военная статистика), военная администрация, военноморское дело, низшая геодезия (военная топография), военно-инженерное дело, инженерная оборона государства, укрепленные позиции, полевая фортификация, сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, основы советской Конституции, международное право и вопросы современной международной политики, основы внешней политики, политическая экономия и вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки (немецкий, японский, китайский, турецкий, шведский, румынский, английский и французский). Обязательным было изучение двух языков, в том числе немецкого как основного¹.

Практические занятия намечались по стратегии и тактике (задачи и тактические поездки и выходы), по военной администрации, по военной статистике, по службе Генштаба, по инженерному делу, по артиллерии, по авиации, по морскому делу, по картографии, по верховой езде (для слабо обученных). Слушатели самостоятельно разрабатывали научные вопросы – темы по военной истории, военному искусству и стратегии (операции) – и должны были защищать их перед особыми кафедрами.

Успеваемость предполагалось оценивать по трем категориям: «весьма», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». В процессе обучения требовалось опираться на опыт мировой войны.

Программа ускоренных годичных курсов включала основы современной стратегии, тактику пехоты, конницы, артиллерии, технических войск, воздушных средств, общую (соединение всех родов войск), военную психологию, историю Великой всемирной войны 1914–1918 гг., службу Генштаба, обзор пограничных театров России, организацию и тактику, снабжение и транспорт, теорию съемки, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийской части, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, курс политической экономии и вопросов мирового хозяйства. Практические занятия велись по тактике, военной администрации, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, съемкам, верховой езде (для слабо обученных)². Предполагалось, что академия вскоре вернется к нормальному трехгодичному курсу обучения.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1548. Л. 124–124об.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 462об.–463.

Управление внутренней жизнью академии осуществлял комитет из трех представителей преподавательского состава, трех представителей старшего курса, трех — младшего, комиссара и начальника академии, а также правителя дел с правом совещательного голоса. Слушатели получали по 550 руб. содержания в месяц, но жилье, одежду и продовольствие обеспечивали себе сами. Отчислялись с курса без права вновь быть принятыми на него не исполняющие правила внутреннего порядка, замеченные «в неодобрительном для гражданина и воина поведении», неисправно посещающие занятия или небрежно выполняющие их. Отчисление проводили комитет или конференция академии. 6 июля был утвержден временный штат академии.

Руководил академией в этот период А.И. Андогский, правителем дел был И.И. Смелов, преподавали ординарные профессора: А.К. Баиов, В.В. Витковский, Б.В. Геруа, А.Г. Елчанинов, М.А. Иностранцев, Б.М. Колубакин, А.Ф. Матковский, А.И. Медведев, В.Ф. Новицкий, Д.Д. Сергиевский, Д.В. Филатьев, Г.Г. Христиани; экстраординарные профессора: А.И. Андогский, Г.Г. Гиссер, Н.И. Коханов; штатные преподаватели: А.Т. Антонович, К.П. Артемьев, Б.П. Богословский, Н.Я. Капустин, В.Н. Касаткин, Г.Т. Киященко, Г.В. Леонов, В.И. Оберюхтин, П.Г. Осипов, П.Ф. Рябиков, А.П. Слижигов, И.И. Смелов, Г.В. Солдатов, И.И. Сторожев, В.И. Сурин, А.А. Сурнин, А.Д. Сыромятников, В.Л. Томашевский. Костяк профессорско-преподавательского состава прошел в Гражданскую войну с академией весь путь от Петрограда до Владивостока.

Занятия в старшем классе 3-й очереди начались в июне — июле 1918 г. Лекции проходили лишь с 1 по 18 июля¹. Началась учеба и на младшем курсе. Профессура имела основания опасаться преданных красным слушателей только что набранного младшего ускоренного курса, лишь частично состоявшего из бывших офицеров и включавшего целый ряд членов партии большевиков. По воспоминаниям профессора генерал-майора П.Ф. Рябикова, «сравнительно небольшое их число имело вид типических большевиков, увешанных оружием, большинство же были настоящие офицеры, которые, поймав кого-либо из нас в коридоре наедине, тихо докладывали, что они не большевики, а настоящие дисциплинированные офицеры...»²

Летом 1918 г. Урал из глубокого тыла в одночасье превратился в прифронтовой район разворачивавшейся Гражданской войны. В июле 1918 г. Екатеринбург оказался под угрозой захвата чехословаками и белыми. Со всей остротой встал вопрос о судьбе важнейшего высшего военно-учебного заведения страны. Большевистское руководство добилось эвакуации части академии в Казань (часть осталась в Екатеринбурге), но сохранить академию красным не удалось.

Назначенный командующим войсками советского Восточного фронта И.И. Вацетис вспоминал: «Командный состав, как для Казанской дивизии, так и для рабочих дружин, мы полагали найти среди слушателей Военной академии, которая по моему ходатайству была эвакуирована в Казань. 2 августа она прибыла и, разместившись в здании Коммерческого училища, приступила к своим военно-научным занятиям»³. Но надежды Вацетиса не оправдались. 7 августа Казань была занята антибольшевистскими силами, в результате чего эвакуированная туда часть академии также перешла в лагерь противников большевиков.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 51. Л. 48.

² ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 118об.

³ РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 398–399.

Еще 4 августа 1918 г. Вацетис встретился с личным составом академии, причем на встрече присутствовали только 50 слушателей, остальные были откомандированы в 3-ю армию или находились в кратковременных отпусках. Вацетис выступил перед слушателями и в конце попросил выйти вперед тех, кто согласен стать в ряды 5-й армии для защиты Казани. Из строя вышло не более 5–6 человек. «Остальные, — писал Вацетис, — в том числе, вероятно, и поспевшие уехать в отпуск, по-видимому, не имели готового решения в вопросе, на чью сторону стать, и заняли если не враждебную, то, во всяком случае, выжидательную позицию. Среди профессуры тоже не нашлось желающих стать в ряды Красной армии. Таким образом, мои хлопоты о переводе академии в Казань оказались напрасными...»^I

По мнению Вацетиса, «старая академия продолжала существовать (в РККА. — А. Г.) как слепая кишка в организме, пока не случился с ней тот аппендицит, который потребовал ее удаления»^{II}. Впрочем, за этой жесткой оценкой вполне могло скрываться стремление оправдаться за потерю академии в Казани, произошедшую уже 7 августа 1918 г., в том числе вследствие ошибочных распоряжений самого Вацетиса.

Таким образом, в июле — августе 1918 г. академия в два этапа практически в полном составе попала к противникам большевиков в Екатеринбург и Казани, разделив с этого времени судьбу антибольшевистского Восточного фронта. Переход на сторону антибольшевистских сил в целом соответствовал настроениям преподавателей и большей части слушателей. Подтверждением сознательности перехода служит то, что в антибольшевистском лагере оказались обе части академии в Екатеринбурге и Казани, тогда как те, кто хотел эвакуироваться из этих пунктов с красными, в основном смогли это сделать. Кроме того, внутри академии действовала подпольная антибольшевистская организация, содействовавшая занятию белыми Екатеринбурга и участвовавшая в вооруженных столкновениях с красными.

Приказом Комуча Николаевская военная академия была переименована во Всероссийскую академию Генерального штаба, а приказом по военному ведомству № 101 от 30 марта 1919 г. впредь должна была именоваться Военной академией^{III}. Обе части академии (казанская и екатеринбургская) воссоединились в Екатеринбурге, а с осени 1918 по осень 1919 г. академия находилась в Томске.

Перешедшая на сторону антибольшевистских сил академия и ее состав у белых подвергались разного рода нападкам и обвинениям за службу у большевиков. В отношении причастности к большевизму начальника академии генерала А. И. Андогского в 1919 г. было проведено специальное расследование, по итогам которого он был оправдан.

Указом Верховного правителя адмирала А. В. Колчака от 3 января 1919 г. академия подчинялась военному министру через помощника по организационно-инспекторской части и начальника Главного штаба^{IV}.

Вопрос о необходимости подготовки кадров Генштаба в условиях Гражданской войны воспринимался военным руководством белой Сибири неоднозначно. Военный

^I Там же. Л. 399.

^{II} Там же. Л. 626.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 126. Впрочем, в отдельных документах академии она и позднее, уже во владивостокский период, продолжала именоваться Всероссийской.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 269.

министр генерал Н. А. Степанов считал, что армии нужны строевые, а не штабные офицеры, а академию нужно закрыть за ненадобностью. К этому добавлялись явно вредившие делу упреки в адрес академии за ее пребывание на советской территории и работу по подготовке генштабистов для РККА^I, в результате чего начальник академии генерал А. И. Андогский на продолжительное время был отстранен от должности. Тем не менее победил взгляд на необходимость подготовки генштабистов ввиду предполагавшейся активизации операций на фронте весной – летом 1919 г.

В начале 1919 г. был открыт младший класс ускоренных курсов 4-й очереди. Решение о его открытии было принято Колчаком еще в конце ноября 1918 г., а позднее оно получило документальное оформление. Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 88 от 25 декабря 1918 г. предписывал: «Для ускоренной подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генерального штаба в полевых штабах действующих армий – открыть с 20 января 1919 года в г[ороде] Томске младший класс Всероссийской академии Генерального штаба, наименовав его ускоренным младшим классом 4-й очереди»^{II}.

На курсы командировались желающие кадровые офицеры или офицеры военного времени, окончившие училища не позднее 1915 г., имевшие полное общее высшее или среднее образование, получившие боевой опыт в Первую мировую или в Гражданскую войну, удостоенные боевых наград, имеющие отличия и физически годные к полевой службе. Были установлены следующие квоты на командирование офицеров (табл. 84).

Таблица 84

Квоты на командирование слушателей в младший класс 4-й очереди ускоренных курсов Всероссийской академии Генерального штаба^{III}

Откуда	Расчетное число командиремых офицеров
От Ставки Верховного главнокомандующего	12
От всех частей I Средне-Сибирского корпуса, включая 6-ю Казанскую стрелковую дивизию полковника А. П. Степанова	8
От всех частей II Степного корпуса, не считая частей Сибирского казачьего войска	7
От всех частей III Уральского корпуса, не считая частей Оренбургского казачьего войска	7
От всех частей IV Восточно-Сибирского корпуса	3
От всех частей V и VI корпусов Дальнего Востока, не считая казачьих частей	3
От всех частей корпуса генерала В. О. Каппеля	4
От всех частей корпуса генерала С. Н. Люпова	5
От всех частей Оренбургского корпуса	5
От 1-й кавалерийской дивизии	3
От Уфимской кавалерийской дивизии	1

^I ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 41–42.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

^{III} Там же. Л. 1–10б.

Откуда	Расчетное число командируемых офицеров
От штаба Сибирской армии	2
От Оренбургского казачьего войска	5
От Сибирского казачьего войска	3
От Уральского казачьего войска	3
От Забайкальского казачьего войска	2
От Уссурийского казачьего войска	1
От Амурского казачьего войска	1
От Семиреченского казачьего войска	1
От железнодорожных войск, подчиненных главному начальнику военных сообщений	7
От польских формирований	10
Всего	93
Дополнительные вакансии	
В распоряжении главнокомандующего Западным фронтом для офицеров чешских войск	10
В распоряжении командующего частями румынских формирований	2
В распоряжении начальника Всероссийской академии Генерального штаба	10

При избытке желающих предпочтение отдавалось офицерам, окончившим училища в мирное время, а из них — выдержавшим предварительные испытания или конкурсные экзамены в академию, кавалерам ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия, кавалерам Георгиевского креста, раненым, контуженым, отравленным газами, но при условии их полной физической годности к службе Генерального штаба в поле. Списки необходимо было направлять в Ставку на имя 1-го генерал-квартирмейстера не позднее 5 января 1919 г. по телеграфу¹. Слушатели должны были прибыть в Томск не позднее 15 января с предписаниями, удостоверениями о боевом опыте, послужными списками, аттестатами и аттестациями.

С учетом неразберихи в колчаковском тылу злоупотребления с командированием в академию не заставили себя ждать. Имели место как самовольные командирования, так и случаи превышения установленных квот. Значительная часть командированных не удовлетворяла требованиям службы Генштаба как по служебному, так и по образовательному стажу. Уральское казачье войско не могло выслать ни одного офицера и передало свою вакансию Забайкальскому войску. Некоторые офицеры обладали сомнительной репутацией, «несовместимой со званием офицера Генштаба»². Получил распространение и протекционизм. Так, например, начальник штаба Ставки генерал Д. А. Лебедев добился направления на курсы сразу двух своих адъютантов³. Среди зачисленных свыше 80% представляли

¹ Там же. Л. 1 об.

² Там же. Л. 306.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

пехотные и кавалерийские офицеры, 9% составляли артиллеристы, 0,5% инженеры, 11% прочие^I, 22 слушателя являлись казаками^{II}.

Офицеры, прибывавшие в академию для поступления в ускоренный младший класс 4-й очереди, подавали два рапорта на имя правителя дел академии. Один о прибытии с приложением предписания, удостоверения о боевом опыте, послужного списка или краткой записки о службе и аттестации и другой рапорт с приложением аттестатов об удовлетворении всеми видами довольствия^{III}. К открытию курсов 21 января 1919 г. прибыли 98 офицеров. Офицеры продолжали прибывать на курсы и позднее (вплоть до марта), до тех пор, пока администрации не пришлось объявить, что прибывшие с опозданием зачислены быть не могут. Соответствующее постановление конференции было выпущено 28 марта 1919 г., причем отчислять следовало слушателей, прибывших после 25 февраля (начиная с 26 февраля), как не прослушавших даже половины курса^{IV}. То же касалось и тех, кто не посещал более половины лекций и практических занятий. Как поздно прибывшие были отчислены семь человек^V.

Как вспоминал преподававший в академии генерал П. Ф. Рябиков, «занятия в Томске все время протекали весьма систематично и с большим напряжением и преподавательского и слушательского состава»^{VI}. Профессор М. А. Иностранцев вспоминал, что «на академию была возложена задача в течение зимних и весенних месяцев подготовить младший класс, который с наступлением лета и оживлением, как предполагали, военных операций предполагалось также привлечь к штабным занятиям, а в следующую зиму снова командировать в академию для прохождения старшего класса. Ввиду этого в академию были присланы офицеры с фронта, в большинстве своем из состава сибирских войск, но также и офицеры работавших совместно с русской армией чехословацких, польских частей и югославянского полка.

Вследствие того, что часть членов конференции академии была... отвлечена в штабы, в Ставку на фронт и, таким образом, профессорский и преподавательский состав ее стал значительно меньше числом, а с другой стороны, работа потребовалась весьма интенсивная, то работать приходилось весьма много, но при общем желании помочь армии в ее нуждах и содействовать ее скорейшему торжеству над врагом работалось легко и весьма продуктивно; причем особенно отрадно было видеть, что офицеры нерусских войск, несмотря на серьезное затруднение в слабом, подчас, знании русского языка, тем не менее занимались прекрасно и обнаруживали большие успехи»^{VII}.

20 января 1919 г. перед началом занятий был отслужен молебен. Сохранилось расписание занятий на курсах, дающее представление о характере подготовки колчаковских генштабистов (табл. 85).

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 90.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 288.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 3. Л. 261.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 98.

^V Там же. Л. 107.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 129.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 8а. Л. 58–59; *Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма* / под ред. А. В. Ганина М., 2017. С. 768–769.

**Расписание первой учебной недели занятий на ускоренном младшем классе
4-й очереди Всероссийской академии Генерального штаба 20–25 января 1919 г.¹**

Учебные часы	Числа Дни	20 января Понедельник	21 января Вторник	22 января Среда	23 января Четверг	24 января Пятница	25 января Суббота
Дежурный курсовой штаб-офицер		Генерал-майор П. Ф. Рябинов	Подполковник Г. В. Солдатов	Полковник И. И. Смелов	Полковник П. Г. Осипов	Полковник Г. Т. Киященко	Генерал-майор В. Л. Томашев- ский
9–9.50		М о л е б е н	Служба Генштаба. Генерал-майор А. И. Андогский	Служба Генштаба. Генерал-майор А. И. Андогский	Сведения по артиллерийской части. Генерал-майор В. Л. Томашевский	Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства. Генерал-лейтенант Г. Г. Христиани	Общая тактика. Полковник И. И. Смелов
10–10.50			Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства. Генерал-лейтенант Г. Г. Христиани	Общая тактика. Полковник И. И. Смелов	Военная статистика Генерал-лейтенант А. И. Медведев		История военного искусства. Генерал- лейтенант Б. М. Коллюбакин
11–11.50					История военного искусства. Генерал-лейтенант Б. М. Коллюбакин		
12.30–13.20			Тактика артиллерии. Генерал- майор В. Л. Томашевский	Военная статистика. Генерал- лейтенант А. И. Медведев	Общая тактика. Полковник И. И. Смелов		Тактика артиллерии. Генерал- майор В. Л. Томашевский
13.30–14.20					Теория съемки. Полковник Г. Т. Киященко	Теория съемки. Полковник Г. Т. Киященко	

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 10.

Со второй учебной недели занятия проходили до 15.30^I.

По изначальной программе намечалось 76 учебных дней. Учебные часы распределялись следующим образом: 65 часов практических занятий по тактике (начинались с третьей учебной недели), 16 часов практических занятий по топографическому черчению, 24 часа лекций по началам стратегии, 118 часов лекций по тактике (48 часов – общая тактика, 22 часа – тактика пехоты, 12 часов – тактика конницы, 16 часов – тактика артиллерии и по 10 часов – тактика технических войск и тактика воздушных средств), 44 часа лекций по истории военного искусства, 56 часов лекций по службе Генерального штаба (оперативный отдел (управление войсками) – 16 часов, разведывательный отдел – 24 часа, отдел службы связи – 16 часов), 30 часов лекций по истории мировой войны, 24 часа лекций по военно-инженерному искусству, 24 часа лекций по военной статистике России, 24 часа лекций по курсу «Главные вопросы международной политики и мирового хозяйства», 16 часов лекций по теории съёмки, 12 часов лекций по железнодорожному делу (для ведения занятий приглашался инженер путей сообщения)^{II}.

Учебный процесс предполагалось вести до 1 июня 1919 г. (экзамены должны были начаться 1 мая), предоставив выпускникам право поступления в старший класс академии^{III}. В перспективе предполагалось открытие старшего и дополнительного курсов с последующим переводом выпускников в Генеральный штаб. Однако события на фронте скорректировали эти планы. 19 марта Колчак распорядился в связи с потребностями наступавшего тогда фронта завершить обучение уже к 15 апреля, после чего произвести испытания с тем, чтобы к 1 мая «офицеры-слушатели могли бы быть привлечены [к] службе [в] штабах новых формирований и на других должностях Генштаба»^{IV}. Запросы о том, когда будут готовы специалисты, поступали и с фронта (например, из Отдельной Оренбургской армии^V). В результате программу обучения пришлось сократить. К сожалению, пока не удалось обнаружить данные о характере этих сокращений. В апреле на курсах прошли экзамены, и учебный процесс завершился в начале мая 1919 г. В результате примерно за три месяца была подготовлена большая группа младших офицеров Генштаба для колчаковских войск. Впрочем, томские курсы академии старые генштабисты иронически прозвали «детским садом»^{VI}.

И.д. начальника академии генерал Б.М. Коллюбакин писал в конце марта 1919 г. военному министру Н.А. Степанову: «Наши 1-й, 2-й, 3-й и нынешний, даст Бог, 4-й выпуск следует далее провести через настоящий старший класс (6-месячной, по крайней мере, подготовки), группой, хотя бы по 100–120 чел.

Не могу одновременно не похвалить перед Вашим превосходительством нынешний (4-й выпуск) состав обучающихся в академии офицеров – это прекрасный состав, и мы определили его путем проверки данных и главное – путем тесного общения с ними на практических занятиях и лекциях; преимущественно кадровые, с боевым прошлым, прекрасным военным воспитанием офицеры эти радуют нас

^I РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1626. Л. 31.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 6–6об.

^{III} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

^{IV} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

^V Там же. Л. 4.

^{VI} Ильин И. С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 216.

в полной мере. Принятыми мною мерами несоответственные, в небольших размерах, элементы частью удалены, а частью будут еще удалены в ближайшие дни»^I.

29 апреля 1919 г. выпускники курсов обратились к Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку с приветственной телеграммой, которую и.д. начальника академии генерал Б.М. Колюбакин передал начальнику Главного штаба для доклада Верховному правителю: «Омск, начальнику Главного штаба. Прошу доложить военному министру для доклада Верховному правителю следующую телеграмму окончивших ускоренный курс четвертой очереди офицеров и мое по этому случаю приветствие: “В день отбытия на фронт после окончания экзаменов офицеры ускоренного курса четвертой очереди счастливы приветствовать своего Верховного Вождя. Все приобретенные знания, боевой опыт и силы слушатели академии самоотверженно отдадут трудной работе по возрождению возглавляемой Вами любимой Родины”. Счастлив донести о сем Его высокопревосходительству. Да здравствует Верховный Вождь Возрождающейся России адмирал Колчак»^{II}. 3 мая 1919 г. адмирал Колчак в ответ телеграфно поздравил выпускников: «Прошу передать офицерам, окончившим курс, мою благодарность и приветствие. Уверен, что армия в лице их приобретет самоотверженных работников, а начальники – надежных помощников. Адмирал Колчак»^{III}. После этого учебный процесс в старой академии больше не осуществлялся, а преподавателей стали переводить из академии в штабы.

Всего выпущены были с итоговыми баллами 154 офицера (среди них 17 иностранцев – 7 чехословацких, 6 польских и 4 югославянских офицера), получившие распределение в штабы колчаковских войск (распределены после выпуска почему-то только 152)^{IV}. Отчислены были 22 слушателя, в том числе ряд иностранцев. Намеченное распределение выпускников было следующим: 36 офицеров (23,6%) поступали в распоряжение военного министра, по 4–6 офицеров поступали в штабы военных округов, в Сибирскую армию командировались 42 человека, в Западную армию – 37 человек и в Отдельную Оренбургскую армию – 11 человек. Кроме того, 6 человек подлежали командированию во II Степной корпус^V. В реальности выпускников распределили несколько иначе (табл. 86).

Таблица 86

**Распределение выпускников младшего класса
4-й очереди ускоренных курсов Военной академии^{VI}**

Место командирования	Намечено направить офицеров		Итоговое распределение
В распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандующего			6
В распоряжение военного министра	36	11	12
В распоряжение начальника военно-учебных заведений		11	11

^I РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 54. Л. 48об.

^{II} РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 43. Л. 135.

^{III} Там же.

^{IV} Список слушателей опубликован в: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 576–582.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 38. Л. 12, 14.

^{VI} Там же. Л. 12, 14, 49–53, 115–117об. Итоговое распределение подсчитано по приказу Военной академии № 97 от 1 мая 1919 г. (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 45. Л. 87–90).

Место командирования	Намечено направить офицеров		Итоговое распределение
В распоряжение начальника Главного штаба		8	2
В распоряжение начальника штаба Омского военного округа	6	1	1
В распоряжение начальника штаба Приамурского военного округа	4–6	3	4
В распоряжение начальника штаба Сибирской армии	42	35	34
В распоряжение начальника штаба Западной армии	37	32	34
В распоряжение начальника штаба Отдельной Оренбургской армии	11	3	4
В распоряжение начальника штаба II отдельного Степного корпуса	6	2	2
В распоряжение генерал-квартирмейстера Ставки		30	24
В распоряжение командира Иркутского казачьего полка		1	1
В свою часть			17

Динамика изменений распределения, на наш взгляд, отражает смену приоритетов стратегии колчаковской Ставки в период весеннего наступления 1919 г. Если первоначально больше выпускников планировали перебросить в Сибирскую армию, то постепенно квоты сокращались и в конечном итоге в Сибирскую и Западную армии направили равное количество офицеров. Квоты Отдельной Оренбургской армии были сокращены более чем в два раза от первоначальных, что свидетельствует о слабых надеждах Ставки на войска генерала А.И. Дутова (в итоге квоты были увеличены на одного офицера, хотя это могло быть обусловлено его казачьим происхождением).

Выпускников считалось желательным направлять в те армии, из которых их изначально присылали в академию. В этом проявились несовершенство административной системы колчаковской военной машины, сепаратизм воинских формирований, децентрализованный, полупартизанский характер колчаковских вооруженных сил. Иностранные офицеры распределялись по своим частям. С окончанием учебного процесса часть профессорско-преподавательского состава также получила назначения на военно-административные должности и покинула академию. Интересно, что впоследствии не менее 45 офицеров, обучавшихся на курсах 4-й очереди (в том числе отчисленные) в белой Сибири, оказались на службе в РККА.

В ноябре 1919 г. приказом главнокомандующего Восточным фронтом выпускников всех четырех очередей курсов, прослуживших в штабах дивизий не менее 4 месяцев, в штабах корпусов и групп – 6 месяцев, в штабах армий и на инструкторских курсах – 9 месяцев, причислили к Генеральному штабу¹.

Возобновление учебного процесса в академии намечалось на январь 1920 г. 12 октября 1919 г. был издан приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 3.

№ 1261 о приеме в академию к 1 января 1920 г. до 100 офицеров из белых армий Юга России, а также по 25 с фронтов генералов Е.К. Миллера (Север) и Н.Н. Юденича (Северо-Запад). Также выделялись квоты на прием 6 офицеров-чехов, 3 поляков и 2 румын¹.

Но эти планы остались не реализованными. В связи с неудачами на фронте, чтобы избежать нового захвата большевиками, академия в октябре 1919 г. эвакуировалась из Томска во Владивосток, где и находилась вплоть до конца Гражданской войны. В период пребывания академии во Владивостоке в 1920–1922 гг. учебный процесс не осуществлялся, академия функционировала как научное учреждение, хотя периодически возникали слухи о возможном открытии учебного процесса в академии. Некоторые офицеры с других антибольшевистских фронтов в конце 1919 г. подавали рапорты о зачислении в академию (например, сохранился датированный декабрем 1919 г. рапорт поручика И.В. фон Бреверна, воевавшего на Юге России²). Подполковник В.К. Подгорецкий, некогда командированный на курсы штабом Оренбургской армии и проживавший в Харбине, запрашивал академию насчет возобновления обучения в 1921 г. Был получен ответ, что «если академия и будет открыта, то только для продолжения образования на старшем классе слушателей, прошедших уже младш[ий] ускор[енный] класс 1, 2, 3 и 4-й очередей, или на дополнительном — окончивших ускоренный старший класс 1[-й] и 2[-й] очередей»³. В итоге учебный процесс так и не возобновился.

Академия помогала, чем могла, различным дальневосточным организациям, делилась литературой, направляла преподавателей для чтения лекций в учебные заведения и воинские части. Деятельность академии на Дальнем Востоке, несомненно, влияла на культурный облик этой окраины. Осенью 1922 г., однако, наступил конец сравнительно безмятежному существованию академии на Русском острове, поскольку во Владивосток 25 октября 1922 г. вступили части НРА ДВР.

Начальник академии А.И. Андогский и ряд преподавателей эмигрировали из России. Часть персонала академии осталась на Русском острове и во Владивостоке. Среди них были заслуженные ординарные профессора Б.М. Колубакин, Г.Г. Христиани, ординарные профессора А.И. Медведев и Н.И. Коханов, экстраординарный профессор В.Г. Болдырев, остался и подполковник К.А. Наумов, ставший новым вр.и.д. правителя дел⁴.

Профессор Медведев с 23 октября временно возглавил академию⁵. Администрация академии в приказах теперь указывалась без привычных чинов. Уже 28 октября Медведев из генерала превратился в гражданина и должен был подчиняться приказам НРА ДВР. В этот день вр.и.д. начальника Полевого штаба НРА ДВР ему было выдано следующее предписание:

«Гражданину Медведеву Александру.

Вы назначены вр.и.д. начальника Военной академии, эвакуированной в свое время из гор[ода] Петрограда и находящейся ныне во Владивостоке.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 46. Л. 83.

² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 10. Л. 195.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 107.

⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 75. Л. 224.

Предписываю Вам: 1 – Немедленно свернуть академию и типографию при ней.

2 – Подготовить к отправке по жел[езной] дороге все имущество и инвентарь, для чего произвести точный расчет потребного подвижного состава и упаковать имущество, с гарантией доставить его в исправном виде в Москву. Постройка необходимых для этого ящиков поручается одновременно начальнику инженеров.

3 – Личный состав Военной академии распределить следующим образом: весь учебно-административный состав вместе с академией будет направлен в распоряжение начальника Академии РККА; вместе же с академией отправятся остальные военнослужащие и часть вольнонаемных, желающих вернуться в Сов[етскую] Россию. Военнослужащих, не принадлежащих к учебно-административному составу и желающих остаться здесь, – препроводить к местному воинскому начальнику, остальных вольнонаемных уволить теперь же, кто не является нужным для работ по подготовке р[е]эвакуации академии; при отправке в Россию принять в расчет и семейства отъезжающих туда.

4 – Одновременно командировается один из политработников в качестве временного комиссара.

5 – О ходе подготовительных работ доносить мне через каждые три дня.

Подписали: Вр.и.д. начальника Полевого штаба НРА [А.А.] Тюфяков.

Военком Аксенов¹.

29 октября было предписано считать днем начала работ по реэвакуации академии. Отношение новых властей к академии было дружественным. Главком НРА ДВР И.П. Уборевич даже передал 28 октября благодарность всему личному составу академии за сохранение имущества академии. Еще одну благодарность передал 26 октября председатель Революционного штаба².

31 октября 1922 г. приказом Уборевича академия была временно включена в состав НРА ДВР. Профессура, преподаватели и небольшой хозяйственный аппарат продолжали находиться на службе. Жизнь старой академии продолжалась.

Телеграмма из Москвы предписывала академии 26–27 ноября выехать из Владивостока, для чего НРА должна была предоставить вагоны³. В начале декабря 1922 г. Военная академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Коллюбакин, Христиани и Медведев были арестованы. Все трое вскоре скончались. Бывший начальник Академии Генштаба РККА выдающийся военный деятель А.Е. Снесарев записал в неопубликованном дневнике 22 апреля 1923 г.: «Прибыли проф[ессора] старой академии, но попутно их всех арестовали; доехали А.И. Медведев и Б.М. Коллюбакин... 2^й умер, 1^й – распродаётся и ищет работы... Думаю его провести в Главруки⁴, но хотят навязать мне... Удивительно, никого не влекут и не тешат лавры внешнего успеха...»⁵ Из оставшихся в СССР пережили этот период Болдырев, Коханов и Антонович.

¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 110.

² Там же. Л. 111.

³ Там же. Л. 125.

⁴ Главные руководители академии по предметам.

⁵ Дневник А. Е. Снесарева. 1923 г. Л. 1199–1200 (Архив семьи Снесаревых (Москва)).

Имущество старой академии частично было передано Военной академии РККА. Как отмечал комиссар Ф.П. Никонов, «библиотека академии попала в руки сибирского правительства и сначала была эвакуирована в Омск^I, потом в Томск и лишь сейчас большая часть ее возвращена, кажется, что почти целиком возвращена»^{II}. В 1925 г. 180 пудов книг и 45 ящиков архивных материалов академии поступили на хранение в Военно-исторический архив. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с генералом П.Ф. Рябиковым, по мнению которого «старая академия Генерального штаба, пережив столько тяжелых испытаний и проделав путь Петроград – Екатеринбург – Томск – Владивосток, умерла...»^{III} Наследие академии, ее музеи, архив (среди которого знаменитые воспоминания и дневники военного министра Д.А. Милютин, опубликованные только в наши дни), библиотека остались в России и приносят пользу сегодня.

Период 1920–1922 гг., как и предшествовавший ему, оказался трудным временем для академии Генерального штаба. В обстановке политической нестабильности на Дальнем Востоке и быстрых перемен академии приходилось лавировать. Руководство и сотрудники академии преследовали две главные цели: выжить между различными, нередко взаимоисключающими политическими режимами и сохранить для будущих поколений имущество академии – уникального военно-учебного заведения общероссийского значения. Так или иначе, обе эти цели были достигнуты. Несмотря на частые перевороты, смены власти, иностранную интервенцию, академия уцелела, а ее личный состав смог выбирать между тем, чтобы эмигрировать или остаться в России.

Насколько удалось проследить по архивным данным, других военно-учебных заведений, готовивших кадры Генштаба, помимо старой Военной академии в белых армиях не функционировало. Вопрос о возможной подготовке таких кадров ставился, например, атаманом П.Н. Красновым на Дону в начале 1919 г., но практического воплощения не получил^{IV}.

В целом же Белое движение на Юге России не испытывало нехватки кадров Генштаба, наоборот, имел место их сильный переизбыток. В этой связи белые на Юге не нуждались в организации подготовки генштабистов. На Востоке России потребность в кадрах Генштаба была значительно выше, чем и объясняется открытие в 1919 г. ускоренных курсов в Томске. Северный и северо-западный фронты Белого движения были слабыми и малочисленными, подготовка кадров Генштаба там не велась.

§ 2. Академия Генерального штаба РККА в 1918–1922 гг.

Утрата Советской Россией летом 1918 г. главного высшего военно-учебного заведения поставила на повестку дня вопрос о его воссоздании. При этом большевики в обстановке фактически коллективной измены постоянного (преподавателей)

^I Правильно — в Томск.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 133.

^{IV} Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 547.

и переменного (слушателей) состава старой академии и массовых индивидуальных измен бывших воспитанников академии нуждались не просто в восстановлении аналогичного по своему предназначению учреждения, но в том, чтобы новое учебное заведение было истинно большевистским, т. е. абсолютно лояльным, готовившим кадры красных генштабистов, в преданности которых не было бы никаких сомнений. Несмотря на разруху, при поддержке руководства РСФСР эта сложная задача была решена в рекордно короткие сроки.

Сохранилось немного свидетельств о том, как готовилось открытие академии. Одно из самых подробных оставил комиссар Ф.П. Никонов: «К осени [19]18 года, когда я работал в 3[-й] армии, у нас с полной очевидностью определилось, что академии у нас не существует. Тогда у меня, как у автора этого проекта (проекта подготовки советских кадров в академии. — А.Г.), опять явилась мысль о необходимости этот вопрос будировать. В то время как раз штаб армии из Екатеринбурга отступил в Пермь, и наш штаб, как резервный, должен был слиться с тем штабом. В это время окончилась деятельность [В.А.] Трифонова и моя. При расформировании этого штаба у меня явилась мысль использовать время, и как член Всероссийской коллегии я явился к Вам¹ с докладом и возбудил вопрос об академии. Это было примерно в середине октября 1918 г. Я возвратился в Москву. Я помню, застал Вас в Москве² и через Дзевалтовского снова возбудил вопрос относительно академии.

Я должен еще несколько возвратиться к прежнему. Когда я привез Вам проект об организации академии, то Вы данный вопрос рассматривали еще со мною и с Вацетисом, который в то время часто появлялся у Вас. Он в то время был командиром Латышской бригады. Он также принял некоторое участие в разработке этого вопроса и очень им интересовался. Теперь когда я приехал в Москву в середине октября, то Вацетис был уже главнокомандующим всеми вооруженными силами. Дзевалтовским вопрос относительно восстановления академии был принят, и в это время Вацетис был назначен главкомом. Тогда даже был намечен и начальник академии, которую теперь решили восстановить в Москве.

Это был генерал, служивший в Козлове, — [А.К.] Климович, который через некоторое время и прибыл в Москву. Помню, Дзевалтовский и познакомил меня с ним. И в это время в октябре и была сконструирована так называемая организационная комиссия по созданию академии Генерального штаба, и это было зафиксировано в журнале³ «Известия Наркомвоен» и в журнале «Военное дело».

Эта организационная комиссия была составлена из следующих лиц: два профессора академии — [Н.С.] Беляев, а фамилию другого я не помню, начальник академии — Климович, комиссар академии [Э.И.] Козлов[ский] и представители от слушателей академии, причем от младшего курса был я. Я назначен был приказом Дзевалтовского по ГУВУЗу и приказом по академии.

Мы приступили к работе в очень скромной обстановке. У нас была только одна комната. Затем в нашем распоряжении очутился всего-навсего один

¹ Никонов обращается к большевику Н. И. Подвойскому.

² Зачеркнуто — «не помню застал я Вас в Москве или нет, но я».

³ Правильно — в газете.

человек. Это был будущий управделами тов. Яковлев, который энергично принялся за работу. Первая наша техническая работа заключалась в том, что мы наметили целый ряд лиц из профессоров, которых мы должны были привлечь к работе в академии. Была составлена телеграмма и письмо, которые мы и разослали. В числе намеченных были Новицкий В. Ф., Сулейман [Н. А.], Шейдеман [С. М.], Незнамов [А. А.]. Вообще мы наметили профессиру по всем отраслям. Через некоторое время мы получили от них самый живой отклик, и они стали прибывать. Затем нам важно было добиться помещения для академии и развернуть полным темпом работу. Начали добиваться помещения. Вы в этом деле нам очень сильно помогали. Затем были намечены правила приема. После этого было приступлено к приему участников и к составлению программы занятий. В этих работах принимал участие и Вацетис. Им была дана задача выработать программу младшего курса так, чтобы в течение года можно было пройти весь курс хотя бы в кратком виде и затем в течение 4–5 лет пройти нормальный курс академии. Затем был вызван из округов по разверстке первый состав академии основного курса и вскоре же было приступлено к экзаменам. Была создана мандатная комиссия и экзаменационная комиссия. Я был в экзаменационной комиссии.

После больших хлопот по всей Москве, при Вашем содействии, нам удалось добиться одного из самых хороших помещений – бывшего Охотничьего клуба. Оно до того времени было занято Народным комиссариатом финансов. На это же помещение претендовал и [А. В.] Луначарский. Наконец, Владимиров отдал это помещение нам и предварительно просил осмотреть его. Мы осматривали его ночью. Я помню, что мы все эти анфилады Охотничьего клуба обходили со свечкой. Тут же приступил к работе и Козлов[ский] – комиссар академии. Когда удалось создать организационную комиссию, то организационная комиссия получила определенные полномочия на созыв профессуры и на экзамены, и этим, в сущности, период восстановления академии и закончился.

В дальнейшем уже стояли чисто технические вопросы: набрать профессуру, слушателей, получить финансы, помещения. В дальнейшем эта комиссия планомерно заседала. Заседания происходили ежедневно и продолжались до 3–4 часов и почти до рассвета.

Эта организационная комиссия начала планомерно работать, и в ноябре был уже создан первый курс, и 12 ноября по новому стилю было открытие академии¹.

Теперь мы дальше вступаем в сферу, которая определенно зафиксирована.

В дальнейшем был[и] назначен[ы] комиссар и начальник академии. В это время меня старались привлечь к административной деятельности в академии, но я настаивал на том, что я должен вернуться в академию только как слушатель, чтобы пополнить свои знания. Вскоре я лично стал отбиваться от всякой организационной работы в академии².

Приказом РВСР № 47 от 7 октября 1918 г. было объявлено о создании Академии Генерального штаба РККА во главе с бывшим генерал-майором

¹ На самом деле торжественное открытие состоялось в декабре, хотя учебный процесс начался с 14 ноября.

² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16–17об.

А.К. Климовичем — выпускником Николаевской академии 1904 г. Кандидатура Климовича была выдвинута И.И. Вацетисом. 1 октября Вацетис телеграфировал из Арзамаса в Москву главному комиссару ГУВУЗа И.Л. Дзевалтовскому: «На должность начальника академии можно выставить кандидатуру Климовича, бывшего генерал-майора Генштаба, который имеет практический стаж и все время фактически с Октябрьского переворота служит [в] рядах Красной армии военруком и имеет отличные рекомендации от Советов»^I. Кандидатуру поддержал Л.Д. Троцкий и предложил ее В.И. Ленину и Я.М. Свердлову 5 октября 1918 г. с пометкой: «Имеет отличные рекомендации от советских организаций»^{II}.

Открытие академии было приказано подготовить в нереальный срок — не позднее 1 ноября, т.е. меньше чем за месяц. В приказе РВСР было отмечено, что академия Генерального штаба «должна давать не только высшее военное и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие ее, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни... Кроме военных в академии должны изучаться и общеобразовательные, специальные и философские науки»^{III}. Если первоначально академия находилась в подчинении ГУВУЗа, то с 19 сентября 1919 г. стала непосредственно подчиняться ВГШ.

Вацетис в своих воспоминаниях представил создание академии как собственную заслугу, отметив, что Л.Д. Троцкий (мемуары Вацетиса писались в 1920-е гг., уже в период травли Троцкого) якобы даже не прочитал приказ о создании академии, который ему предложил подписать Вацетис, дабы обессмертить свое имя^{IV}. По всей видимости, у истоков академии стоял не один только советский главнокомандующий. Разработкой исходных положений, определявших задачи и характер академии, занималась специальная комиссия во главе с Н.И. Подвойским в составе В.Ф. Горина-Галкина, М.П. Павловича, Б.И. Рейнштейна, М.А. Рейснера и др. Комиссией были выработаны важнейшие организационные принципы будущей академии. Сам Подвойский получал указания непосредственно от Ленина и действовал в контакте с Вацетисом^V. Комиссарами академии стали В.Н. Залезский и Э.И. Козловский.

В академию, согласно телеграмме ее начальника, подлежали командированию «лица, исключительно выдающиеся активным участием [в] боевой [и] политической жизни Красной армии, способные [в] будущем занять должности Генштаба. Дабы значительно не ослаблять фронта, [на] первое время [в] академию будет принято около двухсот человек, почему на выбор таковых следует обратить самое серьезное внимание»^{VI}.

Приветствовавшие открытие академии старые генштабисты предостерегали от повторения ошибок прошлого: «Нас душили вычислениями азимуты,

^I РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148. Л. 7.

^{II} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 4. Л. 69.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 1об.

^{IV} РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1. Л. 630.

^V Академия имени М. В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А. И. Радзиевского. М., 1973. С. 10–11.

^{VI} РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1525. Л. 47.

вычерчиванием проекций, ситуаций; мы учили “метание артикулов по флигельману”; идя в бой, мы должны были вычислить формулу $mv^2/2$ и проч. Мы учили все эволюции ружейных приемов от времени Екатерины до наших дней, но не знали, что надо делать начальнику штаба дивизии до боя, во время боя и после боя.

Перед самой войной новая плеяда свежих лекторов пыталась оживить академию и поставить ее на чисто практический путь, но война и конференция старых профессоров помешали провести это дело до конца.

Ныне, когда к преподаванию привлечены многие из опытных руководителей, не связанных рутинной, мы надеемся, что ими будут использованы опыты минувшей кампании и нынешней еще не окончившейся борьбы на внутреннем фронте, столь богатой материалом для изучения новых организаций народных революционных армий и их новых методов в приемах ведения партизанской или, вернее, малой войны.

Побольше практики, поменьше теории и еще меньше схоластики.

Пусть все идут в эту академию. Учиться никогда не поздно и не стыдно¹.

Видный большевистский военный деятель Н. И. Подвойский во время заседания в академии 4 декабря 1918 г. указал слушателям на то, что от них ожидали партийные верхи: «Вы должны быть и слушателями академии Генерального штаба, и пропагандистами тех мыслей, которые будут вами вырабатываться, вы будете будить их (масс. — А. Г.) мысль и создавать в них милитаризм коммунистический, коммунистический фанатизм, коммунистическую экзальтацию, коммунистический патриотизм»².

Намеченная программа включала такие дисциплины, как: стратегия, философия войны (на дополнительном курсе), тактика всех родов войск и общая тактика, военная психология, история военного искусства (старший курс), история Великой всемирной войны 1914–1918 гг., служба Генштаба, военная география, военная администрация, военно-морское дело, военная топография, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийских частей, сведения по технике воздухоплавания и авиации, государственное право, международное право и вопросы современной международной политики, политическая экономия, вопросы мирового хозяйства, история цивилизации народов, социология, логика и методы научного исследования, иностранные языки (обязательно один — немецкий, японский, английский или французский).

Практические занятия предусматривались по стратегии и тактике (задачи, тактические поездки, полевые выходы), военной администрации, практическому изучению метода статистики, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, морскому делу, съемкам и верховой езде. Курс обучения должен был составить три года.

Намечено, но не реализовано было открытие и ускоренных одногодичных курсов при академии, где бы изучались основы современной стратегии, тактика пехоты, конницы, артиллерии, технических войск, воздушных средств и общая, история Великой всемирной войны 1914–1918 гг., служба Генштаба, обзор пограничных

¹ Старый академик. К открытию академии Генер[ального] штаба // Военное дело (Москва). 1918. 11.10.

№ 19. С. 21.

² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 260. Л. 5.

театров России, организация и тактика снабжения и транспорта, теория съемки, военно-инженерное дело, сведения по технике артиллерийской части. Практические занятия предполагались по тактике, военной администрации, службе Генштаба, инженерному делу, артиллерии, авиации, съемкам и верховой езде. В академию необходимо было зачислить прежде всего слушателей, принятых в июне и июле 1918 г.

Открытие академии происходило в спешке. Для подготовки к работе начальником академии был установлен месячный срок. В первоначально установленный РВСР срок не уложились, но занятия начались уже 24 ноября 1918 г., тогда как «еще 15 октября... вся академия заключалась в маленьком столике в кабинете начальника ГУВУЗа т. Муратова»¹.

Базовой идеей, которой руководствовались создатели академии, был максимум результата при минимуме затрат². В сжатые сроки решились вопросы с размещением академии (академия расположилась в здании бывшего Охотничьего клуба графа А. А. Шереметева на Воздвиженке), обеспечением ее топливом на зиму, открыта учебная часть, библиотека, приглашены лекторы по политическим вопросам, набран преподавательский состав. Работа велась в авральном режиме. Комиссар академии был назначен 15 октября, еще до открытия. Буквально по ночам удавалось пробиваться на заседания к членам РВСР и решать организационные вопросы, так как днем попасть на прием было невозможно.

Блестяще был подобран преподавательский состав из военспецов, многие из которых составляли цвет старого Генштаба. В.Е. Борисов должен был читать курс истории Первой мировой войны, А.А. Незнамов и А.А. Свечин – стратегию, С.К. Сегеркранц и С.М. Шейдеман – тактику конницы, В.Н. Свяцкий и Г.И. Теодори – тактику артиллерии, С.Г. Лукирский и Н.С. Беляев – общую тактику, Д.К. Лебедев – тактику технических войск, В.Н. Гатовский – тактику и технику воздушных средств, В.И. Самуйлов – организацию войск, военных управлений и учреждений, А.А. Свечин и В.Ф. Новицкий – службу Генштаба, Л.А. Радус-Зенкович и С.Д. Харламов – обзор театров войны, Н.А. Сулейман – снабжение и транспорт, Н.В. Хенриксон – военное хозяйство, В.Р. Канненберг – теорию съемки, В.М. Афанасьев – технику железнодорожного дела³. По свидетельству одного из слушателей набора 1920 г., «в академии не было ни одного преподавателя, отличившегося во время революции. Весь штат состоял из бывших генералов императорской армии, знаменитых, награжденных, нередко известных за пределами своего профессионального круга... В водовороте чрезвычайных и иногда непостижимых событий эти люди воспринимали свою судьбу со стойкостью профессиональных солдат. Они были готовы работать на любое правительство, которое могло возродить разрушенную Россию. Многие из них не верили в способность Советов достичь этой цели, но они откликнулись на призыв Ленина и Троцкого создать новую армию и готовы были отдать этому все свои силы. Они очень много сделали для создания Генерального штаба Красной армии и подготовки старшего командного состава. В этом

¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.

² Там же. Л. 25.

³ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 148. Л. 7об.

надо отдать им должное»¹. И.И. Вацетис также был критичен в своих воспоминаниях: «Старые генштабисты ушли на задний план и были пристроены в Военной академии РККА в качестве преподавателей, получали там фронтовой паек и хорошее жалованье»².

Руководили академией: А.К. Климович (7 октября 1918 – 13 июля 1919 г.), А.Е. Снесарев (13 июля 1919 – 25 июля 1921 г.), М.Н. Тухачевский (5 августа 1921 – 16 января 1922 г.), А.И. Геккер (с 16 января 1922 г. (заместитель начальника), 15 февраля – 27 июля 1922 г.), Л.Ф. Печерский (вр.и.д., 27 июля – 10 августа 1922 г.), П.П. Лебедев (10 августа 1922 – 19 апреля 1924 г.), Ф.М. Афанасьев (помощник начальника, 2 августа 1922 – 15 апреля 1924 г.). Из них только большевики Л.Ф. Печерский и М.Н. Тухачевский не имели отношения к старой академии. В дальнейшем академию возглавляли члены партии, не обучавшиеся в старой академии (М.В. Фрунзе, Р.А. Муклевич (заместитель), Р.П. Эйдеман), а пост начальника академии из военно-технического превратился в политический.

В качестве слушателей в академию попали некоторые из тех, кто ранее был зачислен на ускоренный курс старой академии, но из-за ее перехода к противнику не смог пройти подготовку. Среди них был и комиссар Ф.П. Никонов.

Никонов вспоминал: «Первый год очень интересно работала профессура. Они как-то воспрянули духом, и работа их очень интересовала, и они ей отдавали все свои силы. Они проработали все программы. Далее у них появился определенный научно-педагогический интерес. Помню, Новицкий и Шейдеман сразу же приступили к составлению своих трудов и учебников. Курс первого года прошел довольно оживленно. Оживлению еще помогало, главным образом, и то, что тогда работала так называемая конференция. В то время работа как-то шла дружно и оживленно. Может быть, потому, что профессура живо чувствовала, что снова создается академия.

Известная часть профессуры, по-моему, работала тогда вполне искренне. Мы тогда задавались вопросом относительно искренности работы профессуры. Мы видели, что некоторую часть мы все-таки в полной мере не сможем использовать. Мы постоянно шли навстречу профессуре и планомерно создавали их конференции.

Конференция – это есть собрание преподавательского состава, где они обсуждают научные и учебные вопросы. Это был чрезвычайно важный орган для академии. Это было в первый год, и я не знаю, по каким-то причинам в следующие годы некоторые элементы повели определенную борьбу. И в дальнейшем я не знаю, я уже тогда отошел от этой работы, был уклон, что работу этой конференции стали как-то суживать, и с конца 1919 года, под влиянием каких-то причин, я теперь об этом судить не решаюсь, но помню, что конференции стали суживать. Преподаватели стали чувствовать себя худо. Конференции были необходимы. Они возбуждали интерес и заставляли работать. После того как конференции стали суживать, преподаватели стали работать в одиночку. Дальнейшие годы работа проходила бледнее, впрочем, она и в настоящее время проходит довольно бледно.

¹ Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 102.

² LVA PA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 22. Л. 50б.

Я рекомендовал бы остановиться на этом вопросе. В академии сейчас определенный застой. Я определенно говорю, что сейчас в академии перегнута палка и там много полицейщины, указки, командования. Конференций сейчас нет. Часть профессорского состава Вам¹, вероятно, известна. Такое положение в академии я объясняю неумелым подходом. Я этого исторически установить сейчас не могу, когда это было сделано. Важно, что сейчас это чувствуется.

Если подводить итоги, то я должен сказать, что раньше в академии было лучше, особенно это чувствуется профессуре.

У нас целые курсы, случалось, посылали на фронт, напр[имер], в 1919 году на Колчака и на юг. На Колчака, когда он продвигался к Волге. Там была уже наша практическая работа. Там я командовал полком. Затем Колчак был отбит и начал отступать. Часть товарищей еще раньше была брошена против Деникина. Там работала группа в 40–50 человек. Там работа принесла определенные плоды. Мы там определенно вливали свежую струю. Я считаю, что роль академии в Гражданской войне была самая хорошая. Здесь будет два взгляда. Например, Тухачевский. Он говорит, что теперь академия играет большую роль, а тогда она представляла раньше орган, в который стремились все укрывающиеся от фронта. Конечно, против такого рода мыслей нужно бороться. Академия, безусловно, тогда играла большую роль. Это можно судить по тому, что в критические моменты к нам всегда приезжал тов. Радек, это чуткий барометр. Академия определенно сыграла большую роль в Гражданской войне. Академия была резервуаром, из которого постоянно в критический момент республика черпала молодые свежие силы и в определенный момент бросала их в опасное место. Это был последний государственный резерв. Куда посылали этот резерв, в том месте всегда был определенный успех. Это необходимо отметить.

Конечно, тут громадную роль играло и ЦК партии. Если мы придаем большое значение мобилизациям партийных сил, то нужно признать и ценное значение работы академии. Это не может быть оспорено.

Программы у нас были сокращенные. Сначала выпустили первый курс и предполагали, что мы, прослушав один год, будем брошены на фронт. Потом было найдено, что мы можем прослушать весь четырехлетний курс, и нас в 1919 году вызвали опять.

Тогда мы начали прохождение четырехлетней программы. Относительно того, как менялась программа, теперь, не имея под руками программ, трудно сказать. Надо отметить, что в дальнейшем в разработке программ у нас впервые был применен принцип совершенно новый. Мы параллельно тому, что дают профессора, выдвигая принцип самостоятельности, работали самостоятельно. Все то, что профессура должна была обсуждать на конференции, мы параллельно это обсуждали. У нас был создан специальный орган – учебная комиссия, которая то же самое эти вопросы рассматривала. Таким образом, происходила смычка, так сказать, соединение этих двух взглядов. Но здесь нужно отметить рядом с положительными результатами, которые принесла нам эта самостоятельность, и результаты отрицательные. Положительные результаты в том, что все вопросы,

¹ Н. И. Подвойскому.

разработанные профессурой старого закала, подходящими в период самой революционной борьбы к этим вопросам чисто субъективно¹. Имела место и ошибочная оценка и, может быть, неискренность. Работа, проводимая параллельно этой, будировала нашу собственную мысль, которая сплошь и рядом подсказывала совершенно другой ответ на поставленный вопрос, чем давала профессура. Поэтому я смотрю, что эта работа в данном направлении дала положительные результаты.

Отрицательные результаты следующие. Здесь наступил так называемый болезненный уклон в сторону коллективизма. По-моему, все-таки в учебном деле нельзя так перегибать палку, иначе самостоятельность может пойти в ущерб учебному плану и намеченному расписанию. Создавались различные группировки. Между этими группировками началась борьба, и особенно групповая рознь резко обозначилась в последний год. Людей стали подбирать своих. Во главе группировок всегда стояли люди с авантюристическим оттенком, которые отчасти стремились руководить всей деятельностью академии. И вот особенно в такой период сказались отрицательные стороны коллективизма. Вот такие люди из нашего бюро из учебной комиссии стремились разрешать все вопросы сами. Вследствие этого обострились сильно взаимоотношения с профессурой, и на этой почве возникло несколько конфликтов. Я не могу Вам сейчас назвать точно фактов – это надо собрать в академии, но это страшно отпугивало творческие силы профессуры. Это нужно отнести к периоду 1921–[19]22 гг. и даже этого года. В 1920 году это чувствовалось меньше.

Все годы программа планомерно разрабатывалась. Изменения были в сторону расширения. Затем самостоятельность слушателей в дальнейшем направила творческую мысль в научную сторону. Были образованы секции по разным вопросам военного знания. Теперь есть обязательность привлечения в эти секции всех сил слушателей.

Далее было образовано научное общество, которое сразу же приступило к разрешению некоторых вопросов. Здесь очень важно и ценно использовать профессуру, суметь привлечь ее к работе в ВНО². Особенно ценных работ в печати ВНО пока не дало. Это объясняется тем, что там групповая работа. Это дальше терпеть нельзя. Во главе ВНО стоит [С.М.] Белицкий, но он подбирал лиц не всегда объективно.

Программа первого и последующих годов вырабатывалась в зависимости от имеющегося в распоряжении времени и состава слушателей, применяясь к нему.

В первые года работы академии на опыт Гражданской войны не обращалось особенного внимания, и этот вопрос в академии не ставился во главу угла вплоть до окончания Гражданской войны. Но были занятия по усвоению разных принципов военного дела. Хотя опыт использования опытов Гражданской войны возникал в прежние годы. Я помню, этот вопрос поднимался на заседаниях научно-го характера, которые были в 1919–[19]20 гг., и Вы даже в 1918 году выступали против Сулеймана.

¹ Так в документе.

² Военно-научном обществе.

Уже тогда возникла поставленная Вами военная мысль, что исследования нужно направить в новом направлении. Надо отдать справедливость, что в программах это не заняло подходящего места. Тогда еще не было преподавателей, которые бы могли повести этот предмет. Эти новые данные в первые годы Гражданской войны не представлялись достаточно ясно. Новаторов в этом деле почти не было. Потом с развитием Гражданской войны, когда за Красной армией была уже некоторая история, тогда этот вопрос выдвигается. Тогда Вацетис повел курс истории войны. Теперь для разработки вопроса Гражданской войны создана особая кафедра и туда привлечены некоторые силы для работы. Результаты их работ я не знаю. В этом году они продолжают эту работу.

Когда мы к весне 1919 года начали кончать первый основной курс, то явилась необходимость не ограничиваться только выпуском нашего курса, а продолжать работу и вводить новый курс. Весной 1919 г. была объявлена разверстка по округам. Осенью решено было начать новый курс. На лето 1919 года часть курса была брошена на Южный фронт. Весь основной курс выехал в лагеря для съемочных работ. Дальше особых перемен в нашей внутренней жизни академии не было. Климович был заменен. В дальнейшем наша работа шла в зависимости от фронтов. Далее в процессе работы академии явилась необходимость создания подготовительного курса для тех товарищей, которые поступали в академию без окончания среднего учебного заведения, так как они не имели средств для их окончания, но они имели зато большой революционный и организационный стаж. Для того, чтобы они могли применить свой организационный и революционный опыт, не имея определенного учебного стажа, для них и был создан этот подготовительный курс. Это был ценный и очень важный курс. Он теперь, кажется, к сожалению, закрыт.

Дальше стоит вопрос о дальнейшей подготовке научных сил. В этом направлении был создан институт адъюнктуры при академии. Я до сих пор не в курсе этого дела. Здесь как будто происходит подбор не вполне объективный.

Относительно преподавания. Явились сторонники французского метода преподавания – предметного, а не лекционного, как было до сих пор. Сторонником этого течения был [Г.Д.] Закс и целый ряд других товарищей. Эта борьба шла в 1919–[19]20 и [19]21 гг. В результате этой борьбы прошел все-таки лекционный метод. Теперь снова эта борьба началась. Практические занятия шли с самого же начала.

Затем был семинарий общеполитический. Семинарий по историческому материализму вели наиболее видные профессора. По марксизму занимались с нами [Н.И.] Бухарин и [В.Ф.] Горин[-Галкин]. Военная игра началась в 1918 г.¹ В лагерях первый курс занимался ей, но у нас не было полевой поездки»^{II}.

Как известно, в разгар Гражданской войны РККА испытывала острейший дефицит кадров Генштаба. Ситуация в академии была даже хуже, поскольку это место службы не считалось значимым для обороны Советской России. На конец августа 1919 г. некомплект штатных преподавателей доходил здесь до 90 %^{III}.

^I Правильно – в 1919 г.

^{II} РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 17об.–20.

^{III} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 13.

А.Д. Тарановский в показаниях по делу «Весна» рассуждал о выборе генштабистов, преподававших в Академии Генштаба РККА в Гражданскую войну: «Их положение было уже гораздо легче по сравнению с простым офицерством — они имели уже определенные должности, сносно обеспечены содержанием и удовольствием, а главное, спокойно могли читать по избранному им[и] предмету лекции и, самое важное, им был предоставлен широкий простор к изданию в печатном виде их трудов. Многие из них, по моим наблюдениям, с интересом приступили к своим сочинениям, стараясь по своей памяти использовать богатый опыт только что закончившейся невиданно большой войны. Поэтому у профессоров академии меньше было оснований быть недовольными своей обстановкой и своим положением»^I.

Сам Тарановский, работавший в академии с марта 1919 по май 1920 г., отмечал, что «в своей работе находил удовлетворение своих духовных и физических сил»^{II}. Тарановский и множество военспецов наивно верили в то, что, если добросовестно исполнять свои обязанности, можно рассчитывать на доверие новой власти. Об академическом периоде своей деятельности он вспоминал: «Этот год был первым годом существования красной Военной академии. Формирование и благоустройство помещения еще продолжались. Профессорский и преподавательский состав еще продолжал набираться, так что в смысле личного профессор[ск]о-преподавательского состава этот период можно назвать период[ом] весьма текучего и изменчивого состава. В середине этого же года произошла перемена в начальниках академии — вместо ушедшего первого н[ачальни]ка т. Климовича вновь назначен был т. Снесарев.

В этот период каких-либо группировок профессуры и офицеров на политической почве я в академии не наблюдал и не помню даже признаков таковых группировок. Текучесть профессор[ск]о-преподавательского состава и происшедшая смена начальника академии, по-моему, не давали благоприятную обстановку для тайных группировок. Во всяком случае я этих группировок не видел и о существовании их не знал.

С учебной точки зрения весь профессор[ск]о-преподавательский состав разделялся по отдельным кафедрам, а практические занятия по различным тактикам (пехоты, конницы, снабжению и устройству тыла и т.д.) [делились] на партии. Во главе этих занятий по практическим тактикам в последнее время были поставлены старшие руководители, которым было подчинено несколько партий с отдельными руководителями-генштабистами или специалистами артиллерии, авиации и т.д. Но это разделение, по-моему, вызывалось чисто учебными требованиями; так это было, я помню, и в старой академии, и я их не мог бы причислять к группировкам на политической почве, тем более что руководителей практических занятий старшие руководители не выбирали, а их назначала администрация академии. У меня в восточном отделении преподаватели были статские люди»^{III}.

На вопрос о том, обсуждалось ли преподавателями падение советской власти, Тарановский показал: «Со времени 1919 года идет уже двенадцатый год, а потому

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 26.

^{II} Там же. Л. 26об.

^{III} Там же. Л. 26об.-27.

трудно вспомнить эти отдельные разговоры и настроения. В собраниях и в отдельных группах также не помню, чтобы эти вопросы обсуждались. Помню, как однажды один из профессоров, кажется Новицкий, критикуя действия контрреволюционных генералов (Колчака, Деникина, Юденича и т.д.), указывал на безграмотность их действий, а именно на разрозненность их действий и разновременность их наступлений. Из этого он заключал, что руководящего объединения у них нет и причину этого надо искать, сказал он, в том, что каждый из этих генералов боялся лавры первенства уступить другому. При таких действиях, сказал он, все их попытки обречены на неуспех и им сов[етской] власти свергнуть не удастся.

Неожиданный подход Деникина к Туле, помню, создал тревожную обстановку вообще в Москве и в частности в академии. Офицерству было известно, что контрреволюционные генералы считали то офицерство, которое осталось в пределах советской власти и поступило на службу в Красную армию и в ее учреждения и учебные заведения, считают¹ изменниками и угрожали якобы жестоко при встрече с ними расправиться. Они считали оставшихся этих офицеров создателями Красной армии, а оставшихся генштабистов организаторами и руководителями действий Красной армии против этих генералов... Башибузукский состав деникинской армии большинству офицеров был известен. Все это, вместе взятое, действительно создавало грозное, тяжелое положение... Опять-таки не помню, чтобы по этому поводу было какое-нибудь общее обсуждение в собраниях или в группах. Каждый держал свои мысли, свое решение при себе и его не высказывал; чувствовалось только тревожное и несколько подавленное настроение и страх перед предстоящим кровопролитием.

И так, не зная мыслей и решений отдельных профессоров и преподавателей на счет перестраховки на случай входа Деникина в Москву, я беру на себя смелость высказать личное мнение по этому вопросу, основанное на прямом моем личном наблюдении состава академии. Я полагаю, что старый профессор[ск]о-преподавательский состав [был], пожалуй, бы не прочь остаться на месте при входе Деникина и надеялся себя реабилитировать пред ним, что же касается молодого состава генштабистов, то тут бы, без сомнения, произошло разделение и большая часть, на случай оставления Москвы, ушла бы с отходящими частями Красной армии, обороняясь на линии Волги и, может быть, дальше на восток, т.к. их сверстники в деникинской армии давно уже были испечены в генералы и служба бы их там была бы трудна. Таково, повторяю, личное мнение по этому вопросу»².

Назначение в 1919 г. начальником академии бывшего генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева, выпускника старой академии 1899 г., несомненно, являлось настоящей кадровой удачей. Сложно представить военного специалиста, более подходившего для занятия этой должности. Снесарев стремился избежать участия в Гражданской войне против прежних товарищей по службе, но был лоялен новой власти и тяготел к научно-педагогической работе (даже командуя 16-й армией, в июне 1919 г. он читал публичные лекции в Смоленске в Народном университете).

По критической оценке А.А. Свечина, «первые годы В[оенная] академия представляла сборище случайно набранных преподавателей, весьма различных по своим

¹ Так в документе.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 27–27об.

взглядам, но в большинстве своем это были люди, интересы и настроения которых не совпадали с революцией^I. Ему вторил Д.Н. Надежный: «Военная академия РККА также оказалась тем местом, которое давало возможность избежать активного участия в революции, для тех, кто не был уверен в утверждении революции и кто рассчитывал на “смену вех”»^{II}.

В одном из приказов по академии в апреле 1919 г. отмечалось, что «академический курс наук при настоящей краткосрочности требует самого упорного труда для своего усвоения. Недостаток же учебных пособий и руководств заставляет аккуратнo, без всяких пропусков посещать лекции, внимательно воспринимать и записывать их, хотя бы в самой конспективной форме»^{III}. Впрочем, это требование было далеко от действительности. Как показали внезапные проверки, слушатели неаккуратно посещали лекции. Расписавшись утром в регистрационном листе, они уходили и являлись только к обеду на практические занятия^{IV}. «Ни в одном военном учреждении я не видел такой слабой дисциплинированности, как в академии», — отмечал комиссар академии в декабре 1919 г.^V

Лояльность слушателей академии для власти казалась важнее профессионализма. В совершенно секретном донесении Высшей военной инспекции председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому о лояльности военно-учебных заведений Москвы, подготовленном в сентябре 1919 г. (очевидно, в связи с делом военной организации «Национального центра», раскрытой в тот период), было отмечено: «Исключительная требовательность мандатной комиссии академии Генштаба является залогом надежности состава слушателей. Во главе академии стоят: начальник академии Снесарев — лично известный с хорошей стороны тов. [И.Я.] Алибекову^{VI}, и комиссары академии тов. Залезский и Козловский: рекомендовать их излишне. Боевого значения академия не имеет»^{VII}.

Как вспоминал слушатель первого набора, впоследствии Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, «главную роль при первом наборе играло наличие рекомендаций двух членов РКП(б), собственного партстажа и опыта военной работы, преимущественно в Красной армии. В результате в академию попали люди с неодинаковыми знаниями. Кое-кто имел высшее образование, большинство — среднее, а некоторые — только начальное. Естественно, последним учиться было очень трудно»^{VIII}. По свидетельству А.Ф. Федорова, были «обязательны два условия: опыт в военном деле и личное участие в боях против белых»^{IX}.

Данные о первых слушателях академии по образовательному цензу и партийности, несмотря на существенные расхождения в источниках, представлены в таблицах 87 и 88.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 11–12.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 37 (3149). Л. 12.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 149. Л. 170.

^{IV} Там же. Л. 141.

^V РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

^{VI} В документе ошибочно — Алибекову.

^{VII} РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 380. Л. 4об.

^{VIII} Мерецков К. А. На службе народу. М., 2003. С. 65.

^{IX} Федоров А. Ф. Октябрьские зори. М., 1962. С. 173.

**Социальный состав слушателей первых наборов
Академии Генерального штаба РККА по официальным данным¹**

	Набор (%)			
	1918	Весна 1919 параллельный курс	Осень 1919	Осень 1920
Коммунистов	60 (из них 21 со стажем до октября 1917 г.)	49	70	89,5
Сочувствующих	20	32	12	1?
Других партий	5	1	2	
Беспартийных	15	18	16	9,5
С высшим образованием	5 (по другим данным, 5,5)		20	5,5
Со средним образованием	70		56	65
С низшим образованием	25		24	29
Выпускники военных училищ, школ и курсов	79 (по другим данным, 88)	92	86	92,5
Без военного образования	21	8	14	7,5
С боевым опытом	94		79?	94
Направлены с фронта		75	57	68
Направлены из тыла		25	43	32

Приведенные статистические сведения, несмотря на расхождения в имеющихся цифрах, демонстрируют крайнюю неоднородность состава слушателей, прежде всего, по их образовательному уровню, что не могло не вызвать значительных осложнений в процессе обучения. По другим данным, вероятно более точным, статистика первых наборов академии следующая (табл. 88).

Таблица 88

**Данные о составе слушателей первых наборов Академии Генерального штаба
(Военной академии) РККА, сохранившиеся в делопроизводстве академии¹**

Год приема	1918	1919	1920	1921	1922
Прибыло для поступления	181	815	579	762	321
Принято	175 (96,6 %)	378 (46,4 %)	276 (30,4 %)	427 (56 %)	170 (52,9 %)

¹ Сост. по: Два года Красной академии Генерального штаба (1918 — сентябрь 1920 г.). М., 1921. С. 22, 33, 35, 39; Академия имени М. В. Фрунзе. С. 19; Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002. С. 102. К сожалению, в ряде случаев оказалось невозможно устранить явные статистические ошибки, особенно в вопросе соотношения слушателей со средним военным и гражданским образованием.

¹¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 57. Данные о составе слушателей первых лет существования Военной академии РККА довольно сильно расходятся, что не может не навести на мысль о возможном искажении этих сведений (вероятно, учитывались сведения о слушателях не на период их обучения в академии, а на юбилейный для академии 1928 г.), так как в материалах к 10-летию академии указывалась иная статистика партийных, которых, например, в выпуске 1921 г. было 47 %. Аналогичные расхождения существуют и по другим параметрам, например, по социальному происхождению выпускников. В том же первом выпуске указано 5 % рабочих, 46 % крестьян и 49 % прочих (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 76). Выявленные расхождения указаны в сносках.

Год приема	1918	1919	1920	1921	1922
Отсеялось в течение курса	75 (42,9 %)	240 (63,5 %)	217 (78,6 %)	313 (73,8 %)	44 (26,5 %)
Год выпуска	1921	1922	1923	1924	1925
Всего окончило	100	138	59	114	126
Членов ВКП(б)	64 (64 %) ^I	115 ^{II} (83,3 %)	53 ^{III} (89,8 %)	95 ^{IV} (83,3 %)	97 ^V (77 %)
Кандидатов	6 (6 %) ^{VI}	9 ^{VII} (6,5 %)	3 (5,1 %)	8 ^{VIII} (7,1 %)	3 ^{IX} (2,4 %)
Беспартийных	30 (30 %) ^X	14 ^{XI} (10,2 %)	3 ^{XII} (5,1 %)	11 ^{XIII} (9,6 %)	26 ^{XIV} (20,6 %)
Из рабочих	9 (9 %) ^{XV}	19 ^{XVI} (13,8 %)	11 ^{XVII} (18,7 %)	24 ^{XVIII} (21 %)	28 ^{XIX} (22,2 %)
Из крестьян	19 (19 %) ^{XX}	27 ^{XXI} (19,6 %)	23 ^{XXII} (38,9 %)	32 ^{XXIII} (28,1 %)	39 ^{XXIV} (40 %)
Прочие	72 (72 %) ^{XXV}	92 ^{XXVI} (66,6 %)	25 ^{XXVII} (42,4 %)	58 ^{XXVIII} (50,9 %)	59 ^{XXIX} (46,8 %)
С общим высшим образованием	4 (4 %)		6 (10,1 %)	2 (1,8 %)	
С общим средним образованием	61 (61 %)	115 (83,3 %)	37 (62,7 %)	79 (69,3 %)	75 (59,5 %)

- ^I По другим данным, 47 (47 %).
^{II} По другим данным, 99.
^{III} По другим данным, 50.
^{IV} По другим данным, 97.
^V По другим данным, 90.
^{VI} По другим данным, 4 (4 %).
^{VII} По другим данным, 1.
^{VIII} По другим данным, 3.
^{IX} По другим данным, 5.
^X По другим данным, 49 (49 %).
^{XI} По другим данным, 38.
^{XII} По другим данным, 6.
^{XIII} По другим данным, 14.
^{XIV} По другим данным, 31.
^{XV} По другим данным, 5 (5 %).
^{XVI} По другим данным, 17.
^{XVII} По другим данным, 13.
^{XVIII} По другим данным, 19.
^{XIX} По другим данным, 22.
^{XX} По другим данным, 46 (46 %).
^{XXI} По другим данным, 67.
^{XXII} По другим данным, 22.
^{XXIII} По другим данным, 50.
^{XXIV} По другим данным, 61.
^{XXV} По другим данным, 49 (49 %).
^{XXVI} По другим данным, 54.
^{XXVII} По другим данным, 24.
^{XXVIII} По другим данным, 45.
^{XXIX} По другим данным, 43.

Год приема	1918	1919	1920	1921	1922
С общим низшим образованием	35 (35 %)	23 (16,7 %)	16 (27,2 %)	33 (28,9 %)	51 (40,5 %)
Военное образование до академии среднее (в старой армии)	66 (66 %)	97 (70,3 %)	40 (67,9 %)	57 (50 %)	41 (32,5 %)
Нормальные школы РККА				8 (7,1 %)	37 (29,4 %)
Командные курсы РККА	21 (21 %)	15 (10,9 %)	10 (16,8 %)	28 (24,5 %)	35 (27,8 %)
Без военного образования	13 (13 %)	26 (18,8 %)	9 (15,3 %)	21 (18,4 %)	13 (10,3 %)
Участвовали в боях Гражданской войны	100 (100 %)	126 (82,8 %)	50 (84,7 %)	110 (96,4 %)	115 (91,3 %)
Имеют ордена Красного Знамени	8 (8 %)	23 (13,8 %)	11 (18,7 %)	26 (22,8 %)	33 (26,2 %)

Сведения о том, каким служебным стажем обладали и как были использованы в РККА первые выпускники академии, представлены в таблице 89.

Таблица 89

Сведения о выпуске Военной академии РККА 1921 г.¹

Полученное назначение	Количество назначений	Строевой стаж в старой армии						Строевой стаж в Красной армии						Штабной стаж в Красной армии						Кадровых офицеров	Офицеров военного времени	Не бывших офицерами		
		Командарм	Начдив	Комбриг	Комполка	Комбат	Комроты	Без стажа	Командарм	Начдив	Комбриг	Комполка	Комбат	Комроты	Без стажа	Наштарм	Наштадив	Наштабриг	Начальник управления				Начальник отдела	Без стажа
Командир корпуса	1									1						1								1
Начальник дивизии	6				1	1	4	1	1		1		1	2		3	1	1		1			4	2
Командир бригады	7					2	5		1			2	1	3	1	1	2		2	1		3	4	
Командир полка	3					2	1					1		2		1	1			1		3		
Начальник штаба войск района	2			1	1					1	1					1		1				2		
Начальник штаба дивизии	11				5	4	2					1	1	4	5	1	2	5		2	1	3	8	

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 44. Л. 198об.–199.

Полученное назначение		Количество назначений	Строевой стаж в старой армии						Строевой стаж в Красной армии						Штабной стаж в Красной армии						Кадровых офицеров Офицеров военного времени Не бывших офицерами				
			Командарм	Начдив	Комбриг	Комполка	Комбат	Комроты	Без стажа	Командарм	Начдив	Комбриг	Комполка	Комбат	Комроты	Без стажа	Наштарм	Наштадив	Наштабриг	Начальник управления				Начальник отдела	Без стажа
Начальник штаба бригады		2					1	1					1		1					1	1			1	1
Начальник центрального управления		1					1			1									1					1	
Начальник управления		13				2	5	6			3		1	9			4	6	1		2	1	9	3	
Помощник начальника управления		1					1												1				1		
Начальник отдела		9				1	6	2		1	1	2		5	1		3	1	3	1	2	5	2		
Начальники отделений		5					3	2					1	4		1	1	1		2		5			
Начальник штаба крепости		1					1						1			1							1		
Преподаватели		2				1		1	1					1			1		1				2		
Начальник школы		1					1				1								1				1		
Оставлены при академии		3				1	1	1		1		1		1		1	1			1		3			
Не получили определенного назначения	В распоряжении начальника штаба войск	5			1		3	1		1		1	2	1		1	1	2		1		4	1		
	В распоряжении РВСР	4					2	2						4	1	1	1			1		3	1		
	Штаб РККА	4				1	3				1			3		1	1		2			4			
	В распоряжении ГУВУЗа	7				3		4			1		3	3	1	1	1	1		3	1	6			
	В распоряжении ЦУПВОСО	6				1	3	2			2			4		3	1			2		5	1		
Итого		92			2	17	40	34	2	3	5	12	9	14	43	5	23	26	9	13	18	7	71	16	

По служебному опыту в РККА среди слушателей первого набора был 31% командиров бригад и начальников штабов бригад, 24% помощников начальников штабов бригад, 11% начальников дивизий и начальников штабов дивизий, 10%

помощников начальников штабов дивизий, 11 % начальников отделов штабов армий, 5 % начальников отделов штабов фронтов, 4 % командиров полков, 2 % начальников штабов армий, 2 % работников тыла¹.

В первом наборе были командиры, которым было трудно или даже невозможно освоить академическую программу. Одним из них был легендарный начдив В.И. Чапаев, ранее окончивший два класса церковно-приходской школы и курс полковой учебной команды. Неудивительно, что Чапаев продержался в академии не более трех недель². От слушателей с подобной недостаточной подготовкой требовалось сдать экзамен по программе советских командных пехотных курсов³. Некоторые учебой почти не интересовались. Например, при инспектировании академии в феврале 1919 г. выяснилось, что «часть отсутствовавших на лекции слушателей находилась в академии вне аудитории, где читалась лекция, и занималась чтением газет, книг, болтовней и прочим посторонним делом»⁴. Многие опаздывали с утра на первую лекцию (к ее началу приходили 25–30 человек, а во время лекции еще 30–40 человек).

К.А. Мерецков вспоминал: «К нам профессура относилась сначала довольно снисходительно. В 1918/19 учебном году существовали только две оценки на зачетах: “удовлетворительно” и “неудовлетворительно”, причем я не помню, чтобы “неуды” бывали часто. Как правило, все получали удовлетворительные оценки. И тем не менее отдельные слушатели не смогли учиться в академии и бросили ее. Правда, каждый последующий набор был сильнее предыдущего. Рос уровень подготовки будущих красных офицеров Генштаба, росли и требования к ним. А некоторые слушатели оставили академию только потому, что не выдержали холодного скептицизма и несколько иронического отношения к ним со стороны профессуры, а также возненавидели медленно изживавшуюся преподавателями схоластику в обучении или сочли, что они и без того сумеют принести пользу истекавшей кровью Советской России»⁵. Критические воспоминания об учебе и отношении военспецов к слушателям оставил и оказавшийся в первом наборе будущий генерал И.В. Тюленев⁶.

Бытовые условия жизни слушателей первого набора были трудными — скудный паек, жизнь в неотапливаемом помещении, необходимость по выходным заниматься заготовкой дров.

В феврале 1919 г. прошел прием на параллельный курс академии, призванный увеличить число слушателей (причем 11 % зачисленных ранее даже не служили в РККА), занятия начались 3 марта. После этого набора основной курс составил 183 слушателя, а параллельный — 160. Одним из зачисленных на параллельный курс был чекист Е.Г. Евдокимов, впоследствии печально известный как руководитель крымских расстрелов конца 1920 г., в ходе которых оказались истреблены тысячи людей.

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 160б.

² Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 369–379.

³ Легендарный начдив: Сб. док. Чебоксары, 1986. С. 114.

⁴ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1334. Л. 1.

⁵ Мерецков К. А. На службе народу. С. 65–66.

⁶ Тюленев И. В. Через три войны: Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М., 2007. С. 140.

Цели обучения были следующими. На младшем курсе велась подготовительная работа, слушатели усваивали метод изучения военных наук, получали знания по специальным отраслям. На старшем курсе им давались уже широкие обобщающие знания, а дополнительный курс предполагал практику в самостоятельной творческой работе¹.

Распределение учебных часов на основном курсе академии было следующим (табл. 90).

Таблица 90

**Распределение намеченных учебных часов на основном курсе
Академии Генштаба РККА в 1918–1919 г.^{II}**

Предмет	Часов лекций	Часов практических занятий
Основы современной стратегии	28	
Тактика пехоты	35	168 (тактика и служба Генерального штаба)
Тактика кавалерии	21	
Тактика артиллерии	28	
Тактика технических войск	28	
Тактика воздушных средств	14	
Тактика прикладная	63	
Служба Генерального штаба	56	
История Великой всемирной войны 1914–1918 гг.	56	
Обзоры театров войны (военная география)	28	14
Устройство вооруженных сил республики	28	
Военное хозяйство, снабжение и транспорт	56	56
Теория съемки	56	28
Военно-инженерное дело	26	14
Сведения по технике артиллерийской части	28	
Сведения по технике железнодорожного дела	14	
Основы военной психологии	14	
Социальная психология	10	
Основы советской Конституции	10	
Основы внешней политики	10	
Философские и социологические основы марксизма	8	
Техника социализма	3	
Социализм и железнодорожное хозяйство	3	
Итого	625	280

В апреле 1919 г. в связи с наступлением белых на Восточном фронте академия осуществила досрочный выпуск слушателей основного курса, направленных

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 8–9.

^{II} Военная академия за пять лет / под ред. М. Л. Белоцкого, И. Г. Клочко, Е. А. Шиловского. М., 1923. С. 124.

на фронты (осенью 1919 г. они продолжили обучение). 19 апреля академию посетили В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский, М.И. Калинин, где выступили перед уезжавшими на фронт слушателями. В апреле на Восточный фронт отправились 20 слушателей, в начале мая на Южный фронт были командированы 30 человек, 15 июля уехали остальные слушатели основного курса (87 человек) – итого на фронт были направлены 137 человек (впрочем, в данных есть расхождения)¹. Распределение командированных было следующим (табл. 91).

Таблица 91

**Распределение слушателей Академии Генштаба РККА,
командированных в войска
(по данным на 13 ноября 1919 г.)²**

Куда командированы слушатели	Основной курс (командировано – прибыло в академию)	Параллельный курс (командировано – прибыло)	Итого
Восточный фронт	43 – 7	1 – 0	44 – 7
Южный фронт	60 – 30	1 – 0	61 – 30
Западный фронт	20 – 5		20 – 5
Северный фронт (6-я отдельная армия)	2 – 2		2 – 2
В распоряжение войск внутренней охраны	1 – 0	3 – 0	4 – 0
В распоряжение А. И. Окулова	1 – 0		1 – 0
В распоряжение С. И. Гусева		5 – 0	5 – 0
В распоряжение Воздухфлота ³	1 – 0		1 – 0
В распоряжение ВГШ	1 – 0		1 – 0
В распоряжение ЦУПВОСО	4 – 0		4 – 0
В распоряжение Полевого штаба РВСР	1 – 0	1 – 0	2 – 0
В распоряжение Украинского фронта	1 – 0		1 – 0
В распоряжение Туркестанского фронта		1 – 0	1 – 0
В распоряжение НКВД		2 – 0	2 – 0
В распоряжение Военного совета Тульского укрепленного района		2 – 0	2 – 0
В распоряжение Рязанского ревкома		6 – 0	6 – 0
В распоряжение начальника Калужской дивизии		6 – 4	6 – 4
Итого	135 – 44	28 – 4	163 – 48

В войсках слушатели назначались, прежде всего, помощниками начальников бригадных и дивизионных штабов, политическими комиссарами и на должности для поручений. Один из направленных на фронт слушателей, Ф.И. Трутко (служил в Орловском окружном оперативном штабе по борьбе с дезертирством),

¹ РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 58. Л. 43.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 123. Л. 75. Также см.: РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 58. Л. 43; НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 53.

³ Главного управления Рабоче-крестьянского Красного военно-воздушного флота.

10 августа 1919 г. писал начальнику академии о недостаточности полученных знаний: «Я на опыте убедился, что те знания, которые нам сейчас даются в академии, все еще недостаточны, чтобы быть организаторами, “мозгом” армии. Если эти знания и достаточны для того, чтобы быть работниками в штабах, уже организованных, где работа уже налажена, то они очень и очень недостаточны для того, чтобы самому организовать штаб»^I. Слушатели жаловались на недостаточное знакомство с курсом службы Генштаба, незнание техники его работы и организационных вопросов”.

Учеба в академии, как и служба в РККА, являлась мощным социальным лифтом. В этом отношении показателен путь донского казака С. А. Зотова, который в 1917 г. окончил Тифлисское военное училище и получил чин прапорщика. В РККА он командовал кавалерийской бригадой, стал начальником полевого штаба 1-й Конной армии, в 1923 г. окончил академию, а впоследствии получил звание комкора. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Белый генерал А. В. Голубинцев вспоминал службу Зотова в Первую мировую войну, когда тот был возрастным, но дельным и строгим вахмистром”.

Отношение старых генштабистов в штабах к слушателям Академии Генштаба РККА было нередко пренебрежительным и даже враждебным. Порой недовольство фронтового начальства имело основания. Чего стоит аттестация слушателя академии помощника начальника штаба дивизии П. А. Ягунова, данная начальником 12-й стрелковой дивизии 10 ноября 1919 г.: «Тов. Ягунов прибыл в дивизию в 1[-х] числах августа с.г., работал при штадиве и его отделах. Проявлял особую любознательность к изучению приказов по армии и флоту, касающихся окладов и льгот комсостава. Имеет огромное тяготение к тыловой службе и распространению разных небылиц. Будучи послан в штадив соседней дивизии, задачу выполнял добросовестно, посылая все застарелые сведения аккуратно. Полученные им знания в академии Генерального штаба особенно не проявил, так что степень его подготовленности как работника штаба установить не удалось»^{IV}.

В том же духе характеристика слушателя академии Г. С. Иванова, составленная командиром 3-й бригады 27-й стрелковой дивизии 31 мая 1919 г.: «Был назначен на штабную должность (начоперот” 5[-й армии]) принудительно (но не без согласия его) и сравнительно случайно. Никаких особых проявлений участия в Гражданской войне со стороны Иванова я не замечал; работал в штабе весьма посредственно “за деньги”. Инициативы и особого старания с его стороны я тоже не видал за все время моей службы с ним... Никакой политической работы в штабе Иванов Г. С. не вел, с одной стороны, по причине полной политической незрелости его, с другой стороны, вероятно, не имея ничего общего с коммунизмом... Его личные способности как распорядителя и организатора ниже всякой критики. Кругозор удивительно узкий. Проницательности у него не хватает даже для должного уразумения поступающих к нему как начоперот документов (бывали иногда прямо-таки курьезные случаи неумения

^I РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 11.

^{II} Там же. Л. 85.

^{III} Голубинцев А. В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг. Мюнхен, 1959. С. 138.

^{IV} РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 138. Л. 46.

^V Начальник оперативного отдела.

даже прочесть и понять телеграммы). Вообще, в работе разбирался с большим затруднением. Я должен добавить, что Иванов Г.С. очень туг на соображение – недостаток психологического и даже физиологического характера... Иванов Г.С. не может служить для Советской России полезным работником на штабных должностях, не имея на то никаких способностей... за все время моей службы с ним я замечал с его стороны удивительную заботливость о своем материальном благополучии и о своевременном получении денежного довольствия, в какой бы форме оно ни выражалось, было ли то жалование, подъемные суммы или вознаграждение за утеранные когда-то и где-то вещи (маленькое примечание: Иванов Г.С. для получения такового, к моему удивлению, быстро составил и представил список утеранных вещей, в котором числились воротники, резинка, дюжина карандашей и мн[огое] друг[ое]). Мне кажется, что Иванов Г.С., будучи специалистом автомобильного дела, мог бы быть гораздо полезнее в этой области, хотя я не видал его при деле»^I.

Прибывших в войска слушателей ждал не слишком радушный прием. Как свидетельствовал член ВЦИК слушатель А.Г. Васильев, «после разбивки нас на группы, я в своей группе был направлен в штаб 7-й армии, где прием носил совершенно другой характер, но это, возможно, объясняется тем, что мы там не были встречены ни одним старым генштабом и даже не имели удовольствия познакомиться с командармом 7[-й]. Я не хочу вышесказанным подчеркнуть, в свою очередь также как будто неприязненное отношение к старому Генштабу»^{II}.

На Южном фронте впечатления слушателей были схожими: «В штабе фронта встретили нас как людей, не имеющих практики, в политотделе – как будущих помощников, специалисты – как конкурентов, в штабе армии – как лиц, без которых можно обойтись, по их мнению, в штабе бригады политкомы как помощников в политическом и боевом отношении... В последнее время отношение ко мне было как к незаменимому работнику»^{III}.

Л.Г. Петровский, попавший в 10-ю армию Южного фронта, вспоминал: «В штабе фронта встретили плохо – с политотделами не говорил, специалисты смотрели на нас как на “конкурентов”. В армии встретили сносно, объясняя отсутствием работников, в дивизии – плохо, заявляя, что мы ничего не знаем (заранее). Сначала не знали, куда меня пристроить, пока не назначили на должность наштабрига»^{IV}.

Слушатель А.А. Ефимов свидетельствовал: «Разговоры с некоторыми товарищами из политотдела убедили нас, что работа в штабах весьма не спорится и не потому, что нет людей, а потому, что наблюдается скрытый всюду саботаж. В штабе Южного фронта представители бывшего Генерального штаба поразили нас своей некорректностью, какой-то холодной замкнутостью. Нас неприветливо встретили, прямо-таки недружелюбно, а под конец мы с ними разругались. Их ужасно поразила, а в душе взбесила, наша требовательность, настойчивость и полная нестесненность»^V.

^I РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 158. Л. 134–134об.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 31.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 55. Л. 5.

^{IV} Там же. Л. 6.

^V РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.

Один из слушателей, Н.В. Миронцев, 29 июля 1919 г. писал, что его с товарищами направили не на те должности и не на ту работу, к которой готовили, «и вот результат месячной работы в штабе армии, каждый из нас набил немного руку в канцелярщине, ничего общего не имеющей со стратегией, тактикой и службой Генштаба, и немало израсходовал энергии и сил большей частью на совершенно нецелесообразную работу или на войну со специфической атмосферой штаба армии (8-й. — А.Г.), который, порой казалось, был штабом не Рабоче-крестьянской Красной армии, а царской старорежимной... в штабах дивизии нас не оставляли, а послали на должности не выше помощников по оперативной части начал[ьников] штабов бригад, и это в то время, когда у нас 90% должностей Генштаба вакантны и, кроме того, не только начальники штабов бригад, а подчас начальники штабов дивизий не только не генштабы, а подчас полуграмотные в отношении тактики и др[угого] люди... Теперешний штаб армии гораздо громоздче старого штаба, для размещения его учреждений даже в Воронеже не хватает помещения, а еще штабы дивизии, бригад, полков, когда один оперативный отдел штаба при движении занимает 77 вагонов»^I. Миронцев вполне допускал, что за раздутостью штаба мог скрываться злой умысел военспецов.

Слушатели красной академии платили военспецам с фронта, в том числе старым генштабистам, той же монетой, порой выступая как самостоятельная сила, противостоявшая старшему поколению. Слушатель П.А. Ягунов вместе с однокашниками 3 июля 1919 г. направил в академию ехидную характеристику порядков в штабе 8-й армии: «Не приходится уже говорить о работе серьезной, работе в крупном масштабе, участии на заседаниях при разработке оперативных действий, составлении боевого приказа частям армии или на других важных заседаниях, а вместо этого слышишь со стороны начальника оперативного отдела тов. [С.Н.] Голубева и его помощника тов. [Б.П.] Лапшина (старых генштабов) только грубое, в невежливой форме обращение, видя в нас подчиненных, сами становятся начальниками старого пережитого времени, да, наконец, громкий крик: “я вам приказываю”, “я вас сейчас отправлю под арест”, а “еще больше, даже расстреляю”, — что это за отношения, кому это нужно, наконец, разве нас красная академия послала на практику для этого... Просим довести до сведения, кому это знать нужно, этой старой рутине нет места в штабах нашей армии. Подписали: слушатели красной академии Генерального штаба [П.Е.] Морозов, Ягунов, Миронцев, [Б.В.] Петрусевич»^{II}.

Фанфаронством проникнуто свидетельство слушателя И.Д. Флоровского, оказавшегося во 2-й бригаде 7-й стрелковой дивизии: «Военспецы с момента моего появления подтянулись, боясь за то, как бы я не сменил собой кого»^{III}. Г.Д. Закс, впоследствии видный деятель советской военной разведки, сообщал о штабе фронта 25 октября 1919 г.: «Будь я здесь членом Реввоенсовета или вообще имей я возможность, я бы устроил порядочную революцию и в управлении, и в людях, но бодливой корове, очевидно, не дано рог[ов]»^{IV}.

^I Там же. Л. 50, 52.

^{II} Там же. Л. 36.

^{III} Там же. Л. 13.

^{IV} Там же. Л. 87.

Слушатель Д. Т. Шапошников свидетельствовал о командировке на Западный фронт: «Когда прибыли наши слушатели в полевые штабы... то почти все они, за исключением некоторых, попали в невероятные условия^I.

Здесь им пришлось, или совершенно толкаться без дела, или уткнули их на чисто писарские должности без малейшего участия со стороны своего непосредственного начальства, а в худшем случае они встретили явно неприязненные отношения с вопросом на лице: “Куда же мы вас денем?” Все должности Генерального штаба у нас заняты»^{II}.

Ситуацией с распределением слушателей был возмущен даже начальник штаба Западного фронта бывший полковник Н. Н. Петин, телеграфировавший 4 августа 1919 г. начальникам штабов подчиненных армий: «Как это выяснилось в штазапе^{III}, многие из слушателей не только не получили штатных должностей Генштаба, но оказались совершенно неиспользованными по своей специальности, причем в одной из армий имеет место случай, что столь ценный сотрудник, как слушатель академии Генштаба, командированный в самое горячее боевое время на усиление Генштаба, в которых имеется огромный некомплект, до сего времени находится без дела вследствие канцелярской волокиты по поводу выяснения свободной для него вакансии. Красная армия крайне нуждается в подготовленном комсоставе, в особенности в таком, на который она в настоящей Гражданской войне может положиться как на вполне преданный ей и связанный с нею общим единым революционным порывом. С этой целью академия, несмотря на крайнюю нежелательность отвлечения курсантов от теоретического изучения академического курса, признала необходимым прийти на помощь армиям и командировала на время летнего периода занятий своих слушателей, учитывая даже возможность окончательного оставления их в силу боевых условий в рядах Красной армии. Эта красная молодежь шла с полным желанием отдать все свои силы и знания молодой революционной армии и вместо внимательного и серьезного отношения к себе встретила на месте сухой формализм и канцелярскую волокиту. Вина в этом лежит, безусловно, на начальниках штабов армий и дивизий, а также на тех начальниках и комбригах, которые не захотели временно, может быть, потерять некоторую устойчивость в штабной работе вследствие малой опытности слушателей с тем, чтобы получить затем в лице молодых генштабистов преданных делу сотрудников. Подобное отношение совершенно недопустимо»^{IV}.

Слушатель В. А. Кангелари писал о затирании своих товарищей в штабах старыми спецами: «В штабах фронтов радушная встреча, в штабармах холоднее, а в штабдивах и штаббригах^V скрытое или явное недружелюбное “куда же мы Вас денем”, — говорили товарищам, — “если Вас устроить, придется лишить места Ивана Семеныча или Петра Ивановича”...»^{VI} Слушатель резюмировал: «Прошу сделать возможное, чтобы снять тех, кто уже определился[,] хоть сколько-нибудь с писарской работы, — ведь быть для поручения при наштадиве — это даже не практика, — это

^I Здесь и далее подчеркнуто кем-то из читателей красным карандашом.

^{II} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 10.

^{III} Штабе Западного фронта.

^{IV} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 12.

^V Т.е. в штабах армий, дивизий, бригад.

^{VI} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 15об.

растрата сил, то же можно сказать и о должности помощника заведывающего разведывательным отделом в бригаде, где приходится оперировать исключительно с материалом войсковой разведки, а вместе с тем масса мест в полевых и высших штабах, где действительно можно учиться и работать с пользой, заняты Иванми Ивановичами, которым *“тоже кушать хочется”*^I.

Иногда случались настоящие коллизии, обусловленные революционным временем и радикальным изменением социального состава слушателей академии. Так, например, слушатель И.В. Тюленев попал по распределению на должность помощника начальника штаба дивизии на Южном фронте. По приезде он встретил военспеца, наказавшего его 25 розгами в 1915 г., когда Тюленев служил драгуном в 5-м драгунском Каргопольском полку. Работать вместе с обидчиком слушатель не смог и попросил о другом назначении^{II}.

Слушатель Ф.И. Трутко докладывал: «Ввиду текущих событий на фронтах, основной курс академии после ускоренной подготовки отправлен на фронт. Но на фронтах обстоятельства начали складываться не так, как можно было ожидать. Старые, бывшие царские, военспецы увидели в красных генштабистах отчасти конкурентов, а отчасти просто нежелательных сотрудников, вследствие того что они, красные генштабисты, — коммунисты, и следовательно, в среде военспецов элемент нежелательный. В силу этих причин красных генштабистов начали сразу же “затирать”, пересылать из одного штаба в другой и т.д. до бесконечности»^{III}.

Из дивизионных штабов также приходили критические отзывы. Слушатель Ю.Ю. Аплот, ставший на фронте младшим помощником начальника штаба 6-й стрелковой дивизии, писал в августе 1919 г., что «штаб 6-й стрелковой дивизии 7-й армии, за короткое время моего пребывания в нем, произвел на меня удручающее впечатление. Я в нем лично, как для нас, будущих генштабистов, ничего поучительного, образцового не видел и, к сожалению, не мог найти, — кроме хаоса, требующего немедленного искоренения»^{IV}.

У слушателей было сильно развито чувство превосходства над старорежимным офицерством, так называемое комчванство. На этой почве иногда возникали своеобразные ситуации. Так, слушатели в 1921 г. обвинили выступавшего перед ними Троцкого в том, что он не ценит их политическую надежность как коммунистов и ставит ее ниже компетентности. Троцкого такое противопоставление в стенах академии, предназначенной развивать именно компетентность слушателей, сильно удивило. Впрочем, он отмечал, что со временем подобные взгляды в академии оказались изжиты^V.

Слушатель С.М. Мищенко 28 июля 1919 г. писал с Южного фронта в академию, что начальник одной из дивизий, старый генштабист, прямо заявил, что «красную академию нельзя смешивать с их академией»^{VI}. Попавший позднее в плен к белым слушатель Академии Генштаба РККА Н.В. Миронцев летом 1919 г. писал в академию:

^I Там же. Л. 15об. – 15а.

^{II} Тюленев И. В. Через три войны. С. 144.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

^{IV} Там же. Л. 26.

^V Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 3, кн. 1: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы. С. 126.

^{VI} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 56. Л. 49.

«У меня единственное пожелание, скорее начать старший курс академии, чтобы как можно раньше кончить академию к ранней весне; весной покончить со всей контрреволюцией в России и летом выступить против всемирной контрреволюции».

Командированные на Север России слушатели академии Л.В. Василевский и А.И. Якобсон оставили о себе противоречивые впечатления у армейского начальства. Первый получил назначение на должность помощника начальника штаба 3-й бригады 18-й стрелковой дивизии по оперативной части, а второй – на аналогичную должность в штабе 2-й бригады 40-й стрелковой дивизии. Якобсон, по аттестации его начальника И.П. Уборевича, «обнаружил недюжинные способности [к] опер[ативной] работе, проявил интерес и стремление [к] глубокому проникновению и изучению всех сторон военного дела...»^I Но, по мнению и.д. начальника штаба 6-й армии бывшего полковника И.В. Яцко, слушатели «показали себя сотрудниками [с] малой практической подготовкой, что выражалось [в] недостаточном[м] умении ориентироваться [в] происходивших боевых операциях. [К] самостоятельному составлению оперативных приказов, докладов и планов действий, оценке условий театра войны, съемке, крокированию, рекогносцировке и черчению схем подготовлены слабо. Теоретические познания достаточны. Считаю, что необходимо обратить большее внимание на прохождение специальной службы Генштаба и на практические работы (полевые поездки)»^{II}.

Отношение белых к слушателям Академии Генштаба РККА было резко враждебным и проистекало из негативного отношения к коммунистам, каковых среди слушателей было немало, и к военспецам, считавшимся ренегатами. К этому примешивался и национальный фактор, когда речь шла о слушателях-евреях. Наконец, слушатели красной академии воспринимались как опора большевистского режима. При попадании в плен такие красные генштабисты не могли рассчитывать на снисхождение и беспощадно истреблялись белыми. Так, 8 августа 1919 г. вместе со штабом дивизии был взят в плен и изрублен казаками слушатель академии Р.Б. Бернштам^{IV}. Жертвами белых становились порой и члены семей слушателей. К примеру, у слушателя академии И.В. Алаева в Гражданскую войну от рук белых погибли родители и единственный брат^V.

Перешедший на сторону колчаковцев военспец РККА бывший полковник В.В. Котомин, состоявший в антибольшевистском подполье, в докладе белому командованию летом 1919 г. отмечал: «Последней категорией комсостава являются красные генштабисты, число их крайне ограничено, был, кажется, один выпуск. Самым энергичным и деятельным элементом из них являются евреи, как наиболее талантливые, идущие в академию с высшим образованием и успевающие в силу этого вынести из академии достаточные знания. Вообще могу сказать, что евреи, народ вообще трусливый и неприспособленный к войне, в сфере непосредственной опасности являются людьми очень быстро и хорошо разбирающимися в оперативном отношении»^{VI}.

^I Там же. Л. 52об.

^{II} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 260об.

^{III} Там же. Л. 321.

^{IV} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 498. Л. 337.

^V РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1756. Л. 524.

^{VI} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 72. Л. 243об.

Непосредственно по службе Котомину пришлось столкнуться с выдающимся слушателем Академии Генштаба РККА А.М. Вольпе, впоследствии получившим известность как автор труда «Фронтальный удар» (М., 1931). Котомин отмечал, что в апреле 1919 г. «распоряжением штаба фронта назначен начальником штаба бригады был назначен еврей-коммунист Вольпе, окончивший красную академию Генерального штаба, очень умный молодой человек 24 лет, окончивший в Лозанне или Цюрихе невропатологический институт^I... Красный генштабист Вольпе был для меня элементом сверх нежелательным, и я принимал все усилия к тому, чтобы от него избавиться. Развитый, умный, работоспособный, нахально-вызывающий, как вообще все евреи, он в конце концов обострил со всеми отношения, и, к величайшей моей радости, я избавился от него в первых числах июня»^{II}.

Глубокая идейность, приверженность революционным идеалам, вера в светлое будущее являлись причиной того, что на фронтах Гражданской войны слушатели академии проявили себя с лучшей стороны, многие отличились. За Гражданскую войну орденами Красного Знамени были награждены 33 % слушателей, отправившихся на фронт^{III}. Слушатели академии Генштаба РККА участвовали в ликвидации бандитизма, в борьбе с отрядами С.Н. Булак-Балаховича в Белоруссии^{IV}. Некоторые слушатели погибли. Среди них В.А. Васько-Богдан, В.Н. Львов и А.К. Парм, зарубленные махновцами в 1921 г., О.А. Калнынь и В.Д. Ковшов (командир 28-й стрелковой бригады), погибшие в боях с отрядами Балаховича, А.К. Тищенко, зарубленный тамбовскими крестьянами^V. Кроме них погибли В.Ю. Берендс, Н.Н. Бирюков, А.Н. Ильичев. В.Д. Ковшов был похоронен у Кремлевской стены на Красной площади^{VI}.

Отдельные штабы даже не захотели возвращать слушателей в академию. Так, РВС Западного фронта 20 октября 1919 г. просил оставить слушателей и командировать на фронт параллельный курс. К ноябрю 1919 г. в академию вернулись далеко не все командированные на фронты. РВСР 3 октября 1919 г. постановил причислить к Генштабу тех выпускников младшего курса академии, которые отличились в период командировки на фронт^{VII}. Особенно высоко на фронте ценились слушатели из бывших офицеров^{VIII}.

Начальник ВГШ Н.И. Раттэль 3 октября 1919 г. на заседании РВСР предложил разрешить оставаться на фронтах окончившим младший курс академии «в тех случаях, когда они обнаружили свою способность с полным успехом выполнять возложенные на них обязанности и совершенно незаменимы на своих постах. Число таких воспитанников не должно ни в коем случае превышать 50 % общего числа командированных на данный фронт»^{IX}. РВС фронта в каждом таком слу-

^I В. В. Котомин неточен. А. М. Вольпе в 1912–1914 гг. в качестве вольнослушателя обучался в Лейпцигском институте психологии.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 72. Л. 238об.

^{III} НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 54.

^{IV} Командарм Уборевич: Воспоминания друзей и соратников. М., 1964. С. 105.

^V Военная академия за пять лет. С. 267–268.

^{VI} Подробнее см.: Абрамов А. С. У Кремлевской стены. М., 1978. С. 128–130.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 345.

^{VIII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 60, 62.

^{IX} РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 279.

чае должен был входить с мотивированным представлением в РВСР. Этот проект был принят на заседании и внесен в протокол^I.

При этом учитывалась и важность продолжения обучения слушателями, в связи с чем РВСР обращал внимание РВС фронтов и армий «на крайнюю важность дальнейшего правильного развития работы Военной академии и, стало быть, на крайнюю необходимость откомандировывания в академию всех тех ее воспитанников, которые без крайнего ущерба для дела могут быть сняты со своих должностей на фронте. Было бы крайней близорукостью со стороны заинтересованных армий удерживать воспитанников академии сверх безусловно необходимого числа, ибо это подрывало бы источник питания действующих армий в дальнейшем работниками с законченным военно-академическим образованием»^{II}.

Также был утвержден проект ВГШ о причислении к Генштабу прошедших младший курс академии, согласно которому «слушатели основного курса Академии Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии, окончившие младший курс и занимающие ныне в полевых и войсковых штабах действующей армии ответственные должности Генерального штаба, кои, по свидетельству соответствующих штабов фронтов и отдельных армий, признаются вполне соответствующими для службы в Генеральном штабе, отличились в боях, а равно и имеют особые служебные заслуги, допускаются к причислению к Генеральному штабу до окончания ими полного курса Академии Генерального штаба»^{III}. Такое решение было вполне логичным с учетом того, что слушатели красной академии уже прошли подготовку, сопоставимую с той, которой обладали курсовики старой академии, считавшиеся причисленными и переведенными в Генштаб.

Раздавая подобные авансы недоучившимся слушателям, большевистское руководство порой с недоверием относилось даже к своим красным генштабистам. Ярким примером стало дело «Приволжской шпионской организации», разрабатывавшееся с мая по сентябрь 1919 г. По делу проходили отправленные из академии на Восточный фронт слушатели И. Т. Дравниэк, В. Д. Залесский, А. К. Наумов и А. К. Парм. Двое последних сообщили о подозрительном поведении двух первых, а также о том, что у прибывших в Симбирск слушателей некая О. И. Валуева и ее знакомый артист Г. М. Новикьян пытались выяснять военные сведения. Как выяснилось, Новикьян был связан с персидским консулом в Самаре. Парм и Наумов с ведома чекистов стали провоцировать Валуеву и выдавать себя за сочувствующих белым. В итоге чекисты представили дело как заговор белогвардейской академической ячейки, сложившийся еще в Москве, до отправки слушателей на фронт. В качестве соучастников фигурировали и другие слушатели академии — А. Ф. Пиллит, Л. И. Репкин и Н. Н. Тухачевский (родной брат видного советского военачальника М. Н. Тухачевского). Как и во многих других делах о заговорах, чекисты выстраивали дело по принципу «периферия — центр», изобразив организацию Валуевой в качестве подразделения некой центральной организации^{IV}. В деле упоминалось о знакомстве обвиняемых с И. И. Вацетисом.

^I Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919: Сб. док. М., 1997. С. 423.

^{II} Там же.

^{III} РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 69. Л. 284.

^{IV} ЦА ФСБ. Д. Р-49582. Т. 1–5; Т. 1. Л. I, 208–272. Также см.: Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 147–153.

В качестве подозреваемого фигурировал и сам М.Н. Тухачевский. Проверка материалов дела показала, что оно было сфабриковано. Этот случай для «красных генштабистов» носил исключительный характер. Разумеется, они считались (и являлись) намного более лояльными режиму, чем старый Генштаб. Тем не менее амбиции слушателей, неприятие ими преподавателей-военспецов, попытки создания собственных структур внутри РККА, параллельных штабам армии, провоцировали конфликты и вызвали обеспокоенность большевистского руководства, что привело к масштабной чистке академии в 1922 г.^I

Слушатели, оставшиеся летом 1919 г. в академии, занимались в лагерях на Ходынском поле. Осенью 1919 г. был произведен новый набор, а 12 февраля 1920 г. в академии открылось восточное отделение, предназначенное для подготовки к службе на восточных окраинах страны и в странах Востока^{II}. Его первым начальником являлся генштабист А.Д. Тарановский. Немалую роль в открытии отделения сыграл начальник академии видный военный востоковед А.Е. Снесарев. С 1 января 1921 г. Снесарев стал главным руководителем восточного отделения^{III}. Отделение постепенно развилось в отдел, а с 1925 г. – в факультет. Первый выпуск состоялся в 1923 г.

Бытовые условия слушателей по-прежнему оставляли желать лучшего. По данным на ноябрь 1919 г., «около 200 слушателей находятся в различных уголках г[орода] Москвы, многие приезжающие раненые с фронта не имеют места, где переночевать; о занятиях не приходится и говорить, ибо нет места, где бы могли слушатели после неотопленной академии заполнить свое образование, и это в то время, когда революция и партия требует от нас усиленных занятий»^{IV}.

Судьбы профессорско-преподавательского состава академии в Гражданскую войну в миниатюре демонстрируют трагедию военспецов-генштабистов. Бывший генерал В.Е. Борисов бежал к белым. Преподававший в академии другой бывший генерал С.А. Кузнецов был расстрелян, а бывший генерал С.М. Шейдеман арестован и умер в тюрьме. Через аресты прошли преподававшие в академии В.И. Селивачев (впоследствии умер на фронте при невыясненных обстоятельствах^V), Г.И. Теодори и др. Наоборот, после арестов в академию попали И.И. Вацетис, А.И. Верховский и Н.Е. Какурин. По свидетельству слушателя А.Г. Бармина, несколько сгустившего краски, «у профессоров тоже случались перерывы в занятиях, когда их раза два-три за год арестовывала ЧК как заложников или как подозреваемых. Каждый раз, когда внутреннее положение республики ухудшалось, они оказывались за решеткой. Подобные перипетии их уже не удивляли. Рассказывали, что почти все они имели наготове собранные саквояжи»^{VI}. В советских юбилейных изданиях истории

^I Подробнее об этом см.: Ганин А. В. «Признаки "Запорожской сечи" почти исчезли...»: Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2019. № 1 (7). С. 5–45.

^{II} Подробнее см.: Густерин П. В. Восточный факультет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 32–37.

^{III} Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923. С. 211.

^{IV} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

^V Подробнее см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.

^{VI} Бармин А. Г. Соколы Троцкого. С. 103.

академии неудобные стороны ее ранних лет замалчивались, причем настолько, что даже в 1959 г., например, имя бывшего генерала Борисова, трижды упомянутое в тексте «Истории Военной академии имени М.В. Фрунзе (1918–1958 годы)» (пронумерованное проектное издание на правах рукописи), было в списке исправлений предписано «не читать» в каждом случае¹.

Бывший генерал И.А. Данилов, оказавшийся в 1920 г. в Советской России, не без некоторого преувеличения писал о преподавателях академии: «Профессора были все люди мобилизованные, взятые из тюрем и которым было предложено: “или читать лекции, или к стенке”. Понятно, выбиралось первое. Кроме того, число профессоров пополнилось еще генералами и полковниками Генерального штаба из числа тех, которые были в таких же условиях, но не хотели занимать строевые или штабные должности в армии. Они тоже “устроились”, если это можно так назвать. Остальная часть тех же чинов и рангов и по тем же причинам “устроилась” в Москве по разным комиссиям и службам в архивах, которым в Совдепии несть числа.

Вся эта масса, выброшенная большевистским переворотом на улицу, перенесшая поголовно, за малым исключением, ужасы тюремного режима и террора и уцелевшая от расстрела, конечно, была довольна, что прибилась к “тихой пристани” и здесь могла немного вздохнуть, хотя все-таки влачила жалкое состояние”².

В 1920 г. практика командировок слушателей на фронт продолжилась. 20 апреля 1920 г. на польский фронт отправились 20 слушателей, позднее вторая группа слушателей уехала на врангелевский фронт. На фронт отправилась и часть преподавателей.

Использование слушателей на фронте по-прежнему вызывало нарекания. В частности, в циркуляре общего отделения Оперативного управления Полевого штаба РВСР, датированном осенью 1920 г., отмечалось, что «из списка слушателей и окончивших красную академию видно, что использование их совершается крайне нерационально. Многие оставляются в тыловых частях без определенных занятий или занимают на фронте должности, по существу, почти тыловые. Ввиду того, что работа молодых сил в боевой обстановке не только желательна для пользы дела, но и необходима им самим для служебного стажа, следует назначать их на должности полевого характера. Начальникам штабов фронтов и армий необходимо внимательно следить за прохождением службы молодых генштабистов и слушателей, наблюдая, чтобы таковые не засиживались подолгу в крупных штабах и тылах, на должностях, не соответствующих полевой службе Генерального штаба. Лучшим способом достижения этой цели является освежение личного состава старших и младших штабов путем своевременного взаимообмена, с выдвижением достойных на более ответственные должности, не задерживая их в младших штабах на работах вспомогательного характера»³.

Набор осени 1920 г. в целом напоминал по своему составу предыдущие. Все слушатели, как вспоминал один из них, «прошли Гражданскую войну, на своем опыте знали, что такое кровь и смерть, многие из них отличились как способные тактики и стратеги, хотя не имели ни малейшего представления о теоретической

¹ НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 230.

² Данилов И. А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 96.

³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 24.

стороне военного дела. Некоторые были почти неграмотны, но это не опровергло того факта, что как командиры-кавалеристы они творили чудеса, наносили поражения умудренным знаниями и опытом генералам, разбиравшимся в военных теориях Клаузевица и Наполеона не хуже преподавателей академии¹.

Власть заботилась о слушателях настолько, насколько это было возможно в условиях голода и разрухи: обеспечивала питанием и жильем, красивой военной формой. По описанию слушателя А.Г. Бармина, «рослые, загорелые парни ходили из класса в класс во всем этом великолепии с орденами на защитных или голубых гимнастерках, в сапогах, со стопками книг и буханками хлеба под мышкой. Вместе со своими учителями, бывшими генералами императорской армии, они терпеливо стояли в очереди за талонами на питание. К двум часам дня мы, как правило, уже съедали свою дневную норму хлеба, получали жидкий суп, и, чтобы заглушить чувство голода, нам оставалось только пить несладкий чай»².

Академия не только осуществляла подготовку кадров Генштаба, но и вела активную и обширную военно-научную деятельность. Профессорско-преподавательский состав из старых военспецов-генштабистов издавал труды по военно-теоретическим и военно-историческим проблемам. Попытки объединения военно-научных сил предпринимались с самого возникновения академии, однако до серьезного организационного оформления они дошли лишь осенью 1920 г., когда материально-техническая база академии существенно укрепилась. Тогда при поддержке партийной организации академии было создано Военно-научное общество (ВНО). У истоков общества стояли слушатели С.М. Белицкий, И.Г. Ключко, Ф.П. Никонов. От руководства РККА на заседание партийной ячейки академии 13 октября 1920 г., на котором было создано ВНО, пригласили К.Е. Ворошилова, Н.И. Подвойского и нового комиссара академии В.Д. Виленского-Сибирякова³. Председателем оргбюро ВНО стал Виленский-Сибиряков. Постепенно структура ВНО усложнялась. К концу 1920 г. в нем было свыше десяти секций, отделы общества возникли при фронтовых, армейских и окружных штабах. Представители ВНО со временем появились в редакциях военных журналов. В дальнейшем ВНО перешло и к подготовке учебных пособий, справочной литературы. Общество организовывало доклады, дискуссии, издавало труды своих членов. Активно изучался и обобщался опыт Гражданской войны, участниками которой были сами члены ВНО. Первый сборник трудов ВНО был издан уже в 1920 г. ВНО активно участвовало в дискуссиях начала 1920-х гг. – в частности, о военной доктрине, по вопросам тактики и боевой подготовки войск. Фактически в 1920-е гг. ВНО стало ведущей военно-научной организацией в СССР.

Со второй половины 1920 г. у академии появилась собственная типография, в которой печатались труды сотрудников. Однако и до этого профессорско-преподавательский состав вел активную работу по подготовке научных трудов. В 1919 г. увидели свет «Основы современной стратегии» А.А. Незнамова (курс лекций), «Военная география» С.Д. Харламова, «Устройство вооруженных сил Республики» В.И. Самуйлова (курс лекций), «Устройство тыла и тактика снабжения в действующей

¹ Бармин А. Г. Соколы Троцкого. С. 102–103.

² Там же. С. 103.

³ Академия имени М. В. Фрунзе. С. 41.

армии» Н.А. Сулеймана (курс лекций), «Записки по военной администрации для советских курсов по подготовке комсостава» М.М. Загю. Готовили свои труды не только преподаватели-генштабисты, но и представители других специальностей. Тогда же вышли курсы лекций «Военно-инженерное дело» К.И. Величко, «Сведения по технике артиллерии» Е.В. Агокаса.

В 1920 г. были изданы «Общая тактика» С.Г. Лукирского и «Общая тактика. Передвижение войск на войне и отдых» С.А. Кузнецова (курс лекций), причем автор последней был расстрелян в 1919 г. по делу военной организации «Национального центра». Вышли и военно-исторические труды: «Боевые действия в Бельгии и Франции осенью 1914 года» В.Ф. Новицкого и «История военного искусства» (вып. 1) А.А. Свечина (курс лекций).

В годы Гражданской войны увидели свет «Тактика пехоты» Н.С. Елизарова, «Тактика конницы» С.М. Шейдемана, «Влияние оружия на ведение боя» В.Н. Свяцкого и др. Широко известны своими научными трудами работавшие в академии И.И. Вацетис, А.И. Верховский и Н.Е. Какурин.

Учебный план академии на 1920/21 учебный год был следующим (табл. 92).

Таблица 92

Учебный план Академии Генерального штаба РККА на 1920/21 учебный год¹

Первый курс	Второй курс	Третий курс
Тактика Тактика пехоты 40 лекций Тактика конницы 30 лекций Тактика технических войск 30 лекций Тактика воздушного флота 20 лекций Итого: 160	Стратегия 40 лекций	Служба Генерального штаба 50 лекций
Полевая фортификация Оборонительные постройки 15 лекций Укрепленные позиции 25 лекций Военные сообщения 10 лекций Минное и подрывное дело 10 лекций Итого: 60	Общая тактика 60 лекций	Нравы и обычаи войны 10 лекций
Полевая маскировка 10 лекций	Философия войны 30 лекций	Вопросы современной политики 30 лекций
Служба Генерального штаба 25 лекций	История войны 1870–1917 гг. 20 лекций	Иностранный язык 60 лекций
Тактика снабжений 40 лекций	История войны 1904–1905 гг. 20 лекций	Философия войны 30 лекций

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 89. Л. 33–33об.

Первый курс	Второй курс	Третий курс
Устройство вооруженных сил 20 лекций	История войны 1914–1918 гг. на французском театре 30 лекций	Военная география и статистика 40 лекций
История военного искусства 40 лекций	История войны 1914–1918 гг. на русском театре 30 лекций	Тактика санитарной службы 20 лекций
Тактика артиллерии 25 лекций	История революционных иностранных войн 20 лекций	Итого: 240
Тактика воздухоплавания и авиации 15 лекций	История русской революционной войны (РККА) 40 лекций	
Технические средства, применяемые в современной войне 20 лекций	Служба Генерального штаба (железнодорожное дело и мобилизация) 50 лекций	
Военная топография 30 лекций	Устройство тыла и тактика снабжения 30 лекций	
Военная гигиена 15 лекций	Основы обороны государства в инженерном отношении 25 лекций	
Итого: 240	Военная география и статистика 30 лекций	
Организация и методология науки 20 лекций	Военно-морское дело 15 лекций	
Новейшая история 20 лекций	Военная психология 15 лекций	
История цивилизации народов 10 лекций	Тактика санитарной службы 20 лекций	
Обзор новейшей литературы 20 лекций	Милиционные части 10 лекций	
Основы советской конституции 10 лекций	История военного искусства 20 лекций	
Основы марксизма 20 лекций	Экономика войны 15 лекций	
Иностранные языки 60 лекций	Итого: 530	
Всего: 620	Политэкономия и мировое хозяйство 25 лекций	
	Социология 10 лекций	

Первый курс	Второй курс	Третий курс
	Социальная история 15 лекций	
	Новейшая история 20 лекций	
	Новейшая литература 20 лекций	
	Иностранные языки 60 лекций	
	Всего: 680	

Продолжительность лекции составляла 40 минут.

В 1921 г. началась череда преобразований в академии, завершившаяся лишь через несколько лет. 5 августа 1921 г. Академия Генштаба РККА была переименована в Военную академию РККА и переподчинена главкому, а с 27 августа ее возглавил командующий Западным фронтом член РКП(б) М.Н. Тухачевский, тогда как прежние начальники были беспартийными военспецами.

Главком С.С. Каменев 11 сентября 1921 г. утвердил Положение о Военной академии РККА, объявленное в приказе РВСР № 1968. Согласно этому документу на академию возлагались следующие задачи:

«1. ...задача подготовки для Красной армии вполне квалифицированных военных работников и работников Генерального штаба, способных:

- а) руководить красными войсками на войне;
- б) способных руководить подготовкой Красной армии в мирное время;
- в) способных объединить и сплотить Красную армию как проведением единства взглядов, так и единством политических убеждений;
- г) способных ускорить проведение в Красной армии единоначалия в силу широкой политической подготовки слушателей.

2. Военная академия как военно-научный центр Красной армии должна внимательно следить за современными событиями гражданских, революционных, а также и империалистических войн и своевременно перерабатывать весь этот опыт для использования его Красной армией в условиях предстоящих ей классовых войн»¹.

В разделе «Доктрина» отмечалось: «Преподавание в Военной академии должно быть согласовано с современными условиями существования и борьбы Красной армии... Необходимо учесть весь опыт трехлетней Гражданской войны, чтобы предстоящие Красной армии столкновения с армиями международного капитала застали ее вполне подготовленной к ведению этих войн... Анализ социальных и экономических условий для целей войны Красной армии должен быть построен на основах исторического материализма»².

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 407. Л. 36.

² Там же.

Возникающие вопросы должен был решать Совет академии – совещательный орган в составе всех профессоров, преподавателей, практикантов предметов и трех слушателей по одному от каждого курса по назначению начальника академии. Иногда созывался президиум Совета в составе главных руководителей предметов и также трех слушателей. Кроме того, созывались предметные совещания для наилучшего освещения вопросов преподавания отдельных предметов.

По Положению о комплектовании академий, введенному в октябре 1921 г., принимали в академию членов РКП(б) со стажем не менее года и лишь в исключительных случаях беспартийных, необходимо было не менее года прослужить в строю и не менее двух лет в Красной армии, требовалось владеть знаниями в объеме курсов комсостава¹.

Ряд перемен в жизни академии пришелся на декабрь 1921 г. Тогда академия переехала с Воздвиженки на ул. Кропоткина, 19, где размещалась до 1936 г. Кроме того, в декабре 1921 г. вместо прежней конференции академии был создан ее Совет во главе с президиумом. Из 15 членов первого состава президиума большинство составляли генштабисты старой школы: К. И. Бесядовский (секретарь Совета, начальник учебного отдела академии), М. М. Загю, Н. Е. Какурин, А. И. Кук, А. А. Незнамов, А. А. Свечин, И. А. Троицкий, Е. А. Шиловский. Председателем являлся М. Н. Тухачевский. В Совет входили и трое представителей слушателей².

И по окончании широкомасштабной Гражданской войны слушатели академии продолжали привлекаться к работе в войсках, прерывая обучение. В 1921 г. часть слушателей участвовала в ликвидации Кронштадтского восстания. Особенно отличились П. Е. Дыбенко, И. В. Тюленев, И. Ф. Федько. Участвовали воспитанники академии и в подавлении крестьянских выступлений, причем при подавлении Тамбовского восстания погибли слушатели Н. Н. Бирюков, И. И. Карякин, Д. Д. Шурпов. В боях с басмачами в сентябре 1921 г. погиб слушатель А. А. Наговицын.

Боевой путь и награды И. Ф. Федько дают пример максимально полной отдачи слушателем академии своих сил и способностей РККА. В 1919–1921 гг. слушатель Федько был награжден четырьмя орденами Красного Знамени за разгром Деникина и Врангеля, подавление Кронштадтского и Антоновского восстаний. Такие отличия являлись большой редкостью. Четырежды награждены орденом Красного Знамени помимо Федько были всего два командира Гражданской войны – С. С. Вострецов и Я. Ф. Фабрициус³.

Следует отметить и небывалое для истории подготовки кадров отечественного Генерального штаба нововведение, связанное с Военной академией РККА. В 1921 г. в нее впервые стали принимать в качестве слушателей женщин. В числе первых были кавалер ордена Красного Знамени М. Ф. Флерова (Сахновская) и З. В. Мосина (впоследствии – сотрудник журнала «Вопросы истории»), зачисленные на восточное отделение. Кроме них, в академии учились А. П. Богат (Бочкова), М. О. Булле, А. З. Виноградова, Л. А. Савостьянова, А. Н. Урванцева-Левицкая, М. М. Янковская и другие женщины.

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 408. Л. 15.

² НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 71.

³ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 294.

В 1921 г. схожие дисциплины были объединены в восемь циклов: стратегии, тактики, военной организации, устройства тыла и снабжения, истории военного искусства, истории последних войн, военной статистики и географии, артиллерии, фортификации (см. табл. 93). Внутри циклов создавались кафедры.

Таблица 93

**Распределение учебного времени (часов) в Военной академии РККА
в 1921/22 учебном году (по плану)¹**

Циклы и дисциплины	Младший курс	Старший курс	Дополнительный курс	Всего
Лекции				
Стратегия	35	168		203
Тактика	316	95	45	456
История военного искусства	90	110		200
Военная организация	20	25		45
Военная география и статистика	35	40		75
Служба Генерального штаба		31		31
Социально-экономические науки	115	97	85	297
Военное языкознание	50	60	24	134
Практические занятия				
Общая тактика	270	270		540
Администрация	100	100		200
Топография	80			80
Статистика и география		100		100

На третьем году обучения слушатели разрабатывали четыре дипломные темы, что представляло собой явное заимствование из практики Николаевской военной академии. Однако обладавшие низким образовательным цензом воспитанники академии едва справлялись с темами, не имея возможности в полной мере осилить двухгодичную программу младшего и старшего курсов академии. В 1925 г. была оставлена одна дипломная тема, а учебная нагрузка распределена по трем курсам равномерно (дополнительный курс превращен в третий).

Троцкий с гордостью говорил о первом выпуске академии на IX съезде Советов 26 декабря 1921 г.: «В этом году наша академия, бывшая академия Генерального штаба, выпустила первую группу, первую сотню офицеров Генерального штаба. Это — большое завоевание Красной армии, ибо создание молодого Генерального штаба есть увенчание всего нашего строительства. Но, разумеется, мы этого увенчания еще далеко не достигли. Первая группа состоит из работников, которые честно дрались и честно учились, но у них есть, однако, еще много пробелов и прорех, и эти пробелы и прорехи будут восполняться на практике работы, и мы не сомневаемся, что им удастся выработать из себя тип законченного, всесторонне квалифицированного военного руководителя»².

¹ Военная академия за пять лет. С. 146–150.

² Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 3, кн. 1. С. 279.

Постепенно шло ужесточение контроля над академией. После чистки 1922 г. более интенсивной стала политическая обработка слушателей, активизировалось и расширилось преподавание социально-экономических дисциплин, общественных наук. В результате длительного обсуждения в 1921–1922 гг. к октябрю 1922 г. был разработан проект Положения о Единой военной академии, согласно которому предполагалось объединение восьми академий: Военной академии с ее восточным отделом, Артиллерийской, Инженерной, Морской, Электротехнической, Военно-хозяйственной, Военно-медицинской академий, а также Академии Красного воздушного флота^I. Целью было получение слушателями высшего общего и высшего специального образования, а также объединение военно-научной мысли. Начальником такой академии должен был стать главнокомандующий. Положение вылилось в приказ РВС СССР № 2825 от 19 декабря 1922 г., отмененный 20 июня 1924 г.

С 1922/23 учебного года изменились принципы набора слушателей в академию. Больше внимания теперь уделялось наличию единообразной подготовки до академии, вопросам дисциплины, причем первоначальный отбор должны были осуществлять штабы военных округов (т.е. в какой-то степени произошел возврат к принципам комплектования старой Николаевской академии).

Есть данные о недовольстве выпускников академии своим положением в РККА. В докладе старого партийного работника С.И. Гусева на Пленуме ЦК РКП(б) 3 февраля 1924 г. отмечалось: «Первый выпуск академии Генерального штаба, состоявший из тех рабочих и крестьян, которые в течение Гражданской войны командовали нашими частями в Красной армии, которые потом, по окончании войны, пошли учиться^{II}, — этот выпуск в подавляющем своем большинстве демобилизован из Красной армии. Они заявили мне (я беседовал с двумя-тремя товарищами), что положение их в Красной армии невыносимо. Их заедают старые спецы^{III}. Впрочем, выступавший следом Э.М. Склянский опроверг тезис Гусева о демобилизации красных генштабистов^{IV}.

В 1924 г. обсуждался вопрос о реорганизации системы военного образования в СССР и продвижении по службе командиров с высшим военным образованием. Предлагалось установить предельный возраст поступления в академию в 30 лет (исключая краскомов и боевой командный и комиссарский состав), причем по проекту зачислению подлежали лица от командиров взводов и выше с двухгодичным стажем строевой службы. После академии для тех, кто не обладал стажем, должны были начаться стажировки с уровня командира роты. Выпускников старой академии предполагалось проводить через аттестационную комиссию РВС СССР, причем лиц старше 50 лет увольнять в бессрочный отпуск. Выпускники ускоренных курсов теперь не должны были считаться лицами с высшим военным образованием и могли на льготных условиях окончить Военную академию РККА^V. О том, был ли проведен в жизнь этот проект, у нас нет данных.

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 425. Л. 153.

^{II} Гусев неточен, учиться первый набор академии начал еще в 1918/19 учебном году.

^{III} Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1. С. 81.

^{IV} Там же. С. 97.

^V Там же. С. 119.

В 1928 г. к десятилетнему юбилею академии было проведено сравнение учебной нагрузки в ней и в старой Николаевской военной академии. Результат получился следующим (табл. 94).

Таблица 94

**Сравнение учебной нагрузки (часов) Военной академии РККА (на 1928 г.)
и Николаевской военной академии¹**

Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе	Николаевская военная академия
Тактика	
Общая 233 Роды войск 213 Подготовка войск 28 Итого: 474	Элементарная и прикладная тактика 270
Стратегия	
Учение о войне 11 Военно-морское дело 2 Ведение операций 98 Итого: 111	Военно-морское дело 18 Стратегия 39 Итого: 57
Штабная служба 44	
История войн и военного искусства	
История войн 66 История военного искусства 59 Итого: 125	Военная история 86 История военного искусства 116 Итого: 202
Военная администрация	
Организация вооруженных сил 16 Устройство войск тыла 16 Комплектование 12 Устройство военного управления 8 Устройство тыла армии и флота 10 Военные сообщения 9 Мобилизация 22 Вооруженные силы Польши и Румынии 3 Итого: 96	Военная администрация 82 Военные сообщения 15 Итого: 97
Военная география	
Статистические методы и введение 4 Военная география СССР 18 Методы военно-топографического описания 14 Театры войны 4 Всеобщая военная география 8 Итого: 48	Военная статистика 106
Политическая работа 48	

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 674. Л. 31.

Военная академия РККА им. М. В. Фрунзе	Николаевская военная академия
Социально-экономические науки / Общеобразовательные предметы	
Эволюция общественных формаций 6 История ВКП(б) 24 Экономика современного капитализма 26 Экономическая политика СССР 20 Исторический империализм 24 Ленинизм 20 Итого: 120	Государственное право 19 История 58 Международное право 9 Итого: 86
Инженерное дело	
Военно-инженерное дело 22	Инженерное дело Сведения по инженерной части 48
Артиллерия	
Техника артиллерии 24	Техника артиллерии Сведения по артиллерийской части 39
Физическая подготовка и верховая езда 114	Верховая езда
Автомотодело 40	
Военное языкознание 255	
Всего: 1521	Всего: 905

Очевидно, что в Военной академии РККА существенно возросла учебная нагрузка, а диапазон предметов стал намного шире, чем в старой академии. К 1928 г. 78,4 % преподавателей (47 человек из 60) являлись выпускниками академий дореволюционной России и только 10 % (6 человек) окончили академии в Советской России и СССР, остальные же не имели высшего военного образования¹. Таким образом, подготовка советских военно-педагогических кадров и замена ими старых специалистов продвигалась крайне медленно.

Заслуженным итогом Гражданской войны для Академии Генерального штаба РККА стало ее награждение орденом Красного Знамени. В приказе РВСР по личному составу армии № 4 от 9 января 1922 г. отмечено: «В минувшую Гражданскую войну Военная академия РККА в лице своих слушателей принимала деятельное участие в активной борьбе против многочисленных врагов Советской республики.

В важные и ответственные моменты тяжелых боевых переживаний советской власти красные генштабисты по призыву РВСР вливались в действующие ряды Красной армии и, находясь в ней на различных постах, своим молодым революционным порывом, неудержимой отвагой и работой до самозабвения вносили в дело защиты революции тот могучий дух, ту живую силу, против которых не могли устоять самые упорные враги республики.

Ярким свидетелем воинской доблести, проявленной слушателями академии на ратном поле, является то обстоятельство, что 33 % их состава награждены

¹ Там же. Л. 53об.

высокой Революционной наградой орденом Красного Знамени или представлены к этой награде.

Слава их – слава Военной академии, воспитывающей верных сынов революции и культивирующей в них те революционно-боевые заветы, которыми должен быть силен красный генштабист»¹. 5 ноября 1925 г. РВС СССР по просьбе сотрудников академии присвоил этому военно-учебному заведению имя М.В. Фрунзе. В 1936 г. на базе оперативного факультета академии была создана самостоятельная Академия Генерального штаба РККА.

Советская военная академия, созданная в тяжелейших условиях Гражданской войны в самые сжатые сроки, сыграла важную роль в событиях того времени. С одной стороны, ее слушатели на фронтах вели активную штабную работу, помогая генштабистам старой школы, с другой стороны, академия стала подлинным военно-научным центром Советской России, что привлекало в РККА интеллектуальную элиту старой армии. Наконец, академия на завершающем этапе Гражданской войны дала РККА два выпуска слушателей и в дальнейшем внесла колоссальный вклад в подготовку командных кадров Красной армии. Сам факт создания с нуля высшего военно-учебного заведения с первоклассным преподавательским составом свидетельствовал о выдающейся энергии и организаторских способностях и возможностях советского руководства. Особенно ярко это видно на фоне неудачных попыток создания аналогичных военно-учебных заведений в антибольшевистском лагере. Более того, даже сравнение организации учебного процесса было не в пользу старой академии в белой Сибири, сохранившей свою материально-техническую базу и кадры. Сибирская академия вела учебную деятельность после перехода к белым лишь на протяжении нескольких месяцев, тогда как Академия Генштаба РККА после своего открытия интенсивно работала все годы Гражданской войны.

§ 3. Подготовка младших штабных работников на курсах и в школах Советской России

Помимо академии Генерального штаба в Советской России возникли другие военно-учебные заведения, готовившие кадры для службы Генерального штаба по сокращенной программе. Идея создания таких военно-учебных заведений была по-настоящему революционной, поскольку, не давая Красной армии полноценных генштабистов, за короткий срок давала кадры штабных работников и высвобождала массу ценных военных специалистов от рутинной технической работы на младших штабных должностях. В антибольшевистском лагере аналогов этой системы не выявлено. Следует отметить, что документы советских военно-учебных заведений этой категории за период Гражданской войны сохранились крайне фрагментарно, что не позволяет в полной мере реконструировать их историю.

¹ Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 09.01. № 4.

А) Школы штабной службы

Основным военно-учебным заведением этого типа в период Гражданской войны стали школы штабной службы. Появились они после того, как бывший генерал В.Е. Борисов 5 января 1919 г. подготовил для председателя РВСР Л.Д. Троцкого специальную записку о катастрофическом положении Генерального штаба в Красной армии^I. Многие идеи Борисова были отвергнуты, однако идея создания «школы колонновожатых» на 300 человек в целях изучения техники службы Генштаба для самых низших должностей получила практическое воплощение. Подтверждением тому, что Борисов и был родоначальником этой идеи, служит публикация в военно-научном журнале «Военное дело»^{II}. В этой статье прямо отмечено, что именно Борисов сумел убедить высшее военное руководство создать такую школу.

Троцкий, получив записку Борисова, телеграфировал начальнику ВГШ Н.И. Ратэлю о необходимости открытия школы колонновожатых^{III}. 14 января 1919 г. во исполнение распоряжения начальника ВГШ состоялось заседание комиссии по рассмотрению вопроса об увеличении числа слушателей Академии Генштаба РККА и об открытии школы колонновожатых. Председателем комиссии являлся начальник академии А.К. Климович, членами – генштабисты В.Е. Борисов и В.П. Ульянов, а также комиссары академии В.Н. Залезский и Э.И. Козловский. По итогам обсуждения решено было создать подкомиссию для разработки проекта Положения о школе колонновожатых. В подкомиссию вошли Борисов и Ульянов с правом кооптации еще двух членов.

Программа курсов нормальной школы колонновожатых включала следующие вопросы:^{IV}

1. Организация войск в военное время. Боевое расписание. Вооружение и снаряжение.
2. Общие основания по технике приказаний и донесений.
3. Разведка и наблюдение за неприятелем.
4. Служба связи.
5. Походные движения и охранение марша.
6. Техника распоряжений во время походных движений.
7. Тактика пехоты, кавалерии, полевой легкой артиллерии, полевой тяжелой артиллерии (в части, касающейся службы Генерального штаба).
8. Тактика отрядов всех родов оружия (наступление, оборона, отступление, вывод войск из боя, бой за местные предметы, лесной бой, бой в теснинах, бой на реках и прочих водных преградах, ночной бой).
9. Распоряжения после боя.
10. Донесения о бое.
11. Оборона побережья.

^I РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 108. Л. 17–19об. Публикацию документа см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 550–559.

^{II} Ашик Н. В. Московская школа штабной службы // Военное дело. 1920. 29.03. № 5 (69). Стб. 155–157.

^{III} РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 3об.

^{IV} Сост. по: Там же. Л. 5–5об.

12. Высадки.

13. Малая война. Прикрытие транспорта и нападение на них, прикрытие населенных пунктов и грунтовых путей сообщения, прикрытие железнодорожных линий.

14. Распоряжения при сторожевом охранении, при расположении по квартирам и на биваке, по обеспечению продовольствием и по снабжению, по санитарной службе, по инженерной части, по военным сообщениям (по железнодорожной и телеграфной части), по этапной службе, по полевой подготовке войск, на случай перемирия (демаркационная линия и пр.).

15. Разведка местности (топография).

16. Крепостная война.

16 апреля 1919 г. по приказу РВСР № 260 от 11 февраля 1919 г. создана Высшая советская школа (курсы) штабной службы, готовившая специалистов для низших должностей Генерального штаба^I. Как отмечалось в одном из документов, целью создания школы было «дать преимущественно практическую подготовку для службы в войсковых штабах и выполнения в них несложных работ оперативного характера по заданиям начальников штабов»^{II}. Школа находилась в подчинении ГУВУЗа^{III}. 31 марта 1919 г. РВСР постановил учредить подобные школы при двух наиболее крепких фронтах — Восточном и Южном^{IV}.

В июне 1919 г. было утверждено Положение о школе^V. Во главе школы стояли начальник и военный комиссар. Переменный состав был рассчитан на 150 слушателей. Слушатели получали жалованье по должностям, которые занимали перед поступлением. Постоянных штатных преподавателей было четверо, а количество внештатных (как тогда писали, приватных) определено не было. Начальник школы, завуч и двое из четырех штатных преподавателей должны были быть генштабистами^{VI}. Оклад заведующего слушателями составлял 800 руб. Начальником школы стал генштабист А.Н. Суворов. Завучем школы с июля 1919 по июль 1920 г. был генштабист М.П. Алексеев. Школа была учреждена для ускоренной подготовки лиц, могущих занять младшие должности Генштаба. Слушатели получали практическую подготовку «для службы в войсковых штабах и выполнения в них несложных работ оперативного характера по заданиям начальников штабов»^{VII}. Изначально предполагалось учредить школу при Академии Генштаба РККА, чтобы использовать ее материально-техническую базу^{VIII}, однако реализовать этот замысел не удалось. Начальник ГУВУЗа генштабист В.П. Муратов разработал проект системы подготовки кадров Генштаба в Советской России путем создания школ штабной службы при каждом фронтовом штабе и одной в центре — в Москве^{IX}. На эту работу выделялось 50 000 руб. Однако высказывались

^I РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 112.

^{II} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 215.

^{III} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

^{IV} Реввоенсовет Республики. 1918–1919. С. 207. В комментариях к этому документу ошибочно указано, что школы колонновожатых якобы готовили специалистов для инженерных работ (Там же. С. 211).

^V РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

^{VI} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 200.

^{VII} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

^{VIII} Там же. Л. 37.

^{IX} Там же. Л. 42.

и сомнения. Для обсуждения вопроса 11 апреля 1919 г. было созвано междоуведомственное совещание при Военно-законодательном совете, на котором звучали предложения не открывать школу, а создать ускоренные курсы при академии. Нецелесообразность создания школ на фронтах доказывалась тем, что «при отсутствии объединяющего органа, это не может выполнить инспекция, разные методы преподавания будут создавать разно понимающих свои задачи генштабистов; при малом количестве лиц Генерального штаба на фронтах, трудно будет организовать преподавание»^I. Впоследствии начальник ПШ РВСР Ф.В. Костяев решил, что фронтовые штабы перегружены работой и им не до подготовки кадров штабных работников^{II}, а достаточно создания одной подобной школы в Москве, что и было сделано. Школа расположилась в Москве по адресу Поварская, 40.

Начать обучение предполагалось уже в первой половине февраля 1919 г.^{III}, однако этот срок оказался нереальным. Учебный процесс начался 1 июня 1919 г., причем всего, по данным учебной части, обучались 23 слушателя в двух отделениях. 15 июня открылись еще два отделения, на которые приняли 30 человек. Всего, таким образом, к середине июня 1919 г. обучались 53 слушателя^{IV}. В первых наборах кадровых офицеров не было. Продолжительность обучения изначально составляла два месяца. Слушателей готовили к работе по службе Генштаба: обучали ведению служебной переписки, подготовке докладов, подбору материалов, составлению сводок и схем, разведке местности и противника, организации и службе связи^V. Недельный учебный план школы был следующим (табл. 95).

Таблица 95

**Первоначальный недельный учебный план
Высшей советской школы штабной службы^{VI}**

Предмет	Часов в неделю
Тактика	9
Топография	7
Связь	6
Разведка	3
Артиллерийская разведка	2
Инженерное дело	3
Военная администрация	4
Полевой устав	2

Ежедневная учебная нагрузка составляла 6 учебных часов, месячная – 156. С 1 июля 1919 г. в школе ввели преподавание французского и немецкого языков и политической грамоты. По данным на 1920 г., преподавали также тактику снабжения. Еженедельно делались сообщения о положении на фронтах. Полевые

^I РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 8об.

^{II} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

^{III} РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 484. Л. 2.

^{IV} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

^V Там же. Л. 10.

^{VI} Там же. Л. 17.

работы слушателей проходили в Сергиевом Посаде, в районе станции Кунцево Александровской железной дороги и станции Тайнинская Ярославской железной дороги. Тактические занятия велись в Новогиреево^I. Продолжались и наборы слушателей. В июле открылось 5-е классное отделение из 17 слушателей, в августе – 6-е из 16 человек^{II}, 15 сентября открылось 7-е отделение.

Практически с самого начала у администрации школы сложилось понимание недостаточности такой подготовки, вследствие чего курс был расширен до четырех месяцев. Выпуск 1-го и 2-го отделений должен был состояться к 1 октября 1919 г., 3-го и 4-го отделений – к 15 октября (в итоге он на несколько дней задержался)^{III}. Таким образом, даже первые наборы обучались по четыре месяца. Выпускные экзамены 1-го и 2-го отделений проходили с 24 сентября. Всего школу тогда оканчивал 21 человек, причем 17 получили аттестаты, 3 – нет, еще одному были заданы повторные работы по съемкам и задачам в поле^{IV}.

Постепенно количество слушателей возрастало. 2, 24 и 27 октября прошли вступительные экзамены, по итогам которых в школу приняли 39 человек, а также 7 приняли условно^V. 15 ноября состоялся 3-й выпуск 13 слушателей, а 26 ноября – новый набор (см. табл. 96).

Таблица 96

Реконструкция сведений о первых наборах слушателей Высшей советской школы штабной службы в 1919–1920 гг.^{VI}

Отделение (период обучения)	Принято слушателей	Выпущено слушателей
1-е (01.06–01.10.1919)	23	21 выпускник (из набора 1 болен, 1 отчислен), 17 получили аттестаты, 3 не получили, 1 отправлен на повторные работы по съемкам и задачам в поле
2-е (01.06–01.10.1919)		
3-е и 4-е (15.06–18.10.1919)	30	27 выпускников и 1 из первого набора, выпущено 25
5-е (15.07–15.11.1919)	17	13; 2 оставлено для повторной сдачи экзаменов
6-е (20.08.1919–20.01.1920)	16	?
7-е (15.09.1919–14.02.1920)	9	8 выпущено, 2 больны
1-е (06.10.1919–16.03.1920)	9	18
2-е (06.10.1919–16.03.1920)	11	
3-е (27.10.1919–07.04.1920)	9	
4-е (27.10.1919–07.04.1920)	10	
5-е (набор 26.11.1919, обучение 09.01–09.05.1920)	17	12

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 362.

^{II} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 67.

^{III} Там же. Л. 67.

^{IV} Там же. Л. 103.

^V Там же. Л. 108–108об.

^{VI} Сост. по: РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 58, 67, 103, 108–108об., 115, 127, 131, 152, 152а, 154, 158, 169.

Обстановка разрухи накладывала свой отпечаток на работу школы. Например, для организации учебного процесса не хватало канцелярских товаров. С 27 ноября занятия прекратились, так как слушателей направили на заготовку дров. Учеба возобновилась только 9 января 1920 г., когда открылось 5-е классное отделение.

Подготовка слушателей оставалась узконаправленной: предметы, по которым велось преподавание, давались в объеме академии, однако масса дисциплин была отброшена, чтобы не утяжелять программу. По сути, и это признавали специалисты, слушателей натаскивали на выполнение конкретных штабных задач^I.

Несмотря на изначально крайне слабую подготовку слушателей (это были офицеры военного времени, окончившие школы прапорщиков, или красные командиры, окончившие советские командные курсы), они в целом успешно постигали военную науку. В школе активно применялся практический метод подготовки. Отделения были небольшими, что позволяло почти индивидуально заниматься со слушателями.

К преподаванию в школе были привлечены лучшие кадры старых генштабистов, в том числе профессорско-преподавательский состав Академии Генштаба РККА. Вместе с тем, найти достаточное количество квалифицированных преподавателей было сложно. Не случайно администрация школы жаловалась: «Вообще теперь очень трудно найти специалистов, а тем более специалистов с боевым опытом и достаточным служебным стажем»^{II}. Вследствие нехватки специалистов Генштаба на фронте возникала текучка кадров, преподаватели не задерживались в школе. Так, например, на фронт отправился генштабист С.Д. Харламов, преподававший тактику. В июне 1919 г. забрали на фронт и генштабиста И.Г. Лепетюху. Генштабист Смирнов, получив 18 уроков и втянувшись в работу, оказался взят в штаб округа, а часть часов ему пришлось отдать коллегам^{III}. Другие преподаватели не могли уделять школе требуемое количество времени. Так, начальство генштабиста Н.С. Елизарова не позволяло ему преподавать тактику более трех часов, что привело к необходимости поиска другого преподавателя, коим стал генштабист М.А. Стугин. В 1920 г. военную топографию в школе читал С.К. Сегеркранц, военную администрацию – И.И. Щолоков. В школе преподавали работники академий Генштаба, Артиллерийской и Военно-юридической: И.А. Белопольский (негенштабист), Н.С. Беляев, Б.В. Гейман (негенштабист), Н.И. Геништа, М.М. Загю, С.Н. Каменский, В.Р. Канненберг, Н.Г. Корсун, В.Ф. Новицкий, А.Н. Рубан (негенштабист), Н.К. Сегеркранц (негенштабист), С.К. Сегеркранц, А.Н. Сиверс, В.М. Смирнов, В.Н. Соколов, С.Ф. Таубе, А.И. Федотов, Е.Е. Шишковский^{IV}.

В совершенно секретном донесении Высшей военной инспекции председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому о лояльности военно-учебных заведений Москвы, подготовленном в сентябре 1919 г., сообщалось: «Школа штабной службы: начальник

^I Ашик Н. В. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

^{II} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

^{III} Там же. Л. 17об.

^{IV} Там же. Л. 328об. – 329.

школы Суворов – выдающийся знаток тактики – человек определенно белого цвета. Комиссар тов. Гондельман – очень хорош, вполне на месте. Сумел придать школе вполне приемлемый вид^I. Возможно, в связи с этой информацией начальник школы и один из преподавателей в сентябре 1919 г. были арестованы^{II}. В принципе основания для подозрений у чекистов имелись. Например, в школе преподавал В.В. Ступин – один из видных деятелей антибольшевистской подпольной военной организации «Национального центра». Возможно, он и являлся тем самым арестованным преподавателем. Позднее школу возглавляли выпускники Николаевской академии Е.Е. Шишковский (и.д., с 15 апреля 1920 г.) и Н.В. Ашик (на 1921).

Высшая советская школа штабной службы являлась не единственным учебным заведением такого рода. В 1919 г. школа штабной службы по примеру московской возникла при штабе Западного фронта в Смоленске^{III}. У ее истоков летом 1919 г. стоял генштабист Ф.Е. Огородников^{IV}, назначенный почему-то заведующим библиотекой и складом учебных пособий школы^V. Пост начальника школы занимал генштабист В.С. Селиков. В школе преподавал генштабист Б.И. Волков.

В то же время организовать аналогичную школу при штабе Южного фронта не удалось по причине нехватки преподавателей – специалистов Генштаба. По данным на апрель 1919 г., когда этот вопрос разрабатывался (предполагалось открытие школы на 60 слушателей^{VI}), генштабистов не было даже в дивизионных штабах, не говоря о бригадном уровне. Не способствовали успеху и низкие оклады преподавателей. Начальник штаба фронта сообщал начальнику ГУВУЗа 15 апреля 1919 г.: «Успех прохождения курса, да и вся организация школ, как видно из штата, зиждется преимущественно на специалистах Генерального штаба, которых даже при условиях совмещения преподавания с должностями начальника школы и заведывающего учебной частью не может быть менее двух. Штабы армий до настоящего времени не могут наладить у себя работу, ссылаясь на недостаток специалистов Генерального штаба, которых в большинстве случаев нет ни в штабах дивизий, ни тем более в управлениях бригад.

Кроме того, для замещения указанных высших должностей необходимо оставить свой выбор на лицах, сколько-нибудь прикосновенных к педагогической деятельности. Таким образом, штаб Южного фронта определенно стоит перед затруднениями, которые препятствуют организовать школу штабной службы при существующем недостатке сотрудников Генерального штаба.

Помимо этого, в частности, обращают на себя внимание оклады содержания, прежде всего, не сообразенные с позднейшими указаниями приказов Реввоенсовета республики № 502 минувш[его] года и от 3 февраля с.г. № 205. Они слишком незначительны, чтобы могли послужить эквивалентом труда и привлечь желающих, в особенности с тыла...

^I РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 380. Л. 4–4об.

^{II} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.

^{III} РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 734. Л. 116–117.

^{IV} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1об.

^V РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 53.

^{VI} РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 930. Л. 205.

Казалось бы, что во имя той пользы, которая, несомненно, может быть извлечена при организации подобных школ, учреждение последних преимущественно в тылу, в крупных центрах, в условиях возможности совмещения должностей наиболее всего отвечало бы задаче и ближайшим образом привело бы к ее успешному разрешению¹.

Несмотря на сложности с организацией школ на фронте, московская школа функционировала исправно. В результате этого к концу широкомасштабной Гражданской войны большевики были готовы ликвидировать дефицит кадров Генштаба путем массового выпуска подобных специалистов военного времени, квалификации которых хватало для штабной работы. Основу переменного состава школы составляли бывшие прапорщики военного времени. Недостаток знаний компенсировался высокой идейностью и порывом слушателей-коммунистов, коих в школе было свыше половины. К 1 марта 1920 г. в школе одновременно обучалось 65 человек в семи отделениях. К 1 апреля 1920 г. школа осуществила пять выпусков, ее окончили 94 человека², что способствовало снижению дефицита штабных работников в РККА. Изначально в школу принимали только военспецов и краскомов с боевым опытом, однако, видимо, постепенно стали допускаться послабления. В результате в 1920 г. в школе обучались уже и те, кто не имел военного образования или обучался лишь в учебных командах (табл. 97).

Таблица 97

**Состав слушателей Высшей советской школы
штабной службы (на 1920 г.)³**

Категория	Численность слушателей	Процент
Партийность		
Коммунистов	100	57
Беспартийных	78	43
Общее образование		
Ниже среднего	109	52,1
Среднее	91	44,4
Высшее	5	3,5
Военное образование		
Военное училище мирного времени	13	8,8
Ускоренные 4-месячные выпуски	136	66,3
Учебные команды, без военного образования	40	19,5
Советские командные курсы	11	5,4

По условиям приема слушатели должны были обладать стажем пребывания на командных или штабных должностях на фронте Гражданской войны в течение

¹ Там же. Л. 196–197.

² РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.

³ Ашик Н. В. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

полугода^I. Требовалось представить и политические рекомендации. Предпочтение отдавалось фронтовикам перед кандидатами от внутренних округов. При этом отбор в школу был достаточно жестким, хотя в условиях низкой образованности поступающих выбирать не приходилось. Также есть данные о том, что в школу откомандировывали неуспевающих слушателей Академии Генштаба РККА^{II}.

Начальник школы описывал чудовищные итоги приема: «Громадное, можно сказать подавляющее, большинство командированных совершенно непригодны для занятия оперативных должностей. Общая подготовка часто отсутствует. Был случай в полное нарушение условий поступления. Командированный нигде ничего не кончал, говорить по-русски почти не может, командных должностей не занимал, не знал даже, зачем нужен компас и как он употребляется.

Многие ответы носили совершенно анекдотический характер. Например, один из испытуемых, оренбургский казак, не мог указать на стенной карте Оренбурга, не знал, где Черное море. Конечно, не нашел Италии и Англии. Другие испытуемые обнаруживали подобные же знания. Что же касается до сочинений, то они показывают почти полное отсутствие понимания военных явлений, не говоря уже о научной подготовке»^{III}.

Для зачисления в школу требовалось членство в партии или рекомендации двух партийных работников. В анкетах слушатели должны были указывать, не подвергались ли репрессиям при советской власти и не понесли ли убытков, причем анкеты для военспецов и краскомов различались^{IV}. Вступительные экзамены проводились по русскому языку, географии, тактике, топографии и математике^V. Из державших экзамены в период с 1 февраля по 1 мая 1920 г. 205 человек были приняты 168, а окончили школу до 1 марта 66 (в четырех выпусках), причем отлично окончил только один слушатель, 8 — очень хорошо, 31 — хорошо и 26 — удовлетворительно^{VI}.

Указание на младшие штабные должности было условным. Речь шла не о простых канцеляристах — слушатели школы занимали посты начальников штабов бригад и даже дивизий. Для укрепления практического начала в работе школы и связи с боевой жизнью РККА возникла специальная комиссия связи с фронтом, взаимодействовавшая с выпускниками. Уже в 1920 г. выпускники школы активно использовались на фронтах, хотя отделение по службе Генштаба ВГШ было против замещения выпускниками школы должностей Генштаба, разве только на временных основаниях^{VII}.

В 1920 г. обсуждался вопрос расширения программы обучения до восьми месяцев с тем, чтобы слушатели могли занимать не только младшие должности Генштаба, но вообще любые административные должности в штабах и поступать после некоторого времени службы в академии. Связано это было в том числе и с тем, что о школе мало кто знал и приток слушателей в целом был

^I РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

^{II} Там же. Л. 40.

^{III} Там же.

^{IV} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.

^V РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

^{VI} Ашик Н. В. Московская школа штабной службы. Стб. 156.

^{VII} РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 166.

невелик. Кроме того, красные командиры не горели желанием идти в школу, поскольку дальнейшие служебные перспективы представлялись туманными, а особых преимуществ школа не давала. Несмотря на высокую результативность подготовки вследствие индивидуального подхода, выпускники не становились генштабистами и не имели надежд на продвижение по службе, как не окончившие академию. Не случайно вр.и.д. начальника школы даже писал: «Школа как бы умирает»^I.

Поскольку острая потребность в быстрой подготовке младших штабистов прошла, в 1920 г. предполагалось увеличить курс до восьми месяцев за счет военной игры, комплексных тактических задач с элементами стратегии, тактики, фортификации, артиллерии, топографии, администрации. Предлагалось ввести верховую езду и фактически довести программу до уровня академической. В этом случае прием намечалось проводить дважды в год: к 1 ноября (выпуск к 1 июля) и к 1 марта (выпуск 1 ноября) с тем, чтобы каждый набор летом проходил практику. Существовала идея в течение 2–3 лет провести через школу всех советских штабных служащих^{II}.

Также существовал проект годичного курса обучения с добавлением общеобразовательных предметов (русского языка, истории, математики, физики, военной географии, политической экономии, ознакомления с организацией промышленности и труда). Проект предусматривал два периода учебы – общеобразовательный^{III} и специально-военный^{IV} по пять месяцев каждый и по 42 учебных часа в неделю, а в конце обучения два месяца на полевые задачи и экзамены. Годичная подготовка была введена уже в 1920 г., а для лиц со средним образованием курс длился полгода.

Когда в 1920 г. острота потребности в штабных работниках начала снижаться, возник вопрос о пересмотре Положения о школе. 26 июня 1920 г. приказом РВСР школе было присвоено название «Высшая советская школа штабной службы командного состава РККА», а новое Положение утверждено 2 июля 1920 г. В целом курс школы давал слушателям солидную подготовку. Постепенно продолжительность учебы возрастала, но статус выпускников не менялся. В штабах РККА по-прежнему лучше относились к выпускникам ускоренных курсов старой академии^V, тогда как выпускники школы штабной службы даже не считались генштабистами. Как уже отмечалось, в 1920 г. курс школы стал более продолжительным по сравнению с курсами старой академии и составил один год, а в 1921 г. школа перешла на двухгодичное обучение (табл. 98).

^I РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 146об.

^{II} Там же. Л. 147.

^{III} Учебный курс общеобразовательного отделения: тактика – 6 часов в неделю, топография – 5, русский язык – 5, история – 3, физика – 3, общая география – 2, изучение организации производства – 3, математика – 5, политграмота – 3, верховая езда – 2, уставы – 3, иностранный язык – 2 (Там же. Л. 160об.).

^{IV} Учебный курс специально-военного отделения: тактика – 6 часов в неделю, топография – 3, связь и служба Генштаба – 3, разведка – 3, инженерное дело – 5, артиллерийское дело – 3, администрация – 4, военная гигиена – 1, политграмота – 3, уставы – 2, военная география – 2, верховая езда – 2, изучение организации производства – 3, иностранные языки – 2 (Там же. Л. 160об.–161).

^V РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1011. Л. 166.

**Учебный план Высшей советской школы штабной службы
командного состава РККА по двухгодичной программе¹**

Предмет	Часов (всего)
Общеобразовательный класс	
Военная администрация	120
Тактика	216
Топография	186
Русский язык	120
Русская история	60
Всеобщая история	60
Природоведение	120
Общая география	60
Математика	150
Политическая грамота	90
Артиллерийское дело	78
Фортификация	78
Уставы	30
Специально-военный класс	
Тактика	218
Топография	162
Военная администрация	60
Тактика снабжения	60
Связь и служба Генштаба	84
Разведка	60
Тактика технических войск	30
Военная география	60
Инженерное дело	138
Артиллерийское дело	138
Экономическая география	30
Военная гигиена	30
Русский язык	60
Русская история	60
Математика	60
Политграмота	90
Уставы	30

Обязательным было изучение одного иностранного языка по четыре часа в неделю на общих семестрах, кроме того, перед занятиями один час проводилась гимнастика, занимались и верховой ездой.

¹ РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 331об.-332.

По службе Генерального штаба слушатели изучали творческую и техническую часть управления войсками, подготовку решения, основные положения для управления войсками, оперативные приказы, размножение и рассылку приказов, участие Генерального штаба в работе органов снабжения и устройства тыла^I.

В феврале – марте 1921 г. школу окончили 8 человек^{II}. Среди выпускников школ штабной службы были некоторые крупные советские военные деятели. Например, в 1919 г. ее окончил М.В. Захаров – будущий маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба. Школу при штабе Западного фронта окончил другой будущий маршал Советского Союза – Ф.И. Толбухин.

Особый отдел при МЧК направил в Московский комитет партии обзор состояния московской школы штабной службы к 16 июня 1921 г., в котором отмечалось: «Состав 60 человек. Курсанты, большинство – бывшие офицеры и многие вместе с преподавателями старого закала – определенные антисемиты. Эти взгляды они высказывают, не стесняясь. Курсанты же из красных командиров недовольны обращением преподавателей, т.к. последние преподают на старых устоях, называют господами. Культурно-просветительская работа и политическая слишком слаба...»^{III}

20 сентября 1921 г. приказом РВСР № 2071 на базе московской школы штабной службы возник подготовительный курс Военной академии РККА (уже в 1919–1920 гг. школа воспринималась как подготовительное отделение перед академией, после которого способные выпускники проходили практику в штабах и поступали в академию^{IV}), а 11 октября приказом РВСР № 2242 школа была выведена из подчинения ГУВУЗу и переподчинена начальнику академии, как и планировалось изначально. Функционировать в качестве подготовительного курса школа начала с 1 ноября 1921 г.^V В отчете Наркомата по военным и морским делам за 1922 г. указывалось, что в школе проходили подготовку 39 человек^{VI}.

Как отмечали современники, школа превратилась в «военный рабфак» при академии, «было принято около полутораста рабочих и крестьян. Это были, несомненно, боевые командиры, но с общим образованием максимум в пределах городского, а чаще и сельского училища. Они были полны жажды знания, но их нельзя было оторвать от военной жизни, их нельзя было отправлять на рабфак гражданский. Так был создан новый курс, который сыграл определенную роль в дальнейшей истории академии»^{VII}. Слияние с академией проходило непросто. На подготовительный курс академии зачислили 110 человек, из которых 30 перешли из школы, а остальные были приняты со стороны. Подготовительный курс окончили многие видные военные и политические деятели, в том числе, например, маршал Монгольской Народной Республики Х. Чойбалсан. Первым начальником курса в академии стал М.В. Бойцов^{VIII}.

^I РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1049. Л. 12.

^{II} Там же. Л. 8.

^{III} Цит. по: Яковлева М. А. Материалы Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) – важнейший источник информации для партийных и советских органов в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2 (110). С. 278.

^{IV} РГВА. Ф. 24705. Оп. 1. Д. 1. Л. 162об.

^V РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.

^{VI} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 51.

^{VII} Военная академия за пять лет. С. 72–73.

^{VIII} НА ИРИ РАН. Ф. 23. Оп. 7. Д. 24. Л. 71об.

Б) Военно-академические курсы высшего командного состава РККА

По окончании широкомасштабной Гражданской войны при Военной академии РККА в Москве были созданы Военно-академические курсы высшего командного состава РККА (ВАК). Курсы просуществовали с августа 1921 по июнь 1924 г. Создавались они для усовершенствования и пополнения знаний красными командирами, не получившими систематического военного образования. Другой задачей была выработка единого военного взгляда на задачи и деятельность Красной армии^I. Фактически курсы стали учебным заведением, функционировавшим параллельно с академией, но по сокращенной программе (курс составлял девять с половиной месяцев). На курсы принимали комбригов, комдивов и военачальников более высокого ранга.

В 1921 г. на курсы были приняты 85 представителей высшего командного состава, имевших боевые заслуги, но не получивших ранее военного образования^{II}. Один из зачисленных, С.А. Калинин, вспоминал: «Всего на курсы прибыло около ста человек. У большинства на петлицах по два-три ромба. Это – командующие армиями, командиры дивизий и бригад. Среди них всего лишь несколько особо отличившихся в боях командиров полков. У значительного числа слушателей – правительственные награды, заслуженные в боях ордена Красного Знамени. Име- на многих уже в то время были известны всей стране.

Общеобразовательная и военная подготовка прибывших на курсы была не одинаковой. Совсем немногим в свое время удалось окончить какое-либо высшее учебное заведение. Нескольким товарищам, как и мне, довелось учиться в школе прапорщиков военного времени. Было немало среди слушателей и таких, которые окончили лишь начальные школы»^{III}. При этом все слушатели обладали боевым опытом Гражданской войны.

На курсах обучались даже слушатели Военной академии. Например, с 22 декабря 1921 г. на основании телеграммы начальника ПШ РВСР на курсы был зачислен слушатель старшего курса Военной академии Г.Д. Гай^{IV}, хотя какова была причина ухода из академии на курсы, неясно. Биографы Гая также не понимали причин, а сам легендарный военачальник утверждал, что этим сэкономил год времени, так как в академии ему оставалось учиться два года, а на курсах – год^V. В итоге Гай все же окончил академию, пройдя ее курс в 1925–1927 гг.

Среди слушателей академических курсов были и другие известные участники Гражданской войны: С.С. Вострецов, П.Е. Княгиницкий, Н.В. Куйбышев, Б.В. Майстрах, С.К. Тимошенко, Т.Т. Шапкин^{VI} и др. Посещал отдельные занятия и Я.Ф. Фабрициус. По данным на 1922/23 учебный год, курс обучения был рассчитан на десять месяцев, продолжался с 1 октября по 31 июля и был разделен на три периода: 1 октября – 23 декабря, 15 января – 30 апреля и 1 мая – 31 июля.

^I РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

^{II} РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.

^{III} Калинин С. А. Размышляя о минувшем. М., 1963. С. 96–97.

^{IV} РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

^V Айрапетян Г. А. Легендарный Гай. М., 1965. С. 148.

^{VI} РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

Первый период отводился для пополнения и совершенствования военных и общественно-политических знаний слушателей, выработки навыка быстрой оценки обстановки и принятия твердых решений. В это же время велись практические занятия по тактике, а сами слушатели готовились к руководству тактическими занятиями и к инструкторской работе. Много времени уделялось самостоятельной подготовке на основании той литературы, которую преподаватели рекомендовали для изучения. В ходе занятий преподаватель обсуждал со слушателями прочитанное и проверял правильность их представлений по существу того или иного вопроса. Для практических занятий создавались группы (по 5–6 человек), между которыми организовывалась военная игра¹.

Второй период был отведен под коллективную разработку тем, причем для военно-исторических тем требовалось использование архивных материалов. Наконец, третий (летний) период включал военную игру и двусторонние ротные учения (май), экскурсии для ознакомления с военной техникой (июнь) и полевые поездки (июль). В полевых поездках оттачивалось мастерство черчения кроки.

Курсы находились в подчинении С. С. Каменева (приказом РВСР по личному составу армии № 220 от 30 октября 1922 г. назначен начальником курсов с оставлением в должности главкома). Заместителем начальника курсов являлся генштабист Ф. П. Шафалович. Руководство курсов старалось привлекать к работе лучшие военно-научные силы страны и Красной армии, почти исключительно специалистов старого Генерального штаба. Так, на 1922/23 учебный год было намечено привлечь главными руководителями по стратегии С. С. Каменева и А. М. Зайончковского, а в качестве преподавателей П. П. Лебедева, Н. Г. Мыслицкого, М. Н. Тухачевского, Б. М. Шапошникова. Главным руководителем по тактике намечался А. И. Верховский. Преподавателями: по тактик Н. Я. Капустин, по тактике конницы В. Н. Гатовский, по тактике связи В. М. Цейтлин (он же – главным руководителем по службе связи). Главными руководителями практических занятий по тактике намечались А. И. Верховский и В. С. Лазаревич. Старшими руководителями: В. Е. Белолипецкий, В. Н. Гатовский, В. Н. Егорьев, Н. Я. Капустин, А. К. Коленковский, Н. Г. Мыслицкий, Д. Н. Надежный, К. П. Невежин. Руководителями: А. А. Балтийский, В. Л. Барановский, П. Д. Бурский, А. И. Готовцев, М. М. Загю, А. Г. Лигнау, Л. А. Лупаков, В. И. Моторный, А. Л. Певнев, С. К. Сегеркранц, В. Г. Сухов, С. А. Сухомлин, П. В. Черкасов и др.

Руководителем по стратегии предполагалось назначить А. М. Зайончковского, по снабжению – В. И. Самуйлова, по истории военного искусства – А. И. Верховского, по военной географии и статистике – И. А. Троицкого и А. И. Кука. Главным руководителем по организации войск предполагался П. П. Лебедев, преподавателем – В. Е. Гарф. Историю военного искусства преподавал А. А. Свечин, лекции по стратегии читал А. А. Незнамов, инженерное дело вел Д. М. Карбышев, занятия по тактике – А. И. Верховский, он же возглавлял военную игру, которая завершала курс обучения. Полевыми занятиями руководил А. И. Готовцев. Курс лекции по марксизму читал старый большевик Д. Б. Рязанов.

В 1923 г. группами слушателей в полевой поездке руководил цвет старого Генерального штаба: А. Х. Базаревский, В. Л. Барановский, А. С. Белой, В. Е. Белолипецкий,

¹ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

П.Д. Бурский, А.Н. Гатовский, В.Н. Гатовский, А.И. Готовцев, В.С. Лазаревич, А.Г. Лигнау, В.И. Моторный, А.Л. Певнев, С.К. Сегеркранц, Н.Г. Семенов, Е.Н. Сергеев, П.В. Черкасов, Ф.П. Шафалович¹. Взаимодействовали курсы и с Военно-научным обществом.

Курсы располагались в особняке на Остоженке. Учеба проходила по шестидневке. Ежедневно было намечено по три занятия с 10.00 до 15.40 (10.00–11.30 с перерывом 10.40–10.50; 12.30–14.00 с перерывом 13.10–13.20; 14.10–15.40 с перерывом 14.50–15.00). В субботу проводилось одно занятие, после чего проходили групповые занятия по тактике или самостоятельное решение задачи.

Сохранился учебный план курсов на 1922/23 учебный год. Согласно плану, на первый период отводилось 426 часов занятий (71 день, 12 недель; табл. 99).

Таблица 99

**Учебный план первого периода (1 октября — 23 декабря) подготовки
на Военно-академических курсах высшего командного состава РККА
на 1922/23 учебный год¹**

Предмет	Часы до обеда	Часы после обеда
Практические занятия по тактике (вторник, четверг, суббота по 4 часа в день)		128
Общественно-политические науки (по пятницам по 6 часов)	24	44
Лекции по тактике	100	
Стратегия	12	16
История военного искусства	8	16
Топография	2	4
Организация тыла	12	12
Самостоятельные работы слушателей (по средам по 4 часа)	4	48
Итого	158	268

Во второй период предусматривалось 444 часа занятий за 74 дня (табл. 100).

Таблица 100

**Учебный план второго периода (15 января — 30 апреля) подготовки
на Военно-академических курсах высшего командного состава РККА
на 1922/23 учебный год¹**

Предмет	Часы до обеда	Часы после обеда
Практические занятия по тактике (по четвергам по 4 часа)		52
Коллективная разработка тем (вторник и суббота по 4 часа)		100
Общественно-педагогические науки (по пятницам по 6 часов)	24	48
Тактика	60	
История военного искусства	6	
Топография	4	8

¹ Там же. Л. 52.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹¹¹ Там же. Л. 9.

Предмет	Часы до обеда	Часы после обеда
Организация тыла	16	
Организация	8	
Военная география и статистика	12	12
Мобилизация	6	12
Военная психология	6	12
Морское дело	6	
Самостоятельная работа слушателей (по средам по 4 часа)		52
Итого	148	296

Материальное положение слушателей было незавидным. Они не имели жилья в Москве, размещались в не оборудованном должным образом помещении на Арбате, 37, были лишены топливного довольствия, страдали от дороговизны и инфляции. Месячное жалование слушателей в среднем составляло 8–10 тыс. руб., тогда как даже рядовой охраны Госбанка в октябре 1922 г. получал больше 10 тыс. руб.^I

На курсах стали повторяться те же ситуации во взаимоотношениях избыточно сознательных слушателей и далеких от понимания новых реалий преподавателей из старой военной элиты, что и в Академии Генштаба РККА. Отношение к некоторым преподавателям из старых спецов отличалось неприязненностью^{II}. Слушатели созывали коллективные собрания, на которых выступали против военспецов, критиковали начальство, причем не только своих курсов, но и других военно-учебных заведений. Так, например, слушатели раскритиковали начальство Высшей стрелковой школы командного состава РККА, жаловались на отсутствие там твердого руководства, на службу преподавателей ради пайка, а не идеи, на их рутинерство и разлагающее влияние. Начальник школы в августе 1922 г. был вынужден оправдываться, сообщая главному начальнику военно-учебных заведений РСФСР, что «упрек преподавательскому составу в халатности, в работе ради пайка категорически отвергаю. Напротив, вижу в труде преподавателей признаки бескорыстия и даже самоотвержения, так как, благодаря слишком неаккуратной выплате лекционных денег, они работают почти даром и тем не менее свои обязанности выполняют более чем добросовестно»^{III}.

27 июля 1922 г., по окончании учебы, первая группа выпускников курсов написала письмо главкому С. С. Каменеву по вопросу о постановке учебного процесса и о необходимости перемен в РККА. Слушатели писали: «Глубокоуважаемый и горячо любимый Сергей Сергеевич! Закончив свой “год учебы”, мы, слушатели Военно-академических курсов высшего комсостава, считаем своим нравственным долгом поделиться с Вами теми мыслями, которые волнуют нас, теми впечатлениями, которые остались после ознакомления с постановкой дела военной учебы, как на военно-академических курсах, так и в вузах и тех частях, с которыми

^I Там же. Л. 30.

^{II} Калинин С. А. Размышляя о минувшем. С. 100.

^{III} РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

мы сталкивались, в которых бывали и из которых получали многочисленные письма и заявления. Любовь к своему делу, глубокая объективная и субъективная заинтересованность в боеспособности нашей славной Красной армии требуют и заставляют нас зафиксировать здесь все те ненормальности и неправильности, свидетелями которых мы вольно и невольно были и становились.

В результате девяти месяцев, проведенных на курсах, нам удалось немного пополнить свой теоретический багаж, но таковой цели мы достигли, главным образом, благодаря коллективной работе в период “месяца самостоятельности”, самостоятельной работе в ОБНО¹ и индивидуальным занятиям и чтением. Отсутствие определенной программы, случайный подбор профессуры, неуместные методы обучения, явно несерьезное отношение к чтению лекций со стороны некоторых из профессоров (вместо курса стратегии – цикл анекдотов проф[ессора] Незнамова, вместо курса современной тактики – курс тактики по опыту Отечественной войны 1812 года и Русско-японской – проф[ессора] Сапожникова) не только не облегчали работы по саморазвитию, но в большинстве случаев отбивали даже желание слушания лекций и посещения с таковой целью курсов. Постоянные навязывания своей заведомо предвзятой и глубоко необоснованной точки зрения во время решения показательных тактических задач не только не способствовали выработке единства взглядов, хотя бы в вопросах тактики, но даже углубляли антагонизм между слушателями и профессурой и подрывали авторитет последней (за некоторым исключением) в глазах первых.

Преподнесенная в качестве сюрприза “отчетная задача” с не отвечающим жизни заданием, явно абсурдным решением ее руководством и недопущение затем слушателей к разбору решения, а также безобразно проведенная военная игра дали возможность слушателям окончательно убедиться в истинной физиономии некоторых из профессуры, признать правильность вкоренившегося мнения, что таковые ничуть не изменились в результате даже империалистической и Гражданской войн.

Девятимесячное пребывание на курсах заставляет нас в интересах продуктивности учебы наших товарищей на них высказать целый ряд пожеланий:

1. Состав профессуры должен быть подобран с таким расчетом, чтобы в число его ни в коем случае не были включены люди с явно рутинными взглядами и, до смешного, подражательскими тенденциями.

2. Вся учеба должна вестись путем коллективного собеседования по существу всех вопросов тактики и стратегии, рассчитанного на широкий обмен мнениями между слушателями и профессурой, причем на последних должна быть возложена роль ученого справочника, а не идейного руководства, единство же мысли должно выковываться в результате всесторонней критики и широкой дискуссии.

3. Больше внимания уделено современной тактике иностранных армий.

4. Безусловно принят во внимание и учтен опыт последней империалистической и Гражданской войн.

5. Широко развита работа ОБНО и для участия в ней, в порядке обязанности, привлечена профессура.

¹ Здесь и далее так в документе. Речь идет о Военно-научном обществе (ВНО).

6. Больше внимания уделено вопросам политического характера.
7. Практические занятия по тактике – вестись в форме односторонней военной игры.
8. Военная игра проводится совместно с академией Генштаба.
9. Проведено более широкое ознакомление с работой Штаба РККА.
10. Налажена непрерывная идейная связь с войсковыми частями и высшими кавалерийской и стрелковой школами.

Таковы пожелания в плоскости, касающейся исключительно постановки дела обучения на В.А.К. высшего комсостава, что же касается экономического положения слушателей, то таковое, безусловно, должно быть улучшено, а также положен предел кормлению за счет слушателей целой плеяды, превосходящей их числом, лиц, обслуживающих курсы¹.

В известном выпадами в адрес военспецов докладе бюро ячеек Военной академии в ЦК РКП(б) от 18 февраля 1924 г. уделялось место и критике ВАК: «Рознь среди высшего комсостава (Академия и ВАК). Если бы ВАК существовал как институт, имеющий своей задачей обновление военных знаний комсостава, ранее прошедшего теоретическую школу (академию), то этим самым и обуславливались бы его связь и отношения с Военной академией, а равно и контингент его слушателей. При настоящем положении вещей мы имеем две параллельно существующие высшие военные школы, разница между которыми состоит в том, что в одну принимают только комбригов, комдивов и выше без приемных испытаний, обучают 9 месяцев и отправляют на ту же работу, какую они вели до поступления на ВАК; в другую же школу принимают и комдивов, и комрот, но с обязательными приемными испытаниями, с 3-летним курсом обучения и с прохождением службы, по окончании учебы, с низших должностей. Существует много объективных причин, которые привели к этому положению, но когда в виде его следствия рождается всем известная рознь в среде нашего высшего комсостава, то ее следует понимать как опаснейшее явление для нашей армии, а не как “недоразумение между генштабистами и ваковцами”, и нужно своевременно найти в себе и силу и умение выйти из этого положения, бесконечно ослабляющего наши силы и тем самым увеличивающего влияние спецовской касты»². Письмо предлагало объединить ВАК и академию, устранить параллелизм и противоречия, что и было сделано буквально через несколько месяцев после доклада. Постепенное формирование кастовости слушателей ВАК применительно к набору 1922/23 учебного года отмечал на Пленуме ЦК РКП(б) 3 февраля 1924 г. Э.М. Склянский³. Для противодействия кастовому началу в армии издавались приказы РВС СССР, проводилась разъяснительная работа.

В июне 1924 г. ВАК были реорганизованы в Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава, куда принимали выпускников ВАК, Военной академии РККА и ускоренных курсов старой академии. Учеба на курсах была организована по циклам (стратегия, тактика, история военного искусства, военная администрация, военная география, социально-экономические и политические науки), циклам подчинялись кафедры, существовали и отдельные кафедры артиллерии, военно-инженерного

¹ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–17.

² Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 95.

³ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 97.

дела и военного языкознания. Подготовка велась путем изучения действий дивизии и корпуса¹. Руководили курсами начальник Военной академии и его заместитель, а также помощник по учебной части через главных руководителей циклов².

§ 4. Подготовка кадров Генштаба на военном факультете Туркестанского государственного университета

В период Гражданской войны дефицит специалистов Генерального штаба в Красной армии покрывался самыми разными способами. Прежде всего, был осуществлен тщательнейший учет всех выпускников Николаевской военной академии, привлечены к работе выпускники ускоренных курсов академии и даже те, кто в ней недоучился. Функционировали советские школы штабной службы, готовившие младших штабных работников. Открылись Военно-академические курсы высшего командного состава РККА. Кроме того, подготовка кадров велась и на военном факультете Туркестанского государственного университета.

История возникновения факультета была следующей. Еще в марте 1918 г. в Ташкенте был создан Туркестанский народный университет. После восстановления связи Советской России с Туркестаном, 22 сентября 1919 г., состоящий в личном распоряжении председателя РВСР Л. Д. Троцкого бывший штабс-ротмистр, а позднее известный писатель и ученый, активный сторонник реорганизации Генерального штаба и высшего военного образования Э. С. Батенин (негенштабист) представил доклад о необходимости организовать при университете военный факультет. Предполагалось создать центр высшего военного образования для всего Туркестана с учетом местной специфики³. Курс обучения первоначально намечался годичный. Очевидно, предполагалось готовить командные кадры с учетом возможного экспорта революции за рубеж. Слушатели должны были получать подготовку в восточном и южно-азиатском вопросах, изучать сопредельные с Туркестаном государства. В докладе прямо говорилось о том, что перед Советской Россией «может быть, еще станет во весь рост острый вопрос не только об активной защите своего бытия, но и о распространении путем оружия идей свободы в сопредельных странах...»⁴

Поддержали замысел командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе и начальник Академии Генштаба РККА выдающийся военный ученый и востоковед А. Е. Снесарев. В Москве было создано организационное бюро в составе Снесарева, Батенина и профессора Туркестанского университета Г. К. Ризенкампа, в Ташкенте в него вошли Н. А. Зимин, Ю. И. Пославский и ректор университета

¹ РГВА. Ф. 24697. Оп. 1. Д. 11. Л. 106.

² Там же. Л. 8. В зимний период 1924/25 г. аудиторное время распределялось следующим образом: тактика — 317 часов (49,2 % учебного времени); стратегия — 166 часов (25,8 %); социально-экономические и политические науки — 60 часов (9,3 %); военная география — 36 часов (5,6 %); военная администрация — 33 часа (5,1 %); история военного искусства — 14 часов (2,2 %); артиллерия (техника) — 10 часов (1,6 %); военно-инженерное дело — 8 часов (1,2 %). Итого 644 часа (Там же. Л. 12). Начальником учебного отдела курсов был генштабист Д. А. Бенземан.

³ Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1: Сентябрь. С. 426.

⁴ Там же. С. 427.

Г.Н. Черданцев. В октябре 1919 г. вопрос о создании факультета был решен. Была сформирована организационная комиссия, в которую вошли руководители и профессор университета, а также военные специалисты. План организации факультета составил сам Снесарев. По итогам обсуждений был намечен четырехлетний срок обучения. Набирать решено было слушателей с образованием не ниже трудовой школы 2-й ступени. Признавалась идеальной организация обучения как в военном техникуме, которая по условиям времени была нереализуемой. Решено было организовать факультет по принципу академии Генерального штаба. На факультете возникли два отделения: общее (в составе артиллерийской, инженерной и интендантской секций) и Генерального штаба.

В работе комиссии участвовали помимо Снесарева генштабисты В.Н. Гатовский, П.И. Ермолин, А.Д. Тарановский и А.А. Яковлев. На заседании организационной комиссии 5 февраля 1920 г. были намечены военспецы, которым поручалась организация кафедр. Распределение было следующим: Снесарев – стратегия, философия войны и военная география Средней Азии; Гатовский – тактика конницы, воздушного флота, технических войск и прикладная тактика; Яковлев – тактика пехоты и история Русско-японской войны; Тарановский – геодезия и топография; Е.М. Голубинцев – техника артиллерии; Н.А. Владиславский-Крекшин – тактика артиллерии. Деканом факультета был избран Снесарев при секретаре Ермолине. К работе на факультете планировалось привлечь генштабистов А.А. Балтийского, А.К. Климовича и Ф.Ф. Новицкого. В подготовке открытия факультета были задействованы начальник корпуса военных топографов А.И. Аузан, начальник штаба Туркестанского фронта П.В. Благовещенский, начальник артиллерии Туркестанского фронта А.А. Маниковский, А.А. Незнамов, состоящий для поручений при командующем войсками Туркестанского фронта Ф.Ф. Новицкий. 25 марта 1920 г. профессорами факультета были избраны Снесарев, Гатовский, Голубинцев, Владиславский-Крекшин, Н.А. Сулейман, Тарановский и Яковлев¹.

На первом заседании факультета 1 апреля 1920 г. были избраны должностные лица. Деканом выбрали Снесарева, его заместителем – В.Н. Гатовского, а ученым секретарем факультета – В.Л. Руднева. В результате обсуждений Снесарев пришел к идее того, чтобы часть факультета была общеуниверситетской, а другая часть – военной. Общий отдел факультета предназначался для подготовки студентов всего университета в военном отношении. Основной дисциплиной являлся двухгодичный курс под названием «Энциклопедия военных наук», который включал следующие предметы: военная администрация, элементарный курс общей тактики, техники артиллерии, воздушного флота и инженерно-технических средств, краткий курс полевой фортификации с полевой маскировкой, краткий курс военного искусства, краткий курс военной топографии, краткий курс истории последних войн, история завоевания Туркестана, краткий курс военной статистики и географии Туркестана и сопредельных стран – Персии, Афганистана и Китая (для всех факультетов, кроме отделения Генштаба военного факультета). Также преподавались: военно-инженерное искусство (для технического факультета); артиллерийское дело (для технического факультета); экономика войны

¹ Там же. С. 432.

(военное хозяйство, тактика снабжения, устройство тыла, транспорт – для естественного (сельскохозяйственного) факультета); низшая и высшая геодезия (для физико-математического факультета); военная гигиена, санитария и тактика санитарной службы (для медицинского факультета).

8 мая 1920 г. на заседании организационной ячейки заместителем декана был избран Ф.Ф. Новицкий. В итоге РВС Туркестанского фронта определил требования к слушателям. Решено было принимать на факультет лиц с военным образованием и хотя бы кратким служебным стажем. В отделение Генштаба намечалось зачислить 150 человек. Из 200 вакансий факультета 160 (80 %) сохранялись за РВС Туркестанского фронта.

Летом 1920 г. велась организационная работа. Была определена смета в размере 44 млн руб. Осуществлялась заготовка учебных пособий, для чего в Москву была направлена специальная делегация. Осенью было найдено помещение для факультета и организована учено-учебная часть. Продолжался набор профессорско-преподавательского состава. Профессором по кафедре военной истории стал А.Н. Апухтин, профессором по кафедре географии Туркестана – Н.Л. Корженевский, преподавателем военной администрации – П.В. Благовещенский, курс артиллерии должен был вести Н.И. Габбин, курс полевой фортификации – Н.И. Иванов. От университета профессором по кафедре истории цивилизации народов стал В.Н. Кун, профессором по кафедре психологии – А.В. Трапезников, преподавателем высшей математики и механики – С.И. Ковалевский¹. 29 октября 1920 г. деканом был избран П.В. Благовещенский, его заместителем – Н.И. Иванов, ученым секретарем – Н.Л. Корженевский. Позднее деканом стал Н.И. Иванов, однако он умер от сыпного тифа 14 января 1922 г.²

На факультете возникло четыре отделения: Генерального штаба, военно-инженерное, артиллерийское и военно-хозяйственное. На первом курсе отделения Генерального штаба программа была утверждена в следующем объеме (табл. 101).

Таблица 101

Программа обучения на первом курсе отделения Генерального штаба военного факультета Туркестанского государственного университета³

Предмет		Часов
Тактика пехоты, кавалерии, артиллерии и прикладная с практическими занятиями		100
История военного искусства	Древний период и средние века до эпохи А. Тюренна	30
	История военного искусства эпохи Фридриха II, Французской революции и наполеоновских войн	30
	Русское военное искусство от Петра I до первой четверти XIX в.	20

¹ Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 1: Январь – апрель. С. 303–304.

² Военная мысль. 1921. Кн. 3: Август – декабрь. С. 309.

³ Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 1. С. 304. В 1921 г. в курс были включены общая тактика, устройство вооруженных сил республики, главных иностранных и сопредельных с Туркестаном государств, топография, топографическое черчение, но сокращен курс истории военного искусства, добавились и общие предметы: физика космическая с геофизикой, химия, почвоведение. К восточным языкам добавлен монгольский (Военная мысль. 1921. Кн. 3. С. 303).

Предмет	Часов
Уставы: общие и всех родов войск	120
Артиллерия, материальная и теоретическая часть	48
Воздухоплавание: организация, техника, история и применение	30
Военная администрация	48
Полевая фортификация	24
Инженерно-технические средства	24
Военная география Туркестана	24
Низшая геодезия	72
Военная гигиена и санитария	24
Государственное право	24
Физическая география	24
Психология	24
Новейшая история	48
Исламоведение	24
Востоковедение	24
Английский язык	72
Восточный язык (по выбору: узбекский, персидский, индустанский, китайский)	96

По данным на начало 1921 г., на факультете работали 9 профессоров, 42 преподавателя и 7 лекторов по языкам, имелись 2 ассистента и 2 лаборанта. Поступающим в итоге все же разрешено было не иметь служебного стажа и военного образования. Для поступающих с 1 января 1921 г. открылось 8-месячное подготовительное отделение. Учеба на факультете началась 27 декабря 1920 г., причем прием был продлен до 15 февраля 1921 г. Занятия проходили в пустовавшем здании ташкентского Коммерческого училища, приведенном в порядок (в здании не было печей и оконных стекол).

К 15 февраля на факультет было принято 200 студентов, часть из них была, а осталось 188 человек. Из этого числа 155 поступили из Красной армии и 33 со стороны. На отделении Генштаба обучались 15 человек, на военно-инженерном – 66, на артиллерийском и военно-хозяйственном – по 17 и на подготовительном – 73. В период обучения слушателей продолжалась выработка структуры факультета. Приказом РВСР и Наркомпроса от 22 февраля 1921 г. № 429 были определены организационные принципы нового факультета, причем выпускники должны были поступать в распоряжение РВСР. В начале 1921 г. факультету в качестве органа военно-научной мысли был передан журнал «Военная мысль». В августе 1921 г. при факультете организовалось Среднеазиатское военно-научное общество. К 1922 г. в нем состояли уже 149 членов, причем для студентов отделения Генштаба и для студентов-коммунистов членство было обязательным. Обязательных членов было 98, постоянных – 48 и трое гражданских сотрудников. Члены общества изучали и обрабатывали архивные материалы по Гражданской войне в Туркестане, устраивали сообщения и доклады, устанавливали связь с другими

военно-научными учреждениями. Одним из активных участников общества был бывший офицер лейб-гвардии Преображенского полка Д.Д. Зуев^I.

Учебный процесс осложнялся поздним открытием занятий, отсутствием учебных пособий, бытовой (жилищной) неустроенностью студентов и преподавателей. Тем не менее учебный план первого года был выполнен успешно, велись занятия в Троицком лагере (в частности, слушатели отделения Генштаба занимались инструментально-мензульной съемкой). Осложняло работу и двойственное положение факультета, который подчинялся университету, но финансировался РВС Туркестанского фронта^{II}. Факультет добивался рекрутирования слушателей из комсостава РККА. Число студентов было определено для отделения Генштаба в 50 человек, а для подготовительного отделения – в 40 человек. На три технических отделения принимались 100 человек.

Интересно, что политработники Туркестанского фронта на одном из совещаний летом 1921 г. постановили ввиду оторванности восточного отделения Академии Генштаба РККА от изучаемого региона ходатайствовать о перенесении отделения в Ташкент и слиянии его с отделением Генштаба военного факультета. Также предлагалось артиллерийское, инженерное и военно-хозяйственное отделения факультета слить с академиями в Москве и Петрограде^{III}. Фактически это была попытка уничтожения факультета.

1 октября 1921 г. начался второй учебный год на факультете. Контингент учащихся увеличился. Факультет боролся за существование, в том числе против проведения в жизнь решения политработников Туркестанского фронта, грозившего закрытием факультета. Руководство факультета отстаивало принцип совместного обучения слушателей разных специальностей. В конце августа 1921 г. от факультета в Москву была направлена делегация в составе преподавателя Н.И. Габбина и военного комиссара К.С. Плетухина для проведения в жизнь новых штатов. Как выяснилось, 5 сентября Малый академический совет постановил закрыть факультет, организация и структура которого якобы не соответствовали нуждам и задачам Туркестана^{IV}. Ценой немалых усилий удалось добиться пересмотра решения 19 сентября. Однако теперь требовалось срочно выработать Положение о факультете. Внутри самого университета также были противники военного факультета, пытавшиеся если не упразднить факультет, то добиться хотя бы закрытия его технических отделений. Вопрос был вынесен на рассмотрение Туркестанского ЦИК, создавшего особую комиссию, а также в Туркбюро ЦК, откуда пришло распоряжение оставить только отделения Генштаба и подготовительное. 14 октября 1921 г. Комиссия ВЦИК по делам Туркестана как высший правительственный орган края признала существование факультета желательным в прежнем виде. Разумеется, необходимость бороться за существование негативно повлияла на состояние преподавателей и студентов. Однако занятия продолжались.

^I Военная мысль. 1921. Кн. 3. С. 284.

^{II} Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 2: Май – июль. С. 292.

^{III} Военная мысль. 1921. Кн. 2. С. 288.

^{IV} Мансветов П. И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль. 1921. Кн. 3. С. 298.

Новый набор факультета считался неудовлетворительным. На отделение Генштаба набирали 50 слушателей, на технические отделения — 100, на подготовительное — 40. О допущении к приемным испытаниям ходатайствовали 150 человек. Приняты были всего 70: 15 на отделение Генштаба, 18 на военно-инженерное отделение, по 4 на артиллерийское и военно-хозяйственное и 29 на подготовительное отделение. Кроме того, 37 человек с подготовительного отделения перешли на основное. Всего же обучались 189 человек. Не все желающие обладали необходимым багажом знаний, немногие знали о направлении работы факультета и о том, что необходимо сдавать вступительные экзамены. Некоторые по этой причине отказались их сдавать, поскольку не обладали требуемыми знаниями.

На втором курсе шла подготовка по следующим военным предметам: тактика малых войн, позиционная война, практические занятия по тактике, статистика, полевая фортификация (ч. 2, 4, 5 — другие части были включены в программу первого курса), практические занятия по фортификации в связи с тактическими, история военного искусства от Наполеона до Франко-прусской войны, военная история — Франко-прусская, Русско-турецкая и Русско-японская войны, Гражданская война (деникинский и Кавказский фронты), военная администрация (мобилизация, военное хозяйство, устройство тыла и тактика снабжений), практические занятия по военной администрации в связи с тактическими, география и картография, топографическое черчение, тактика санитарной службы, тактика артиллерии, служба Генерального штаба.

Среди общих предметов изучались исламоведение и востоковедение, метеорология, геология, сферическая тригонометрия, психология, история Туркестана, развитие общественных форм, исторический материализм, пролетарская революция, английский и один из восточных языков.

Второй курс оказался последним, на котором проходили обучение потенциальные туркестанские генштабисты. Факультет был упразднен приказом по Туркестанскому фронту 9 июня 1922 г.

Факультет был не единственным центром подготовки кадров Генштаба в регионе. Так, на Туркестанском фронте (наряду с ним и в 9-й и 5-й армиях) 5 октября 1920 г. открылись повторительные курсы командного состава, или военно-академические курсы. Даже командовавший фронтом М.В. Фрунзе записался в слушатели, но был назначен на Южный фронт. Продолжительность курсов определялась первоначально в 3,5 месяца, а затем в полгода. Разместились они в одном здании с военным факультетом. Переподготовку проходили 33 слушателя, к 15 ноября их стало уже 57. Занятия проводились в вечернее время начинаясь в 17 часов, поскольку днем слушатели находились на службе. До выпуска дотянули только 27 человек и двое не державших зачетов. Среди выпускников было 7 человек со средним образованием, 18 с низшим, 2 с домашним; 7 окончили военные училища, 3 — школы прапорщиков, 7 — унтер-офицерские школы, 10 получили образование на службе. Партийных выпускников было 11. Преподавали на курсах 30 человек с высшим образованием, в том числе 6 профессоров и 9 преподавателей университета и 15 военспецов¹. В связи с различной подготовкой слушателей были созданы две особые группы. В одной проходились элементарные курсы

¹ Д.-Б. В. Военно-академические курсы // Военная мысль. 1921. Кн. 2. С. 300–301.

русского языка, математики и географии. Опоздавшие на курсы составили вторую особую группу. Система преподавания была лекционной. Широко практиковалась работа на планах и картах. В мае 1921 г. были проведены практические занятия в поле (съемки, решения тактических задач) и сдавались зачеты по политграмоте, тактике, стратегии, фортификации, администрации, топографии, теории организации труда. По причине топливного кризиса, недостатка снабжения и небывалых морозов занятия зимой прерывались на 2,5 недели.

Непродолжительная и незавершенная подготовка кадров Генштаба на военном факультете Туркестанского государственного университета стала еще одним из многих направлений, дифференцировавших подготовку дефицитных генштабистов в Советской России. В данном случае речь шла об интересном эксперименте – учете региональной специфики в подготовке штабных работников в целях возможного экспорта революции в сопредельные страны Востока. Когда экспорт революции провалился, отпала потребность и в подобной специализации.

Военно-учебные заведения Советской России, представлявшие собой аналог Военной академии или ее ускоренных курсов и готовившие в Гражданскую войну младших штабных работников, а после завершения острой фазы войны осуществлявшие переподготовку или дополнительную подготовку высшего комсостава, сыграли важную роль, каждое в своей области. Школы штабной службы позволили снизить дефицит кадров Генштаба в РККА уже начиная с осени 1919 г. ВАК дали путевку в военную жизнь многим талантливым военачальникам, которые в иной ситуации забросили бы не только учебу, но и военную службу. Создание таких военно-учебных заведений свидетельствует о значительном внимании к вопросу подготовки командных кадров большевистского военно-политического руководства. Возникновение по предложению старых спецов школ штабной службы было поддержано председателем РВСР Л.Д. Троцким, проявившим немалую гибкость в данном вопросе и поддержавшим генштабиста старой школы В.Е. Борисова, которого Троцкий жестко высмеивал по другим вопросам¹. Создание сети специализированных военно-учебных заведений, готовивших кадры штабных работников, стало одним из слагаемых победы РККА в Гражданской войне. Ничего похожего на подобную сеть в антибольшевистском лагере создано не было.

§ 5. Подготовка кадров Генштаба в национальных государственных образованиях в 1917–1922 гг.

Не только красные и белые в Гражданскую войну готовили кадры Генерального штаба для своих армий. Попытки подготовки собственных генштабистов предпринимались и в национальных государственных образованиях, хотя не всегда

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 350, 360, 554.

они оказывались успешными. Собственный национальный Генеральный штаб, как и соответствующие военно-учебные заведения, помимо своей практической значимости был необходимым внешним атрибутом национального самоопределения.

Идея подготовки украинских национальных кадров Генерального штаба возникла еще в 1917 г., в ходе украинизации русской армии. Так, в начале октября 1917 г. представитель украинской Центральной рады при ГУГШ просил о выделении среди обучающихся на ускоренных курсах Николаевской военной академии 3-й очереди отдельной квоты для 15 украинских офицеров, «предназначаемых для штабов украинизируемых дивизий и корпусов»^I. Польские офицеры такую квоту тогда получили, но в отношении украинцев было принято иное решение. Начальник Генерального штаба генерал-майор В.В. Марушевский телеграфировал генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу 5 октября 1917 г., что, по его мнению, «создание офицеров Генерального штаба специально для украинских дивизий внесет путаницу в прохождение службы Генерального штаба. Генеральный штаб должен быть единый»^{II}. Дитерихс на это ответил: «Наштаверх и я совершенно согласны с Вашим мнением, а потому командирования не будет»^{III}. Соответственно, украинское руководство могло рассчитывать не на национальную квоту, а только на тех офицеров, которые попали в академию на общих основаниях, а затем перешли на службу Украине.

С возникновением украинских национальных вооруженных сил вопрос о пополнении Генерального штаба национальными кадрами приобрел еще большую остроту. Но реальная возможность для успешного решения этого вопроса появилась только в 1918 г. при гетмане Украинской державы П.П. Скоропадском, когда возникла идея подготовки национальных кадров Генштаба^{IV} и создания украинской военной академии^V.

17 июня 1918 г., первоначально на два месяца, была образована специальная комиссия по созданию военных школ и академий под председательством профессора Николаевской военной академии генерала Н.Н. Головина, а с 28 июня — еще одного профессора старой академии генерала Н.Л. Юнакова, занимавшаяся выработкой положения и устава украинской академии Генштаба^{VI}. Комиссия выработывала порядок, время и место открытия академии, разрабатывала вопросы ее организации, внутреннего порядка, объемов учебной и строевой подготовки, продолжительности обучения, комплектования переменным составом, прав и обязанностей слушателей и условий выпуска. Велась разработка учебных программ. Фактически комиссия проработала более четырех месяцев, до 1 ноября 1918 г.^{VII}

Параллельно шла разработка принципов службы офицеров украинского Генерального штаба. Предполагалось комплектовать корпус офицеров Генштаба как из выпускников старой академии Генштаба, так и путем создания национальной

^I РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1364. Л. 312.

^{II} Там же.

^{III} Там же.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 27.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 2.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

^{VII} Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 — листопад 1920 рр.): дис. ... к. і. н. Київ, 2005. С. 58, 88.

академии. Как и в старой русской армии, офицеры получали право поступать в украинскую академию Генштаба после трех лет строевой службы^I.

Внутри комиссии работала секция высших военно-учебных заведений под руководством профессора Инженерной академии генерального хорунжего В.Н. Полянского, а затем генерального значкового Н.Л. Юнакова^{II}. В состав секции входили генеральные значковые: Юнаков, С.Н. Дельвиг, А.М. Саранчов, а также несколько десятков офицеров в более низких чинах^{III}. По мнению генерала Полянского, «основная цель высшего военного образования офицеров — это дать практических работников, способных проявить творческую деятельность в различных областях военного дела, на высших командных и административных должностях»^{IV}. Генерал выступал за развитие принципов прикладного метода обучения, вводившегося еще в Николаевской военной академии накануне Первой мировой войны. Предполагалось, что «Державная военная академия» будет готовить именно практиков, а программа обучения должна включать такие дисциплины, как: наука о войне со сведениями из социологии, стратегия, военная история, военная психология, государствоведение, политэкономия, общая философия с логикой, методология военной науки и военного искусства, история военного искусства^V. Кроме того, в состав академии в августе 1918 г. было предложено включить и научно-технический отдел для руководства подготовкой инженерных кадров^{VI}.

Интересно, что комиссия Юнакова работала независимо от Главного военно-учебного управления (Головна шкільна управа). Между двумя органами существовали идейные расхождения: в комиссии состояло немало генштабистов старой русской армии, которые, по свидетельству очевидца, считали своей задачей подготовку российских офицерских кадров^{VII}, тогда как во главе управления стоял не генштабист, а военный инженер генерал А.С. Астафьев, принадлежавший к числу радикальных украинских националистов. В 1918 г. для «щирости» Астафьев сменил свою русскую фамилию на украинскую «Остапура-Степовий» и даже в своем внешнем облике, насколько можно судить, стремился подражать запорожским казакам^{VIII}. Астафьев вокруг себя собирал националистически настроенных единомышленников (в том числе офицеров Генштаба). Его сподвижниками по службе в управлении были такие знаковые для украинского национального движения в армии фигуры, как офицеры В.П. Сальский, В.П. Евтимович, А.П. Чернявский, активный деятель украинской автокефальной церкви чиновник П. Опаренко и др. Привлекая к подготовке офицерских кадров галицийских украинцев, Астафьев заявлял: «Наша мука, галицийские дрожжи. Из этого должно получиться

^I ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 63. Л. 15об.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 21. Л. 3об.

^{III} Списочный состав см.: Там же. Л. 7.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 6. Д. 8. Л. 4.

^V Там же. Л. 9.

^{VI} Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів... С. 86.

^{VII} Евтимович В. Омелько Сергієвич Остапура-Степовий (Астафьев), війська українського генеральний хорунжий // Літопис червоної калини (Львов). 1937. № 7–8. С. 32.

^{VIII} См. фото: Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 21.

хорошее печенье»^I. Астафьев и его соратники лично подбирали плакаты и лозунги для обязательного размещения во всех военно-учебных заведениях. Некоторые носили ярко выраженный антирусский характер (например, «Хоч забий москаля, то він зуби вискаля» — «Хоть убей москаля, все равно он будет скалиться»)^{II}. Понятно, что с таким человеком многим бывшим русским офицерам было не по пути. Тем не менее генерал Юнаков умел находить с ним общий язык, а позднее даже стал его преемником на посту начальника управления.

Положение об академии было утверждено гетманом Скоропадским. 20 сентября 1918 г. военный министр генеральный бунчужный А. Ф. Рагоза подписал приказ № 258 об утверждении штатов военной академии^{III}. 21 октября 1918 г. был даже составлен список офицеров, которых предполагалось командировать в академию^{IV}. Интересно, что в этом списке были указаны выпускники ускоренных курсов Николаевской академии, надеявшиеся на продолжение своего военного образования.

Украинское военное руководство в начале октября 1918 г. уже готовило конкретные предложения наиболее известным военным авторитетам того времени (в том числе находившимся за пределами Украинской державы) занять преподавательские должности в будущей академии. Так, 2-й генерал-квартирмейстер генеральный хорунжий А. И. Прохорович (именно в его подчинении находилось Главное военно-учебное управление, ведавшее подготовкой офицерских кадров) через украинского консула в Москве собирался предложить профессорскую должность в Державной военной академии в Киеве известному военному ученому бывшему генерал-майору А. А. Незнамову, служившему к тому времени в Красной армии^V. Как видно, украинцы не останавливались перед переманиванием высококвалифицированных специалистов из других армий.

Был составлен и кандидатский список на занятие должностей в Державной военной академии, или в Высшей военной школе, как ее еще называли (вероятно, по французскому образцу). Начальником академии предполагалось назначить генерал-лейтенанта А. К. Келчевского, правителем дел — полковника В. К. Шевченко, в качестве заведующего издательской частью и помощника правителя дел по учебной и издательской части был намечен сотник А. П. Чернявский (в документе указан как подполковник), штаб-офицером, заведующим обучением, предполагалось назначить генерал-майора М. В. Баскова (в документе указан как полковник). Профессорами академии были намечены крупные военные авторитеты — генеральный значковый Н. Н. Головин, генеральный хорунжий В. В. Буняковский и уже упомянутые Келчевский и Незнамов. Штатными преподавателями были предварительно намечены генеральные хорунжие Н. Г. Архипович (военная психология и педагогика) и А. Я. Шайбле (тактика дивизии)^{VI}. Кандидатами в инспектора классов на октябрь 1918 г. значились генеральные хорунжие В. В. Суходольский, К. И. Сычев и Ф. Н. Романов^{VII}.

^I Евтимович В. Початки українського військового шкільництва в 1917–1918 р. // Літопис червоної калини. 1937. № 12. С. 8.

^{II} Там же. С. 10.

^{III} Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів... С. 124.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. Л. 32.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 839.

^{VI} Там же. Л. 893об.

^{VII} Там же. Л. 1023.

29 октября 1918 г. Совет министров утвердил штат академии и ассигновал на ее работу 100 000 карбованцев, кроме того, до 1 января 1919 г. было намечено выделить еще 136 455 карбованцев^I. Приказом армии Украинской державы № 212 в тот же день, 29 октября, начальник Главного военно-учебного управления (18.08–09.11.1918) генерал Юнаков был назначен начальником Державной военной академии, а начальник отдела заграничной связи ГУГШ полковник Шевченко – правителем дел академии^{II}. 12 ноября приказом № 256 были назначены: инспектор классов офицерской школы сотник Чернявский – помощником правителя дел и заведующим издательской частью академии, помощник начальника разведывательного отдела ГУГШ войсковой старшина А. А. Матвиенко – штаб-офицером, заведующим слушателями академии, войсковой старшина К. Алексеев – заведующим хозяйством академии, генеральный хорунжий П. Ф. Старк – библиотекарем академии. Были даже назначены врач, переводчик, чиновники и делопроизводитель по хозяйственной части^{III}. Таким образом, подготовка открытия академии была близка к завершению.

Начальник академии генерал Н. Л. Юнаков был яркой личностью. Генерал-лейтенант русской армии, профессор Николаевской военной академии, известный военный историк^{IV}, он самым фактом своего руководства украинской академией повышал ее статус и авторитет, олицетворяя преемственность со старой российской академией Генштаба. К тому же Юнаков был известен как сторонник новых методов практической подготовки слушателей. Последние не скупились на восторженные отзывы в адрес Юнакова. По мнению Б. М. Шапошникова, Юнаков «симпатичный и скромный, хорошо относившийся к офицерам, он много занимался историей русского военного искусства. Во время мировой войны я встретил его уже начальником штаба армии. В этой должности он оказался середняком. Поговаривали, что от работы его отвлекала скрипка, игрой на которой увлекался наш уважаемый воспитатель»^V.

Полковник В. Н. Петров, служивший в 1918 г. вместе с Юнаковым в Киеве, вспоминал о деятельности последнего в этот период: «ген. Юнаков – человек необычайно честный. Приняв обязанности от украинской власти, выполнял их очень добросовестно, упорно учился украинскому языку, принуждал к этому и подчиненных, много работал над созданием украинских [военных] школ и, наконец, когда увидел, что все его усилия разбиваются о стену безразличия гетманской власти и противодействие немцев, вышел в отставку»^{VI}. Петров отметил и то, что Юнаков протезировал не вполне лояльным гетманскому режиму офицерам. Думается, педагогическая работа была для Юнакова наиболее подходящим занятием, поскольку на военно-административной и штабной работе он себя проявил не с лучшей стороны, в особенности заняв в 1919 г. ответственный пост начальника штаба Головного атамана С. В. Петлюры, а позднее, в 1920 г., – военного министра УНР.

^I Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів... С. 124.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

^{III} Там же. Л. 220.

^{IV} В России была переиздана его работа, посвященная истории Северной войны: Юнаков Н. Л. Северная война: кампания 1708–1709 гг. с точки зрения стратегии, тактики и истории военного искусства // Защита Отечества: Наука побеждать, заветы и уроки Петра Великого. М., 2010. С. 262–302.

^V Шапошников Б. М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982. С. 131.

^{VI} Петрів В. Військово-історичні праці: Спомини. Київ, 2002. С. 601.

Сам Юнаков вспоминал, что в 1917 г. столкнулся с недоверием украинских политических деятелей, считавших его русским генералом. Проблемой оказалось то, что генерал не владел украинским языком и осторожно относился к украинизации русской армии^I. Гетман П.П. Скоропадский на аудиенции, данной Юнакову, заявил тому, что следует служить независимой Украине и усовершенствовать свой украинский язык^{II}. Позднее Юнаков пытался реабилитироваться в глазах националистов.

Думается, объективна оценка Юнакова, данная одним из видных украинских политических деятелей, как «человека теоретически очень образованного, но малопригодного для такой роли, как руководство штабом главного командования. Это был старый кабинетный ученый, а не руководитель армии на поле боя, да еще в условиях чрезвычайно сложной и запутанной политической ситуации»^{III}.

25 ноября 1918 г. начальник ГУГШ генеральный хорунжий А.Н. Шуберский просил ректора Киевского государственного университета выдать необходимые для открытия академии вещи. В своем обращении Шуберский обратил внимание на неустойчивость политической обстановки на Украине и просил адресата поспешить: «Придавая этому вопросу крайне спешный и неотложный характер в связи с нынешней мишурой, я прошу Вас сделать по данному вопросу немедленные распоряжения, о чем не отказать меня поставить в известность»^{IV}. 30 ноября Скоропадский утвердил штаты академии.

Иными словами, подготовка открытия украинской академии Генштаба осенью 1918 г. шла полным ходом. Открытие академии было намечено в Киеве на 1919 г., но реализовать эти планы не удалось в связи с изменением политической ситуации. Поражение Германии в Первой мировой войне, свертывание немецкого присутствия на Украине и антигетманское восстание привели к падению режима Скоропадского, и академия открыта не была.

Тем не менее идея ее создания продолжала существовать и при сменившем гетманскую власть режиме Директории УНР. В конце декабря 1918 г. планы открытия академии были подтверждены новыми властями. Интересно, что начальником академии остался генерал Юнаков, хотя прежний состав служащих был уволен еще 18 декабря приказом головной команды УНР^V. Также было запланировано открытие при академии краткосрочных курсов. На курсах предполагалось совершенствовать подготовку выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии для дальнейшего назначения их на должности по Генштабу.

При Скоропадском существовали планы открытия курсов для высших начальников (начальников дивизий и командиров корпусов, а также для высокопоставленных работников Военного министерства, которые уже обладали академическим образованием). Целями курсов были объединение взглядов высшего командного состава на вопросы военного строительства, ознакомление слушателей с новыми вопросами, выдвигаемыми современной военной наукой и жизнью, а также

^I Юнаків М. Л. Матеріали для мого життєпису // Тризуб (Париж). 1931. 30.08. С. 6.

^{II} Там же. С. 9.

^{III} Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. Київ, 2003. С. 257–258.

^{IV} ЦДАВОУ. Ф. 1074. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

^V Герасименко М. В. Підготовка старшинських кадрів... С. 128.

соответствующая подготовка к управлению войсками в стратегическом и тактическом отношении¹. Подобное учебное заведение было бы крайне полезно для украинской армии, но проект также не получил практического воплощения.

Последующие события и резкое сокращение количества офицеров-генштабистов в украинских национальных формированиях в конце 1918 – 1919 г. в связи с их массовым оттоком на белый Юг², а также финансовые затруднения руководства УНР не позволили петлюровцам в 1919–1920 гг. открыть военную академию и приступить к занятиям.

Между тем военный министр УНР полковник В.Н. Петров 3 ноября 1919 г. отмечал в докладе Головному атаману С.В. Петлюре, что в украинской армии назрела необходимость открытия ускоренных курсов академии Генштаба. Петров жаловался на большой недостаток генштабистов как в штабах действующей армии, так и в штабах центральных учреждений. Пополнение генштабистами русской армии Петров считал невозможным, поскольку они требовали ответственных должностей, тогда как армия нуждалась, прежде всего, в младших офицерах Генштаба, количество которых далеко не соответствовало потребности и никак не пополнялось.

По мнению Петрова, открывать украинскую военную академию было несвоевременно, но выход из положения ему виделся в создании ускоренных курсов службы Генштаба при ГУГШ, не менее чем на 25 слушателей, исходя из того, чтобы все соединения не ниже дивизии, а также штабы групп, армий и центральные учреждения могли командировать на курсы одного-двух офицеров. Ответственность за исполнение, по мнению автора доклада, следовало возложить на начальника ГУГШ³.

Начальник ГУГШ генерал С.И. Дядюша разработал Положение об ускоренных курсах службы Генштаба при ГУГШ и даже привел предполагаемые расчеты по оплате труда преподавателей. Один час лекций оценивался в 200 гривен, проверка на дому практических задач – 300, репетиция или экзамен – 400, практическая полевая поездка – 500⁴. Кроме того, были намечены квоты для зачисления на курсы: от Надднепрянской армии – 14 офицеров, от Надднестрянской армии – 7 офицеров, от центральных учреждений Военного министерства – 4 офицера. Срок обучения планировался трехмесячный⁵. На курсах должны были преподаваться военные науки (тактика, служба Генерального штаба, инженерное искусство, артиллерия (техника), топография, военная администрация, военная география (необязательно)) и украиноведение. Стратегия и военная история должны были изучаться в рамках курса тактики, на который выделялось не менее половины всего учебного времени⁶. Предполагалось, что выпускники числились по Генштабу, могли назначаться на должности до начальников штабов дивизий включительно и впоследствии без экзаменов поступать в военную академию. По имеющимся данным,

¹ Армія і флот України (Київ). 1918. № 1. С. 68–70.

² Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 92–98, 129–130; Его же. «Незалежные» генштабисты // Родина. 2009. № 8. С. 116–120.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 37. 109.

⁴ Там же. Л. 110.

⁵ Там же. Л. 112.

⁶ Там же. Л. 112об.

положение было утверждено Петлюрой 7 ноября 1919 г.¹, но дальше этого дело не двинулось в связи с неудачами на фронте.

Лишь в 1920 г. вопрос был переведен в практическую плоскость. Импульс для работы в этом направлении был задан событиями Советско-польской войны, в которых армия УНР участвовала как союзница польской армии. В такой армии должны были быть в достаточном количестве и офицеры-генштабисты. О существовании связи между подготовкой национальных офицерских кадров и заключением украинско-польского союза в 1920 г. писал генерал В.Н. Петров².

Еще 3 июня 1920 г. Положение о курсах для подготовки офицеров штабной службы было внесено на рассмотрение Военного совета³. Начальник Генштаба генерал В.А. Синклер сообщал Главному атаману С.В. Петлюре 24 августа 1920 г., что в будущем намечено развертывание украинской армии и увеличение в ней числа офицеров Генштаба. Текущую численность генштабистов примерно в 25 офицеров автор документа оценивал как недостаточную даже для имевшейся армии и предлагал три варианта пополнения кадров Генштаба: вызов на украинскую службу офицеров Генштаба из-за рубежа, командировки украинских офицеров в зарубежные военные академии или же открытие собственных ускоренных курсов, а затем и академии Генштаба.

Автор документа детально разъяснял Петлюре преимущества и недостатки каждого из предложенных им вариантов. Первый из них позволял быстро пополнить численность генштабистов, но имел много отрицательных сторон. Например, если бы в украинскую армию прибыли генштабисты из разных стран, представлявшие различные военные школы и системы, это неизбежно затруднило бы координацию их работы, особенно на начальном этапе. К тому же такие офицеры могли не знать языка, региона, армии и ее духа, а следовательно, не могли занимать высшие посты по Генштабу. Кроме того, такие офицеры обошлись бы Украине значительно дороже своих собственных.

Основным недостатком второго варианта было то, что он не мог дать быстрого результата. Лишь через три года можно было рассчитывать на выпуск офицеров из зарубежных академий, к тому же на крупное пополнение также рассчитывать не приходилось, поскольку ни одна зарубежная академия не согласилась бы принять более трех украинских офицеров одновременно. Единства доктрины (одного из базовых принципов службы Генерального штаба) при этом тоже не достигалось, поскольку каждая академия осуществляла подготовку по собственной программе. Третий способ, по оценке автора документа, зависел от самих украинцев. По его мнению, ускоренные курсы хотя и не давали всей полноты знаний, тем не менее позволяли подготовить именно украинские национальные кадры Генштаба, которые бы знали армию, ее устройство и дух. Кроме того, результат достигался сравнительно быстро – всего через 6–8 месяцев. Очевидно, что автор документа хотел проведения в жизнь именно третьего варианта⁴. Петлюра посчитал

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

² ЦДАВОУ. Ф. 3947. Оп. 1. Д. 13а. Л. 2. Публикацию документа см. в: *Петрів В. Військово-історичні праці*: Листи. Київ, 2004. С. 367–369.

³ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

⁴ ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 63. Л. 13–13об.

полезными все три варианта. Он предложил составить кандидатские списки как для командирования в зарубежные военные академии (французскую, румынскую и польскую), так и для зачисления на украинские курсы. Головной атаман считал необходимым разработать программы и штаты курсов «нашими собственными силами, которых, я полагаю, у нас достаточно»^I. Петлюра также предложил пригласить генштабистов из Франции через МИД.

В соответствии с распоряжением Петлюры, в августе 1920 г. началось составление кандидатских списков будущих слушателей^{II}. За возможность учиться на курсах развернулась настоящая борьба. Тем более что в украинской армии оказалось некоторое количество офицеров, которым получение высшего военного образования было обещано ранее. Так, например, начальник оперативного отдела штаба действующей армии УНР (с 16 сентября 1920 г.) подполковник Д.П. Яроцкий был командирован на ускоренные курсы академии в Петроград еще в июне 1917 г., но поездка сорвалась в связи с переводом на новое место службы, не предоставившее офицеру соответствующей вакансии. В сентябре 1919 г. он был принят на украинские курсы Генштаба, которые должны были открыться при начальной команде (верховном руководящем органе) Украинской Галицкой армии^{III}. В итоге Яроцкого приказом войску УНР от 25 июля 1920 г. просто причислили к Генштабу как имеющего практический опыт, хотя в академии он вообще не учился^{IV}. Интересно, что Яроцкий в дальнейшем не прошел обучение на курсах, видимо, довольствуясь полученным причислением. В принципе офицеры типа Яроцкого имели все основания требовать себе вакансии на курсах.

Пример Яроцкого был достаточно характерен. Вообще к концу Гражданской войны в украинской армии было уже немало офицеров, которые не имели никакого академического образования, но по необходимости в годы войны выполняли обязанности офицеров Генштаба и обладали солидным практическим опытом. Такие офицеры могли рассчитывать на приоритетное попадание в кандидатские списки курсов.

Другим представителем этой категории офицеров был сотник А.А. Бакало, прослуживший на штабных должностях в украинских формированиях с 1917 по 1920 г. Бакало в прошлом был студентом первого курса Киевского университета. Активно участвовал в украинизации армии и даже был членом комиссии по украинизации. В январе 1919 г. в Киеве он записался в кандидатский список ускоренных курсов академии Генштаба, которые так и не открылись. Бакало слабо владел иностранными языками, но писал, что часто ощущал нехватку теоретической подготовки, и просил зачислить его на курсы^V.

^I Там же. Л. 14 (здесь и далее — перевод наш). Публикацию документа см.: *Петлюра С. В. Статті. Листи. Документи*. Київ, 2006. Т. 4. С. 419–420.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 2.

^{III} Курсы Генштаба при начальной команде Украинской Галицкой армии создавались для подготовки офицеров на низшие должности Генштаба (уровень штаба бригады). Продолжительность курса составляла всего 8 недель. Офицеров на курсы направляло командование армии до командиров корпусов включительно (ЦДАВОУ. Ф. 3172. Оп. 1. Д. 66. Л. 9). К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о том, функционировали эти курсы или же так и остались в проекте.

^{IV} Там же. Л. 70б.–8.

^V Там же. Л. 134.

Еще больше оснований продолжать военное образование имели те офицеры, которые прослушали какую-то часть академического курса в Петрограде. Например, полковник А. А. Степанов, окончивший ускоренный младший класс 2-й очереди Николаевской военной академии. Запросы у таких офицеров закономерно были выше. В частности, Степанов 11 октября 1920 г. просил командировать его не на украинские курсы, а в одну из зарубежных академий – в Германию или, при невозможности, в Польшу для «полного и систематичного завершения военного высшего образования»^I. Степанов знал немецкий и польский языки и слабее французский. При этом он представил блестящую аттестацию, данную командиром дивизии^{II}.

Другой пример представляли офицеры, желавшие получить дополнительное образование. Например, поручик П. С. Бордонис, который 3 сентября 1920 г. подал рапорт на имя начальника инспекторского отдела штаба армии о занесении его в кандидатские списки на отправку в будущем в зарубежную академию Генштаба или на украинские курсы. Аргументировал он необходимость этого тем, что до Первой мировой войны был студентом, за шесть лет войны получил боевой опыт и знал иностранные языки^{III}.

Вышеприведенные примеры показывают, что желающих обучаться и имевших все основания требовать зачисления на курсы было немало. В связи с этим возник вопрос о критериях отбора слушателей. Одним из основных являлось знание иностранных языков. Однако немалая часть желающих обучаться стремилась отнюдь не на украинские курсы, а в иностранные военные академии. Достаточно отметить, что из девяти офицеров 6-й стрелковой дивизии, желавших продолжить обучение, по данным на октябрь 1920 г., семеро хотели попасть в польскую военную академию и только двое – на украинские курсы^{IV}. Подобное желание можно понять, тем более что польская академия уже функционировала, а украинские курсы еще предстояло открыть. Другим возможным объяснением стремления в зарубежные военные академии могло быть желание покинуть украинскую армию под благовидным предлогом. Так, из 1-й пулеметной дивизии в академии стремилось аж 20 человек, но в основном в румынскую, французскую, польскую или немецкую академии или же на украинские курсы^V.

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. в Риге положение украинской армии резко изменилось. Она оказалась уже не действующим, а бывшим союзником Польши, к тому же практически не имевшим своей территории. Без помощи поляков украинские войска были попросту не в состоянии противостоять частям Красной армии, испытывали нехватку боеприпасов и снаряжения. Армия УНР насчитывала тогда 3888 офицеров и 35 259 нижних чинов при 9000 лошадей, 74 орудиях, 8 бронепоездах и 3 аэропланах. Ликвидация остатков этой армии для красных была лишь вопросом времени. Судьба украинских войск была решена за одиннадцать дней боев с 10 по 21 ноября, после чего украинцы отступили на польскую территорию и сложили оружие.

^I Там же. Л. 121.

^{II} Там же. Л. 122об.

^{III} Там же. Л. 4.

^{IV} Там же. Л. 12.

^V Там же. Л. 35.

В ноябре 1920 г. в Каменце-Подольском правительство УНР вновь рассматривало вопрос о курсах, но в связи с неудачами на фронте, оставлением города и отходом украинской армии и правительства за пограничную реку Збруч с последующим интернированием в Польше вопрос остался открытым. Сторонники открытия курсов тем не менее не успокоились. В феврале 1921 г. в украинском военном руководстве в эмиграции возникла мысль использовать свободное время в лагерях интернированных для организации обучения офицеров на курсах Генштаба и восполнения недостатка в младших офицерах Генштаба.

Кажется парадоксальным, что подготовка младших офицеров-генштабистов началась в украинских формированиях уже после интернирования армии в Польше и окончания активной вооруженной борьбы с красными. В то же время причина этого вполне понятна. Руководство УНР (как и оказавшиеся в эмиграции лидеры Белого движения) думало о военном реванше, рассчитывая на поддержку поляков, а для реванша была необходима сильная и подготовленная армия. Именно в целях развертывания такой армии и была организована ускоренная подготовка кадров Генштаба. Была у подобной подготовки и другая причина. За время Гражданской войны многие украинизировавшиеся выпускники Николаевской академии (не исключая тех, кто окончил ускоренные курсы в годы Первой мировой) сделали головокружительную карьеру и дослужились до штаб-офицерских и генеральских чинов. В результате со всей остротой встал вопрос нехватки младших офицеров Генштаба.

История подготовки украинских кадров Генштаба в эпоху Гражданской войны и первых лет эмиграции чрезвычайно интересна. В самый сложный период Гражданской войны 1917–1920 гг., когда квалифицированные генштабисты были особенно необходимы украинскому руководству, их подготовка по разным причинам, несмотря на целый ряд серьезных попыток, так и не была организована. Тем не менее за эти годы в украинском военно-политическом руководстве сложилось примерное понимание того, какие специалисты нужны украинской армии и какой объем подготовки будет для них достаточен. Были разработаны различные варианты подготовки кадров Генштаба.

Однако Головной атаман С.В. Петлюра плохо разбирался в людях и еще меньше — в специальных военных вопросах. Украинские курсы Генштаба или даже национальная академия Генштаба для него и его окружения являлись, в первую очередь, необходимым статусным атрибутом полноценного национального государства и армии, а уже во вторую очередь имели значение качество подготовки и подлинная необходимость подобных излишеств в не представлявших собой большой силы украинских войсках. Как иронизировал генерал Г.Е. Янушевский, Петлюра «мечтал о том, чтобы поскорее открыть такую академию... Что это должно было означать, я так и не могу сказать и уверен, что и сам Петлюра не давал себе ясного отчета, что это должно обозначать в действительности. Я даже подозреваю, что он не знал, что такое офицер Генерального штаба и какая его роль в армии»¹. Парадокс в том, что реальная подготовка кадров Генштаба началась только

¹ ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 83об.

тогда, когда острой потребности в них уже не было, так как война была проиграна, украинская армия под ударами РККА оставила Украину, не вела никаких боевых действий, а находилась в лагерях интернированных в Польше.

Осенью 1921 г. курсы в лагере Калиш наконец открылись под названием «Ускоренные курсы по подготовке офицеров к службе в оперативных штабах армии УНР» («Скорочення курсі по підготовці старшин до праці в оперативних штабах армії УНР»). Было решено не называть их курсами Генштаба: в лагерных условиях слушатели не могли получить соответствующей подготовки, а кроме того, у слушателей могли появиться необоснованные претензии, которые подорвали бы престиж Генштаба в армии. Курсы давали знания даже в меньшем объеме, чем военное училище, не говоря уже о программе военной академии. Петлюра же гордо именовал их курсами Генштаба^I. Начальником курсов с правами командира отдельной бригады был назначен генерал-поручик С.И. Дядюша. Срок обучения был намечен шестимесячный, и один месяц давался для экзаменов. Как отмечалось, слушатели занимались с большим упорством.

Параллельно с курсами в другом украинском беженском лагере в Стшалково на территории Польши с июля 1921 г. функционировал военный факультет Украинского народного университета, которым руководил генерал-поручик И.С. Мартынюк. На факультете первоначально обучались 62 слушателя, а позднее их численность возросла до 235. На факультете велись занятия по стратегии, тактике, истории военного искусства, военной администрации, артиллерии, фортификации, военной географии, статистике и психологии. При факультете издавался журнал «Военный вестник» («Військовий вісник»), публиковались работы слушателей. Однако, по оценке генерала Янушевского, это учреждение представляло собой бессистемную авантюру, ничего не дававшую в служебном отношении своим выпускникам даже по сравнению с ускоренными курсами^{II}. Мартынюк, по свидетельству Янушевского, никогда ничего не писал, но назначил себя деканом, набрал два десятка офицеров из так называемой новой интеллигенции (т.е. не связанных с Россией), которые стали по очереди «профессорствовать», требовали себе особые права и пытались вести переговоры с Петлюрой в обход Генерального штаба^{III}. При этом почетным деканом факультета считался бывший профессор Императорской Николаевской военной академии генерал-поручик Н.Л. Юнаков. Факультет просуществовал до 26 июня 1922 г. Полный курс прослушали 170 человек, тогда как успешно сдали выпускные экзамены только 11^{IV}. Впрочем, факультет едва ли можно назвать аналогом курсов Генштаба, а тем более военной академии. Также для понимания уровня военного факультета в ряду военно-учебных заведений украинской эмиграции стоит отметить, что некоторые его выпускники позднее обучались на калишских курсах^V.

^I Подробнее см.: Ганин А. В. Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник (Москва). 2015. Т. 18. С. 488–561.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 86.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 162. Л. 205.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 2. Л. 85–85об.

^V Срібняк І. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). Київ, 1997. С. 59–60.

^{VI} Колянчук О. Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000. С. 102.

27 декабря 1921 г. на специальном заседании педагогического совета было постановлено, что курсы не выпускают готовых офицеров Генштаба, поскольку никаких условий для этого нет. Руководство курсов ставило цель лишь натаскать слушателей на выполнение шаблонной штабной работы на случай новой войны с Советской Россией.

Учебный план и его выполнение были следующими (табл. 102).

Таблица 102

**Учебный план ускоренных курсов по подготовке офицеров
к службе в оперативных штабах армии УНР и его реализация¹**

Предмет	Предусмотрено учебным планом		Предусмотрено еженедельными расписаниями		Фактически проведено		Пропущено по вине лекторов		Пропущено по независящим причинам	
	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий	Лекций	Прочих занятий
Стратегия	10		17		15		1		1	
Тактика	55	100	70	45	68	42			2	3
Техника штабной службы	30	75	33	77	31	77			2	
Топография		40	10	22	10	22				
Военная игра		25		24		24				
Артиллерия	10	10	21		19		2			
Конница	10		12		12					
Фортификация	10	5	13		13					
Военная история	15		16		16					
Статистика	20		20		20					
Администрация	20		20		20					
Законоведение	10		15		15					
История Украины	40		43		40		1		2	
География Украины	50		30		23		7			
Украинское письмо	40		42		32		10			
Польский язык	30		30		30					
Всего	335	255	392	168	364	165	21		7	3

Программа курсов была достаточно насыщенной. Занятия велись по 16 предметам. Всего было прочитано 364 лекции и проведено 165 практических занятий. Обратим внимание на большой объем учебных часов по гражданским дисциплинам, связанным с украинской тематикой, таким как история и география Украины, а также украинское письмо. Слушатели, по данным начальника курсов, пропустили 6,2% занятий¹.

¹ ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 83.

¹¹ Там же. Л. 42.

Попробуем составить коллективный портрет слушателей и выпускников курсов 1-й очереди. Списки слушателей (в том числе отчисленных) и выпускников курсов в разрозненном виде сохранились среди делопроизводственной документации курсов и были нами опубликованы¹.

Наиболее подробные данные обнаружены нами о слушателях именно 1-й очереди курсов. Известны возраст и образовательный уровень 34 человек из 36 поступивших (см. табл. 103).

Таблица 103

Состав слушателей 1-й очереди ускоренных курсов по подготовке офицеров к службе в оперативных штабах армии УНР^{II}

Категория	Количество слушателей
Начальное образование	
Окончили кадетский корпус или военную гимназию	3
Окончили реальное училище	4
Окончили городскую 4-классную школу	1
Окончили высшее начальное училище	2
Окончили землемерное училище	1
Окончили коммерческое училище	1
Окончили гимназию	13
Окончили учительскую семинарию	6
Специальное военное образование	
Окончили военное училище до 1915 г.	6
Окончили военное училище после 1914 г.	15
Окончили офицерскую школу в Австрии	1
Окончили школу прапорщиков	12
Окончили инструкторскую школу офицеров, технические курсы или пулеметную школу	4
Высшее образование	
Неполный курс университета или учительского института	7
Окончили университет или учительский институт	2

Солидное гимназическое образование имели 13 слушателей, или 38,2% от 34 известных нам, еще 6 окончили учительскую семинарию и четверо – реальное училище, кроме того, 3 человека окончили кадетский корпус или военную гимназию и пятеро – высшее начальное, землемерное, коммерческое училища и городскую 4-классную школу. Законченное высшее образование имели двое слушателей; 7 человек, видимо в связи с войной, не смогли закончить университет или учительский институт. Офицерами военного времени были не менее 27 человек, или 79,4% известных нам слушателей. До 1915 г. стали офицерами лишь шестеро слушателей,

^I Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 746–750.

^{II} Данные об образовательном цензе слушателей выявлены нами по: САУ. І.380.7.2; І.380.7.11; І.380.7.13. Судя по всему, сведения, приведенные на этот счет в работах И. В. Срибняка, неточны. См., напр.: Срибняк І. До початків заснування Української військової академії Генерального штабу // Вісті комбатанта (Торонто; Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 63 и др.

не менее трех из них являлись кадровыми офицерами. Повышали свою квалификацию уже в офицерских чинах, пройдя различные дополнительные курсы или школы, 4 человека. Все слушатели, кроме одного, были выходцами из русской армии, только сотник А.В. Домарадский ранее служил в австрийской армии, будучи уроженцем Галиции.

По данным начальника курсов генерала Дядюши, из поступавших на курсы 7 офицеров окончили военное училище в мирное время, 30 окончили ускоренный курс военного времени, высшее образование имели 2 офицера, 1–2 курса университета окончили 3 человека, среднее образование имели 24 человека, ниже среднего – 3 человека и низшее – 5 человек^I. Судя по всему, эти данные менее точны в сравнении с выявленными нами по спискам и служебным документам поступивших. Курсы окончили 27 человек из 36 зачисленных^{II}.

Украинское военное руководство отнюдь не считало окончивших курсы полноценными генштабистами. В частности, начальник Генштаба генерал-хорунжий В.М. Куц собирался командировать выпускников курсов для продолжения учебы в военные академии европейских стран^{III}. 15 выпускникам было рекомендовано продолжить учебу в польской военной академии^{IV}, однако вопрос не был решен до конца 1922 г.

В то время интернированная в лагерях украинская армия насчитывала (по списку на 1 июня 1922 г.) 2863 офицера, 717 военных чиновников, 6920 казаков, также здесь находились 646 женщин и 274 ребенка – всего 11 420 человек^V. Фактическая численность была существенно ниже, а как реальной силы армии практически не существовало (вся армия примерно соответствовала численности стрелковой дивизии РККА). Тем не менее украинское военно-политическое руководство в то время не отказалось от интервенционистских планов в отношении Украинской ССР (напрашивается параллель с планами командования белых армий, отступивших с территории России), хотя состояние войск не позволяло рассчитывать на успех. В 1923–1924 гг. функционировала 2-я очередь курсов, но их история выходит за очерченные нами хронологические рамки.

Еще одним способом подготовки национальных кадров генштабистов была отправка украинских офицеров на учебу в иностранные военные академии. Прежде всего, речь шла о военно-учебных заведениях Польши и Румынии. Видимо, первым на учебу в Высшую военную школу Румынии был направлен летом – осенью 1920 г. сотник Я. Чайковский – выходец из Бессарабии, имевший все основания получить румынское гражданство, но не использовавший эту возможность.

Чайковского поначалу принимали как дорогого гостя, офицера союзной державы. Он был представлен военному министру Румынии, начальнику Генерального штаба и начальнику школы. Чайковский был первым иностранным слушателем румынской военной академии^{VI}. Своему украинскому начальству Чайковский

^I ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 226. Л. 40.

^{II} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 29–95, 119; САУ. І.380.7.2.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 167. Л. 98.

^{IV} Там же. Л. 119.

^V ЦДАВОУ. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 838. Л. 353.

^{VI} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 26.

докладывал о хорошей постановке учебного процесса. По его свидетельству, лекции в школе шли через день, давался свободный день для подготовки, к тому же в ходе лекций не пересказывались учебники, а лишь пояснялись. В лекционные дни на классные занятия давалось 4 часа. После обеда лекций уже не было, слушатели занимались верховой ездой, фехтованием и практическими занятиями. Чайковского поражало то, что в академии обучали владеть автомобилем, мотоциклом и самокатом (т.е. велосипедом), «чтобы подготовить не тепличного, а полевого офицера Генштаба»^I. Однокашниками Чайковского были капитаны и майоры румынской армии. По состоянию на ноябрь 1920 г. румыны ждали прибытия второго украинского слушателя. Чайковского всячески поддерживали украинские представители в Румынии. Генерал-поручик С.Н. Дельвиг, глава чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Румынии, писал начальнику Генштаба 5 ноября 1920 г. о чрезвычайной важности для молодой украинской армии командирования офицеров в румынскую академию.

Однако «академик» не оправдал возлагавшихся на него румынами и украинцами надежд. После окончания академии Чайковский получил право отбыть ценз командования артиллерийским дивизионом в Бухаресте. К этому времени он стал большевистским информатором и осведомлял советских представителей как о положении украинской военной эмиграции, так и о состоянии румынской армии, которую прекрасно изучил изнутри (также его обвиняли в работе на Болгарию). Когда это выяснилось, супруга Чайковского (в прошлом народница и сестра милосердия в России) выбросилась из окна, а сам он был осужден на семь лет тюремного заключения. Генерал Дельвиг считал, что румынским властям Чайковского следовало казнить^{II}.

В феврале 1921 г. румыны выделили украинским офицерам одну вакансию в Высшей военной школе^{III}. Проблема заключалась в том, что украинские офицеры, как правило, не знали румынского языка. На вакансию претендовали хорунжий Маковский, сотники Козловский и Чорний-Лучко и некоторые другие украинские офицеры. Вполне возможно, что сотник Чайковский в итоге оказался единственным украинским выпускником румынской академии. Во всяком случае, документально известно, что два года в румынскую академию украинских офицеров не отправляли, а в 1923 г. румыны начали переговоры с СССР, в результате чего обучение украинских антибольшевистских кадров стало нежелательным, и, как свидетельствовал украинский посол в Румынии К.А. Мациевич, последовал вежливый отказ под предлогом отсутствия вакансий^{IV}. Безусловно, свою роль в отказе украинцам сыграл и шпионский скандал с Чайковским, от которого, таким образом, большевики получили двойную выгоду.

Опыт работы курсов в Калише показателен, причем не только с точки зрения того, как можно готовить кадры Генштаба в экстремальных условиях беженского лагеря при минимуме средств и возможностей. Украинские политические деятели в первые годы эмиграции не оставляли реваншистских планов и стремились

^I Там же.

^{II} ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 128. Л. 44–44об.

^{III} ЦДАВОУ. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 239. Л. 2.

^{IV} ЦДАГОУ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 298а. Л. 51.

в сжатые сроки подготовить достаточное количество специалистов для нового похода на Советскую Россию. Эти кадры должны были быть национально ориентированными. Однако краеугольным камнем украинского военного строительства эпохи Гражданской войны была его опора на офицерство старой русской армии (т. н. фахівців, или специалистов), которое далеко не всегда разделяло взгляды украинских националистов. Именно старые русские генштабисты вели подготовку кадров Генштаба в калишском лагере, что не могло не накладывать свой отпечаток и на взгляды слушателей.

Опыт работы курсов показал, что в среде украинского офицерства нет должного единства. Уже первые выпускники стали противопоставлять себя старым офицерам, прежде всего по вопросу национальной ориентации, так как считали старшее поколение недостаточно украинизированным и следующим академическим шаблонам¹. Положение офицеров старшего поколения было незавидным. Многие представители этой категории несли украинскую военную службу вполне добросовестно, однако в ответ сталкивались с недоверием и неприязнью националистически настроенной молодежи. То, что все эти проблемы активно проявлялись в период интернирования украинских войск, говорит о их наличии в украинской армии и во время Гражданской войны. Подобные противоречия отражали слабые стороны украинского военного строительства.

Опыт подготовки кадров Генштаба на польской территории наглядно показал и то, что украинская политическая элита не разбиралась в военных вопросах и плохо ориентировалась в политической ситуации. Фактически наспех подготовленные кадры оказались невостребованными, поскольку не имелось достаточных сил и возможностей для развертывания новой борьбы с большевиками. Число сторонников такой борьбы постоянно уменьшалось. Новый поход украинских войск на Советскую Россию в первой половине 1920-х гг. был бы авантюрой и не состоялся по целому ряду причин. Точно так же, как не состоялся аналогичный поход эмигрировавших участников Белого движения. По сути, калишские курсы лишь дали возможность группе украинских офицеров с пользой для себя скоротать время однообразной жизни в лагерях интернированных на чужбине.

Возникшее в 1918 г. независимое Польское государство, разумеется, не могло не озаботиться вопросом подготовки национальных офицерских кадров, тем более что в период 1918–1920 гг. Польша активно пыталась решать внешнеполитические задачи военным путем. В те годы в стране сложилась целая сеть военно-учебных заведений различного профиля. Подготовка и переподготовка польских офицеров осуществлялась при помощи инструкторов из французской военной миссии. Возникла потребность и в подготовке кадров Генштаба.

В конце 1918 г. в польском Министерстве военных дел был создан департамент военного образования под руководством генерала Я. Яцыны. 15 июня 1919 г. в Варшаве учредили школу офицеров Генштаба (Szkola Oficerow Sztabu Generalnego). Создание польской военной академии происходило при содействии инструкторов французской военной миссии (в 1920-х гг. здесь преподавало

¹ Там же. Л. 92, 99–100.

не менее 37 французов¹). Штат академии и программы утверждались начальником Генштаба².

С 12 января 1920 г. школа именовалась военной школой Генерального штаба (*Wojenna Szkoła Sztabu Generalnego*), а с августа 1922 г. это военно-учебное заведение получило наименование Высшей военной школы (*Wyższa Szkoła Wojenna*), что выглядело явным заимствованием у французов. В январе 1921 г. возникла Высшая школа интендантуры (*Wyższa Szkoła Intendentury*), а в 1923 г. в Варшаве открылся Центр высших военных наук (*Centrum Wyższych Studiów Wojskowych*) для подготовки высших командных кадров. Документов о первых годах существования школы сохранилось немного.

Первым начальником школы офицеров Генштаба был генерал-поручик С. Пухальский, выходец из австрийской армии, комендантом школы, руководившим научной работой, — генерал М. Маевский. Ему помогали начальники курсов. Позднее комендантами являлись генерал Г. Зыгadloвич и А. Серда-Теодорский. Заведовал обучением в 1924–1925 и 1927–1928 гг. полковник французской армии Л. Фори (*Fauru*). С 1926 г. комендантом стал дивизионный генерал К. Держановский, в том же году наряду с полковником Фори начал работать будущий завуч польский офицер, полковник Генштаба Ф. Клееберг.

Теоретические основы обучения в 1919–1920 гг. еще не были в достаточной степени установлены. Первый набор был зачислен в школу по представлению своего начальства, а второй набор — по результатам экзаменов. Позднее отбор стал намного строже. По данным на 1921 г., в школу могли поступать офицеры в чине от поручика до майора пехоты, конницы, артиллерии, инженерных войск, авиации, бронепоездов и автомобилей. От абитуриентов требовались физическая годность, относительно молодой возраст (до 35 лет), дававший гибкость и ясность мышления, наличие среднего образования. Прошения необходимо было подавать на имя начальника Генерального штаба. Первоначально допускались отступления от правил для приема в школу старших офицеров.

Как и в Николаевской академии, прием осуществлялся в два этапа — по результатам предварительного и вступительного экзаменов. При командованиях генеральных округов и командованиях дивизий проходили предварительные письменные экзамены в апреле. Предварительный экзамен касался общеобразовательных вопросов для определения уровня знаний кандидата и его способа выражения мыслей, логического мышления и подтверждения свободного владения польским языком; истории, географии, топографии, фортификации. Экзамен складывался из четырех составляющих: общая теория, два вопроса на знание топографии и умение работать с картой, два вопроса о полевых укреплениях и саперной службе, два вопроса о географии. Требовалось знание уставов. По данным на 1919 г., для поступления требовалось знать польский язык, читать и писать по-немецки и по-русски³. По всей видимости, позднее эти требования были отменены. Оценки выставлялись по 12-балльной системе.

¹ CAW. I.340.1.1. Arc. 3.

² *Szydlowski J. Polski Sztab Generalny. Warszawa, 1919. S. 12.*

³ *Ibid. S. 13.*

Вступительные испытания включали письменный экзамен по общей тактике и устные экзамены по общей тактике, тактике пехоты, кавалерии и артиллерии, военной истории, французскому языку и верховой езде. В 1920 г. по результатам вступительных экзаменов поступающих разделили на три группы – лучших (принятых в школу), тех, кто не мог быть принят из-за отсутствия мест, и тех, кто не выдержал экзамены^I. Интересно, что списки поступавших были захвачены частями РККА в период Советско-польской войны и сохранились в РГВА. В школу зачислялись только 50–60 слушателей, однако желающих поступить было намного больше. В 1921 г. было 400 экзаменуемых от генеральной адъютантуры, командования армий (по пять), от дивизий, от министерства, от военных миссий и от резерва, в том числе трое от школы Генштаба^{II}.

Учебный процесс продолжался с 1 мая по 1 ноября, причем за образец была взята система подготовки американской армии. Слушатели должны были вставать в 5 часов утра. Обычно занятия занимали 5–7 часов в день, делились на лекции по военным и общеобразовательным предметам и проходили с 8 до 12 и с 14 до 18 часов^{III}. Первые состояли из письменных занятий, работы с картами, полевых выездов, военных игр. Летнее время было посвящено полевым поездкам, которые составляли часть тактической подготовки. Общеобразовательные предметы преподавались на достаточно высоком уровне, чтобы офицеры Генштаба могли понимать представителей крупных организаций, гражданскую и промышленную администрацию в тех вопросах, которые касались армии. Лекции дополнялись полевыми поездками и выездами на торговые и промышленные предприятия^{IV}. Библиотека при школе была образована в 1919 г. и первоначально насчитывала около 500 томов.

Первый курс длился четыре месяца, из которых три первых приходились на теорию и практику, а последний – на проверку знаний. Во время Советско-польской войны слушатели пробыли в школе 3,5 месяца (до середины апреля 1920 г.) и были отправлены на фронт для приобретения практических навыков. 8-месячное пребывание в штабах крупных формирований дало им возможность соприкоснуться с работой штабов в военных условиях. Курс обучения в 1920 г. продлили до 8 месяцев. Прерванные в апреле теоретические занятия возобновились в январе 1921 г., и в том же году был произведен первый выпуск школы, выпускники получили дипломы с научным званием офицера Генштаба. Выпускники школы именовались дипломированными офицерами.

В 1919 г. в школе осуществлялось преподавание следующих циклов дисциплин: организация и управление армии (организация и служба Генерального штаба, обзор организации Генеральных штабов других стран, организация и деятельность Военного министерства, военная администрация); военное обучение (уставы внутренней службы, дисциплинарные предписания, система наказаний, военная психология и педагогика); тактика и боевое обучение войск (элементарная тактика, устав строевой службы, тактика действий в полевых условиях и в позиционной

^I РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 251. Л. 165.

^{II} CAW. I.300.11.30. Arc. 2–4.

^{III} CAW. I.340.1.328.

^{IV} Ibid.

войне, полевые уставы, тактические упражнения, эссе); военная техника (артиллерия, фортификация); топография; стратегия (военное искусство и наука, теория военных операций, задачи по польской стратегии, стратегические упражнения, эссе); история военного искусства (история военного искусства всеобщая, история польского военного искусства); военное делопроизводство (организация и техника военных канцелярий); общественно-правовые дисциплины (социология, социальная экономика, общая юриспруденция, государственное право, международное право, политология); общеобразовательные дисциплины (всемирная история, история Польши, природоведение, основы высшей математики, начертательная геометрия, история философии); иностранные языки (немецкий, русский, французский). В качестве факультативов изучались: бухгалтерский учет, стенография, иностранные языки, не входившие в число обязательных, медицинская служба. Слушатели получали также серьезную физическую подготовку, обучались владению оружием и верховой езде. Также преподавались гимнастика, плавание и бег, основы бокса, джиу-джитсу и других систем рукопашного боя. Велось обучение обращению с мотоциклами и артиллерийской стрельбе^I.

По данным на май 1923 г., подготовка велась по следующим предметам: общая тактика, служба Генштаба, тактика пехоты, конницы, артиллерии, саперное дело, авиация, связь, танки, военная история, топография, военная география, политическая география, организация армии, дипломатическая история, политэкономика, химическое оружие, история польского военного дела, международное право и военно-судебное дело, военно-морской флот, администрация, контроль и военный бюджет, криптография и радиоразведка, французский, немецкий, русский, чешский и румынский языки, курс вождения, верховая езда.

С 1921 г. руководством школы была поставлена задача заменить французских инструкторов-преподавателей польскими. Для этого были введены должности ассистентов преподавателей из числа польских офицеров, а с 1924 г. некоторые из них уже самостоятельно преподавали. Тем не менее французское присутствие среди преподавателей школы сохранялось до конца 1920-х гг.^{II} В 1921 г. при школе был открыт курс переподготовки для офицеров, которые уже работали в Генштабе. Курс действовал до 1925 г.

По штатам мирного времени на 1926–1927 гг. польская армия нуждалась в 601 офицере Генштаба, включая 500 штабных, 89 младших и 12 офицеров корпуса пограничной стражи. Для 1–4-го отделов Генштаба требовалось 119 штабных офицеров^{III}.

В 1921 г. в Эстонии была начата подготовка кадров на курсах Генерального штаба (с 1925 г. – Высшая военная школа). К преподаванию на курсах были привлечены выпускники старой академии – генералы А.К. Баиов (именно он выступил организатором обучения), Г.М. Ванновский, А.А. фон Ден, Д.К. Лебедев, полковник Н.А. Реек. За период 1921–1940 гг. курс окончили 232 офицера, в том числе по 3 представителя финской и латвийской армий^{IV}. Уже с 1923 г. офицеров-неэстонцев, к тому же

^I Szydłowski J. Polski Sztab Generalny. S. 14–15.

^{II} CAW. I.340.1.1. Arc. 3.

^{III} Ibid.

^{IV} Juhid ja juhtimine Eesti vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2010. Lk. 602.

не владевших эстонским языком, стали массово увольнять со службы. Под эти увольнения попали и преподаватели курсов¹.

Попытки подготовки национальных кадров Генерального штаба предпринимались и в Республике Армения при режиме дашнаков. По данным разведсводки оперативно-разведывательного отделения оперативного отдела штаба Красной армии Азербайджанской ССР, «в Эривани открыта академия Генерального штаба. Курс обучения ускоренный — 9-месячный. Из 30-ти командированных принято 16 человек. Начальником академии генерал-майор [М.Г.] Фисенко, профессора: 1) полковник [Н.Н.] Стрелецкий, 2) генерал-лейтенант [И.В.] Ахвердов, 3) полковник Зданович², 4) профессор Тотомиянц (политическая экономия), 5) генерал-майор [К.М.] Гамазов (тактика артиллерии и артиллерия). Предметы преподавания: 1) уставы, 2) тактика, 3) в[оенная] история, 4) геодезия, 5) стратегия, 6) в[оенная] администрация, 7) политическая экономия, 8) в[оенная] статистика»³. О функционировании академических курсов в Эривани упоминалось и в приказах по военному ведомству Армении за июль 1919 г., причем отмечалось, что на канцелярские расходы там ежемесячно выделялось 300 руб.⁴

Бывший военный министр Армении генерал И.В. Ахвердов вспоминал, что «военная школа или, как их называли, “курсы Генерального штаба” были образованы при штабе дивизии для подготовки молодых офицеров к исполнению обязанностей Генер[ального] штаба. Соответственно этому и объем преподавания был приурочен, т.е. тактика, стратегия, военная администрация, топография, военная история, уставы и штабная служба, конечно, в довольно ограниченных рамках. Если не ошибаюсь, инициатива была Зинкевича. Преподавали — он, Зинкевич, Шнеур, а потом и Фесенко, который, кажется, и был потом начальником этой школы. Кроме Маркара Саркисяна, были на курсах [М.Р.] Медведев, [А.Н.] Агаронян, всего около 20 человек»⁵. К сожалению, из-за плохой сохранности документов по истории армянской армии этого периода подробности данного вопроса неизвестны.

Помимо подготовки кадров в Армении практиковалось причисление к Генштабу наиболее подготовленных офицеров. В приложении к приказу по военному ведомству Армении № 164 от 3 мая 1919 г. было опубликовано Положение об офицерах, причисленных к Генеральному штабу. В документе отмечалось: «Отсутствие должного количества офицеров Генерального штаба существенно отзывается на деятельности армянских войск. Поэтому приказываю создать кадр причисленных к Генеральному штабу офицеров из числа наиболее подходящих по своим способностям»⁶. Причисляемые должны были прослужить не менее трех лет в офицерских чинах и не менее полугода в армянских частях. В армянской армии к Генштабу были причислены: окончившие ускоренные курсы при штабе войск Кавказского фронта и в Николаевской военной академии и.д. начальника штаба 1-й отдельной добровольческой бригады подполковник Алабян (Алабянц),

¹ Абисогмян Р. А. К. Баиов — русский генерал на эстонской службе // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* XII. Тарту, 2011. С. 468–481.

² Так в документе. Речь идет о М. М. Зинкевиче.

³ НАА (ПА). Ф. 1022. Оп. 8. Д. 174. Л. 4.

⁴ НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 95об.

⁵ НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 90–90об.

⁶ НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 132. Л. 70об.

помощник начальника мобилизационного и военно-административного отделов Военного министерства капитан Тихонов (оба — приказом по военному ведомству Армении № 203 от 2 июня 1919 г.), начальник инспекторского отдела Военного штаба полковник П.П. Атаев (приказ № 215 от 13 июня 1919 г.)^{II}, и.д. коменданта города Карс подполковник А.М. Матвеев (приказ № 312 от 13 августа 1919 г.)^{III}.

О подготовке своих кадров Генштаба мечтали в Азербайджане, однако в период 1917–1922 гг. этот вопрос оставался открытым. Идея подготовки соответствующих специалистов рассматривалась и после советизации Азербайджана в кругах азербайджанской эмиграции. Так, командир Азербайджанской конной дивизии генерал-майор Т.-Б. Новрузов 8 июля 1921 г. обратился к главе азербайджанской дипломатической делегации во Франции А.М. Топчибаши с просьбой об откомандировании штабс-ротмистра Шекинского конного полка В.-Б. Едигарова на обучение в одну из европейских военных академий (желательно во французскую) за казенный счет. В рапорте отмечалось, что «до большевистского переворота в Азербайджане^{IV} правительство наше намеревалась отправить за границу несколько выдающихся офицеров для прохождения курса в академии Генерального штаба. Подобное явление наблюдалось и в соседних республиках, которым, кажется, и удалось [это] исполнить, так как большевистское нашествие их застало много позже Азербайджанской республики.

Ввиду того, что в будущем у нас будет крайняя нужда вообще в офицерском составе, а тем более в специалистах со штабным образованием, я нахожу крайне необходимым и полезным теперь же послать хотя бы 2-х из выдающихся офицеров и дать им возможность получить высшее военное образование.

Мною, как начальником конницы Азербайджана, были уже помечены двое. Судьба одного из них мне неизвестна, другой же находится здесь при мне...»^V Итоги этого прошения неизвестны.

В ходе Гражданской войны на территории бывшей Российской империи возникли десятки государственных образований, обладавших собственными вооруженными силами и другими атрибутами государственности. Наиболее крупные из них, располагавшие самыми мощными армиями, нуждались в большом количестве специалистов Генерального штаба. Если на белом Юге наблюдался переизбыток таких специалистов, то в белой Сибири и на некоторых других подконтрольных белым территориях, а также в Советской России остро ощущалась нехватка кадров Генерального штаба.

На подготовку кадров Генштаба, безусловно, влияло наличие в Советской России старой Военной академии. Это высшее военно-учебное заведение досталось большевикам в результате захвата ими власти в Петрограде в октябре 1917 г. сразу

^I Там же. Л. 73об.

^{II} Там же. Л. 87.

^{III} Там же. Л. 113об., 115.

^{IV} Речь идет о событиях советизации Азербайджана весной 1920 г.

^V Топчибаши А. М. Парижский архив 1919–1940: в 4 кн. М., 2016. Кн. 2: 1921–1923. С. 119.

вместе с преподавателями, слушателями, обслуживающим персоналом и всей материально-технической базой. По инерции учебный процесс продолжался и после смены власти, в результате чего Красная армия весной 1918 г. пополнилась выпускниками ускоренных курсов 2-й очереди. В связи с германской угрозой Петрограду академия была эвакуирована весной 1918 г. в Екатеринбург. Летом 1918 г. учебный процесс в ней возобновился на старшем классе курсов 3-й очереди, а также на младшем ускоренном курсе, на который большевики старались набрать лояльных им слушателей. Однако настроения основной массы преподавателей и слушателей были иными. Они заметно симпатизировали антибольшевистским силам, а в академии действовала антибольшевистская подпольная организация. В итоге академия в июле – августе 1918 г. смогла в два этапа в Екатеринбурге и Казани практически без потерь перейти на сторону противников большевиков.

После этого белые получили возможность без особых усилий организовать подготовку генштабистов на Востоке России. В период с января по апрель 1919 г. в Томске, где обосновалась академия, прошли обучение слушатели ускоренных курсов 4-й очереди, пополнившие в мае 1919 г. штабы колчаковской армии. В дальнейшем академия не осуществляла учебный процесс и во второй половине 1919–1922 гг. функционировала лишь как научное учреждение. За это время она переместилась из Томска в Харбин и далее во Владивосток, а после окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке была отправлена в Москву, где ее имущество распределили между советскими организациями.

На Востоке России кадры готовились по ускоренной программе и в качестве единичного опыта одного набора. Что касается белого Юга, то переизбыток кадров Генерального штаба там не требовал от деникинского командования осуществления дополнительной подготовки генштабистов.

Национальные государственные образования также предпринимали шаги по подготовке кадров Генштаба. Наличие собственной Военной академии считалось статусным, престижным и выступало в качестве одного из атрибутов суверенитета и государственности. Попытки открытия собственной академии предпринимались на Украине при гетмане П.П. Скоропадском, но нехватка финансов и политическая нестабильность не позволили реализовать этот амбициозный замысел. Прочие национальные армии по своим размерам были невелики и обходились наличным числом генштабистов. При необходимости в таких государствах, как, например, Армения, издавались специальные приказы, по которым отдельных, наиболее квалифицированных офицеров относили к категории генштабистов. Как бы то ни было, подготовка национальных кадров Генштаба в 1917–1922 гг. не получила широкого развития и несопоставима по размаху с результатами работы академий в Советской России и в белой Сибири.

Наиболее масштабной была работа по подготовке кадров Генштаба в Советской России. Оставшись без старой академии, большевики осенью 1918 г. лихоградоно взялись за ее воссоздание, что пришлось делать с нуля. Титаническими усилиями академия была организована, а к преподаванию в ней удалось привлечь лучших специалистов дореволюционного Генштаба. В конце 1918 г. новое высшее военно-учебное заведение смогло принять первых слушателей. Начиная с 1919 г. слушатели Академии Генштаба РККА в летний период направлялись для практики на фронты, где подкрепляли кадры генштабистов с дореволюционным

стажем, совершенствовали свою подготовку и пополняли знания ценным практическим опытом штабной работы.

Академия Генштаба РККА была рассчитана на подготовку полноценных специалистов, а срок обучения в ней составлял три года. Но для текущих нужд Красной армии эпохи Гражданской войны такой срок являлся неприемлемым, так как большую часть года слушатели находились в академии, что не сокращало дефицит кадров на фронте. В этой связи слушателей академии стали отправлять на период перерыва в занятиях на фронты для приобретения опыта штабной работы. Кроме того, были организованы школы штабной службы, готовившие в короткие сроки младших штабных работников. Выпускники школ выполняли простейшую техническую работу в штабах, что разгружало квалифицированных генштабистов от рутинной деятельности. При этом такие работники все же обладали некоторым багажом знаний, т.е. не являлись простыми писарями, а могли работать с картой, оформлять приказы и прочую документацию.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны для повышения квалификации командного состава при академии были открыты Военно-академические курсы высшего командного состава РККА. На курсах обучались ветераны Гражданской войны, не имевшие достаточных знаний для учебы в академии. Окончание академии или курсов позволяло выпускникам продвинуться по службе.

Сопоставление учебных программ ускоренных курсов старой академии, Академии Генштаба РККА, школ штабной службы, военно-академических курсов и украинских курсов свидетельствует о том, что наиболее разнообразной по количеству предметов являлась программа Академии Генштаба РККА. Значительное внимание в красной академии уделялось практической подготовке слушателей, прежде всего, по тактике и службе Генштаба, по вопросам снабжения, целая группа учебных дисциплин освещала вопросы социализма и марксизма. Школы штабной службы были в основном нацелены на натаскивание слушателей в области тактики, военной администрации и военной топографии, что требовалось для занятия младших штабных должностей. Слушатели военно-академических курсов и украинских курсов, прежде всего, занимались тактикой.

Наличие дифференцированной и продуманной системы подготовки кадров Генштаба в РККА в Гражданскую войну являлось огромным преимуществом молодой Красной армии, позволяя обучать специалистов для различных целей и задач, как на краткосрочную, так и на долгосрочную перспективу. В этом отношении система подготовки генштабистов в Советской России превосходила аналоги, созданные в белом и национальном лагерях. Этот фактор, наряду со многими другими, свидетельствует о большей нацеленности на результат в виде достижения победы в войне через построение мощной эффективной армии, о больших организационных и материально-технических возможностях и, конечно, о большей гибкости и превосходстве советской военной машины в аспекте подготовки военных профессионалов в сравнении с вооруженными силами антибольшевистского лагеря.

Глава XI.

Кадры Генерального штаба и итоги Гражданской войны

§ 1. Генштабисты в операциях заключительного этапа конфликта (1920–1922 гг.)

После ноября 1920 г. боевые действия Гражданской войны продолжались в основном на территории Закавказья, а также в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Кроме того, части РККА принимали участие в подавлении антибольшевистских восстаний в разных регионах страны, боролись с бандитизмом, участвовали в операциях за пределами РСФСР и бывшей Российской империи – например, в Китае и Монголии. В этих операциях с разных сторон участвовали и выпускники Николаевской академии.

Генштабисты служили в различных антибольшевистских формированиях на территории Польши. В частности, в 3-й Русской армии генерала Б.С. Пермикина, хотя сам Пермикин не переносил офицеров Генштаба¹. Начальником штаба 1-й стрелковой дивизии этой армии был полковник Ю.И. Кобылецкий, произведенный за отличия в боях ноября 1920 г. в 1921 г. в генерал-майоры². Ранее Кобылецкий успел послужить в армии гетмана П.П. Скоропадского, в РККА и на белом Юге.

Служили генштабисты и в Русской народной добровольческой армии С.Н. Булак-Балаховича, действовавшей в Белоруссии. Начальником штаба армии был полковник Васильев (негенштабист). Генерал-квартирмейстером штаба в октябре 1920 г. стал подполковник П.И. Олейников, выпускник ускоренных курсов 2-й очереди. Его биография периода Гражданской войны примечательна. Этот офицер за 1918–1920 гг. успел послужить в РККА, в армии УНР и в Западной армии П.Р. Бермондта-Авалова, после чего оказался в армии Булак-Балаховича. Как вспоминал Олейников, «начальник штаба полк[овник] Васильев оказался заваленным работой, был очень обрадован моему приезду, и тут же я вынужден был принять назначение на должность генерал-квартирмейстера штаба армии»³.

Несмотря на общность целей и задач, войска Балаховича и Пермикина действовали разрозненно, без единого плана, а сами командующие этими «армиями» были заклятыми врагами и пытались соперничать друг с другом. План действий

¹ Проявления острой неприязни Пермикина к генштабистам, нередко надуманные и ни на чем не основанные, прослеживаются по всему тексту его воспоминаний (*Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной: Из записок 1912–1959 гг. М., 2011*).

² Приказ войскам 3-й Русской армии. 1921. 27.01. № 27/В.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 5.

армии Балаховича в Полесье был плохо разработан. Немало удивительного наблюдалось и в работе штаба Балаховича, отличавшейся кустарностью и непрофессионализмом. По свидетельству Олейникова, «часто бывало, что штаб отдает одно распоряжение – батька другое, противоположное»^I. Кроме того, существовало два параллельных штаба армии. Один во главе с полковником Васильевым и другой (прежний штаб группы Балаховича), переименованный в полевой штаб армии, во главе с ротмистром Сироченко: «Штаб армии отдавал один приказ, полевой штаб – другой – чей же приказ должен выполняться?»^{II} Проблему удалось не без труда разрешить путем преобразования полевого штаба в штаб 1-й дивизии армии. Другой проблемой штаба Балаховича стало то, что он, как и другие белые штабы, круглосуточно осаждался разнообразными посетителями и просителями, в том числе по гражданским вопросам. Предназначения и функций штаба Балахович не понимал^{III}.

По свидетельству генерала П. Н. Симанского, «штаба в армии в сущности не было, хотя должность начальника штаба была создана и на эту должность был назначен прибывший из Эстонии полк[овник] Васильев. Лица, занимавшие различные должности, никакой службы настоящего штаба устроить не могли, прежде всего потому, что не имели в указанном отношении ни малейшего опыта и по многим вопросам военного дела являлись совершенно неграмотными. “Среди моего штаба, – говорил Балахович, – не все оказались на высоте своего положения, и я даже был вынужден кое-кого арестовать” (“Свобода”, 5 дек[абря] 1920 г. № 120)»^{IV}.

Соратники Балаховича признавали полууголовный характер его формирования, отметившихся грабежами и мародерством^V. Об уровне дисциплины у Балаховича свидетельствует отказ солдат уступить помещение штабу армии в ноябре 1920 г.^{VI} Балаховцы из пленных красноармейцев, спасавшиеся от ужасов польского плена через зачисление на службу Балаховичу, в массовом порядке сдавались частям РККА. Неудивительно, что в течение ноября 1920 г. авантюра Балаховича в Белоруссии началась и закончилась^{VII}. План разгрома Балаховича был разработан под руководством командующего 16-й советской армией, выпускника ускоренных курсов старой академии бывшего капитана А. И. Кука. Главный удар был нанесен в районе Мозыря. Полностью ликвидировать силы Балаховича не удалось, однако его отряды с большими потерями были вытеснены за демаркационную линию.

1920–1921 гг. стали временем массовых антисоветских восстаний крестьянства. Пламенем восстаний и бандитизма были охвачены Центральная Россия, Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь. Генштабисты по долгу службы

^I Там же. Л. 12.

^{II} Там же. Л. 13.

^{III} Там же. Л. 33.

^{IV} САУ. I.400.1413. Arc. 4a.

^V ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 545. Л. 23.

^{VI} Там же. Л. 25.

^{VII} Подробнее см.: Алексеев Д. Ю. Боевые действия Русской народной добровольческой армии в ноябре 1920 г. // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы V Междунар. военно-исторической конф. СПб., 2012. С. 253–279.

участвовали в подавлении этих выступлений. Координацию борьбы с сибирским повстанчеством осуществлял штаб помощника главнокомандующего по Сибири В.И. Шорина (негенштабиста). Начальником штаба Шорина был его прежний сотрудник по штабу Кавказского фронта Ф.М. Афанасьев, пошедший в РККА добровольно еще в феврале 1918 г. Авторству последнего (при участии военкома штаба) принадлежал подробный аналитический доклад о повстанческом движении, датированный апрелем 1921 г.¹ В докладе было отмечено, что целью движения являлись захват власти и возвращение к старому, привлекательному отсутствием коммунистов и свободой торговли. Автор доклада констатировал, что повстанцы имели самые широкие взгляды, при которых уживались монархизм и идеалы керенщины. По слухам, на стороне повстанцев был некий офицер Генерального штаба Кудрявцев², но в действительности такого генштабиста там быть не могло. Интересно, как докладчик описывал антикоммунистические устремления повстанцев. Он отмечал, что в коммунистах видели «корень зла, который формулируется как крайнее обеднение, отбирание последнего куса, подчас весьма неразумно и грубо осуществляемое (вроде стрижки зимой овец для шерсти, что повлекло гибель овец) и т.д.

Как много этого чувства крестьянской обиды за нерациональный подход к крестьянскому хозяйству накопилось у восставших, достаточно свидетельствует энтузиазм или даже фанатизм, отмечаемый свидетелями, у восставших в первые дни движения.

Это объяснимо, зная любовь сибирского крестьянина к своему хозяйству, устойчивостью которого он особенно дорожит³. За этими оценками и собственное мнение автора доклада, создававшего объективные причины для недовольства восставших крестьян коммунистами.

Отдельные выпускники академии участвовали в повстанческом движении. «Армией возрождения России» (около 10 000 кубанских казаков, не сумевших эвакуироваться в Крым), действовавшей в 1920 г. на Северном Кавказе, руководил слушатель ускоренных курсов академии кубанский казачий генерал М.А. Фостиков⁴. Созданная армия стала одним из наиболее мощных и долговечных повстанческих формирований. Наличие кадрового офицера с академическим образованием (пусть и не законченным) во главе армии существенно повышало организационные возможности восставших⁵. Кубанскую повстанческую армию (около 1000 человек) возглавлял генерал М.А. Пржевальский. В сентябре 1921 г. повстанцы были разбиты и рассеяны, Пржевальский бежал за границу.

Генштабисты участвовали и в Кронштадтском антибольшевистском восстании 1–18 марта 1921 г. Один из руководящих постов в мятежном Кронштадте занял выпускник академии бывший подполковник Б.А. Арканников, назначенный 11 марта 1921 г. вр.и.д. начальника штаба обороны морской крепости Кронштадт

¹ Сибирская Вандея. М., 2001. Т. 2: 1920–1921. С. 657–671.

² Там же. С. 669.

³ Там же.

⁴ Публикацию дневника М. А. Фостикова см.: Дневники казачьих офицеров / под ред. П. Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004. С. 15–178.

⁵ Подробнее см.: Кратова Н. В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов-на-Дону, 2012. С. 100.

и крепостного района^I и занимавший эту должность до 18 марта. Арканников непрерывно служил в Кронштадтской крепости еще с царских времен (занял пост помощника старшего адъютанта штаба крепости 26 января 1916 г.). При Временном правительстве дослужился до старшего адъютанта (с 29 июля 1917 г.), а при большевиках — до начальника оперативного отдела штаба крепости (с 15–16 января 1919 г.). Уклоняться от несения обязанностей генштабиста в восставшей крепости Арканников не стал, оказавшись одним из руководителей Кронштадтского восстания. С 11 по 18 марта 1921 г. он временно исполнял должность начальника штаба обороны морской крепости Кронштадт и крепостного района. Арканников понимал, что крепость без поддержки долго не продержится. Тем не менее на своем посту он проявлял активность и даже отстранил начальника артиллерии крепости генерала А.Н. Козловского от должности за нерешительность^{II}. После поражения Кронштадтского восстания ушел по льду Финского залива в Финляндию, где был интернирован и скончался в 1965 г.^{III} Об оставлении Кронштадта Арканников вспоминал: «После того, как все распоряжения были сделаны и войска приступили к отходу, штаб также присоединился к колонне, которая в полном порядке, освещаемая луной, тянулась к финляндскому берегу, покидая свою Родину, идя навстречу неизвестному будущему, но твердо веря, что час возмездия насильникам Родины неизбежен и им придется дать ответ в своих злодеяниях»^{IV}.

К событиям Кронштадтского восстания был причастен также полковник Ф.Е. Махин — член партии эсеров, находившийся в Ревеле и занимавшийся формированием эсеровских дружин и отрядов из числа бывших участников Белого движения на Северо-Западе России для содействия кронштадтцам^V. Ревельская группа делала все возможное для осведомления общественности о событиях этого выступления^{VI}. Весной 1921 г. Махин предполагал, что в России наконец назревает народное антибольшевистское движение^{VII}. Полковник Н.Н. Пораделов содействовал восставшим кронштадтцам из Гельсингфорса и Выборга как резидент организации «Центр действия»^{VIII}.

В подавление Кронштадтского восстания внесли вклад слушатели Академии Генштаба РККА, а из руководства РККА — главком С.С. Каменев и начальник созданного незадолго до того Штаба РККА П.П. Лебедев. Как и прежде, «красные генштабисты» выражали недовольство тем, как их принимали в армейских штабах старые спецы. 10 апреля 1921 г. И.Ф. Федько, С.П. Урицкий и А.Г. Борщевский написали в рапорте комиссару Академии Генштаба РККА, что «в высших штабах (штаб 7-й армии и Петро[градского] округа) красных генштабистов распределяли

^I РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 80. Л. 71.

^{II} Кронштадтская трагедия 1921 года: Док.: в 2 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 39.

^{III} См. публикацию воспоминаний Арканникова: Арканников Б. А. В штабе Кронштадтской крепости в дни восстания / публ. А. В. Ганина // Эпоха Революции и Гражданской войны в России: Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 386–398.

^{IV} Там же. С. 398.

^V Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020. С. 151–169.

^{VI} Вишняк М. В. Годы эмиграции 1919–1969. СПб., 2005. С. 120.

^{VII} Работа эсеров за границей: По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922. С. 15.

^{VIII} Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 409.

на работу не согласно их персонального опыта и стажа, а по шаблону... лишь благодаря личным знакомствам красным генштабистам удалось стать в ряды активных организаторов кронштадтской победы»^I.

Специалисты Генштаба участвовали и в подавлении Тамбовского восстания. Там отличился начальник штаба войск Тамбовского командования Н. Е. Какурин, который в июле 1921 г. во главе кавалерийской группы разбил банды Караса и Аверьянова, а также в должности начальника штаба «проявил выдающиеся организаторские способности и работоспособность, поставив на должную высоту боевую работу штаба, чем в значительной степени ускорил ликвидацию бандитизма»^{II}.

Какурин по должности начальника штаба подписывал различные распоряжения командующего М. Н. Тухачевского, в том числе знаменитый приказ от 12 июня 1921 г. о применении удушливых газов против повстанцев^{III}. Долгое время этот приказ считался свидетельством невероятного варварства большевиков и стал поводом для многочисленных политизированных спекуляций. Однако химическое оружие в тот период не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Более того, по сохранившимся свидетельствам современников и по архивным исследованиям постепенно выяснилось, что использование химических снарядов в Гражданскую войну всеми ее сторонами, включая красных, белых и интервентов, было достаточно распространено^{IV}. Что касается тамбовских событий, то именно там использование газов не получило широкого применения и не дало никакого эффекта^V.

Уже 17 июня Тухачевский и Какурин разослали циркуляр о том, что необходимо «принять исчерпывающие мероприятия к спасению находящегося в сфере действия газов скота»^{VI}. Позднее появилась инструкция о том, чтобы при применении газов заблаговременно оповещалось население с указанием опасных районов. Однако такое оповещение делало газобаллонные атаки практически бессмысленными — повстанцы могли покинуть обозначенные районы. В итоге не было проведено ни одной подобной атаки. Однако несколько раз велась стрельба химическими снарядами, эффект от использования которых оказался лишь моральным^{VII}.

Подписанные Тухачевским и Какуриным приказы порой содержали довольно грозную риторику: «Раз сделанные угрозы неуклонно, до жестокости, проводить в жизнь до конца»^{VIII}, «Изъятие бандитского элемента... должно определенно показать крестьянству, что бандитское племя и семья^{IX} неукоснительно удаляются

^I Там же. Кн. 2. С. 47.

^{II} Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 11.11. № 306.

^{III} «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 406.

^{IV} Оренбургские казаки и чехословаки на Урале летом 1918 года / публ. А. В. Ганина // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2002. № 11. С. 24; Голеевский Н. Н. Лето на Волге 1918 год // Russian Emigre Archives (Fresno, CA). 1973. Vol. 2. P. 270; Заяц Н. А., Бобков А. С. Запах гнилых яблок и свежего сена. Химическое оружие в Гражданскую войну // Родина. 2013. № 5. С. 96–99.

^V Подробнее см.: Бобков А. С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. Научно-просветительский журнал. URL: https://scepsis.net/library/id_2974.html (дата обращения: 29.01.2023). Также см.: Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский: Мозаика разбитого зеркала. М., 2014. С. 331–596.

^{VI} Бобков А. С. К вопросу об использовании удушающих газов...

^{VII} Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский. С. 369.

^{VIII} «Антоновщина». С. 364.

^{IX} В публикации ошибочно — семья.

из губернии и что борьба с Советской властью безнадежна... Поменьше обывательской сентиментальности, побольше твердости и решительности»¹. В Тамбовской губернии Какурин пробыл недолго, до середины августа 1921 г. За участие в подавлении восстания он был награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами от Тамбовского губвоенкомата.

Генштабисты служили и в ДВР, хотя там существовали определенные кадровые трудности. Так, из семи начальников штаба НРА ДВР академию окончили пять человек. Эту должность занимали: П.Я. Пеленкин (негенштабист, 01.03.1920–27.01.1921), М.А. Орлов (27.01–22.02.1921), А.Х. Андерсон (22.02–25.06.1921), В.К. Токаревский (30.06.1921–03.05.1922), Б.М. Фельдман (04.05–30.07.1922), А.Д. Шуваев (04.07–22.08.1922), И.В. Смородинов (негенштабист, 22.08–16.11.1922)². Иногда заменял начальника штаба курсовик С.Н. Голубев³, который занимал должность для особых поручений при главкоме, как он жаловался Л.Д. Троцкому, «ничего общего не имеющую со службой Генерального штаба, хотя по штату и считается Генерального штаба»⁴. Андерсон, Орлов, Токаревский и Шуваев были выпускниками старой академии, Фельдман окончил Академию Генштаба РККА. Орлов также являлся начальником Главного штаба (штаба военного министра) ДВР. Начальником разведуправления при Военном совете НРА ДВР в январе – феврале 1922 г. был В.П. Глаголев, затем (февраль – май 1922 г.) возглавивший 2-й (агентурный) отдел того же управления.

С.Н. Голубева не устраивало бездействие на должности для особых поручений при главкоме НРА ДВР. В этой связи 23 июля 1920 г. он обратился к председателю РВСР Л.Д. Троцкому с просьбой о переводе на более активную работу: «Вы сами знаете, тов. Троцкий, что человек, долго работавший самостоятельно, не может ужиться при постановке его на роль секретаря или старшего писаря. В данном случае так же обстоит дело и со мной. Вместо творческой работы сиди и выполняй роль секретаря.

Насколько моя работа на Южном фронте и в 5[-й] армии была плодотворной, я полагаю, что все бывшие члены Реввоенсовета 8[-й] армии, Южного фронта и 5[-й] армии могут дать заключение.

Таким образом, находясь в совершенно не подходящей обстановке в связи с перемирием с японцами, считаю свое пребывание в буфере совершенно излишним, так как в другом месте я, безусловно, принесу пользу. Командующий Западным фронтом дважды просил откомандировать меня, но, несмотря на то обстоятельство, что меня не использовали как Генерального штаба, все же я не был откомандирован.

И вот я решился обратиться к Вам с просьбой извлечь меня отсюда для работы в Красной армии, на одном из фронтов, преимущественно на Юго-Западном, где климатические условия более соответствуют здоровью моему и моей семье, пострадавшей от белогвардейцев.

¹ «Антоновщина». С. 389.

² ДКФКА. М., 1978. Т. 4. С. 545. Внесены уточнения по: Левкин Г. Г. Командиры и политработники Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Хабаровск, 2003.

³ ДКФКА. М., 1974. Т. 3. С. 611, 613.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 941. Л. 130об.

Вас сперва удивит мое обращение к Вам, но затем Вы вполне поймете меня и, надеюсь, поможете мне в моей беде»¹.

Всего в рядах НРА ДВР удалось установить не менее 25 выпускников и слушателей старой академии. НРА ДВР была серьезно пополнена пленными колчаковскими генштабистами, что является свидетельством того, что она по сути являлась составной частью Красной армии. Таких специалистов было не менее девятнадцати, из которых только пятеро окончили академию в мирное время, а остальные четырнадцать окончили ускоренные курсы академии периода Первой мировой и Гражданской войн (прежде всего, колчаковского выпуска в Томске в 1919 г. — 10 человек) и являлись курсовиками.

2-м помощником начальника штаба НРА ДВР служил бывший генерал-майор В.Е. Мясников — в прошлом колчаковец. Начальником оперативного отдела штаба армии был пленный колчаковский курсовик бывший полковник С.А. Граблевский (на лето 1920 г. и лето 1921 г. он составлял оперативные сводки²). Временно исполняющим ту же должность на июнь 1920 г. значился бывший подполковник П.А. Добротворцев, окончивший академические курсы в Томске³.

Вопросы разведки в штабе НРА ДВР курировали бывшие колчаковцы штабс-капитаны В.Г. Митрофанов и Д.Г. Атабеков (Атабегов, Атабегашвили), есаул А.П. Колесников. Атабеков составлял обзоры белой прессы⁴, а также занимал пост помощника начальника оперативного отделения штаба главнокомандующего. Позднее он перешел в грузинское подданство, но продолжал исправно служить в НРА ДВР и даже подготовил в 1921 г. военно-научное пособие «Спутник начальника в боевой обстановке». Курсовик бывший подпоручик Б.Д. Магер, также возглавлявший разведывательное отделение штаба НРА ДВР, иногда подменял начальника штаба главкома ДВР⁵. Помощником начальника административного управления штаба НРА ДВР был колчаковский курсовик Б.И. Андреев. А.Н. Афанасьев, ранее также служивший у белых, в декабре 1920 г. стал начальником штаба 2-й Верхнеудинской стрелковой дивизии НРА ДВР, позднее был помощником начальника оперативного управления штаба НРА ДВР и заместителем начальника штаба НРА ДВР, а также вр.и.д. 1-го помощника начальника штаба НРА ДВР. Начальником мобилизационного управления (позднее — отдела) штаба НРА ДВР был слушатель академических курсов в Томске М.Л. Лукин. Начальником организационного управления штаба НРА ДВР являлся бывший генерал А.А. Вихирев — ранее также колчаковец.

Курсовик бывший колчаковский подполковник А.Н. Николаев с 18 марта 1920 г. служил помощником начальника военных сообщений всех вооруженных сил Прибайкалья, затем с 18 октября стал вр.и.д. начальника оперативного управления штаба главкома всеми вооруженными силами ДВР, позднее занимал посты начальника Главного управления военных сообщений, а затем помощника главного начальника (когда из Советской России прибыла большая группа командиров

¹ Там же. Л. 130об. — 131.

² Шли дивизии вперед: Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья: Сб. док. Иркутск, 1987. С. 132, 134, 143, 261–262, 286.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 133.

⁵ ДКФКА. Т. 3. С. 640.

во главе с В.К. Блюхером), также в 1921 г. служил начальником военных сообщений Забайкальского военного округа¹.

Начальником инженеров НРА ДВР служил бывший генерал-майор Г.Н. Гамзагурди (Гамсахурдия), в прошлом также колчаковец. Начальником воздушного флота – курсовик В.Н. Кусов. В 1920–1921 гг. он был арестован «за причастность к расстрелам партизан во время службы у белых», а в 1922 – марте 1923 г. находился под следствием «по обвинению в причастности к карательным операциям во время службы у белых»². Тем не менее позднее он продолжил службу в РККА. Служил в НРА ДВР и бывший штабс-капитан Ф.Ф. Курганов, который ранее являлся слушателем ускоренных курсов Военной академии в Томске, но оказался отчислен в связи с поздним прибытием. Противостояли НРА ДВР остатки колчаковских армий, в которых также служили выпускники и слушатели академии.

В рядах НРА ДВР бывшие колчаковцы встретили своих товарищей по академии – коренных генштабистов РККА. К сожалению, данных о том, как бывшие белые воспринимали новую службу, очень мало. Известно, что работники штаба НРА ДВР – бывшие белые офицеры даже подготовили обращение к противнику, начинавшееся словами: «Братья каппелевцы солдаты и офицеры». Документ призывал прекратить делать антирусское дело, выражавшееся в пособничестве интервентам-японцам, и начать мирные переговоры для последующего перехода к совместной работе на благо будущего страны³. Воззвание подписали, по крайней мере, двенадцать бывших колчаковцев. Среди них были выпускники томских курсов, начальник штаба Приамурского военного округа П.А. Луцков, начальники организационно-мобилизационного управления НРА ДВР Л.Л. Касаткин и М.Л. Лукин, помощник начальника административного управления штаба НРА Б.И. Андреев, начальник школы разведчиков НРА ДВР В.Г. Митрофанов (у белых – начальник школы разведотдела штаба корпуса). Подписал документ и перешедший к красным бывший штатный преподаватель Военной академии Н.В. Главацкий – теперь председатель контрольно-штатной комиссии НРА ДВР. Таким образом, выпускники и слушатели академии составили половину поименно известных подписантов воззвания. Послание было растиражировано в нескольких тысячах экземпляров и распространялось среди белых.

Примечательна личность П.А. Луцкова. Он родился в 1886 г., был кадровым офицером, участвовал в Первой мировой войне, был ранен и контужен. Ко времени большевистского переворота дослужился до капитанского чина. В годы Гражданской войны служил у белых на Востоке России, окончил курсы Военной академии в Томске, служил в том числе начальником информационного отдела штаба Сибирской армии и помощником начальника осведомительного отдела Ставки, по некоторым данным дослужился до чина генерал-майора (по другим – полковника), после чего перешел на сторону НРА ДВР. Переход происходил, по-видимому, плавно. В конце 1920 г. Луцков был членом комиссии ДВР по размещению каппелевцев в Приморье, а уже в апреле 1921 г. вел с каппелевцами переговоры

¹ Левкин Г. Г. Командиры и политработники... С. 125.

² Нешкин М. С., Шабанов В. М. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006. С. 163.

³ Борьба за Хабаровск: Сб. статей. Чита, 1922. С. 81–84.

о переходе на службу в НРА ДВР^I. Позднее Луцков был начальником штаба Амурской стрелковой дивизии, а затем начальником штаба Приамурского военного округа. На этом посту он также участвовал в переговорах с белыми. Затем был прикомандирован к полевому штабу главкома НРА ДВР В.К. Блюхера и состоял для особых поручений при главкоме. Луцков неоднократно вел переговоры (и даже лично встречался) с белым генералом В.М. Молчановым и его начальником штаба полковником Л.Л. Ловцевичем. В феврале 1922 г. он отправил обращение к Молчанову, где обрушился на последнего с обвинениями в предательстве российских национальных интересов и пособничестве японским интервентам^{II}.

Обращаясь к Молчанову, Луцков писал в несколько более оптимистическом ключе, чем дело обстояло в реальности: «Здесь давно прошло то время, когда кого-либо преследовали за прошлое. Вы должны были знать, как в Советской России, так и здесь в Дальневосточной республике, самым спокойным образом служат большинство Ваших бывших и начальников, и товарищей, и подчиненных. Вы знали по фамилиям, где кто служит. Вы знали, что начальником штаба НРА — Генерального штаба Токаревский, что в штабе главкома много Ваших каппелевцев занимают высокие должности (Вы от них получили воззвание)»^{III}.

Позднее Луцков был проректором и деканом военного факультета Уральского политехнического института^{IV}. Умер он в 1930 г. По характеристике противника Луцкова, лично знавшего его полковника А.Г. Ефимова, Луцков «был большой прохвост, и ему не доверяли. Но умел приспособиться к обстоятельствам и не брезговал средствами. Все-таки удивительно, как он быстро вошел в доверие к Блюхеру»^V. Ефимов полагал, что Луцкова расстреляли, но это не соответствует действительности.

Служба в НРА ДВР не гарантировала беспрепятственный переход в РККА. Стремясь поступить на службу в Красную армию, бывший штабс-капитан Д.Г. Атабеков писал Л.Д. Троцкому в конце 1921 г. о своей деятельности в рядах НРА ДВР: «Прибыв со штабом главкома в г[ород] Читу и видя, что интервенция в лице Японии относится враждебно к молодой Дальневосточной республике, последствием чего может быть война не только с ней, но и с Советской Россией, я задался целью во что бы то ни стало и как можно полнее узнать организацию японской армии, дабы потом поделиться всем узнанным с армией.

И вот в продолжение 5 месяцев в свободное от службы время я на основании разного рода материала и составил брошюру “Вооруженные силы Японии и их устройство”, снабдив таковую всевозможными рисунками и схемами. Означенная брошюра была охарактеризована бывшим начальником штаба главкома Генштаба тов. Орловым следующей фразой: “Представляет ценный документ не только для ДВР, но и для РСФСР” (имеется в делах), и им же было возбуждено ходатайство о вознаграждении меня 100 руб. золотом.

^I Левкин Г. Г. Командиры и политработники... С. 107.

^{II} Опубл.: Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 330–334.

^{III} Там же. С. 332.

^{IV} ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 4. Д. 90. Л. 2.

^V Ефимов А. Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013. С. 417.

Эта брошюра была взята у меня представителем Коминтерна тов. [К.Ф.] Пшеницыным, а вознаграждение в размере $\frac{1}{4}$ части возбужденной ходатайством суммы было выдано мне Дальбюро РКП.

В настоящее время означенная брошюра, вероятно, уже издана.

После этой брошюры я вычертил^I в 40-вер[стном] масштабе стенную дислокацию японской армии в метрополии и вне метрополии, а также и тыла этой армии, которую у меня взял опять-таки тов. Пшеницын, заказавший еще один экземпляр этих дислокаций в срочном порядке специально для Москвы, что мною и было исполнено в течение 2^х суток, работая по 20 часов. И одну карту-дислокацию японских войск в метрополии сделал для Министерства иностранных дел ДВР.

14 мая сего года я был освобожден от военной службы как иностранный подданный (грузин).

Желая и в дальнейшем быть полезным армии своими познаниями, я, уже не находясь на военной службе, по предложению бывшего военного министра ДВР тов. Бурова, который ранее меня знал по составлению вышеозначенной брошюры и по представленному мною проекту^{II} реорганизации армии, составил популярный учебник по топографии, который и был принят, а затем, по собственному почину, составил "Спутник начальника в боевой обстановке", который получил одобрение учебного комитета военно-армейской школы Нарревармии^{III}, ныне принятый Военным советом ДВР»^{IV}.

Уже в самом конце Гражданской войны ряды НРА ДВР пополнили белые, взятые в плен в Приморье. В частности, в НРА ДВР был зачислен в качестве вр.и.д. начальника Военной академии бывший генерал-лейтенант профессор А.И. Медведев, оставшийся во Владивостоке после ухода белых^V. Главком НРА И.П. Уборевич в разговоре с Медведевым передал благодарность всему личному составу за сохранение имущества академии.

Позднее часть бывших колчаковцев продолжила службу в РККА. К сожалению, судьбы целого ряда колчаковских офицеров, пошедших затем в НРА ДВР, до сих пор остаются непроясненными. Известно, что были расстреляны в 1937 г. Л.Л. Касаткин и М.Л. Лукин. П.А. Луцков и Г.Н. Гамзагурди (Гамсахурдия) умерли в СССР до начала массовых репрессивных кампаний, причем Гамзагурди и его вдова даже получали в СССР персональную пенсию, персональную пенсию получали сын и вдова Луцкова. В 1924 г. в докладной записке на имя командира 19-го Приморского стрелкового корпуса ветеран колчаковской армии Гамзагурди, испрашивая персональную пенсию, без смущения утверждал: «Будучи сам демократического происхождения от бедных служилых людей, добившись своего положения лишь своими способностями и трудом, понимая всю справедливость переворота и жизненность его в отношении изменения судеб России и в будущем всего человечества, я сразу же сознательно примкнул к новой власти, хотя надежды на ее успех

^I В документе — вычертил.

^{II} В документе — проекта.

^{III} НРА ДВР.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 322. Л. 15–15об.

^V РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 110.

тогда казались проблематичными»¹. Службу у белых он представил как плен, указав, что был арестован и подвергался преследованиям.

Служба бывших белых генштабистов против своих вчерашних товарищей представляется важным историческим опытом. Такой опыт свидетельствует о том, что пленные не были массово уничтожены, а, наоборот, использовались прагматичным командованием для укрепления армии. Бывших белых генштабистов в НРА ДВР оказалось даже больше, чем коренных генштабистов РККА (по нашим подсчетам, девятнадцать человек против шести). Одной из причин привлечения этих лиц на службу, очевидно, являлась нехватка квалифицированных специалистов. Настроения вчерашних колчаковцев в конце Гражданской войны, по-видимому, можно охарактеризовать как разочарование в перспективах Белого движения и стремление как можно быстрее завершить разрушительный для страны конфликт.

По окончании широкомасштабной Гражданской войны лидеры разбитых антибольшевистских армий стали разрабатывать планы реванша. Свою роль в этом процессе играли и генштабисты. Летом 1921 г. советскую границу в целях организации партизанской борьбы против большевиков перешел украинский генерал В.И. Галкин. Вскоре он был захвачен чекистами и арестован, а в конце января 1922 г. освобожден и с марта 1922 г. служил в РККА². Интересно, что в 1920 г. Галкин уже успел послужить в РККА, но поднял восстание против большевиков и увел Украинскую советскую дивизию, начальником штаба которой служил, к петлюровцам.

Оренбургский атаман А.И. Дутов, оказавшись в 1920 г. во главе своего отряда в Западном Китае (Синьцзян), стремился вернуться на территорию России. С этой целью он налаживал разведывательную работу в Советском Туркестане, установил контакты с местными подпольными организациями и с лидерами басмачей. С деятельностью Дутова связана и подготовка восстания в Нарынском уезде 5–20 ноября 1920 г. Готовя вторжение в Советский Туркестан, Дутов рассчитывал на содействие своих прежних подчиненных командиров, также оказавшихся в Китае. Были заготовлены листовки, адресованные народам Туркестана, русскому населению и большевикам. В пропаганде упор был сделан на то, что Дутов – народный вождь. Пропагандировалось выборное начало на местах. Акцентировалось внимание на разрухе в Советской России и бедственном положении населения³. Постепенно действия Дутова стали вызывать у советского руководства все большие опасения. Даже допускалась возможность потери половины Семиречья и для упреждения такого результата в регион стягивались войска⁴. Но надежды атамана не оправдались. Несмотря на успехи в подпольной работе на советской территории, он потерпел фиаско в организации единого антибольшевистского фронта в Западном Китае. Белые вожди генералы Б.В. Анненков, А.С. Бакич, А.И. Дутов не смогли найти общий язык. Приказ о походе на Советскую Россию генерал Бакич обоснованно посчитал авантюрой. Против выступления на совещании высказались все старшие начальники его отряда. Как отметил Бакич в своих показаниях, еще осенью 1920 г. «приказ Дутова сочувствия в корпусе не встретил и после

¹ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 1476. Л. 37.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 161 (220). Л. 221.

³ ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 111, 112, 148.

⁴ РГВА. Ф. 110. Оп. 3. Д. 237. Л. 15–16.

обсуждения был отвергнут и дан в отрицат[ельном] духе ответ^I. К тому же конкретному плану взаимодействия между отрядами, по имеющимся данным, не было^{II}, а координация действий при отсутствии средств связи была затруднительной. Активная антибольшевистская деятельность Дутова и его авторитет в казачестве стали причинами физического устранения атамана 6 февраля 1921 г. в результате спецоперации советских агентов^{III}.

К этому времени даже некоторые высокопоставленные руководители белых были готовы к компромиссам с большевиками. Так, начальник штаба отряда Бакича генерал И.И. Смольнин-Терванд утверждал в показаниях, что «сов[етская] власть сделала большую ошибку тем, что в периодической печати отзывалась в непримиримом духе о своих быв[ших] противниках, если бы этого не было — возвращение всего корпуса в полном составе было бы обеспечено. Хотя они и причинили в свое время вред и ущерб сов[етской] власти, однако поражение крупных фронтов (Колчака, Врангеля и др.) показало, что народ в массе на стороне сов[етской] власти, поэтому и мы, боровшиеся тоже за благо народа, должны были подчиниться общенародному мнению»^{IV}. По мнению Смольнина, действия Дутова и Анненкова «не оправдывались и не вызывались истинным положением вещей и честностью приемов борьбы»^V.

Генерал Смольнин-Терванд выступил одним из разработчиков политической программы войск Бакича. Программа предусматривала восстановление государственности при единстве всех партий, освобождение от коммунистов силами русского народа, широкое народоправство, вплоть до возможности преобразования советов в земства, широкое наделение трудящихся землей, свободную торговлю, кооперацию, свободу совести, слова и печати, неприкосновенность имущества^{VI}. Составитель документа совершенно не касался вопросов внешней политики, также сознательно обходил вопрос о верховной власти в России, в программе говорится лишь об избрании «хозяина земли Русской», что могло трактоваться очень широко, объединять и монархистов, и республиканцев. Как показал на допросе Смольнин-Терванд, «надежд... на с[оциалистов]-р[еволюционеров] и крестьянский союз я не разделял, но полагал, что за с[оциалистами]-р[еволюционерами] идет известная часть населения, активно боровшаяся с сов[етской] властью»^{VII}. Таким образом, эсеровские лозунги были выдвинуты исключительно из популистских и прагматических соображений для создания максимально широкой социальной базы нового движения. При этом самому Смольнину наиболее близка была кадетская программа^{VIII}. 4 сентября 1921 г. Бакич отдал приказ о выступлении в Россию, хотя на самом деле речь шла о вынужденном отходе под ударами красных. Осенью

^I ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 38. Подробнее см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.

^{II} ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 138. Л. 36.

^{III} Подробнее о планах реванша и ликвидации Дутова см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

^{IV} ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 80б.

^V Там же.

^{VI} ГА РФ. Ф. Р-5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 71об. — 74.

^{VII} ГАНО. Ф. Р-1146. Оп. 1. Д. 136. Л. 30б.

^{VIII} Там же. Л. 4.

1921 г. остатки белых на территории Западного Китая и Монголии были разгромлены РККА.

Одним из лидеров антибольшевистского сопротивления в Монголии являлся полусумасшедший барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг. Начальником штаба Унгерна был выпускник ускоренных курсов академии полковник Г.А. Дубовик. Он считался ценным офицером, однако его положение было незавидным: деспотичный барон не переносил генштабистов и всячески третировал Дубовика, вплоть до назначения на низовую должность заведующего оружием^I. Тем не менее именно этот офицер разработал для Унгерна план захвата столицы Монголии – Урги^{II}, успешно реализованный. В силу отсутствия штабной культуры в партизанских формированиях Унгерна над Дубовиком и его разработкой даже иронизировали^{III}. В дальнейшем штаб дивизии Унгерна возглавил ургинский беженец, помощник присяжного поверенного К.И. Ивановский^{IV}. Определенный вклад в ликвидацию Унгерна в 1921 г. внесли начальник штаба войск Сибири Ф.М. Афанасьев и военспецы из штаба НРА ДБР.

Целая группа выпускников академии участвовала в Белом движении в Забайкалье и Приморье в 1920–1922 гг. В середине февраля 1920 г. генерал В.Г. Болдырев, находившийся тогда во Владивостоке, дал следующую характеристику текущих событий: «Я рассматриваю Советскую Россию как одну из сторон в Гражданской войне, в войне, дальнейшее продолжение которой я считаю бессмыслицей и преступлением. Для меня важно, во-первых, окончание объединения России – под каким это флагом произойдет, пока безразлично, во-вторых, важно сохранение ее исконных владений от посягательства друзей и недругов. Эти два положения одинаково дороги для меня, и ради них я буду работать во всех условиях, которые являются реальными для данного времени»^V.

^I Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004. С. 72, 206.

^{II} Там же. С. 208–209, 213–214.

^{III} Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С. Л. Кузьмин. М., 2004. С. 418.

^{IV} Там же. С. 536. Современный автор Б. В. Соколов решил, что под фамилией Ивановского скрывался выпускник ускоренных курсов академии К. И. Клуге, якобы сменивший свою фамилию в связи с участием в Ярославском восстании в июле 1918 г. (Соколов Б. В. Барон Унгерн. Черный всадник. М., 2006. С. 207). Такое предположение не имеет ничего общего с историческими фактами, поскольку Клуге в Гражданскую войну фамилию не менял, а в период Ярославского восстания находился на учебе в Военной академии в Екатеринбурге. Соколов не обратил внимания и на то, что участник Ярославского восстания белый подпольщик Ивановский являлся артиллеристом и на 1918 г. имел чин подполковника (Ярославское восстание 1918. М., 2007. С. 332), тогда как Клуге был пехотинцем и штабс-капитаном (Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 гг.: Биографический справочник. М., 2007. С. 274). Далее Соколов изложил откровенные фантазии о том, как готовились генштабисты в белой Сибири и какую академию мог закончить Клуге (Соколов Б. В. Барон Унгерн. С. 211), соединив ставшего капитаном Клуге с уже вторым Ивановским – Н. Н., теперь штабс-капитаном, начальником штаба 4-й Уфимской стрелковой дивизии (о том, что Клуге и Н. Н. Ивановский – это два разных человека, см. колчаковский список выпускников ускоренных курсов академии на 24 февраля 1919 г., в котором оба они фигурируют: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 571). Соколова удивило, что в документах об Унгерне Клуге не упомянут (Соколов Б. В. Барон Унгерн. С. 218), однако, не смутившись данным обстоятельством и попутно допуская многочисленные фактические ошибки, он продолжил описывать службу никому не известного Клуге-Ивановского, вбравшего в себя биографии теперь уже трех разных лиц. Все противоречия Соколов списал на заблуждения участников событий. В итоге вымышленному персонажу оказалась посвящена целая 65-страничная глава – самая большая в книге.

^V Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 311.

Такая оценка демонстрирует понимание ситуации интеллектуальной элитой старого Генштаба.

В этом же духе была составлена телеграмма Болдырева генералу С. Н. Войцеховскому от 5 марта 1920 г.: «Как гражданин [и] солдат нахожу [в] создавшихся условиях продолжение Гражданской войны гибельным для Родины. Задача момента – объединение всего населения Дальнего Востока для защиты исконных владений России. Долг патриотов – найти безболезненные способы [к] объединению Забайкалья [с] Приморской областью и скорейшее воссоединение остальной России»^I.

Рассуждая о своих настроениях осени 1922 г., когда Гражданская война на Дальнем Востоке завершилась, Болдырев писал: «Я лично, еще ранее... откинул мысль об эмиграции. После падения Директории (1918 г.) в силу особых условий я принужден был в течение года пробыть в Японии. Искключительный интерес, который возбуждала во мне эта страна, редкое радушие и внимание в отношении меня со стороны различных лиц, с которыми я встречался в Японии, все же никогда не заслоняли во мне мысли о родине и работе в своей стране. Я не имел оснований думать, что где-либо в другом месте будет иначе, а потому, имея все возможности для отъезда за границу, тем не менее решил остаться во Владивостоке. Это было небезопасно. Здесь против меня, как и против всякого общественно-политического деятеля, конечно, были многие, в том числе и личные счеты. Тем не менее это было не главным. К ответу я чувствовал себя всегда готовым. Меня занимало другое – обстановка, создающаяся на западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, включительно до вооруженных выступлений *извне* против России, подсказывала мне, что в могущей возникнуть борьбе мое место только здесь, среди своего народа»^{II}. Болдырев 23 марта 1920 г. был назначен на должность председателя комиссии при военном совете Приморской областной земской управы по разработке военных и морских законопроектов. Затем с 8 апреля 1920 г. занимал пост командующего сухопутными и морскими силами Дальнего Востока.

Во главе прошедших Сибирский Ледяной поход и пришедших в Забайкалье каппелевцев находились генералы-генштабисты. Главнокомандующим Восточным фронтом белых был генерал С. Н. Войцеховский при начальнике штаба генерале С. А. Щепихине. В Забайкалье Щепихин с 27 февраля 1920 г. стал начальником штаба командующего войсками Российской Восточной окраины при том же Войцеховском (назначен атаманом Г. М. Семеновым 20 февраля^{III}).

Взаимоотношения опиравшегося на японских интервентов Семенова и каппелевских генералов не сложились. Фактически Семенову удалось подчинить себе каппелевцев, после чего каппелевское командование в лице генералов Войцеховского и Щепихина покинуло Забайкалье. Характерна негативная оценка, данная Семеновым генералу Войцеховскому: «Генерал Войцеховский не особенно стремился привести в порядок подчиненную ему армию, так как в то время он уже решил перейти на службу в чешскую армию и вследствие этого был мало

^I Там же. С. 321.

^{II} Там же. С. 489.

^{III} РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 89.

заинтересован в исходе борьбы с красными в Сибири»¹. Впрочем, в 1920 г. Семенов в своем прощальном приказе высказался о Войцеховском в более комплиментарных выражениях².

27 апреля появилось новое название антибольшевистских вооруженных формирований Забайкалья — Дальневосточная армия. Армия включала три номерных корпуса. Сменилось и командование. Генерал Войцеховский был командирован для связи с войсками генерала А.И. Деникина на Юг России³. Вместе с ним уехал и генерал Щепихин. Новым командующим стал генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий, начальником штаба — генерал-майор К.К. Акинтьевский. Однако Лохвицкий не сработался с Семеновым и 22 августа 1920 г. был заменен генерал-лейтенантом Г.А. Вержбицким (негенштабистом). Начальником штаба армии с 28 июля стал генерал-майор Ф.А. Пучков.

В ноябре 1920 г. главнокомандующий войсками Российской Восточной окраины генерал-лейтенант Г.М. Семенов в письме командующему Дальневосточной армией генерал-лейтенанту Г.А. Вержбицкому отмечал: «Считаю необходимым теперь же приступить к реорганизации Дальневосточной армии, ибо исправить ошибки никогда не поздно. Поэтому предлагаю начать объединение мелких разрозненных войсковых групп в более боеспособные и прочные войсковые соединения, уменьшить число отдельных частей, но зато дать им численность, достаточную для выполнения возлагаемых на них боевых задач»⁴.

Начальника штаба Дальневосточной армии генерал-майора Ф.А. Пучкова 1 июня 1922 г. сменил генерал-майор П.П. Петров. Оперативное отделение возглавлял полковник Н.П. Рыбаков. Видную роль в событиях на Дальнем Востоке играли полковники А.Г. Аргунов (командир Сибирской стрелковой бригады, во время Волочаевского сражения в феврале 1922 г. во главе своей группы занимал укрепрайон у деревни Волочаевки), А.Г. Ефимов (командир Ижевско-Воткинской бригады) и Л.Л. Ловцевич (начальник штаба III стрелкового корпуса).

Как отмечал генерал-майор Г.И. Гончаренко, более известный как писатель Юрий Галич, в Приморье в 1920 г. «офицеры Генерального штаба были взяты новым правительством на учет. Это не сулило заманчивой перспективы. Это могло означать назначение на командную должность в Красной армии и, в одинаковой степени, кандидатуру в большевицкий застенок»⁵.

Для поддержания порядка в первой половине 1921 г. была осуществлена реорганизация армии. В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление ДВР и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С.Д. Меркулова. Армия наконец стала получать оружие (при содействии японцев) и смогла приступить к своей первоочередной задаче — наведению порядка в Приморье. Переворот был одобрительно встречен в войсках

¹ Атаман Семенов. О себе. М., 1999. С. 203.

² РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 257. Также см.: Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства: Сб. док. и мат. Чита, 2002. С. 86.

³ Там же. Л. 256.

⁴ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

⁵ Галич Ю. Золотые корабли: Скитания. Рига, 1927. С. 220.

как среди каппелевцев, так и среди семеновцев, но последние не спешили подчиниться новому командованию.

Офицеры-генштабисты, участвовавшие в Белом движении на Дальнем Востоке, оказались вовлечены и в противостояние 1920–1921 гг. между каппелевцами и семеновцами, представлявшими две антагонистические группировки внутри армии, причем не обошлось без потерь. 12 июля 1921 г. в результате вооруженного столкновения был смертельно ранен полковник В.Т. Глазков, выпускник ускоренных курсов 3-й очереди и георгиевский кавалер Первой мировой войны. Не приходя в сознание, он скончался. Глазков в соответствии с пройденным им боевым путем относился к каппелевцам, но служил в Гродековской группе войск, являвшейся опорой атамана Г.М. Семенова. Сам Семенов впоследствии написал, что «убийство полковника Глазкова, героя Великой и Гражданской войны, популярного и любимого в войсках, убийство, совершенное своими же белыми собратьями по оружию, это бессмысленное убийство тяжелым камнем давило душу»¹. При этом следует упомянуть, что инцидент начался действиями полковника Б.Э. фон Ваха, однокашника погибшего офицера по академическим курсам, теперь оказавшегося в другом лагере.

Генштабисты продолжали играть руководящую роль в Белом движении на Дальнем Востоке, хотя их количество значительно сократилось в сравнении с предыдущими периодами истории Белого движения на Востоке России. Из ведомости численного состава частей Временного Приамурского правительства к 15 апреля 1922 г. следует, что в этих формированиях служили только 20 офицеров Генштаба². Офицеры находились во главе управлений, занимали должности начальников штабов корпусов, дивизий и бригад, командовали бригадами и полками, служили в военно-учебных заведениях.

С приходом в начале июня 1922 г. к власти генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса в армии стали осуществляться серьезные преобразования, направленные, прежде всего, на ее объединение. В частности, в приказе от 12 июня 1922 г. по Сводно-казачьей бригаде отмечалось, что «с приездом генерала Дитерихса наша государственность вышла на определенный и твердый путь и, таким образом, неопределенность положения, несшая разложение армии, нашла себе естественную смерть. Конечно политическая борьба, и армия вновь вступила на путь объединения и укрепления сил. Приказываю всем от офицера до казака не политиканствовать и тем более не производить мести, а заняться серьезной и упорной работой по укреплению и поднятию боеспособности армии»³.

В результате преобразований значительно изменилась структура армии. Дальневосточная армия была переименована в Приамурскую Земскую рать, полки — в дружины, а командующий — в Воеводу Земской рати. Введением абсурдных для XX в. исторических наименований генерал Дитерихс, судя по всему, преследовал цель поднять дух частей напоминанием о событиях Смутного времени начала XVII в., однако эта мера была неоднозначно воспринята в войсках. 23 июля во Владивостоке состоялось первое заседание Приамурского Земского собора.

¹ Атаман Семенов. О себе. С. 241.

² ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 12–18.

³ РГВА. Ф. 39817. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

Тем не менее радикально укрепить армию не удалось. Бывший председатель Земской думы в Приморье и председатель правительства при генерале М.К. Дитерихсе И.К. Артемьев в эмиграции отмечал в разговоре с генералом А.С. Лукомским, что «почти вся воинская масса страшно опустилась морально и материально. Распущенность и потеря всякой дисциплины, еще во времена “атамановщины” и последнего периода развала на Сибирском фронте, усугубилась в период беженства»¹.

По данным на 1 октября 1922 г., в Земской рати служило не менее 18 офицеров Генерального штаба². Начальником штаба Поволжской рати (группы, образованной из III корпуса) был полковник А.И. Савчук, начальником штаба Сибирской рати (группы, образованной из II корпуса) – полковник А.С. Бодров, начальником штаба Дальневосточной рати (группы, образованной из Забайкальской казачьей дивизии) – полковник Е.М. Дубинин, начальником штаба Сибирской казачьей рати (группы, образованной из I корпуса) – полковник К.Л. Кононов³. Все они окончили ускоренные курсы академии. Командующие группами получили права командиров неотдельных корпусов. Начальником военно-учебных заведений был генерал-майор А.Н. Шелавин. Начальником штаба пограничной стражи состоял полковник А.М. Калаушин. Начальником штаба Железнодорожной бригады – полковник Н.Н. Ивановский. Начальником штаба Московского полка был курсовик полковник П.И. Старков, начальником штаба Восточно-Сибирского полка – полковник И.И. Попов, начальником штаба Западно-Сибирского полка – полковник М.В. Кириченко, начальником штаба Оренбургского казачьего полка – полковник И.П. Брежнев.

В связи с переизбытком специалистов Генштаба вследствие ускоренных выпусков выпускники академии занимали и строевые должности. По данным на 1 октября 1922 г., Камской пешей дружиной командовал полковник В.Е. Сотников, окончивший курсы в Томске, Прикамским стрелковым полком – полковник А.Г. Ефимов, Воткинской дружиной – полковник Б.Э. фон Вах, Петроградской конной дружиной – полковник Я.Я. Смирнов, Западно-Сибирским полком – полковник А.Г. Аргунов.

О качественном составе дальневосточных генштабистов свидетельствовал в эмиграции генерал А.С. Лукомский, побывавший на Дальнем Востоке в 1924 г.: «Офицеров Генерального штаба здесь я, [П.П.] Петров, [Н.А.] Щербаков, [К.М.] Александров, [А.И.] Андогский, [А.П.] Слижиков, [В.А.] Трофимов, [Д.Н.] Сальников, [И.В.] Тонких, [М.Я.] Савич, [С.Н.] Люпов. Офицеров, кончивших ускоренные курсы академии и переведенных в Генеральный штаб [Г.М.] Семеновым, очень много, и среди них есть толковые люди... Как общий вывод – офицеров очень мало. Командный состав можно считать среднего качества. Штабных работников можно достать вполне удовлетворительных и с большим опытом и стажем»⁴. Эта характеристика эмигрантов вполне относится и к качеству генштабистов в завершающий период истории Белого движения на Дальнем Востоке.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 50.

² Подсчитано по: Рыжов И. Л. Последний поход: Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь – октябрь 1922 года в Приморье). Владивосток, 2020. С. 160–165.

³ Филимонов Б. Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1997. С. 150–152.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 58.

Активизация боевых действий в Приморье осенью 1922 г. осуществлялась в расчете на какие-либо крупные события в Забайкалье или Японии. В связи с возобновлением боев была создана Ударная группа генерал-лейтенанта И. Н. Никитина при начальнике штаба полковнике Н. И. Ефимове 2-м¹. После вывода японских войск в октябре 1922 г. части Земской рати под напором сил НРА ДВР оставили Приморье. Гражданская война в России завершилась.

Как писал генерал Дитерихс в одном из своих последних указов: «Силы Земской Приамурской рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного похода, без пополнения, без патронов решились участь Земского Приамурского края. Скоро его уже не станет. Он как тело — умрет. Но только как тело. В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственно-религиозной идеологии, — он никогда не умрет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси»². В эмиграцию из белого Приморья отправились не менее 13 офицеров-генштабистов³.

Участвовали офицеры-генштабисты и в последних, уже, казалось бы, совершенно безнадежных, актах гражданского сопротивления. В частности, сподвижник атамана А. И. Дутова генерал Н. А. Поляков принимал участие в экспедиции Северного экспедиционного отряда есаула (впоследствии — полковника) В. И. Бочкарева (негенштабиста) на Камчатку в качестве начальника штаба отряда. В октябре 1921 г. бочкаревцы захватили Охотск и Петропавловск-Камчатский, причем Поляков занял пост начальника Петропавловского военного района и находился на этой должности до 27 мая 1922 г. Генерал погиб вместе с отрядом на берегу Охотского моря 13 апреля 1923 г.⁴

Генштабисты принимали участие в событиях заключительного периода Гражданской войны и на других окраинах страны. В частности, внесли свой вклад в советизацию Закавказья в 1920–1921 гг. Независимость Азербайджана была ликвидирована частями РККА за один день 27 апреля 1920 г. почти без сопротивления. Армения была советизирована в конце ноября — начале декабря 1920 г. также практически без сопротивления. Активными участниками советизации Армении и Грузии были начальник штаба Кавказского фронта С. А. Пугачев, командующий 11-й армией А. И. Геккер, начальник полевого штаба 11-й армии Б. И. Кузнецов и многие другие. В Армении красные попытались использовать в своих интересах остатки старой дашнакской армии, но этот опыт нельзя назвать удачным. Командующим войсками на территории ССР Армении и Красной армией Армении (с января 1921 г.) был выпускник ускоренных курсов академии бывший подполковник М. В. Молкочанов, начальником штаба — другой курсовик, бывший полковник В. Ф. Притоманов, его помощником — бывший генерал-майор М. Г. Фисенко. В дальнейшем Притоманов стал начальником штаба армянского Наркомата по военным делам при наркоме Г. Д. Гае. Помощником начальника штаба наркомата стал

¹ Рыжов И. Л. Последний поход. С. 86.

² Указ Правителя Приамурского Земского края. 1922. 17.10. № 68 // ГА РФ. Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

³ Рыжов И. Л. Последний поход. С. 335–336.

⁴ Подробнее о Полякове см.: Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. С. 461–462; Кручинин А. С. Экспедиция есаула В. И. Бочкарева (взятие Охотска Северным экспедиционным отрядом 4–6 октября 1921 года) // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы VI Междунар. военно-исторической конф. СПб., 2013. С. 338–365.

курсовик В.С. Тамручи, ранее занимавший пост начальника оперативного отдела штаба 11-й армии и начальника мобилизационного отдела наркомата. 11-й армией, вступившей в пределы Закавказья, командовали курсовики: бывший капитан М.И. Василенко и бывший штабс-ротмистр А.И. Геккер – партийный военспец. Как уроженец Тифлиса, Геккер хорошо знал регион и театр военных действий. Начальниками штаба армии были бывший генерал-майор А.К. Ремезов и уже упоминавшийся Притоманов. Ценнейшую разведывательную информацию о Грузии и других государствах сообщал в Москву советский военный атташе в Тифлисе бывший генерал-майор П.П. Сытин. По другую сторону линии фронта войсками руководили их прежние товарищи по академии – главнокомандующие грузинской армией генералы И.З. Одишелидзе и его преемник (с 16 февраля 1921 г.) Г.И. Квинтадзе, а также начальник Генштаба генерал А.К. Захариадзе.

По сообщению командующего войсками М.В. Молочанова командующему 11-й армией, «Советская власть в Армении получила развалившуюся армию не только в строевом, но и [в] хозяйственном отношении... Обломки старой дашнакской армии, взятые как материал для создания новой красной армянской армии, – оказались плохо одетыми и обутыми»¹.

После советизации Армении в декабре 1920 г. в Эривань прибыл Геккер и обратил внимание на то, что комсостав Главного штаба ССР Армении не знаком с постановкой штабной работы в РККА. По предложению Геккера группа лиц командного состава армянской армии, ранее служившая у дашнаков, была командирована в штаб 11-й армии для изучения штабной службы². Впрочем, в Баку командированные были арестованы. Генштабисты-армяне не подходили большевикам в самой Армении, поскольку были ограничены национальными рамками, тогда как Красная армия формировалась по интернациональному принципу. По этой причине нарком по военным делам Советской Армении А.Ф. Мясников (Мясникян) просил Геккера 23 мая 1921 г. по прямому проводу «прислать нам сюда 2–3 старых генштабистов русского происхождения»³. В разработке плана советизации Грузии участвовал бывший генерал-майор А.Г. Габашвили (Габаев)⁴. Парадоксально, но возглавлявший вооруженную советизацию Закавказья А.И. Геккер не разделял взглядов большевистского руководства на необходимость проведения такой политики. В беседе с проживавшим в Тифлисе бывшим генералом-генштабистом К.Л. Гильчевским после советизации Грузии Геккер, наоборот, отстаивал взгляд на то, что окраинам страны нужно предоставить независимость и перестать тратить на них «деньги русского мужика»⁵. Гильчевский же полагал, что этого никогда не произойдет и окраины будут по-прежнему на содержании русского народа.

Советизация Грузии в феврале – марте 1921 г. встретила более серьезное сопротивление, ликвидированное частями РККА в течение месяца⁶. А.И. Геккер издал

¹ НАА (ПА). Ф. 1022. Оп. 8. Д. 197. Л. 2.

² НАА. Ф. 688. Оп. 34. Д. 17. Л. 31.

³ НАА (ПА). Ф. 1435. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

⁴ Траскунов М. Б. Героический боевой путь 11-й армии на фронтах Гражданской войны (1918–1921 гг.). Тбилиси, 1958. С. 223.

⁵ Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном – о благе и величии Родины» // Россия XXI (Москва). 2012. № 2. Март – апрель. С. 174.

⁶ Подробнее см.: Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019. С. 592–620.

строгий приказ войскам 11-й армии № 16/пол от 15 марта 1920 г. о внимательном отношении к местному населению: «Грузинское меньшевистское правительство все время внушало народу мысль о том, что Красная армия — это не более как банда грабителей и насильников, несущая с собой смерть и разорение. Народ, питаемый только этими тенденциозными сведениями, верил им и боялся прихода Красных войск, но с падением Тифлиса и занятия¹ его советскими частями все изменилось — образцовая дисциплина, отсутствие эксцессов, грабежей и насилий произвело сильное впечатление на народ, который понял, что сведения, распускаемые меньшевиками, были обманом и ложью, поняв это, стал смотреть на красноармейцев не как на врагов, а как на друзей своих и избавителей. Всем начальствующим лицам армии и всем военкомам приказываю принять самые решительные меры к тому, чтобы это доброжелательное отношение народа и его вера в Красную армию не были омрачены даже случайными единичными выступлениями кого-либо из Красной армии, пусть знают все, что освободители не могут быть грабителями и насильниками. Красная армия, жестоко борющаяся против рабства и насилия, пришла в Грузию, неся на своих штыках не смерть и разорение, а счастье, свободу, равенство и братство трудовому народу Грузии, почему настойчиво необходимо внушать это всем красноармейцам, дабы они своим поведением и доброжелательным отношением еще более укрепили веру в Красную армию и Советскую Россию, и беспощадно карать те вредные элементы, которые, забыв революционный долг и совесть, позволяют себе чинить грабежи и насилия»². Документ помимо Геккера подписали член РВС Ш.З. Элиава и начальник полевого штаба армии Б.И. Кузнецов.

Советский военный атташе в Грузии П.П. Сытин писал в 1921 г. о значении советизации Закавказья: «С вступлением частей русской Красной армии в Закавказье перед русской государственной властью стал вопрос о будущем устройстве края. Опыт истекшего трехлетия вполне, казалось, независимого существования Закавказья доказывает с несомненностью, что край нуждается в помощи третьей силы как регулятора взаимоотношений грузин, русских, армян и племен мусульманских различного происхождения, населяющих край. Отсутствие такой беспристрастной третьей силы повлекло за собой в момент разгара национальных инстинктов трения, и межнациональные вопросы и по сие время остаются неразрешенными. Армяно-грузинская война 1918 года, возникшая вследствие территориальных споров за Ахалкалакский уезд и южную часть Борчалинского, резня армян в Азербайджане, политическое унижение татар (т.е. азербайджанцев. — А.Г.) и армян в пределах Грузии, притеснение мусульман в Армении и, наконец, приниженное положение в политическом и экономическом отношениях русских во всем Закавказье явилось последствием создавшегося в крае нового устройства и отсутствия третьей, равно для всех авторитетной, власти. Экономические последствия такого разногласия в крае многочисленны. Грузия, имея в своем обладании черноморские порты и транзитные к ним пути, по своему усмотрению и в интересах политического давления и с целью экономических поборов задерживала вывоз нефти из Баку и ввоз продовольствия в Армению, захватила все находящееся на ее территории русское, общекраевое и фронтовое имущество,

¹ Так в документе.

² ЦИАГ. Ф. 1969. Оп. 2. Д. 287. Л. 93.

которое, естественно, было сосредоточено в общекраевом центре – Тифлисе (интендантское, союза городов, земское, арсенала, главных мастерских Закавказских жел[езных] дорог и прочее), и тем поставила две других республики в безвыходное положение за отсутствием в них всяких запасов и технических средств (Азербайджан кое-как справился, благодаря запасам и техническим оборудованьям, имевшимся в Баку, хотя и с затруднениями). Азербайджан не пропускал в Армению нефть, и жел[езные] дороги последней не могли правильно функционировать. Можно привести бесконечное число примеров различных политических и экономических мероприятий, повлекших за собой обнищание народных масс, обострение экономического кризиса и, главное, межнациональных отношений»^I.

После советизации Закавказья ряд генштабистов из национальных армий перешли в РККА. Например, в Азербайджане на службу Красной армии поступили генерал В.Д. Каргалетелли и полковник В.Н. Соколов. В Армении – полковник Н.Н. Стрелецкий. В Грузии – генерал Н.К. Гедеванишвили (Гедеванов), который с 18 июня 1921 г. занял пост помощника начальника штаба Наркомата по военным и морским делам Советской Грузии^{II}. Поступил на службу в РККА и его брат А.К. Гедеванишвили (Гедеванов). Так же поступил бывший капитан Г.Н. Кутателадзе. Генерал А.С. Андронников, фактически руководивший грузинским Генштабом, стал начальником курсов красных командиров, а в июле 1921 г. командующим войсками Советской Грузии^{III}. На этом посту он пробыл до 13 октября 1921 г.^{IV}, был переведен в резерв и стал председателем комиссии для пересмотра уставов, а уже в 1923 г. его расстреляли. Перешел в РККА и генерал А.М. Бенашвили (Бенаев), ставший и.д. начальника военно-топографического отдела Наркомата по военным и морским делам Советской Грузии^V.

Генштабисты, наряду с видными партийными работниками, постепенно входили в элиту Советского Закавказья. Когда А.И. Геккер в начале 1922 г. покидал Грузию, Грузинский ревком вынес ему благодарность: «Дорогой товарищ Анатолий Ильич. Революционный комитет Республики Грузии, осведомившись, что Вы получили новое назначение и покидаете пределы Грузии, считает для себя приятной обязанностью засвидетельствовать Вам искренние чувства глубокого уважения и признательности.

Ваша, всем известная, беззаветная храбрость и преданность рабоче-крестьянскому правительству получили новое подтверждение в совершенных Вами подвигах за установление советской власти в Республике Грузии.

Ваши военные заслуги в высокой мере оценены высшим командованием.

С своей стороны Революционный комитет как свидетель Вашего славного водительства доблестной XI армией, ныне отдельной Кавказской, не может не отметить той яркой черты человечности, которая характеризует Вас как воина-гражданина.

Действуя среди чужого Вам по крови населения, Вы и возглавляемая Вами армия тем не менее сумели проявить по отношению к нему высокую корректность,

^I ЦИАГ. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 4. Л. 11об.–12.

^{II} ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 1. Л. 203.

^{III} ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 2. Л. 42об.

^{IV} ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 3. Л. 35об.

^V ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 2. Л. 50об.

смягчая, насколько это возможно было в обстановке боевых условий, тяжелые последствия Гражданской войны.

Мы считаем особенно важным отметить именно эту сторону Вашей деятельности в Грузии, как имеющую значение политического момента, которая вместе с тем гармонически сплелась в Вашем лице с доблестью воина-победителя.

В ознаменование Ваших заслуг Революционный комитет Грузии просит принять сию шашку как символ Ваших высоких военных подвигов.

Пожелаем Вам дальнейших успехов на славном поприще служения делу освобождения трудящихся масс и во славу Красного Знамени, которое Вы всегда высоко держали»^I.

Заместитель наркома по военным и морским делам Грузинской ССР Б.И. Кузнецов в феврале 1922 г. как участник создания курсов и видный военный деятель в Закавказье был зачислен почетным курсантом Батумских пехотных командных курсов. При всех поверках и переключках он должен был вызываться, при этом правофланговый курсант отвечал: «Честно и добросовестно служит во славу трудового народа в должности замначкавувуза»^{II}. В марте он же вместе с Г.К. Орджоникидзе и Ш.З. Элиавой был зачислен почетным курсантом Батумского военно-морского училища. На переключках правофланговому следовало отвечать: «Служат народу». Почетным курсантам поднесли первую форму училища, а также наградили почетным наименованием «видных вождей пролетарского государственного строительства»^{IV}.

Генштабисты участвовали в попытке советизации Персии. В 1920–1921 гг. в Гиляне — прикаспийской провинции Персии — возникла Иранская советская республика. Главнокомандующим персидской Красной армией стал В.Д. Каргалетелли. Офицер также пользовался псевдонимом Шапур. Ранее он успел послужить в грузинской и азербайджанской армиях, причем в последней периодически временно исполнял обязанности начальника Генерального штаба, а весной 1920 г. дослужился до чина генерал-майора. В Первую мировую Каргалетелли служил в Персии в составе корпуса генерала Н.Н. Баратова. Именно этот опыт повлиял на выбор его кандидатуры. Несмотря на протесты партийных работников, беспартийного военспеца утвердили в должности под поручительство члена Кавказского бюро ЦК РКП(б) Б.Г. Мдивани^V. Впрочем, вскоре деятельность Каргалетелли оказалась предметом расследования в связи с плохим обеспечением войск^{VI}. Главком среди прочего отличился эксцессами по отношению к персидскому революционному правительству, а также закрытием венерологического отделения военного госпиталя в Энзели и отправкой больных на фронт^{VII}. В конце концов недоверие и подозрения перевесили, и Каргалетелли в ноябре 1920 г. попал под арест, а на смену ему прислали Н.Ф. Гикало. Затем Каргалетелли уехал в Баку, откуда «дезертировал»

^I ЦАНИГ. Ф. Р-281. Оп. 1. Д. 165. Л. 43.

^{II} Заместителя начальника управления военно-учебных заведений Отдельной Кавказской армии.

^{III} ЦАНИГ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

^{IV} Там же. Л. 16.

^V Генис В. Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921: Документальная хроника. М., 2000. С. 162.

^{VI} Там же. С. 238.

^{VII} Там же. С. 309.

и вернулся в Персию, перейдя на службу Кучек-хану, но позднее вновь был арестован¹.

В секретном докладе советского военного атташе в Грузии о Каргалетели в начале 1921 г. сообщалось: «Мною получены следующие сведения, за достоверность которых поручиться не могу, так как личность Каргалетели мне не знакома.

По слухам, советскими войсками в Персии командует бывший полковник Генштаба русской армии Каргалетели.

К началу революции Каргалетели в чине подполковника занимал в корпусе ген. Баратова (в Персии) должность штаб-офицера для поручений. Будучи связан с ген. Баратовым какими-то личными отношениями, он страшно вызывающе держал себя по отношению к офицерам штаба и крайне бестактно по отношению к самому Баратову. Будучи по природе страшным интриганом, он до того развил интригу в корпусе, что ген. Баратов по настойчивому ходатайству всех чинов должен был отчислить его в распоряжение начальника штаба округа. Здесь он немедленно по прибытии занял должность штаб-офицера для поручений с исполнением временно вакантной должности помощника начальника штаба. С первых же шагов он начал вести интригу против всех, предназначенных на должность пом[ощника] начальника штаба, каковая представлялась офицерам Генштаба, откомандовавшим полками. Дабы иметь под ногами более прочную почву, он по прибытии в Тифлис записался в партию с[оциалистов]-р[еволюционеров]. Интригуя и среди партийных деятелей, и среди военных, он добился того, что должность помощника н[ачальни]ка штаба все время оставалась вакантной, и он, не имея на то прав, занимал ее.

Как партийный деятель подполковник Каргалетели был выбран в Грузинский национальный совет, где благодаря апломбу, граничащему с нахальством, стал играть роль и втерся в исключительное доверие к председателю Совета А.И. Чхенкели.

Когда начались формирования воинских частей по национальному признаку, А.И. Чхенкели от имени Национального совета выдвинул на должность начальника дивизии кандидатуру подполковника Каргалетели. Никакие убеждения в полной его неподготовленности к этой ответственной роли не могли поколебать настойчивость А.И. Чхенкели[,] и ген. Пржеваня², слагая с себя всякую ответственность за последствия, согласился на это признание. Двух-трех месяцев довольно было, чтобы обстоятельства разоблачили совершенную неподготовленность Каргалетели, что ему и было открыто заявлено в Национальном совете и в чем, кстати, он сам должен был сознаться. Но, несмотря на все это, он все-таки продолжал играть роль, пока, наконец, в интересах дела принуждены были его уволить от должности. После этого он, как обиженный, некоторое время занимался торговлей, а затем устроился в Азербайджане в Гл[авном] управл[ении] Ген. штаба. Отсутствие среди татар (т.е. азербайджанцев. — А.Г.) офицеров Генштаба способствовало этому назначению. Беспринципный, бестактный, он является человеком, ненавидящим русских. В межнациональном совете он все время вел явную антирусскую политику. Говорят, что он примкнул к партии коммунистов — ни на одну минуту

¹ Там же. С. 445, 460.

² Возможно, генерал М. А. Пржевальский.

не могу поверить искренности этого и считаю, что для русского дела в Персии он является элементом, безусловно, вредным»^I. В итоге Каргалетелли так и остался в Персии. Умер он в 1946 г. в Тегеране.

Еще одним участником персидских событий был М.С. Свечников^{II}, занимавший в 1921–1922 гг. пост помощника советского военного атташе в Персии. 28 января 1921 г. в приказе по Народному военному и морскому комиссариату Азербайджанской ССР № 34 отмечалось, что по распоряжению заместителя председателя РВСР Свечников назначается военным представителем РСФСР в Персии^{III}. Однако отправился к месту службы он не сразу. По-видимому, в Москве военспец получил необходимые инструкции, после чего 31 июля 1921 г. последовало его назначение помощником советского военного атташе в Персии. По другим данным, это случилось 1 ноября 1921 г., а должность именовалась «заместитель военного атташе»^{IV}. Описывая при обмене партийных документов в 1936 г. свою деятельность, Свечников отметил, что в Персии находился с мая 1921 по март 1922 г.^V, причем, эти данные неточны.

Позднее Свечников составил «Очерк революционного движения в Персии в Гилянской провинции в 1920–1921 гг. (по воспоминаниям и материалам)»^{VI}, который до сих пор не опубликован. Имена многих участников событий автор очерка зашифровал первыми буквами. Он писал: «Будучи непосредственным свидетелем работ [советской дипломатической] миссии, а также знакомым и с теми лицами, которые подняли поход против дипломатической деятельности полпредства, считаю необходимым объективно осветить, насколько это представляется возможным, все те данные, которые были на пути у нашего полпредства и в нем самом и которые связаны отчасти с историей революционного движения в Гиляне»^{VII}.

Персидская командировка для Свечникова не была безоблачной. В период реабилитации военспеца в 1956 г. из архива МИД СССР в КГБ при Совете министров СССР поступили данные о борьбе в январе 1922 г. за пост военного атташе в Тегеране между Свечниковым, атташе В.П. Рогачевым и его помощником И.Р. Розенблюмом (Тумановым)^{VIII}.

Неоднозначное прошлое Свечникова затрагивалось в докладе направленного в Персию видного революционера Камо (С.А. Тер-Петросяна) на имя Г.К. Орджоникидзе от 8 февраля 1922 г. Камо задавался вопросом: «Кого наша власть имеет в Тегеране заместителем военного атташе. Друга советской власти или способного продать советскую власть за 30 серебряников? Ответ предоставляю Вам, я же как солдат революции обязан сказать: заместитель военного атташе в Тегеране гражданин Свечников уже раз предал советскую власть. Он, состоя комендантом укреплен[ного] района г[орода] Курск, сдал таковой Деникину и, будучи

^I РГВА. Ф. 33988. Оп. 3а. Д. 41. Л. 42–43.

^{II} Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022. С. 146–220.

^{III} РГВА. Ф. 25846. Оп. 1. Д. 21. Л. 91.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 391. Л. 4об.

^V Копия документа из собрания РГАСПИ (Архив автора).

^{VI} РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 385. Л. 1–102.

^{VII} Там же. Л. 56.

^{VIII} ЦА ФСБ. Д. Р-10466. Т. 1. Л. 223.

разыскиваем тов. [Г.А.] Атарбековым¹ в Астрахани, чтобы привлеч[ь к] ответственности за измену рабочей власти, скрылся. Полагаю, что у Свечникова эта измена — не последняя; перемена обстановки дала ему возможность подобрать новых друзей из англичан, с которыми [он] так усердно распивает виски²». Этот отрывок из доклада напоминал донос. Камо осенью 1919 г. участвовал в боях под Курском, где командовал партизанским отрядом. Но, как уже известно читателю, поведение самого Камо тогда было небезупречным. Тем не менее он спустя два с лишним года счел необходимым вспомнить о действиях Свечникова в тот период. Возможно, в связи с этой информацией (известно, что Разведупр³ был недоволен работой Свечникова⁴) 28 февраля 1922 г. Свечникова сняли с должности и отозвали в Москву, а 7 апреля Центральная контрольная комиссия РКП(б) даже рассмотрела вопрос о партийном положении бывшего полковника, проходившего чистку в тегеранской миссии, подтвердив его партийность⁵.

Главком С.С. Каменев лично участвовал в подавлении Карельского восстания 1921–1922 гг.⁶ Генштабисты принимали активное участие и в борьбе с басмачеством в Средней Азии. Видную руководящую роль там также сыграл С.С. Каменев, который в мае 1922 г. выезжал в Туркестан — в Ташкент, Бухару, Самарканд⁷. Этот опыт он обобщил в очерке «Система борьбы с басмачеством (бандитизмом)»⁸. Главком предлагал оккупировать районы, охваченные басмачеством, прочесывать их и окружать противника. Эффективным Каменев считал создание летучих (конных для преследования противника) и истребительных (рейдовых) отрядов.

В борьбе с басмачами заметную роль сыграл Н.Е. Какурин. 25 марта 1922 г. он был назначен командующим войсками Бухаро-Ферганского района и боролся с восстанием Энвер-паши. Последний во главе отрядов басмачей сумел захватить Душанбе и развернул наступление на Бухару, выдвинув лозунг пантюркизма. 17 июня 1922 г. Какурин получил назначение помощником командующего войсками Туркестанского фронта В.И. Шорина и руководил борьбой с басмачами в масштабах всего региона. В тот период Какурин тяжело заболел малярией и получил в итоге осложнение на легкие. Военспец был награжден бухарским орденом Красной Звезды 1-й степени за руководство войсками Бухаро-Ферганского района в борьбе с басмачами, золотыми часами от Бухарского ЦИК и благодарностью командования Туркестанского фронта. В борьбе с басмачами отличился и начальник штаба Бухарской группы войск А.К. Малышев, который 20 июня 1922 г. во главе 9-х кавалерийских курсов и 17-го кавалерийского полка атаковал басмачей в Западной Бухаре и нанес им поражение. 11 августа Малышев атаковал пятикратно превосходившего противника у кишлака Джандары и одержал победу.

¹ В то время Г.А. Атарбеков занимал должность начальника Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 18. Д. 303. Л. 3, 5–5об. Также см.: *Генис В. Л.* Красная Персия. С. 470–471.

³ Разведывательное управление.

⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-10466. Т. 1. Л. 224.

⁵ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 7. Л. 15; *Генис В. Л.* Красная Персия. С. 471.

⁶ Подробнее см.: *Витухновская-Кауппала М. А., Осипов А. Ю.* В пучине Гражданской войны: карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб., 2021. С. 223–266.

⁷ *Каменева Н. С.* Путь полководца: Воспоминания об отце. Киев, 1982. С. 96.

⁸ *Каменев С. С.* Система борьбы с басмачеством (бандитизмом) // Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Ташкент, 1924. С. 6–26.

За эти отличия он был награжден орденом Красного Знамени¹. В этих событиях участвовал и С. А. Пугачев, назначенный в 1923 г. командующим Туркестанским фронтом и награжденный в итоге орденом Красного Знамени Хорезмской ССР, а также орденом Красной Звезды 1-й степени Бухарской народной советской республики.

Свой вклад внесли и другие командующие фронтом, в том числе выпускники академии — бывший капитан А. И. Корг и бывший подполковник В. С. Лазаревич, а также начальники штаба фронта, среди которых академию окончили: бывший генерал-майор А. А. Герарди, бывшие подполковники Ф. П. Шафалович и А. Д. Шуваев, бывшие капитаны А. В. Кирпичников и Б. Н. Кондратьев.

Таким образом, в заключительный период Гражданской войны генштабисты продолжали играть заметную роль в событиях с разных сторон. Они участвовали как в антибольшевистском движении (прежде всего, на Дальнем Востоке, в восстаниях в Кронштадте и на Северном Кавказе), так и в борьбе с ним на различных окраинах от Белоруссии и Закавказья до Туркестана и Приморья. Победу одержала Красная армия, в рядах которой в 1921–1922 гг. оказалось уже абсолютное большинство выпускников Николаевской академии, остававшихся к этому времени на территории бывшей Российской империи.

§ 2. Специалисты Генерального штаба в командном составе РККА в 1920–1922 гг.

Служба выпускников Николаевской академии в Красной армии после завершения в ноябре 1920 г. широкомасштабной Гражданской войны имела свои особенности. Прежде всего, после перехода к новому, очаговому этапу войны перед военно-политическим руководством Советской России встали новые задачи. Одной из них были реорганизация многомиллионной Красной армии и ее сокращение. К этой работе активно привлекались специалисты Генерального штаба. Еще в начале 1920 г. функционировала комиссия И. И. Вацетиса по разработке вопросов, связанных с проведением в жизнь милиционной системы обороны страны (кадрированная армия и вооруженный народ). 21 января 1920 г. ПШ РВСР представил РВСР доклад «Об организации вооруженных сил страны», в котором предлагалось ввести милиционную систему. Среди предложений была идея воссоздания ГУГШ. План ПШ РВСР был раскритикован Вацетисом и Н. И. Подвойским. Свои предложения о переходе к милиционной системе выдвигал и ВГШ. IX съезд РКП(б) в апреле 1920 г. принял резолюцию о постепенном переходе к милиционной системе. Однако Советско-польская война отложила этот переход.

Также была создана специальная комиссия во главе с бывшим генералом П. С. Балуевым, разрабатывавшая положения об органах центрального военного управления при милиционной системе обороны. Среди предложений комиссии была идея создания Всероссийского Генерального штаба как высшего оперативного

¹ Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 13.11. № 230.

органа армии^I. Помимо комиссии Балужева генштабисты в конце 1920 г. работали и в комиссии под председательством бывшего генерала А.А. Брусилова (негенштабиста), занимавшейся вопросом разбивки территории РСФСР на районы и округа для введения милиционной системы. Вопрос о том, нужен ли стране Генеральный штаб, дискутировался на совещании в РВСР в декабре 1920 г. Большинство участников высказалось за то, что необходим единый Штаб РККА вместо Главного и Генерального штабов^{II}. Такая идея впоследствии и была реализована.

Переход на мирное положение выдвинул на повестку дня вопрос о слиянии ПШ РВСР и ВГШ, поскольку потребность в существовании двух параллельных штабов для фронта и тыла отпала. В результате такого слияния приказом РВСР № 336/41 от 10 февраля 1921 г. был образован Штаб РККА. Начальник последнего подчинялся наркому по военным и морским делам через главнокомандующего^{III}. 1-й помощник начальника штаба ведал вопросами подготовки и ведения войны, а также обучения войск; 2-й помощник — организационными, учетными и мобилизационными вопросами. 3-й помощник заведовал обеспечением армии картографическим материалом, прохождением службы, вопросами личного состава и хозяйства штаба^{IV}. В подчинении штаба находились управления: Оперативное, Организационное, Мобилизационное, Разведывательное, по командному составу, по внутренней службе, по обучению и подготовке войск, Управление корпуса военных топографов, Административно-хозяйственное (с мая 1921 г. — отдел), Управление начальника бронесил, ГУВУЗ и ЦУПВОСО^V. В дальнейшем эта организация совершенствовалась. В апреле 1922 г. была упразднена должность 3-го помощника начальника Штаба РККА, подведомственные ему управления распределены между первыми двумя помощниками, а с 1 сентября 1922 г. управления были переименованы в отделы и сведены в управления 1-го и 2-го помощников начальника Штаба РККА. Сам штаб постепенно приводился к организационной схеме окружных штабов^{VI}. Начальником Штаба РККА являлся бывший начальник ПШ РВСР П.П. Лебедев, занимавший новый пост до апреля 1924 г.

Именно Штаб РККА руководил демобилизацией многомиллионной Красной армии после завершения Гражданской войны (армия сокращалась в девять раз). Центральный военный аппарат сильно разбух: к 1921 г. в центральных управлениях по штатам значилось 11 000 служащих, а к началу 1922 г. — 12 583 работника^{VII}. Реорганизации привели к сокращениям. Уже к концу 1922 г. по штатам в центральных управлениях оставалось 5209 человек, а в 1923 г. — 4407 человек^{VIII}.

^I Кляцкин С. М. На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 452.

^{II} Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 16.

^{III} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 138. Л. 2; Калюжный Р. Г. Красная армия 1918–1934: структура и организация: Справочник. М., 2019. С. 54.

^{IV} На службе в Красной армии: Документы и материалы о деятельности П. П. Лебедева. Чебоксары, 1991. С. 184.

^V Калюжный Р. Г. Красная армия 1918–1934. С. 54–62.

^{VI} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925. С. 13 (издание хранится в: РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167).

^{VII} Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 2. С. 321–322.

^{VIII} Там же. С. 322–323.

После Гражданской войны руководство советского военного ведомства во главе с Троцким продолжало опираться на проверенные кадры высококвалифицированных военспецов-генштабистов с дореволюционным стажем. Такое положение вещей не устраивало заканчивавших обучение в Военной академии РККА молодых, прославленных и амбициозных красных генштабистов, стремившихся после окончания академии отнюдь не на должности ротных командиров. Как впоследствии вспоминал один из слушателей, «в ближайшее время из академии должны были выпускиться Дыбенки, Венцовы, Федько, Урицкие, но старые генералы просто предлагали назначить их, по крайней мере на время, на низшие должности. Успев покомандовать армиями, они могли оказаться командирами рот и батальонов»^I. Почва для конфликта была налицо. Решать проблему неоднородности социального состава военной элиты и широкого представительства в ней «бывших» руководству страны и военного ведомства предстояло в ближайшие годы. Развернувшаяся вскоре внутрипартийная борьба неизбежно отразилась и на этом вопросе.

Пока же две группы комсостава сосуществовали. Более того, краскомы перенимали у военспецов некоторые привычки. С этим связан гневный совершенно секретный циркуляр Э.М. Склянского командующим войсками военных округов от 17 октября 1922 г.: «Имеются сведения, что в последнее время некоторые лица комсостава начинают проводить как в уклад своей повседневной жизни, так и во взаимоотношения между собой и красноармейцами “барские замашки”, свойственные офицерству буржуазных армий.

Подобное явление не может быть терпимо в среде Рабоче-крестьянской армии, поэтому Революционный военный совет республики, признавая необходимым ликвидировать отмеченное выше явление, просит Вас преподать всем подведомственным Вам начальствующим лицам соответствующие указания.

С товарищеским приветом Э. Склянский»^{II}.

По окончании Гражданской войны в РККА продолжал сохраняться дефицит кадров Генштаба. В одном из документов РВСР от 7 февраля 1921 г. отмечалось, что «все лучшие силы Генштаба, могущие выполнять особо ответственные задачи, находятся [в] настоящее время на фронтах, откуда они командировются [в] экстренных случаях для серьезных поручений»^{III}. При этом пленных белых курсовиков, окончивших академию в Сибири, не считали генштабистами. Несколько ранее, в октябре 1920 г., вышло указание, что «лиц, причисленных и переведенных [в] Генштаб распоряжением бывшего Сибирского правительства, надлежит иметь на особом учете, считая их слушателями академии, но отнюдь не генштабистами»^{IV}. Позднее решение было пересмотрено.

Наблюдались и негативные явления. Например, затягивалось исполнение поручений главкома о перемещениях и командировках генштабистов. Начальник ПШ РВСР 7 февраля 1921 г. разослал телеграмму по этому поводу: «Последнее время участились случаи замедления исполнения приказа штаба о перемещениях и командировках генштабистов для исполнения разных поручений

^I Бармин А. Г. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 153.

^{II} РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 120.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 1.

^{IV} РГВА. Ф. 931. Оп. 1. Д. 121. Л. 21.

боевого и административного характера. Возникающая при этом переписка по мотивам промедления часто осложняется и непроизводительно поглощает много времени, задерживая [в] прибытии генштабистов к месту назначения и тем ухудшая обстановку. Главком приказал обратить внимание на крайнюю нежелательность таких явлений и принять меры [к] полному их устранению, [в] особенности потому, что [в] ближайшем будущем предполагаются более частые командировки генштабистов по разным заданиям»^I.

В связи с предстоявшим в 1921 г. первым выпуском Академии Генштаба РККА возник вопрос о порядке прохождения службы «красными генштабистами». Во время Гражданской войны вопрос не решался, так как война «требовала высшего напряжения всех сил и отвлекала все внимание на фронты»^{II}. Сложность вопроса заключалась в том, что корпорация генштабистов в РККА вплоть до 1921 г. состояла лишь из бывших офицеров Генштаба старой армии и выпускников старой Военной академии. Основания дореволюционной службы этих лиц значительно отличались от условий в РККА.

Согласно одному из проектов выпускники Академии Генштаба РККА должны были отбывать обязательный ценз до постов начальников штабов дивизий. Начиная с должностей начальника штаба дивизии и командующего бригадой предполагалось выделять и продвигать выдающихся. Документ констатировал, что «назначения генштабистов, которые^{III} до сего времени имели место в армии, преследовали исключительную цель удовлетворить громадную потребность армии в генштабистах, поэтому очень часто лица Генштаба совершенно не соответствовали по своей подготовке своему назначению. Нередко причисленные к Генеральному штабу и даже^{IV} слушатели академии, получая высокие назначения, совершенно не могли справиться с[о] своей работой по должности»^V. Проект предусматривал шесть принципов прохождения службы Генерального штаба: 1) единая школа; 2) единство взглядов на военное дело; 3) выделение выдающихся после определенного стажа; 4) непрерывная работа ума и воли; 5) проверка знания и опыта; 6) аттестация. По окончании академии выпускников предполагалось причислить к Генштабу, а назначения на должности осуществлять по старшинству баллов: помощником начальника штаба бригады по оперативной части, заведующим разведкой бригады, заведующим сектором в отделении разведывательного управления или отдела, помощником начальника отделения или отдела штаба округа, армии, фронта или Штаба РККА, старшим делопроизводителем и для поручений при отделах тех же штабов. Рассматривалась возможность восьмимесячного цензового командования стрелковым полком. Впоследствии, с окончанием строевых цензов, через 2,5 года после выпуска предусматривался и перевод в Генштаб. После перевода начинался пятилетний период первоначального состояния в Генштабе. Идея авторов проекта заключалась в том, чтобы к 30 годам генштабисты

^I РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1870. Л. 39.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 3.

^{III} В документе несогласованно — которое.

^{IV} Наличие в этом тексте частицы «даже» связано с тем, что, очевидно, в данном случае имелись в виду слушатели Академии Генштаба РККА, ценившиеся автором проекта выше старых генштабистов.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 3.

получили серьезную подготовку и при этом сохранили здоровье и энергию, чтобы начать настоящую творческую работу^I.

В докладе состоящего для особых поручений при 1-м помощнике начальника Штаба РККА, подготовленном в марте 1921 г., рассматривался вопрос о принципах построения Генерального штаба в Красной армии. Автор доклада рассуждал о принципах германского Генштаба с его упорной и систематической работой военной мысли, инициативой, наличием единства доктрины, практической работой и руководящей ролью в армии. В связи с бурным развитием военной техники автор доклада отмечал, что генштабисты должны отлично знать свойства всех родов войск и технические средства борьбы (в особенности артиллерии)^{II}. Утверждалось, что «революция разрушила старый Генеральный штаб, но еще не создала нового»^{III} и что «создать Генеральный штаб удастся через весьма большой промежуток времени, измеряемый десятилетиями, при условии сохранения устойчивого взгляда на его роль и значение в жизни армии»^{IV}.

К концу Гражданской войны средний уровень квалификации комсостава РККА по-прежнему оставлял желать много лучшего. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам за 1921 г., «меры, принятые в течение 1921 года к проверке подготовленности комсостава Красной армии, обнаружили, что в значительном числе комсостав по своим военным познаниям стоит на недостаточно высоком уровне, обнаруживая слабую военную подготовку и неудовлетворительное знание уставов»^V. Проверка 6695 командиров во втором полугодии 1921 г. показала, что неудовлетворительно знали уставы 3% высшего комсостава до командиров полков включительно и 29% старшего и младшего комсостава. В документе с тревогой сообщалось: «Недостаточность знаний комсостава обнаруживалась иногда в весьма резкой форме, доходя до совершенного незнакомства с географическими картами и полного незнания полевого и строевого уставов. Наряду с этим наблюдалось равнодушие лиц комсостава к приобретению и восполнению знаний в военном деле...»^{VI}. Неудивительно, что на протяжении 1921–1923 гг. Троцкий активно выступал за повышение подготовки комсостава. Председатель РВСР справедливо считал, что если необходимо сокращать армию, она должна стать профессиональной^{VII}.

Некоторые красные командиры с благодарностью относились к старым спецам, передававшим им свои знания и опыт. Будущий советский генерал А.В. Горбатов вспоминал о своей службе с бывшим генералом Г.М. (Ю.М.) Шейдеманом: «В новой должности работать было легче, так как я мог при подготовке методичек и учебных заданий опираться на штаб, начальником которого был Ю. Шейдеман, интеллигентный и образованный командир, отдававший все свои силы и способности на укрепление Красной армии. С первого дня у меня с ним сложились

^I Там же. Л. 5об.

^{II} Там же. Л. 6, 7.

^{III} Там же. Л. 13.

^{IV} Там же. Л. 12об.

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 43об.

^{VI} Там же.

^{VII} Reese R. R. Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence, KS, 2005. P. 60.

доброжелательные отношения. Юрий Михайлович – бывший генерал-лейтенант старой русской армии. Каждая встреча с ним для меня – это уроки военного искусства, уроки интеллигентности и соблюдения воинской чести^I. В другом месте Горбатов вспоминал о беседах с Шейдеманом: «Возвращаясь в дивизию, делаясь своими впечатлениями с Шейдеманом о полученных новых знаниях, вздыхая, говорили о том, как многому можно научиться за год, а тем более за три года в академии и как счастлив тот командир, кому выпадет эта возможность!»^{II}

Для понимания процессов того периода характерен подписанный Э.М. Скиянским приказ РВСР № 2112 от 25 сентября 1921 г.: «В Красной армии в отличие от армий капиталистических государств не может быть классового различия между командным составом и рабоче-крестьянской красноармейской массой, и поэтому наиболее ценными являются те лица командного и административного состава, которые самым происхождением своим не отличаются от нее: из числа же вышедших из буржуазных классов могут быть оставляемы на командных и административных должностях только те, кто долгой службой, особенно на боевых фронтах, доказали свою преданность рабоче-крестьянской власти»^{III}. Таким образом, декларировался приоритет рабоче-крестьянского социального происхождения над профессионализмом. Такой подход задал вектор дальнейшей кадровой политики, в том числе в отношении генштабистов.

Сокращения начались еще в конце 1920 г. Командующий войсками Орловского военного округа Я.И. Алкснис сообщал в рапорте от 28 декабря 1920 г. начальнику ПШ РВСР с копией начальнику ВГШ: «Все почти должности в штабе округа, положенные по штату к замещению лицами Генштаба, за неимением таковых замещены негенштабистами. На деле это, разумеется, отражалось вредно, но обстоятельства времени, нужда в генштабистах на фронте вынуждали мириться с этим. В настоящее время, когда некоторые полевые штабы расформировываются или сокращаются и генштабисты освобождаются от работы в них, вероятно, открывается возможность удовлетворить нужду округов в генштабистах»^{IV}.

Вр.и.д. начальника штаба Орловского военного округа генштабист А.В. Косматов жаловался начальнику Организационного управления ВГШ 29 декабря 1920 г.: «Убедительно прошу ускорить подыскание соответствующего заместителя на должности наштаокр Орловского, [в] связи [с] реорганизацией и сокращением армии освобождаются вполне достойные кандидаты. [В] настоящее время здесь моя роль в важнейшем деле переформирования округа сведена на нет распоряжением тов. [О.А.] Скудре о непосредственном подчинении строевого отдела штаокр'а командвойск'у^V. Следовательно, с меня как бы снята важнейшая работа, единственно препятствующая моему откомандированию из Орла, ибо во главе опер[ативного] отдела Генштаба [Л.А.] Шумов 1912 года и моб[илизационного] отдела вполне подготовленный руководитель Бельский. Как вывод – чувствую себя здесь почти лишним, между тем, полагаю, при другой обстановке мог бы дать

^I Горбатов А. В. Годы и войны: Записки командарма. 1941–1945. М., 2008. С. 168.

^{II} Там же. С. 173.

^{III} РГВА. Ф. 24696. Оп. 1. Д. 186. Л. 29об.

^{IV} РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 944. Л. 31.

^V Командующему войсками.

максимум пользы, что и заставляет меня еще раз настоятельно просить откомандировать в Москву, указав на заместителя, хотя бы временного, Генштаба Шумова»^I.

Общая численность армии стремительно сокращалась. Если к 1 октября 1920 г. в ней находилось 5,5 млн едоков^{II}, к 1 января 1921 г. — 4,2 млн едоков, включая 1,3 млн бойцов^{III}, то на январь 1922 г. — уже 1,4 млн едоков, включая 540 тыс. бойцов, а к октябрю 1922 г. — 800 тыс. едоков, включая 360 тыс. бойцов^{IV}. К февралю 1923 г. в армии числилось лишь 600 тыс. человек. Параллельно шло сокращение и омоложение командного состава, неизбежно затронувшее генштабистов. Тем не менее демобилизация и реорганизация армии растянулись на несколько лет, вплоть до 1924 г.

Под предлогом повышения качества комсостава из армии увольняли бывших офицеров. Этот вопрос имел очевидную политическую подоплеку — очищение армии от чуждых элементов. По приказу РВСР № 1207 от 5 июня 1921 г. в бессрочный отпуск увольнялись лица, достигшие 50 лет, для всего комсостава, 40 лет — для командиров полков и ниже и 35 лет — для командиров рот и ниже. Увольнению подлежали бывшие офицеры военного времени, этот элемент признавался по «политической малосознательности и недостаточной технической подготовленности малоценным для Красной армии»^V. В течение года за малоценностью были уволены 265 бывших офицеров, 6 понижены в должностях и 16 признаны нуждающимися в пополнении военных знаний. Из бывших белых офицеров было уволено не менее 12 415 человек. Увольнялись тогда и выпускники академии. Так, в 1921 г. был уволен «как специалист-пчеловод»^{VI} бывший капитан П. П. Капошин, ранее служивший в РККА и в украинских войсках, а прежде окончивший младший класс ускоренных курсов академии. Аналогичным приказу 1921 г. приказом РВСР № 254 от 1 февраля 1922 г. подлежали увольнению в бессрочный отпуск лица командного и административного состава старше 50 лет независимо от должности, лица 40-летнего возраста от командиров полков и ниже, лица 35-летнего возраста от командиров отдельных рот и ниже^{VII}. В массовом порядке увольнялись бывшие белые офицеры^{VIII}. Не все партийные руководители были согласны с этой политикой. Так, заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт сообщал в Политбюро 15 декабря 1921 г.: «Считаю, что такое массовое увольнение бывших белых офицеров может иметь нежелательные для нас последствия, создать определенную группу, настроенную против сов[етской] власти, и, распылив их, лишить нас тем самым возможности наблюдения за ними»^{IX}.

Что же происходило со специалистами Генерального штаба? Потребность армии в кадрах высшей квалификации была крайне велика. Для подготовки новых

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 364–364об.

^{II} Мовчин Н. Н. Комплектование Красной армии (исторический очерк). Л., 1926. С. 228.

^{III} РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

^{IV} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 9.

^V РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 45.

^{VI} РГВА. Ф. 54. Оп. 17. Д. 387. Л. 110.

^{VII} РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 22. Л. 520.

^{VIII} Подробнее см.: Абинякин Р. М. Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.

^{IX} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 13. Л. 23.

штабных работников в 1921 г. 85 слушателей были приняты на Военно-академические курсы высшего командного состава РККА, 132 слушателя зачислили на подготовительный курс Военной академии РККА (переименована 5 августа 1921 г. из Академии Генштаба РККА) и 250 слушателей на младший^I. Однако в среднем образовательный уровень командного состава оставался низким. По официальным данным на 1921 г., он был следующим (табл. 104).

Таблица 104

Уровень образования комсостава РККА на 1921 г.^{II}

Разряды должностей	Процентное соотношение					
	Окончили Николаевскую академию Генерального штаба	Бывшие кадровые офицеры	Бывшие офицеры военного времени	Окончили Академию Генштаба РККА	Окончили командные школы и курсы РККА	Окончившие учебные команды и не получившие военного образования
Высший комсостав	3,26	29,69	38,02	1,79	6,29	17,21
Старший комсостав	0,42	12,26	45,26	0,18	15,50	24,10
Весь комсостав (до командиров взводов включительно)	0,28	3,71	24,99	0,11	26,17	41,55

По этим данным, процент командиров с высшим военным образованием в РККА (правда, учтены почему-то только выпускники двух академий) составлял 0,39%.

В 1921 г. в РККА числилось 407 выпускников Николаевской академии и 125 окончивших Военную академию РККА. Должностное положение их было следующим (табл. 105).

Таблица 105

Должностное положение «лиц Генштаба» РККА на 1921 г.^{III}

Разряды должностей	Окончивших Николаевскую военную академию	Окончивших академию Генштаба РККА
Высший комсостав	29	16
Старший	33	14
Средний	31	57
Административно-хозяйственный состав	313	38

Заметное преобладание старых генштабистов в административно-хозяйственном составе связано с тем, что высшие должности в окружных штабах и в центральных управлениях считались административно-хозяйственными. Из «лиц

^I РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.

^{II} Там же. Л. 46.

^{III} Там же.

Генерального штаба» должности от начальников штабов отдельных бригад и выше в старой армии занимали 208 человек, а в РККА — 200 человек¹.

В связи с переходом страны на мирные рельсы менялся характер службы. Все больше военспецов переходили на преподавательскую работу. На некоторых оставшихся фронтах, как, например, на Западном, генштабисты распределялись следующим образом (табл. 106).

Таблица 106

Распределение «лиц Генштаба» на Западном фронте к 1 января 1921 г.²

Место службы	По оперативной части	По административной части	По военно-учебным заведениям	По военным сообщениям	На строевых должностях	Всего
Полевое управление фронта	11	2	8	1	3	25
15-я армия	1					1
16-я армия	4		1	1	4	10
3-я армия						1 (в Витебске)
Всего	16	2	9	2	7	37

Важные выкладки о службе специалистов Генштаба содержатся в докладах 1-го помощника начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова за апрель 1921 г. По данным этих докладов, на апрель 1921 г. должности начальников штабов дивизий и отдельных бригад были замещены: «лицами Генштаба» — 9 (12,6%), слушателями старой академии — 5 (7%), слушателями Академии Генштаба РККА — 4 (5,6%), лицами не Генерального штаба — 53 (74,8%)³. Таким образом, лишь незначительный процент начальников штабов соответствовали своему назначению. По данным докладчика, в РККА насчитывалось 558 выпускников академии, среди которых 276 генштабистов старых выпусков, малопригодных для службы на строевых должностях в РККА, и 205 генштабистов более молодых, соответствовавших современным требованиям строевой службы. Из последних 119 человек представляли выпуски 1914–1917 гг. и 86 — прочие. 77 генштабистов попали в РККА после службы в белых армиях. Из бывших белогвардейцев на ответственные должности были назначены лишь шестеро, 14 представляли выпуски 1914–1917 гг. и 57 — прочие, в том числе 20 человек были не пригодны к строевым должностям. В РККА также находились 62 слушателя старой академии, включая ускоренные курсы. 49 из них занимали штабные должности и 13 — прочие. У красных служил даже 51 выпускник сибирской (колчаковской) академии. Штабные должности из этой группы занимали 17 человек, а 34 служили в ГУВУ-Зе, т.е. в основном на военно-педагогической работе. Академия Генштаба РККА,

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 26.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 169.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 31об.

по мнению докладчика, должна была дать 547 специалистов Генштаба (первый выпуск — 182, второй — 231, третий — 134). Распределение «лиц Генштаба» РККА на апрель 1921 г. приведено в таблице 107.

Таблица 107

Распределение «лиц Генштаба» РККА на апрель 1921 г.

Местонахождение	Количество	%
На фронтах	110	20
В округах	95	17
В учреждениях центра	125	22,4
В Академии Генерального штаба РККА	41	7,3
Во Всевобуче	13	2,3
В ГУВУЗе	153	27,4
Арестованных	21	3,6
Итого	558	100

Таблица 107 наглядно показывает, что в строю был использован небольшой процент кадров Генштаба. Почти две трети (63%) служили в тыловых учреждениях, и только 37% — на фронте и в округах. Такое распределение, по мнению автора доклада, было связано с недоверием к бывшим белым, еще не доказавшим свою благонадежность для направления их на фронт. Более четверти специалистов концентрировалось в ГУВУЗе. Безоговорочно кандидатами на должности начальников штабов дивизий и бригад подходили лишь 50 генштабистов и еще 25 — с определенными оговорками.

Шапошников считал, что Генерального штаба РККА «до сих пор фактически не существовало»¹. Числившихся в Генштабе он подразделил на три категории: 1) активных работников (тех, кто с первых дней вступил в РККА и принес в ее ряды максимальную пользу); 2) тех, кто в годы Гражданской войны находился в тылу и на нестроевых должностях, в основном в ГУВУЗе, возможно, преднамеренно уклоняясь от активной работы; 3) бывших белых.

Эти мысли перекликались с суждениями из датированного октябрём 1921 г. доклада состоявшего для поручений при начальнике Командного управления Штаба РККА, в котором отмечалось, что Генеральный штаб «состоит из трех резко различающихся между собой групп: первые две — это бывшие офицеры Генерального штаба, а именно: работавшие активно на красных фронтах и пребывавшие в тылу; третья группа — это лица, выпущенные из красной военной академии. Из этих трех групп вторая, т.е. те, которые пробыли в тылу все четыре года Гражданской войны, применены для непосредственной работы в войсковых штабах по разным причинам (отсталость от жизни, политическое несоответствие) могут быть лишь частично. Эта группа по своему количеству самая многочисленная. Две другие, значительно меньшие группы, естественно, не могут восполнить собой общего, даже минимального количества, потребного для замещения должностей

¹ Там же. Л. 32. Из предстоявшего третьего выпуска Академии Генштаба РККА 13 человек находились в командировках на фронте, один в ГУВУЗе, трое числились пропавшими без вести и пленными.

¹¹ Там же. Л. 38.

Генерального штаба Красной армии. Вместе с тем время не ждет. Каждый момент может вспыхнуть война, не гражданская, которая допускала кустарную постановку дела, а война с регулярными, обученными и подготовленными армиями одного из наших соседей»^I.

В одном из своих докладов Шапошников отметил «невозможность в полной мере использовать генштабистов, бывших у белых на службе»^{II}. Большие надежды докладчик возлагал на подготовку новых кадров в Академии Генштаба РККА^{III}. Однако их квалификацию оценивал скептически: «Число выпускаемых не столь велико (117 чел.) и выпускные не столь опытные, чтобы вопрос образования красного Генштаба можно было поставить в плоскость отказа от услуг лиц старого Генштаба и начала создания нового Генштаба с выпуска красных генштабистов 1921 года»^{IV}. Относительно небольшой размер выпуска был связан с массовым отчислением слушателей от академии, а также с событиями Гражданской войны, задержавшими обучение и выпуск. По некоторым данным, с дополнительного курса академии в 1921 г. было отчислено 118 человек^V.

О тех, кто находился не в строю, а на преподавательской работе, Шапошников писал: «Оставаясь в стороне от Гражданской войны, эти лица Генштаба являются отсталыми военспецами, не способными вести подготовку комсостава на уровне современных требований Красной армии»^{VI}. По мнению автора документа, эти лица лучше материально обеспечены, продолжительное время летом отдыхают, тогда как их нужно привлекать к лагерным сборам и направлять в войска. Им же была выдвинута идея создания особой комиссии для пересмотра списка «лиц Генштаба», а также проведения всех генштабистов через Высшую аттестационную комиссию. Итогом работы комиссии должно было стать издание окончательного списка Генерального штаба РККА, «который даст возможность судить о том, что следует предпринять, чтобы пополнить ряды Красного Генштаба, и как наилучшим образом использовать его»^{VII}. Был поставлен вопрос и о правильной организации службы Генштаба со строевыми цензами и постепенным назначением кандидатов на более высокие штабные должности.

Доклады Шапошникова были рассмотрены лишь в октябре 1921 г. Возможно, комментарии к одному из них составил начальник Штаба РККА П.П. Лебедев, который во многом был не согласен с докладчиком. Фактически в докладах и в комментариях был подведен своеобразный итог деятельности Генерального штаба в годы Гражданской войны. В комментариях к докладу Шапошникова было сказано, что «по Ген. штабу могут числиться только те, кто подает надежды сделаться красным генштабистом»^{VIII}. Отмечалось, что не следует исключать бывших белых из работы, так как многие из них работают особенно активно, однако гораздо важнее исключить тех «халупников» Генштаба, которые засели на пассивных

^I Там же. Л. 115.

^{II} Там же. Л. 32об.

^{III} Там же. Л. 32об.–33.

^{IV} Там же. Л. 38об.

^V Там же. Л. 209–212.

^{VI} Там же. Л. 39.

^{VII} Там же.

^{VIII} Там же. Л. 38.

должностях. За каждого из бывших белых предлагалось поручиться двум ответственным работникам. Составитель другого комментария, начальник Командного управления и военком В.Р. Бородулин, не видел разницы между бывшими белыми и теми, кто отсиживался на тыловых должностях, кроме того, в реалиях РККА он не видел различий между полноправными генштабистами и причисленными к Генштабу¹.

Сохранились подробные статистические выкладки о характере службы специалистов Генерального штаба РККА к концу Гражданской войны. Интересно, что в некоторых документах специалисты делились на активных и прочих. Кроме того, разделены они были и по годам выпусков – до 1906 г., 1907–1916 гг. и 1917 г. По-видимому, категория 1907–1916 гг. считалась наиболее ценной, энергичной и подготовленной.

Таблица 108

Распределение «лиц Генерального штаба», слушателей старой и красной академий Генштаба и академии Сибирского правительства по фронтам и тыловым учреждениям к 15 апреля 1921 г.»

Место службы	Старые генштабисты	Слушатели академии Генерального штаба
Штаб РККА с инспекциями, курсами разведки, военно-исторической комиссией	83	0
Западный фронт	40	10
Вооруженные силы на Украине	23	26
Кавказский фронт	46	13
Туркестанский фронт	17	9
Штаб помощника главнокомандующего по Сибири	14	22
Запасная армия республики и Приволжский военный округ	7	6
Беломорский военный округ	6	1
Заволжский военный округ	8	2
Киевский военный округ	27	11
Московский военный округ	10	13
Орловский военный округ	7	1
Петроградский военный округ	37	18
Приуральский военный округ	2	1
Харьковский военный округ	1	9
5-я армия и Восточно-Сибирский военный округ	2	16
ГУВУЗ	120	43
Всевобуч	9	2
РВСР	7	0
ЦУПВОСО при РВСР	15	2

¹ Там же. Л. 41об.

¹¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 12.

Место службы	Старые генштабисты	Слушатели академии Генерального штаба
Дипломатические представители за границей и представители пограничной контрольной комиссии	6	4
Академия Генерального штаба	41	1
Военно-морская инспекция	2	0
НКПС	1	0
Центральное управление снабжения	2	0
Штаб командующего морскими силами	2	0
Арестованные	23	0

По этим данным старых генштабистов насчитывалось 558, а слушателей – 210. Обратим внимание на то, что в ГУВУЗе концентрировались 120 старых специалистов, или 21,5% всех кадров старого Генштаба. Вместе с Академией Генерального штаба и Всевобучем военно-учебной деятельностью занимались 170 специалистов, или более 30%. На фронтах оставались 103 военспеца-генштабиста, в округах служили 100 старых специалистов. По-видимому, 282 старых специалиста (50,5%) служили в различных учреждениях в Москве. Арестованы были 4% старых специалистов.

Интересна диаграмма распределения «лиц Генштаба» по фронтам, округам и военным учреждениям к 1 мая 1921 г., в которой отмечены проценты и численность активных и прочих работников. Возможно, ее автором также был Шапошников. Эта диаграмма преобразована нами в таблицу 109.

Таблица 109

**Распределение «лиц Генштаба» по фронтам, округам и военным учреждениям
к 1 мая 1921 г.¹**

Местонахождение генштабистов	Активных	Прочих	Всего
РВСР, штаб ЦУПВОСО	75 (13,4 %)	30 (5,5 %)	105 (18,9 %)
Фронты	94 (16,9 %)	46 (8,2 %)	140 (25,1 %)
Округа	61 (11 %)	46 (8,2 %)	107 (19,2 %)
ГУВУЗ	29 (5,2 %)	91 (16,4 %)	120 (21,6 %)
Тыловые учреждения	22 (3,9 %)	41 (7,3 %)	63 (11,2 %)
Арестованы		23 (4 %)	23 (4 %)

Судя по этой раскладке, 49,6% генштабистов были отнесены к пассивным работникам, а настоящим средоточием «балласта» считались ГУВУЗ, тыловые учреждения, штабы округов и фронтов.

В докладе от 20 мая 1921 г. Шапошников писал, что «лица Генерального штаба должны непрерывно следить за развитием военно-научной мысли и способствовать

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 64.

прогрессу военного дела»^I. При этом он добавлял: «Взгляд, что генштабист должен знать все, сильно устарел. Универсальных специалистов никогда не было и не будет. Благодаря такому взгляду на них, мы имели к... войне [19]14–[19]18 г. самый большой по численности в мире Генштаб, но самый малый по своему удельному весу»^{II}.

Ситуацию с незамещенными должностями Генштаба к августу 1921 г. поясняет таблица 110.

Таблица 110

Незамещенные должности Генштаба к 11 августа 1921 г.^{III}

Наименование центральных учреждений, фронтов и округов	Всего незамещенных должностей Генштаба	Из них		
		Не замещено должностей Генштаба	Не замещено должностей с отметкой «может быть Генштаба»	Должностей, замещенных лицами не Генштаба
Штаб РККА	45	11	23	11
Западный фронт	47	15	15	18
Штаб всех вооруженных сил на Украине	36	12	24	
Отдельная Кавказская армия	32	32		
Туркестанский фронт	15	15		
Штаб помощника главнокомандующего по Сибири	47	47		
Приволжский военный округ	12	10	2	2
Киевский военный округ	32	32		
Московский военный округ	22	22		
Орловский военный округ	21	19	2	
Петроградский военный округ	26	26		26
Приуральский военный округ	29	29		
Харьковский военный округ	27	27		
Северо-Кавказский военный округ	40	40		8
Заволжский военный округ	19	19		
ГУВУЗ				
ЦУПВОСО	52	52		
Итого	502	408	66	65

Таким образом, число вакансий по Генеральному штабу было очень велико. В связи с некомплектом предпринимались экстраординарные меры. В условиях нехватки специалистов Генштаба руководство РККА не отказывалось и от использования кадров, подготовленных противником или ранее служивших у белых.

^I Там же. Л. 82.

^{II} Там же.

^{III} Там же. Л. 113об.

К примеру, с мая 1922 г. по Генеральному штабу в РККА официально числились даже бывшие офицеры, причисленные к нему в белой Сибири¹.

Таблица 111

Использование кадров Генерального штаба РККА по данным на 23 ноября 1921 г.²

Место службы	Лиц Генштаба выпуска до 1917 г.	Лиц Генштаба, окончивших сокращенный курс академии 1917 г.	Окончивших Военную академию в 1921 г.	Слушателей Военной академии РККА	Окончивших академию Сибирского правительства	Слушателей академии Сибирского правительства	Слушателей старой академии	Итого
В полевых войсках	167	38	61		6	17	75	364
Штаб РККА	60	11	8					79
ЦУПВОСО	12		6				2	20
Инспекция кавалерии	2		1					3
Инспекция пехоты	5		2					7
Военно-дипломатические представители	5							5
Военно-историческая комиссия	5							5
Всевобуч	10	1				1		12
Военная академия РККА	44	5	3	360			1	413
ГУВУЗ	105	17	9		3	13	14	163 (161)
УкрВУЗ	27	2						29
ГВИУ	1							1
Военно-морская инспекция	2		3					5
НКПС	1							1
ЦУС	1							1
ВСНХ	1							1
Штаморси ³	1							1

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 35.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 11. В круглых скобках уточненные данные.

³ Штаб морских сил.

Место службы	Лиц Генштаба выпуска до 1917 г.	Лиц Генштаба, окончивших сокращенный курс академии 1917 г.	Окончивших Военную академию в 1921 г.	Слушателей Военной академии РККА	Окончивших академию Сибирского правительства	Слушателей Сибирского правительства	Слушателей старой академии	Итого
Гукон ^I	2							2
Главвоздухофлот ^{II}	1		1					2
Арестовано	29	3						32
Итого	481 (в другом варианте 488)	77 (в другом варианте 78)	94	360	9	32 (31)	92	1153 (сумма по разным столбцам дает 1145 и 1146; в другом варианте 1143)

Согласно данным таблицы 111, к 23 ноября 1921 г. в РККА имелись 573 слушателя и выпускника старой академии мирного времени, 77 курсовиков, 40–41 курсовик сибирской академии и 94 выпускника Академии Генштаба РККА. Всего, таким образом, 691 специалист, так или иначе связанный со старой академией.

Практически на ту же дату были подготовлены несколько иные статистические выкладки, которые приведены в таблице 112.

Таблица 112

**Распределение кадров Генштаба РККА
(исключая выпускников Военной академии РККА) к 25 ноября 1921 г.^{III}**

Место службы	Старых генштабистов	Слушателей	Белых
В полевых войсках	266 (40,3 %)	98 (19,7 %)	43 (3,7 %)
Штаб РККА, военно-историческая комиссия, инспекции	91		3
ЦУПВОСО	18	2	
Военно-дипломатические представители	5		
Всевобуч	11	1	4

^I Главное управление коневодства и коннозаводства.

^{II} Главное управление Рабоче-крестьянского Красного военно-воздушного флота.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 11. Л. 8, 13.

Место службы	Старых генштабистов	Слушателей	Белых
Военная академия	52		6
ГУВУЗ	131 (19,8 %)	30 (6,1 %)	16 (1,4 %)
УкрВУЗ	29		1
ГВИУ	1		
Военно-морская инспекция	5		
НКПС	1		
ЦУС	1		
ВСНХ	1		
Штаморси	1		
Гукон	2		1
Главвоздухофлот	2		
Арестовано	32		9
Состоящие в РВСР	6		1
В распоряжении СНК	1		
Итого	656	131	84

По этим данным в РККА насчитывался 871 специалист Генштаба, не считая выпускников Военной академии РККА. Среди специалистов были 656 выпускников старой академии, 131 курсовик и 84 бывших белых.

Показательны данные по военным округам. На декабрь 1921 г. в Московском военном округе и подведомственных ему учреждениях состояли 11 выпускников старой академии, а также один выпускник красной академии. Лишь два работника служили с 1919 г. и один – с 1920 г., остальные – с 1921 г., причем в основном со второй половины года¹ Таким образом, ротация кадров была очень интенсивной.

По данным на июнь 1921 г., ситуация с кадрами Генштаба РККА на Кавказе была следующей (табл. 113).

Таблица 113

**Кадры Генштаба РККА в Северо-Кавказском военном округе (СКВО)
и в Отдельной Кавказской армии на июнь 1921 г.^{II}**

Место службы	Занято	Вакантно
Штаб СКВО	2	13
Части СКВО		27
В резерве СКВО		3
Штаб Отдельной Кавказской армии	7	8
1-й Кавказский корпус		7
2-й Кавказский корпус	1	5

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 340. Л. 5.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 2. Итоговые цифры исправлены.

Место службы	Занято	Вакантно
В отдельных дивизиях		12
Всего в армии	8	32
Всего на Кавказе	18	107

Дальнейшее военное строительство в Закавказье развивалось не без сложностей. В ноябре 1921 г. армянская Красная армия была переформирована в сводную бригаду. Затем реорганизация продолжалась. Штаб Армянской стрелковой дивизии (переформирована из Армянской сводной бригады 5 сентября 1922 г.) был объединен со штабом Наркомата по военным делам ССР Армении, в результате чего полевой штаб дивизии приобрел еще и функции тылового учреждения, оказался втянут в решение вопросов мобилизации и укомплектования в ущерб оперативной работе. В ноябре 1922 г. армянский наркомат даже предлагал реорганизовать Отдельную Кавказскую армию (бывшую 11-ю, преобразована 29 мая 1921 г.), введя в ней корпусную структуру по республикам. Командир корпуса совмещал бы этот пост с должностью наркома по военным делам¹.

Анализ приказов РВСР по личному составу армии показал, что увольнения военспецов-генштабистов начались уже в 1921 г., приобретая массовый характер к 1923–1924 гг. Военспецов, как правило, увольняли в бессрочный отпуск или переводили в резерв при Штабе РККА, отстраняя от активной службы. Всего были уволены десятки человек.

Некоторые бывшие белые офицеры вынужденно покидали армию, будучи лишены пайка и содержания. Так, бывший курсовик-деникинец П.А. Сергеев, числившийся в резерве, писал 15 марта 1923 г. в рапорте начальнику командного отдела Штаба РККА: «Ввиду того, что мне теперь не дают ни пайка, ни содержания, мне не на что существовать, и я принужден поступить на гражданскую службу, а для этого требуются документы о моей демобилизации из Красной армии, почему прошу Вашего распоряжения о производстве таковой.

Если же ходатайство о назначении меня штатным преподавателем по ГУВУЗ увенчается успехом, то я предполагаю поступить на службу добровольцем»².

Те, кто не мог устроиться на службу или подлежал увольнению, порой находились в тяжелейшем положении и были вынуждены, по сути, выживать. Например, бывший полковник И.А. Антипин, ранее служивший в РККА и у белых на Восточном фронте, после пленения весной 1920 г. оказался под арестом, затем освобожден и попал в Москву. С конца декабря 1920 по апрель 1921 г. он занимался разгрузкой дров на вокзалах, позднее до февраля 1928 г. работал в различных государственных учреждениях на низкооплачиваемых должностях, после чего восемь месяцев являлся безработным, а с октября 1928 г. трудился агентом-товароведом московского представительства персидско-советской рыбопромышленной компании (Персрыба)³. В 1931 г. офицера расстреляли по делу «Весна».

¹ НАА (ПА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 19. Л. 136.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 324. Л. 121.

³ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 151 (207). Л. 47об.–38.

Увольнения не привели к отбору и сохранению в армии наиболее квалифицированных штабных работников. Наоборот, как отмечал в своем рапорте начальнику Штаба РККА начальник штаба Туркестанского фронта Ф.П. Шафалович 25 ноября 1922 г., «производимое одновременно с уменьшением численности армии сокращение штабов не дало в результате отбора наиболее ценных и опытных штабных работников. Наоборот, в связи с выходом приказов по РВСР об увольнении в бессрочный отпуск по предельному возрасту из армии ушел целый ряд энергичных и опытных работников, вследствие полной материальной необеспеченности. Сокращение численности штабов и наличие малоопытных работников, находящихся к тому же в чрезвычайно тяжелых материальных условиях, крайне неблагоприятно отражается на работе. Наблюдается чрезвычайная медленность исполнения и большие перебои и промахи. Кроме того, происходит перераспределение работы; работа начальников отделений выполняется начальниками отделов, а работа этих последних — начальниками управлений... положение с личным составом в штабах на основании изложенного сильно ухудшилось, и в настоящее время ряд высших должностей замещен или не соответствующими своему назначению, слабыми работниками, или же сотруddниками, больными малярией и требующими перемены климата»^I. Далее Шафалович просил прислать ему специалистов на должности начальников отделов штаба фронта (оперативного, по подготовке и службе войск, организационного, мобилизационного), помощника начальника мобилизационного отдела штаба фронта, двух начальников отделений штаба фронта (в мобилизационный отдел), четырех начальников штабов стрелковых дивизий, двух начальников штабов кавалерийских бригад, начальника штаба крепости Кушка. Всего Туркестанскому фронту требовалось 14 специалистов.

Таким образом, РККА утратила часть старых спецов, но повышения качества комсостава не произошло. В армии сохранялся серьезный некомплект кадров Генштаба. Так, по данным на ноябрь 1922 г., в Восточно-Сибирском военном округе некомплект таких работников достигал 39 человек, тогда как в наличии имелся лишь один специалист^{II}. В органах военных сообщений на 1921 г. работали 14 генштабистов, а некомплект составлял 53 человека, или 79%^{III}.

По итогам Гражданской войны стали обсуждаться различные проекты радикального преобразования Красной армии, в том числе и Генерального штаба. Так, командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский, переведенный в Генеральный штаб за революционные заслуги и не имевший необходимого образования, в июле 1921 г. составил записку «Необходимость немедленного создания красного Генерального штаба»^{IV}. В этом документе он указывал, что «в своей массе красный Генеральный штаб должен быть коммунистическим, и это необходимо провести в жизнь срочно, хотя бы и не доводя его сразу же до желаемого совершенства в военно-техническом отношении»^V. Нет необходимости пояснять,

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 13.

^{II} Там же. Л. 11.

^{III} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 22–22об.

^{IV} Публикацию документа см.: Войтиков С. С. Документы Михаила Тухачевского // Военно-исторический архив. 2009. № 11 (119). С. 56–60; Его же. Армия и власть: Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016. С. 633–636. Частично опубл. в: Шило Н. И., Глушко А. В. Маршал Тухачевский. С. 683–685.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 93.

что подобный «идейно правильный» взгляд молодого красного полководца был совершенно несостоятелен в профессиональном плане. Но вполне возможно, что за идеей отстранения старых генштабистов скрывались какие-то устремления самого Тухачевского, которого подозревали в бонапартизме. Быть может, в лице старых генштабистов он видел конкурентов в борьбе за власть в армии. Известно, что Тухачевский и ранее (например, в конце 1919 г.) пытался устранить беспартийных военспецов из командного состава^I.

По расчетам Тухачевского, для 32 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, а также 25 отдельных стрелковых бригад мирного времени армии требовались 46 начальников дивизионных штабов, 92 их помощника, 145 начальников бригадных штабов, 290 их помощников – всего 573 специалиста. Для замещения этих должностей имелось 106 старых генштабистов. В военное время нужно было 1056 генштабистов для 60 стрелковых и 28 кавалерийских дивизий (88 начальников дивизионных штабов, 176 их помощников, 264 начальника бригадных штабов и 528 их помощников). Для срочного заполнения к войне 950 вакансий, по мысли Тухачевского, требовались экстренные меры. Он считал, что выпуски из Академии Генштаба позволят в 1923 г. устранить некомплект мирного времени, но для устранения некомплекта военного времени предлагалось осуществить ускоренную подготовку кадров на курсах штабной службы. Будущий маршал пафосно резюмировал: «В революционную эпоху как создание армии, так, конечно, и создание Генерального штаба – есть дело не эволюционное, а революционное»^{II}. Впрочем, этот проект реализован не был.

29 ноября 1921 г. на заседании РВСР обсуждались прямо противоположные предложениям Тухачевского идеи борьбы с внутренней замкнутой коммунистической военной кастой, причем отмечалось, что ценз партийности для занятия штабных должностей не предполагается^{III}. Таким образом, сохранялись прежние установки на использование в штабной работе беспартийных военспецов.

По данным на июль 1922 г., назначения по Генштабу утверждались РВСР по представлению Штаба РККА. 10 августа 1922 г. приказом РВСР № 1904 его бессменный председатель Л. Д. Троцкий упразднил само определение «Генеральный штаб» в Красной армии. Очевидно, это делалось для снижения корпоративного духа генштабистов. Явно понижался и статус кадров Генштаба. Бывшие генштабисты теперь стали именоваться «лицами с высшим общим военным образованием»^{IV}. Это преобразование, важное с точки зрения единства командного состава и подавления корпоративизма в нем, имело и отрицательные последствия. Так, например, вместо прежних документальных указаний на генштабистов в виде приставки «Генштаба» перед фамилией теперь появилась сложно употребляемая формулировка «с высшим общим военным образованием» такой-то (в отдельных документах встречалось сокращение – специалист с ВОВО (высшим общим военным образованием)^V). Невозможность употребления подобных терминов

^I См., напр.: Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 27–30.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 263. Л. 95об.

^{III} Там же. Л. 144.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 8.

^V РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 152об.

в документообороте могла вести и к несоответствующим назначениям. Приказом РВСР № 2549 от 23 ноября 1923 г. из этого определения убрали слово «общим»^I.

Вопрос о том, кого считать лицами с высшим общим военным образованием, периодически оказывался на повестке дня руководства РККА. После Октябрьской революции прежние критерии отнесения тех или иных специалистов к категории генштабистов оказались размыты, в результате чего к генштабистам в РККА стали относить всех, так или иначе связанных с учебой в старой академии, даже если эта учеба была кратковременной или неудачной. Актуальность вопроса возросла после того, как в 1921–1922 гг. состоялись первые выпуски Военной академии РККА. Новые красные генштабисты отучились в академии три года. После этих выпусков ценность генштабистов старой школы и их значение в комсоставе РККА начали снижаться. В первую очередь это касалось не вполне подготовленных специалистов из числа выпускников ускоренных курсов старой академии периода 1916–1919 гг. Вопрос о том, можно ли их считать полноценными специалистами с высшим общим военным образованием, серьезно обсуждался в Штабе РККА весной 1923 г.^{II}

В отделе по командному составу Штаба РККА в мае 1923 г. была подготовлена справка, в которой отмечалось, что «войной 1914–1918 гг. нормальный порядок выпусков из Николаевской военной академии оказался нарушен, начался выпуск из нее краткосрочный, а также, принимая во внимание, что выпуски происходили по 1[-му] и 2[-му] разрядам с откомандированием по окончании академии в свои части без причисления к Генеральному штабу, на местах могут быть различные толкования: “Кого же считать лицами с высшим общим военным образованием”»^{III}. Командный отдел в мае 1923 г. подготовил специальное разъяснение по этому вопросу, включенное в циркуляр Наркомата по военным делам № 114 от 29 июня 1923 г.

Лицами с высшим общим военным образованием, согласно циркуляру, считались^{IV}:

а) окончившие полный курс с дополнительным по 1-му и 2-му разрядам Николаевской академии Генерального штаба и Николаевской военной академии до 1914 г. включительно, как причисленные, так и не причисленные к Генеральному штабу;

б) окончившие в тех же академиях и до того же года младший и старший курсы по 1-му и 2-му разрядам, как причисленные, так и не причисленные к Генеральному штабу;

в) окончившие 1-й курс академии в мирное время и 2-й курс в 1916 г., переведенные в Генеральный штаб приказом армии и флоту от 14 сентября 1917 г. (выпуск 1916 г.);

г) окончившие 1-й курс академии в 1916–1917 гг. и 2-й курс в 1917–1918 гг. до пленения (как указывалось в документе) Николаевской академии чехословаками в 1918 г., причисленные к Генеральному штабу приказом по Генеральному штабу № 22 от 23 марта 1918 г. (выпуск 1917 г.);

д) переведенные и причисленные к Генеральному штабу в порядке приказа РВСР № 1944 от 1919 г.;

^I РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 77.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 57.

^{III} Там же. Л. 121.

^{IV} Там же. Л. 123–123об.

е) причисленные и переведенные в Генеральный штаб отдельными приказами и постановлениями РВСР;

ж) выпущенные нормально из Военной академии РККА в 1921 и 1922 гг.;

з) все впредь выпускаемые нормально из Военной академии РККА.

В документе не были указаны выпускники ускоренных курсов академии в белой Сибири, при том, что, оказавшись в советском плену, многие из них поступили в РККА и использовались в качестве специалистов Генштаба. Ничего не говорилось в циркуляре и о тех, кто окончил не два ускоренных курса академии в 1917–1918 гг., а один. Не касался документ и выпускников иностранных академий. Таким образом, полного разъяснения не получалось.

Еще в мае 1922 г. начальник Штаба РККА П.П. Лебедев сообщал, что «причисленных к Генеральному штабу Сибирским правительством считать по Генер[альному] штабу»¹. Не включенные в циркуляр категории выпускников академии ранее не были включены и в изданный типографским способом «Список лиц с высшим общим военным образованием», составленный к 1 марта 1923 г. О том, что отдельных иностранных генштабистов (например, заведующего сектором 2-го отделения информационно-статистической части разведотдела Штаба РККА В.В. Лобковича) не следует вносить в список, сохранилась особая переписка². В то же время можно говорить о том, что немногочисленные выпускники иностранных академий не были приняты корпорацией генштабистов, сложившейся в РККА.

Данные о командном и административном составе РККА за 1922 г. были следующими (табл. 114).

Таблица 114

Командный и административный состав РККА в 1922 г.³

Год рождения	Число лиц	В % отношении
1850–1854	1	0,001 %
1855–1859		
1860–1864	49	0,054 %
1865–1869	90	0,098 %
1870–1874	215	0,233 %
1875–1879	363	0,394 %
1880–1884	1102	1,086 %
1885–1889	4288	4,702 %
1890–1894	12 508	13,549 %
1895–1899	52 520	56,921 %
1900–1904	21 182	22,946 %
1905	14	0,016 %
Итого	92 332	100 %

Согласно таблице 114, комсостав Красной армии был очень молодым: 93,4% командно-административного состава РККА в 1922 г. находились в возрасте 18–32 лет,

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 187. Л. 35.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 412. Л. 20.

³ Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 91.

в том числе около 57 % в возрасте 23–27 лет. По данным отчета Наркомата по военным и морским делам, в 1922 г. в РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до 14 июля 1914 г. (5,1 % комсостава), 16 592 офицера военного времени (17,97 %), 39 896 командиров без военной подготовки (43,21 %), 220 выпускников военных академий (0,23 %), 2372 выпускника высших школ (2,57 %), 12 752 выпускника школ и курсов комсостава (13,82 %)^I. Отсюда следует, что в конце Гражданской войны военных специалистов оставалось не более 23 % комсостава (по другим данным – 27,7 %^{III}).

Доля бывших офицеров в командном составе РККА постепенно снижалась. Если в 1918 г. они составляли 75 % комсостава, то в 1919 г. – уже 53 %, в 1920 г. – 42 % и в конце 1921 г. – 34 %. У этого процесса были объективные (подготовка новых кадров красных командиров, преклонный возраст некоторых военспецов) и субъективные причины (очищение командно-начальствующего состава от «классово чуждых» элементов и репрессии). Некоторые бывшие офицеры в 1920-е гг. легально и нелегально уехали из Советской России за рубеж.

К 1 марта 1923 г. в РККА числилось не менее 473 выпускников и слушателей старой академии^{IV}, но их уже начинали теснить выпускники Военной академии РККА (221 специалист). В органах центрального военного и гражданского управления служили 77 выпускников старой академии и 19 выпускников новой. В военных округах – 35 и 78 соответственно (в последнем случае речь шла о стажировках), на фронтах – 14 и 10, в штабах армий – 21 и 9, в корпусах – 11 и 13, в дивизиях – 9 и 21, на железных дорогах – 4 и 3. В бригадах – 4 выпускника старой академии, на строевых должностях – 9 выпускников новой академии, в крепостях, авиации и на флоте – по одному выпускнику старой академии, в органах местного военного и гражданского управления – 45 выпускников старой академии и 2 – новой, в органах ГПУ (войска) – 1 и 16 соответственно. Трое выпускников старой академии служили военными представителями за рубежом или входили в пограничные миссии. Два выпускника красной академии служили в Дальневосточной республике. Под арестом находились двое выпускников старой академии. Однако самым значимым показателем является численность выпускников в военно-учебных заведениях. Выпускников старой академии в них служило 243, выпускников и слушателей новой – 39 (часть доучивалась в академии). Таким образом, в военно-учебных заведениях служили более 51 % всех военспецов, окончивших старую академию.

Помимо большого количества специалистов, служивших в военно-учебных заведениях, часть сотрудников центральных и местных органов военного управления также курировала вопросы военного образования и подготовки в соответствующих

^I Эти данные не соответствуют действительности. В «Списке лиц с высшим общим военным образованием» к 1 августа 1922 г. приведены поименные данные на числившихся в РККА 559 выпускников военных академий, а также 23 переведенных в Генштаб или причисленных к нему, в том числе без обучения в академии (*Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба... С. 84).

^{II} Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. С. 92.

^{III} *Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1924. Т. 3, кн. 1: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы. С. 276.

^{IV} Подсчитано по: Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923.

учреждениях. Если пересчитать всех занимавших посты в различных органах военного управления, но отвечавших за вопросы военного обучения, таковых окажется не менее 298, или 63 %. Таким образом, значительная часть выпускников старой академии уже к весне 1923 г. концентрировалась в военно-учебных заведениях и на должностях в сфере военного образования.

Что касается выпускников Военной академии РККА 1922 г., многие из них тогда проходили стажировки в войсках, занимая строевые должности (обычно командиров рот, эскадронов, батальонов и т.д.). Некоторые же продолжали обучение в академии. Среди фигурантов списка встречались и те, кто занимал должности не по специальности. Например, бывший капитан С.С. Любинский служил управляющим делами Рязанского губернского отдела коммунального хозяйства, а бывший подполковник А.П. Медведев по-прежнему возглавлял автобазу СНК.

Попробуем на основе материалов общих списков проследить динамику перехода выпускников старой академии на должности по военно-учебным заведениям (табл. 115).

Таблица 115

**Динамика перехода выпускников Военной академии на службу
по военно-учебным заведениям**

Год	Выпускников старой академии	Из них служили по военно-учебным заведениям	% служивших по военно-учебным заведениям
1918	486	12	2,4
1919	417	54	13
1920	407	82	20
1923	473	243	51

Таким образом, с 1920 по 1923 г. численность выпускников старой академии в военно-учебных заведениях выросла примерно втрое. Необходимо учитывать, что сеть военно-учебных заведений в Советской России также кратно выросла: в 1919 г. по сравнению с 1918 г. на 336 %, в 1920 г. — на 493 %, в 1921 г. — на 1221 % и в 1922 г. — на 1621 %¹. Соответственно, требовалось заполнять возникшие вакансии специалистами.

Как бы то ни было, приведенные в таблице 115 данные отражают процессы сокращения РККА и постепенного перевода старых специалистов с руководящих постов на второстепенную работу. К этому следует добавить, что пребывание на военно-учебной работе являлось одним из вариантов уклонения от вовлечения в Гражданскую войну. Например, бывший полковник В.Н. Цедерберг с октября 1915 по март 1920 г. занимал пост инспектора классов Иркутского кадетского корпуса при всех режимах, сменившихся за это время в городе².

По данным справки командного отдела Штаба РККА на февраль 1923 г., по штатам в армии существовало 1183 должности для замещения лицами с высшим общим военным образованием. Если считать, что должности начальников войсковых

¹ РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 51. Л. 1об. — 2.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 930. Л. 26.

соединений и хотя бы 50 % должностей командиров полков должны были быть замещены ими же, то потребность в кадрах Генштаба составляла 1458 человек. Между тем в РККА и в войсках ГПУ насчитывался 721 человек с высшим общим военным образованием: 501 выпускник Николаевской академии, 92 выпускника Военной академии РККА 1921 г. и 128 выпускников 1922 г. Таким образом, выпускники старой академии после Гражданской войны составляли 69,5 % кадров Генштаба РККА. Только 318 специалистов находились на соответствующих должностях, 103 человека (из выпускников Военной академии РККА) стажировались, а остающиеся 300 замещали должности, не подлежавшие замещению лицами с высшим общим военным образованием. Таким образом, 1140 должностей (при расчете от потребности в 1458 должностей), которые должны были замещаться генштабистами, занимались несоответствующими лицами. На трех курсах Военной академии обучались еще 328 человек. Убыль слушателей составляла до 25 %. К сентябрю 1925 г. руководство РККА рассчитывало на выпуск 246 слушателей. Естественная убыль кадров Генштаба составляла примерно 10 % за два года¹, ее планировалось восполнять выпускниками Военной академии РККА, ежегодные выпуски которой должны были равняться 90–95 специалистам.

Итак, период с конца 1920 до конца 1922 г. для выпускников старой академии в РККА предопределялся несколькими моментами. Прежде всего, сокращением армии, которое вело и к сокращению командного состава. В Красной армии возник новый руководящий орган – Штаб РККА. Тем не менее руководство военного ведомства, как политическое в лице Л.Д. Троцкого и Э.М. Склянского, так и техническое в лице военных специалистов (прежде всего, главкома С.С. Каменева и начальника ПШ РВСР П.П. Лебедева, ставшего начальником Штаба РККА), сохранило свои позиции. Чтобы не поощрять корпоративизм Генерального штаба, в 1922 г. это понятие было выведено из употребления, а выпускников академии стали именовать лицами с высшим общим военным образованием. Продолжал сохраняться дефицит высокообразованных специалистов. Кроме того, заметной тенденцией стал переход генштабистов на тыловую и военно-педагогическую работу (на 1923 г. в сфере военной педагогики работало втрое больше выпускников старой академии, чем в 1920 г., или 51 % от общего количества). В этот же период стала особенно заметна неоднородность кадров Генштаба РККА. Выделились несколько отличавшихся друг от друга групп. Прежде всего, коренные специалисты Красной армии, прослужившие в ней всю Гражданскую войну и не участвовавшие в антибольшевистском движении. Другой группой являлись бывшие белые офицеры или офицеры иных антибольшевистских армий, в том числе получившие высшее военное образование в лагере противников Советской России. Сохранялось и прежнее разделение на окончивших полный курс академии мирного времени и курсовиков, хотя острота такого разделения на фоне новых вызовов времени постепенно снижалась. Менее значимым также стало деление на успешно и неуспешно окончивших старую академию.

Наконец, в связи с первыми выпусками из Военной академии РККА в 1921–1922 гг. возникла третья группа – красных генштабистов. Последние, среди которых

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 398. Л. 44.

было много членов РКП(б), стремились за счет принадлежности к правящей партии и лояльности занять значимое положение в военной элите, потеснив старых специалистов.

Также в РККА было незначительное количество иностранных генштабистов и несколько военных деятелей, оказавшихся в Генштабе без обучения в академии за революционные заслуги на фронтах Гражданской войны. Наконец, в Советской России функционировали различные школы и курсы, повышавшие квалификацию комсостава для службы в штабах. Их выпускники, хотя и не относились к категории генштабистов, тоже составляли обособленную группу штабных работников.

Представители первых двух групп (коренные генштабисты РККА и бывшие антибольшевики) занимали многие ключевые посты в армии. Их преимуществом были опыт и знания, но, с другой стороны, положение этих групп было не вполне устойчивым, поскольку все они считались буржуазными специалистами. Что касается ветеранов антибольшевистских армий в рядах РККА, то они и вовсе могли восприниматься как скрытые враги. Вследствие этого военспецы-генштабисты в эти годы не проявляли заметной общественно-политической активности. Иначе обстояло дело с красными генштабистами, но решающие столкновения на почве статуса «академиков» были еще впереди.

§ 3. Положение военспецов-генштабистов в СССР

Несмотря на завершение Гражданской войны, международная обстановка вокруг СССР в условиях враждебного окружения и изоляции оставалась крайне напряженной. Регулярно возникали «военные тревоги», когда резко возрастала угроза новой полномасштабной войны и интервенции. Потерпевшие поражение белые не оставляли надежд на военный реванш, который был возможен в союзе с иностранными государствами. В советском обществе еще были свежи воспоминания о дореволюционных порядках, распространялись антисоветские настроения и недовольство властями. В партийном руководстве шла борьба, приведшая к установлению единоличной диктатуры и к запрету каких-либо дискуссий. Красная армия и ее командный состав не оставались в стороне от всех этих процессов и явлений.

В 1923 г. СССР в военно-административном отношении делился на два фронта (Западный (в 1924 г. переименован в округ) и Туркестанский (преобразован в Среднеазиатский военный округ в 1926 г.)) и шесть военных округов (Московский, Петроградский, Приволжский, Украинский, Северо-Кавказский и Западно-Сибирский (позднее — Сибирский)). РВСР 28 августа 1923 г. был преобразован в РВС СССР.

Еще в период Гражданской войны военспецы и большевистские военные руководители активно обсуждали преобразования, осуществлявшиеся в Красной армии, в частности, вопрос перехода к милиционной армии. Первые территориальные дивизии появились в ряде военных округов в 1923 г.

После завершения широкомасштабной Гражданской войны, в 1921–1922 гг., в большевистском военно-политическом руководстве разгорелась дискуссия

о необходимости военной доктрины для Красной армии и Советской России¹. Обсуждение было бурным, причем одним из активных участников дискуссии был председатель РВСР Л. Д. Троцкий, выступавший против единой военной доктрины. Оппонентом Троцкого был видный партийный деятель С. И. Гусев. Участвовали в обсуждении и военспецы. Последние, в частности А. А. Свечин и Б. М. Шапошников, высказывали сомнения относительно возможности введения подобной доктрины в революционную эпоху, боролись против политизации этого вопроса. Сам факт участия военспецов в дискуссии, в которую были вовлечены и партийные руководители РККА, свидетельствует об их значительном весе в военной сфере, который пока сохранялся. С мнением военспецов считались на самом высоком уровне.

Как и в разгар Гражданской войны, продолжал дискутироваться вопрос о Генеральном штабе. Многие генштабисты грезили утопическими милитаристскими идеями сильного Генерального штаба, контролировавшего ключевые стороны государственного управления. Эти мечты не удалось реализовать до революции, а в советских условиях при однопартийной диктатуре и недоверии большевиков к «бывшим» они стали и вовсе невозможны. Дискуссия не была напрасной, хотя и не отразилась на каких-либо преобразованиях того времени. В 1925 г. в структуре Штаба РККА было создано управление по исследованию и использованию опыта войны (позднее – Военно-научное управление Генерального штаба).

Размышления о роли Генштаба повлияли на Б. М. Шапошникова, опубликовавшего в 1927–1929 гг. свой фундаментальный трехтомный труд «Мозг армии», посвященный Генеральному штабу эпохи Первой мировой войны. Эта работа оказала существенное влияние на советскую военную мысль. Интересно, что в 1929 г. ветераны Белого движения – члены Общества русских офицеров Генерального штаба в Югославии выписали труд Шапошникова в свою библиотеку, причем возник ажиотажный спрос: на октябрь 1929 г. на прочтение книги была очередь из 12 человек². Сам Шапошников также интересовался военной мыслью эмиграции и через Разведупр РККА запрашивал эмигрантские военные издания³.

В своем исследовании Шапошников определил компетенции центрального военного аппарата. В какой-то мере под влиянием его труда в конечном итоге Штаб РККА 22 сентября 1935 г. постановлением СНК СССР был преобразован в Генеральный штаб РККА, вошедший в состав Наркомата обороны СССР.

В период от Гражданской до Великой Отечественной войны Штаб РККА и Генеральный штаб РККА возглавляли: П. П. Лебедев (1921–1924 гг.), М. В. Фрунзе (1924–1925 гг.), С. С. Каменев (1925 г.), М. Н. Тухачевский (1925–1928 гг.), Б. М. Шапошников (1928–1931 гг.; 1937–1940 гг.), А. И. Егоров (1931–1937 гг.), К. А. Мерецков (1940–1941 гг.), Г. К. Жуков (1941 г.). Из восьми человек трое были военспецами-генштабистами. В общей сложности из рассмотренного временного промежутка в 21 год они

¹ Публикацию материалов этой и других дискуссий о военной доктрине см.: Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов. М., 1994.

² ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 14. Л. 70, 84.

³ РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 176. Л. 32.

руководили этим органом около 10 лет, причем Шапошников занимал пост дважды, что свидетельствует о доверии к нему советского лидера И.В. Сталина. Судя по всему, именно Шапошников во второй половине 1930-х гг. стал одним из ключевых военных советников Сталина. Позднее бывшие военспецы-генштабисты во главе этого органа в силу возрастных причин и структурных изменений в военной элите Красной армии не находились.

После завершения наиболее острой фазы Гражданской войны значение РВСР (РВС СССР) уменьшилось. На протяжении всего 1923 г. совет провел только 19 заседаний¹. Его работа была сосредоточена по-прежнему в руках заместителя председателя Э.М. Склянского как политического руководителя, а также в руках начальника ПШ РВСР (июль 1919 – февраль 1921 г.), а затем начальника Штаба РККА (февраль 1921 – апрель 1924 г.) П.П. Лебедева как технического руководителя армии. Троцкий в этот период из-за перегруженности делами и по состоянию здоровья не мог уделять достаточно внимания военной работе, а его заместитель Склянский не пользовался таким авторитетом в РККА.

Окончание Гражданской войны выдвинуло на повестку вопрос о дальнейшей службе военных специалистов (в том числе генштабистов) в рядах РККА. Управление Красной армией по-прежнему представляло собой сложную систему из созданных революцией органов политического контроля и близких к дореволюционным штабных структур². Должного единства или однородности командного состава не было, что порождало противоречия и конфликты. Так, по воспоминаниям слушателя красной академии К.А. Мерецкова, в 1924 г. начальник штаба Московского военного округа, в прошлом курсовик А.М. Перемытов жаловался командующему округом К.Е. Ворошилову на начальников отделов – бывших генералов, которые «когда он, Перемытов... вносит какую-либо идею... кривят презрительно губы и пытаются саботировать ее, дескать, этот выскочка, ходивший в нашем подчинении, теперь тщится что-то такое нам показать; а на Мерецкова они смотрят как на человека, выдвинутого революцией, и спокойно ему подчиняются»³.

В один из конфликтов в феврале 1923 г. оказался вовлечен будущий маршал С.К. Тимошенко. Начальник политотдела 4-й Петроградской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии будущий генерал А.В. Хрулев писал К.Е. Ворошилову: «24 февраля отстранен от должности нач[альника] штаба быв[ший] генштабист [Н.Н.] Шварц. Причина отстранения – натравливание Шварцем [С.К.] Тимошенко на меня как на комиссара дивизии и вообще антикомиссарское поведение Шварца, что особенно вредно в дивизии, ибо Тимошенко ведь и сам всей душою ненавидит политработников.

Работа самого Шварца не имела бы никакого значения, если бы это не было связано с прежним поведением Тимошенко.

Тимошенко сейчас встал на дыбы и намерен ехать к командарму просить снова убрать от него комиссара или забрать его из дивизии, мотивируя тем, что в таких

¹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 58. Уточнено по: Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 366–369.

² Benvenuti F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 2008. P. 212.

³ Мерецков К. А. На службе народу. М., 2003. С. 85.

условиях, когда никто не хочет исполнять распоряжений без санкции комиссара и постоянного контроля со стороны комиссара, он работать не может. Причем особенно жалуется на Особый отдел»^I.

В то же время партийное руководство не могло всецело доверять не только военспецам-генштабистам, но и своим соратникам по партии – слушателям красной академии. В 1921 г. двое слушателей академии, члены РКП(б) З.Ф. Абрамов и К.Е. Шомполонский (Шемполонский), создали контрреволюционную организацию «Донская повстанческая армия» из девяти подпольных единиц (полков), командовал которой еще один слушатель академии, коммунист с 1918 г. и начальник штаба 14-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии по кличке Орленок. По некоторым данным, Орленком был сам Абрамов^{II}, однако указанные факты биографии (членство в партии с 1918 г. и должность начальника штаба 14-й кавалерийской дивизии) имел сокурсник Абрамова и Шомполонского – С.М. Савицкий. Так или иначе, эта группа примыкала к рабочей оппозиции в РКП(б) во главе с В.Л. Панюшкиным и готовилась к активным диверсионным действиям против большевиков^{III}. Организация была раскрыта Особым отделом ВЧК в 1921 г.

Вопрос о военспецах был составной частью более общего вопроса о соотношении в РККА старых спецов и новых краскомов, а также стал, как и в годы Гражданской войны, аргументом в борьбе «сталинцев» с «троцкистами» за контроль над армией. Такая борьба развернулась в 1923–1925 гг., завершившись победой первых и полным поражением вторых. Для «сталинцев» генштабисты являлись разменной монетой в этом противостоянии. Об отношении приверженцев Троцкого за кратковременностью их пребывания у власти судить сложно, но очевидно, что военспецы-генштабисты были той интеллектуальной средой в руководстве РККА, на поддержку которой Троцкий мог рассчитывать. Более того, он ориентировался на их экспертные заключения по важнейшим военно-политическим вопросам^{IV}.

По данным к 1 апреля и к 1 сентября 1924 г., в период до и после реорганизации, в центральном аппарате Наркомата по военным и морским делам СССР состояло 18 и 132 выпускника Военной академии РККА соответственно, а также 59 и 38 выпускников старой академии соответственно^V. В каждом случае выпускники старой академии составляли 3% от общего числа. Процент выпускников красной академии за пять месяцев вырос с 1 до 10. Процесс вытеснения старых кадров был как объективным (в силу возраста, выпуска новых специалистов), так и субъективным (по политическим причинам).

Вопрос о сохранении на службе в РККА старых генштабистов после войны некоторое время оставался дискуссионным. С одной стороны, за плечами

^I РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 106. Л. 108–109.

^{II} Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 259; Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов-на-Дону, 2010. С. 78.

^{III} РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 50. Л. 25–26.

^{IV} См., напр.: Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013. С. 101, 103.

^V Реформа в Красной армии: Док. и мат. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1. С. 230.

старых генштабистов была высокая квалификация прежней академической школы, с другой — они препятствовали карьерному росту молодых и амбициозных красных генштабистов, тесно связанных с партийными структурами. Разумеется, красные генштабисты всячески стремились удалить спецов из армии, в том числе пользуясь своими связями в партийном руководстве. Последнее же в лице сталинской группировки было готово использовать подобные устремления в своих целях.

Борьба за контроль над армией, а следовательно, и над государством, достигла апогея на рубеже 1923–1924 гг. Насколько можно судить, преобразования в армии также были подчинены политическим задачам ослабления позиций Троцкого и захвата сталинской группировкой контроля над вооруженными силами. Военспецы, по-видимому, партийным руководством воспринимались как кадры, лояльные Троцкому. В результате они также подверглись нажиму шедшей к власти сталинской группировки.

В лице своих отдельных представителей военспецы-генштабисты входили в военную элиту СССР. Например, объективно к элите на протяжении 1920–1930-х гг. в силу должностного положения относились такие деятели, как С. С. Каменев и Б. М. Шапошников. При этом почти никакой политической роли они не играли и даже не претендовали на нее, стараясь быть вне политики. Безусловно, это не означало отсутствия у генштабистов политических взглядов. По итогам Гражданской войны такие воззрения приобрели все мыслящие люди, но откровенно высказываться, тем более «классово чуждым», было небезопасно. Генштабисты не во всем и не всегда были лояльны, оставаясь в какой-то степени замкнутой корпорацией, в которую не мог попасть человек из другой среды. Впрочем, для ОГПУ эта проблема решалась массовой вербовкой секретных осведомителей из числа самих генштабистов. Однако нелояльность этой группы после Гражданской войны в целом не шла дальше дружеских встреч, бытовых разговоров о былых временах и критических суждений в адрес властей. Большинство не знало, чего ожидать в будущем. Еще свежи в памяти были кровавые репрессии и бесцеремонные необоснованные аресты эпохи Гражданской войны. В мирное время положение генштабистов казалось даже менее устойчивым, чем в Гражданскую войну. Единственно разумным способом выживания для «бывших» в такой обстановке было не высываться. Вполне характерно в этом смысле поведение наиболее высокопоставленного советского военспец-генштабиста первой половины 1920-х гг. главкома С. С. Каменева, пресмыкавшегося перед большевиками и фактически игравшего у них роль безгласного технического советника по военным вопросам¹. Не меньшую осторожность в выражении политических взглядов проявлял и Б. М. Шапошников, наученный горьким опытом своего конфликта с Троцким в 1920 г.

Нельзя не привести мнение орловского исследователя С. Т. Минакова, отметившего, что именно военспецы-генштабисты в 1920-е гг. «определяли основные ценности в Красной армии, а военно-теоретическая деятельность (в силу экономической слабости страны и практического отсутствия настоящей армии) оказывалась

¹ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 41.

основной»^I. Это была интеллигентная среда, в которой по объективным причинам было немало людей в возрасте, стремившихся к спокойной военно-научной и военно-педагогической работе. Для большевиков ни на что не претендовавшие военные специалисты были удобны. Однако политики так или иначе пытались вовлекать часть генштабистов в борьбу и использовать их в своих интересах.

Члены Политбюро ЦК, группировавшиеся вокруг Сталина, опасались возможного военного переворота, организованного Троцким с опорой на армию. Развернулась борьба за контроль над армией. Не последним по значимости в этой борьбе был вопрос старых и новых кадров. Сталинская группировка старалась раздуть противоречия и поддерживать недовольство красных командиров засильем военспецов, на которых опиралось руководство военного ведомства во главе с Троцким.

Механизмы взаимодействия сталинского окружения и недовольных краскомов видны из документов. В феврале 1923 г. слушатель Военной академии РККА В.Р. Розе карандашом набросал на нескольких клочках бумаги записку для К.Е. Ворошилова: «Тов. Ворошилов!

Пользуясь случаем, я пишу Вам о некоторых “новостях”, которые последнее время стали у нас повседневными событиями.

Вопрос касается ухода наших ребят из армии.

В длинном списке уходящих найдете теперь и фамилию “Розе”. Осталось мне еще всего несколько месяцев до окончания академии, но считаю, что дальше молчать нельзя. Я глубоко убежден, что политика нашей партии по отношению Кр[асной] армии совершенно устарела”. Если политика “ставка на старого командира” (от капитанов до генералов включительно) будет продолжаться, то считаю, что мы будем иметь армию за “единую” и “неделимую”, а не за советскую власть. Далее, я глубоко убежден, что до тех пор, пока во главе армии не будут свои люди (я понимаю, начиная с главкома), до тех пор разложение будет продолжаться.

Считаю для оздоровления и создания крепкой, боевой Красной армии необходимым:

1) Взять резкую политику в пользу красного ком[андного] состава.

Строить армию на трех китах:

I. На командные должности во главе армии должны стать старые, испытанные революц[ионные] товарищи из Высш[их] ак[адемических] курсов.

II. Нач[альниками] штабов^{III} – академия.

III. Нач[альником] полит[ического] отделом^{IV} [–] старый наш партиец.

Далее: Требуется создать крепко спаянную, резко выраженную организацию классового ком[андного] состава – это будет тот остов, который поведет в бой те крестьянские массы, для которых будут непонятны цели международной, партийной политики. Они не пойдут^V, а их нужно будет вести^{VI} в бой.

^I Минаков С. Т. Сталин и его маршал. М., 2004. С. 108.

^{II} Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, подчеркнуто К. Е. Ворошиловым.

^{III} Так в документе.

^{IV} Так в документе.

^V Подчеркнуто автором записки.

^{VI} Подчеркнуто автором записки.

Если [к] этому времени не будет своей организации ком[андного] состава, то, имея в виду, что в армию в случае мобилизации вольются 15–20 тысяч белого ком[андного] состава, то считаю, что наше дело будет весьма плохо.

Кончаю и уверен, тов. Ворошилов, что Вы примете резко нашу сторону и поведете борьбу за лозунг “Равнение на красн[ый] ком[андный] состав сверху до-низу”. Что касается меня, я вступил в актив[ную] борьбу с документами [в] ру-ках. Буду у Троцкого. С приветом Розе.

Тов. Ворошилов, изложенное не есть идея тов. Розе, а нашей среды академической и тов[арищей], приезжающих из армии.

Толчок активным действиям по этому вопросу я лично получил на совещ[ании] воен[ных] делегатов после заявления Антонова-Овсеенко, что почти половина ком[андного] состава в армии против сов[етской] власти^I. На эту записку Ворошилов наложил резолюцию о необходимости посоветоваться со Сталиным. Как и многие красные командиры того поколения, Розе впоследствии стал жертвой Большого террора.

Давление молодых «академиков» продолжалось и выразилось в коллективном письме 14 командиров РККА в ЦК партии от 10 февраля 1924 г.^{II} Этот документ также встретил энергичную поддержку у Сталина, распорядившегося его растиражировать. Среди прочего командиры писали: «Все заслуженные, выхоленные выходцы из буржуазного и аристократического мира, бывшие идейные руководители царской армии — генералы остались на своих местах, а иногда даже с повышением. Контрреволюционеры и идейные руководители белогвардейщины, вешавшие и расстреливавшие сотнями и тысячами пролетариат и коммунистов в период Гражданской войны, опираясь на поддержку своих старых товарищей по царской академии или родственные связи со спецами, засевшими в наших главках или управлениях, свили себе прочное, хорошо забронированное осиное гнездо в самом сердце Красной армии, ее центрально-организационных и учебных аппаратах»^{IV}. Старая академия в этом документе была названа бесталанной. Кроме того, письмо содержало обвинения во враждебности в адрес нескольких генштабистов. П.Е. Дыбенко впоследствии вспоминал, что после письма была назначена комиссия ЦК партии по обследованию РККА^V.

Против военспецов был направлен и доклад бюро ячеек Военной академии от 18 февраля 1924 г., естественно встретивший поддержку у И.В. Сталина. Не исключено, что все эти коллективные обращения были инспирированы сторонниками Сталина. В докладе с тревогой говорилось, что «количество бывших офицеров Генерального штаба по сравнению с количеством их в армии во время Гражданской войны значительно увеличилось»^{VI}, тогда как «академия и красные “генштабисты”

^I Подчеркнуто автором записки.

^{II} РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 104. Л. 69–70об. Подробнее о Розе см.: Исаев В. И. Забытый герой мировой пролетарской революции. Штрихи к биографии красного командира В. Р. Розе // Личность, общество и власть в истории России: Сб. науч. статей, посвященный 70-летию д. и. н., проф. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 362–382.

^{III} С. Т. Минаков предположил, что документ мог быть составлен еще в конце 1923 г. (Минаков С. Т. 1937. Заговор был! М., 2010. С. 81–86).

^{IV} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 86–87.

^V Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Док. и мат. М., 2008. С. 81.

^{VI} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 93.

до сих пор еще не получили (и не получают при таком способе) санкции спеца на руководство вооруженной силы, на ее подготовку и воспитание»^I. Авторы доклада выражали обеспокоенность сплоченностью спецов и доминированием в военно-учебных заведениях их взглядов (например, о национальных, а не классовых войнах), отравляющих классовое сознание слушателей. Также констатировалось сильное влияние спецов на военную литературу.

Из Ленинградского военного округа в марте 1924 г. в адрес ЦК пришел коллективный ответ на «письмо четырнадцати», в котором, между прочим, было сказано о недостаточности работников Генштаба в рядах РККА: «Красная армия дала уже прекрасных работников, но их еще крайне недостаточно, и они покрыть наших потребностей по службе Генштаба не могут. И подписавшие доклад четырнадцать продолжают по-прежнему пользоваться в своих штабах услугами тех же старых “спецев”»^{II}.

Кроме того, в письме отмечалось, что еще не настал тот момент, когда в деле строительства Красной армии можно будет отказаться от помощи военных специалистов («придет время, когда их нужно будет выбросить»^{III} — лексика, вполне соответствующая отношению к военспецам), в первую очередь, в связи с недостаточным уровнем подготовки так называемого пролетарского комсостава. Ленинградцы прямо заявили, что «в период Гражданской войны мы руководили операциями далеко не в соответствии со строгими требованиями стратегии и тактикой... далеко не всегда успех в боях относился на счет наших познаний»^{IV}. Видимо, речь шла и о том, что многие победы были, прежде всего, заслугой военспецов. В отношении идеологического влияния военспецов авторы отклика полагали, что бояться не нужно, а необходимо устранить это влияние, сведя работу военных специалистов к узко профессиональным вопросам. В то же время они выступили с осуждением привлечения бывшего белого генерала Я.А. Слащева к службе в РККА, хотя как преподаватель Слащев оказался на своем месте.

Отношение к военным специалистам даже у тех, кто выступал за работу с ними в рядах РККА, было порой враждебным. Военспецов планировали использовать, а затем избавиться от них. В целом это и произошло в 1920–1930-е гг., в особенности в связи с укреплением власти Сталина, являвшегося противником привлечения старого офицерства в РККА.

В совершенно секретном докладе о работе комиссии пленума РВС СССР по реорганизации военного аппарата, системы управления и отчетности, датированном мартом 1924 г., содержались предложения о проведении всех лиц, окончивших полный или двухгодичный курс бывшей Николаевской академии Генерального штаба, через аттестационную комиссию РВС СССР, увольнении лиц старше 50 лет в бессрочные отпуска. Предлагалось не считать лицами с высшим военным образованием выпускников ускоренных курсов, которым предоставлялось право на льготное окончание Военной академии РККА^V.

^I Там же.

^{II} Там же. С. 106.

^{III} Там же. С. 107.

^{IV} Там же. С. 106.

^V Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 119.

Параллельно шла борьба за руководство армией. В 1923–1924 гг. сталинская группировка (руководящая «тройка» Политбюро в лице Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и Сталина, а также их сторонники) добилась введения своих представителей в РВС СССР и исключения из него тех, на кого мог опираться Троцкий. При обсуждении вопроса о составе РВС СССР на Пленуме ЦК РКП(б) 23 сентября 1923 г. Троцкий даже покинул заседание, но общую тенденцию это не изменило^I. В марте 1923 г. в РВС ввели М.В. Фрунзе, в августе 1923 г. – С.М. Буденного, в феврале 1924 г. – К.Е. Ворошилова и Г.К. Орджоникидзе. В феврале 1924 г. были исключены В.А. Антонов-Овсеенко (ранее поддержавший Троцкого^{II}) и П.П. Лебедев, в марте 1924 г. – Э.М. Склянский и И.Т. Смилга^{III}. Это было лишь одним из этапов борьбы за РККА.

К ноябрю 1923 г. борьба за власть в ЦК не была секретом даже для некоторых младших командиров, впрочем, близких к партийному руководству. Ходили разговоры о том, что отсутствие Троцкого на параде 7 ноября связано с тем, что он обвинялся в бонапартизме и изолировался^{IV}. Некоторые лидеры советской военной элиты (М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров) пытались вести свою игру в период междуцарствия, чтобы извлечь при этом максимальную выгоду. Внутриполитическая борьба осложнялась внешнеполитическим фактором – ожиданием возможной революции в Германии, в связи с чем обсуждалась возможность оказания вооруженной поддержки при таком развитии событий^V. Впрочем, до конкретных планов дело не дошло, а революция не состоялась.

Прямой вызов сталинской группировке в Политбюро (триумvirату И.В. Сталина, Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева) был брошен 21 декабря 1923 г., когда в военной школе им. ВЦИК против Зиновьева выступил бывший видный деятель Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, в прошлом эсер Я.С. Дворжец^{VI}. Это выступление было воспринято крайне серьезно. Инцидент даже обсуждался на заседании Политбюро 24 декабря. Ситуация усугублялась тем, что Дворжец был сотрудником начальника Политуправления РВС СССР В.А. Антонова-Овсеенко и явно действовал по указанию начальства, а школа им. ВЦИК несла охрану Кремля. Более того, Антонов-Овсеенко 27 декабря направил в Политбюро ультимативное письмо, в котором недвусмысленно намекал на возможность военного переворота.

Все это было крайне тревожными сигналами для сталинской группировки. Как вспоминал советский дипломат-невозвращенец Г.З. Беседовский, «в 1924 году Москва переживала критические минуты. В течение двух недель мы все ждали переворота. Троцкий мог... овладеть властью»^{VII}. Однако эти выступления оказались ошибкой сторонников Троцкого, преждевременно раскрывших карты и тем самым напугавших своих противников. В результате Сталин при поддержке руководства ОГПУ и части

^I Там же. С. 51.

^{II} РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Док. и мат. М., 2004. С. 354–361.

^{III} Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923: Сб. док. М., 2000. С. 368–373.

^{IV} Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. 2-е изд.. СПб., 2018. С. 166.

^V Подробнее см.: Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция...

^{VI} Подробнее см.: Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 288–290; Его же. «Теплая компания» «красного Бонапарта» // Родина. 2008. № 12. С. 43–47; Минаков С. Т. Сталин и его маршал. С. 304–305.

^{VII} Беседовский Г. З. На путях к Термидору. Париж, 1931. Т. 2. С. 215.

членов Политбюро переиграл оппонента. Позиция Троцкого по данному вопросу неизвестна, как неизвестно и то, был ли он причастен к действиям Антонова-Овсеевского.

На пике противостояния Троцкий решением Политбюро от 5 января 1924 г. был отправлен на лечение в Сухуми, что вывело его из борьбы и не позволило принять участие в похоронах умершего 21 января 1924 г. В.И. Ленина, носивших характер важнейшей политической манифестации. В результате Троцкий не участвовал и в борьбе за армию, которая не замедлила тут же развернуться.

«Сталинцы» повели стремительное наступление на позиции Троцкого в армии. Еще 14–15 января Пленум ЦК РКП(б) постановил образовать комиссию для обследования текущей ситуации в составе армии и состояния снабжения. Эта комиссия по, казалось бы, второстепенным вопросам стала тараном для смены руководства военного ведомства. Кроме того, непосредственно в день смерти Ленина получил назначение новый начальник Политического управления РВС СССР А.С. Бубнов^{II}, сменивший лояльного Троцкому В.А. Антонова-Овсеевского.

Уже 3 февраля 1924 г. вопрос о военспецх стал предметом обсуждения Пленума ЦК РКП(б), на котором с докладом выступил старый партийный деятель С.И. Гусев – давний оппонент Троцкого. Он раскритиковал общее состояние армии и деятельность РВС СССР. Кроме того, Гусев зачитал заключение упомянутой выше комиссии по обследованию текущей ситуации и состояния снабжения РККА, в котором говорилось, что «Красной армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная армия небоеспособна»^{III}. Возникает вопрос, где были критики состояния армии ранее и почему неотложная потребность в радикальных переменах совпала с противостоянием в партийном руководстве, а заседание требовалось провести в отсутствие Троцкого. Очевидно, как критика, так и предложения имели политическую подоплеку.

Среди прочего Гусев заявил, что в личном составе центральных учреждений наблюдается засилье старых специалистов, в том числе пожилых генералов. «РВСом не велось политики, направленной к тому, чтобы постепенно сменять старых спецов и ставить новых работников, которые у нас вырабатывались в годы Гражданской войны, которые после Гражданской войны обучались и которые способны были бы теперь занимать более высокие посты и справляться с делом лучше, чем старые спецы»^{IV}. Далее Гусев, сославшись на беседу с несколькими выпускниками Военной академии РККА, сообщил собравшимся, что положение красных генштабистов в армии невыносимо и их заедают старые специалисты. К 1924 г. в партийном руководстве уже кристаллизовались политически мотивированная идея очищения РККА от старых специалистов и курс на замену их более преданными лицами из числа рабочих и крестьян. Удар был направлен

^I В опубликованных документах неоднократно фигурирует дата 15 января 1924 г. (Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 51, 52, 59). Однако М. И. Мельтюхов со ссылкой на документы РГАСПИ отмечает, что правильная дата — 14 января (Мельтюхов М. И. Красная армия и несостоявшаяся революция... С. 164–165, 167). Впрочем, далее он отмечает, что 15 января в постановление было внесено уточнение (Там же. С. 165).

^{II} Родин А. М. А. С. Бубнов: Военная и политическая деятельность. М., 1988. С. 169.

^{III} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 63.

^{IV} Там же. С. 57–58.

и на генштабистов старой школы. Гусев намеренно преувеличил ситуацию с за-
сильем военспецов в армии – в действительности она не была столь критичной.
Кроме того, среди военспецов было много высококвалифицированных работни-
ков. Объектом нападок являлся заместитель председателя РВС СССР Э.М. Склян-
ский – правая рука Троцкого в армейском руководстве, человек, непосредствен-
но руководивший армией.

Показательно, что Склянский даже не был вызван в указанную выше комис-
сию. В своей ответной речи он сообщил, что до него доходили лишь слухи о такой
комиссии. Склянский аргументированно опроверг обвинения, хотя ему, очевид-
но, было непросто и какие-то вещи приходилось излагать по памяти. По вопро-
су о старых специалистах Склянский указал, что должности начальников глав-
ных управлений почти всецело замещены коммунистами, и перечислил этих лиц
поименно. Кроме того, он отметил, что весь высший комсостав проходит атте-
стацию в Высшей аттестационной комиссии, в составе которой представители
ЦК партии, Политуправления РККА и ГПУ. Упомянул он и о том, что не происхо-
дило массовой демобилизации красных генштабистов. Этот вопрос мог быть ре-
шен только комиссией по чистке Военной академии, сформированной под пред-
седательством А.С. Бубнова и В.В. Куйбышева по решению ЦК партии. В то же
время низкий уровень заработка краскомов по сравнению с рабочими приводил
к оттоку первых из армии. Из 87 000 краскомов, прошедших подготовку в годы
Гражданской войны, в армии на начало 1924 г. осталось только 25 000. «Демоби-
лизационное настроение» среди красных генштабистов создавали и стажировки,
на которые их направляли после академии. Стажировки проходили на должно-
стях командира батальона, помощника командира полка или начальника опера-
тивно-строевой части штаба дивизии.

Сокращение армии после Гражданской войны вело к росту напряженности,
а также к понижению в должностях, что особенно болезненно воспринималось
недавними героями войны, командовавшими дивизиями и отмеченными боевыми
наградами. Недавние начдивы были вынуждены теперь служить на низестоящих
должностях, поскольку ценз был для всех одинаков вне зависимости от имевшего-
ся опыта¹. Что касается взаимоотношений старых спецов и краскомов, то, по сло-
вам Склянского, «много раз об этом говорилось, приказывалось и чуть ли не от-
давались под суд спецы, плохо относящиеся к краскомам»².

В прениях участвовал и сам И.В. Сталин, выступивший в самом конце. После
этого председатель, которым был Л.Б. Каменев, входивший тогда в сталинскую
группировку, предложил прения прекратить. По итогам Пленума были выделе-
ны члены ЦК, которые должны были совместно с Троцким выработать срочные
меры по оздоровлению и укреплению армии. Уже на следующий день, 4 февра-
ля 1924 г., была создана комиссия по реорганизации центрального военного ап-
парата, системы управления и отчетности под председательством М.В. Фрунзе.

Троцкий ответил на стенограмму Пленума возмущенным заявлением 19 фев-
раля³. Он попытался защитить своих многолетних сотрудников и помощников –

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 99–100.

Склянского, который был выдающимся работником, и начальника Штаба РККА П.П. Лебедева, но было поздно. В защиту Лебедева Троцкий писал: «Я не могу признать правильными нарекания по адресу начальника штаба. Никто до сих пор не называл ни одного работника, который мог бы хотя бы и в отдаленной степени сравняться с т. Лебедевым в роли начальника штаба. Нужно только несколько яснее представить себе, какова была работа начальника штаба: три года непрерывных частичных демобилизаций и реорганизаций в условиях абсолютно недостаточного и совершенно неустойчивого бюджета, при новых и новых каждый раз заданиях в отношении возможного развертывания армии военного времени, — чтобы понять ту совершенно незаурядную работоспособность и выдержку, которые проявил на своем посту начальник штаба»^I.

Уже 11 марта Фрунзе получил назначение заместителем наркома по военным и морским делам СССР и председателя РВС СССР, 1 апреля по совместительству стал еще и начальником Штаба РККА, сменив Лебедева, а 19 апреля — начальником Военной академии РККА. Склянский был снят со всех постов, а затем, словно в насмешку, назначен председателем правления треста «Моссукуно». В 1925 г. Склянский, направленный в США по предложению Сталина, утонул там при невыясненных обстоятельствах. Его преемник Фрунзе в качестве военного администратора, по компетентному мнению Троцкого, Склянскому уступал^{II}. Фрунзе пережил Склянского лишь на два месяца и умер также при до сих пор неясных обстоятельствах.

Уход Лебедева и последствия этого, по-видимому, вызвали определенную тревогу в кругу генштабистов. Как показал бывший полковник Е.О. Монфор на допросе по делу «Весна» в январе 1931 г., Лебедева считали наиболее крупной фигурой среди военспецов, с огромными заслугами, «все мы его любили и уважали как честного, прекрасного и отзывчивого человека, сделавшего много добра... Все считали, что это удар по всему старому офицерству, показывающий, чего нам следует ожидать в дальнейшем... Остальные волновались и горячились, говоря, что никакие заслуги не ценятся и каждого из нас, рано или поздно, выкинут как щепку, только потому, что мы старые кадровые офицеры»^{III}.

28 марта 1924 г. был упразднен уже декоративный, но важный пост главкома армии мирного времени. Его лишился занимавший эту должность с 1919 г. С.С. Каменев, ставший инспектором РККА. Таким образом, люди Троцкого оказались отстранены от руководства армией. В марте 1924 г. М.Н. Тухачевский был устранен от командования войсками Западного фронта. В мае сторонника Троцкого Н.И. Муралова на посту командующего войсками Московского военного округа сменил ближайший соратник Сталина К.Е. Ворошилов. На очереди был вопрос отстранения от руководства военным ведомством самого Троцкого^{IV}.

28 марта 1924 г., в день упразднения поста главкома, была проведена и реорганизация центрального аппарата военного ведомства. Штаб РККА разделялся на три органа: Штаб РККА, Управление РККА и Инспекторат РККА. На Штаб

^I Там же. С. 100.

^{II} Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 498.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 72 (94). Л. 23.

^{IV} О том, что все это было тщательно спланированной политической акцией, вспоминал секретарь Сталина Б. Г. Бажанов (Бажанов Б. Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 67, 86–87, 132). Впрочем, в своих наблюдениях Бажанов был не всегда точен.

РККА были возложены оперативные и мобилизационные функции. Управление РККА во главе с Н.Н. Петиным курировало вопросы повседневных нужд армии, а также административные. Инспекторат РККА во главе с С.С. Каменевым занимался боевой подготовкой и инспектированием войск. Новая структура вызвала неувязки во взаимоотношениях между созданными органами. В результате дальнейшие преобразования продолжались. 31 октября Инспекторат включили в Штаб РККА. Управление РККА переименовали в Главное управление РККА. Тем не менее разделение функций продолжало оставаться нечетким, что не может не поставить вопрос о смысле проводившихся преобразований. Можно предположить, что изменения преследовали задачу ослабления Штаба РККА в связи с политической борьбой.

Была проведена чистка и во втором эшелоне: сняты со своих должностей старые генштабисты — помощник управделами РВС СССР Н.В. Пневский, второй помощник начальника Штаба РККА В.Е. Гарф (его сменил М.Н. Тухачевский), уволен и арестован состоявший в распоряжении начальника Штаба РККА Г.Н. Хвощинский. Большинство из них занимали свои посты с 1919 г., меньшая часть — с 1921 г. Таким образом, разрушалась вся система военного управления, проверенная еще с Гражданской войны. Подобные кадровые перестановки преследовали политические цели, лишая Троцкого опоры в военном ведомстве.

В январе 1925 г. Троцкий был устранен с постов председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам. Его сменил сначала М.В. Фрунзе, а после смерти последнего осенью того же года — ближайший соратник Сталина К.Е. Ворошилов, занимавший эту должность (с 1934 г. она именовалась «нарком обороны СССР») до 1940 г. В истории Красной армии началась новая эпоха.

Орловский историк С.Т. Минаков условно выделил группу представителей военной элиты РККА 1920-х гг. и проанализировал изменения ее состава^I. По данным Минакова (здесь и далее его расчеты скорректированы^{III}), в мае 1922 г. выпускники старой академии в военной элите составляли 26 человек из 36, или 72,2%^{IV}. Очевидно, наличие более 2/3 генштабистов в военной элите РККА к концу Гражданской войны отражало их решающую роль в строительстве РККА и в победе

^I Хвощинский застрелился в 1928 г. По одной из версий, он не вынес советской действительности и доносов за покровительство бывшим белым офицерам (Письмо Н. В. Брусиловой друзьям. 26.11.1928 // BAR. A. A. and N. V. Brusilov papers. Box 1).

^{II} Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000. С. 240–248, 308–311, 357–360, 388–391, 410–413, 469–470, 503–506, 528–532. Необходимо отметить, что критерии включения тех или иных лиц в состав военной элиты в этой работе не всегда понятны. Например, в военную элиту второй половины 1920-х гг. неоднократно не включался член РВС СССР С. М. Буденный.

^{III} Помимо ошибок в подсчетах, в число генштабистов Минаковым, например, включен служивший в РККА Всеволод Владимирович Чернавин, который на самом деле в академии не обучался, в отличие от его однофамильца Виктора Васильевича Чернавина, служившего у белых. В качестве «генштабистов» Минаков учитывает не имевших высшего военного образования М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова, М. В. Фрунзе и И. П. Уборевича, попавших в Генштаб по «революционной» линии. Без их учета реальный процент собственно выпускников академии в военной элите был ниже. Также нами не учитываются офицеры Морского Генерального штаба.

^{IV} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвощинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, С. Д. Харламов, Н. В. Соллогуб, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Н. Е. Какурин, Ф. П. Шафалович, В. В. Любимов, В. К. Токаревский, Л. К. Александров, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Д. П. Кадомский, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин, Ф. М. Афанасьев, Ф. Ф. Новицкий, А. А. Балтийский, П. П. Сытин.

большевиков. Из 26 человек выдвинутыми В.И. Ленина и опосредованно связанных с ним лиц были 6 человек, 4 человека были выдвинутыми М.Н. Тухачевского, 3 человека могут быть названы выдвинутыми М.В. Фрунзе, 3 — выдвинутыми Л.Д. Троцкого и его сторонников, 2 — выдвинутыми И.В. Сталина и его сторонников.

Поскольку Троцкий поддерживал военспецов, его политические противники стремились к удалению их из армии. «Бывшие» оказались разменной монетой в политической борьбе, несмотря на то что отказ от квалифицированных специалистов вел к снижению уровня подготовки комсостава. Процесс смены власти в военном ведомстве сопровождался сокращением представительства генштабистов старой школы в высшем руководстве РККА. Если в марте 1923 г. выпускники старой академии среди армейского руководства составляли 23 человека из 41, или 56,1%^I, то в ноябре — 21 из 40, или 52,5%^{II}, в январе 1924 г. — 19 из 41, или 46,3%^{III}, в апреле 1924 г. — 16 из 42, или 38,1%^{IV}. В том же 1924 г. была осуществлена масштабная чистка комсостава, в результате которой из РККА были уволены до 8000 человек^V. Разумеется, среди них было немало «бывших».

В 1924 г. в РККА была введена должностная сетка для командного состава, включавшая 14 категорий (высший комсостав составляли категории К-10 — К-14; старший — категории К-7 — К-9; средний — категории К-3 — К-6; младший — категории К-1 — К-2). Судя по материалам учетно-послужных карт, военспецам-генштабистам, в массе, присваивались категории в промежутке К-7 — К-12. К примеру, старший руководитель в Военной академии получал категорию К-11, что соответствовало должности комдива. Затем в РККА в марте 1925 г. было введено единоначалие, поскольку считалось, что командный состав уже не нуждается в контроле комиссаров.

Нельзя согласиться с тезисом о том, что в связи со сменой руководства РККА за 1923–1924 гг. сокращение численности генштабистов в военной элите достигало 30% и что этот показатель был наиболее выраженным в сравнении с другими изменениями состава элиты^{VI}. Реальное сокращение представительства выпускников старой академии представляется не столь резким и составляет 18%. Но при всей условности включения тех или иных персоналий в состав военной элиты (высшего армейского руководства), все же значительные перестановки, свидетельствующие об утрате генштабистами ключевых позиций в руководстве

^I С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвощинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, Н. В. Соллогуб, А. К. Андерс, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, А. И. Корк, А. В. Кирпичников, М. В. Молочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Д. П. Кадомский, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин, Ф. Ф. Новицкий, А. А. Балтийский, П. П. Сытин.

^{II} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвощинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, Н. В. Соллогуб, А. И. Кук, В. Н. Чернышев, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. Д. Шуваев, А. И. Корк, М. В. Молочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

^{III} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Г. Н. Хвощинский, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, А. Н. Виноградов, А. И. Кук, П. П. Каратыгин, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. Д. Шуваев, А. И. Корк, М. В. Молочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

^{IV} С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, Н. В. Пневский, И. Х. Паука, С. А. Меженинов, А. И. Кук, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. И. Корк, Н. И. Камкин, М. В. Молочанов, М. М. Энден, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

^V РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 92. Л. 21об.

^{VI} Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 391.

РККА, налицо. Интеллектуальный потенциал советской военной элиты при этом понизился, но возросли преданность высшего комсостава определенным политическим лидерам и количество членов партии в этой среде.

В дальнейшем процесс вымывания старых генштабистов из советской военной элиты продолжался. Выпускники старой академии в ней (данные С.Т. Минакова¹ нами скорректированы) к декабрю 1925 г. составляли 15 человек из 41, или 36,6%^{II}, к сентябрю 1927 г. — 11 человек из 30, или 36,7%^{III}, к началу 1930 г. — 12 человек из 53, или 22,6%^{IV}, а к июлю 1931 г. — 8 человек из 48, или только 16,7%^V. Им на смену приходили выпускники Военной академии РККА и даже германской Военной академии. Эти процессы шли на фоне стабильно поддерживавшегося в тот период крайне незначительного процента командиров РККА с высшим военным образованием. В условиях мирного времени можно было жертвовать квалификацией в угоду политическим расчетам и социальному происхождению. Данные о процентном соотношении командиров с высшим военным образованием в РККА следующие (табл. 116).

Таблица 116

Процент командиров с высшим военным образованием в комсоставе РККА^{VI}

Год	Окончили академии и курсы усовершенствования высшего комсостава в РККА	Окончили академии в старой армии
1923	0,4	1,5
1924	1,1	0,7
1925	1,7	1,3
1926	1,8	1,1
1927	5,1	1,0

Процент выпускников старых военных академий в комсоставе РККА имел тенденцию к снижению, однако процент выпускников советских академий и курсов возрастал крайне медленно. По данным на начало 1928 г., в РККА оставались только 465 выпускников всех старых военных академий вместе взятых^{VII}. Есть данные и о том, что к середине 1920-х гг. в РККА служили около полутора тысяч выпускников академий и курсов усовершенствования комсостава^{VIII}. На 1 января 1929 г. командиры с высшим военным образованием составляли 55,5% высшего строевого

^I Там же. С. 410–412, 469–470, 503–505, 528–530.

^{II} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Б. М. Шапошников, Е. Н. Сергеев, Б. Н. Кондратьев, И. Х. Паука, С. А. Меженинов, А. И. Кук, С. А. Пугачев, Б. И. Кузнецов, А. И. Корк, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, К. П. Артемьев, Н. Н. Петин.

^{III} С. С. Каменев, П. П. Лебедев, Е. Н. Сергеев, Б. М. Шапошников, Б. Н. Кондратьев, С. А. Пугачев, А. И. Корк, А. И. Кук, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Н. Н. Петин.

^{IV} С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, Б. Н. Кондратьев, С. А. Меженинов, С. А. Пугачев, А. И. Корк, М. И. Алафузо, А. М. Перемытов, Н. В. Лисовский, Е. А. Шиловский, А. И. Верховский.

^V С. С. Каменев, Б. М. Шапошников, В. Е. Гарф, С. А. Меженинов, С. А. Пугачев, А. И. Корк, М. И. Алафузо, Н. В. Лисовский.

^{VI} Ефимов Н. А. Командный состав Красной армии // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 106; Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 311.

^{VII} Ворошилов К. Е. Десятилетие Красной армии // Правда. 1928. 23.02. № 46 (3878). С. 3.

^{VIII} Рассчитано по данным на 1925 г., когда комсостав РККА включал 51 559 человек (Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 510), а выпускники академий и курсов усовершенствования составляли 3 % комсостава.

комсостава^I. Однако в целом по комсоставу ситуация была иной и даже наблюдалось понижение процента лиц с высшим образованием. В 1924 г. таких было 2,8%, в 1925 и 1926 гг. — по 1,8, а в 1927 г. — 1,6%^{II}. Таким образом, общеобразовательный уровень командного состава РККА на протяжении 1920–1930-х гг. был невысок, что самым отрицательным образом сказывалось на боеспособности армии^{III}.

Тактическая грамотность в значительной степени обеспечивалась общим развитием и кругозором, что позволяло избегать шаблонности в действиях. Интеллектуальная деятельность представителей командного состава была предельно ограничена и затруднена. Даже среди преподавателей военных школ РККА в период 1927–1936 гг. высшим образованием обладали лишь 8,2–10,3% командиров^{IV}, о строевых командирах и говорить не приходится. До 1940 г. в СССР не было ни одного Маршала Советского Союза с законченным высшим военным образованием. В 1940 г. таковым стал выпускник старой академии Б.М. Шапошников.

В конце 1920-х гг. и позднее одной из партийных установок был курс на резкое увеличение среди слушателей академий процента рабочих и крестьян (политика «орабочивания командных кадров» активно проводилась с 1928 по 1933 г., а отказались от нее лишь к 1936 г.^V). Современные исследователи именуют эту политику социальным расизмом, а подкреплял ее осуществлявшийся параллельно социальный террор против «бывших». Комплектование военно-учебных заведений людьми, которые не обладали должным образованием и которым труднее прочих было овладевать знаниями, вело к деинтеллектуализации слушателей. В 1928 г. в Академию им. М.В. Фрунзе было принято 56,6% слушателей с низшим общим образованием, а в 1929 г. таких было уже 81,5%^{VI}. Рабоче-крестьянское происхождение среди принятых на основной факультет академии в 1929 г. имели 74,27% слушателей^{VII}. Ориентация на малограмотный контингент вела к снижению планки требований к выпускникам и к подготовке неквалифицированных командных кадров. Между тем для эффективной работы Генерального штаба были крайне важны общая культура, культура управления и принятия решений, умение анализировать ситуацию, навык систематической интеллектуальной деятельности.

Процессы «орабочивания» готовившихся командных кадров происходили на фоне неуклонного вычищения бывших офицеров из армии, что лишь усугубляло ситуацию. Достаточно отметить, что на март 1931 г. в запасе комсостава РККА значились 62 784 бывших офицера, в том числе 40 756 человек, служивших только в РККА; 11 238 служивших у белых и в РККА; 6011 служивших только у белых и 4779 не служивших ни у красных, ни у белых^{VIII}. Квалификация была принесена

^I Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская армия: годы реформ и испытаний. М., 2018. Т. 1. С. 28.

^{II} Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 312.

^{III} Подробнее см.: Смирнов А. А. «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х — первой половине 1930-х гг. // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 576–609; Его же. Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 — первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 2. С. 339–457.

^{IV} Смирнов А. А. «Социальный расизм»... С. 595.

^V Там же. С. 600.

^{VI} Там же. С. 598.

^{VII} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 189.

^{VIII} Смирнов А. А. «Социальный расизм»... С. 601.

в жертву даже не благонадежности, а утопическим социальным теориям о «правильном» происхождении, что отчасти дает ответ на вопрос о причинах катастрофы Красной армии начального периода Великой Отечественной войны.

Наблюдалась и другая тенденция: по мере распространения высшего образования некогда элитный статус его обладателей постепенно понижался (на 1939 г. полное высшее образование имели 1,2 млн человек, или 0,5 % населения^I).

К середине 1920-х гг. в РККА в условиях кадрирования армии наблюдался переизбыток начальствующего состава (к декабрю 1925 г. начальствующий состав достигал 88 578 человек, что в 1,4 раза превышало аналогичные показатели в старой армии, даже с учетом чиновников и духовенства^{II}). Одних только представителей высшего командного состава насчитывалось 1995 человек. Командный состав достигал 9,6 % от общей численности армии, тогда как в Польше и Великобритании — по 6,1 %, а во Франции — 4,8 %. При этом командиры с высшим военным образованием были в ничтожном меньшинстве. К концу 1920-х гг. задача вычищения из аппарата «бывших людей» уже ставилась широко и повсеместно, освещалась прессой^{III}. На 1 февраля 1927 г. среди 45 347 человек комсостава РККА оставалось 9005 бывших офицеров, в том числе 503 выпускника академий старой России^{IV}. На 1927 г. уже 39,6 % командного состава РККА не участвовали в Гражданской войне^V. По данным на 1 января 1927 г., в армии служили 338 выпускников Военной академии РККА^{VI}.

К 1 января 1929 г. бывшие офицеры составляли 5,3 % среднего комсостава (из них кадровые — 1,4 %), 48,2 % — старшего (кадровые — 18,1 %) и 73,7 % — высшего (кадровые — 55,2 %) ^{VII}. Процент бывших офицеров был достаточно велик в старшем и высшем командном составе. При этом большинство «бывших» составляли офицеры военного времени, часть из них вступили в ВКП(б), и почти все прошли подготовку или переподготовку в советских военно-учебных заведениях.

На 10 февраля 1931 г. в сухопутных и военно-воздушных силах, а также в центральном аппарате оставалось 6328 бывших офицеров, в том числе 1055 кадровых и 122 бывших белогвардейца, или 12,5 % начальствующего состава^{VIII}. Процент военспецов в высшем командном составе был существенно выше, доходя до 67,6 в сухопутных войсках^{IX}. В секретном издании Главного управления РККА «Характеристика

^I Волков С. В. Элитные группы в «массовом обществе». М., 2021. С. 21.

^{II} Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 510–511.

^{III} Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 43.

^{IV} Рогова Е. М. Некоторые аспекты политики советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. // Белая армия. Белое дело. 2011. № 19. С. 123.

^V РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 92. Л. 21об.

^{VI} Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 47.

^{VII} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская армия: годы реформ и испытаний. Т. 1. С. 27.

^{VIII} Александров К. М. Драма военспецов // Родина. 2011. № 2. С. 38.

^{IX} Имеются и другие данные. Так, по материалам секретного издания Главного управления РККА, к 1 января 1930 г. 10,6 % начальствующего состава приходилось на долю бывших офицеров (в том числе 14,1 % командного состава и 9 % административного состава). Самый высокий процент был в высшем комсоставе — 65,9, в старшем — 41,6, в среднем — 4,4. Из этих материалов ясно и то, где концентрировались военспецы: в высшем комсоставе сухопутных частей «бывшие» составляли 74,1 %, в старшем — 45,1 %, в комсоставе центрального аппарата их было 52,2 %, в комсоставе окружного аппарата — 51,5 %,

личного состава РККА» с удовлетворением отмечалось, что «на данном этапе этот контингент начальствующего состава представляет собой ценную, испытанную как в боях, так и в трудностях мирного строительства часть всей РККА и Флота. Очищенный в период 1921–[19]24 гг. от случайно попавшего в ряды РККА и, зачастую, чуждого ей элемента, переподготовленный в вузах Красной армии, “бывший офицер” занимает на фронте мирного строительства полноправное положение руководителя и воспитателя красноармейских масс»¹.

Противостояние старых спецов и краскомов постепенно уходило в прошлое. Один из военспецов писал генералу А.И. Деникину в конце 1920-х гг.: «Годы обшей жизни и службы не остались без следа в отношениях. Классовые отличия совсем не так четки, как прежде. С большинством командиров, вышедших из старых солдат и унтеров, мы давно уже не чужие. Да и с новыми краскомами отношения налаживаются. Ведь, как-никак, все они — наши же выученики. А резкие отличия в духовном воспитании и житейском обиходе значительно подравнялись, благодаря общему опрощению всей жизни и стремлению новых краскомов в последнее время в особенности подняться самим и поднять свой престиж. Это ничего, что этот уклон начинается с тона, одежды, жестов, привычек и проявляется иногда в немного смешных формах. Нет у нас еще прочной спайки и полного доверия друг к другу — это конечно. Но все же с очень многими из них (я не говорю о правоверных коммунистах) нас сблизили и общие профессиональные интересы, и равенство полунищенского существования, и одинаковое отношение к гнету политуправления армии, к гвардионству комячеек, к осточертевшей всем фарисейской фразеологии, наполняющей казарменную жизнь и учебу. Но самое главное, что нас сближает — это несомненное пробуждение у многих из них национального чувства, пробивающегося через дурман коммунистической пропаганды... Сблизились мы и с солдатом из крестьян, пожалуй, больше, чем они (краскомы. — А.Г.), и больше, чем это было в старое время. По солдатскому своему чутью он признал наш военный авторитет, а по крестьянскому — увидел в нас товарищей по несчастью»².

Приказом РВС СССР № 88 от 13 февраля 1926 г. комсостав подлежал увольнению в долгосрочные отпуска: средний — до 40 лет, старший — до 45 лет и высший — до 50 лет. Представители среднего комсостава от 40 до 45 лет, старшего от 45 до 50 лет и высшего от 50 до 55 лет переводились в запас 1-й очереди; представители среднего комсостава 45–50 лет, старшего 50–55 лет и высшего 55–60 лет — в запас 2-й очереди. В запас 3-й очереди переводили осужденных и не соответствующих службе командиров. Представители среднего комсостава от 50 лет, старшего от 55 и высшего от 60 лет вовсе увольнялись со службы³. По возрастным причинам под это сокращение должны были попасть и генштабисты старой школы.

Для характеристики положения бывших офицеров в РККА середины 1920-х гг. представляет интерес переписка наркома К.Е. Ворошилова

в военно-учебных заведениях — 31,6 %, в прочих учреждениях и заведениях — 23,4 % (Характеристика личного состава РККА. М., 1931. Кн. 2: Кадровый начальствующий состав РККА. С. 30–31, 42; РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 11. Л. 13об., 14, 19об.).

¹ Там же. С. 32 (Л. 14об.).

² Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 5–6.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 208. Л. 112–112об.

с военспецом-артиллеристом Н. Молчановым. Последний в 1926 г. прислал Ворошилову письмо о плохом отношении к бывшим офицерам. На это последовала резкая отповедь наркома: «По существу Вашего утверждения о плохом отношении в Красной армии к б[ывшим] офицерам должен категорически заявить, что это ложь. Всем честным командирам, усвоившим сущность и значение рабоче-крестьянской власти, обеспечено продвижение по службе, независимо от социального происхождения и даже партийной принадлежности. Так, из 9 командующих округами — 8 б[ывших] офицеров, из них 3 беспартийных.

Само собой разумеется, что мы предпочитаем комплектовать нашу Военную академию не безграмотными, деклассированными хвастунами, а старательными, классово-выдержанными, способными и политически грамотными командирами»^I.

Затем Ворошилов в резкой форме раскритиковал политическую безграмотность бывшего офицера и приказал ему подать рапорт о демобилизации в связи с его письмом, поскольку такие командиры в РККА, по мнению наркома, были не нужны. Не вполне здоровый человек получил предписание уволиться с неясными перспективами. Позднее, впрочем, ему обещали помочь с подысканием работы^{II}. Фактически же этим письмом Ворошилов показал истинное отношение к военспецам в РККА, которое значительно отличалось от демагогических заявлений.

На красных генштабистов возлагались и новые задачи, которых не знал и не мог выполнять старый Генеральный штаб. Так, например, начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов в статье «Красный академик — первый политработник в армии», опубликованной летом 1924 г., выдвинул тезис о том, что «красный генштабист должен быть не только первым командиром Красной армии, какую бы должность он ни занимал, но и первым политработником в армии. Ему много, очень много дано, с него и спросится»^{III}. Таким образом, на выпускников Военной академии РККА возлагались и ответственные политические задачи. Разумеется, беспартийные кадры старых генштабистов для этого не годились.

Несмотря на наличие в армии как старых, так и новых генштабистов, по оценке начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского, изложенной в докладе-справке на имя председателя РВС СССР К. Е. Ворошилова, «в отношении подготовленности к делу управления войсками в полевой войне можно совершенно смело сказать: наши войсковые штабы еще совершенно не подготовлены... повышение технического уровня нашей Красной армии, большая численность наших войсковых единиц после мобилизации требуют высокого состояния нашей штабной работы, мы в этом отношении оказались совершенно отставшими... При таком состоянии штабов мы не можем считать нашу Красную армию боеспособной»^{IV}. В качестве достижения штабов РККА Тухачевский признавал лишь успехи в деле составления мобилизационных и оперативных планов.

Военспецы-генштабисты в 1920-е гг. участвовали в международном военном сотрудничестве. Например, они не оставались в стороне от сотрудничества Красной

^I РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 93. Л. 155.

^{II} Там же. Л. 157.

^{III} Цит. по: Офицерский корпус в политической истории России: Док. и мат. Калуга, 2003. Т. 3: 1920–1925 гг. С. 825.

^{IV} Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 503.

армии с германским рейхсвером, развивавшегося в 1920-е гг. В 1926 г. на последний курс германской Военной академии был принят преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе М.С. Свечников (выпуск 1911 г.)^I. По итогам командировки 8 февраля 1927 г. Свечников и другой преподаватель С.Н. Красильников подготовили доклад об отношении руководящих кругов рейхсвера к СССР. Копия этого доклада через начальника академии была направлена председателю РВС СССР К.Е. Ворошилову^{II}. В докладе отмечалась очевидность реванша Германии за Первую мировую войну, для чего необходима диктатура, а поскольку восстановление монархии маловероятно, то диктатура будет фашистской^{III}. Как писали авторы документа, «в силу вещей германский Генштаб, по нашим наблюдениям, видит единственную реальную силу, могущую дать прирост его военной мощи, это — дружественные отношения с Советской республикой.

Наличие общего противника — Польши, опасного для Германии вследствие географических условий, еще более толкает германский Генштаб по пути тесного сближения с Советской Россией^{IV}. Как видим, анализ и прогноз документа оказались точны, предсказав в общих чертах развитие событий более чем на десятилетие.

Германские военные представители также посещали СССР и составили свое мнение об РККА. Немцы отмечали эклектичность командного состава Красной армии, в котором наряду с высокообразованными генштабистами старой школы можно было встретиться с «драчунами с образованием народной школы из Гражданской войны»^V. Преподавательский состав Военной академии им. М.В. Фрунзе оценивался немцами критически, поскольку в академии не хватало практических занятий (до середины 1920-х гг.), а преподаватели не обладали опытом управления соединениями всех родов войск^{VI}. В лучшую сторону немцы выделяли представителей старой академической школы — И.И. Вацетиса, А.И. Верховского, Ф.Ф. Новицкого, А.А. Свечина^{VII}.

На старых спецов сильно влияло их прошлое, прежние связи и отношения. Так, например, в декабре 1922 г. в Москве состоялась международная конференция по разоружению с участием представителей Советской России, Польши, Финляндии и Прибалтики. В составе литовской делегации присутствовал выпускник академии генерал Л.А. Радус-Зенкович, ранее служивший в императорской армии и в РККА. В составе советской делегации находился бывший генерал В.Ф. Новицкий — товарищ Радус-Зенковича по прежней службе. При встрече, как отмечал очевидец — слушатель Военной академии РККА, «к нашему великому ужасу, оба вдруг обнялись, как братья, давно потерявшие друг друга... как мог командир Рабоче-крестьянской Красной армии проявлять такие теплые чувства к офицеру армии капиталистического государства? Не правильнее ли было забыть о прошлом и сконцентрироваться на настоящем? Все мы сначала испытали некоторый

^I Кантор Ю. З. Заключая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009. С. 105.

^{II} РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 148. Л. 75.

^{III} Там же. Л. 76.

^{IV} Там же. Л. 77.

^V Кантор Ю. З. Заключая дружба. С. 114.

^{VI} Там же. С. 114–115.

^{VII} Там же. С. 115.

шок, но потом некоторые из нас смеялись над непримиримыми товарищами, которые продолжали осуждать этот по-человечески понятный поступок. Хорошо, что они не пошли так далеко, чтобы обвинить старого доброго Новицкого в сговоре с врагами Советов»^I. Впрочем, годы, когда за такие дружеские объятия можно будет лишиться жизни, неумолимо приближались.

В 1920–1930-е гг. бывшие офицеры-генштабисты, продолжавшие служить в РККА, находились под пристальным наблюдением органов госбезопасности. Как и прежде, генштабистов окружали недоверие и подозрительность. Уже в 1920 г. Особый отдел ВЧК давал указания, кому из военспецов нежелательно выезжать за границу. В сравнении с дореволюционными порядками это стало заметным ущемлением прав военной элиты. Не разрешалось покидать страну видным военспецам-генштабистам Ф.В. Костяеву, С.Г. Лукирскому, Е.И. Мартынову, Д.Н. Надежному, Н.М. Потапову, К.И. Рыльскому, А.А. Свечину, А.Н. Ситникову, А.Е. Снесареву, С.А. Сухомлину, А.К. Фрейману^{II}. Интересно, что будущему маршалу Б.М. Шапошникову поездки были разрешены^{III}.

Обширную переписку породила попытка уехать в заграничный отпуск бывшего генерала от инфантерии Д.А. Долгова в 1922 г. Военспец намеревался отправиться за рубеж для свидания с семьей, но ГПУ выступило против^{IV}. Председатель РВСР и комиссар Штаба РККА не возражали против выезда. По характеристике комиссара Военной академии РККА Р.А. Муклевича, Долгов — «средний человек, обыватель, повредить нам не сможет»^V. В других характеристиках отмечалось: «Стар. Отстал от литературы. Учета опыта Гражд[анской] войны нет и не интересуется. Любит преклоняться перед авторитетами и следовать шаблонным формам. Активности и умения передать свои знания группе нет. В занятиях дает слишком большую инициативу и работой почти не руководит»^{VI}. Были и такие оценки: «Божья коровка — безобиден. Сведений вредных дать не сможет — ничего не знает»^{VII}. В связи с отказом Долгов писал в рапорте начальнику Штаба РККА 24 августа 1922 г.: «Причины отказа мне совершенно неизвестны. Допуская, однако, что они, быть может, кроются отчасти в том обстоятельстве, что я, изъявляя желание ехать в Бельгию, страну, занявшую в Генуе, а потом и в Гааге непримиримую позицию, я охотно отказываюсь от посещения ее и ограничусь встречей с семьей где-[либо] в Германии, где окажется подходящим... В случае если тов. Троцкий поддержит мое ходатайство, просил бы позволить мне не возбуждать снова дела в обычном порядке перед Госполитом^{VIII}; ибо на соблюдение вторично всех формальностей опять уйдет 2–3 недели, и я, вынужденный вернуться ко времени возобновления в академии зимних занятий, буду автоматически лишен отпуска»^{IX}. По-видимому, легально уехать не удалось, и 62-летний генерал бежал из Советской России.

^I Бармин А. Г. Соколы Троцкого. С. 158.

^{II} РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 6. Л. 135.

^{III} Там же. Л. 182.

^{IV} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 111.

^V Там же. Л. 116.

^{VI} Там же. Л. 116об.

^{VII} Там же.

^{VIII} ГПУ.

^{IX} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 117об.–118.

Рассмотрим, что происходило после Гражданской войны в штабе Западного фронта, которым командовал М.Н. Тухачевский. 28 мая 1921 г. Особым отделом Западного фронта был арестован начальник административного управления штаба фронта В.Л. Баранович, который 20 августа 1921 г. был признан коллегией Особого отдела Западного фронта «виновным в государственной технической измене, выразившейся в организации и руководстве штабной группой и В[сероссийским] Н[ациональным] С[оюзом] З[ащиты] Р[одины] и Св[ободы] и передаче важных всевозможных военных сведений о Красной армии противнику» и приговорен к расстрелу^I. 30 декабря 1993 г. Барановича реабилитировали. Ранее Баранович арестовывался в 1919 г., но был освобожден. Как отмечала вдова генерала А.Е. Эверта, «в августе все зашевелилось, и вскоре Смоленск был объят ужасом: в одну неделю расстреляли 144 человека, причастных к т[ак] наз[ываемому] “делу Западного фронта”»^{II}. 13 декабря 1922 г. Особый отдел ГПУ Западного фронта арестовал первого помощника начальника штаба фронта Н.Е. Варфоломеева, начальника мобилизационного отдела И.Т. Алексеева и других штабных работников. Причиной арестов была временная потеря секретных документов^{III}. В феврале 1923 г. по подозрению в шпионаже в пользу Польши был арестован начальник оперативного отдела штаба фронта В.В. Шестун. Фактически арестами и кадровыми перестановками работа штаба фронта как единого коллектива была дезорганизована^{IV}. В деле под названием «Теплая компания» особисты собирали сведения о Тухачевском и его начальнике штаба С.А. Меженинове, которых подозревали во взяточничестве. В качестве секретных осведомителей были завербованы лица из ближайшего окружения Тухачевского^V.

Поведение Тухачевского, располагавшего реальной вооруженной силой в непосредственной близости от Москвы, могло сорвать усилия Сталина и его группировки по захвату власти в партии и в стране посредством аппаратной борьбы и интриг. «Нельзя пассивно ждать, пока Смоленск пожелает продиктовать свою волю Кремлю»^{VI}, — писал глава ОГПУ Ф.Э. Дзержинский своему заместителю В.Р. Менжинскому 1 января 1924 г. В этой фразе главного чекиста выражалась тревога в связи с возможным военным переворотом в СССР, а центром заговора считался штаб Западного фронта в Смоленске во главе с Тухачевским. Однако автором броской фразы был не сам Дзержинский, который лишь воспроизвел то, что прочитал накануне написания записки в меморандуме по делу «Корсиканцы». Громкую фразу «Смоленск продиктует свою роль Москве» произнес монархист В.М. Корольков в беседе с М.В. Мезерницким — секретным агентом ОГПУ и ближайшим соратником знаменитого белого генерала Я.А. Слащева^{VII}. Незначительные компрометирующие Тухачевского данные, собранные особистами, были использованы в интересах сталинской группировки, контролировавшей

^I Архивная справка УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9–4731 от 31.08.2011 по материалам архивного уголовного дела № 16611 (Архив автора).

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 760. Л. 23об.

^{III} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 418. Л. 53–54.

^{IV} Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 347.

^V Подробнее см.: Зданович А. А. «Теплая компания» «красного Бонапарта».

^{VI} Цит. по: Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 286.

^{VII} РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 318. Л. 50.

аппарат госбезопасности. Для нейтрализации Тухачевского было инициировано расследование его деятельности и под угрозой ареста командующего фронтом склонили к нейтралитету в противостоянии Сталина и Троцкого. В этом случае, как и во многих других в новейшей истории России, победа оказалась на стороне тех политических деятелей, которые обладали контролем над спецслужбами, тогда как военное руководство, несмотря на наличие в его руках реальной силы, оказалось в числе побежденных.

Генштабисты не избежали участия (причем с каждой стороны) в противоборстве советских спецслужб с иностранными, а также и с белой военной эмиграцией. Как и прежде, они нередко занимали должности военных атташе. Так, военным атташе в Финляндии в апреле 1922 г. был назначен бывший полковник А. А. Бобрищев^I. Он уже обладал опытом военно-дипломатической службы, поскольку в 1920 г. состоял членом контрольной комиссии, сформированной согласно мирному договору между Россией и Эстонией, а в 1920–1921 гг. служил помощником военного представителя РСФСР в Армении. Позднее Бобрищев стал военным атташе в Персии (1924–1927 гг.).

Бывший полковник А. И. Готовцев находился в распоряжении советского военного атташе в Грузии (1920–1921 гг.), а затем был направлен в секретную заграничную командировку в Константинополь (январь – июль 1921 г.), в ходе которой подвергся аресту англичанами и оказался выслан в Советскую Россию^{II}. Военным атташе РСФСР в Литве являлся бывший поручик А. И. Мялковский, окончивший в 1914 г. младший класс академии^{III}. Военным атташе в Турции в 1923–1924 гг. служил бывший полковник И. А. Троицкий. Военным атташе СССР в Китае был в прошлом штабс-ротмистр А. И. Геккер^{IV}.

Иностранные спецслужбы интересовались советскими генштабистами и проводили активные операции в СССР. Свою роль в разведывательной деятельности играли прежние корпоративные связи генштабистов. Так, в 1921–1923 гг. польским военным атташе в Москве являлся выпускник ускоренных курсов Военной академии подполковник Р. И. Воликовский^V. Воликовский был офицером старой армии, а в Гражданскую войну успел принять участие в борьбе с большевиками в Сибири. Он хорошо знал Россию и в должности атташе оказался на своем месте. Воликовский занимался в том числе и сбором разведданных^{VI}. В 1922 г. им был завербован бывший курсовик-колчаковец подполковник С. С. Дзюбенко, которого Воликовский мог знать еще по Сибири (отметим, что у белых Дзюбенко вел разведывательную работу). После пленения Дзюбенко

^I Север А., Колпакиди А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 158.

^{II} РГВА. Ф. 37963. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

^{III} Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 19.09. № 272.

^{IV} Командарм Уборевич: Воспоминания друзей и соратников. М., 1964. С. 109.

^V Stawicki P. Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997. S. 29. Подробнее о Воликовском см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 460–472.

^{VI} Kmiecik T. Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego w latach 1918–1939. Słupsk, 2005. S. 108; Misiuk A. Służby specjalne w II Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa, 1994. S. 64. Всего Воликовским было завербовано более двух десятков агентов, в том числе среди слушателей Военной академии РККА (агент «Академик»), в Штабе РККА и в штабе Приволжского военного округа (Peplowski A. Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa, 2010. S. 112–113).

был амнистирован и служил в ГУВУЗе. Агенту выдали подложную советскую печать, с помощью которой он фабриковал документы и получал по ним секретные приказы по РККА. В декабре 1922 г. Дзюбенко ездил в Харьков по подложным документам и добыл там комплект приказов Украинского военного округа за два месяца. Кроме того, Дзюбенко ездил в Ростов-на-Дону, где достал для поляков приказы по 1-й Конной армии. Через помощника Воликовского Дзюбенко получил деньги на открытие частного книжного магазина «Военно-техническое образование» на Петровке, служившего явкой для польской агентуры^I. Магазин военной литературы неизбежно привлекал командиров РККА, что позволяло устанавливать новые связи. Однако в конце 1923 г. Дзюбенко был разоблачен и арестован, а в феврале 1924 г. приговорен к смертной казни. Эстонская разведка при содействии финского агента А. Тассо в 1920-е гг. смогла нелегально вывезти из СССР жену главнокомандующего эстонской армией генерала И.Я. Лайдонера^{II}.

Некоторые генштабисты сотрудничали с Б.В. Савинковым, находившимся в Польше и ведшим активную антибольшевистскую работу. В частности, полковник В.И. Сизых с февраля 1921 г. занимался составлением сводок о положении в Советской России по материалам иностранной печати. Этими сводками пользовался помимо савинковцев польский Генеральный штаб^{III}.

Есть данные о том, что литовской разведкой через дочь знакомого (также бывшего генерала) был завербован начальник Управления по подготовке и службе войск Штаба РККА бывший генерал-майор К.И. Рыльский^{IV}. Он был в 1921 г. арестован и по постановлению Президиума ВЧК от 5 ноября того же года расстрелян, причем за шпионаж в пользу поляков ради получения польского гражданства^V. В переписке по его делу отмечалось, что он передал иностранному государству сведения о дислокации РККА на западной границе и другие важные данные, в чем и сознался^{VI}.

Однако успехи были и у советской внешней разведки, в том числе в Литве. В 1924 г. ИНО ОГПУ смог завербовать бывшего начальника литовского Генерального штаба К.К. Клещинского (выпуск академии 1910 г.), к тому времени уже уволившегося из армии. Судя по всему, агент оказался очень ценным. Благодаря старым связям, Клещинский получил доступ к документам литовской политической полиции. Он выявлял, в частности, агентуру полиции среди литовских коммунистов, освещал борьбу партий в Литве, давал характеристики военных и государственных деятелей, передавал сведения военного характера^{VII}. Из ИНО ОГПУ сведения попадали в Коминтерн, а оттуда в печать. В итоге литовские власти смогли выявить источник утечки данных и в 1927 г. Клещинский был арестован с поличным

^I Ульрих В.В. Из недавнего прошлого. Записки судебного работника // Суд идет! (Ленинград). 1926. № 20 (60). Октябрь. С. 1235. Также см.: Зданович А. А. Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017. С. 176–178; Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 304.

^{II} Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 311.

^{III} Борис Савинков на Лубянке: Док. М., 2001. С. 280.

^{IV} Плеханов А. М., Плеханов А. А. Московские чекисты в тайной войне. 1921–1928 гг. М., 2018. С. 253.

^V Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 510.

^{VI} РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 69. Л. 67.

^{VII} Тумшис М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. С. 343.

и расстрелян. Его вдова переехала в СССР и получала на воспитание дочери персональную пенсию республиканского значения¹.

Значительное внимание советская разведка в 1920–1930-е гг. уделяла борьбе с русской военной эмиграцией². ОГПУ пристально следило за деятельностью белых, в том числе генштабистов³. По всей видимости, советская агентура была даже в штабе генерала П.Н. Врангеля⁴, многие документы которого в 1920-е гг. буквально через две-три недели после их составления оказывались в Москве на столах у чекистского руководства⁵. Борьба велась отнюдь не только в форме вербовки агентов и получения информации, но и в виде масштабной дезинформации, изоощренных провокаций и диверсионно-террористических актов, которые осуществлялись в разных странах мира. Нередко советские спецслужбы сами провоцировали активные действия эмигрантов, которых, возможно, при иных обстоятельствах бы не произошло. В силу своей причастности к руководству антибольшевистских сил первыми жертвами провокаций становились генштабисты-эмигранты, причем советская сторона постоянно наносила противнику все новые болезненные удары, а белые, за исключением нескольких террористических актов (которые лишь дискредитировали самих террористов), не могли этому что-либо противопоставить в силу ограниченности возможностей, нехватки средств и людей и потерпели в этом противоборстве сокрушительное поражение.

Военная эмиграция также интересовалась Красной армией, хотя добывать информацию получалось не столь быстро и успешно и далеко не в том объеме, как у ГПУ и ОГПУ. В этой работе, безусловно, использовались профессиональные разведчики, к которым следует отнести военных агентов. В частности, через генерала И.А. Хольмсена в 1922 г. была добыта копия секретного списка Генерального штаба РККА на 15 мая 1920 г.⁶ Конечно, за два с лишним года, прошедших с момента создания этого документа, он уже изрядно устарел, к тому же копия, полученная белыми, содержала множество неточностей. Некоторые генштабисты, оказавшиеся в эмиграции, пытались скрупулезно изучать комсостав РККА (например, генерал А.А. фон Лампе), но, конечно, их оперативные возможности были гораздо скромнее советских. При участии генерала П.Н. Краснова еще в 1921 г. было основано «Братство Русской Правды», представлявшее собой антисоветскую диверсионно-террористическую организацию. В деятельности этой организации участвовал курсовик полковник А.Г. Аргунов (погиб в 1932 г. на Дальнем Востоке). Военные эмигранты посредством печати обращались к бывшим офицерам, оставшимся в СССР, с призывами свергнуть большевиков.

Список операций советских спецслужб против одних только генштабистов-эмигрантов впечатляет. 6 февраля 1921 г. в Западном Китае был смертельно ранен

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 618–626.

² Подробнее см.: Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.

³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 2007. Т. 4: У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. С. 206–208, 555–556, 563–565.

⁴ См., напр.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г. С. 153–161.

⁵ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 66, 68, 81.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 74–85.

советскими агентами и наутро скончался оренбургский войсковой атаман А. И. Дутов, готовивший вторжение на территорию Туркестана¹. 15 октября 1921 г. итальянский пароход «Адриа», совершавший рейсы в Советскую Россию, протаранил яхту Врангеля «Лукулл» на Босфоре как раз в районе каюты генерала. По случайности Врангель тогда на судне отсутствовал (уехал за час до происшествия) и не пострадал². Предполагалось, что это могло являться покушением. Однако до главкома советская разведка, по всей видимости, все же добралась, поскольку в 1928 г. генерал, полный здоровья и сил, неожиданно заболел, причем болезнь сопровождалась странными симптомами, и буквально через месяц с небольшим, 25 апреля 1928 г., скончался в Бельгии в возрасте 49 лет. Впрочем, до сих пор нет однозначного ответа, было ли это делом рук советских агентов³.

Имена целого ряда авторитетных генштабистов были использованы чекистами для введения военной эмиграции, а заодно и ряда иностранных разведок в заблуждение относительно наличия в СССР мощной подпольной антикоммунистической организации (операция «Трест»). В частности, лидером Монархического объединения центральной России называли бывшего генерала А. М. Зайончковского, который при посредничестве видного чекиста А. Х. Артузова даже встречался в Москве с белыми эмиссарами из-за рубежа и, по имеющимся данным, произвел очень приятное впечатление⁴. С. С. Каменев и Б. М. Шапошников участвовали в мистификации иностранных спецслужб, в частности, подписывая фиктивные документы, готовившиеся ОГПУ и затем в виде копий передававшиеся противнику⁵.

Из числа военспецов, настроенных антибольшевистски и взаимодействовавших с военной эмиграцией, в среде последней звучали имена генштабистов братьев А. Н. и В. Н. Гатовских, А. М. Зайончковского, П. П. Лебедева, Н. М. Потапова, Б. М. Шапошникова, М. М. Эндена⁶. Возможно, они использовались в игре органами госбезопасности. Такие данные достоверно известны в отношении Зайончковского и Потапова. Последний в 1921 г. стал агентом ВЧК⁷, а с 1923 г. на протяжении четырех лет активно участвовал в «Тресте», выдавал себя за тайного идейного монархиста, неоднократно выезжал за рубеж, где встречался с генералами П. Н. Врангелем, А. П. Кутеповым, Е. К. Миллером и И. А. Хольмсенем⁸. В действительности Потапов был одним из первых генштабистов, перешедших на сторону большевиков

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. С. 480–502.

² Подробнее см.: Чебышев Н. Н. Близкая даль // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 13: Константинополь — Галлиполи. С. 166–172; Цветков В. Ж. Гибель «Лукулла» // Родина. 1998. № 5–6. С. 129–131.

³ Подробнее см.: Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996. Дополнительные аргументы в пользу версии об убийстве Врангеля см.: Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 478–479.

⁴ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Док. и мат. М., 2013. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг. С. 219, 222; Прянишников Б. В. Незримая паутина: ВЧК — ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993. С. 87.

⁵ Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2003. Т. 2: Февраль 1956 — начало 80-х годов. С. 721.

⁶ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 6. С. 219, 222–224; Войцеховский С. Л. «Трест» // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005. С. 64, 72; Прянишников Б. В. Незримая паутина. С. 67.

⁷ Военные архивы России (Москва). 1993. Вып. 1. С. 101.

⁸ Прянишников Б. В. Незримая паутина. С. 78–79; Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х годов. С. 473.

и сохранивших им верность до конца. Возможно, остальные вышеперечисленные военспецы также использовались чекистами в игре с эмиграцией, тем более что они были в целом вполне лояльными большевикам специалистами.

«Трест» пришлось свернуть после того, как польская разведка потребовала у мнимых подпольщиков добыть советский мобилизационный план и в ответ получила явную фальшивку. Между тем в реальность «Треста» первоначально поверили не только польские спецслужбы (Потапов даже получил от поляков браунинг с золотой монограммой и часы), но и опытные генералы-генштабисты фон Лампе, Миллер, Хольмсен (двое последних занимались разведывательной деятельностью еще в дореволюционное время в качестве военных агентов, фон Лампе имел стаж разведывательной работы со времен Гражданской войны). Считается, что серьезные сомнения в реальности подпольной организации были лишь у Врангеля. «Трест» и другие аналогичные операции серьезно ударили по боевой организации генерала А.П. Кутепова, подмочили репутацию генерала, нанесли значительный ущерб польской, финской и румынской разведкам, которых чекисты на протяжении многих лет успешно дезинформировали. В ходе операций было ликвидировано не менее 80% кутеповских боевиков¹.

Активное участие в аналогичной операции «Синдикат-4» принимал бывший помощник военного агента в Лондоне генерал-майор П.П. Дьяконов (под псевдонимом Б-20). В рамках этой операции в СССР в конце 1929 г. побывал генерал Б.А. Штейфон², игравший теперь ту же роль, что и видный политический деятель эмиграции В.В. Шульгин в период «Треста», – т.е. абсолютно надежного в представлении лидеров военной эмиграции человека, убежденного антибольшевика, который подтвердил бы реальность существования в СССР подпольной организации. Выпуская из СССР Штейфона, контрразведчики, видимо, надеялись поймать еще большую рыбу, но этим надеждам не суждено было осуществиться.

Чекисты тогда же пошли на большой риск и выпустили за рубеж бывшего полковника Н.А. де Роберти (под псевдонимом Клямар) – участника Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, служившего во ВСЮР, а затем в РККА. Этого офицера хорошо знал его бывший непосредственный начальник – глава РОВС генерал А.П. Кутепов. Чекисты рассчитывали с помощью де Роберти замкнуть на легендированную Внутреннюю российскую национальную организацию кутеповских боевиков, выманить на советскую территорию самого Кутепова либо полковника А.А. Зайцова, курировавшего с 1924 г. секретную работу против СССР³, а также якобы для руководства восстанием максимальное число генштабистов и специалистов технических войск. Судьба этих офицеров в случае успеха провокации была бы незавидной – все они неизбежно были бы уничтожены. Де Роберти ехал в командировку с чекистом А.Н. Поповым (в прошлом – полковником), следившим за бывшим белым офицером (ему среди прочего предписывалось

¹ Огороков А. В. Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003. С. 82.

² Подробнее см.: Иллюзии генерала Штейфона // Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 2: 1917–1933 годы. С. 134–143.

³ Зайцов А. А. Мои воспоминания о генерале Кутеполе // Генерал Кутепов: Сб. статей. Париж, 1934. С. 320.

не оставлять де Роберти один на один с руководителями РОВС). 14 января 1930 г. они прибыли в Берлин, где их встретил Зайцов, а через несколько дней состоялась беседа с Кутеповым. Кутепов был готов направить в СССР до 50 человек, но де Роберти удалось переговорить с Кутеповым с глазу на глаз. Генштабист не предал своих прежних товарищей и предупредил Кутепова о готовящейся провокации (в том числе о подготовке покушения на генерала), принеся тем самым себя в жертву. При этом де Роберти почему-то не попытался остаться за границей, а доложил напарнику, что встреча прошла успешно. По возвращении в СССР каким-то образом он был разоблачен и Особым совещанием при Коллегии ОГПУ приговорен к расстрелу¹. Сведений о приведении приговора в исполнение в нашем распоряжении нет, но в эмигрантской печати информация об этом была опубликована уже 22 мая 1930 г.

В результате поступка де Роберти были спасены не только десятки офицеров, но и попал под подозрение советский агент генерал Дьяконов (однако, судя по опубликованным материалам, напрямую Дьяконова де Роберти не выдал). В ведомственной историографии органов госбезопасности эти события до сих пор освещаются с точностью до наоборот, де Роберти считается предателем (что вряд ли применимо к ситуации выбора, перед которым он был поставлен, между соучастием в убийстве бывших соратников и друзей и противодействием враждебному режиму в их уничтожении), а авторы искренне сожалеют, что так и не удалось ликвидировать предполагавшихся к засылке в СССР по просьбе самих же органов русских офицеров. Отметим, что в существование в СССР подпольной организации первоначально поверили многие генштабисты-эмигранты, среди которых генералы А.В. Геруа, Н.А. Лохвицкий, полковник А.А. Зайцов и др. Таким образом, советская разведка активно использовала репутацию и старые связи бывших генштабистов в крупных операциях 1920-х гг.

Параллельно с провокационными действиями советские агенты продолжали осуществлять зарубежные ликвидации. В ноябре 1926 г. в Париже при невыясненных обстоятельствах исчез генерал Н.А. Монкевиц, курировавший секретные операции боевиков генерала А.П. Кутепова. Считалось, что он покончил с собой, но тело генерала так и не нашли. Возникли подозрения, что он мог быть связан с советской разведкой и перед угрозой разоблачения решил скрыться. Достоверно известно и признано органами госбезопасности, что 26 января 1930 г. (примерно через неделю после его встречи с де Роберти) советские агенты среди бела дня похитили в Париже главу РОВС Кутепова, а спустя 7 лет, 22 сентября 1937 г., его преемника генерала Е.К. Миллера, которого вывезли в СССР (тогда как Кутепова, по имеющимся сведениям, убили в дороге).

Отдельные фанатично настроенные эмигранты пытались продолжать борьбу с большевиками. Наиболее ярким примером такого борца-одиночки был генерал И.М. Зайцев. В прошлом близкий соратник атамана А.И. Дутова, он попробовал внедриться в комсостав РККА. С этой целью Зайцев подал прошения об амнистии и получении советского гражданства и возвратился из эмиграции в Россию. В мае 1924 г. бывший генерал уже ехал в Москву. Впрочем, надежды Зайцева оказались

¹ Подробнее об этой операции: Зданович А. А. «Синдикат-4». ОГПУ против монархистов-кирилловцев // Родина. 2007. № 12. С. 32–39; Прянишников Б. В. Незримая паутина. С. 168–172.

иллюзорными. По прибытии Зайцев был зачислен в резерв высшего командного состава РККА. Обсуждался вопрос о его назначении начальником штаба инспектора кавалерии РККА или преподавателем восточного отдела Военной академии. Но затем, видимо, в связи с делом Б.В. Савинкова, последовало охлаждение. В Москве узнали о переговорах Зайцева в Пекине с представителями иностранного дипломатического корпуса по вопросу организации повстанческих отрядов на территории СССР и о средствах для этой деятельности, хранившихся в Гонконг-Шанхайском банке. Поэтому в конце сентября 1924 г. Зайцев был уволен в бессрочный отпуск, а уже 25 октября арестован ОГПУ¹. Впоследствии он бежал из СССР и покончил с собой в эмиграции.

На фоне сложнейшего внешне- и внутривнутриполитического положения СССР ОГПУ прилагало значительные усилия по надзору над бывшими офицерами. Так, вернувшийся в ноябре 1921 г. в Советскую Россию знаменитый белый генерал Я.А. Слащев оказался завербован органами госбезопасности и информировал чекистов о разговорах и настроениях в среде военспецов². С конца 1924 г. развернулось агентурно-наблюдательное дело «Генштабисты», направленное на контроль над бывшими генштабистами, оставшимися в РККА. Многие военспецы, их родные и близкие были вынуждены стать секретными осведомителями. На 109 фигурантов дела «Генштабисты» приходилось более 30 секретных сотрудников ОГПУ³. Сексотами являлись бывший генерал А.М. Зайончковский и его дочь Ольга (они участвовали также в операции «Трест»), бывшие генералы В.И. Оберюхтин и М.В. Фастыковский, бывший полковник М.С. Свечников, бывший капитан Г.И. Теодори и др. Работу некоторых сексотов в офицерской среде курировал опытный контрразведчик, соратник Ф.Э. Дзержинского Э.П. Салынь. В этом отношении показательны материалы следственного дела бывшего полковника Д.Д. Зуева, куратором которого по секретной работе в органах как раз был Салынь. Согласно этим материалам, О.А. Зайончковская в частном разговоре предостерегала своего друга, бывшего офицера Б.В. Селивачева (сына известного генерала В.И. Селивачева), от контактов с Д.Д. Зуевым (зятем В.И. Селивачева), так как тот был предположительно осведомителем госбезопасности. Б.В. Селивачев рассказал об этом самому Зуеву, а последний порекомендовал Селивачеву аналогичные меры в отношении Зайончковской, на что Селивачев сказал: «Ну и черт вас обоих разберет»⁴. Таким образом, на этих трех знакомых из круга бывших офицеров приходилось два сексота. Как и до революции, офицеры в СССР оказались связаны круговой порукой. Но если до 1917 г. она проявлялась в корпоративном духе офицеров, товариществе и взаимовыручке, то теперь такая порука была им навязана извне, органами госбезопасности и режимом, и сводилась к необходимости докладывать по инстанции о крамольных разговорах своих близких и друзей. В идеале о подозрительном разговоре должен был донести каждый из его участников. Если

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Большая игра генерал-майора И. М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2005. № 8. С. 193–207.

² Подробнее см.: Ганин А. В. «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4. С. 88–90; Его же. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021. С. 177–180, 248–250.

³ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 383.

⁴ Материалы следственного дела Д. Д. Зуева. Л. 95 (Архив семьи Зуевых).

кто-то не доносил, он автоматически попадал под подозрение как возможный заговорщик и контрреволюционер. В подобной обстановке едва ли возможны были какие-либо заговоры и контрреволюционные действия: не один осведомитель, так другой сообщил бы об этом своим кураторам, подставив под удар не сообщившего. Материалы осведомления использовались чекистским и партийным руководством для нужных им кадровых изменений в армии. Помимо использования сексотов, органы госбезопасности вели тщательный учет командного состава, в том числе бывших офицеров. Для разработки бывших белых офицеров в середине 1921 г. было сформировано 17-е специальное отделение Особого отдела ГПУ. Составлялись объемные книги учета бывших офицеров антибольшевистских армий, куда включались сведения на десятки тысяч человек^I, была создана колоссальная картотека командного состава, насчитывавшая на 1921 г. 115 860 карточек^{II}.

Среда бывших офицеров была объективно нелояльной по отношению к советской власти. Этих людей справедливо возмущали многие вещи. Прежде всего, сохранявшаяся атмосфера недоверия и подозрительности, несмотря на заслуги многих в Гражданскую войну. Ее ярко характеризуют грубые и несправедливые аттестации заслуженным преподавателям Военной академии РККА, составленные в 1924 г. Например, об А.И. Верховском говорилось, что он «не имея своих оригинальных мыслей... отличается свойством подхватывать мысли своих подчиненных-руководителей, частью слушателей, и, облекая их в красивую форму, окружая их миллионами трескучих фраз, повторяет эти мысли, оставаясь при глубочайшем убеждении, что это — его идеи»^{III}. А.М. Зайончковский — «идеалист по своему мировоззрению, рутинер по способам преподавания... не являет собой особой ценности для академии... Можно было бы безболезненно уволить в отставку и очистить место более способному и молодому»^{IV}. А.А. Балтийский «не отличается ни педагогическими способностями, ни умением организовать практические занятия. Несмотря на окончание курса в двух высших военно-учебных заведениях, больших знаний не имеет и своими взглядами на постановку преподавания тактики не обладает»^V. О Ф.В. Костяеве писали, что его «кругозор географический весьма ограничен. Собственных мыслей мало. Занятия проходят с малым интересом (на старш[ем] курсе), что усугубляется еще скверным отношением к нему слушателей вследствие резкости в отношениях»^{VI}. А.Е. Снесарев — «идеалист по своему мирозерцанию, он не в состоянии удовлетворять требованиям современного момента как в смысле самого содержания предмета, так и постановке его преподавания. Рутинер, склонен к схоластике и беспредметному теоретизированию. Весьма компетентен в вопросах географии Среднего Востока. Но и тут подпускает чрезвычайно много антимарксистского душка»^{VII}.

Вполне естественным было и недовольство отстранением бывших офицеров с руководящих постов в РККА, переводом их с командно-штабных должностей

^I См., напр.: Книга учета лиц состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011–2012. Т. 1–4.

^{II} ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 670. Л. 216об.

^{III} РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 318. Л. 3.

^{IV} Там же. Л. 4.

^V Там же. Л. 8.

^{VI} Там же. Л. 14.

^{VII} Там же. Л. 17.

в военно-учебные заведения или увольнением из армии. Наконец, несогласие вызывала политика, проводившаяся руководством СССР, в частности, такие ее стороны, как подавление православной церкви, а позднее насильственная коллективизация. Свидетельства о такого рода недовольстве сохранились в показаниях арестованных в 1930–1931 гг. по делу «Весна». Генштабист В. А. Афанасьев показал, что «будучи верующим, я был не согласен с теми мероприятиями властей, которые ограничивали и стесняли религию»^I. Религиозностью отличались А. И. Верховский и Б. М. Шапошников, которым вряд ли импонировали антицерковные кампании. М. Д. Бонч-Бруевич по праздникам ходил в храм даже в 1950 г.^{II}

Бывший генерал Ф. Е. Огородников в дневниковой записи 19 августа 1927 г. отметил: «Намерения осчастливить массы, соединенные с сомнением, стоят ли они таких жертв и в этом ли цель жизни, лишенная стремления к личному совершенству впереди масс. Действительная работа на пользу своей среды того, кто не может и не хочет от нее отделяться

Работа “социалистов”, которые хотят добиться чужого счастья, осчастливить всю массу обездоленных по своей теории, руководя этим счастьем и... снимая пенки.

Вот мысли, которые мелькают в голове[,] пока... излагаю английский полевой устав!»^{III}

Курсовик А. А. Буров свидетельствовал о высказываниях бывшего генерала М. Д. Бонч-Бруевича во время летнего перерыва между занятиями на КУВНАС: «Его приводили в отчаяние начавшиеся, а позже и оформившиеся продовольственные затруднения и товарный голод, “вот этот кавказский баран Сталин довел страну до голода. Черт знает что – товаров нет”, “В армии тоже – с тех пор, как вы ушли из Уставного отдела, над уставами никто не работает, нет положения о полевом управлении войск, разобьют нас этак. А потом будут вешать. Ведь меня за мои работы для Красной армии раньше всех повесят. Что же делать. Вот вы человек умный, скажите”. Я отвечал, что у него есть целый ряд выходов; говорил, что он может пойти посоветоваться с братом, с крупными старыми большевиками, с которыми тогда работал. Бонч-Бруевич обычно говорил: “Ну, с братом я почти не вижусь, а старые большевики, конечно, Сталиным недовольны, но умывают руки, как Пилат, и делают вид, что то, что делается – это не их дело. Устраняются”»^{IV}. Впрочем, нельзя исключать того, что Буров под давлением следователя оговорил бывшего генерала. Сам Бонч-Бруевич в своих показаниях именновал Бурова контрреволюционером и провокатором^V.

Дело «Генштабисты» зафиксировало изменение настроений, наблюдаемых в связи с внешнеполитическими и внутривнутриполитическими переменами. В частности, к концу 1927 г. было отмечено ожидание войны и связанного с ней внутреннего переворота. При этом оппозицию во главе с Л. Д. Троцким старые специалисты поддерживать не стремились.

^I ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 184 (245). Л. 70б.

^{II} ОР РГБ. Ф. 381. Карт. 8. Д. 62. Л. 10б.

^{III} РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 25. Л. 20.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 249 (188). Л. 70.

^V Там же. Л. 94.

И все же в 1920-е гг. еще существовала относительная свобода слова и творчества, в том числе для генштабистов. Наглядным подтверждением этому служит письмо бывшего генерала К. Л. Гильчевского председателю ЦИК СССР М. И. Калинину от 9 июня 1927 г. по поводу пенсионного обеспечения. В этом письме Гильчевский вышел далеко за пределы стандартных просьб о выдаче пенсии и перешел к анализу внутреннего устройства СССР, каким оно виделось бывшему генералу. В письме Гильчевский выражал недовольство советскими порядками, требовал реализации на практике декларируемого большевиками равенства для всех, в том числе в вопросах социального обеспечения. Автор письма протестовал против протекционизма, при котором близкие к советской военной элите люди получали различные преференции и блага, а номенклатура жила в роскоши^I. Отмечал Гильчевский и избирательную трактовку властями преемственности СССР от Российской империи только в тех вопросах, которые были им выгодны. Жаловался на невозможность бывшему генералу устроиться на работу.

В письме бывшего генерала прослеживаются и те акценты, которые тогда еще не делались в большевистской пропагандистской риторике. Гильчевский отмечал империалистический характер советизации Закавказья^{II}, засилье инородцев в большевистском руководстве, неверие населения в коммунистические идеи, сетовал на оторванное от жизни доктринерство руководства страны, указывал при этом на экономическое превосходство Америки, где нет и не будет социализма.

Многие наблюдения старого генерала оказались пророческими. Среди них тезисы об эволюции руководства СССР от большевистских принципов к традиционным государственным, о том, что СССР является продолжением Российской империи и осуществляет имперскую политику, а также о том, что партийное руководство ведет страну к монархии (как известно, вскоре окончательно оформились диктатура и культ личности И. В. Сталина). Гильчевский резюмировал: «Михаил Иванович, вы русский человек, стремитесь к одному — к величию нашей родины. Бросьте идею о счастье всего мира. Все равно вы ничего не делаете для него. А мир этот в заключение только напакостит России, даже те же английские и китайские рабочие, которым посылали миллионы русских денег. Думайте только о России — и вы сделаете большое благо для родины. Мне все равно — будет ли Россия советская, монархическая или демократическая, — я думаю только об одном — о благе и величии родины»^{III}. За подобное письмо бывший генерал не только не пострадал, но даже получил государственную поддержку в издании книги. Более того, текст его обращения вызвал интерес властей, хотя к каким-либо изменениям в курсе руководства страны это не привело.

На протяжении 1920-х гг. большая часть высшего и значительный процент старшего командного состава РККА были укомплектованы военспецами^{IV}. Всего в составе (без административно-хозяйственного состава) в 1923 г. их насчитывалось

^I Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины» // Россия XXI (Москва). 2012. № 2. Март — апрель. С. 170, 174.

^{II} Там же. С. 172.

^{III} Там же. С. 177.

^{IV} Абинякин Р. М. Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 21.

14 944 (30,3 % комсостава), а к 1930 г. — 7047 (14,1 % комсостава)^I. По категориям комсостава распределение было следующим (данные на 1 января 1929 г.): в среднем комсоставе — 5,3 %, в том числе 1,4 % кадровых; в старшем комсоставе — 48,2 %, в том числе 18,1 % кадровых; в высшем комсоставе — 73,7 %, в том числе 55,2 % кадровых^{II}. К 10 февраля 1931 г. их оставалось уже только 5195 (12,2 % комсостава), в том числе 1055 кадровых офицеров^{III}. К последним принадлежали и выпускники Николаевской академии, численность которых в армии в силу разных причин также постепенно снижалась. К 1 января 1929 г. командиров, получивших военное образование только в старой армии, насчитывалось 8,8 %, тогда как в 1923 г. — 52,2 %. Что касается высшего строевого комсостава, то в нем на 1 января 1929 г. высшее военное образование имели 55,5 % командиров^{IV}.

Военспецы-генштабисты, уходившие из армии, устраивались на гражданскую службу. По данным на октябрь 1926 г., А.Х. Андерсон устроился экономистом Главметалла, Ф.М. Афанасьев — заместителем заведующего экономическим бюро Всероссийского кожевенного синдиката, Н.Я. Забегалов работал помощником бухгалтера сахарного завода, К.В. Иванов — инструктором отдела топлива ВСНХ СССР, Н.А. Каратов-Караулов — старшим инструктором Закавказского союза кооператоров, А.С. Карпенко — учителем трудовой школы, А.В. Кожевников и А.Н. Максимович устроились по прежней геодезической специальности — инженером-геодезистом и инспектором работ Высшего геодезического управления ВСНХ СССР соответственно, М.А. Орлов стал директором завода «Красный богатырь», И.И. Ратэль служил инспектором при члене правления Наркомата путей сообщения, Л.Н. Ростов заведовал санаторно-курортной канцелярией, У.И. Самсон-фон-Гимельшерн работал заведующим организационно-юридическим подотделом мясохладобойни, А.Н. Ситников устроился старшим зоотехником отдела коневодства Наркомата земледелия, П.П. Слицкоухов трудился в Лубенской окружной милиции, С.А. Сухомлин заведовал военным отделом публичной библиотеки, В.В. Хрулев работал старшим контролером Наркомфина, а В.Ф. Эксе стал кустарем^V.

Некоторые ушедшие из армии могли рассчитывать на пенсионное обеспечение (недоступное большинству населения в то время). Персональные пенсии за исключительные заслуги в РСФСР стали назначаться с февраля 1923 г., а с мая 1928 г. возникла система общесоюзных персональных пенсий^{VI}. На 1927–1928 гг. персональные пенсии получали 1400 военных работников^{VII}, среди которых были и выпускники старой академии. По данным на 1926 г., С.А. Сухомлин и Б.Н. Шавров, служившие в РККА в Гражданскую войну, получали персональную пенсию в размере 40 руб.^{VIII} Пенсия Д.П. Кадомского составляла 70 руб., Н.Г. Мыслицкого —

^I Там же. С. 19.

^{II} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 187.

^{III} Абинякин Р.М. Изменение численности... С. 21.

^{IV} Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. С. 187.

^V РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158, 160.

^{VI} Капустина О.В. Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «История». 2021. Т. 66, вып. 2. С. 407.

^{VII} Там же. С. 408.

^{VIII} РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 158, 160.

80 руб.^I В целом размеры пенсий для бывших генералов и членов их семей варьировались от 21 до 155 руб. в месяц^{II}. По данным на 1926 г., персональные пенсии за заслуги по службе в РККА получали 75 человек, в том числе не менее 30 бывших выпускников академии (или членов их семей)^{III}: М.П. Алексеев (35 руб.), Н.П. Борисов (45 руб.), П.Д. Бурский (40 руб.), И.В. Веселаго (сумма неизвестна), Г.Н. Гамзагурди (35 руб.), А.Ф. Добрышин (60 руб.), Л.И. Дубов (супруга, 35 руб.), А.М. Зайончковский (супруга, 150 руб.), Н.М. Иолшин (75 руб.), А.И. Кабалов (семья, 50 руб.), Д.П. Кадомский (70 руб.), П.П. Каньшин (75 руб.), В.Б. Колышмидт (30 руб.), Ф.В. Костяев (дети, 150 руб.), Ф.А. Макшеев (40 руб.), Н.П. Михневич (75 руб.), М.В. Молочанов (100 руб.), Н.В. Мыслицкий (80 руб.), В.В. Новиков (60 руб.), В.И. Новосельский (семья, 30 руб.), Н.В. Нордгейм (50 руб.), Ф.А. Подгурский (50 руб.), С.Ф. Розанов (50 руб.), А.Э. Свенцицкий (семья, 35 руб.), В.Е. Скалон (дочь, 30 руб.), М.А. Соковнин (80 руб.), Г.Д. Суходольский (75 руб.), С.А. Сухомлин (40 руб.), С.Ф. Таубе (40 руб.), Е.Е. Уссаковский (30 руб.). Интересно, что бывший генерал Н.М. Иолшин, по нашим данным, среди служивших в РККА не значился.

Позднее количество персональных пенсионеров возросло. В 1928 г. к 10-летию РККА СНК СССР были установлены персональные пожизненные пенсии в размере основного оклада жалования 26 военспецам. Среди прочих такие пенсии получили и 12 выпускников академии (Е.З. Барсуков, А.Г. Безруков, Н.С. Беляев, А.К. Гедеванишвили (Гедеванов), А.Е. Гутор, П.М. Захаров, А.К. Климович, Г.К. Корольков, В.П. Муратов, А.А. Незнамов, Ф.Е. Огородников, Д.С. Шуваев)^{IV}. Таким образом, правительство признавало весомый вклад кадров Генштаба в создание Красной армии и в ее победу. По данным на 1930 г., персональные пенсионеры республиканского значения получали льготы в размере 50% квартплаты, на отопление, воду, канализацию, газ, свет, прачечные, общественные бани, проезд на городских железных дорогах и в автобусах. В отношении жилой площади таких лиц приравнивали к рабочим промышленности и транспорта^V.

Подробно известно материальное положение на 1926 г. бывшего генерала З.И. Зайченко. До болезни как преподаватель он получал около 300 руб. в месяц. Военспецу выплачивали 120 руб. жалования (13-й разряд 8-й категории) и 35 руб. на коммунальные расходы, 48 руб. за заведование лабораторией и 100 руб. за чтение лекций. Как инвалиду 1-й категории ему назначили пенсию в размере 120 руб. (размер основного оклада). При этом у Зайченко была семья из четырех человек, включая его самого. Домочадцы военспеца являлись иждивенцами. Квартплата составляла 24 руб. в месяц. Таким образом, материальное положение бывшего генерала при выходе на пенсию резко ухудшилось. Тем более что перестали выдавать и казенное обмундирование^{VI}.

Для «бывших» людей, оказавшихся вне привычной военной службы, была характерна подчас радикальная смена деятельности (впрочем, чистки бывших офицеров

^I Там же. Л. 160.

^{II} Там же. Л. 163.

^{III} Там же. Л. 164.

^{IV} РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 16. Л. 5; Известия. 1928. 14.03. № 62 (3296). С. 2.

^V РГВА. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 12. Л. 69.

^{VI} РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 52. Л. 11–11об.

проходили и в гражданских учреждениях¹). Так, бывший генерал Г.М. Тихменев, служивший в 1919–1924 гг. в Пензе, там же и остался после увольнения в запас по возрасту. В дальнейшем он работал в Пензе школьным учителем математики. Бывший генерал И.А. Никулин остался безработным и занимался литературной деятельностью². Бывший пленный белогвардеец, слушатель ускоренных курсов академии капитан Б.В. Люба за период 1917–1927 гг. сменил восемь мест службы, пробовал себя не только на военном поприще, но также как бухгалтер и руководитель духового оркестра³. Прежнюю склонность к музыке он конвертировал в профессию. В 1920–1930-е гг. Люба неоднократно арестовывался и в конечном итоге был расстрелян. Репрессиям подвергся и его сын. Некоторые «бывшие» смогли найти себе применение вне армии, но по близким к прежней специальностям. Например, опытный военный финансист и интендант генерал Н.Н. Артамонов, служивший в колчаковской армии, а затем в РККА, после ухода из армии устроился инспектором Омского губернского (затем – окружного) финотдела, где работал с полным напряжением порой до 12 часов в сутки⁴, а в 1931 г. уволился по инвалидности.

Разумеется, те из бывших офицеров, кто не смог устроиться в новом обществе, оказался оторван от любимой специальности, лишился прежнего положения, куска хлеба и смысла жизни, едва ли могли относиться к лицам, лояльным советской власти. Свой отпечаток на настроения накладывали и удручающие бытовые условия, в которые попали бывшие представители военной элиты, что не шло ни в какое сравнение с дореволюционной жизнью. После окончания Гражданской войны особенно остро эти явления стали ощущаться в результате свертывания НЭПа, когда произошло снижение уровня жизни. Многие ютились в коммуналках. Бывший генерал И.В. Ахвердов писал своему товарищу генералу Ф.И. Назарбекову (негенштабисту) о жизни в коммуналке: «У меня перемен никаких нет, не считая того, что постепенно, понемногу, жизнь становится сложнее, т.к. обставляется разными мелкими условностями, зависящими от характера, нервности и взаимоотношений окружающих людей, с которыми постоянно соприкасаешься в квартире»⁵.

Удручающие жилищные условия не улучшились и после Гражданской войны. Любопытную зарисовку бытовой повседневности военспецов рисует следующее письмо. Генерал М.А. Свечин 9 апреля 1928 г. писал из Ниццы своему младшему брату, известному военному теоретику А.А. Свечину в СССР (в трудночитаемых местах в скобках нами поставлены вопросительные знаки): «Дорогой Саша, страшно меня обрадовало твое письмо от 18 марта. Я страшно горевал, не имея от тебя известий почти год, считая, что впредь у вас запрещено писать нам за границу. Большое спасибо и за книгу, действительно, как ты пишешь, “машина здоровая”, воображаю, какого труда и напряжения она потребовала от тебя, зная

¹ См., напр.: Петин Д. И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 90–104.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 160.

³ Чуйкина С. А. Дворянская память. С. 70–71, 73.

⁴ Петин Д. И. Увольнение бывших офицеров в ходе чисток... С. 94–95.

⁵ НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 74.

твою добросовестность в работе^I. С наслаждением начал ее читать, к сожалению, на это у меня немного времени. Поздравляю тебя и Ирину Викторовну^{II} с праздником Светлого Христова Воскресения и от души желаю здоровья и удачи во всех ваших делах. У нас тоже свирепствует здесь грипп, и только недавно ему дань отдали – сам и жена; особенно у последней он прошел в очень тяжелой форме с очень высокой температурой. А беда, когда хозяйка болеет – все тогда выбивается из колеи. Вполне разделяю радость Ирины Викторовны иметь отдельную кухню. Иногда, читая тяжелые условия вашего жилищного вопроса, берет стыд – как можно существовать, когда на кухне встречаются по несколько хозяек разнообразного положения, привычек и пр. – ведь это ужас. Здешние жители такого себе представить не могут: кухня – это святая святых каждой хозяйки – кто бы она ни была. Ничего ты, дорогой брат, не пишешь о своей частной жизни и своих детях. Петя^{III}, вероятно, кончает среднюю школу; по какой специальности думает идти? Что слышно об Георгии? Я ни о ком уже давно не имею сведений. Крепко обнимаю тебя и целую ручки дорогой Ирины Викторовны. Если вам можно, то не забывайте нас, грешных, заброшенных судьбой в далекие и чуждые края. Твой Миша. Когда будешь писать, не можешь ли прикладывать стар[ых] марок, особенно ваши марки юбилейные [?] пользу[ются] большим успехом. P.S. Большое спасибо за присылку фотографий, все дошло очень аккуратно^{IV}.

Как видно, в письме сказано немного, поскольку, несмотря на все послабления, ни о чем, кроме бытовых мелочей, в такой переписке сообщать нельзя. К сожалению, в нашем распоряжении нет предшествующих этому писем, в которых А.А. Свечин, видимо, объяснял своему брату, незнакомому с советской действительностью, что такое коммунальная квартира, в которой он был вынужден жить. Письмо показывает, что даже в сложных условиях эмиграции генштабисты в бытовом плане к концу 1920-х гг. смогли устроиться лучше, чем их прежние коллеги в СССР.

Коммунальная война отравляла жизнь даже одному из создателей РККА бывшему генералу М.Д. Бонч-Бруевичу. Уйдя с руководящих постов в армии, в 1919 г. он с супругой поселился в самом центре Москвы, в двух комнатах на Знаменке. Жилье бывший генерал получил от ПШ РВСР. Все было хорошо до 1923 г., когда председатель жилтоварищества задумал выселить Бонч-Бруевичей из дома и добился возбуждения против бывшего генерала нескольких фиктивных дел. Бонч-Бруевичу в защите жилплощади помогла известность. Осенью 1925 г. он подал рапорт заместителю председателя РВС СССР И.С. Уншлихту, в котором изложил ситуацию, отметив, что его травят уже около трех лет^V. В итоге жилплощадь удалось отстоять^{VI}.

На фоне бытовых неурядиц в среде «бывших» распространились ностальгические воспоминания о прежней жизни, ее идеализация и стремление вновь

^I Речь идет об одной из двух вышедших незадолго до этого фундаментальных работ А. А. Свечина – «Эволюция военного искусства» или «Стратегия».

^{II} Супруга А. А. Свечина.

^{III} Сын А. А. Свечина от первого брака, родившийся 5 марта 1910 г.

^{IV} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66 (87). Л. 95. Конверт. Нумерация внутри конверта: Л. 14–14об.

^V ОР РГБ. Ф. 369. Карт. 423. Д. 15. Л. 27.

^{VI} Ганин А. В. «Я подвергаюсь непрерывной и систематической травле...»: Бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич в борьбе за квадратные сажени // Родина. 2016. № 11. С. 126–130.

погрузиться в былую атмосферу. Осуществить это в сложившихся условиях можно было лишь посредством общения с товарищами по прежним временам, такими же бывшими офицерами, оказавшимися чужими в своей стране, замыкания в своем кругу (в чем-то схожие процессы шли и в среде русской военной эмиграции). Общение это проходило в виде неформальных встреч с застольями и возлияниями, а также посредством переписки. Одним из популярных праздников был день св. Георгия, когда бывшие офицеры устраивали застолья, на которые надевали свои награды. На таких встречах «бывшие» делились воспоминаниями о старой армии, воссоздавали атмосферу военного братства. Порой выпивка сопровождалась политическими разговорами.

Взаимодействие бывших офицеров, включая действующих командиров РККА, складывание их группировок попадало в поле зрения органов госбезопасности, державших эту категорию лиц как потенциально опасную и враждебную режиму под пристальным наблюдением. При внешней дряблости и инертности «бывшие» стремились объединяться, обладали боевым и организационным опытом (в том числе опытом вооруженной борьбы с большевиками), способствовали восстановлению в РККА офицерского духа, поддерживали связи с заграницей (как с иностранными военными, так и с белой военной эмиграцией). Такие группировки по всей стране таили потенциальную опасность для власти.

Память об изломе Гражданской войны никуда не делась, офицеры «ничего не забыли». Очевидно, никакой пощады партийным деятелям в случае обострения ситуации от офицерства ждать не приходилось. Многие военспецы в разговорах не скрывали того, что ожидают начала внешней войны и надеются на освобождение от большевиков, причем готовы в случае войны поддержать противника. Вместе с тем присущая офицерам пассивность наряду с возникшей в советских условиях разобщенностью и всеобщей подозрительностью не позволила этим людям, оставшимся на родине, в их недовольстве режимом зайти дальше бытовых разговоров.

И все же 1920-е гг. для военспецов-генштабистов могут считаться сравнительно благополучным временем. Многие продолжали активно работать в РККА и вносили ощутимый вклад в строительство и укрепление советских Вооруженных сил. Так, заместитель начальника Штаба РККА С.А. Пугачев работал над совершенствованием тактической подготовки войск, анализировал ход маневров Красной армии¹. Бывший генерал-майор А.А. Свечин совмещал педагогическую и военно-научную работу, готовил труды по истории Первой мировой войны и истории военного искусства.

Обладая сложным характером и склонностью остро критически воспринимать действительность, Свечин нажил себе много врагов. К примеру, по итогам не вполне академического ответа слушателя дополнительного курса Д. Гаевского на статью Свечина на страницах журнала «Красные зори» последний в Военной академии в конце 1924 или начале 1925 г. вывесил объявление следующего содержания: «Я обвиняю т. Гаевского в скудоумии и клевете в печати и вызываю

¹ Коршунов Э. Л., Щерба А. Н. «Центр тяжести всех маневров должен быть перенесен на боевые действия войск...» // Военно-исторический журнал. 2018. № 6. С. 15–23; № 7. С. 8–16.

его на суд перед 12 слушателями старшего и дополнительного курса, прослушавшими^I мои лекции^{II}. Гаевский собирался обратиться в народный суд, но, по-видимому, инцидент уладили.

Свечин написал фундаментальное трехтомное исследование «История военного искусства» (1922–1923 гг.) и ставший классическим труд «Стратегия» (1926 г.), переводил произведения иностранных военных деятелей, был редактором четырехтомной «Истории военного искусства» Г. Дельбрюка, которая увидела свет в 1926–1929 гг. Период 1920-х гг. был одним из наиболее плодотворных в деятельности Свечина как военного ученого^{III}.

Бывший генерал-майор В.Е. Белолипецкий наряду с преподаванием в целом ряде военно-учебных заведений вел большую военно-научную работу. Только в 1920-е гг. он издал девять руководств, наставлений, учебных пособий по вопросам тактики, уставов и т.д.^{IV} Колоссальной была работа В.М. Цейтлина, который стал одним из видных теоретиков военной связи Красной армии^V. Его авторству принадлежали 37 книг и брошюр, включая переиздания, а всего – свыше 70 военно-научных трудов. Некоторые труды Цейтлина имели секретный характер, а часть популярных работ издавалась в сериях «Библиотека командира» и «Библиотека красноармейца». Отдельные его идеи опередили свое время и подтвердились на практике уже в годы Великой Отечественной войны. Примеры такого рода можно продолжать.

Целый ряд генштабистов занимались преподавательской работой. Их деятельность ярко характеризуют благодарные отклики учеников – видных советских военных деятелей. Например, будущий советский генерал П.П. Собенников в ноябре 1923 г. писал бывшему генералу М.А. Соковнину, у которого учился на Военно-академических курсах: «Пользуюсь случаем принести Вам еще раз свою глубокую благодарность за ту большую работу, проделанную Вами, в отношении моего военного образования, и за Ваше всегда теплое, хорошее отношение.

Всегда с чувством самого глубокого удовлетворения вспоминаю прошедший год на ВАКе, проведенный исключительно под Вашим авторитетным руководством, и буду счастлив, если вновь в следующий созыв ВАКа мне удастся попасть в Вашу группу»^{VI}.

Генерал П.И. Батов вспоминал об учебе у бывшего генерала Я.А. Слащева: «Бывают странные повороты судьбы. Генерал Слащев стал нашим учителем. После окончания Гражданской войны он пошел служить рабоче-крестьянской России и как военный специалист преподавал на курсах “Выстрел”. Преподавал он блестяще, на лекциях народу полно, и напряжение в аудитории порой было, как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал, не жалея

^I В документе несогласованно – прослушавших.

^{II} РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 223. Л. 59.

^{III} Думби Ю. Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... к. и. н. М., 2000. С. 221.

^{IV} ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 4. Д. 2049. Л. 19, 46.

^V Военные связисты в дни войны и мира. М., 1968. С. 87. Подробнее о нем см.: Цейтлин В. М. Дневник 1914–1918 годов / под ред. А. В. Ганина. М., 2021; Ганин А. В. Военспецы. С. 367–408.

^{VI} РГВИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

язвительности, разбирал недочеты в действиях наших революционных войск. Скрипели зубами от гнева, но учились»¹.

В то время у некоторой части бывших офицеров-генштабистов возникла иллюзия того, что в стране и армии сложились нормальные условия для их жизни и деятельности. Так, бывший генерал И. А. Никулин в показаниях по делу «Весна» отметил: «Многие из б[ывших] офицеров Ген. штаба, фигурировавших в моих показаниях... награждены советской властью тоже своего рода привилегиями: званиями “Героя Труда”, персональной пенсией за особые заслуги, пенсией в размере персонального оклада, получаемого на службе (100 %), жилищными преимуществами, командировками на курорты и т. п. Казалось бы, что при таких условиях для б[ывших] офицеров Ген. штаба совершенно исключается причина недовольства, если при этом, конечно, быть достаточно скромным в своих аппетитах и учитывать все те общие для всех затруднения, которые временно переживает наша страна.

Переходя теперь к рассмотрению той категории б[ывших] офицеров Ген. штаба, которая работает в вузах в качестве военных преподавателей по ВВД и ВВП^{II}, то здесь надо категорически сказать только одно: не только недовольства, но кроме глубокой признательности ничего больше. Почему? Да потому, что это еще раз твердо подтверждает, что советская власть не стремится во что бы то ни стало выбросить б[ывших] офицеров Ген. штаба “за борт”, а наоборот – предоставляет каждому, сохранившему еще работоспособность и состоящему ныне в запасе РККА или отставке (по предельному возрасту), вносить свои знания в дело обороны нашего Союза.

То же самое надо сказать и о тех лицах Ген. штаба, которые служат в гражданских учреждениях: здесь тоже налицо своего рода “привилегия”: это забронированная норма для поступающих в гражд[анские] учреждения при увольнении в запас РККА или отставку.

В общем, следовательно, по данному вопросу приходится отметить: особой специфической базы для недовольства офицеров Ген. штаба как таковых, в действительности, надо полагать, не имеется»^{III}. Ближайшее будущее показало, что эти надежды «бывших» оказались иллюзорными.

Старым генштабистам тогда грозило отстать от резко менявшейся военной науки. По этому поводу Никулин отмечал: «Профессору и преподавателю приходится больше всего думать и очень много работать над тем, чтобы самому не отстать от быстро текущего потока современных военных знаний, а также и знаний из области общественных наук, так как обе эти отрасли ныне должны бесспорно изучаться в самой тесной увязке друг с другом»^{IV}.

Тем не менее целая плеяда оказавшихся в РККА генштабистов старой школы внесла свой вклад в развитие советской военной науки и военно-теоретической мысли межвоенного периода, создала новые разработки в области стратегии и оперативного искусства. Так, из 74 авторов наиболее известных советских

^I Батов П. И. В походах и боях. М., 2015. С. 18.

^{II} ВВД – введение в военное дело, ВВП – высшая вневойсковая подготовка студентов высших учебных заведений. Выражаю глубокую благодарность к. и. н. А. А. Симонову за помощь в расшифровке сокращений.

^{III} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3179 (3340). Л. 64об.–66.

^{IV} Там же. Л. 66.

трудов по вопросам стратегии и оперативного искусства, вышедших в период 1917–1940 гг., 23 (31,1 %) являлись выпускниками Николаевской академии¹. Если же исключить из подсчета не оканчивавших старую академию авторов трудов по военным специальностям (теоретиков применения бронетанковых войск, артиллерии, авиации, военно-морского флота, инженерных войск, военной химии), то выпускники Николаевской академии уже составят 23 из 44 авторов, т.е. 52,3 % военных теоретиков. С учетом того, что положение генштабистов старой школы в советских условиях было непростым, это очень высокий процент, свидетельствующий о том, что интеллектуальный потенциал старого Генштаба был весьма ощутим и в новых реалиях, вплоть до Великой Отечественной войны. Наибольшую известность в качестве военных теоретиков приобрели К.Ю. Берендс, Н.Е. Варфоломеев, И.И. Вацетис, А.И. Верховский, А.И. Готовцев, Алексей Е. Гутор, А.М. Зайончковский, Н.Е. Какурин, С.С. Каменев, Н.Я. Капустин, А.В. Кирпичников, А.К. Коленковский, Н.Г. Корсун, А.Г. Лигнау, С.А. Меженинов, Н.А. Морозов, А.А. Незнамов, В.Ф. Новицкий, Ф.Е. Огородников, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Н.А. Сулейман, Б.М. Шапошников, Н.Н. Шварц, Е.А. Шиловский.

Немаловажную роль в активизации военно-научной работы в 1920-е гг. сыграло Военно-научное общество, созданное при Академии Генштаба РККА 13 октября 1920 г. Общество стало популярной массовой организацией и к 1926 г. включало уже около 300 000 членов. В 1920-е гг. в СССР существовала, в целом, сравнительно благоприятная обстановка для ведения военно-научных исследований. Позднее, по мере наступления государства на общественные свободы, насаждения культа личности И.В. Сталина, усиления цензурного гнета и начала государственного террора против общества, ситуация резко ухудшилась. Тем не менее период 1924–1936 гг. даже иностранными исследователями оценивается как плодотворный для советской стратегической и тактической мысли².

В 1927 г. группа наиболее опытных преподавателей, в том числе выпускников старой академии (И.И. Вацетис, А.И. Верховский, А.Г. Лигнау, В.Ф. Новицкий, А.А. Свечин), была удостоена звания «профессор высших военно-учебных заведений РККА». В.Ф. Новицкий, кроме того, стал заслуженным деятелем науки и техники³. А.Е. Снесарев в 1928 г. одним из первых получил почетное звание «Герой Труда».

В сфере научных интересов генштабистов находился самый широкий спектр вопросов. Прежде всего, организация работы Генерального штаба (Б.М. Шапошников), вопросы военной доктрины (И.И. Вацетис), начальный период войны (Е.А. Шиловский), непрерывность операций (С.С. Каменев), последовательные операции (Н.Е. Варфоломеев) и глубокая операция (Ф.Е. Огородников), маневр (А.И. Верховский), прорыв (Е.А. Шиловский), атака укрепрайона (А.И. Готовцев), фронтальный удар (А.Е. Гутор), организация ударных армий (Н.Е. Варфоломеев), конно-механизированных групп (А.В. Кирпичников), встречный бой (Н.Е. Какурин), позиционная война (Н.Я. Капустин), военная игра (А.Х. Базаревский), общая тактика (С.Г. Лукирский, Н.П. Сапожников), боевое применение пехоты (А.К. Климович,

¹ Наш расчет по: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965.

² Bayer Ph. A. The Evolution of the Soviet General Staff, 1917–1941. N.Y.; London, 1987. P. 213.

³ Академия имени М. В. Фрунзе. М., 1973. С. 85.

А.Г. Лигнау, Е.А. Меньчуков, Н.А. Морозов), конницы (М.А. Баторский, Б.К. Верховский, В.Н. Гатовский, М.С. Свечников, Б.М. Шапошников), артиллерии (Е.З. Барсуков, А.Д. Сыромятников, В.К. Токаревский, В.М. Четков), авиации (С.А. Меженинов), воздушных десантов (А.Я. Яновский), инженерных войск (К.К. Шильдбах (Литовцев)), войск связи (В.М. Цейтлин) и др. А.А. Свечин еще в дореволюционный период приобрел известность как разработчик теории общевойскового боя, прорыва подготовленной обороны, войны в горах. Кроме того, Свечин сделал достаточно точные прогнозы развития событий в случае войны.

На исследования накладывала отпечаток самоцензура. Так, Б.М. Шапошников посвятил свой фундаментальный трехтомный труд «Мозг армии» детальному изучению деятельности австро-венгерского Генерального штаба, что было намного безопаснее изучения российского Генштаба, откуда происходили военспецы-генштабисты, или германского Генштаба, поскольку РККА активно сотрудничала с рейхсвером.

В 1920-е гг. прежнее деление военного искусства на стратегию и тактику постепенно стало отходить в прошлое. Получила распространение трехчленная формула: стратегия – оперативное искусство – тактика. Теория последовательных операций, разрабатывавшаяся рядом авторов, как раз относилась к оперативному искусству и была разработана на основе опыта Гражданской войны. Широко дискутировались вопросы стратегии измора и стратегии сокрушения, что должно было определить военную доктрину СССР¹. Обоснование применения оборонительной стратегии измора ряд теоретиков находили в военно-технической отсталости СССР при огромном людском потенциале. Такие взгляды разделяли М.А. Баторский, А.И. Верховский, Н.Е. Какурин, Н.А. Морозов, А.А. Свечин, за что подвергались критике и шельмованию со стороны своих оппонентов, в частности М.Н. Тухачевского. Наступательные действия противопоставлялись оборонительным. Приоритет наступления над обороной был закреплен в Полевом уставе РККА 1929 г. и подтвержден во Временном полевом уставе 1936 г. Дискуссионными оставались вопросы о маневренном или позиционном характере будущей войны.

Теория последовательных операций и глубокой операции с применением ударных армий, в разработку которых внесли вклад генштабисты старой школы, получила особенно серьезное развитие в трудах «отца советского оперативного искусства» заместителя начальника Штаба РККА В.К. Триандафиллова (выпускника Военной академии РККА). Теория глубокой операции нашла признание ко второй половине 1930-х гг., а свое практическое применение (разумеется, с учетом боевого опыта) нашла в операциях Великой Отечественной войны (в контрнаступлениях под Москвой, Сталинградом и Курском, в Белорусской и Висло-Одерской наступательных операциях)². То, что в период Большого террора такие крупные военные

¹ Подробнее см.: История военной стратегии России. М., 2000. С. 197–198; Кривопапов А. А. В тени теории глубокой операции: Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 гг. М., 2022. С. 118–143; Минц М. М. «Стратегия сокрушения»: стратегическая и военно-техническая концепции будущей войны в структуре советской военной доктрины 1930-х — начала 1940-х годов // Российская история. 2010. № 3. С. 3–18.

² Подробнее см.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. С. 22–24; Коротков И. А. История советской военной мысли: Краткий очерк. 1917 — июнь 1941. М., 1980. С. 146–155, 235–236; История военной стратегии России. С. 232; Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные

мыслители, разрабатывавшие современные для той эпохи и успешно примененные на практике военные теории, как, например, Н.Е. Варфоломеев, С.А. Меженников, А.А. Свечин, были расстреляны, нанесло невосполнимый ущерб Красной армии и отечественной военной мысли¹.

Преподаватели в силу специфики их работы свободное время могли посвящать научной деятельности. Например, Н.Е. Какурин, будучи преподавателем Военной академии РККА и начальником отдела по истории Гражданской войны при Штабе РККА, внес огромный вклад в изучение истории Гражданской войны. В 1920-е – начале 1930-х гг. им был подготовлен и издан целый ряд фундаментальных трудов по этой теме, а также работ научно-популярного характера. Авторству Какурина принадлежат работы «Русско-польская кампания 1918–1920» (М., 1922), «Встречное сражение 1-й Конной и 2-й польской армий на подступах к Львову в июле и августе 1920 г.» (М., 1925), «Война с белополяками» (М., 1925, в соавторстве с В.А. Меликовым, и М., 1930, без соавтора), «Как сражалась революция» (Т. 1–2. М., 1925–1926), «Стратегический очерк Гражданской войны» (М., 1926), «Борьба за Петроград в 1919 году» (М., 1928), «Восстание чехословаков и борьба с Колчаком» (М., 1928), «Гражданская война на Украине» (Харьков, 1928, в соавторстве с Р.П. Эйдемандом), «Киевская операция поляков 1920 года» (М., 1928, в соавторстве с К.Ю. Берендсом). Кроме того, Какурин опубликовал ряд военно-научных трудов, среди которых «Современная тактика» (М., 1927), «Встречный бой» (М., 1927), «Операции на отдаленных и своеобразных театрах пустыни» (М.; Л., 1930) и др. Книга Какурина «Как сражалась революция» является до сих пор наиболее фундаментальным обобщающим трудом по военной истории Гражданской войны, а «Война с белополяками» – наиболее полным исследованием боевых действий Советско-польской войны. В 1932 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы и умер в Ярославском политизоляторе ОГПУ 29 июля 1936 г. Если бы не репрессии, он мог написать еще немало ценнейших научных работ. Когда Какурин

годы. С. 84–88; *Шелтура С. В.* Влияние теории глубокой операции и глубокого боя на разработку основ организации связи накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 7. С. 30.

¹ Подробнее о Большом терроре в РККА см. серию фундаментальных монографических исследований, подготовленную под руководством В. С. Мильбаха: *Горохов В. В., Мильбах В. С., Саберов Ф. К., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Черноморский флот. СПб., 2017; *Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб., 2013; *Мильбах В. С.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007; *Его же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот. СПб., 2013; *Его же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Амурская Краснознаменная военная флотилия. СПб., 2014; *Его же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб., 2014; *Его же.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Сибирский военный округ. СПб., 2014; *Мильбах В. С., Ларькин В. В.* Политические репрессии командно-начальствующего состава. Закавказский военный округ, 1937–1938 гг. СПб., 2016; *Мильбах В. С., Негода Н. В., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Киевский военный округ. СПб., 2020; *Мильбах В. С., Павлович С. Л., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. СПб., 2019; *Мильбах В. С., Саберов Ф. К.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Краснознаменный Балтийский флот. СПб., 2016; *Мильбах В. С., Сапожников А. Г., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Северный флот. СПб., 2014; *Мильбах В. С., Фомичев С. О., Чураков Д. Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. М., 2018.

был репрессирован, его труды на долгие годы были сокрыты в спецхранах, что, несомненно, негативно сказалось на уровне изучения истории Гражданской войны в советской историографии.

Военно-исторические исследования вели и другие выпускники старой академии. В частности, А.Х. Базаревский, Е.З. Барсуков, А.С. Белой, В.Е. Белолипецкий, М.Д. Бонч-Бруевич, Н.Е. Варфоломеев, И.И. Вацетис, А.И. Готовцев, А.Е. Гуттор, А.М. Зайончковский, М.П. Каменский, А.К. Коленковский, Н.Г. Корсун, А.Н. де Лазари, Д.Н. Надежный, В.Ф. Новицкий, Ф.П. Шафалович и др. исследовали операции Первой мировой войны. Острые дискуссии вызывал опыт Советско-польской войны, участники которой стремились снять с себя ответственность за неудачи. Так, Б.М. Шапошников пытался защищать ПШ РВСР, начальником Оперативного управления которого в то время являлся, критикуя руководство Западного фронта во главе с М.Н. Тухачевским¹.

Важной составляющей работы военспецов-генштабистов являлось изучение зарубежной военной литературы, учет военного опыта иностранных армий. Нередко эта деятельность выражалась в подготовке переводов военных трудов. Переводы ряда трудов выходили даже в период широкомасштабной Гражданской войны. В 1920-е гг. эта работа закономерно расширилась. До 1926 г. военно-издательской деятельностью руководил Высший военный редакционный совет, созданный 4 ноября 1921 г. В числе первых были переведены и изданы книги немецких авторов (работы К. фон Клаузевица, Г. Куля, Э. фон Фалькенгайна). В 1923 г. А.А. Свечин и А.Е. Снесарев выпустили перевод классической работы А. фон Шлиффена «Канны». Под редакцией А.А. Свечина в 1924–1926 гг. была издана двухтомная хрестоматия «Стратегия в трудах военных классиков», а в 1925–1926 гг. под редакцией С.Г. Лукирского вышла двухтомная «Тактика в трудах военных классиков», составленная М.Д. Бонч-Бруевичем, П.И. Измествевым, С.Г. Лукирским и Н.П. Сапожниковым. Любопытно, что в список рекомендованной редакционным советом литературы по тактике была включена работа эстонского генштабиста Н.А. Реека «Управление боем», подготовленная по опыту уставов и наставлений русской армии. А.Е. Снесарев перевел (причем при публикации имя репрессированного по делу «Весна» Снесарева даже не упомянули²), а А.А. Свечин сверил с оригиналом и отредактировал перевод книги К. фон Клаузевица «О войне». А.Е. Снесарев редактировал перевод труда Ф. Бернгарди «О войне будущего» и перевод книги Г. Куля «Воспитание мирного времени и опыт войны», перевел «Курс общей тактики» Ф. Кюльмана, труд Э. фон Фалькенгайна «Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях», книгу М. Шварте «Исторические примеры из мировой войны».

Из числа военспецов-генштабистов помимо А.А. Свечина и А.Е. Снесарева активно работали в этой сфере В.Е. Белолипецкий (редактировал «Наступление с прикнутыми к другим войскам флангами и оборона в маневренной войне» Ф. Тайзена, перевел с немецкого языка 11 книг, в основном о подготовке немецкой пехоты), К.Ю. Берендс (редактировал перевод книги Г. Куля «Германский Генеральный штаб,

¹ Шапошников Б. М. На Висле: К истории кампании 1920 года. М., 1924.

² Даниленко И. С. О судьбе рукописи и ее автора // Снесарев А. Е. Жизнь и труды Клаузевица. М.; Жуковский, 2007. С. 24.

его роль в подготовке и ведении мировой войны»), М.Д. Бонч-Бруевич, Н.Е. Варфоломеев, И.И. Глудин, В.А. Златолинский (перевел книгу Л. фон Трака «Прорыв русского карпатского фронта у Горлицы — Тарнова в 1915 г.», П.И. Измestьев (редактировал переводы книг В. Фогеля «Барановичи 1916 г.» и К. Вульфена «Лодзинское сражение (прорыв у Брезин)»), М.П. Каменский (под его редакцией вышел перевод книги Г. Редерна «Зимняя операция в районе Мазурских озер»), С.Г. Лукирский (составлял и редактировал «Тактику в трудах военных классиков»), С.А. Меженинов (перевел польскую книгу С. Абжолтовского «Тактика авиации» и совместно с Е.И. Татарченко и С.Г. Хорьковым перевел с французского работу «Воздушный флот. История, тактика, техника», вместе с Н.Е. Варфоломеевым и И.И. Глудиным перевел «Тактику польской пехоты»), В.Ф. Новицкий (под его редакцией вышел перевод книги Дж. Фуллера «Танки в великой войне 1914–1918 гг.», Ф.Е. Огородников (перевел книги «Боевое обучение мелких частей польской армии», «Боевая подготовка германской армии»), Н.П. Сапожников (редактировал перевод первой части «Временного французского устава маневрирования пехоты»), Л.Ф. Тигранов (редактировал перевод книги К. Пэльмана «Бои на реке Зап[адном] Буге летом 1915 г.») и др.¹ Наиболее активно переводами занимались военспецы, находившиеся на преподавательской работе. Характерно и то, что в подготовке переводных изданий участвовали многие генштабисты, оставившие собственные военно-научные труды.

Один из зарубежных исследователей разделил командиров дореволюционной Красной армии на категории: профессионалы, полупрофессионалы и непрофессионалы. По этой градации в первую категорию попадали генштабисты во главе с Б.М. Шапошниковым, во вторую — младшие офицеры старой армии во главе с М.Н. Тухачевским и в третью — лица без подготовки во главе с К.Е. Ворошиловым². Создатели подобных построений выстраивают концепцию того, что первые две группы были уничтожены в 1930-е гг. и армия оказалась возглавлена некомпетентными людьми. Такая классификация упрощает реальную картину событий, поскольку, например, генштабисты были связаны с каждой из групп, объединяясь вокруг каждого из вышеуказанных лидеров военной элиты. Кроме того, репрессии не ставили своей задачей снижение уровня подготовки и квалификации комсостава, а также, вопреки различным версиям, не были направлены против какой-либо одной категории командиров (например, против лиц с высшим военным образованием). Репрессии отличались непредсказуемостью, затрагивали самых разных людей, от предельно лояльных Сталину до откровенно фрондирующих и подозрительных. Преследований не избежали ни добросовестные служаки, ни сексоты, ни карьеристы-приспособленцы, ни нестигаемые противники режима, готовые на все вплоть до нелегальной борьбы.

¹ Подробнее см.: Дусин А. В. Деятельность Высшего военного редакционного совета по выпуску переводных военных изданий в 1921–1926 гг. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела (Москва). 2010. № 2. С. 112–119; Его же. Переводческая деятельность «военспецов» в Красной армии в 1920–1939-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2010. Т. 9. С. 269–272; Его же. Переводная военная книга в России (1918–1941 гг.): дис. К. и. н. Новосибирск, 2012.

² Reese R. R. Red Commanders. P. 80–81.

Усиление репрессий произошло на рубеже 1920–1930-х гг. Достаточно отметить, что в 1929–1930 гг. из РККА «вычистили» 16 695 военнослужащих, были ликвидированы 594 контрреволюционные группировки и арестованы 2603 человека¹.

Операцией, серьезно ударившей по старым генштабистам, оставшимся в СССР, стало дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна», развернувшееся в 1930–1931 гг. Ответственность за его фабрикацию несут видные украинские чекисты тех лет – начальник секретно-политического отдела ГПУ УССР Г.С. Люшков, начальник Особого отдела Украинского военного округа И.М. Леплевский и, конечно, председатель ГПУ УССР В.А. Балицкий, а также подталкивавшие их из Москвы председатель ОГПУ СССР В.Р. Менжинский, его заместитель Г.Г. Ягода и стоявший за всеми ними И.В. Сталин. Были и противники подобных действий (не из сострадания к невинно арестованным, поскольку «оппозиционеры» сами участвовали в фабрикации дел, а в рамках аппаратной борьбы за власть в чекистском ведомстве²). Прежде всего, начальник Особого отдела ОГПУ Я.К. Ольский, 2-й заместитель председателя ОГПУ С.А. Мессинг, полпред ОГПУ по Московской области Л.Н. Бельский, начальник Главной инспекции по милиции и угрозыску ОГПУ И.А. Воронцов, лишившиеся в итоге не только должностей, но и службы в ОГПУ. На другую должность был переведен еще один противник операции – начальник Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Г. Евдокимов. Как и в Гражданскую войну, жертвами партийно-чекистских аппаратных игр стали военные.

Мотивы фабрикации дела «Весна» были следующими. По окончании Гражданской войны на территории Советской России оказалось не менее 110 000 бывших офицеров, воспринимавшихся властями как потенциальная угроза безопасности. Тем более что ко второй половине 1920-х гг. численность кадрового состава РККА была ниже этой цифры и достигала лишь около 98 000 человек (куда, кстати, входили свыше 10 000 бывших офицеров) при более чем полумиллионном переменном составе³. Среди отмеченных 110 000 «бывших» оставались десятки тысяч ветеранов антибольшевистских армий (на особом учете ОГПУ к 1 сентября 1924 г. состояли 50 900 бывших белых офицеров и чиновников⁴). Потенциальная угроза интервенции на рубеже 1930-х гг., рост недовольства внутри СССР на фоне раскулачивания, продовольственного и топливного кризиса, необходимость возложить на кого-то вину за проблемы развития страны для исключения массовых беспорядков привели к организации первой после Гражданской войны волны массовых репрессий. В СССР начали разворачиваться репрессивные кампании против разного рода «вредителей» на объектах промышленности, на транспорте, в торговле, в научной среде и в армии: «Шахтинское дело» 1928 г., дело «Промпартии» 1930 г., Академическое дело 1929–1931 гг., дело микробиологов 1930–1931 гг.⁵

¹ Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 137.

² Тумшис М., Палчинский А. 1937. Большая чистка. С. 213–214.

³ Жарков В. В. Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 192.

⁴ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 6.

⁵ Подробнее см.: Политбюро и «вредители»: Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: Сб. док. / под общ. ред. О. Б. Мозохина. М., 2014. Кн. 1–2; Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2016. Кн. 1; Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2011–2012. Кн. 1–2; Чельный А. А. Микробиолог Степан Васильевич Коршун: судьба ученого и дело «микробиологов». М., 2010.

Однако самым масштабным стало дело «Весна», охватившее не менее 3276 человек (по разным оценкам всего по этому делу, затронувшему всю страну, и связанным с ним делам могли проходить от 5000 до 10 000 человек¹).

Все эти дела имели немало общего. Во-первых, они преследовали мобилизационные задачи — сплотить советское общество против неких вымышленных врагов и отвести вину от подлинных виновников неудач в руководстве страны и партии. Во-вторых, жертвами этих репрессивных кампаний являлись, прежде всего, «бывшие» — представители дореволюционной интеллигенции, те, кого можно было отнести к буржуазным специалистам, или же так называемые нэпманы. Такой объект репрессий был очень удобен, поскольку никаких возможностей для сопротивления, серьезной поддержки в обществе, прав и рычагов влияния не имел, и с «бывшими» можно было делать абсолютно все, что заблагорассудится следователям и прокурорам.

Дело «Весна» было направлено, в первую очередь, против бывших офицеров, среди которых оказались репрессированы около сотни генштабистов. Это была акция превентивных репрессий с целью зачистить советское общество от потенциально нелояльных элементов. «Весна» в немалой степени затронула бывших украинских генштабистов, поскольку наиболее активно этот процесс развернулся на территории УССР, где многие из них проживали и работали.

Первоначально дело именовалось агентурной разработкой «Весна» («Штаб повстанческих войск левобережья») и было начато ГПУ УССР. Речь шла об арестах группы кулаков, якобы принадлежавших к повстанческой организации. Вскоре, в соответствии с директивами из Москвы, в деле появились фигуранты из числа бывших офицеров. По мере разрастания дела росли количество таких лиц и их должностной статус.

Среди арестованных были один из создателей Красной армии М.Д. Бонч-Бруевич и его сотрудник С.Г. Лукирский, крупные военные ученые А.И. Верховский, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, видные военачальники Н.Е. Какурин, Д.Н. Надежный, В.А. Ольдерогге, С.А. Пугачев, С.Д. Харламов и др. Ряд фигурантов служили в белых и национальных армиях. Среди них И.А. Антипин, И.Г. Баковец, А.И. Батрук, В.И. Галкин, Е.С. Гамченко, А.Г. Лигнау, Н.А. Морозов, Владимир И. Моторный, К.К. Литовцев (Шильдбах) и др. Едва избежал ареста Б.М. Шапошников, на которого были получены компрометирующие показания².

По версии следствия, после революции в Советской России и РККА возникла контрреволюционная офицерская организация, во главе которой якобы стояли бывшие генералы А.Е. Снесарев и А.Г. Лигнау, а в Киеве — бывший генерал В.А. Ольдерогге. Организация ставила своей целью свержение советской власти и восстановление конституционной монархии путем подрыва мощи Красной армии и организации вооруженного восстания при помощи иностранной интервенции. Члены организации якобы готовили террористические акты против

¹ Тинченко Я. Ю. Голгофа русского офицерства в СССР... С. 30.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 25 (26). Л. 126, 132; Т. 39. Л. 145. Также см.: Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 2 (19). С. 67–68, 97–99.

руководителей партии и правительства, а также вели шпионскую работу в пользу иностранных государств.

Репрессии воспринимались многими арестованными как черная неблагодарность советской власти за многолетнюю честную службу. Один из фигурантов дела, бывший подполковник А.В. Афанасьев, поступивший в РККА в числе первых военспецов, писал заместителю наркома по военным и морским делам М.Н. Тухачевскому 21 ноября 1931 г.: «Говоря по совести и по чести, я никогда не мог предположить, что в результате своей службы в Кр[асной] армии, с самого начала, со дня ее возникновения, непрерывно в течение 13 лет, я смогу очутиться в числе злейших врагов Союза, буду лишен всех прав, свободы и заключен в конц[ентрационный] лагерь»¹.

Следователи не стремились к особой достоверности. Никаких улик, компрометирующих документов и материалов, кроме стандартных вынужденных признательных показаний арестованных, весьма поверхностных и противоречивых, в делах арестованных генштабистов нет.

Фигуранты дела пытались понять, в чем причина и смысл происходившего. Порой в фиксировавшихся агентурным наблюдением разговорах арестованных проскальзывали довольно меткие суждения по поводу характера дела. К примеру, один из них говорил: «Мы нужны были для службы в Красной армии в то время, когда отсутствовали люди, способные занять эти должности, а сейчас таковые есть, вот нас и послали сюда»². Другой заключенный усматривал в массовых арестах проявление чьей-то враждебной воли: «Очевидно здесь случилось большое недоразумение или даже преступление. Арестовать столько хороших бойцов, служивших долго, верно и стойко Красной армии, и этим самым обезглавить ее, лишив руководителей, невыносимое дело, и нет ли тут чужой руки или какой-либо вражьей воли»³. Такая оценка в большей степени созвучна риторике 1930-х гг., что, разумеется, не отменяет преступного характера действий ОГПУ по фабрикации дела.

В ходе следствия на арестованных оказывалось давление, применялись пытки⁴. Например, И.Г. Баковец в заявлениях на имя Генерального прокурора УССР, а также в Верховный суд СССР и прокурору по делам ОГПУ впоследствии написал, что его сажали в одиночную камеру на голодный паек, на котором с 30 октября 1930 г. он находился два месяца и семь дней, угрожали расстрелом при отсутствии «раскаяния» и обещали освобождение в случае чистосердечного признания, а истощенного голодным пайком в январе без теплой одежды сажали в «холодный пункт», потом сажали в «жаркий пункт», в еще одном «пункте» окарауливавшие его слушатели Высшей школы милиции пять суток избивали Баковца при малейшем шевелении или дремоте⁵.

¹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 189 (251). Л. 73об.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 4.

³ Там же.

⁴ Подробнее см.: Ганин А. В. «После 20-дневного допроса я был отправлен в камеру...»: Незаконные методы дознания в деле «Весна» 1930–1931 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: Мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 26–27 апреля 2021 г.). М., 2021. С. 45–55.

⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 114, 118, 119.

Баковец отмечал: «Тов. [А.И.] Мицул сам лично свел меня 9/1 1931 г. на “холодный пункт № 1”. Я был одет по-летнему, и, имея от истощения нарывы, которые разбухли от холода, я не выдержал пункта, через двое суток попросил вызвать меня к следователю. Следов[атель] Мицул потребовал от меня немедленно написать “раскаяние”, иначе опять отправит на пункт. Идти на пункт я не мог, и, находясь в безвыходном положении, я написал раскаяние в той форме, какую мне продиктовал тов. Мицул, и только после этого я был отправлен в Допр¹. 11/1 [1931 г.] из Допра я послал следователю отказ от моего вынужденно ложного показания.

13/1 я был вызван снова тов. Мицулом, который изорвал мое показание-отказ и потребовал подтвердить “раскаяние”, от чего я отказался и был отправлен на другой пункт. Я не вынес второго пункта и через несколько суток снова оклеветал себя, подтвердив первое раскаяние.

16/1 я был снова вызван на допрос. Тов. Мицул сказал, что в моем раскаянии “много воды”, и потребовал переделать его; в этот раз тов. Мицул назвал меня “нач[альни]ком штаба к[онтр]р[еволюционной] организации” и требовал описания моей работы в этой должности. Я отказался от дальней[шей] клеветы на себя, сказав, что если меня уж так нужно расстрелять, чем мне все время угрожает след[ователь] Мицул, то для этого достаточно моего первого раскаяния. После такого заявления тов. Мицул направил меня на пункт № 4, где я просидел четверо суток, а на пятые сам попросил вызвать меня для перевязки ран. И в этот раз я отказался развивать мое ложное показание и просил делать со мной что угодно, только больше не мучить. Тогда тов. Мицул, крикнув: “Я сам буду настаивать на расстреле тебя”, отпустил меня и больше не вызывал²”.

Произвол в отношении добросовестных командиров порождал у тех, кто уцелел, возмущение и обиду. Так, бывший подполковник Н.Н. Берман, находившийся под арестом с января по май 1931 г. и уволенный из армии, по освобождении подал рапорт наркому по военным и морским делам и командующему войсками округа о восстановлении в армии, в котором писал: «Прослужив честно, не за страх, а за совесть 13 лет в Красной армии, я подвергся позорному обвинению и был выброшен со службы.

Стоя всецело на платформе советской власти и отдавая, без задних мыслей, силы и знания строительству СССР, я желал бы продолжить службу в РККА³”.

Дело было построено на основе масштабных фальсификаций, содержало противоречивые и абсурдные показания, неоднократно менявшиеся по указанию следователей, не имело никаких вещественных и независимых от следствия документальных доказательств. Некоторые следователи по делу «Весна» впоследствии были репрессированы и за совершенные преступления не реабилитированы.

Многие фигуранты «Весны» вышли на свободу в первой половине 1930-х гг., некоторые продолжили службу в РККА, генштабисты, арестованные по делу «Весна», к настоящему времени реабилитированы как необоснованно репрессированные. Выжить повезло не всем. Дочь расстрелянного по этому делу в 1932 г. работника Штаба РККА А.К. Подвербного (негенштабиста) Н.А. Подвербная вспоминала:

¹ Дом принудительных работ.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1151 (1322). Л. 114–114об.

³ РГВА. Ф. 37837. Оп. 19. Д. 4. Л. 793.

«Человек исчез без следа. Узнать о нем не было никакой возможности. Можно было только предполагать, что его уже нет в живых. Ведь сказали же маме в ОГПУ, чтобы она больше не искала. Это был конец»^I.

Постепенное ужесточение режима в СССР, обстановка недоверия к бывшим офицерам приводили их к осознанию бессмысленности добросовестной службы, бесполезности любых начинаний, вели к разочарованиям и создавали угнетенное настроение. Многие годами находились под дамокловым мечом увольнений, чисток, все новых и новых репрессий, некоторые прошли через несколько волн арестов. Например, арестованный и расстрелянный по делу «Весна» курсовик И. А. Антипин ранее говорил знакомому: «Ничего хорошего от советской власти не жди, все равно рано или поздно опять поставят к стенке, что ни делай, все равно... служил, кажется, примерно, был выбран делегатом, а все равно выкинули на улицу, ничему верить нельзя»^{II}. О том, в чьих руках были жизни бывших офицеров, ярко свидетельствует записка И. В. Сталина К. Е. Ворошилову, датированная 1930 г.: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ю годами. И. Сталин»^{III}. Отметим, речь шла о выдающемся военном ученом А. Е. Снесареве, с которым Сталин вместе работал еще в 1918 г. в Царицыне. Хотя в то время ни заслуги, ни способности не играли никакой роли в судьбе человека. Подобное отношение лишь отталкивало бывших офицеров от советской власти. Последняя же сначала толкала «бывших» в ряды недовольных, а затем в поисках мнимых врагов с легкостью расправлялась с этими измученными, пережившими настоящую жизненную драму людьми.

Бывший генерал И. В. Ахвердов писал своему товарищу генералу Ф. И. Назарбекову (негенштабисту) 15 декабря 1930 г. о жизни и настроении в условиях репрессий: «Вот ты пишешь, что у меня на карточке грустные глаза. Надо сказать, что ты не первый это находишь, да с чего быть им веселыми? Ведь кругом одна грусть, а у меня скоро, кажется, здесь никого из приятелей не окажется. И так их было 3–4 человека, а за последнее время один умер, другой уехал *не по своему желанию* (курсив наш. – А. Г.), третьему грозит то же самое. А новых приятелей ведь не заведешь, вот и замыкаешься как-то в самом себе. Да и возраст достаточный, 57 лет, когда от зрелости перешел к старости. Когда живешь в привычной обстановке, то этот перелом не замечается так резко, тем более что тогда занимал известное служебное положение и работа, а теперь ничего этого нет, и поэтому, анализируя свое психологическое настроение, я нахожу, что с переходом к старости чувствуешь какое-то душевное одиночество и отсутствие какого-либо интереса в жизни. Это для нашего положения естественно и неизбежно, и приходится с этим мириться.

Чистка у нас закончилась для меня благополучно. Помогло, очевидно, то, что я ничего не скрывал, все было начистоту, а в служебном отношении начальство очень поддержало, дав отличные отзывы»^{IV}. Через четыре с небольшим месяца

^I РГВА. Ф. 40874. Оп. 12. Д. 12. Л. 32.

^{II} ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 661 (220). Л. 184об.

^{III} Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М., 2003. С. 408.

Факсимиле документа опубликовано на вклейке той же книги.

^{IV} НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 88–88об.

Ахвердова расстреляли, а адресат письма, Назарбеков, ушел из жизни по естественным причинам на два месяца раньше.

В 1930-е гг. Красная армия численно росла. Требовалось большое количество подготовленных командиров. Однако вместо того, чтобы максимально использовать такой бесценный интеллектуальный ресурс, как кадры дореволюционного Генерального штаба, для повышения образовательного уровня малограмотного командного состава РККА, власть почти два десятилетия после Гражданской войны изгоняла и истребляла образованных людей в армии, заменяя их выходцами из рабочих и крестьян. В итоге не удалось создать ни подготовленной, ни лояльной армии.

К началу 1930-х гг. питомцы старой академии были во многом устранены не только из элиты РККА, но и в целом из рядов армии, а некоторые репрессированы. Высокая квалификация генштабистов была принесена в жертву лояльности краскомов (позднее под репрессии попали и они). При этом нарушалась преемственность со старой школой, а уровень квалификации командного состава неизбежно понижался.

Тем не менее до Большого террора второй половины 1930-х гг. генштабисты старой школы сохраняли руководящие посты в РККА, не говоря о традиционно сильных позициях в военно-учебных заведениях. Командарм 2-го ранга А. И. Корк был начальником Военной академии им. М. В. Фрунзе и членом Военного совета при наркомате обороны СССР, начальником Академии связи им. В. Н. Подбельского был комдив В. Е. Гарф, начальником Военно-транспортной академии РККА – комкор С. А. Пугачев. Командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников командовал войсками Ленинградского военного округа, комкор М. И. Василенко являлся заместителем командующего войсками Уральского военного округа. Заместителем начальника Генштаба РККА был комкор С. А. Меженинов. 4-й отдел Генштаба возглавлял комкор М. И. Алафузо, Управлением ПВО РККА руководил командарм 1-го ранга С. С. Каменев, Инженерным управлением РККА – комкор Н. Н. Петин. Среди 80 членов первого состава Военного совета при наркомате обороны СССР на ноябрь 1934 г. оказались только 6 выпускников старой академии (М. И. Василенко, С. С. Каменев, А. И. Корк, С. А. Меженинов, Н. Н. Петин и Б. М. Шапошников). Таким образом, в военной элите СССР старые генштабисты составляли только 7,5%. В 1935 г. в РККА были введены персональные воинские звания, которые получили и остававшиеся на службе военспецы-генштабисты.

Те, кто сумел удержаться в элите, поощрялись и прославлялись. В частности, еще при жизни П. П. Лебедева и С. С. Каменева имена этих военных деятелей были присвоены 1-й и 2-й Киевским артиллерийским школам соответственно. После смерти Каменева в августе 1936 г. за его вдовой была закреплена легковая машина «Бьюик» 1934 г. для персонального пользования с шофером за счет Наркомата обороны, а начальнику Государственного издательства С. М. Белицкому было поручено в шестимесячный срок издать исторический очерк о работе Каменева в РККА¹.

18 января 1934 г. в Центральном Доме Красной армии торжественно отмечалось 15-летие Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. С докладом выступил

¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

начальник академии Б.М. Шапошников. Группа сотрудников академии была удостоена правительственных наград. Самому Шапошникову в 1935 г. было присвоено ученое звание профессора.

Академия им. М.В. Фрунзе успешно готовила командиров в звене полк – дивизия, но для подготовки старшего и высшего командного состава требовалось иное высшее военно-учебное заведение. В апреле 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР удовлетворили ходатайство Наркомата обороны о создании в Москве Академии Генерального штаба РККА¹. Новая академия создавалась на базе оперативного факультета Академии им. Фрунзе.

Открытие предшествовала длительная подготовительная работа. Велся тщательный подбор административного и профессорско-преподавательского состава. Предпочтение отдавалось наиболее квалифицированным кадрам, по свидетельству генерала С.М. Штеменко, «собрали весь цвет тогдашних теоретиков военного дела»². Среди привлеченных в новую академию оказалась целая плеяда генштабистов старой школы (в частности, М.И. Алафузо, М.А. Баторский, А.И. Верховский, А.И. Готовцев, А.В. Кирпичников, В.И. Оберюхтин, И.Х. Паука, А.А. Свечин, Е.Н. Сергеев, Ф.П. Шафалович, Н.Н. Шварц, Е.А. Шиловский). Таким образом, ко второй половине 1930-х гг. генштабисты старой школы продолжали оставаться незаменимыми в военной педагогике. Академия торжественно открылась 1 ноября 1936 г. Учебная программа была рассчитана на два курса обучения. Первый набор академии получил впоследствии неофициальное наименование маршальского курса, поскольку там учились будущие Маршалы Советского Союза И.Х. Баграмян, А.М. Василевский и М.В. Захаров, а также множество будущих генералов. По иронии истории академия позднее стала носить имя К.Е. Ворошилова – партийного военного работника, имевшего мало общего с военной наукой и Генеральным штабом.

Уровень представлений партийно-государственной элиты СССР в ту эпоху о старых кадрах Генштаба отражают слова заместителя наркома обороны СССР Е.А. Щаденко, убежденного, что «эти люди во многом и самом главном (способность революционно, т.е. оперативно мыслить) конченные, и у них ничего другого, кроме очередных неприятностей, не выходит и не выйдет»³.

Несмотря на душную атмосферу 1930-х гг., военспецы-генштабисты находили в себе силы для активной научной и творческой работы. Так, например, в 1934 г. целая группа генштабистов получила разрешения на работу в Центральном военно-историческом архиве по истории Первой мировой войны и в архиве Красной армии по истории Гражданской войны. Насколько сильной была у этих людей тяга к познанию и созидательной работе, видно из того, что генштабистами старой школы были шесть из восьми допущенных к работе командиров (все из Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе): преподаватель Б.И. Кузнецов (по темам: причины мировой империалистической войны, Томашевское сражение, Виленская операция), преподаватель Н.Н. Шварц (по темам: Лодзинская и Томашевская операции), руководитель кафедры общей тактики В.И. Оберюхтин (по темам:

¹ Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002. С. 119–120.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005. С. 13.

³ РГВА. Ф. 37461. Оп. 1. Д. 144. Л. 20.

Барановичская операция 1916 г. и Камбре 1917 г.), преподаватель Е. Н. Сергеев (по темам: начальный период войны на русском театре и пограничное сражение на западноевропейском театре), преподаватель И. Х. Паука (по темам: Киевская операция белополяков, контрудар Юго-Западного фронта), старший руководитель по оперативному искусству А. М. Перемытов (по темам: борьба с Юденичем, операции Южного фронта в 1920 г.)¹. Есть данные о том, что в архиве Красной армии в 1928–1932 гг. работали И. И. Вацетис, В. Н. Егорьев, Н. Е. Какурин, Л. Л. Ключев².

Генштабисты старой школы активно работали на ниве военной педагогики. Их знания ценились представителями власти. К примеру, А. Е. Снесарев частным образом дважды в неделю обучал тактике, оперативному искусству и стратегии знаменитого народного полководца С. М. Буденного³.

Некоторые реалии службы бывших офицеров в РККА 1930-х гг. противоречат сложившимся стереотипам. Так, например, в 1935 г. П. М. Захаров выставил Генштабу РККА денежный иск, который, по мнению начальника военно-исторического отдела Генштаба РККА К. И. Соколова-Страхова, «носит не совсем здоровый характер», вследствие чего не должен публично обсуждаться⁴. Будущий Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, вспоминая о службе в Московском военном округе во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., публично жаловался в 1937 г. на пренебрежительное отношение к себе и даже «цук» со стороны генштабиста старой школы Е. А. Шиловского⁵.

В связи с нагнетанием властями СССР истерии повсеместного поиска врагов и развязыванием массового террора против собственного народа обстановка в стране в целом и в армии в частности во второй половине 1930-х гг. стала ненормальной. По официальным данным, только в 1937–1938 гг. органы НКВД арестовали свыше 1,5 млн человек, из которых более 1,3 млн за «контрреволюционные преступления»⁶. Расстреляны были не менее 681 692 человек. Большой террор (массовые операции НКВД) прошелся по всем социальным и профессиональным группам советского общества. Не стали исключением и военные, включая старых генштабистов, по которым был нанесен следующий после дела «Весна» жестокий удар.

Под маховик репрессий попали многие герои Гражданской войны, люди, которых трудно заподозрить в нелояльности. Уничтожались потенциальные лидеры, те, кто в случае внешней войны мог возглавить борьбу с режимом в армии (мощное коллаборационистское движение в годы Великой Отечественной войны показало, что удар был нанесен не по тем кадрам). Прежние сослуживцы нередко отрекались от своих товарищей, идя на сделку с совестью ради спасения собственной жизни, оговаривали их, выступали обвинителями и обличителями. На допросах следователями НКВД активно применялись угрозы, избиения

¹ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 65. Л. 27, 29, 30, 34, 35, 37.

² Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920–2020 гг.): Сб. М., 2020. С. 16. В указанной работе инициалы некоторых из них приведены с неточностями.

³ Буденный С. М. Слово о старшем друге // Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 9.

⁴ РГВА. Ф. 39352. Оп. 1. Д. 65. Л. 88.

⁵ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. С. 257–258.

⁶ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собр. док. в 7 т. М., 2004. Т. 1. С. 609.

и пытки. Не стоит забывать, что в полной власти карательных органов были родные и близкие арестованных.

Пострадали генштабисты, служившие в военных округах. Пристального внимания Сталина, возможно вследствие его этнического происхождения, удостоились кадры Закавказского военного округа. В апреле 1937 г. Сталин лично выделил группу военных, якобы состоявших в грузинской националистической организации Закавказья. Вследствие этого были арестованы помощник командующего округом комдив Г.А. Тухарели, начальник кафедры Академии Генштаба РККА и бывший командующий Кавказской армией, комкор М.И. Алафузо, а также командир 9-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа комдив Г.Н. Кутеладзе (выпускник академических курсов Кавказского фронта)^I.

В рамках наиболее известного дела против военных – дела М.Н. Тухачевского – был 14 мая 1937 г. арестован и 12 июня расстрелян командарм 2-го ранга А.И. Корк. 16 мая 1937 г. Корк дал показания, обличающие Тухачевского в том, что тот готовил захват власти в СССР^{II}. 30 мая между двумя обвиняемыми состоялась очная ставка. По инициативе Сталина для судебного процесса по делу Тухачевского было образовано Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, в котором состоял и свежееиспеченный (назначен Политбюро ЦК ВКП(б) 10 мая 1937 г.) начальник Генштаба РККА командарм 1-го ранга Б.М. Шапошников. Последний должен был демонстрировать беспристрастность суда, поскольку был известен как высокообразованный и порядочный человек. Некоторым обвиняемым, в том числе Корку, следователи обещали сохранить жизнь, если они подтвердят свои показания на судебном процессе. Разумеется, такое обещание сотрудники НКВД сдерживать не собирались.

На судебном процессе по делу о «военно-фашистском заговоре» 11 июня 1937 г. Шапошников испытывал явные угрызения совести от происшедшего спектакля с заранее известным концом. В своем выступлении он говорил о собственных упущениях и политической близорукости и, несмотря на провокационные выкрики с мест, вел себя достойно, более того, за весь день он не задал подсудимым ни одного вопроса^{III}. И хотя Шапошников не проявил рвения на этом неблагодарном поприще, он тем не менее не смог отказаться от отведенной ему роли соучастника и подписал расстрельный приговор. Мы не вправе осуждать этот поступок Шапошникова. Фактически и Шапошников, и другие члены присутствия были заложниками Сталина, так как в отношении Шапошникова, П.Е. Дыбенко и Н.Д. Каширина 10 июня, накануне процесса, следователем [А.А.] Авсеевичем по указанию наркома внутренних дел Н.И. Ежова были заготовлены дополнительные признательные показания одного из обвиняемых – бывшего комкора В.М. Примакова – о принадлежности к военному заговору (при том, что следствие уже было завершено, а дело передано в суд)^{IV}. Документ был передан председателю Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюристу В.В. Ульриху, председательствовавшему на процессе. Если бы кто-то из судей попытался сорвать

^I Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 113.

^{II} Подробнее см.: Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005. С. 373.

^{III} Подробнее см.: Печенкин А. А. Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М., 2011. С. 98–111.

^{IV} Там же. С. 99.

представление, он тут же оказался бы на одной скамье с подсудимыми как соучастник (это вполне доказывается тем, что из всех подписавших расстрельный приговор пережили репрессии только Шапошников и Буденный).

Были репрессированы генштабисты из руководства Наркомата обороны. Начальник Военно-инженерного управления комкор Н.Н. Петин был расстрелян 7 октября 1937 г.¹ 28 сентября 1937 г. был расстрелян бывший заместитель начальника Штаба РККА С.А. Меженинов². До ареста он предпринял попытку самоубийства. Бывший главком И.И. Вацетис был расстрелян 28 июля 1938 г. Другой бывший главком член Военного совета, командарм 1-го ранга С.С. Каменев умер непосредственно перед репрессиями, однако посмертно был объявлен врагом народа, а его супруга умерла в нищете³.

Возможно, Сталин и другие организаторы массового террора сами начали верить в ими же созданную вымышленную реальность. Е.М. Ярославский писал Сталину 25 сентября 1938 г.: «Показания Вацетиса — убийственный приговор Троцкому», «это прямо ошеломляющий документ, даже после всех гнусностей, которые нам стали известны о Троцком и его банде»⁴. Далее Ярославский рассуждал о своей убежденности в том, что Троцкий был завербован немцами еще во время Первой мировой войны.

Если говорить о тех военспецах-генштабистах, которые входили в состав советской военной элиты 1930-х гг., то они были уничтожены почти в полном составе. Из шести таких военных, входивших в первый состав Военного совета при наркомате обороны СССР, были расстреляны четверо, С.С. Каменев успел умереть своей смертью, но, как уже упоминалось, посмертно был объявлен врагом, а уцелел лишь Б.М. Шапошников.

По бывшим офицерам особенно сильно ударили чистки в военно-учебных заведениях, где многие из них служили, поскольку из-за возраста и социального происхождения не имели возможности работать в других местах. Выпускников старой академии, привлеченных в РККА Троцким, легче всего было обвинить в троцкизме. Работа облегчалась тем, что ранее многие генштабисты проходили по делу «Весна» и на них имелся обширный компрометирующий материал.

Многих арестовывали по цепочке. Так, 10 ноября 1937 г. был арестован однокашник А.И. Корка по старой академии военрук Ленинградского государственного университета комдив К.П. Артемьев. Еще в 1931 г. Артемьев, занимавший

¹ Показательна «благодарность» советской власти и в отношении семьи Н. Н. Петина. В том же 1937 г. была арестована и заключена в Нарымское спецотделение Сиблага сроком на восемь лет его супруга Янина Александровна, расстреляны двое его сыновей (Николай и Лев). Беременная супруга Николая Николаевича Петина (младшего) Мария Михайловна арестована и заключена в 9-е отделение Беломорско-Балтийского комбината НКВД (г. Кемь) сроком на восемь лет, где родила ребенка, но затем и она, и ребенок скончались (Архивная справка ЦА ФСБ РФ № 10/А-У-779 от 17.03.2016). Выражаю сердечную благодарность правнучке Н. Н. Петина М. Л. Урих и внучке Н. Н. Петина Н. В. Новиковой за предоставленные материалы семейного архива. Также см.: *Черушев Н. С.* *Сын за отца не отвечает... Трагедия семей элиты Красной армии 1937–1956.* М., 2010. С. 101–106.

² Был расстрелян и его 20-летний сын Петр (*Черушев Н. С.* *Элита Красной армии на Голгофе.* М., 2005. С. 148; *Его же.* *Сын за отца не отвечает... С. 101–102).*

³ *Лебедева А. П.* Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 74. О том, что некоторые арестованные давали показания против Каменева, см.: *Горбатов А. В.* *Годы и войны.* С. 211.

⁴ «Знаю, что Вы не нуждаетесь в похвалах». Кто и зачем писал И. В. Сталину // *Источник.* 1994. № 6. С. 97.

в то время должность начальника штаба Приволжского военного округа, арестовывался по делу «Весна», но через несколько месяцев был освобожден. На допросах в 1937 г. он признал себя виновным в членстве в контрреволюционной организации, в том, что был завербован Корком и являлся немецким шпионом. 25 января 1938 г. Артемьева расстреляли¹. По его показаниям проходили 73 человека. Свидетельство о встрече с Артемьевым содержится в воспоминаниях известного впоследствии деятеля Народно-трудового союза и историка Н.Н. Рутыча (Рутченко) (Артемьев был сослуживцем его отца по старой армии) – тогда студента исторического факультета Ленинградского университета. Рутыч в связи с опасным знакомством был вынужден перевестись на заочное обучение и срочно покинуть Ленинград². Обвинения в адрес Артемьева основывались лишь на его собственных показаниях и не получили какого-либо подтверждения. В показаниях А.И. Корка Артемьев не фигурировал, оба посмертно реабилитированы.

От репрессий пострадала и недавно созданная Академия Генерального штаба. Как вспоминал слушатель П.Г. Григоренко, «аресты в академии начались уже зимой 1936 года. В 1937 году усилились. Ряды опытных преподавателей редели, а их места занимали либо бездарности, либо люди малознающие и неопытные. К тому же аресты велись и среди новых преподавателей, что их пугало, сковывало инициативу. Пособия, написанные “врагами народа”, то есть ранее арестованными опытными преподавателями, использовать было нельзя. Наспех писались новыми малоопытными преподавателями “конспекты лекций”. По ним мы и учились. Боясь быть обвиненными в том, что они протаскивают враждебные взгляды, авторы конспектов избегали пользоваться старыми пособиями и напихивали свои конспекты ходячими догмами. Читать все это, а тем более слушать – скука непереворотная»³.

Другой слушатель, В.А. Новобранец, отмечал, что перед репрессиями «академия Генштаба была укомплектована самыми лучшими кадрами преподавателей»⁴. Когда началась чистка, «были арестованы лучшие преподаватели и военнанаучные кадры: [А.А.] Свечин, [А.И.] Верховский, [П.И.] Вакулич, [М.И.] Алафузо, [А.Д.] Малевский, [Я.М.] Жигур, [С.Г.] Михайлов и многие другие. Обезглавлены были все кафедры. Все теоретические разработки “врагов народа” были уничтожены. Учебный процесс был парализован»⁵.

11 марта 1938 г. был арестован бывший военный министр Временного правительства, а на момент ареста профессор Академии Генштаба, комбриг А.И. Верховский, прошедший через множество арестов начиная со времен Гражданской войны. Верховский на допросах признался во всем, чего хотели следователи. Он показал, что был организатором и руководителем контрреволюционной группы буржуазно-демократического офицерства бывшей царской армии, в 1921 г. связался с монархическими кругами кадрового офицерства в РККА (А.Е. Снесарев, А.А. Свечин, С.Г. Лукирский, В.Г. Сухов), участвовал в собраниях георгиевских кавалеров под

¹ Подробнее об Артемьеве см.: Григорян А. М., Мильбах В. С., Чернавский А. Н. Политические репрессии командно-начальствующего состава 1937–1938. Ленинградский военный округ. С. 91–93.

² Рутыч-Рутченко Н. Н. Среди земных тревог. Воспоминания. М., 2012. С. 54–55.

³ Григоренко П. Г. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997. С. 146.

⁴ Новобранец В. А. «Я предупреждал о войне Сталина»: Записки военного разведчика. М., 2009. С. 36.

⁵ Там же. С. 40–41.

руководством бывшего генерала А.А. Брусилова, в 1930 г. создал контрреволюционную группу в штабе Северо-Кавказского военного округа, с 1930 г. был связан с М.Н. Тухачевским по офицерско-монархической организации в армии, в 1936 г. вышел на связь с эсерами-эмигрантами, в том числе А.Ф. Керенским и В.М. Черновым^I. Следователей не смущали абсурдные признания, в которых игнорировались, к примеру, противоречия между эсерами и монархистами, для дела важны были признательные показания и компрометирующий материал на следующих жертв. 19 августа 1938 г. Верховский был расстрелян.

По делу о «военно-монархическом» заговоре уничтожались видные военные ученые. 29 января 1938 г. был арестован научный редактор Советской военной энциклопедии комдив С.Г. Лукирский. На допросах в 5-м отделе НКВД Лукирский признался в своем участии в офицерско-монархической организации, занимавшейся подрывной работой в армии. Следователи умудрились отыскать вредительство даже в деятельности Лукирского на таком спокойном поприще, как издание военной энциклопедии. 63-летний Лукирский, оказывается, занимался вредительством, направленным на срыв выпуска военно-исторических материалов. Среди тех, на кого дал показания Лукирский, были А.Х. Базаревский, И.В. Высоцкий, Д.Н. Надежный, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, Е.Е. Шишковский^{II}. 2 апреля Лукирский, Базаревский и Высоцкий были расстреляны. На следующий день был казнен Шишковский. Позднее других, 29 июля, расстреляли более важного обвиняемого с точки зрения осведомленности — Свечина. Были репрессированы А.А. Балтийский, А.С. Белой, дети генштабиста С.М. Шейдемана, умершего в тюрьме еще в 1920 г. Связь «монархистов» с московским центром заговора была отведена И.С. Кутякову, а связь с правотроцкистами в Северо-Кавказском крае — Н.Д. Каширину^{III}.

Из выпускников старой академии были уничтожены военные ученые: М.А. Баторский, Н.Е. Варфоломеев, М.И. Василенко, И.И. Вацетис, А.И. Верховский, Б.К. Верховский, В.Е. Гарф, Н.Е. Какурин (умер в тюрьме), А.Г. Лигнау, С.А. Мерженинов, А.А. Свечин, М.С. Свечников, А.Д. Сыромятников и др. Разумеется, подверглись шельмованию и забвению их труды, упоминать о которых становилось просто опасно для жизни.

Из 2537 выпускников Военной академии им. Фрунзе периода 1918–1937 гг. к 15 ноября 1937 г. было уволено 375, передано в другие наркоматы 149, осталось в РККА 2013 человек^{IV}. Из оставшихся 2013 человек в центральном аппарате служили 280, в окружном — 224, в академиях и вузах — 198, в частях РККА — 1311 (в том числе 876, учет которых отсутствовал)^V. Представители кадрового комсостава с высшим военным образованием в 1940 г. составляли лишь 2,9%^{VI}. На фоне столь низкого процента образованных командиров преступный характер уничтожения лиц с высшим военным образованием, квалифицированных штабистов, ученых, педагогов, выглядит особенно отчетливо.

^I Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. М., 2011. С. 226–227, 366–367.

^{II} Там же. С. 170.

^{III} Там же. С. 424.

^{IV} Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г. С. 531.

^V Там же. С. 532.

^{VI} Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1928. М., 1998. С. 318.

Последствия репрессий для военно-учебных заведений были катастрофическими. Начальник Военной академии им. Фрунзе генерал-лейтенант М.С. Хозин констатировал на совещании высшего состава Красной армии в декабре 1940 г.: «С преподавательским составом на сегодняшний день у нас обстоит не совсем нормально. Комплектование академии преподавательским составом в 1940 г. выглядит так: мы получили 75 процентов нового преподавательского состава. Это, как правило, командиры, имеющие до 2-х лет перерыва службы в Красной армии, оторвавшиеся от войсковой практики и не имеющие методических навыков в деле преподавания. В числе прибывших преподавателей имеются командиры, у которых нет высшего военного образования, и целый ряд командиров, которые были отстранены от занимаемых должностей вследствие невозможности их использования в войсках.

Уровень знаний и подготовки прибывающего для комплектования академии преподавательского состава чрезвычайно разнообразен. В отдельных случаях (а таких есть примерно 20 человек) просто не пришлось их допустить к преподаванию. С такими командирами-преподавателями пришлось организовать курсы доподготовки, и до мая месяца они у нас будут заниматься на организованных для этого курсах. Только после этого мы их поставим, если можно так выразиться, в строй для преподавания... из числа всех преподавателей, находящихся в академии, не имеют боевого опыта 81 человек — они ни разу, нигде, ни в какой войне не участвовали; с командным стажем в армии от 5 до 10 лет — 90 человек. Видите, какой небольшой командный стаж в армии.

Такая пестрота в подготовке профессорско-преподавательского состава создает весьма ненормальное положение, при котором наиболее подготовленная часть профессорско-преподавательского состава вынуждена нести чрезмерную нагрузку. Они заняты разработкой заданий, методическими разработками, разработкой учебных пособий и т.д. и т.п.¹.

Уничтожены оказались не только те, кто еще служил в РККА, но и генштабисты, ранее покинувшие ряды армии, под маховик репрессий попадали и бывшие белые офицеры. Многие «бывшие» проходили по делу о заговоре РОВС. Советскими спецслужбами из Парижа был похищен председатель РОВС генерал Е.К. Миллер, позднее расстрелянный в СССР.

Некоторые военспецы-генштабисты буквально не имели ни одного года спокойной жизни без дамоклова меча репрессий. Показательна судьба военного топографа А.Д. Тарановского, в прошлом — начальника корпуса военных топографов Красной армии. Генштабист арестовывался буквально в каждую из репрессивных кампаний 1930-х гг. Арестован он был по делу «Весна» 26 декабря 1930 г. В мае 1931 г. он по статье 58-11 Уголовного кодекса СССР был выслан в Северный край на три года (высылка считалась со дня ареста в декабре 1930 г.²) и поселился в Архангельске. Местные органы госбезопасности восприняли это как подарок судьбы, поскольку высланный бывший высокопоставленный военный, в прошлом полковник царской армии, идеально подходил на роль организатора заговоров и саботажа, что было полезно для чекистской отчетности. Неудивительно, что,

¹ Русский архив. Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12 (1). С. 112.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 38.

находясь в ссылке, Тарановский в 1933 г. попал под новое дело о контрреволюционной повстанческой организации. По делу проходили 29 человек, в основном местные крестьяне и один генштабист. Такая картина, однако, никого не смущала. Тарановского арестовали 26 апреля 1933 г., вины он не признал, и уже 29 декабря дело было прекращено. Тогда Тарановский освободился, попав под действие постановления Президиума ЦИК СССР от 9 июня 1927 г.¹ Тем не менее в отношении Тарановского велось наблюдательное производство, т.е. бывший офицер находился под бдительным контролем госбезопасности. Тарановский так и остался на Севере, где работал по специальности. 29 декабря 1937 г. он был арестован в Архангельске по делу геологов, обвинен в связи с «врагами народа» М.Н. Тухачевским и Н.И. Мураловым, а также в том, что после ареста Тухачевского «высказывал циничные к[онтр]-р[еволюционные] оскорбления по адресу вождя народов товарища Сталина»². Под давлением Тарановский дал признательные показания и в октябре 1938 г. был приговорен к расстрелу. Трудно представить душевное состояние этого человека, буквально терроризировавшегося советским режимом на протяжении почти десятилетия. Фотокарточка Тарановского первой половины 1930-х гг., сохранившаяся в следственном деле, изображает его усталым, измученным, но не сломленным.

Генштабисты были вынуждены играть по навязанным сверху правилам. Когда в «Красной Звезде» от 4 февраля 1938 г. вышла статья, в которой П.П. Сытину приклеивался ярлык ставленника Троцкого, бывший командующий советским Южным фронтом был вынужден подать заявление об увольнении со службы из Центрального архива Красной армии. После этого Сытин не стал себя сдерживать и написал письма наркому К.Е. Ворошилову и начальнику 2-го отделения управления начсостава РККА интенданту 2-го ранга Чеканову с просьбой о заступничестве. В письме последнему Сытин отметил, что возмущен ситуацией, а ранее уже пострадал от врагов народа и предателей Б.М. Фельдмана и Я.Б. Гамарника³. Однако политическая мимикрия не помогла, и в августе 1938 г. Сытина расстреляли.

Похожим способом пытался спастись выдающийся отечественный военный мыслитель А.А. Свечин, ранее оказавшийся жертвой травли со стороны М.Н. Тухачевского. Последний являлся автором программной статьи «О стратегических взглядах профессора Свечина», увидевшей свет в специальном сборнике «Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф[ессора] Свечина: Стенограмма открытого заседания пленума секции по изучению проблем войны Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР 29 апреля 1931 г.» (М., 1931). Сборник был целиком посвящен разоблачению деятельности Свечина⁴. Чем могла закончиться подобная травля в тот период, пояснять не приходится. Тем более что Свечин в то время находился под арестом по делу «Весна». После того как в 1937 г. Тухачевского расстреляли, Свечин в автобиографии указал, что травля

¹ Архив УФСБ по Архангельской области. Ф. 3354. Оп. 2. Д. П-5587. Т. 1–3.

² Архив УФСБ по Архангельской области. Д. П-14750. Л. 4.

³ РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 85. Л. 73.

⁴ Перепечатку статьи см.: Свечин А. А. Предрассудки и боевая действительность. М., 2003. С. 327–336.

была организована Тухачевским по заданию германской разведки¹, т.е. использовал практически те же приемы. Упомянул он и об антисоветских устремлениях своего товарища А.Е. Снесарева (который тогда был еще жив и которому такие пассажи могли повредить): «Единственным перерывом на военной службе было заключение меня под стражу с 20 февраля 1931 г. по 8 февраля 1932 г. Второстепенным поводом к этому заключению было поддержание мною старого знакомства с А.Е. Снесаревым, несмотря на растущие в нем проявления антисоветских настроений. Подлинной причиной явились многие столкновения с М.Н. Тухачевским... В 1930 году, по заданию германской разведки, М.Н. Тухачевский, которого я неоднократно изобличал на диспутах (1927 г.), в литературе, на лекциях и в совещаниях, выступил с обвинением старых специалистов в реакционности и в том, что они являются проводниками пораженческого движения и буржуазной агентурой в Красной армии... Тухачевский был поддержан Бочаровым и рядом других предателей, а также несколькими дурачками с партбилетами. Эта свора выпустила в 1931 г. брошюру: "Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-методических взглядов профессора Свечина"²». Впрочем, самому Свечину все это не помогло: он пережил Тухачевского лишь на год с небольшим и также был расстрелян.

Через два года, уже во время Второй мировой войны, Сталину пришлось срочно заниматься восстановлением военно-научной жизни в СССР. На заседании Главного военного совета в Кремле 21 апреля 1940 г. он указывал: «Надо обсудить вопрос о том, как коренным образом переделать нашу военную идеологию. Надо сделать так, чтобы наша военная мысль заработала, забила бы ключом. Ну, скажем, создать журналы, кружки, где люди могли бы свободно собираться и высказываться по вопросам оперативным, тактическим и другим. Где можно было бы покритиковать различные существующие у нас системы вооружения, вопросы ведения боя, состава войск и т.д. ... Нам надо раскопать архивы немцев, французов, русских по империалистической войне, танцевать от опыта империалистической и современной войны»³. Разумеется, все это осталось во многом благими пожеланиями со стороны главного виновника изничтожения советской военной мысли межвоенного периода, а полноценное восстановление свободной военной науки в СССР в директивном порядке в канун большой войны было уже невозможно.

Командиры Красной армии жили в постоянном страхе за свою жизнь. По свидетельству потомков, будущий генерал-майор советских ВВС М.П. Строев (Рихтер) в годы репрессий ложился спать только с пистолетом. В условиях травли, чудовищной атмосферы шпиономании, всеобщего взаимного недоверия, подозрительности и доносительства в стране недавние военспецы радовались любым проявлениям милости со стороны властей. К примеру, 8 ноября 1939 г. в Кремль на банкет для участников парада по случаю очередной годовщины Октябрьской революции были приглашены преподаватели Академии Генштаба РККА, в том числе дореволюционные генштабисты: старший преподаватель И.Х. Паука, старший преподаватель,

¹ Там же. С. 325.

² Цит. по: Думби Ю. Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина. С. 303.

³ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 154.

комдив А.В. Кирпичников, комдивы Е.А. Шиловский и Ф.П. Шафалович. И хотя некоторые гости получили приглашения лишь в самый последний момент (например, Паука — в 17.35, всего за 1 час 25 минут до начала банкета), что предположительно делалось по соображениям безопасности, среди старых преподавательских кадров, как отмечал комиссар академии П.С. Фурт, «чувствовался исключительный подъем в связи с приглашением их в Кремль»¹. Шафалович в разговоре с Шиловским прямо заявил, что рад доверию, оказанному старым спецам.

Для советских карательных органов не было разницы, служил ли офицер в период Гражданской войны у белых или же добросовестно помогал большевикам. Сотни генштабистов оказались репрессированы. Как справедливо отметил начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР, Маршал Советского Союза М.В. Захаров, «необоснованные массовые репрессии нанесли огромный ущерб Красной армии: на высокие командные должности были выдвинуты люди, хотя и безгранично преданные партии и народу, но в большинстве своем не имевшие достаточных навыков в руководстве крупными соединениями и оперативными объединениями в условиях войны»². Очевидно, речь шла и о расстрелянных генштабистах. Массовое истребление командно-начальствующего состава вело к появлению безынициативных, боящихся ответственности командиров, готовых лишь к безоговорочному повиновению и некритическому восприятию приказов, невзирая на их целесообразность и не считаясь с потерями. Все это, наряду с другими причинами, предопределило катастрофические события начального периода Великой Отечественной войны.

Командующий войсками Закавказского военного округа комкор Н.В. Куйбышев на заседании Военного совета 21 ноября 1937 г. заявил: «Самое скверное — это, безусловно, неудовлетворительно или совершенно неудовлетворительно обстоит дело с подготовкой стрелковых войск и войсковых штабов. Основная причина того, что мы не изжили всех этих недостатков, заключается в том, что у нас округ был обескровлен очень сильно»³. На вопрос с места, куда же девались командиры, Куйбышев ответил с грустной иронией: «Все остальные переведены в ведомство НКВД без занятия определенных должностей»⁴. Сам Куйбышев был расстрелян в 1938 г. В других округах дело обстояло не лучше. В Среднеазиатском округе «штабы очень молодо выглядят — молодой состав, не обладающий навыками и опытом. Поэтому на осенних учениях [1937 г.] штабы провалились, управление хромало... Основной недостаток в подготовке штабов — это неумение глубоко анализировать обстановку и делать правильные выводы, медленная дача распоряжений, плохая разведка, неудовлетворительный контроль за отданными приказами и распоряжениями, неумение организовать и вести разведку и наблюдение в ходе самого боя, неумение использовать связь»⁵.

По итогам Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков в декабре 1940 г. прямо заявил, что

¹ Цит. по: Невежин В. А. Застолья Иосифа Сталина. М., 2011. Кн. 1: Большие кремлевские приемы 1930-х — 1940-х гг. С. 202.

² Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 209.

³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Док. и мат. М., 2006. С. 73.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 80–81.

«штабы оказались слабо подготовленными к практическому руководству»^I. Начальник артиллерии Красной армии командарм 2-го ранга Н.Н. Воронов в докладе от 1 апреля 1940 г. народному комиссару обороны СССР отметил, что «большинство штабов вышло на войну недостаточно подготовленными из-за не совсем удачного подбора командиров штабов, их низкой военно-штабной подготовки. Штабная культура была на низком уровне. Трудно и мучительно штабами организовывалось управление боем, руководство работой тыла; составление боевых документов занимало массу времени, качество боевых документов было низким»^{II}. Неудивительно, что осенью 1941 г. командующий Ленинградским фронтом Г.К. Жуков в телефонном разговоре грубо оборвал собеседника, командира воинской части, со словами: «Что ни дурак, то выпускник академии»^{III}. Участники событий, не обладая всей полнотой информации, тем не менее ощущали тяжелейшие последствия истребления комсостава в канун большой войны. Генерал А.В. Горбатов писал впоследствии: «Меня не покидали прежние опасения: “Как же будем воевать, лишившись стольких опытных командиров еще до войны?”»^{IV} Генерал армии И.В. Тюленев, в прошлом слушатель первого набора Академии Генерального штаба РККА, прямо отметил, что «большое “изъятие” высшего начсостава из рядов армии, несомненно, нанесло сильный ущерб обороноспособности нашей страны»^V.

Иностранные аналитики были поражены этим погромом собственной военной элиты со стороны руководства СССР и, очевидно, были рады ослаблению Красной армии, хотя и ошиблись в прогнозах. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек в 1939 г. считал СССР слишком слабым для нападения, поскольку «ни одно государство не выдержит того, чтобы каждые несколько лет расстреливать свои военные и политические кадры»^{VI}. Известна запись из дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, который 5 мая 1941 г. отметил со слов вернувшегося из Москвы полковника Г. Кребса, что «русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня»^{VII}. Таким образом, Большой террор являлся не только чудовищным преступлением против страны и народа, которое невозможно ничем оправдать, но еще и провоцировал противников СССР, убеждая их в слабости и небоеспособности Красной армии.

С вхождением в состав СССР Прибалтики на советской территории оказались и те генштабисты, которые проживали в этом регионе. Одни были репрессированы, другие поступили на службу в Красную армию. Так, в Красной армии оказался ветеран РККА, колчаковской и эстонской армий бывший полковник Э.Я. Рютель.

^I Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 14.

^{II} Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940. СПб., 2000. С. 412.

^{III} «С огнем и кровью пополам...» [Интервью с генералом Н. Г. Лященко] // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 27.

^{IV} Горбатов А. В. Годы и войны. С. 260.

^V Тюленев И. В. Через три войны: Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М., 2007. С. 218.

^{VI} Цит. по: Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2020. С. 104.

^{VII} Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 504.

Переживших тридцатые годы можно пересчитать буквально по пальцам. Среди них наиболее известны М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Игнатъев, А. А. Самойло¹, Б. М. Шапошников. Остальные уцелевшие не были столь широко известными, знаковыми фигурами и вряд ли стремились распространяться о своем офицерском прошлом в старой армии. Как отмечают современные исследователи, тот или иной «дискредитирующий», с точки зрения официальных властей, эпизод имелся в биографии почти каждого советского гражданина². Разумеется, неудобные факты биографии обычно замалчивались в целях выживания.

Были и удивительные исключения. Как уже отмечалось, бывший колчаковский генерал А. Я. Крузе не только пережил чистки 1920–1930-х гг., но и достиг высоких постов в Красной, а затем в Советской армии, стал генералом и умер в СССР в 1967 г., а сведения о белогвардейском прошлом в его учетных документах были скрыты.

Генштабисты старой армии продолжали нести службу в РККА, Красной и Советской армии вплоть до второй половины XX в., когда в силу возраста в рядах армии их уже не осталось. В СССР к началу Великой Отечественной войны оказалось немного бывших офицеров Генштаба – как обучавшихся в академии до Первой мировой войны, так и выпускников ускоренных курсов периода Первой мировой и Гражданской войн. Тяжелейший удар по корпорации военспецов-генштабистов нанесли репрессии 1930-х гг., в том числе дело «Весна» начала 1930-х гг. и Большой террор 1937–1938 гг. Тогда были уничтожены не менее 168 выпускников старой академии Генерального штаба. Судьбы сотен еще остаются неустановленными. Гораздо меньше было тех, кто продолжал оставаться на военной службе в годы Великой Отечественной войны.

Положение уцелевших генштабистов было незавидным – это были, как правило, честные и добросовестные работники, вынужденные всю жизнь нести на себе клеймо «классово чуждых» и издерганные до предела массовым террором. Кроме того, давали знать о себе и годы. Ведь даже самым молодым выпускникам ускоренных курсов старой академии к началу войны было не менее 45 лет, а основной массе – уже за 50. Разумеется, в службе Генштаба с дореволюционных времен произошли большие изменения, поэтому выпускники дореволюционной академии Генштаба редко занимали ключевые посты в советском военном руководстве. Но несколько таких командиров все же было.

С введением в Красной армии в 1940 г. генеральских званий группа бывших выпускников академии стала генералами. Маршалом Советского Союза стал Б. М. Шапошников. Генеральские звания тогда и позднее получили П. Н. Алексеев, Г. А. Армадеров, М. Д. Бонч-Бруевич, Г. С. Дьяков, М. М. Загю, А. А. Игнатъев, А. В. Кирпичников, В. Е. Климовских, Л. Л. Ключев, А. К. Коленковский, Б. Н. Кондратьев, Н. Г. Корсун, А. Я. Крузе, Б. И. Кузнецов, М. Н. Кузнецов, А. Н. де Лазари, А. Д. Лютов, Д. Н. Надежный, Ф. Ф. Новицкий, И. Х. Паука, С. Н. Савченко, А. А. Самойло, М. П. Строев (Рихтер), Е. В. Сысоев, В. С. Тамручи, Д. И. Танский, В. Н. Чернышев,

¹ Косвенной жертвой сталинской эпохи, по некоторым данным, стала внучка Самойло – студентка 1-го курса МГУ, которую в марте 1953 г. на похоронах Сталина раздавила толпа (Будницкий О. В. Красные и белые. М., 2023. С. 137). В мемуарах Самойло написал, что она погибла «при выполнении гражданского долга» (Самойло А. А. Две жизни. М., 1958. С. 274).

² Чуйкина С. А. Дворянская память. С. 9.

В.М. Четков, Ф.П. Шафалович, Н.Н. Шварц, Е.А. Шиловский, А.Я. Яновский – всего свыше 30 человек.

Генштабисты старой школы приняли участие и в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.¹ Само слово «офицер» вернулось в Красную армию, будучи впервые примененным в 1941 г. по отношению к группе генштабистов-операторов, занимавшихся вопросами связи с войсками. Тогда их стали именовать, как и до революции, «корпусом офицеров Генерального штаба»². По-видимому, это были первые шаги на пути к возрождению традиций русского офицерства в Красной армии. Любопытно, что в 1943 г. рассматривался разработанный Главным управлением кадров Красной армии проект положения о прохождении службы офицерами в военное время, в рамках которого предлагалось офицерам, зачисленным по службе Генштаба, добавлять к званию приставку «Генерального штаба». По сути, речь шла о восстановлении правила, отмененного в 1922 г. Но, по-видимому, это начинание так и осталось нереализованным³.

Выпускники и слушатели старой академии и ее ускоренных курсов служили как по профилю полученного ими некогда военного образования, занимаясь вопросами службы Генштаба или преподавательской работой по соответствующей специальности, так и в совершенно других областях. Их можно было встретить на преподавательской и военно-научной работе, в штабах и в строю, в пехоте, механизированных войсках и авиации.

В целом к началу войны в Красной армии насчитывалось только 7 % командиров с высшим военным образованием. Что касается выпускников старой академии, то если в 1923 г. в Красной армии из них оставался 501 специалист, то в 1941–1945 гг. дослуживали лишь порядка 8,8 %. Такой незначительный процент объясняется естественным уходом со службы старых кадров по возрасту и состоянию здоровья, увольнением считавшихся нелояльными военспецов и заменой их краскома-ми, а также репрессиями. По нашим подсчетам, участие в Великой Отечественной войне в той или иной форме принимали не менее 48 выпускников и слушателей Николаевской академии. Возможно, их количество было выше – поиск сведений продолжается. Из 48 человек большинство (27 человек, или 56,2 %) находились на преподавательской и военно-научной работе (у такого соотношения была объективная причина – преклонный возраст многих старых генштабистов). Кроме того, в войне участвовал, по крайней мере, один выпускник курсов Генштаба Кавказского фронта.

Маршал Б.М. Шапошников с августа 1940 г. служил заместителем наркома обороны по строительству укрепленных районов. С 21 по 30 июля 1941 г. Шапошников был начальником штаба Западного направления, а затем, с 30 июля 1941 по 11 мая 1942 г., занимал важнейший пост начальника Генерального штаба, сменив Г.К. Жукова. С этой работой Шапошников был прекрасно знаком, так как стоял у истоков Штаба РККА еще в годы Гражданской войны, после ликвидации основных антибольшевистских фронтов получил назначение помощником

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 282–304.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 184–185.

³ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 523. Кор. 12361. Л. 157. Выражаю благодарность д. и. н. А. Ю. Безугольному за предоставленные сведения.

начальника Штаба РККА (в феврале 1921 г.), затем был начальником Штаба РККА в 1924 г. (временно) и в 1928–1931 гг., а также начальником Генерального штаба РККА в 1937–1940 гг. Маршал Г.К. Жуков вспоминал о деятельности Шапошникова: «Зная дело Генштаба до тонкостей, он быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки. Большое личное трудолюбие и умение Б.М. Шапошникова работать с людьми оказали заметное влияние на рост общего искусства управления войсками в Действующей армии и особенно со стороны Генштаба. К сожалению, возраст, тяжелая рабочая нагрузка и особенно болезнь не позволили ему работать всю войну в Генеральном штабе»¹.

Маршал А.М. Василевский так характеризовал Шапошникова: «Талантливый военный теоретик и публицист, ученый исключительной эрудиции, чьи глубокие обобщения в области военной стратегии и оперативного искусства пользовались известностью не только в Советском Союзе, но и за рубежом, он поднялся до вершин полководческой деятельности в период суровых для нашей Родины испытаний. И эта жизнь его, и эта деятельность, и военно-теоретическое наследие – яркие страницы советской военной истории»². Василевский считал Шапошникова создателем советской школы генштабистов³, хотя, конечно, в создании этой школы участвовали многие представители старого Генштаба.

При участии Шапошникова разрабатывались планы Смоленского сражения⁴. Именно Шапошникову принадлежит разработка плана советского наступления зимой 1941/42 г.⁵ Судя по журналам учета посетителей И.В. Сталина в 1939–1942 гг., Шапошников бывал у него на приеме регулярно, иногда по несколько раз в день. В общей сложности свыше 100 раз, в том числе в годы Великой Отечественной войны не менее 95 раз, включая встречу непосредственно 22 июня 1941 г., когда Шапошников почти три часа провел в кабинете вождя, обсуждая сложившуюся ситуацию совместно с высшими военными и политическими деятелями СССР⁶. Очевидно, во второй половине 1941 – первой половине 1942 г. Шапошников входил в круг ближайших военных советников И.В. Сталина, непосредственно определявших советскую стратегию.

Фактически с конца апреля 1942 г. Шапошникова всецело подменял генерал-лейтенант А.М. Василевский. Было ясно, что Шапошникову по состоянию здоровья нельзя далее оставаться на занимаемом им ключевом для воюющей страны посту. Поэтому пост начальника Генштаба в мае он передал А.М. Василевскому, но при этом вплоть до 1945 г. консультировал его по всем возникающим вопросам. С мая 1942 по июнь 1943 г. Шапошников занимал пост заместителя наркома обороны, курируя работу военных академий и разработку уставов и наставлений, затем был назначен начальником Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 2-е изд., доп. М., 1975. Т. 1. С. 349.

² Василевский А. М. Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сб. М., 1979. Вып. 2. С. 6.

³ Там же. С. 86.

⁴ Великая Отечественная: Действующая армия. М.; Жуковский, 2005. С. 301.

⁵ Исаев А. В. Краткий курс истории ВОВ: Наступление маршала Шапошникова. М., 2005. С. 6–7.

⁶ На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М., 2008. С. 338, 733.

Шапошников не дожил сорок четыре дня до Победы и умер 26 марта 1945 г. Его прах похоронен в Кремлевской стене.

В войне участвовали и более молодые генштабисты, воспитанные старшим поколением. Не случайно, например, говорили о «школе Шапошникова», основанной на высокой культуре штабной службы. Эта школа повлияла на работу Генерального штаба в годы Великой Отечественной войны и пользовалась авторитетом у И.В. Сталина. Как вспоминал позднее М.В. Захаров, работавшие с Шапошниковым офицеры, благодаря свойственным Шапошникову манере общения и стилю работы, «получили знания, не уступающие по своей значимости и объему академическому курсу»¹. Среди представителей этой школы были Маршалы Советского Союза А.М. Василевский и М.В. Захаров, генерал армии С.М. Штеменко и др. В этом проявилась преемственность поколений и связь старой русской армии и Красной армии, а позднее мощных Вооруженных Сил СССР.

Заметный вклад в победу внесли и другие выпускники Николаевской академии. А.Я. Крузе был начальником штаба Сталинградской группы войск. Командовал 93-й стрелковой дивизией, освободившей Миргород. С ноября 1944 г. — 24-м гвардейским стрелковым корпусом, участвовавшим в освобождении Братиславы. А.Я. Яновский — выпускник ускоренных курсов академии, служивший в годы Гражданской войны как в РККА, так и на белом Юге, — в годы Великой Отечественной войны командовал стрелковой дивизией и 89-м стрелковым корпусом 61-й армии 1-го Белорусского фронта. Участвовал в освобождении Пинска и других городов. Начальником инженерного управления Московской зоны обороны с октября 1941 г. был генерал-майор инженерных войск, в прошлом выпускник ускоренных курсов 2-й очереди академии Е.В. Сысоев. С января 1942 г. он стал начальником Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. С марта 1943 г. руководил Высшим военно-строительным училищем Красной армии. М.П. Строев (Рихтер), окончивший академию в 1914 г., участвовал в Советско-финляндской войне, позднее произведен в генерал-майоры авиации, с мая 1941 г. преподавал тактику во 2-й Московской школе авиационных механиков. С начала войны он выполнял задания по организации взаимодействия авиации с сухопутными войсками, с октября 1943 по август 1944 г. — начальник авиационного отдела 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, а с августа 1944 по декабрь 1946 г. — начальник Военного отдела Главного управления учебных заведений Министерства авиационной промышленности. Выпускник академии 1915 г. С.И. Данилов с сентября 1942 по ноябрь 1943 г. служил помощником начальника 1-го отдела Главного управления всеобщего военного обучения Наркомата обороны, затем до 16 января 1945 г. работал помощником начальника 2-го отдела, после чего занимал должность старшего помощника начальника 9-го отдела.

Полковник Б.Л. Негродов (подполковник старой армии) в годы войны руководил отделом курсов «Выстрел». В 1945 г. был направлен на 1-й Белорусский фронт и участвовал в боях за Берлин в качестве стажера начальника штаба 7-го стрелкового корпуса. 30 апреля 1945 г. по собственной инициативе он прибыл на наблюдательный пункт 364-й стрелковой дивизии и помог командиру дивизии организовать

¹ Захаров М. В. Ученый и воин: (О Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове). 2-е изд. М., 1978. С. 86.

бой, что позволило овладеть восемью кварталами Берлина. За это Негродов был награжден орденом Отечественной войны 1-й степениⁱ.

Оренбургский казак, бывший подполковник колчаковской армии и выпускник ускоренных курсов академии в Томске, интендант 1-го ранга В.Н. Пестряков пропал без вести при обороне Москвы в октябре 1941 г., будучи и.о. помощника начальника штаба 6-й стрелковой дивизииⁱⁱ. По-видимому, он стал единственным погибшим в результате боевых действий Великой Отечественной войны выпускником старой академии. В войне участвовал еще один оренбургский казак и курсовик В.К. Дюскин, который служил военным инженером 2-го ранга в 155-м армейском управлении военно-полевого строительства и был награжден медалью «За боевые заслуги»ⁱⁱⁱ. Дюскин в дальнейшем стал доктором технических наук (1955 г.) и внес значительный вклад в развитие теории и практики теплоснабжения.

Представители старого Генштаба, как и прежде, активно работали на ниве военной педагогики и военной науки. Граф А.А. Игнатъев, приехавший в СССР из Франции, был в годы войны начальником кафедры иностранных языков Военно-медицинской академии, с октября 1942 г. – редактором военно-исторической литературы Воениздата. Игнатъев стоял у истоков создания в СССР суворовских училищ по образцу кадетских корпусов дореволюционной России, о чем писал в записке И.В. Сталину 17 апреля 1943 г.: «Существовавшие в России кадетские корпуса, несмотря на все недостатки, являлись все же основными рассадниками офицерского воспитания наших истинно военных советских людей. Создание подобной военной средней школы мотивируется в настоящий момент еще и стремлением оказать непосредственную и действенную помощь семьям павших в боях командиров, сыновьями которых и должны по преимуществу комплектоваться эти школы. Пример отца, отдавшего жизнь за Родину, представляет уже сам по себе достаточный стимул для воспитания ребенка и юноши в духе высокого сознания воинского долга»^{iv}. В 1943 г. ему было присвоено звание «генерал-лейтенант», а в 1947 г. Игнатъев вышел в отставку.

В Академии Генерального штаба преподавал генерал-лейтенант Е.А. Шиловский, внесший большой вклад в осмысление опыта Великой Отечественной. Для изучения опыта войны он неоднократно выезжал на Западный, Брянский, Центральный, Белорусский и Прибалтийские фронты. Непосредственно в военные годы им подготовлены такие работы, как «Рост военного искусства Красной армии в ходе Отечественной войны» (М., 1943), «Разгром немецких войск под Москвой» (два издания – М., 1943; 1944), первый том книги «Прорыв фронта» (М., 1944). В 1943 г. он стал доктором военных наук, вступил в партию. В 1945 г. в Воениздате вышла новая книга Шиловского «Разгром немецких войск в Белоруссии». В 1946 г.

ⁱ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6195. Л. 120. Документ доступен на сайте «Память народа».

ⁱⁱ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 641. Л. 198об. Документ доступен на сайте «Память народа»; Семенов В. Г. Офицеры Оренбургского казачьего войска – участники Великой Отечественной войны // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: Сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Оренбург, 2022. С. 152–153.

ⁱⁱⁱ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 269. Л. 173. Документ доступен на сайте «Память народа»; Семенов В. Г. Офицеры Оренбургского казачьего войска – участники Великой Отечественной войны. С. 150–151.

^{iv} «Срок обучения – восьмилетний». Записка А. А. Игнатъева Сталину о создании кадетских корпусов // Родина. 2010. № 5. С. 67.

увидело свет исследование «Восточно-Прусская операция Красной армии 1945 г.» (в соавторстве с Н.А. Таленским и А.В. Васильевым).

В той же академии преподавали генералы А.И. Готовцев, А.В. Кирпичников, Ф.П. Шафалович и Н.Н. Шварц. Членом Ученого совета академии был генерал М.Д. Бонч-Бруевич. В Академии им. Фрунзе преподавали генералы А.К. Коленковский, Н.Г. Корсун, Б.И. Кузнецов, В.И. Максимов, Ф.Ф. Новицкий, полковник (с 1945 г. — генерал-майор) В.Г. Сухов¹. Генерал Корсун, признанный специалист по Кавказскому фронту Первой мировой войны, ветеран этого фронта и автор ряда работ о нем, участвовал в разработке плана обороны Главного Кавказского хребта².

В Военной академии химической защиты работали генералы М.М. Загю и Л.Л. Ключев. Преподавателем Военно-транспортной академии был генерал Б.Н. Кондратьев. Преподавателями Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского — генералы А.Д. Лютов и В.М. Четков. Генералы П.Н. Алексеев и Д.Н. Надежный преподавали в Военно-медицинской академии. В Военной электротехнической академии связи им. С.М. Буденного преподавал полковник Н.В. Яковский. В Военной академии механизации и моторизации им. И.В. Сталина работал полковник Н.Ф. Красицкий. Генерал А.А. Самойло преподавал в Военной академии командного и штабного состава Военно-воздушных сил. 23 ноября 1942 г. Самойло был награжден орденом Ленина в ознаменование 50-летия службы, т.е. ему зачли и службу в старой армии. Участие в войне принимали также генералы М.Н. Кузнецов, С.Н. Савченко, Д.И. Танский, В.Н. Чернышев, полковники В.Н. Зарубаев и Б.И. Рышковский, инженер-капитан Г.П. Орешкин.

О том, как непросто складывалась служба старых офицеров, свидетельствует письмо бывшего курсовика Г.С. Горчакова бывшей супруге от 7 августа 1944 г.: «Третий раз в жизни своей участвую я в больших войнах; третий раз начинаю их с самой маленькой должности и звания; третий раз своим честным, упорным, напряженным трудом в боевой тяжелой обстановке заслуживаю правительственные награды и немалое звание»³. К этому можно добавить, что в период Большого террора офицер был репрессирован, но уцелел и вернулся на военную службу.

Поразительна биография бывшего полковника В.К. Затеplinского. В годы Гражданской войны он служил в РККА, затем попал в плен к белым на Юге России, а позднее вновь оказался в РККА. Затеplinский арестовывался белыми в 1919 г. и красными в 1920 и 1921 гг. В 1925 г. был сослан на три года за переход на сторону белых. В 1933 г. арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. После досрочного освобождения в 1935 г. работал инженером-плановиком. В годы Великой Отечественной войны Затеplinский (1889 года рождения) добровольцем записался в московское ополчение и в звании майора стал начальником тыла 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения. 16 октября 1941 г. попал в плен под Вязьмой. В плену вел антифашистскую работу. После войны вернулся

¹ Подробнее о нем см.: Семенов В. Г. Герой двух войн южноуралец генерал Сухов // Генеалогия и архивы. Челябинск, 2020. С. 269–273.

² Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. Иркутск, 2000. С. 198.

³ Горчаков А. Г. История семьи Горчаковых. Рига, 2014. С. 97.

в СССР, в 1946 г. был вновь арестован и осужден на 25 лет лагерей. Отбывал наказание в Тайшете. Освободился в 1950-е гг. и умер в 1962 г.

Некоторые генштабисты в годы войны оставались в местах лишения свободы — например, видный советский военачальник С. А. Пугачев. Уже 22 июня 1941 г. он обратился к народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко с просьбой об отправке на фронт: «Прошу о зачислении меня красноармейцем одной из действующих на фронте частей Красной армии и там дать мне возможность боевой работой против зарвавшихся фашистских бандитов, а если потребуется, то и ценой жизни, еще раз доказать мою преданность Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) [и искупить] единственную мою вину — постыдное поведение на следствии. В Вашем лице я заверяю партию и правительство трудящихся, что своей родине я никогда не изменял и предателем не был и не буду»¹. Аналогичные просьбы он адресовал В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову. Неоднократно Пугачев писал из лагеря и И. В. Сталину, однако эти письма не шли дальше лагерного дела заключенного, в которое подшивались. Видя невозможность вырваться на фронт, Пугачев предложил использовать свои знания и опыт при подготовке научных и учебных трудов по Великой Отечественной войне, обобщении боевого опыта Красной армии. Даже в лагерных условиях Пугачев размышлял о военной науке и нуждах армии. В ноябре 1942 г. в связи с успехами советских войск под Сталинградом он писал Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович. Разрешите мне в Вашем лице приветствовать партию большевиков, правительство трудящихся, Красную армию и народы СССР с крупной победой на Сталинградском фронте. В эти радостные дни скорблю лишь о том, что не по своей вине лишен возможности принять посильное участие в Великой Отечественной войне, в защите нашей дорогой Родины, и вплести хотя бы отдельные скромные лепестки в лавровый венок победы»². Многочисленные просьбы об отправке на фронт или о разрешении выполнять любую работу по специальности услышаны не были»³. В 1943 г. Пугачев умер в лагере на Северном Урале. Вот его последние слова: «Сообщите семье, жене, детям, что я умер честным человеком перед народом и партией!»⁴ К этому можно добавить характеристику Пугачева из воспоминаний легендарного советского разведчика-диверсанта И. Г. Старина: «Семена Андреевича Пугачева... безгранично уважали в армии»⁵. Несколько ранее, в ноябре 1942 г., в ссылке скончался бывший генерал Н. А. Сулейман — еще один военный специалист, стоявший у самых истоков Красной армии.

Репрессии в отношении генштабистов не прекращались ни во время войны, ни после ее окончания, продолжая забирать жизни многих профессионалов, знания которых были бы не лишними в военное время. Генерал-майор В. Е. Климовских был одним из командиров, репрессированных в самом начале войны. Климовских

¹ Выражаю благодарность А. С. Ботикову за предоставленные копии документов лагерного дела С. А. Пугачева, хранящегося в Информационном центре ГУВД по Свердловской области.

² Там же.

³ Ганин А. В. «Знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки...»: Лагерная судьба комкора С. А. Пугачева в письмах его товарища // Русский сборник (Москва). 2018. Т. 25. С. 149–172. Также см.: Ганин А. В. 50 офицеров. С. 114–125.

⁴ Цит. по: Ганин А. В. «Знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки...». С. 170.

⁵ Старин И. Г. Записки диверсанта. М., 1997. С. 41.

не доучился на ускоренном курсе академии Генштаба в 1917 г., но тем не менее тоже может быть отнесен к людям, прошедшим через академию. Позднее он окончил Академию им. М. В. Фрунзе и Академию Генштаба РККА. В начале войны занимал пост начальника штаба Западного фронта (с июля 1940 г. — начальник штаба Западного Особого военного округа) при командующем генерале армии Д. Г. Павлове и считался одним из лучших штабных работников Красной армии^I. За неудачи первых дней войны он был снят с должности, 8 июля арестован и ровно через месяц после начала войны по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, вынесенному в закрытом судебном заседании, расстрелян. Первоначально арестованных обвиняли в антисоветском военном заговоре и вражеской работе, осуществляя которую они якобы не готовили личный состав к военным действиям, но эти бредовые пассажи были вычеркнуты из текста приговора^{II}. Командование Западного фронта было репрессировано, по официальной мотивировке, «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций»^{III}. Обвиняемые в своих показаниях признали некоторые упущения по службе, однако, в соответствии с практикой органов госбезопасности того времени, никакими документами их показания не подтверждались. Судебный процесс над командованием Западного фронта был наиболее крупным делом начального периода войны. Эта акция носила показательный и пропагандистский характер. По сути, руководством страны была предпринята попытка снять с себя ответственность за неудачи начального периода войны и возложить ее на арестованных (в период реабилитации репрессированных по этому делу очевидцы отмечали тот факт, что неудачи фронта произошли из-за общего руководства, а не из-за командования фронта^{IV}).

Репрессирована была и семья Климовских. Супруга прошла через Саратовскую тюрьму и Карагандинский лагерь, двое сыновей также прошли лагеря^V. Генерал С. М. Штеменко в этой связи вспоминал: «Аресты и перемещения, произошедшие в первые дни войны, нам были абсолютно непонятны, они вносили нервность в работу и усугубляли и без того трудную обстановку. О них громко не говорили, но и не верили в справедливость репрессий... На глазах у нас из Генштаба начали растаскивать старые опытные кадры, так нужные в это трудное время. Приходили новые люди, не знающие специфики труда в наших управлениях, а обстановка между тем становилась все сложнее и сложнее. Она требовала от штабов всех рангов, а от Генштаба в особенности, абсолютной четкости и величайшей организованности в работе»^{VI}. О том, что расстрел командования Западного фронта оставил тяжелый осадок у командного состава, Жуков говорил Сталину уже осенью 1941 г.^{VII} Впоследствии именно Жуков, став министром обороны СССР,

^I Подробнее см.: Басюк И. А. Генерал армии Д. Г. Павлов и трагедия июня 1941 г. // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 41–51.

^{II} НИА. Volkogonov collection. Box 5.

^{III} ГКО постановляет... / публ. Н. С. Гишко // Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 19.

^{IV} НИА. Volkogonov collection. Box 5.

^V Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. С. 180.

^{VI} Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 40.

^{VII} Басюк И. А. Генерал армии Д. Г. Павлов... С. 50.

инициировал пересмотр дела. В 1956 г. было проведено генштабовское расследование по этому вопросу. Обвинения в трусости, бездействии власти и сознательном развале управления были с Климовских сняты, хотя крупные недостатки в подготовке к войне Западного военного округа, начальником штаба которого был Климовских, подтвердились.

В заключении по делу отмечалось, что Климовских «в своей повседневной работе в предвоенный период... уделял много внимания реорганизации частей и соединений, подготовке театра военных действий и сколачиванию штабов. Он ставил вопрос об укомплектовании частей и соединений округа табельными средствами связи. Однако, как показали предвоенные инспекторские проверки и особенно события начального периода войны, многие штабы округа оказались слабо подготовленными к управлению войсками в сложных условиях боевой обстановки.

Генерал-майор Климовских В.Е. уделял серьезное внимание разведке. Благодаря этому, штаб округа на протяжении всей первой половины 1941 года располагал относительно точными данными о сосредоточении и группировке немецко-фашистских войск у нашей границы в полосе Западного Особого военного округа. Данные о противнике своевременно докладывались командующему войсками округа и в Генеральный штаб.

С выходом из строя постоянных линий связи и значительной части пунктов управления генерал-майор Климовских В.Е. принимал меры для восстановления управления войсками. Но значительные потери средств связи, трудность их восполнения, систематические воздушные удары противника по штабам, узлам и линиям связи срывали все эти мероприятия.

Таким образом, нельзя утверждать, что генерал-майор Климовских В.Е. преднамеренно допустил развал управления войсками, проявил трусость, бездействие, нераспорядительность, как об этом сказано в обвинительном заключении¹. 31 июля 1957 г. приговор в отношении Климовских был отменен Военной коллегией Верховного суда СССР по вновь открывшимся обстоятельствам за отсутствием состава преступления².

Выпускник младшего ускоренного курса 1-й очереди академии генерал-майор танковых войск В. С. Тамручи с августа 1940 г. занимал пост заместителя генерал-инспектора автобронетанковых войск Красной армии, перед войной руководил авторским коллективом учебника по тактике бронетанковых войск, а с началом войны стал начальником штаба 22-го механизированного корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта. Совместно с командиром корпуса генерал-майором С.М. Кондрусевым с первого дня войны Тамручи лично руководил войсками в боях с противником, при этом корпус еще не был отобилизован. После гибели 24 июня 1941 г. генерала Кондрусева Тамручи принял командование корпусом на себя. 2 июля 1941 г. части корпуса в районе станции Олыка сдерживали превосходящие силы противника, причем нанесли противнику большие потери и даже оттеснили его. 23 июля 1941 г. Тамручи первым среди танкистов был награжден орденом Ленина. Занимал пост помощника и заместителя командующего Юго-Западным фронтом по бронетанковым войскам.

¹ НИА. Volkogonov collection. Box 5.

² ГКО постановляет... С. 21.

Тамручи встречался с И.В. Сталиным 4 января 1942 г.^I Однако судьба генерала сложилась трагически. Заслуженный боевой генерал перенес инфаркт, а по возвращении из санатория 22 мая 1943 г. был арестован по обвинению в разглашении секретных сведений о перегруппировке советских войск и предстоящих операциях. Обвинялся в связях с троцкистами и клевете на командный состав Красной армии, руководителей партии и правительства^{II}. По другим данным, истинной причиной ареста было его письмо Сталину с просьбой установить подлинных виновников Харьковского «котла». Арест произошел у Тамручи на квартире. Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях впоследствии отметил, что Тамручи был арестован ни за что^{III}. В одиночной камере Сухановской тюрьмы ему пришлось провести семь лет, и в октябре 1950 г. он скончался в заключении. 5 августа 1953 г. дело Тамручи было прекращено за отсутствием состава преступления^{IV}.

В Академии им. М.В. Фрунзе в 1941–1942 гг. были арестованы бывшие курсовики генерал-майоры Г.А. Армадеров и Г.С. Дьяков. Дьякова обвиняли в том, что в кругу преподавателей он говорил об ответственности советского правительства за неподготовленность страны к войне и нехватку техники в армии, заявлял о неизбежности поражения СССР^V. В заключении он провел почти девять лет и умер в марте 1951 г. в больнице Бутырской тюрьмы^{VI}. Армадерова арестовали по обвинению в антисоветской деятельности, троцкизме, пораженческих настроениях. Он был приговорен к 25 годам лишения свободы, уволен из армии с лишением воинского звания. В отличие от Дьякова, Армадерову здоровье позволило дожить до освобождения и реабилитации. 22 мая 1954 г. он освобожден и вышел в отставку, 29 июля 1955 г. был восстановлен в звании. За 12 лет заключения он заболел тяжелой формой туберкулеза и скончался в 1956 г.

В Академии Генштаба в 1941 г. арестовали генерал-майора И.Х. Пауку, который в мае 1943 г. умер в тюрьме. В 1942 г. якобы как итальянский шпион был арестован генерал-майор А.Н. де Лазари. 23 февраля 1942 г. он был расстрелян в тюрьме^{VII}. Семья же получила отписку, что он якобы умер от инфаркта в 1950 г.

Арестовывали в войну и тех выпускников академии, кто не служил в армии. Так, 11 ноября 1941 г. в Москве был арестован 75-летний бывший генерал-лейтенант П.М. Захаров, которого обвинили в антисоветской агитации. Всю Гражданскую войну Захаров прослужил в ВСНХ и в Красной армии. Виновным себя старый генерал не признал. В тюрьме он заболел и умер 11 июля 1942 г.

Проживавшие в СССР генштабисты старой школы были и среди жертв войны. Так, в ленинградскую блокаду в 1941–1942 гг. умерли бывшие генералы А.Ф. Добрышин, Н.В. Хенриксон и А.Д. Шеманский.

^I На приеме у Сталина. С. 358.

^{II} Судьбы генеральские... / публ. Л. Е. Решина, В. С. Степанова // Военно-исторический журнал. 1992. № 12. С. 12.

^{III} Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: в 4 т. М., 1999. Кн. 1. С. 489.

^{IV} Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Док. и мат. М.; СПб., 2005. С. 204–205; Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. С. 333–334.

^V Судьбы генеральские... С. 13.

^{VI} Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. С. 139; Печенкин А. А. Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002. С. 188.

^{VII} Кузнецов И. И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. С. 130.

В целом, выпускники старой академии Генштаба внесли свою лепту на алтарь Победы. Здесь стоит отметить и незаметный на первый взгляд вклад многих репрессированных генштабистов, готовивших еще в довоенное время командные кадры нашей армии. Но, конечно, трудно переоценить роль генштабистов, принимавших непосредственное участие в Великой Отечественной войне. Одно только имя маршала Шапошникова стало символом победы в самый тяжелый период войны. Нельзя забывать и о многих других не столь известных героях той войны из числа бывших генштабистов, в том числе незаслуженно репрессированных. Стоит отметить и то, что старый Генштаб подготовил в межвоенный период и в военные годы себе на смену целую плеяду видных советских генштабистов. В этом тоже проявился вклад старой школы в победу.

Несколько выпускников старой академии участвовали в борьбе с нацизмом в рядах иностранных армий¹. В польской армии служили генералы В. Андерс, Р.И. Воликовский, В.Э. Томме, полковники Я.В. Окулич-Казарин и К.Ю. Румша. В движении Сопротивления в Европе участвовали: Ф.Е. Махин в Югославии, С.Н. Войцеховский в Чехословакии, Е.И. Носков в Болгарии. Кроме того, выпускники академии вносили вклад в борьбу с нацизмом, будучи агентами советских спецслужб. Так, резидентом Главного разведывательного управления во Франции был В.А. Озолс, внештатным сотрудником советской политической разведки в Югославии являлся Ф.Е. Махин, важную роль в передаче советскому командованию оперативной информации из Маньчжурии играл Я.Я. Смирнов².

Успехи Красной армии произвели большое впечатление на бывших белогвардейцев и эмигрантов. В своих мемуарах Б.А. Энгельгардт отметил: «Шаг за шагом события заставили меня менять мой взгляд на большевиков, которого я держался в дни Гражданской войны. Я не мог больше упрямо смотреть на них как на разрушителей близкой мне тогда русской государственности. Я не мог больше верить в клеветнические речи о том, что они в своей разрушительной деятельности являлись наемниками врагов России — немцев. Победа под Москвой, победа под Сталинградом, наконец, взятие Берлина ясно показывали, что если большевики разрушили страну, то разрушили сознательно, с целью построения нового, более совершенного, более могучего государства»³. Этот взгляд разделяли генералы А.А. Игнатьев и П.С. Махров⁴ и др. После нападения гитлеровской Германии на СССР полковник Б.Э. фон Вах, ветеран Белого движения на Востоке России, проживавший в Сан-Франциско, сказал, что жалеет, что в годы Гражданской войны не перешел в Красную армию⁵.

После впечатляющей победы СССР в войне среди генштабистов-эмигрантов снова появились желающие вернуться на родину. В частности, в 1947 г. в СССР

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 297–304.

² Аурилене Е. Е., Тужилин С. В. Заложники большой политики: Российские эмигранты в Маньчжоу-дго (1934–1945). М., 2023. С. 206–210, 259; Яковкин Е. В. От монархиста к советскому патриоту: судьба Генерального штаба полковника Я. Я. Смирнова // Военная история России XIX–XX веков: Мат-лы IX Междунар. военно-истор. конф.: Сб. науч. статей. СПб., 2016. С. 323–327.

³ Энгельгардт Б. А. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды «Добровольческой армии» / публ. В. А. Авдеева // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 81–82.

⁴ «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А. В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.

⁵ Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. С. 389.

приехал бывший генерал-лейтенант деникинской армии Л. А. Говоров, умерший в Киеве через двадцать лет. Рассматривал возможность возвращения генерал П. С. Махров.

Некоторые выпускники академии дожили в СССР до второй половины XX в. Отдельные «академики» пользовались почетом и уважением, как основоположники Красной армии. К примеру, А. А. Самойло высоко ценили в Архангельске, который он освобождал от белых в 1920 г. Старый генерал встречался с пионерами, получал поздравления, а после его смерти именем Самойло называли улицу¹. Улицы названы и в честь ряда других советских генштабистов, в частности С. А. Мерженинова, Н. Н. Петина, М. С. Свечникова.

Доказательством высокого положения ряда бывших генштабистов в СССР является факт их погребения в элитных советских некрополях. С. С. Каменев и Б. М. Шапошников были похоронены в Кремлевской стене. На Новодевичьем кладбище наряду с деятелями партийной элиты СССР в годы войны и в послевоенный период (когда некрополь стал номенклатурным) похоронены А. И. Готовцев, В. Н. Егорьев, А. А. Игнатьев, А. Д. Лютов, Ф. Ф. Новицкий, Н. М. Потапов, А. А. Самойло, М. А. Соковнин, М. П. Строев (Рихтер), Е. А. Шиловский и др.

К этому можно добавить, что в советскую элиту прочно влились некоторые потомки генштабистов. Звезда советского кинематографа Л. П. Орлова приходилась внучкой начальнику Николаевской академии Генерального штаба генералу от кавалерии Н. Н. Сухотину. Сыном генерал-майора А. А. Гамбурцева был академик Г. А. Гамбурцев. Сыном генерала-майора М. А. Симонова был замечательный советский писатель К. М. Симонов (интересно, что в 1919 г. генерал Симонов в составе Русского комитета в Варшаве занимался отправкой эмигрантов на белый Юг²). Патриарх Алексей I находился в родстве с генерал-лейтенантом П. Н. Симанским (отец патриарха приходился двоюродным братом генералу).

Оставшиеся в результате Гражданской войны на родной земле генштабисты дореволюционной школы в Советской России и СССР были востребованы, в том числе в Красной армии. Завершение в 1922 г. Гражданской войны вновь выдвинуло на повестку вопрос о военспецах. В это время борьба красных генштабистов за свой статус и за сокращение представительства старого Генштаба в РККА наложилась на внутрипартийную борьбу за власть в армии. Если Л. Д. Троцкий и его сотрудники по руководству военным ведомством традиционно ориентировались на квалифицированных старых специалистов, то сталинская группировка попыталась использовать недовольство нарождавшейся контрэлиты в своих интересах. Пик борьбы за армию пришелся на 1923–1924 гг. Победу одержали «сталинцы», что означало развитие линии на искоренение представительства военспецов. Современные исследователи называют кадровую политику в армии того времени социальным расизмом, поскольку в угоду оторванным от жизни теориям проводилось «орабочивание» комсостава в ущерб квалификации командиров и боеспособности армии.

¹ Подробнее о последних годах жизни А. А. Самойло см.: «Уже тоскую по Северу...»: Документы о последних годах жизни командующего 6-й армией А. А. Самойло / публ. А. В. Ганина // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2014. Вып. 1: От Великой войны к Гражданской войне в России. С. 99–125.

² Симонова Т. М. Неудобный отец // Родина. 2018. № 11. С. 102–105.

По итогам борьбы за контроль над армией в 1924–1925 гг. сменилось руководство военного ведомства, сложившееся еще в начальный период Гражданской войны. Военспецов-генштабистов стали увольнять из армии как по объективным (возраст, состояние здоровья), так и по субъективным (чистки, увольнения потенциально неблагонадежных) причинам. Численность представителей дореволюционной военной элиты в РККА неуклонно сокращалась. Некоторые выдающиеся военспецы и члены их семей после службы получили персональные пенсии. Тем не менее условия существования основной массы «бывших» оставляли желать лучшего.

Отдельные военспецы-генштабисты оказались вовлечены в борьбу с иностранными спецслужбами и русской военной эмиграцией, участвовали в операции «Трест» и др. В ходе этой борьбы органами ОГПУ были ликвидированы некоторые видные фигуры военной эмиграции, в том числе генштабисты.

Среда военспецов-генштабистов находилась под пристальным надзором ОГПУ и была инфильтрована секретными осведомителями. Материалы надзора использовались для нужных партийному руководству кадровых изменений в армии. В дальнейшем эти материалы использовались и при проведении массовых репрессий. «Буржуазных специалистов» было удобно обвинить во вредительстве и шпионаже, что и стало происходить в 1930-е гг.

Первым после Гражданской войны и сокращений 1920-х гг. серьезным ударом по кадрам старого Генштаба в РККА стало дело «Весна» 1930–1931 гг. Этот процесс был вызван как внешними факторами, так и внутренними проблемами СССР. В ходе следствия широко применялись пытки. Ряд фигурантов дела был расстрелян. Во второй половине 1930-х гг. репрессии против генштабистов приобрели еще более массовый характер.

Несмотря на это, несколько представителей старого Генштаба сохранили свои позиции в советской военной элите вплоть до Большого террора.

Наиболее приемлемым вариантом продолжения службы в армии для многих «бывших» еще с 1920-х гг. оказалась военно-педагогическая деятельность. Тем более что преподавательская работа допускала определенное отставание во взглядах, компенсировавшееся присущими старым специалистам эрудицией, широким кругозором, высоким уровнем культуры.

Генштабисты старой школы выделялись в среде комсостава межвоенной РККА. Кроме того, они продолжали играть заметную роль в советской военной науке 1920–1930-х гг. В частности, к их числу принадлежало более половины наиболее значимых советских теоретиков межвоенного периода в области стратегии и оперативного искусства сухопутных войск. Пиком активности военспецов-генштабистов в сфере военной науки стали 1920-е гг., когда в СССР существовали возможности для относительно свободного творчества. Позднее обстановка стала меняться, что не могло не нанести самый серьезный ущерб такой деятельности.

Репрессии 1930-х гг. ударили по выпускникам Николаевской академии в СССР — их не избежали ни бывшие белые, ни те, кто служил только в РККА. Порой уничтожались и члены семей репрессированных. Итоги тех процессов не сводятся к казням многих высококвалифицированных специалистов, выдающихся военных деятелей. В результате репрессий в армейском руководстве сложилась не благоприятствовавшая развитию армии гнетущая атмосфера: были посеяны неуверенность

командиров в себе, чувство подозрительности, недоверия даже к близким друзьям, страх перед НКВД, боязнь брать на себя ответственность, поскольку за малейшую оплошность (а порой и при отсутствии таковой) можно было пострадать. Труды репрессированных военных ученых оказывались под запретом. Последствия не замедлили сказаться в военных конфликтах конца 1930-х – начала 1940-х гг. Был нанесен невосполнимый ущерб интеллектуальному потенциалу вооруженных сил, обороноспособности страны. Закономерным результатом волюнтаристских экспериментов политического руководства страны над армией с использованием органов госбезопасности стали катастрофа 1941 г. и связанные с ней неисчислимые потери.

По итогам произошедшего погрома в армии остались лишь единицы генштабистов старой школы. Они продолжали честно и добросовестно служить, несмотря ни на что. Более 40 выпускников академии приняли участие в Великой Отечественной войне, проявив себя в тяжелейших условиях с лучшей стороны. Одним из таких военных деятелей был Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. Тем не менее выпускники академии подвергались репрессиям по политическим причинам и в ходе войны, а также после нее. Лишь после смерти Сталина доброе имя сотен расстрелянных генштабистов удалось восстановить, однако людей это вернуть не могло, равно как и восполнить тот ущерб, который был нанесен армии политическим террором.

§ 4. Эмиграция генштабистов из России, возвращенцы

Революция и Гражданская война выбросили из страны в эмиграцию сотни тысяч соотечественников, в основном представителей старой интеллигенции и ветеранов антибольшевистской борьбы, многим из которых уже не было пути назад. Среди отторгнутых родиной было немало представителей прежнего корпуса офицеров Генерального штаба. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что именно Генеральный штаб оказался у руля антибольшевистских армий и фронтов. Как вспоминал полковник Б.А. Энгельгардт, «в Белом движении я разочаровался. Советская власть, с которой я боролся на идеологической почве, вряд ли захотела бы в тот момент отнестись снисходительно к начальнику пропаганды белых... Надо было бежать, бежать в неизвестность с тем, чтобы начать новую жизнь на чужой земле»¹.

Проблема изгнанного из России Генштаба весьма обширна. Кратко остановимся на истории формирования генштабовской эмиграции, численности и составе генштабистов-эмигрантов, а также их распределении по странам мира.

В эмиграции оказались практически все генштабисты, занимавшие высшие посты в антибольшевистских формированиях, за исключением тех, кто попал в плен, покончил с собой или погиб до исхода белых в эмиграцию. Как известно, четверо из пяти командующих белыми фронтами периода 1919–1920 гг. (П.Н. Врангель,

¹ Энгельгардт Б. А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 273–274.

А.И. Деникин, Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич) были генштабистами, и все они оказались в эмиграции. Помимо вождей и ветеранов борьбы с большевиками за пределами Советской России обосновались и те генштабисты, которые бежали от красных или уклонились от участия в Гражданской войне, но не приняли советскую власть.

Массовый исход генштабистов за границу не был единовременным процессом. Часть офицеров остались за рубежом или бежали за границу (прежде всего, через Финляндию и Украину) в связи с революционными событиями в России и началом Гражданской войны задолго до основного потока военной эмиграции в 1920 г. К этой категории, например, можно отнести и оставшихся за рубежом практически всех русских военных агентов. Некоторые из ветеранов антибольшевистского сопротивления также уезжали за границу в частном порядке до начала массовой эмиграции или же в связи с частными эвакуациями на Юге России. Основные же потоки эмиграции были привязаны к периодам поражения тех или иных антибольшевистских фронтов, когда эвакуировались целые воинские части, штабы и учреждения.

Отдельные генштабисты эмигрировали из страны после своей службы в РККА (в том числе когда в начале 1920-х гг. начались сокращения в армии). Одним из таких лиц являлся основатель и бывший главный редактор закрытого в 1920 г. журнала «Военное дело» Д.К. Лебедев, который ходатайствовал на основании приказа ВГШ № 297 от 7 декабря 1920 г. и на основании статьи 4-й мирного договора РСФСР с Эстонией о переходе с супругой в эстонское гражданство как уроженцу Эстонии^I. Эти сведения проверял Особый отдел ВЧК^{II}. В 1921 г. Лебедев уехал в Эстонию. Незадолго до отъезда, 2 января 1921 г., он поступил благородно, подарив комплект своего журнала Румянцевскому музею с надписью: «В библиотеку Румянцевского музея от основателя и редактора военно-научного журнала “Военное дело” Генерального штаба Димитрия Капитоновича Лебедева. Москва. 2 января 1921 года». В настоящее время экземпляр с автографом Лебедева хранится в собрании Российской государственной библиотеки. Также в Эстонию в 1922 г. уехал бывший генерал А.О. фон Штубендорф^{III}. В 1923 г. в Латвию уехали бывший генерал-майор А.И. Аузан, ранее руководивший корпусом военных топографов в Красной армии, и бывший штабс-ротмистр Г.О. Маттис (после советизации Латвии он был арестован и умер в лагере в 1942 г.)^{IV}.

Общий поток офицеров-эмигрантов, по некоторым данным, превышал 50 000 человек, включая свыше 3000 генералов^V. Сведения о численности генштабистов-эмигрантов, получившие распространение в историографии, не соответствуют действительности и являются сильно заниженными. По подсчетам А.Г. Кавтарадзе, в эмиграции оказались лишь 225 генштабистов^{VI}. Однако выявленные нами данные позволяют утверждать, что эта цифра занижена более чем в четыре раза (статистические выкладки см. в следующем параграфе).

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 996. Л. 79.

^{II} Там же. Л. 80.

^{III} ERAF. 130SM.1.1663–1. Л. 21.

^{IV} LVA. Ф. 1986. Оп. 2. Д. Р-8227. Л. 12об., 20об.

^V Домнин И. В. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции //

Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 489.

^{VI} Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 197.

В нашем распоряжении имеются два уникальных списка генштабистов, оказавшихся за пределами Советской России к 1 августа 1922 и к 1 марта 1924 г., составленные в штабе Врангеля отделением по службе Генерального штаба¹. Данные этих списков достаточно представительны и в сочетании с другими документальными материалами позволяют осуществить сравнительно точный подсчет количества эмигрировавших генштабистов. Судя по всему, в списки попали далеко не все генштабисты (в особенности выпускники ускоренных курсов академии), а некоторые, наоборот, были включены по ошибке, поскольку погибли или остались в Советской России. По мере возможности ошибки и пропуски в списках были устранены, а сами списки при сравнении взаимно дополнены. В списке 1922 г., вопреки ошибочному утверждению Н.Н. Рутыча², содержатся данные о 704 выпускниках академии, 19 из которых находились в белом Приморье (т.е. фактически в эмиграции было 685). В это число входят 92 выпускника ускоренных курсов. В списке 1924 г. указано 726 человек (в том числе 93 курсовика), включая вернувшихся в СССР и умерших.

В результате сравнительного анализа удалось получить достаточно любопытные цифры. Всего в двух списках содержатся достоверные сведения о 737 выпускниках академии, оказавшихся в 1922–1924 гг. за пределами Советской России и СССР. Из этого числа 641 окончил академию до 1917 г. и 96 – ускоренные курсы в 1917–1918 гг. (в списках учитывались лишь выпускники курсов 1-й и 2-й очередей, тогда как выпуски 3-й, а тем более 4-й очередей 1918–1919 гг. учтены не были). Данные о чинах, в которых пребывали эти офицеры к концу Гражданской войны, представлены в таблице 117.

Таблица 117

Распределение генштабистов-эмигрантов по чинам

Чин	Выпускники академии до 1917 г.	Курсовики	Всего
Генералы	35		35
Генерал-лейтенанты	124		124
Генерал-майоры	217		217
Полковники	245	42	287
Подполковники	15	25	40
Капитаны	5	18	23
Штабс-капитаны		11	11
Итого	641	96	737

¹ Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1 августа 1922 года. Изд. Отделения Генерального штаба, штаба главнокомандующего Русской армией. Оригинал списка находится в архиве Н. Н. Рутыча (Париж) и предоставлен автору А. С. Кручининым. Аналогичный экземпляр имеется в ГА РФ (Ф. Р-7518. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–44). Список 1922 г. был сверен со вторым известным списком к 1 марта 1924 г. из собрания ГА РФ (Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 92). Публикацию списков см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 720–745.

² Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997. С. 10.

В соответствии с этими списками, в эмиграции оказались 35 полных генералов, 124 генерал-лейтенанта, 217 генерал-майоров, 287 полковников, 40 подполковников, 23 капитана и 11 штабс-капитанов Генштаба. Цифры достаточно впечатляющие. Особенно если учесть, что по данным на 25 октября 1917 г. в Генеральном штабе числились лишь 1494 офицера¹. Впрочем, реальная численность генштабистов-эмигрантов была выше, так как не все беженцы были отражены в списках.

Несколько офицеров Генштаба погибли или умерли в эмиграции еще до издания списка 1922 г. Только в 1920–1921 гг. за пределами России были убиты генералы И.П. Романовский и А.И. Дутов, умерли генералы Н.В. Анисимов, Н.А. Ключев, А.П. Попов, Н.Н. Суходольский и А.М. Шифнер-Маркевич, курсовики полковник А.А. Дурасов, капитан С.М. Измайлов и штабс-капитан А.К. Капутовский – итого не менее 10 офицеров. На родину в 1921–1922 гг. вернулись также не менее 11 офицеров, причем генерал И.И. Смольнин-Терванд, полковник С.И. Костров, подполковники М.Т. Евстратов и В.Н. Троицкий сделали это не по своей воле, а были захвачены в плен монгольскими войсками и переданы советским представителям. Украинский генерал В.И. Галкин был захвачен летом 1921 г. на советской территории, куда он пробрался с целью организации повстанческих выступлений². К 1924 г. потери среди генштабистов-эмигрантов стали еще выше за счет умерших, а также вернувшихся в Советскую Россию. В 1922–1924 гг., по нашим подсчетам, за пределами Советской России умерло около 30 генштабистов. Таким образом, к 1924 г. численность эмигрантов-генштабистов сократилась за счет этих потерь примерно на 50 человек, но в связи с падением белой власти на Дальнем Востоке в 1922 г. произошло прибавление.

В результате стремительного чинопроизводства периода Первой мировой и Гражданской войн среди генштабистов-эмигрантов, даже сравнительно молодых, основную массу (95,4 %) составляли штаб-офицеры (в основном полковники) и генералы. По каким-то причинам наиболее широко в эмиграции были представлены выпуски 1899, 1908 и 1912 гг. Несколько меньше было выпускников 1903, 1911 и 1913–1915 гг. Видимо, старейшими генштабистами-эмигрантами были генерал от кавалерии барон А.В. Каульбарс (1844 года рождения) и генерал от инфантерии Э.В. Экк (1851 года рождения).

По национальному и конфессиональному составу генштабистов-эмигрантов каких-либо точных данных нет. Списки генштабистов позволяют составить лишь приблизительную картину на основании анализа фамилий. Из иностранных фамилий с огромным отрывом лидируют немецкие. Среди 641 выпускника академии до 1917 г. в эмиграции оказалось не менее 90 их носителей (14 %), остальные группы, насколько можно судить, насчитывали лишь по несколько человек: 7 фамилий финского и прибалтийского происхождения, 5 – греческого, по 3 – грузинского, сербского и французского, 2 – болгарского, по одной – итальянского и английского. Количество польских фамилий установить не удалось, поскольку во многих случаях их трудно отличить от русских. Титулованная знать среди генштабистов-эмигрантов была представлена не очень широко. В списках указаны лишь 5 баронов, 4 князя и 3 графа.

¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 194.

² ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 161 (220). Л. 183об., 188об., 221.

Если вести подсчет по всем категориям офицеров, обучавшихся в академии, то мы располагаем данными о 1090 выпускниках и слушателях, попавших за границу после участия в Гражданской войне, как правило, на стороне антибольшевистских сил. Не менее 826 из них за границей и скончались, остальные либо вернулись, либо были насильно вывезены в СССР после Второй мировой войны, но в отношении многих точных данных о смерти не имеется. Необходимо отметить, что подсчеты велись по всем категориям, включая окончивших академию по 2-му разряду или прослушавших не весь курс. Разумеется, эти подсчеты не являются окончательными, поскольку судьбы значительного количества выпускников академии еще остаются неизвестными. Как бы то ни было, не приняли советскую власть и спаслись от большевиков путем эмиграции не менее 38% выпускников и слушателей старой академии Генерального штаба, из числа участвовавших в Гражданской войне¹.

Представляет интерес ответ на вопрос, какая часть эмигрировавших принимала активное участие в Гражданской войне, а какая от участия в ней уклонилась. Сравнение материалов базы данных участников Гражданской войны и списков генштабистов-эмигрантов показывает, что около 150 выпускников академии до 1917 г. уклонились от участия в войне и уехали за границу. Такое количество офицеров потенциально могло организовать работу штабов в рамках целого фронта. Проверить эти расчеты можно анализом биографий генштабистов-эмигрантов в рамках какой-либо страны. Так, в Эстонии к середине 1920-х гг. находилось порядка 35 генштабистов-эмигрантов. Из 35 офицеров нет данных об участии в Гражданской войне семерых, уклонившиеся составляют 20%.

Основными странами-реципиентами генштабовской эмиграции были Югославия, Франция и Китай, в меньшей степени Германия (являвшаяся одним из основных центров общего потока эмиграции) и другие государства. На страны Европы приходилось в 1922–1924 гг. от 85,4 до 91,6% всех офицеров Генштаба. Такой перевес неудивителен, если учесть, что абсолютное большинство генштабистов из белых армий Юга, Северо-Запада и Севера России перебралось в Европу. Гораздо меньше офицеров-генштабистов было на Восточном антибольшевистском фронте. Основной их поток после поражения белых пришелся на Китай, а затем на США.

Карта размещения генштабистов по странам мира в первые годы эмиграции менялась довольно быстро. Очевидна тенденция к миграции генштабистов из Азии в Европу. Если на 1922 г. вне территории зарубежной Европы находилось 108 генштабистов, то к 1924 г. — только 80. Такие цифры обусловлены массовым отъездом из Константинополя, как одного из первых центров эмиграции, в европейские страны. В Обществе офицеров Генерального штаба в Турции на 23 июля 1921 г. числилось 58 членов, ровно год спустя — 44². Генштабисты не играли большой роли даже в русской диаспоре Китая, хотя их там в 1920–1930-е гг. было, несомненно, больше, чем в других неевропейских странах. В Африке (Египет и Тунис) к 1922 г. было только 7 генштабистов, к 1924 г. осталось 5. В дальнейшем

¹ В этой связи представляется преувеличением утверждение о том, что в эмиграции оказалась большая часть генштабистов, уцелевших в результате Гражданской войны (*Домнин И. В. Грехи и достоинства офицерства...* С. 490).

² Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994. С. 66.

их численность за счет естественной убыли лишь уменьшалась. При наличии столь немногочисленных групп генштабистов неизбежным было их тесное общение между собой. Постепенно росло число генштабистов в США и странах Латинской Америки. По данным списков, в США к 1922 г. было лишь 5 генштабистов, тогда как к 1924 г. уже 18 и один в Латинской Америке.

Особенно велико было количество генштабистов в Югославии. Уже на 1922 г. там находилось не менее 312 офицеров, а спустя два года к ним добавилось еще не менее 23 человек. В Обществе офицеров Генерального штаба в КСХС на конец 1923 г. значились 323 человека (263 офицера Генштаба, 48 причисленных к Генштабу и 12 сореволюционеров).

Интересны итоги статистического обследования офицеров Генерального штаба в КСХС, проведенные в январе 1924 г. По данным обследования, до 300 генштабистов прибыли в КСХС в период 1920–1922 гг., причем 75% из них относились к крымской эвакуации, «т.е. к наиболее нуждающейся части беженцев»¹. Средний возраст офицеров составлял 40–50 лет, лиц свыше 55 лет насчитывалось порядка 15%. Внутри КСХС генштабисты распределились следующим образом: на первом месте с большим отрывом лидировал Белград (70 человек), затем – Субботица (14 человек), далее Земун и Новый Сад – по 12 и, наконец, Сремски Карловцы, где находился штаб Врангеля, – 10 офицеров. В остальных пунктах генштабисты компактных и многочисленных групп не образовали².

Вопрос о трудоустройстве был особенно животрепещущим, поэтому в обследовании ему уделялось повышенное внимание. В результате опроса было установлено, что 65 генштабистов поступили на работу землемерными техниками и чертежниками. Связано это было с деятельностью генерала И.С. Свищева, который организовал несколько очередей землемерных курсов и сумел осуществить переподготовку десятков генштабистов в соответствии с запросами сербского рынка. Новоявленные землемеры работали в Генеральной дирекции кадастра (20 человек), в городских кадастрах (10), в Министерстве аграрной реформы (15), в Министерстве строительства (10), в Дирекции воды (5) и в Государственной триангуляции (5)³. Еще около 60 человек служили в канцеляриях: в Государственной комиссии (20 человек), Военном министерстве (20), статистических отделах разных министерств (15). Учителями работали 12 человек. В дирекции Государственной железной дороги и на линии служили 10–15 человек. В реквизированных имениях работали 6 бывших офицеров, и 10 человек трудились на частных коммерческих предприятиях. 8 старших офицеров служили в Главном Генеральном штабе Сербской армии (генералы В.А. Артамонов, В.И. Баскаков, А.М. и В.М. Драгомировы, Н.А. Обручев, М.А. Пржевальский, Б.М. Стахович, А.Н. Шуберский). Они вели разбор архивов австро-венгерской армии, приводили в порядок библиотеку Генерального штаба, занимались самостоятельной работой по составлению истории

¹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 43. Ср. с данными ИНО ОГПУ, согласно которым число членов Общества офицеров Генерального штаба в КСХС достигало 300 человек (Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 208).

² ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 124.

³ Там же. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 124.

боевых действий на Македонском фронте в 1916–1918 гг. В общей сложности трудоустроено было более 260 офицеров^I.

В 1922–1924 гг. на Сербию приходилось 42–45 % генштабистов-эмигрантов, что неудивительно, ведь именно здесь, а также в Болгарии были расположены основные части врангелевской армии после оставления лагерей для интернированных. При этом в Болгарии находилось примерно втрое меньше офицеров Генштаба (на 1922 г. – 112 человек). Это обусловлено тем, что органы военного управления Русской армии были сосредоточены в Сербии. Кроме того, болгарское правительство А. Стамболийского было настроено антирусски, опасалось вовлечения белых частей в болгарскую внутривойсковую борьбу и всячески преследовало эмигрантов (в частности, ряд офицеров, в том числе генштабисты В.Е. Вязьмитинов, М.М. Георгиевич, Е.К. Миллер, П.Н. Шатилов, Б.А. Штейфон и др.^{II}, были высланы в Сербию). Постепенно росла роль Франции как важного культурного центра, привлекавшего генштабистов (к середине 1924 г. туда перебрались примерно 58 генштабистов^{III}).

Первые годы существования в эмиграции были особенно трудны. Генерал М.А. Свечин вспоминал: «Увы, обстановка, которая нас приняла за границей, была безотрадней. В то время еще отсутствовала какая-либо организация по защите прав и интересов беженцев, как и не существовало домов для престарелых. Кто смог захватить с собой какие-либо ценности, распродавали их за бесценок. Более молодые, сохранившие свое здоровье, поступали на какую-либо работу, главным образом, рабочих. В лучшем положении были специалисты и техники. Старики и инвалиды были в особо отчаянном положении»^{IV}. Генерал Е.Ф. Эльснер жаловался генералу П.И. Аверьянову 26 сентября 1924 г. на «теперешнее наше положение бесправных, еле терпимых, живущих на подачки “братского” народа, неуверенных в завтрашнем дне... Теперешняя наша жизнь не жизнь, а только существование»^V.

Корпоративизм генштабистов проявил себя уже с первых лет эмиграции. По всей видимости, он был гораздо сильнее, чем у других групп военных. Буквально в период эвакуации из Крыма, в Константинополе, задолго до возникновения РОВС выпускники академии создали свое, особое объединение – Общество русских офицеров Генерального штаба, позднее вошедшее в РОВС^{VI}. В первоначальном уставе 1921 г. имелся особо секретный пункт: «Общество русских офицеров Генерального штаба образуется для борьбы с советской коммунистической властью. Преследуя благо России, оно имеет целью объединить офицеров Генерального штаба, причисленных к сему штабу и курсовиков, состоящих на действительной службе, в запасе и отставке, по пути достижения основной задачи»^{VII}. Целью общества, согласно уставу 1930 г., было «объединение и сохранение офицеров

^I Там же. Л. 124–124об.

^{II} Подробнее см.: Даватц В. Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 179; Спасов Л. Врангелова армия в България 1919–1923. София, 1999. С. 157.

^{III} Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 281.

^{IV} Свечин М. А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 195.

^V ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 9. Л. 183об.

^{VI} Подробнее см.: Ганин А. В. Общество русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Руска дијаспора и словенски свет: Зборник радова = Русское зарубежье и славянский мир: Сб. трудов. Београд, 2013. С. 107–116.

^{VII} ГА РФ. Ф. Р-6711. Оп. 3. Д. 32. Л. 9.

Генерального штаба, находящихся за рубежом России, для службы родине в будущем, после ее освобождения от ига большевиков», а задачами — «поддержание среди своих членов военного духа, традиций, знания военного дела и интереса к нему, поддержание связи с другими русскими воинскими и иными организациями для общих научных военных работ, моральная и материальная поддержка своих членов и учет офицеров Генерального штаба»^I. В общество принимались выпускники академии, в том числе те, кто окончил ее по 2-му разряду, а также выпускники ускоренных курсов, включая не служивших по Генеральному штабу, состоявших в запасе и отставке. Доказать право членства можно было образовательными документами или письменными свидетельствами двух членов общества.

Отделения (районные правления) общества в дальнейшем появились в Болгарии (председатель — генерал Г.Э. Берхман), Югославии (генерал А.М. Драгомиров), Греции (полковник В.Д. Путинцев), Турции (генерал А.А. Безкровный), Германии (генерал А.И. Березовский), Франции (генерал Е.К. Миллер), Бельгии, Китае и США^{II}. Именно эта организация стала объединяющим центром генштабовской эмиграции. Центральное правление общества, перебравшееся в КСХС, возглавляли генералы В.М. Драгомиров и Я.Ф. Шкинский. Районным правлением общества в КСХС руководили генералы А.М. Драгомиров и В.Е. Флуг. Почетными членами общества были старшие офицеры югославской армии (окончившие Николаевскую академию Генерального штаба генералы сербской службы С. Хаджич (военный министр), Д. Милутинович и полковник В. Максимович^{III}). Интересно, что генерал Н.Н. Юденич отказался вступать в общество, сообщив генералу Е.К. Миллеру летом 1921 г. следующее: «Не вижу причины гг. офицерам Генерального штаба объединяться в особую корпорацию, отдельную от прочих офицеров, почему от участия в обществе отказываюсь»^{IV}.

Несмотря на трудности эмигрантской жизни, интеллектуальная элита старой армии продолжала таковой оставаться и в изгнании. В начале 1920-х гг. возникла идея открытия курсов Военной академии в Болгарии. Курсы планировалось открыть с 1 января 1922 г.^V, но проект так и остался не реализованным^{VI}. Позднее подготовка военных специалистов все же начала осуществляться на курсах генерала Н.Н. Головина. Генштабисты-эмигранты жили мыслями о России и ее будущем. Надеялись принести пользу своей стране, а когда появится возможность, вернуться домой. Те, у кого остались на родине члены семьи, старались аккуратно (чтобы не навредить) поддерживать с ними связь.

Важным представляется вопрос о том, как ветераны Белого движения оценивали произошедший раскол российского Генерального штаба. Пищу для размышлений дает письмо слушателя ускоренных курсов академии полковника А.К. Македонского генералу М.А. Иностранцеву от 4 декабря 1921 г., автор которого отмечал, что завидует своим однокашникам по академии, оставшимся

^I ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

^{II} Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т. 4. С. 636–645.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 84.

^{IV} NIA. E. K. Miller collection. Box 18. Folder 10.

^V ГА РФ. Ф. Р-7518. Оп. 1. Д. 346. Л. 3–4об.

^{VI} Ганин А. В. Российская Военная академия в Болгарии в 1921–1922 гг.: история нереализованного проекта // Русский сборник. 2018. Т. 26. С. 722–766.

в Советской России, поскольку те приобрели серьезный опыт службы Генерального штаба, который может быть полезен будущей единой русской армии. Вместе с тем Македонский был убежден, что почетнее быть рядовым у белых, чем начальником штаба у красных¹.

Активная часть военной эмиграции стремилась к реваншу за поражение в Гражданской войне. По этим причинам в том или ином виде первые годы сохранялись структуры армии в изгнании. Большие надежды возлагались на внутренний переворот в СССР и в Красной армии. Генерал П.Н. Краснов в 1923 г. даже опубликовал открытое письмо красному Генеральному штабу с призывом к смене власти². Однако эти надежды не оправдались.

Среди генштабистов-эмигрантов, ветеранов Белого движения, появились и те, кто считал борьбу с большевиками ошибкой, пришел к «смене вех». Часть из них группировалась вокруг берлинского военно-научного журнала «Война и мир», издававшегося на деньги советской военной разведки. Тем более что с самого своего возникновения русская военная эмиграция стала сферой пристального внимания советской разведки. Показательны рассуждения одного из активных сотрудников «Войны и мира» генерал-лейтенанта С.К. Добrorольского в переложении другого генерала-генштабиста Г.И. Гончаренко (Ю. Галича): «Белые или красные — в конце концов, не все ли равно?.. Военная доктрина не признает этих оттенков... Она, извольте видеть, едина... И при Александре Македонском, и при Бонапарте, и при Лье Троцком! В нем говорит убежденный спец, ставящий свою профессию выше случайной игры и победы той или другой политической партии»³.

В целях разложения белой военной эмиграции чекистам и военным разведчикам удалось склонить к возвращению в Россию одного из видных белых генералов — Я.А. Слащева, конфликтовавшего с Врангелем. В ноябре 1921 г. Слащев с группой соратников нелегально вернулся на родину, был амнистирован и получил советское гражданство. Он не только передал советским спецслужбам ценную информацию о белой военной эмиграции, но и обратился к последней с призывом возвращаться в Россию. Многие бывшие белые последовали примеру Слащева.

«Сменовеховские» настроения приобрели определенную популярность в среде генштабистов. Против продолжения борьбы с большевиками уже в 1922 г. выступили такие генералы-генштабисты, как С.К. Добrorольский, Е.И. Достовалов, а также А.К. Келчевский и В.И. Сидорин, авторитетные в казачьей среде. Сменовеховцами считали генералов А.А. Носкова и П.И. Залесского⁴. Под коллективной декларацией о признании советской власти и стремлении вернуться на родину среди прочих русских офицеров в Болгарии подписался полковник А.П. Вохмин⁵. В 1928 г. генерал Д.Р. Ветренко вместе с семьей был выслан из Польши в СССР в связи с обвинением в шпионаже⁶. Не вынеся тяготы первых лет эмиграции и жизнь в отрыве от родины и любимого дела, некоторые генштабисты вернулись в Россию. Среди

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 161об. — 162.

² Краснов П. Н. Полное собрание сочинений. Подольск, 2022. Т. 22. С. 348–354.

³ Галич Ю. Золотые корабли. С. 297.

⁴ Прянишников Б. В. Незримая паутина. С. 37.

⁵ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 89.

⁶ Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 166.

возвращенцев генералы Е. С. Гамченко, П. И. Липко, Я. А. Слащев, Н. Т. Сукин, полковники А. П. Вохмин, В. В. Корчаков-Сивицкий, В. Ф. Оржановский, А. И. Саватеев, подполковник Н. Ф. Соколовский, капитан А. С. Ролько. Позднее уехали генералы С. К. Добrorольский, Е. И. Достовалов, М. В. Фастыковский. Возможно, свою роль сыграла и впечатляющая победа большевиков, а также вера в то, что они воссоздадут Россию. В конце 1920-х в СССР из Китая уехали генералы С. А. Зубковский, И. В. Тонких, А. Н. Шелавин. Генерал А. И. Андогский, наоборот, отказался от советского паспорта и был в связи с этим уволен с КВЖД¹. Большинство вернувшихся на родину были расстреляны в конце 1930-х гг.

Генерал С. К. Добrorольский писал генералу П. И. Аверьянову 5 июля 1923 г.: «Россия поумнела... Мы попали между двух эпох; оставим раз навсегда надежду на возврат в прошлое, но люди будут нужны в новой России – умеющие трудиться, и я смотрю, что пребывание наше в Сербии на ролях чернорабочих принесет нам большую пользу: мы не разучимся работать. Поэтому чем тяжелее нам здесь, тем легче будет в России. Я сомневаюсь, чтобы там нынешняя власть была свергнута, но она преобразуется постепенно в национальную демократическую власть, может быть даже с царем во главе, но не с таким, какой был последний. Россия начинает медленно успокаиваться, так же постепенно, как постепенно нарастала революция, которая в скрытом состоянии у нас началась еще в годы Александра II, когда мы с Вами только что поступили в кадетский корпус. Размах в 40 лет, немного меньше, понадобится и для ее успокоения, а большевизм – это железный обруч, которым Россия стиснута, чтобы в период своего перерождения не развалиться на куски, которые стали бы достоянием алчных соседей»².

Ветеранов петлюровского движения агитировал возвращаться на родину бывший генерал Ю. И. Тютюнник³ (негенштабист), выведенный на территорию СССР и захваченный чекистами в результате спецоперации в июне 1923 г. Среди тех, к кому обращался Тютюнник, был и видный украинский генерал А. И. Удовиченко – выпускник ускоренных курсов академии. 23 октября 1923 г. Тютюнник писал ему: «Когда-то Вы писали мне про гарантии. Думаю, что лучшей гарантии, чем моя личная легализация тут, я дать не мог, да и никто другой не может того дать. Дело состоит в том, что тут нас не боятся – не страшны мы... Всем, что честно боролись за известные идеи, открыты двери к возвращению и работе на благо своего народа. Говорил я с ответственными чиновниками и про Вас лично, а также про ген. [А. А.] Загородского и других. Высшая власть на Украине гарантирует Вам и всем своим бывшим честным противникам возвращение и все права граждан Украинской Советской Республики. Дальнейшее будет зависеть от Вас самих. Нечего говорить, что мне будет особенно очень приятно, если в Вашем лице, в человеке, которого я всегда уважал, Украина получит одного из своих лучших защитников. Ибо не в Варшаве, Праге или еще где Украина, а в Киеве, Харькове и, надеюсь, будет и во Львове. Тут украинская стихия, тут должны быть и будем мы. Не сомневаюсь в Вашем принципиальном согласии насчет возвращения к работе

¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 463. Л. 3об.

² ГА РФ. Ф. Р-7332. Оп. 1. Д. 10. Л. 40–40об.

³ Юрій Тютюнник: від «Двійки» до ГПУ: Док. і мат. Київ, 2011. С. 552.

на Украину»^I. Удовиченко на эти увещевания не поддался, чем значительно продлил себе жизнь (умер в эмиграции в 1975 г.).

Судьбы многих вернувшихся сложились трагически, а отношение к ним в Советской России мало отличалось от того, как относились к пленным белым. Супруга Н. Ф. Соколовского писала в МПКС: «Мой муж бывший полковник Генштаба вернулся из эмиграции (из Константинополя) легально, не прячась и не скрываясь от советской власти, его принял с парохода уп[олномоченный] КВЧК^{II} тов. [С.Б.] Виленский — тем же тов. Виленским была снята моему мужу комната, по его распоряжению была выписана семья, т.е. я и дочь, из гор[ода] Керчи, где я жила и служила в Наробразе. Тем же уп[олномоченным] КВЧК Виленским уплачивалось по счету за обеды, т[ак] как у нас средств никаких не было. 17 февраля аресты были массовые в гор[оде] Севастополе, арестовывали всех, кто когда-либо служил в армии белых. В это время уп[олномоченный] КВЧК в городе не был, отсутствовал, когда же приехал уп[олномоченный] КВЧК тов. Виленский и я была у него по делу мужа, он мне сказал, что мой муж не должен был быть арестован и что он скоро будет свободным — между тем и по нынешний день мой муж арестован»^{III}. В 1938 г. Соколовский был расстрелян. Е. С. Гамченко в мае 1923 г. ходатайствовал перед 2-м помощником начальника Штаба РККА о назначении штатным преподавателем 9-й Иркутской школы: «Я сейчас с семьей нахожусь в крайне тяжелом как материальном, так и в квартирном положении, а потому крайне заинтересован в скорейшем отправлении меня в Сибирь»^{IV}. В 1931 г. Гамченко расстреляли.

Возвращались не только бывшие белые, но и те, кто ранее бежал от красных. Например, бывший подполковник В. Ф. фон Эксе, вернувшийся в Советскую Россию в 1920 г., сообщал о себе: «Сделав переворот 28 февр[аля] — 3 марта 1917 г. в Москве в качестве руководителя “молодого революционного штаба”, забрал слишком влево, поругался с [А.Е.] Грузиновым и жил нелегально до Октябр[ьского] переворота, когда сразу пошел к большевикам. Служил в Нар[одном] ком[иссариате] по ин[остранным] делам, где заслужил доверие т.т. Троцкого, [М.Г.] Бронского, [К.Б.] Радека, Бела Кун и мн[огих] др[угих]. Стратегические работы об организации Кр[асной] армии были переданы в руки Влад[имира] Ильича в комнате № 81 в Смольном. Однако противодействие Генштаба, кот[орый] не принял проекты, и разгоревшаяся полемика с ним в “Изв[ествиях] Наркомвоен” (“Нов[ая] воен[ная] доктрина”) заставили ошибиться. Я не уверовал в революцию при наличии торжества Генштаба и, используя литовское происхождение, уехал за границу. Нигде у белых не служил и жил в Финляндии нелегально. Ныне победы Красной армии показали ошибку, и я вернулся»^V. По возвращении Эксе был арестован, позднее освобожден. Умер он в 1942 г. в ГУЛАГе после очередного ареста.

^I Там же. С. 237. Перевод наш.

^{II} Очевидно, Крымской ЧК.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 248. Л. 78об.

^{IV} РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 312. Л. 765.

^V ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 277. Л. 90об.

Действительно крупной, знаковой фигурой среди вернувшихся был генерал Слащев, возвращение которого повлекло за собой поток последователей. Этот поступок Слащева был подстегнут его конфликтом с Врангелем, увольнением со службы и преданием вопреки закону суду чести, а также усилиями сотрудников ВЧК. В ноябре 1921 г. Слащев прибыл в Севастополь, где его встречал лично Ф.Э. Дзержинский, придававший возвращению белого генерала большое значение. Беспощадный к большевикам генерал не только не был расстрелян, но оказался в РККА на военно-педагогической работе. По прибытии Слащев передал чекистам некоторые сведения о состоянии врангелевской армии, дал характеристики начальствующего состава¹. В 1929 г. он был убит в Москве².

Трагедия генштабистов-эмигрантов ярко выражена в письме полковника В.С. Махрова из Туниса генералу В.В. Чернавину от 29 сентября 1925 г.: «Что касается моей пенсии, то хватает средне. Скратывает [?] семья. Денег, конечно, мало. Но самое скверное — это вечная жизнь в палатке (¾ года, и сейчас я пишу опять из палатки). Больше всего меня огорчает то обстоятельство, что я пришел к выводу — нам в Россию не вернуться. Большевизм слишком продолжителен. Таким образом, моя жизнь превращается не в идейную, как у Вас, Вы живете и работаете для науки, а моя жизнь в борьбе из-за хлеба без всякой идейности. Это скучно и противно. Пока хватает сил, терплю. Местная русская эмиграция, как и в Париже, не может сплотиться и живет вразброд. Причины, главная, отсутствие общего идеала, а второстепенная то, что люди разношерстные и слишком заняты добычей хлеба. Быть может, Вы мне сообщите что-либо приятное и хотя бы дающее надежды по этим вопросам. Из России изредка имею письма от сестры. Живет неважно, но уже сытно...»³

Следующим ударом по генштабовской эмиграции стала Вторая мировая война. В годы войны некоторые офицеры погибли. Кроме того, были взяты в плен, депортированы в СССР и репрессированы свыше трех десятков генштабистов-эмигрантов. Депортации проходили в несколько этапов: в период присоединения к СССР Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики; в период после победы Красной армии в Европе, в период после победы на Дальнем Востоке. Среди наиболее известных генштабистов, вывезенных в СССР, генералы Э.А. Верцинский, С.Н. Войцеховский, Н.Г. Володченко, А.С. Галкин, Н.И. Глобачев, А.П. Греков, П.К. Ерошевич, И.Я. Лайдонер, А.И. Ларка, П.-А. Лилль, С.Н. Люпов, Г.Д. Романовский, В.А. Синклер, И.Г. Соотс, полковники Р.К. фон Дрейлинг, А.Л. Мариюшкин, А.М. Шкеленко, подполковник А.И. Парв. Многие были расстреляны или умерли в местах лишения свободы. В результате естественной убыли и репрессий к началу 1950-х гг. старый Генеральный штаб практически сошел со сцены общественно-политической жизни эмиграции.

Некоторые эмигранты до конца жизни сохранили непримиримость к красным. К примеру, генерал С.В. Денисов писал вдове атамана П.Н. Краснова в августе 1948 г.: «Если бы точно знать, что Ваш знакомый человек чистый в смысле

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский.

² См. публикацию рассекреченных в 2021 г. материалов дела об убийстве Слащева: Ганин А. В., Гушин Ф. А. Гибель генерала Слащева: расплата за окаянные годы // Родина. 2022. № 9. С. 112–115.

³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 210. Л. 2–2об.

Белой идеи, то тогда бы я смог что-либо сделать для него в нашей семье офицеров Ген. штаба. Но спешу оговориться: наши однокашники не организованы и крайне скупы и бессердечны»¹.

Примерный расчет смертности оказавшихся в эмиграции выпускников академии – участников Гражданской войны по десятилетиям представлен в таблице 118 (без учета вывезенных в СССР и умерших там, а также не участвовавших в Гражданской войне).

Таблица 118

Статистика смертности генштабистов-эмигрантов

Десятилетие	Умерло (не менее)
1920-е	99
1930-е	194
1940-е	165
1950-е	106
1960-е	103
1970-е	59
1980-е	10
1990-е	2
Неизвестно	87
Итого	825

Из таблицы, несмотря на отсутствие окончательных данных, видно, что свыше 60 % генштабистов-эмигрантов ушли из жизни уже к концу 1940-х гг. При всех тяготах эмигрантского существования, некоторые изгнанники оказались долгожителями. Так, полковник Б. А. Дуров прожил почти 98 лет, генерал В. Е. Флуг – 95 лет, полковник П. В. Колтышев – 94 года, генерал Ф. Ф. Абрамов – 93 года (причем погиб в результате автомобильной катастрофы), генерал М. Н. Кальницкий – свыше 90 лет, генерал граф Н. Н. Игнатьев – почти 90 лет. В сравнении с трагическими судьбами их товарищей в СССР существование генштабистов-эмигрантов выглядит относительно благополучным. Оказавшись вне контроля коммунистических властей, эти люди смогли сохранить жизнь и умерли своей смертью.

Многие генштабисты-эмигранты нашли свое последнее пристанище на Ольшанском кладбище в Праге, Новом кладбище в Белграде, кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, Сербском кладбище в Колма под Сан-Франциско. По-видимому, последним оставшимся в живых выпускником старой академии оказался кубанский атаман генерал-лейтенант В. Г. Науменко (выпуск 1914 г.), который скончался в США 30 октября 1979 г. До 1980-х гг. дожили курсовики полковники В. М. Ажогин, П. В. Колтышев, К. Л. Кононов-Кононович, В. Н. Ставровиц, капитаны Г. С. Думбадзе, А. П. фон Энден, А. Я. Яновский. Одним из последних живых выпускников курсов оставался капитан-колчаковец Г. С. Думбадзе, который умер 24 января 1989 г. Выпускником курсов также являлся польский генерал Р. И. Воликовский,

¹ Переписка Лидии Федоровны Красновой с генерал-лейтенантом С. В. Денисовым: 1947–1949. Подольск, 2022. С. 215.

скончавшийся 14 февраля 1992 г.¹ По-видимому, он являлся последним по времени ухода из жизни причисленным к Генштабу выпускником академии. Последним ушедшим из жизни курсовиком, видимо, был окончивший подготовительные курсы академии в Томске полковник М.В. Смирнов, умерший в Сан-Франциско 23 августа 1996 г. в возрасте 102 лет.

На этом, практически в наши дни, завершилась история старого Генштаба в изгнании. Символично, что как раз в то время, когда ушел из жизни последний выпускник старой академии, в 1990-е гг., забытые имена, идеи, книги и статьи генштабистов-эмигрантов начали возвращаться в Россию. Отношение к ним кардинально изменилось по сравнению с советской эпохой. Генштабистов-эмигрантов теперь стали воспринимать без прежней враждебности, как незаслуженно отторгнутых страной достойных ее сынов, смыслом жизни которых было служение России. В Москве были торжественно перезахоронены останки генералов-генштабистов Н.С. Батюшина, А.И. Деникина, В.О. Каппеля. К настоящему времени в нашей стране переизданы созданные в изгнании военно-исторические, военно-теоретические и мемуарные труды десятков офицеров Генерального штаба. Многие из них по-своему уникальны и по праву принадлежат к классике отечественной военной мысли. Сам факт возвращения этих произведений, спустя почти столетие, на родину означает, что опыт и знания офицеров Генштаба не пропали зря и будут востребованы в России, к чему и стремились вынужденные изгнанники.

§ 5. Потери и судьбы

Важным вопросом, отражающим характер участия генштабистов в российской Гражданской войне, является анализ смертности генштабистов в катастрофических условиях 1917–1922 гг. и в последующих перипетиях отечественной истории. В мае 1920 г. в ПШ РВСР был составлен список умерших генштабистов, включавший лишь 17 человек². Речь шла о тех, кто служил в РККА, причем эти данные были неполными. Они не включали как некоторых умерших (например, состоявших на учете, но фактически не служивших), так и тех, кого было нежелательно упоминать по политическим причинам – расстрелянных или покончивших с собой. Мартирологов генштабистов антибольшевистских армий выявить не удалось. Тем более никто не составлял списков умерших генштабистов, уклонявшихся от Гражданской войны.

Для определения точных показателей смертности нами составлена база данных, учитывающая сведения о деятельности всех выпускников академии в Гражданской войне и отражающая их судьбы как в этот период, так и позднее. Кроме того, нами подготовлены мартирологи генштабистов, не участвовавших

¹ Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». С. 460–472.

² К. К. Баиов, М. Ц. Грудзинский, И. А. Жуков, К. Н. Зильберман, Я. К. Ивасиов, М. В. Медведев, М. И. Мерро, А. И. Нестеровский, Б. Л. Родендорф, В. Н. Свяцкий, В. И. Селивачев, Н. Н. Сиверс, В. А. Соковнин, К. П. Тераевич, Б. Н. Фрейман, С. М. Шейдеман, В. П. Широков (РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 940. Л. 166–166об. Публикацию списка см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 645–646).

в Гражданской войне и скончавшихся в период 1914–1922 гг.¹ Разумеется, смертность генштабистов в 1917–1922 гг. намного превышала показатели мирного времени. Определимся с общей численностью умерших (см. табл. 119).

Таблица 119

Причины смерти специалистов Генерального штаба в 1917–1922 гг.

Причина смерти	Количество умерших
Репрессии всех сторон (в том числе умерли в заключении) ¹	161
Погибли в результате боевых действий, умерли от ран	42
Скончались по естественным причинам и в результате несчастных случаев	133
Самоубийства	8
Итого	344

Таким образом, за всю Гражданскую войну 1917–1922 гг. ушли из жизни на территории бывшей Российской империи не менее 344 выпускников и слушателей Николаевской военной академии (в том числе не менее 63 не участвовавших в конфликте), что превысило потери и смертность генштабистов за период Первой мировой войны.

Для сравнения, в Первую мировую войну ушли из жизни не менее 198 генштабистов², в том числе не менее 91 погибли и умерли от ран в результате боевых действий либо вследствие солдатских беспорядков, а также покончили с собой.

Характер потерь военной элиты в Первую мировую и в Гражданскую войны существенно различался. В Первую мировую войну намного выше были боевые потери генштабистов, что предопределялось высокой плотностью боевых порядков и огневого воздействия, интенсивностью и размахом операций, тогда как в Гражданскую войну, боевые действия которой характеризовались отсутствием сплошной линии фронта, слабым огневым воздействием, низкой плотностью боевых порядков, на первое место вышла связанная с политическими факторами смертность от репрессий, несколько возросла и смертность по естественным причинам, что обусловлено упадком питания и медицинского обеспечения, разрухой в стране.

На первом месте среди причин смертности генштабистов Гражданской войны находился фактор террора (прежде всего, красного), превысившего даже естественную смертность. Жертвами террора стали 46,8% умерших выпускников и слушателей академии, по естественным причинам ушли из жизни в этот период не менее 38,6%, в боевых действиях погибли лишь порядка 12,2%.

Абсолютное большинство погибших в результате репрессий приходится на красный террор (95,7%), в остальных случаях речь идет о жертвах бандитизма

¹ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 795–807. Со времени публикации мартирологов появился ряд дополнений и уточнений.

² Помимо жертв красного террора учтены единичные среди офицеров Генштаба жертвы белого террора: К. И. Рябцев, А. А. Сосницкий и А. А. фон Таубе, а также жертвы бандитизма А. С. Галкин, С. И. Кулешин, Л. В. Никольский и В. В. Сахаров.

³ Составленный нами мартиролог см.: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба... С. 795–804. Внесены уточнения.

(«зеленых») и эксцессов у белых. Такой перекося следует из того, что белые, как и представители национальных государственных образований, в отличие от красных, не проводили политики террора в отношении офицеров Генерального штаба. Нет никаких сомнений, что в случае пленения высокопоставленных военспецов или тех бывших офицеров, которые состояли в РКП(б), их участь была бы незавидной.

Сравнительно невысокий процент погибших в боях объясняется отсутствием необходимости для штабных работников находиться на передовой и невысокой интенсивностью и масштабом боевых действий. Среди естественных причин прослеживается высокая смертность от болезней, прежде всего от различных форм тифа, эпидемиями которого были охвачены воюющие армии.

Самоубийств генштабистов было сравнительно немного. Из восьми случаев четыре связаны с попаданием в плен к красным (так, служивший во ВСЮР генерал Г.Г. Джонсон застрелился летом 1919 г., оказавшись в окружении под Борисоглебском, а белый разведчик полковник В.Д. Хартулари покончил с собой в советской тюрьме, чтобы не выдать свою агентуру) или разочарованием и крушением надежд на исход борьбы (как в случае с А.М. Калединым или с предполагаемым самоубийством генерала В.З. Май-Маевского). Мотивы остальных случаев неизвестны. Известный автор статистических исследований об офицерском корпусе бывший полковник П.А. Режепо застрелился в ноябре 1918 г. Конкретные причины неизвестны, однако удалось установить, что 16 ноября ему был отправлен телеграфный приказ выехать в Москву в распоряжение начальника ВГШ^I. Возможно, между этими событиями имелась какая-то связь (правда, нельзя сказать, чтобы Режепо не хотел служить в Красной армии, так как сохранились его пожелания на этот счет, датированные сентябрем 1918 г.^{II}). Отметим, что случаи самоубийств связаны в основном с офицерами, служившими в антибольшевистских армиях.

К сожалению, определить процент умерших в 1917–1922 гг. от общего числа выпускников Николаевской военной академии, находившихся в это время на территории бывшей Российской империи, не представляется возможным, так как невозможно установить, сколько всего генштабистов были живы в этот период (более или менее точные данные имеются лишь о тех, кто участвовал в Гражданской войне).

Полковник К.Л. Капнин вспоминал о настроениях белого офицерства на Юге России и реалиях службы: «Жизнь наша... носила вполне характер Запорожской Сечи. Люди все были молодые, смотревшие бесчисленное число раз в глаза смерти и в глубине души верившие в свою обреченность. Мало из нас действительно осталось в живых. Пули и тиф имели богатую жатву»^{III}.

Полковник А.А. фон Лампе записал в дневнике 18 апреля (1 мая) 1920 г.: «А тяжело жить, Тата^{IV} права, что вокруг нас кладбище: Мельницкий, Чебыкин, Бошнятов, Румянцев... ужас что такое! А где Васильев?

^I РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 122. Л. 229.

^{II} РГВА. Ф. 862. Оп. 2. Д. 17. Л. 117.

^{III} ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 386. Л. 9.

^{IV} Супруга А. А. фон Лампе — Н. М. фон Лампе.

Живем как на вулкане. А бедная Романовская пережила за полгода сына, мать и мужа!»¹ Речь шла об умерших товарищах фон Лампе — полковниках В.Г. Бошенятове, В.М. Мельницком и П.А. Чебыкине (умер от тифа), подполковнике А.В. Румянцеве. Все они были выпускниками академии.

В мае 1920 г. он же вновь размышлял о гибели товарищей: «17 февраля во время паники донцов насмерть задавило Н.З. Неймирок[а], пытавшегося остановить панику.

Который это уже из наших екатеринодарских полковников Генерального штаба: Бошенятов, Чебыкин, Румянцев, Мельницкий, Неймирок, [А.Н.] Кардашенко... Остались: [П.А.] Кусонский, [В.А.] Гольдгаар, [А.М.] Шкеленко, [Б.А.] Штейфон, [П.Н.] Санников и я, да и то про Санникова мы не знаем ничего! Ровно половина!

Ах да — еще [А.А.] Подчертков в Крыму и [Д.Н.] Тихобразов — неизвестно где!»¹¹ Из перечисленных А.Н. Кардашенко погиб в 1920 г.

Серьезные потери кадры Генштаба понесли по причине эмиграции. Из России вынужденно уехали свыше 1090 выпускников академии — участников Гражданской войны (в большинстве ветеранов белых и национальных армий), в том числе имеются достоверные данные о 826 умерших в изгнании (вследствие корпоративного единства генштабистов сведения о смерти офицеров-эмигрантов становились известны и фиксировались в некрологах на страницах периодических изданий русского зарубежья). Не менее 866 выпускников академии остались на родине.

В сравнении с эмигрантами намного меньше известно о судьбах тех, кто жил в СССР (следы офицеров терялись, в особенности если они увольнялись из армии и позднее не зафиксированы как репрессированные; см. табл. 120).

Таблица 120

Причины смерти выпускников Николаевской академии в СССР

Причины смерти	Количество
Естественные причины	178
Расстреляны или умерли в заключении в 1923–1929 гг.	7
Расстреляны или умерли в заключении в 1930–1935 гг.	37
Расстреляны или умерли в заключении в 1936–1939 гг.	144
Погибли или пропали без вести в годы Великой Отечественной войны	1
Расстреляны или умерли в заключении в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.)	33
Расстреляны или умерли в заключении после Второй мировой войны (1945–1953 гг.)	28

Удалось установить, что не менее 249 выпускников старой академии были расстреляны или умерли в заключении в СССР. Не менее 178 офицеров умерли своей смертью (сюда же отнесены несчастные случаи и самоубийства). Разумеется, это не окончательная цифра — судьбы нескольких сотен человек еще предстоит установить. Характерно, что в период 1917–1953 гг. лишь меньшинство выпускников старой академии погибли в результате боевых действий. Значительная часть

¹ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 98.

¹¹ Там же. Л. 124.

ушедших из жизни в тот период являлись жертвами репрессий. Массовые репрессии и эмиграция стали трагедией целого поколения генштабистов.

Обобщая данные о судьбах выпускников академии, участвовавших в Гражданской войне, следует отметить, что из 2859 офицеров этой категории, выявленных нами к началу 2023 г., 38 % эмигрировали из России; не менее 30,2 % остались в стране; погибли или умерли 9,8 % (исключены не участвовавшие в конфликте) и сведения об остальных 22 % пока не установлены. К последней категории мы относим тех офицеров, записи о службе которых за 1920–1923 гг. или об эмиграции отсутствуют. В связи с высокой развитостью учета кадров Генштаба и тщательной систематизацией нами этих данных неустановленные судьбы с наибольшей вероятностью означают, что такие офицеры либо умерли и погибли, скрылись и затерялись, либо же ушли с военной службы. Таким образом, можно сделать вывод, что в результате Гражданской войны Россия потеряла порядка половины кадров Генерального штаба, а возможно, даже больше. Потери кадров Генерального штаба на изломе эпох отражают радикальные общественно-политические перемены, произошедшие в нашей стране. Их анализ позволяет выявить особенности смены военной элиты при переходе от старой армии к РККА.

Генштабисты сыграли заметную роль в событиях заключительного периода Гражданской войны по разные стороны фронтов. Образовательный уровень состава РККА оставался в целом крайне низким, поэтому роль генштабистов старой школы в тех условиях трудно переоценить. Война выдвигала наверх многих наиболее компетентных специалистов, хорошо зарекомендовавших себя на практике. Это способствовало формированию меритократической военной элиты. Конечно, в полной мере соблюсти такой принцип невозможно, поскольку меритократия как таковая является технократической утопией, но в руководстве РККА тогда оказались действительно многие военные профессионалы. Переход к мирной жизни выдвинул иные критерии отбора элиты, в особенности в связи с начавшейся политической борьбой за армию. Важнейшим фактором становилась не компетентность, а «правильное» происхождение и лояльность тем или иным партийным лидерам.

К концу Гражданской войны среди лиц с высшим общим военным образованием сложилось несколько группировок, каждая из которых имела свои особенности и интересы, что не могло не провоцировать конфликты. Особенно активны были выпускники Военной академии РККА, претендовавшие на место в военной элите СССР. Вопрос о роли «бывших» в Красной армии в 1920-е гг. был политизирован и использовался участниками внутрипартийной борьбы за армию. После поражения Л.Д. Троцкого в этом противоборстве и отстранения его от руководства военным ведомством выдавливание старых специалистов из армии по политическим причинам продолжилось. Тем не менее в 1920–1930-е гг. ряд выпускников старой академии все еще играл видную роль в РККА, прежде всего в сфере военной науки и военной педагогики. Конечно, такое положение трудно сравнивать с той ключевой ролью во всех армиях и противоборствующих лагерях, которая им принадлежала в Гражданскую войну.

В СССР оказалось немало бывших генштабистов белых и национальных армий, которые были вынуждены адаптироваться к условиям жизни в новом социуме. Статус бывшего офицера, а тем более бывшего белого офицера уже в 1920-е гг. являлся достаточным основанием для преследований его обладателя властями, что могло включать увольнение со службы, а порой и репрессии. «Бывшие» находились под пристальным надзором органов госбезопасности, из их среды активно вербовались секретные осведомители ОГПУ. Материалы надзора впоследствии легли в основу массовых репрессивных кампаний 1930-х гг. против «бывших».

В сложившейся в довоенном СССР жесткой идеологизированной иерархической системе с несменяемой диктаторской властью компетентным специалистам старой школы стало сложнее пробиться наверх. Культивировался отрицательный отбор командных кадров по принципу рабоче-крестьянского происхождения, а не квалификации. Меритократический принцип рекрутирования военной элиты вновь стал применяться в годы следующей большой войны – Великой Отечественной.

Эмиграция из России, а также несколько волн государственного террора 1930-х гг. нанесли тяжелейший удар по кадрам Генштаба. Более тысячи выпускников академии вынужденно покинули родину и искали применения себе на чужбине. Сотни стали жертвами массовых репрессий, от которых в «мирные» 1930-е гг. их погибло больше, чем за время красного террора Гражданской войны. Репрессий не избежали ни ветераны антибольшевистских армий, ни те, кто верой и правдой служил Советской России. Истребление целой плеяды образованных военных деятелей нанесло тяжелейший урон интеллектуальному потенциалу Красной армии и обороноспособности страны, изменило кадровый состав военной элиты (не произошло и ее самовоспроизводства, как это отчасти было до революции или за рубежом). Одним из результатов Большого террора стали жестко выстроенная в СССР вертикаль власти и уничтожение какой-либо легальной оппозиции. Обстановка несвободы и международная изоляция препятствовали творчеству многих талантливых людей, удушающе влияли и на развитие военной мысли, на военно-исторические исследования, которые могли бы вести выпускники академии.

Несмотря на многие несправедливости, военспецы-генштабисты сыграли важнейшую роль в создании и укреплении Красной армии. Благодаря их деятельности Красная армия сохранила преемственность от старой русской армии. Наличие среди военспецов высокообразованных офицеров способствовало повышению интеллектуального уровня Красной армии. Военспецы сумели передать свои знания и опыт следующим поколениям советских командиров, что в конечном итоге способствовало как победе в Великой Отечественной войне, так и превращению Советской армии в самую грозную вооруженную силу в мире в послевоенный период.

Заключение

История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. дает самое широкое поле для исследований в разных областях исторического знания. Поскольку речь идет о военно-политическом и социальном конфликте колоссального масштаба, полностью преобразившем нашу страну и мир, приоритетными направлениями изучения можно считать изыскания именно в тех сферах, достижения или провалы в которых определили ход и итоги той войны.

Как отмечал выдающийся прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц, «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»^I. Наследие Клаузевица внимательно изучал лидер большевиков В.И. Ленин, считавший его одним «из самых глубоких писателей по военным вопросам»^{II}. Ленин перефразировал высказывание Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными» (именно: насильственными) «средствами»^{III}. Однако цели большевиков в Гражданской войне явно выходили за пределы простого стремления навязать противнику свою волю — речь шла о радикальном преобразовании всего прежнего миропорядка. В этой связи роль той группы командного состава, которая насильственными методами реализовала политические цели большевиков (равно как и роль противостоявшего этой группе командования антибольшевистских армий), приобретает совершенно особое значение.

Генштабисты являлись особой категорией внутри офицерства с достаточно высоким статусом до революции, своими традициями, особенностями службы и присущими этой группе специфическими чертами. Они составляли значительную часть военной элиты старой России. Это были квалифицированные специалисты, подготовленные для организации и управления вооруженными силами. К началу XX в. генштабисты оставались, по большей части, людьми дворянского происхождения, хотя процесс разрушения традиционного общества и сословной демократизации набирал обороты.

Корпус офицеров Генерального штаба представлял собой мощную корпорацию — его представители занимали ключевые должности как в военной сфере, так и в области государственного управления. Из-за особенностей униформы, закрытости и неформальных связей эту корпорацию порой именовали «черным духовенством». Как писал Б.М. Шапошников, «Генеральный штаб до мировой войны являлся вдохновителем всей военной системы того или иного государства.

^I Клаузевиц К., фон. О войне. М.; СПб., 2001. Т. 1. С. 23.

^{II} Ленин В. И. Социализм и война // В. И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 421.

^{III} Там же.

Влияние его во всех армиях было почти неограниченно, и перед словом “Генеральный штаб” останавливалась с почтением не одна седая, убеленная опытом голова, боязливо поднималась и на первых же строках обрывалась рука критика... Доступ “непосвященным” в это учреждение был затруднен... Там, “за монастырской стеной”, друиды с белыми аксельбантами творили стратегию, готовили государство к войне, ковали инструмент, именуемый армией, к сожалению, не всюду оказавшийся годным для действительной обстановки¹. Значение генштабистов в жизни страны постоянно росло, увеличивались их численность, специализация и профессионализм. Это явление отражало общие тенденции развития общества той эпохи, в котором росла доля лиц умственного труда.

Вместе с тем, это были технократы, нередко узкие специалисты в своей области, а во многих случаях лишь штабные канцеляристы с допуском к секретным документам, привилегированные чиновники, или, как иронизировал один из выдающихся представителей корпорации генерал А.П. Будберг, рыцари стула, пера и чернил². И хотя эти офицеры были предназначены к интеллектуальной, аналитической работе, кругозор и общественно-политические взгляды основной массы генштабистов оставались ограниченными. Лишь немногие из них бывали за границей и могли сравнить жизнь в других странах с тем, что происходило в России. Мало кто разбирался в программах политических партий. Единичные имели собственную общественно-политическую позицию, отличавшуюся от общепринятой. Это обусловлено тем, что для офицерского корпуса русской армии, не исключая наиболее интеллектуальную его часть, в целом было характерно игнорирование общественно-политической жизни, социальных и политических процессов, непонимание взаимосвязи войны и политики, а также особенностей политической борьбы. Следовательно, генштабисты на этом поле неизбежно проигрывали политикам, что существенно повлияло на последующие события.

Генштабисты в целом достойно прошли испытания Первой мировой войной. В силу специфики службы, не предусматривавшей обязательного нахождения на передовой, свой кадровый состав они смогли сохранить. Разочарование императором Николаем II привело представителей высшей военной элиты к соучастию в отстранении его от власти в надежде на улучшение положения воюющей страны и армии. Военное руководство Российской империи, представленное офицерами Генерального штаба, выступило одним из организаторов Февральского переворота, а следовательно, так или иначе ответственно за его последствия, изменившие облик страны. Радикальная смена общественного строя в воюющей стране, как и ее катастрофические последствия, генералитетом не была спрогнозирована и просчитана. Все это отразилось и на самом Генеральном штабе.

Военная элита весной 1917 г. попала в подчиненное положение к штатским политикам из Временного правительства, начались преследования командного состава со стороны революционеров и солдатских масс. Армия разлагалась и вышла из-под контроля. Попытки реванша, спасения страны частью офицерского корпуса (выступление генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г.) не увенчались успехом,

¹ Шапошников Б. М. Мозг армии. М., 1927. Кн. 1. С. 13.

² Будберг А. П. Наша неготовность к войне // МРК. Коллекция А. П. Будберга.

а лишь накалили обстановку и усугубили раскол в обществе и верхах. В конечном итоге та же военная элита, которая участвовала в подготовке февральских событий и в корниловском движении, была вынуждена сопротивляться большевикам в импровизированной форме – путем создания уже осенью 1917 г. с чистого листа вооруженных антибольшевистских формирований.

Один из выдающихся отечественных военных мыслителей XX в. А.А. Свечин справедливо заметил в 1920-е гг.: «Вооруженная борьба, как она понимается в настоящее время, требует Генерального штаба; последний не является организационным капризом и, конечно, будет возникать во всякой армии...»¹ История корпорации офицеров-генштабистов в Гражданскую войну интересна как с точки зрения военно-политических аспектов (участие в событиях и процессах на фронте и в тылу, вовлечение в политическую борьбу), так и в социальном плане (поведение в условиях внутреннего конфликта, выбор, колебания).

История противоборствующих армий Гражданской войны представляет собой интересный опыт низовой вооруженной самоорганизации части общества для отстаивания своих прав и интересов в условиях крушения прежней государственности. Большевики, опиравшиеся на аппарат старой армии и развитый во всех отношениях центр страны, обладали в этом неоспоримым преимуществом, хотя и проявили в вопросах военного строительства большую изобретательность. Ключевую роль в создании практически всех армий, вовлеченных в тот конфликт, сыграли выпускники Николаевской военной академии.

Революционные катаклизмы и ожесточенное военно-политическое и социальное противостояние Гражданской войны стали трагедией для народов бывшей Российской империи, привели к многомиллионным жертвам. Проблема выбора, с кем быть, со всей остротой возникла перед генштабистами. Далекие от политики, они оказались в сложном положении. Свидетельства участников событий демонстрируют овладевшее многими чувство растерянности при отсутствии привычных указаний сверху. Развал армии и солдатские выступления, расправы над офицерами не могли не выдвигать идею сильной и твердой власти, которая бы железной рукой навела порядок в стране и армии.

В вопросе о том, кто может создать такую власть, генштабисты разделились. Одни по-прежнему доверяли сторонникам генерала Л.Г. Корнилова, возглавившим Белое движение, другие увидели мощную силу в большевиках. Часть офицерства заняла выжидательную позицию и стремилась уклониться от вовлечения во внутренний конфликт. Несмотря на определенную общность взглядов кадровых офицеров, даже в силу обстоятельств сохранить единство офицерской корпорации оказалось невозможно. Свою роль в этом играл опыт вовлечения офицеров в события 1917 г. Неизбежный раскол усугубляли и присущие кадрам Генштаба отрицательные качества – приспособленчество и карьеризм. Страна и некогда единая военная элита оказались разделены линиями фронтов между Советской Россией, белым лагерем и национальными государственными образованиями (Финляндия, Прибалтика, Польша, Украина, Закавказье). Раскол офицерства стал одной из составляющих общего раскола общества той эпохи.

¹ Свечин А. А. Стратегия. М.; СПб., 2003. С. 563.

Возникновение новых армий часть офицеров восприняли с точки зрения борьбы за сохранение государственности в той или иной форме, другие — как возможность в условиях внутренней смуты быстро подняться по карьерной лестнице, что не удавалось в нормальных условиях до революции. Выбор в пользу национальных армий обуславливался различными причинами, в том числе распадом страны и невозможностью возврата к прошлому, а также определенными национальными симпатиями тех генштабистов, которые либо представляли самоопределившиеся народы, либо являлись выходцами с этих территорий.

У большинства офицеров порой не было выбора, в каком лагере сражаться, в силу того что мобилизации проводили все стороны. Следовательно, вопрос зачастую определялся не личными предпочтениями, а местонахождением офицера в конкретный момент времени, а также качеством работы мобилизационного и карательного аппарата той или иной стороны. В Красной армии эти органы функционировали высокоэффективно, что позволило красным по максимуму использовать потенциал оказавшихся на их территории генштабистов. Хуже организованные и менее жесткие мобилизации противников большевиков на фоне более низкого кадрового потенциала окраин давали и худший результат, не говоря об удивительном непрагматизме в кадровых вопросах и следовании множеству условностей, унаследованных от старой армии. И хотя офицерство выступало главной движущей силой Белого движения, нет ничего удивительного, что многие офицеры оседали в белом тылу и уклонялись от службы.

«Гражданская война подтвердила выдающуюся роль Генерального штаба», — писал один из видных деятелей Белого движения генерал от кавалерии П.Н. Шатилов¹. Его противник в том конфликте, большевистский лидер В.И. Ленин, также высоко оценивал противостоящую красным военную элиту старой России, возглавлявшуюся генштабистами. В марте 1921 г. в связи с Кронштадтским восстанием он отметил: «Большевиков никто не в состоянии заменить за исключением генералов и бюрократов, уже давно обнаруживших свою несостоятельность»². Ленин понимал, что белые генералы не способны решить стоявшие перед страной задачи, но при этом отдавал себе отчет в том, что именно белые режимы оказались единственной реальной альтернативой большевикам.

В 1917–1922 гг. на территории бывшей Российской империи не существовало единого «мозга армии» — Генерального штаба, множество новых Генеральных штабов (красный, белые и национальные), возникших из осколков прежнего, продолжали играть важнейшую роль в решении военно-политических вопросов. Для новообразованных государств наличие собственного Генерального штаба изначально являлось одним из обязательных элементов их независимости. У каждого из этих Генеральных штабов была своя непростая история.

Только при комплексном рассмотрении событий 1917–1922 гг. на основе анализа участия офицерства во всех противоборствующих лагерях возможно реконструировать поведение офицеров в тот период и его особенности, раскрыть

¹ Шатилов П. Н. Воспоминания. С. 268 // HIA. Vrangeli family papers. Box 6. Folder 4; Его же. Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1. С. 128.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 43. С. 129.

сложность и многообразие проблем, связанных с развитием и эволюцией Генерального штаба в период российской Гражданской войны.

Корпорация генштабистов к началу Гражданской войны отличалась значительной социальной и профессиональной неоднородностью. Особенно размытой она оказалась вследствие массовой ускоренной подготовки офицеров на академических курсах эпохи Первой мировой и Гражданской войн, по итогам которой в этой среде оказалось несколько сотен молодых офицеров. В определенной степени это привело к утрате единства. Однако проведенный нами анализ идейного выбора старого Генштаба и выбора курсовиков в Гражданскую войну в целом свидетельствует о близости их взглядов. Таким образом, мировоззренческого конфликта по этой линии не наблюдалось, поскольку в каждом случае речь шла о кадровых офицерах, как правило, обладавших боевым опытом и похожей системой взглядов. Вместе с тем появление массы молодых курсовиков, не вполне подготовленных, но достаточно амбициозных, порождало поколенческий конфликт с генштабистами предвоенных выпусков, служебные противоречия, борьбу молодежи за свой должностной статус и продвижение по карьерной лестнице. Эти процессы оказали влияние на поведение кадров Генерального штаба в Гражданскую войну.

Намного более острыми представляются противоречия выпускников Николаевской военной академии с выпускниками и слушателями Академии Генштаба РККА. Их мировосприятие существенно различалось, причем «красные генштабисты», боровшиеся за руководящие посты в армии, во главу угла ставили свою идейную преданность большевикам, а не профессионализм. Противоречия и конфликты между генштабистами разных армий (например, бывшие белые генштабисты в РККА, бывшие генштабисты из РККА и национальных армий у белых, русские офицеры в национальных армиях и т.д.), школ (довоенные выпускники Николаевской академии, выпускники ускоренных курсов, выпускники Академии Генштаба РККА и иностранных военных академий) и группировок (например, сторонники А.И. Деникина или П.Н. Врангеля на белом Юге; сторонники адмирала А.В. Колчака или эсеров, каппелевцы и семеновцы на Востоке России) возникали как в советском, так и в антибольшевистском лагере. Порой эти конфликты влекли за собой определенные перемены в политическом курсе тех или иных режимов.

Проведенный анализ раскола Генерального штаба свидетельствует о том, что основной разлом пришелся на линию красные — белые, причем выпускники и слушатели Николаевской военной академии разделились между этими сторонами практически поровну с незначительным перевесом в пользу белых (39,3% в РККА против 46,4% у белых), выбор в пользу национальных армий сделала меньшая часть генштабистов (14,3%), причем в редких случаях офицеры исходили из националистических взглядов и устремлений. Основным мотивом было неприятие большевизма и стремление переждать Гражданскую войну (особенно на гетманской Украине в 1918 г.).

Раскол офицерства не исключал перемещений из лагеря в лагерь. В условиях маневренной войны, при быстроте изменения линии фронта, нестабильной и переменчивой военно-политической ситуации, слабости воюющих режимов и отсутствии каких-либо обязательств по отношению к ним, внутреннем характере противостояния и наличии альтернатив для службы офицер мог перейти

на противоположную сторону, сделав уже сознательный идейный выбор. Такие переходы не могли предотвратить ни комиссары, ни особисты. Сотни генштабистов, до командующих армиями включительно¹, стали перебежчиками.

Лояльность генштабистов национальных армий избранному лагерю оказалась существенно ниже аналогичного показателя для генштабистов белых армий. Идеалы национальной государственности большинством генштабистов национальных армий не разделялись, а сама служба многими воспринималась как временное явление (в этом отношении показательны статистические данные об украинских генштабистах, из которых, по материалам двух опросов 1918 г., не знали национального языка от 42 до 56%). Отношение национальных политических деятелей к выходцам из русской армии часто было негативным, генштабисты подвергались преследованиям, их пытались отстранять с руководящих постов. Неудивительно, например, что в 1919 г. после перехода власти на Украине к Директории большинство генштабистов, прежде служивших в гетманской армии, бежали из украинских формирований в белые армии и РККА. Сотни генштабистов за Гражданскую войну сменили по несколько противоборствующих сторон. Думается, так же вело себя и офицерство в целом.

Придя к власти, большевики сохранили на прежних постах основную массу генштабистов старой армии. Были смещены лишь те, кто выступал против нового правительства и его инициатив. Переходный период от структур старой армии к структурам РККА условно именуется нами инерционным (в зависимости от сроков реорганизации того или иного штаба и учреждения этот период продолжался с октября 1917 по осень 1918 г.), поскольку по инерции сохраняли свои функции многие прежние учреждения и управления вместе с их служащими. При этом часть офицеров еще не считали себя находящимися на службе в Красной армии, где они уже де-факто состояли (интересно, что некоторые из них даже были настроены антибольшевистски). Введение понятия «инерционный период» позволяет более точно характеризовать различные переходные структуры.

С весны 1918 г. под покровительством народного комиссара по военным и морским делам Л.Д. Троцкого в Советской России настойчиво проводилась политика привлечения на службу специалистов Генерального штаба, изначально выделявшихся в особую категорию командного состава. Большевики располагали множеством активных и преданных, но некомпетентных в военных вопросах сторонников, готовых руководить войсками. Троцкий же, видимо, раньше других партийных лидеров осознал, что создание регулярной армии и привлечение на ответственные посты профессионалов-специалистов, пусть и не всегда лояльных, является вопросом выживания новой власти. Позднее это поняли и многие другие. В привлечении этих специалистов в РККА сыграли свою роль многие факторы. Можно отметить как патриотизм генштабистов, стремившихся оборонять страну от немцев, так и иные причины добровольного поступления в новую армию: привязанность к военной службе и стремление к профессиональной самореализации, пребывание на советской территории (фактически центр страны с наибольшей концентрацией

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.

кадров Генштаба в центральных управлениях, а также контролировавшиеся большевиками фронты Первой мировой войны), материальный интерес (оклады высокопоставленных военспецов-генштабистов превышали оклады политработников и даже членов советского правительства), стремление бывших офицеров сохранить в своих руках военно-административный аппарат, вера в твердую власть, карьерные устремления. В наименьшей степени можно говорить о приверженности бывших офицеров большевистской идеологии. Добровольно в РККА поступили и остались служить не менее трехсот генштабистов (к середине и концу 1918 г. зарегистрированы порядка пятисот человек, но часть бежали в антибольшевистский лагерь); для сравнения, в Добровольческой армии в октябре 1918 г. насчитывалось только 86 офицеров Генерального штаба¹.

В Советской России на протяжении 1918–1920 гг. сложилась целая система привлечения кадров Генштаба в РККА, включавшая меры добровольного и принудительного характера. Высокое материальное обеспечение и паек сочетались с запретами служить по специальности тем, кто не поступит в армию до определенного срока, и куда более суровыми угрозами репрессивных действий для саботажников и дезертиров. В условиях недостатка кадров высшей квалификации для многомиллионной армии большевики постарались использовать в этом качестве все категории выпускников Николаевской академии, не исключая тех, кто неудачно ее окончил или недоучился. Такой подход оказался оправданным. Победу РККА ковали не только полноценные бывшие офицеры Генерального штаба, но и те, кто до революции по старым правилам не считались таковыми в связи с неудачным окончанием академии (например, первый советский главком И.И. Вацетис, который был лишь 52-м из 53-х выпускников академии 1909 г. и не был причислен к Генеральному штабу²). Таких специалистов в Советской России, в отличие от антибольшевистского лагеря, также считали генштабистами (в августе 1918 г. Вацетиса в качестве поощрения перевели в Генштаб³).

В РККА выдвинулась на первый план и блестяще зарекомендовала себя целая плеяда выпускников академии. Среди них главнокомандующие И.И. Вацетис и С.С. Каменев; военный руководитель ВВС М.Д. Бонч-Бруевич; начальники ПШ РВСР Ф.В. Костяев и П.П. Лебедев; начальники ВГШ А.А. Свечин и Н.И. Ратэль; командующие фронтами: А.И. Корк, Д.Н. Надежный, П.П. Сытин; командующие армиями: А.И. Геккер, Н.Е. Какурин, Л.Л. Клюев, В.С. Лазаревич, А.А. Самойло, Е.Н. Сергеев; начальники фронтовых и армейских штабов: М.А. Баторский, А.И. Кук, Н.В. Лисовский, С.А. Меженинов, Ф.Ф. Новицкий, И.Х. Паука, Н.Н. Петин, С.А. Пугачев, Н.В. Соллогуб, Н.Н. Шварц. Большой вклад в создание и укрепление РККА внес Б.М. Шапошников, долгое время руководивший Оперативным управлением ПШ РВСР. Многие из них были награждены орденами Красного Знамени.

По нашим подсчетам, выпускники Николаевской военной академии замещали в 1918–1922 гг. в РККА 100% должностей руководителей центральных органов военного управления (военные руководители ВВС, главнокомандующие всеми

¹ РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 29. Л. 178–179об.

² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 1794 (послужной список И. И. Вацетиса на 09.01.1913). Л. 1об., 4; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 182.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 32.

вооруженными силами республики, начальники Штаба РВСР, ПШ РВСР, Штаба РККА, ВГШ); 40 % должностей командующих фронтами, группами армий и армиями; 94,6 % должностей начальников штабов фронтов; 100 % должностей начальников штабов групп армий; 73 % должностей начальников штабов армий. В целом, можно считать, что кадры старого Генштаба были использованы в РККА достаточно эффективно.

Иной подход получил распространение в белом лагере. В белых армиях Юга России наблюдался колоссальный переизбыток кадров Генштаба при нехватке нижних чинов. В результате генштабистов там не ценили, а многие высококвалифицированные и талантливые офицеры на протяжении активной фазы Гражданской войны находились в резерве чинов. Большее значение в кадровой политике имели конкретные заслуги офицеров перед белым лагерем и стаж службы у белых, а не квалификация. В то же время другие белые фронты испытывали кадровый голод в отношении кадров Генштаба, но равномерного распределения специалистов за счет командировок офицеров достигнуто не было. В антибольшевистском лагере также выделилась плеяда способных генштабистов. И в целом, учитывая всю совокупность белых армий и фронтов, белый лагерь (несмотря на окраинное положение, трудности проезда в эти армии через Советскую Россию) на пике Гражданской войны смог сконцентрировать большую часть офицеров-генштабистов.

Сегодня биографии многих представителей офицерского корпуса той поры подробно известны. Это позволяет исследовать вовлечение офицеров в события Гражданской войны персонифицированно, проследить родственные и служебные связи, изучать круг общения, анализировать выбор каждого офицера и его окружения. На таком уровне погружения мы видим, что по разные стороны баррикад порой оказывались близкие родственники, недавние товарищи по службе, однокашники, подчас даже люди одного мировоззрения. Причем распространялись эти особенности и на высокопоставленных лиц.

На примере относительно компактной группы офицеров Генерального штаба отчетливо виден братоубийственный характер Гражданской войны, когда по разные стороны баррикад оказались родные братья, отцы и дети. Фронты Гражданской войны разъединили братьев Баиовых (Алексея, Владимира и Константина Константиновичей), Загю (Михаила и Николая Михайловичей), Махровых (Василия, Николая и Петра Семеновичей), Новицких (Василия, Евгения и Федора Федоровичей), Свечиных (Александра и Михаила Андреевичей), Сытиных (Ивана и Павла Павловичей), Тихменевых (Георгия (Юрия) и Николая Михайловичей). Эти примеры уже стали хрестоматийными, причем перечисленные выше офицеры не считали друг друга врагами.

Таких разделенных семей, конечно, намного больше (автору известны десятки разделенных фронтами офицерских семей, в которых высшим военным образованием, к примеру, обладала лишь часть родственников). Широкую известность в качестве военных специалистов РККА в Гражданскую войну приобрели братья Раттэли Николай и Иван Иосифовичи, первый из которых в старой армии дослужился до генерала, а второй – до полковника. В рядах РККА Н.И. Раттэль занимал важный пост начальника ВГШ, а И.И. Раттэль служил по военным сообщениям (в том числе был начальником военных сообщений Южного фронта). Однако удалось установить, что их младший брат Евгений (негенштабист), полковник старой

армии, успел за Гражданскую войну два раза послужить у красных, а в перерыве служил в войсках Деникина¹.

Поразительный пример крепости семейных чувств дает история отца и сына Клембовских. Бывший генерал В.Н. Клембовский в 1920 г. оказался среди членов Особого совещания при советском главкоме С.С. Каменеве и в этом качестве среди прочих подписал знаменитое воззвание к бывшим офицерам русской армии с призывом забыть старые обиды и вступить в Красную армию для защиты России. На это с гневной и оскорбительной отповедью откликнулся знаменитый писатель А.И. Куприн, живший тогда в Финляндии. Однако сын Клембовского подполковник Г.В. Клембовский, ветеран Белого движения на Севере России, несмотря на то что участвовал в Гражданской войне по другую сторону баррикад, вызвал Куприна на дуэль (писатель от поединка уклонился). В одном из писем в связи со случившимся Г.В. Клембовский отметил: «Уверен в том, что большевизм в России придет к скорому концу и будущая правдивая история обновленной России сумеет воздать должное и моему отцу»².

Но сводить трагедию братоубийства Гражданской войны только к судьбам близких родственников — значит существенно упрощать сложную и болезненную тему. Не менее трагичен раскол между людьми, которые вместе росли и воспитывались, дружили, сидели за одним академическим столом, долгие годы вместе служили, сражались, олицетворяя училищное, академическое или полковое братство. И подобный раскол прошел через судьбу каждого офицера, вовлеченного в водоворот Гражданской войны.

Непримиримость не обошла стороной офицерство. Некоторые генштабисты, в особенности в белых армиях, будучи наделены единоличной властью и командными полномочиями, отдавали репрессивные приказы, оказались в числе организаторов террора. Многие офицеры стали жертвами террора. Если пленных военспецов белые расстреливали лишь в исключительных случаях и чаще всего в порядке самосуда (по оценке А.Г. Кавтарадзе, речь идет о нескольких десятках человек³), то расстрелы пленных белых офицеров в Советской России приобрели масштабный характер⁴. Как отмечалось в советском документе, датированном сентябрем 1921 г., «красный террор стусеивал все бывшие насилия белых»⁵. Тысячи офицеров оказались расстреляны в 1920–1921 гг. после ухода белых в Крым. От красного террора сильно пострадали и генштабисты. Только за Гражданскую

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 8. Д. 319. Л. 109–109об.

² ГА РФ. Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 94. Л. 2. Подробнее см.: Ганин А. В. Проигранный поединок Куприна // Родина. 2017. № 4. С. 45–48; Егоров же. «Я готов вам дать удовлетворение оружием...»: Несостоявшийся поединок писателя А. И. Куприна и сына генерала В. Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования // Новое прошлое (Ростов-на-Дону). 2017. № 2. С. 63–76.

³ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты... С. 224.

⁴ См., напр.: РГВА. Ф. 33988. Оп. За. Д. 41. Л. 304; Абраменко Л. М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005; Архангельск. Расстрельные списки 1921 года / подгот. текста и послесл. Ю. В. Дойкова. Архангельск, 2000. С. 3; Волков С. В. Северный край в судьбах русского офицерства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского (Москва). 2016. № 1 (3). С. 30–37; Кубасов А. Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 164; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 105; 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я. Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные историей); Тумшиш М. А., Папчинский А. А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 152–153.

⁵ Дойков Ю. В. Красный террор на Севере. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 12.

войну были казнены или умерли в заключении не менее 150 выпускников академии. Последующие волны репрессий 1923–1953 гг. унесли жизни еще не менее 248 человек. Итого поименно установлены почти четыреста жертв коммунистических властей из числа выпускников старой академии. Думается, итоговые цифры будут выше. С учетом того, что на советской территории в разное время находились более полутора тысяч выпускников, репрессии, по уже установленным данным, унесли жизни примерно четверти из них. Кроме того, в результате Гражданской войны страну покинули более 1090 выпускников академии.

Роль Генерального штаба в революционных событиях трудно переоценить. В 1917–1922 гг. строгое дореволюционное деление на генштабистов и не генштабистов было утрачено, определяющим фактором стало получение выпускниками академии (даже неудачно ее окончившими) специализированного высшего военного образования, что было редкостью в дореволюционной России. Это обстоятельство позволяло таким офицерам участвовать в целом ряде работ, которые не могли вести менее подготовленные люди. Так, в белом лагере генштабисты активно привлекались к гражданскому управлению.

Одним из принципов Генерального штаба является единство доктрины и единство взглядов офицеров-генштабистов, позволявшее в чрезвычайной и переменной фронтовой обстановке принимать одинаковые решения, не вызывавшие противоречий. В определенной степени такое единство существовало в русском Генеральном штабе, представители которого прошли одну школу и обладали одинаковой подготовкой, опытом, квалификацией и взглядами на военные вопросы. Таким образом, в противоборствующих лагерях оказались командно-штабные кадры примерно одинакового уровня. Паритет красных и белых усугублялся примерно равным распределением генштабистов между этими лагерями, хотя многомиллионная Красная армия по причине своей многочисленности страдала от острейшей нехватки кадров Генштаба. В такой ситуации исход Гражданской войны предопределили не успехи или просчеты генштабистов, а действия и инициативы политического руководства сторон. Более эффективным для достижения военной победы оно оказалось у красных.

Лидеры большевиков, несмотря на отсутствие у многих из них высшего образования, которым обладали их противники, были подготовлены своей дореволюционной борьбой к упорному труду, обладали дисциплиной и обширной эрудицией. В сравнении с военными профессионалами им не хватало, прежде всего, технических знаний. Интересно, что и по стратегическому мышлению большевистские вожди превосходили генштабистов. Неудивительно, что политики одержали верх над военными. И речь не только о победе большевиков над всеми их противниками, но и о том ключевом положении, которое они заняли и сохранили за собой внутри Советской России и СССР.

Даже некоторые генштабисты, не разделявшие большевистских взглядов, с надеждой и восхищением смотрели на эксперимент, который реализовывали красные. Так, бывший военный министр генерал В. А. Сухомлинов, оказавшись в эмиграции, отмечал: «Залог для будущего России я вижу в том, что в ней у власти стоит самонадеянное, твердое и руководимое великим политическим идеалом правительство. Этот политический идеал не может быть моим. Люди, окружающие Ленина, — не мои друзья, они не олицетворяют собою мой идеал национальных

героев. Но я уже не могу их больше назвать “разбойниками и грабителями”, после того как выяснилось, что они подняли лишь брошенное: престол и власть. Их мировоззрение для меня неприемлемо. И все же: медленно и неуверенно пробуждается во мне надежда, что они приведут русский народ, — быть может, помимо их воли, — по правильному пути к верной цели и новой мощи... Верить в это я еще не могу, но тем сильнее того желать... ввиду бесчисленных ужасных жертв, которых потребовало разрушение старого строя. Что мои надежды являются не совсем утопией, доказывает, что такие мои достойные бывшие сотрудники и сослуживцы, как генералы Брусилов, Балтийский и Добrorольский, свои силы отдали новому правительству в Москве; нет никакого сомнения, что они это сделали, конечно, убедившись в том, что Россия и при новом режиме находится на правильном пути к полному возрождению»¹.

В компетенции генштабистов находились оперативные, организационные, мобилизационные и административные вопросы, разработка всего комплекса документации для создания армии и управления войсками (уставы, штаты, приказы), ведение разведки и контрразведки, служба военных сообщений, связи, обеспечение армии картографическим материалом, военно-научная, военно-педагогическая работа. От конкретных людей, их успехов и ошибок, зависело очень многое. Действия этих офицеров предопределялись целым рядом объективных и субъективных факторов: образованием и подготовкой, жизненным опытом, особенностями характера. Поэтому нам важно знать, какими были эти специалисты по своим качествам, полученному образованию, практическому опыту, какие мотивы стояли за принятием тех или иных решений. Значительную сложность представляет отсутствие единых комплексов документов по этой теме и то, что выработка командных решений, как правило, документально не фиксировалась.

Для большевиков генштабисты являлись инструментом достижения победы в войне. Этот инструмент оказался достаточно надежным. Заимствованная из практики Великой французской революции концепция управления Красной армией (командир — комиссар) оказалась весьма удачной, обеспечивая взаимосвязь командиров из бывших офицеров через комиссаров с красноармейской массой. Военспецы, несмотря на их аполитичность или нелояльность большевистскому режиму, работая вместе с комиссарами, в большинстве случаев успешно использовались в интересах красных. Такая система способствовала преодолению настоящего недуга старого офицерства — инертности и пассивности, активизировала работу командиров.

Генштабисты РККА нередко оказывались вовлечены в конфликты различных группировок советской военно-политической элиты на стороне тех партийных деятелей, с которыми были связаны. Тем не менее достаточно сплоченное партийное руководство по мере возможности подавляло эти конфликты и в конечном итоге сохранило единство советского лагеря. Этого же нельзя сказать об антисоветском лагере, в котором, по сути, разворачивалась борьба всех против всех, а в среде военной элиты в особенности. Высший командный состав белых армий буквально разъедали внутренние конфликты, интриги и противоречия, нередко

¹ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 409.

перераставшие в серьезные попытки штурма власти, как открытым силовым путем, так и посредством изощренной кулуарной борьбы группировок. В этом сказалась различная природа противоборствующих лагерей, этот фактор стал одной из причин поражения противников красных.

В условиях кризиса и внутренней войны резко усилилась корпоративная поддержка генштабистов. Но попытки самоорганизации путем создания различных параллельных штабам РККА структур были пресечены большевиками, опасавшимися захвата власти военными, а лидеры военспецов были арестованы.

Генштабисты РККА находились под контролем представителей партии – военных комиссаров и органов ЧК. Однако техническое управление армией было всецело в руках военспецов. Кроме того, квалификация контролирующих органов и лиц не позволяла им предотвращать измены, хотя и затрудняла положение белых агентов и заговорщиков в руководстве армии. В отношении военспецов-генштабистов проводилась кампания по запугиванию путем арестов и расстрелов, суровых (хотя и декларативных) приказов о взятии в заложники членов семьи в случае измены, упреждающего террора, когда достаточно было подозрений или принадлежности к буржуазным классам, чтобы репрессировать человека. Несмотря на заступничество вождей РКП(б) В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого за отдельных генштабистов, террор отрицательно отразился на атмосфере в среде военспецов-генштабистов РККА, многие под давлением этого фактора бежали к противнику или стали активнее сопротивляться большевистской власти.

Сотни генштабистов, дезертировавших из РККА, бежавших к белым или в национальные государства, не могли быть остановлены ни наградами и высокими окладами, ни жестокими репрессиями. Часть офицерства внутренне понимала потенциальный риск службы большевикам, стремившимся лишь воспользоваться военспецами, а затем избавиться от них, заменив их более социально близкими командирами. Показательно, что политика террора в отношении генштабистов осуществлялась только красными, белые (исключая единственный инцидент самосуда, а также смерть заключенного в тюрьме) не расстреляли за Гражданскую войну ни одного генштабиста, что четко дает нам понять, какой лагерь в большей степени мог быть для старой военной элиты своим. Это меняет прежние представления о выборе и поведении офицерства, сложившиеся в историографии.

Идейная близость к белым большей части генштабистов, а также утрата прежних ценностных ориентиров (офицерская честь, верность долгу, замененная лояльностью партии) привели к тому, что некоторые военспецы-генштабисты РККА стали тайно работать на противника. Высокопоставленные агенты белых отдавали вредительские приказы, срывали операции (например, нельзя в полной мере исключать преднамеренный срыв августовского контрнаступления красных на Южном фронте в 1919 г.), сдавали белым города (нами выявлены свидетельства о том, что при содействии агентов из числа военспецов-генштабистов белыми были заняты в 1918 г. Уфа, а в 1919 г. – Борисоглебск, Киев, Полтава, Сумы, Оса, Воткинск). Эта деятельность принесла некоторые успехи белым, но существенного влияния на ход войны не оказала. Изменники и участники антибольшевистского подполья среди военспецов-генштабистов значительных результатов добиться не смогли, к тому же облик РККА определяли не перебежчики и предатели, а лояльные

военспецы, каких было большинство. Немаловажно, что генштабисты белых армий на красных тайно не работали.

Если сравнивать роль офицерства в РККА и в белых армиях, очевидно принципиальное отличие. Белые армии так и не смогли преодолеть ни свою разобщенность, ни партизанский, кустарный характер, тогда как Красная армия планомерно выстраивалась как единая система. И если говорить о роли личности в истории, то личные качества того или иного белого военачальника в условиях партизанской армии оказывались намного важнее, чем достоинства и недостатки красного командира, представлявшего лишь один из элементов системы. Не случайно деникинский генерал Б. А. Штейфон отмечал, что к катастрофе белых привело забвение принципа «организация не терпит импровизации»¹.

Центральное положение красных сыграло свою роль и в офицерском вопросе. Прежде всего, красные, несмотря на враждебную политику по отношению к офицерству, смогли получить колоссальное количество бывших офицеров. Количество переходило в качество. Поэтому до сих пор встречающиеся даже в работах профессиональных историков утверждения о том, что вахмистры (у красных) разгромили царских генералов (у белых), далеки от реальности. В то же время белые фронты вследствие своей географической разобщенности и удаленности друг от друга не смогли наладить даже необходимый обмен командными кадрами в целях восполнения дефицита, существовавшего на некоторых фронтах (например, на Восточном), и более эффективного использования кадров при их избытке (как на Юге). Основными белыми фронтами стали Южный и Восточный, с большим отрывом от прочих лидировавшие и по количеству офицеров. В силу своего периферийного характера Северный и Северо-Западный фронты белых являлись второстепенными, в том числе и в отношении контингентов офицеров.

Наряду с численностью офицерства в противоборствующих лагерях не менее важен вопрос эффективности использования этих кадров. И здесь при меньшей численности военспецов в сравнении с белым офицерством организационным превосходством обладала Красная армия, строившаяся на началах строгой централизации (многое было перенято из опыта Великой французской революции) при развитом мобилизационном, политическом и карательном аппарате. Эта эффективность прослеживается по многим показателям.

Так, в РККА на высоком уровне стоял учет кадров, а следовательно, и распределение (назначения) также могло осуществляться эффективнее. Белые же были связаны в этом вопросе множеством условностей, унаследованных от старой армии и старой России. Например, проблематично было назначить в казачью часть офицера-неказака и, наоборот, изъять офицера из казачьих формирований и перевести его в армейскую часть. Серьезные трения вызывали вопросы чинопроизводства и старшинства (своего рода местничества), перенесенные белыми из старой армии и сильно ограничивавшие кадровые решения. Даже представителей высшего командного состава белых всерьез беспокоил вопрос о допустимости нахождения у них в подчинении офицеров с преимуществом в старшинстве. Белым было непросто осуществлять назначения в нарушение последнего (и в особенности

¹ Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С. 105.

в нарушение старшинства службы в белой армии). Болезненным был вопрос назначений на ответственные должности перебежчиков из Красной армии. Участники Белого движения на Юге России признавали серьезные просчеты командования в деле учета и постановки в строй офицерских пополнений даже на пике Гражданской войны осенью 1919 г., когда, казалось бы, мобилизационный аппарат должен был быть уже отлажен.

В Красной армии наряду с чинами было отменено и старшинство, что было в обстановке Гражданской войны прогрессивным преобразованием. Устранение чинов позволило избежать многих конфликтов, от которых страдали белые (особенно в связи с неупорядоченностью чинопроизводства в Гражданскую войну). Фактически основными критериями при кадровых назначениях в РККА становились образование кандидата и его реальные заслуги на командных постах в новой армии. Таким образом, насколько возможно, проводился в жизнь меритократический принцип выдвижения на руководящие должности.

Поскольку большевики не были связаны многочисленными условностями, существовавшими в старой армии, они могли решать кадровые вопросы гибче, чем противник, и с лучшим результатом (это особенно заметно на примере специалистов Генерального штаба, использовавшихся исходя из факта обучения офицера в академии, а не из формальных критериев причисления и перевода в Генштаб, как было у белых). В Советской России была лучше, чем у ее противников, организована подготовка кадров Генштаба. Лучше, чем у белых, в РККА было поставлено обеспечение генштабистов жалованием и продовольствием.

Красная армия обладала преимуществом и в том, что сфера деятельности военспецов ограничивалась военными вопросами, тогда как у белых офицеры занимались самым широким спектром задач, включая организацию гражданского управления, что снижало их возможности в собственно военной сфере. Должностные обязанности бывших офицеров в РККА более соответствовали задачам, стоящим перед офицерами любой армии. Касалось это и высшего командного состава. В то же время у белых на Юге России в связи с переизбытком офицеров и дефицитом солдат офицеры нередко выполняли солдатские обязанности. Наиболее яркое выражение такой подход нашел в участии некоторых белых генералов, в том числе с академическим образованием, в боях в качестве рядовых.

Еще одним преимуществом красных стало наличие контроля над офицерами и своего рода третейских судей в лице комиссаров. РКП(б) обладала политической волей и последовательно реализовывала ее. Партийные контролеры стояли над офицерской средой и как внешний арбитр не зависели в своих решениях от влияния той или иной группировки офицерства. Между тем высшее руководство белых само происходило из офицерства и было связано множеством обстоятельств и личными взаимоотношениями со сторонами возникавших противоречий. В результате белые буквально погрязли в конфликтах внутри командования. В РККА, помимо этого, отсутствовала и присущая некоторым белым армиям неформальная иерархия офицеров, отрицательно влиявшая на возможности выдвижения способных командиров снизу.

Генштабисты оказались важным инструментом, который помог большевикам одержать победу в борьбе с противниками и удержать власть. При этом мнение старой военной элиты по вопросам управления и развития страны новую власть

не интересовало. Большевики взяли на себя значительную часть функций прежнего Генерального штаба.

В Красной армии Генеральный штаб как совокупность высших органов военного управления, в которых ключевые посты занимали бывшие офицеры-генштабисты, не утратил свои функции мозгового центра. Хотя стратегию в общегосударственном масштабе и многие конкретные вопросы определяли большевистские вожди, генштабисты по-прежнему занимались важнейшими вопросами формирования армии и разработкой боевых операций. Комиссары плохо разбирались в военных вопросах и не могли полностью контролировать решения военных специалистов. Успехи Красной армии в немалой степени были обусловлены лояльным, дисциплинированным поведением подавляющего большинства военспецов.

Именно партийная элита, а не военные играли главенствующую роль в Советской России и СССР. Профессиональная военная элита из старых кадровых военных специалистов оказалась в подчиненном положении. Собственно, она и не могла быть равноценным противником решительным, фанатичным и закаленным бескомпромиссной подпольной борьбой большевистским лидерам. В этом смысле итог Гражданской войны в виде разгрома подобной элиты антибольшевистского лагеря созданными большевиками вооруженными силами вполне закономерен. Очевидно, прав был французский государственный деятель Ж. Клемансо, когда говорил, что война — слишком важное дело, чтобы доверять ее военным. При этом справедливый тезис о приоритете политического руководства над армией для достижения успеха в войне предполагает и наличие разумной политической воли.

Рассмотренные сюжеты не могут не касаться таких неоднозначных вопросов, как взаимоотношения руководства страны и ее вооруженных сил, взаимодействие между политическими деятелями, военной элитой и специальными службами, соотношение их полномочий. Выстроенная большевиками система власти отдавала безусловный приоритет политическому руководству, тесно взаимодействовавшему с органами госбезопасности, тогда как армия находилась в подчиненном и подконтрольном как партии, так и чекистам положении. Следует отметить, что подобная система сохранилась и спустя десятилетия после Гражданской войны.

За Красной армией стоял мощный государственный аппарат Советской России, обеспечивавший эту армию всем необходимым. Политика «военного коммунизма», превратившаяся в вариант мобилизационной экономики, доказала свое превосходство над методами управления белых и способствовала не только выживанию Советской России в годы Гражданской войны и прорыву пресловутого кольца фронтов, но и достижению впечатляющей военно-политической победы над внутренней контрреволюцией, приведшей к полному изгнанию антибольшевистских сил с территории России и установлению на более чем семидесятилетний период советской власти¹. С другой стороны, эта модель, продемонстрировав свою эффективность в условиях войны, привела к тому, что и в дальнейшем политические проблемы в СССР решались узким кругом партийных руководителей силовыми методами.

¹ Подробнее о причинах военной победы большевиков см.: Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 395–434.

Роль генштабистов у белых была совершенно иной. Они сами возглавили Белое движение, по существу не имевшее политической надстройки. Слушателями и выпускниками Николаевской академии Генерального штаба были почти все основоположники Белой борьбы, вожди Белого движения, а также командующие важнейшими белыми фронтами и армиями: М.В. Алексеев, В.Г. Болдырев, С.Н. Войцеховский, П.Н. Врангель, Н.А. Галкин, А.И. Деникин, М.К. Дитерихс, М.Г. Дроздовский, А.И. Дутов, А.М. Каледин, В.О. Каппель, Л.Г. Корнилов, П.Н. Краснов, С.Л. Марков, Е.К. Миллер, К.В. Сахаров, Н.Н. Юденич. Многие из них проявили себя в Гражданскую войну как способные полководцы и штабные работники. Однако белые армии унаследовали и недостатки старой русской армии, поскольку базировались на прежних принципах службы и традициях, уже не отвечавших новым реалиям противостояния большевикам. Это касалось и кадровых вопросов в отношении генштабистов. В результате белые не смогли в полной мере воспользоваться имевшимися у них преимуществами (например, поддержкой офицерства, в том числе оставшегося в Советской России). Свои проблемы были в национальных государствах и армиях, где политическое руководство с недоверием относилось к бывшим русским офицерам.

Созданные генштабистами на дореволюционных принципах белые армии значительно уступали РККА. Во многом в этом виновата общая для всех белых фронтов неспособность антибольшевистской государственности справиться с решением социально-экономических задач, хотя бы для обеспечения нужд армии и достижения победы. Белые режимы были представлены лишь крайне слабыми правительствами, прятавшимися за армией, крупных политических лидеров, равных по своим способностям вождям большевиков В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому, в белых рядах не нашлось, а в конфликте старой и новой модели управления победила новая, более жесткая, но более эффективная в той обстановке. И хотя победа Красной армии была неполной в сравнении с планетарными планами большевиков, достигнутые результаты во многом соответствовали представлениям генштабистов о возрождении прежней Российской империи в старых границах.

Потери генштабистов в Гражданскую войну превысили потери периода Первой мировой, прежде всего, вследствие красного террора. К концу Гражданской войны часть генштабистов белых армий примкнула к красным и поступила на службу в РККА. Колебания военной элиты были обусловлены обстановкой на фронте и разгромом белых армий. Идейные противники большевиков и те, кто опасался преследований, были вынуждены покинуть родину. Среди них были сотни генштабистов, в общей сложности не менее 38% выпускников академии, участвовавших в Гражданской войне, что нанесло огромный урон обороноспособности страны и квалификации командных кадров.

Гражданская война привела не только к расколу русского дореволюционного Генерального штаба, но и к появлению новых специалистов в области военного администрирования — выпускников красной и белой военных академий. Попытки подготовки собственных кадров Генштаба предпринимались и в национальных государственных образованиях. Разумеется, подготовка новых кадров и создание противоборствующих армий были невозможны без опоры на специалистов дореволюционного Генерального штаба. Изначально большевикам, захватившим власть в Петрограде, досталась Николаевская военная академия со всем ее имуществом.

Однако летом 1918 г. академия в полном составе перешла на сторону антибольшевистских сил в Екатеринбурге и Казани. После этого руководство РККА было вынуждено создавать свою главную военную академию фактически с нуля. Амбициозный проект был реализован в сжатые сроки, причем уровень квалификации профессорско-преподавательского состава и подготовки слушателей оказался не только не хуже, чем прежде, но, можно сказать, в чем-то лучше. Вновь созданная академия избавилась от груза прежних проблем, преследовавших старую Николаевскую академию. Произошло радикальное обновление высшего военно-учебного заведения, что давно назрело (в частности, в Николаевской академии и во времена Гражданской войны среди профессуры еще сохраняли свои позиции некоторые противники прикладного метода обучения, вводившегося перед Первой мировой войной Н.Н. Головиным). Несмотря на значительные трудности, в Советской России подготовка кадров Генштаба была поставлена с намного большим размахом, чем в антибольшевистском лагере, чему, безусловно, способствовала лучшая материально-техническая база развитого в культурном отношении центра страны, в отличие от окраин, контролировавшихся противниками большевиков. Система подготовки кадров Генштаба и штабных работников в Советской России отличалась продуманностью и дифференцированностью.

Период Гражданской войны был временем противостояния элит как во враждующих лагерях, так и внутри каждого из них. Это противостояние охватило и корпорацию генштабистов. В частности, возникновение в Советской России новой академии с иными принципами отбора кадров привело к тому, что в РККА возникла своего рода контрэлита в лице слушателей Академии Генштаба РККА, красных командиров, враждебно относившихся к старым генштабистам. Постепенно красные командиры, прежде всего по естественным причинам (но также и в связи с репрессиями), вытеснили старую военную элиту.

В результате Гражданской войны Генеральный штаб потерпел безусловное поражение. И дело не только в военном разгроме белых армий, которыми руководили генштабисты, пытавшиеся стать политиками. Проиграли и те представители Генштаба, которые сделали ставку на большевиков. Дело в том, что в период 1917–1922 гг. произошло радикальное изменение роли генштабистов в военно-политической иерархии страны, стремительное падение их социального статуса. Если до революции офицеры Генерального штаба могли влиять на принятие важнейших военно-политических решений, то в послереволюционный период во главе страны оказалась большевистская партия, для которой старое офицерство было классовым врагом и использовалось лишь вынужденно, в силу отсутствия кадровой замены из социально близких слоев. Динамику изменений положения военспецов-генштабистов характеризует простейшее сопоставление. До революции арестовать и расстрелять генштабиста было немыслимо, тогда как в Советской России это стало обыденным явлением, часто не требовавшим даже доказательства вины. Гражданская война оказалась трагедией для нашей страны, в том числе и для отдельно взятых групп старой элиты, не исключая генштабистов. В результате войны, репрессий и эмиграции страна потеряла свыше тысячи высокообразованных офицеров, что негативно отразилось на интеллектуальном потенциале вооруженных сил. Так или иначе, генштабисты оказались жертвами той войны и собственных несбывшихся иллюзий, заложниками политики.

С окончанием Гражданской войны испытания для бывших питомцев академии не закончились. После того как генштабисты исполнили отведенную им роль, начался процесс вытеснения их из командного состава РККА и военной элиты страны. Уже в 1922 г., чтобы не поощрять кастовость, было упразднено определение «Генеральный штаб». Это знаменовало наступление на особый статус кадров Генштаба в комсоставе РККА. Тем более что в 1921 г. состоялся первый выпуск Академии Генерального штаба РККА, питомцы которой считались куда более лояльной группой командиров, чем генштабисты старой школы. Постепенно вышел из употребления и термин «военспецы».

Процесс вытеснения старой военной элиты из РККА накладывался на внутрипартийную борьбу 1920-х гг. и борьбу за армию между сторонниками Л. Д. Троцкого и И. В. Сталина. Вытеснение происходило и по естественным причинам, в силу старения выпускников Николаевской академии, однако в период 1930-х гг. численность выпускников Николаевской академии в РККА сократилась в связи с чистками и репрессиями. Несмотря на то что эти люди, оставшись в Советской России, отдавали все свои силы строительству Красной армии, они подверглись преследованиям и были репрессированы в рамках дела «Весна» 1930–1931 гг. и Большого террора второй половины 1930-х гг. (в это время, в отличие от Гражданской войны, массовые репрессии коснулись не только бывших офицеров, но и всех прочих социальных групп советского общества, не исключая и партийных работников). Лишь несколько десятков человек дожили до 1940-х гг. Оказавшиеся в эмиграции генштабисты антибольшевистских армий, всеми забытые, доживали свой век вдали от родины.

Исход Гражданской войны был предрешен, в первую очередь, на полях сражений, а не в кабинетах политиков, как иногда может казаться. Тем важнее изучение военной истории этой войны, далекой и в то же время близкой, до сих пор напоминающей о себе кровоточащими ранами в нашем обществе. Судьбы представителей корпуса офицеров Генерального штаба демонстрируют в миниатюре трагическое размежевание всего русского офицерства и общества первой четверти XX в.

В событиях отечественной истории первой четверти XX в. кадры старого Генерального штаба сыграли исключительную роль. Победа большевиков в Гражданской войне, одержанная при помощи высококвалифицированных кадров дореволюционной военной элиты, стала залогом сохранения независимости нашей страны в XX в., так как привела к созданию мощной Красной армии и Вооруженных Сил СССР, отстоявших независимость нашей Родины в годы Второй мировой войны и на протяжении всего послевоенного периода.

Гражданская война в значительной степени сформировала правящий класс Советской России и СССР, в том числе советскую военную элиту 1920–1930-х гг. Тогда же были заложены основы штабной службы Красной армии. И хотя в советской военной элите оставались генштабисты старой школы, ядро кадров Генерального штаба РККА межвоенного периода составили новые люди, слабо связанные с прежними традициями и жизненным укладом. Революция дала путевку в жизнь и возможность построить военную карьеру тем, кто прежде не мог об этом даже мечтать. Такие новые кадры стали опорой советской власти. На их энтузиазме во многом создавалась мощь нового Советского государства.

Не случись революции, не произошло бы и радикальных изменений в жизни страны и ее вооруженных сил. В 1920–1930-е гг. на фоне колоссального развития техники для выживания СССР необходима была стремительная модернизация армии, основанная на модернизации промышленности (индустриализации). Такая модернизация, позволившая создать современную армию, была осуществлена в сжатые сроки при отсутствии достаточных ресурсов. Быстрые качественные изменения осуществлялись за счет сверхнапряжения населения, существовавшего в тяжелейших условиях при жестокой эксплуатации, что привело к огромным человеческим потерям, последствия которых страна так и не преодолела. Остается дискуссионным вопрос о том, является ли такая цена приемлемой. Второй вопрос, не имеющий ответа, о том, в какие сроки можно было достичь тех же результатов эволюционным путем, без террористических методов воздействия со стороны государства.

Знаменитая фраза «кадры решают все» была сказана И.В. Сталиным в речи на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 г.¹ В полной мере она применима к непростой истории отечественного Генерального штаба. Если Гражданская война рекрутировала в советскую военную элиту немало военных профессионалов по меритократическому принципу, то позднее доминирующими стали иные критерии – лояльность определенным партийным вождям и «правильное» рабоче-крестьянское происхождение, что давало отрицательный отбор. Великая Отечественная война, став тяжелейшим испытанием для страны и армии, вернула к жизни меритократический принцип отбора военной элиты, позволив выдвигаться наверх наиболее способным военным деятелям.

Победа в Великой Отечественной войне далась СССР колоссальными жертвами, борьбой и трудом миллионов людей, но есть в этой победе и вклад генштабистов старой школы, пошедших в Красную армию, участвовавших в войне или готовивших командные кадры для будущей войны, передавших новой армии весь свой багаж знаний, обеспечивших преемственность развития командного состава от старого русского офицерства, сохранение определенных традиций. Одним из символов Победы стало имя Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова – офицера Генерального штаба императорской армии, возглавившего Генеральный штаб Красной армии в самый трудный, начальный период войны.

Офицеры Генерального штаба прошли через тяжелейшие испытания, выпавшие на долю нашей страны и ее народа в первой половине XX в., – две мировые войны, революционные события, Гражданскую войну, вынужденное изгнание с родной земли, несколько волн жестоких репрессий и бессмысленных гонений. В большинстве своем это были высокообразованные и квалифицированные специалисты в области военного управления, патриоты, люди долга и чести, вовлеченные самим ходом событий в водоворот острейшего военно-политического противоборства, не будучи к этому должным образом подготовленными. Выпускники Николаевской военной академии не смогли соперничать с большевистским режимом и оказались жертвами радикальных общественно-политических преобразований, произошедших в нашей стране в XX в. (одни как жертвы репрессий

¹ Правда. 1935. 06.05. № 123 (6369). С. 1.

или лица, вынужденные существовать в атмосфере жизненной, идейной и творческой несвободы, постоянного страха, другие как вынужденные изгнанники родины). Тем не менее это поколение генштабистов оставило свой яркий след в истории России и заслуживает благодарной памяти потомков.

В результате радикальных перемен конца 1980-х – начала 1990-х гг. в Россию вернулись труды десятков генштабистов-эмигрантов, вынужденных покинуть родину в результате Гражданской войны, но горячо любивших свою страну. Сегодня у исследователей есть уникальная возможность полноценного изучения и переосмысления трагического, но поучительного исторического опыта старого Генерального штаба, расколотого в результате братоубийственной бойни, развернувшейся на территории нашей страны больше века назад.

Приложения

Приложение 1

Сведения о распределении лиц Генерального штаба и слушателей старой и красной академии Генштаба и академии Сибирского правительства по фронтам и тыловым учреждениям к 1 января 1921 г.

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба					
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правительства	
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих
ПШ РВСР	До 1906 г.	11	8	19						
	1907–1916 гг.	10	2	12						
	1917 г.	6	2	8						
	Итого	27	12	39						
Западный фронт	До 1906 г.	3	10	13	3	4	6	3		1
	1907–1916 гг.	15	4	19						
	1917 г.	10	7	17						
	Итого	28	21	49						
Юго-Западный фронт	До 1906 г.	3	3	6	6	6	9	20		
	1907–1916 гг.	7	2	9						
	1917 г.	5	1	6						
	Итого	15	6	21						
Вооруженные силы на Украине	До 1906 г.	4	3	7	5	4	17	22		
	1907–1916 гг.	9	6	15						
	1917 г.	5	5	10						
	Итого	18	14	32						
Кавказский фронт	До 1906 г.	8	7	15	1	1	2	3		
	1907–1916 гг.	8	2	10						
	1917 г.	9	1	10						
	Итого	25	10	35						

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба						
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правитель-ства		Всего
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих	
Туркестанский фронт	До 1906 г.	2	9	11	1	3	1	2			7
	1907–1916 гг.	1	2	3							
	1917 г.	2		2							
	Итого	5	11	16							
Штаб помглавкома по Сибири	До 1906 г.	6	1	7	1	3	2	2	2	5	15
	1907–1916 гг.	5	1	6							
	1917 г.	3	1	4							
	Итого	14	3	17							
2-я особая армия	До 1906 г.										
	1907–1916 гг.										
	1917 г.	1		1							
	Итого	1		1							
Запасная армия республики	До 1906 г.	1	4	5	2	2	1	1		1	7
	1907–1916 гг.		1	1							
	1917 г.										
	Итого	1	5	6							
РВСР	До 1906 г.	4		4							
	1907–1916 гг.	3		3							
	1917 г.										
	Итого	7		7							
ЦУПВОСО	До 1906 г.	7	5	12	1						3
	1907–1916 гг.	1	2	3							
	1917 г.		1	1							
	Итого	8	8	16							
Дипломатические представительства за границей и представители пограничных контрольных комиссий	До 1906 г.	4		4							
	1907–1916 гг.	3	1	4							
	1917 г.										
	Итого	7	1	8							

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба							
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правитель-ства		Всего	
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих		
ВГШ	До 1906 г.	7	18	25		1	1	1		1	3	
	1907–1916 гг.	11	2	13								
	1917 г.	1	2	3								
	Итого	19	22	41								
Академия Генерального штаба	До 1906 г.	5	18	23		1					1	
	1907–1916 гг.		7	7								
	1917 г.		2	2								
	Итого	5	27	32								
ГУВУЗ	До 1906 г.	34	35	69	2	7	2		6	20	37	
	1907–1916 гг.	10	11	21								
	1917 г.	6	7	13								
	Итого	50	53	103								
Всевобуч	До 1906 г.		8	8						1	1	
	1907–1916 гг.			1								
	1917 г.	1		1								
	Итого	1	8	9								
Военно-морская инспекция	До 1906 г.	1		1								
	1907–1916 гг.											
	1917 г.											
	Итого	1		1								
НКПС	До 1906 г.	1		1								
	1907–1916 гг.											
	1917 г.											
	Итого	1		1								
Штаб войск внутренней службы республики	До 1906 г.											
	1907–1916 гг.											
	1917 г.	1		1								
	Итого	1		1								
Центральное управление снабжений	До 1906 г.	2		2								
	1907–1916 гг.											
	1917 г.											
	Итого	2		2								

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба						Всего
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правитель-ства		
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих	
Центральное управление пограничной службы	До 1906 г.										
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.										
	Итого	1		1							
Штаб командующего морскими силами	До 1906 г.	1		1							
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.										
	Итого	2		2							
Беломорский военный округ	До 1906 г.										
	1907–1916 гг.	1	2	3							
	1917 г.	1		1							
	Итого	2	2	4							
Заволжский военный округ	До 1906 г.		2	2	1						1
	1907–1916 гг.	2	1	3							
	1917 г.	2		2							
	Итого	4	3	7							
Киевский военный округ	До 1906 г.	4	5	9	1	2					3
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.	1		1							
	Итого	6	5	11							
Московский военный округ	До 1906 г.	4	5	9	1	2					3
	1907–1916 гг.	2	2	4							
	1917 г.	1		1							
	Итого	7	7	14							
Орловский военный округ	До 1906 г.		1	1							
	1907–1916 гг.	2		2							
	1917 г.										
	Итого	2	1	3							
Петроградский военный округ	До 1906 г.	4	22	26	3	5	1	2			11
	1907–1916 гг.	6	2	8							
	1917 г.	1	1	2							
	Итого	11	25	36							

Фронты, тыловые учреждения	Старые генштабисты				Слушатели академии Генерального штаба						
	Год выпуска	Активных	Прочих	Всего	Старой академии		Красной академии		Сибирского правитель-ства		Всего
					Активных	Прочих	Активных	Прочих	Активных	Прочих	
Приволжский военный округ	До 1906 г.	1		1							
	1907–1916 гг.										
	1917 г.										
	Итого	1		1							
Приуральский военный округ	До 1906 г.					1		2			3
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.										
	Итого	1		1							
Харьковский военный округ	До 1906 г.		2	2	1	3	1			1	6
	1907–1916 гг.										
	1917 г.										
	Итого		2	2							
Западно-Сибирский военный округ	До 1906 г.				1	1					2
	1907–1916 гг.	1		1							
	1917 г.										
	Итого	1		1							
5-я армия и Восточно-Сибирский военный округ	До 1906 г.				2	1			6	4	13
	1907–1916 гг.	3		3							
	1917 г.										
	Итого	3		3							
Арестованные	До 1906 г.		12	12							
	1907–1916 гг.		9	9							
	1917 г.		3	3							
	Итого		24	24							
ВСЕГО		277	270	547	31	45	43	60	14	33	226
					33,5 %		45,7 %		20,8 %		100 %

Сост. по: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 390. Л. 29.

Описания подвигов слушателей и выпускников Николаевской военной академии, награжденных в 1919–1924 гг. орденом Красного Знамени РСФСР и Почетным революционным оружием^I

Афанасьев Ф.М.

Начальник штаба помощника главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири и начальник военного отдела Сибирского революционного комитета Генерального штаба тов. **Афанасьев** Федор Михайлович – за следующие отличия:

Тов. Афанасьев, будучи командирован в сентябре 1918 года в состав 2[-й] Красной армии, ведшей борьбу на Восточном фронте с контрреволюционными полками Колчака^{II}, немедленно приступил к организации штаба армии со всеми его органами. Быстрое выполнение организационной работы как по созданию армейского аппарата, так и по организации дивизии и различных мелких отрядов, добровольческих и продовольственных, дало возможность в октябре того же года перейти к активным действиям, давшим в своем результате решительный успех, увенчавшийся занятием Ижевска и Воткинска.

В начале 1919 г., замещая командарма 2[-й], руководил действиями армии, на которую был произведен в то время особенно усиленный нажим перешедшей в наступление армии Колчака. Несмотря на численное превосходство противника, 2[-я] армия сдержала его натиск и сохранила свои главные позиции за р[екой] Камой.

После разгрома Колчака на Урале, будучи переброшен в составе штарма 2[-й] на Юго-Восток, быстро охватил обстановку и организовал аппарат управления сначала группы войск левого фланга Южного фронта, а затем Юго-Восточного и Кавказского фронтов, где при его непосредственном и ближайшем участии в операциях войсками фронта были достигнуты блестящие успехи над армиями

^I Комплект приказов ПВСР/ПВС СССР по личному составу с описаниями подвигов кавалеров ордена Красного Знамени РСФСР за период 1919–1924 гг. хранится в РГВА (Ф. 4. Оп. 3. Д. 1588, 1634, 1635, 1690, 1767, 1891, 2176). Недостающие приказы выявлялись по другим единицам хранения РГВА, а также в РГБ, ГА РФ и в ГААО.

^{II} Так в документе.

Деникина и Врангеля, успехи, вернувшие советской власти территории Кавказа и Юго-России¹.

По окончании операции на Кавказском фронте, будучи переведен в Сибирь, в короткий срок сформировал, невзирая на крайне тяжелые условия, аппарат областного военного управления. Быстрая организация областного военного аппарата дала возможность организованно использовать силы Сибири в дни великого напряжения республики на Западном фронте против Польши.

Одновременно с работой военного строительства велось и руководство боевыми операциями Сибирских войск в Монголии и на внутреннем фронте при непосредственном участии и управлении тов. Афанасьева, давшими в результате уничтожение зарубежной белогвардейщины и установление внутреннего спокойствия в Сибири.

Во весь этот длительный период работы с сентября 1918 г. по настоящее время тов. Афанасьев проявил неутомимую энергию, глубокое знание дела и работу без отдыха.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 12.10. № 285.

Баторский М. А.

Вр.и.д. начальника штаба армий Западного фронта Генерального штаба тов. **Баторский** Михаил Александрович – за то, что в бытность свою начальником штаба 16[-й] армии разработал план подготовки и выполнения предстоявшей операции форсирования р[еки] Березины и дальнейшего затем наступательного движения армии, которое увенчалось полнейшим успехом. Во время наступления 16[-й] армии по пути к Варшаве тов. Баторский, фактически являясь непосредственным помощником командующего армией, блестяще справился с тяжелой и ответственной работой организации и упорядочения тыла и связи, невзирая на отсутствие дорог и тяжелые условия их исправления. Параллельно с этим, тов. Баторский полностью нес бремя оперативной работы, разрабатывая для армейского командования свои, всегда отвечавшие обстановке, соображения и проекты и самоотверженно затем проводя их в жизнь.

В трудный период отхода 16[-й] армии от стен Варшавы и за Буг (авг[уст] – сент[ябрь] месяцы 1920 г.), вследствие заблаговременно принятых мер и личной энергии тов. Баторского, было достигнуто полное обеспечение взаимной связи, что дало командованию армии возможность организовать защиту Волковыска и Пружан, на линии коих армия дралась в течение месяца, отбиваясь от наседавшего противника.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 12.12. № 343.

Богомялков С. Н.

Утверждается присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. за №№ 511 и 2322, Реввоенсоветом 4-й армии ордена КРАСНОГО ЗНАМЕНИ: быв[шему]

¹ Так в документе.

начальнику штаба 30[-й] стрелковой дивизии **Богомякову** Степану Николаевичу — за оказанное отличие во время форсирования Чонгарского пролива в ноябре 1920 года.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 01.03. № 31.

Буренин Б. А.

Начальник 18[-й] стрелковой дивизии тов. **Буренин** Борис Анатольевич за отличие, выразившееся в следующем: обстановка на Юго-Западном фронте вынудила части Западного фронта перейти в наступление, не ожидая приведения в боевую готовность некоторых частей. В таком именно положении оказалась 18[-я] дивизия, только что прибывшая из Архангельска, вошедшая в состав войск Северной группы (ныне 4[-я] армия) и немедленно двинутая в район Шарковщины и далее на Козяны для обеспечения правого фланга 15[-й] армии. Части этой армии к 25 мая, достигнув линии старых германских окопов, встретили сильное сопротивление противника и находились под угрозой удара по своему правому флангу из района оз[ера] Богинское, где противником сосредоточивались значительные силы. Стремительный удар этой группы противника, оказавшейся в составе всей 10[-й] пех[отной] дивизии, был встречен левофланговыми частями 18[-й] дивизии в районе Озерявы, где полтора полка 18[-й] дивизии два дня не только сдерживали весь напор 10[-й] польской дивизии, но и сами переходили в наступление, нанося противнику тяжкие потери. После боев у Озерявы (1 и 2 и[ю]н[я]) части 18[-й] дивизии, вынуждаемые к отходу сильнейшим противником, вели с ним непрерывные бои в течение трех недель (по 22 и[ю]н[я]), отходя шаг за шагом и бешеным упорством задерживаясь на каждом рубеже. Они не позволили противнику охватить своей ударной группой правый фланг 15[-й] армии, а своим выдвинутым положением все время нависали над частями противника, атаковавшими в направлении Глубокое — Лужки. С целью избавления от этого клина, врезавшегося в расположение поляков, противник сосредоточивал против 18[-й] дивизии все новые и новые силы, причем в боях в районе Германовичи против 18[-й] дивизии действовали части 10, 8, 7[-й] дивизий противника. Несмотря на подавляющее превосходство в силах противника, 18[-я] дивизия, потеряв в этих боях до 70 % своего состава, наносила врагу такой жестокий урон, что части 8[-й] и 10[-й] польских дивизий в течение этих боев три раза получали пополнение, каждый раз в количестве до 40–50 % своего состава. Измученная непрерывными боями и доведенная потерями до численности около 2000 штыков, 18[-я] дивизия блестяще выполнила поставленную ей задачу и после упорных боев удержала в своих руках Дисненский плацдарм, прочно закрепив за собой дефиле между озерами Белая Ельня и Жада. Столь блестящими действиями дивизия обязана не только своему высоко доблестному составу, сплоченному в стальную массу полуторогодовыми боями на Северном фронте, но и высокой доблести и умению своего начальника тов. **Буренина**. Лично поспевая на угрожаемые участки боевого фронта дивизии, тов. Буренин своими умелыми распоряжениями и неутомимой энергией заставил измученную дивизию не только блестяще выполнить поставленную ей задачу, но, привлекая на себя втрое превосходившие силы противника, нанести ему такой урон,

что части неприятеля, ввязавшиеся в бой с 18[-й] дивизией, уже не могли быть использованы на других участках фронта, а отводились в резерв для приведения в порядок и пополнения.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 08.08. № 387.

Василенко М.И.

Т[оварищ] **Василенко** Матвей Иванович за то, что в наиболее обостренные периоды Гражданской войны с марта 1919 г. по сентябрь 1920 г., последовательно командуя IX, XI и XIV Красными армиями, руководил боевыми действиями этих доблестных армий, усилия которых неоднократно приводили к решающим для нашего оружия успехам на побережье Черного моря и по Кавказскому берегу Каспийского моря против войск Деникина и на Украине против банд Петлюры и Врангеля.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1924. 19.02. № 44.

Гарф В.Е.

Бывший начальник штаба Восточного фронта, ныне 2[-й] помощник начальника Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии, Генерального штаба **Гарф** Вильгельм Евгеньевич — за выдающуюся и талантливую работу в должностях начальника оперативного управления Восточного фронта в 1918 и 1919 гг., начальника штаба Восточного фронта в 1919 и 1920 гг. и начальника штаба 5[-й] армии в 1920 г., по разработке оперативных соображений, энергичному проведению их в жизнь, закончившихся полным разгромом Колчака и пленением большей части его армий.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 09.05. № 153.

Гатовский А.Н.

Начальник 7[-х] кавалерийских Борисоглебских курсов тов. **Гатовский** Александр Николаевич — за то, что в период Новохоперской экспедиции против групп повстанцев Колесникова с 5 по 11 апр[еля] сего года он, по собственной инициативе, выступил с курсами на помощь гор[оду] Новохоперску, которому угрожала непосредственная опасность, и лично руководил боевыми действиями курсов под ружейным и пулеметным огнем противника. Направив в тыл неприятеля бронепоезд, тов. Гатовский заставил врага отхлынуть от стен Новохоперска [–] Красненькая, а затем, искусно перегруппировавшись, во главе курсов ударил в тыл Красненькая, обратил Колесникова в бегство и преследовал его на протяжении 120 верст, вытеснив остатки противника из пределов Новохоперского уезда.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 03.07. № 209.

Геккер А.И.

Командующий [11-й] армией тов. **Геккер** Анатолий Ильич... за отвагу, мужество и распорядительность при личном участии во многих боевых операциях 11[-й] армии в феврале месяце сего года...

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 07.06. № 193.

Горчаков Г.С.

Начальник оперативного управления штаба 4[-й] армии тов. **Горчаков** [Григорий Сергеевич] — за отличия, выразившиеся в следующем: будучи командирован 22 и[ю]л[я] с целью ориентировать командира 3[-го] конного корпуса и начальников дивизий в обстановке, сложившейся под Гродно, во исполнение полученных от командарма 4[-й] указаний, самостоятельно, по собственной инициативе, тов. Горчаков постановил¹ частям армии задачи: третьему конному корпусу форсировать р[еку] Неман в районе м[естечка] Гожа, что 20 верст севернее Гродно, и нанести стремительный удар всюю массою конницы в направлении м[естечек] Новый Двор — Кузница. 53[-й] и 18[-й] дивизиям форсировать Неман на участке Жидовщизна [—] Сивкова, 12[-й] дивизии занять участок по правому берегу Немана от Известк² — Ломка до Жидовщизна и одной бригаде той же дивизии взять из города левобережные укрепления, дабы приковать большие силы противника к городу. В результате конница вплавь, пехота местами по горло вброд, местами на плотках, форсировала Неман; части 12[-й] дивизии, отбивая ряд атак противника, местами доходивших до рукопашных схваток, к утру 24 и[ю]л[я] сломили сопротивление противника, который начал поспешный отход в юго-западном направлении. Преследуя противника, части армии 24 и[ю]л[я] в 16 часов вышли на линию Новый Двор — Кузница — Индура. За время Гродненской операции с 19 по 24 и[ю]л[я] частями армии взято около 4000 пленных, 30 орудий, в том числе 10 тяжелых, 70 пулеметов, 3 танка и громадное количество военного имущества. За все время операции т. Горчаков лично следил за выполнением задач и постоянно ориентировал части, чем способствовал в достижении успеха частями.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 24.09. № 458.

Душкевич А.А.

Вр.и.д. командующего 9[-й] армией тов. **Душкевич** Александр Александрович — за умелое и искусное управление вверенной ему армией в боях с 27 февр[аля] по 3 м[а]рт[а] с.г., приведшее к полному разгрому противника на фронте 9[-й] армии и захвату большой военной добычи, что дало возможность сбить противника на всем правом фланге и вынудило его к поспешному отходу за р[еку] Ея.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 14.08. № 401.

¹ Так в документе.

² Так в документе.

Ивасиов Я.К.

Умерший на фронте, бывший начальник штаба 5[-й] армии **Ивасиов**¹ Яков Клементьевич — за ряд боевых подвигов, проявленных им во время службы на Восточном фронте.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 07.02. № 74.

Инно (Кульдвер) А.А.

Интернациональной военной школы:

Начальнику школы т. **Инно** Александру Александровичу... за отличия в боях с белокареельцами в декабре 1921 г. и январе и феврале 1922 г.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 07.05. № 116.

Какурин Н.Е.

Начальник штаба войск Тамбовского командования тов. **Какурин** Николай Евгеньевич — за нижеследующие отличия:

Командуя отдельной кав[алерийской] группой в период времени с 4 по 10 и[ю]л[я] с.г., разгромил банды Караса и Аверьянова, проявив в этой операции искусство маневрировать конными частями и в полной мере учесть и использовать боевую обстановку и намерения противника.

Во время боевой работы на Западном фронте в должностях начдива 10[-й] и командарма 3[-й] тов. Какурин зарекомендовал себя выдающимся боевым руководителем, особенно за время похода на Варшаву и при обороне Лунинецкого узла в начале октября 1920 г.

Кроме того, тов. Какурин в должности начальника штаба войск Тамбовского командования проявил выдающиеся организаторские способности и работоспособность, поставив на должную высоту боевую работу штаба, чем в значительной степени ускорил ликвидацию бандитизма.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 11.11. № 306.

Каменев С.С. (награждение Золотым оружием)

Объявляется постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов:

«За боевые заслуги бывшего командующего армиями Восточного фронта, ныне главнокомандующего всеми вооруженными силами республики тов. **Каменева** Сергея Сергеевича, проявленные им в момент наступления Колчака на Восточном фронте, Всероссийский центральный исполнительный комитет постановил:

Тов. **Каменева** Сергея Сергеевича за боевые заслуги и организаторские таланты, проявленные им против врагов республики, а также за опытное и умелое руководство Красной армией на Восточном фронте, наградить боевым Золотым оружием со знаком ордена Красного Знамени».

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 22.04. № 193.

¹ В документе — Ивасьев.

Каменев С. С.

Объявляется о награждении, по постановлению Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов главнокомандующего всеми вооруженными силами республики тов. **Каменева** Сергея Сергеевича орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ в ознаменование исполнения им своего долга перед Социалистическим Отечеством в бою против его врагов на всех фронтах.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 29.05. № 298.

Каменев С. С. (награждение Почетным огнестрельным оружием)

Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов п о с т а н о в и л :

Наградить главнокомандующего всеми вооруженными силами РС.Ф.С.Р. тов. **Каменева С. С.**, с исключительным талантом и преданностью интересам Советской Республики руководившего действиями Красной армии, завершившимися победами над врагами республики на всех фронтах¹... высшей воинской наградой, установленной в настоящее время, Почетным огнестрельным оружием с орденом «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ».

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 26.01. № 28.

Корк А. И.

Командующий 15-й армией тов. **Корк** [Август Иванович] – за успешное проведение операции под Гдовом.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 26.11. № 326.

Корк А. И. (второе награждение)

Командующий 15[-й] армией Генерального штаба тов. **Корк** – за искусно проведенную подготовку к наступлению и умелое и энергичное руководство действиями вверенных ему войск 15[-й] армии, приведших в результате упорных и жестоких боев 4 и 5 и[ю]л[я] к разгрому центра главных сил противника на фронте 15[-й] армии, благодаря чему противник был принужден к поспешному отходу с большими для него потерями.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

Корк А. И. (награждение Почетным революционным оружием)

Объявляется постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов от 25 н[оя]бр[я] 1920 г. о награждении Почетным революционным оружием:

...Командующего 6[-й] армией тов. Корка Августа Ивановича – за взятие Перекопских и Юшуньских^{II} укрепленных позиций, открывших дорогу в Крым,

^I Далее в приказе говорится о награждении С. М. Буденного.

^{II} В документе ошибочно — Юшумских.

и за энергичное преследование противника, приведшее к быстрому занятию всего полуострова.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 30.12. № 607.

Крестьянов Г.П.

УТВЕРЖДАЕТСЯ присуждение на основании приказов РВСР 1919 г. №№ 511 и 2322 ордена Красного Знамени: командованием в Тамбовском районе за отличия в боях с бандами Антонова в районе Тамбовской, Саратовской, Пензенской и Воронежской губерний в период времени с апреля по июль 1921 года:

...Воздушной эскадрильи Тамбовской группы:

...Начальнику оперативной части **Крестьянову** Георгию Павловичу.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 12.06. № 82.

Кузнецов Б.И.

Бывший наштарм 11[-й] тов. **Кузнецов Борис Иннокентьевич** за следующее отличие:

22 февр[аля] 1921 г. для установления нарушенной связи штаба армии с передовыми ее частями тов. Кузнецов, совместно с военкомом оперупра¹ штарма 11[-й], выехал ночью на фронт названных частей. Несмотря на взорванный противником мост через реку Храм и невыясненную обстановку, рискуя ежеминутно попасть в руки противника, т. Кузнецов перешел названную реку вброд и связался со своими частями. Подробно ориентировавшись в положении дел на фронте, тов. Кузнецов принял решительные меры к передаче боевых приказов командования, благодаря чему и была решена участь противника. Кроме того, тов. Кузнецов, в качестве наштарма 11[-й], во время боевых действий против армии противника оказал исключительную заслугу в деле поднятия боевого духа на фронте.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 03.10. № 279.

Кук А.И.

Начальник штаба 15-й армии тов. **Кук** [Александр Иванович] — за то, что во время операции против армии Юденича нередко заменял командарма, как его ближайший помощник, и в отсутствие командарма руководил на передовых позициях войсками армии, чем в высокой мере способствовал успеху операций.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 12.12. № 342.

Лазаревич В.С.

Командующий 3[-й] армией Генерального штаба тов. **Лазаревич** [Владимир Соломонович] — за искусно проведенную подготовку и умелое и энергичное руководство наступлением 3[-й] армии в боях 4 и 5 и[ю]л[я], закончившихся разгромом

¹ Оперативного управления.

на фронте армии правого фланга главных сил противника, вынужденного к спешному отступлению с большими для него потерями.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

Лазаревич В. С. (второе награждение)

Награждается вторично орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ:

Командующий 4[-й] армией **Лазаревич** Владимир Соломонович – за победоносные бои в северной части Таврической губернии и за взятие Чонгарских и Сивашских позиций, чем способствовал полному разгрому войск Врангеля и занятию всего Крымского полуострова.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 21.11. № 552.

Лебедев П. П.

Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов отмечает заслуги начальника Полевого штаба РВСР тов. **Лебедева П[авла] П[авловича]**, который неустанными трудами и выдающимися знаниями всемерно способствовал Главному командованию успешно руководить действиями доблестной Красной армии. В воздаяние этих заслуг ВЦИК НАГРАЖДАЕТ начальника Полевого штаба РВСР тов. **Лебедева П. П.** орденом «КРАСНОГО ЗНАМЕНИ».

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 26.01. № 28.

Лисовский Н. В.

Бывший начальник штаба 3-й армии, ныне помощник начальника Центрального управления по военной подготовке трудящихся **Лисовский** Николай Васильевич – за отличия, проявленные таковым во время боевых действий 3[-й] армии на Польском фронте в июне – августе 1920 года, когда искусным и умелым руководством органами связи и органами снабжения армии, участием в разработках оперативных заданий и выдающейся энергией и знанием дела способствовал быстрому продвижению и успеху наших войск.

В тяжелые для армии дни отхода от Варшавы **т. Лисовский** неоднократно становился во главе им лично организованных отрядов и, подавая пример доблестного исполнения долга в непосредственном боевом столкновении с противником, обеспечил благополучный выход штарма и всех тылов 3-й армии из тяжелого положения, в которое их поставил глубоко прорвавшийся противник.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 22.10. № 164.

Лисовский Н. В. (второе награждение)

Постановлением Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов (протокол № 6 от 25 февраля с. г.) по ходатайству ЦИК-а Туркестанской ССР награждены орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ т. т. ... **Н. Лисовский.**

Награждение в отношении т. **Н. Лисовского** – считать вторичным.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1924. 26.03. № 74.

Любимов В. В.

Начальник штаба 5[-й] армии и Восточно-Сибирского военного округа тов. **Любимов** Владимир Виссарионович – за доблестное, активное участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией на многочисленных фронтах Гражданской войны.

Занимая с 1918 г. ряд высших командных должностей и ответственных штабных постов, тов. Любимов с выдающейся энергией и мужеством проводил лично разработанные им операции против контрреволюционных группировок на Южной, Северо-Западной и Восточной окраинах РСФСР, нанося удары врагам рабоче-крестьянской власти.

Назначенный в 1920 году на ныне занимаемую должность, тов. Любимов – во время наступления, летом 1921 г., Унгерна под Троицко-Савском, руководил организацией операции против банд этого генерала, выезжая лично на места боевых столкновений. В результате банды Унгерна были разбиты и сам Унгерн пленен доблестными красными войсками.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 31.01. № 26.

Малышев А. К.

Начальник штаба войск Бухарской группы **Малышев** Александр Козьмич – за то, что в период напряженной оперативной и организационной работы штаба войск Бухарской группы много способствовал успеху операций, неоднократно лично руководя наиболее важными из них в Западной Бухаре. Так, 20 июня 1922 г. во главе 9[-х] кавалерийских курсов и 17[-го] кавалерийского полка атаковал и разбил банды басмачей под Старой Бухарой. 11 августа, командуя конным отрядом в бою у кишлака Джандары, он, лично приняв участие в атаке и увлекая за собою отряд, разбил в 5 раз превосходившего его численностью противника и преследовал его до полного уничтожения.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 13.11. № 230.

Меженинов С. А.

Начальник штаба Западного фронта т. **Меженинов** Сергей Александрович за то, что, находясь за все время боевой работы в Красной армии на ответственных постах, он своей неутомимой энергией, настойчивостью и умелым руководством боевыми операциями обеспечивал неизменный успех наших войск, зачастую подвергая явной опасности собственную жизнь.

В 1920 г., в районе г[орода] Пинска, при наступлении противника на 4[-ю] армию, т. Меженинов искусным маневром парировал попытку противника к окружению армии и своей находчивостью и распорядительностью, соединенными с проявлением личной воинской доблести, содействовал общему успеху наших частей.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 18.05. № 127.

Надежный Д. Н.

Командующий 7-й армией тов. **Надежный** [Дмитрий Николаевич] – за руководство операциями по обороне города Петрограда.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 17.11. № 309.

Невежин К. П.

Начальник 17[-й] стрелковой дивизии тов. **Невежин** Константин Петрович – за то, что во все время наступления этой дивизии (в июле и авг[усте] 1920 г.) от р[еки] Березины к Варшаве, а затем и отхода ее с Варшавских подступов обратно на р[еку] Березину (авг[уст] – сент[ябрь] м.м.¹ 1920 г.) доблестно руководил боевыми действиями своей дивизии, последняя, форсировав 7 и[ю]л[я] 1920 г. р[еку] Березину, овладела, после упорных боев, гор[одом] Минском, а затем городом Слонимом и городом Волковыском, захватывая каждый раз богатые трофеи. 23 и[ю]л[я] ею была отбита ожесточенная контратака, в районе Зельва – Изабеллин, сильной группы неприятеля (более 6 пехотных полков и одной артиллерийской бригады), причем было захвачено 12 орудий и другие трофеи. Выйдя, в итоге своего наступления, к 15 авг[уста] 1920 г. на ближайшие подступы к Варшаве, 17[-я] стрелковая дивизия совершила в составе 16[-й] армии отход к р[еке] Березине, выдержав при этом ряд тяжелых арьергардных боев.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 12.12. № 343.

Одинцов С. И.

Начальник группы Сергей Иванович **Одинцов**, за доблестное взятие Гатчины.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 13.11. № 308.

Ольдерогге В. А.

Командующий армиями Восточного фронта Генерального штаба Владимир Александрович **Ольдерогге** – за разгром армии Колчака и овладение Западной Сибирью.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 19.12. № 350.

Паука И. Х.

Бывший начальник 42[-й] стрелковой дивизии, ныне временно командующий 13[-й] армией, Генштаба тов. **Паука** Иван Христофорович – за нижеследующие отличия: в сент[ябре] 1919 г. неудачные действия некоторых соседних частей поставили 42[-ю] дивизию в крайне тяжелое положение и потребовали от ее руководителя, т. Паука, высокого напряжения сил и искусного управления, дабы сохранить дивизию и вывести ее из-под фланговых ударов противника. С этой целью части дивизии постепенно отводились на новые позиции в северном

¹ Месяцы.

направлении, причем отвод частей приходилось совершать все время в непрерывных боях с противником. 27 сент[ября] части дивизии, согласно приказу начдива, были сосредоточены на рубеже Новоселки – Ниж[нее] Чесночное – ст[анция] Ведуга. Однако вскоре и эту позицию противник начал обходить с обоих флангов. 3 окт[ября] 3[-я] дивизия оставила г[орода] Ливны, а через несколько дней и ст[анцию] Русский Брод. После разгрома отряда т. Фабрициуса у Нижнедевицка всякое соприкосновение с правым флангом 8[-й] армии прекратилось, и левый фланг 42[-й] дивизии оказался на весу совершенно обнаженным. Сложившаяся обстановка потребовала дальнейшего отхода 42[-й] дивизии на позиции в непосредственной близости от г[орода] Ельца на линию р[еки] Сосна от Есенки до Шаталова и далее до Павловка – Екатериновка. В это же время дивизии было приказано выделить ударную группу на своем правом фланге для оказания содействия 3[-й] дивизии по обратному овладению г[ородом] Ливны. С середины октября и до последних чисел месяца шли упорные бои за удержание г[орода] Ельца. Противник упорно стремился захватить этот район, все время стараясь наносить фланговые удары частям 42[-й] дивизии. Благодаря искусному маневрированию, начдив 42[-й] не допустил противника к овладению Ельцом и, несмотря на тяжелое положение, сумел захватить инициативу в свои руки и сам перешел в наступление. С переходом в наступление частями 42[-й] дивизии был нанесен противнику ряд тяжелых ударов (уничтожение офицерской роты и пленение 75 человек в бою у дер[евни] Чернава 29 окт[ября]; пленение роты 2[-го] Алексеевского полка со всем комсоставом и тремя пулеметами в бою у Козьмодемьянское 2 н[оя]бр[я]; разбитие наголову 1[-го] и 2[-го] Алексеевских полков в бою под г[ородом] Ливны 3 н[оя]бр[я] и занятие того же числа г[орода] Ливны; пленение 375 человек и захват 9 пулеметов противника в бою у Алексеевское 11 н[оя]бр[я]). В общем, 42[-я] дивизия под командой т. Паука, с переходом в наступление, не только овладела территорией, но и нанесла весьма существенный ущерб живой силе противника. 16 н[оя]бр[я] после нескольких дней упорных боев части 42[-й] дивизии захватили железнодорожный узел Касторное.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 13.03. № 126.

Перемытов А.М.

Наштарм 7[-й] Генштаба т. **Перемытов** [Алексей Макарович] – за исключительную доблесть и умелое руководство операцией штурма крепости Кронштадт и боем по овладению гор[одом] Кронштадтом.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 04.03. № 112.

Петин Н.Н.

Бывший начальник штаба армий Юго-Западного фронта, ныне вр[еменно] командующий войсками Киевского военного округа Генерального штаба **Петин** Николай Николаевич – за талантливую разработку всех оперативных соображений в должности начальника штаба фронта, энергичную подготовку и проведение в жизнь намеченных операций в 1919 и 1920 гг., закончившихся разгромом армий Деникина

под Орлом и энергичным преследованием и ликвидацией их на территории Украины. В периоды временного замещения командующего фронтом тов. Петин смело проявлял широкую инициативу и с сознанием важности и ответственности момента с успехом самостоятельно руководил боевыми действиями войск фронта.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 09.05. № 153.

Попов В.В.

Начальник штаба [58-й стрелковой дивизии] тов. **Попов** Владимир Васильевич — за отличие, выразившееся в следующем: во все время происходивших отступательных боев на польском фронте за период с 26 апр[еля] по 4 и[ю]н[я] с.г. тов. Попов руководил операциями отхода дивизии, не теряя мужества и самообладания, способствовал сохранению частей, планомерному их отходу и занятию соответствующих позиций и своими своевременными и умелыми распоряжениями вывел части дивизии из тяжелого положения. При отходе войск из Житомира вместе с начдивом лично руководил отходом частей и выехал из города лишь тогда, когда был окружен цепями противника, ворвавшегося в город и открывшего огонь из винтовок и пулеметов. В местечке Кобыльце, руководя отходом войск и обозов, пропустил всех через мост, а сам, оставшись для разведки и прикрытия отходивших частей, повел комендантскую команду в контратаку под ружейным, пулеметным огнем, чем сдержал наступление противника на хвосты обозов и частей. В местечке Кочерово с винтовкой в руках отбивал атаки банд на обозы дивизии и штадив, воодушевляя красноармейцев личным примером. Из м[естечка] Кочерово выезжал лично на разведку с начдивом на автомобиле по Житомирскому шоссе к деревне Царевка и там вместе с начдивом и военкомдивом¹ вступил в бой с разъездами противника, заставив последних отступить. Помимо перечисленных эпизодов проявления личной храбрости, благодаря энергии, распорядительности и умелому руководству тов. Попова, невзирая на расчлененность остатков разбитой под Житомиром дивизии, все части с гужевыми обозами были выведены в полном порядке из многократных окружений, сохранено имущество и живая сила[,] в боевой обстановке вновь составлена и сплочена 58[-я] дивизия.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 16.07. № 346.

Пугачев С.А.

Начальник штаба Кавказского фронта Генерального штаба **Пугачев** Семен Андреевич — за талантливую разработку оперативных предположений и энергичное и умелое ведение штабной работы в период всех операций на Кавказском фронте в 1919 и 1920 гг., закончившихся разгромом армий Деникина на Северном Кавказе, очищением от остатков их указанной территории и сдачей в плен большей части Кубанской белой армии.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 09.05. № 153.

¹ Военным комиссаром дивизии.

Ремезов А.К.

...Начальник штаба [11-й] армии тов. **Ремезов** [Александр Кондратьевич] – за отвагу, мужество и распорядительность при личном участии во многих боевых операциях 11[-й] армии в феврале месяце сего года...

Приказ РВСП по л/с армии. 1921. 07.06. № 193.

Сакварелидзе-Бежанов С.Г.

Начальник оперативного управления штасиба¹ тов. **Бежанов** Сергей Георгиевич – за следующие отличия:

Тов. Бежанов, будучи в течение 10-ти месяцев начальником оперативного управления штасиба, добросовестно выполнял возложенные на него обязанности, проявляя энергию и любовь к делу, не считаясь с количеством затрачиваемого времени. Особенно тяжелая работа выпала на долю тов. Бежанова в период с января по март месяц во время Ишимского восстания. Здесь он проявил знания, максимум энергии и распорядительности, в точности выполняя все распоряжения и указания помглавкома, лишаясь необходимого отдыха и сил, что не прошло бесследно и отразилось на его здоровье. В период операции против Унгерна и Бакича тов. Бежанов своей энергичной и умелой работой немало содействовал нашим успехам.

Приказ РВСП по л/с армии. 1921. 12.10. № 285.

Самойло А.А.

Командующий 6[-й] армией Генерального штаба **Самойло** Александр Александрович – за то, что, командуя этой армией, был всегда верным и стойким чашовым на своем посту, охраняя порученный ему фронт от противника. Готовый в каждую минуту на помощь своим соседям, генштаб **Самойло** в боевые тяжелые дни под Петроградом и в районе Двинска быстро выделил из состава армии лучшие части, героически дравшиеся затем с противником на Западном фронте. Операции, начатые с целью овладеть Архангельском и выйти к Белому морю, под руководством Генерального штаба **Самойло** получили свое блестящее развитие, и руководимая им армия энергичным ударом добивает врага, преградившего нам морской путь через Белое море.

Приказ РВСП по л/с армии. 1920. 21.02. № 73.

Сергеев Е.Н.

Начальник 30[-й] стрелковой дивизии тов. **Сергеев** Евгений Николаевич за нижеследующие отличия: действия доблестной 30[-й] дивизии под руководством отважного начальника ее тов. **Сергеева** за время с 4 окт[ября] по 15 н[оя]бр[я] 1919 г. выразились в следующем: в первых числах окт[ября] 1919 г., когда противник, сосредоточив значительные и наиболее устойчивые части, перешел на фронте армии к энергичным активным действиям, которые были особенно настойчивы

¹ Штаба помглавкома по Сибири.

на фронте 30[-й] дивизии. Несмотря на то, что части последней предыдущими боями были сильно расстроены, наступление противника в районе Боровское, Баятово, Шмаковское, Голопупово, Кашаирская все же было остановлено, и начиная с 4 окт[ября] дивизия сама перешла в контрнаступление. Противник оказывал упорное сопротивление за каждым местным предметом, но после двухнедельных боев был сломлен, и к 19 окт[ября] дивизия на всем фронте отбросила противника на 10 верст к востоку, захватив за этот период боев 300 пленных, 44 пулемета и свыше 12 000 патронов. Указанными боями живая сила неприятеля была настолько надломлена и расстроена, что это предредило его отход на рубеж реки Ишим. Учитывая положение, тов. Сергеев продолжал преследование надломленного врага по пятам и за время с 20 окт[ября] по 2 н[оя]бр[я] 1919 г., сбивая сильные арьергарды противника, проходил около 200 верст и вышел в район реки Ишим, захватив за это время: пленных 1000, пулеметов 8, винтовок 509 и патронов 54 000. На реке Ишим, на участке Ильинское – Гагаринское, противник, заняв заранее укрепленные позиции, пытался остановить наше наступление, но безрезультатно, благодаря стремительному напору частей дивизии, которая к 4 н[оя]бр[я] сбивала противника с укрепленных позиций и отбросила его в восточном направлении, захватив 300 пленных и 7 пулеметов. По овладении рубежом на реке Ишим противник был окончательно надломлен и начал в беспорядке отходить в общем направлении на Омск, прикрываясь сильными арьергардами. Дивизия продолжала преследование деморализованного врага с неослабевающей энергией, и ее налеты были так смелы и энергичны, что целые части неприятеля попадали в плен: 5 н[оя]бр[я] в районе Вакоринский захвачена легкая полевая батарея 3-орудийного состава с прикрытием в 100 чел.; в районе Юрьевской ж[елезной] д[ороги] захвачен полностью 4[-й] Сибирский полк 2[-й] отдельной бригады; в районе Михайловский – Петровское набегом дивизионной конницы пленен штаб сводной дивизии и 8 н[оя]бр[я] в районе Караульная захвачен в полном составе 59[-й] Саянский полк 15[-й] Сибирской дивизии. К 5 н[оя]бр[я] дивизия форсировала реку Иртыш и своим правым флангом, содействуя частям 5[-й] армии по овладению городом Омском, вышла на его северную окраину и заняла таковую. За весь период операции на участке района реки Тобол и района г[орода] Омск дивизия захватила пленных 5300, орудий 3, пулеметов 74, винтовок 1309, патронов 218 000, 2 парохода и много другого военного имущества. Столь крупными успехами дивизия обязана своему неутомимому руководителю, начальнику дивизии Сергееву, который, быстро и верно схватывая обстановку, немедленно принимал соответствующее правильное решение и энергично, смело, с присущей ему силой воли и умом проводил его в жизнь, и крупная победа, имевшая своим последствием полную деморализацию противника, – налицо.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 28.01. № 32.

Сергеев Е.Н. (второе награждение)

Командующий 4[-й] армией Генерального штаба т. Сергеев – за то, что решительными действиями войск 4[-й] армии разбил левый фланг противника и, обойдя его, обеспечил остальным армиям фронта легкое продвижение вперед.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

Соллогуб Н.В.

Командующий 16[-й] армией Генерального штаба тов. **Соллогуб** [Николай Владимирович] – за тщательную подготовку форсирования р[еки] Березины и умелое исполнение этой операции, после чего войска 16[-й] армии стремительным ударом разбили противника и овладели г[ородом] Минском, захватив исправный подвижной состав и другие многочисленные трофеи.

Приказ РВСР по л/с армии. 1920. 15.07. № 342.

Харламов С.Д.

Начальник армейской группы 7-й армии тов. Сергей Дмитриевич **Харламов** за молодецкое взятие Детского Села.

Приказ РВСР по л/с армии. 1919. 13.11. № 308.

Чернышев В.Н.

Начальник штаба Главного управления Рабоче-крестьянского Красного воздушного флота **Чернышев** Виктор Николаевич – за доблестное активное участие в вооруженной борьбе с контрреволюцией на разных фронтах Гражданской войны. Занимая с 1918 г. ряд высших командных и штабных должностей, **т. Чернышев** с выдающейся талантливостью лично разработал планы нескольких боевых операций, принятых впоследствии командованием, чем оказал значительное содействие успеху красного оружия над различными контрреволюционными группировками, боровшимися с советской властью в районе Волги, Кубани и побережья Черного моря. В марте 1921 г., временно командуя IX армией, **т. Чернышев** лично руководил движением наших войск в Абхазию, принимая участие в боях у с[ела] Веселоу при переправе через р[еку] Псоу и под Новым Афоном, в результате этих боев IX армия, разбив противника, заняла г[ород] Сухум и помогла абхазскому пролетариату в его борьбе за окончательное освобождение от власти грузинских меньшевиков.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 28.05. № 77.

Шапошников Б.М.

Первый помощник начальника Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии Генерального штаба **Шапошников** Борис Михайлович.

В течение своей длительной деятельности на высоко ответственной должности начальника Оперативного управления Полевого штаба РВСР тов. **Шапошников** являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы, во всех ее подробностях, полевых органов, в борьбе с врагами Социалистического Отечества.

Занимая указанную должность, вполне соответствующую по значению самостоятельной должности начальника штаба фронта, с первых же дней активной беспримерной борьбы республики с окружавшими ее кольцом врагами, вплоть до настоящего момента – почти прекращения серьезных боевых действий против бандитов, тов. **Шапошников** с присущей ему инициативой и твердым проведением

разработанных им лично боевых операций вынес на себе всю тяжесть последних, работал с полным самоотвержением и днем и ночью.

Приказ РВСР по л/с армии. 1921. 14.10. № 283.

Шварц Н. Н.

Бывш[ий] начальник штаба Западного фронта т. **Шварц** Николай Николаевич за то, что своей неутомимой энергией, исключительной преданностью долгу оказал значительное содействие успехам Красной армии в ее борьбе с белополяками.

В особо трудные для наших войск моменты борьбы т. Шварц личным руководством по восстановлению связи и непосредственным управлением боевыми операциями обеспечивал за нами победу.

В бытность его на Восточном фронте т. Шварц проявлением умелой инициативы и талантливости руководства действиями наших войск значительно способствовал разгрому армии Колчака и блестящему проведению Омской операции.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 31.05. № 133.

Шехаев Б. А.

Начальник штаба 16[-й] стрелковой имени Киквидзе дивизии **Шехаев** Борис Александрович – за то, что в бою с поляками 15 августа 1920 г. под м[естечком] Нове-Място, временно замещая начальника дивизии и получив донесение о создавшейся тяжелой обстановке на правом фланге дивизии, где противник, будучи в превосходных силах, перешел в наступление, немедленно принятыми мерами ликвидировал угрозу удара противником во фланг, причем сам с 3 телеграфистами все время находился в оставленном нашими войсками м[естечке] Нове-Място, несмотря на явную личную для него опасность, и руководил перегруппировкою частей дивизии, благодаря чему положение было восстановлено.

Приказ РВС СССР по л/с армии. 1923. 17.03. № 40.

Яновский А. Я.

Нижеследующие товарищи за боевые отличия, проявленные ими в 1921 г. в борьбе грузинского пролетариата за освобождение от гнета капитализма:

...начальник штаба 9[-й] стр[елковой] дивизии **Яновский** Александр Яковлевич.

Приказ РВСР по л/с армии. 1922. 17.09. № 193.

В.А. Замбржицкий^I. Градация офицеров Генерального штаба. 1928 г.^{II}

Тип офицера Генерального штаба весьма сложный, и к нему нельзя подходить лишь с мерилем «момент» — армейской клички, давно уже установившейся за офицером Генерального штаба, клички, может быть, весьма остроумной, но, во всяком случае, поверхностной и вовсе не определяющей сути офицера Генерального штаба, а к тому же не верной и по существу, ибо если таковой тип и существовал прежде, когда слово «момент» было весьма модным и ходким (т.е. примерно до и в период Русско-японской войны), то ныне он устарел или, вернее сказать, давно повывелся, и современный русский офицер Генерального штаба представляет собой нечто иное.

Попробую взглянуть несколько глубже. Принадлежа сам к корпусу офицеров Генерального штаба, мундиром коего я дорожу и горжусь, зная хорошо добрую его половину и безмерно любя свою профессию, я беру на себя смелость открыто сказать, что да, среди нас — офицеров Генерального штаба — есть много и нравственных, и служебных, и пошлых уродов, но все же, к счастью, тип офицера Генерального штаба далеко не исчерпывается лишь одним злым определением «момент». Я намечу целую градацию типов, так, как я их себе представляю.

Существует четыре различных основных типа. Первый — это тип, ну, что ли, скажем, капрала, который берет палку в руки или потому, что она ему вообще по душе, или потому, что она плохо лежит и надо же кому-нибудь взять ее в руки. Приезжает, бывало, в штаб молодой, перцовый офицер Генерального штаба, у которого и от молодости, и от избытка энергии, и от желания показать себя и проверить на опыте свои знания, что называется, руки зудят и кровь ходуном ходит. Быстро ориентируется он в штабной обстановке, разберется в людях, заглянет в души и видит, что начальник — шляпа, податлив, как воск, и что его легко можно забрать в руки, а окружающие или не в состоянии этого сделать (потому что тоже шляповаты), или не умеют, или не хотят, или не обладают должными знаниями и волей, и дело от того страдает, потому что, скажем, начальник, может быть, и соображает хорошо, и умные, дельные мысли высказывает, а провести их в жизнь,

^I Замбржицкий Виктор Альфонсович (22.03.1883–13.11.1960) — генерал-майор, участник Белого движения на Юге России. Генерал для поручений в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР.

^{II} Материал представляет собой третью главу воспоминаний В. А. Замбржицкого «Последний поход на Кубань. Август 1920 года (Записки участника)».

настоять на них у него не хватает воли. Вот «капрал» и начинает полегоньку набрасывать узду, расправлять свои крылышки. Сначала исподволь, осторожно, чтобы не задеть самолюбия, мягко оглаживает начальника, смотря по характеру и особенностям каждого и играя на его слабой струнке — одному преподносит решение как собственный вывод начальника; другого пугает судебной ответственностью за непринятие решения (с одним из таких начальников мне довелось иметь дело), чем понуждает его к действию; с третьим — пьет водку, под пьяную руку подсунет начальнику для подписи нужный приказ; четвертого — возьмет шуткой и скабрзными анекдотами; с пятым сыграет в картишки и за винтом проведет свою мысль; с шестым вообще живет по душе и так далее, и так далее, одним словом, поймает конек начальника и на нем ездит... Потом, постепенно, влияние его упрочивается, незаметно он входит во все большую и большую силу, забирая власть, которая сама уже лезет к нему. Начальник видит, что дело идет хорошо, радуется, счастлив, награды на него сыпятся, как из рога изобилия, за блестящие боевые дела, и он души не чаёт в молодом капитане или подполковнике Генерального штаба... Вот уж истинно Господь послал в утешение!.. И все кругом довольны, — и начальник, и виновник всего этого благополучия, и окружающие, и высшее начальство, а больше всего довольны войска, потому что сверху чувствуется твердая рука, которая когда нужно и огреет, но зато и позаботится, а главное, своевременно и разумно распорядится. Начальник без него как без рук. Попробуйте вы взять от него, перевести или дать другое назначение такому офицеру Генерального штаба!.. Начальник схватится за голову, «Караул» завопит благим матом, во все колокола, во все инстанции зазвонит, телеграммы пошлет, представления, рапорты, доклады, ходатайствуя, настаивая, умолая, требуя, грозя, наконец, полной остановкой всей работы и могущими отсюда произойти пагубными последствиями в боевой обстановке, за которую он-де не ручается, если у него возьмут или переведут такого-то и такого-то. Я помню случай, когда хотели перевести одного из таких молодчаг, командир корпуса послал в штаб армии такую отчаянную телеграмму, что, казалось, у него рухнет фронт... Штаб армии встревожился и, не решившись при таком условии брать у него офицера, обратился в штаб фронта за разъяснением, как тут быть? Начальник штаба фронта генерал Бонч-Бруевич решил просто: «Скажите командиру корпуса, что в таком случае пусть передаст корпус этому подполковнику...» И когда офицера все-таки перевели, все управление корпуса действительно пришло в упадок, войска терпели неудачи и в конце концов беднягу командира корпуса отчислили от должности, в то время как «молодчага» преуспевал уже по службе на новом месте, постепенно и там забирая оперативную власть. Пусть это положение ненормально, но оно в конце концов жизненно и, следовательно, неизбежно. Молодые силы находят себе исход, разворачиваясь из узких рамок прямой своей должности, и, пройдя здесь хорошую школу, вырабатываются затем в энергичные, решительные, самостоятельные начальники, которые на старших, командных должностях уже сами ведут других на поводу и не нуждаются в подсказках.

Это один из самых лучших, самых ценных, хотя, быть может, и не всегда приятных, но, во всяком случае, наиболее полезных и необходимых типов Генерального штаба. Если при этом он не нахал, не заносчив, не крайний эгоист, в меру честолюбив, довольствуясь высоким уважением начальника и войск

и неограниченным влиянием в оперативной деятельности, не гоняясь за большим, то часто он живет душа в душу с начальником, любовно поделив между собою сферу деятельности. Начальник берет себе хозяйственную часть, инспекторский надзор, объезд войск, разnoseы... В тяжкую минуту вылетит и на тройке в цепь (знавал я и таких), а начальник штаба – всю подготовительную боевую, оперативную работу и распорядительную часть. И опять все кругом довольны. К первому типу принадлежат сильные, волевые характеры, у которых широта знаний соединяется с кипучей жадой деятельности и неистощимой энергией и работоспособностью. К сожалению, они составляют меньшую часть; некоторые из них не уживаются с начальством (когда коса найдет на камень) и носят кличку беспокойных. Их боятся и обычно стараются сплавить подальше на самостоятельные места или оставить не у дел.

Второй тип офицеров Генерального штаба послабее. Я бы их назвал советчиками. По натуре своей они вообще неспособны к самостоятельной деятельности, но зато подают прекрасные советы. Многие из них отлично разбираются в обстановке, находят соответственное решение, но провести его в жизнь сами они ни за что не смогут. Они являются незаменимыми помощниками для начальника крутого, решительного, у которого воли хоть отбавляй, а мозгов или знаний не хватает, и начальник это сознает. Но зато, если он, начальник, своенравен и упрям и преувеличенного мнения о своих способностях, такому офицеру Генерального штаба – беда!.. Измучится он душой, ибо, будучи податлив, он не в состоянии отстоять своего мнения и, в конце концов, вынужден будет согласиться с мнением и решением начальника, в то же время не может не сознавать всей пагубности такого решения и ожидаемых тяжелых последствий, и это причиняет ему душевные муки. Из этих офицеров вырабатывается незаменимый тип прекрасных исполнителей; я говорю незаменимый потому, что они так же, как и инициаторы, столь же необходимы и ценны для общей гармонии техники военного управления. Они всегда скромнее «капралов», уживчивее и часто являются теми незаметными тружениками – китами, на которых зиждется управление массами! Как передаточные ремни и поршни машин, они размеренно, верно и автоматически точно передают двигательную силу, которая через них проходит, работают бесменно часто годами, обходясь без подмазки в виде отпусков, повышений, наград, выдвижений, и остаются вечно в тени, заслоненные фигурой начальника. Их – большинство...

Они хороши на младших должностях; в старших ролях они непременно нуждаются в твердой, стоящей над ними, направляющей руке, и тогда они – тоже хорошие работники; в противном случае они теряются или размениваются на мелочи, или бросаются из стороны в стороны, или, наконец, умывают руки, предоставляя полную мочь какому-либо молодому офицеру «капралу», который фактически устраняет от дел начальника штаба, работая непосредственно со старшим начальником. Ко второму типу принадлежат в большинстве средние люди, средних способностей, прилежно изучившие военные науки, добросовестно прошедшие все испытания академии, вышедшие в люди и плывущие дальше уже по течению. Одни из них совсем складывают оружие в смысле дальнейших знаний, полагая, что на их век хватит запаса академических жиров, – это более ленивые натуры; другие продолжают с тем же усердием изучать военное дело, интересоваться новинками,

много читают, сами пишут, но пороха все же не выдумывают. А в общем это достойные люди и ценные работники при повышении их до известных пределов.

Третий тип офицера Генерального штаба — критики. Они сродни типу советчиков, но по мышлению, по характеру деятельности и по ее результатам они так же различаются от них, как положительные и отрицательные математические величины. Советчик напрягает всю силу своего ума и соображения, чтобы помочь своему начальнику своими знаниями, своим опытом, советом, работой, своими заключениями, своим авторитетом, тогда как критик думает лишь о том, чтобы разрушить всякую работу, потому что на то он и критик, чтобы критиковать, т.е. разрушать, а созидать [—] это дело не его, это его не касается. Но и среди критиков наблюдаются две разновидности: есть критики злостные, которые в своей разрушительной работе испытывают сладострастное наслаждение, которые упиваются могуществом своего критического ума и таланта, подвергая критике все не потому, что то хорошо или дурно, а потому, что ему доставляет физическое удовольствие раскритиковать, разнести, напакостить, испортить все, что творит другой. И он это делает тонко, язвительно, едко, саркастически, по всем правилам логики, злорадствуя и издеваясь над своей жертвой, истязуя ее тем злостней, чем беззащитнее жертва и чем лучше составленный план. Это, своего рода, оперативные садисты, психопаты Генерального штаба, которые тем опаснее, чем они искуснее и умнее. Он сам ничего никогда не создаст, потому что на это он не способен, но критиковать чужой план, чужую работу он будет мастерски. Да если бы он и знал, что нужно делать, он вам не подскажет из того же чувства истязания, недоброжелательства, критической злости и зависти. И чем доказательнее вы будете с ним спорить, отстаивая правоту своих положений, тем авторитетнее он будет вас опровергать. Его могучее оружие — насмешка, ирония, сарказм, дерзость, третирование вас с высоты своего ума и знаний, что при логичности доводов в конце подрывает в вас самих доверие к собственным силам. Они — наша язва, всякое слово их — яд, мертвящий, отравляющий всякую волю, всякое начинание, всякую мысль, и единственно полезное, что может сделать начальник, имея такого помощника, это вовсе его не слушать и скорее удалить от себя. Они никогда ничем не довольны, и если, к несчастью, его предсказания сбудутся, нужды нет, что мы потерпели поражение, что погибли тысячи жизней, что подорвана вера в успех и победу, — он будет торжествовать, он ликует, злорадно потирая руки, и всем говорит: «Вот видите, я говорил, я предупреждал, я предсказывал, потому что я все предвидел, меня не послушали, — ну так вот теперь получайте, пожинайте то, что посеяли...» К счастью, таких офицеров Генерального штаба немного, и в этом наше спасенье.

Другая разновидность — критики просто будирующие. В большинстве это вовсе не злые, а благодушные люди, но с известной наклонностью всегда поворачивать по всякому поводу, у которых, что называется, язык хорошо подвешен, они и звонят, не отдавая себе ясного отчета, хорошо это или дурно. Они критикуют не потому, что им доставляет удовольствие расстроить налаженную работу или предположенный план, а потому, во-первых, что критиковать гораздо легче и приятнее, чем самому что-либо творить и придумать; во-вторых, потому, что надо же дать отвод накопившемуся душевному раздражению; и, в-третьих, наконец, потому, что, критикуя, они сохраняют свой престиж, свое превосходство, доказывая тем свою умственную силу. Они искренно болеют душой при нашем

неуспехе или поражении, но никогда не признаются, что причина его коренится именно в том, что они подрывают веру в успех своей бесполезной, подтачивающей критикой. Я помню, как старик Горбатовский¹ — командир 19го корпуса — бегал за своим таким вот начальником штаба и жалобно его умолял: «Ну, хорошо, я согласен... Пусть мои планы бездарны, пусть я ошибся, пусть заблуждаюсь... Вы все меня критикуете, но скажите же, ради Бога, что нужно сделать, дайте мне совет, я вас прошу, я вас умоляю... и я тотчас по-вашему сделаю...» А начальник штаба, продолжая ворчать и будировать, уже смягченный «повинной» старика Горбатовского, но не зная, что же в самом деле ему посоветовать, вместо ответа собирал нас, офицеров Генерального штаба, и спрашивал нашего мнения... Между тем, как действует критика подчиненного офицера Генерального штаба на начальника, особенно не имеющего академического образования, примером может служить такой случай. В 1919 г., в мае, весною, в бытность мою начальником штаба 3[-й] Донской армии², мною был составлен и одобрен высшим составом Донского командования план прорыва большевистского фронта на р[еке] Донец сильной конной группой из пяти конных дивизий, которую предполагалось бросить на соединение с восставшими казаками Верхне-Донского округа, верстах в 200 к северу от Донца. Пока шла подготовка и сосредоточение группы, начальник штаба одной из дивизий, молодой полковник Генерального штаба Ф., подал по команде через своего начальника дивизии обширную записку-доклад, доказывая совершенную невыполнимость намеченной операции, грозящей гибелью последнего нашего ударного резерва и с ним всего нашего фронта. Начальник дивизии с подписью «Совершенно согласен с мнением начальника штаба» препроводил доклад командиру корпуса. Тот приписал: «Вполне присоединяюсь к мнению полковника Ф. и заключению начальника дивизии, представляю на усмотрение». Командующий группой, бесшабашный, но храбрый «Сашка» Секретев³, препроводил ее к нам, в штаб, с[о] своей резолюцией: «Вполне разделяю высказанные мнения начальствующих лиц, а, впрочем, если прикажут, пойду». Мы приказали, и «Сашка» пошел и прорвал, положив начало разрушению южного большевистского фронта. А перед тем, как пойти, я собрал всех начальствующих лиц (командующий армией был болен), разнес вдребезги весь доклад полковника Ф., его самого пристыдил и начальнику высказал пару теплых слов за то, что они поддались гипнозу полковника Ф. А что было бы, если бы и высшее начальство поддавалось тому же гипнозу? Такие благодушные критики не столько вредны, сколь нудны; но если их держать в шорах и не поддаваться их мнению, то они могут быть даже полезны как указатели на возможные промахи и ошибки, которые должны быть во всяком деле. К счастью, и таких благодушных критиков не так уж много.

Четвертый тип офицера Генерального штаба это — прирожденные путаники, никчемные люди, по ошибке окончившие академию и случайно попавшие

¹ Горбатовский Владимир Николаевич (26.05.1851–30.07.1924) — генерал от инфантерии, командир XIX армейского корпуса (1914–1915).

² В начале 1919 г. фронты Донской армии были преобразованы в армии. В. А. Замбрицкий занял пост начальника штаба 3-й армии.

³ Секретев Александр Степанович (08.08.1881–08.05.1931) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант), участник Белого движения на Юге России. Конная группа А. С. Секретева в июне 1919 г. прорвалась на соединение с восставшими на Верхнем Дону казаками.

в Генеральный штаб. Это опасный и вредный элемент, ибо, имея у себя на груди штамп офицера Генерального штаба, они при полной своей неспособности и сами о себе высокого мнения, и вводят в заблуждение окружающих, которые, веря их ярлыку Генерального штаба, высоко в армии почитаемому, доверяют и их способностям, раскусывая его только тогда, когда он, этот путаник, своими действиями приводит всякое дело к гибели. К счастью, этот тип немногочислен, но все же он есть. Помню, мне один начальник дивизии, большой юморист, про одного такого путаника («Марка Беспутного» — его так все и звали в дивизии, фамилии называть не буду) говорил: «Я приказал таких офицеров Генерального штаба ближе версты к штабу не подпускать, а штаб окружить пулеметами, и как только он, Марк Беспутный (которого, между прочим, все очень любили за добрый, покладистый нрав), появится на горизонте, открывать по нем беспощадный беглый огонь». В большинстве случаев этот тип — безличные или обиженные Богом и разумом люди или неудачники, пошедшие совсем не той стезей, непригодные во все к военному делу. Я знавал нескольких таких. Один, например, про которого говорили «седой, но дурак», писал в самые тяжкие минуты боя великолепнейшие стихи, по звучности, элегии, стихотворению и изяществу порой не уступавшие Пушкину; боем же он зато не интересовался, да и к лучшему, потому что в первом же бою погубил целую дивизию... Другой был бесподобный игрок в карты, играл в винт без проигрыша, знал на память все вышедшие карты; еще в мирное время, до войны, он «зарабатывал» игрою (как он сам и другие мне говорили) чистых 12 000 рублей в год. «Должны же мне платить дураки за доставляемое им удовольствие... Подите-ка, сыщите такого игрока». «Видите ли, голубчик, — доверительно шептал он, сдавая мне должность начальника штаба корпуса, — моя голова совсем не приспособлена к составлению плана обороны... Вот в карты сыграть, это так, это по мне, а то... план обороны! Голубчик, знаете что? — вдохновенно решился вдруг он, — вы вот книгу написали, вам и книги в руки... Ради Бога, составьте-ка план обороны вы, а я подпишусь... Ну, что вам стоит?..» Это еще хорошо, когда человек сознает, что он неспособен, и предоставляет вести дело другим, а есть и такие, искренно убежденные в том, что они отмечены искрой Божьей, и жаждущие применения своих дарований. Господи, спаси и помилуй нас от этих услужливых медведей Генерального штаба!.. Четвертый тип, вообще говоря, не терпим ни на каких ролях, и если я о нем упоминаю, то лишь для полноты картины, тем более что в семье не без урода.

Так вот, разбираясь теперь в своих впечатлениях, я соображал по дороге домой, к какому из этих четырех или, вернее, первых трех типов отнести Драценку^{II}? Он не критик, это ясно. Так кто же? Капрал или советчик? Я с любопытством перебирал в уме подробности свидания, ища ответа и указаний на возникший вопрос. К сожалению, я слишком мало знал в то время Драценку и Улагая^{III}, чтобы

^I По-видимому, речь идет о II Донском корпусе.

^{II} Драценко Даниил Павлович (08.12.1876–1945) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба группы войск генерала С. Г. Улагая в период десанта на Кубань (1920).

^{III} Улагай Сергей Георгиевич (19.10.1875–20.03.1947) — генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге России. Командующий группой войск в период десанта на Кубань (1920).

ответить себе положительно на этот вопрос. Но мне вспомнились слова Мариюшкина^I, что Драценко, «Павлуша»^{II} и Масловский^{III} были в штабе Кавказского фронта... — Та-та-та... как же!.. Отлично помню в иллюстрированном приложении к «Новому времени» картинку: «Походный штаб командующего Кавказской армией». На фотографии в середине сидит усатый, как малороссийский «дед», генерал Юденич^{IV}, рядом с ним безличный генерал-квартирмейстер, а за спинами их стоят четыре молодых капитана Генерального штаба — Масловский, Шатилов, Драценко и еще кто-то четвертый, не помню^V. Юденич — всем известная крупная величина по воле и силе, и при нем не очень-то разыграешь капральскую роль. Вернее думать, что все четверо при нем были только советчиками... Однако по этой их роли при генерале Юдениче судить о них еще невозможно. Они, быть может, при нем не могли развернуться, но силы духовные таиться в них могли, тем более что Юденич, насколько я знаю, поощрял молодые порывы... А, впрочем, что заранее загадывать? Поживем, увидим, а пока что и Улагай, и Драценко, и Соколов^{VI}, — эти главнейшие фигуры предстоящей боевой игры, мне определенно нравятся. Во всех них трех я нахожу родственную черту — мы все говорим одним языком, все одного склада понятий, все — люди долга и чести, не авантюристы, не политики, а простые, скромные военные люди... Я бесконечно рад и благодарю Бога за то, что попал в это славное общество.

ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–26. Подлинник. Автограф.

^I Мариюшкин Алексей Лазаревич (13.03.1880–14.11.1946) — полковник, участник Белого движения на Юге России. Сотрудник отдела генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего ВСЮР.

^{II} Речь идет о П. Н. Шатилове. Шатилов Павел Николаевич (13.11.1881–05.05.1962) — генерал от кавалерии, участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба ВСЮР и Русской армии.

^{III} Масловский Евгений Васильевич (04.10.1876–29.01.1971) — генерал-майор, участник Белого движения на Юге России. Генерал для поручений при начальнике штаба главнокомандующего ВСЮР, начальник штаба 2-й армии.

^{IV} Юденич Николай Николаевич (18.07.1862–05.10.1933) — генерал от инфантерии, командующий Кавказской армией.

^V Мемуарист ошибается — на фото П. Н. Шатилова не было. Сзади стояли капитаны Р. В. Злобин и Б. А. Штейфон, полковник Е. В. Масловский, подполковник Д. П. Драценко, капитаны Н. А. де Роберти и М. Н. Баташев. Публикацию фото см. в нашем справочнике: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

^{VI} Соколов Стефан Варфоломеевич (Августович) (07.08.1877–07.06.1927) — генерал-майор, участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба северной группы войск десантного отряда генерала С. Г. Улагая.

Список сокращений, аббревиатур и условных обозначений

АВИМАИВиВС	– Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)
АВГР	– Архив внешней политики Российской Федерации
АСБ	– Архив Славянской библиотеки (Прага, Чехия)
ВВС	– Высший военный совет
ВГШ	– Всероссийский главный штаб
ВНО	– Военно-научное общество
ВОСО	– военные сообщения
ВРК	– Военно-революционный комитет
Всеобуч	– Всеобщее военное обучение
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства
ВСЮР	– Вооруженные силы на Юге России
ВУСО	– Верховное управление Северной области
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР
ГААО	– Государственный архив Архангельской области (Архангельск)
ГААР	– Государственный архив Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан)
ГАКК	– Государственный архив Краснодарского края (Краснодар)
ГАМО	– Государственный архив Мурманской области (Мурманск)
ГАНИСО	– Государственный архив новейшей истории Саратовской области (Саратов)
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области (Новосибирск)
ГАОО	– Государственный архив Оренбургской области (Оренбург)
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСБУ	– Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (Киев, Украина)
ГАУ	– Главное артиллерийское управление
ГВИУ	– Главное военно-инженерное управление
генкварм	– генерал-квартирмейстер
главковерх	– Верховный главнокомандующий
ГПУ	– Государственное политическое управление
ГубЧК	– Губернская чрезвычайная комиссия
ГУВУЗ	– Главное управление военно-учебных заведений
ГУГШ	– Главное управление Генерального штаба

ГШ	– Генерального штаба
ДВР	– Дальневосточная республика
ДГК	– Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969
ДКФКА	– Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1971–1978. Т. 1–4
ДРЗ	– Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва)
ЖРВИИ	– Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований
ИН	– Известия Народного комиссариата по военным делам
ИНО	– Иностранный отдел
КВЖД	– Китайско-Восточная железная дорога
Комуч	– Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
КСХС	– Королевство сербов, хорватов и словенцев
КУВНАС	– Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава
л/с	– личный состав
МПКК	– Московский политический Красный Крест
МРК	– Музей русской культуры в Сан-Франциско (Сан-Франциско, США)
НАА	– Национальный архив Армении (Ереван, Армения)
НАА (ПА)	– Национальный архив Армении (партийный архив) (Ереван, Армения)
НА ИРИ РАН	– Научный архив Института российской истории РАН (Москва)
начдив	– начальник дивизии
начоперод	– начальник оперативного отдела
начоперупр	– начальник оперативного управления
начштаб,	
начштаба, наштаба	– начальник штаба
наштабриг	– начальник штаба бригады
наштаверх	– начальник штаба Верховного главнокомандующего
наштаглав	– начальник штаба главнокомандующего
наштадив	– начальник штаба дивизии
наштакор	– начальник штаба корпуса
наштарм	– начальник штаба армии
наштафронт	– начальник штаба фронта
НКИД	– Народный комиссариат иностранных дел
НКПС	– Народный комиссариат путей сообщения
НРА ДВР	– Народно-революционная армия Дальневосточной республики
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
Оперод	– оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОСПИ ГААО	– Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (Архангельск)
помглавкома	– помощник главнокомандующего
ПСР	– партия социалистов-революционеров
ПШ	– Полевой штаб
РВСР	– Революционный военный совет республики

РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
РГВА	– Российский государственный военный архив (Москва)
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
ревком	– революционный комитет
РЗИА	– Русский заграничный исторический архив
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП, РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОВС	– Русский общевоинский союз
СНК	– Совет народных комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
т., тов.	– товарищ
ТАОН	– тяжелая артиллерия особого назначения
УкрВУЗ	– Военно-учебные заведения Вооруженных сил Украины и Крыма
УНР	– Украинская народная республика
УПК	– учетно-послужная карта
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика
УФСБ	– Управление Федеральной службы безопасности России
ФСБ	– Федеральная служба безопасности России
ЦАМО	– Центральный архив Министерства обороны (Подольск)
ЦАНИГ	– Центральный архив новейшей истории Грузии (Тбилиси, Грузия)
ЦА ФСБ	– Центральный архив Федеральной службы безопасности России (Москва)
ЦГАМО	– Центральный государственный архив Московской области (Москва)
ЦДАВОУ	– Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев, Украина)
ЦДАГОУ	– Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Киев, Украина)
ЦИАГ	– Центральный исторический архив Грузии (Тбилиси, Грузия)
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦУПВОСО	– Центральное управление военных сообщений
ЦУС	– Центральное управление по снабжению армии
ЧК	– Чрезвычайная комиссия
штабриг	– штаб бригады
штадив	– штаб дивизии
штакор	– штаб корпуса
штаокр	– штаб округа
штарм	– штаб армии
ВАР	– Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)
BDIC	– Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция)
CAW	– Центральный военный архив Польши (Рембертов, Польша)

ERA	— Государственный архив Эстонии (Таллин, Эстония)
ERAF	— Филиал Государственного архива Эстонии (партийный архив) (Таллин, Эстония)
HIA	— Архив Гуверовского института (Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США)
HDA	— Хорватский государственный архив (Загреб, Хорватия)
KA	— Национальный архив Финляндии (Хельсинки, Финляндия)
LCVA	— Центральный государственный архив Литвы (Вильнюс, Литва)
LVA	— Национальный архив Латвии (Рига, Латвия)
LVA PA	— Национальный архив Латвии (партийный архив) (Рига, Латвия)
LYA	— Литовский особый архив (Вильнюс, Литва)

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС, Санкт-Петербург)
Ф. 13р. Цейтлин В.М. Оп. 1. Д. 2, 11.
2. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР, Москва)
Ф. 4. Г.В. Чичерин. Оп. 13. П. 71. Д. 1010.
3. Архив Гуверовского института (HIA, Hoover Institution archives, Stanford university, Стэнфордский университет, Пало-Альто, Калифорния, США)
N.N. Baratov collection. Box 2.
Michael Blinov collection. Box 3.
A.P. Budberg collection. Box 1.
A.V. Cheriachoukin papers. Folder 1.
D.D. Grimm papers. Box 3.
N.N. Iudenich collection.
Kornilovskii udarnyi polk. Box 1.
P.A. Koussonsky collection. Box 2, 3, 10.
A.A. von Lampe collection. Box 3.
E.K. Miller collection. Box 1, 2, 18.
B.I. Nikolaevsky papers. Box 103.
F.F. Palitsyn memories. Box 1.
P.P. Petrov collection. Box 1.
ROVS collection. Box 14.
Russia (1918–1920). V.S.IU.R. Sudnoe otdelenie collection. Box 6.
Russian subject collection. Box 30.
I.I. Serebrennikov collection. Box 10.
S.A. Shchepikhin collection. Box 1.
P.A. Tomilov collection. Box 1.
The Trotsky collection. Box 1. Folder 58
Volkogonov collection. Box 5.
M.D. Vrangeli collection. Box 7.
Vrangeli collection. Box 38, 39, 113, 162.
Vrangeli' family papers. Box 6–8.
N.D. Zarin collection. Box 1.
4. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ, Москва)
Ф. 1. Всероссийская мемуарная библиотека. Е-166.

5. Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско (США)
Коллекция А.П. Будберга.
Коллекция А.Г. Ефимова. Вох 1.
Коллекция К.В. Семчевского. Вох 1, 2.
Коллекция рукописей. 60050 М.
6. Архив Славянской библиотеки (АСБ, Archiv Slovanské knihovny, Прага, Чехия)
Т-RZIA. Русский заграничный исторический архив. 6-1035.
7. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Архангельской области (АУФСБ по Архангельской области, Архангельск)
Ф. 3354. Оп. 2. Д. П-5587. Т. 1–3.
Д. П-14750, П-14080.
8. Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Волгоградской области (АУФСБ по Волгоградской области, Волгоград)
Ф. 6. Д. 2063.
9. Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (BAR, Bakhmeteff archive, Columbia university, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)
K.K. Akintievskii papers. Box 1.
Iu.P. Aprelev manuscripts.
A.A. and N.V. Brusilov papers. Box 1.
Anton & Kseniia Denikin collection.
N.N. Iudenich collection. Box 23.
Memories of V.N. Kasatkin. Folder 1.
A.A. von Lampe collection. Box 24.
Leib Gvardii Finlandskii polk papers. Box 25.
P.S. Makhrov collection. Box 2, 4.
E.V. Maslovskii collection. Box 2.
E.E. Messner collection. Box 3.
Iu.N. Pliushchevskii-Pliushchik collection.
R.R. Raupakh collection. Box 1.
ROVS collection. Box 88, 164.
K.V. Semchevskii collection.
Semenovskii polk papers. Box 4, 5.
A.A. Smagin memories.
D.N. Tikhobrazov collection. Box 2–4.
10. Библиотека современной международной документации (BDIC, Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine, Нантер, Франция)
BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 1.
11. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГААР, Azərbaycan Respublikasının Dövlət Arxivi, Баку, Азербайджан)
Ф. 6. Гянджинский окружной суд. Оп. 2. Д. 2.
Ф. 246. Военный комиссариат Азербайджанской ССР. Оп. 1с. Д. 305.
Ф. 252. Военное училище. Гянджинская школа прапорщиков. Оп. 2с. Д. 13.
Ф. 410. Азербайджанский ревком. Оп. 1с. Д. 35.
Ф. 970. МИД Азербайджанской республики. Оп. 1с. Д. 61.
Ф. 2894. Военное министерство мусаватистского правительства. Оп. 1. Д. 1, 13, 15, 16, 26, 27, 30, 39.

- Ф. 2898. ГУГШ. Оп. 1. Д. 8, 35; Оп. 2. Д. 11, 12а, 22, 23, 40.
- Ф. 2901. Управление дежурного генерала штаба азербайджанской армии. Оп. 1. Д. 12.
12. Государственный архив Архангельской области (ГААО, Архангельск)
- Ф. Р-2834. Генерал-губернатор Северной области (Архангельск). Оп. 1. Д. 35, 37, 40, 47, 49, 54; Оп. 2. Д. 12.
- Ф. Р-2851. Архангельский губернский военный комиссариат. Оп. 6. Д. 5, 11; Оп. 9. Д. 283; Оп. 10. Д. 58, 61.
13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК, Краснодар)
- Ф. Р-14. Канцелярия Войскового атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 1. Д. 19.
14. Государственный архив Мурманской области (ГАМО, Мурманск)
- Ф. П-102. Истпарткомиссия при Мурманском окружном ВКП(б). Оп. 1. Д. 23.
15. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО, Саратов)
- Ф. 199. Истпарт. Оп. 3. Д. 244, 379, 382.
16. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО, Новосибирск)
- Ф. Р-1146. Сибирское отделение Верховного суда РСФСР. Оп. 1. Д. 135, 136, 138.
17. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО, Оренбург)
- Ф. Р-1912. Штаб Оренбургского военного округа. Оп. 2. Д. 23, 24, 32.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ, Москва)
- Ф. А-539. Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете министров РСФСР. Оп. 3. Д. 419, 1476, 3211; Оп. 4. Д. 90, 2049; Оп. 7. Д. 4649.
- Ф. А-2306. Министерство просвещения РСФСР. Оп. 56. Д. 227, 826.
- Ф. Р-130. Совет народных комиссаров РСФСР – Совет министров РСФСР. Оп. 1. Д. 1; Оп. 3. Д. 144.
- Ф. Р-144. Государственное совещание (Уфа). Оп. 1. Д. 22.
- Ф. Р-148. Департамент общих дел МВД Российского правительства (Омск). Оп. 7. Д. 11.
- Ф. Р-176. Совет министров Российского правительства (Омск). Оп. 5. Д. 1767; Оп. 12. Д. 6, 10; Оп. 14. Д. 201, 203.
- Ф. Р-188. Центральная следственная комиссия при военном министре Российского правительства (Омск). Оп. 1. Д. 1, 10, 21.
- Ф. Р-336. Следственная комиссия Революционного трибунала при Петроградском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Оп. 1. Д. 229, 232, 260.
- Ф. Р-446. Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (Екатеринодар). Оп. 2. Д. 39, 43, 51.
- Ф. Р-447. Судебно-следственная комиссия при штабе главнокомандующего ВСЮР (Екатеринодар, Ростов-на-Дону). Оп. 1. Д. 10, 259, 474; Оп. 2. Д. 48.
- Ф. Р-470. Особая комиссия при главнокомандующем ВСЮР по расследованию действий большевиков (Кисловодск). Оп. 2. Д. 227.
- Ф. Р-937. Канцелярия правителя Приамурского Земского края (Владивосток, Никольск-Уссурийский). Оп. 1. Д. 5.
- Ф. Р-952. Русское телеграфное агентство при акционерном обществе «Русское общество печатного дела» (Омск). Оп. 3. Д. 28.
- Ф. Р-1005. Верховный трибунал при ВЦИК. Верховный суд РСФСР. Оп. 1а. Д. 114, 346.
- Ф. Р-1245. Комиссия по учету офицеров при ВЦИК. Оп. 1. Д. 1, 14.
- Ф. Р-3316. Центральный исполнительный комитет СССР. Оп. 25. Д. 387.
- Ф. Р-3510. Начальник гражданской части государственной стражи управления внутренних дел Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (Ростов-на-Дону). Оп. 1. Д. 5.

- Ф. Р-3630. Военно-морское ведомство Временного правительства Дальнего Востока Приморской областной земской управы (Владивосток). Оп. 1. Д. 3.
- Ф. Р-5793. П. Ф. Рябиков. Оп. 1. Д. 16, 1г, 45.
- Ф. Р-5826. РОВС. Оп. 1. Д. 76–78, 126, 135, 143, 146.
- Ф. Р-5827. А. И. Деникин. Оп. 1. Д. 15, 18, 70, 72, 461, 475–477; Оп. 2. Д. 255.
- Ф. Р-5829. А. С. Лукомский. Оп. 1. Д. 11.
- Ф. Р-5853. А. А. фон Лампе. Оп. 1. Д. 1–5, 7–10, 15, 29, 30, 32.
- Ф. Р-5867. Общество северян по сбору и изданию материалов о Гражданской войне на Севере Европейской части России. Оп. 1. Д. 4, 5, 26, 32, 37, 65, 94, 97, 98, 112, 116.
- Ф. Р-5868. А. И. Гучков. Оп. 1. Д. 12, 259.
- Ф. Р-5873. И. И. Серебренников. Оп. 1. Д. 6.
- Ф. Р-5881. Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. Оп. 1. Д. 25, 81, 125, 150, 188, 201, 209, 222, 297, 327, 381а, 387, 463, 552, 605, 785; Оп. 2. Д. 138, 145, 150, 163, 221, 235, 236, 242, 253, 281, 381, 383–386, 454, 544, 545, 556, 557, 604–607, 680, 754, 759–762, 772.
- Ф. Р-5913. Н. И. Астров. Оп. 1. Д. 101, 189, 300.
- Ф. Р-5942. Отдел делегации, ведающий интересами русской эмиграции в Югославии (Белград). Оп. 1. Д. 84.
- Ф. Р-5945. Районное правление Общества русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Белград). Оп. 1. Д. 1–3, 12, 14, 86, 89, 92.
- Ф. Р-5956. В. В. Чернавин. Оп. 1. Д. 5, 48, 85, 94, 111, 145, 210, 272, 291, 309, 318, 322, 328, 348, 364, 371, 392, 395.
- Ф. Р-5960. М. А. Иностранцев. Оп. 1. Д. 4, 8а, 57, 65, 74.
- Ф. Р-5972. Брусиловы. А. А. Брусилов. Н. В. Брусилова-Желиховская. Оп. 3. Д. 170.
- Ф. Р-6051. А. К. Келчевский. Оп. 1. Д. 1, 3.
- Ф. Р-6219. Коллекция материалов штаба А. В. Колчака. Оп. 1. Д. 22, 47.
- Ф. Р-6393. Русский военный агент в Польше. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. Р-6396. Контрразведывательная часть особого отделения отдела Генерального штаба Военного управления при главнокомандующем ВСЮР (Екатеринодар). Оп. 1. Д. 1, 41.
- Ф. Р-6534. Н. Г. Володченко. Оп. 1. Д. 5.
- Ф. Р-6559. В. А. Замбжицкий. Оп. 1. Д. 16, 4–6, 8, 9.
- Ф. Р-6605. С. А. Щепихин. Оп. 1. Д. 1, 7, 8.
- Ф. Р-6611. В. Н. Челищев. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. Р-6683. В. Е. Флуг. Оп. 1. Д. 17.
- Ф. Р-6711. Штаб Донского корпуса (Константинополь, Стара Загора, София). Оп. 3. Д. 32.
- Ф. Р-6817. Русский военно-морской агент в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Оп. 1. Д. 6, 18, 20.
- Ф. Р-6838. В. В. Добрынин. Оп. 1. Д. 46, 83.
- Ф. Р-7332. П. И. Аверьянов. Оп. 1. Д. 1–3, 9, 10.
- Ф. Р-7440. Г. Е. Янушевский. Оп. 1. Д. 1–3, 32, 35.
- Ф. Р-7518. Штаб главнокомандующего Русской армии (Белград, Сремски Карловцы). Оп. 1. Д. 346, 44.
- Ф. Р-7523. Верховный Совет СССР. Оп. 4. Д. 31, 269; Оп. 60. Д. 708.
- Ф. Р-8131. Прокуратура СССР. Оп. 31. Д. 79586.
- Ф. Р-8419. Московский политический Красный Крест. Оп. 1. Д. 1366, 1376, 147, 185, 196, 197, 211, 213, 216, 217, 229, 230, 232–234, 236, 238, 241, 245, 247, 248, 251, 253–255, 257, 266, 267, 275–277, 305, 306, 317, 322, 324, 353, 355, 356, 367.

- Ф. Р-9431. Особая Varia (коллекция). Оп. 1. Д. 27, 217.
- Ф. 555. А.И. Гучков. Оп. 1. Д. 698.
- Ф. 826. В.Ф. Джунковский. Оп. 1. Д. 612.
- Ф. 10035. Управление Комитета государственной безопасности СССР по г. Москве и Московской области. Оп. 1. Д. П-43386. Т. 1.
19. Государственный архив Эстонии (ERA, Eesti Riigiarhiiv, Таллин, Эстония)
Рабочий комитет Комитета по истории Освободительной войны. 2124.3.294.
20. Литовский особый архив (LYA, Lietuvos ypatingasis archyvas, Вильнюс, Литва)
Ф. 3377. Институт истории партии при ЦК Коммунистической партии (большевиков) Литвы. Оп. 53. Д. 212.
21. Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН, Москва)
Ф. 23. А.И. Тодорский. Оп. 5. Д. 39, 405; Оп. 7. Д. 24.
22. Научный архив Хвалынского краеведческого музея (Хвалынский, Саратовская обл.)
№ 22. Пичиенко Ф.Р. Очерки истории Гражданской войны в уезде.
23. Национальный архив Армении (НАА, Հայաստանի ազգային արխիվ, Ереван, Армения)
Ф. 45. Ф.И. Назарбеков. Оп. 1. Д. 13, 15, 28, 32.
Ф. 113. Совет министров Армянской ССР. Оп. 3. Д. 7.
Ф. 114. Народный комиссариат иностранных дел Армянской ССР. Оп. 2. Д. 60.
Ф. 204. Главное военно-санитарное управление Военного министерства Республики Армения. Оп. 1. Д. 41, 42, 129, 131, 132.
Ф. 275. Консульство Республики Армения в Новороссийске. Оп. 2. Д. 5.
Ф. 280. Армянский легкий артиллерийский дивизион и артиллерийский парк. Военный суд Республики Армения. Штаб Сисянского отряда Зангезурского района. Оп. 4. Д. 2.
Ф. 688. Коллекция материалов участников Гражданской войны. Оп. 34. Д. 4, 17.
Ф. 1267. Коллекция документов об участии армянских добровольческих дружин и регулярных воинских частей на Кавказском фронте во время Первой мировой войны. Оп. 1. Д. 29, 34, 38; Оп. 2. Д. 92, 94, 204. Ч. 1.
24. Национальный архив Армении (партийный архив) (НАА (ПА), Հայաստանի ազգային արխիվ (Կուսակցության Արխիվ), Ереван, Армения)
Ф. 1. ЦК Коммунистической партии Армении. Оп. 2. Д. 19.
Ф. 1022. Институт истории партии при ЦК КП(б) Армении. Оп. 8. Д. 174, 197.
Ф. 1435. А.Ф. Мясников (Мясникян). Оп. 1. Д. 42.
25. Национальный архив Латвии (LVA, Latvijas Valsts arhīvs, Рига, Латвия)
Ф. 1986. Архивно-следственные дела. Оп. 1. Д. 7421; Оп. 2. Д. Р-8227.
26. Национальный архив Латвии (партийный архив) (LVA PA, Latvijas Valsts arhīvs (Partija arhīvs), Рига, Латвия)
Ф. 45. Комиссия истории латышских стрелков. Оп. 3. Д. 22, 33.
Ф. 55. П.И. Стучка. Оп. 2. Д. 4.
27. Национальный архив Финляндии (КА, Kansallisarkisto, Хельсинки, Финляндия)
Коллекция К. Энкеля. Вох 5. Письма Н.Н. Клембовского.
28. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, Москва)
Ф. 307. Тюлин М.С. Карт. 5. Д. 1.
Ф. 369. Бонч-Бруевич В.Д. Карт. 421. Д. 9; Карт. 422. Д. 1; Карт. 423. Д. 2, 15.
Ф. 381. Егорьев В.Н. Карт. 5. Д. 5; Карт. 7. Д. 7; Карт. 8. Д. 62.
Ф. 855. Алексеев М.В. Карт. 1. Д. 10; Карт. 2. Д. 12; Карт. 3. Д. 6, 43, 68.

29. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОСПИ ГААО, Архангельск)
Ф. 1. Архангельский губернский комитет партии. Оп. 1. Д. 341.
Ф. 8660. Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и партии Архангельского обкома ВКП(б) (Истпарт). Оп. 3. Д. 284, 349, 402, 516, 675.
30. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ, Галузевий державний архів Служби безпеки України, Киев, Украина)
Ф. 6. Уголовные дела на реабилитированных лиц. Д. 67093-ФП. Т. 7, 22, 25 (26), 37 (3149), 39, 54 (72), 59 (77), 60 (80), 61 (81), 65. Ч. 1, 66 (87), 67 (88), 70 (91), 72 (94), 73 (95), 74 (96), 79 (101), 132 (186), 141 (195), 151 (207), 161 (220), 170 (129), 172 (231), 184 (245), 186 (132), 187 (248), 188 (249), 189 (251), 231 (172), 240 (3159), 245 (184), 249 (188), 250, 537 (616), 642 (746), 661 (220), 1151 (1322), 1755 (2085), 3065 (1919), 3169 (3330), 3175 (3336), 3179 (3340), 3188 (168), 3207 (32), 3276.
Ф. 65. Дела оперативного учета Комитета государственной безопасности УССР. Д. С-4526. Т. 40.
31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, Москва)
Ф. 5. Секретариат В.И. Ленина. Оп. 1. Д. 919, 940, 1237, 2412; Оп. 2. Д. 50, 60.
Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 3. Д. 78; Оп. 109. Д. 3, 4, 7, 12–14, 21, 22, 41, 58, 138, 190; Оп. 163. Д. 61, 65.
Ф. 71. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Оп. 15а. Д. 185, 243, 885, 3438; Оп. 33. Д. 884; Оп. 34. Д. 160, 223, 484, 544, 1146; Оп. 35. Д. 151, 667, 792, 1025.
Ф. 74. Ворошилов К.Е. Оп. 2. Д. 68–70, 80, 92, 93, 104, 106.
Ф. 76. Дзержинский Ф.Э. Оп. 3. Д. 32, 61, 129, 318.
Ф. 85. Орджоникидзе Г.К. Оп. 18. Д. 303.
Ф. 325. Троцкий Л.Д. Оп. 1. Д. 35, 406–409, 466, 467, 479, 481; Оп. 2. Д. 23, 56.
Ф. 516. Коммунистическая партия Финляндии. Оп. 2. Д. 453.
Ф. 532. Коммунистический университет трудящихся Востока; Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем. Оп. 4. Д. 385.
Ф. 558. Сталин И.В. Оп. 1. Д. 794, 1438; Оп. 4. Д. 678.
Ф. 613. Центральная контрольная комиссия РКП(б) – ВКП(б). Оп. 1. Д. 7.
32. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, Москва)
Ф. 96. В.И. Селивачев. Оп. 1. Д. 27, 29, 30. Ч. 1.
Ф. 165. А.Н. Куропаткин. Оп. 1. Д. 57, 1611.
Ф. 239. М.Д. Бонч-Бруевич. Оп. 1. Д. 6, 8.
Ф. 274. М.А. Соковнин. Оп. 1. Д. 85.
Ф. 366. Военный кабинет министра-председателя и Верховного главнокомандующего и Политическое управление Военного министерства. Оп. 1. Д. 65, 81.
Ф. 409. Послужные списки офицеров. Оп. 1. Д. 179858; П/с 1364; П/с 1794; П/с 47-157; П/с 145-351; П/с 149-082; П/с 243-230; П/с 361-138.
Ф. 544. Николаевская академия Генерального штаба. Оп. 1. Д. 1397, 1509, 1535, 1548, 1552, 1559, 1562, 1567, 1575, 1580, 1582, 1610, 1618, 1625, 1626, 1628, 1631, 1646, 1648, 1653, 1662, 1979, 1991, 2056, 2057.
Ф. 796. Филиал Центрального государственного военно-исторического архива СССР в Ленинграде. Оп. 1. Д. 1, 13.
Ф. 800. Российский государственный военно-исторический архив. Оп. 1. Д. 1415.
Ф. 977. А.И. Андогский. Оп. 1. Д. 25, 31, 44, 55, 63, 65.

- Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 1268, 4590, 4592, 4613, 4630, 4694, 4747, 4748; Оп. 2. Д. 2184.
- Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 1. Д. 533, 1251, 1253, 1257, 1265, 1280, 1289, 1294, 1298, 1311, 1313, 1328, 1331, 1336–1338, 1351–1353, 1362–1364, 1379, 1381, 1382, 1388; Оп. 14. Д. 5, 8.
- Ф. 2007. Полевой штаб казачьих войск при Верховном главнокомандующем. Оп. 1. Д. 88.
- Ф. 2031. Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. Оп. 1. Д. 1130, 1584.
- Ф. 2100. Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта. Оп. 1. Д. 289, 343, 441, 469.
- Ф. 2421. 106-я пехотная дивизия. Оп. 1. Д. 5, 105; Оп. 2. Д. 137.
- Список Генерального штаба. Исправлен по 1 марта 1918 г. Дополнение к списку Генерального штаба изд. 1917 г. М., 1918 (Библиотека РГВИА. Инв. № 9923).
33. Российский государственный военный архив (РГВА, Москва)
- Ф. 1. Управление делами Народного комиссариата по военным делам. Оп. 1. Д. 50, 117, 247, 263, 391, 463, 466, 482; Оп. 2. Д. 142; Оп. 3. Д. 48, 58, 63, 66; Оп. 4. Д. 17, 20, 25, 30, 38.
- Ф. 3. Высший военный совет. Оп. 1. Д. 11, 34, 42, 51, 53, 57, 71, 78, 88, 92, 115, 126, 127, 139.
- Ф. 4. Управление делами РВС СССР. Оп. 1. Д. 33, 42, 167, 1520; Оп. 3. Д. 59, 1609, 1649; Оп. 11. Д. 2, 22; Оп. 12. Д. 26; Оп. 14. Д. 2; Оп. 15а. Д. 208.
- Ф. 5. Секретариат главнокомандующего всеми вооруженными силами республики. Оп. 1. Д. 148, 153, 168.
- Ф. 6. Полевой штаб РВСР. Оп. 1. Д. 3, 4, 6, 36; Оп. 2. Д. 1; Оп. 4. Д. 581, 584, 894, 895, 905, 908–910, 912, 914, 916–919, 921, 922, 924–928, 937, 940–944, 1106; Оп. 5. Д. 66, 67, 76; Оп. 10. Д. 3, 11, 14, 31, 38, 251; Оп. 12. Д. 6, 8, 21, 66.
- Ф. 7. Штаб РККА. Оп. 1. Д. 44, 51, 194, 223; Оп. 2. Д. 7, 8, 390, 391, 396, 425; Оп. 5. Д. 140, 144, 209; Оп. 7. Д. 97; Оп. 8. Д. 178, 187, 263, 311, 312, 316, 318, 319, 321–326, 327. Ч. 1, 331, 333–336, 340, 341, 347, 365, 398, 412, 576.
- Ф. 10. Инспекция при РВС СССР (бывшая Высшая военная инспекция). Оп. 1. Д. 124, 134, 341, 396, 646, 904, 1334, 1336, 1567; Оп. 2. Д. 380, 1278; Оп. 4. Д. 24, 254.
- Ф. 11. Всероссийский главный штаб. Оп. 5. Д. 979. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60, 63, 67, 78, 83, 89, 90; Оп. 3. Д. 18, 67, 92; Оп. 4. Д. 25, 29, 98, 111; Оп. 5. Д. 11, 50, 51, 66, 68, 69, 90, 96, 97, 119, 120, 122–125, 157, 235, 245, 482, 917, 930, 959, 979, 980, 992, 996–1001, 1003–1013, 1043, 1044, 1112, 1113, 1117, 1120–1124; Оп. 6. Д. 90, 91, 96, 107, 115, 125, 132–134, 447; Оп. 12. Д. 5–7; Оп. 15. Д. 6; Оп. 17. Д. 367.
- Ф. 44. Военно-законодательный совет. Оп. 2. Д. 8; Оп. 7. Д. 15, 48.
- Ф. 54. Главное управление Красной армии. Оп. 17. Д. 29, 386, 387, 389.
- Ф. 62. Управление военно-учебных заведений Красной армии. Оп. 1. Д. 484, 1049.
- Ф. 100. Управление армиями Южного фронта. Оп. 2. Д. 294; Оп. 3. Д. 498, 930; Оп. 8. Д. 14.
- Ф. 102. Управление армиями Юго-Западного фронта. Оп. 1. Д. 56.
- Ф. 104. Управление армиями Западного фронта. Оп. 2. Д. 361; Оп. 3. Д. 183; Оп. 5. Д. 353, 354, 359.
- Ф. 105. Управление армиями Северного фронта. Оп. 1. Д. 1, 166, 180.
- Ф. 106. Управление армиями Восточного фронта. Оп. 1. Д. 2.
- Ф. 110. Управление армиями Туркестанского фронта. Оп. 3. Д. 237; Оп. 7. Д. 36.
- Ф. 185. Штаб 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа. Оп. 3. Д. 1094, 1191, 1217.
- Ф. 188. Управление 6-й отдельной армии. Оп. 1. Д. 51; Оп. 3. Д. 719, 734, 739.
- Ф. 191. Управление 8-й армии. Оп. 1. Д. 1; Оп. 3. Д. 74, 138, 275, 359; Оп. 7. Д. 6, 13; Оп. 8. Д. 1.
- Ф. 192. Управление 9-й армии. Оп. 3. Д. 24, 1567, 1756, 1870; Оп. 6. Д. 12.
- Ф. 194. Управление 11-й отдельной армии. Оп. 1. Д. 78, 143, 165.

- Ф. 197. Управление 12-й армии. Оп. 1. Д. 18, 36.
- Ф. 198. Управление 13-й армии. Оп. 3. Д. 781–783.
- Ф. 245. Управление 1-й Конной армии. Оп. 8. Д. 3.
- Ф. 316. Штаб объединенного командования группы войск 8-й и 13-й армий. Оп. 1. Д. 9.
- Ф. 488. Штаб Западного участка отрядов завесы. Оп. 1. Д. 24, 79, 83, 84.
- Ф. 612. Редакция «Красная армия и Красный флот в революционной войне Советской России 1917–20» (отдел Истпарта по истории Красной армии). Оп. 1. Д. 18, 49, 105.
- Ф. 862. Штаб Петроградского района и Северного участка войск завесы. Оп. 1. Д. 72; Оп. 2. Д. 17.
- Ф. 931. Управление 1-й Донской стрелковой дивизии. Оп. 1. Д. 121.
- Ф. 1075. Управление 62-й стрелковой дивизии. Оп. 3. Д. 413.
- Ф. 7150. Штаб псковских отрядов. Оп. 1. Д. 2, 3.
- Ф. 7709. Управление 15-й Сибирской кавалерийской дивизии. Оп. 1. Д. 301.
- Ф. 24380. Революционный военный трибунал РВСР. Оп. 2. Д. 20; Оп. 7. Д. 2, 76, 78, 125, 127, 142, 143, 148, 282, 315, 637, 1005, 1318.
- Ф. 24696. Военная академия им. М.В. Фрунзе. Оп. 1. Оп. 1. Д. 2, 5, 10, 53, 55, 56, 58, 59, 148, 149, 158, 171, 172, 186.
- Ф. 24697. Военно-академические курсы высшего командно-начальствующего состава РККА. Оп. 1. Д. 1, 3, 11.
- Ф. 24705. Высшая советская школа штабной службы командного состава РККА. Оп. 1. Д. 1, 10.
- Ф. 25846. Народный комиссариат по военным делам Азербайджанской ССР. Оп. 1. Д. 21, 26, 36, 60.
- Ф. 25860. Народный комиссариат по военным делам Украинской ССР. Оп. 1. Д. 60.
- Ф. 25863. Беломорский военный округ. Оп. 1. Д. 26, 36; Оп. 2. Д. 317, 469.
- Ф. 25883. Управление Московского военного округа. Оп. 4. Д. 1165, 1263.
- Ф. 25888. Управление Ленинградского военного округа. Оп. 1. Д. 176.
- Ф. 25889. Управление Приволжского военного округа. Оп. 3. Д. 848, 956, 1520, 1525, 1591.
- Ф. 25906. Управление Ярославского военного округа. Оп. 1. Д. 351.
- Ф. 28361. Центральный музей РККА. Оп. 1. Д. 120, 909.
- Ф. 29862. А.Э. Дауман. Оп. 1. Д. 5, 12.
- Ф. 33221. Н.И. Подвойский. Оп. 1. Д. 12, 270–272; Оп. 2. Д. 26, 170, 174, 175, 206, 216, 260.
- Ф. 33892. Военная академия. Оп. 1. Д. 1–3, 7, 10–12, 14–16, 20, 21, 24, 27, 28, 31, 33, 38, 39, 43, 45, 46, 49, 51, 54, 56, 62, 63, 74, 75, 80, 82, 88, 89, 92, 96, 97, 99, 102, 103, 107, 112, 114.
- Ф. 33987. Секретариат председателя РВСР – РВС СССР. Оп. 1. Д. 23, 24, 58, 79, 88, 108, 158, 196, 304, 329, 467, 591, 674; Оп. 2. Д. 32, 33, 43, 72, 89, 240, 318; Оп. 3. Д. 69; Оп. 3а. Д. 17, 44, 148, 1375.
- Ф. 33988. Секретариат заместителя председателя РВСР – РВС СССР. Оп. 1. Д. 7, 9, 49, 79, 81. Ч. 1, 91, 106, 109, 190. Ч. 1, 222, 292, 294; Оп. 2. Д. 38, 69, 72, 145, 407, 408; Оп. 3а. Д. 41.
- Ф. 37461. Е.А. Щаденко. Оп. 1. Д. 144.
- Ф. 37562. И.Г. Пехливанов. Оп. 1. Д. 3, 20.
- Ф. 37618. К.А. Мехоношин. Оп. 1. Д. 16, 17, 20, 29, 42, 83, 84.
- Ф. 37837. Командное управление Главного управления РККА. Оп. 1. Д. 11; Оп. 19. Д. 4.
- Ф. 37963. Высшая военная академия им. К.Е. Ворошилова. Оп. 1. Д. 16.
- Ф. 37976. Коллекция послужных списков и личных дел командно-начальствующего состава РККА. Оп. 1. Д. 44, 52, 80, 85, 418, 520.
- Ф. 39348. И.И. Вацетис. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 8, 11, 13, 22.
- Ф. 39352. Научный военно-исторический отдел Генерального штаба РККА. Оп. 1. Д. 11, 58, 65.

- Ф. 39450. Штаб главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте. Оп. 1. Д. 136.
- Ф. 39456. Войсковой штаб Всевеликого войска Донского. Оп. 1. Д. 86, 89, 125.
- Ф. 39457. Штаб Донской армии. Оп. 1. Д. 207, 396.
- Ф. 39465. ГУГШ Народной армии Комуча. Оп. 1. Д. 6.
- Ф. 39477. Управление Оренбургского военного округа. Оп. 1. Д. 1, 7, 21.
- Ф. 39499. Штаб Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России (Омск). Оп. 1. Д. 10, 19, 24, 136, 138.
- Ф. 39514. Управление IV Оренбургского армейского корпуса. Оп. 1. Д. 42.
- Ф. 39532. Штаб главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины и Походного атамана всех казачьих войск Сибири и Урала. Оп. 1. Д. 7, 23, 29.
- Ф. 39540. Штаб главнокомандующего Русской армии. Оп. 1. Д. 9–11, 17, 34, 35, 39, 128–131, 133, 134, 136–138, 177–180, 196.
- Ф. 39548. Штаб формирования частей Народной армии Хвалынского района. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. 39576. Управление делами Совета при главнокомандующем ВСЮР. Оп. 1. Д. 2.
- Ф. 39606. Управление II Оренбургского казачьего корпуса. Оп. 1. Д. 24.
- Ф. 39624. Штаб Московской группы армий. Оп. 1. Д. 11, 13, 28, 39, 69, 87, 103, 132, 135, 142, 172.
- Ф. 39674. Штаб сводного корпуса (Джанкой). Оп. 1. Д. 12.
- Ф. 39675. Екатеринославский центр Добровольческой армии. Оп. 1. Д. 4.
- Ф. 39694. Штаб 7-й пехотной дивизии (Полтавского отряда, Киевской группы ВСЮР). Оп. 1. Д. 69, 74. Ч. 1.
- Ф. 39720. Штаб Добровольческой армии. Оп. 1. Д. 34, 42, 45, 46, 61, 63.
- Ф. 39722. Штаб Екатеринбургской группы войск. Оп. 1. Д. 10.
- Ф. 39736. Управление Сибирской армии. Оп. 1. Д. 10, 24, 56–59, 68, 121.
- Ф. 39751. Штаб офицерской генерала Дроздовского дивизии. Оп. 1. Д. 3.
- Ф. 39817. Управление особой группы частей армии Приамурского временного правительства. Оп. 1. Д. 2.
- Ф. 39868. Штаб 17-го Оренбургского казачьего полка. Оп. 1. Д. 8.
- Ф. 40028. Управление Оренбургской армии. Оп. 1. Д. 5.
- Ф. 40136. Штаб III Донского отдельного корпуса. Оп. 1. Д. 18, 20.
- Ф. 40147. Штаб Западной добровольческой армии. Оп. 1. Д. 1, 9, 27, 34, 46, 52.
- Ф. 40213. Коллекция приказов белой армии. Оп. 1. Д. 1474.
- Ф. 40214. Сведения по личному составу военных учреждений и воинских частей Восточного фронта. Оп. 1. Д. 9, 32, 439.
- Ф. 40215. Наградные листы, послужные списки и анкеты на личный состав военных учреждений, войсковых соединений и воинских частей военного ведомства (белых армий). Оп. 2. Д. 214.
- Ф. 40218. Отдел контрразведки штаба Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России. Оп. 1. Д. 178.
- Ф. 40238. Особое отделение отдела Генерального штаба Военного управления при главнокомандующем ВСЮР. Оп. 1. Д. 1, 12, 25, 29, 43, 44, 48; Оп. 2. Д. 1, 3–5, 14, 37, 38.
- Ф. 40239. А.А. Мориц. Оп. 1. Д. 12, 13.
- Ф. 40298. Штаб Северо-Западной армии. Оп. 1. Д. 62, 67, 84.
- Ф. 40307. Коллекция документов белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «Varia». Оп. 1. Д. 35, 150а, 172.

- Ф. 40308. Коллекция документов белогвардейских объединений, соединений, частей и учреждений «Особая Varia». Оп. 1. Д. 22.
- Ф. 40435. Военный совет Северо-Кавказского военного округа. Оп. 1. Д. 3, 6, 40, 82, 89.
- Ф. 40840. Мелкие поступления. Оп. 1. Д. 41.
- Ф. 40870. В.П. Муратов. Оп. 1. Д. 12, 14, 16, 51.
- Ф. 40874. Участники вооруженной защиты Советского государства 1917–1945 гг. Оп. 12. Д. 12.
- Ф. 41113. Ф.Е. Огородников. Оп. 1. Д. 22, 23, 25, 83, 84.
- Коллекция учетно-послужных карт.
34. Российский государственный исторический архив (РГИА, Санкт-Петербург)
Ф. 922. Глазов В.Г. Оп. 1. Д. 78.
35. Филиал Государственного архива Эстонии (партийный архив) (ERAF, Eesti Riigiarhiiv Filiaal, Таллин, Эстония)
129SM. Коллекция незавершенных следственных материалов Комитета государственной безопасности СССР. 1.25369.
130SM. Коллекция следственных материалов Комитета государственной безопасности СССР. 1.1293-1, 1663-1, 3345, 14805.
36. Хорватский государственный архив (HDA, Hrvatski državni arhiv, Загреб, Хорватия)
HR-HAD-810. В.В. Марушевский. К. 1.
37. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО, Подольск, Московская обл.)
Ф. 7. Главное организационное управление Генерального штаба Красной армии. Оп. 30. Д. 523. Кор. 12361.
Ф. 33. Главное управление кадров Народного комиссариата обороны. Оп. 11458. Д. 641; Оп. 686196. Д. 6195.
38. Центральный архив новейшей истории Грузии (ЦАНИГ, უახლესი ისტორიის ცენტრალური არქივი, Тбилиси, Грузия)
Ф. Р-281. Революционный комитет Грузинской ССР. Оп. 1. Д. 165.
Ф. Р-307. Народный комиссариат по военным и морским делам Грузинской ССР. Оп. 1. Д. 1–3, 19.
39. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ, Москва)
Д. Н-603. Т. 1; Р-10466. Т. 1; Д. Р-28574; Д. Р-39708; Д. Р-40164. Т. 4; Р-49295. Т. 1–3; Д. Р-49369; Д. Р-49579. Т. 4; Д. Р-49590. Т. 1–2.
Ф. 1. Секретное делопроизводство ВЧК. Оп. 4. Д. 670; Оп. 6. Д. 123, 670.
40. Центральный военный архив Польши (CAW, Centralne archiwum wojskowe im. majora Bolesława Waligory, Рембертов, Польша)
I.300.11. 5-й отдел (личного состава) штаба Военного министерства. 30.
I.303.9. 5-й отдел Генерального штаба. 3.
I.340.1. Военные школы. 1, 328.
I.380.2. Союзная украинская армия. 61.
I.380.7. Союзная украинская армия. Ускоренные курсы штабных офицеров. 2, 10, 11, 13.
I.400. Коллекция рукописей. 1321, 1413.
Koll. gen. 304. Stanislaw Dowoyno-Sollohub.
41. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ, Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, Киев, Украина)
Ф. 647. Змиенко В.Е. Оп. 1. Д. 1.
Ф. 1074. Военное министерство Украинской державы. Оп. 1. Д. 11, 17.
Ф. 1075. Военное министерство УНР. Оп. 1. Д. 21; Оп. 2. Д. 792, 838.

- Ф. 1077. ГУГШ Украинской державы. Оп. 1. Д. 1, 28, 52, 60, 63; Оп. 3. Д. 47; Оп. 6. Д. 8, 21.
- Ф. 1078. ГУГШ УНР. Оп. 2. Д. 6, 8, 24, 37, 39, 54, 55а, 56, 58, 162, 167, 168, 175, 226, 239, 300; Оп. 5. Д. 6.
- Ф. 1081. Контрразведывательное отделение штаба Добровольческой армии в Киеве. Оп. 1. Д. 1.
- Ф. 2188. Главное командование Украинской Галицкой армии. Оп. 2. Д. 59.
- Ф. 3172. Штаб Действующей армии УНР. Оп. 1. Д. 63, 66; Оп. 6. Д. 13.
- Ф. 3947. В. Н. Петров. Оп. 1. Д. 13а.
- Ф. 4547. Б. С. Стеллецкий. Оп. 1. Д. 1, 3.
42. Центральный государственный архив Литвы (LCVA, Lietuvos centrinis valstybės archyvas, Вильнюс, Литва)
- Ф. 378. Департамент государственной безопасности Министерства внутренних дел Литвы. Оп. 5. Д. 75.
- Ф. 930. Коллекция служебных дел офицеров литовской армии. Оп. 2R. Д. 9.
43. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО, Москва)
- Ф. 6336. Московский политический Красный Крест. Оп. 1. Д. 3, 5, 8.
44. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ, Центральный державний архів громадських об'єднань України, Киев, Украина)
- Ф. 59. Коллекция воспоминаний участников революционных событий. Оп. 1. Д. 21.
- Ф. 263. Коллекция следственных дел репрессированных. Оп. 1. Д. 44259, 62149.
- Ф. 269. Украинский музей в Праге. Оп. 1. Д. 381; Ф. 269. Оп. 2. Д. 121, 128, 267, 298а.
45. Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ, საისტორიო ცენტრალური არქივი, Тбилиси, Грузия)
- Ф. 1874. Военный атташе при полпредстве РСФСР в Грузии. Оп. 1. Д. 1–4, 6.
- Ф. 1969. Военное министерство. Оп. 1. Д. 670; Оп. 2. Д. 98–100, 102, 126, 127, 129, 203, 216, 236, 251, 260, 287, 289; Оп. 4. Д. 7, 9, 18.
46. Архив Р. Г. Гагкуева (Москва)
- Гранки монографии А. Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республики Советов» с авторской правкой. 1988 г.
47. Архив А. В. Ганина (Москва)
- Архивная справка УФСБ России по Смоленской области № 121/10/9–4731 от 31.08.2011 по материалам архивного уголовного дела № 16611.
- Письмо профессора В. В. Плошкина от 26.10.2012.
- Свидетельство внучки падчерицы В. Н. Клембовского В. В. Степановой (Москва).
- Список офицеров Генерального штаба, причисленных к оному и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России. По данным к 1 августа 1922 года. Издание Отделения Генерального штаба, штаба главнокомандующего Русской армией. Копия предоставлена А. С. Кручининим. Оригинал хранился в архиве Н. Н. Рутыча (Париж).
48. Архив семьи Глезаровых (Москва)
- Документы комиссара Л. М. Глезарова за 1918–1919 гг.
49. Архив Т. С. Голубевой (Санкт-Петербург)
- Автобиография С. Н. Голубева.
50. Архив семьи Зуевых (Москва)
- Материалы следственного дела Д. Д. Зуева.
51. Архив Н. Д. Кареевой (Санкт-Петербург)
- Документы о капитане Б. П. Карееве.
52. Архив А. И. Рудиченко (Киев – Нью-Йорк)

Алфавитный список генералов, штаб- и обер-офицеров Генерального штаба Вооруженных сил на Юге России по состоянию на 15(28).06.1919.

Письмо Генштаба полковника Б.И. Бучинского генералу А.И. Деникину от 23.07.1922.

53. Архив семьи Снесаревых (Москва)

Дневники А.Е. Снесарева. 1917–1918, 1921, 1923, 1924 гг.

Военно-теоретические, военно-научные и военно-педагогические труды

1. *Вандам А.Е.* Геополитика и геостратегия. М., 2002.
2. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965.
3. Вопросы тактики в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1970.
4. *Геруа А.В.* Полчища. София, 1923.
5. *Головин Н.Н.* Служба Генерального штаба. СПб., 1912. Вып. 1.
6. *Зайцов А.А.* Служба Генерального штаба. Жуковский; М., 2003.
7. *Калнин Э.Х.* Генеральный штаб и его специальность. Одесса, 1909.
8. *Клаузевиц К., фон.* О войне. М.; СПб., 2001. Т. 1.
9. *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. М., 2003.
10. *Месснер Е.Э.* Всемирная мятежевойна. Жуковский; М., 2004.
11. *Самуйлов В.И.* Устройство вооруженных сил Республики. Пг., 1919. Вып. 1.
12. *Свечин А.А.* Предрассудки и боевая действительность. М., 2003.
13. *Свечин А.А.* Стратегия. Жуковский; М., 2003.
14. *Сулаво А.В.* Этюды по тактике в Гражданской войне. Никольск-Уссурийский, 1921.
15. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005.
16. *Шапошников Б.М.* Мозг армии. М., 1927–1929. Кн. 1–3.
17. *Сальский В.П.* Конспект лекций тактики техничного війська, читаних учням Інструкторської школи старшин. Київ, 1918.

Документальные публикации

1. А.В. Колчак, 1874–1920: Сборник документов. СПб., 2021. Т. 2.
2. А.Е. Снесарев: «Мне было ясно с первых же шагов, что эти “буревестники” создадут... довольно сложную обстановку» / публ. И.С. Даниленко // Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 59–65.
3. А.И. Деникин: pro et contra. СПб., 2018.
4. Август Корк: Документы и материалы / сост. Я.М. Горелик. Таллин, 1981.
5. Азербайджанская демократическая республика (1918–1920). Армия: Документы и материалы. Баку, 1998.
6. Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии: Сборник документов. М., 2012.
7. Анархисты: Документы и материалы, 1883–1935 гг.: в 2 т. М., 1999. Т. 2: 1917–1935 гг.
8. Антология истории спецслужб. Россия. 1905–1924. М., 2007.
9. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007.

10. Архангельск. Расстрельные списки 1921 года / подгот. текста и послесл. Ю.В. Дойкова. Архангельск, 2000.
11. Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007.
12. Атаман Семенов. Вопросы государственного строительства: Сборник документов и материалов. Чита, 2002.
13. Барон Унгерн в документах и мемуарах / сост. С.Л. Кузьмин. М., 2004.
14. Боевой восемнадцатый год: Сборник документов и воспоминаний. М., 2018.
15. Боевой состав Вооруженных сил Юга России на 5 октября 1919 года / публ. Р.Г. Гагкуева // Белая гвардия. Альманах (Москва). 1998. № 2. С. 69–96.
16. Боевые расписания армий Восточного фронта. 1918–1919 гг. / публ. А.А. Каревского и Р.Г. Гагкуева // Белое движение на Востоке России. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2001. № 5. С. 120–170.
17. Большеви́стское руководство: Переписка. 1912–1927: Сборник документов. М., 1996.
18. Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001.
19. Брестский мир: пролог, заключение, итоги: Сборник документов. М., 2022.
20. Бройде С. и М. Ярославский мятеж. По запискам генерала Перхурова. М., 1930.
21. В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918–1920): Сборник документов. Иркутск, 1985.
22. В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: Сборник документов и материалов. М., 2008.
23. В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922 гг.): Сборник документов. М., 1975.
24. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.
25. В.И. Ленин о войне, армии и военной науке: в 2 т. М., 1957.
26. Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М., 2003.
27. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007.
28. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Советская армия: годы реформ и испытаний. М., 2018. Т. 1.
29. Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника: 1870–1924. М., 1976. Т. 7: Март – ноябрь 1919.
30. Военные архивы России (Москва). 1993. Вып. 1.
31. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008.
32. Воинский некрополь Смоленского православного кладбища Петрограда (1917–1918 годы) / публ. Н.В. Родина // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 2012. Кн. 12. С. 310–369.
33. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1908 год. СПб., 1910.
34. ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский; М., 2004.
35. Ген. Алексеев и Времен[ный] комитет Государственной Думы // Красный архив (Москва; Петроград). 1923. Т. 2. С. 284–285.
36. Генерал Геруа. М., 2018.
37. Генерал Дитерихс. М., 2004.
38. Генерал Ренненкамф. М., 2017.
39. Генералы Великой войны. М., 2014.
40. Германия и революция в России. 1915–1918: Сборник документов / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 2013.

41. Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сборник документов. М., 2014.
42. ГКО постановляет... / публ. Н.С. Гишко // Военно-исторический журнал. 1992. № 4–5. С. 19–23.
43. Главнокомандующий всеми вооруженными силами республики И.И. Вацетис: Сборник документов. Рига, 1978.
44. Гражданская война в Оренбуржье 1917–1919 гг.: Документы и материалы. Оренбург, 1958.
45. Гражданская война на Украине в документах «Архива Врангеля» (декабрь 1918 г. – декабрь 1919 г.) / публ. Г.Н. Ланского // Исторический вестник (Москва). 2021. Т. 37. С. 14–89.
46. Двигубский А.М. Отчет о деятельности харьковского разведывательного центра. Харьков, 2007.
47. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1; 1964. Т. 3; 1968. Т. 4.
48. Дело генерала Бакича: Сборник документов и материалов / под ред. Д.Г. Симонова, А.И. Савина. Новосибирск, 2022.
49. Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках: Август 1917 г. – июнь 1918 г.: в 2 т. М., 2003.
50. Дело командующего Балтийским флотом А.М. Щастного. М., 2013.
51. Директивы главного командования Красной армии (1917–1920): Сборник документов. М., 1969.
52. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1971. Т. 1.
53. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1974. Т. 3.
54. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.): Сб. док. М., 1978. Т. 4.
55. Директория. Колчаковщина (из истории Гражданской война на Урале и в Сибири в 1918–1920 гг.). Тематический перечень документов РГВА.
56. Добавление № 1 к книге «Красная армия в России». Екатеринбург, 1918.
57. Доклад слушателя Николаевской военной академии капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела штаба Верховного главнокомандующего о гражданской войне в Туркестане / публ. Л.А. Молчанова // Посев (Москва). 2013. № 2. С. 20–28.
58. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1: Февраль 1917 г. – ноябрь 1918 г.; 1964. Т. 2: Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г.
59. Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М., 1941.
60. Документы по истории Гражданской войны в СССР. М., 1941. Т. 1: Первый этап Гражданской войны.
61. Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3–20.
62. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 5, 6.
63. «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи. Обращения родственников репрессированных командиров Красной армии к руководителям страны / сост. Н.С. Черушев. М., 2001.
64. Дукельский С.С. Итоги деятельности украинской контрреволюции (так называемого «правительства УНР» и социал-соглашательских партий у[краинских] с[оциал]-д[емо]кратов) и у[краинских] с[оциалистов]-р[еволюционеров] 1917–1920 гг. / публ. Л.Ф. Кациса // Исторический вестник (Москва). 2018. Т. 24. С. 225–317.

65. Думбадзе Г.С. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну / публ. А.И. Дерябина // Белая гвардия. Альманах (Москва). 1997. № 1. С. 43–45.
66. Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М., 2006.
67. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008.
68. «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель – май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004.
69. «Знаю, что Вы не нуждаетесь в похвалах». Кто и зачем писал И.В. Сталину // Источник. 1994. № 6. С. 82–98.
70. И.А. Ильин: pro et contra. СПб., 2004.
71. И на Тихом океане... Народно-революционная армия ДВР в освобождении Приамурья и Приморья (1920–1922): Сборник документов. Иркутск, 1988.
72. Из архива В.И. Лебедева. От Петрограда до Казани // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 50–197.
73. Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского ОСВАГа / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1991. Кн. 2. С. 339–347.
74. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сборник документов. М., 1958.
75. Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1.
76. Из истории Гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 3.
77. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004. Т. 1.
78. К истории осведомительной организации «Азбука» / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1993. Кн. 4. С. 160–193.
79. Катастрофическое состояние Генерального штаба в 1919 г. Записка генерала В.Е. Борисова / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 70–81.
80. Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. Барнаул, 1991.
81. Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Документы и материалы. М.; СПб., 2005.
82. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2.
83. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., 1969.
84. Красная армия в России. Екатеринодар, 1919. Кн. 1: По данным к 1 ноября 1918 г.
85. Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1–2.
86. Красный террор в годы Гражданской войны. М., 2004.
87. Критский М.А. Красная армия на Южном фронте в 1918–1920 гг. (по документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-м корпусом Добровольческой армии) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 254–300.
88. Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: в 2 кн. М., 1999.
89. Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны / сост. С.Л. Кузьмин. М., 2004.
90. Легендарный начдив: Сборник документов. Чебоксары, 1986.
91. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. М., 2011.
92. Марков и марковцы. М., 2001.

93. Маслов П.В., Миллер М.Е., Никольский П.В. Крым: Хрестоматия по истории края. Севастополь, 1930. Ч. 1.
94. Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия. Данные о вооруженных силах и краткий обзор политического, экономического и международного положения Грузии (по состоянию к 1 января 1921 г.) М., 1921.
95. МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918–1921 гг.): Сборник документов. М., 1978.
96. Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М., 1998. (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; т. 8).
97. Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. М.; Подгорица, 2003. Т. 1: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.; Т. 2: Дневники 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг.
98. На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М., 2008.
99. На службе в Красной армии: Документы и материалы о деятельности П.П. Лебедева. Чебоксары, 1991.
100. Невежин В.А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М.; СПб., 2003.
101. Николай Муралов. М., 1990.
102. Новые документы о разложении колчаковщины / публ. А.Л. Райхцаума // Исторический архив. 1960. № 4. С. 215–218.
103. Обречены по рождению... СПб., 2004.
104. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сборник документов. М., 1973.
105. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сборник документов. М., 1957.
106. Оренбургские казаки и чехословаки на Урале летом 1918 года / публ. А.В. Ганина // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2002. № 11. С. 19–27.
107. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998.
108. «Оттянуть Гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л.Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 8–58.
109. Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922 год. М., 1925.
110. Офицерский корпус в политической истории России: Документы и материалы. Калуга, 2003. Т. 3: 1920–1925 гг.
111. Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000.
112. Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900–1922 гг.: в 3 т. / сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2000. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917 г. – 1925 г.
113. Первый год советской военной разведки. Доклад В.А. Срывалина от 19 февраля 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Военно-исторический архив. 2011. № 1 (133). С. 174–191.
114. Подвиг Центросибири: Сборник документов. Иркутск, 1986.
115. Политбюро и «вредители»: Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: Сборник документов / под общ. ред. О.Б. Мозохина. М., 2014. Кн. 1–2.
116. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919–1952. М., 2000. Т. 1.
117. Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.
118. Положение об Императорской Николаевской военной академии // Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров

- Генерального штаба. С приложением Положения об Императорской Николаевской военной академии / сост. В.В. Нагаев. СПб., 1914. С. 175–228.
119. Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы). М., 1994. Ч. 2.
120. Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. М., 2000.
121. Правозерсовский политический процесс в Москве 8 июня – 4 августа 1922 г.: Стенограммы судебных заседаний. М., 2011. Т. 1–2.
122. Приказы войскам 3-й Русской армии. 1921.
123. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра. 1919.
124. Приказы по 8-й армии. 1917.
125. Приказы по штабу главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте. 1919.
126. Приказы РВСР по л/с армии. 1919–1922.
127. «Приступить немедленно к ликвидации ВЧК...»: Проект Л.Б. Каменева о реформировании ВЧК и системы ревтрибуналов / публ. Д.С. Новоселова // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 51–55.
128. Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006.
129. Протоколы 3-го очередного Войскового Круга Области Войска Оренбургского. Троицк, 1919.
130. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003.
131. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. Москва, 4–10 июля 1918 г. М., 1918.
132. Работа эсеров за границей: По материалам Парижского архива эсеров. М., 1922.
133. Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2003. Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов.
134. Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1918–1919: Сборник документов. М., 1997. 1918–1919.
135. Реввоенсовет Республики: Протоколы. 1920–1923 гг.: Сборник документов. М., 2000. 1920–1923.
136. Революционное движение в России в августе 1917 г.; Разгром корниловского мятежа. М., 1959. (Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы).
137. Рейд 4-го Донского корпуса генерала К.К. Мамантова (август – сентябрь 1919 г.): Документы и материалы. Подольск, 2018.
138. Реформа в Красной армии: Документы и материалы. 1923–1928 гг. М., 2006. Кн. 1–2.
139. РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. М., 2004.
140. Российский государственный военный архив в документах и материалах (1920–2020 гг.): Сборник. М., 2020.
141. Россия и независимость Финляндии. 1899–1920 гг.: Сборник документов: в 3 т. М., 2021. Т. 3: От противостояния к миру. 1917–1920 гг.
142. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920: Сборник документов. М., 2017.

143. «Россия погибнет в волнах новой анархии» / публ. Н.Д. Егорова и Н.В. Пульченко // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 79–83.
144. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов. М., 1994.
145. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М.; Курск, 1998–2017. Т. 1–10.
146. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход.
147. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды... 1923 г.
148. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 2007. Т. 4: У истоков «Русского общевойскового союза». 1924 г.
149. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. М., 2013. Т. 6: Схватка. 1925–1927 гг.
150. Русский архив. Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12 (1).
151. Сборник законоположений и распоряжений по службе личного состава корпуса офицеров Генерального штаба. СПб., 1914.
152. Северный фронт: Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на советском Севере (1918–1920): Документы. М., 1961.
153. Секретный доклад генерала Махрова // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1982. № 124. С. 183–243.
154. Сибирская Вандея. М., 2001. Т. 2: 1920–1921.
155. Следственное дело большевиков: Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г.: Сборник документов: в 2 кн. М., 2012. Кн. 2: в 2 ч.
156. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942.
157. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): Сборник документов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2016. Т. 1.
158. «Срок обучения – восьмилетний». Записка А.А. Игнатьева Сталину о создании кадетских корпусов // Родина. 2010. № 5. С. 66–68.
159. Ставка 25–26 октября 1917 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 279–320.
160. Ставка и революция: Штаб Верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 года: По документам Российского государственного военно-исторического архива: Сборник документов: в 2 т. М., 2019. Т. 1: 18 февраля – 18 июня 1917 г.
161. Сталин И.В. Труды. М., 2016–2021. Т. 8–18.
162. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов. М., 2002.
163. Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2016. Кн. 1.
164. Судьбы генеральские... / публ. Л.Е. Решина, В.С. Степанова // Военно-исторический журнал. 1992. № 12. С. 12–20.
165. Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940. СПб., 2000.
166. Топчибаши А.М. Парижский архив 1919–1940: в 4 кн. М., 2016. Кн. 1.

167. Трагедия в Брест-Литовске – 1917-й / публ. Ю. Емельянова // Книга исторических сенсаций. М., 1993. С. 87–89.
168. Три брата (То, что было): Сборник документов / сост. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М., 2019.
169. Труды Общеказачьего съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде / обраб. под ред. И.Г. Харламова. Пг., 1917.
170. 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928.
171. Тюремная одиссея Василия Шульгина. М., 2010.
172. Указы Войскового правительства Оренбургского казачьего войска. 1918.
173. Указы Правителя Приамурского Земского края. 1922.
174. Украинская Социалистическ[ая] Советск[ая] Республика. Отчет о деятельности Народного комиссариата по военным делам. Март – май 1919 г. Киев, июнь 1919.
175. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007.
176. Февральская революция 1917 года (документы Ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) (начало) // Красный архив (Москва; Ленинград). 1927. № 2 (21). С. 3–78; (окончание) // Красный архив (Москва; Ленинград). 1927. № 3 (22). С. 3–91.
177. Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.): Сборник документов / сост. М.И. Вебер. Екатеринбург, 2019.
178. Характеристика личного состава РККА. М., 1931. Кн. 2: Кадровый начальствующий состав РККА.
179. «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...»: Документы по делу об участниках выступления генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3–34.
180. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. М., 2011–2012. Кн. 1–2.
181. Шли дивизии вперед: Народно-революционная армия в освобождении Забайкалья (1920–1921): Сборник документов. Иркутск, 1987.
182. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: Воспоминания, документы и материалы / под ред. А.В. Ганина. М., 2022.
183. Южный фронт (май 1918 – март 1919): Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1962.
184. «Якутцы не привыкли к поражениям...» (к истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну) / публ. А.С. Кручинина // Военная Быль (Москва). 1995. № 6 (135). С. 20–23.
185. Ярославское восстание. 1918 / сост. Е.А. Ермолин, В.Н. Козляков. М., 2007.
186. Визвольні змагання очима контррозвідника (документальна спадщина Миколи Чеботаріва). Київ, 2003.
187. Війна України проти Радянської Росії у 1920 році (документи та матеріали) / упор. Я.Ю. Тинченко. Київ, 2020.
188. Денник Начальної команди Української Галицької армії. Нью-Йорк, 1974.
189. Справа «Всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (справа «Весна», 1930–1931 рр.) за документами Державного архіву Служби безпеки України // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2002. № 1 (18); № 2 (19).
190. Українсько-московська війна 1920 року в документах. Варшава, 1933. Ч. 1: Оперативні документи штабу армії Української народної республіки.

191. Червона армія в Росії. Київ, 1918. Кн. 1: За час квітень – травень – червень 1918 р. Нарис.
192. Юрій Тютюнник: від «Двійки» до ГПУ: Документи і матеріали. Київ, 2011.
193. Як майбутній український генерал В. Сальський ледь не став колчаківським офіцером / публ. А. Ганина // Військово-історичний альманах (Київ). 2013. № 1–2 (25–26). С. 102–103.
194. Proceedings of the Brest-Litovsk Peace Conference. The Peace Negotiations between Russia and the Central Powers. 21 November 1917 – 3 March 1918. Washington, DC, 1918.
195. Szydlowski J. Polski Sztab Generalny. Warszawa, 1919.
196. The Trotsky Papers 1917–1922 / ed. and annot. by J.M. Meijer. London; Hague; Paris, 1964. Vol. 1; Hague; Paris, 1971. Vol. 2.
197. U źródeł Sztabu Generalnego Wojska Polskiego 1918–1921. Warszawa, 2008.

Публицистика

1. Ак [Куприн А.И.]. Два воззвания // Новая Русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. 10.06. № 123. С. 2–3.
2. Андогский А.И. (А. Белозерский). Как создавалась Красная армия Советской России (Уроки недавнего прошлого). Владивосток, 1921.
3. Ашик Н.В. Московская школа штабной службы // Военное дело (Москва). 1920. 29.03. № 5 (69). Стб. 155–157.
4. Б.Ш. [Шапошников Б.М.] Первые боевые шаги маршала Пилсудского // Военное дело. 1920. 07.06. № 13 (77). Стб. 387–392.
5. Бонч-Бруевич М.Д. Нужен ли начальник Генерального штаба во время войны? // Военное дело. 1920. 01.03. № 1 (65). Стб. 5–7.
6. Булдаков В.П. Плоды методологической беспомощности. О книге А.В. Ганина «Семь “почему” российской Гражданской войны» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2019. № 1 (49). С. 125–141.
7. Бывший обер-квартирмейстер. Операции на Волге // Военное дело. 1918. 08.11. № 23–24. С. 27.
8. В Генеральном штабе // Армия (Київ). 1918. 15.11. № 10. С. 1; 16.11. № 11. С. 3.
9. В.Ц. Еще о начальнике Генерального штаба // Военное дело. 1920. 10.04. № 7 (71). Стб. 199.
10. Веденяпин М.А. От члена Центрального комитета партии соц[иалистов]-революц[ионеров] // Земля и Воля (Самара). 1918. 11.07. № 76. С. 3–4.
11. Веденяпин М.А. К возрождению России (роль партии соц[иалистов]-рев[олюционеров]) // Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 21.07. № 11. С. 2.
12. Возвращение генерала В.В. Марушевского // Мурманский вестник. 1919. 02.08. № 85. С. 3.
13. Все ли генштабисты изменили России? // Наш путь (Харбин). 1937. 07.06. № 147 (1255). С. 2.
14. Всероссийский главный штаб в Советской республике // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 07.11. № 248. С. 2.
15. Ген. Кельчевский о положении у адм[ирала] Колчака // Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919. 09.12. № 430. С. 3.
16. Геруа А.В. Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 173–197.

17. Гостиница «Марсель» // Последние новости (Киев). 1918. 25(12).10. № 5256. С. 3.
18. Д.-Б.В. Военно-академические курсы // Военная мысль (Ташкент). 1921. Кн. 2. Май – июль. С. 300–301.
19. Деникин А.И. Борьба и провокация // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 105. С. 2–7.
20. Деникин А.И. Ответ ТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 7–12.
21. Загадочное исчезновение ген. Сытина // Последние новости (Киев). 1918. 25(12).10. № 5256. С. 3.
22. Каменский А.З. Давно пора // Правда. 1918. 25.12. № 281. С. 2.
23. Каминский В.В. Ганин А.В. – творец «мертвых душ» в Корпусе Генштаба Красной Армии или повесть о том, как не следует заниматься научно-исследовательской работой. Уфа, 2013.
24. Камнев В.Н. Ускоренная подготовка офицеров в Николаевской военной академии в течение настоящей войны // Армия и флот Свободной России (Петроград). 1917. 05.09. № 204. С. 3.
25. Керсновский А.А. Наш будущий офицерский корпус // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 414–421.
26. Кук А. О кризисе военно-научной мысли // Военная мысль (Ташкент). 1921. Кн. 3. Август – декабрь. С. 10–16.
27. Куприн А.И. Голос оттуда: 1919–1934. М., 1999.
28. Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб., 2001.
29. Лацис [М.И.]. Трудноизлечимая язва (О военконтроле) // Известия. 1918. 18.12. № 277 (541). С. 1.
30. Лопатин. Генеральный штаб // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 01.06. № 115. С. 2.
31. М. Мартиролог русского офицерства // Руль (Берлин). 1921. 06.09. С. 2.
32. Мансветов П.И. Военный факультет Туркестанского государственного университета // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1: Сентябрь. С. 426–443; 1921. Кн. 1: Январь – апрель. С. 303–306; Кн. 2: Май – июль. С. 292–295; Кн. 3: Август – декабрь. С. 295–299.
33. «Немного статистики» // Разведчик (СПб.). 1912. 25.12. № 1156. С. 867.
34. Новицкий В.Ф. О переустройстве нашего высшего военного управления // Военное дело (Москва). 1918. 13.12. № 28. С. 23–26.
35. Нотин К. О распределении наличных сил «ген-штабистов» // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 09.02. № 27. С. 5.
36. Парский Д.П. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908.
37. Письмо ОТТУДА // Борьба за Россию (Париж). 1928. № 70. С. 2–6.
38. Свечин А.А. Милиция как идеал. Критика тезисов Л. Троцкого // Военное дело. 1919. 07.04. № 11–12. Стб. 436–438.
39. События в Тюмени (телеграмма пол[ево]й конторы) // Мысль (Иркутск). 1919. 15.03. № 21. С. 3.
40. Соломин С. [Гусев С.И.] К вопросу о реорганизации Красной армии // Военная наука и революция. Военно-научный журнал (Москва). 1921. Кн. 1: Июль – август. С. 18–22.
41. Сорин В.Г. Командиры и комиссары в действующей армии // Правда. 1918. 29.11. № 259. С. 2.
42. Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4: Ноябрь 1917 – 1920.

43. *Старый академик*. К открытию академии Генер[ального] штаба // Военное дело. 1918. 11.10. № 19. С. 20–21.
44. *Струве П.Б.* «Русская свобода и Великая Россия»: Публицистика 1917–1920 гг. М., 2020.
45. *Тамаров Е. [Исаев Е.И.]* Дрязги // Военное дело. 1919. 18.04. № 13–14 (42–43). Стб. 517–522.
46. *Тарасов-Родионов А.И.* Военное строительство (Тезисы) // Военное дело. 1919. 30.06. № 19 (48). Стб. 637–641.
47. *Тарасов-Родионов А.И.* Экс-доктрина // Военное дело. 1918. 08.11. № 23–24. С. 1–4.
48. *Тераспольский К.* Организация украинской армии // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1918. 04.08. № 81. С. 3.
49. *Трифонов В.А.* Фронт и тыл // Правда. 1919. 15.06. № 128. С. 2.
50. *Троцкий Л.Д.* Военные специалисты и Красная армия // Военное дело (Москва). 1919. 21.01. № 2 (31). Стб. 65–71.
51. *Троцкий Л.Д.* Их мораль и наша // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 68–69. Август – сентябрь. С. 6–19.
52. *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (на военной работе): в 3 т. М., 1923. Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год; 1924. Т. 2, кн. 1: Тысяча девятьсот девятнадцатый год; Т. 2, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцатый год; Т. 3, кн. 1: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы; 1925. Т. 3, кн. 2: Тысяча девятьсот двадцать первый-третий годы.
53. *Троцкий Л.Д.* Кто предал Полтаву? // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 13.08. № 176. С. 1.
54. *Троцкий Л.Д.* Преступная демагогия // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. 06.08. № 170. С. 1.
55. *Троцкий Л.Д.* Сочинения. М., 1924. Т. 3, ч. 1; М.; Л., 1926. Т. 17, ч. 1.
56. *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990.
57. *Тухачевский М.Н.* Война классов: Статьи 1919–1920 г. М., 1921.
58. *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1: 1919–1927 гг.
59. *Черноморцев А. [Носович А.Л.]* Бывшие офицеры // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919. 21.04 [04.05]. № 17 (45). С. 10–11.
60. *Шульгин В.В.* «Что НАМ в НИХ не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992.
61. *Ярославский Е.М.* Как воссоздать армию // Известия. 1918. 15.06. № 121 (385). С. 1.
62. До громадянства // Українська Стовп (Київ). 1919. 02.03. № 55. С. 2–3.
63. Right of People to Rule Russia // The Evening Star (Washington, DC). 1918. 05.02. P. 3.

Периодическая печать

1. Армия (Київ). 1918.
2. Армия и флот Свободной России (Петроград). 1917.
3. Борьба за Россию (Париж). 1928.
4. Бюллетень объединения Лейб-гвардии Московского полка (Париж). 1960.
5. Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев) (Париж). 1938.
6. Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918.
7. Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919.
8. Военная Быль (Париж). 1964.
9. Военная мысль (Ташкент). 1920–1921.
10. Военная наука и революция. Военно-научный журнал (Москва). 1921.

11. Военно-исторический вестник (Париж). 1964.
12. Военное дело (Москва). 1918–1920.
13. Военный сборник общества ревнителей военных знаний (Белград). 1922.
14. Возрождение (Париж). 1930.
15. Война и революция (Москва). 1927–1929.
16. Воля России (Прага). 1929.
17. Грани (Франкфурт-на-Майне). 1983, 1989.
18. Донская волна (Ростов-на-Дону). 1919.
19. Донская летопись (Вена). 1923.
20. Енисейский вестник (Воля Сибири) (Красноярск). 1919.
21. Земля и Воля (Самара). 1918.
22. Известия (Москва). 1918.
23. Известия Народного комиссариата по военным делам (Москва). 1918–1919.
24. Измайловская старина (Александрия). 1935.
25. Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985.
26. Каторга и ссылка (Москва). 1928.
27. Красный архив (Москва; Петроград-Ленинград). 1923, 1925, 1927.
28. Кузнецкий рабочий. 1966.
29. Литературная газета. 1962.
30. Меч (Варшава). 1937.
31. Мурманский вестник. 1919.
32. Мысль (Иркутск). 1919.
33. Наш путь (Харбин). 1937.
34. Наша война (Вологда). 1919.
35. Наша газета (Омск). 1919.
36. Новая Русская жизнь (Гельсингфорс). 1920.
37. Новый журнал (Нью-Йорк). 1961, 1963.
38. Оренбургский вестник Учредительного собрания (Оренбург). 1918.
39. Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1917–1918.
40. Орский вестник Южной армии. 1919.
41. Последние новости (Киев). 1918.
42. Последние новости (Париж). 1937.
43. Правда. 1918, 1920, 1922, 1928, 1934, 1935.
44. Приамурье (Хабаровск). 1919.
45. Приложение к № 18 газеты «Русская армия» (Омск). 1918.
46. Путь коммунизма. Краснодар, 1922.
47. Разведчик (СПб.). 1912.
48. Руль (Берлин). 1921.
49. Русская армия (Омск). 1918.
50. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.
51. Семеновский бюллетень (Семеновские бюллетени) (Б.м.; Сан-Франциско). 1929, 1950.
52. Суд идет! (Ленинград). 1926.
53. Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929.
54. Часовой (Париж; Брюссель). 1932, 1933, 1935, 1958–1960.
55. Армія и флот України (Киев). 1918.

56. Літопис червоної калини (Львов). 1937.
57. Тризуб (Париж). 1931.
58. Українська Ставка (Київ). 1919.
59. The Evening Star (Washington, DC). 1918.

Воспоминания, дневники, переписка

1. *Авенариус Н.А.* Кремнистый путь. М., 2012.
2. *Аверьянов П.И.* Генерал Слащев-Крымский / публ. Л.И. Петрушевой // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Т. 3. С. 85–107.
3. *Айронсайд У.Э.* Архангельск. 1918–1919 // Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 213–387.
4. *Акулинин И.Г.* Колчак и атаман Дутов. Отзвуки омского переворота 18 ноября 1918 года в Оренбурге и Уфе // Возрождение (Париж). 1930. 07.02. № 1711. С. 2.
5. *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937.
6. *Акулинин И.Г.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 122–147.
7. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.
8. *Алексеев М.В.* Записная книжка 1917–1918 гг. / публ. Л.Ф. Павликовой // Записки отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 298–432.
9. *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000.
10. *Алферов З.А.* Воспоминания. Подольск, 2023.
11. Амфитеатров и Савинков: переписка 1923–1924 // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. С. 73–158.
12. *Андогский А.И.* Академия Генерального штаба в 1917–18 гг. Омск, 1919.
13. *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998.
14. *Антонов-Овсенко В.А.* Записки о Гражданской войне. М., 1932. Т. 3; 1933. Т. 4.
15. *Антонович А.Т.* Дневник генерала // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 381–436.
16. *Аралов С.И.* Ленин вел нас к победе. М., 1989.
17. *Арканников Б.А.* В штабе Кронштадтской крепости в дни восстания / публ. А.В. Ганина // Эпоха Революции и Гражданской войны в России: Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 386–398.
18. *Аршинов П.А.* История махновского движения (1918–1921 гг.). Запорожье, 1995.
19. *Атаман Семенов.* О себе. М., 1999.
20. *Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992.
21. *Баиов А.К.* Генерал-майор Д.К. Лебедев // Часовой (Париж). 1935. 15.02. № 144. С. 20.
22. *Байков Б.Л.* Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 91–194.
23. *Бармин А.Г.* Соколы Троцкого. М., 1997.
24. *Барсуков Е.З.* В те дни. Воспоминания // Литературный Смоленск. Альманах. Смоленск, 1957. Кн. 16. С. 231–280.
25. *Барсуков Е.З.* Мое военное прошлое: Воспоминания 1866–1954 гг. Смоленск, 2018.

26. Батов П.И. В походах и боях. М., 2015.
27. Безак Ф.Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 346–454.
28. Белое движение: начало и конец. М., 1990.
29. Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 11: Белый Крым.
30. Беннигсен Э.П. Записки (1917–1955). М., 2018.
31. Беседовский Г.З. На путях к Термидору. Париж, 1931. Т. 2.
32. Бессонов Ю.Д. Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Париж, 1928.
33. Биттенбиндер А.Г. Действия Марковской дивизии на правом берегу реки Днепра в районе западнее города Александровска в период с 24.09 по 01.10.1920 г. // Марков и марковцы. М., 2001. С. 364–382.
34. Блок А.А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921.
35. Блок А.А. Последние дни старого режима // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 5–54.
36. Богатырчук Ф.П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско, 1978.
37. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.) / под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925.
38. Большевик, подпольщик, боевик: Воспоминания И.П. Павлова. М.; СПб., 2015.
39. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М., 1957.
40. Бонч-Бруевич М.Д. Первые дни Красной армии (воспоминания) // Война и революция (Москва). 1929. Кн. 2. С. 36–56.
41. Борисов В.Е. Генерал М.В. Алексеев. Начальник штаба Верховного главнокомандующего в войну 1914–1915 годов (из воспоминаний генерала В. Борисова) // Военный сборник общества ревнителей военных знаний (Белград). 1922. Кн. 2. С. 3–21.
42. Борман А.А. Москва – 1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (Ленинград). 1991. Кн. 1. С. 115–149.
43. Борьба за Хабаровск: Сборник статей. Чита, 1922.
44. Бретцель А.Я., фон. Борис Владимирович Геруа // Измайловская старина (Александрия). 1935. Тетрадь 24. С. 130–131.
45. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.
46. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004.
47. Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014.
48. Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 12. С. 197–290; 1924. Т. 13. С. 197–312; Т. 14. С. 225–341; Т. 15. С. 254–344.
49. Будберг А.П. Сибирские воспоминания. Владивосток, 2017.
50. Буденный С.М. Слово о старшем друге // Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973. С. 5–10.
51. Бьеркелунд Б.В. Воспоминания. СПб., 2013.
52. Вакар Н.П. Генерал Л.Г. Корнилов и А.Ф. Керенский. Беседа с П.Н. Финисовым // Последние новости (Париж). 1937. 06.03. № 5825. С. 3.
53. Валентинов А.А. Крымская эпопея // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 5–100.
54. Валь Э.Г., фон. Воспоминания о Генеральном штабе: Избранные статьи о Первой мировой и Гражданской войнах. М., 2021.
55. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2001.

56. Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008.
57. *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959.
58. *Верховский А.И.* Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918.
59. *Верцинский Э.А.* Год революции: Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года. Таллин, 1929.
60. *Вильерс О.А., Попов В.А.* Воспоминания русской бабушки. Пятигорская трагедия. М., 2005.
61. *Вилькицкий Б.А.* Когда, как и кому я служил под большевиками: Воспоминания бело-гвардейского контр-адмирала. Архангельск, 2001.
62. *Винберг Ф.В.* В плену у «обезьян» (записки «контрреволюционера») // Верная гвардия: Русская смута глазами офицеров-монархистов. М., 2008. С. 50–306.
63. *Вишняк М.В.* Годы эмиграции 1919–1969. СПб., 2005.
64. *Воейков В.Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995.
65. Военный альбом генерала А.П. Будберга. Материалы к биографии. Воспоминания о войне. 1914–1917 / сост. И.В. Домнин. М., 2014.
66. *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999.
67. *Войцеховский С.Л.* «Трест» // Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005. С. 52–194.
68. *Волконская С.А., кн.* Горе побежденным // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 446–455.
69. *Воронков М.И.* Интеллигент и эпоха: Дневники, воспоминания, статьи (1911–1941 гг.). Рязань, 2013.
70. *Воронович Н.* Меж двух огней (Записки зеленого) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 53–183.
71. *Ворошилов К.Е.* Десятилетие Красной армии // Правда. 1928. 23.02. № 46 (3878). С. 3.
72. Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Берлин, 1922. Т. 1–2.
73. Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009.
74. Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926.
75. Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири 1918–1920 годов (по материалам ГАНИИО) / сост. Е.А. Серебряков. Иркутск, 2019.
76. *Врангель А.П.* Генерал Врангель: Доверие воспоминаний. Минск, 1999.
77. *Врангель М.Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 4. С. 198–214.
78. *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1–2.
79. «...Выделение Кубанской армии в особую армию явилось бы полным крахом». Письмо главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 11-го июля 1919 года за № 10066 Войсковому атаману Кубанского казачьего войска / публ. О.В. Ратушняк // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2005. № 8. С. 90–91.
80. *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 221–336.
81. *Галич Ю.* Золотые корабли: Скитания. Рига, 1927.
82. *Галич Ю.* Красный хоровод // Галич Ю., Попов К.С. Красный хоровод. М., 2008. С. 12–155.
83. *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969. Т. 2.

84. Гауг Е.М. На службе у большевиков // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 202–231.
85. Героическое подполье: В тылу деникинской армии: Воспоминания. М., 1976.
86. Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969–1970. Т. 1–2.
87. Гершельман А.С. В рядах Добровольческой Северо-Западной армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом. 1919 год. М., 1998. Кн. 2.
88. Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 114–168.
89. Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера. М., 2010.
90. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2007.
91. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
92. Голеевский Н.Н. Лето на Волге 1918 год // Russian Emigre Archives (Fresno, CA). 1973. Vol. 2. P. 238–274.
93. Голубинцев А.В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону 1917–1920 гг. Мюнхен, 1959.
94. Гольц Р., фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб., 2015.
95. Гонпер К.Я. Четыре катастрофы: Воспоминания. [Рига], [1920?].
96. Горбатов А.В. Годы и войны: Записки командарма. 1941–1945. М., 2008.
97. Горн В.Л. Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 9–161.
98. Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.
99. Греков А.П. Переговоры украинской Директории с французским командованием в Одессе в 1919 году (1918 и 1919 гг. на Украине) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 137–172.
100. Греков А.П. Петлюровщина // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ (Київ). 2004. № 1/2 (22/23). С. 173–190.
101. Греков А.Н. Союз казачьих войск в Петрограде в 1917 году // Донская летопись. Сборник матерьялов по новейшей истории донского казачества со времени русской революции 1917 года (Вена). 1923. № 2. С. 229–283.
102. Григоренко П.Г. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997.
103. Грондейс Л. Война в России и Сибири / под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2018.
104. Грулев М.В. В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб., 1908.
105. Грулев М.В. Записки генерала-еврея. Париж, 1930.
106. Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 5–84.
107. Гурко Д.И. Воспоминания генерала // Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются: Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. М., 2002. С. 153–447.
108. Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия: Сборник статей. М.; Л., 1925.
109. Даватц В.Х. Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.
110. Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 39–131.
111. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.

112. *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 212–242.
113. *Данишевский К.Х., Каменев С.С.* Воспоминания о Ленине. М., 1934. Сб. 1.
114. *Деникин А.И.* Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 1–3.
115. *Деникин А.И.* Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006.
116. *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М., 2005.
117. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания (1915–1917). М., 2015. Т. 3.
118. *Дзержинский Ф.Э.* Дневники. Письма. М., 2007.
119. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева 1918–1919 гг. // Окрест Колчака: документы и материалы. М., 2007. С. 43–108.
120. Дневник генерала М.А. Фостикова // Дневники казачьих офицеров / под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004. С. 13–178.
121. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013. Т. 2: 1905–1918, ч. 2: 1914–1918.
122. Дневники казачьих офицеров / под ред. П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2004.
123. *Добровольский С.Ц.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 3. С. 5–146.
124. *Добрынин В.В.* Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 – март 1920 (Очерк). Прага, 1921.
125. *Добрынин В.В.* Дон в борьбе с Коммуной. На Донце и Маныче (февраль – май 1919 г.) // Военный сборник (Белград). 1922. Кн. 2. С. 83–134.
126. *Дорошенко Д.И.* Война и революция на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 64–98.
127. *Достовалов Е.И.* О белых и белом терроре / публ. Н. Сидорова, И. Кондаковой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 637–697.
128. *Дрейер В.Н., фон.* Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918–1920 года. Берлин-Шарлотенбург, 1921.
129. *Дрейер В.Н., фон.* На закате империи. Мадрид, 1965.
130. *Дроздовский М.Г.* Дневник. М., 2017.
131. *Егоров А.И.* Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.; СПб., 2003. С. 12–376.
132. *Егорьев В.Н.* Из жизни западной завесы // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 136–150.
133. *Елисеев Ф.И.* Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006.
134. *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров: Воспоминания. М., 1996.
135. *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008.
136. *Ефимов А.Г.* С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте: Статьи, письма, документы. М., 2013.
137. Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / публ. А.В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43.
138. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 2-е изд., доп. М., 1975. Т. 1.
139. *Забелин А.Ф.* Мои воспоминания // Бюллетень объединения Лейб-гвардии Московского полка (Париж). 1960. № 151. С. 6–10.

140. *Зайцов А.А.* Мои воспоминания о генерале Кутепове // Генерал Кутепов: Сборник статей. Париж, 1934. С. 317–322.
141. *Залесский П.И.* Возмездие (Причины русской катастрофы). Берлин, 1925.
142. *Залесский П.И.* Грехи старой России и ее армии // Философия войны. М., 1995. С. 153–208.
143. *Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака* // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 325–510.
144. *Зеленов Н.П.* Трагедия Северной области // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 2. С. 203–242.
145. *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1.
146. *Игнатьев В.И.* Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Часть 1 // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 99–157.
147. Из воспоминаний А.И. Гучкова // Подвиг. Альманах. М., 1991. Вып. 38. С. 217–234.
148. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив (Москва; Ленинград). 1927. Т. 1 (20). С. 56–77.
149. Из дневника ген. В.И. Селивачева / публ. Н.Е. Какурина // Красный архив (Москва; Ленинград). 1925. Т. 2 (9). С. 104–132.
150. *Изергин М.И.* Пятьдесят пять дней // Последний поход Уральской Отдельной армии. Январь – февраль 1920: Воспоминания участников / сост. Д.Ю. Дубровин. М., 2018. С. 161–223.
151. *Изергин М.И.* Рейд на Лбищенск // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1989. № 151. С. 167–207.
152. *Изергин М.И.* Уральская катастрофа (воспоминания полковника Генерального штаба). М., 2023.
153. *Ильин И.С.* Комуч // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 65. С. 221–241.
154. *Ильин И.С.* Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. Кн. 72. С. 198–217; Кн. 73. С. 216–243.
155. *Иностранцев М.А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А.В. Ганина. М., 2017.
156. К истории ВЧК: Письмо А.И. Эрзмана (Бирзе) Ф.Э. Дзержинскому / публ. А.И. Колпакиди // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1996. Кн. 6. С. 181–208.
157. *Казанович Б.И.* Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май – июль 1918 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 184–202.
158. *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 12: Казачий исход. С. 5–402.
159. *Калинин С.А.* Размышляя о минувшем. М., 1963.
160. *Каменев С.С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи. М., 1963.
161. *Каменев С.С.* Предисловие // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 9–46.
162. *Каменев С.С.* Система борьбы с басмачеством (бандитизмом) // Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Ташкент, 1924. С. 6–26.
163. *Каменева Н.С.* Путь полководца: Воспоминания об отце. Киев, 1982.

164. *Квинтадзе Г.И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии 1917–1921. Париж, 1985.
165. *Кедров М.С.* За Советский север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л., 1927.
166. *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент истории. М., 2006.
167. *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005.
168. *К-й В.* Красный начальник штаба // Часовой (Брюссель). 1958. № 390 (8). Сентябрь. С. 7.
169. *Кирдецов Г.Л.* У ворот Петрограда (1919–1920). М., 2016.
170. *Кислицын В.А.* В огне Гражданской войны. М., 2016.
171. *Клементьев В.Ф.* В большевической Москве (1918–1920). М., 1998.
172. *Клерже Г.И.* Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А.Л. Посадскова. Новосибирск, 2012.
173. *Климушкин П.Д.* Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 38–102.
174. *Клодт [фон Юргенсбург П.А.]. Я.А. Слащев* // Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 12(25).12. № 10. С. 7–10.
175. *Князья Трубецкие.* Россия воспрянет! М., 1996.
176. *Командарм Уборевич:* Воспоминания друзей и соратников. М., 1964.
177. *Конец Юго-Западного фронта.* Воспоминания генерал-лейтенанта П.С. Махрова о событиях на Украине в 1917–1918 гг. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2019. № 6. С. 143–163.
178. *Корицкий Н.И.* Создание I армии и освобождение Симбирска // Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 49–69.
179. *Корницкий В.О.* Впереди – Иркутск // Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 105–114.
180. *Корсак В.* У белых. Париж, 1931.
181. *Кравков В.П.* Война в Маньчжурии: Записки дивизионного врача. М., 2016.
182. *Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 191–321.
183. *Краснов П.Н.* Полное собрание сочинений. Подольск, 2022. Т. 22.
184. *Краснов-младший Н.Н.* Незабываемое. М., 2002.
185. *Красный террор в Москве:* Свидетельства очевидцев. М., 2010.
186. *Крутоголов Ф.Ф.* Правда о Сорокине / публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2012. № 3. С. 260–274.
187. *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии // Военно-исторический журнал. 1964. № 11. С. 53–60.
188. *Кузьмин Н.Н.* Борьба за Север // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. М., 1962. С. 294–317.
189. *Кузьмин Н.Н.* 8 месяцев на Северном фронте // Наша война (Вологда). 1919. 29.04. № 83. С. 2.
190. *Куракина Т.Г., кн.* Воспоминания 1918–1921 гг. // Красный террор в Москве: Свидетельства очевидцев. М., 2010. С. 175–196.
191. *Куропаткин А.Н.* Русская армия. СПб., 2003.
192. *К-ый. Ген.-лейт[енант] Г.Г. Джонсон* // Вечернее время (Ростов-на-Дону). 1919. 10.09. № 359. С. 3.

193. *Лампе А.А., фон.* К посещению полка государем 7-го февраля 1913 года // Семеновский бюллетень (Сан-Франциско). 1950. 21.11 (04.12). № 20. С. 16–17.
194. *Лампе А.А., фон.* Мой дневник. 1919. Пути верных. М., 2021.
195. *Лебедев В.И.* Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919.
196. *Лебедева А.П.* Павел Павлович Лебедев — первый начальник Штаба РККА (воспоминания дочери) // Военно-исторический архив. 2002. № 5 (29). С. 32–74.
197. *Левитский В.М.* Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / под ред. А.А. Чемакина. М., 2019.
198. *Лейтенант N.N.* Записки белогвардейца // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 10. С. 56–113.
199. *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. 1914–1915. Минск, 2003.
200. *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. 1916. Минск, 2003.
201. *Ленау М.Н.* Николаев. 1919 год // Героическое подполье: В тылу деникинской армии: Воспоминания. М., 1976. С. 300–312.
202. *Ленин В.И.* Военная переписка (1917–1920). М., 1956.
203. *Ленин В.И.* Военная переписка. 1917–1922 гг. М., 1987.
204. *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.
205. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969–1974. Т. 32–45; 50–51.
206. *Ленкевич А.* Из записок контрразведчика // Воля России (Прага). 1929. № 5–6. С. 73–85.
207. *Ливен А., кн. Ген.-м[айор] В.Н.* Фон-Энгель // Часовой. 1933. № 105. Июнь. С. 29.
208. *Литтауэр В.* Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006.
209. *Лодыженский А.А.* Воспоминания. Париж, 1984.
210. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1–2.
211. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012.
212. *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 95–121.
213. *М.В. Фрунзе:* Воспоминания друзей и соратников. М., 1965.
214. *Мальков П.Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1987.
215. *Мамонтов С.И.* Походы и кони. Париж, 1981.
216. *Манжетный М.М.* Воспоминания русского полковника китайской армии. М., 2019.
217. *Маргулиес М.С.* Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2.
218. *Марков А.Л.* Записки о прошлом (1893–1920). М., 2014.
219. *Мартынов Е.И.* Из печального опыта Русско-японской войны. СПб., 1907.
220. *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 – август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 170–341.
221. *Махров П.С.* В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994.
222. *Мейер Ю.К.* Записки последнего кирасира / публ. А.В. Шахова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1995. Т. 6. С. 547–636.
223. *Мерецков К.А.* На службе народу. М., 2003.
224. *Мехоношин К.А.* От захвата власти к овладению аппаратом (воспоминания о первом периоде Наркомвоен) // Война и революция (Москва). 1928. Кн. 2. С. 31–41.

225. Милоданович В.Е. Из Кисловодска в Кисловодск. 1918–1919. М., 2020.
226. Минут В.Н. Под большевистским игом; В изгнании: Воспоминания. 1917–1922. М., 2016.
227. Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994.
228. Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920. М., 1993. Кн. 2.
229. Мишагин-Скрыдлов А.Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. М., 2007.
230. Молчанов В.М. Борьба на востоке России и в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 399–423.
231. Молчанов В.М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009.
232. Мордвинов А.А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. М., 2014. Т. 2.
233. Мстиславский С. [Масловский С.Д.] Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка (Москва). 1928. № 2 (39). С. 7–36.
234. Мстиславский С. [Масловский С.Д.] Пять дней: Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922.
235. «Мы, видимо, попали в водоворот». Отрывки из дневника главкома Алексея Эверта публикуются впервые / публ. А.В. Ганина и И.В. Эверт // Родина. 2018. № 11. С. 34–37.
236. «Мы имели тогда полнейшую возможность захватить власть в свои руки». Воспоминания В.И. Невского об июльских днях 1917 г. в Петрограде / публ. А.В. Писарева // Исторический архив. 2017. № 3. С. 24–57.
237. Нарышкин П.А. Память героя Генерального штаба подполковника Ушакова // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 18.09. № 103 (315). С. 3.
238. «Настроение корявое, все время аресты...»: Письма военспеца Красной армии В.М. Цейтлина. Февраль – апрель 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Исторический архив. 2023. № 1. С. 42–56.
239. «Наша задача должна состоять в том, чтобы в удобную минуту предать большевиков». Письмо генерал-майора Б.В. Геруа о заговоре в штабе Петроградского района и Северного участка завесы в марте – мае 1918 г. / публ. К.А. Тарасова // Исторический архив. 2020. № 6. С. 112–122.
240. «Наше великое дело близко к полной гибели». Дневник донского атамана А.П. Богаяевского / публ. Ю. Мурина // Источник. 1993. № 3. С. 13–19.
241. «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / публ. А.В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.
242. Неклютин К.Н. От Самары до Сиэттла: Воспоминания министра колчаковского правительства, сына самарского городского головы. Самара, 2011.
243. Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин, 1922.
244. Ненюков Д.В. От мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920. М., 2014.
245. Никитин Б.В. Роковые годы: новые показания участника. М., 2007.
246. Николаев С.Н. Политика «Комуча» (Опыт характеристики) // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 103–164.
247. Никонов Ф.П. Главнейшие моменты организации Красной армии // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 48–74.

248. *Новобранец В.А.* «Я предупреждал о войне Сталина»: Записки военного разведчика. М., 2009.
249. *Нокс А.* Вместе с русской армией: Дневник военного атташе. 1914–1917. М., 2014.
250. *Носович А.Л.* Белый агент в Красной армии: Воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. М.; СПб., 2021.
251. *Олохова О.И.* Мы служили Отечеству: Воспоминания. СПб., 2012.
252. *Орехов В.* Кончина генерала Архангельского // *Часовой* (Брюссель). 1959. № 404. Декабрь. С. 3–4.
253. *Орлов Г.А.* Дневник добровольца: Хроника Гражданской войны. 1918–1921. М., 2019.
254. *Орлов Н.В.* Поход уральцев и его герои. По воспоминаниям одного из них // *Луч Азии* (Харбин). 1940. № 66–2. С. 5–9.
255. *Оськин Д.П.* Записки военкома. М., 1931.
256. От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957.
257. Очерк о генерале Слащеве, составленный в 1929 г. генералом П.И. Аверьяновым по воспоминаниям полковника В.Ф. Фролова и капитана А.А. фон Дрейера / публ. Л.И. Петрушевой // *Неизвестная Россия. XX век.* М., 1993. Т. 3. С. 85–107.
258. П.Н. Врангель: pro et contra. СПб., 2018.
259. *Павлов Б.* Первые четырнадцать лет. М., 1997.
260. *Палицын Ф.Ф.* Записки. Франция (1916–1921). М., 2014. Т. 2.
261. *Панов А.В.* В Полевом штабе РВСР // *Военно-исторический журнал.* 1962. № 7. С. 66–71.
262. *Парский Д.П.* Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте – апреле 1918 г. (Составлено по сохранившимся документам, заметкам и личным воспоминаниям) // *Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 г.* М., 1919. Вып. 2. С. 194–218.
263. Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н.А. Кузнецов, Д.А. Тимохина. М., 2018.
264. Переписка Лидии Федоровны Красновой с генерал-лейтенантом С.В. Денисовым: 1947–1949. Подольск, 2022.
265. Переписка по грузинскому вопросу // *Белый архив.* Париж, 1928. Кн. 2–3. С. 192–196.
266. *Пермикин Б.С.* Генерал, рожденный войной: Из записок 1912–1959 гг. М., 2011.
267. *Перхуров А.П.* Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990.
268. *Пестржецкий М.И.* Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011.
269. *Петин Н.Н.* Перелом // *Правда.* 1934. 19.11. № 318 (6204). С. 3.
270. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930.
271. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011.
272. *Пилкин В.К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005.
273. *Пинчук Л.Р.* Моим детям – вместо завещания. М., 1978.
274. Письма генерала А.И. Деникина. Ч. 1 (1922–1934) / публ. Н.Н. Рутыча и Н.М. Янова // *Грани* (Франкфурт-на-Майне). 1983. № 128. С. 31–133.

275. Письма с фронта полковника К.И. Рябцева 1914–1917 / публ. И.Л. Журавской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2016. Т. 22. С. 555–663.
276. Письмо в редакцию // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 14. С. 342.
277. Письмо генерала от инфантерии М.В. Алексева к генерал-лейтенанту М.К. Дидерихсу // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Кн. 1. С. 77–82.
278. «Пишу о том, что видела сама, о тех людях и впечатлениях, которые вынесла лично». А.М. Коллонтай в годы Гражданской войны. 1919 г. / публ. И.М. Дажиной // Исторический архив. 2010. № 3. С. 171–192.
279. *Подвойский Н.И.* Строительство Красной армии // Военно-исторический журнал. 1968. № 12. С. 68–77.
280. *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1.
281. *Половцов П.А.* Дни затмения. М., 1999.
282. *Поляков И.А.* Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007.
283. *Попов К.С.* Воспоминания кавказского гренадера 1914–1920. М., 2007.
284. *Потапов Н.М.* Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 61–68.
285. Потонувший мир Б.А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020.
286. *Пронин В.М.* Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Бубнов А.Д. В Ставке Верховного главнокомандующего. М., 2014. С. 257–317.
287. *Пугачева Л.Д.* Семен Андреевич Пугачев – военачальник и человек // Военно-исторический архив. 2007. № 11 (95). С. 95–118.
288. *Пучков Ф.А.* 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе // Капель и каптелевцы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 409–471.
289. *Раевский Н.А.* Русский гарнизон в Болгарии. Орхание – София – Прага. М., 2021.
290. *Раковский Г.Н.* В стане белых // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2004. Кн. 9: Донская Вандея. С. 179–400.
291. *Раковский Г.Н.* Конец белых: От Днепра до Босфора (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921.
292. *Реджи.* Антанта, немцы и русская Добровольческая армия в Прибалтике. М., 2015.
293. *Рерберг Ф.П.* Воспоминания о командовании 3-м гренадерским Перновским короля Фридриха Вильгельма IV полком. 1909–1912. М., 2019.
294. *Рерберг Ф.П.* Все в прошлом: Воспоминания. 1868–1910. М., 2018.
295. *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000.
296. *Розеншильд фон Паулин А.Н.* Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 2014.
297. *Рутыч-Рутченко Н.Н.* Среди земных тревог. Воспоминания. М., 2012.
298. *Рыхлинский В.А.* Плен и побег // Военная Быль (Париж). 1964. № 68. С. 37–43.
299. «С огнем и кровью пополам...» [Интервью с генералом Н.Г. Лященко] // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 22–28.
300. *Савинков Б.В.* Борьба с большевиками. Варшава, 1920.
301. *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993.
302. *Савченко И.Г.* В красном стане: Записки офицера; Зеленая Кубань: Из записок повстанца. М., 2016.

303. *Самойло А.А.* Две жизни. М., 1958.
304. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923.
305. *Свечин А.А.* Искусство вожделения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005.
306. *Свечин М.А.* Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.
307. *Свечников М.С.* Революция и Гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы: (Воспоминания и материалы). М.; Л., 1923.
308. *Селивачев В.И.* Дневники. Сентябрь 1916 г. – сентябрь 1917 г. / ред.-сост. О.Н. Хлестов. М., 2021.
309. *Селявкин А.И.* В трех войнах на броневиках и танках. Харьков, 1981.
310. *Семенов (Васильев) Г.* Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922.
311. *Семчевский К.В.* В академии Генерального штаба в 1918 году // Наши вести (Калифорния). 1978. № 371. Июль – август. С. 5–6.
312. *Сербин Ю.* О разведке. Из личных воспоминаний // Часовой (Брюссель). 1960. № 415. Декабрь. С. 11–12.
313. *Сергеев Б.* Память о Я.А. Слащеве-Крымском да живет вечно в родном полку // Финляндец. Осведомительный листок объединения Лейб-гвардии Финляндского полка. 1929. 30.07(12.08). № 9. С. 16–20.
314. *Сергиевский Б.Н.* Отречение 1917 // Кадетская переключка (Нью-Йорк). 1985. № 38. Март. С. 3–58.
315. *Сиверс А.М.* Дневник. 1916–1919 / сост. А.Б. Гуларян. М., 2019.
316. Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1958.
317. *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990.
318. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М., 2016.
319. *Скобельцын [В.С.], генерал-майор.* Последние дни Мурманского фронта // Новая Русская жизнь (Гельсингфорс). 1920. 01.04. № 75. С. 3.
320. *Скобцов Д.Е.* Три года революции и Гражданской войны на Кубани. М., 2015.
321. *Слащев-Крымский Я.А.* Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990.
322. *Слащев Я.А.* «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть I / публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2015. № 3 (14). С. 193–235.
323. *Слащев Я.А.* «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть II / публ. А.С. Пученкова // Новейшая история России (СПб.). 2016. № 1 (15). С. 226–256.
324. *Сливинская М.А.* Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 74–132.
325. *Смилга И.Т.* Военные очерки. М., 1923.
326. *Смирнов К.К.* Начало Северо-Западной армии // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Кн. 1. С. 109–158.
327. *Снесарев А.Е.* «Вся Россия – больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 37–48.
328. *Снесарев А.Е.* Дневник 1916–1917. М., 2014.
329. *Снесарев А.Е.* Москва – Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 2. С. 52–56; 1996. № 3. С. 42–51.
330. *Снесарев А.Е.* Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012.

331. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. / под ред. О.В. Будницкого. М., 2001. Т. 1: Август 1919 – сентябрь 1921.
332. Соколов Б.Ф. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 5–90.
333. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 1992. Кн. 8: Кубань и Добровольческая армия.
334. Солнцев-Засекин А. Побег генерала Корнилова из австрийского плена: Составлено по личным воспоминаниям, рассказам и запискам других участников побега и самого генерала Корнилова. М., 2014.
335. Соломон Г.А. Среди красных вождей (лично пережитое и виденное на советской службе). Ленин и его семья (Ульяновы). М., 2007.
336. Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Минск, 2004.
337. 40 лет Военной академии имени М.В. Фрунзе. М., 1958.
338. Софронов Г.П. Неподвластное времени. М., 1976.
339. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 г. Берлин, 1920.
340. Старинов И.Г. Записки диверсанта. М., 1997.
341. Степанов И. [Скворцов-Степанов И.И.] С Красной армией на панскую Польшу: Впечатления и наблюдения. М., 1920.
342. Столыпин А.А. Дневники 1919–1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917–1920 годов. М.; Брюссель, 2011.
343. Стратонов В.В. По волнам жизни. М., 2019. Т. 2.
344. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924.
345. Ткачев В.М. Крылья России: Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910–1917 гг. СПб., 2007.
346. Тодорский А.И. Размышляя над мемуарами // Литературная газета. 1962. 30.08. № 104 (4537). С. 2.
347. Трофимов П.М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года / под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2018.
348. Трофимов П.М. Из истории дроздовцев. Боевые действия Дроздовской стрелковой дивизии в Крымский период Гражданской войны (март – октябрь 1920 г.) / под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2022.
349. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001.
350. Троцкий Л.Д. Сталин. М., 1990. Т. 2.
351. Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд (1917–1919) // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 45–122.
352. Трубецкой С.Е. Минувшее // Князя Трубецкие. Россия воспрянет! М., 1996. С. 123–366.
353. Туник С.А. Белогвардеец: Воспоминания о моем прошлом. М., 2010.
354. 1918 год на Украине. М., 2001.
355. Тюленев И.В. Через три войны: Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М., 2007.
356. «Уже тоскую по Северу...»: Документы о последних годах жизни командующего 6-й армией А.А. Самойло / публ. А.В. Ганина // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2014. Вып. 1: От Великой войны к Гражданской войне в России. С. 99–125.

357. *Уильямсон Х.* Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М., 2007. С. 79.
358. *Ульрих В.В.* Из недавнего прошлого. Записки судебного работника // Суд идет! (Ленинград). 1926. № 20 (60). Октябрь. С. 1231–1236.
359. *Уральцев А.М.* В боях и в пороховом дыму рожденная // Симбирская губерния в 1918–1920 гг.: Сборник воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 247–261.
360. *Устинов С.М.* Записки начальника контрразведки. Белград, 1922.
361. *Федоров А.Ф.* Октябрьские зори. М., 1962.
362. *Федотов-Уайт Д.Н.* Пережитое. Война и революция в России. М., 2018.
363. *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж, 1985.
364. *Фокке Д.Г.* На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) // Архив русской революции. Берлин, 1930. Т. 20. С. 5–207.
365. *Фомин Ф.Т.* Записки старого чекиста. М., 1964.
366. *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания: в 4 т. М., 1999. Кн. 1.
367. *Цейтлин В.М.* Дневник 1914–1918 годов / под ред. А.В. Ганина. М., 2021.
368. *Чаплин Г.Е.* Два переворота на Севере // Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 45–73.
369. *Чеботарев Г.* Правда о России. М., 2007.
370. *Чебышев Н.Н.* Близкая даль // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 13: Константинополь – Галлиполи. С. 103–172.
371. *Чебышев Н.Н.* Около дела // Возрождение (Париж). 1930. 08.06. № 1832. С. 2.
372. *Черепанов А.И.* Поле ратное мое. М., 1984.
373. *Чернавин В.* Русский Генеральный штаб перед Мировой войной. От Палицына до Янушкевича // Меч (Варшава). 1937. 21.11. № 45 (181). С. 3.
374. *Чернов В.М.* Перед бурей: Воспоминания. Нью-Йорк, 1953.
375. *Черный Вл.* В подполье // Путь коммунизма. Краснодар, 1922. Кн. 3. С. 120–146.
376. *Черныш А.В.* На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918. М., 2014.
377. *Чечек С.* От Пензы до Урала (Доклад, сделанный в Обществе Участников Волжского Движения) // Воля России (Прага). 1928. № 8–9. С. 246–265.
378. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2.
379. *Шапошников Б.М.* Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1982.
380. *Шапрон дю Ларре А.Г.* Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году / публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1993. Кн. 4. С. 150–159.
381. *Шатилов П.Н.* Записки. Ростов-на-Дону, 2017. Т. 1–2.
382. *Шидловский С.Н.* Записки белого офицера. СПб., 2007.
383. *Шиловский Е.А.* О технической стороне управления армией в Гражданскую войну // Военная наука и революция: Военно-научный журнал (Москва). 1922. Кн. 2. С. 13–27.
384. *Шкуро А.Г.* Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004.
385. *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. М.; Л., 1925. Кн. 2: Март.
386. *Штейфон Б.А.* Бредовский поход // Белое дело: Избранные произведения: в 16 кн. М., 2003. Кн. 10: Бредовский поход. С. 5–84.

387. Штейфон Б.А. Генерал А.П. Кутепов // Генерал Кутепов. М., 2009. С. 9–226.
388. Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград, 1928.
389. Штейфон Б.А. Харьковский главный центр Добровольческой армии. 1918 г. / публ. А.В. Левченко // Исторический вестник (Москва). 2019. Т. 27. С. 16–229.
390. Шульгин В.В. 1919 год / под ред. А.А. Чемакина. М., 2018. Т. 2.
391. Щепихин С.А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 179.
392. Щепихин С.А. Сибирский Ледяной поход: Воспоминания / под ред. А.В. Ганина. М., 2020.
393. Щепихин С.А. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль – октябрь 1919 года) // Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: Воспоминания, документы и материалы / под ред. А.В. Ганина. М., 2022. С. 93–287.
394. Элк Э.В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918. М., 2014.
395. Энгельгардт Б.А. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды «Добровольческой армии» / публ. В.А. Авдеева // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 55–82.
396. Энгельгардт Б.А. Революция и контрреволюция // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. 8. С. 6–396.
397. Эфрон С.Я. Записки добровольца. М., 1998.
398. Янушкевич Н.Н. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич // Военно-исторический вестник (Париж). 1964. № 23. Май. С. 12–14.
399. Винниченко В.К. Відродження нації. Київ; Відень, 1920. Ч. 3.
400. Євтимович В. Оленько Сергієвич Остапура-Степовий (Астафьев), війська українського генеральний хорунжий // Літопис червоної калини (Львов). 1937. № 7–8. С. 32.
401. Євтимович В. Початки українського військового шкільництва в 1917–1918 р. // Літопис червоної калини (Львов). 1937. № 12. С. 8.
402. Левченко С. 8-й Катеринославський корпус // За державність: Матеріали до історії війська Українського. Варшава, 1938. 36. 9. С. 60–75.
403. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції. Київ, 2003.
404. Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917–1920) / упоряд. М.А. Ковальчук. Київ, 2007.
405. Оскілко В. Між двома світами. Рівне, 1924. Ч. 1.
406. Петлюра С.В. Статті, листи, документи. Київ, 1999. Т. 3.
407. Петлюра С.В. Статті. Листи. Документи. Київ, 2006. Т. 4.
408. Петрів В. Військово-історичні праці: Листи. Київ, 2004.
409. Петрів В. Військово-історичні праці: Спомини. Київ, 2002.
410. Скоропадський П.П. Спогади. Київ; Філадельфія, 1995.
411. Удовиченко О.І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. Київ, 1995.
412. Україна. 1919 рік. М. Капустянський «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році». Є. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Документи та матеріали. Київ, 2004.
413. Юнаків М.Л. Матеріали для мого життєпису // Тризуб (Париж). 1931. 30.08. С. 3–10.
414. A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918–1925: in 2 vols. Stanford, CA, 2002. Vol. 2.

415. *Bailey F.M.* Mission to Tashkent. N.Y., 2002.
416. *Benckendorff, count.* Half a Life. The Reminiscences of a Russian Gentleman. London, 1955.
417. *Dowbor Muśnicki J.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1935.
418. *Grondijs L.-H.* La guerre en Russie et en Sibérie. Paris, 1922.
419. *Knox A.* With the Russian Army 1914–1917. London, 1921.
420. *Malleson W.* The British Military Mission to Turkistan, 1918–1920. London, 1922.
421. *Morizet A.* Chez Lénine et Trotski. Moscou 1921. Paris, 1922.

Монографии, статьи, исследования

1. *Абинякин Р.М.* Белые генералы в Советской России: биографии забытые и неизвестные // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2013. № 21. С. 84.
2. *Абинякин Р.М.* Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 116–128.
3. *Абинякин Р.М.* Бывшие офицеры в военных комиссариатах Орловской губернии в 1919–1923 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3, ч. 1. С. 57–65.
4. *Абинякин Р.М.* Бывшие офицеры – заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 80–93.
5. *Абинякин Р.М.* «Временные правила об использовании бывших сухопутных офицеров из числа военнопленных и перебежчиков белых армий» как служебно-правовая основа их зачисления в РККА в 1920 г. // Современные аспекты гуманитарного знания. Воронеж, 2016. С. 3–8.
6. *Абинякин Р.М.* «За рюмкой водки мы коснулись ряда политических вопросов...»: Настроения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1920–1930-е гг. // Родина. 2015. № 9. С. 110–114.
7. *Абинякин Р.М.* Завершение Гражданской войны и приказы РВСР об особом учете бывших белых офицеров в Советской России 1920–1922 гг. // Гражданская война в России и Орловско-Кромское сражение 1919 года. Орел, 2010. С. 122–127.
8. *Абинякин Р.М.* Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 18–21.
9. *Абинякин Р.М.* К вопросу о правовых основах социального положения бывших офицеров в Советской России и СССР в 1918–1930-е гг. // Studia internationalia: Материалы VI Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (9–11 ноября 2017 года). Брянск, 2017. С. 162–167.
10. *Абинякин Р.М.* Настроения бывших офицеров на службе РККА в 1920–1930-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 4. С. 47–52.
11. *Абинякин Р.М.* Нормативные документы военного ведомства о службе бывших белых офицеров в РККА в 1920–1923 гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2010. № 2 (10). С. 101–107.
12. *Абинякин Р.М.* Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 139–147.

13. *Абинякин Р.М.* Особый учет бывших белых офицеров в Советской России и СССР в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3, ч. 1. С. 66–75.
14. *Абинякин Р.М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005.
15. *Абинякин Р.М.* Подготовка отмены особого учета бывших белых офицеров в 1925–1927 гг. // *Studia internationalia: Материалы V Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (29 июня – 1 июля 2016 года). Брянск, 2016. С. 191–195.
16. *Абинякин Р.М.* Смена главнокомандующих Вооруженными силами на Юге России в 1920 г.: проблема сочетания «добровольческих» и «регулярных» устоев // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 15–25.
17. *Абинякин Р.М.* Увольнение бывших офицеров из РККА в 1921–1934 гг. // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 91–103.
18. *Абинякин Р.М.* Увольнения бывших офицеров из РККА в 1921 г.: причины и тенденции // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: Сборник материалов Международной научной конференции. Мурманск, 2011. С. 238–240.
19. *Абисогомян Р.А.* К. Баиов – русский генерал на эстонской службе // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* XII. Тарту, 2011. С. 468–481.
20. *Абисогомян Р.* Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие: Магистер. дис. Тарту, 2007.
21. *Абраменко Л.М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005.
22. *Абрамов А.С.* У Кремлевской стены. М., 1978.
23. *Авдеев В.В.* Издательская деятельность Николаевской военной академии на территории «белой» Сибири // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2002. С. 98–100.
24. *Автократов В.Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877–1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 62–76.
25. *Агеев С.А.* Строительство аппарата военного управления Добровольческой армии и Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.) // Новый исторический вестник (Москва). 2014. № 4 (42). С. 89–113.
26. *Агеева Т.Г.* Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне: Документальный очерк. Волгоград, 2009.
27. *Агуреев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 года). М., 1961.
28. *Азовцев Н.Н.* В.И. Ленин и советская военная наука. М., 1981.
29. *Айрапетов О.Р.* Автор, время и события «Дневника» // Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 3–76.
30. *Айрапетов О.Р.* Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017.
31. *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003.
32. *Айрапетов О.Р.* Дело Мясоедова // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83.

33. *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998.
34. *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014.
35. *Айрапетов О.Р.* «На сопках Маньчжурии...»: Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 355–502.
36. *Айрапетов О.Р.* Рец. на кн.: У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009 // Русский сборник (Москва). 2010. Т. 9. С. 292–335.
37. *Айрапетов О.Р.* Русская армия на сопках Маньчжурии // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 64–82.
38. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. Т. 2: 1915 год. Апогей.
39. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2015. Т. 4: 1917 год. Распад.
40. *Айрапетян Г.А.* Легендарный Гай. М., 1965.
41. Академия Генерального штаба. М., 1987.
42. Академия Генерального штаба. 170 лет. М., 2002.
43. Академия имени М.В. Фрунзе. История военной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова академии / под ред. проф., генерала армии А.И. Радзиевского. М., 1973.
44. *Акулов М.Р., Петров В.П.* 16 ноября 1920. М., 1989.
45. *Александров К.М.* Драма военспецов // Родина. 2011. № 2. С. 34–38.
46. *Александров К.М.* Накануне Февраля: Русская императорская армия и Верховное командование зимой 1917 года. М., 2022.
47. *Александрович В.* К познанию характера Гражданской войны. Бунт в 5-м Северном стрелковом полку 20 июля 1919 года. Белград, 1926.
48. *Алексеев Д.Ю.* Боевые действия Русской народной добровольческой армии в ноябре 1920 г. // Военная история России XIX–XX веков: Материалы V Международной военно-исторической конференции. СПб., 2012. С. 253–279.
49. *Алексеев Д.Ю.* Западный театр военных действий в контексте Гражданской войны в России // Военная история России XIX–XX веков: Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2013. С. 323–337.
50. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М., 1998. Кн. 1–2.
51. *Алексеев М.* Военная разведка России. Первая мировая война. М., 2001. Кн. 3, ч. 1–2.
52. *Алексеев М.* Как создавалось ГРУ. Военная разведка в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // Секретное досье (Москва). 1998. № 2 (2). С. 42–48.
53. *Алпеев О.Е.* Деятельность организационно-мобилизационных органов Советской России по созданию РККА в годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Гражданская война в России (1918–1922 гг.). СПб., 2020. С. 273–292.
54. *Алпеев О.Е.* Документы стратегических военных игр Генерального штаба русской армии 1906–1914 гг.: источниковедческое исследование: дис. ... к. и. н. М., 2015.
55. *Амирханян Ш.М.* Из истории борьбы за советскую власть в Армении. Ереван, 1967.
56. Андрей Евгеньевич Снесарев: Жизнь и научная деятельность. М., 1973.
57. *Анищенков В.Р.* Создатели Красной армии. М., 2021.
58. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962.

59. Астахова М., Репников А. «Я думаю только об одном — о благе и величии Родины» // Россия XXI (Москва). 2012. № 2. С. 163–177.
60. «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015.
61. Аурилене Е.Е., Тужилин С.В. Заложники большой политики: Российские эмигранты в Маньчжоу-дго (1934–1945). М., 2023.
62. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003.
63. Ашин Г.К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985.
64. Ашин Г.К. Элитология. История, теория, современность. М., 2010.
65. Бабанков А.В. Руководство Штаба РККА 1921–1924 гг.: социокультурный анализ и политическая роль: дис. ... к. и. н. Орел, 2006.
66. Багдасарян А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854–1918). Омск, 2013.
67. Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003.
68. Базанов С.Н. Великая война: как погибала русская армия. М., 2014.
69. Баиов А.К. Генеральный штаб во время Гражданской войны // Часовой (Париж). 1932. 15.07. № 84. С. 3–5.
70. Бакланова И.С. К вопросу о военно-политической деятельности Л.Д. Троцкого в годы Гражданской войны: историографический очерк // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 18–24.
71. Бакланова И.С. К вопросу о полководческих талантах М.В. Фрунзе: по советской военно-исторической литературе 20-х гг. // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 191. С. 13–18.
72. Бакланова И.С. К вопросу об оценке генералом А.А. Свечиным советско-польской войны 1919–1920 годов // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2013. № 191. С. 129–131.
73. Бакланова И.С. Литература русского зарубежья о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 149–152.
74. Бакланова И.С. Литература русского зарубежья о строительстве Красной армии в годы Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2016. № 7. С. 51–57.
75. Бакланова И.С. Литература русского зарубежья о числе военных специалистов в Красной армии в годы Гражданской войны // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 138–140.
76. Бакланова И.С. О военном искусстве красных и белых в период Гражданской войны (историографический аспект) // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. Серия «История, философия, социология». 2006. № 101. С. 23–28.
77. Бакланова И.С. Проблемы советской военной стратегии в публикациях 1920-х годов // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 22–26.
78. Бандурин С.Г. История формирования руководящих кадров Пограничной службы России в XX веке (царская Россия, СССР, Российская Федерация): дис. ... д. и. н. М., 2010.
79. Басханов М.К. Генерал Лавр Корнилов. Лондон, 2000.

80. *Басханов М.К.* История изучения восточных языков в Русской императорской армии. СПб., 2018.
81. *Басханов М.К.* «У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане. 1899–1904. СПб., 2015.
82. *Басханов М.К., Колесников А.А.* Накануне Первой мировой: русская военная разведка на турецком направлении (документы, материалы, комментарии). Тула, 2014.
83. *Басюк И.А.* Генерал армии Д.Г. Павлов и трагедия июня 1941 г. // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 41–51.
84. *Батенин Э.С.* Генеральный штаб // Военная мысль (Ташкент). 1920. Кн. 1. Сентябрь. С. 63–80.
85. Бахурин Ю.А. «Вокзал для двоих»: К вопросу о «мукденской пощечине» Самсонова Ренненкампу // Рейтар (Москва). 2010. № 51. С. 144–153.
86. *Безбрежьев С.* Миссия генерала Ключева // Север (Петрозаводск). 1993. № 7. С. 119–131.
87. *Безотосный В.М.* Закаленные эпохой. Российский генералитет Александра I.М., 2015.
88. *Безотосный В.М.* Российский генералитет эпохи 1812 года: Опыт изучения коллективной биографии. М., 2018.
89. *Безугольный А.Ю.* Демократическая республика Грузия и ее вооруженные силы. 1918–1921 гг. // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 87–101.
90. *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии. 1918–1945: Историко-статистическое исследование. М., 2021.
91. *Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е.* История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М., 2012.
92. *Бей Е.В.* Военный министр генерал В.А. Сухомлинов: жизнь и деятельность. М., 2016.
93. *Бей Е.В.* Военный министр А.А. Поливанов – «генерал от политики»; *Поливанов А.А.* Десять месяцев во главе военного министерства (13 июня 1915 г. – 15 марта 1916 г.). М., 2020.
94. *Белоголовый Б.Г.* Один из нас. М., 2013. Кн. 1.
95. Белое движение: исторические портреты / сост. А.С. Кручинин. М., 2011.
96. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
97. *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958.
98. *Бобков А.С.* К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. Научно-просветительский журнал. URL: https://scepsis.net/library/id_2974.html (дата обращения: 29.01.2023).
99. *Богдалов У.* Генерал Клецинскас // Кузнецкий рабочий. 1966. 22.05. № 60 (10015). С. 4.
100. Боевой путь войск Туркестанского военного округа. М., 1959.
101. *Бондаренко В.В.* Белые. М., 2018.
102. *Бондаренко В.В.* Лавр Корнилов. М., 2016.
103. *Бондаренко В.В.* Легенды Белого дела. М., 2017.
104. *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006.
105. *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996.
106. *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб., 1999.
107. *Бринюк Н.Ю.* Владимир Каппель. Биография эпохи. СПб., 2019.
108. *Брошеван В.М.* «Белый» террор в Крыму 1918–1920 гг. Симферополь, б.г.
109. *Будаков В.В.* Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира. Воронеж, 2011.

110. Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008.
111. Будницкий О.В. Красные и белые. М., 2023.
112. Булдаков В.П. Красная смута. М., 2010.
113. Буравченков А.А. Демократическое офицерство в революционном движении армии и его роль в организации защиты Великого Октября (март 1917 г. – май 1918 г.): дис. ... д. и. н. Киев, 1988.
114. Буравченков А.А. Роль демократического офицерства в революции. Киев, 1990.
115. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.
116. Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). Хабаровск, 2009.
117. Бушин А.Ю. Академия Генерального штаба в Гражданской войне 1918–1922 гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сборник научных трудов. Уссурийск, 2001. С. 169–173.
118. В интересах Вооруженных сил. Служба военных сообщений. М., 1989.
119. Варзацкий В.Д. Борьба партии за привлечение демократического офицерства на сторону социалистической революции (февраль 1917 – февраль 1918 гг.): дис. ... к. и. н. Одесса, 1984.
120. Варламова Л.Н. Военное управление правительства Колчака: (попытки сохранения имперских традиций): дис. ... к. и. н. М., 1999.
121. Василевский А.М. Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной: Сборник. М., 1979. Вып. 2. С. 6–87.
122. Василенко Г.И. Ликвидация «Круга спасения Кубани» // Кубань (Краснодар). 1980. № 11. С. 83–96.
123. Васильев А.А. Владислав Андерс – герой Российской императорской армии // Старый Цейхгауз (Москва). 2010. № 1 (33). С. 77–80.
124. Васильев В.В. Вооруженные силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: дис. ... к. и. н. Саратов, 2007.
125. Васильев И.И., Зданович А.А. Анатомия одного конфликта. История о том, как реввоенсовет армии отрешал от должности «своего» начальника особого отдела // Гражданская война в России и на Русском Севере. Архангельск, 1999. С. 42–49.
126. Васильев М.В. История полковника В.К. Видякина // Псков. 2019. № 50. С. 181–190.
127. Васильченко М.А. Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в Гражданской войне: дис. ... к. и. н. Саратов, 2014.
128. Вебер М.И. «Шесть человек политических мною были расстреляны»: документы о расстреле заключенных в Татарске 19 ноября 1919 г. // Развитие территорий (Новосибирск). 2019. № 3 (17). С. 63–72.
129. Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008.
130. Венков А.В. Донская армия в борьбе с большевиками в 1919–1920 гг. М., 2014.
131. Веркеенко Г.П., Минаков С.Т. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. М., 1993.
132. Вестерлунд Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб., 2013.
133. Винокуров В.И. Рыцарь военной дипломатии граф А.А. Игнатьев. М., 2017.

134. *Витухновская-Кауппала М.А., Осипов А.Ю.* В пучине Гражданской войны: карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922. М.; СПб., 2021.
135. *Владимиров О.* Следить за настроениями правящих кругов. Советская военно-морская разведка в 1918 году // *Родина*. 2011. № 10. С. 15–17.
136. Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации в цифрах, фактах, документах, лицах. 190 лет. М., 2022.
137. Военная академия за пять лет / под ред. М.Л. Белоцкого, И.Г. Клочко, Е.А. Шиловского. М., 1923.
138. Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917–1990-е годы). М., 1999.
139. Военные контрразведчики. М., 1979.
140. Военные связисты в дни войны и мира. М., 1968.
141. *Войнаровский О.В.* Е.К. Миллер: военачальник и политик: историко-психологическое исследование военно-политических аспектов деятельности неординарной исторической персоналии (1914–1937 гг.). СПб., 2006.
142. *Войнов В.М.* Николаевская академия Генерального штаба в Екатеринбурге // *Уральская старина* (Екатеринбург). 1994. Вып. 1. С. 9–17.
143. *Войтиков С.С.* Армия и власть: Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016.
144. *Войтиков С.С.* Высшие кадры Красной армии. 1917–1921 гг. М., 2010.
145. *Войтиков С.С.* Генштабисты 1917 года на защите революции // *Военно-исторический архив*. 2011. № 11 (143). С. 83–86.
146. *Войтиков С.С.* Документы Михаила Тухачевского // *Военно-исторический архив*. 2009. № 11 (119). С. 51–62.
147. *Войтиков С.С.* Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917–1921. М., 2010 (2-е изд.: Советские спецслужбы и Красная армия. 1917–1921 гг. М., 2017).
148. *Войтиков С.С.* Советские военная разведка и военная контрразведка в 1918–1921 гг.: из истории становления центральных органов // *История российской государственности: Доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина*. М., 2021. С. 337–342.
149. *Войтиков С.С.* Справочник о российских генштабистах на службе в Красной армии // *История повседневности* (СПб.). 2018. № 2 (7). С. 139–144.
150. *Войтиков С.С.* Троцкий и заговор в Красной Ставке. М., 2009 (2-е изд.: Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937. М., 2016).
151. *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого: Красные вожжи в годы Гражданской войны. М., 2016.
152. *Войтиков С.С., Кикнадзе В.Г.* Большевики против военспецов-разведчиков, или «Филиал белогвардейских разведок» в деле Г.И. Теодори. 1918–1921 гг. // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 1. С. 30–36.
153. *Войтиков С.С., Ратьковский И.С.* Массовый красный террор осенью 1918 г.: взгляд старых большевиков // *Russian Colonial Studies* (СПб.). 2020. № 2 (6). С. 52–64.
154. *Волков Е.В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001.
155. *Волков Е.В.* Под знаменем белого адмирала: Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005.
156. *Волков Е.В.* Офицеры Генерального штаба на службе в войсках А.В. Колчака в период Гражданской войны // *Уржумка* (Челябинск). 2002. № 1. С. 62–71.

157. Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999.
158. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999.
159. Волков С.В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института (Москва). 2011. Вып. 1 (38). С. 111–117.
160. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
161. Волков С.В. Северный край в судьбах русского офицерства // Вестник Университета Дмитрия Пожарского (Москва). 2016. № 1 (3). С. 30–37.
162. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.
163. Волков С.В. Элитные группы в «массовом обществе». М., 2021.
164. Волков С.В. Элитные группы традиционных обществ. М., 2017.
165. Волков С.В. Элитные социальные группы и государственная служба в России. М., 2021.
166. Володихин Д.М. Полководцы Московского царства. М., 2020.
167. Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. СПб., 2011.
168. Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). М., 2014. Т. 2.
169. Воронцов А. В дни смятения и распада // Московский журнал. 1996. № 2. С. 50–51.
170. Гаврилов А.В. Неизвестная история. Служба военных сообщений белой армии в годы Гражданской войны. Саратов, 2021.
171. Гагкуев Р.Г. Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий (1917–1922 гг.): дис. ... д. и. н. М., 2013.
172. Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012.
173. Гагкуев Р.Г. Бердичевские узники: арест генерала А.И. Деникина и офицеров штаба Юго-Западного фронта в дни Корниловского выступления (август – сентябрь 1917 г.) // Новейшая история России (СПб.). 2019. Т. 9, № 2. С. 312–339.
174. Гагкуев Р.Г. Охота на охотников. Вербовочные центры Добровольческой армии // Родина. 2008. № 3. С. 33–36.
175. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
176. Галкина Ю.М. К вопросу о французском следе в «деле Локкарта»: кто такой Анри Вертамон? // Клио (СПб.). 2018. № 3. С. 176–186.
177. Ганин А.В. Адмирал А.В. Колчак и партия социалистов-революционеров: военно-политическое противоборство в ноябре – декабре 1918 г. // Военный комментатор. Военно-исторический альманах (Екатеринбург). 2009. № 1 (8). С. 21–37.
178. Ганин А.В. Американская история полковника Чубакова // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2017. Т. 13, № 1. С. 95–117.
179. Ганин А.В. Аресты членов Особого совещания при главнокомандующем в документах Московского политического Красного Креста // Военно-исторический журнал. 2018. № 3. С. 64–71.
180. Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста (Москва). 2014. № 2 (126). С. 260–272; № 3 (127). С. 261–291.
181. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006.
182. Ганин А.В. «Белая гвардия» по Булгакову и по Махрову // Родина. 2018. № 12. С. 116–119.

183. Ганин А.В. Белый агент при Сталине. Жизнь и борьба генерала Носовича. М., 2022.
184. Ганин А.В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021.
185. Ганин А.В. Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 450–467.
186. Ганин А.В. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах (Москва). 2005. № 8. С. 193–207.
187. Ганин А.В. Бывший начальник штаба генерала П.Н. Врангеля П.С. Махров о походе Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 г. // Славянский альманах. М., 2020. Вып. 1–2. С. 461–471.
188. Ганин А.В. «Быть коммунистом с 1919 года – это слишком поздно». Четыре мифа о первом большевистском нациве Михаиле Свечникове // Родина. 2019. № 6. С. 117–121.
189. Ганин А.В. «В настоящее время вообще дружить с кем бы то ни было рискованно»: Военспецы Киевской объединенной школы командиров РККА имени С.С. Каменева под надзором органов госбезопасности в 1924–1926 гг. // Славянский альманах. М., 2019. Вып. 1–2. С. 134–155.
190. Ганин А.В. В треугольнике Ленин – Троцкий – Сталин: Новые исследования о «деле» Полевого штаба // Русский сборник (Москва). 2010. Т. 9. С. 336–378.
191. Ганин А.В. Вертикаль штабс-капитана Безобразова // Родина. 2020. № 8. С. 127–130.
192. Ганин А.В. Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа (1918–1919 гг.): история и деятельность // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2018. № 4. С. 27–54.
193. Ганин А.В. Военспецы: Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022.
194. Ганин А.В. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: опыт историко-психологического исследования // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 152–196.
195. Ганин А.В. «Все пережитое за период командования армией... подействовало на мое здоровье»: Генерал В.И. Селивачев и дело генерала Л.Г. Корнилова. Август – сентябрь 1917 г. // Селивачев В.И. Дневники. Сентябрь 1916 г. – сентябрь 1917 г. / ред.-сост. О.Н. Хлестов. М., 2021. С. 711–743.
196. Ганин А.В. «Всей душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого...»: Неизвестное письмо генерала С.Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому // Родина. 2016. № 12. С. 107–109.
197. Ганин А.В. II Оренбургский казачий корпус (февраль – апрель 1919 г.): особенности формирования и участие в боевых действиях // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки: Материалы научной конференции в Челябинске 19–20 апреля 2002. М., 2003. С. 80–85.
198. Ганин А.В. Выбор Маршала Победы. Почему Борис Шапошников пошел за красными и какую цену за это заплатил // Родина. 2016. № 11. С. 37–41
199. Ганин А.В. Выпускники Николаевской военной академии в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: статистический обзор // Историческая информатика (Барнаул). 2016. № 1–2. С. 33–58.
200. Ганин А.В. Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // Родина. 2011. № 10. С. 124–127.

201. Ганин А.В. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74.
202. Ганин А.В. Генштаб, которого не было (рец. на кн.: Дашкуев М.Д. «Побеждает тот, кто умеет лучше думать». М.: Кучково поле, 2007) // Родина. 2007. № 8. С. 76–77.
203. Ганин А.В. Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: Сборник докладов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 208–264.
204. Ганин А.В. Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государства! // Родина. 2017. № 2. С. 49–53.
205. Ганин А.В. Д.Н. Тихобразов. «Ближайшей целью моей было избавиться от служения украинскому сепаратизму»: Воспоминания о событиях на Украине в конце 1918 – начале 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2022. Т. 17, № 1–2. С. 142–159.
206. Ганин А.В. Дело генштабиста Трофимова // Клио (СПб.). 2011. № 9 (60). С. 95–98.
207. Ганин А.В. Дело о «природном “езуитстве” ляхов». Лев Троцкий против полонофобии военспецов // Славянский альманах. М., 2017. Вып. 1–2. С. 121–143.
208. Ганин А.В. «За мою служебную практику такое свинское отношение было мною встречено впервые»: Окончание письма командующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А.И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2020. № 1 (13). С. 18.
209. Ганин А.В. За что расстреляли ординарца Скобелева? Гибель полковника Кашубы на Архангельском Севере // Родина. 2011. № 1. С. 116–120.
210. Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.
211. Ганин А.В. Знак Николаевской академии Генерального штаба на форме Красной армии // Старый Цейхгауз (Москва). 2013. № 3 (53). С. 40–43.
212. Ганин А.В. «Знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки...»: Лагерная судьба комкора С.А. Пугачева в письмах его товарища // Русский сборник (Москва). 2018. Т. 25. С. 149–172.
213. Ганин А.В. «Идея большевизма обгоняет красную украинскую армию»: Донесение белого разведчика о состоянии украинских советских войск. 1919 год // Славянский альманах. М., 2019. Вып. 1–2. С. 484–492.
214. Ганин А.В. «Измена и предательство повлечет арест семьи...»: Заложничество семей военспецов – реальность или миф? // Родина. 2010. № 6. С. 70–75.
215. Ганин А.В. Измена командармов: Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.
216. Ганин А.В. Инерционный период // Россия в Первой мировой войне 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. М., 2014. Т. 1: А–Й. С. 804.
217. Ганин А.В. Как становятся антибольшевиками? Генерал Е.К. Миллер и революционная армия в 1917 году // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск, 2014. С. 121–132.
218. Ганин А.В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки»: Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. М., 2022. Вып. 3–4. С. 403–429.

219. Ганин А.В. Михаил Антонович Дорман: генерал и его «дело» // Новый исторический вестник (Москва). 2012. № 2 (32). С. 84–100.
220. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013.
221. Ганин А.В. На гетманской Украине летом – осенью 1918 г.: из воспоминаний генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. М., 2021. Вып. 1–2. С. 477–507.
222. Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008.
223. Ганин А.В. «Наша военная организация... продолжает считать Вас своим вождем»: Письмо и рапорт генералу М.В. Алексееву о белом подполье в Казани и Царицыне. 1918 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2019. Т. 4, № 4. С. 75–81.
224. Ганин А.В. «Не могу утверждать, что это был определенный контрреволюционный заговор»: Следственные материалы по делу сторонников генерала Л.Г. Корнилова на Юго-Западном фронте // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 22–30.
225. Ганин А.В. Недоучились «Военному делу» настоящим образом... // Родина. 2023. № 1. С. 110–113.
226. Ганин А.В. «Незалежные» генштабисты // Родина. 2009. № 8. С. 116–120.
227. Ганин А.В. Несостоявшееся назначение генерала А.И. Андогского // История белой Сибири: Сборник научных трудов / под ред. С.П. Звягина. Кемерово, 2011. С. 138–144.
228. Ганин А.В. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио (СПб.). 2012. № 10. С. 27–36.
229. Ганин А.В. Новые документы об аресте семьи генерала Н.Н. Стогова в 1919 г. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. Т. 7, № 4. С. 9–13.
230. Ганин А.В. О книге В.В. Каминского «Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии» // Русский сборник (Москва). 2012. Т. 11. С. 514–536.
231. Ганин А.В. О роли офицеров Генерального штаба в Гражданской войне // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 98–111.
232. Ганин А.В. Общество русских офицеров Генерального штаба в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Руска дијаспора и словенски свет: Сборник радова = Русское зарубежье и славянский мир: Сборник трудов. Београд, 2013. С. 107–116.
233. Ганин А.В. «Опрошенный, спустившийся на аэроплане...»: Документы генерал-майора ВВС Михаила Строева (Рихтера) // Родина. 2012. № 12. С. 118–121; 2013. № 1. С. 129–133.
234. Ганин А.В. От военпреда товарища Сытина. Советская военная разведка в Грузии о Белом Крыме // Родина. 2014. № 5. С. 132–135.
235. Ганин А.В. От редакции // Родина. 2011. № 2. С. 41.
236. Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2018 (переизд.: М., 2021).
237. Ганин А.В. П.С. Махров. Гражданская война на Украине // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2020. Т. 15, № 1–2. С. 108–137.
238. Ганин А.В. «Петлюровская армия... представляется достаточно боеспособной»: Украина 1919 года глазами деникинских генштабистов // Славяноведение. 2015. № 5. С. 98–115.

239. Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016 (2-е изд.: М., 2017).
240. Ганин А.В. Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник (Москва). 2015. Т. 18. С. 488–561.
241. Ганин А.В. «После 20-дневного допроса я был отправлен в камеру...»: Незаконные методы дознания в деле «Весна» 1930–1931 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 26–27 апреля 2021 г.). М., 2021. С. 45–55.
242. Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012.
243. Ганин А.В. Последний генштабист. К 90-летию советско-польской войны // Родина. 2010. № 8. С. 82–86.
244. Ганин А.В. При немцах и гетмане: Украина 1918 г. глазами генерала П.С. Махрова // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 2 (21). С. 160–205.
245. Ганин А.В. «Признаки “Запорожской сечи” почти исчезли...»: Обследование и чистка Военной академии РККА в 1922 г. // История. Научное обозрение. Ostkraft (Москва). 2019. № 1 (7). С. 5–45.
246. Ганин А.В. Проблема переходов «лиц Генерального штаба» РККА на сторону противника в годы Гражданской войны // 1918 год в судьбах России и мира: развертывание широкомасштабной Гражданской войны и международной интервенции: Сборник материалов Международной научной конференции. Архангельск, 2008. С. 160–171.
247. Ганин А.В. Проект почетного мундира и нагрудного знака украинского Генерального штаба // Старый Цейхгауз (Москва). 2011. № 2–3 (40–41). С. 104–107.
248. Ганин А.В. Проигранный поединок Куприна // Родина. 2017. № 4. С. 45–48.
249. Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022.
250. Ганин А.В. «Работа Екатеринославского центра особенно выделилась своею успешностью»: История Екатеринославского центра Добровольческой армии 1918–1919 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 4 (15). С. 8–47.
251. Ганин А.В. Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск). 2016. № 4 (21). С. 98–123.
252. Ганин А.В. Раскол Генерального штаба // Дилетант. 2012. № 5. Май. С. 12–15.
253. Ганин А.В. Расстрелянные на всякий случай // Родина. 2023. № 8. С. 114–117.
254. Ганин А.В. Российская Военная академия в Болгарии в 1921–1922 гг.: история нереализованного проекта // Русский сборник (Москва). 2018. Т. 26. С. 722–766.
255. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны: Противостояние командных кадров: 1917–1922 гг. М., 2019.
256. Ганин А.В. С кем был Генеральный штаб во время Гражданской войны в России 1917–1922 гг.? // Военно-исторический журнал. 2017. № 3. С. 4–14.
257. Ганин А.В. Саквояж генерала А.М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143.

258. Ганин А.В. Сам Савинков вышел на связь... Как деникинский генерал Борис Казанович организовывал белое подполье в Москве // Родина. 2018. № 8. С. 119–122.
259. Ганин А.В. Свои среди чужих, чужие среди своих // Родина. 2015. № 8. С. 48–53.
260. Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018.
261. Ганин А.В. «Смоленск продиктует свою роль Москве». Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР // Родина. 2013. № 4. С. 88–90.
262. Ганин А.В. Смоленский дневник Снесарева // Родина. 2013. № 9. С. 115–119.
263. Ганин А.В. События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова // Славянский альманах. М., 2018. Вып. 1–2. С. 144–156.
264. Ганин А.В. Советская военная разведка в Грузии в 1920–1921 годах. Миссия Павла Сытина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. Апрель. С. 207–251.
265. Ганин А.В. «Спирт в разведке был необходим...» (злоупотребления разведчиков советского Западного фронта в 1919 г.) // Военная история России XIX–XX веков: Материалы XI Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2018 г.: Сборник научных статей. СПб., 2018. С. 466–476.
266. Ганин А.В. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам»: Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (06). С. 310–315.
267. Ганин А.В. Странная история доктора Грицкевича. Новые фальсификации Гражданской войны // Родина. 2011. № 6. С. 104–105.
268. Ганин А.В. «Считаю Павлуновского человеком психически неустойчивым...»: Лев Троцкий против Особого отдела ВЧК // Родина. 2015. № 9. С. 106–109.
269. Ганин А.В. Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов // Родина. 2007. № 12. С. 41–47.
270. Ганин А.В. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило»: Неизвестное письмо полковника В.В. Добрынина генерал-лейтенанту А.К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Документы и материалы. М.; СПб., 2016. С. 54–75.
271. Ганин А.В. «У нас в сущности еще регулярной армии нет...»: Письмо командующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А.И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии (Москва). 2019. Т. 14, № 1–2. С. 245–264.
272. Ганин А.В. Финал галицийских генералов. Судьбы генералов Украинской галицийской армии И.-Н. Микитки и Г.-Ф. Цирица // Славянский альманах 2013. М., 2014. С. 529–545.
273. Ганин А.В. «Фронт представлял из себя взбаламученное море солдатской массы...»: Воспоминания генерала П.С. Махрова о Юго-Западном фронте в сентябре – декабре 1917 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 2 (29). С. 142–232.
274. Ганин А.В.хлопоты наркомвоенмора Л.Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М.М. Загю и С.М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста (Москва). 2012. № 4. С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

275. Ганин А.В. Хранитель «славной Южной школы». Полковник А.С. Карпенко и судьба Елисаветградского кавалерийского училища в период Гражданской войны на Украине // Славянский альманах. М., 2017. Вып. 3–4. С. 213–225.
276. Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.
277. Ганин А.В. Шестой побег генерала Зайцева // Родина. 2005. № 3. С. 28–32.
278. Ганин А.В. «Штаб разделился на два враждебных лагеря...»: Дело об «измене» в штабе Северного фронта // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 28–31.
279. Ганин А.В. «Я готов вам дать удовлетворение оружием...»: Несостоявшийся поединок писателя А.И. Куприна и сына генерала В.Н. Клембовского в 1920 г.: опыт микроисторического исследования // Новое прошлое (Ростов-на-Дону). 2017. № 2. С. 63–76.
280. Ганин А.В. «Я имел одну вину – службу у белых...»: Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В.И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А.С. Кручинина. М., 2018. С. 219–352.
281. Ганин А.В. «Я имел счастье впервые видеть государя...»: Неизвестное письмо прославленного советского военачальника Августа Корка о встрече с императором Николаем II // Родина. 2017. № 10. С. 124–125.
282. Ганин А.В. «Я подвергаюсь непрерывной и систематической травле...»: Бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич в борьбе за квадратные сажени // Родина. 2016. № 11. С. 126–130.
283. Ганин А.В., Гущин Ф.А. Гибель генерала Слащева: расплата за окаянные годы // Родина. 2022. № 9. С. 112–115.
284. Ганин А.В., Новиков П.А., Хипхенов Г.И. «Я с броневиком иду в наступление...»: Походные заметки русского офицера Чехословацкого корпуса подполковника Б.Ф. Ушакова. Январь – июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4 (23). С. 226–267.
285. Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М., 2006.
286. Геллер Ю. Комбриг М.С. Свечников // Военно-исторический журнал. 1967. № 7. С. 102–105.
287. Генис В.Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921: Документальная хроника. М., 2000.
288. Геронимус А.А. Разгром Юденича. М.; Л., 1929.
289. Гефнер О.В. У истоков сибирской геодезической науки: Никифор Демьянович Павлов (1867–1929) // Вестник Омского университета. 2014. № 2. С. 203–205.
290. Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.
291. Глушков В.В. Николай Дмитриевич Артамонов – военный геодезист и картограф. М., 2007.
292. Глущенко Е.А. Герои империи: Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001.
293. Гоков О.А. Офицеры российского Генштаба в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 142–149.
294. Гоков О.А., Фалько С.А. Жизненный путь офицера Генерального штаба: Николай Яковлевич Шнеур на службе России (1848–1894) // Русский сборник (Москва). 2016. Т. 19. С. 280–329.

295. *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993.
296. *Голдин В.И.* Лихолетье: Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.
297. *Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.
298. *Голдин В.И.* Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август – декабрь 1918 г. Архангельск, 2021.
299. *Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны. Архангельск, 2005.
300. *Голдин В.И., Тетеревлева Т.П., Цветнов Н.Н.* Русская эмиграция в Норвегии. 1918–1940 // Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 103–124.
301. *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1.
302. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001.
303. *Головин Н.Н.* Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926.
304. *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М., 2011. Т. 1.
305. *Головин С.А.* Членство в РКП(б) – ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43.
306. *Гордеев Ю.Н.* Генерал Деникин. М., 1993.
307. *Горелик Я.М.* Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. М., 1961.
308. *Городецкий Е.Н.* О записках Н.М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 58–61.
309. *Горохов В.В., Мильбах В.С., Саберов Ф.К., Чураков Д.Р.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Черноморский флот. СПб., 2017.
310. *Горчаков А.Г.* История семьи Горчаковых. Рига, 2014.
311. Гражданская война в СССР: в 2 т. М., 1980. Т. 1; 1986. Т. 2.
312. Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год. СПб., 2012.
313. Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии.
314. *Гребенкин И.Н.* Добровольческая армия в «Ледяном» походе. М., 2022.
315. *Гребенкин И.Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010 (2-е изд.: Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М., 2015).
316. *Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. М., 2021.
317. *Грезин И.И.* Храм-Памятник в Брюсселе: Список мемориальных досок. СПб., 1999.
318. *Григорьев А.А.* Государственная и военная деятельность генерала от инфантерии А.А. Поливанова (1874–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2021.
319. *Григорьев Е.М.* Новые источники по истории Народной армии Комуча (по материалам РГАСПИ) // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию создания РККА: «Рабоче-крестьянская Красная армия, Вооруженные Силы СССР, Вооруженные Силы Российской Федерации – преемственность боевых традиций». М., 2018. С. 113–120.
320. *Григорян А.М., Мильбах В.С., Чернавский А.Н.* Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Ленинградский военный округ. СПб., 2013.

321. *Гриняев С.Н.* Размышления об А.Е. Снесареве и книги о нем // Геополитика и безопасность (СПб.). 2016. № 3–4 (35–36). С. 71–76.
322. *Гуженков А.М.* Штаб РККА 1924–1931 гг. Социокультурный состав руководства и политическая роль: дис. ... к. и. н. Орел, 2006.
323. *Гунгер Ю.В.* Вехи жизни генерал-лейтенанта П.А. Половцова. Сентябрь 1917 – апрель 1918 гг. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2022. № 29. С. 98–108.
324. *Густерин П.В.* Восточный факультет Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 32–37.
325. *Гущин Ф.А.* Жертвы стальных гроз. Пленные и погибшие генералы Российской императорской армии. 1914–1917. М., 2020.
326. *Гущин Ф.А., Жебровский С.С.* Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. М., 2010.
327. *Дайнес В.О.* Организация и методы работы Полевого штаба Реввоенсовета Республики // Военно-исторический журнал. 1984. № 5. С. 83–87.
328. *Дайнес В.О.* Штрафбаты и заградотряды Красной армии. М., 2010.
329. *Дамье В.В.* Русский генерал и китайские радикалы // Россия и современный мир (Москва). 2018. № 3 (100). С. 30–51.
330. *Даниленко И.С.* О судьбе рукописи и ее автора // Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица. М.; Жуковский, 2007. С. 10–32.
331. *Дарабади П.Г. оглы.* О вооруженных силах Азербайджанской демократической республики (1918–1920 гг.) // Известия Академии наук Азербайджана (Баку). Серия «История, философия и право». 1991. № 1. С. 27–34.
332. Два года Красной академии Генерального штаба (1918 – сентябрь 1920 г.). М., 1921.
333. *Деревянко И.В.* Мозг армии (Корпус офицеров Генерального штаба к началу XX столетия) // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 79–80.
334. *Дерябин А.И.* Белая армия на Севере России. 1918–1920 гг. М., 2002.
335. Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 года. М., 1921.
336. Добровольцы. М., 2022.
337. *Дойков Ю.В.* Красный террор на Севере. Архангельск, 1993. Вып. 1.
338. *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк 1879–1921. М., 2006.
339. Долг и судьба: Первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев. Волгоград, 2006.
340. *Домнин И.В.* Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания. М., 2000. С. 489–513.
341. *Дробязко С.И.* Эвакуация войск ВСЮР с кавказского побережья (январь – май 1920 г.) // Донские казаки в борьбе с большевиками. Альманах (станция Еланская). 2010. № 4. С. 20–52.
342. Дроздовский и дроздовцы. М., 2006.
343. *Дубинин Д.В.* Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2010.
344. *Дудник В., Смирнов Д.* Вся жизнь – науке // Военно-исторический журнал. 1965. № 2. С. 47–57.
345. *Думби Ю.Ф.* Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... к. и. н. М., 2000.

346. *Дуров В.А., Стрекалов Н.Н.* Орден Красного Знамени. История учреждения награды и эволюция орденского знака. М., 2006.
347. *Дусин А.В.* Деятельность Высшего военного редакционного совета по выпуску переводных военных изданий в 1921–1926 гг. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела (Москва). 2010. № 2. С. 112–119.
348. *Дусин А.В.* Переводческая деятельность «военспецов» в Красной армии в 1920–1939-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2010. Т. 9. С. 269–272.
349. *Дусин А.В.* Переводная военная книга в России (1918–1941 гг.): дис. ... к. и. н. Новосибирск, 2012.
350. *Егоров Н., Жебровский С.* «Ни пяди земли, даже для погребения, не имею...»: Судьбы георгиевских кавалеров Первой мировой // Родина. 2014. № 8. С. 76–79.
351. *Екабсонс Э.* Латвия, Литва и Эстония в 1918–1940 гг.: сходства и различия // Латвия и латыши. Рига, 2019. Т. 2. С. 598–634.
352. *Екабсонс Э.* Укрепление латвийской государственности: военные события (1918–1920 гг.) // Латвия и латыши. Рига, 2019. Т. 2. С. 473–507.
353. *Елизаров М., Елизарова О.* «Дело Дыбенко» // Морской сборник (Москва). 2008. № 9. С. 77–79.
354. *Емелин А.* О книге С.В. Волкова «Офицеры флота и морского ведомства» // Генеалогический вестник (СПб.). 2006. Вып. 24. С. 58–65.
355. *Ермолин Е.А.* Идеология Ярославского восстания // Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998. С. 37–44.
356. *Ефимов Н.А.* Командный состав Красной армии // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 91–109.
357. *Жаворонков Г., Парийский В.* В немиловидный впадный // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 154–162.
358. *Жарков В.В.* Реформирование Красной армии в 1920-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 192–202.
359. *Жук Ю.А.* Вопросительные знаки в «Царском деле». СПб., 2013.
360. *Журавлев В.В., Симонов Д.Г.* О наградной системе антибольшевистских режимов Востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика. Новосибирск, 2014. С. 178–213.
361. *Журавская И.Л.* Полковник К.И. Рябцев. Страницы биографии // Отечественная история. 1998. № 4. С. 66–74.
362. *Загоруйко М.В.* Российское офицерство в 1917 году (февраль – октябрь): автореф. дис. ... к. и. н. М., 2012.
363. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002.
364. *Зайончковский В.А.* Оперативные документы Гражданской войны как исторический источник // Военно-исторический архив. 2011. № 11 (143). С. 53–70.
365. *Зайончковский П.А.* Высшее военное управление. Император и царствующий дом // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 70–98.
366. *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 33–42.

367. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973.
368. *Зайцов А. А.* Где был наш Генеральный штаб во время Гражданской войны // Русский инвалид (Париж). 1932. 07.03. № 36. С. 6–7; 22.03. № 37. С. 5–6.
369. *Зайцов А. А.* 1918 год: Очерки по истории русской Гражданской войны. Б.м., 1934.
370. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008.
371. *Захаров А. М.* «Двоюродные братья»: славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб., 2020.
372. *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005.
373. *Захаров М. В.* Ученый и воин: (О Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове). 2-е изд. М., 1978.
374. *Заяц Н. А.* Необходимость контррецензии // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Архангельск, 2021. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. С. 131–141.
375. *Заяц Н. А., Бобков А. С.* Запах гнилых яблок и свежего сена. Химическое оружие в Гражданскую войну // Родина. 2013. № 5. С. 96–99.
376. *Звонарев К. К.* Агентурная разведка: в 2 кн. М., 2003.
377. *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001.
378. *Зданович А. А.* Как Л. Д. Троцкий и Реввоенсовет Республики «потеряли» контрразведку // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 65–73; № 5. С. 75–82.
379. *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.
380. *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004.
381. *Зданович А. А.* Польский крест советской контрразведки: Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938. М., 2017.
382. *Зданович А. А.* «Синдикат-4». ОГПУ против монархистов-кирилловцев // Родина. 2007. № 12. С. 32–39.
383. *Зданович А. А.* «Теплая компания» «красного Бонапарта». Был ли заговор военных в 1923 году? // Родина. 2008. № 12. С. 43–47.
384. *Зими́на В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006.
385. *Зиновьев Н. Н., Конев В. Н.* Красные авиаторы на фронтах Гражданской войны. 1918–1920. М., 2017.
386. *Зирин С. Г.* Голгофа Северо-Западной армии 1919–1920 гг. СПб., 2011.
387. *Зирин С. Г.* «Русский патриот до глубины души»: Генрих Иванович Гроссен // Михайлов день 2-й. Журнал исторической России. СПб., 2010. С. 341–350.
388. *Зорихин А. Г.* Военная разведка Японии против России. Противостояние спецслужб на Дальнем Востоке. 1874–1922. М., 2023.
389. *Зув В. Н.* Генерал А. Г. Лигнау: страницы жизни // История белой Сибири: Тезисы 3-й научной конференции. Кемерово, 1999. С. 61–64.
390. *Иванов А. А.* «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С. 105.

391. Из истории создания Рабоче-Крестьянской Красной армии / публ. Н. Д. Егорова, А. В. Крушельницкого, М. А. Молодцыгина, В. М. Михалевой // Военно-исторический журнал. 1988. № 2. С. 38–47.
392. Измозик В. С., Лебина Н. Б. Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве: 1920–1930-е годы: социально-архитектурное микроисторическое исследование. СПб., 2016.
393. Изонов В. В. Подготовка военных кадров в России (XIX – начало XX вв.): дис. ... д. и. н. СПб., 1998.
394. Изонов В. В. Страницы истории офицерских школ русской армии: проблемы, факты, люди. М., 2017.
395. Иконников-Галицкий А. Три цвета знамени: генералы и комиссары. 1914–1921. М., 2014.
396. Илльяшевич В. Н. Ревельский тракт. Истории о русской Прибалтике. Таллин, 2001.
397. Иовлев А. М., Воропаев Д. А. Борьба Коммунистической партии за создание военных кадров (1918–1941 гг.). М., 1956.
398. Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.
399. Иоффе Г. З. Керенщина и черемисовщина // Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 272–281.
400. Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
401. Ипполитов Г. М. Деникин. М., 2000.
402. Ипполитов Г. М. Кто Вы, генерал А. И. Деникин? Самара, 1999.
403. Исаев А. В. Краткий курс истории ВОВ: Наступление маршала Шапошникова. М., 2005.
404. Исаев В. И. Забытый герой мировой пролетарской революции. Штрихи к биографии красного командира В. Р. Розе // Личность, общество и власть в истории России: Сборник научных статей, посвященный 70-летию д. и. н., проф. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 362–382.
405. История военной стратегии России. М., 2000.
406. История зарождения, становления и развития организационно-мобилизационных органов Вооруженных Сил России. М., 2019.
407. История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972.
408. История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974.
409. История Уральского военного округа. М., 1970.
410. Кабаков А. М. Русское белое зарубежье о политической роли Красной армии в Советской России в 1921–1924 гг.: (источники формирования представлений и их эволюция): дис. ... к. и. н. Орел, 2005.
411. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.
412. Кавтарадзе А. Г. Военспец в революции // Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 179–214.
413. Кавтарадзе А. Г. Войсковое управление Генерального штаба русской армии // Военно-исторический журнал. 1978. № 6. С. 77–82.
414. Кавтарадзе А. Г. Из истории русского Генерального штаба // Военно-исторический журнал. 1971. № 12. С. 75–80; 1972. № 7. С. 87–92; 1974. № 12. С. 80–86; 1976. № 3. С. 103–109.

415. *Кавтарадзе А.Г.* Июньское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 111–117.
416. *Кавтарадзе А.Г.* Николаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 40–43.
417. *Кавтарадзе А.Г.* Примечания // Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 494–514.
418. *Кавтарадзе А.Г.* «Скорее пополнить действующую армию... офицерами, ознакомленными со службой Генерального штаба» // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 48–55.
419. *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 32–40.
420. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1: 1917–1918 гг.; Т. 2: 1919–1920 гг.
421. *Какурин Н.Е., Ковтун Н.Н., Сухов В.Г.* Военная история Гражданской войны в России 1918–1920 годов. М., 2004.
422. *Какурин Н.Е., Меликов В.А.* Гражданская война в России: Война с белополяками. М.; СПб., 2002.
423. *Каменев А.* Военная школа России (уроки истории и стратегии развития). М., 1999.
424. *Каминский В.В.* Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917–1920 годах // Вопросы истории. 2003. № 11. С. 115–126.
425. *Каминский В.В.* Выпускники академии Генерального штаба на службе в Красной армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 8. С. 54–61.
426. *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской академии Генерального штаба на службе в Красной армии. СПб., 2011.
427. *Каминский В.В.* Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917 – 1918 гг.). СПб., 2000.
428. *Каминский В.В.* Почему генштабист РККА Ф.Е. Махин «открыл ворота» Уфы белому Комучу 4 июля 1918 г?.. // История белой Сибири: Материалы 5-й международной научной конференции. Кемерово, 2003. С. 140–147.
429. *Каминский В.В.* Рецензия на монографию: *Войтиков С.С.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский. 1905–1937 // Новейшая история России (СПб.). 2018. Т. 8. № 3. С. 779–790.
430. *Каминский В.В.* Рецензия на монографию С.С. Войтикова «Троцкий и заговор в Красной Ставке» // Новейшая история России (СПб.). 2013. № 3. С. 282–292.
431. *Каминский В.В.* Русские генштабисты в 1917–1920 годах. Итоги изучения // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 40–51.
432. *Каминский В.В.* Служил ли В.О. Каппель в Красной армии? // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции. Кемерово, 2001. С. 134–138.
433. *Каминский В.В.* «Хроника белого террора в России»: pro et contra. Рец. на монографию И.С. Ратьковского // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век: Сборник статей. СПб., 2018. С. 396–428.
434. *Канинский Г.Г.* «...Иначе не мог поступить». Русский генерал Сергей Николаевич Войцеховский. Биографический очерк. Челябинск, 2003.
435. *Кантор Ю.З.* Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.

436. Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009.
437. Каппель и каппелевцы. М., 2003 (2-е изд., испр. и доп.: М., 2007).
438. Капустина О.В. Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «История». 2021. Т. 66, вып. 2. С. 404–420.
439. Капчинский О.И. Агент из «Мирографа» // Родина. 2002. № 1. С. 73–75.
440. Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина: Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014.
441. Карапетян М. Генерал-лейтенант Ованес Ахвердян. Ереван, 2003.
442. Каревский А.А. В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2007. 2-е изд., испр. и доп. С. 580–717.
443. Каревский А.А. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г.: дис. ... к. и. н. М., 2001.
444. Кареева Н.Д. Борис Павлович Кареев (1878–1907) // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2017. Вып. 44. С. 46–54.
445. Карпенко С.В. Антибольшевистские военные диктатуры и чиновничество (Юг России, 1918–1920 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2012. № 4 (84). С. 87–99.
446. Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009.
447. Карпов Н.Д. Мятаж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006.
448. Каряева Т.Ф. За строкой директивы главкома. М., 1980.
449. Катков Г.М. Февральская революция. М., 2006.
450. Кашин В.В. Агент «Джон» на службе военной контрразведки Франции // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2021. № 28. С. 43–56.
451. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
452. Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4: 1915–1917 гг.
453. Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918–1922 гг. М., 2008.
454. Кирмель Н.С. Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). М., 2007.
455. Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013.
456. Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М., 2013.
457. Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015.
458. Кирмель Н.С., Шинин О.В. Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. М., 2016.
459. Киришин Ю.Я. Лев Троцкий – военный теоретик. Клинцы, 2003.
460. Кляцкин С.М. На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965.
461. Книга исторических сенсаций. М., 1993.
462. Кожевин В.Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011.

463. *Кожевникова Г.В.* Главное управление Генерального штаба накануне Первой мировой войны (1910–1914). М., 1998.
464. *Козлов А.И., Финкельштейн Ю.Е.* Генерал Деникин. Симон Петлюра. Ростов-на-Дону, 2000.
465. *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. М., 2013.
466. *Колеров М.А.* На пути к лояльности: «Декларация трудовой интеллигенции» (1920) // Русский сборник (Москва). 2009. Т. 6. С. 163–174.
467. *Колесниченко И.* К вопросу о конфликте в Реввоенсовете Южного фронта (сентябрь – октябрь 1918 года) // Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 39–47.
468. *Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С.* Танки Гражданской войны. М., 1999.
469. *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
470. *Кольтюков А.А.* Институт военной истории: вчера, сегодня, завтра // Военно-исторический журнал. 2006. № 10. С. 21–27.
471. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
472. *Константинов С.И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997.
473. *Копылов Н.А.* «Союз офицеров армии и флота» в России периода февральской революции: формирование, программа, тактика: автореф. дис. ... к. и. н. М., 2011.
474. *Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября.* М., 1979.
475. *Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и создание Красной армии.* М., 1970.
476. *Кораблев Ю.И.* Советская власть и военные специалисты // Гражданская война в России: События, мнения, оценки: Памяти Юрия Ивановича Кораблева. М., 2002. С. 306–317.
477. *Корнатовский Н.А.* Борьба за красный Петроград. М., 2004.
478. *Корнатовский Н.А.* Заговор против социалистической родины. Осень 1919 года в Петрограде // Красная летопись. 1937. № 3. С. 92–117.
479. *Корнатовский Н.А.* Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. Л., 1972.
480. *Коротков И.А.* История советской военной мысли: Краткий очерк. 1917 – июнь 1941. М., 1980.
481. *Коршунов Э.Л., Бахтуридзе З.З., Бринюк Н.Ю.* «Тут говорили и судили о таких вещах, которые в общей прессе невольно замалчивались». Становление и развитие военной периодики в царской России // Военно-исторический журнал. 2016. № 6. С. 47–55.
482. *Коршунов Э.Л., Щерба А.Н.* «Центр тяжести всех маневров должен быть перенесен на боевые действия войск...» // Военно-исторический журнал. 2018. № 6. С. 15–23; № 7. С. 8–16.
483. *Костанди О.* Автор и его время // Вышгород. Литературно-художественный общественно-публицистический журнал (Таллин). 2006. № 4. С. 20–38.
484. *Костин Б.А.* Скобелев. М., 1990.
485. *Котеленец Е.А.* Битва за Ленина: Новейшие исследования и дискуссии. М., 2017.
486. *Коткин С.* Сталин: в 3 т. М., 2022. Т. 1, кн. 1.

487. Кочик В.Я. Разведчики и резиденты ГРУ. М., 2004.
488. Кочик В.Я. Советская военная разведка: структура и кадры. Статья первая (1917–1918) // Свободная мысль. 1998. № 5 (1474). С. 94–104; Статья вторая (1918–1921) // Свободная мысль. 1998. № 6 (1475). С. 88–103; Статья третья (1921–1924) // Свободная мысль. 1998. № 7 (1476). С. 97–109.
489. Кратова Н.В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х годов XX века. Ростов-на-Дону, 2012.
490. Кравцевич-Рожнецкий В.Я., Панасенко В.П. Украинские военные знаки отличия первой половины XX века. Киев, 2009.
491. Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000.
492. Краснознаменный Белорусский военный округ. М., 1983.
493. Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980.
494. Краснознаменный Северо-Кавказский: Краткий исторический очерк. Ростов-на-Дону, 1978.
495. Краснознаменный Уральский. М., 1983.
496. Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 209–220.
497. Креэстрем М. Эстонские офицеры на фронтах Гражданской войны в России // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri (Тарту; Таллин). 2010. Спецвыпуск по истории Эстонии XX в. С. 26–44.
498. Кривопалов А.А. В тени теории глубокой операции: Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 гг. М., 2022.
499. Кручинин А.М. Надежды восемнадцатого года: страницы истории екатеринбургского антибольшевистского подполья 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 13–26.
500. Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2009.
501. Кручинин А.С. Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918) // Русский сборник (Москва). 2004. Т. 1. С. 200–208.
502. Кручинин А.С. Генерал от кавалерии А.М. Каледин // Белое движение. Исторические портреты / сост. А.С. Кручинин. М., 2011. С. 96–139.
503. Кручинин А.С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения-V: Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром, 2003. С. 283–286.
504. Кручинин А.С. П.Н. Врангель и Я.А. Слащев: конфликт личностей или конфликт стратегий? // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 39–55.
505. Кручинин А.С. «Своя валюта» для генерала Балаховича // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2012. Т. 19. С. 140–144.
506. Кручинин А.С. «Тот самый тучный алкоголик»? Смерть генерала Май-Маевского // Родина. 2008. № 3. С. 53–57.
507. Кручинин А.С. Формирование и участие 1-й Тульской добровольческой пешей дивизии в рейде генерала Мамантова (1919 г.) // Тула в Гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Тула, 1996. С. 12–19.
508. Кручинин А.С. Экспедиция есаула В.И. Бочкарева (взятие Охотска Северным экспедиционным отрядом 4–6 октября 1921 года) // Военная история России

- XIX–XX веков: Материалы VI Международной военно-исторической конференции. СПб., 2013. С. 338–365.
509. *Кручинин А. С.* «Я препровождаю Вам знаки ордена» // Военная Быль (Москва). 1995. № 7 (136). С. 44–49.
510. *Кубасов А. Л.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008.
511. *Кузнецов Д. А.* Офицерский корпус России (февраль – август 1917 г.): автореф. дис. ... к. и. н. Воронеж, 2000.
512. *Куликов С. В.* Петроградское офицерство 23–28 февраля 1917 г. Настроения и поведение // Новый Часовой (СПб.). 2006. № 17–18. С. 101–127.
513. *Куприянов А. В.* Разведка в Персии не очень трудна... Компетентные органы Закаспийского фронта на иранской территории в 1919 году // Родина. 2012. № 2. С. 96–99.
514. *Купцов И. В.* «Челябинск. Июль – август 1919 года» // Челябинск неизвестный: Краеведческий сборник. Челябинск, 2002. Вып. 3. С. 241–333.
515. *Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1989. Кн. 1–2.
516. *Лазарев С. Е.* Советская военная элита 1930-х годов. М., 2016 (2-е изд.: М., 2020).
517. *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России: Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004.
518. *Ланник Л. В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012.
519. *Ланник Л. В.* Победоносные проигравшие: Германская военная элита в 1914–1921 гг. СПб., 2016.
520. *Ланник Л. В.* После Российской империи: Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.
521. *Ларьков Н. С.* Академия Генерального штаба в Томске // Сибирская старина. Краеведческий альманах (Томск). 2010. № 26. С. 11–13.
522. *Ларьков Н. С.* Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995.
523. *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии: От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.
524. *Левенштейн М. Н.* Важное звено военного управления // Военно-исторический журнал. 1976. № 8. С. 84–88.
525. *Левенштейн М. Н.* Роль Высшей военной инспекции РККА в осуществлении военной политики Коммунистической партии в процессе строительства регулярной Красной армии (апрель 1918 – сентябрь 1919 гг.): дис. ... к. и. н. М., 1978.
526. *Левитов М. Н.* Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974.
527. *Леонов С. В.* Дзержинский – Троцкий: кто кого? // Родина. 2008. № 12. С. 33–38.
528. *Леонов С. В.* Историография создания советской государственности (1917–1922 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 23–58.
529. *Леонов С. В.* Проблема создания ВЧК // Гражданская война в России и на Русском Севере. Архангельск, 1999. С. 37–41.
530. *Лехович Д.* Белые против красных: Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.
531. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века и до наших дней. М., 2007.
532. *Липицкий С. В.* Военная деятельность ЦК РКП(б) 1917–1920. М., 1973.

533. *Лисовой Я.М.* Генеральный штаб (статистический очерк по данным к 1 декабря 1918 г.) // *Донская волна* (Ростов-на-Дону). 1919. 24.02 [09.03]. № 9 (37). С. 11–14.
534. *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004.
535. *Лобанов В.Б.* Белое движение на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919 г.). СПб., 2012.
536. *Лобанов Д.А., Станковская Г.Ф.* Судьба семьи генерала Владимира Оскаровича Каппеля // *Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах* (Екатеринбург). 2004. № 14. С. 81–83.
537. *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М., 2020.
538. *Лосунов А.М.* «Дело» генерала А.И. Андогского // *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*. 1999. № 7. С. 193–200.
539. *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ: дела и люди. СПб.; М., 2002.
540. *Лухтанов А.Г.* Трагедия капитана Бориса Павловича Кареева: орнитолога, востоковеда и эсера // *Русский орнитологический журнал* (СПб.). 2014. Т. 23, № 980. С. 889–899.
541. *Лушников А.М.* Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996.
542. *Лушнов В.И.* Юнкера Святого Георгия: Тифлисское военное училище (16.11.1866–25.02.1921). Хабаровск, 2017.
543. Людовик Грондайс «Он был возведен в ранг великих стратегов» / публ. Р.Г. Гагкуева и С.Г. Шиловой // *Историк*. 2016. № 5 (17). С. 28–31.
544. М.В. Фрунзе: Военная и политическая деятельность. М., 1984.
545. *Майнио А.* Подрывная деятельность в Советской России: финские активисты и саботаж в 1918–1919 гг. // *Русский сборник* (Москва). 2012. Т. 13. С. 121–144.
546. *Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В.* Всеукраинская Чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990.
547. *Майский И.М.* Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923.
548. *Мартиросян Г.А.* Офицеры Республики Армения в концлагере города Рязани. Рязань, 2002.
549. *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927.
550. *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: Цели, методы, результаты. М., 2015.
551. *Машкевич С.В.* Два дня из истории Киева (30–31 августа 1919 года). Киев, 2010.
552. *Машкин Н.А.* Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX века. М., 1997.
553. *Медвецкий А.Ф.* Военная и политическая деятельность Н.Н. Юденича (август 1914 – февраль 1920 гг.): дис. ... к. и. н. Самара, 2002.
554. *Медвецкий А.Ф.* Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич в годы общенационального кризиса в России (1914–1920 гг.). Самара, 2005.
555. *Мельгунов С.П.* Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 года; «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М., 2005.
556. *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 года. М., 2008.
557. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: в 2 кн. М., 2004. Кн. 1.

558. Мельтюхов М.И. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). М., 2013.
559. Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007.
560. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Амурская Краснознаменная военная флотилия. СПб., 2014.
561. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Забайкальский военный округ и 57-й особый стрелковый корпус. СПб., 2014.
562. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Сибирский военный округ. СПб., 2014.
563. Мильбах В.С. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Тихоокеанский флот. СПб., 2013.
564. Мильбах В.С., Ларькин В.В. Политические репрессии командно-начальствующего состава. Закавказский военный округ, 1937–1938 гг. СПб., 2016.
565. Мильбах В.С., Негода Н.В., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Киевский военный округ. СПб., 2020.
566. Мильбах В.С., Павлович С.Л., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Среднеазиатский военный округ. СПб., 2019.
567. Мильбах В.С., Саберов Ф.К. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Краснознаменный Балтийский флот. СПб., 2016.
568. Мильбах В.С., Сапожников А.Г., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Северный флот. СПб., 2014.
569. Мильбах В.С., Фомичев С.О., Чураков Д.Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Уральский военный округ. М., 2018.
570. Милуков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
571. Милуков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 1.
572. Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М., 2004.
573. Минаков С.Т. Лейб-гвардии капитан Тухачевский. Орел, 2012.
574. Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов: (Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орел, 2000.
575. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М., 2004.
576. Минаков С.Т. Сталин и заговор генералов. М., 2005.
577. Минаков С.Т. 1937. Заговор был! М., 2010.
578. Минц М.М. «Стратегия сокрушения»: стратегическая и военно-техническая концепции будущей войны в структуре советской военной доктрины 1930-х – начала 1940-х годов // Российская история. 2010. № 3. С. 3–18.
579. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2015. Т. 3.
580. Михайлов В. [Войнов В.М.] Из истории Николаевской... // Урал (Екатеринбург). 1992. № 3. С. 163–164.
581. Михутина И.В. Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 108.
582. Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.
583. Мовчин Н.Н. Комплектование Красной армии (исторический очерк). Л., 1926.
584. Мовчин Н.Н. Комплектование Красной армии в 1918–1921 гг. // Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928. Т. 2: Военное искусство Красной армии. С. 75–90.

585. *Модсли Э., Уйат С.* Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М., 2011.
586. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2011.
587. *Молодцыгин М.А.* Красная армия: Рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.
588. *Молоков И.Е.* Герои огненных лет: Очерки о полководцах, командирах, комиссарах – активных участниках освобождения Сибири от интервентов и белогвардейцев. Омск, 1989.
589. *Морозов А.Я.* Служил Отечеству: Генерал А.Е. Снесарев. Воронеж, 2005.
590. *Морозова О.М.* Антропология Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2012.
591. *Морозова О.М.* Генерал Иван Георгиевич Эрдели: Страницы истории Белого движения на Юге России. М., 2017.
592. *Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. М., 2019.
593. На псковских позициях. Интервью с ректором Псковского педагогического института профессором П.А. Николаевым // Человек с ружьем: Воспоминания. Документы. Очерки. Л., 1988. С. 16–20.
594. *Назаренко К.Б.* Закат царского флота. Морские офицеры Первой мировой войны. М., 2018. С. 143.
595. *Назаренко К.Б.* К вопросу о численности и судьбе офицерского корпуса русского флота в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2007. Вып. 4. С. 105–117.
596. *Назаренко К.Б.* Ледовый поход Балтийского флота: Кораблекрушение в море революции. СПб., 2020
597. *Назаренко К.Б.* Русские морские офицеры в 1917–1921 гг. // Российская история. 2017. № 6. С. 129–137.
598. *Назаренко К.Б.* Флот и власть в России: от Цусимы до Гражданской войны (1905–1921). М., 2019.
599. *Назаренко К.Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.
600. *Назаренко К.Б.* Численность русских морских офицеров во время Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «История». 2022. Т. 67, № 3. С. 749–771.
601. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
602. *Наумов Е.О.* Организация работы в штабных учреждениях армий Восточного фронта во второй половине 1918 г. // История повседневности (СПб.). 2018. № 3. С. 24–41.
603. *Наумов Е.О.* Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ... к. и. н. Саранск, 2017.
604. *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. М., 2011. Кн. 1: Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х гг.
605. *Ненароков А.П.* Восточный фронт 1918. М., 1969.
606. *Ненароков А.П.* Об авторе и его труде // Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 1: 1917–1918. С. 3–12.
607. *Никитин В.В.* Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017.
608. *Николаев А.Б.* Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002.

609. *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2017. Т. 2.
610. Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918). СПб., 2018.
611. *Новиков П.* Лицо неответственное. Победы генерала Бонч-Бруевича // Родина. 2009. № 12. С. 129–132.
612. *Овчаров В.В.* Красное на белом: к столетию окончания Гражданской войны в Красноярске. Красноярск, 2019.
613. *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. М., 2003.
614. *Олейников А.В.* Успешные генералы забытой войны. М., 2014.
615. Ордена Ленина Забайкальский. М., 1980.
616. Ордена Ленина Московский военный округ. М., 1985.
617. *Осипова М.Н.* Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005.
618. *Островский А.В.* Генерал Н.М. Потапов и большевик М.С. Кедров (к вопросу о подготовке Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сборник научных статей. СПб., 2014. С. 68–76.
619. *Остряков С.З.* Военные чекисты. М., 1979.
620. *Оськин М.В.* Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016.
621. *Оськин М.В.* Командармы Первой мировой. М., 2021.
622. От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской Смуты / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2014.
623. Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997. Т. 2: 1917–1933 годы.
624. *Павлов Ю.А.* Гучковская «чистка» армии (март – апрель 1917 г.) // Россия в войнах начала XX века. Екатеринбург, 2005. С. 215–228.
625. *Павлова О.И.* Белая армия и «красные командиры»: 1919–1924 гг. («Советская» политика генерал-майора А.А. фон Лампе): дис. ... к. и. н. Орел, 2009.
626. *Панюта Н.И.* Герой «белого дела». Эскиз к социально-психологическому портрету // 100 лет Перекопской победы: Сборник научных статей. Б.м., 2021. С. 47–54.
627. *Папков С.* В тупике: Последние дни академии Генштаба и белой армии на Востоке России в описании генерала Антоновича // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 375–381.
628. *Парамонов О.В.* «Дутовки». Боны Оренбургского Отделения Государственного Банка в 1917–1918 гг.: Каталог-исследование. М., 2005.
629. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2008.
630. *Париева Л.Р.* Документирование деятельности военного управления антибольшевистских правительств России (1918–1920 гг.): дис. ... к. и. н. М., 2019.
631. *Париева Л.Р.* Документирование деятельности штаба главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте (1918–1920 гг.) // История и архивы. 2016. № 2. С. 27–37.
632. *Пенской В.В.* Великая огнестрельная революция. М., 2010.
633. *Пенской В.В.* «Центурионы» Ивана Грозного: Воеводы и головы московского войска второй половины XVI в. М., 2017.
634. *Петин Д.И.* Увольнение бывших офицеров в ходе чисток советских учреждений 1928–1929 годов (на примере окружных финансовых отделов Сибири) // Исторический курьер. 2023. № 1 (27). С. 90–104.

635. *Петин Д.И., Сушко А.В.* Бывшие белые офицеры в раннем советском социуме: к анализу российской историографии // Омские социально-гуманитарные чтения-2022. Омск, 2022. С. 246–254.
636. *Петин Д.И., Стельмак М.М., Сушко А.В.* «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175.
637. *Петров А.А.* Эволюция планов командования белого Восточного фронта в сентябре – декабре 1919 года // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 307–315.
638. *Петров Ю.А.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 52–64.
639. *Печенкин А.А.* Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: Репрессии и обновление. М., 2003.
640. *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной армии в годы Второй мировой войны. М., 2002.
641. *Печенкин А.А.* Гибель военной элиты 1937–1938 гг. М., 2011.
642. *Печенкин А.А.* Сталин и Военный совет. М., 2007.
643. *Плеханов А.М.* Кто вы, «железный Феликс»? М., 2013.
644. *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Дзержинский на фронтах Гражданской. М., 2021.
645. *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* Московские чекисты в тайной войне. 1921–1928 гг. М., 2018.
646. *Плеханов А.М., Плеханов А.А.* «Найти и обезвредить». Оперативный розыск преступников и агентуры противника в СССР. М., 2021.
647. *Плутник А.* Как Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 280–291.
648. *Плотников И.Ф.* Екатеринбургский этап деятельности академии Генерального штаба (Николаевской) и его финал // Национальная культура и защита Отечества. Кострома, 1998. С. 37–40.
649. *Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург, 2003.
650. *Плотников И.Ф.* Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А.В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль – май 1919 г.) // Урал в событиях 1917–1921 гг. Актуальные проблемы изучения. Челябинск, 1999. С. 79–83.
651. *Подустов Ф.Н.* Численность, материальное положение и условия труда преподавателей военно-учебных заведений Сибирского военного округа в 1919–1921 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки (История)». 2006. Вып. 1 (52). С. 41–46.
652. *Поздняков А.А.* Красная армия в представлении русского зарубежья, 1924–1939 гг.: дис. ... к. и. н. Орел, 2006.
653. *Познанский В.С.* Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972.
654. *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917: Государственные задачи и частные интересы. М., 2015.
655. *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России 1905–1917. М., 1990.
656. *Поликарпов В.Д.* Начальный этап Гражданской войны (история изучения). М., 1980.
657. *Поликарпов В.Д.* Разгром белогвардейских ударных батальонов под Белгородом в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1963. № 1. С. 103–109.

658. *Полторак С.Н.* Белогвардеец в представлении чекиста // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 года. Кемерово, 2001. С. 219–222.
659. *Полторак С.Н.* Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018.
660. *Полторак С.Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014.
661. *Полякова В.А.* Долг и судьба. Первый командующий Северо-Кавказским военным округом генерал А.Е. Снесарев. Волгоград, 2006.
662. *Порошин А.А.* Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов, 2011.
663. *Порошин А.А.* Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014.
664. *Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.
665. *Посадский А.В.* Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875–1944). Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 года. СПб., 2013. С. 236–253.
666. *Посадский А.В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М., 2018.
667. *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани: Очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010.
668. *Посадский А.В.* Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус: Эпизод Гражданской войны. М., 2018.
669. *Посадский А.В.* Судьба русского инвалида. Примечания к «Запискам» генерал-лейтенанта Врангеля // Новый Часовой (СПб.). 2004. № 15–16. С. 251–253.
670. *Посадский А.В., Ланник Л.В.* Внешнеполитическая ориентация русского офицерства и факторы становления и неудач Белого движения: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 5–27.
671. *Посадсков А.Л.* Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г.И. Клерже – офицера, журналиста и мемуариста // Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: Личные воспоминания / под ред. А.Л. Посадскова. Новосибирск, 2012. С. 5–94.
672. *Прозорова В.Б.* Русская военная администрация во Франции в годы Первой мировой и Гражданской войн. М., 2022.
673. *Прокофьев.* Штабы в Гражданскую войну // Война и революция (Москва). 1927. Кн. 9. С. 16–31.
674. *Прянишников Б.В.* Незримая паутина: ВЧК – ОГПУ – НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993.
675. *Пученков А.С.* Антон Иванович Деникин – полководец, государственный деятель и военный писатель // Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2017. Т. 1. С. 5–58.
676. *Пученков А.С.* Взаимоотношения генералитета Добровольческой армии и Всевеликого войска Донского в период Гражданской войны // Российская история. 2013. № 5. С. 27–42.
677. *Пученков А.С.* «Генеральский совдеп» в Севастополе, или Смена главнокомандующих Вооруженными силами Юга России в марте 1920 г. // Клио (СПб.). 2010. № 4 (51). С. 86–90.

678. *Пученков А. С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). СПб., 2012 (2-е изд., испр. и доп.: М., 2016).
679. *Пученков А. С.* Первый год Добровольческой армии. От возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России. СПб., 2021.
680. *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: Очерки политической истории. СПб., 2013.
681. *Пыльцын Ю. С.* Терские казаки на переломе эпох. Антибольшевистские вооруженные формирования терского казачества (октябрь 1917 – 1922). М., 2022.
682. *Ратьковский И. С.* Белый террор: Гражданская война в России. 1917–1920 гг. СПб., 2021.
683. *Ратьковский И. С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.
684. *Ратьковский И. С.* Новая работа об офицерском корпусе Русской армии. Рец. на: *Каминский В. В.* Офицеры Русской Императорской Армии в Корпусе «красного» Генерального Штаба (персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.)). Биографический справочник. Том 1. А–Ж. С.-Петербург: Гуманитарная Академия, 2018 // *Historia Provinciae. Журнал региональной истории (Череповец)*. 2018. Т. 2, № 4. С. 271–284.
685. *Ратьковский И. С.* Рец. на: *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. 736 с. // *Новейшая история России (СПб.)*. 2012. № 2. С. 242–247.
686. *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России: Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017.
687. *Ратьковский И. С.* Хроника красного террора ВЧК: Карающий меч революции. М., 2017.
688. *Рахимов Р. Н.* Дважды заложники // *Клио (СПб.)*. 2014. № 6 (90). С. 56–59.
689. Реввоенсовет Республики: (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991.
690. *Режепо П.* Офицерский вопрос. СПб., 1909.
691. *Режепо П.* Офицерский вопрос в начале XX века // *Офицерский корпус русской армии: Опыт самопознания*. М., 2000. С. 100–126.
692. *Режепо П.* Статистика генералов. СПб., 1903.
693. *Режепо П.* Статистика полковников. СПб., 1905.
694. *Резник А. В.* Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924 годы. 2-е изд. СПб., 2018.
695. *Рогова Е. М.* Некоторые аспекты политики советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. // *Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург)*. 2011. № 19. С. 122–126.
696. *Родин А. М. А. С.* Бубнов: Военная и политическая деятельность. М., 1988.
697. *Розенталь Р.* Северо-Западная армия: Хроника побед и поражений. Таллин, 2012.
698. *Романов А. М.* Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск, 2013.
699. *Росс Н. Г.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.
700. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994.
701. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014.

702. Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки. М., 2003.
703. Ростунов И. У истоков советской военной историографии // Военно-исторический журнал. 1967. № 8. С. 84–96.
704. Рудиченко А.И. Награды и знаки белых армий и правительств 1917–1922. М., 2008. С. 25.
705. Рудиченко А.И., Тинченко Я.Ю. Награды и знаки национальных армий и правительств. Украина. Белоруссия. Литва. Учредительные документы. Изготовление. Практика награждений. Типы и разновидности. Киев, 2011.
706. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.
707. Рыжиков А.В. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг. М., 2013.
708. Рыжов И.Л. Последний поход: Заключительный этап Гражданской войны в России (сентябрь – октябрь 1922 года в Приморье). Владивосток, 2020.
709. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: Идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М., 2022.
710. Самцевич А.А. Он был русским офицером // Милоданович В.Е. Из Кисловодска в Кисловодск. 1918–1919. М., 2020. С. 3–12.
711. Сафонов В.Н., Мозохин О.Б. Особый отдел ВЧК против польской разведки. 1918–1921. М., 2018.
712. Сафонов Д.А. Между империей и республикой Советов: Местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008.
713. Сафронов Ю.И. Дневник Верховского. М., 2014.
714. Селезнев Ф.А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017.
715. Семенов В.Г. Герой двух войн южноуралец генерал Сухов // Генеалогия и архивы. Челябинск, 2020. С. 269–273.
716. Семенов В.Г. Офицеры Оренбургского казачьего войска – участники Великой Отечественной войны // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Оренбург, 2022. С. 148–154.
717. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.
718. Сенин А.С. Русская армия в 1917 г. Из истории Военного министерства Временного правительства. М., 2017.
719. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.
720. Серебренников И.И. Гражданская война: Великий отход. М., 2003.
721. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
722. Силакадзе Д.Г. К вопросу о численности вооруженных сил Грузии перед началом войны с Советской Россией в 1921 г. // Кавказский сборник (Москва). 2014. Т. 8 (40). С. 229–242.
723. Силакадзе Д.Г. Русско-грузинская война. 100 историй. Тбилиси, 2022.

724. *Симонов А. А.* Военное образование в первые годы советской власти. По опыту краткосрочных военно-учебных заведений в Саратовской губернии (1918–1923 гг.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 9. С. 19–23.
725. *Симонов А. А.* Главком М. А. Муравьев и создание Восточного фронта (июнь – июль 1918 года) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2013. Т. 13, вып. 1. С. 31–38.
726. *Симонов А. А.* Добровольческий период комплектования Красной армии и «офицерский вопрос» в Саратове // Новый век: история глазами молодых: Сборник научных трудов. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 321–336.
727. *Симонов А. А.* Командные курсы Красной армии в Саратовском Поволжье // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 262–274.
728. *Симонов А. А.* Комплектование военно-учебных заведений Поволжья и Урала красными курсантами во время Гражданской войны // Новый исторический вестник (Москва). 2017. № 2 (52). С. 72–83.
729. *Симонов Д. Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.
730. *Симонова Т. М.* Неудобный отец // Родина. 2018. № 11. С. 102–105.
731. *Симонова Т. М.* Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.
732. *Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г.* Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов-на-Дону, 2010.
733. *Скоркин К. В.* На страже завоеваний Революции: История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011.
734. *Смирнов А. А.* Боевая выучка Красной армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года). М., 2013. Т. 1–2.
735. *Смирнов А. А.* Рец.: И. Н. Гребенкин. Русский офицер в годы мировой войны и революции 1914–1918 гг. Рязань, 2010 // Русский сборник (Москва). 2012. Т. 13. С. 415–476.
736. *Смирнов А. А.* РККА перед 37-м годом. М., 2022.
737. *Смирнов А. А.* РККА: роковые ошибки в строительстве армии. 1917–1937. М., 2022.
738. *Смирнов А. А.* «Социальный расизм» и деинтеллектуализация командного состава Красной армии в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 576–609.
739. *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999.
740. *Смолин А. В.* Евгений Андреевич Беренс (1876–1928). На службе России. СПб., 2023.
741. *Смолин А. В.* «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 2020.
742. *Снегирев В.* Кавказская Краснознаменная армия. Ее боевой путь и учеба. Тифлис, 1928.
743. *Советские Вооруженные Силы: История строительства.* М., 1978.
744. *Соколов Б. В.* Барон Унгерн. Черный всадник. М., 2006.
745. *Соколов В. В.* Советские военные вожди в официальной пропаганде и общественном мнении Советской России – СССР. 1918–1925 гг.: дис. ... к. и. н. Орел, 2010.
746. *Солдат революции: военная и политическая деятельность Ф. Э. Дзержинского.* М., 1987.
747. *Солнцева С. А.* Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль – ноябрь 1917 г.). М., 2020.

748. *Соловьев Е. А.* Расстрелянный Ярославль: историческая панорама трагедии города на Волге. Июль 1918. Ярославль, 2018.
749. *Спаский А.* Третья армия. Пермь, 1958.
750. *Спирин Л. М.* В. И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 4. С. 3–16.
751. *Стариков С. В.* Павел Дыбенко: забытая страница биографии // Марийский археографический вестник (Йошкар-Ола). 1997. № 7. С. 79–88.
752. *Стеклов А.* Армия мусаватского Азербайджана. Баку, 1928.
753. *Стеклов А.* Борьба солдатских масс Кавказского фронта против корниловщины (к 50-летию разгрома корниловщины) // Военно-исторический журнал. 1967. № 8. С. 121–125.
754. *Степанов А. Б.* Красные генштабисты. 1920–1922 // Старый Цейхгауз (Москва). 2010. № 6 (38). С. 53–63.
755. *Степанов А. Б.* Наручные знаки РККА. 1918–1924. М., 2011.
756. *Степанов А. Б.* Проект униформы РККА 1920 года. Попытки реализации // Старый Цейхгауз. 2023. № 1 (97). С. 58–68.
757. *Стрекалов И. И.* Создание войск завесы: (февраль – май 1918 г.): Исторический очерк. М., 2001.
758. *Стрекалов И. И.* Строительство Красной армии в войсках завесы (март – сентябрь 1918 года): дис. ... к. и. н. М., 2004.
759. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937–1928. М., 1998.
760. *Суряев В. Н.* Корпус офицеров русской армии: комплексная характеристика и эволюция. 1905–1917 гг.: дис. ... д. и. н. М., 2019.
761. *Суряев В. Н.* Офицеры Русской императорской армии. 1900–1917. М., 2012.
762. *Суряев В. Н.* Русское офицерство на переломе эпох. 1905–1917. М., 2022.
763. *Сухоруков В. Т.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920 гг.). М., 1961.
764. *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
765. *Тарасенко И. В.* Работа партии большевиков среди офицеров армии и флота в трех российских революциях (1917 – апрель 1918 г.): дис. ... к. и. н. М., 1990.
766. *Тарасов Е. П.* Краском Генрих Эйхе. М., 1975.
767. *Тарасов К. А.* Военные заговоры, настоящие и мнимые. Деятельность антибольшевистского подполья по организации вооруженного восстания в Петрограде, март – июнь 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 32–69.
768. *Тарасов К. А.* «Все, кто против большевиков, – с нами»: деятельность организации Шульгина – Филоненко в Петрограде (январь – март 1918 г.) // Новейшая история России (СПб.). 2019. Т. 9, № 3. С. 580–594.
769. *Тарасов К. А.* Заговор в штабе Петроградского района и Северного участка завесы, март – май 1918 года // Новый Часовой (СПб.). 2021. № 23. С. 119–143.
770. *Тархова Н. С.* «Без военкома мы не имели бы Красной армии...» // Родина. 2011. № 2. С. 28–33.
771. *Тархова Н. С.* Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.) // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 27–38.

772. *Тепляков А.Г.* Деятельность органов ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. М., 2018.
773. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра». ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007.
774. *Тепляков А.Г.* «Расстрел врагов революции»: Особый отдел ВЧК 5-й армии против белых офицеров и контрразведчиков (1920 г.) // Эволюция российского и зарубежного государства и права: К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Екатеринбург, 2016. Т. 3. С. 674–682.
775. *Тер-Оганов Н.К.* Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012.
776. *Тимофеев А.Н.* Из истории академии Генерального штаба и ее ускоренных курсов военного времени (лето – осень 1918 г.) // Иднакар (Ижевск). 2014. № 1 (18). С. 29–43.
777. *Тинченко Я.Ю.* Армии Украины 1917–1920. М., 2002.
778. *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000.
779. *Тишкина А.В.* Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2008. № 6 (10). С. 92.
780. *Тотров Ю.Х.* Английская разведка в России. М.; СПб., 2023.
781. *Трамбицкий Ю.А.* Генерал-лейтенант А.И. Деникин // Белое движение. Исторические портреты / сост. А.С. Кручинин. М., 2011. С. 140–183.
782. *Траскунов М.Б.* Героический боевой путь 11-й армии на фронтах Гражданской войны (1918–1921 гг.). Тбилиси, 1958.
783. *Траскунов М.Б.* Кавказская Краснознаменная. Тбилиси, 1961.
784. *Тумшиц М.А., Папчинский А.А.* 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009.
785. *Тучапский А.К.* Петр Николаевич Краснов: судьба русского офицера: дис. ... к. и. н. СПб., 2006.
786. *Тучков А.И.* Исторический фон // Гражданская война на Севере России глазами британцев: Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008.
787. *Упадышев Н.В.* ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. Архангельск, 2004.
788. *Устиновский И.В.* Военно-историческое наследие Н.Е. Какурина в контексте современной историографии Гражданской войны // Культурная жизнь Юга России (Краснодар). 2012. № 3 (46). С. 30–33.
789. Ученый с мировым именем (о военном историке и теоретике А.А. Свечине) / публ. И.В. Успенского // Отечественные архивы. 1998. № 4. С. 73–79.
790. *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. М., 2006.
791. *Федюк В.П.* Украина в 1918 году. Гетман П.П. Скоропадский. Ярославль, 1993. С. 57.
792. *Федюкин С.А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.
793. *Федюкин С.А.* Об использовании военных специалистов в Красной армии // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 32–44.
794. *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. Поход степных полков лето 1918 года. Шанхай, 1934.
795. *Фомин А.Ю.* Российское офицерство и публичная политика: политические взгляды военнослужащих в отражении военной печати (1906–1914 гг.): дис. ... к. и. н. СПб., 2022.
796. *Фрайман А.Л.* Революционная защита Петрограда в феврале – марте 1918 г. М.; Л., 1964.
797. *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978.

798. *Халфин И.* Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023.
799. *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017.
800. *Харитонов Е.Д.* Судьба семьи русского офицера Владимира Каппеля // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 45–48.
801. *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.
802. *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2021.
803. *Ходяков М.В.* Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. СПб., 2019.
804. *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние: Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020.
805. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008.
806. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 г.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009.
807. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919–1922 гг.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013. Ч. 1.
808. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1920–1922 гг.: (Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. 2.
809. *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России. 1917–1920 гг.: (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). М., 2000. Кн. 1.
810. *Цветков В.Ж.* Генерал Алексеев. М., 2014 (2-е изд.: М., 2023).
811. *Цветков В.Ж.* Генерал Дитерихс, последний защитник империи // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 30.
812. *Цветков В.Ж.* Гибель «Лукулла» // Родина. 1998. № 5–6. С. 129–131.
813. *Цветков В.Ж.* Последняя битва Белого Юга. 1920. М., 2022.
814. *Цветков В.Ж.* Правда и вымыслы в истории Белого движения: генерал В.З. Май-Маевский – командующий Добровольческой армией (май – ноябрь 1919 г.) // Белое движение на Юге России (1917–1920): Известные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 48–55.
815. *Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А.* Василий Иванович Чапаев: Очерк жизни, революционной и боевой деятельности. Чебоксары, 1987.
816. *Челышев Е.П.* Уральская катастрофа. М., 1996.
817. *Чельный А.А.* Микробиолог Степан Васильевич Коршун: судьба ученого и дело «микробиологов». М., 2010.
818. *Чемакин А.А.* «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М., 2020.
819. *Черкасов-Георгиевский В.Г.* Генерал Деникин. Смоленск, 1999.
820. *Черкасов-Георгиевский В.Г.* Генерал П.Н. Врангель. Последний рыцарь Российской Империи: Документальное жизнеописание. М., 2004.
821. *Черная книга имен, которым не место на карте России* / сост. С.В. Волков. М., 2005.
822. *Черниченко Л.Л.* Белый генерал Василий Георгиевич Болдырев. М., 2021.
823. *Черушев Н.С.* Вацетис – главком республики. М., 2015.
824. *Черушев Н.С.* Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953 гг. М., 2014.
825. *Черушев Н.С.* Из ГУЛАГа – в бой. М., 2006.
826. *Черушев Н.С.* Из эпохи Сталина: Четыре тайны тридцатых годов. М., 2016.

827. *Черушев Н.С.* Сын за отца не отвечает... Трагедия семей элиты Красной армии 1937–1956. М., 2010.
828. *Черушев Н.С.* 1937 год. Был ли заговор военных? М., 2007.
829. *Черушев Н.С.* Элита Красной армии на Голгофе. М., 2005.
830. *Чирков А.А.* Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 38–44.
831. *Чичерюкин-Мейнгарт В.Г.* К изучению мотивации социального поведения военспецов в годы Гражданской войны (на примере биографии генерала В.И. Селивачева) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2014. № 19 (141). С. 173–182.
832. *Чувардин Г.С.* Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005.
833. *Чуйкина С.А.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006.
834. *Шапошник В.Н.* Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1980.
835. *Шапошников Б.М.* На Висле: К истории кампании 1920 года. М., 1924.
836. *Шевченко В.* Русский преподаватель для Хирохито (генерал Андогский) // Голос эпохи. Литературно-общественный журнал (Москва). 2014. Вып. 2. С. 215–219.
837. *Шендриков А.С.* Военно-государственная деятельность генерала А.С. Лукомского (1885–1917 гг.): дис. ... к. и. н. Воронеж, 2003.
838. *Шепелева В.Б.* Ради будущего // Строитель (Омск). Орган парткома, профсоюзного комитета, комитета ВЛКСМ, совета трудового коллектива строительно-монтажного треста № 6. 1989. 02.11. С. 2.
839. *Шентура С.В.* Влияние теории глубокой операции и глубокого боя на разработку основ организации связи накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 7. С. 26–30.
840. *Шехаев Б.* Боевая жизнь 16 стрелковой Ульяновской имени Киквидзе дивизии. М.; Л., 1926.
841. *Шинин О.В.* Советская военная разведка на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 3. С. 29–35.
842. *Шитов А.П., Поликарпов В.Д.* Юрий Трифонов и советская эпоха: Факты, документы, воспоминания. М., 2006.
843. *Шишкин В.И.* Адмирал А.В. Колчак: на пути к военной диктатуре (19 сентября – 18 ноября 1918 г.) // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2007. Вып. 6. С. 773–824, 1445–1453.
844. *Шишкин В.И.* К биографии генерала В.Г. Болдырева: новые источники // Вопросы истории. 2020. № 12. С. 4–29.
845. *Шишкин В.И.* К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия «История, филология и философия». 1989. Вып. 1. С. 59–63.
846. *Шишкин В.И.* 1918 год: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–61.
847. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986.
848. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны: Освобождение Европы. М., 2005.

849. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М., 2005.
850. *Шубин А.В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019.
851. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.
852. *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака (Март – апрель 1919 г.): Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М., 1960.
853. Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты: Сборник научных статей. М., 2010.
854. *Юдин Е.Е.* Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1914 гг. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 99–132.
855. *Юдин С.С.* Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М., 2021.
856. *Юзефович Л.А.* Зимняя дорога: Генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии. 1922–1923. М., 2015.
857. *Юнаков Н.Л.* Северная война: кампания 1708–1709 гг. с точки зрения стратегии, тактики и истории военного искусства // Защита Отечества: Наука побеждать, заветы и уроки Петра Великого. М., 2010. С. 262–302.
858. *Яковенко В.А.* Проверка офицеров в судебно-следственных комиссиях Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (лето 1918 – зима 1920 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2019. Вып. 12–13. С. 218–225.
859. *Яковкин Е.В.* От монархиста к советскому патриоту: судьба Генерального штаба полковника Я.Я. Смирнова // Военная история России XIX–XX веков: Материалы IX Международной военно-исторической конференции: Сборник научных статей. СПб., 2016. С. 323–327.
860. *Яковлева М.А.* Материалы Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) – важнейший источник информации для партийных и советских органов в 1920-е гг. // Вестник архивиста (Москва). 2010. № 2 (110). С. 276–286.
861. *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1927. Т. 1–2.
862. *Андрусишин Б.І.* Церква в Українській Державі 1917–1920 рр. (доба Директорії УНР). Київ, 1997.
863. *Буравченков А.О.* Офіцерський корпус російської армії в роки Першої світової війни. Київ, 2011.
864. *Ганин А.В.* Българинът защитил Русия. Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.
865. *Ганин А.В.* Свој међу туђима и туђ међу својима. Судбина руског официра и југословенског генерала Фјодора Махина. Београд, 2021.
866. *Герасименко М.В.* Підготовка старшинських кадрів в українських національних державних утвореннях (березень 1917 – листопад 1920 рр.): дис. ... к. і. н. Київ, 2005.
867. *Голубко В.* Армія Української народної республіки 1917–1918. Утворення та боротьба за державу. Львів, 1997.
868. *Горєлов В.И.* Військово-політична діяльність П. Скоропадського та його роль у створенні збройних сил Української держави (серпень 1886 р. – грудень 1918 р.): дис. ... к. і. н. Київ, 1999.
869. *Дмитрук В.* Вони боролися за волю України (Нарис історії Сірожупанної дивізії). Луцк, 2004.

870. *Задунайський В.В.* Збройні сили УНР (1917–1920 рр.): дис. ... к. і. н. Донецьк, 1995.
871. *Зарецька Т.* Юзеф Пілсудський і Україна. Київ, 2007.
872. *Історія українського війська (1917–1995).* Львів, 1996.
873. *Карпун З., Срібняк І.* Формування з'єднань Армії УНР у Польщі в 1920 р. // *Український історичний журнал* (Київ). 2000. № 1. С. 80–95.
874. *Коваль Р.* Отаман Зелений. Київ; Вінниця, 2008.
875. *Ковальчук М.А.* Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. – лютий 1920 р.). Київ, 2012.
876. *Ковальчук М.А.* Генерал Микола Капустянський (1881–1969). Київ, 2006.
877. *Ковальчук М.А.* На чолі Січових стрільців. Військово-політична діяльність Є. Коновальця в 1917–21 рр. Київ, 2010.
878. *Ковальчук М.А.* Невідома війна 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ, 2006.
879. *Колянчук О.* Українська військова еміграція у Польщі. 1920–1939. Львів, 2000.
880. *Пінак Є., Чмир М.* Військо Української революції 1917–1921 років. Харків, 2017.
881. *Руккас А.О.* «Разом з польським військом». Армія Української Народної Республіки 1920 р. (структура, організація, чисельність та уніформа). Київ, 2015. С. 468.
882. *Сергійчук В.* Своєї честі не віддав нікому // *Петрів В.* Військово-історичні праці: Спомини. Київ, 2002. С. 3–34.
883. *Сергійчук В.* Українські державники: Всеволод Петрів. Київ, 2008.
884. *Сідак В.С.* Національні спецслужби в період української революції 1917–1921 рр. (невідомі сторінки історії). Київ, 1998.
885. *Сідак В., Осташко Т., Вронська Т.* Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ, 2004.
886. *Спасов Л.* Врангелювата армія в Бґларія 1919–1923. Софія, 1999.
887. *Срібняк І.* Військова діяльність уряду УНР в екзилі (1921–1923 рр.): дис. ... к. і. н. Київ, 1995.
888. *Срібняк І.* До початків заснування Української воєнної академії Генерального штабу // *Вісті комбатанта* (Торонто; Нью-Йорк). 1996. № 1 (198). С. 60–67.
889. *Срібняк І.* Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі й Румунії (1921–1924 рр.). Київ, 1997.
890. *Тинченко Я.Ю.* Ландскнехт без страху і докору: військова кар'єра та доля Миколи Какуріна // *З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ* (Київ). 1999. № 1–2 (10–11). С. 5–60.
891. *Тинченко Я.Ю.* Лицарі Зимових походів. 1919–1922 рр. Київ, 2017.
892. *Тинченко Я.Ю.* Микола Капустянський: підсумок життя за 90 років // *Україна. 1919 рік. М. Капустянський «Похід Українських армій на Київ-Одесу в 1919 році».* Є. Маланюк «Уривки зі спогадів»: Документи та матеріали. Київ, 2004. С. 21–57.
893. *Тинченко Я.Ю.* Символи нескореної держави. Нагороди уряду Української Народної Республіки. Київ, 2016.
894. *Тинченко Я.Ю.* Українські збройні сили березень 1917 р. – листопад 1918 р. (організація, чисельність, бойові дії). Київ, 2009.
895. *Тинченко Я.Ю.* Війська Ясновельможного Пана Гетьмана. Армія Української Держави, травень – грудень 1918 р. Київ, 2014.
896. *Тютенко Р.В.* Соціальний портрет офіцера українських армій періоду Національної революції (1917–1921 рр.): дис. ... к. і. н. Львів, 2018.

897. *Шандрівський І.Г.* Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянського: дис. ... к. и. н. Львів, 2003.
898. *Шанковський Л.* Українська Галицька армія: Воєнно-історична студія. Львів, 1999.
899. *Шатайло О.Л.* Генерал Юрко Тютюнник. Львів, 2000.
900. *Airapetov O.R.* Milutin contra Moltke: Russia's Refusal to Adopt a Prussian-Style General Staff // *Reforming the Tsar's army*. Cambridge; Washington, DC, 2004. P. 292–303.
901. *Bagiński H.* Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1920. Warszawa, 1921.
902. *Bakhtadze M.* General Ilia Odishelidze. Tbilisi, 2017 (на груз. яз.).
903. *Bayer P.A.* The Evolution of the Soviet General Staff, 1917–1941. N.Y.; London, 1987.
904. *Benvenuti F.* The Bolsheviks and the Red Army, 1918–1922. Cambridge, 2008.
905. *Cook A.* Ace of Spies. The True Story of Sidney Reilly. Stroud, 2011.
906. *Erickson J.* The Soviet High Command. A Military-Political History, 1918–1941. London; Portland, 2001.
907. *Feldman R.S.* The Russian General Staff and the June 1917 Offensive // *Soviet Studies*. 1968. Vol. 19, № 4. P. 526–543.
908. *Fuller W.C., Jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, NJ, 1985.
909. *Ganin A. V.* Workers and Peasants Red Army 'General Staff Personalities' Defecting to the Enemy Side in 1918–1921 // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2013. Vol. 26, № 2. P. 259–309.
910. *Germanis U.* Oberst Vacietis und die lettischen Schutzen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974.
911. *Gorelik J.* Revolutsiooni sõdur. August Kork. Tallinn, 1969.
912. *Jansen M.L.H.* Grondijs and Russia: The Acts and Opinions of a Dutch White Guard // *Revolutionary Russia*. 1994. Vol. 7, № 1. June. P. 20–33.
913. *Juhid ja juhtimine eesti vabadussõjas 1918–1920*. Tartu, 2010.
914. *Kindral Johan Laidoner – 115 aastat sünnist*. Tallinn, 1999.
915. *Kmiecik T.* Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego w latach 1918–1939. Słupsk, 2005.
916. *Kolańczuk A.* Internowani żołnierze armii UNR w Kaliszu 1920–1939. Kalisz; Przemyśl; Lwów, 1995.
917. *Krõõnström M.* Eesti sõjaväe juhtivkoosseis Vabadussõjas 1918–1920. Tartu, 2008.
918. *Krotofil M.* Сіły зброjne Української Республіки Ludowej (listopad 1918 r. – grudzień 1919 r.). Kijów, 2011.
919. *Krotofil M.* Українська Армія Halicka 1918–1920. Toruń, 2002.
920. *Legieć J.* Armia Ukrainkiej Republiki Ludowej w wojnie polsko-ukraińsko-bolszewickiej w 1920 r. Toruń, 2002.
921. *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London; N.Y., 2006.
922. *Mawdsley E.* The Russian Civil War. Edinburgh, 2008.
923. *Mayzel M.* Generals and Revolutionaries. The Russian General Staff during the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1979.
924. *Misiuk A.* Służby specjalne w II Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa, 1994.
925. *Moś W.B., Soszyński W.* Polskie Szkolnictwo Wojskowe 1908–1939. Odznaki – Emblematy – Dokumenty. Kraków, 2007.
926. *Orzechowski J.* Dowodzenie i sztaby. Warszawa, 1980.
927. *Õun M.* Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. Tallinn, 2001; *Pihlau J.* Auraamat Eesti Vabariigi kaadriohvitseridele. Tallinn, 2007.

928. *Pełtoński A.* Wywiad Polski na ZSRR 1921–1939. Warszawa, 2010.
929. *Polansky P.* Pacific Rim Russian Librarianship: Forgotten Collectors for the Hoover Institution on Manchuria // Slavic & East European Information Resources (Lawrence, KS). 2006. Vol. 7, № 4. P. 49–114.
930. *Reese R.R.* Red Commanders. A Social History of the Soviet Army Officer Corps, 1918–1991. Lawrence, KS, 2005.
931. *Rich D.A.* The Tsar's Colonels. Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge; London, 1998.
932. *Rosenthal R.* Laidoner – väejuht. Tallinn, 2008.
933. *Rukkas A.* Georgian Servicemen in the Polish Armed Forces (1922–1939) // The Journal of Slavic Military Studies. 2001. Vol. 14, № 3. P. 93–106.
934. *Rutkiewicz J.* Wojsko Łotewskie 1918–1940. Warszawa, 2005.
935. *Skrukwa G.* Formacje Wojskowe Ukraińskiej “Rewolucji Narodowej” 1914–1921. Toruń, 2008.
936. *Smele J.D.* The “Russian” Civil Wars 1916–1926. Ten Years that Shook the World. London, 2015.
937. *Spence R.* Trust No One. The Secret World of Sidney Reilly. Los Angeles, CA, 2002.
938. *Steinberg J.W.* All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington, DC; Baltimore, 2010.
939. Sztab Generalny (Główny) Wojska Polskiego 1918–2003. Warszawa, 2003.
940. *Szajdak S.* Polsko-ukraiński sojusz polityczno-wojskowy w 1920 roku. Warszawa, 2005.
941. *Westerlund L.* Polle. Ryssen som blev faktisk överbefälhavare. Generallöjtnanten Paul von Gerich 1873–1951. Helsingfors, 1997. Del. 2.
942. *Wildman A.* Officers of the General Staff and the Kornilov Movement // Revolution in Russia: Reassessments of 1917. Cambridge, 1992. P. 76–101.
943. *Wyszczelski L.* Wojsko Polskie w latach 1918–1921. Warszawa, 2006.

Справочные издания

1. *Абеленцев В.Н., Гаршин А.А.* Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922. Благовещенск, 2016.
2. *Алабин И.М., Судравский В.Д.* Донской генералитет в изгнании. М., 2001.
3. *Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012.
4. Армяне в Первой мировой войне (1914–1918 гг.). М., 2014.
5. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь. М., 2005.
6. «Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 – 1920-е гг.) / отв. ред. Д.И. Петин. Омск, 2017.
7. *Бойков В.А.* Краткий биографический словарь офицеров, чиновников и служащих белой Северо-Западной армии (1918–1920 гг.). Таллин, 2009.
8. Великая Отечественная: Действующая армия. М.; Жуковский, 2005.
9. Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2005.
10. Великая Отечественная. Комдивы: Военный биографический словарь. М., 2011–2015. Т. 1–5.

11. Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. М.; Жуковский, 2006. Т. 1–2.
12. Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2014. Вып. 1: Донские партизанские отряды. Командование Донской армии. Молодая армия. Военно-учебные заведения.
13. Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2018. Вып. 4: Донские казаки в Крыму в рядах «Русской армии» П.Н. Врангеля.
14. Венков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2015. Вып. 2: «Мобилизованная армия».
15. Венков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2016. Вып. 3, ч. 1: Полки, дивизионы, батальоны, отдельные сотни и батареи «Мобилизованной армии».
16. Венков А.В., Зубков В.Н. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 2017. Вып. 3, ч. 2: Полки, дивизионы, батальоны, отдельные сотни и батареи «Мобилизованной армии».
17. Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. Благовещенск, 2018.
18. Вирабян А.С., Мирзоян С.С. Офицеры-армяне Первой мировой войны. Офицеры республики Армения. 1914–1920 гг.: Историко-биографический словарь. Ереван, 2022.
19. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. М., 2004.
20. Военный энциклопедический словарь. М., 2002.
21. Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг.: Биографические материалы / сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2017.
22. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003.
23. Волков С.В. Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. М.; СПб., 2003.
24. Волков С.В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009. Т. 1–2.
25. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии: Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 1–2.
26. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004.
27. Волков С.В. Офицеры казачьих войск: Опыт мартиролога. М., 2013.
28. Волков С.В. Офицеры российской артиллерии: Опыт мартиролога. М., 2011.
29. Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002.
30. Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М., 2004.
31. Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001.
32. Волков С.В. Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М., 2008.
33. Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009.
34. Вся Россия. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной собственности и экономической деятельности и пр. Киев, 1913. Т. 3 (доп.).
35. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.

36. Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М., 2007.
37. Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921): Биографический справочник. Киев, 2001.
38. Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. М., 2004. Т. 4: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории Белого движения и эмиграции.
39. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987.
40. 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920–18.04.1921 / авт.-сост. Я.Ю. Тинченко. Киев, 2021. Кн. 10: Автономная республика Крым. (Сер. Реабилитированные истории).
41. Деятели революционного движения в России: От предшественников декабристов до падения царизма: Биобиблиографический словарь: в 5 т. М., 1931. Т. 2, вып. 3.
42. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
43. Долгов Е.И., Сергеев С.В. Военные топографы Красной армии. М., 2005.
44. Дружинин К.И. Императорская Николаевская военная академия // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 10. С. 598–602.
45. Дубровин Д.Ю. Генералитет Уральского казачьего войска: Биографический справочник. М., 2016.
46. Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов: (Биобиблиографический словарь). М., 1967.
47. Жалнина-Василькиоти И.Л. «Родной земли комок сухой». Русский некрополь в Греции. М., 2012.
48. Жертвы политического террора в СССР: Компакт-диск. 4-е изд. М., 2007.
49. Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.
50. Калужный Р.Г. Красная армия 1918–1934: Структура и организация: Справочник. М., 2019.
51. Каминский В.В. Офицеры Русской Императорской Армии в корпусе «красного» Генерального Штаба. Персональный состав, служебная занятость, специфика личных судеб (1918–1945 гг.): Биографический справочник. СПб., 2018. Т. 1: А–Ж.
52. Книга учета лиц состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011–2012. Т. 1–4.
53. Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009.
54. Кузнецов И.И. Маршалы, генералы и адмиралы 1940 года. Иркутск, 2000.
55. Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2011.
56. Левкин Г.Г. Командиры и политработники Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Хабаровск, 2003.
57. Малинко В.И., Голосов В.П. Справочная книжка для офицеров. М., 1902. Ч. 1.
58. Нешкин М.С., Шабанов В.М. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник. М., 2006.
59. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии по 1 января 1908 г. СПб., 1908.
60. Офицеры русской армии, погибшие в войне с Японией 1904–1905 гг.: Биографический справочник. М., 2018.
61. Плотников И.Ф. Гражданская война на Урале (1917–1922 гг.). Энциклопедия и библиография: в 3 т. Екатеринбург, 2007. Т. 1.

62. Попов В.И. Справочник-указатель декретов, постановлений, приказов и др. распоряжений по Красной армии. Саратов, 1920.
63. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
64. Путеводитель по фондам белой армии. М., 1998.
65. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. М., 2021.
66. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 т. М., 2014.
67. Россия в 1917 году: Энциклопедия. М., 2017.
68. Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 1997.
69. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926.
70. Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. М., 2001.
71. Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
72. Скидан Н.В. Список участников Первого Кубанского генерала Корнилова похода. Нью-Йорк, 1971.
73. Соловьев Д.Ю. Генералы Русской императорской армии 1914–1917: Биографический справочник. М., 2019. Т. 1–19.
74. Список Генерального штаба. Исправлен по 1 июня 1914 года (с приложением изменений, объявленных в Высочайших приказах по 18 июля 1914 г.). Пг., 1914.
75. Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 года (с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг., 1917.
76. Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Составлен по данным к 1 марта 1923 года. М., 1923.
77. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999.
78. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941: Биографический словарь. М., 2012.
79. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М., 2014.
80. Колянчук О., Литвин М., Науменко К. Генералітет Українських визвольних змагань. Львів, 1995.
81. Литвин М.Р., Науменко К.Е. Збройні сили України першої половини ХХ ст. Генерали і адмірали. Львів; Харків, 2007.
82. Тинченко Я.Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1; 2011. Кн. 2.
83. Тинченко Я.Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. 1917–1921 роки. Київ, 1995. Ч. 1: Біографічно-довідкова.
84. Jēkabsons Ē., Ščerbinskis V. Latvijas armijas augstākie virsnieki 1918–1940: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1998.
85. Kawalerowie Virtuti Militari 1792–1945. Koszalin, 1991. Т. 2: 1914–1921. Cz. 1.
86. Kolańczuk A. Ukraińscy generałowie w Polsce emigranci polityczni w latach 1920–1939. Słownik biograficzny. Przemyśl, 2009.
87. Kosk H.P. Generalicja polska. Pruszków, 1998–2001.
88. Kryśka-Karski T., Żurkowski S. Generałowie Polski niepodległej. Warszawa, 1991.
89. Lāčplēša kara ordena kavalieri: Biogrāfiska vārdnīca. Rīga, 1995.
90. Lietuvos kariuomenės karininkai 1918–1953. Vilnius, 2001–2015. Т. 1–10.

91. *Lipponen R.* Itsenäisen Suomen Kenraalikunta 1918–1996: Biografiat. Porvoo; Helsinki; Juva, 1997.
92. *Mierzwiński Z.* Generałowie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1990.
93. *Odziemkowski J.* Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004.
94. Preliminär tjänsteställningslista öfver aktiva officerare och reservofficerare i aktiv tjänst vid armen. Helsinki, 1919
95. *Stawecki P.* Oficerowie dyplomowani wojska Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1997.
96. *Stawecki P.* Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918–1939. Warszawa, 1994.
97. *Suchcitz A.* Generałowie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920. Mały słownik biograficzny. Białystok, 1993.
98. Virkaikäluettelo upseereista vakinaisessa sotapalveluksessa 1.3.1921.
99. *Wojtaszak A.* Generalicja Wojska Polskiego 1921–1926. Szczecin, 2005.

Произведения художественной литературы

1. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Письма к тетеньке // Собрание сочинений: в 20 т. М., 1972. Т. 14. С. 247–524.

Указатель имен

- Абазов Т. Т. 1: 261
Абакумов Н.П. Т. 1: 376
Абжолтовский С. Т. 2: 754
Абинякин Р.М. Т. 1: 30, 35, 46; Т. 2: 155
Абрамов З.Ф. Т. 2: 714
Абрамов Ф.Ф. Т. 1: 585, 625, 817, 852; Т. 2: 401, 797
Аванесов В.А. Т. 1: 958
Аверьянов П.И. Т. 1: 11, 56, 81, 83, 85, 88, 93, 107, 125, 127, 128, 130, 136, 137, 140, 150, 171, 205, 563, 623, 636, 637, 782, 854; Т. 2: 9, 361, 406, 434, 481, 548, 553, 791, 794
Аверьянов, бандит Т. 2: 665, 834
Авксентьев Н.Д. Т. 1: 862, 864, 867
Авксентьевский К.А. Т. 2: 522
Авров Д.Н. Т. 1: 538
Авсеевич А.А. Т. 2: 763
Авсорогов М.Г. Т. 2: 428
Авсюк А.Г. Т. 1: 376, 522
Автономов А.И. Т. 1: 223
Автономов Г.П. Т. 2: 167, 174, 209
Авчинников И.И. Т. 1: 37; Т. 2: 196
Агапеев В.Н. Т. 1: 752–754
Агапеев В.П. Т. 1: 763, 882
Агаронян (Агоронян) А.Н. Т. 1: 792; Т. 2: 657
Агокас Е.В. Т. 2: 605
Агокас С.В. Т. 2: 195
Агранов Я.С. Т. 1: 991; Т. 2: 331–334, 336
Адиз-хан (Азиз-хан) Т. 2: 296
Адрианов П.М. Т. 1: 748, 880
Ажогин В.М. Т. 2: 797
Азин В.М. Т. 2: 522
Айрапетов О.Р. Т. 1: 64, 123
Айронсайд У. Т. 1: 266, 693, 695, 696, 830; Т. 2: 388, 402
Акимов М.В. Т. 1: 967, 972, 974; Т. 2: 79
Акинтиевский В.К. Т. 1: 241, 726
Акинтиевский Г.К. Т. 1: 241, 287; Т. 2: 100, 101, 103
Акинтиевский К.К. Т. 1: 160, 241, 688, 873; Т. 2: 258, 675
Аксенов П.П. Т. 1: 376
Аксенов, комиссар Т. 2: 573
Акулинин И.Г. Т. 1: 55, 327, 643, 662, 676, 871–873; Т. 2: 387
Акутин К.В. Т. 2: 182
Акутин П.Т. Т. 1: 281, 448, 696, 704; Т. 2: 400, 434
Алабян (Алабянц) Т. 2: 657
Алаев И.В. Т. 2: 599
Алатырцев А.В. Т. 1: 194, 593
Алафузо М.И. Т. 1: 312, 313, 512, 935; Т. 2: 297, 298, 552, 723–725, 760, 761, 763, 765
Александр I Карагеоргиевич, югослав. кор. Т. 1: 966
Александр II, рос. имп. Т. 1: 819; Т. 2: 794
Александр Македонский Т. 2: 793
Александр Михайлович, вел. кн. Т. 1: 970
Александр Невский, кн. Т. 1: 16
Александра Федоровна, рос. имп. Т. 1: 122, 124, 274, 809
Александров А.Н. Т. 1: 968
Александров К.М. Т. 2: 404, 677
Александров Л.К. Т. 1: 218, 288, 537; Т. 2: 312, 534, 723
Александров Н.Г. Т. 2: 492
Александровский В.С. Т. 2: 107
Алексеев А.Н. Т. 1: 237; Т. 2: 401, 404
Алексеев И.Т. Т. 2: 397, 732
Алексеев К.Т. Т. 2: 641
Алексеев К.В. Т. 1: 216, 288, 400, 817; Т. 2: 117, 478, 516
Алексеев М.В. Т. 1: 56, 60, 80, 81, 87, 93, 107, 110–112, 117, 120, 123–125, 130–133, 135, 137, 138, 141, 145, 146, 148, 154–157, 160, 164, 166, 173, 184, 185, 188, 200–203, 228, 246, 249, 250, 253–255, 275, 292, 334, 343, 412, 415, 499, 551–556, 561, 562, 573, 683, 722, 799, 812, 818, 825, 826, 829, 831, 832, 834–836, 842, 888, 940, 998; Т. 2: 8, 100, 137, 236, 237, 260, 262, 267, 268, 271, 273, 274, 279, 289, 354, 407, 477, 480, 541, 819, 840
Алексеев М.П. Т. 2: 615, 744
Алексеев Н.М. Т. 1: 184
Алексеев П.Н. Т. 1: 312, 313; Т. 2: 772, 777
Алексеев Я.И. Т. 1: 376, 521
Алексеев, полковник Т. 2: 292, 299
Алексеева А.Н. Т. 1: 184
Алексеева-Борель В.М. Т. 1: 56
Алексей Николаевич, наследник цесаревич Т. 1: 122
Алексий I (Симанский), патр. Т. 2: 783
Алибеков И.Я. Т. 2: 586
Алкнис Я.И. Т. 2: 691
Алпеев О.Е. Т. 1: 64
Алферов З.А. Т. 1: 55, 57, 188, 577, 578, 579, 581, 583, 804, 806, 825; Т. 2: 7, 8, 131, 462
Альбокринов Н.П. Т. 2: 107
Альфатер В.М. Т. 1: 192, 193, 196, 197, 386, 418, 419
Алянчиков К.Н. Т. 1: 398; Т. 2: 15
Аметистов Т.А. Т. 1: 625; Т. 2: 240
Ананьев В.И. Т. 1: 894
Андерс А.К. Т. 1: 287, 510; Т. 2: 522, 724
Андерс В.Т. Т. 1: 61; Т. 2: 553, 782
Андерс Д.И. Т. 2: 294
Андерсон А.Х. Т. 1: 483, 919; Т. 2: 191, 322, 323, 666, 743
Андогский А.И. Т. 1: 49, 78, 93, 125, 128, 139, 155, 183, 193, 197, 248–250, 270, 274, 341, 386, 534, 645–647, 664, 673, 682, 684, 833, 857–861, 864, 867, 869–871, 876, 888; Т. 2: 15, 16, 36, 105, 154, 267, 474, 475, 543, 548–550, 557, 558, 560, 563–565, 568, 572, 677, 794
Андреев Б.И. Т. 2: 667, 668
Андреевский Т. 2: 142
Андривский Д.И. Т. 1: 294; Т. 2: 21, 23, 24, 31, 130, 131, 200, 549
Андронников (Андроникашвили) А.С. Т. 1: 246, 784, 788; Т. 2: 681
Андросов С.А. Т. 1: 448, 449
Андрусов К.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 531
Анисимов А.И., генштабист Т. 1: 288
Анисимов А.И., чекист Т. 2: 233
Анисимов Н.В. Т. 1: 750; Т. 2: 788
Аничков В.П. Т. 2: 293
Анненков Б.В. Т. 2: 671, 672
Аносов Н.С. Т. 1: 128; Т. 2: 303
Антипин И.А. Т. 2: 172, 173, 703, 756, 759
Антоний (Храповицкий), митр. Т. 2: 71
Антонов А.А. Т. 1: 945
Антонов А.И. Т. 1: 39
Антонов А.С. Т. 2: 836
Антонович А.Т. Т. 1: 55, 287, 682, 963, 966; Т. 2: 190, 471, 474, 563, 573, 717, 719, 720
Антонов-Овсенко В.А. Т. 1: 177, 178, 290, 388, 390, 418, 419, 425, 442, 456–458, 461, 907; Т. 2: 220, 290, 291, 394, 717, 719

- Анучин С.А. Т. 1: 180, 431, 919
 Аплот Ю.Ю. Т. 1: 488; Т. 2: 226, 598
 Аппетер И.А. Т. 2: 231
 Апрельев Г.П. Т. 1: 129, 552, 554
 Апухтин А.Н. Т. 1: 288, 429, 533; Т. 2: 459, 633
 Апухтин К.В. Т. 1: 940
 Апушкин В.А. Т. 1: 529
 Аралов С.И. Т. 1: 57, 395, 396, 406, 407, 418, 423, 449, 486, 492, 495, 548, 918, 924, 925, 929, 948; Т. 2: 31, 39, 40, 42, 44, 45, 48, 111, 223, 224, 227, 230–233, 280, 315, 338, 340, 341, 375, 416, 417, 420, 421
 Арапов П.С. Т. 2: 221
 Араратов (Араратян) Х.Г. Т. 1: 796, 797
 Арванити Г.И. Т. 2: 401
 Аргмаков А.П. Т. 2: 142
 Аргунов А.А. Т. 1: 862, 864, 867
 Аргунов А.Г. Т. 2: 675, 677, 735
 Аржанов М.М. Т. 1: 518
 Аркадьев В.П. Т. 1: 917; Т. 2: 262
 Арканников Б.А. Т. 2: 663, 664
 Армадеров Г.А. Т. 1: 287, 296, 297, 312, 313, 527, 821; Т. 2: 11, 552, 772, 781
 Арнольдс В.Н. Т. 2: 240
 Арсений (Стадникий), митр. Т. 1: 953
 Арсеньев Е.К. Т. 1: 711
 Артамонов В.А. Т. 2: 219, 242, 790
 Артамонов Л.К. Т. 1: 320
 Артамонов Н.Д. Т. 1: 118, 247, 376, 520, 521
 Артамонов Н.Н. Т. 2: 745
 Артемьев В.В. Т. 1: 647
 Артемьев И.К. Т. 2: 677
 Артемьев К.П. Т. 1: 287, 393; Т. 2: 563, 723–725, 764, 765
 Аргузов (Фраучи) А.Х. Т. 1: 899; Т. 2: 168, 736
 Артынов Д.П. Т. 2: 11, 52
 Архангельский А.П. Т. 1: 103, 117, 130, 140, 250, 464, 985; Т. 2: 131, 135, 146, 271, 272, 274, 277, 352, 406, 444, 463, 464, 532
 Архангельский П.Г. Т. 2: 243, 248
 Архипов М.Н. Т. 1: 698; Т. 2: 400
 Архипович Н.Г. Т. 2: 640
 Аршеневский П.Н. Т. 1: 319, 320
 Аршинов П.А. Т. 2: 360
 Асмус Т. 2: 279
 Астапович В.В. Т. 1: 967
 Астафьев (Остапура-Степовий) А.С. Т. 2: 639, 640
 Астров Н.И. Т. 1: 12, 278, 827
 Атабеков (Атабегов, Атабегашвили) Д.Г. Т. 2: 209, 250, 667, 669
 Атаев П.П. Т. 1: 791; Т. 2: 200–202, 658
 Атарбеков (Атарбекян) Г.А. Т. 2: 202, 286, 287, 685
 Аузан А.И. Т. 1: 376, 520, 521; Т. 2: 441, 632, 786
 Афанасьев А.В. Т. 1: 288; Т. 2: 757
 Афанасьев А.Н. Т. 2: 160, 667
 Афанасьев В.А. Т. 1: 215, 294, 518; Т. 2: 741
 Афанасьев В.М. Т. 2: 204, 579
 Афанасьев Ф.М. Т. 1: 537, 539, 540; Т. 2: 393, 394, 580, 663, 673, 723, 743, 829, 830
 Ахаткин К.З. Т. 1: 157, 176, 188, 209, 260, 263, 265, 266, 268, 574; Т. 2: 385
 Ахвердов И.В. Т. 1: 794, 797; Т. 2: 657, 745, 759, 760
 Ахвердов Н.Н. Т. 2: 293, 294
 Ахматов А.К. Т. 2: 302
 Ахметелов С.Г. Т. 1: 781
 Ачкасов Т. 2: 428
 Ашеберг Н.П., фон Т. 1: 248
 Ашик Н.В. Т. 2: 619
 Ашин Г.К. Т. 1: 15
 Бабилов Н.А. Т. 1: 294; Т. 2: 277, 303, 337, 459
 Бабкин А.И. Т. 1: 577, 578
 Бабушкин Т. 1: 61
 Баграмов И.С. Т. 2: 489
 Баграмян И.Х. Т. 2: 761
 Багратуни Я.Г. Т. 2: 106
 Бажанов Б.Г. Т. 2: 722
 Баженов Б.П. Т. 2: 134, 257
 Базаревский А.Х. Т. 1: 645; Т. 2: 626, 750, 753, 766
 Базаров П.А. Т. 1: 164, 195; Т. 2: 242
 Базили Н.А. Т. 1: 131
 Базыленок М.П. Т. 2: 52, 164, 182
 Байер Ф.Т. 1: 44
 Баиов (Байов) А.К. Т. 1: 58, 240, 241, 281, 342, 344, 345, 533, 716; Т. 2: 563, 656, 811
 Баиов В.К. Т. 1: 240, 241, 698, 834; Т. 2: 811
 Баиов К.К. Т. 1: 240, 241, 288, 397, 398, 403, 519, 530; Т. 2: 34, 447, 798, 811
 Бакало А.А. Т. 2: 645
 Бакич А.С. Т. 1: 647, 923; Т. 2: 203, 671, 672
 Бакланова И.С. Т. 1: 40
 Баковец И.Г. Т. 2: 142, 143, 756, 757, 758
 Бакулевский А.Н. Т. 2: 404
 Балабин Ф.И. Т. 1: 125, 126, 146, 147; Т. 2: 20–23, 25–31, 97
 Баланин Д.В. Т. 1: 531
 Балицкий В.А. Т. 2: 755
 Балодис Я. Т. 1: 770, 776
 Балтийский А.А. Т. 1: 78, 178, 216, 219, 235, 238, 529, 971; Т. 2: 229, 441, 522, 626, 632, 723, 724, 740, 766, 814
 Балтин, см. Болтин П.А.
 Балтрушайтис Т. 1: 774
 Балуев П.С. Т. 1: 150, 231, 530–532, 967, 972; Т. 2: 686, 687
 Бальцар В.В. Т. 1: 643
 Бангерский Р.К. Т. 1: 873; Т. 2: 399, 401, 403
 Барабанщиков, рабочий Т. 1: 822
 Баранов П.М. Т. 1: 706; Т. 2: 186, 303
 Баранов С.А. Т. 1: 287, 518
 Баранович В.Л. Т. 1: 281, 287, 401, 936; Т. 2: 48, 303, 306, 327, 522, 732
 Барановский В.Л. Т. 1: 125, 127, 159, 241, 294, 400, 512, 527; Т. 2: 346, 626
 Барановский Л.С. Т. 1: 241
 Барановский Н.Э.
 Баратов Н.Н. Т. 1: 56, 619; Т. 2: 430, 436, 553, 554, 682, 683
 Бардинский И.А. Т. 1: 288; Т. 2: 46, 96, 427
 Баркалов В.П. Т. 1: 554
 Бармин А.А. Т. 1: 288
 Бармин А.Г. Т. 2: 602, 604
 Бармин И.А. Т. 1: 518
 Барсуков Е.З. Т. 1: 56, 209, 397–399, 442, 443, 516, 911, 937; Т. 2: 491, 496, 508, 744, 751, 753
 Барташевич (Бартошевич) Б.В. Т. 2: 196, 303
 Бартельс И.И. Т. 1: 281, 294, 393, 810
 Бартенев Н.В. Т. 2: 294
 Барцевич В.П. Т. 1: 554, 557, 559, 560; Т. 2: 286, 289
 Барышников С.Н. Т. 1: 689; Т. 2: 404, 520
 Баскаков В.И. Т. 1: 855; Т. 2: 136, 790
 Басков Б.М. Т. 2: 291
 Басков М.В. Т. 1: 458; Т. 2: 290, 291, 303, 640
 Баскова В.А. Т. 2: 291
 Баскова В.М. Т. 2: 291
 Баскова Н.М. Т. 2: 291
 Басханов М.К. Т. 1: 41
 Баташев М.Н. Т. 1: 241; Т. 2: 852
 Баташев Н.М. Т. 1: 241; Т. 2: 436
 Батенин Э.С. Т. 2: 631
 Батов П.И. Т. 2: 748
 Баторский М.А. Т. 1: 287, 518; Т. 2: 282, 378, 394, 751, 761, 766, 810, 830
 Батрук А.И. Т. 2: 117, 143, 156, 160, 246, 756
 Батушин Н.Н. Т. 1: 976, 978
 Батюшин Н.С. Т. 1: 60; Т. 2: 230, 243, 798
 Баумгартен В.К., фон Т. 1: 242, 294
 Баумгартен Р.К., фон Т. 1: 242
 Бафталовский И.А. Т. 1: 242, 859–868; Т. 2: 294
 Бафталовский Н.А. Т. 1: 242, 303

- Бачинский М.Л. Т. 1: 376; Т. 2: 130, 147
Бедарев П.М. Т. 2: 21, 24
Безель, гражданка Т. 2: 59
Безкровный А.А. Т. 2: 792
Безладнов В.Л. Т. 1: 294
Безладнов Л.С. Т. 1: 281
Безобразов В.М. Т. 1: 107
Безобразов Н.А. Т. 2: 110, 404
Безобразов С.А. Т. 2: 109, 110
Безруков А.Г. Т. 1: 376; Т. 2: 744
Безручко М.Д. Т. 1: 61, 737, 744, 746–749, 751, 759, 760; Т. 2: 402–404
Безугольный А.Ю. Т. 1: 64; Т. 2: 773
Бейли Ф.М. Т. 2: 297
Бек В.А. Т. 2: 107
Бек Ю. Т. 2: 771
Бекзадян А.А. Т. 2: 202
Бек-Зейналов М.М. Т. 1: 779, 780
Беклемишев А.В. Т. 2: 101, 103, 154
Бекович-Валуйский Б.С. (Заур-Бек Э.-М.) Т. 2: 212
Белановская Е.Г. Т. 1: 181
Белецкий В.В. Т. 1: 281, 526
Белецкий, председатель комитета Т. 1: 725
Белицкий С.М. Т. 2: 582, 604, 760
Белкин Н.Н. Т. 2: 166, 167, 198
Беллами Э. Т. 1: 822
Белобородов А.Г. Т. 2: 59, 64, 508
Белов П.А. (Виттекопф Г.А.) Т. 1: 648, 664, 678, 859; Т. 2: 251, 252, 303, 400
Беловский А.П. Т. 2: 164, 390
Белой А.С. Т. 1: 236, 299; Т. 2: 36, 103, 492, 562, 626, 753, 766
Белоплицкий В.Е. Т. 1: 530; Т. 2: 626, 748, 753
Белопольский И.А. Т. 2: 618
Белоусов И.А. Т. 2: 164, 209
Белоусов И.М. Т. 2: 292
Белоцерковский Н.И. Т. 1: 657, 814; Т. 2: 255, 294, 429
Бельгов Т. 2: 99
Белькович Л.Н. Т. 1: 138, 530, 531
Бельский Л.Н. Т. 2: 755
Бельский Т. 2: 691
Белявский А.П. Т. 2: 196, 303
Беляев А.И. Т. 1: 287
Беляев В.В. Т. 1: 173, 986; Т. 2: 413
Беляев М.А. Т. 1: 72, 88, 117, 126, 137, 288; Т. 2: 302
Беляев Н.С. Т. 1: 294, 376, 931; Т. 2: 562, 575, 579, 618, 744
Беляев С.Н. Т. 1: 441
Бем Е.Ю. Т. 1: 799
Бенашвили (Бенаев) А.М. Т. 1: 376, 787; Т. 2: 681
Бензема Д.А. Т. 2: 631
Бензенг А.В. Т. 2: 242
Бенингсен, граф Т. 1: 847
Бенкендорф К.А. Т. 1: 989
Беннингсен Э.П. Т. 1: 127, 129
Берг Н.А. Т. 1: 593
Бердяев Н.А. Т. 1: 18
Березин Б.А. Т. 2: 163, 209
Березовский А.А. Т. 2: 255
Березовский А.И. Т. 1: 598, 740, 743; Т. 2: 792
Берендс В.Ю. Т. 2: 600
Берендс К.Ю. Т. 1: 192, 193, 287, 501, 930; Т. 2: 100, 101, 103, 104, 228, 229, 750, 752, 753
Беренс Е.А. Т. 1: 390
Берзин Р.И. Т. 1: 425, 449, 899, 918, 983; Т. 2: 66, 293
Берзин Э.П. (?) Т. 2: 231
Берзиньш В.М. Т. 1: 36
Берман Е.Н. Т. 1: 242
Берман Н.Н. Т. 1: 242, 288, 302, 488; Т. 2: 220, 758
Бермондт-Авалов П.Р. Т. 1: 61, 363, 373, 717–720, 770; Т. 2: 661
Бернгарди Ф. Т. 2: 753
Бернов А.В. Т. 1: 448; Т. 2: 303
Бернштам Р.Б. Т. 2: 599
Берская Н.Д. Т. 2: 287
Бертельс (Бертов) О.А. Т. 1: 288
Бертъе Л.-А. Т. 1: 971
Берхман Г.Э. Т. 2: 436, 792
Беседовский Г.З. Т. 2: 719
Бесядовская Е.И. Т. 2: 509
Бесядовская Е.К. («Леля») Т. 2: 509
Бесядовская М.К. Т. 2: 509
Бесядовские Т. 2: 509
Бесядовский К.И. Т. 1: 140, 225, 288, 383, 524, 821, 910; Т. 2: 509, 608
Бетхер Ю.Ю. Т. 1: 775
Бетховен Л., ван Т. 2: 525
Бирк Э.Ф. Т. 2: 279
Биркан И.М. Т. 1: 281, 401
Бируля Г. Т. 2: 294
Бирюков Н.Н. Т. 2: 600, 608
Бирюков Н.П. Т. 2: 303
Бискупский В.В. Т. 1: 718, 719
Битинский Н. Т. 2: 82
Биттенбиндер А.Г. Т. 1: 641
Бичерахов Л.Ф. Т. 1: 363, 371, 373, 972; Т. 2: 391
Благовещенский П.В. Т. 2: 632, 633
Блаунс Т. 2: 231
Блинов К.И. Т. 2: 209
Блюхер В.К. Т. 1: 186; Т. 2: 100, 668, 669
Бобошко Л.А. Т. 1: 712
Бобрищев А.А. Т. 1: 91, 312, 313, 516, 537, 538, 989; Т. 2: 229, 733
Бобровский Б.П. Т. 1: 725
Бобрышов И.И. Т. 2: 508
Бобрышова А.М. Т. 2: 508
Бобырь Н.П. Т. 2: 196, 303
Бобаевский А.П. Т. 1: 580, 585, 586, 605, 825, 830, 840, 842, 849–852, 940, 985
Богат (Бочкова) А.П. Т. 2: 608
Богатко Н.И. Т. 1: 616
Богачкий И.М. Т. 2: 52, 182
Богданович А.В. Т. 2: 526
Богданович П.В. Т. 2: 356
Богданович С.И. Т. 1: 288, 750
Боголепов В.И. Т. 1: 281, 294
Богомягков С.Н. Т. 2: 396, 552, 830, 831
Богословский Б.П. Т. 1: 62, 270, 286, 294, 300, 306, 645, 931; Т. 2: 11, 21, 24, 25, 90, 94, 122, 303, 357, 399, 401, 472, 511, 563
Богословский М.М. Т. 2: 287
Бодак Н.В. Т. 2: 225, 226
Бодров А.С. Т. 2: 677
Божко В.В. Т. 1: 281, 288, 400
Бойе В.В. Т. 1: 517
Бойко А.М. Т. 2: 240, 337
Бойс Э. Т. 2: 260
Бойцов М.В. Т. 2: 624
Бокий Г.И. Т. 2: 122, 173
Болбочан П.Ф. Т. 1: 59, 746, 750; Т. 2: 367
Болдырев В.Г. Т. 1: 55, 78, 179, 286, 294, 649, 650, 662, 663, 819, 820, 857–859, 861, 862, 864, 867, 868, 870, 872, 998, 1000; Т. 2: 151, 203, 254, 269, 279, 280, 409, 468, 572, 573, 673, 674, 819
Болецкий К.Б. Т. 1: 242, 775
Болецкий Э.Б. Т. 1: 242
Бологовской Д.Б. Т. 1: 839
Болотов В.В. Т. 1: 194; Т. 2: 141
Болтин П.А. Т. 1: 737
Болховитинов Л.М. Т. 1: 171, 270, 288, 327, 391, 572, 599, 839, 963, 965; Т. 2: 113, 133–137, 150, 430, 431
Бондарев, полковник Т. 1: 578
Бондаренко Т. 1: 238
Бонч-Бруевич В.Д. Т. 1: 169, 246; Т. 2: 559
Бонч-Бруевич К.М. Т. 2: 426
Бонч-Бруевич М.А. Т. 1: 929
Бонч-Бруевич М.Д. Т. 1: 28, 56, 59, 60, 78, 79, 117, 139, 144, 153, 154, 159, 161, 167, 169–173, 190, 192, 195, 196, 207, 217, 220, 221, 224, 227, 232, 246, 285, 288, 289, 293, 376, 378, 384–386, 388–392, 396, 402, 406, 415, 416, 421, 423, 428, 527, 531, 532, 535, 706, 725, 812, 821, 892, 896, 925–927, 929–932, 935, 943, 945, 948–950, 956, 958, 962; Т. 2: 13, 17, 22, 36, 50, 89, 126, 133, 150, 218, 230, 234, 243, 312, 317, 377, 398, 415, 426, 437, 439, 460, 505, 517, 531, 533, 534, 558, 559, 741, 746, 753, 754, 756, 772, 777, 810, 847
Борд Ф.Т. Т. 2: 270

- Бордонис П.С. Т. 2: 646
 Борисов А.И. Т. 2: 240
 Борисов Б.Э. Т. 1: 319
 Борисов В.Е. Т. 1: 72, 105, 178, 219, 281, 317, 386, 412–415, 433, 500, 527, 529–531, 930; Т. 2: 96, 113, 114, 120, 133, 147, 343, 579, 602, 603, 614, 637
 Борисов Н.П. Т. 1: 288; Т. 2: 744
 Борицкий Н.Э. Т. 1: 287
 Борман А.А. Т. 2: 263, 439
 Боровский А.А. Т. 1: 561; Т. 2: 520
 Боровский Н.К. Т. 1: 287; Т. 2: 29, 31, 303
 Боровский Ф.Н. Т. 1: 281; Т. 2: 11
 Бородин М.П. Т. 2: 179
 Бородин С.К. Т. 1: 179, 570, 578, 851
 Бородулин В.Р. Т. 2: 697
 Бортневский В.Г. Т. 2: 291
 Борхсениус Л.Н., см. Ростов Л.Н.
 Борченко, крестьянин Т. 2: 364
 Борщевский А.Г. Т. 2: 664
 Ботилов А.С. Т. 2: 778
 Бочаров С.Г. Т. 2: 302
 Бочаров Т. 2: 769
 Бочкарев В.И. Т. 2: 678
 Бочкарева М.Л. Т. 1: 696; Т. 2: 167
 Боштанов В.Г. Т. 2: 800, 801
 Бояринов М.И. Т. 2: 302
 Брандт А.Ф. Т. 2: 242
 Браун Ф.А. Т. 1: 974
 Бревен И.В., фон Т. 2: 572
 Бредий, см. Бредш Ф.М.
 Бредов Н.Э. Т. 1: 49, 60, 244, 611, 614, 964; Т. 2: 111, 137, 145, 146, 385–388
 Бредов Ф.Э. Т. 1: 244, 642
 Бредш Ф.М. Т. 2: 164, 166, 182, 246, 250
 Брежнев И.П. Т. 2: 677
 Брендель В.А. Т. 1: 288; Т. 2: 17–19, 21, 24–26, 28, 29, 31
 Бретцель А.Я., фон Т. 2: 281
 Брехман, генштабист Т. 2: 302
 Брилевич А.В. Т. 1: 247
 Бронский В.М. Т. 1: 61, 727, 743, 748
 Бронский М.Г. Т. 2: 795
 Бруно Г.И. Т. 2: 232
 Брусилов А.А. Т. 1: 100, 117, 122, 131–133, 135, 138, 145, 148, 173, 219, 232, 270, 531, 923, 967–970, 972–974, 991; Т. 2: 170, 195, 196, 198, 330–332, 404, 528, 529, 687, 766, 814
 Брусилова Н.В. Т. 2: 723
 Брюханов Н.П. Т. 2: 492
 Бублик, подпоручик Т. 2: 365
 Бубнов А.С. Т. 2: 64, 65, 720, 721, 729
 Бугай К.Я. Т. 1: 242
 Бугай П.Я. Т. 1: 242; Т. 2: 143
 Будберг А.П. Т. 1: 49, 55, 57, 77, 95, 102, 107, 109, 170, 175, 178, 188, 191, 234, 651, 653, 664, 668, 680, 806, 808, 873; Т. 2: 253, 408, 409, 436, 437, 474, 805
 Буденный С.М. Т. 1: 61, 330, 576, 606, 621; Т. 2: 78, 197, 397, 410, 719, 723, 762, 764
 Буковской А.П. Т. 1: 746; Т. 2: 26
 Букретов Н.А. Т. 1: 83, 561, 825, 843; Т. 2: 194, 267, 432, 480
 Букшпан Я.М. Т. 1: 531
 Булак-Балахович С.Н. Т. 1: 367, 373, 877; Т. 2: 110, 428, 487, 552, 600, 661, 662
 Булгаков К.Г. Т. 1: 642
 Булдаков В.П. Т. 1: 41
 Булле М.О. Т. 2: 608
 Буняковский В.В. Т. 2: 132, 147, 640
 Бур П.Е., де Т. 2: 107
 Буравченков А.А. Т. 1: 27, 206
 Буренин Б.А. Т. 1: 312, 440, 508; Т. 2: 552, 831, 832
 Буренин, адъютант Т. 1: 675
 Бурин П.П. Т. 2: 165, 166
 Бурков А.П. Т. 1: 790, 791, 793
 Бурков П.Л. Т. 1: 473, 474
 Бурлин П.Г. Т. 2: 433, 474
 Буров А.А. Т. 1: 172, 859–863, 865, 870; Т. 2: 176, 189, 190, 246, 293, 741
 Буров А.Н., см. Буров А.А.
 Буров П.Н. Т. 1: 287, 398, 480; Т. 2: 26, 107, 144, 145, 147, 444
 Бурский П.Д. Т. 2: 626, 627, 744
 Бухарин Н.И. Т. 2: 583
 Бухольц (Бухгольц) В.Е. Т. 2: 145, 146
 Бучинский Б.И. Т. 1: 731, 833; Т. 2: 240, 244
 Быков А.Н. Т. 2: 107
 Быч Л.Л. Т. 1: 561, 842
 Вагин А.Н. Т. 1: 193, 664, 675
 Вадбольский В.А. Т. 1: 246
 Вакулич П.И. Т. 2: 765
 Вакье Э. Т. 2: 260
 Валентинов А.А. Т. 1: 328; Т. 2: 149
 Валентинов Т. 1: 488
 Валидов А. – З. Т. 1: 516, 872
 Валуев А.М. Т. 1: 288
 Валуева О.И. Т. 2: 601
 Валь В.Г., фон Т. 1: 707
 Валь Э.Г., фон Т. 1: 80
 Вальтер Р-К.Ф. Т. 1: 287; Т. 2: 219, 220
 Вальтер Т. 2: 419
 Вандам (Едрихин) А.Е. Т. 1: 93, 706, 707, 709, 712, 715, 814, 827, 854, 878; Т. 2: 434, 520
 Ванновский Г.М. Т. 1: 151; Т. 2: 656
 Ванновский П.С. Т. 1: 71
 Ванюков В.В. Т. 1: 671
 Варгасов Т. 2: 255
 Варфоломеев Н.Е. Т. 1: 281, 294, 522; Т. 2: 732, 750, 752–754, 766
 Василевский А.М. Т. 1: 39; Т. 2: 761, 774, 775
 Василенский Л.В. Т. 2: 599
 Василенко Л.Д. Т. 1: 649, 861, 863, 865; Т. 2: 294–296
 Василенко М.И. Т. 1: 536, 760, 889, 893, 916, 943; Т. 2: 189, 395, 397, 411, 552, 679, 760, 766, 832
 Василюв А.В. Т. 2: 777
 Васильев А.Г. Т. 1: 488, 489; Т. 2: 226, 379, 595
 Васильев А.С. Т. 2: 426
 Васильев А.Ф. Т. 1: 281, 287, 400, 401
 Васильев В.Н. Т. 1: 152
 Васильев П.М. Т. 1: 287
 Васильев Ф.Н. Т. 1: 531, 532
 Васильев, полковник Т. 2: 142
 Васильев, полковник, начальник штаба Русской народной Добровольческой армии Т. 2: 661, 662
 Васильев, слушатель Т. 2: 58, 59
 Васильев, товарищ А.А. фон Лампе Т. 2: 800
 Васильевский В.Н. Т. 1: 177
 Васильковский Т. 1: 281
 Васильченко И.М. Т. 1: 740, 743, 880, 881; Т. 2: 196, 239, 303
 Васыко-Богдан В.А. Т. 2: 600
 Ватсон В.Т. 2: 260
 Вах Б.Э., фон Т. 2: 400, 676, 677, 782
 Вахрушев М.Н. Т. 2: 431
 Вацетис И.И. Т. 1: 23, 36, 40, 48, 56, 59, 60, 82, 207, 218, 229, 230, 231, 265, 298, 328–330, 396, 405–408, 418–426, 428–430, 433, 435, 438, 439, 441, 443, 446, 450, 457, 458, 482, 490, 492, 502, 505, 527, 531, 535, 536, 541, 544, 662, 666, 668, 764, 770, 882, 889, 892, 903, 904, 910–912, 920, 925–928, 930–932, 935–937, 943, 945–950, 952–959, 961, 962, 996, 1000; Т. 2: 36, 38–44, 47–49, 56, 60, 79, 87, 122, 123, 132, 216, 232, 233, 247, 248, 279, 309, 321, 324, 325, 351, 373, 376, 379, 392–394, 396, 398, 411, 412, 414–416, 418, 420–422, 426, 448, 450, 491, 492, 496, 510, 521, 522, 534, 554, 560, 562–564, 575–577, 580, 583, 601, 602, 605, 686, 730, 750, 753, 762, 764, 766, 810
 Вацетис Э.И. Т. 1: 954, 955; Т. 2: 373, 412, 416–421, 426, 492, 496
 Вдовьев-Кабардинцев В.В. Т. 2: 115, 220
 Вебель Ф.М. Т. 2: 303
 Веденеев, служащий Т. 2: 262
 Веденяпин А.А. Т. 1: 247
 Веденяпин М.А. Т. 1: 871; Т. 2: 264
 Веденяпин П.А. Т. 1: 552, 554
 Векилов А.Д. Т. 1: 791
 Великанов М.Д. Т. 2: 79

- Велио В.И. Т. 1: 711
 Величкин Н.П. Т. 1: 281; Т. 2: 11
 Величко К.И. Т. 1: 168, 968; Т. 2: 605
 Венков А.В. Т. 1: 30
 Венцов-Кранц С.И. Т. 2: 688
 Вербицкий П.И. Т. 2: 142
 Верди Дж. Т. 2: 525
 Вержбицкий Г.А. Т. 2: 675
 Вержбицкий Н.Ю. Т. 1: 517; Т. 2: 180, 205, 206
 Вернер Э. Т. 1: 768
 Верховский А.И. Т. 1: 56, 59, 92, 98, 108, 122, 125, 126, 138, 153, 154, 158, 190, 191, 234, 442, 496, 533, 807, 822, 875, 890, 923, 925, 926, 930, 940–943, 967; Т. 2: 97, 182, 183, 270, 313, 354, 410, 459, 496, 497, 502, 526, 527, 602, 605, 626, 725, 730, 740, 741, 750, 751, 756, 761, 765, 766
 Верховский Б.К. Т. 2: 751, 766
 Верховский С.И. Т. 1: 287; Т. 2: 144
 Верцинский Э.А. Т. 1: 320, 386; Т. 2: 498, 796
 Веселаго А.А. Т. 1: 319, 889
 Веселаго Г.М. Т. 2: 121
 Веселаго И.В. Т. 2: 744
 Веселовский А.А. Т. 1: 138
 Ветошкин М.К. Т. 1: 918
 Ветренко Д.Р. Т. 1: 338, 707, 711, 714, 715; Т. 2: 400, 404, 432, 793
 Вецкий С.И. Т. 1: 281
 Видовский, поручик Т. 1: 862
 Видякин В.К. Т. 1: 711, 712
 Викорст Н.Э. Т. 1: 694, 899
 Виленский С.Б. Т. 2: 795
 Виленский-Сибиряков В.Д. Т. 2: 604
 Вилков П.А. Т. 2: 313
 Вилкова (Снесарева) Л.Е., см. Снесарева Л.Е.
 Вильгельм II, герм. имп. Т. 1: 840
 Вилькицкий Б.А. Т. 1: 702
 Вилькман К.К. Т. 1: 769
 Вильсон В.Т. 1: 884
 Винберг В.Ф. Т. 1: 820
 Винекен А.Г. Т. 1: 133
 Винниченко В.К. Т. 1: 742, 823
 Виноградов А.Н. Т. 1: 281, 288, 960, 961; Т. 2: 47, 723, 724
 Виноградов П.Ф. Т. 2: 502
 Виноградова А.З. Т. 2: 608
 Вирабян А.С. Т. 1: 64
 Вирановский Г.Н. Т. 2: 164, 303
 Виталиев, комендант Т. 2: 164
 Витковский В.В. Т. 1: 183, 376; Т. 2: 563
 Витковский В.К. Т. 1: 853
 Витоль (Виттоль) И.М. Т. 1: 457; Т. 2: 52
 Витоль И.М. Т. 2: 11
 Витт В.В., де Т. 1: 244
 Витт Л.В., де Т. 1: 244; Т. 2: 436
 Витте С.Ю. Т. 2: 45
 Витукевич К.Я. Т. 1: 701
 Вихирев А.А. Т. 2: 667
 Вишневский В.А. Т. 1: 287, 398
 Владимиров В.Г. Т. 1: 799
 Владимиров Г.А. Т. 2: 163
 Владимиров Т. 2: 576
 Владиславский-Крекшин Н.А. Т. 2: 632
 Владычек С.Н. Т. 2: 196, 303
 Власенко А.Н. Т. 2: 182
 Вовк А.М. Т. 1: 747, 749
 Вовкобой П.М. Т. 1: 740
 Вогак К.И. Т. 2: 531
 Водар В.В. Т. 2: 219
 Воейков В.Н. Т. 1: 124
 Войналович М.К. Т. 1: 560
 Войнарский Б.П. Т. 1: 881
 Войтиков С.С. Т. 1: 38, 41
 Войткевич К.М.
 Войткевич М.М. Т. 2: 255, 294
 Войтов А.Н. Т. 2: 102, 103
 Войтына И.А. Т. 1: 288, 399
 Войцеховский С.Н. Т. 1: 645, 652, 662, 663, 684, 687, 690, 799, 871, 873, 874; Т. 2: 264, 399, 400, 517, 524, 674, 782, 796, 819
 Войшин-Мурдас-Жилинский И.П. Т. 1: 245
 Войшин-Мурдас-Жилинский Л.П. Т. 1: 245, 320
 Воликовский Р.И. Т. 1: 764; Т. 2: 553, 733, 734, 782, 797, 798
 Волков Б.И. Т. 1: 294, 302; Т. 2: 619
 Волков В.Е. Т. 1: 288, 400, 401; Т. 2: 522
 Волков В.И. Т. 1: 862, 864; Т. 2: 209
 Волков Е.В. Т. 1: 30, 32
 Волков Е.Н. Т. 2: 431
 Волков Н.А. Т. 1: 704, 706; Т. 2: 186, 303, 387
 Волков С.В. Т. 1: 26, 28, 29, 119, 206, 347, 348, 350, 351, 378
 Волков С.М. Т. 1: 518, 530
 Волков Т. 1: 153
 Волковицкий В.В. Т. 1: 768
 Волконский А.М. Т. 2: 242
 Волобуев Т. 2: 364
 Володин М.Т. 2: 364
 Володина О.Т. 2: 364
 Володченко Н.Г. Т. 1: 165, 927
 Волошин, подпрапорщик Т. 2: 365
 Волховской М.Н. Т. 1: 260, 740, 743
 Вольпе А.М. Т. 2: 600
 Вольский А.И. Т. 1: 763
 Воорд, см. Уорд Дж.
 Воровский В.В. Т. 2: 8
 Воронеж Д.Н. Т. 1: 563
 Воронков М.И. Т. 1: 915
 Воронов Н.А. Т. 2: 164, 303
 Воронов Н.Н. Т. 2: 771
 Воронов П.Н. Т. 1: 533
 Воронович Н.В. Т. 1: 544
 Воронцов И.А. Т. 2: 755
 Ворошилов К.Е. Т. 1: 330, 456, 462, 463, 901–904, 907–909, 940, 944; Т. 2: 107, 313, 604, 713, 716, 717, 719, 722, 723, 728–730, 754, 759, 761, 768, 778
 Воскобойников Н.П. Т. 1: 751
 Воскресенский Г.П. Т. 1: 399
 Вострецов С.С. Т. 2: 608, 625
 Вохмин А.П. Т. 1: 281; Т. 2: 793, 794
 Врангель (Иваненко) О.М. Т. 2: 406
 Врангель М.Д. Т. 2: 340
 Врангель Н.Е. Т. 1: 819
 Врангель П.Н. Т. 1: 45, 50, 55, 60, 61, 74, 110, 134, 136, 157, 188, 199, 212, 217, 240, 312, 328, 336, 337, 357, 380, 502, 511, 517, 542, 547, 551, 567, 570, 572, 574, 592, 594, 597, 600–603, 605, 607, 608, 614, 616, 618, 622–627, 629, 630, 634–640, 642, 718, 799, 806, 808, 816, 818, 819, 825, 828, 831, 833, 837, 843–854, 884, 888, 819, 939, 940, 966, 973, 981, 982–984, 989–993, 998, 999; Т. 2: 75, 79, 113, 116, 124, 130, 142, 144, 148, 172, 190, 196, 201, 213, 241–243, 245, 250, 287, 332, 340, 344, 354, 355, 363, 386, 394, 396, 401, 404, 414, 415, 430, 453, 455, 467, 481, 520, 530, 536, 603, 608, 672, 735–737, 748, 785, 787, 790, 791, 793, 796, 808, 819, 830, 832, 837
 Всеволодов Н.Д. Т. 1: 57, 306, 317, 930; Т. 2: 94, 113, 120, 122, 123, 270, 344, 376, 380, 427, 456, 480
 Вульфен К. Т. 2: 754
 Вырубова А.А. Т. 1: 123, 124
 Высоцкий И.В. Т. 1: 219, 287, 960; Т. 2: 220, 375, 465, 766
 Вышемирский С.Н. Т. 1: 281, 522
 Вышинский Е.Е. Т. 1: 791, 793, 794
 Вязьмитинов В.Е. Т. 1: 595, 825, 830, 832, 985; Т. 2: 128, 235, 242, 243, 289, 791
 Вяткин Д.И. Т. 2: 165, 166
 Габаев (Габашвили) А.Г. Т. 2: 101, 431; Т. 2: 679
 Габаев П.А. Т. 1: 163
 Габбин Н.И. Т. 2: 633, 635
 Габриил Константинович, кн. крови имп. Т. 2: 542
 Гаврилов В.И. Т. 2: 302
 Гаврилов, штабс-капитан Т. 2: 101
 Гагарин А.А. Т. 1: 554, 555
 Гакгуев Р.Г. Т. 1: 30, 47, 64
 Гадзяцкий А.Н. Т. 1: 288
 Гаевский А.Т. Т. 1: 264; Т. 2: 243

- Гаевский Д. Т. 2: 747, 748
Газов П. И. Т. 2: 198, 209
Гай (Бжишкян) Г. Д. Т. 1: 475, 775; Т. 2: 625, 678
Гайда Р. Т. 1: 653, 656, 660, 663, 666, 667, 671, 871, 873, 874, 1000; Т. 2: 295, 357, 472, 555
Гайкс (Гайко) А. К. Т. 1: 860, 862, 863; Т. 2: 163, 174, 190
Галкин А. С. Т. 1: 731, 744, 747; Т. 2: 354, 403, 487, 796, 799
Галкин В. И. Т. 1: 760; Т. 2: 671, 756, 788
Галкин Н. А. Т. 1: 57, 645–647, 808, 820, 855, 856, 998; Т. 2: 101, 104, 293, 819
Галлер С. Т. 1: 765
Галлер Ю. Т. 1: 764, 765
Гальдер Ф. Т. 2: 771
Гальков П. А. Т. 2: 174, 206, 209
Гальслебен С. Н. Т. 1: 287
Гамазов К. М. Т. 2: 657
Гамарник Я. Б. Т. 2: 768
Гамбурцев А. А. Т. 2: 783
Гамбурцев Г. А. Т. 2: 783
Гамзагурди (Гамсахурдия) Г. Н. Т. 2: 668, 670, 744
Гамченко Е. С. Т. 1: 744; Т. 2: 756, 794, 795
Ганин А. В. Т. 1: 30
Гапонов, подпрапорщик Т. 2: 364, 365
Гарабурда Е. М. Т. 1: 281; Т. 2: 11
Гартман Б. Е. Т. 2: 242
Гартман М. Ю. Т. 2: 403
Гартунг Л. Ф. Т. 2: 302
Гарф В. Е. Т. 1: 61, 488, 501; Т. 2: 394, 626, 723–725, 760, 766, 832
Гатовский А. Н. Т. 1: 245, 287, 501; Т. 2: 426–428, 532, 627, 736, 832
Гатовский В. Н. Т. 1: 245; Т. 2: 182, 229, 503, 528, 579, 626, 627, 632, 736, 751
Гауг Е. М. Т. 2: 320
Гегечкори Е. П. Т. 1: 788
Гегстрем Е.-А. Э. Т. 1: 287, 401, 446
Гедеванишвили (Гедеванов) А. К. Т. 1: 241, 242, 780, 786, 787; Т. 2: 435, 488, 681, 744
Гедеванишвили (Гедеванов) И. К. Т. 1: 241, 242, 781
Гедеванишвили (Гедеванов) Н. К. Т. 1: 241, 242, 784, 786, 788
Гейдеман К. И. Т. 1: 574
Гейман Б. В. Т. 2: 618
Гейман В. В. Т. 2: 303
Гейсман П. А. Т. 1: 247, 294, 533; Т. 2: 437
Гейхрех А. И. Т. 2: 509
Геккер А. И. Т. 1: 193, 312, 313, 329, 536, 797, 890, 891, 893, 898, 930, 935, 936; Т. 2: 201, 368, 393, 394, 527, 552, 553, 580, 678–681, 733, 810, 833
Генбачев В. И. Т. 1: 755, 758, 759; Т. 2: 292
Генинг-Михелис Е. М., де Т. 1: 763, 764, 768
Геништа Н. И. Т. 2: 618
Георг V, брит. король Т. 2: 401
Георгиевич М. М. Т. 2: 791
Георгиевский А. Г. Т. 2: 303
Герарди А. А. Т. 1: 287; Т. 2: 686
Герасимов И. И. Т. 1: 376
Герасимов, офицер Т. 2: 267
Герасимович Н. И. Т. 2: 163, 209
Геринг Т. 1: 393
Герих П. К., фон Т. 1: 769; Т. 2: 403, 526
Гернгросс А. А. Т. 1: 248
Гернгросс Б. В. Т. 2: 129, 130
Гернгросс Е. А. Т. 1: 88
Герсон В. Л. Т. 2: 335
Геруа А. В. Т. 1: 237, 242, 606; Т. 2: 241, 242, 738
Геруа Б. В. Т. 1: 55, 78, 242, 286, 288, 917; Т. 2: 17, 20, 21, 24, 25, 29–31, 273, 281, 282, 352, 439, 533, 543, 550, 563, 738
Гершельман А. С. Т. 1: 287, 548
Гершельман В. Д. Т. 1: 886, 887
Гершельман В. К. Т. 1: 399
Гершельман Л. К. Т. 2: 293, 294
Гетлинг Б. В. Т. 1: 976, 978
Гетманцев И. Р. Т. 1: 287, 401
Гикало Н. Ф. Т. 2: 682
Гильбих В. П. Т. 1: 127, 178, 179, 288
Гильчевский К. Л. Т. 1: 83, 137, 811; Т. 2: 679, 742
Гиндце С. К. Т. 1: 287
Гинс Г. К. Т. 1: 875
Гинце см. Хинц П., фон
Гирш (Гирс) В. А. Т. 2: 163, 209, 294
Гиссер Г. Г. Т. 1: 386; Т. 2: 8, 9, 33, 219, 563
Гитлер А. Т. 1: 266
Гиттис В. М. Т. 1: 425, 426, 457, 463, 537, 910, 937, 950, 961; Т. 2: 394, 466, 505
Главацкий Н. В. Т. 2: 668
Глаголев В. П. Т. 1: 287, 398, 425, 439, 456–458, 474, 490, 491, 907, 925, 926, 930, 935, 937; Т. 2: 220, 290, 291, 521, 666
Гладкий, корнет Т. 1: 554
Глазков В. Т. Т. 2: 676
Глазов В. Г. Т. 1: 248
Глазунов Н. М. Т. 1: 319, 522
Глезаров Л. М. Т. 1: 919; Т. 2: 97
Глезаровы Т. 1: 47; Т. 2: 511
Глинка М. И. Т. 2: 525
Глишинский А. А. Т. 1: 236
Глобачев К. И. Т. 1: 55, 244; Т. 2: 243, 282, 313
Глобачев Н. И. Т. 1: 244; Т. 2: 796
Глудин И. И. Т. 1: 312, 313; Т. 2: 52, 754
Гнида Д. И. Т. 2: 164
Говоров А. В. Т. 1: 577, 603, 604; Т. 2: 432
Говоров Л. А. Т. 2: 783
Говорущенко С. Д. Т. 1: 602
Гоголь Н. В. Т. 1: 823
Годнев И. А. Т. 1: 691
Гоерц Александр А., фон Т. 1: 244, 643, 833
Гоерц Алексей А., фон Т. 1: 244, 643 (?)
Голдин В. И. Т. 1: 30, 64
Голицын В. В. Т. 1: 872; Т. 2: 554
Голицын Е. М. Т. 1: 281, 294, 449; Т. 2: 277, 303, 306
Голованов Н. С. Т. 2: 526
Головань С. А. Т. 2: 219, 242
Головин Н. Н. Т. 1: 17, 21, 78, 79, 94, 110, 139, 140, 163, 170, 410, 559, 645, 684, 872; Т. 2: 111, 116, 242, 543, 557, 638, 640, 792, 820
Головкин В. К. Т. 1: 571; Т. 2: 182
Гололобов В. П. Т. 2: 498
Голощекин Ф. И. Т. 1: 431
Голубев В. Ф. Т. 1: 288
Голубев С. Н. Т. 1: 281, 294, 493, 936; Т. 2: 11, 33, 377, 551, 596, 666
Голубева Т. С. Т. 1: 47; Т. 2: 551
Голубинцев А. В. Т. 1: 603, 607, 617, 618, 620; Т. 2: 528, 529, 594
Голубинцев Е. М. Т. 2: 632
Гольдгаар В. А. Т. 1: 593; Т. 2: 801
Гольм А. Г. Т. 2: 306
Гольц Р., фон дер Т. 1: 770, 772
Гондель В. К. Т. 1: 546, 921; Т. 2: 380
Гондельман, комиссар Т. 2: 619
Гонтарев Б. В. Т. 1: 288, 393
Гончаренко Г. И. (Галич Ю.) Т. 1: 265, 733; Т. 2: 402, 675, 793
Гончаренко И. И. Т. 2: 220
Гончаренко М. И. Т. 1: 133
Гончаренко С. В. Т. 2: 180, 303, 306
Гоппер К. Я. Т. 1: 678, 857, 858, 870
Горбатов А. В. Т. 1: 212; Т. 2: 409, 690, 771
Горбатовский В. Н. Т. 1: 135; Т. 2: 850
Горбунов И. Ф. Т. 2: 500
Гордеева, домовладелица Т. 2: 195
Гордиенко К. Т. 1: 726
Горин-Галкин В. Ф. Т. 2: 577, 583
Горчаков А. Г. Т. 2: 119
Горчаков Г. С. Т. 2: 381, 550, 552, 777, 833
Горький М. Т. 2: 127
Готовцев А. И. Т. 1: 262, 894; Т. 2: 199, 220, 626, 627, 733, 750, 753, 761, 777, 783
Готье Ю. В. Т. 1: 544, 968; Т. 2: 458
Гоц, рядовой Т. 2: 364
Граблевский С. А. Т. 2: 209, 667

Грабовский С.Л. Т. 2: 400
Грасис К.Я. Т. 1: 481
Граужис И.И. Т. 1: 281, 288, 400;
Т. 2: 503
Гребенкин И.Н. Т. 1: 27, 30
Гребенщиков С.Я. Т. 1: 262, 746, 879;
Т. 2: 483, 524
Греков А.П. Т. 1: 61, 259, 725, 742,
744, 746, 747, 749–751, 754, 755, 824;
Т. 2: 131, 796
Грекулов П.Н. Т. 1: 312
Гремин В.А. Т. 2: 267
Гренгаген П.К. Т. 2: 164, 166
Гренер В. Т. 1: 733
Грецов С.С. Т. 1: 887
Гривин П.П. Т. 1: 873, 874
Григоренко П.Г. Т. 2: 765
Григоров М.М. Т. 1: 717, 718
Григорович Б.Н.(?) Т. 2: 144
Григорович В.П. Т. 2: 254
Григорьев А.Ф. Т. 2: 303
Григорьев И.Е. Т. 1: 319
Григорьев Н.А. Т. 1: 460–462
Григорьев П.И. Т. 1: 196
Григорьев С.Д. Т. 1: 645; Т. 2: 111,
171, 303
Григорьев Ф.Л. Т. 1: 227, 286, 287; Т. 2:
220, 221, 229, 449
Григорьев Ю.И. Т. 1: 281, 294, 953, 954,
956; Т. 2: 21, 22, 27, 48, 50, 220, 222,
267, 443
Григорьев, подпоручик Т. 1: 674
Гриневский Е.И. Т. 1: 859, 860, 862, 863
Гринкевич-Судник Г.И. Т. 1: 556
Гришин Ф.Н. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 401
Гришина-Алмазова
(Захарова) М.А. Т. 1: 861
Гришин-Алмазов А.Н. Т. 1: 598, 612,
648, 861, 875; Т. 2: 295
Гришинский А.С. Т. 1: 245, 287, 386,
530, 532; Т. 2: 229
Гришинский В.С. Т. 1: 245
Гродеков Н.И. Т. 1: 71
Громов Н.В. Т. 1: 281, 288
Грондейс Л. Т. 1: 145, 725; Т. 2: 225
Гросман Т. 2: 206
Грудзинский М.Ц. Т. 2: 798
Грудзинский, разведчик Т. 1: 993
Грудин Т. 2: 360
Грузинов А.Е. Т. 2: 795
Грузинский И.Г. Т. 1: 246; Т. 2: 164
Грулев М.В. Т. 1: 83, 87
Грундштрем А.Г. Т. 1: 514, 520;
Т. 2: 426, 461
Грундштрем М.А. Т. 2: 426
Гудим-Левкович П.П. Т. 2: 219
Гулыга И.Е. Т. 1: 561
Гуммель Н.И. Т. 2: 163

Гурко В.И. Т. 1: 92, 93, 117, 120, 124,
125, 133, 138, 205, 697, 720; Т. 2: 330
Гурко Вл.И. Т. 1: 11, 832; Т. 2: 268, 281
Гурко-Омелянский Н.Н. Т. 1: 287, 450
Гуртовенко Х.В. Т. 1: 281, 288, 741;
Т. 2: 109, 119, 515
Гусаковский П.Н. Т. 1: 288, 533
Гусев С.И. Т. 1: 414, 422, 548, 918,
920, 927, 928, 948, 950, 951, 956, 991;
Т. 2: 126, 224, 227, 278, 410, 593, 610,
712, 720, 721
Гутор Александр Е. Т. 1: 232, 245; Т. 2:
182, 333
Гутор Алексей Е. Т. 1: 136, 138, 232,
245, 327, 519, 530, 722, 812, 967, 968,
971–973, 978; Т. 2: 150, 329, 330, 333–
337, 404, 459, 744, 750, 753
Гутор Анатолий Е. Т. 2: 333
Гучков А.И. Т. 1: 38, 90, 93, 123–129,
131, 135, 137–140, 171, 203, 664, 694,
807; Т. 2: 330
Гущин А.Ф. Т. 1: 136, 142, 578; Т. 2: 542
Гущин Ф.А. Т. 1: 64
Гущинский В.Н. Т. 1: 287

Д'Ансельм Ф. Т. 2: 131
Давыдов А.Д. Т. 1: 376
Давыдов А.И. Т. 1: 294
Давыдов Л.Г. Т. 1: 718, 719
Давыдов, ген. Т. 2: 298
Дайнес В.О. Т. 1: 36, 506
Далер В.В. Т. 1: 179, 287, 314, 913
Дан Ф.И. Т. 1: 942
Даниельсон П.И. Т. 1: 779
Данилов («рыжий») Н.А. Т. 1: 93, 533
Данилов («черный») Ю.Н. Т. 1: 132,
193, 197, 985
Данилов И.А. Т. 1: 235, 236, 314, 475,
484; Т. 2: 183, 326, 328, 387, 452, 603
Данилов С.И. Т. 2: 229, 775
Данилов С.С. Т. 2: 382
Данишевский К.Х. Т. 1: 418, 902, 947,
950, 968, 976; Т. 2: 285, 328, 418, 420,
421, 450, 510
Дауман А.Э. Т. 2: 421
Дворжец Я.С. Т. 2: 719
Де-Бур П.Е. см. Бур П.Е., де
Дегтярев К.Г. Т. 2: 166
Дей-Карханов В. Т. 2: 202
Дейло Е.М. Т. 1: 555
Деллен В.А. Т. 2: 364
Деллингсгаузен Н.А. Т. 2: 54, 171, 294
Делль И.И. см. Лелль И.И.
Дельбрюк Г. Т. 2: 748
Дельвиг С.Н. Т. 2: 639, 652
Дембицкий К.В. Т. 1: 399
Демин П.Я. Т. 2: 162
Демишхан М.А. Т. 2: 294, 554
Ден А.А., фон Т. 2: 656

Ден Д.В., фон Т. 2: 242
Деникин А.И. Т. 1: 12, 16, 37, 55, 56, 60,
69, 76, 81–83, 91, 106, 109, 110, 117, 120,
132, 137–139, 141, 146, 150–152, 156,
164, 167, 171, 199, 208, 212, 228, 237,
240, 245, 246, 250, 251, 257, 268, 278,
327, 330, 334, 337, 338, 348, 357, 360,
402, 415, 422, 455, 501–504, 506–508,
511, 513, 516, 540, 542, 545, 548, 551–
553, 556, 557, 559, 560, 562–564, 566–
570, 572, 573, 575, 580, 584–586, 588,
591–594, 597, 599–603, 605–608, 611,
615–619, 621–625, 635–637, 666–669,
690, 692, 718, 719, 722, 723, 729–732,
740, 758, 759, 763, 767, 778, 779, 799,
815, 816, 824–828, 830–832, 835–850,
853, 854, 875, 876, 888, 923, 928, 939,
940, 950, 953–956, 960, 961, 963, 966,
969, 982, 994, 998, 999; Т. 2: 48, 71,
73, 95, 98, 107, 112, 114, 115, 123–125,
128–130, 134, 137, 138, 140, 143, 144,
146, 148, 149, 153, 166, 171, 174, 175,
178–180, 189–192, 194, 197, 198, 201,
211, 236, 239, 240, 242–245, 250, 276,
278, 285–288, 291, 292, 300, 301, 326,
331, 335, 353, 354, 360, 384, 388, 401,
406, 407, 430, 431, 462, 477–479, 485,
498, 514, 517, 520, 524, 525, 537, 581,
585, 636, 659, 675, 684, 703, 728, 783,
786, 793, 798, 808, 812, 816, 819, 830,
832, 840, 841
Денисов С.В. Т. 1: 561, 578, 580, 581,
585, 840, 841, 940; Т. 2: 76, 109, 387,
512, 796
Десино К.Н. Т. 1: 242; Т. 2: 219
Десино Н.Н. Т. 1: 242; Т. 2: 117, 229
Джерашвили, см. Сталин И.В.
Джиджихия А.М. Т. 1: 782, 788
Джонсон Г.Г. Т. 1: 615; Т. 2: 800
Джугели В.К. Т. 1: 787
Джунаид, хан Т. 2: 296
Джунковский В.Ф. Т. 1: 423, 807;
Т. 2: 276
Дзегания А.С. Т. 1: 281, 784
Дзевалтовский (Дзевялтовский) И.Л.
Т. 1: 177, 411, 917; Т. 2: 58, 274, 318, 450,
451, 533, 575, 577
Дзевановский В.А. Т. 1: 768, 799
Держановский К. Т. 2: 654
Дзержинский Ф.Э. Т. 1: 51, 294, 679,
811, 905, 943, 950, 951, 955, 968, 994;
Т. 2: 31, 120, 190, 198, 231, 270, 285–287,
302, 305, 317, 320, 325, 333, 335, 339,
347, 348, 375, 586, 593, 618, 732, 739, 796
Дзержинский А.Ф. Т. 1: 707
Дзюбенко С.С. Т. 2: 164, 166, 167, 733,
734
Диденко А.М. Т. 1: 338
Дикгоф-Деренталь А.А. Т. 1: 136, 168

- Дикий В. Ф. Т. 2: 142
 Диков А. Д. Т. 1: 288, 603, 604; Т. 2: 401
 Димант Т. 2: 68
 Димма Г. Г. Т. 1: 318
 Димов Т. 1: 288
 Диоклетиан, римск. имп. Т. 2: 527
 Дистерло Н. А., фон Т. 1: 246, 288; Т. 2: 536
 Дитерихс Е. К.
 Дитерихс М. К. Т. 1: 117, 149, 151, 157, 164–166, 184, 256, 551, 645, 650, 651, 660, 662–664, 682–684, 686, 687, 799, 814, 817, 824, 825, 873, 874, 998, 1000; Т. 2: 236, 354, 358, 389, 390, 526, 536, 638, 676–678, 819
 Дитц О. Г. Т. 1: 287, 376, 520, 521
 Длусский М. П. Т. 2: 142
 Длусский С. М. Т. 2: 142
 Дмитриевский П. И. Т. 1: 319; Т. 2: 115
 Дмитриев А. А. Т. 2: 303
 Дмитриев А. С. Т. 2: 243
 Дмитриев Г. Н. Т. 1: 287
 Дмитриев Ф. К. Т. 1: 920, 921
 Дмитриев, слушатель Т. 2: 294
 Дмитрий Донской, кн. Т. 1: 16
 Дмоховский В. К. Т. 2: 142
 Добржанский А. Н. Т. 2: 142
 Добржанский В. А. Т. 2: 142
 Добровольский С. Ц. Т. 1: 693
 Доблородский С. К. Т. 2: 793, 794, 814
 Добротворцев П. А. Т. 2: 667
 Добрынин В. В. Т. 1: 580–582, 584, 586, 587, 842, 849, 852; Т. 2: 132, 148, 240, 384, 389, 401, 519
 Добрышин А. Ф. Т. 1: 247, 288; Т. 2: 342, 531, 744, 781
 Добрышин Ф. Н. Т. 2: 457
 Доббор-Мусницкий И. Р. Т. 1: 55, 259, 763, 767, 882, 883; Т. 2: 329
 Довгирд М. А. Т. 1: 245
 Довгирд С. А. Т. 1: 245, 250; Т. 2: 268
 Долгашев Т. 2: 560
 Долгов Д. А. Т. 1: 294, 529–531; Т. 2: 504, 731
 Долгоруков А. Н. Т. 1: 711, 712, 741, 757; Т. 2: 289
 Долгоруков П. А. Т. 1: 989
 Долгушин А. Ф. Т. 2: 102
 Долгушин Н. М. Т. 2: 209
 Доливо-Добровольский Б. И. Т. 1: 192, 193
 Долинский Н. Н. Т. 1: 281, 288, 449; Т. 2: 38, 107, 461
 Долуд А. Д. Т. 1: 749
 Доманевский В. Н. Т. 1: 126, 147, 161, 807
 Домарадский А. В. Т. 2: 651
 Домбровский Я. В. Т. 1: 82
 Домнин И. В. Т. 1: 64
 Доможиров Н. Н. Т. 1: 281, 288, 441, 450, 480, 492, 522, 872, 950–954, 956, 958; Т. 2: 11, 20–22, 32, 36, 39, 40, 42, 47, 48, 50, 222, 345, 376, 377, 379–381, 412, 413, 421, 424, 466, 507, 508
 Домонтович С. А. Т. 2: 429
 Дорман М. А. Т. 2: 302, 309
 Дорман П. Е. Т. 1: 624, 992; Т. 2: 247, 483
 Дорофеев И. В. Т. 1: 281
 Дорофеев К. К. Т. 1: 184, 185, 554
 Дорошевский Н. Ф. Т. 2: 141
 Дорошенко Д. И. Т. 1: 726
 Дорошкевич А. В. Т. 1: 740, 743; Т. 2: 303
 Достовалов Е. И. Т. 1: 55, 511, 543, 637; Т. 2: 245, 407, 793, 794
 Дравниэк И. Т. Т. 2: 601
 Драгомиров А. М. Т. 1: 76, 133, 135, 141, 211, 217, 223, 244, 264, 551, 573, 593, 619, 816, 826, 832, 835, 846–849, 989; Т. 2: 142, 143, 244, 289, 401, 403, 430, 435, 790, 792
 Драгомиров В. М. Т. 1: 76, 104, 137, 205, 244, 552; Т. 2: 790, 792
 Драгомиров М. И. Т. 1: 67, 76, 78, 89, 170, 172, 413
 Драгомирова С. М., см. Лукомская (Драгомирова) С. М.
 Драке В. Л. Т. 2: 27
 Драновский С. Н. Т. 1: 287, 320
 Драценко Д. П. Т. 1: 637, 638, 986; Т. 2: 391, 851, 852
 Дрейер В. Н., фон Т. 1: 55, 94, 106, 199, 250, 286, 571, 601, 621, 624, 833; Т. 2: 128, 138, 365, 366
 Дрейлинг Р. К., фон Т. 2: 136, 796
 Дробыш-Дробышевский Ф. М. Т. 1: 288, 803; Т. 2: 303, 304
 Дроздов К. С. Т. 1: 64
 Дроздов Т. 1: 961
 Дроздовский Л. А. Т. 1: 730, 744; Т. 2: 257
 Дроздовский М. Г. Т. 1: 55, 60, 61, 551, 560, 561, 564, 570, 575, 578, 609, 615, 639, 642, 729, 814, 817, 836–839, 888, 969; Т. 2: 223, 359, 360, 391, 819
 Дроздовский Н. И. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 107, 109
 Дрон В. С. Т. 2: 240, 401
 Дубасов Ф. В. Т. 1: 538
 Дубенский Д. Н. Т. 1: 130
 Дубинин Е. М. Т. 2: 294, 677
 Дубинин Р. И. Т. 1: 287
 Дубинин Т. Д. Т. 1: 281, 294
 Дубинин, капитан Т. 2: 365
 Дубков Н. Н. Т. 2: 424
 Дубов Л. И. Т. 1: 288, 401; Т. 2: 744
 Дубов, рядовой Т. 2: 364
 Дубовик Г. А. Т. 2: 673
 Дудаков П. Р. Т. 2: 155, 156
 Дулов М. А. Т. 1: 281, 288, 401; Т. 2: 220
 Дульцев А. Н. Т. 1: 262, 284, 289
 Думбадзе Г. С. Т. 1: 685; Т. 2: 797
 Думбадзе, адмирал, см. Дубасов Ф. В.
 Думенко Б. М. Т. 1: 621; Т. 2: 405
 Дурасов А. А. Т. 2: 294, 788
 Дурнев Е. Н. Т. 1: 600
 Дурново П. П. Т. 1: 719, 720; Т. 2: 282, 302
 Дуров Б. А. Т. 1: 692–694; Т. 2: 797
 Дутов А. И. Т. 1: 60, 61, 134, 148, 183, 184, 186, 190, 327, 516, 643, 644, 650, 660, 664, 669–671, 675, 799, 810, 825, 826, 839, 871–873, 878, 884, 940, 998, 999; Т. 2: 248, 302, 303, 306, 340, 354–357, 387, 400, 401, 472, 517, 571, 671, 672, 678, 736, 738, 788, 819
 Духовской С. М. Т. 1: 71
 Духонин Н. Н. Т. 1: 28, 117, 157, 160, 163–168, 173, 176, 184, 190, 204, 212, 217, 552, 722, 813; Т. 2: 99, 302, 303, 498
 Душкевич А. А. Т. 1: 287, 512, 537; Т. 2: 393, 490, 833
 Дыбенко П. Е. Т. 1: 173, 177, 386, 495, 496, 726, 897; Т. 2: 608, 688, 717, 763
 Дыдоров К. И. Т. 1: 709, 711, 712
 Дылан С. С. Т. 1: 218, 954
 Дьяков Г. С. Т. 1: 281, 287, 288, 401, 894; Т. 2: 48, 553, 772, 781
 Дьяков С. С. Т. 1: 401
 Дьяконов М. З. Т. 2: 182
 Дьяконов П. П. Т. 1: 252; Т. 2: 737, 738
 Дюкс П. Т. 2: 258
 Дюсиметьер Л. П. Т. 1: 147, 150; Т. 2: 542
 Дюскин В. К. Т. 2: 776
 Дядюша С. И. Т. 1: 740, 743, 744, 747–749, 751, 758; Т. 2: 292, 340, 403, 486, 643, 648, 651
 Евдокимов Е. Г. Т. 1: 981; Т. 2: 591, 755
 Евлогий (Георгиевский), митр. Т. 1: 618
 Евреинов К. Л. Т. 1: 294, 439
 Евстратов М. Т. Т. 1: 870; Т. 2: 203, 250, 788
 Евтимович В. П. Т. 2: 639
 Егоров А. И. Т. 1: 39, 312, 313, 323, 324, 326, 330, 420, 425, 426, 466, 484, 501, 505, 602, 617, 981; Т. 2: 91, 392, 394, 712, 719, 723
 Егоров Н. Т. 2: 54
 Егоров П. В. Т. 2: 194
 Егоров Ф. В. Т. 2: 165
 Егоров, делопроизводитель Т. 1: 315
 Егоров, подполковник Т. 1: 667
 Егорьев В. В. Т. 1: 822

- Егорьев В.Н. Т. 1: 288, 294, 398, 402, 405, 425, 442, 466, 501, 502, 505, 523, 724–726, 822, 930, 935, 950; Т. 2: 15, 80, 95, 127, 132, 150, 374, 398, 410, 449, 465, 491, 494, 510, 626, 762, 783
Едигаров В.-Б. Т. 2: 658
Ежов Н.И. Т. 2: 763
Екабсон Э. Т. 1: 64
Екатерина II, рос. имп. Т. 2: 396
Елизаров Н.С. Т. 1: 287, 398, 417, 433; Т. 2: 605, 618
Елисеев Ф.И. Т. 2: 183
Елчанинов А.Г. Т. 1: 294; Т. 2: 302, 312, 563
Епихов Н.Н. Т. 1: 578
Ерарский Н.В. Т. 1: 264, 986; Т. 2: 75, 240, 288, 289
Еремеев К.С. Т. 1: 177; Т. 2: 25
Еремин А.М. Т. 1: 676
Ермолин П.И. Т. 1: 288, 531, 907; Т. 2: 632
Ермолов А.П. Т. 1: 16
Ермолов Н.Н. Т. 1: 294
Ермолов Н.С. Т. 2: 242
Ерофеев Г.К. Т. 1: 287, 398, 402; Т. 2: 123, 124, 273
Ерохин Т. 1: 183
Ерошевич П.К. Т. 1: 740, 743, 747, 749, 750; Т. 2: 796
Еськов, поручик
Ефимов 2-й Н.И. Т. 2: 678
Ефимов А.А. Т. 2: 595
Ефимов А.Г. Т. 1: 55, 673, 875; Т. 2: 277, 278, 400, 555, 669, 675, 677
Ефимов А.Ф. Т. 2: 220
Ефимов Н.П. Т. 1: 597, 830
Ефремов А.Ф. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 21
Ефтин И.С. Т. 2: 153
Ещенко Н.Д. Т. 1: 744, 749; Т. 2: 486
- Жагун-Линник С.Н. Т. 1: 886**
Жадвойн Н.Л. Т. 1: 678
Жано Л. Т. 2: 293
Жданко Н.Н. Т. 1: 245
Жданко П.Н. Т. 1: 245
Жданов Н.А. Т. 1: 294, 398, 402, 443, 444; Т. 2: 94, 145, 147, 460, 498
Жебрак-Русанович М.А. Т. 2: 360
Желиховский В.И. Т. 1: 751, 752
Желтышев В.А. Т. 2: 115
Жигалин К.М. Т. 1: 676
Жигур Я.М. Т. 2: 765
Жилинский В.А. Т. 1: 693, 694, 698, 701–704; Т. 2: 482
Жилинский Я.Г. Т. 1: 86, 88, 102, 110; Т. 2: 302
Жиров Б.М. Т. 1: 621
Жиряков Н.В. Т. 1: 648
- Жихор К.И. Т. 1: 242; Т. 2: 221, 222, 319, 320, 337
Жихор М.И. Т. 1: 242
Жлоба Д.П. Т. 1: 635, 638, 639; Т. 2: 113
Жнов А.И. Т. 1: 287
Жожикашвили А.Г. Т. 2: 458
Жолынский И.И. Т. 1: 642
Жомини А.-А. Т. 1: 73, 189
Жордания Н.Н. Т. 1: 782
Жуков В.Я. Т. 2: 182, 220
Жуков Г.К. Т. 1: 273; Т. 2: 712, 771, 773, 774, 779
Жуков И.А. Т. 2: 798
Жуков С.А. Т. 1: 642
Жуковский (Жаукаускас) С.К. Т. 1: 774
Жуковский А.Т. Т. 1: 747
- Забегалов Н.Я. Т. 1: 281, 288, 400; Т. 2: 34, 35, 40, 48, 322, 495, 506, 743
Забелин А.Ф. Т. 1: 242
Забелин П.Ф. Т. 1: 242
Заболотный А.М. Т. 2: 437
Завгородний М.А. Т. 2: 172
Загचेев Н.Г. Т. 2: 437
Загоруйко М.В. Т. 1: 27
Загребин А.Д. Т. 1: 294
Загородский А.А. Т. 2: 794
Загю Мария Михайловна Т. 2: 426
Загю Михаил Михайлович Т. 1: 117, 169, 215, 242, 386, 518, 519, 544, 920, 931, 933; Т. 2: 319, 426, 451, 501, 605, 608, 618, 626, 772, 777, 811
Загю Н.М. Т. 1: 242; Т. 2: 811
Зайончковская О.А. Т. 2: 336, 739
Зайончковский А.М. Т. 1: 108, 137, 307, 520, 531, 533, 537, 810, 923, 930, 935, 967, 971–973, 978; Т. 2: 229, 319, 329, 335–337, 459, 553, 626, 736, 739, 740, 744, 750, 753
Зайончковский П.А. Т. 1: 26, 70
Зайцев В.Н. Т. 2: 313
Зайцев И.М. Т. 1: 675; Т. 2: 109, 116, 296, 524, 738, 739
Зайцов А.А. Т. 1: 21, 98, 328, 342–345; Т. 2: 554, 737, 738
Зайченко З.И. Т. 1: 221, 287, 475, 917, 935; Т. 2: 111, 118, 343, 465, 744
Зако, слушатель Т. 2: 58
Закс Г.Д. Т. 2: 583, 596
Залежский В.Н. Т. 2: 56, 63, 577, 614
Залесский В.Д. Т. 2: 601
Залесский П.И. Т. 1: 89, 93, 97, 125, 608, 622, 738; Т. 2: 483, 793
Зальф А.А. Т. 1: 294
Замбрицкая М. Т. 2: 343, 391
Замбрицкий Б.А. Т. 1: 242
Замбрицкий В.А. Т. 1: 56, 106, 191, 200, 201, 242, 294, 513, 570, 571, 582,
- 583, 594, 620, 622, 635, 640–642, 659, 814, 964, 965; Т. 2: 8, 76, 81, 193, 343, 366, 367, 385, 391, 404, 493, 512, 524, 846, 850
Занкевич М.И. Т. 1: 125, 126, 128, 410, 645; Т. 2: 116, 219
Запольский В.Ф. Т. 2: 240
Запорожец А.Ф. Т. 1: 261
Заремба Т. 1: 237
Зарецкий, чиновник Т. 2: 365
Зарин А.Д. Т. 1: 159
Зарин Н.Д. Т. 1: 158, 220, 252; Т. 2: 302
Зарубаев В.Н. Т. 2: 777
Зарубин Н.А. Т. 1: 522, 523, 821
Затеплинский В.К. Т. 1: 294; Т. 2: 115, 179, 777, 778
Захариадзе А.К. Т. 1: 784, 786, 788; Т. 2: 679
Захаров В.Е. Т. 2: 209
Захаров И.А. Т. 1: 294
Захаров И.Н. Т. 1: 312–314
Захаров М.В. Т. 1: 21, 56; Т. 2: 624, 761, 770, 775
Захаров П.А. Т. 1: 281, 288
Захаров П.М. Т. 2: 744, 762, 781
Заходякин Н.Н. Т. 2: 196, 303
Защепин В.И. Т. 2: 461
Защук И.И. Т. 1: 128, 287, 329
Заяц Н.А. Т. 1: 41
Звегинцев Н.И. Т. 2: 121
Звиргзд К.А. Т. 2: 195, 254, 303
Звонарев К.К. Т. 1: 109
Зданович, полковник, см. Зинкевич М.М.
Зданович А.А. Т. 1: 37
Зейбот А.Я. Т. 2: 228
Зейфарт А.А. Т. 1: 76
Зеленый (Терпило Д.И.) Т. 1: 43
Земцов М.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 220, 449, 458
Земцов С.И. Т. 2: 182, 192, 193
Зензинов В.М. Т. 1: 862, 864, 867
Зентиг Т. 2: 364
Зерен Б.А. Т. 1: 989
Зиверт В.Г. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 21–23, 48, 220, 222
Зильберберг, рядовой Т. 2: 364
Зильберман К.Н. Т. 1: 287, 399, 401; Т. 2: 798
Зимин В.А. Т. 1: 583; Т. 2: 240
Зимин Н.А. Т. 2: 631
Зиневич Б.М. Т. 1: 688, 874
Зинкевич М.М. Т. 1: 794, 796; Т. 2: 391, 657
Зиновьев Г.В. Т. 2: 100
Зиновьев Г.Е. Т. 1: 834, 927, 941, 979, 973; Т. 2: 34, 283, 325, 719
Златолинский В.А. Т. 2: 532, 754
Злобин Р.В. Т. 1: 799; Т. 2: 852

Змиенко В.Е. Т. 1: 61, 744, 746, 759, 886; Т. 2: 403, 486
 Золотарев М.И. Т. 2: 240
 Зотов В.М. Т. 2: 293
 Зотов С.А. Т. 2: 594
 Зубковский С.А. Т. 2: 794
 Зубов С.А. Т. 1: 287
 Зуев Д.Д. Т. 2: 635, 739
 Зуев Д.П. Т. 1: 138
 Зуев И.В. Т. 2: 549
 Зуев Т. 1: 161
 Зуевы Т. 1: 47; Т. 2: 739
 Зундبلاد А.О. Т. 1: 244, 275, 519; Т. 2: 426
 Зундبلاد Г. Т. 2: 426
 Зундبلاد Т. 1: 244
 Зусманович Г.М. Т. 1: 426
 Зыгадлович Г. Т. 2: 654

Ивакин А.В. Т. 1: 874
 Иван III, кн. Т. 1: 16
 Иван IV Грозный Т. 1: 970; Т. 2: 511
 Иван Калита Т. 1: 970
 Иваненко М.М.
 Иваненко О.М. Т. 1: 819
 Иванов А.Г. Т. 2: 303
 Иванов Б.М. Т. 2: 10, 337, 461
 Иванов В.М. Т. 2: 142
 Иванов В.П. Т. 1: 193
 Иванов Г.К. Т. 1: 281, 294; Т. 2: 21, 164, 166, 196
 Иванов Г.С. Т. 2: 165, 594, 595
 Иванов Е.Д. Т. 2: 142
 Иванов К.В. Т. 1: 287; Т. 2: 743
 Иванов Н.В. Т. 1: 281, 784
 Иванов Н.И., ген. Т. 1: 117, 124, 126, 130, 552
 Иванов Н.И., преподаватель Т. 2: 633
 Иванов, генштабист Т. 1: 449
 Иванов, есаул Т. 2: 255
 Иванов, подполковник Т. 2: 276
 Иванов, полковник Т. 2: 274
 Иванов, чекист Т. 2: 168, 169
 Иванов-Дивов Александр В. Т. 1: 244; Т. 2: 258
 Иванов-Дивов Анатолий В. Т. 1: 244
 Иванов-Ринов П.П. Т. 1: 650, 861
 Ивановский В.А. Т. 1: 287, 477; Т. 2: 220–222, 319, 322, 507
 Ивановский К.В. Т. 1: 287
 Ивановский К.И. Т. 2: 673
 Ивановский Н.М. Т. 2: 294
 Ивановский Н.Н. Т. 1: 812; Т. 2: 294, 673, 677
 Ивановский С.С. Т. 1: 311, 312, 401; Т. 2: 511, 538
 Ивановский, подполковник Т. 2: 673
 Ивановский, чиновник Т. 1: 862

Ивасиов Я.К. Т. 1: 281, 287, 488; Т. 2: 392, 552, 798, 834
 Ивасюк Т. 1: 445
 Иващенко М.И. Т. 2: 183
 Игнатов Т. 1: 978
 Игнатьев А.А. Т. 1: 38; Т. 2: 219, 772, 776, 782, 783
 Игнатьев В.И. Т. 2: 270
 Игнатьев Н.Н. Т. 2: 797
 Игнатьев П.А.
 Игнатьева Т. 1: 171
 Изергин М.И. Т. 1: 55, 181, 514, 676
 Измайлов С.М. Т. 2: 788
 Измestьев П.И. Т. 1: 78, 294, 525, 526, 533; Т. 2: 229, 753, 754
 Изяславский Т. 1: 323
 Илинский С.П. Т. 1: 288
 Ильин Е.П. Т. 1: 281, 288; Т. 2: 15
 Ильин И.С. Т. 1: 219, 650, 656, 662, 860, 861, 868, 869; Т. 2: 104
 Ильин С.И. Т. 2: 54, 164, 166, 182
 Ильин-Женевский А.Ф. Т. 1: 177
 Ильичев А.Н. Т. 2: 600
 Илькевич Н.А. Т. 1: 593; Т. 2: 144, 145
 Ильф И.А. Т. 1: 624
 Ильяшев С.А. Т. 1: 19, 21, 24, 25
 Инно (Кульдвер) А.А. Т. 1: 891, 893; Т. 2: 834
 Иностранцев А.А. Т. 1: 245
 Иностранцев К.А. Т. 1: 245
 Иностранцев М.А. Т. 1: 55, 57, 179, 183, 192, 245, 610, 646, 650, 654, 660, 662, 664, 665, 682, 684, 808; Т. 2: 11, 105, 252, 474, 500, 563, 567, 792
 Иозефович Ф.Д. Т. 1: 391; Т. 2: 8, 303, 306
 Иолшин Н.М. Т. 2: 744
 Ионов А.М. Т. 1: 186
 Иоффе А.А. Т. 1: 195–197; Т. 2: 219, 220
 Ипатьев Н.Н. Т. 2: 294
 Исаев Е.И. Т. 1: 281, 288, 531, 950, 953–956; Т. 2: 21, 41, 42, 44, 46–48, 50, 79, 413, 416–422, 496
 Искрицкая (фон Кнорринг) Е.А. Т. 1: 273
 Искрицкий Е.А. Т. 1: 222, 272; Т. 2: 510, 511

Кабалов А.И. Т. 1: 245, 287; Т. 2: 744
 Кабалов И.И. Т. 1: 245, 312
 Кавернинский В.И. Т. 1: 737
 Кавтарадзе А.Г. Т. 1: 13, 25, 26, 64, 70, 118, 137, 286, 312, 344, 346–348, 350, 351, 378, 386, 405, 426, 557; Т. 2: 32, 117, 786, 812
 Кадников Н.И. Т. 1: 281, 288, 456; Т. 2: 21, 532

Кадомский Д.П. Т. 2: 117, 468, 522, 523, 723, 724, 743, 744
 Кадошников А.Ф. Т. 1: 287, 329, 530, 531
 Кадыкин В.П. Т. 2: 240
 Казаков С.М. Т. 1: 288
 Казанович Б.И. Т. 1: 55, 231, 559, 570, 572, 575, 836; Т. 2: 117, 237, 268–270, 455, 468
 Казий, подпоручик Т. 2: 365
 Казинцев Т. 1: 583
 Кайгородов М.Н. Т. 2: 302
 Какурин Н.Е. Т. 1: 41, 211, 263, 265, 607, 730, 736, 738, 755, 756, 758, 759, 885, 892, 936; Т. 2: 193, 204, 205, 292, 393, 394, 395, 398, 602, 605, 608, 665, 666, 685, 723, 750–752, 756, 762, 766, 810, 834
 Калаушин А.М. Т. 2: 677
 Калашников К.К. Т. 1: 312
 Каледин А.М. Т. 1: 59, 60, 110, 148, 152, 184, 185, 190, 280, 552, 558, 799, 810, 825, 939, 940, 998; Т. 2: 800, 819
 Каликин Е.В. Т. 2: 333
 Калинин Ю.Г. Т. 2: 205
 Калинин И.М. Т. 1: 852
 Калинин М.И. Т. 1: 952, 958, 991; Т. 2: 47, 48, 593, 742
 Калинин Н.П. Т. 1: 578
 Калинин С.А. Т. 2: 625
 Калинин, опрошенный Т. 2: 169
 Калиновский К.Т. Т. 1: 581, 604, 605
 Калнин О.Ю. Т. 2: 225
 Калнынь О.А. Т. 2: 600
 Кальницкий М.Н. Т. 2: 797
 Калюжный И.С. Т. 1: 287
 Калюжный Р.Г. Т. 1: 32
 Каменев Л.Б. Т. 1: 948; Т. 2: 719, 721
 Каменев С.С. Т. 1: 59, 207, 222, 229–231, 287, 330, 398, 403, 418–422, 425, 428, 474, 476, 482, 487, 493, 501–509, 511, 513, 535, 536, 541, 546, 550, 892, 893, 918–920, 924–927, 929–932, 935–937, 940, 943, 945–947, 950, 951, 957, 962, 969, 991, 995; Т. 2: 91, 198, 327, 381, 392–395, 397, 410, 411, 414, 497, 508, 523, 525–528, 532, 607, 626, 628, 664, 685, 710, 712, 715, 722–725, 736, 750, 760, 764, 783, 810, 812, 834, 835
 Каменева В.Ф. Т. 2: 381
 Каменева Н.С. Т. 2: 381
 Каменский А.З. Т. 1: 905, 906
 Каменский М.П. Т. 1: 319, 386, 529, 533; Т. 2: 753, 754
 Каменский С.Н. Т. 2: 618
 Каменщиков В.В. Т. 1: 179
 Каминский В.В. Т. 1: 39, 41, 348, 349
 Камкин Н.И. Т. 1: 281, 288, 400, 401, 820, 821; Т. 2: 553, 724

Камнев (Петерс) В.Н. Т. 2: 549
Камо (Тер-Петросян С.А.) Т. 2: 684
Канабеев Л.Н. Т. 2: 254
Канаян Д. (Дро) Т. 1: 792
Кангелари В.А. Т. 2: 60, 66, 597
Кандауров Д.Л. Т. 2: 8, 9, 242
Канненберг В.Р. Т. 1: 135; Т. 2: 425, 579, 618
Кантор Ю.З. Т. 1: 36
Каньшин П.П. Т. 2: 107, 744
Капелька, капитан Т. 1: 554
Каплинский В.В. Т. 2: 163
Капнин К.Л. Т. 1: 56, 222, 256, 272, 561, 571, 572, 574–576, 642, 733, 738, 837; Т. 2: 124, 386, 477, 800
Капнист Г. Т. 2: 509
Капошин П.П. Т. 2: 692
Каппель (Строльман) О.С. Т. 2: 339, 340
Каппель В.О. Т. 1: 60–62, 201, 287, 300, 551, 645, 646, 652, 662, 663, 684, 687, 689, 690, 799, 832, 873, 874; Т. 2: 101, 103, 104, 115, 163, 265, 272, 339, 340, 399, 474, 531, 555, 565, 668, 669, 674, 676, 798, 808, 819
Капустин Н.Я. Т. 1: 126, 530, 533; Т. 2: 337, 563, 626, 750
Капустянский Н.А. Т. 1: 55, 61, 723, 744, 746, 748–751, 753, 757, 758, 823, 882, 886, 888; Т. 2: 292, 403, 486
Капутовский А.К. Т. 2: 788
Карасев Н.И. Т. 2: 191
Карась, бандит Т. 2: 665, 834
Каратов-Караулов Н.А. Т. 2: 743
Каратыгин П.П. Т. 1: 312, 510; Т. 2: 723, 724
Карахан Л.М. Т. 1: 195, 196; Т. 2: 231, 271
Карбышев Д.М. Т. 2: 626
Каргалетелли (Каргалетели) В.Д. Т. 1: 779, 780, 783, 785; Т. 2: 682–684
Карганов Н.А. Т. 1: 281
Каргин К.Л. Т. 2: 356
Кардашенко А.Н. Т. 1: 258, 574, 575; Т. 2: 801
Каревский А.А. Т. 1: 30
Кареев Б.П. Т. 1: 90, 91
Кареев И.Л. Т. 2: 509
Кареев Л.М. Т. 2: 508, 509
Кареева Н.Д. Т. 1: 47
Кареева О.М. Т. 2: 508
Карепов Н.Н. Т. 1: 329; Т. 2: 112, 113; Т. 2: 147
Карклин В.Я. Т. 1: 294, 401
Карл XII Т. 1: 266
Карлсон К.-Р.-Г.К. Т. 1: 306, 719; Т. 2: 96, 113
Карпенко А.С. Т. 1: 215, 525; Т. 2: 156, 530, 743

Карпинский Н.В. Т. 1: 593
Карпов В.И. Т. 2: 283
Карташов Н.А. Т. 1: 462
Карцов (Карцев) В.А. Т. 1: 244, 645
Карцов (Карцев) П.А. Т. 1: 244
Карягин Г.Б. Т. 1: 313; Т. 2: 52
Карякин И.И. Т. 2: 608
Касаткин В.Н. Т. 1: 12, 183, 646, 799, 806, 817, 818, 858, 876; Т. 2: 429, 430, 557, 563
Касаткин Л.Л. Т. 2: 668, 670
Катанаев А.В. Т. 1: 867
Катков Г.М. Т. 1: 123
Каульбарс А.В. Т. 1: 93, 118; Т. 2: 788
Качазнуни (Каджазнуни) О.М. Т. 1: 793
Каширин В.Б. Т. 1: 64
Каширин Н.Д. Т. 2: 100, 763, 766
Кашперов К.В. Т. 2: 178, 183, 209
Кашуба И.С. Т. 1: 706; Т. 2: 186, 187, 303
Квевцинский М.Ф. Т. 1: 138, 698–701, 704, 705, 854, 855; Т. 2: 482
Квинтадзе Г.И. Т. 1: 55, 61, 782, 783, 785, 788; Т. 2: 679
Квитницкий Л.В. Т. 2: 302, 319
Кедров М.С. Т. 1: 161, 162, 177, 225, 246, 402, 410, 509, 811, 899, 900, 928, 955, 959; Т. 2: 42, 44–46, 231–233, 302, 323–326
Кедров С.А. Т. 1: 246
Келлер Ф.А. Т. 1: 363, 373, 723, 758; Т. 2: 520
Келчевский А.К. Т. 1: 56, 78, 79, 223, 562–566, 569, 580, 584–587, 592, 603, 606, 849, 851, 852, 884; Т. 2: 75, 195, 384, 518, 519, 640, 793
Келчевский Е.А. Т. 1: 725
Кеппен А.Г. Т. 1: 288
Керенский А.Ф. Т. 1: 127, 134, 136, 137, 139, 146, 148–151, 153, 154, 156, 158, 159, 161, 163, 167, 171, 173, 183, 189, 203, 218, 220, 228, 237, 246, 314, 610, 693, 694, 809, 941, 942; Т. 2: 147, 177, 182, 183, 324, 442, 543, 766
Керсновский А.А. Т. 1: 97
Кизельбаш В.Р. Т. 2: 52
Киквидзе В.И. Т. 1: 494, 902; Т. 2: 123, 155
Кирдецов Г.Л. Т. 1: 713
Кириченко М.В. Т. 2: 677
Кирмель Н.С. Т. 1: 30, 37, 64
Киров С.М. Т. 1: 943; Т. 2: 396
Кирпичников А.В. Т. 1: 281, 288, 399; Т. 2: 34, 35, 522, 553, 686, 724, 750, 761, 770, 772, 777
Кирпичников Т.И. Т. 1: 134
Кирпотенко С.А. Т. 1: 642
Кирсановы, братья Т. 2: 364

Кириянов Л.И. Т. 1: 577
Киселев Н.А. Т. 1: 281, 294, 884; Т. 2: 108, 250
Киселевский Н.М. Т. 1: 138, 606
Кисис Т. 2: 416, 418
Кислицын В.А. Т. 1: 653
Кислов А.И. Т. 1: 141, 750
Кислов Г.Я. Т. 1: 578, 580, 582, 603; Т. 2: 76, 303
Кисляков В.Н. Т. 1: 151, 153; Т. 2: 303
Китаев, коммунист Т. 2: 364
Кияшко А.И. Т. 1: 186; Т. 2: 302, 303
Киященко Г.Т. Т. 2: 563, 568
Клаузевиц К.Ф.Г., фон Т. 1: 72; Т. 2: 527, 753, 804
Клееберг Ф. Т. 2: 654
Клейст, полковник Т. 1: 883
Клемансо Ж. Т. 2: 818
Клембовская М.А. Т. 2: 331
Клембовский А.-О.Н. Т. 2: 331
Клембовский В.Н. Т. 1: 89, 117, 135, 150, 153, 240, 247, 294, 527, 529–531, 923, 967, 968, 972–974, 978; Т. 2: 243, 303, 306, 329, 330–334, 336, 337, 382, 404, 454, 503, 505, 812
Клембовский Г.В. Т. 1: 240; Т. 2: 812
Клембовский Н.Н. Т. 2: 331
Клементьев В.Ф. Т. 2: 333
Клеменц А.А. Т. 1: 294
Клерже Г.И. Т. 1: 55, 153, 192, 227, 680, 833, 834; Т. 2: 75, 154, 303, 513
Клещинский (Клещинскас) К.К. Т. 1: 775; Т. 2: 516, 734
Климовецкий А.К. Т. 1: 282, 294; Т. 2: 39
Климович А.К. Т. 2: 575, 577, 580, 583, 584, 614, 632, 744, 750
Климович Е.К. Т. 1: 623
Климовских В.Е. Т. 1: 893; Т. 2: 397, 553, 772, 778–780
Климонтович Л.Н. Т. 2: 184
Климушкин П.Д. Т. 1: 855
Клочко И.Г. Т. 2: 604
Клуге К.И. Т. 2: 52, 673
Клюев Л.Л. Т. 1: 287, 329, 425, 466, 533, 891; Т. 2: 398, 762, 772, 777, 810
Клюев Н.А. Т. 1: 698, 700, 706; Т. 2: 788
Кныш А.М. Т. 2: 139
Княгницкий П.Е. Т. 1: 417; Т. 2: 625
Княжевич Т. 1: 966
Кобозев П.А. Т. 1: 418
Кобылецкий Ю.И. Т. 2: 131, 661
Ковалев М.А. Т. 1: 587; Т. 2: 519, 535
Ковалев, следователь Т. 2: 200
Ковалев, фигурант дела Т. 2: 255
Ковалевский (Ковалевский-Русский) Б.Н. Т. 1: 227, 812, 813; Т. 2: 296

- Ковалевский А.Н. Т. 1: 287, 935, 940;
Т. 2: 96, 133, 222, 223, 266, 302, 312, 353
Ковалевский С.И. Т. 2: 633
Коваль-Медзвецкий Н.А. Т. 1: 376,
744; Т. 2: 403, 486
Ковальчук М.А. Т. 1: 30, 64, 728, 751,
758
Ковригин А.И. Т. 2: 24
Ковшов В.Д. Т. 2: 600
Коган Л. Т. 2: 364
Кожевников А.В. Т. 1: 376, 522;
Т. 2: 743
Кожевников И.С. Т. 1: 436; Т. 2: 534
Козаков В.Г. Т. 1: 288; Т. 2: 508
Козлов И.И. Т. 1: 648; Т. 2: 511, 512
Козловский А.Н. Т. 2: 664
Козловский С.С. (С.Р.К.С.) Т. 1: 376,
521
Козловский Э.И. Т. 2: 58, 59, 63,
575–577, 614
Козловский, сотник Т. 2: 652
Колегов С.Н. Т. 2: 11, 162, 163, 166, 167
Коленковский А.К. Т. 1: 287, 399, 401,
403, 501, 894; Т. 2: 626, 750, 753, 772, 777
Колесников А.П. Т. 2: 165, 166, 167,
209, 250, 251, 667
Колесников Г.Г. Т. 1: 615
Колесников И.С. Т. 2: 832
Колесников Н.В. Т. 2: 93, 94
Колесников Т. 2: 27
Колесниченко А.И. Т. 2: 177
Коллонтай А.М. Т. 1: 495
Колодеев Ф.А. Т. 1: 744; Т. 2: 403
Колосов А.В. Т. 1: 531
Колосовский В.В. Т. 1: 744, 823, 887;
Т. 2: 255, 257
Колтышев П.В. Т. 1: 560, 837, 838;
Т. 2: 797
Колчак А.В. Т. 1: 16, 37, 50, 51, 57,
62, 92, 201, 207, 227, 237, 244, 245,
269, 274, 280, 309, 332, 345, 348, 361,
362, 471, 474, 482, 490, 501–503, 511,
516, 526, 532, 542, 543, 551, 568, 587,
588, 599–602, 610, 644, 649–652,
654–656, 658–673, 679, 681, 684–690,
697, 708, 796, 800, 811, 814, 817, 818,
827, 829, 834, 845, 854, 856, 860, 861,
864, 867–877, 884, 888, 939, 945, 946,
948, 950, 953, 954, 956, 960, 963, 965,
970, 999; Т. 2: 108, 111, 117, 125, 126,
148, 149, 152, 153, 155, 158–160, 163,
165–169, 171, 172, 174–181, 183, 184,
187, 189–191, 195, 197, 198, 201, 204,
206–209, 211–213, 231, 235, 242, 243,
250, 252–254, 258, 278, 279, 305, 306,
329, 334, 346, 347, 354, 357, 359, 384,
389, 393, 399, 408, 409, 430, 433, 458,
459, 472–474, 513, 524, 525, 530, 536,
552, 564–567, 569–571, 581, 585, 599,
659, 667, 668, 670–673, 677, 694, 733,
745, 752, 771, 772, 776, 797, 808, 829,
832, 834, 839, 845
Колчин А.Г. Т. 2: 182
Колчинский А.А. Т. 1: 557
Кольшмидт В.Б. Т. 2: 744
Колюбакин А.М. Т. 2: 436
Колюбакин Б.М. Т. 2: 203, 390, 471,
563, 568, 570, 572, 573
Комаров Я. Т. 2: 508
Комарова Е. Т. 2: 508
Конде, принц Т. 1: 211
Кондзеровский (Кондырев) П.К.
Т. 1: 123, 137, 248, 294, 709, 712, 877;
Т. 2: 340, 532
Кондратенко, мичман Т. 2: 286
Кондратович Л.Л. Т. 2: 296, 297
Кондратьев Б.Н. Т. 1: 510, 891;
Т. 2: 553, 686, 725, 772, 777
Кондратьев В.И. Т. 1: 518, 799
Кондрусев С.М. Т. 2: 780
Коновалец Е.М. Т. 1: 751
Коновалов А.Н. Т. 1: 443; Т. 2: 115
Коновалов Г.И. Т. 1: 134, 624, 625, 635,
637, 639, 640, 641, 853, 985
Коновалов П.И. Т. 1: 578, 603, 617
Кононов (Кононов-Кононович) К.Л.
Т. 2: 677, 797
Кононов А.С. Т. 2: 164, 166
Корвин-Круковский А.В. Т. 2: 144
Корелов А.А. Т. 1: 440, 454; Т. 2: 377
Корженевский Н.Л. Т. 2: 633
Корзин, см. Корзун Н.П.
Корзун Н.П. Т. 1: 376, 522; Т. 2: 253
Корицкий Н.И. Т. 1: 483
Корк А.И. Т. 1: 23, 60, 216, 425, 465,
466, 494, 510, 771, 806, 807, 893, 935,
936, 939; Т. 2: 393, 394, 397, 411, 412,
446, 467, 686, 724, 725, 760, 763–765,
810, 835, 836
Корнилов Л.Г. Т. 1: 25, 28, 49, 60, 61,
76, 80, 81, 106, 117, 120, 130, 134, 135,
138, 139, 142–144, 146–154, 156–158,
160, 163, 166–168, 173, 203, 204, 208,
210, 212, 225, 246, 247, 253–255, 257,
259, 378, 551–560, 563, 585, 586, 639,
642, 722, 799, 816, 826, 827, 832, 834–
836, 839, 840, 888, 940, 998; Т. 2: 30, 147,
156, 261, 318, 354, 355, 407, 481, 513,
514, 519, 805, 806, 819
Корницкий В.О. Т. 1: 970
Короваев А.И. Т. 1: 622; Т. 2: 385
Короленко В.Г. Т. 1: 823
Корольков В.М. Т. 2: 732
Корольков Г.К. Т. 1: 287, 327, 531, 820;
Т. 2: 534, 535, 744
Корольков Ф.И. Т. 2: 303
Короченцев В.В. Т. 2: 401
Корсун Н.Г. Т. 1: 530, 531, 960;
Т. 2: 220, 507, 618, 750, 753, 772, 777
Кортацци Г.И. Т. 1: 616
Корчаков-Сивицкий В.В. Т. 2: 794
Косаговский В.А. Т. 2: 302
Косач Т.С. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 17, 28,
220
Космаенко И.П. Т. 1: 791
Косматов А.В. Т. 1: 172, 173, 287, 399,
891, 893, 936; Т. 2: 691
Космин (Косьмин) В.Д. Т. 1: 286, 294,
876; Т. 2: 399
Косогоров Н.И. Т. 1: 312; Т. 2: 220, 226
Косоногов, полковник Т. 2: 287
Костанди Л.В. Т. 1: 134, 198, 275, 294,
319, 698, 702–706, 829, 963, 986–988;
Т. 2: 174, 186, 303, 306, 366, 401, 402
Костенко В. Т. 2: 508
Костенко М.Ф.
Костиль М.И. Т. 2: 523
Костров С.И. Т. 2: 100, 203, 400, 788
Кострюков И.Т. Т. 2: 302
Костяев Ф.В. Т. 1: 220, 252, 288, 329,
423, 448, 485, 524, 535, 892, 918, 925,
926, 930, 935, 937, 945, 946, 950, 953,
954, 956, 957, 960; Т. 2: 21, 26, 27, 42, 44,
48, 103, 111, 248, 311, 321, 324, 325, 373,
398, 412, 413, 418, 421, 425, 447, 466,
492, 521, 616, 731, 740, 744, 810
Костяева О.А. Т. 2: 324
Косьяков В.А. Т. 1: 287
Котельников А.А. Т. 2: 131, 147
Котен А.Ф., фон Т. 2: 303
Котенко Т. 2: 365
Коткин С. Т. 1: 44
Котляревский И.П. Т. 1: 823
Котляревский С.А. Т. 1: 531
Котович М.А. Т. 1: 645
Котовский Г.И. Т. 1: 61
Котомин В.В. Т. 1: 464, 465, 679, 800;
Т. 2: 599, 600
Коханов Н.И. Т. 2: 26, 563, 572, 573
Кохно Е.А. Т. 1: 736, 737
Кочик В.Я. Т. 1: 37
Кравец Г.М. Т. 2: 166
Кравков В.П. Т. 1: 92
Кравцов С.Н. Т. 2: 179
Кравченко А.Д. Т. 2: 359
Крадюковы, братья Т. 2: 364
Краковецкий А.А. Т. 2: 294
Красильников И.Н. Т. 1: 862, 864
Красильников С.Н. Т. 2: 730
Красин Л.Б. Т. 1: 538
Красицкий Н.Ф. Т. 1: 887; Т. 2: 180, 777
Краснов В.Г. Т. 1: 36, 506
Краснов Н.Н., сын Т. 1: 59
Краснов Н.Н. Т. 1: 59
Краснов П.Н. Т. 1: 59, 60, 62, 159, 160,
183, 199, 200, 228, 389, 578, 580, 581,

584–586, 594, 600, 799, 825, 828, 833,
839–842, 940, 946, 998; Т. 2: 7, 8, 348,
354, 405, 406, 574, 735, 793, 796, 819
Краснов С.Н. Т. 1: 59
Краснова Л.Ф.
Крат Н.С. Т. 2: 434
Кребс Г.Т. Т. 2: 771
Крейтер В.В. Т. 1: 825; Т. 2: 240, 247,
248, 388, 401
Кремляков П.В. Т. 1: 376
Крестинский Н.Н. Т. 1: 955
Крестьянов Г.П. Т. 1: 884; Т. 2: 552, 836
Кривенко В.В. Т. 1: 723
Кривоуцкий Г.И. Т. 1: 642
Кривошеин Т. 2: 108
Кривцов Б.Г. Т. 1: 242; Т. 2: 163
Кривцов Н.Г. Т. 1: 242; Т. 2: 163
Кривченко П.А. Т. 1: 282, 288, 400
Кругликов, полковник Т. 1: 961
Крузе А.Я. Т. 1: 50, 51, 893; Т. 2: 111,
160–162, 400, 407, 552, 772, 775
Крузенштерн К.А., фон Т. 1: 245, 707,
829; Т. 2: 390
Крузенштерн Н.Ф., фон Т. 1: 248
Крузенштерн О.А., фон Т. 1: 91, 245,
707
Крупенский, полковник Т. 2: 142
Крутиков Н.А. Т. 1: 38; Т. 2: 196, 303
Кручинин А.С. Т. 1: 30, 64, 967;
Т. 2: 788
Крыжановский В.В. Т. 1: 618
Крыленко Н.В. Т. 1: 160, 164–169, 173,
175, 177–179, 188, 195, 196, 207, 212,
237, 384, 386, 724–726, 808, 897, 973;
Т. 2: 134
Крылов П.Н. Т. 2: 294
Крымов А.М. Т. 1: 93, 149, 150, 151,
153, 154, 160, 807
Крюгер А.И. Т. 1: 287, 811; Т. 2: 100,
101, 103
Крячков, комиссар Т. 2: 428
Кудря Ф.Е. Т. 1: 726
Кудрявцев А.Ф. Т. 2: 348
Кудрявцев Н.А. Т. 2: 530
Кудрявцев, генштабист Т. 2: 663
Кудрявцев, начальник штаба дивизии
Т. 1: 496; Т. 2: 80
Кузнецов Б.И. Т. 1: 282, 294, 822, 894,
929, 949, 950, 953, 954, 956, 958, 960;
Т. 2: 26, 42, 44, 46–48, 50, 108, 220, 222,
313, 552, 553, 678, 680, 682, 724, 725,
761, 772, 777, 836
Кузнецов Г.Н. Т. 1: 604
Кузнецов К.Д. Т. 2: 302
Кузнецов М.Н. Т. 2: 117, 180, 772, 777
Кузнецов С.А. Т. 1: 250, 297, 299, 303,
310, 421, 429, 530, 531; Т. 2: 96, 221, 272,
273, 303, 426, 446, 451, 535, 602, 605
Кузьмин А.Г. Т. 1: 288

Кузьмин Н.Н. Т. 1: 439, 508, 702, 915,
916, 918, 987, 988; Т. 2: 425
Кузьмин-Караваев А.Д. Т. 2: 303
Кузьмин-Караваев Д.Д. Т. 1: 248
Кузьминский А.Ф. Т. 1: 744; Т. 2: 257
Куйбышев В.В. Т. 2: 721
Куйбышев Н.В. Т. 2: 625, 770
Кук А.И. Т. 1: 100, 282, 287, 400, 401,
893; Т. 2: 220, 228, 552, 608, 626, 662,
724, 725, 810, 836
Кулабухов А.И. Т. 1: 843
Кулешин С.И. Т. 1: 117; Т. 2: 354, 799
Кулешов Г.И. Т. 2: 176, 208
Куликов П.В. Т. 1: 282; Т. 2: 397
Куликовский Н.И. Т. 2: 85
Куликовский Ю.И. Т. 1: 768
Куль Г.Т. Т. 2: 753
Кульжинский С.Н. Т. 1: 744; Т. 2: 403
Кун Б. Т. 2: 795
Кун В.Н. Т. 2: 633
Кунец, старший унтер-офицер
Т. 2: 364
Куновский Т. 1: 449; Т. 2: 302
Куприн А.И. Т. 1: 833, 973, 974;
Т. 2: 812
Куприянов В.А. Т. 1: 464, 882, 886,
893, 894
Курганов Ф.Ф. Т. 2: 668
Куреш С. Т. 2: 306
Курлов П.Г. Т. 1: 91
Курманович В. Т. 1: 756
Куропаткин А.Н. Т. 1: 16, 61, 67, 69, 86,
93, 110, 134, 819; Т. 2: 462
Курский Д.И. Т. 1: 418, 976, 977;
Т. 2: 159
Кусов В.Н. Т. 2: 159, 668
Кусонский П.А. Т. 1: 164, 167, 168,
264, 573; Т. 2: 71, 72, 124, 141, 142, 288,
386, 801
Кусонский П.М. Т. 1: 294
Кутателадзе Г.Н. Т. 1: 61; Т. 2: 681, 763
Кутепов А.П. Т. 1: 625, 637, 638, 639,
642, 843, 846, 853, 966; Т. 2: 113, 361,
431, 736–738
Кутырев Г.Я. Т. 1: 247, 282, 288, 400,
462, 488; Т. 2: 11, 14, 32, 36, 40, 44,
46–48, 220, 222, 224, 325, 375
Кутяков И.С. Т. 1: 492, 495, 509;
Т. 2: 183, 184, 766
Кучек-хан Т. 2: 683
Кушелевский А.В. Т. 1: 711
Куц В.М. Т. 1: 744, 748, 749, 751;
Т. 2: 77, 83, 403, 486, 651
Кшесинская М.Ф. Т. 1: 162
Кюльман Ф. Т. 2: 753
Кюрениус Э.К. Т. 1: 152
Кюрц И.Р. Т. 2: 285
Кюрц М.(Ж.)И. Т. 2: 285

Лаверь Ж.Ф.А.М.Г. Т. 2: 265
Ладнов И.К. Т. 1: 376
Ладьженский Г.М. Т. 1: 294
Лазарев М.П. Т. 2: 240
Лазарев, комиссар Т. 2: 377
Лазаревич В.С. Т. 1: 236, 425, 496–498,
510, 531, 893; Т. 2: 393–395, 412, 524,
562, 626, 627, 686, 810, 836, 837
Лазаренко-Дедковский
(Лазаренко-Дидковский) М.М.
Т. 1: 743, 744, 748, 750, 760, 823
Лазари А.Н., де Т. 1: 93, 397, 399, 401;
Т. 2: 327, 438, 753, 772, 781
Лазимир П.Е. Т. 1: 177; Т. 2: 560
Лазо С.Г. Т. 1: 207
Лайдонер И.Я. Т. 1: 60, 61, 286, 707,
708, 771–774, 776, 808, 829; Т. 2: 403,
516, 734, 796
Лайминг П.А., фон Т. 1: 288; Т. 2: 302
Лампе А.А., фон Т. 1: 34, 55, 56, 195,
258, 259, 334, 545, 546, 576, 594, 603,
606–608, 625, 630, 727, 804, 815, 818,
830, 833, 836, 843, 964, 969, 971–973,
984, 995, 996; Т. 2: 75, 133, 242, 243, 250,
286, 292, 300, 335, 354, 386, 431, 434,
480, 519, 520, 530, 735, 737, 800, 801
Лампе Н.М., фон Т. 2: 800
Ланник Л.В. Т. 1: 16, 64
Лапин А.Я. Т. 2: 164
Лапин В.М. Т. 1: 315
Лапшевский Т. 2: 420
Лапшин Б.П. Т. 1: 282; Т. 2: 115, 596
Ларин Ю. (Лурье М.З.) Т. 1: 900
Ларионов Н.С. Т. 1: 852
Ларка А.И. Т. 1: 771, 772; Т. 2: 403, 796
Ластовский Б.М. Т. 1: 752
Ласточкин А.Г. Т. 1: 244
Ласточкин В.Г. Т. 1: 244; Т. 2: 303
Латынин В.Д. Т. 1: 282, 287, 399, 401;
Т. 2: 220
Лауриц А.А. Т. 1: 288, 393, 771; Т. 2: 94,
95, 344
Лауриц Е.И. Т. 2: 95
Лафар Ж., де Т. 2: 233
Лахинский К.К. Т. 2: 59
Лацис М.И. Т. 1: 994; Т. 2: 232, 304, 348
Лашевич М.М. Т. 1: 446, 918, 927, 928;
Т. 2: 23, 31
Лашкевич И.С. Т. 1: 134
Лашилин Н.А. Т. 1: 287
Лебедев В.Г. Т. 1: 642
Лебедев Д.А. Т. 1: 141, 149, 554, 598,
645, 651, 658–660, 662, 664, 665, 667,
683, 684, 807, 835, 854, 859, 861, 867,
871, 872, 876, 877, 888; Т. 2: 117, 152,
237, 278, 474, 566
Лебедев Д.К. Т. 1: 58, 412, 527, 529–
531, 533, 774, 931, 976, 978; Т. 2: 96, 117,
229, 454, 528, 542, 579, 656, 786

- Лебедев М.В. Т. 2: 117
 Лебедев Н.В. Т. 1: 645, 799
 Лебедев П.П. Т. 1: 49, 59, 245, 247, 275, 423, 445, 471, 475, 476, 487, 494, 501, 502, 509, 514, 525, 535, 808, 892, 920, 924, 929, 930, 935, 936, 944, 945, 962; Т. 2: 187, 188, 190, 198, 277, 278, 284, 328, 334, 335, 373, 378, 393, 394, 410, 423, 462, 466, 467, 497, 508, 511, 523, 525–528, 626, 664, 687, 696, 707, 710, 712, 722–725, 736, 760, 810, 837
 Лебедев С.П. Т. 1: 245
 Лебедев, мещанин Т. 2: 364
 Леви Л.Н. Т. 2: 165
 Левицкий Б.А. Т. 2: 9, 276, 277, 346, 535
 Левицкий В.И. Т. 2: 257
 Левчук П.М. Т. 1: 750, 887
 Левшин Д.М. Т. 1: 376
 Легин А.Ф. Т. 1: 282
 Легран Б.В. Т. 1: 177, 179, 904
 Леер Г.А. Т. 1: 76
 Лелль (Делль) И.И. Т. 1: 318, 323; Т. 2: 337
 Лелонг А. Т. 1: 703
 Ленин В.И. Т. 1: 15, 18, 23, 38, 53, 58, 147, 151, 158, 164, 169, 173, 176, 195, 210, 212, 220, 223, 246, 252, 340, 384, 386, 388, 390, 407, 414, 415, 418, 420–422, 424, 428, 435, 455–458, 464, 466, 488, 502–504, 506, 507, 509, 528, 531, 541, 546–548, 553, 598, 610, 622, 644, 679, 806, 808, 809, 811, 814, 815, 830, 834, 875, 891, 894, 897, 900, 903–907, 911, 915, 918–920, 925–929, 931–933, 936, 937, 940–951, 955, 957, 959, 961, 962, 971, 987, 989, 991, 999; Т. 2: 42, 44, 60, 66, 89, 90, 126, 127, 148, 151, 189, 195, 199, 202, 227, 234, 235, 304, 316, 318–321, 323, 324, 347, 349, 395, 414, 421, 445, 478, 489, 505, 510, 521, 533, 558, 559, 577, 579, 593, 612, 720, 724, 777, 780, 795, 804, 807, 813, 815, 819
 Ленцман (Ленсман) Я.Д. Т. 1: 476
 Лео Н.Н. Т. 1: 287
 Леонов А.Н. Т. 1: 282, 294, 440, 454; Т. 2: 220, 376, 507
 Леонов Г.В. Т. 1: 532, 646, 647, 650, 858; Т. 2: 11, 111, 163, 337, 459, 563
 Леонтович Е.А. Т. 1: 612
 Леонтьев А.Н. Т. 1: 76
 Леонтьев В.А. Т. 1: 287
 Леонтьев М.Е. Т. 1: 288, 910
 Леонтьев М.Н. Т. 2: 219, 242
 Леонтьев Н.К. Т. 1: 238
 Леопольд Баварский Т. 1: 196
 Лепетюха И.Г. Т. 2: 618
 Леплевский И.М. Т. 2: 755
 Лесевский Н.П. Т. 1: 185, 561; Т. 2: 302
 Лескова, артистка Т. 2: 245
 Лесли Г.Д. Т. 1: 560, 796
 Лечицкий П.А. Т. 2: 331
 Леш Л.В. Т. 1: 136, 138
 Ли Р.Э. Т. 2: 405
 Либус (Либусь) Н.Д. Т. 1: 282, 329, 522, 936; Т. 2: 303, 337
 Ливен А.П. Т. 1: 709
 Ливенцев Н.Д. Т. 1: 287, 391, 402; Т. 2: 111, 444, 526
 Лигнау А.Г. Т. 1: 265, 268, 326, 747; Т. 2: 164, 166, 528, 626, 627, 750, 751, 756, 766
 Лидерс О.О. Т. 2: 142
 Лилиенталь Г.Г. Т. 1: 294
 Лилль П.-А. Т. 2: 796
 Линицкий А.И. Т. 1: 886; Т. 2: 141
 Липко П.И. Т. 1: 744, 749, 750; Т. 2: 257, 794
 Липовский, полковник Т. 1: 626
 Липский В.В. Т. 1: 193–195, 197, 287; Т. 2: 219, 220
 Лисицын К.К. Т. 2: 124, 314
 Лисовой Я.М. Т. 1: 248, 249, 274, 330, 334, 341, 348, 554, 826, 836; Т. 2: 132, 477
 Лисовский Н.В. Т. 1: 287, 439, 473, 491, 893; Т. 2: 382, 383, 393, 725, 810, 837, 838
 Лисовский Ю.И. Т. 1: 38
 Лист Ф. Т. 2: 525
 Литовцев (Шильдбах) К.К. Т. 1: 181, 526, 527; Т. 2: 94, 174, 292, 365, 751, 756
 Лиходей П.А. Т. 2: 518
 Лихошерстов А.А. Т. 1: 91
 Лихтарович Л.К. Т. 1: 52
 Лобковиц В.В. Т. 1: 318; Т. 2: 211, 707
 Ловцевич Л.Л. Т. 2: 669, 675
 Ловчицкий С.Ю. Т. 2: 209
 Ловягин, ком. роты Т. 2: 164
 Лодыженский А.А. Т. 2: 274
 Лодыженский Ю.И. Т. 2: 289
 Локкарт Р.Б. Т. 2: 225, 260, 277
 Ломновский П.Н. Т. 2: 273, 288, 289
 Лотов М.Е. Т. 1: 709, 711
 Лохвицкий Н.А. Т. 1: 682, 684; Т. 2: 675, 738
 Лукашов В.Л. Т. 1: 908
 Лукин М.Л. Т. 2: 667, 668, 670
 Лукин Н.М. Т. 1: 531
 Лукирский С.Г. Т. 1: 122, 171, 233, 288, 386, 388, 426, 530, 531, 818, 930; Т. 2: 9, 59, 79, 343, 527, 579, 605, 731, 750, 753, 754, 756, 765, 766
 Лукиянов Т. 2: 364
 Лукомская (Драгомирова) С.М. Т. 2: 244
 Лукомский А.С. Т. 1: 38, 55, 77, 90, 93, 117, 123, 131, 135, 136, 147, 151, 152, 155, 167, 170, 193, 200, 217, 231, 556–558, 569, 573, 576, 593, 594, 616, 658, 816, 832, 846, 940; Т. 2: 89, 156, 242–245, 272, 289, 434, 475, 479, 677
 Луначарский А.В. Т. 1: 320; Т. 2: 576
 Лупаков Л.А. Т. 2: 626
 Лус (Лусь) Э.К. Т. 1: 282, 288
 Луцков П.А. Т. 2: 212, 668–670
 Лучинин В.В. Т. 1: 313
 Лушненко А.П. Т. 1: 744
 Львов В. Т. 2: 68
 Львов В.Н., слушатель Т. 2: 600
 Львов В.Н. Т. 1: 148, 149
 Львов Г.Е. Т. 1: 125, 127, 135
 Львов И.Н. Т. 1: 446
 Львов Т. 2: 498
 Люба Б.В. Т. 1: 49; Т. 2: 745
 Любимов В.В. Т. 1: 329, 425, 494, 933; Т. 2: 368, 394, 723, 838
 Любинский С.С. Т. 1: 282, 709
 Любович К.А. Т. 2: 294
 Любомиров П.П. Т. 1: 288
 Людсканов-Цанков К.А. Т. 1: 181, 294; Т. 2: 114
 Люндеквист В.Я. Т. 1: 931; Т. 2: 283–285, 303, 343, 533
 Люпов С.Н. Т. 1: 262, 286, 288, 652; Т. 2: 473, 565, 677, 796
 Люттов А.Д. Т. 1: 282, 288, 455, 456, 537; Т. 2: 220, 284, 443, 467, 553, 772, 777, 783
 Люшков Г.С. Т. 2: 755
 Ляхов В.П. Т. 1: 825
 Ляшко П.И. Т. 1: 282
 Лящик С.И. Т. 2: 153
 Магер Б.Д. Т. 2: 667
 Маевский М. Т. 2: 654
 Мазепа И.С. Т. 1: 266
 Мазур-Ляховский В.Е. Т. 1: 887
 Май М. Т. 2: 166
 Майгур П.М. Т. 1: 282, 294, 406, 423, 441, 902; Т. 2: 43, 49, 343, 379, 413, 466
 Майдель В.Н., фон Т. 1: 246, 287
 Майер Л.А., фон Т. 2: 219
 Майзель М. Т. 1: 43, 347
 Май-Маевский В.З. Т. 1: 86, 336, 412, 596, 597, 601, 615, 616, 617, 940; Т. 2: 401, 519, 520, 800
 Майстрах Б.В. Т. 2: 625
 Макаренко Б.Д. Т. 2: 178
 Макаров А.А. Т. 2: 142
 Макдональд Э.-Ж.-Ж.-А. Т. 1: 664
 Македонский А.К. Т. 1: 282, 287, 610, 611; Т. 2: 262, 792, 793
 Маковский, хорунжий Т. 2: 652
 Макогон Я. Т. 1: 757, 758

- Макри И.Г. Т. 2: 429
Максимов А.М. Т. 1: 750; Т. 2: 129, 238
Максимов В.И. Т. 1: 282, 294, 472; Т. 2: 220, 553, 777
Максимов Н.С. Т. 1: 822; Т. 2: 329
Максимов Т. 2: 495
Максимович А.Н. Т. 1: 376, 521, 522; Т. 2: 743
Максимович В. Т. 2: 792
Максимович К.К. Т. 2: 303
Максимович П.С. Т. 1: 288; Т. 2: 184
Максимовский Н.Н. Т. 1: 287, 294
Макулович А.И. Т. 1: 282, 288
Макухин В.В. Т. 2: 9
Макшеев В.З. Т. 2: 195, 477
Макшеев Ф.А. Т. 2: 744
Малеванов, инженер Т. 2: 27
Малевич, полковник Т. 1: 882
Малевский А.Д. Т. 2: 765
Малеев Д.П. Т. 2: 220
Малиновский А.В. Т. 2: 509
Малиновский Д.А. Т. 1: 808; Т. 2: 171, 294
Маллесон У. Т. 2: 296
Малышев А.К. Т. 1: 282, 288, 441, 950, 953, 954, 956, 960; Т. 2: 42, 47, 48, 220, 447, 466, 552, 685, 838
Малютин Б.В. Т. 1: 287
Малявин Б.С. Т. 1: 706, 707, 709–712, 715, 877
Мамантов (Мамонтов) К.К. Т. 1: 446, 505, 514, 604, 833, 915; Т. 2: 95, 109, 137, 481
Мамонтов С.И. Т. 2: 361
Манакин В.К. Т. 1: 146, 184, 578, 823, 828; Т. 2: 154, 245, 404, 430
Манаков, поручик Т. 1: 834
Мандрыка Г.А. Т. 1: 243
Мандрыка И.А. Т. 1: 243
Манжетный И.М. Т. 1: 649, 663
Маниковский А.А. Т. 1: 174, 176, 177, 530; Т. 2: 632
Маннер К.А. Т. 2: 414
Маннергейм К.Г. Т. 1: 698, 769
Мануилов Г.А. Т. 1: 489; Т. 2: 57, 59, 66, 67
Мануильский Д.З. Т. 2: 99
Манштейн В.В. Т. 1: 839
Мариюшкин А.Л. Т. 1: 986; Т. 2: 75, 796, 852
Марков А.Л. Т. 1: 256, 574
Марков В.И. Т. 2: 303
Марков С.Л. Т. 1: 60, 61, 78, 106, 139, 151, 152, 156, 167, 246, 254, 551, 556, 561, 570, 615, 722, 839; Т. 2: 343, 481, 549, 819
Марков Т. 2: 364
Марковский В.И. Т. 1: 644, 645, 651, 662
Маркс К. Т. 1: 223, 455, 822, 974
Мармузов П.К. Т. 1: 443
Мартсон Т. 1: 394
Мартынов А.Е. Т. 1: 972; Т. 2: 391
Мартынов А.И. Т. 1: 97; Т. 2: 114
Мартынов Е.И. Т. 1: 71, 89, 93, 94, 147, 519, 530, 531, 930; Т. 2: 229, 533, 731
Мартынов К.А. Т. 2: 117
Мартынов Н.Н. Т. 1: 287
Мартынюк И.С. Т. 1: 744; Т. 2: 648
Мартьянов, рабочий Т. 1: 822
Мартыгин А.А. Т. 1: 281, 376, 891
Марушевский В.В. Т. 1: 55, 88, 176, 177, 191–193, 691, 693–698, 700–704, 709, 895, 925–927, 986; Т. 2: 387, 400, 401, 520, 521, 638
Маршалл А. Т. 1: 43
Маслов В.Н. Т. 1: 282, 288, 692; Т. 2: 11, 21
Масловский (Мстиславский) С.Д. Т. 1: 90, 91, 127
Масловский Д.Ф. Т. 1: 90
Масловский Е.В. Т. 1: 56, 150, 563, 566, 568, 637, 639, 640; Т. 2: 129, 431, 479, 500, 852
Масягин Н.О. Т. 2: 52, 250
Матвеев А.М. Т. 2: 658
Матвеев-Рогов С.И. Т. 1: 129
Матвеев К.Н. Т. 2: 294
Матвиенко А.А. Т. 2: 117, 257, 641
Матковский А.Ф. Т. 1: 78, 243, 645, 660, 662, 817, 861, 863–866, 868; Т. 2: 11, 303, 359, 563
Матковский М.Ф. Т. 1: 243
Маттис Г.О. Т. 1: 282, 294; Т. 2: 220, 786
Матьянов М.И. Т. 1: 288
Мауринг А.Ф. Т. 2: 209
Махвиладзе (Михвиладзе) К.М. Т. 1: 376
Махин Ф.Е. Т. 1: 92, 287, 300, 400, 645–647, 675, 823, 856, 872, 884, 889, 930, 931, 999; Т. 2: 90, 94, 114, 121, 122, 264, 265, 272, 352, 366, 664, 782
Махно Н.И. Т. 1: 50, 462, 598, 606, 607, 617, 620, 883, 966; Т. 2: 360
Махов М.М. Т. 1: 287; Т. 2: 303
Махров В.С. Т. 1: 240, 241, 243, 575, 625; Т. 2: 796, 811
Махров Н.С. Т. 1: 240, 241, 243, 288, 399; Т. 2: 337, 345, 811
Махров П.С. Т. 1: 55, 56, 89, 91, 171, 172, 187, 210, 211, 240, 241, 243, 246, 247, 619, 621, 623, 625, 639, 640, 799, 816, 818, 819, 823, 824, 837, 843, 846–848, 851, 853, 981–983; Т. 2: 7, 134, 242, 345, 361, 386, 407, 519, 520, 548, 782, 783, 811
Мацевич К.А. Т. 2: 652
Мацнев В.Д. Т. 1: 878; Т. 2: 165, 166
Мацнев П.Т. Т. 2: 240
Мацюк С.Ф. Т. 2: 119
Машин А.Н. Т. 1: 51, 282, 288, 440
Машкин Н.А. Т. 1: 26
Мдивани Б.Г. Т. 2: 682
Медведев А.И. Т. 1: 88; Т. 2: 203, 471, 563, 568, 572, 573, 670
Медведев А.П. Т. 1: 288, 476, 946; Т. 2: 327, 427, 709
Медведев М.А. Т. 2: 240
Медведев М.В. Т. 1: 294; Т. 2: 798
Медведев М.Е. Т. 2: 290
Медведев М.Р. Т. 2: 657
Медель А.И. Т. 1: 282, 287; Т. 2: 42, 220
Медиокритский В.Е. Т. 1: 287, 517; Т. 2: 285, 303
Медянцев И.Ф. Т. 1: 968
Меженинов П.С. Т. 2: 764
Меженинов С.А. Т. 1: 294, 425, 495, 536, 893, 930, 935, 936, 939; Т. 2: 393, 394, 552, 723–725, 732, 750, 751, 752, 754, 760, 764, 766, 783, 810, 838
Межлаук В.И. Т. 1: 463; Т. 2: 313
Мезенцев А.И. Т. 2: 167–169, 182, 459
Мезерницкий М.В. Т. 1: 513; Т. 2: 360, 732
Мей П.А. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 21, 22, 39, 492
Мейерхольд В.Е. Т. 2: 525
Мекк Н.К., фон Т. 2: 330
Меликов В.А. Т. 2: 752
Мелик-Парсаданов Н.А. Т. 2: 106
Меллер-Закомельский А.Н. Т. 1: 93
Мельгунов С.П. Т. 1: 139, 866, 867
Мельник А.А. Т. 1: 748, 749
Мельников Д.А. Т. 1: 294; Т. 2: 95, 96, 147, 509, 510
Мельников Н.М. Т. 2: 362
Мельницкий В.М. Т. 1: 287, 833; Т. 2: 240, 800, 801
Мельтюхов М.И. Т. 1: 64; Т. 2: 720
Менжинский В.Р. Т. 1: 988; Т. 2: 275, 302, 330, 339, 732, 755
Меншиков А.Д. Т. 1: 16
Меньчуков Е.А. Т. 1: 61, 91; Т. 2: 751
Мергин Р.Д. Т. 2: 52, 240, 243, 282, 432
Меренко, комиссар
Мерецков К.А. Т. 2: 55, 80, 586, 591, 712, 762, 770
Мержанов Б.А. Т. 1: 587; Т. 2: 101
Меркулов С.Д. Т. 2: 675
Мерро М.И. Т. 2: 798
Мессинг С.А. Т. 2: 755
Месснер А.Я. Т. 1: 799
Месснер Е.Э. Т. 1: 56, 57, 349, 567, 597, 611, 612, 642, 812, 833; Т. 2: 138, 291, 385–388, 403, 480, 552, 554
Мехмандаров С.-Б. С.-Б.-оглы Т. 1: 776, 778; Т. 2: 199, 240

- Мехоношин (Механошин) К.А. Т. 1: 162, 173, 177, 388, 407, 418, 443, 763, 892, 902, 904, 908, 916, 943; Т. 2: 40, 351, 352, 375, 444, 534, 561
Мешковский Е.В. Т. 1: 744, 746, 748–751, 755; Т. 2: 257, 403, 486, 487, 514
Мещерский Т. 2: 142
Мигай С.И. Т. 2: 526
Микоян А.И. Т. 2: 396
Милеант Г.Г. Т. 1: 93
Миллер Е.К. Т. 1: 60, 61, 106, 140, 141, 194, 207, 212, 214, 247, 410, 551, 665, 668, 691, 692, 694–698, 700–702, 705, 706, 799, 806, 825, 830, 854, 987, 998; Т. 2: 115, 116, 219, 242, 354, 367, 388, 400, 434, 482, 483, 572, 736–738, 786, 791, 792, 819
Милович Д.Я. Т. 1: 813; Т. 2: 153
Милоданович В.Е. Т. 1: 257
Милоданович Е.А. Т. 1: 257
Милутинович Д. Т. 2: 792
Мильбах В.С. Т. 2: 752
Милюков П.Н. Т. 1: 148; Т. 2: 126
Милютин Д.А. Т. 1: 67, 71, 73, 109; Т. 2: 574
Минаков С.Т. Т. 1: 34, 313, 995, 999; Т. 2: 410, 715, 723, 725
Минде Т. 2: 142
Минин С.К. Т. 1: 901–904, 944
Минут В.Н. Т. 1: 55, 117, 177, 389; Т. 2: 138, 219, 220, 509
Миончинский Д.Т. Т. 2: 386
Мирзоян С.С. Т. 1: 64
Миронцев Н.В. Т. 1: 490, 918; Т. 2: 115, 596, 598
Мирошников А.А. Т. 2: 184
Митрофанов В.Г. Т. 2: 209, 667, 668
Митрофанов С.А.
Михаил Александрович, вел. кн. Т. 1: 132
Михайлов Б.Д. Т. 2: 112
Михайлов В.И. Т. 1: 288, 501; Т. 2: 467
Михайлов И.А. Т. 1: 860–862, 864, 868–870
Михайлов М.А. Т. 1: 288; Т. 2: 108, 118, 220
Михайлов М.А. Т. 2: 25, 27
Михайлов Н.А. Т. 1: 865, 866; Т. 2: 166, 167, 303
Михайлов П. Т. 2: 295
Михайлов С.Г. Т. 2: 765
Михеев В.С. Т. 1: 287, 446; Т. 2: 311, 319, 530
Михеев И.А. Т. 2: 359
Михеев С.П. Т. 2: 183
Михневич Н.П. Т. 1: 117, 130, 140, 294, 529, 533; Т. 2: 312, 459, 744
Михутин И.В. Т. 1: 64
Мицул А.И. Т. 2: 758
Мишагин-Скрыдлов А.Н. Т. 2: 519
Мищенко С.М. Т. 2: 598
Млечин Л.М. Т. 1: 36
Моденов И.Д. Т. 1: 282, 288, 303, 315, 447, 459, 520, 523, 946; Т. 2: 46, 48, 326
Модрах В.К. Т. 2: 240
Можаровский В.Б. Т. 1: 990–994; Т. 2: 332
Молкочанов М.В. Т. 1: 282, 288, 401, 935, 936; Т. 2: 11, 396, 552, 678, 679, 724, 744
Молотов (Гаммер) Н.Д. Т. 2: 154, 164, 166
Молотов В.М. Т. 2: 778
Молчанов В.М. Т. 1: 663, 673; Т. 2: 409, 669
Молчанов Н. Т. 2: 729
Мольтке Х., фон
Монигетти К.Ф. Т. 2: 107, 211
Монкевиц Н.А. Т. 2: 219, 220, 738
Монфор Е.О., де Т. 1: 246, 519; Т. 2: 722
Моравицкий К.А. Т. 2: 107, 108, 145, 147, 220
Мордвинов А.А. Т. 1: 131
Морель Н.М. Т. 1: 514, 790; Т. 2: 303, 391
Моризе А. Т. 2: 348
Мориц А.А. Т. 1: 965; Т. 2: 536
Моро Ж.В. Т. 1: 971
Мороз Ф.А. Т. 1: 193, 195
Морозевич И.А. Т. 1: 193, 744
Морозов Н.А. Т. 1: 93, 260, 261, 964, 965; Т. 2: 182, 193–195, 750, 751, 756
Морозов П.Е. Т. 2: 596
Мосина З.В. Т. 2: 608
Москаленко М.И. Т. 2: 111, 164, 178
Москвичев, штабс-капитан Т. 1: 674
Моторный Виктор И. Т. 1: 243, 519, 677; Т. 2: 173, 626, 627
Моторный Владимир И. Т. 1: 243, 675–677; Т. 2: 173, 182, 530, 756
Мочульский А.М. Т. 1: 161, 178, 179, 219, 220, 252, 305, 512, 519; Т. 2: 277, 303, 306, 337, 374, 459, 503
Муклевич Р.А. Т. 1: 498; Т. 2: 580, 731
Мульков Н.А. Т. 1: 312, 501
Муравьев В.Н. Т. 1: 530, 531
Муравьев М.А. Т. 1: 211, 231, 420, 425; Т. 2: 94, 121, 122, 522
Муралов Н.И. Т. 1: 293, 457, 495, 546; Т. 2: 40, 722, 768
Муратов В.П. Т. 1: 294; Т. 2: 462, 503–505, 615, 744
Мурузи Александр А. Т. 1: 243
Мурузи Алексей А. Т. 1: 243, 286, 288, 691, 692, 696, 704; Т. 2: 399
Мусаелян Г. Т. 2: 202
Мустафин Н.В. Т. 2: 45
Мутт В.И. Т. 1: 771, 774; Т. 2: 403, 516
Муханов А.В. Т. 2: 337
Муханов Г.А. Т. 1: 288
Мучник Н.А. Т. 2: 337
Мыслицкий Н.Г. Т. 1: 294; Т. 2: 468, 626, 743, 744
Мышлаевский А.З. Т. 1: 88, 93, 138, 140
Мюллер, нем. лейтенант
Мягков Н.А. Т. 2: 294
Мялковский А.И. Т. 1: 312, 313; Т. 2: 733
Мясников (Мясникян) А.Ф. Т. 1: 797; Т. 2: 679
Мясников В.Е. Т. 2: 154, 667
Мясоедов С.Н. Т. 1: 170; Т. 2: 243
Нагаев Н.В. Т. 1: 645
Наговицын А.А. Т. 2: 608
Надежный Д.Н. Т. 1: 99, 160, 272, 287, 386, 391, 425, 426, 431, 480, 502, 537, 539, 909, 922, 930, 933, 935, 937; Т. 2: 229, 325, 393, 394, 426, 528, 529, 586, 626, 731, 753, 756, 766, 772, 777, 810, 839
Назарбеков Ф.И. Т. 1: 261, 791, 793, 794, 796; Т. 2: 745, 759, 760
Назаренко К.Б. Т. 1: 28, 46, 101, 119, 206
Назаров А.М. Т. 1: 185, 825; Т. 2: 302
Наполеон I Бонапарт, фр. имп. Т. 1: 649, 971; Т. 2: 405, 636, 793
Нариманов Н.Н. Т. 2: 199
Нарышкин А.Я. Т. 1: 287; Т. 2: 151
Насонов Т. 2: 163
Натиев А. Т. 1: 759
Науменко В.Г. Т. 1: 60, 62, 561, 594, 940; Т. 2: 797
Наумов А.К. Т. 2: 601
Наумов И.К. Т. 1: 918
Наумов К.А. Т. 2: 572
Нахамкес (правильно, Нахамкис – Стеклов Ю.М.) Т. 1: 815
Нацвалов А.Г. Т. 1: 399
Нацвалов А.Р. Т. 1: 782, 784–786
Невежин К.П. Т. 1: 312; Т. 2: 626, 839
Невежин П.П. Т. 1: 133
Невский В.И. Т. 1: 161
Невядомский Н.Е. Т. 2: 240
Негродов Б.Л. Т. 1: 432, 483, 914; Т. 2: 380, 530, 775, 776
Недельский А.А. Т. 2: 303
Нежданова А.Я. Т. 2: 525, 526
Неженцев М.О. Т. 1: 146
Незнамов А.А. Т. 1: 78, 246, 519, 527, 530, 531, 533; Т. 2: 576, 579, 604, 608, 626, 629, 632, 640, 744, 750
Нейдомковский Т. 2: 94
Неймирок Н.З. Т. 1: 612; Т. 2: 288, 289, 801

- Неклютин К.Н. Т. 2: 430
 Нелавицкий Н.Н. Т. 2: 52
 Нелидов А.Л. Т. 1: 568, 593
 Немирович-Данченко Г.В. Т. 1: 12, 208, 327, 641, 800
 Немцов П. Т. 2: 521
 Ненароков А.П. Т. 1: 41
 Непенин А.И. Т. 1: 131
 Непенин С.Я. Т. 1: 518, 799
 Нестерова Е.Д. Т. 2: 144
 Нестерова, задержанная Т. 2: 244
 Нестеровский А.И. Т. 1: 287, 466; Т. 2: 798
 Неф Г.Г., фон Т. 1: 707; Т. 2: 520
 Нефедов, подьесаул Т. 2: 519
 Нечаев Н.И. Т. 2: 303
 Нечволодов А.С. Т. 1: 519; Т. 2: 96, 115
 Ниве П.А. Т. 1: 93
 Нидермиллер А.-Э.Г. Т. 1: 986; Т. 2: 75
 Низиенко А.Ф. Т. 1: 744; Т. 2: 52
 Никитин Б.В. Т. 1: 146, 147; Т. 2: 30
 Никитин И.Н. Т. 2: 678
 Никитин М.П. Т. 1: 376
 Никифоровский Н.М. Т. 1: 626; Т. 2: 240
 Николаев А.М. Т. 2: 219, 242
 Николаев А.Н. Т. 1: 282, 287; Т. 2: 667
 Николаев А.П. Т. 1: 216
 Николай I, рос. имп. Т. 1: 970; Т. 2: 540
 Николай II, рос. имп. Т. 1: 16, 67, 71, 87, 93, 121, 123, 124, 130–133, 139, 145, 155, 156, 218, 552, 824, 891, 898; Т. 2: 294
 Николай Константинович, вел. кн. Т. 1: 76
 Николай Николаевич-младший, вел. кн. Т. 1: 16, 60, 71, 78, 117, 123, 131, 132, 135, 137
 Никольский В.П. Т. 2: 282
 Никольский Л.В. Т. 2: 354, 548, 799
 Никольский Н.А. Т. 1: 282, 288, 400, 401
 Никои, см. Тихон, патр.
 Никонов Ф.П. Т. 2: 559, 560, 574, 575, 580, 604
 Никулин И.А. Т. 1: 99, 294; Т. 2: 745, 749
 Никулищев Б.А. Т. 1: 225, 226
 Никульцев М.В. Т. 2: 250
 Нильсон, подполковник Т. 1: 861
 Ниссель А. Т. 1: 719
 Нищенко А.Н. Т. 2: 271
 Новаков Е.И. Т. 1: 287
 Новиков А.В. Т. 1: 403, 443; Т. 2: 528
 Новиков В.В. Т. 1: 287; Т. 2: 744
 Новиков Н.С. Т. 1: 820; Т. 2: 311, 532
 Новиков, подпрапорщик Т. 2: 366
 Новикова Н.В. Т. 1: 934; Т. 2: 764
 Новикьян Г.М. Т. 2: 601
 Новицкий В.Ф. Т. 1: 76, 89, 93, 140, 240, 243, 386, 528, 931, 932; Т. 2: 246, 563, 576, 579, 580, 585, 605, 618, 730, 731, 750, 753, 754, 811
 Новицкий Е.Ф. Т. 1: 76, 240, 243; Т. 2: 811
 Новицкий Н.Ф. Т. 1: 884; Т. 2: 400
 Новицкий Ф.Ф. Т. 1: 240, 243, 288, 398, 404, 502, 516, 523, 527, 547, 936, 937; Т. 2: 396, 632, 633, 723, 724, 730, 772, 777, 783, 810, 811
 Новобранец В.А. Т. 2: 765
 Новопашенный П.А. Т. 1: 716
 Новосельский В.И. Т. 2: 744
 Новосильцев Л.Н. Т. 1: 141, 149; Т. 2: 274
 Новурзов Т.-Б. Т. 2: 658
 Нокс А.Т. 1: 70, 120, 196, 861, 894
 Нолькен А.Л., фон Т. 1: 593; Т. 2: 455
 Нордгейм Н.В. Т. 2: 744
 Носков А.А. Т. 2: 793
 Носков Е.И. Т. 2: 782
 Носович А.Л. Т. 1: 55, 57, 221–223, 230, 248, 250, 392, 811, 902, 918, 925, 926, 931, 935, 940; Т. 2: 94, 96, 113, 135, 146, 265–267, 270, 300, 313, 352, 353, 376, 456, 480, 521
 Ностиц Г.И. Т. 1: 107, 288
 Нотбек В.В., фон Т. 1: 227, 228, 287, 391; Т. 2: 100–104, 154, 303, 436
 Нуриджанян А.С. Т. 2: 201
 Нури-паша Т. 1: 777
 Оберюхтин В.И. Т. 1: 182, 646, 686, 687; Т. 2: 111, 164, 206, 207, 358, 359, 407, 563, 739, 761
 Оболевешев А.Д. Т. 2: 302
 Оболевешев Н.Н. Т. 1: 153, 294, 519; Т. 2: 313, 337
 Обручев Н.А. Т. 1: 563; Т. 2: 790
 Обручев Н.Н. Т. 1: 67, 76, 88
 Овчинников А.К. Т. 1: 530
 Овчинников Г.И. Т. 2: 250
 Овчинников И.И.
 Огородников К.Ф. Т. 2: 425
 Огородников Ф.Е. Т. 1: 221, 287, 391, 443, 519, 899, 930; Т. 2: 425, 494, 502, 505, 526, 619, 741, 744, 750, 754
 Одинцов С.И. Т. 1: 69, 161, 166, 176, 178, 179, 198, 199, 217, 218, 219, 287, 313, 390, 502, 523, 538, 925, 926, 930, 933; Т. 2: 89, 311, 839
 Одишелидзе И.З. Т. 1: 780, 782, 788–790; Т. 2: 679
 Одноглазков Г.Ф. Т. 1: 245; Т. 2: 163, 303
 Одноглазков Ф.Ф. Т. 1: 245; Т. 2: 401
 Озанян А. Т. 1: 792
 Озол (Озолс) В.А. Т. 1: 764, 774; Т. 2: 403, 782
 Озол Т. 1: 914
 Ойнас П.Г. Т. 2: 166
 Окаемов А.А. Т. 1: 271, 740
 Окулич-Казарин Я.В. Т. 2: 782
 Окулов А.И. Т. 1: 907, 919; Т. 2: 59, 323, 593
 Окунев А.Д. Т. 1: 294, 530
 Олег, кн. 16
 Олейник А.И. Т. 2: 302
 Олейников П.И. Т. 1: 282, 288, 399, 717, 718, 823; Т. 2: 110, 487, 661, 662
 Олиско, стражник Т. 2: 364
 Олохов В.А. Т. 1: 275, 533; Т. 2: 460, 493, 499, 526
 Олохова О.И. Т. 2: 460, 493
 Ольдерогге В.А. Т. 1: 236, 237, 288, 501, 920, 925–927; Т. 2: 393, 394, 396, 529, 756, 839
 Ольский Я.К. Т. 2: 755
 Омелянович-Павленко М.В. Т. 1: 747, 749, 756
 Опаренко П. Т. 2: 639
 Оравский И.Ф. Т. 1: 282, 288, 400, 915; Т. 2: 39, 51, 411
 Орановский В.А. Т. 1: 152
 Оранский А.Г. Т. 1: 287; Т. 2: 401
 Орджоникидзе Г.К. Т. 1: 943; Т. 2: 70, 521, 682, 684, 719
 Орел-Орленко И.М. Т. 1: 762
 Орехов А.М. Т. 1: 918; Т. 2: 497, 508
 Орешкин Г.П. Т. 1: 281, 376; Т. 2: 777
 Орешкин И.П. Т. 1: 247, 287
 Оржановский В.Ф. Т. 2: 794
 Орлов В.Г. Т. 2: 260
 Орлов Г.А. Т. 1: 327
 Орлов М.А. Т. 1: 287, 935; Т. 2: 666, 669, 743
 Орлов М.И. Т. 1: 151, 152
 Орлов Н.А. Т. 1: 508
 Орлов Н.И. Т. 1: 966; Т. 2: 363
 Орлова Л.П. Т. 2: 783
 Орловский С.Н. Т. 1: 514
 Осецкий А.В. Т. 1: 742, 744, 747, 749, 754, 757, 760; Т. 2: 367, 500
 Осинский А.А. Т. 1: 763
 Осипов М.П. Т. 1: 321
 Осипов П.Г. Т. 2: 563, 568
 Осипов, рядовой Т. 2: 364
 Оскилко В.П. Т. 1: 753, 754, 886
 Оссендовский А.М. Т. 1: 833
 Остапович В.В. Т. 1: 376
 Остапура-Степовий А.С., см. Астафьев А.С.
 Острянский Н.М. Т. 1: 740, 744; Т. 2: 117
 Оскин Д.П. Т. 1: 434; Т. 2: 522, 523
 Отмарштейн Ю.В. Т. 1: 61, 742, 744, 759; Т. 2: 486
 Отыганиев В.Н. Т. 2: 191, 192, 250

- Паас К.В. Т. 2: 107
 Павленко В.А. Т. 1: 747, 749
 Павлов (Пылин) Б.А. Т. 1: 328
 Павлов Д.Г. Т. 2: 779
 Павлов И.П. Т. 2: 204
 Павлов Н.Д. Т. 1: 376; Т. 2: 162
 Павлов, чекист Т. 2: 188
 Павлович М.П. Т. 2: 577
 Павловский Н.К. Т. 1: 684
 Павловский Ф.Г. Т. 1: 822
 Павлуновский И.П. Т. 1: 943, 951–953, 955, 956, 958; Т. 2: 125, 187, 203, 275, 302, 305, 325, 345, 377, 508
 Павулан В.П. Т. 2: 280, 375
 Пален А.П., фон дер Т. 1: 711, 715
 Палицын В.А. Т. 2: 219, 242
 Палицын Ф.Ф. Т. 1: 87, 93, 97, 204
 Пальмерстон Г.Д. Т. 2: 269
 Паницкий, старший унтер-офицер Т. 2: 364
 Панкратьев А.П. Т. 1: 282, 288, 935, 936; Т. 2: 34, 35, 42, 48, 220
 Панкратьев, начальник Особого отдела Т. 2: 201
 Паннаш А.Ф. Т. 1: 288
 Панов А.В. Т. 1: 287; Т. 2: 374
 Панов, сторож Т. 2: 221
 Пантелеев М. Т. 1: 905
 Панюшкин В.Л. Т. 2: 714
 Папчинский Б.Н. Т. 1: 881
 Парамонов Н.Е. Т. 1: 556
 Парв А.И. Т. 1: 626, 771; Т. 2: 108, 114, 289, 290, 352, 796
 Парейшвили М.С. Т. 1: 784
 Парето В. Т. 1: 15, 16
 Париева Л.Р. Т. 1: 33
 Парм А.К. Т. 2: 600, 601
 Парский Д.П. Т. 1: 60, 89, 179, 180, 181, 221, 287, 386, 387, 389, 405, 420, 423, 520, 529–532, 821, 897, 923, 933, 950, 967, 971–973; Т. 2: 26, 150, 261, 377, 378, 398, 404, 425, 458
 Пархонов А.Ю. Т. 1: 294
 Пархонов Л.Н. Т. 2: 303
 Паскевич И.Ф. Т. 1: 16
 Патронов И.Ф. Т. 1: 56, 156, 188, 254, 280, 555–557, 559, 875; Т. 2: 236
 Паука И.Х. Т. 1: 287, 450, 509, 516, 935, 936; Т. 2: 394, 535, 724, 725, 761, 762, 769, 770, 772, 781, 810, 839, 840
 Пахонов А.Г. Т. 1: 282, 393
 Пац-Помарнацкий А.Ф. Т. 1: 713
 Пашич Н. Т. 1: 965
 Пашковский Н.П. Т. 2: 166
 Пащенко В.Г. Т. 2: 405
 Пащенко Е.Г. Т. 2: 405
 Певнев А.Л. Т. 1: 287, 518; Т. 2: 626, 627
 Певный П. Т. 1: 726
 Пегушин В.М. Т. 1: 282
 Пеленкин П.Я. Т. 2: 666
 Пепеляев А.Н. Т. 1: 652, 661, 671, 682, 800, 854, 869, 874, 1000
 Пепеляев В.Н. Т. 1: 863, 867, 874, 1000
 Перевалов К.М. Т. 1: 642
 Переверзев Н.М. Т. 2: 163
 Перемытов А.М. Т. 1: 288, 329, 401, 404, 442, 501, 502, 930; Т. 2: 394, 552, 713, 723–725, 762, 840
 Перепеловский Б.М. Т. 2: 178, 182
 Пересада-Суходольский М.С. Т. 1: 744; Т. 2: 403, 487
 Перестай М.С. Т. 2: 166
 Перлик Г.Д. Т. 1: 287
 Пермикин Б.С. Т. 1: 711, 712; Т. 2: 661
 Персан (Пиерсан) Д.П. Т. 1: 318
 Перхуров А.П. Т. 1: 55, 189, 197, 270, 803, 806, 810, 820, 873, 994, 996; Т. 2: 109, 165, 170, 171, 214, 261, 262, 303, 306, 367, 459, 517, 518
 Песоцкий В.Д. Т. 2: 11, 163, 166, 513
 Пестковский С.С. Т. 1: 524
 Пестржецкий М.И. Т. 1: 108
 Пестряков В.Н. Т. 1: 243; Т. 2: 182, 776
 Пестряков М.Н. Т. 1: 243; Т. 2: 182
 Петерс Я.Х. Т. 1: 538; Т. 2: 318
 Петин Д.И. Т. 1: 35
 Петин Л.Н. Т. 2: 306, 764
 Петин Н.Н., сын Т. 2: 306, 764
 Петин Н.Н. Т. 1: 60, 61, 210, 211, 246, 247, 287, 391, 439, 465, 466, 480, 490, 501, 505, 508, 516, 537, 821, 893, 922, 934, 935–939, 981–984, 986; Т. 2: 306, 312, 343, 379, 393–395, 458, 495, 535, 597, 723–725, 745, 760, 764, 783, 810, 840, 841
 Петина М.М. Т. 2: 764
 Петина Я.А. Т. 2: 764
 Петлюра С.В. Т. 1: 264, 268, 274, 458, 540, 625, 723, 725, 726, 737, 742–744, 746, 752–755, 757–762, 881, 882, 885–887; Т. 2: 83, 85, 131, 139, 143, 211, 238, 246, 247, 289, 292, 340, 402, 403, 500, 641, 643–645, 647, 648, 671, 794, 832
 Петр I Карагеоргиевич, серб. кор. Т. 1: 965
 Петр I, рос. имп. Т. 1: 16, 183, 220, 961, 970, 980; Т. 2: 633
 Петрановский-Белаш Г.И. Т. 1: 294, 657
 Петрасевич П.Н. Т. 1: 294, 329; Т. 2: 508
 Петров В.Н. Т. 1: 61, 266, 726, 744–748, 751, 757, 759, 762, 883, 887; Т. 2: 403, 486, 515, 641, 643, 644
 Петров Е.П. Т. 1: 624
 Петров М.М. Т. 1: 445, 930; Т. 2: 46
 Петров Н.А. Т. 1: 287, 399, 401; Т. 2: 401
 Петров П.П. Т. 1: 55, 106, 108, 112, 133, 233, 286, 287, 645, 647, 824; Т. 2: 100–104, 675, 677
 Петров С.И. Т. 1: 282
 Петров Т. 1: 966
 Петров Ф.А. Т. 2: 302
 Петров, капитан Т. 1: 728, 733, 735
 Петров, курсовик Т. 2: 554, 555
 Петров, полковник Т. 1: 626
 Петров, полковник Т. 1: 681
 Петрова Н. Т. 1: 993
 Петров-Денисов И.С. Т. 2: 52
 Петровский А.С. Т. 2: 52
 Петровский Г.И. Т. 2: 338
 Петровский Д.А. Т. 2: 50, 51, 504
 Петровский Л.Г. Т. 2: 595
 Петровский Н.А. Т. 1: 887
 Петрусевич Б.В. Т. 2: 596
 Петрушевич Е.Е. Т. 1: 758
 Пехлеви Реза-хан Т. 1: 227
 Пехливанов И.Г. Т. 1: 174, 287, 386, 387; Т. 2: 20, 27, 28, 96–98, 340, 438, 455, 559
 Печерский Л.Ф. Т. 2: 580
 Пешков Н.Н. Т. 1: 757
 Пиковский В.Я. Т. 1: 288
 Пилат П. Т. 2: 741
 Пилкин В.К. Т. 1: 772, 828
 Пиллит А.Ф. Т. 2: 601
 Пилсудский Ю. Т. 1: 760, 767, 789, 883, 970, 975–977
 Пионтковский Т. 1: 461
 Пирог С.В. Т. 1: 282, 294
 Писарев Т. 2: 142
 Пискунов Т. 1: 160
 Питер Л. Дж. Т. 1: 17
 Платов С.А. Т. 2: 303
 Плеткин М.Н. Т. 2: 252
 Плехтин К.С. Т. 2: 635
 Плотников Е.Б. Т. 1: 288
 Плотников Н.А. Т. 2: 174
 Плотников, доктор Т. 1: 839
 Плошкин В.В. Т. 1: 246
 Плюто С.Г. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 48, 326, 327
 Плюцинский И.А. Т. 1: 885; Т. 2: 155, 175, 294, 303, 306
 Плющевский-Плющик Г.А. Т. 1: 287
 Плющевский-Плющик Ю.Н. Т. 1: 56, 120, 156, 568, 592, 593, 598, 600, 605, 845; Т. 2: 401, 406, 479, 542
 Пневский В.И. Т. 2: 103
 Пневский Н.В. Т. 1: 258, 287, 329, 449, 501, 505, 936, 939; Т. 2: 100–104, 506, 723, 724
 Побыванец А.И. Т. 1: 282, 288
 Подвербная Н.А. Т. 2: 758
 Подвербный А.К. Т. 2: 758

Подвойский Н.И. Т. 1: 161, 162, 164, 173, 175, 177–179, 192, 216, 219, 225, 226, 246, 285, 384, 386, 388, 390, 393, 407, 411, 418, 420, 442, 457, 462, 644, 726, 892, 901, 903, 915, 921, 928, 968, 971; Т. 2: 40, 101–103, 290, 291, 351, 352, 438, 559, 575, 577, 578, 581, 604, 686
Подгорецкий В.К. Т. 2: 572
Подгорецкий К. Т. 2: 63
Подгурский С.Ф. Т. 1: 243
Подгурский Ф.А. Т. 1: 243, 288, 387; Т. 2: 744
Подтягин М.П. Т. 2: 242
Подчертков А.А. Т. 1: 593, 986; Т. 2: 75, 801
Поздеев Н.Л. Т. 1: 555
Позерн Б.П. Т. 2: 66
Покатов С.В. Т. 1: 288
Покровский В.Л. Т. 1: 561, 603, 619, 843; Т. 2: 432
Покровский Н.В. Т. 1: 188
Полеводин М.Х. Т. 1: 593
Полетаев Н.Н. Т. 2: 198
Поливанов А.А. Т. 1: 92, 93, 117, 125, 127, 135, 140, 442, 524, 531, 533, 967, 968, 972, 973; Т. 2: 312, 316, 317, 330, 459
Поливанов И.Е. Т. 1: 288, 399, 401, 617
Поликарпов В.Д. Т. 1: 24
Поликарпов М.А. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 11, 21
Политковский Р.М. Т. 2: 294
Полковников Г.П. Т. 1: 158; Т. 2: 302
Полковников И.Н. Т. 1: 282, 287, 288, 302, 450, 936; Т. 2: 46, 48
Половцев Л.В. Т. 1: 554
Половцов А.П. Т. 2: 434
Половцов П.А. Т. 1: 125, 127, 138, 146, 147, 189, 274
Полозов И.Н. Т. 1: 282, 288, 401
Полторак С.Н. Т. 1: 192
Полюшкин В.З. Т. 1: 282, 288
Поляков Б.П. Т. 1: 288, 930, 933; Т. 2: 123, 261, 282, 315–318, 320, 352
Поляков И.А. Т. 1: 55, 162, 174, 182, 190, 564, 570, 577, 578, 580, 581, 583, 585, 586, 728, 841; Т. 2: 76, 125, 385, 512, 518
Поляков И.П.
Поляков Н.А. Т. 2: 678
Поляков П.И. Т. 1: 287, 399
Полянский В.Н. Т. 2: 639
Полянский С.С. Т. 2: 294
Пономарева Е.Н. Т. 2: 329
Пономаренко Т. 2: 364
Попандопуло Т. 2: 364
Попелло Х.Л. Т. 1: 739
Попов А.Н. Т. 2: 737, 738
Попов А.П. Т. 1: 648; Т. 2: 788
Попов В.В. Т. 2: 395, 552, 841

Попов В.Л. Т. 1: 220, 221, 648; Т. 2: 204, 296
Попов В.Ф. Т. 1: 294
Попов И.И., ген. Т. 2: 270, 302
Попов И.И., курсовик Т. 1: 288; Т. 2: 25, 677
Попов Н.И. Т. 1: 287
Попов П.Х. Т. 1: 185, 228, 578, 825, 849, 940
Попов С.П. Т. 2: 401
Попов, войсковой старшина Т. 1: 582
Попов, генштабист Т. 1: 438
Попова (Зайончковская) О.А.
Попова, задержанная Т. 2: 244
Попович Р.(В.)И. Т. 1: 318
Пораделов Н.Н. Т. 1: 889; Т. 2: 664
Пороховщиков А.С. Т. 1: 744
Посадский А.В. Т. 1: 10, 30, 823
Пославский Ю.И. Т. 2: 631
Поспелов, капитан Т. 2: 183, 184
Постников А.А. Т. 1: 319, 889
Постовский В.И. Т. 2: 481
Посторонкин В.Н. Т. 1: 996
Потапов А.С. Т. 1: 127; Т. 2: 506
Потапов Г. Т. 2: 145
Потапов И.Н. Т. 2: 131
Потапов Н.Д. Т. 1: 899
Потапов Н.М. Т. 1: 161, 162, 173, 176–179, 190, 196, 198, 219, 246, 247, 285, 286, 378, 382, 384–387, 390, 403, 410, 530, 535, 892, 929; Т. 2: 9, 12, 22, 122, 219, 229, 441, 446, 454, 533, 731, 736, 737, 783
Потапов Т. 1: 644
Потапова Н.А. Т. 1: 246
Потаповы Т. 1: 246
Потемкин Г.А. Т. 1: 16
Потемкин Т. 2: 99
Потоцкий Д.Н. Т. 1: 244; Т. 2: 242
Потоцкий С.Н. Т. 1: 244; Т. 2: 219, 242
Поярков И.Н. Т. 2: 117
Прасалов В.П. Т. 2: 436
Прежбяно А.К. Т. 2: 242
Преображенский А.С. Т. 1: 287
Преображенский В.И. Т. 1: 329, 438, 439, 440, 452; Т. 2: 112, 457
Преображенский Е.А. Т. 1: 971
Пресницкий Н.М. Т. 2: 167, 175, 209
Пржевальский М.А. Т. 1: 150, 165; Т. 2: 663, 683, 790
Пржевальский Н.М. Т. 1: 67
Пржевань, ген., см. Пржевальский М.А.
Пржецлавский В.А. Т. 2: 499
Примаков В.М. Т. 2: 763
Притоманов В.Ф. Т. 2: 202, 678, 679
Прозоров А.И. Т. 2: 100, 103, 303
Прокопович А.А. Т. 1: 711

Пронин В.М. Т. 1: 141, 149, 151, 807, 835; Т. 2: 483
Протазанов Т.М. Т. 1: 750; Т. 2: 144
Протопопов Л.И. Т. 2: 363
Прохорович А.И. Т. 1: 260, 741; Т. 2: 514, 640
Прошнян П.П. Т. 1: 388
Приюсинг Э.-Б.А., фон Т. 1: 710; Т. 2: 400
Псарев А.Н. Т. 2: 167, 175, 209
Пугачев Е.И. Т. 2: 408
Пугачев С.А. Т. 1: 288, 319, 501, 537, 821, 893, 943; Т. 2: 77, 394, 525, 527, 528, 678, 686, 723–725, 747, 756, 760, 778, 810, 841
Пугачева Л.Д.
Пудвинский Б.Н. Т. 2: 164
Пузицкий С.В. Т. 1: 976, 977; Т. 2: 421
Пузыревский А.К. Т. 1: 89
Пулихов И.П. Т. 1: 91
Пуль Ф.К. Т. 1: 691; Т. 2: 255
Пуляшко Б.Ф. Т. 2: 303
Пуницкий Н.Я. Т. 2: 240
Путинцев В.Д. Т. 2: 792
Пухальский С. Т. 2: 654
Пученков А.С. Т. 1: 33, 64; Т. 2: 551
Пучков Ф.А. Т. 1: 673, 688; Т. 2: 675
Пушкарев, комиссар Т. 2: 192
Пушкин А.С. Т. 1: 823
Пушков В.В. Т. 2: 209
Пшеницын К.Ф. Т. 2: 670
Пыжев А.М. Т. 2: 510
Пыльцын Ю.С. Т. 1: 30
Пэلمان К. Т. 2: 754
Пятаков Г.Л. Т. 1: 940; Т. 2: 63
Пятницкий В.Л. Т. 1: 282; Т. 2: 220
Пятницкий Е.М. Т. 1: 919
Пятс К.Т. 1: 772

Рагоза (Рогоза) А.Ф. Т. 1: 260, 730, 747; Т. 2: 111, 303, 640
Радек К.Б. Т. 1: 976; Т. 2: 258, 795
Радзин П.К. Т. 1: 61, 770; Т. 2: 403
Радищев В.Г. Т. 1: 446
Радкевич Е.А. Т. 1: 247
Радкевич Т. 1: 393
Радко-Дмитриев Р.Д. Т. 1: 135, 138, 807; Т. 2: 302, 303
Радус-Зенкович Л.А. Т. 1: 288, 398, 530, 531, 774, 775; Т. 2: 579, 730
Раевский М.Ф. Т. 2: 337, 459
Раевский Н.А. Т. 1: 969
Разгильдеев С.П. Т. 2: 142
Раздоров Н.Т. Т. 1: 287; Т. 2: 401
Разсудовский Т. 1: 458
Райский М.Д. Т. 1: 578, 585
Рак О.Г. Т. 1: 744, 885
Ракитин В.В. Т. 1: 645; Т. 2: 187, 303, 305, 513, 514

- Раковский Х.Г. Т. 1: 217, 462, 476;
Т. 2: 98, 505
- Рамат К.-В.Я. Т. 1: 376
- Раскольников Ф.Ф. Т. 1: 386, 418, 419;
Т. 2: 122
- Распутин Г.Е. Т. 1: 123
- Раттэль Е.И. Т. 1: 245, 811, 812
- Раттэль И.И. Т. 1: 245, 294, 518, 920,
921; Т. 2: 8, 396, 414, 503, 743, 811
- Раттэль Н.И. Т. 1: 219, 232, 245, 305,
386, 388, 391, 395, 418, 423, 426, 446,
514, 518, 519, 529, 530, 535, 892, 909,
925, 926, 930, 935, 938, 967; Т. 2: 150,
312, 314, 315, 317, 320, 332, 396, 398,
414, 450, 451, 459, 503, 509, 533, 600,
614, 810, 811
- Ратцель, см. Раттэль И.И.
- Ратьковский И.С. Т. 1: 41
- Раупах Р.Р., фон Т. 1: 168
- Раух Г.О. Т. 2: 282
- Рауш фон Траубенберг Е.А. Т. 1: 138
- Рахманов А.М. Т. 2: 209
- Рахья Э. Т. 1: 525
- Раша В.И. Т. 2: 461
- Раша Н.К. Т. 1: 287, 519; Т. 2: 221, 302,
461
- Ребдев И.А. Т. 1: 561
- Ревиншин А.П. Т. 1: 181, 940; Т. 2: 195,
303
- Редерн Г. Т. 2: 754
- Редигер А.Ф. Т. 1: 76, 90, 92, 93
- Реек Н.А. Т. 1: 267, 771; Т. 2: 656, 753
- Режепо П.А. Т. 1: 89, 299; Т. 2: 800
- Рейли С. Т. 2: 135, 282
- Рейнштейн Б.И. Т. 2: 577
- Рейснер М.А. Т. 2: 57, 577
- Рейхардт Т. 2: 347
- Ремезов А.К. Т. 1: 537, 926, 927, 935;
Т. 2: 679, 842
- Ренненкамф П.К. Т. 1: 80, 93, 110;
Т. 2: 302
- Репкин Л.И. Т. 2: 601
- Рерберг Ф.П. Т. 1: 70, 73, 93
- Ржевицкий В.Ф. Т. 1: 282, 288, 812;
Т. 2: 337
- Ригельман Е.Н. Т. 1: 287, 481; Т. 2: 337,
425
- Ригельман Е.П. Т. 2: 425
- Ризенкамф Г.К. Т. 2: 631
- Ринк И.Я. Т. 2: 403
- Рихтер Г.К. Т. 2: 303
- Рич Д.А. Т. 1: 43, 66
- Роберти Е.П., де Т. 2: 431
- Роберти Н.А., де Т. 2: 197, 198, 431,
432, 737, 738, 852
- Рогачев В.П. Т. 2: 684
- Роговский Е.Ф. Т. 1: 862
- Родендорф Б.Л. Т. 2: 798
- Родзеиовский Б.А. Т. 1: 768
- Родзянко А.П. Т. 1: 707, 708, 710–712,
716, 829; Т. 2: 258, 428
- Родзянко М.В. Т. 1: 124, 125, 128, 130,
132, 135, 564
- Родцевич-Плотницкий Л.Л. Т. 2: 133
- Роженко В.Е. Т. 1: 141, 149, 151, 577,
578; Т. 2: 302
- Рожнов (Шельстов) Г.Я. Т. 2: 303
- Розанов Н.Н. Т. 1: 282, 288, 488
- Розанов С.Н. Т. 1: 287, 410, 649, 662,
817, 858, 860, 861, 865, 867–870; Т. 2: 104,
105, 116, 270, 279, 357, 400, 520
- Розанов С.Ф. Т. 1: 533; Т. 2: 744
- Розадовский Т. Т. 1: 765
- Розе В.Р. Т. 2: 716, 717
- Розен М.И. Т. 2: 453
- Розенберг В.Г., фон Т. 1: 282, 288, 707
- Розенблум (Туманов) И.Р. Т. 2: 684
- Розенгольц А.П. Т. 1: 418, 455, 483;
Т. 2: 283
- Розенталь Р. Т. 1: 30
- Розенфельд Т. 1: 481
- Розеншильд фон Паулин А.Н.
Т. 1: 597
- Ролько А.Д. Т. 2: 144
- Ролько А.С. Т. 1: 288, 294, 440, 454;
Т. 2: 123, 144, 220, 322, 427, 532, 794
- Романенко И.А. Т. 1: 248
- Романов Н.М. Т. 2: 303
- Романов Ф.Н. Т. 2: 640
- Романовская Т. 2: 801
- Романовский Г.Д. Т. 1: 88, 93, 127, 410,
763; Т. 2: 116, 270, 796
- Романовский И.П. Т. 1: 55, 120, 122,
134, 147, 151, 153, 156, 167, 200, 217,
264, 554–560, 563, 566–570, 572, 573,
592, 593, 600–603, 607, 623, 624, 763,
814, 816, 817, 832, 834, 837, 839, 844–
846, 854, 855, 888; Т. 2: 75, 89, 128, 129,
145, 243, 245, 289, 401, 430, 475, 479,
513, 514, 788
- Ромербах, полковник Т. 2: 142
- Ромеров И.Ф. Т. 1: 970, 971; Т. 2: 303,
359
- Ромишевские, братья Т. 1: 887
- Ронжин Г.А. Т. 1: 243
- Ронжин И.А. Т. 1: 555; Т. 2: 156
- Ронжин С.А. Т. 1: 243
- Ронов Т. 1: 491
- Рооп В.Х. Т. 2: 219
- Рооп Х.Х. Т. 2: 463, 464
- Рооп Ю. Т. 2: 464
- Рославцев И.И. Т. 1: 282
- Ростов (Борхсениус) Л.Н. Т. 1: 238,
239, 294, 538; Т. 2: 397, 743
- Ростопчин Ф. Т. 2: 509
- Рот Н.А. Т. 2: 302
- Рубан А.Н. Т. 2: 618
- Рубец-Масальский Ф.В. Т. 1: 140
- Рудиченко А.И. Т. 1: 47, 335, 731, 833
- Руднев В.Л. Т. 2: 632
- Руднев С.В. Т. 2: 101
- Рузский Н.В. Т. 1: 80, 93, 110, 123, 131,
132, 135, 137, 138, 146, 171, 248, 257;
Т. 2: 302, 303
- Румша К.Ю. Т. 2: 105, 293, 294, 782
- Румянцев А.В. Т. 2: 800, 801
- Русин А.И. Т. 1: 130
- Руссет М.Н. Т. 2: 165, 303
- Рутыч (Рутченко) Н.Н. Т. 1: 348, 349;
Т. 2: 96, 765, 788
- Ру-Фузиляк Т. 1: 569
- Рухимович М.Л. Т. 1: 907, 908;
Т. 2: 396
- Рыбаков Н.П. Т. 2: 675
- Рыбалтовский Н.Н. Т. 2: 52, 294
- Рыков А.И. Т. 1: 951
- Рыльский К.И. Т. 1: 294, 527, 529, 530;
Т. 2: 261, 303, 306, 731, 734
- Рытиков Г.С. Т. 1: 106, 578
- Рычков В.В. Т. 1: 646, 648; Т. 2: 261
- Рышковский Б.И. Т. 2: 777
- Рютель Э.Я. Т. 2: 554, 771
- Рябиков П.Ф. Т. 1: 56, 78, 92, 659, 682,
686, 687, 802, 834; Т. 2: 11, 217, 252, 389,
472, 513, 542, 548, 556, 563, 567, 568, 574
- Рябинин А.А. Т. 1: 532, 725, 749;
Т. 2: 117
- Рябов П.Н. Т. 1: 318
- Рябовол Н.С. Т. 1: 842
- Рябцев К.И. Т. 1: 111, 113, 185, 884;
Т. 2: 353, 354, 799
- Рязанов Д.Б. Т. 1: 530, 940; Т. 2: 459,
626
- Ряснянский С.Н. Т. 1: 56, 141, 142,
149–151, 199, 259, 263, 551, 557, 561,
577, 578, 593, 723, 728, 737; Т. 2: 71, 72,
236, 240, 244, 248, 288, 289
- Сабельников Н.Г. Т. 1: 860, 863, 884;
Т. 2: 11, 54
- Саблин А.П. Т. 2: 292
- Саватеев А.И. Т. 2: 366, 794
- Савич М.Я. Т. 1: 282, 288, 331, 332;
Т. 2: 100, 103, 677
- Саввич П.С. Т. 1: 248
- Саввич С.С. Т. 1: 132, 701, 705, 706;
Т. 2: 483
- Савелов Т. 1: 393
- Савельев В.З. Т. 1: 78, 338
- Савинков Б.В. Т. 1: 77, 146, 148, 154,
165, 197, 823, 835, 836; Т. 2: 260–262,
269, 270, 739
- Савинков В.В. Т. 1: 77, 105, 154;
Т. 2: 734
- Савинов Д.Т. Т. 1: 460
- Савицкий И.П. Т. 1: 920; Т. 2: 436
- Савицкий С.М. Т. 2: 714

- Савич Н.В. Т. 1: 617
 Савостьянова Л.А. Т. 2: 608
 Савченко В.П. Т. 1: 744, 751; Т. 2: 487
 Савченко В.С. Т. 1: 818; Т. 2: 176, 191, 192, 399
 Савченко С.Н. Т. 2: 503, 772, 777
 Савченко-Маценко И.Л.
 Савченко-Маценко Л.И. Т. 1: 518, 930, 933; Т. 2: 303, 315, 317, 320
 Савченко-Маценко Н.А. Т. 2: 317
 Савчук А.И. Т. 2: 677
 Сазонов Л.И. Т. 1: 531, 555
 Сакварелидзе-Бежанов С.Г. Т. 1: 294, 517; Т. 2: 842
 Саламаха, см. Соломаха К.Г.
 Салимов Г.Б. Т. 1: 282, 287, 776, 778–781; Т. 2: 11, 199, 303, 489
 Салов В.В. Т. 1: 288; Т. 2: 220, 302, 315
 Салтыков-Щедрин М.Е. Т. 2: 310
 Салынь Э.П. Т. 2: 739
 Сальников Д.Н. Т. 1: 556, 557, 558, 564, 567, 568, 645, 682, 683, 814, 872; Т. 2: 520, 677
 Сальский В.П. Т. 1: 61, 274, 726, 744, 746, 747, 749–751, 757–759, 887; Т. 2: 486, 639
 Самарин С.Н. Т. 1: 150, 151, 294, 692–694, 704, 709, 711, 716
 Самбу Н.С. Т. 1: 64
 Самодуров И.М. Т. 2: 250
 Самойло А.А. Т. 1: 56, 59, 60, 193, 196, 201, 220, 287, 395, 425, 438, 439, 454, 501, 502, 508, 509, 523, 535, 697, 805, 894, 899, 900, 915, 916, 918–920, 930, 936, 938, 950; Т. 2: 79, 235, 368, 376, 382, 383, 393–395, 465, 497, 502, 508, 772, 777, 783, 810, 842
 Самойлов М.К. Т. 1: 644
 Самсонов А.В. Т. 1: 80, 89, 110
 Самсонов Т.П. Т. 2: 224
 Самсон-фон-Гиммельшерн У.И. Т. 1: 127, 178, 179, 219, 743
 Самуйлов В.И. Т. 1: 282, 294, 529, 530; Т. 2: 36, 441, 460, 531, 534, 579, 604, 626
 Сандер А.И. Т. 1: 287
 Сандецкий А.А. Т. 2: 107
 Сандецкий А.Г. Т. 1: 494; Т. 2: 204, 302
 Санников А.С. Т. 1: 612, 842
 Санников П.Н. Т. 2: 401, 801
 Сапожков А.В. Т. 2: 522
 Сапожников Н.П. Т. 1: 247, 287, 823; Т. 2: 509, 629, 750, 753, 754
 Саранчов А.М. Т. 2: 436, 639
 Саркисбегян, дашнак Т. 2: 202
 Саркисян М.Т. 2: 657
 Саттеруп Д.В. Т. 1: 61, 153
 Сафонов (Сафаров) Н.И. Т. 2: 209
 Сафонов Я.В. Т. 2: 302
 Сафронов Г.П. Т. 2: 59
 Сахаров В.В. Т. 1: 123, 131, 138, 288; Т. 2: 111, 354, 799
 Сахаров К.В. Т. 1: 55, 148, 199, 658, 662, 664, 671, 675, 680, 682, 683, 686–688, 690, 812, 814, 817, 872–874; Т. 2: 254, 358, 399, 407, 474, 520, 819
 Сахаров С.К. Т. 1: 282, 288
 Свенцицкий А.Э. Т. 2: 744
 Свербеева (Олив) М.К. Т. 1: 49, 275
 Свердлов Я.М. Т. 1: 38, 386, 418, 456, 903–905, 907; Т. 2: 40, 87, 233, 280, 313, 314, 318, 577
 Сверчков П.А. Т. 1: 288, 518, 972; Т. 2: 21, 27
 Свечин А.А. Т. 1: 21, 23, 59, 78, 89, 125, 222, 230, 232, 234, 235, 240, 243, 287, 293, 295, 384, 395, 398, 403, 407, 411, 416, 430, 501, 509, 519, 527, 529, 531, 533, 535, 695, 929, 930, 932, 940; Т. 2: 9, 40, 57, 120, 150, 229, 336, 398, 410, 414, 450, 452, 503, 528, 579, 585, 605, 608, 626, 712, 730, 731, 745–748, 750–753, 756, 761, 765, 766, 768, 769, 806, 810, 811
 Свечин М.А. Т. 1: 55, 217, 240, 243, 578; Т. 2: 745, 791, 811
 Свечин П.А. Т. 2: 746
 Свечина (Ольхина) И.В. Т. 2: 746
 Свечников М.С. Т. 1: 60, 139, 160, 161, 405, 821, 891, 893, 935; Т. 2: 328, 398, 414, 460, 684, 685, 730, 739, 751, 766, 783
 Свирчевский И.В. Т. 2: 196
 Свищев И.С. Т. 1: 376; Т. 2: 790
 Святослав, кн. Т. 1: 16
 Свяцкий В.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 579, 605, 798
 Сегеркранц Н.К. Т. 2: 618
 Сегеркранц С.К. Т. 1: 99, 287; Т. 2: 504, 579, 618, 626, 627
 Седачев В.К. Т. 1: 495, 537
 Секретев А.С. Т. 2: 850
 Сект Г., фон Т. 1: 12
 Селезнев Ф.А. Т. 1: 27
 Селенинов В.В. Т. 1: 281, 282
 Селиванов Т. 1: 607
 Селивачев Б.В. Т. 2: 739
 Селивачев В.И. Т. 1: 44, 48, 110, 120, 319, 530, 531, 533, 722, 809, 925, 926, 930, 935; Т. 2: 45, 115, 241, 274, 278, 456, 457, 464, 465, 530, 602, 739, 798
 Селиверстов И.И. Т. 1: 376
 Селиков В.С. Т. 2: 619
 Семашко А.Я. Т. 1: 462, 515; Т. 2: 271, 325
 Семенихин Г.З. Т. 2: 172
 Семенов (Васильев) Г.И. Т. 2: 264
 Семенов (Смолин) А. Т. 1: 707
 Семенов А.К. Т. 1: 444, 445, 475, 891
 Семенов Г.М. Т. 1: 332, 644, 653, 690, 874, 884, 885; Т. 2: 155, 171, 295, 408, 674–677, 808
 Семенов Н.Г. Т. 1: 288, 399, 425, 459, 491, 492, 544, 930, 935; Т. 2: 298, 509, 627
 Семенов П.К. Т. 2: 163, 169, 459
 Семилетов Э.Ф. Т. 1: 840
 Семчевский К.В. Т. 1: 49, 683, 690, 857, 859; Т. 2: 294, 400, 474
 Сераковский З. Т. 1: 82
 Серапионова Е.П. Т. 1: 64
 Сербинович К.И. Т. 1: 294; Т. 2: 109, 171, 172
 Сергеев В.В. Т. 1: 288, 399, 401, 807, 935; Т. 2: 79
 Сергеев Е.Н. Т. 1: 294; Т. 2: 393–395, 412, 466, 525, 627, 725, 761, 762, 810, 842, 843
 Сергеев Е.Ю. Т. 1: 26
 Сергеев П.А. Т. 2: 175, 703
 Сергеевский Б.Н. Т. 1: 164, 167, 171
 Сергиевский Д.Д. Т. 2: 563
 Серда-Теодорский А. Т. 2: 654
 Серебrenников И.К. Т. 1: 287, 399; Т. 2: 425
 Серебrenникова О.И. Т. 2: 425
 Серебряков Л.П. Т. 1: 466, 927, 968; Т. 2: 509
 Серебрянников В.Г. Т. 1: 518, 922; Т. 2: 454
 Середин К.Х. Т. 2: 257
 Серов М.Г. Т. 2: 303
 Серов Т. 2: 54
 Сессаревский Б.М. Т. 2: 240
 Сетраков И.Д. Т. 2: 240
 Сиверс А.М. Т. 2: 260, 309
 Сиверс А.Н. Т. 2: 618
 Сиверс Н.Н. Т. 2: 798
 Сиверс Р.Ф. Т. 1: 902
 Сиверс Я.Я. Т. 2: 528
 Сиверс, комендант Т. 2: 509
 Сигарев В.А. Т. 1: 744, 749; Т. 2: 486
 Сидорин В.И. Т. 1: 141, 150, 569, 577, 578, 585, 586, 601, 616, 840, 849–852, 884, 888; Т. 2: 401, 518, 519, 793
 Сидорин Л.Л. Т. 2: 302
 Сидорина Л.А. Т. 1: 850
 Сидоров Т. 2: 376
 Сидоровнин С.К. Т. 1: 282, 288, 399; Т. 2: 34, 35, 375, 502
 Сизых В.И. Т. 2: 734
 Силакадзе Д.Г. Т. 1: 64
 Силиков М.Б. Т. 1: 796
 Силичев А.С. Т. 2: 353
 Силы О.А. Т. 2: 201
 Симанский П.Н. Т. 1: 707, 716; Т. 2: 662, 783

- Симонов А.А. Т. 1: 17, 35, 64, 417; Т. 2: 366, 749
- Симонов А.Л. Т. 1: 282, 294, 393, 449, 664, 860, 862, 863, 870; Т. 2: 11, 12, 14, 16, 17, 20, 21, 32–34, 36, 151, 152, 267, 293
- Симонов Д.Г. Т. 1: 30
- Симонов К.М. Т. 1: 273; Т. 2: 783
- Симонов М.А. Т. 2: 783
- Симонов, прапорщик Т. 1: 674
- Симонова Т.М. Т. 1: 30
- Симонсон Д.П. Т. 1: 770
- Синеоков Н.Г. Т. 2: 144
- Синклер В.А. Т. 1: 744, 746–751, 754, 757, 758, 760; Т. 2: 83, 292, 403, 487, 644, 796
- Сирелиус Л.-О.О. Т. 2: 303
- Сиротенко Г.Т. Т. 1: 747
- Сироченко, ротмистр Т. 2: 662
- Ситников А.Н. Т. 1: 294; Т. 2: 459, 532, 731, 743
- Ситников П.А. Т. 1: 287
- Сияльский В.П. Т. 1: 287
- Скалон А.Л. Т. 1: 195, 196
- Скалон В.Е. Т. 1: 160, 164, 192, 193, 195, 196, 202; Т. 2: 220, 744
- Скалон В.И. Т. 1: 294
- Скалон Е.В. Т. 1: 196
- Скалон Е.Н.
- Скалон Надежда В. Т. 1: 195, 196
- Скалон Нина В. Т. 1: 196
- Скаченко Г.П. Т. 2: 45
- Скачко А.Е. Т. 1: 462
- Скворцов Б.Н. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 21, 37, 466
- Скворцов В.В. Т. 1: 312
- Скворцов Ю.В. Т. 1: 294
- Скворцов-Степанов И.И. Т. 1: 767, 768, 968; Т. 2: 383
- Складовский В.К. Т. 2: 302
- Склянский Э.М. Т. 1: 173, 177, 179, 230, 290, 295, 298, 320, 386, 388, 406, 411, 419, 421, 445, 455, 514, 524, 529, 547, 724, 764, 892, 905, 918, 928, 933, 940–942, 947, 951, 955, 976, 991; Т. 2: 38, 40, 61, 100, 120, 186, 284, 312, 314, 324, 325, 335, 347, 374, 382, 440, 451, 452, 465, 561, 610, 630, 688, 691, 710, 713, 719, 721, 722
- Скляревич А.Н. Т. 1: 791
- Скобелев М.Д. Т. 1: 67; Т. 2: 187, 461
- Скобелыцын В.С. Т. 1: 698, 705
- Скоблин Н.В. Т. 1: 839
- Скорина И.Н. Т. 1: 889; Т. 2: 156
- Скорняков Ю.В. Т. 1: 742, 744; Т. 2: 77, 485, 486
- Скоропадский П.П. Т. 1: 263, 265, 269, 338, 340, 360, 374, 380, 389, 722–724, 727, 729, 733, 738, 741–745, 762, 823, 878, 879, 881; Т. 2: 71, 82, 129, 156, 171, 219, 236, 256, 291, 638, 640, 642, 659, 661
- Скрябин А.Н. Т. 2: 525
- Скрябин П.Д. Т. 1: 287
- Скудре О.А. Т. 2: 691
- Славен П.А. Т. 1: 425, 441; Т. 2: 94, 266
- Сладков Т.И. Т. 1: 677
- Сластинок-Сластенко Н.И. Т. 1: 282, 288, 400, 449
- Слащев Я.А. Т. 1: 55, 199, 223, 326, 562, 625, 831, 843, 846–849, 852–854, 888, 931, 965; Т. 2: 174, 177, 278, 359–365, 401, 497, 518, 536, 718, 732, 739, 748, 793, 794, 796
- Слесарев К.М. Т. 1: 186; Т. 2: 181, 187, 188, 303, 306, 337
- Слесарева А.Н. Т. 2: 187
- Слефогт А.Г. Т. 1: 274; Т. 2: 54
- Сливинская (Вишневская) М.А. Т. 2: 112
- Сливинский (Слива) А.В. Т. 1: 419, 723, 725, 727, 730, 734, 737, 739, 747, 748, 750, 833, 879, 880, 889; Т. 2: 111, 112, 255, 256
- Слижилов А.П. Т. 1: 646, 650, 858–861, 870, 871; Т. 2: 11, 469, 542, 563, 677
- Слицкоухов П.П. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 48, 221, 743
- Случевский И.В. Т. 2: 294
- Слушко, полковник Т. 2: 142
- Слюсаренко В.А. Т. 1: 740, 758
- Смагин А.А. Т. 2: 519
- Смелов И.И. Т. 2: 164, 337, 542, 563, 568
- Смилга И.Т. Т. 1: 425, 811, 918, 928, 951, 953; Т. 2: 21, 23, 31, 60, 66, 105, 414, 719
- Смирнитский В.А. Т. 2: 302, 303
- Смирнов А.А. Т. 1: 34
- Смирнов А.В. Т. 1: 288, 398, 418, 488
- Смирнов В.В. Т. 1: 248; Т. 2: 303
- Смирнов В.М. Т. 1: 287; Т. 2: 618
- Смирнов И.Н. Т. 2: 348
- Смирнов М.В. Т. 2: 294, 798
- Смирнов Я.Я. Т. 2: 677, 782
- Смирнов, генштабист Т. 2: 618
- Смирнов, курсовик Т. 2: 11
- Смолин А.В. Т. 1: 30
- Смольнин-Терванд (Терванд) И.И. Т. 1: 244, 284; Т. 2: 203, 272, 303, 400, 672, 788
- Смоляк П.М. Т. 1: 288, 399, 401, 475; Т. 2: 110
- Смородинов И.В. Т. 2: 666
- Снесарев А.А. Т. 1: 225
- Снесарев А.Е. Т. 1: 23, 57, 59–61, 90, 109, 133, 135, 172, 224, 225, 228, 229, 247, 288, 327, 391, 392, 405, 417, 420, 527, 531–533, 834, 901, 929, 930, 935, 936; Т. 2: 9, 55, 59, 64, 78, 79, 133, 134, 150, 229, 265, 312, 313, 375, 376, 398, 451, 492, 494, 497, 498, 508, 509, 523, 525–529, 573, 580, 584–586, 602, 631, 632, 731, 740, 747, 750, 753, 756, 759, 762, 765, 766, 769
- Снесарев Г.А. Т. 1: 225
- Снесарева (Зайцева) Е.В. Т. 2: 313
- Снесарева А.Е. Т. 2: 313
- Снесарева Е.А. Т. 2: 497, 508
- Снесарева Л.Е. Т. 2: 313
- Снесаревы Т. 1: 47, 57, 101, 102, 229, 414, 417; Т. 2: 313, 376, 451, 492, 494, 498, 509, 526, 527, 573
- Снегосорев Ф.А. Т. 2: 142
- Снигирев Б.Е. Т. 1: 745; Т. 2: 257, 486, 487
- Собенников П.П. Т. 2: 748
- Собинов Л.В. Т. 2: 525
- Соболев К.Л. Т. 2: 294
- Сокира-Яхонтов Д.Н. Т. 2: 183
- Соковнин В.А. Т. 1: 245, 287; Т. 2: 535, 798
- Соковнин М.А. Т. 1: 245; Т. 2: 744, 748, 783
- Соколов Б.В. Т. 2: 673
- Соколов Б.Ф. Т. 1: 986
- Соколов В.И. Т. 1: 250, 294, 530, 531; Т. 2: 98, 263, 274, 303
- Соколов В.Н. Т. 1: 287, 779; Т. 2: 199, 460, 492, 618
- Соколов К.Н. Т. 2: 388
- Соколов Н.В. Т. 1: 526; Т. 2: 164, 177, 182
- Соколов П.Н. Т. 2: 165, 191, 192
- Соколов С.В.(А.) Т. 2: 852
- Соколов, ген. Т. 2: 143
- Соколов, курсовик Т. 2: 54
- Соколовский Н.Ф. Т. 1: 990–992; Т. 2: 108, 149, 240, 290–292, 352, 794, 795
- Соколов-Страхов К.И. Т. 2: 762
- Сокольников (Бриллиант) Г.Я. Т. 1: 503, 505, 910, 928; Т. 2: 112
- Солдатов Г.В. Т. 2: 542, 563, 568
- Солдатов С.С. Т. 2: 175, 176, 208, 209
- Соллогуб В.Е. Т. 1: 745
- Соллогуб Н.В. Т. 1: 182, 216, 231, 287, 407, 498, 499, 915, 925, 926, 935, 936; Т. 2: 394, 395, 723, 724, 810, 844
- Соллогуб-де-Война С.И. Т. 1: 266, 703, 764, 768; Т. 2: 402
- Солнышкин М.Е. Т. 1: 288, 515, 516
- Соловейчик Т. 1: 869, 870
- Соловкин П.И. Т. 1: 287; Т. 2: 196, 303
- Соловьев В.И. Т. 2: 522
- Соловьев Д.Ю. Т. 1: 39
- Соловьева Н.С. Т. 2: 522
- Соломаха К.Г. Т. 1: 677; Т. 2: 198, 209
- Соломахин М.К. Т. 1: 282, 626

Соломон Г.А. Т. 1: 538; Т. 2: 310
Сольц А.А. Т. 2: 64
Соотс И.Г. Т. 1: 151, 259, 771, 772, 774;
Т. 2: 403, 796
Сорин В.Г. Т. 1: 905
Сосницкий А.А. Т. 2: 267, 353, 799
Сотников А.Е. Т. 1: 243
Сотников В.Е. Т. 1: 243; Т. 2: 677
Сотников, комиссар Т. 1: 914
Спирин Л.М. Т. 1: 306, 345, 346
Спицын Н.Г. Т. 1: 796
Срибняк И.В. Т. 2: 650
Срывалин В.А. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 224,
227, 246
Ставров М.М. Т. 2: 550
Ставрович Б.Н. Т. 1: 243; Т. 2: 485
Ставрович В.Н. Т. 1: 243, 287; Т. 2: 797
Ставрович Н.Г. Т. 1: 243
Ставровский К.Н. Т. 1: 248
Стадлер Б.К. Т. 2: 196
Стаев П.С. Т. 1: 519
Сталин (Джугашвили) И.В. Т. 1: 16,
23, 44, 51, 58, 59, 173, 396, 422, 480, 502,
900–907, 918, 924, 925, 927, 934–948,
950, 951, 959, 962, 978, 983, 999; Т. 2: 66,
68, 70, 78, 87, 195, 202, 235, 247, 266,
312, 347, 353, 358, 395, 398, 458, 713–
724, 732, 733, 741, 742, 750, 754, 755,
759, 763, 764, 768, 769, 772, 774–776,
779, 781–783, 785, 821, 822
Стамболийский А. Т. 2: 791
Станиславский А.В. Т. 1: 193, 986;
Т. 2: 7, 75, 217, 218, 276, 288, 289, 292,
352, 455
Станкевич А.В. Т. 2: 95, 344
Станкевич В.Б. Т. 1: 138, 165
Станкевич С.Л. Т. 1: 764
Старинов И.Г. Т. 2: 778
Старк П.Ф. Т. 2: 641
Старков П.И. Т. 2: 677
Староскольский К.Н. Т. 2: 106
Староскольский, капитан Т. 2: 142
Стасевич В.Е. Т. 1: 282, 288, 314;
Т. 2: 48, 221, 225, 424
Стахович Б.М. Т. 2: 790
Стейнберг Д. Т. 1: 43, 66, 69, 71, 119
Стеллецкий Б.С. Т. 1: 553
Степанов А.А. Т. 1: 745, 749; Т. 2: 645
Степанов А.Б. Т. 2: 80
Степанов А.П. Т. 1: 645–647; Т. 2: 565
Степанов А.Ф. Т. 1: 532; Т. 2: 376
Степанов В.А. Т. 2: 310
Степанов Н.А. Т. 1: 569, 645, 650, 651,
662, 664, 841, 872; Т. 2: 153, 390, 565, 569
Степанов Н.И. Т. 2: 359
Степанов Ф.В. Т. 1: 152
Степанов Ф.П. Т. 2: 414
Степанова В.В. Т. 2: 503
Стефанов, подьесаул Т. 1: 582

Стеценко, капитан Т. 2: 245
Стецкий А.И. Т. 2: 58, 59
Стецкий Е.О. Т. 1: 745, 751
Стихий Д.П. Т. 1: 288
Стогов Н.Н., сын Т. 2: 345, 346
Стогов Н.Н. Т. 1: 39, 209–211, 228, 250,
290, 316, 395, 530, 533, 535, 811, 815,
982, 985; Т. 2: 36, 45, 93, 98, 124, 273,
274, 276–278, 345, 346, 352, 459, 535
Стогова (Санина) Е.Т. Т. 2: 345
Стогова Е.Н. Т. 2: 345
Стогова Н.Н. Т. 2: 345
Стогова О.Н. Т. 2: 345
Стогова Т.Н. Т. 2: 345
Стойкин В.И. Т. 1: 275; Т. 2: 117, 181,
183
Стокальский Р.Е. Т. 1: 282, 288, 400, 401
Сторожев В. Т. 2: 305
Сторожев И.И. Т. 1: 684; Т. 2: 11, 563
Стойкин, полковник Т. 2: 428
Стратонов (Лейбо) А.В. Т. 1: 799;
Т. 2: 240
Стратонов В.В. Т. 1: 909
Стрелецкий Н.Н. Т. 2: 657
Стремберг Т.М. Т. 1: 644
Строев (Рихтер) М.П. Т. 1: 294, 377,
517, 827, 934, 935; Т. 2: 149, 189, 396,
769, 772, 775, 783
Строев Ю.М. Т. 1: 377
Струве П.Б. Т. 1: 557; Т. 2: 430
Стрыхарь П.М. Т. 1: 282, 288, 400;
Т. 2: 184, 221
Стугин М.А. Т. 1: 294; Т. 2: 618
Стульба В.Ю. Т. 1: 282, 288, 472;
Т. 2: 21, 27, 221
Ступин В.В. Т. 1: 39, 287, 399, 519, 530;
Т. 2: 323, 503, 511, 619
Ступин Г.В. Т. 1: 138
Стучка П.И. Т. 2: 416, 417
Суворов А.В. Т. 1: 664, 961; Т. 2: 80
Суворов А.Н. Т. 1: 244, 288, 398, 530,
878; Т. 2: 615, 619
Суворов М.Н. Т. 1: 244, 288, 720, 877,
878, 925, 926, 927; Т. 2: 107, 270, 312, 319
Суворов Т. 2: 15
Сукин И.И. Т. 1: 654, 658, 659, 672, 681,
687, 860
Сукин Н.Т. Т. 2: 76, 152, 399, 400, 794
Сулейман Н.А. Т. 1: 169, 198, 288, 386,
390, 530, 531; Т. 2: 150, 449, 450, 576,
579, 582, 605, 632, 750, 778
Сулимов И.И. Т. 1: 398
Сулковский Б.И. Т. 1: 745, 750, 886,
887; Т. 2: 486
Сулькевич Е.З. Т. 2: 306
Сулькевич С.А. Т. 1: 777, 778, 780, 882;
Т. 2: 199, 240, 303, 306
Сумароков Е.Н. Т. 1: 674, 884;
Т. 2: 164, 294

Сумороцкий Т. 2: 192
Супрунович Д.М. Т. 1: 647, 681;
Т. 2: 164
Сурин В.И. Т. 1: 232, 646, 650, 651;
Т. 2: 563
Сурконт Е.И. Т. 2: 522
Сурнин А.А. Т. 1: 287; Т. 2: 563
Суров Л.Ф. Т. 1: 288
Сухарев, сотник Т. 1: 582
Сухов В.Г. Т. 1: 193, 294; Т. 2: 221, 507,
528, 529, 626, 777
Суходольский В.В. Т. 1: 741; Т. 2: 640,
765
Суходольский Г.Д. Т. 1: 288, 329, 440;
Т. 2: 112, 115, 196, 197, 515, 744
Суходольский Н.Н. Т. 2: 788
Сухолин С.А. Т. 1: 288, 533; Т. 2: 468,
626, 731, 743, 744
Сухолинов В.А. Т. 1: 71, 78, 88, 93,
117, 220, 238, 346; Т. 2: 813
Сухопеско А.И. Т. 2: 221
Сухорский В.Н. Т. 1: 287, 399
Сухотин Н.Н. Т. 2: 783
Сушков В.Н. Т. 2: 117
Сыровы (Сыровой) Я. Т. 1: 201, 650
Сыроматников А.Д. Т. 1: 280, 646, 647,
650, 858, 860–862, 864, 865, 867–871;
Т. 2: 190, 279, 542, 563, 751, 766
Сысоев Е.В. Т. 1: 282, 288, 894, 936;
Т. 2: 21, 22, 32, 49, 377, 413, 424, 553,
772, 775
Сыгин И.Д. Т. 1: 305
Сытин И.П. Т. 1: 217, 240, 244, 270, 294,
523; Т. 2: 98–100, 133, 136, 137, 146, 330,
450, 811
Сытин П.П. Т. 1: 237, 238, 240, 244, 278,
288, 327, 398, 403, 405, 425, 781, 782,
784, 787, 788, 901–904, 925, 926, 930,
935, 936, 940; Т. 2: 98, 100, 150, 199, 229,
230, 266, 330, 377, 398, 434, 679, 680,
723, 724, 768, 810, 811
Сычев К.И. Т. 2: 640

Тайзен Ф. Т. 2: 753
Талаат-паша Т. 1: 546
Талалаев Т. 2: 366
Таленский Н.А. Т. 2: 777
Таль, комиссар
Тальгрэн В.П. Т. 2: 303
Тамаров Е.
Тамручи В.С. Т. 1: 894; Т. 2: 202, 553,
679, 772, 780, 781
Таннберг Т. Т. 1: 64
Танский Д.И. Т. 1: 635; Т. 2: 113, 772,
777
Тарановский А.Д. Т. 1: 227, 234, 272,
287, 376, 522, 891, 893; Т. 2: 79, 315, 584,
602, 632, 767, 768

- Тарасов В.И. Т. 1: 282, 294; Т. 2: 21, 48, 221
- Тарасов В.Ф. Т. 1: 282, 294, 329, 449, 523; Т. 2: 17, 27, 28, 42, 115, 165, 224, 266
- Тарасов К.А. Т. 1: 64, 162
- Тарасов-Родионов А.И. Т. 1: 527, 528, 905
- Тарбеевский Н.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 111
- Тассо А.Т. 2: 734
- Татиринов А.А. Т. 2: 219
- Татарченко Е.И. Т. 2: 754
- Таубе А.А., фон Т. 1: 60, 161, 174, 219, 244, 246, 884; Т. 2: 150, 353, 799
- Таубе Б.А., фон Т. 1: 244, 701
- Таубе С.Ф., фон Т. 1: 246, 294; Т. 2: 618, 744
- Текелин Л.А. Т. 1: 280, 287; Т. 2: 101, 103, 104, 171, 182, 187, 303, 337, 459
- Текерин, полковник Т. 2: 279
- Тележников П.Д. Т. 2: 26
- Теодори Г.И. Т. 1: 38, 282, 294, 396, 442, 448, 532; Т. 2: 11, 13, 17–23, 27, 29–33, 36–40, 42–49, 52, 79, 97, 120, 222–224, 230–232, 279, 280, 322, 326, 344, 375, 380, 381, 442, 443, 459, 517, 552, 579, 602, 739
- Тераевич К.П. Т. 1: 282, 287, 294; Т. 2: 15, 221, 798
- Тер-Арутюнянц М.К. Т. 1: 207, 897; Т. 2: 560
- Терванд (Тырванд) И.И. Т. 1: 244, 593, 771; Т. 2: 72, 73, 403, 513, 515
- Терехов М.Е. Т. 2: 164
- Терещенко М.И. Т. 1: 146
- Терлецкий К.А. Т. 1: 611; Т. 2: 130
- Тер-Никогосов Г. Т. 2: 202
- Тер-Петросян С.А., см. Камо
- Терпиловский В.Ф. Т. 2: 180
- Теслев В.В. Т. 1: 769
- Тетеревятников В.Я. Т. 1: 518; Т. 2: 310, 311
- Тетруев Н.Г. Т. 2: 303
- Тигранов Л.Ф. Т. 1: 376, 791; Т. 2: 754
- Тилли Н.Н. Т. 1: 126, 624
- Тимонов М.М. Т. 2: 176
- Тимофеев А.Ю. Т. 1: 64
- Тимофеев Е.М. Т. 2: 264
- Тимошенко С.К. Т. 2: 625, 713, 778
- Тинченко Я.Ю. Т. 1: 37, 338, 727
- Тихменев Г.М. Т. 1: 241, 244, 287, 430, 431, 515, 919; Т. 2: 745, 811
- Тихменев Н.М. Т. 1: 241, 244, 574, 593, 620, 799, 817, 832, 919, 966; Т. 2: 142, 811
- Тихобразов Д.Н. Т. 1: 56, 132, 157, 166, 172, 192, 218, 592, 621, 735, 833, 843, 971; Т. 2: 7, 81, 130, 479, 480, 513, 801
- Тихон (Беллавин), патр. Т. 1: 953
- Тихонов, капитан Т. 2: 658
- Тищенко А.К. Т. 2: 600
- Ткачев В.М. Т. 1: 100
- Ткаченко А.А. Т. 1: 889; Т. 2: 263, 337
- Тодорский А.И. Т. 1: 28
- Токаревский В.К. Т. 1: 958; Т. 2: 375, 522, 666, 669, 723, 751
- Толбухин Ф.И. Т. 2: 624
- Толстов В.С. Т. 1: 676; Т. 2: 172
- Толстой А.Н. Т. 2: 267, 396
- Толубаев Л.М. Т. 2: 167
- Томашевич И.А. Т. 1: 480, 939
- Томашевский В.Л. Т. 2: 563, 568
- Томилин В.В. Т. 1: 244
- Томилин С.В. Т. 1: 244, 288
- Томилов П.А. Т. 1: 707, 714, 716
- Томме В.Э. Т. 1: 282, 288, 399, 449; Т. 2: 15, 553, 782
- Тониев А. Т. 2: 202
- Тонких И.В. Т. 1: 286, 287; Т. 2: 400, 677, 794
- Топорков Г.С. Т. 1: 988
- Топорков Н.П. Т. 2: 294
- Топчибаши А.М. Т. 2: 658
- Торгушин П.П. Т. 2: 24
- Торклус Ф.И., фон Т. 1: 248, 294
- Торстенсен В.В. Т. 2: 509
- Тотомианц, профессор Т. 2: 657
- Тотров Ю.Х. Т. 2: 260
- Трак Л., фон Т. 2: 754
- Тракман М.Г. Т. 1: 295; Т. 2: 230, 231, 280
- Трапезников А.В. Т. 2: 633
- Трегубов Е.Э. Т. 1: 799; Т. 2: 303, 530
- Трескин Л.Н. Т. 1: 555
- Третьяков М.Н. Т. 1: 282, 611; Т. 2: 209
- Триандафиллов В.К. Т. 2: 70, 751
- Триковский Н.С. Т. 1: 398
- Трифонов В.А. Т. 1: 177, 916, 917; Т. 2: 575
- Трифонов Е.А. Т. 2: 232
- Троицкая В.П. Т. 2: 45, 517
- Троицкий В.Н. Т. 2: 203, 788
- Троицкий Д.И. Т. 2: 240
- Троицкий И.А. Т. 1: 312, 313, 533; Т. 2: 608, 626, 733
- Тростянская (Снесарева) А.Е., см. Снесарева А.Е.
- Тростянский А.А. Т. 2: 508
- Тростянский А.И. Т. 2: 313
- Трофимов В.А. Т. 2: 677
- Трофимов В.В. Т. 1: 282, 288, 955; Т. 2: 21, 39, 48, 315, 316, 322, 459
- Трофимов Н. Т. 1: 612
- Троцкий В.В. Т. 2: 303
- Троцкий В.И. Т. 1: 248
- Троцкий Л.Д. Т. 1: 16, 19, 21, 23, 24, 26, 50, 51, 53, 54, 57–59, 148, 158, 170, 171, 173, 177, 192, 194, 215, 217, 225, 226, 229, 230, 232, 238, 251, 252, 285, 290, 291, 298, 320, 329, 382, 388, 389, 395, 396, 406, 407, 411–415, 418–424, 431, 432, 437, 443, 448, 455–458, 462–464, 466, 468, 476, 478, 483, 490, 491, 494, 502–504, 506, 507, 514, 516, 523, 527–529, 531, 532, 537–539, 544, 547, 548, 611, 622, 679, 804, 808, 814, 815, 823, 834, 875, 895, 897, 900, 901, 903–908, 916, 918–920, 922–925, 927–934, 936, 938–951, 955–962, 969, 971, 973–976, 978, 980, 991, 997, 999; Т. 2: 8, 36, 38–40, 42, 43, 46, 56, 58, 59, 61, 64, 66, 87, 88, 90, 92, 98, 100, 105, 120–123, 126, 128, 138, 148–152, 158, 202, 218, 222, 230–233, 235, 246, 248, 271, 284, 298, 299, 301–303, 311, 313–315, 318, 319, 323–325, 329–342, 346–349, 370–372, 376–378, 380, 404, 410, 414, 421, 439–441, 456, 465, 490, 505, 533, 534, 560, 561, 577, 579, 598, 609, 614, 631, 637, 666, 669, 688, 690, 705, 710, 712–717, 719–724, 731, 733, 741, 764, 766, 768, 781, 783, 793, 795, 802, 809, 815, 819, 821
- Трошин И.А. Т. 2: 221
- Трубецкой Г.Н. Т. 1: 556, 597
- Трубецкой С.Е. Т. 2: 298
- Трупп Т. 2: 255
- Трутко Ф.И. Т. 2: 593, 598
- Трухачев С.М. Т. 1: 55, 187, 188, 553–555, 557, 560, 567, 593, 624; Т. 2: 144, 145, 355
- Трухин Н.Н. Т. 2: 107
- Туган-Барановский К.В.(?) Т. 1: 639
- Туган-Барановский Л.С. Т. 1: 127, 130, 288
- Туманов Г.А. Т. 2: 302, 303
- Туманов Г.Н. Т. 1: 127, 130, 160
- Туманов Н.Е. Т. 1: 248
- Тунник С.А. Т. 2: 362
- Туношенский Г.В. Т. 1: 244
- Туношенский Н.В. Т. 1: 244, 287, 803
- Тунцельман фон Адлерфлуг А.А. Т. 1: 267, 769; Т. 2: 258, 403
- Турбин Д.П. Т. 1: 523; Т. 2: 181, 303, 306
- Туркул А.В. Т. 1: 839
- Турло С.С. Т. 2: 297
- Туров Я.С. Т. 1: 282, 288, 399, 449; Т. 2: 196, 303
- Тухарели Г.А. Т. 2: 763
- Тухачевский М.Н. Т. 1: 24, 34, 38, 62, 207, 312–314, 316–318, 323, 324, 326, 353, 354, 425, 426, 472, 476, 493, 494, 498, 541, 906, 907, 920, 978–980; Т. 2: 51, 64, 392, 394, 580, 581, 601, 602, 607, 608, 626, 665, 704, 705, 712, 719, 722, 723, 724, 729, 732, 733, 751, 753, 754, 757, 763, 766, 768, 769
- Тухачевский Н.Н. Т. 2: 601

Тхоржевский А.Л. Т. 1: 376
 Тюленев И.В. Т. 2: 591, 598, 608, 771
 Тюлин М.С. Т. 1: 445, 519; Т. 2: 411
 Тюренок Б.Н. Т. 1: 282; Т. 2: 15, 113, 533
 Тюренн А. Т. 2: 633
 Тюрморезов И.П. Т. 2: 108, 109
 Тютюнник В.Н. Т. 1: 747, 749, 757
 Тютюнник Ю.И. Т. 2: 794, 795
 Тюфяков А.А. Т. 2: 573

Уайлдман А.Т. 1: 43
 Уборевич (Уборевич-Губоревич) И.П. Т. 1: 312, 313, 324, 326; Т. 2: 392, 397, 521, 573, 599, 670, 723
 Уваров, рядовой Т. 2: 364
 Уго-Уговец, см. Укке-Уговец А.Г.
 Угрюмов Л.Я. Т. 1: 402
 Удовиченко А.И. Т. 1: 266, 726, 729, 745, 746, 751; Т. 2: 403, 794, 795
 Уильямсон Х. Т. 1: 588
 Указатель имен
 Укке-Уговец А.Г. Т. 1: 688
 Улагай С.Г. Т. 1: 617, 638; Т. 2: 851, 852
 Ульрих В.В. Т. 2: 763
 Ульянов В.П. Т. 1: 287; Т. 2: 303, 531, 614
 Умнов К.А. Т. 1: 288, 499; Т. 2: 285
 Унгерн-Штернберг Р.Ф., фон Т. 1: 884, 885; Т. 2: 673, 838
 Уншлихт И.С. Т. 1: 196; Т. 2: 692, 746
 Уорд Дж. Т. 1: 864, 865
 Урванцева-Левницкая А.Н. Т. 2: 608
 Урих М.Л. Т. 1: 934; Т. 2: 764
 Урицкий М.С. Т. 1: 212
 Урицкий С.П. Т. 2: 59, 664, 688
 Урусова, кн. Т. 2: 406
 Усов Н.Н. Т. 1: 288
 Успенский Н.М. Т. 1: 561, 825, 843
 Уссаковский Е.Е. Т. 1: 531; Т. 2: 744
 Устимович Ю.К. Т. 2: 142
 Ухенберг, комендант Т. 2: 416, 418, 419
 Ушаков Б.Ф. Т. 1: 645, 815; Т. 2: 303, 304, 399
 Ушаков К.М. Т. 1: 518
 Ушаков М.С. Т. 1: 577
 Ушаков Н.М. Т. 2: 531

Фабрициус Я.Ф. Т. 2: 608, 625, 840
 Фаге К.К. Т. 1: 791
 Фалилеев И.И. Т. 1: 282
 Фалькенгайн Э., фон Т. 2: 753
 Фартушный А.К. Т. 1: 247
 Фастыковский М.В. Т. 1: 224, 416, 935; Т. 2: 117, 739, 794
 Федоренко В.Т. Т. 2: 303
 Федоров А.Ф. Т. 2: 55, 586
 Федоров Б.В. Т. 2: 476
 Федоров Н.А. Т. 2: 196, 303

Федоров П.А. Т. 2: 54
 Федоров, инженер Т. 2: 27
 Федоров, курсовик Т. 2: 11, 52
 Федорович Ф.Ф. Т. 1: 871
 Федотов А.И. Т. 1: 287; Т. 2: 618
 Федько И.Ф. Т. 1: 207; Т. 2: 64; Т. 2: 608, 664, 688
 Федюкин С.А. Т. 1: 895
 Федяй Л.В. Т. 1: 264, 265
 Фек Т. 1: 462
 Фельдман Б.М. Т. 2: 666, 768
 Фельдман, штабс-ротмистр
 Фесенко М.Г., см. Фисенко (Фесенко) М.Г.
 Фесик М.П. Т. 1: 741; Т. 2: 514
 Фешот Ф.Ф. Т. 1: 294; Т. 2: 532
 Фидлер В.Г. Т. 1: 755, 759
 Филатов, младший унтер-офицер Т. 2: 364
 Филатьев Д.В. Т. 1: 55, 93, 137, 247, 664, 669, 684, 687, 689, 872, 873; Т. 2: 149, 150, 563
 Филимонов А.П. Т. 1: 603, 842, 843; Т. 2: 524
 Филимонов Б.Б. Т. 1: 644, 875; Т. 2: 277, 555
 Филоненко М.М. Т. 1: 148
 Финицкий И.М. Т. 1: 282, 288, 399; Т. 2: 101, 103, 163, 177, 178, 207
 Фиол К.И. Т. 2: 165
 Фирсов В.В. Т. 1: 985
 Фисенко (Фесенко) М.Г. Т. 2: 657, 678
 Флейшер А.Е. Т. 1: 512; Т. 2: 277
 Флерова (Сахновская) М.Ф. Т. 2: 608
 Флоринский Н.И. Т. 2: 17–19, 21, 23, 28, 29
 Флоров В.Ф. Т. 1: 799
 Флоровский И.Д. Т. 2: 596
 Флуг В.Е. Т. 1: 56, 110, 120, 213, 554, 668; Т. 2: 117, 136, 237, 792, 797
 Фогель В. Т. 2: 754
 Фокке Д.Г. Т. 1: 192, 193, 195–197; Т. 2: 79, 101, 313, 319, 425
 Фомичев М.И. Т. 1: 294
 Фо-Па Биде Ш. Т. 2: 260
 Фори Л. Т. 2: 654
 Фостиков М.А. Т. 1: 55; Т. 2: 348, 355, 401, 553, 554, 663
 Франческо, подпоручик Т. 2: 364, 365
 Фрейганг В.В. Т. 1: 510
 Фрейман А.К. Т. 1: 287, 519, 520, 530; Т. 2: 731
 Фрейман Б.Н. Т. 2: 798
 Френкин М. Т. 1: 44
 Фриде Н.А. Т. 1: 445
 Фридрих II, прус. кор. Т. 2: 633
 Фролов В.А. Т. 1: 810
 Фролов П.А. Т. 1: 248
 Фролов П.Л. Т. 2: 480

Фролов Т. 2: 376
 Фрунзе (Фрунзе-Михайлов) М.В. Т. 1: 312, 313, 323, 324, 326, 330, 425, 426, 501, 502, 509, 510, 516, 547, 922, 924, 925, 928; Т. 2: 172, 311, 392, 394–396, 526, 580, 613, 631, 636, 712, 719, 721–724
 Фукин М.Н. Т. 2: 359
 Фукс В.К. Т. 1: 642; Т. 2: 401
 Фуллер Дж. Т. 2: 754
 Фурт П.С. Т. 2: 770

Хабалов С.С. Т. 1: 125, 128, 130, 137
 Хаджич С. Т. 2: 792
 Хазов А. Т. 2: 191
 Хайкель Э. Т. 2: 258
 Ханжин М.В. Т. 1: 651, 663, 669, 671, 873
 Харитонов Н.А. Т. 1: 748
 Харламов С.Д. Т. 1: 220, 283, 299, 304, 425, 476, 477, 502, 510, 537, 538, 806, 925, 926, 930, 933, 935; Т. 2: 96, 284, 579, 604, 618, 723, 756, 844
 Харгулари В.Д. Т. 1: 328, 934, 989; Т. 2: 237, 286, 287, 800
 Харузин М.А. Т. 1: 855
 Харченко А.И. Т. 2: 94
 Хачатурян С. Т. 2: 202
 Хведкевич А.К. Т. 2: 184, 209
 Хворостанский Н.Н. Т. 1: 288, 393
 Хвощинский Г.Н. Т. 1: 287, 329, 399; Т. 2: 528, 723, 724
 Хелмицкий П.Л. Т. 2: 303
 Хенриксон Н.В. Т. 1: 288, 517, 533; Т. 2: 579, 781
 Химич Н.И. Т. 1: 622
 Хинц П., фон Т. 2: 272
 Хитрово В.М. Т. 1: 294; Т. 2: 328
 Хитрово К.С. Т. 1: 282, 288, 449, 611; Т. 2: 11, 21, 22, 28, 32
 Хитрово Т. 2: 279
 Хлебников А.А. Т. 1: 779
 Ховен Е.Н., фон дер
 Ховен К.Р., фон дер Т. 2: 294
 Ховен С.В., фон дер Т. 2: 303
 Ходорович Н.А. Т. 1: 138
 Хозин М.С. Т. 2: 767
 Холодовский Д.И. Т. 1: 294
 Холодовский С.М. Т. 1: 531
 Холманов Г.К. Т. 2: 460
 Хольман Г.К. Т. 1: 600
 Хольмсен И.А. Т. 1: 713; Т. 2: 242, 735–737
 Хомутов, подъяесаул Т. 2: 153
 Хорошхин Б.И. Т. 1: 650; Т. 2: 153
 Хорьков С.Г. Т. 2: 754
 Христиани Г.Г. Т. 1: 192; Т. 2: 203, 303, 471, 548, 563, 568, 572
 Хростицкий А.В. Т. 2: 72
 Хрулев А.В. Т. 2: 713

- Хрулев А.С. Т. 2: 494
Хрулев В.В. Т. 1: 282, 288, 302, 400;
Т. 2: 15, 43, 46, 48, 319, 743
Хрущев Н.С. Т. 2: 781
Хрыпов И.А. Т. 1: 282, 287, 399, 401
Худашев И.И. Т. 2: 142
Худеев С.Е. Т. 2: 209
- Цветков А.И. Т. 1: 245
Цветков В.Ж. Т. 1: 30, 32; Т. 2: 150
Цветков С.И. Т. 1: 245
Цветков Т. 2: 366
Цедерберг В.Н. Т. 2: 182, 709
Цейтлин В.М. Т. 1: 56, 57, 157, 158, 173,
191, 282, 288, 397, 400, 517, 809; Т. 2: 11,
15, 34, 35, 40, 42, 77, 221, 322, 441, 442,
495, 496, 506, 543, 549, 552, 556, 626,
748, 751
Цейтлин, опрошенный Т. 2: 169
Цейтлина Н.В. Т. 2: 496
Целлит И.Я. Т. 1: 192, 193, 750
Церетели З.Ф. Т. 1: 244, 287
Церетели И.Ф. Т. 1: 244
Церетели, поручик Т. 2: 523
Цириц Г. Т. 2: 211
Цироне (Цирони) А. Т. 1: 318, 438, 439
Цихович Я.К. Т. 1: 529–532; Т. 2: 96,
229, 277
Цуриков А.А. Т. 1: 967, 969
Цуриков В.В. Т. 2: 303
Цурканов К.К. Т. 1: 745
Цурпалев А.Н. Т. 1: 287; Т. 2: 316, 319,
322, 344
Цыгальский М.В. Т. 1: 288, 302
- Чабаневский В.Ф. Т. 1: 745, 749, 750;
Т. 2: 486, 487
Чайков А.Л. Т. 1: 287; Т. 2: 401
Чайковский Д.Л. Т. 2: 240
Чайковский Н.В. Т. 1: 694, 697;
Т. 2: 482
Чайковский П.И. Т. 2: 525
Чайковский П.П. Т. 1: 717
Чайковский Т. 1: 575
Чайковский Я. Т. 2: 651, 652
Чапаев В.И. Т. 1: 17; Т. 2: 410, 591
Чаплин Г.Е. Т. 1: 691, 692, 697
Чарноцкий Ф.Э. Т. 1: 91, 294
Чебеляев И.М. Т. 2: 187, 294, 303
Чеботарев Н.Е. Т. 1: 885
Чеботарев, представитель ревкома
Т. 2: 164
Чеботарева Т.Г. Т. 1: 64
Чебыкин П.А. Т. 2: 800, 801
Чебышев Н.Н. Т. 1: 278
Чевереv А.М. Т. 1: 540
Чеканов, интендант 2-го ранга
Т. 2: 768
Червинский Л.П. Т. 1: 706; Т. 2: 186, 303
- Черданцев Г.Н. Т. 2: 632
Черевин А.А. Т. 1: 891
Черемисов В.А. Т. 1: 78, 159, 179, 386
Черепанов А.И. Т. 1: 79, 494
Черепенников А.И. Т. 1: 288
Черкасов П.В. Т. 1: 294, 530, 531;
Т. 2: 626, 627
Черкасс В.И. Т. 2: 142
Чернавин А.Н. Т. 2: 209
Чернавин Виктор Васильевич
Т. 1: 554, 568, 618, 621, 637–639, 754,
847; Т. 2: 135, 136, 519, 520, 796
Чернавин Всеволод Владимирович
Т. 2: 723
Чернивецкий С.С. Т. 1: 775
Черниговский-Сокол Б.Ф. Т. 1: 282,
294, 442; Т. 2: 107
Чернов В.М. Т. 1: 871; Т. 2: 766
Черный К.К. Т. 1: 561; Т. 2: 114
Черныш А.В. Т. 1: 55, 110, 251, 255,
562, 575, 841; Т. 2: 360
Чернышев А.С. Т. 1: 282, 778; Т. 2: 239,
240
Чернышев В.Н. Т. 1: 287, 393, 430, 431,
494, 515, 537, 724; Т. 2: 772, 777, 844
Чернышевский Н.Г. Т. 1: 88
Чернявский А.П. Т. 2: 639–641
Чернявский В.Т. Т. 1: 247
Чернявский М.Т. Т. 2: 401
Черняев М.Г. Т. 1: 67
Черняев, комиссар Т. 2: 184
Черушев Н.С. Т. 1: 35, 36
Черячукин А.В. Т. 1: 578
Чеснаков П.В. Т. 1: 287, 398, 940;
Т. 2: 34–36
Честноков В.И. Т. 2: 285
Четков В.М. Т. 2: 751, 773, 777
Чехов А.П. Т. 1: 575
Чечек С. Т. 1: 647; Т. 2: 264
Чечелашвили И.Г. Т. 1: 282, 784
Чечурин, комиссар Т. 2: 192
Чинтулов И.Д. Т. 1: 129, 282, 288;
Т. 2: 11, 20–22, 48, 79, 97, 221, 230, 232,
233, 267, 280, 422–424
Чичерин Г.В. Т. 1: 524, 933
Чичерюкин-Мейнгарт В.Г. Т. 1: 44
Чойбалсан Х. Т. 2: 624
Чорний-Лучко, сотник Т. 2: 652
Чубаков И.И. Т. 1: 227, 532, 884;
Т. 2: 162, 219, 229
Чувакин В. Т. 2: 221
Чугунков К.В. Т. 1: 780; Т. 2: 184
Чуйкина С.А. Т. 1: 49
Чунихин Г.Л. Т. 1: 168
Чхенкели А.И. Т. 1: 783; Т. 2: 683
- Шабловский И.С. Т. 1: 168
Шавельский Г., протопресв. Т. 1: 123,
599; Т. 2: 131, 134, 145, 478
- Шавров Б.Н. Т. 1: 288, 477; Т. 2: 468,
743
Шайбле А.Я. Т. 1: 747, 748, 758;
Т. 2: 402, 640
Шайла А.М. дю Т. 1: 851
Шайтанов В.Е. Т. 2: 167, 179, 209
Шалаяпин Ф.И. Т. 2: 525, 528
Шапкин Т.Т. Т. 2: 625
Шаповал А.А. Т. 1: 746, 747, 750, 885
Шапошников Б.М. Т. 1: 21, 56, 58, 59,
67, 68, 83, 101, 207, 257, 258, 288, 501,
512, 516, 524, 530, 893, 940, 975–978,
997; Т. 2: 192, 198, 221, 228, 372–374,
393, 395, 449, 525, 535, 626, 641, 694–
696, 698, 712, 712, 715, 723–726, 731,
736, 741, 750, 751, 753, 754, 756, 760,
761, 763, 764, 772–775, 782, 783, 785,
804, 810, 822, 844, 845
Шапошников Д.Т. Т. 2: 597
Шапошников И.Б. Т. 1: 258
Шапрон дю Ларрэ А.Г. Т. 1: 554
Шарангович П.М. Т. 1: 312; Т. 2: 165
Шарангович С.М. Т. 2: 165
Шарбо Ш. Т. 2: 270
Шаров Л.А. Т. 2: 360, 363–365
Шарпантье Ф.Ф. Т. 2: 101
Шатилов П.Н. Т. 1: 55, 136, 150, 157,
199, 261, 262, 618, 623–625, 630, 635,
639, 783, 799, 843–845, 849, 853, 854,
985, 989, 990, 992; Т. 2: 386, 387, 391,
536, 791, 852
Шатилов, капитан Т. 1: 554
Шатов В.С. Т. 2: 283
Шафалович Ф.П. Т. 1: 236, 287, 299;
Т. 2: 626, 627, 686, 704, 723, 753, 761,
770, 773, 777
Шварте М. Т. 2: 753
Шварц А.В., фон Т. 2: 23, 30, 246, 260,
261, 281, 282
Шварц Н.Н. Т. 1: 501; Т. 2: 218, 221,
394, 713, 750, 761, 773, 777, 810, 845
Шварц, банкир Т. 2: 497
Шевелев С.С. Т. 2: 200
Шевельева О.А. Т. 2: 287
Шевцов А.П. Т. 2: 303
Шевченко В.К. Т. 2: 640, 641
Шевченко Т.Г. Т. 1: 823
Шейдеман А.С. Т. 2: 306
Шейдеман Г.(Ю.)М. Т. 1: 245, 390, 519,
935; Т. 2: 690, 691
Шейдеман Е.С. Т. 2: 306
Шейдеман С.М. Т. 1: 245, 287, 398;
Т. 2: 35, 59, 303, 305, 576, 579, 580, 602,
605, 766, 798
Шекспир У. Т. 1: 823
Шелавин А.Н. Т. 2: 677, 794
Шеманский А.Д. Т. 1: 288; Т. 2: 314, 781
Шемякин К.Я. Т. 2: 411
Шепелева В.Б. Т. 1: 488

Шептицкий С. Т. 1: 765
 Шереметев А. А. Т. 2: 579
 Шереметьев К. И. Т. 2: 466
 Шереховский Н. В. Т. 2: 164, 293, 303
 Шестакова (Савченко-Маценко) Н. И. Т. 2: 317
 Шестун В. В. Т. 1: 287, 399, 401; Т. 2: 732
 Шехаев Б. А. Т. 1: 158, 219, 552; Т. 2: 845
 Шибаев Л. Н. Т. 2: 175, 182
 Шидловский М. Р. Т. 1: 76, 817
 Шидловский С. Н.
 Шиллинг Н. Н. Т. 2: 362
 Шило Н. И. Т. 1: 247, 282, 288
 Шиловский Е. А. Т. 1: 288, 479, 481, 492, 894; Т. 2: 207, 396, 553, 608, 725, 750, 761, 762, 770, 773, 776, 783
 Шильдбах (Литовцев) К. К., см. Литовцев (Шильдбах) К. К.
 Шиманская Л. М. Т. 1: 981, 983
 Шимунич Р. Т. 1: 318
 Шингарев А. И. Т. 1: 125
 Широков В. П. Т. 1: 287
 Широков В. П. Т. 1: 391; Т. 2: 303, 798
 Ширияев В. А. Т. 1: 612
 Шифнер-Маркевич А. М. Т. 1: 638, 965; Т. 2: 530, 788
 Шифрин П. Н. Т. 1: 288
 Сихлинский А.-А. И.-А.-оглы Т. 1: 776, 781; Т. 2: 199
 Сихов, владетель квартиры Т. 2: 255
 Шишкин В. И., генштабист Т. 1: 193, 195, 288, 995; Т. 2: 7, 26, 28, 97, 229, 337, 414, 415
 Шишкин В. И., исследователь Т. 1: 859, 868
 Шишковская Л. И. Т. 2: 426
 Шишковский Е. Е. Т. 1: 287, 960; Т. 2: 425, 426, 618, 619, 766
 Шишковский Н. Е. Т. 2: 425
 Шкеленко А. М. Т. 1: 166, 167, 638, 639; Т. 2: 796, 801
 Шкинский Я. Ф. Т. 1: 566; Т. 2: 792
 Шкляр-Алексюк) С. И. Т. 1: 463; Т. 2: 107
 Шкуро (Шкура) А. Г. Т. 1: 223, 571, 593, 600, 605, 618; Т. 2: 109
 Шлидт Г. И. Т. 1: 986; Т. 2: 75, 240
 Шлиффен А., фон Т. 1: 86; Т. 2: 753
 Шляпников А. Г. Т. 1: 135, 170; Т. 2: 414
 Шматько Т. 2: 364
 Шмигельский К. К. Т. 2: 240, 247, 248, 434
 Шмидт В. Н. Т. 2: 400
 Шнабель П. Ф. Т. 1: 288
 Шнеур А. К. Т. 1: 792, 795, 796; Т. 2: 240, 553, 657
 Шнеур В. К. Т. 1: 90

Шнигель, см. Шпигель
 Шокоров В. Н. Т. 1: 645
 Шомполонский (Шемполонский) К. Е. Т. 2: 714
 Шопен Ф. Т. 2: 525
 Шорин В. И. Т. 1: 425, 426, 494, 539, 540, 937; Т. 2: 204, 522, 663, 685
 Шорников Ф. Я. Т. 2: 240, 519
 Шостак З. Б. Т. 2: 225, 226
 Шохов М. Е. Т. 2: 182, 251
 Шпигель Е. П. Т. 2: 246
 Шпилько Г. А. Т. 1: 287, 516
 Шрейдер А. А. Т. 2: 221
 Штейнгардт В. Х. Т. 2: 232
 Штейфон Б. А. Т. 1: 55, 83, 163, 188, 222, 253, 254, 264, 268, 600, 606, 608, 812, 818, 824, 826, 964; Т. 2: 71, 135, 238, 240, 244, 403, 483, 518, 737, 791, 801, 816, 852
 Штеменко С. М. Т. 1: 10, 478; Т. 2: 81, 775, 779
 Штемпель М. И. Т. 1: 826
 Штубендорф А. О., фон Т. 1: 286, 287; Т. 2: 786
 Шуберский А. Н. Т. 1: 748; Т. 2: 642, 790
 Шубин, офицер Т. 2: 287
 Шуваев А. Д. Т. 2: 326, 666, 686, 724
 Шуваев Д. С. Т. 1: 117, 248; Т. 2: 436, 744
 Шукевич И. Л. Т. 1: 244, 294; Т. 2: 337, 459
 Шукевич Н. Л. Т. 1: 244
 Шульгин Б. В. Т. 2: 294
 Шульгин В. В. Т. 1: 1000; Т. 2: 140, 282, 285, 286
 Шумов Л. А. Т. 1: 287; Т. 2: 691, 692, 737
 Шурупов Д. Д. Т. 2: 608
 Шутко К. И. Т. 1: 388

Щаденко Е. А. Т. 2: 761
 Щастный А. М. Т. 1: 214; Т. 2: 261, 281
 Щепетильников, полковник Т. 1: 640
 Щепетов Н. Е. Т. 1: 287, 288
 Щепин Г. В. Т. 1: 860, 862, 863, 866, 867
 Щепихин С. А. Т. 1: 47, 55–57, 94, 95, 236, 239, 647, 653, 662, 669, 670, 675, 687, 688, 690, 818, 832, 859; Т. 2: 76, 105, 251, 252, 359, 390, 524, 536, 674, 675
 Щепкин Н. Н. Т. 2: 275, 276, 278, 345
 Щербаков Н. А. Т. 2: 677
 Щербаков Н. М. Т. 1: 144, 287; Т. 2: 101, 103
 Щербаков Н. С. Т. 1: 186
 Щербаков, генштабист
 Щербаков, есаул Т. 2: 245
 Щербаков, слушатель Т. 2: 59
 Щербачев Д. Г. Т. 1: 49, 78, 79, 133, 150, 165, 166, 966
 Щербинин Н. Ф. Т. 2: 163, 209
 Щербицкий Н. Л. Т. 1: 593, 846

Щербов-Нефедович П. О. Т. 1: 248; Т. 2: 303
 Щетинкин П. Е. Т. 2: 163
 Щеткин Н. И. Т. 1: 376
 Щолоков И. И. Т. 1: 236, 287, 934; Т. 2: 337, 459, 618
 Щорс Н. А. Т. 1: 207; Т. 2: 340
 Щуцкой Б. И. Т. 1: 747
 Эбелов М. И. Т. 1: 138; Т. 2: 303
 Эверсман Л. А. Т. 1: 401
 Эверт А. Е. Т. 1: 123, 131, 135, 136, 137, 232; Т. 2: 303, 304, 314, 436, 732
 Эверт Г. А. Т. 1: 611, 614; Т. 2: 141, 145, 385
 Эверт (Познанская) Н. И. Т. 1: 232
 Ээринг К. И. Т. 1: 441
 Эйдеман Р. П. Т. 2: 580, 752
 Эйдеман, комиссар Т. 2: 192
 Эйдук А. В. Т. 1: 988; Т. 2: 157, 231
 Эйхгольц А. Р. Т. 2: 461
 Эйхе Г. Х. Т. 1: 345, 347
 Экк Э. В. Т. 1: 757, 986; Т. 2: 788
 Эксе В. Ф. Т. 1: 527; Т. 2: 114, 427, 743, 795
 Элиава Ш. З. Т. 2: 680, 682
 Эллерц-Усов А. В. Т. 2: 295
 Эльснер Е. Ф. Т. 1: 151, 153, 244, 554, 555, 558; Т. 2: 434, 791
 Эльснер И. Е. Т. 1: 244
 Энвальд М. В. Т. 1: 921
 Энвер-паша Т. 1: 546; Т. 2: 685
 Энгель В. Н., фон Т. 1: 58
 Энгельгардт Б. А. Т. 1: 55, 125–129, 147, 212, 294, 553, 719, 807, 809, 832, 833; Т. 2: 557, 782, 785
 Энгельке В. А. Т. 1: 56, 594; Т. 2: 128
 Энгельке В. А. Т. 1: 616, 841; Т. 2: 433
 Энгельс Ф. Т. 1: 455
 Энглер Н. В. Т. 1: 282, 288; Т. 2: 21, 22, 25, 26
 Энден А. П., фон Т. 1: 282, 449, 698; Т. 2: 255, 797
 Энден М. М. Т. 2: 723, 724, 736
 Энкель К. Т. 2: 331
 Энкель О. К. Т. 1: 769; Т. 2: 403
 Эрдели И. Г. Т. 1: 49, 56, 151, 152, 200, 275, 554, 555, 559–561, 576, 814, 821, 824–826, 940; Т. 2: 343, 367, 386, 390, 401, 432, 479, 500, 514, 526
 Эрикссон Дж. Т. 1: 43
 Эристов, кн. Т. 2: 52
 Эфрон С. Я. Т. 1: 184

Юденич Н. Н. Т. 1: 60, 110, 120, 138, 207, 267, 502, 537–540, 551, 599, 698, 708, 710, 712–716, 720, 799, 825, 827–829, 854, 875, 877, 878, 933, 940, 961, 964, 965, 998; Т. 2: 123, 126, 158, 210,

258, 260, 261, 282–285, 318, 325, 354,
572, 585, 762, 786, 792, 819, 836, 852
Юдин П.И. Т. 1: 675
Юзефович А.М. Т. 1: 376
Юзефович Я.Д. Т. 1: 985; Т. 2: 8, 386
Юнаков Н.Л. Т. 1: 78, 142, 264, 268,
745, 747, 749, 756, 757; Т. 2: 403, 483,
487, 515, 638, 639, 641, 642, 648
Юренев К.К. Т. 1: 177, 895; Т. 2: 58, 59,
346, 347
Юршевский Я.Я. Т. 1: 282, 288, 475
Юрьев Б.А. Т. 2: 164
Юшко В.Л.

Яблонский А.Н. Т. 2: 461
Ягода А.Н. Т. 1: 288, 399, 463; Т. 2: 107, 131
Ягода Г.Г. Т. 2: 755
Ягодкин П.Я. Т. 1: 519
Ягунов П.А. Т. 2: 594, 596

Язвин К.Г. Т. 1: 231
Языков Н.М. Т. 2: 318
Языков С.М. Т. 2: 107, 145, 318, 320
Якимович А.А. Т. 1: 288
Якобсон А.И. Т. 2: 599
Яковлев А.А. Т. 1: 287; Т. 2: 632
Яковлев В.Б., см. Можаровский В.Б.
Яковлев В.В. Т. 2: 94
Яковлев Н.Н. Т. 1: 833
Яковлев, управляющий делами
Т. 2: 576
Яковлева В.Н. Т. 2: 279, 341
Яковский Н.В. Т. 1: 282, 288, 488, 893;
Т. 2: 777
Якубович Г.А. Т. 1: 127, 151, 248
Якубовский А.Н. Т. 2: 303
Якушкин М.Н. Т. 2: 337
Якушов Я.И. Т. 1: 294
Янишевский В.А. Т. 2: 560

Янковская М.М. Т. 2: 608
Янов Г.Д. Т. 1: 713
Яновский А.Я. Т. 1: 400; Т. 2: 189, 192,
552, 553, 751, 773, 775, 797, 845
Янсон К.И.(?) Т. 2: 560
Янсон Я.Д. Т. 1: 644
Янушевский Г.Е. Т. 1: 56, 745, 746, 748,
750, 752, 757, 758, 761, 814, 830, 883,
885; Т. 2: 647, 648
Янушкевич Н.Н. Т. 1: 49, 71, 72, 86, 88,
93, 110, 117, 137, 280; Т. 2: 303, 304
Япон, дашнак Т. 2: 202
Ярославский Е.М. Т. 1: 898, 899;
Т. 2: 764
Яроцкий Д.П. Т. 2: 645
Ярцев Г.В. Т. 2: 54, 294
Яцко И.В. Т. 1: 294, 320, 321, 439, 440,
454, 537; Т. 2: 380, 495, 599
Яцына Я.Т. 2: 653

Андрей Ганин

КАДРЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ 1917–1922 гг.

В 2 томах

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Кучково поле Музеон»

Редактор, корректор: *Нина Самбу*
Верстка и допечатная подготовка:
Борис Кащеев

ООО «Кучково поле Музеон»
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская,
д. 25, офис 5-2
Тел.: +7 (999) 917-11-04; +7 (977) 331-71-10
E-mail: sales@svyazepoh.ru
[https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/
kuchkovo-pole-muzeon.html](https://svyazepoh.ru/izdatelskie-proekty/kuchkovo-pole-muzeon.html)

Подписано в печать: 13.10.2023
Формат 70 × 100/16 (170×240 мм)
Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано:
АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный двор»
142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Тел.: (495) 270 73 59
sales@chpd.ru; www.chpd.ru

**В оформлении обложки использованы
фотографии:**

Т. 1.
Генерал А.И. Деникин в штабе Донской армии.
1919 г.
Белая армия. Фотопортреты русских офицеров.
1917–1922. Сост. В. Жуменко. Париж, 2007.

*Слева направо в первом ряду:
генералы В.И. Сидорин, А.П. Богаевский,
А.И. Деникин, И.П. Романовский.*

Т. 2.
Участники совещания командующих военными
округами Советской России. 1922 г.
Научный архив Института российской истории РАН

*Сидят слева направо: А.И. Корк, Н.Н. Петин,
А.И. Егоров, М.В. Фрунзе, С.С. Каменев,
К.Е. Ворошилов, П.П. Лебедев.
Во втором ряду: за М.В. Фрунзе –
В.С. Лазаревич (5-й справа), за С.С. Каменевым –
Ф.Ф. Новицкий (4-й справа), рядом с ним –
Н.В. Соллогуб (3-й справа).
В третьем ряду над А.И. Егоровым –
Б.М. Шапошников (4-й слева), Н.И. Муралов
(6-й слева), над К.Е. Ворошиловым –
И.Х. Паука (4-й справа),
В.Е. Гарф (крайний справа)*